ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СЕДЬМОЙ ГОДЪ.—ТОМЪ V.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста № 30. | Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ № 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1872.

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
КАНАЛЪ ЕКАТЕРИНИНСК. 100.
С.ПЕТЕРБУРГЪ

КТО ВИНОВАТЪ

въ

СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ?

И. Е. Забѣлину.

Мои сочиненія по русской исторіи не разъ подвергались въ печатной критикѣ превратнымъ толкованіямъ ихъ смысла и междустрочному чтенію. Мнѣ почему-то не разъ приписывали въ нѣкоторомъ родѣ коварные умыслы унижать или, какъ выражались нѣкоторые: сводить съ пьедестала знаменитыя лица отечественной исторіи. М. П. Погодинъ отличился въ этого рода обличеніяхъ еще въ 1864-мъ году, по поводу моей статьи о «Куликовской битвѣ», потомъ въ текущемъ году, выступивъ защитникомъ Скопина-Шуйскаго, противъ моей статьи «Личности смутнаго времени». Однако, въ то же время, когда одни, подобно г. Погодину, порицали меня за низведеніе съ пьедестала героевъ,—другіе, признавая за мною то же самое, отзывались съ похвалою. Я не могу принимать на свой счетъ ни порицаній, ни похвалъ въ такомъ смыслѣ, потому что никогда не задавалъ себѣ задачею сводить кого-нибудь съ пьедестала или вообще унижать и умалять историческія достоинства героевъ прошедшаго; о личностяхъ же смутнаго времени могу сказать это болѣе всего, такъ какъ я указывалъ только на неясность, темноту, недоразумѣнія и вопросы, возникающіе относительно опредѣленія характера, способностей и образа дѣйствій нѣкоторыхъ

личностей означенной эпохи. Само собою разумѣется, что такого рода пріемъ не можетъ считаться унизительнымъ; напротивъ, если кто, обративъ вниманіе на поставленные вопросы, постарается разрѣшить ихъ въ смыслѣ самомъ благопріятномъ для означенныхъ личностей и успѣетъ покрыть ихъ самыми яркими лучами славы, тотъ собственно разъяснитъ только то, что я намѣтилъ, и слѣдовательно его сочиненія не имѣли бы никакого полемическаго значенія противъ моей статьи.

Ученый споръ съ г. Погодинымъ — невозможенъ. Тотъ, кто станетъ отвѣчать ему, невольно будетъ похожъ на человѣка, котораго полицейскій чиновникъ притянулъ напрасно къ слѣдствію, и который на всѣ вопросы только и можетъ отвѣчать: не знаю, не говорилъ, это не такъ было сказано и пр. Г. Погодинъ относится къ явленіямъ отечественной исторіи такъ, какъ относился когда-то Ломоносовъ въ нападкахъ на Миллера, и состязаніе съ г. Погодинымъ не представляетъ никакого интереса для той части любителей русской исторіи, которая въ своихъ понятіяхъ шагнула далѣе ломоносовскихъ временъ.

Совсѣмъ иначе является другой мой антагонистъ И. Е. Забѣлинъ, напечатавшій въ «Русскомъ Архивѣ», издаваемомъ при Чертковской библіотекѣ, статью: «Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ смутное время». Статья эта посвящена разрѣшенію именно тѣхъ сторонъ, которыя я указалъ темными или двусмысленными, и заключаетъ въ себѣ взгляды и мнѣнія, діаметрально противоположныя моимъ. И. Е. Забѣлинъ—одна изъ самыхъ даровитыхъ, почтенныхъ и глубокосвѣдущихъ личностей, занимающихся и занимавшихся русскою исторіею и археологіею; мы привыкли уже такъ высоко уважать этого писателя, что еслибы намъ пришлось въ ратоборствѣ съ нимъ и положить оружіе, то намъ все-таки останется то утѣшеніе, что труды нашихъ писаній не пропали даромъ, если вызвали съ его стороны произведеніе, достойное его таланта и знаній.

Мы рѣшаемся вступить съ нимъ въ состязаніе съ цѣлью высказать еще яснѣе нѣкоторые наши взгляды, несходные съ его взглядами. Просвѣщеннымъ читателямъ предоставляется оцѣнить силу и справедливость нашихъ взглядовъ.

I.

И. Е. Забѣлинъ очень мало придаетъ значенія полякамъ въ смутное время; они у него, какъ говорится, съ боку припека: зло главное не въ нихъ; великій врагъ, волновавшій Русь въ началѣ XVII-го вѣка—это смута, засѣвшая въ боярствѣ и служиломъ сословіи, сословіи, которое представляется какъ бы скопищемъ мерзавцевъ, тогда какъ противъ этого скопища стоитъ другая стихія, здоровая, нравственно крѣпкая, чуждая смутъ, стихія эта, пользующаяся большимъ сочувствіемъ автора — народъ, сирота-народъ, какъ онъ его называетъ, употребляя старинный терминъ челобитныхъ.

Вотъ этотъ-то сирота-народъ поднялся по зову Минина, уже готовый прежде, бодрый духомъ, крѣпкій смысломъ и единодушіемъ, вручивъ предводительство достойному великому человѣку, князю Пожарскому, для спасенія отечества, растерзаннаго смутою, произведенною боярствомъ и служилыми.

Такой взглядъ на служилыхъ и неслужилыхъ преувеличенъ и показываетъ какъ-будто, что тѣ и другіе были людьми иного племени, языка, словно турки и греки въ оттоманской имперіи или какіе-нибудь остъ-готы, либо лонгобарды съ одной стороны, и римляне съ другой—въ Италіи. Мы не только сомнѣваемся въ возможности такого раздвоенія въ русскомъ народѣ, при которомъ служилые и неслужилые казались бы враждебными и какъ бы разноплеменными лагерями, но считаемъ это положительно невозможнымъ. Если у служилыхъ и у остальнаго народа и были свои интересы, то несравненно было болѣе признаковъ жизни общихъ тѣмъ и другимъ. Люди родовитые, люди служилые принадлежали къ одному и тому же народу съ тѣмъ земствомъ, которое такъ любитъ г. Забѣлинъ, противопоставляя его служилымъ. Между тѣми и другими не было еще того различія, какое въ болѣе позднее время возникло между высшими и низшими классами вслѣдствіе образованности, распространившейся въ высшихъ слояхъ; при томъ же, несмотря на всѣ предразсудки родовой чести (измѣрявшейся однако службою), служилые и неслужилые не оставались какими-нибудь восточными кастами. Частыя верстанья безпрестанно пополняли ряды служилыхъ людьми неслужилыми; даже въ дѣти боярскія верстали изъ гулящихъ людей, всякаго званія, давали имъ помѣстья, а дѣти боярскія выходили въ дворяне. Не говоримъ уже о болѣе низшихъ разрядахъ служилыхъ людей, безпрестанно пополняемыхъ тѣми, которые принадлежали къ массѣ сироты-народа. Не

только у дворянъ и дѣтей боярскихъ — у знатнѣйшихъ бояръ, даже въ царскихъ палатахъ мы видимъ одни нравы, одинакія понятія какъ и у народа. Понятно, что служилые и неслужилые имѣли одинъ складъ ума, однѣ добродѣтели, одни пороки. Общихъ тѣмъ и другимъ свойствъ и признаковъ жизни было такъ много, что невозможно приписывать исключительно одной только части русскаго народа явленій, обнимавшихъ строй всей русской исторіи.

Г. Забѣлинъ видитъ въ предшествовавшихъ временахъ исторію развитія той смуты, которую ставитъ въ вину однимъ служилымъ. «Ея историческіе корни, говоритъ онъ, уходятъ далеко въ глубину прожитыхъ вѣковъ и могутъ быть указаны чуть не на первыхъ страницахъ нашей исторіи. Ея корни скрывались всегда въ мятежномъ, самовластномъ, своевольномъ и крамольномъ духѣ той среды боярства, которая помнила свою первобытную старину. А этою стариною для боярства въ оное время было непререкаемое право княжеской дружины властвовать даже надъ самимъ княземъ, указывать ему, не выпускать его изъ своей воли: право очень древнее, которое въ первое время возникло естественно, было историческою необходимостью, и такъ сказать историческою нравственностью, твердымъ и благимъ уставомъ самой жизни. Но съ теченіемъ вѣковъ, по ходу исторіи, оно, если хотѣло быть добрымъ уставомъ жизни, должно было бы переродиться во что-либо новое, политически годное для дальнѣйшаго развитія народной исторіи. Между тѣмъ въ теченіи этихъ вѣковъ, особенно въ періодъ княжескихъ междоусобій, оно еще больше усиливало свои старыя, допотопныя начала жизни, и поддерживало въ Землѣ такую же нескончаемую смуту.

«Началомъ дружинной жизни (если объяснять ихъ одними только существенными, хотя и рѣзкими чертами) были своеволіе и самовластіе, властолюбіе и честолюбіе, добываніе высокихъ столовъ для своего князя, т.-е. великихъ старшихъ волостей или княженій, слѣдовательно жадность къ захвату новой власти и многаго имѣнія. Все это, конечно, утверждалось на первобытномъ историческомъ корнѣ отношеній дружины-боярства къ лицу своего князя, и въ первую пору вполнѣ единило интересы дружины съ интересами князя по той причинѣ, что въ ту пору и самъ князь, въ собственныхъ глазахъ, былъ столько же главою Земли, сколько главою дружины, былъ самъ только первымъ дружинникомъ, и въ своихъ дѣйствіяхъ преслѣдовалъ лишь свои эгоистическія цѣли. Очень понятно, что такія начала и даже задачи жизни должны были воспитывать дру-

жинную боярскую среду особымъ образомъ, должны были вырабатывать ея нравы и обычаи по особому складу, нисколько не помня о благѣ и добрѣ всей Земли».

Нельзя не признать въ этихъ словахъ значительной доли правды, но также нельзя не видѣть односторонности, преувеличенія и смѣшенія понятій. Не слѣдуетъ, во-первыхъ, смѣшивать дружину княжескую съ боярами. Въ числѣ дружинниковъ были бояре, но въ то же время можно было быть бояриномъ, не будучи дружинникомъ. Бояре въ древней Руси принадлежали землѣ; то были богатые и вліятельные землевладѣльцы. По крайней мѣрѣ, въ Новгородѣ и Псковѣ, которыхъ исторія намъ извѣстнѣе, бояре являются никакъ не въ значеніи княжеской дружины: борьба противъ нихъ чернаго народа, иногда вспыхивавшая въ Новгородѣ, была борьбою не противъ княжескихъ дружинниковъ, а противъ своей же земской братіи, возвысившейся надъ прочими, противъ земскихъ аристократовъ. Въ «Русской Правдѣ» бояре выразительно отличаются отъ дружины: «аже въ боярѣхъ или въ дружинѣ кто умретъ?»; и въ лѣтописяхъ бояре нерѣдко именуются принадлежащими городу или землямъ (чтб, конечно, одно и то же, такъ какъ городъ былъ средоточіемъ своей земли и по старинному образу выраженія означалъ землю), а не особѣ князя: бояре кіевскіе, вышегородскіе, галицкіе, ростовскіе. Что бояре земскіе были близки къ князю—это естественно, такъ какъ князь былъ правитель земли, а бояре богатѣйшими и вліятельнѣйшими ея членами; что, при добрыхъ отношеніяхъ къ князю, они поддерживали его и, такимъ образомъ, составляли лучшую часть его дружины—это также вполнѣ естественно. Но не только бояре, и княжеская дружина (за исключеніемъ развѣ отдаленныхъ языческихъ временъ или же тѣхъ аномалій, которыя замѣтны на югѣ, когда князья ходили въ походъ на челѣ инородческихъ шаекъ) не составляла по существу своего чего-то составленнаго изъ иныхъ элементовъ, отличныхъ отъ земщины и тѣмъ самымъ не была діаметрально противоположна земщинѣ. Дружина была неизбѣжнымъ явленіемъ при удѣльности князей, а удѣльность князей соотвѣтствовала древней раздѣльности земель. Сбивчивости нашихъ представленій о многихъ явленіяхъ старой жизни способствуетъ усвоенное со школьной скамьи понятіе, будто вначалѣ была какая-то единая русская земля, а потомъ раздробилась на княженія и отсюда потекли на нее всякія бѣдствія. Наоборотъ, въ глубокой древности жили разрозненные народцы, у которыхъ, если быть можетъ и существовали начатки сознанія племенной связи, то ужъ никакъ не настолько зрѣлые, чтобы образовать между народцами прочное единеніе. Народцы эти, какъ гласятъ

преданія и какъ слѣдовало ожидать по свойствамъ человѣческой природы, то и дѣло что ссорились между собою. Кіевскіе князья языческаго періода начали ихъ сшивать на живую нитку, но сшивка эта ограничивалась тѣмъ, что ихъ обдирали, когда можно было, да призывали вмѣстѣ грабить византійскую имперію. Только съ распространеніемъ христіанства и съ развѣтвленіемъ одного княжескаго рода по всѣмъ Землямъ наступаетъ періодъ единенія, которое, начинаясь съ крайней разрозненности, клонилось прежде къ федеративному строю, а потомъ уже, впослѣдствіи, въ силу новыхъ толчковъ, повернуло къ иной формѣ. Стало обычаемъ, что земля должна имѣть у себя князя изъ одного на Руси дома; стало необходимостію, чтобы при князѣ, правителѣ и охранителѣ земли была постоянная военная сила: то была дружина. Откуда же набиралась эта дружина? Были въ ней и иностранцы, были русскіе изъ иныхъ земель, но главная сила ея, по крайней мѣрѣ въ большей части русскихъ земель, состояла изъ уроженцевъ той земли, гдѣ княземъ былъ тотъ, кому она служила; такимъ образомъ, дружина не теряла связи и общихъ интересовъ съ землею. Что дружина князя состояла изъ людей той же земли—рѣзко и наглядно показываетъ примѣръ изъ многомятежной жизни Изяслава Мстиславича кіевскаго, который, будучи изгнанъ изъ Кіева, вмѣстѣ съ дружиною, говорилъ послѣдней: «вы есте по мнѣ изъ русские земли вышли своихъ селъ, а своихъ жизній лишився, а язъ пакы своея дѣдины и отчины не могу перезрѣти, но любо голову свою сложю, пакы ли отчину свою налѣзу и вашю всю жизнь». Изъ кого же состояла дружина этого князя? Конечно, изъ тѣхъ же земскихъ людей, кіянъ, которые прежде признали его своимъ княземъ на вѣчѣ отъ мала до велика. Собственно дружина была только органомъ земской дѣятельности. Дружинники не составляли замкнутаго сословія; люди всякаго происхожденія возвышались и достигали большого значенія. Такъ мы встрѣчаемъ въ чинѣ знатныхъ лицъ поповичей, напр. Александра Поповича или Судьича, попова внука и даже происходившихъ изъ смердовъ (два беззаконника отъ племени смердья). Въ Новгородѣ въ болѣе позднее время дружина князя или намѣстника состояла изъ пришельцевъ не-новгородцевъ, но все-таки русскихъ.

Конечно, бывали не рѣдкіе случаи, когда дружинники съ своими князьями преслѣдовали эгоистическія цѣли и наносили вредъ русскимъ землямъ; и это бывало особенно тогда, когда князь съ дружиною, составленною изъ жителей той земли, гдѣ онъ жилъ и княжилъ прежде, нападалъ на чужую землю и княженіе, а на готовѣ у него была помощь инородцевъ; но вина зла этого не можетъ

падать на однихъ дружинниковъ: вина эта крылась во всемъ настроеніи русскаго общества, и свойства дружинниковъ не были ихъ исключительными свойствами, чуждыми остальной массы земщины, изъ которой они происходили.

Задавшись мыслію отыскивать вездѣ враждебныя отношенія дружины къ земщинѣ, можно и не обратить вниманія на то, что въ нашихъ лѣтописяхъ подъ «дружиною» разумѣется не всегда только военная сила князя, но это слово принималось и въ смыслѣ болѣе широкомъ, въ значеніи кружка людей вліятельныхъ или благопріятствующихъ, хотя бы они не составляли княжеской дружины въ тѣсномъ смыслѣ. Такъ, между прочимъ, въ повѣствованіи о тѣхъ новгородцахъ, которые, во времена Ярослава Владимировича, готовившагося идти на Кіевъ, перебили поставленныхъ у нихъ въ домахъ варяговъ, а потомъ были сами коварно избиты княземъ въ Ракомѣ, этотъ князь, жалѣя о погибшихъ, называетъ ихъ своею «любою дружиною». А вѣдь это были земскіе люди, нарочитые мужи, домовладѣльцы новгородскіе, и конечно у Ярослава была иная дружина, дружина въ тѣсномъ значеніи, которая и содѣйствовала избіенію новгородцевъ въ Ракомѣ. Мы находимъ также основаніе предполагать, что въ словахъ лѣтописи о томъ, какъ Владимиръ, «любя дружину и съ ними думая о строи земленѣмъ, о ратѣхъ и уставѣ землянѣмъ», разумѣется дружина въ обширномъ смыслѣ, такъ что къ этой дружинѣ, то-есть къ кругу людей, близкихъ къ князю, относились даже духовныя лица; именно: вслѣдъ за тѣмъ, какъ бы для поясненія, какимъ образомъ Владимиръ думалъ съ дружиною о строи землянѣмъ, и о ратѣхъ и о уставѣ землянѣмъ, повѣствуется, какъ онъ, по совѣту епископовъ, сталъ казнить разбойниковъ, а потомъ, по совѣту епископовъ и старцевъ, вмѣсто смертной казни, началъ брать виры, принимая въ разсчетъ необходимые расходы на войну (и рѣша епископы и старци: рать многа: оже вира, то на оружьи и на конехъ буди. И рече Володимиръ: тако буди). Точно также нѣсколько строкъ предъ тѣмъ, гдѣ описывается, какъ пировавшіе съ Владимиромъ изъявили желаніе ѣсть серебряными ложками, а не деревянными, слово «дружина», по ходу рѣчи, имѣетъ обширное значеніе. На пиру у Владимира были: боляре, гриды, сотскіе, десятскіе, и нарочитые мужи. Когда они подпили, то начали роптать на князя за ложки. Владимиръ, потакая ихъ прихоти, называетъ ихъ общимъ именемъ «дружины» (повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, рекъ сице: яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато). Слова о невозможности найти дружину за золото и серебро показываютъ, что здѣсь

идетъ рѣчь о нравственно близкихъ людяхъ, о друзьяхъ Владимира, а не о наемныхъ воинахъ, состоящихъ на платѣ, какихъ именно и можно пріобрѣсть за серебро и золото. Въ иномъ мѣстѣ лѣтописи, въ описаніи изгнанія изъ Кіева Изяслава Ярославича, происшедшаго въ 1067 году, кіевляне, готовясь освободить полоцкаго князя изъ темницы съ его двумя сыновьями, говорятъ: «Пойдемъ высадимъ дружину свою изъ погреба.» Здѣсь слово «дружина» еще въ болѣе обширномъ смыслѣ, чѣмъ прежде; здѣсь она вообще означаетъ лицъ дружелюбныхъ, друзей. Такимъ образомъ, самое слово «дружина» на нашемъ старомъ языкѣ не означало всегда только того, что̀ подъ этимъ словомъ разумѣютъ историки, составившіе теорію о противоположности дружины и земщины. Понятно, какъ слѣдуетъ осторожно приступать къ какимъ бы то ни было выводамъ по этому вопросу.

Но болѣе всего г. Забѣлинъ не правъ по отношенію къ временамъ болѣе позднимъ, ко временамъ усиленія московскаго государства и объединенія Руси подъ властію Москвы. «Не захотѣвши сдѣлаться слугою Землѣ, она (дружина) за это самое должна была сдѣлаться слугою князя. Ея общіе съ нимъ интересы стали расходиться все дальше, древняя дружба стала разстраиваться. Стремясь за общеземскими цѣлями, князь въ Москвѣ выросъ цѣлою головою выше старыхъ дружинныхъ связей и отношеній. Стремясь исключительно только за своими личными цѣлями и интересами, дружина понизилась до значенія холопства. Но не выучившись ничему новому, она крѣпко держала въ памяти свое старое, крѣпко жила своими старыми преданіями, и не думала измѣнять своимъ древнимъ нравамъ и обычаямъ. Собравшись въ Москвѣ около своего государя самодержца, она все еще думала, что это только первый дружинникъ, и стала постоянно заводить тѣ же самыя исторіи, какими была ознаменована жизнь прежнихъ волостныхъ и удѣльныхъ князей. Главнѣйшимъ пунктомъ дружиннаго самоволія и властолюбія, какъ прежде такъ и теперь, являлось наслѣдованіе престола и вообще малолѣтство или неспособность наслѣдника. Въ эти времена съ необыкновенною силою просыпались необузданныя и ничѣмъ неукротимыя стремленія дружинниковъ захватить господство надъ властію и Землею въ свои руки. Здѣсь въ полной мѣрѣ обнаружилось самое существо древнедружиннаго обычая—это неизмѣнное стремленіе властвовать надъ Землею, а не служить Землѣ... Въ государевой Москвѣ древніе дружинники долго старались заводить эту рознь, поддерживая удѣльныхъ, возбуждая споры и смуты о разныхъ наслѣдникахъ, вообще же стремясь овладѣть государевою властію. Однако, идея государственнаго единства, перешаг-

нувши черезъ множество неповинныхъ жертвъ, восторжествовала. Но въ этой безпощадной борьбѣ за единодержавіе и самодержавіе государя, династія, по весьма понятнымъ причинамъ, уничтожая самое себя, должна была къ концу истощить свои силы и совсѣмъ угаснуть».

Историческій ходъ событій представляетъ намъ совсѣмъ противное тому, чтó здѣсь высказано. Конечно, можно все это подтвердить отдѣльно взятыми исключительными фактами, насильственно давая имъ предумышленное значеніе; но историкъ долженъ составлять свои приговоры не на основаніи только единичныхъ отрывочныхъ явленій, а принимать во вниманіе то, чтó совершалось въ ихъ цѣльности, въ связи, отъ начала до конца; такимъ только образомъ можно указывать и опредѣлять характеръ и направленіе вѣка, народа или сословія.

Дружинникамъ ставятъ въ вину, что они сдѣлались слугами князя, а потомъ его холопами. Но какъ же могло быть иначе, когда сами князья были холопами и рабами завоевателей, и съ ними вся Русь охолопилась до мозга и костей. Татарское господство совершенно сбило ее съ той, хотя и своеобразной, но по духу исторіи все-таки средневѣковой европейской дороги, по которой она шла до половины XIII-го вѣка. Мы не думаемъ искать какихъ-нибудь высокихъ идеаловъ, осуществившихся въ до-татарской Руси. Нѣтъ; и тогда было варварство, но варварство европейское, тогда какъ, послѣ татарскаго завоеванія, Русь погрузилась въ варварство азіатское. Первое, при всѣхъ своихъ темныхъ сторонахъ, хотя медленно, хотя съ уклоненіями, хотя болѣе или менѣе узкимъ и туго расширявшимся кругомъ участниковъ движенія, а все-таки шло на пути къ идеалу личной свободы человѣка, къ выработкѣ политическихъ и гражданскихъ правъ, понятій о чести и долгѣ; для послѣдняго не было другихъ общественныхъ идеаловъ, кромѣ постояннаго страха за существованіе, самоуничиженія и хитраго раболѣпства передъ безграничною эгоистическою силою, чѣмъ бы ни была эта сила: верховною ли властію деспота, твердо сидящаго на своемъ тронѣ, или разнузданною наглостію успѣвающаго бунтовщика. Понятно, что московскіе князья, освобождаясь, въ силу обстоятельствъ, отъ чужеземнаго деспотизма и захватывая въ свои руки ту верховную власть, которая выпадала изъ одряхлѣвшихъ рукъ хановъ Золотой Орды, послѣдовали за тѣмъ образцомъ, который былъ имъ близокъ отъ отца и дѣда, за образцомъ восточнаго деспота; понятно, что и пособники ихъ должны были слѣдовать за образцомъ подчиненія, съ какимъ были знакомы и дѣлаться холопами. Мы не скажемъ, впрочемъ, чтобъ на Руси не оста-

валось уже ни жизненныхъ слѣдовъ, ни воспоминаній о прошломъ, но эти слѣды и воспоминанія были до того, такъ сказать, завалены наносами прожитой народомъ въ послѣдующія времена исторіи, что развѣ великія бури и крутыя потрясенія могли бы снести эти наносы. Слѣдуетъ замѣтить, что остатки византійскихъ государственныхъ понятій, хотя въ нихъ уже издавна было много азіатскаго, не дали восточной Руси сдѣлаться совершенною ордою; ихъ вліяніе вмѣстѣ съ религіею сообщило ей образъ государственнаго механизма.

Ничто такъ не содѣйствовало возвышенію московскихъ князей и ихъ стремленію къ собиранію русскихъ земель, какъ дружинное или служилое (какъ оно послѣ стало называться) сословіе. Москва наполнялась людьми этого сословія—боярами и вольными слугами, приходившими отовсюду служить московскимъ великимъ князьямъ. При сохраненіи права свободнаго отъѣзда бывали случаи и противные — отъѣзжали изъ Москвы въ удѣлы, но число такихъ, въ сравненіи съ числомъ приставашихъ къ московскимъ князьямъ изъ удѣловъ, было незначительно. При ихъ-то помощи и содѣйствіи эти князья укрѣплялись, расширяли свои владѣнія, возвышались надъ прочими князьями. Покореніемъ удѣловъ, напр. Нижняго, Владиміра, Рязани, Твери они были обязаны тѣмъ, что тамошніе дружинники перешли на московскую сторону. То же, вѣроятно, дѣлалось и въ мелкихъ удѣлахъ; за дружинниками князья ихъ, оставленные безъ вооруженной силы, стали именовать себя холопами московскаго князя. Вначалѣ, пока московскіе великіе князья не были еще слишкомъ сильны, пока имъ предстояла борьба съ удѣльными князьями, которой успѣхъ зависѣлъ отъ перехода служилыхъ на московскую сторону, понятно, что они относились къ своимъ боярамъ какъ къ совѣтникамъ. Но отношенія перемѣнились уже съ Ивана III: это былъ самовластный деспотъ, нетерпѣвшій вокругъ себя никого, кромѣ холоповъ. Сынъ его Василій превзошелъ родителя, такъ что современникамъ Иванъ III, въ сравненіи съ своимъ преемникомъ, представлялся добродушнымъ и привѣтливымъ государемъ. Герберштейнъ, посѣщавшій Москву при Василіи, говоритъ: «никто не смѣетъ разноголосить съ государемъ, не только, что противорѣчить ему: воля государя—Божья воля»! Иностранцу того времени строй московской державы представлялся безпредѣльно самодержавнымъ. А кто же довелъ до этого, какъ не служилое сословіе, покорявшееся обстоятельствамъ? Не только не препятствовало оно развитію идеи государственнаго единства, какъ увѣряютъ насъ, а напротивъ — оно-то и было главнѣйшимъ органомъ этого развитія.

Вопреки словамъ г. Забѣлина, будто дружинное самоволіе проявилось во время малолѣтства наслѣдника, мы просимъ читателей припомнить тотъ многознаменательный фактъ, какъ во время малолѣтства Димитрія Донского бояре успѣли сохранить за нимъ великое княженіе, преслѣдуя какъ будто приросшую къ Москвѣ идею первенства надъ Русью. Вѣроятно, г. Забѣлинъ намекаетъ на смуты во время малолѣтства Ивана Грознаго. Но много ли г. Забѣлинъ покажетъ намъ примѣровъ въ исторіи монархическихъ государствъ, когда малолѣтство сироты-государя, требовавшее регентства, не было временемъ пререканій, недоразумѣній и смутъ? Явленіе—черезъ-чуръ, общеисторическое, чтобы на немъ основывать характеристику цѣлаго сословія. Да и что же въ самомъ-то дѣлѣ мы видимъ: ссоры лицъ, не болѣе, а не борьбу партій за какіе-нибудь принципы. Вотъ, если бы Бѣльскіе, Шуйскіе, Воронцовы стояли за какія-нибудь измѣненія порядка въ государствѣ съ цѣлію расширить и упрочить права своего сословія или своей партіи на счетъ самодержавной власти—иное дѣло; но этого мы не видимъ.

Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, эти необузданныя, ничѣмъ неукротимыя стремленія дружинниковъ захватить господство надъ властію и Землею въ свои руки? Гдѣ эта безпощадная борьба за единодержавіе и самодержавіе государя? Пусть намъ покажутъ ее! Мы видимъ только вѣрныхъ и ревностныхъ рабовъ: только тогда, когда уже тяжело кому-нибудь покажется жить, тотъ убѣгаетъ! Неужели это борьба, да еще безпощадная? Покажите намъ хотя одинъ примѣръ, когда представитель самодержавной власти выходилъ съ войскомъ противъ полчища враговъ самодержавія? Покажите намъ хоть одинъ заговоръ съ цѣлію ниспровергнуть форму правительства? Мы видимъ безчисленное множество казней, совершавшихся по подозрѣнію, а не видимъ дѣйствительныхъ попытокъ произвести перевороты въ государствѣ, съ цѣлію подорвать единодержавіе и самодержавіе государя. Мы видимъ, какъ при дворѣ одни противъ другихъ враждуютъ, строятъ одни другимъ козни, роютъ одни подъ другими ямы, но по отношенію къ верховной власти всѣ они покорные холопы. При Иванѣ Грозномъ представляется намъ единственный примѣръ, когда царь, какъ онъ самъ впослѣдствіи сознавался, нѣкоторое время управлялъ по совѣту Сильвестра, Адашева и ихъ сторонниковъ, и какъ бы находился подъ ихъ опекою. Но все это касалось только личности Ивана, а не царскаго самодержавія вообще въ его идеѣ. Самъ Иванъ, по трусости, поддался нравственному вліянію умныхъ личностей, успѣвшихъ въ короткое время именемъ царя совершить истинно великія дѣла; но какъ мало расположены

были эти люди поставить прочныя границы самодержавію и единодержавію, показываетъ то, что царь всѣхъ ихъ разогналъ, истребилъ, а потомъ уже многіе годы совершалъ чудеса тиранства, и все сходило ему съ рукъ. Мысль г. Забѣлина, что рюрикова династія должна была къ концу истощить свои силы и совсѣмъ угаснуть, болѣе, чѣмъ непонятна. У Ѳедора могли быть дѣти, и Рюриковъ родъ преспокойно бы размножался. По отношенію къ политическимъ событіямъ московскаго государства, предшествовавшимъ смутамъ, возникшимъ по прекращеніи рюриковой династіи, это прекращеніе есть фактъ чисто случайный, зависѣвшій отъ физическихъ причинъ и не состоящій съ ними въ связи.

Едвали въ силахъ доказать г. Забѣлинъ, будто закрѣпощеніе крестьянъ было дѣломъ интригъ боярскаго властолюбія. Мѣра эта, насколько намъ извѣстно, предпринята была въ тѣхъ видахъ, чтобы остановить усилившіеся побѣги и народныя переселенія, грозившія опустѣніемъ центру государства, и была въ свое время нужнѣе для государственныхъ цѣлей, чѣмъ для интересовъ землевладѣльцевъ.

Вѣрный своей задачѣ—накладывать какъ можно болѣе черноты на бояръ и служилое сословіе, и какъ можно болѣе въ привлекательномъ видѣ изображать своего «сироту-народъ», г. Забѣлинъ, переходя къ эпохѣ смутъ въ началѣ XVII-го вѣка, причину всѣхъ этихъ смутъ взваливаетъ исключительно на тотъ же служилый классъ: «Смуту искони производилъ, а теперь распространилъ ее на всю Землю именно пластъ служебный, по древнему дружинный, а нынѣ уже холопій». Авторъ изображаетъ прекращеніе Рюриковой династіи въ видѣ смерти хозяина дома, послѣ котораго слуги-холопи бросились расхищать его достояніе, а сирота-народъ долго стоялъ предъ домомъ покойника и все видѣлъ и все слышалъ, что тамъ творилось, и прямо назвалъ все это дѣло воровствомъ и всѣхъ заводчиковъ смуты ворами. Изъ ближайшаго разсмотрѣнія событій и обстоятельствъ той эпохи, о которой идетъ рѣчь, оказывается не то: напротивъ, смуту распространялъ тотъ самый сирота-народъ, который г. Забѣлинъ возводитъ въ идеалъ, а служилые только отчасти примыкали къ нему. Мы говоримъ о казачествѣ, разумѣя не особый родъ войска, извѣстный подъ этимъ именемъ, а вообще ту массу народа, которая искала воли и принимала это названіе въ его первоначальномъ, болѣе общемъ значеніи вольнаго человѣка. Казачество въ этомъ смыслѣ выражало собою протестъ народа противъ государственныхъ тягостей. Люди, какъ скоро имъ становилось или казалось невыносимымъ отъ суровости властей и тяготы поборовъ и повин-

костей — бѣжали. Крестьянинъ уходилъ изъ волости, посадскій изъ посада; и тотъ и другой избавлялся побѣгомъ отъ участія въ платежахъ, работахъ и службахъ, увеличивая тѣмъ самымъ тягость тѣхъ, которые оставались на мѣстѣ жительства,—боярскій холопъ бѣжалъ изъ боярскаго дома, бѣгалъ подъ часъ и служилый человѣкъ, избавляясь отъ государской службы. Бѣжать было дѣломъ обычнымъ: посадскіе люди и крестьяне безъ зазрѣнія въ своихъ челобитныхъ обѣщали, въ случаѣ отягощеній, разбрестись врознь. Бѣжать было куда: на югѣ и на востокѣ было много пустыхъ пространствъ, гдѣ можно было селиться, укрываясь отъ руки правительства. Но сосѣдство съ хищническими ордами дѣлало этихъ бѣглецовъ воинами; такимъ образомъ, сложилось военное общество, носившее названіе казаковъ, названіе, безъ сомнѣнія, заимствованное отъ татаръ. Къ сожалѣнію, появленіе казачества до сихъ поръ остается еще неизслѣдованнымъ. Замѣчательно, что почти одновременно тяга народа на югъ и образованіе казачества совершалось какъ изъ московскаго государства, такъ и изъ русскихъ земель, принадлежавшихъ Польшѣ, и въ образованіи великорусскаго казачества, котораго ядро было на Дону, участвовалъ элементъ малорусскій. Это усматривается, вопервыхъ, въ нарѣчіи, которое до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ въ южномъ краѣ Донской Земли, обличаетъ смѣсь малорусской рѣчи съ великорусскою; во-вторыхъ—въ одинаковости названій чиновъ и въ сходствѣ устройства; въ-третьихъ, въ томъ, что въ движеніяхъ великорусскихъ казаковъ всегда почти принимали участіе малоруссы. Хотя война была главнымъ занятіемъ казаковъ, но у нихъ слагались своего рода идеалы общественнаго строя, которые они хотѣли видѣть осуществимыми: идеалы эти были противоположны государственнымъ порядкамъ. Вмѣсто подчиненія, казакъ считалъ личность свою ни отъ кого независимой; вмѣсто разверстокъ, разрубовъ, даней — казакъ зналъ равный дуванъ дохода отъ добычи и добровольную складку на общее дѣло; вмѣсто міра— у казаковъ былъ вольный казачій кругъ; казакъ не признавалъ для себя законною иной власти, кромѣ той, которая выбрана въ этомъ вольномъ кругу и могла быть имъ же смѣнена; не терпѣлъ казакъ никакого тягла и прикрѣпленія, признавая право каждому приходить откуда угодно и уходить куда угодно, не терпѣлъ никакой неволи, господства человѣка надъ человѣкомъ, никакого холопства: казакъ днѣпровскій сталъ прирожденный врагъ польскаго пана, а донской ненавидѣлъ московскаго боярина; и тотъ и другой съ радостію принимали въ свою братскую семью бѣжавшихъ панскихъ и боярскихъ рабовъ и подданныхъ. У казака сложилась и своя, единственно допускаемая имъ, форма земле-

владѣнія: право каждому считать своею собственностію ту усадьбу, на которой онъ живетъ, и ту землю, которую самъ обработываетъ. Казакъ не зналъ различія людей по породѣ и ненавидѣлъ его. Всѣ власти, сверху поставленныя именемъ царя, или короля, были ему равно противны, и только по отношенію къ самымъ коронованнымъ особамъ казаки удерживались отъ открытой вражды, готовы были помогать имъ и служить, но съ тѣмъ чтобъ послѣдніе не мѣшались въ ихъ дѣла, и сами казаки считали себя отъ нихъ независимыми, а на свои услуги они смотрѣли какъ на добровольныя. Такъ какъ казацкое общество безпрерывно пополнялось новыми бѣглецами, то они не могли отрѣшиться отъ прежняго своего отечества, оторваться отъ всѣхъ его интересовъ, и потому, при удобномъ случаѣ, покушались къ враждебнымъ выходкамъ противъ государства. Ихъ казацкая страна была безъ границъ, какъ ихъ казацкая воля; отъ этого они стремились расширить ее на счетъ того государства, изъ котораго бѣжали сами или ихъ отцы. Такъ украинскіе казаки успѣли захватить и оказачить значительную часть южной Руси, хотя за то, во многомъ, измѣнили первоначальнымъ казацкимъ идеаламъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ мы видимъ подобное стремленіе у великорусскихъ казаковъ: во время возстаній, предпринимаемыхъ противъ государства, казаки старались захватить города и уѣзды, истребить въ нихъ поставленное отъ верховной власти начальство и ввести казацкое устройство.

Такъ было при Стенькѣ Разинѣ; то же повторялось во время бунтовъ Булавина и Некрасова. Смутное время московскаго государства въ началѣ XVII-го в. было такъ сказать школою, воспитавшею и укрѣпившею казачество. Правда, мы въ это время еще почти не видимъ положительнаго стремленія къ оказаченію страны, введенія формъ новой организаціи, но за то казачество сильно дѣйствовало отрицательнымъ способомъ, разъѣдая и истощая ненавистное ему государство. Народъ почуялъ, что сковывающія его государственныя цѣпи ослабѣли, искалъ воли, но для него идеалъ свободнаго человѣка былъ только идеалъ казака или подобіе его. Украинныя земли на югъ отъ Оки сильно прониклись казачествомъ: тамъ не было ни промысловъ, ни торговли, жители были и бѣднѣе и отважнѣе; сосѣдство съ казаками увлекало ихъ. На сѣверѣ, гдѣ въ городахъ были промышленники и торговцы, люди зажиточные и домовитые, казацкій духъ распространялся сравнительно менѣе. Тогда, какъ извѣстно, къ казакамъ примыкали не только тѣ, которые носили это званіе, но и вообще всякіе искатели воли, и въ томъ числѣ разбойничьи шайки также величали себя казаками; да и другіе не отнимали отъ нихъ

такого званія, только къ слову казаки прибавляли слово «воровскіе». Всѣ казацкія и казачествующія шайки составлялись изъ голи—голытьбы, бѣдняковъ, дышавшихъ ненавистью столько же къ богатымъ, сколько къ знатнымъ. Черный народъ, именно тотъ сирота-народъ, который г. Забѣлинъ выставляетъ противникомъ смутъ, производимыхъ будто бы служилымъ сословіемъ, былъ главнѣйшею стихіей тогдашней смуты. Онъ-то приставалъ къ тушинскому вору, онъ наполнялъ его казацкія шайки, именемъ обманщика волновались населенные этимъ народомъ посады и волости; этотъ же сирота-народъ давалъ подмогу и поддержку всѣмъ другимъ ворамъ той же эпохи. Только тогда, когда для него стало ясно, что желанная воля такимъ путемъ не добывается, когда и поляки и свои удальцы проучили его — онъ опомнился, однако все-таки склоняясь покорно подъ гнетомъ властей, сохранилъ за собою способность, при всякомъ удобномъ случаѣ, приставать къ воровскому знамени и доставлять изъ своей массы контингентъ для разъѣданія государственнаго порядка: это и въ будущемъ показали всякіе народные бунты до Пугачева включительно. Люди родовитые и вообще служилые, въ своемъ большинствѣ, всегда составляли консервативный элементъ: и въ смутное время Шаховскіе, Мосальскіе, Трубецкіе составляли временное исключеніе, точно такъ, какъ, напримѣръ, въ полчищѣ Богдана Хмельницкаго были исключеніями пристававшіе къ нему шляхтичи. Странно на такомъ основаніи утверждать, что шляхта сочувствовала казацкимъ возстаніямъ, но мало чѣмъ менѣе странно утверждать, вмѣстѣ съ г. Забѣлинымъ, что смуту производили бояре и служилые, а сирота-народъ постоянно былъ охранителемъ спокойствія и государственнаго порядка. Если единодержавіе и самодержавіе вели съ кѣмъ безпощадную борьбу, то именно съ этимъ «сиротою».

Мы, однако, не станемъ, въ обратномъ смыслѣ, поступать подобно г. Забѣлину, и, взваливая вину смутъ на черный народъ, признавать правыми родовитыхъ и служилыхъ. Ужъ если кого обвинять, то прежде всего послѣднихъ, вмѣстѣ съ верховнымъ правительствомъ, которое они поддерживали и служили его органами, обвинять за то, что они своимъ неумѣлымъ управленіемъ ставили народъ въ такое положеніе, что онъ получилъ наклонность производить смуты. Но мы обвинять кого-нибудь считаемъ неумѣстнымъ. Виноваты ли тѣ и другіе, когда предшествовавшіе вѣка и обстоятельства воспитали ихъ поколѣнія за поколѣніями въ извѣстныхъ понятіяхъ, обычаяхъ и привычкахъ? Виноваты могутъ быть люди только тогда, когда имъ

предстоитъ возможность и удобство отличать лучшее отъ худшаго и выбирать одно изъ другого. Подобнаго положенія относительно сферы политической жизни въ московской исторіи не было тамъ, гдѣ не было такого умственнаго развитія, при которомъ возможенъ былъ выборъ. Люди дѣйствовали сообразно положеніямъ, въ которыя, мимо ихъ намѣреній, ставили ихъ обстоятельства, истекавшія изъ естественнаго сцѣпленія фактовъ.

II.

Г. Забѣлинъ считаетъ неимѣющею историческаго значенія легендою записанный въ лѣтописи, отысканной г. Мельниковымъ, разсказъ о томъ, какъ Мининъ говорилъ нижегородцамъ о бывшемъ ему явленіи св. Сергія, какъ Биркинъ заявилъ-было сомнѣніе, а Мининъ заставилъ его замолчать, пригрозивъ объявить православнымъ кое-что такое, что зналъ за Биркинымъ. Г. Забѣлинъ смущается даже тѣмъ, что лѣтописный отрывокъ этотъ извѣстенъ только по рукописи XVIII-го вѣка.

Во всемъ этомъ разсказѣ, какъ и во всемъ повѣствованіи, къ которому онъ принадлежитъ, нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Повѣствованіе, очевидно, составлено было во времена очень близкія къ описываемымъ событіямъ. Явленія святыхъ и разныя таинственныя видѣнія были въ ходу въ эту эпоху: объ этомъ говорится и въ Никоновской лѣтописи. Народъ, утомившись отъ бѣдствій, послѣ многихъ неудачныхъ усилій избавиться отъ нихъ, ожидалъ помощи свыше и потому всякое возбужденіе, обращенное къ народу, должно было дѣйствовать сильнѣе, когда подкрѣплялось свидѣтельствомъ объ участіи высшихъ силъ. Притомъ же, явленіе св. Сергія Минину наканунѣ воззванія его къ нижегородцамъ записано и въ чудесахъ св. Сергія: это обстоятельство подтверждаетъ справедливость извѣстія, передаваемаго лѣтописью. Являлся ли чудотворецъ Сергій дѣйствительно Минину, или Мининъ выдумалъ это нарочно для того, чтобъ лучше подѣйствовать на народъ, мы не беремся рѣшать; по духу вѣка могло быть и то и другое. Люди умные вѣрили въ чудеса и явленія святыхъ, но также, при случаѣ, для благой цѣли, не считали предосудительнымъ и сочинить. Такимъ образомъ, Курбскій, восхваляя Сильвестра, соглашается, что, быть можетъ, чудеса, которыми онъ дѣйствовалъ на царя Ивана, были мечтательныя, однако не только не находитъ такого обмана дурнымъ дѣломъ, а напротивъ еще прославляетъ за это мнимаго чудотворца, называя его благокозненнымъ льстецомъ и сравниваетъ

съ врачемъ, прибѣгающимъ иногда къ обману, когда приходится ему подавать непріятное лекарство дѣтямъ. Отчего же Мининъ не могъ себѣ позволять того, что позволялъ Сильвестръ, личность не менѣе знаменитая и почтенная въ русской исторіи?

Что касается до Биркина, то отношеніе къ нему Минина въ томъ положеніи, въ какомъ находились тотъ и другой, вполнѣ заслуживаетъ вѣроятія. Г. Забѣлинъ порицаетъ меня за то, что я слово «сумняшеся» понялъ и выразилъ въ томъ смыслѣ, что Биркинъ сомнѣвался въ дѣйствительности видѣнія, бывшаго Минину. Но въ лѣтописномъ разсказѣ смыслъ, къ чему относится слово «сумняшеся», черезъ-чуръ ясенъ. Передъ тѣмъ только было сказано, что Мининъ говорилъ нижегородцамъ: мнѣ являлся св. Сергій и велѣлъ разбудить спящихъ; затѣмъ говорится, что Биркинъ усомнился. Въ чемъ же Биркинъ могъ усомниться, какъ не въ томъ, что Мининъ говоритъ правду, что Минину дѣйствительно было видѣніе? Все здѣсь такъ ясно, что и толковать-то нечего! Драгоцѣнное сказаніе рисуетъ намъ событіе безъ всякой легендарности и наглядно представляетъ черты того времени, разъясняя намъ то, на что, безъ этого, у насъ были только намёки. Биркинъ былъ соперникъ Минина, но собственно не врагъ самому начинанію; ему, какъ человѣку завистливому и себялюбивому, хотѣлось быть первымъ; ему досадно было, что первымъ дѣлается не онъ, а Мининъ. Это качество проявляется и въ послѣдующихъ поступкахъ этой личности (такъ понялъ Биркина и нашъ историкъ Соловьевъ, т. VIII, стр. 448). Биркину сразу хотѣлось подорвать авторитетъ Минина. Но Мининъ, съ своей стороны, какъ человѣкъ умный и осторожный, разсчелъ, что не слѣдуетъ въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ возбуждать домашнія ссоры, тѣмъ болѣе, что въ прочитанной передъ тѣмъ грамотѣ всѣ слышали убѣжденія оставить всякія недоразумѣнія и неудовольствія. Мининъ зналъ нехорошія дѣла за Биркинымъ и имѣлъ возможность ихъ обличить, но уличая соперника всенародно, онъ тѣмъ самымъ бросилъ бы съ перваго раза зародышъ раздоровъ; у Биркина, конечно, были свои благопріятели, которые стали бы за него заступаться, да наконецъ уже одно то было бы дурно, что вниманіе нижегородцевъ отъ великаго общественнаго предпріятія, къ которому ихъ хотѣлъ подвинуть Мининъ, отвлечено было бы къ домашнимъ дрязгамъ. И вотъ благоразумный Мининъ довольствуется только угрозою Биркину употребить, въ случаѣ крайности, то оружіе, которое у него есть въ запасѣ, если Биркинъ не перестанетъ заявлять себя противъ Минина. И Биркинъ, естественно, не будучи увѣренъ, что одолѣетъ Минина, не

рѣшается вступать съ нимъ въ открытую вражду, и уступаетъ до поры до времени. Все это до чрезвычайности правдоподобно, отнюдь не легендарно и не могло быть никакъ составленнымъ въ позднее время, когда уже самое имя Биркина должно было забыться или во всякомъ случаѣ потерять живой интересъ современности. Мой достопочтенный критикъ ставитъ мнѣ въ вину и то, что, передавая слова, произнесенныя Мининымъ Биркину, я прибавилъ—*тихо* сказалъ. Однако, тотъ же мой критикъ говоритъ слѣдующее: «Мы вовсе не думаемъ отнимать у историка принадлежащее ему право возстановлять сухой и черствый фактъ во всей его живой истинѣ, при помощи даже поэтическихъ и драматическихъ прикрасъ». А если такъ, то какое же преступленіе, когда я, для объясненія и полноты, употребилъ черту, въ живой истинѣ которой едва ли можетъ возникнуть сомнѣніе? Какъ же могъ сказать召 Mининъ Биркину, если не тихо? Если бы онъ сказалъ эти слова громко, то это равнялось бы исполненію той угрозы, которая заключалась въ произнесенныхъ Мининымъ словахъ.

Что касается до того обстоятельства, что повѣствованіе, отысканное г. Мельниковымъ, извѣстно по списку XVIII-го вѣка, то это само по себѣ не можетъ умалять достоинства источника до того, чтобъ лишать его достовѣрности. Иначе пришлось бы уничтожить древнюю лѣтопись, называемую «Несторовою», такъ какъ списковъ ея нѣтъ ранѣе XIV-го вѣка.

Г. Забѣлинъ силится доказать несправедливость моего вывода, состоящаго въ томъ, что, по силѣ приговора, составленнаго Мининымъ, бѣдные отдавались въ кабалу богатымъ. «Фантазія эта, — говоритъ мой достоуважаемый противникъ — основана на буквальномъ толкованіи извѣстной рѣчи Минина: дворы, женъ и дѣтей закладывать и продавать, слова, которыя онъ самъ внесъ въ приговоръ». Да въ томъ-то и вся суть, что *внесъ въ приговоръ*. Въ этомъ приговорѣ положительно говорится: «быти имъ во всемъ послушнымъ и не противитися ни въ чемъ, а для жалованья ратнымъ людямъ имать у нихъ деньги, а если денегъ не достанетъ, имати у нихъ не точію животы ихъ, но и женъ и дѣтей имая отъ нихъ закладывати, чтобъ ратнымъ людемъ скудости не было» (Нов. Лѣт. 145). Мы не имѣемъ поводовъ не вѣрить существованію приговора, а смыслъ приведенныхъ изъ него словъ до того ясенъ, что не допускаетъ никакихъ изворотовъ. Намъ говорятъ, что до этого не должно было доходить, потому тогда брали пятую, а по другому извѣстію третью деньгу, слѣдовательно во всякомъ случаѣ извѣстный процентъ. Но, вопервыхъ: въ самомъ приговорѣ указывается, какъ поступать, если

деньги не достанетъ, во-вторыхъ: нельзя понимать этого такъ, чтобы слова пятая или третья деньга относились исключительно къ наличной звонкой монетѣ, иначе была бы допущена вопіющая несправедливость: брали бы съ тѣхъ, у кого были наличныя деньги и не подвергали бы участію въ общей повинности тѣхъ, у кого не было на-готовѣ монеты, но были промыслы и имущества, приносящія доходъ. Слова третья или пятая деньга мы понимаемъ такъ, что они означаютъ вообще третью или пятую часть цѣнности имуществъ. Если же только хозяева принуждены были отчуждать значительную часть своего имущества, то понятно, что кабала была неизбѣжнымъ явленіемъ, какъ она вообще въ древней русской жизни была дѣломъ обычнымъ и истекала изъ народныхъ нравовъ того времени. Даже и тогда, когда у хозяевъ было имущество, они могли находить для себя болѣе легкимъ отдавать въ кабалу членовъ своей семьи богачамъ, которые за нихъ заплатятъ часть слѣдуемую отъ нихъ на общее дѣло, и поступившіе въ кабалу могли въ теченіи годовъ отслужить заплаченное; это для отцовъ семействъ было удобнѣе, чѣмъ сразу лишиться значительной части имущества, черезъ то самое разориться, и въ концѣ концовъ идти уже быть можетъ въ вѣчную кабалу съ семействомъ. Сомнѣваться въ практическомъ примѣненіи составленнаго Мининымъ приговора значитъ увлекаться тою театральностію, которую г. Забѣлинъ отыскиваетъ у другихъ, и которою напротивъ г. Забѣлинъ самъ страдаетъ. У него Мининъ настоящій театральный герой псевдоклассической трагедіи, по правиламъ которой великій человѣкъ непремѣнно долженъ быть представленъ ходячимъ магазиномъ всѣхъ добродѣтелей, идеально-прекраснымъ существомъ высшей породы, чуждымъ не только пороковъ, но даже слабостей своего вѣка. Г. Забѣлину не нравится, что у меня Мининъ выходитъ какъ будто диктаторомъ, потому что «въ старомъ земствѣ нашемъ всякій, даже копѣечный сборъ и на всякій случай всегда неотмѣнно производился міромъ, по его разверсткамъ и разрубамъ, по самому возможно вѣрному распредѣленію, кому что въ силахъ платить». Наконецъ уже то, что Мининъ выбранъ былъ земскимъ старостою, достаточно, по мнѣнію моего противника, указываетъ въ пользу Минина: «онъ долженъ былъ имѣть типическія черты, которыми народъ вообще опредѣлялъ это важное въ его быту званіе и которыя, конечно, не могли быть худыя или сомнительныя черты».

Ужъ если нашъ почтенный противникъ для характеристики дѣйствій Минина ссылается на формы обычнаго въ тѣ времена выборнаго управленія, которыя такъ превозноситъ, то и намъ позволено будетъ указать на примѣръ, какъ земскій староста, вы-

бранный всенародно, показалъ такія «худыя или сомнительныя черты», которыя могли повести къ подачѣ на царское имя челобитной въ томъ, что этотъ староста, по словамъ посадскихъ, «въ нашихъ мірскихъ дѣлахъ учинилъ большое дурно, а въ денежныхъ приходахъ и въ расходахъ чинилъ большую хитрость, а себѣ корысть. Да онъ же староста подговаривался къ воеводѣ и къ таможенному откупщику, пьетъ и ѣстъ съ ними безпрестанно, и ночи просиживаетъ, а на насъ сиротъ твоихъ, посадскихъ людей, воеводѣ и откупщику наговариваетъ, и воевода, стакався съ откупщикомъ и имъ земскимъ старостою насъ сиротъ твоихъ продаютъ и убытчатъ бо̂льшею продажею и убытками, и мы сироты твои отъ такова озорничества и отъ напрасныхъ продажъ и убытковъ промыслишковъ своихъ отбыли и въ конецъ погибли и оскудѣли. Да онъ же староста Иванъ Смолянинъ, будучи у нашихъ мірскихъ дѣлъ, стакався съ воеводою, порядился у уѣздныхъ людей на нынѣшій 173-й годъ съ цѣловальники къ денежному сбору избиралъ онъ, Иванъ, ямскіе и полоняньныя деньги и законнаго даточнаго сборовъ и съ недорослей, по рублю съ двора, и отъ тѣхъ зборныхъ денегъ онъ, Иванъ Смолянинъ, имѣлъ себѣ большую подмогу, а насъ, сиротъ твоихъ, ввелъ въ смуту съ уѣздомъ и въ остуду великую» (Акты гор. Шуи, I. 324).

Мы бы могли привести также мѣста изъ наказовъ воеводамъ, гдѣ послѣднимъ поручается охранять посадскихъ и волостныхъ людей отъ ихъ же братіи, находившейся въ выборныхъ должностяхъ, но не хотимъ утомлять читателей выписками, тѣмъ болѣе, что г. Забѣлину, какъ знатоку нашей внутренней исторіи, это хорошо извѣстно. Мы указываемъ на эти черты, вовсе не желая тѣмъ сказать, что Мининъ былъ такой же земскій староста, какимъ представляются подобные Ивану Смолянину; мы думаемъ только видѣть въ этихъ примѣрахъ опроверженіе того мнѣнія, какое имѣетъ г. Забѣлинъ о важности мірского управленія, разверстокъ и разрубовъ и о характерѣ земскихъ старостъ вообще. Г. Забѣлинъ доказываетъ, что Мининъ, по своему положенію, не могъ быть диктаторомъ. Достаточно можно видѣть, что даже въ качествѣ земскаго старосты, Мининъ имѣлъ возможность быть диктаторомъ, а тѣмъ болѣе въ томъ положеніи, въ какомъ находился исключительно передъ всѣми земскими старостами, будучи выбранъ къ важному дѣлу, касавшемуся всей русской земли, получивъ приговоръ, въ которомъ всѣ обѣщали повиноваться ему во всемъ, имѣя такимъ образомъ, по словамъ лѣтописателя, власть и силу. Г. Забѣлинъ, толкуя слова «власть въ людяхъ», говоритъ, что это вовсе не значитъ, чтобъ Мининъ имѣлъ власть надъ людьми, это означаетъ только, что возбуждалъ къ себѣ

дитріи. Но если такъ, то тѣмъ крѣпче и неограниченнѣе была его власть. По мнѣнію г. Забѣлина, Мининъ не могъ быть человѣкомъ суроваго и крутого нрава, потому что онъ былъ выбранъ, а по нашему — оттого-то, вѣроятно, его и выбрали, что знали его за человѣка суроваго и крутого нрава; тогда именно таковъ и былъ нуженъ, а не добродушный мямля. Многіе примѣры въ исторіи разныхъ народовъ указываютъ намъ, что въ критическія минуты общество для своего спасенія, довѣряя власть одному изъ своей среды, всегда предпочитаетъ человѣка энергическаго и крутого, потому что только такой характеръ и въ состояніи навести страхъ на эгоистическія побужденія отдѣльныхъ личностей и направить ихъ къ общей цѣли. Если вѣрить г. Забѣлину, при Мининѣ все шло согласно, всѣ должны были принести долю своего достатка: каковъ былъ достатокъ, такова была и доля; дѣло тѣмъ и кончалось. Свидѣтельства источниковъ, однако, говорятъ не совсѣмъ такъ. Въ томъ же лѣтописномъ сказаніи, на которое г. Забѣлинъ опирается, говоря о третьей и пятой деньгѣ, прибавляется (Арх. Калач. I. 37): «а у иныхъ и силою начали отнимать». Да и самъ Мининъ не слишкомъ полагался на единодушіе нижегородцевъ, когда, получивъ отъ нихъ приговоръ, поспѣшилъ отправить его подалѣе «боялся, да не отнимутъ его паки».

Г. Забѣлинъ касается также толоконцовскаго дѣла, упомянутаго мною въ моей статьѣ: «Личности Смутнаго Времени». Г. Забѣлинъ замѣтилъ въ немъ невѣрность времени, и въ этомъ мы съ нимъ совершенно соглашаемся. Приводя прежде извѣстіе объ этомъ дѣлѣ, я не имѣлъ права перемѣнить указанія года и числа, не видѣвъ самъ лично акта, о которомъ мнѣ сообщилъ достопочтенный П. И. Мельниковъ. Оказывается, что просьба бортниковъ была подана царю Михаилу. Такъ какъ, по изысканіямъ г. Забѣлина видно, что лица, поименованныя въ грамотѣ, вѣдали большимъ дворцомъ уже съ воцаренія Михаила, то, вѣроятно, въ доставленномъ мнѣ спискѣ сдѣлана описка и 7120-й годъ поставленъ вмѣсто 7122-го. Сущность дѣла отъ этого неизмѣняется; она состоитъ въ томъ, что по жалобѣ толоконцовскихъ бортниковъ отправленъ для обыска Антонъ Рыбушкинъ, и по обыску толоконцовскіе бортники, жаловавшіеся на Минина, оказались правы. «Но толоконцовцы—говоритъ г. Забѣлинъ—могли легко и прибавить о посулахъ, какъ въ подобныхъ челобитныхъ обыкновенно прибавлялись всякія вещи для бо̀льшаго объясненія своей правоты». Конечно, могли, но точно также можно наводить сомнѣніе на справедливость какъ всѣхъ вообще жалобъ на противозаконные поступки начальныхъ людей, такъ равно и всѣхъ вообще

обвинительныхъ рѣшеній по такимъ жалобамъ. Дѣйствительно, обвиненіе на Минина въ посуловзимательствѣ и кривосудіи могло быть поклепомъ, но оно могло быть и справедливымъ, такъ какъ эти пороки были въ духѣ онаго времени и въ нравахъ общества, среди котораго жилъ и родился Мининъ.

Г. Забѣлинъ подробно излагаетъ біографію Пожарскаго и упоминаетъ о всѣхъ его дѣяніяхъ, доказывающихъ его безупречное поведеніе. Такъ какъ на счетъ этого я уже высказалъ свой взглядъ (Смутн. Вр. III. 245, 260. — Личн. Смутн. Врем. «В. Е.» іюнь 1871), непротиворѣчащій г. Забѣлину, то не считаю нужнымъ теперь распространяться. Замѣчу только, что достопочтенный авторъ не безпристрастно относится къ Пожарскому, стараясь обратить во вредъ Лыкову его заявленія о томъ, что Пожарскій при царѣ Борисѣ доводилъ на Лыкова «многіе затѣйные доводы, что будто онъ, Лыковъ, сходясь съ Голицынымъ да съ княземъ Татевымъ, про него, царя Бориса, разсуждалъ и умышлялъ всякое зло, а его мать, Дмитріева, княгиня Марья, въ ту же пору доводила царицѣ Марьѣ на матерь его, Лыкова, что будто она, Лыкова, съѣзжаючись съ княгинею Оленою, женою князя Василія Ѳедоровича Шуйскаго-Скопина и будто ся разсуждали про нее, царицу и про царевну Оксенью злыми словесы, и за эти затѣйные доводы царь Борисъ и царица Марья на мою мать и на меня (говоритъ Лыковъ) положили опалу и стали гнѣвъ держать безъ сыску». По мнѣнію г. Забѣлина, Лыковъ клеветалъ на Пожарскаго. Очень могло быть, что Пожарскій доводилъ на Лыкова не по затѣйнымъ доводамъ, и доносъ его былъ не «лганье», какъ выражался Лыковъ, а дѣйствительно Лыковъ съ Татевымъ разсуждали о царѣ Борисѣ. Но едва ли Лыковъ указывалъ Шуйскому на такое дѣло, которое вовсе никогда и никакъ не происходило; едва ли Лыковъ рѣшился бы лгать такъ, что его могли тотчасъ обличить; болѣе вѣроятія, что со стороны Пожарскаго были доносы на Лыкова. Тогда было время доносовъ. Г. Забѣлинъ, называя заявленіе Лыкова сплетнею, на той же сплетнѣ основывается самъ: «изъ сплетни Лыкова—говоритъ онъ—видно, что Пожарскій съ матерью были въ приближеньѣ у царя Бориса». Слѣдовательно, изъ одного и того же извѣстія г. Забѣлинъ принимаетъ то, что̀ не вредитъ чести Пожарскаго, а противное отвергаетъ. Впрочемъ, если Пожарскій въ числѣ многихъ очутился въ числѣ наушниковъ тирана, этого ставить ему въ упрекъ нельзя; дѣло было обычное и въ тогдашнихъ нравахъ. Черта эта показываетъ только, что Пожарскій былъ въ то время, если не ниже, то не выше другихъ по своему нравственному достоинству. То же можно вывести и

въ споровъ о мѣстничествѣ. Пожарскій былъ до нихъ охотникъ, за что и платился, даже уже послѣ своей славы, и мы не можемъ согласиться съ нашимъ достопочтеннымъ противникомъ, что Пожарскій носитъ въ себѣ черты наиболѣе гражданскія, и наименѣе боярскія и дворянскія; мѣстническіе счеты, которыми такъ испещряется біографія Пожарскаго, противорѣчатъ этоми приговору и представляютъ Пожарскаго лицомъ чисто служилымъ.

III.

Теперь перейдемъ къ самому важному вопросу. Г. Забѣлинъ держится такого мнѣнія, что поляки были менѣе опасные враги, чѣмъ своя внутренняя смута, и поэтому не только оправдываетъ Пожарскаго за его медленность въ Ярославлѣ, но видитъ въ этомъ доказательство высокаго благоразумія и способностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень не жалуетъ Авраамія Палицына, который не одобрялъ этой медленности, видитъ въ его исторіи пустое риторство, умышленную ложь, хвастовство и желаніе преувеличить заслуги своего Троицко-Сергіева монастыря.

Намъ кажется, что задачею Пожарскаго было только прогнать изъ Москвы чужестранцевъ, разрушить ту тѣнь русскаго правительства, которая, прикрываясь личиною законности, могла еще, при удобномъ случаѣ, даже противъ собственнаго желанія членовъ, составлявшихъ это правительство, волновать край именемъ Владислава, надобно было уничтожить фактически призрачное царствованіе Владислава и открыть путь къ избранію царя изъ русскихъ людей; усмирять же смуту и умиротворять землю было задачею новоизбраннаго царя и его правительства, а не Пожарскаго. До того времени необходимо было, сосредоточивъ дѣятельность на изгнаніи поляковъ, сходиться даже и съ противными себѣ элементами, если только и они были противъ чужеземцевъ. Надобно было помнить русскую пословицу: свои собаки грызутся, чужая не приставай! Признавать за поляками того времени мало опасности, значитъ относиться слишкомъ легко къ тогдашней исторіи. Неудача поляковъ происходила отъ той легкомысленности, съ какою поляки очень часто не умѣли пользоваться собственными силами, но нельзя не обращать вниманія на эти силы, такъ какъ при нѣкоторыхъ условіяхъ была возможность ими и воспользоваться. Польша въ тѣ времена обладала обаятельною, искусительною нравственною силою. Не говоря уже о превосходствѣ польской цивили-

заціи передъ такими странами, какъ московская Русь, польская шляхетская свобода была могучее орудіе. Польша была такая нація, которая способна была всякую страну, добровольно ли къ ней прильнувшую или покоренную оружіемъ, привязать къ себѣ дарованіемъ своихъ шляхетскихъ правъ высшему сословію этой страны, передавая ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ порабощеніе низшіе слои народа. Такъ Польша поступила въ Литвѣ и въ тѣхъ русскихъ провинціяхъ, которыя уже были соединены съ нею. Всѣмъ извѣстно, какъ скоро успѣла Польша въ этихъ послѣднихъ не только привязать къ себѣ, но совершенно ополячить туземное высшее сословіе. Не далѣе какъ внуки, а иногда даже дѣти тѣхъ, которые отличались ревностію къ православію, стали фанатиками латинства, господствовавшаго въ Польшѣ. Обыкновенно такое перерожденіе приписываютъ іезуитамъ. Конечно, іезуиты играли здѣсь важную роль, но и безъ нихъ Польша въ своемъ строѣ имѣла много поглощающихъ и преобразующихъ силъ. Безъ іезуитовъ распространеніе католичества шло бы туже, православіе держалось бы долѣе, но перерожденіе дворянства совершилось бы одинаково: извѣстно, что самые ревностные защитники православія, долѣе другихъ державшіеся противъ увлекающаго потока, уносившаго отеческую вѣру, писали по-польски сочиненія въ защиту православной церкви, усвоили себѣ совершенно польскую рѣчь, польскіе нравы и были истыми поляками по своимъ понятіямъ и политическимъ симпатіямъ. То же произошло бы и въ московской Руси, еслибъ только поляки успѣли хоть сколько-нибудь установиться на ея почвѣ. Вначалѣ избраніе Владислава не было дѣломъ противнымъ боярамъ и дворянамъ: они, какъ извѣстно, бросались просить милостей у Сигизмунда, когда онъ стоялъ подъ Смоленскомъ, русскимъ городомъ, пытаясь отнять его у державы, избравшей его сына въ цари. Не даромъ въ актахъ того времени мы встрѣчаемъ такую характеристику русскихъ людей: «только бъ не отъ Бога посланъ и такого досточуднаго дѣла патріархъ не учинилъ, и за то кому было стояти; не токмо вѣру попрати, хотя бы на всѣхъ хохлы хотѣли учинити, и за то бъ никто слова не смѣлъ молыти» (А. А. Эксп. II. 321). Еслибы Сигизмундъ дѣйствовалъ иначе, и Владиславъ былъ коронованъ въ Москвѣ, коренное перерожденіе русскихъ пошло бы какъ по маслу. Бояре и дворяне сейчасъ бы почувствовали, что имъ дышется легко, что надъ ними не стало всемогущаго батога и, напротивъ, этотъ батогъ очутился въ ихъ рукахъ надъ остальнымъ русскимъ народомъ. Все, что только возвышалось по происхожденію, по званію надъ прочими,—все это пристало бы къ

польской сторонѣ; все начало бы полячиться и отвращаться отъ народности своихъ предковъ. Вотъ тогда наступило бы на самомъ дѣлѣ такое раздвоенiе народа, которое воображаетъ себѣ существовавшимъ г. Забѣлинъ и котораго не было еще; это раздвоенiе наступило бы вовсе не оттого, чтобы въ служиломъ сословiи были располагавшiя къ этому свойства, чуждыя остальному русскому народу; это раздвоенiе возникло бы потому, что полякамъ, по ихъ натурѣ и по ихъ цѣлямъ, нужно было бы вырвать одну часть народа изъ цѣлой его массы и возвысить для того, чтобы привязать къ себѣ, но возвысить ее можно было не иначе, какъ даровавши ей преимущества, вредныя для остального народа, доводящiя его до порабощенiя. Конечно, прочности въ этомъ порядкѣ вещей не могло быть; польскому торжеству скоро наступилъ бы конецъ: по мѣрѣ бо́льшаго порабощенiя и униженiя, народная громада теряла бы терпѣнiе, возбуждался бы въ ней нацiональный духъ, ненависть къ иноземному, стремленiе сбросить съ себя иноземное тяжелое ярмо; въ Руси былъ уже готовый элементъ для противодѣйствiя давленiю сверху; этотъ элементъ было казачество, народъ нашелъ бы въ немъ для себя опору и средоточiе: поднялось бы страшное народное возстанiе, произошло бы то же, что черезъ полвѣка происходило въ южной Руси, только въ большемъ размѣрѣ. Но то было еще вдалекѣ, а въ ближайшемъ—успѣхъ поляковъ повелъ бы за собою измѣну высшихъ слоевъ русскаго народа.

Дѣло было попорчено, но еще могло поправиться для Польши. Еще въ Кремлѣ былъ польскiй гарнизонъ; еще тамъ находилось русское правительство въ лицѣ бояръ, которые, даже и по неволѣ, должны были дѣлать угодное полякамъ. Сигизмундъ съ Владиславомъ могли прiѣхать въ Кремль; казаки не выдержали бы: они ужъ и такъ боялись прихода Ходкѣвича и умоляли земское ополченiе выручить ихъ. Но у поляковъ были не одни только Гонсѣвскiе да Струси, у нихъ былъ Жолкѣвскiй—человѣкъ высокаго таланта, уже показавшiй себя московскимъ людямъ, умѣвшiй въ равной степени и поражать и обольщать ихъ. Бояре разослали бы грамоты по всему государству о прибытiи законнаго царя, съ успокоительными завѣренiями на счетъ вѣры и съ обѣщанiями разныхъ льготъ и милостей служилому сословiю. Появленiе этого царя произвело бы сильное волненiе, образовалась бы многочисленная партiя въ его пользу. Владиславъ могъ бы скоро короноваться: элассонскiй архiерей былъ къ услугамъ. Обрядъ коронованiя возвысилъ бы его еще болѣе. Если уже въ царствованiе Михаила Θедоровича, когда на престолѣ въ Москвѣ сидѣлъ царь вполнѣ законный, избранный

всею землею, прибытіе Владислава не осталось безъ вліянія были случаи измѣны, въ Москвѣ народъ волновался,—то что̀ же было бы, если бы Владиславъ прибылъ въ то время, когда кромѣ него не было еще лица, носившаго, по праву избранія титулъ царя, когда Москва со всею ея святынею была бы въ его рукахъ, когда первѣйшіе бояре московскаго государства уговаривали бы покориться царю, котораго они выставляли въ качествѣ законнаго государя? Что̀ бы дѣлалъ тогда Пожарскій въ Ярославлѣ? Неужели его защитники станутъ приписывать ему невозможную прозорливость, скажутъ, что онъ предвидѣлъ, что будетъ такъ, какъ сдѣлалось? Неужели Пожарскій могъ знать то, чего не знали и поляки? Вѣдь сидѣвшіе въ Кремлѣ держались до такой крайности, что начали ѣсть другъ друга, именно оттого, что были увѣрены въ скоромъ прибытіи Сигизмунда и Владислава!

Но казаки? Но примѣръ Ляпунова? говорятъ намъ. На это мы замѣтимъ, что время, когда дѣйствовалъ князь Пожарскій, было уже не то, когда дѣйствовалъ Ляпуновъ. Вліяніе и могущество Заруцкаго ослабѣли. Явнымъ доказательствомъ этому служитъ то, что какъ только приблизилось земское ополченіе—онъ бѣжалъ. Казаки въ большинствѣ не послѣдовали за нимъ. Самое гнусное покушеніе на жизнь Пожарскаго только свидѣтельствуетъ о слабости Заруцкаго; злодѣй чувствовалъ, что проиграетъ, когда явится Пожарскій, и можетъ быть еще поставленъ будетъ въ необходимость дать отчетъ въ своихъ поступкахъ, а потому и прибѣгнулъ къ такому средству. Спрашиваютъ: что вышло бы по отношенію къ казакамъ, если бы Пожарскій послушался увѣщаній троицкихъ властей и явился бы подъ Москвою ранѣе? Вышло бы то же, что случилось, когда Пожарскій пришелъ и позже. Казаки ворчали на земскихъ людей, а все-таки вмѣстѣ съ ними бились противъ поляковъ. Казаки не любили земскихъ, но ненавидѣли поляковъ еще болѣе.

Ставятъ даже Пожарскому въ заслугу то, что онъ посылалъ отряды противъ казаковъ, появившихся около Антоньева монастыря и Пошехонья. Полагаютъ, что и по этой причинѣ ему не слѣдовало идти къ Москвѣ. Но что значитъ Антоньевъ монастырь около Бѣжецка и какое-нибудь Пошехонье, когда дѣло шло объ освобожденіи Москвы, сердца государства, о предупрежденіи опасности новаго вторженія иноземной силы и возможности страшныхъ потрясеній и волненій во всемъ государствѣ? Однако, не случилось такихъ бѣдствій, которыя могли бы случиться, скажутъ намъ, слѣдовательно Пожарскій своею медленностію не принесъ вреда. Да; не случилось, и оттого-то теперь есть возможность превозносить подвиги Пожарскаго и воз-

водить его въ великіе люди. Сигизмундъ съ Владиславомъ не пришли въ пору—и Московское государство было избавлено отъ тѣхъ невзгодъ и смятеній, какія послѣдовали бы за ихъ своевременнымъ приходомъ. Но исторія не можетъ разсматривать событій безотносительно къ причинамъ ихъ. Избавленіе Руси отъ грозившихъ ей бѣдствій можно приписывать скорѣе заступничеству святыхъ московскихъ чудотворцевъ, чѣмъ Пожарскому.

По нашему убѣжденію, изъ всей подробной біографіи Пожарскаго, изложенной г. Забѣлинымъ, оказывается не то, чего хотѣлъ достопочтенный авторъ. Пожарскій является личностію политически-честною, человѣкомъ благодушнымъ, но по своимъ способностямъ совершенно рядовымъ, дюжиннымъ, однимъ изъ многихъ. Случай временно вынесъ его изъ ряда, поставилъ его на видномъ мѣстѣ, а ошибки его враговъ помогли тому, что его собственныя ошибки не принесли вреда. Тѣмъ не менѣе, однако, по сравнительной скудости источниковъ для уясненія его характера, мы считаемъ все-таки опрометчивостію произнести объ немъ такой приговоръ. Замѣтимъ одно немаловажное обстоятельство. Уже послѣ воцаренія Михаила мы встрѣчаемъ не разъ Пожарскаго больнымъ. Онъ страдалъ чернымъ недугомъ. Что же, если, быть можетъ, эта болѣзнь играла роль и въ его прежней дѣятельности? Онъ могъ быть дѣйствительно человѣкомъ съ гораздо бо́льшими способностями, чѣмъ кажется по дѣламъ своимъ, но болѣзнь препятствовала ему проявить ихъ во всей силѣ. Поэтому-то, какъ и по другимъ признакамъ, возбуждающимъ безотвѣтные вопросы, мы все-таки, какъ прежде говорили, причисляемъ Пожарскаго къ личностямъ, которыя, по недостатку источниковъ, тускло отпечатлѣлись въ исторіи.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ за старца Авраамія Палицына.

Г. Забѣлинъ обвиняетъ его въ слѣдующемъ: «Дабы выставить на видъ благочестивому читателю, что все хорошое и доброе дѣлалось и совершалось въ то время почином троицкаго монастыря, старецъ беззастѣнчиво расписываетъ, что ляпуновское ополченіе было собрано и подвинуто къ Москвѣ именно троицкими грамотами, которыя будто разосланы были тотчасъ послѣ московской разрухи».

Развертываемъ Сказанія Авраамія Палицына и находимъ не совсѣмъ то.

На стр. 248 (изд. 1822) въ главѣ 70-й мы встрѣчаемъ такое извѣстіе:

«Рязанскія же земли жители дворяне, и дѣти боярскіе и всякіе воинскіе люди видяще толико насильство поляковъ, въ нихъ же начальствуя тогда на Рязани воевода Прокопей Петровичъ Ляпуновъ и сослашася съ Володимерцы и съ Ярославцы и съ Костромичи и съ Нижегородцы и съ государствомъ казанскимъ и съ волскими городами и со всѣми татары. Потомъ же того врага Заруцкаго увѣщаша многими дарми и посланми, съ нимъ же многіе казаки и сѣверскіе городы изволеніемъ Божіимъ обратишася, и тако изо всѣхъ градовъ Литву начаша изгоняти».

До этого времени ни о какихъ грамотахъ отъ троицкаго монастыря въ Сказаніи не говорится. Уже впослѣдствіи, когда Ляпуновъ былъ подъ Москвою и поляки зажгли столицу, троицкія власти узнали объ этомъ отъ прибѣжавшаго изъ Москвы боярскаго сына Якова Алеханова (стр. 247) и потомъ уже «разослаша грамоты во всѣ городы россійскія державы», (стр. 249). Правда, уже послѣ этого, на стр. 251—253, Палицынъ исчисляетъ бояръ и воеводъ пришедшихъ подъ Москву, но нельзя этому мѣсту давать такого смысла, какъ будто авторъ хочетъ сказать, что всѣ эти лица пришли подъ Москву и подвинулись первоначально на свой подвигъ по грамотамъ троицкаго монастыря, такъ какъ о первомъ ихъ движеніи сказано выше (на стр. 242) и этотъ фактъ отнесенъ ко времени, предшествовавшему разсылкѣ троицкихъ грамотъ.

Г. Забѣлинъ представляетъ Авраамія пристрастнымъ благопріятелемъ казаковъ, человѣкомъ особенно державшимся Трубецкого. «Вся Земля теперь знала, что въ Москвѣ сидятъ собственно два врага отечеству: поляки и казаки, съ которыми требуется вести почти одинакіе счеты. Объ этомъ очень мало знали только троицкія власти съ своимъ келаремъ, Авраамiемъ Палицынымъ. Впрочемъ, могло и то случиться, что живя вблизи казаковъ и казацкихъ воеводъ они по необходимости должны были мирволить имъ». (Арх. 3. 4. 583). На стр. 602 г. Забѣлинъ говоритъ: «Обвиняетъ Пожарскаго (и не въ одной медленности) одинъ только человѣкъ, троицкій келарь старецъ Авраамій Палицынъ. По всему видно, что онъ держался ближе къ Трубецкому, чѣмъ къ Пожарскому, ближе къ казацкому ополченію, чѣмъ къ нижегородскому: онъ здѣсь, подъ Москвою, былъ знакомѣе, былъ свой человѣкъ.» На стр. 603: «За кого, слѣдовательно, стоялъ Авраамій? Не иначе, какъ за свои личныя связи или за пріятельство, или за короткое знакомство съ Трубецкимъ, которому въ «Сказаніи» онъ даетъ видное мѣсто».

И это не совсѣмъ такъ. Просмотримъ, напр., хоть то мѣсто, гдѣ Авраамій съ соболѣзнованіемъ говоритъ о смерти Ляпуно-

ва, описываетъ яркими красками злодѣянія казаковъ и представляетъ ихъ виновниками того, что войско, стоявшее подъ Москвой, разошлось. «Исполнишася зависти и ярости мужества его ради и разума, зѣло бо той Прокофей ревнуя о правовѣріи, ненавидя же до конца хищенія и неправды, бывшія тогда въ казачьемъ воинствѣ, и призвавше его въ съѣздѣ возложиша нань измѣну и воставше убиша его. По неправедномъ же ономъ убіеніи Прокофьевѣ бысть во всемъ воинствѣ мятежъ великъ и скорбь всѣмъ православнымъ христіаномъ, врагомъ же поляномъ и русскимъ измѣнникомъ бысть радость велика; казаки же начаша въ воинствѣ великое насиліе творити, по дорогамъ грабити и побивати дворянъ и дѣтей боярскихъ, потомъ же начаша и села и деревни грабити, крестьянъ мучити и побивати, а такова ради отъ нихъ утѣсненія мнози разыдошася отъ царствующаго града... разыдошася вси насиліа ради казаковъ» (стр. 256). Эта картина не показываетъ въ авторѣ пристрастнаго благопріятеля казаковъ, человѣка, который мирволилъ имъ. Мы увѣрены, что троицкія власти съ своимъ келаремъ, точно также какъ и «вся Земля» знали и понимали, что у московскаго государства было двое враговъ: поляки и казаки, и что съ тѣми и съ другими надобно было вести почти одинакіе счеты, только они, какъ благоразумные люди, также понимали и то, что нельзя было вести счетовъ съ обоими разомъ, а слѣдовало сначала окончить счеты съ одними, чужими, а потомъ уже считаться и съ другими, своими.

Можетъ быть съ бо́льшимъ основаніемъ г. Забѣлинъ могъ догадываться о расположеніи Палицына къ самому Трубецкому. Но чѣмъ, въ сущности, это доказывается? Тѣмъ только, что онъ нигдѣ не порицаетъ Трубецкого, хотя послѣдній и былъ достоинъ порицанія за прежнее служеніе вору и за потачку Заруцкому. Но вѣдь Авраамій его особенно и не прославляетъ. Современники, однако, также не смотрѣли на Трубецкого такими глазами, какими теперь смотримъ на него мы, припоминая всѣ предшествовавшія его дѣянія. По соединеніи съ Пожарскимъ Трубецкой тотчасъ же получилъ первенство какъ главный воевода, а земская дума признавала за нимъ великія заслуги, когда награждала его Вагою. Очевидно, современники забыли его темныя дѣянія, не подозрѣвали его въ участіи въ убійствѣ Ляпунова, принимали въ уваженіе его долговременное стояніе подъ Москвою. Вообще мы видимъ здѣсь то благодушное свойство великорусскаго характера, который, по пословицѣ: былъ молодцу не укоръ,—прощаетъ и забываетъ дурные поступки за по-

слѣдующіе хорошіе. Чѣмъ же виноватѣе Авраамій земской думы и своихъ современниковъ?

Въ сказаніи Авраамія много риторства, но у кого же изъ грамотнаго люда его не было. Развѣ меньше риторства въ томъ отрывкѣ, который приводитъ г. Забѣлинъ о Мининѣ, гдѣ Мининъ сравнивается съ Гедеономъ и Зоровавелемъ.

Но мы далеки отъ того, чтобъ довѣрять безусловно Авраамію. Въ его разсказахъ, очевидно, есть легенды, неимѣющія за собою объективной истины, хотя все-таки сохраняющія для историка достоинство произведеній чувства и воображенія современниковъ. Мы согласимся съ г. Забѣлинымъ, что старецъ немного и прихвастываетъ. По крайней мѣрѣ, въ его разсказѣ о томъ, какъ онъ въ день битвы съ Ходкѣвичемъ уговорилъ казаковъ, чувствуется, что если онъ здѣсь и не сочинялъ вовсе, то поставилъ себя уже слишкомъ на первомъ мѣстѣ и далъ описываемому событію такое освѣщеніе, какого могло бы и не быть, если бы другой очевидецъ, не пристрастный къ личности Авраамія, описывалъ то же. Но это не болѣе какъ чувствуется. Повѣрить — нечѣмъ, и отвергать вовсе также нѣтъ основанія. Поэтому-то въ своемъ сочиненіи «Смутное время» я, передавая эти событія, счелъ нужнымъ оттѣнить его словами: «Если только довѣрять сказанію, которое передается самимъ тѣмъ, кто здѣсь играетъ столь блестящую роль»,—и тѣмъ самымъ относилъ его къ ряду такихъ многочисленныхъ въ исторіи мѣстъ, когда чувствуется, что дѣло происходило не совсѣмъ такъ, какъ гласитъ источникъ, но нѣтъ основанія сказать, что оно не могло такъ происходить, а еще болѣе—нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы даже предположить, что оно происходило иначе. Что касается до укоровъ Пожарскому за медленность, то намъ вполнѣ понятно, что троицкія власти съ своимъ келаремъ были правы, и еслибъ даже никто изъ современниковъ не укорялъ Пожарскаго за эту медленность, то мы бы все-таки сочли ее дѣломъ неумѣстнымъ, потому что она подвергала опасностямъ все государство.

Н. Костомаровъ.

ВОЗСОЕДИНЕНІЕ

УНІИ

Историческій очеркъ *).

(Окончаніе)

VI.

Въ февралѣ 1839-го года Іосифъ Сѣмашко отправился въ Полоцкъ, гдѣ предположено было составить соборный актъ о присоединеніи уніатовъ къ православной церкви и прошеніе на имя государя императора. Сюда же къ назначенному числу долженъ былъ пріѣхать Антоній, викарій Іосифа; такимъ образомъ, здѣсь къ 12-му февраля должны были быть три унитскихъ епископа: Іосифъ литовскій, Василій Полоцкій и викарій литовскій Антоній Зубко. 12-е число февраля въ 1839-мъ году приходилось въ недѣлю православія. Въ этотъ день подписанъ былъ соборный актъ о возсоединеніи уніатовъ съ православною церковію и составлены всеподданнѣйшія прошенія отъ уніатовъ, — одно о желаніи присоединиться, а другое объ оказаніи уніатамъ снисхожденія относительно нѣкоторыхъ обыкновеній, временемъ вкоренившихся, но единству церкви не противныхъ.

Іосифъ служилъ въ этотъ день литургію въ полоцкомъ Софійскомъ соборѣ. Служеніе это отличалось особенностію, предвѣщавшею конецъ такъ-называемой уніи: вмѣсто папы, Іосифъ

---

*) См. выше: апр. 606; іюнь, 588; іюль, 60; авг. 521 стр.

поминалъ всѣхъ православныхъ патріарховъ, митрополитов архіепископовъ и епископовъ. Въ то же время онъ причасти лично какъ наставниковъ и воспитанниковъ семинаріи, такъ довольно значительное число прихожанъ. Молебенъ послѣ обѣд совершенъ былъ съ большою торжественностію; Іосифу сосл жили епископы Василій и Антоній, молебенъ этотъ былъ благ дарственный о здравіи и благоденствіи государя и всей августѣй шей фамиліи. Но предоставимъ лучше говорить за насъ самом пр. Іосифу, который въ порывѣ радости вотъ что писалъ Про тасову отъ 26-го февр. 1839-го года: «Слава въ вышнихъ Богу благое дѣло довершается. Въ 12-й день настоящаго феврал мѣсяца, въ недѣлю православія подписанъ окончательно всѣм греко-унитскими епископами и начальствующимъ духовенствомъ соборный актъ о возприсоединеніи уніатовъ къ православно греко-восточной каѳолической церкви. Въ сей день служилъ торжественно въ полоцкомъ каѳедральномъ Софійскомъ соборѣ и причастилъ лично какъ наставниковъ и воспитанниковъ семинаріи, такъ и довольно значительное число прихожанъ. Во время служенія вмѣсто папы поминалъ я всѣхъ православныхъ патріарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Послѣ литургіи отслуженъ мною вмѣстѣ съ преосвященными Василіемъ и Антоніемъ благодарственный молебенъ о здравіи и благоденствіи Государя Императора и всей августѣйшей фамиліи. Во время обѣда, на которомъ находились важнѣйшія духовныя и гражданскія лица въ Полоцкѣ бывшія, послѣ тоста за здравіе всемилостивѣйшаго Государя былъ кубокъ за благоденствіе и преуспѣяніе православной церкви».

Для сохраненія на мѣстѣ оффиціальнаго слѣда о бытности въ то время въ Полоцкѣ всѣхъ трехъ греко-унитскихъ епископовъ записано по журналу консисторіи и правленія семинаріи о посѣщеніи ими этихъ присутственныхъ мѣстъ.

Впечатлѣніе, произведенное служеніемъ въ Полоцкѣ, описывалъ Скрипицынъ въ своемъ донесеніи Протасову такъ: «12-го числа, въ день Православія служилъ литургію епископъ Іосифъ, а потомъ всѣ три епископа служили соборно благодарственный молебенъ, при большомъ стеченіи народа; во время всего богослуженія воспоминаемы были только православные патріархи, что̀ не произвело ни малѣйшаго неблагопріятнаго впечатлѣнія, а наружный видъ епископа Антонія, какъ бы свидѣтельствуя о готовности литовской епархіи, кажется поколебалъ и послѣднія надежды неблагонамѣренныхъ [1])».

---

[1]) Въ канц. об.-пр. св. син. донесеніе состоящаго за оберъ-прокурорскимъ сто-

На другой день всѣ три епископа отправились въ Витебскъ, а съ ними вмѣстѣ поѣхалъ туда и Скрипицынъ. Епископы Антоній и Василій вмѣстѣ посѣтили здѣсь всѣ церкви, а въ томъ числѣ и православный соборъ, гдѣ при большомъ стеченіи народа были встрѣчены со звономъ всѣмъ духовенствомъ въ облаченіи, со крестомъ и пѣніемъ; тутъ же послѣ св. синода имъ вмѣстѣ съ епископомъ Исидоромъ провозглашено многолѣтіе. Пробывши два дня въ Витебскѣ, архіереи отправились въ свои мѣста, а Скрипицынъ остался здѣсь. Іосифъ долженъ былъ приготовиться къ отъѣзду въ Петербургъ. Но онъ хотѣлъ прежде своего прибытія извѣстить Протасова о счастливомъ исходѣ дѣла, а потому, кромѣ вышеприведеннаго письма, отправилъ къ Протасову и всѣ документы, касающіеся окончательнаго рѣшенія унитскаго дѣла, какъ-то: соборный актъ о возсоединеніи, два вышеупомянутыя прошенія, именную роспись духовенства литовской епархіи, давшаго собственноручныя объявленія о готовности присоединиться къ православію, въ числѣ 938, а при этомъ и самыя подлинныя объявленія, сшитыя въ 27 тетрадей; въ первой тетради помѣщены были объявленія духовенства монашествующаго, а также наставниковъ духовныхъ училищъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, по благочиніямъ не показанныхъ; въ слѣдующихъ 25-ти тетрадяхъ находились объявленія духовенства по благочиніямъ, при церквахъ состоящаго; а въ послѣдней тетради объявленія семинаристовъ, кончившихъ курсъ наукъ въ прошломъ году; именную роспись духовенства бѣлорусской епархіи, давшаго также собственноручныя объявленія о готовности присоединиться къ православной греко-россійской церкви, въ числѣ всего 367.

Число духовныхъ унитскихъ, давшихъ подписки присоединиться къ православію, распредѣлялось по двумъ унитскимъ епархіямъ такимъ образомъ. По литовской: бѣлыхъ священниковъ 834, іеромонаховъ и монаховъ 62, секретарь консисторіи и свѣтскихъ наставниковъ по духовнымъ училищамъ 20-ть; по бѣлорусской епархіи: бѣлыхъ и монаховъ 367; итого всѣхъ 1305 человѣкъ. Что касается до недавшихъ подписокъ на присоединеніе, то ихъ по литовской епархіи было: — бѣлыхъ священниковъ 116, монаховъ 95, а по бѣлорусской: бѣлыхъ священниковъ 305, а монаховъ 77, итого 593 человѣка. Впрочемъ, пр. Іосифъ въ письмѣ своемъ къ Протасову говоритъ объ этихъ лицахъ, что ихъ должно считать скорѣе сомнительными, нежели неблагонадежными. Изъ этихъ лицъ считалось по литовской епархіи 59 без-

---

ломъ въ св. синодѣ каммергера Скрипицына и послѣдовавшія на имя его отъ прокурора св. синода предписанія относительно возложеннаго на него порученія.

мѣстныхъ священниковъ, а остальные были престарѣлые, которыхъ, какъ и безмѣстныхъ, не признано было нужнымъ тревожить требованіемъ подписокъ, такъ что едвали остается и 2(священниковъ, коихъ настоитъ надобность или устранить, или пріобрѣсть для православной церкви. По бѣлорусской епархіи было безмѣстныхъ священниковъ 136-ть, отъ которыхъ, какъ и отъ прочихъ, необязавшихся присоединиться къ православной церкви, не требованы еще подписки, и хотя по этой епархіи оказалось до 150-ти священниковъ, обнаружившихъ сопротивленіе въ дачѣ помянутыхъ подписей, но по всей вѣроятности, послѣ разстройства нынѣ бывшей здѣсь интриги и высылки зачинщиковъ ея, весьма также малое окажется число дѣйствительно неблагонадежныхъ.

Скоро послѣ отправленнаго къ Протасову письма и вышеупомянутыхъ документовъ, Іосифъ явился самъ въ Петербургъ. 1-го марта Протасовъ при всеподданнѣйшемъ докладѣ представилъ государю вышеупомянутыя два прошенія и соборный актъ.

По исторической важности этихъ документовъ мы приведемъ ихъ въ подлинникѣ.

Вотъ содержаніе перваго прошенія:

«Всеавгустѣйшій монархъ, всемилостивѣйшій государь!

«Съ отторженіемъ отъ Руси въ смутныя времена западныхъ ея областей Литвою и послѣдовавшимъ затѣмъ присоединеніемъ оныхъ къ Польшѣ, русскій православный народъ подвергся въ нихъ тяжкому испытанію отъ постоянныхъ усилій польскаго правительства и римскаго двора отдѣлить ихъ отъ церкви православно-каѳолической восточной и присоединить къ западной. Лица высшихъ состояній, стѣсняемыя всѣми мѣрами въ ихъ правахъ, совратились скоро въ чужое имъ римское исповѣданіе, и забывъ собственное происхожденіе и народность, давно уже считаютъ себя поляками. Мѣщане и поселяне были отторгнуты отъ единенія съ восточною церковію посредствомъ уніи, введенной въ концѣ XVI-го столѣтія. Съ того времени сей народъ отдѣлился отъ матери своей — Россіи; постоянныя ухищренія политики и фанатизма стремились къ тому, чтобы сдѣлать его совершенно чуждымъ древняго отечества его, и уніаты испытали въ полномъ смыслѣ всю тягость иноплеменнаго ига.

«По возвращеніи Россіею древняго ея достоянія, большая половина уніатовъ восприсоединились къ прародительской своей греко-россійской церкви, а остальные нашли покровительство и защиту отъ преобладанія римскаго духовенства. Въ благословенное же царствованіе вашего императорскаго величества, при благодѣтельномъ воззрѣніи вашемъ, всемилостивѣйшій государь,

у нихъ уже по большей части возстановлены въ прежней чистотѣ богослуженіе и постановленія греко-восточной церкви; ихъ духовное юношество получаетъ воспитаніе, соотвѣтственное своему назначенію; они могутъ уже быть и называть себя русскими.

«Но греко-унитская церковь въ отдѣльномъ своемъ видѣ, среди другихъ исповѣданій, не можетъ никогда совершенно достигнуть ни полнаго благоустройства, ни спокойствія, необходимаго для ея благоденствія, и многочисленные принадлежащіе къ ней жители западныхъ губерній, русскіе по языку и происхожденію, подвергаются опасности остаться въ положеніи, колеблемомъ перемѣнчивостію обстоятельствъ, и нѣсколько чуждыми своихъ православныхъ собратій.

«Сія причина, наипаче же забота о вѣчномъ благѣ ввѣренной намъ паствы, побуждаютъ насъ, твердо убѣжденныхъ въ догматахъ святыя, апостольскія, православно-каѳолическія восточной церкви, припасть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества и всеподданнѣйше молить васъ, державнѣйшій Монархъ, упрочить дальнѣйшую судьбу уніатовъ, дозволеніемъ имъ присоединиться къ прародительской православной всероссійской церкви. Въ удостовѣреніе же общаго нашего на сіе согласія, имѣемъ счастіе поднести составленный нами, епископами, начальствующимъ духовенствомъ греко-унитской церкви въ городѣ Полоцкѣ сего числа соборный актъ и при ономъ собственноручныя объявленія 1305 лицъ остальнаго греко-унитскаго духовенства. Всемилостивѣйшій Государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданнѣйшіе: Іосифъ, епископъ литовскій.

Василій, епископъ оршанскій, управляющій бѣлорусскою епархіею.

Антоній, епископъ брестскій, викарій литовской епархіи [1])».

Во второмъ прошеніи уніаты писали слѣдующее:

«Всеавгустѣйшій Монархъ, Всемилостивѣйшій Государь!

«Во всеподданнѣйшемъ прошеніи нашемъ, съ приложеніемъ соборнаго акта, о намѣреніи греко-унитской церкви восприсоединиться къ православно-каѳолической-восточной церкви, мы изложили подробно побудительныя къ тому причины и главное желаніе составлять по прежнему часть нашей прародительской всероссійской церкви. Вмѣстѣ съ симъ не дерзаемъ покрывать молчаніемъ, что, за исключеніемъ немногихъ духовныхъ лицъ

---

[1]) Въ канц. Об.-Пр. св. син. дѣло 1839 года, № 48 о присоединеніи такъ именовавшейся въ Россіи греко-унитск. церкви къ св. православной восточной.

изъ числа изъявившихъ письменное сіе желаніе, почти всѣ прочіе въ объявленіяхъ своихъ изложили и просьбу о дозволеніи имъ нынѣшнихъ, привычкою вкорененныхъ мѣстныхъ обычаевъ, непротивныхъ сущности православія. Мы будучи убѣждены, что нынѣшнее неслужебное одѣяніе греко-унитскаго духовенства, бритье бородъ, употребляемая во время постовъ пища и нѣкоторыя молитвенныя обыкновенія, не нарушающія догматовъ св. восточной каѳолической церкви, отъ долговременной привычки къ нимъ духовенства и самаго народа, не могутъ быть въ скоромъ времени измѣнены безъ всякихъ неудобствъ, и между прочимъ скорая перемѣна въ наружномъ видѣ священниковъ можетъ даже ихъ лишить полезнаго вліянія на паству, осмѣливаемся всеподданнѣйше испрашивать, дабы по приведеннымъ нами причинамъ, оказано было восприсоединенному духовенству и народу въ отношеніи къ таковымъ мѣстнымъ обычаямъ снисхожденіе, и въ семъ обстоятельствѣ полагаемъ все наше упованіе на отеческое сердце Вашего Императорскаго Величества, всеавгустѣйшій Монархъ,—источникъ благоденствія ввѣренныхъ Богомъ высокому скипетру вашему народовъ [1])».

Подъ прошеніемъ подписались тѣ же самыя лица, которыхъ имена значатся подъ первымъ прошеніемъ.

Соборный актъ гласилъ слѣдующее:

«Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Мы, благостію Божіею, епископы и освященный соборъ греко-унитской церкви въ Россіи, въ неоднократныхъ совѣщаніяхъ, приняли въ разсужденіе нижеслѣдующее:

«Церковь наша отъ начала своего была въ единствѣ святыя, апостольскія, православно-каѳолическія церкви, которая самимъ Господомъ, Богомъ и Спасомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ на Востокѣ насаждена, отъ востока возсіяла міру и доселѣ цѣло и неизмѣнно соблюла божественные догматы ученія Христова, ничего къ оному не прилагая отъ духа человѣческаго суемудрія. Въ семъ блаженномъ и превожделѣнномъ вселенскомъ союзѣ церковь наша составляла нераздѣльную часть греко-россійскія церкви, подобно какъ и предки наши по языку и происхожденію всегда составляли нераздѣльную часть русскаго народа. Но горестное отторженіе обитаемыхъ нами областей отъ матери нашей—Россіи, отторгнуло и предковъ нашихъ отъ истиннаго, каѳолическаго единенія, и сила чуждаго преобладанія подчинила ихъ власти римской церкви, подъ названіемъ уніатовъ. Хотя же для нихъ и обезпечены были отъ нея фор-

[1]) Вышеприведенное дѣло подъ № 48.

иными актами восточное богослуженіе на природномъ нашемъ русскомъ языкѣ, всѣ священные обряды и самыя постановленія восточныя церкви, и хотя даже воспрещенъ былъ для нихъ переходъ въ римское исповѣданіе (яснѣйшее доказательство, сколь чистыми и непреложными признаны были наши древніе восточные уставы), но хитрая политика бывшей польской республики и согласное съ нею направленіе мѣстнаго латинскаго духовенства, нетерпѣвшіе духа русской народности и древнихъ обрядовъ православнаго Востока, устремили всѣ силы свои къ изглажденію, если бы можно было, и самыхъ слѣдовъ первобытнаго происхожденія нашего народа и нашей церкви. Отъ сего сугубаго усилія предки наши, по принятіи уніи, подверглись самой бѣдственной долѣ. Дворяне, стѣсняемые въ своихъ правахъ, переходили въ римское исповѣданіе, а мѣщане и поселяне, неизмѣняя обычаямъ предковъ, еще сохранившимся въ уніи, терпѣли тяжкое угнетеніе. Но скоро обычаи и священные церковные обряды, постановленія и самое богослуженіе нашей церкви стали значительно измѣняться, а на мѣсто ихъ вводились латинскіе, вовсе ей несвойственные; греко-унитское приходское духовенство, лишенное средствъ къ просвѣщенію, въ бѣдности и униженіи, порабощено римскимъ и было въ опасности подвергнуться наконецъ совершенному уничтоженію и превращенію, еслибы Всевышній не прекратилъ сихъ вѣковыхъ страданій, возвративъ россійской державѣ обитаемыя нами области—древнее достояніе Руси. Пользуясь столь счастливымъ событіемъ, большая часть уніатовъ возсоединилась тогда же съ восточною, православно-каѳолическою церковію и уже по прежнему составляетъ нераздѣльную часть церкви всероссійскія; остальные же нашли по возможности въ благодѣтельномъ русскомъ правительствѣ защиту отъ превозможенія римскаго духовенства. Но отеческимъ щедротамъ и покровительству нынѣ благополучно царствующаго благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Николая Павловича обязаны мы нынѣшнею полною независимостію церкви нашей, нынѣшними обильными средствами къ приличному образованію нашего духовнаго юношества, нынѣшнимъ обновленіемъ и возрастающимъ благолѣпіемъ святыхъ храмовъ нашихъ, гдѣ совершается богослуженіе на языкѣ нашихъ предковъ и гдѣ священные обряды возстановлены въ древней ихъ чистотѣ. Повсюду вводятся постепенно въ прежнее употребленіе всѣ уставы нашей искони восточной-русской церкви. Остается же лишь только, дабы сей древній, боголюбезный порядокъ былъ упроченъ и на грядущія времена для всего уніатскаго въ Россіи населенія; дабы полнымъ возстанов-

леніемъ прежняго единства съ церковію россійскою сіи пре
нія чада ея могли на лонѣ истинной матери своей обрѣсти
спокойствіе и духовное преуспѣяніе, котораго лишены были
время своего отъ оной отчужденія. По благости Господней
и прежде отдѣлены были отъ древней матери нашей правосла
но-каѳолическія восточныя и въ особенности россійскія церк
не столько духомъ, сколько внѣшнею зависимостію и неблаг
пріятными событіями; нынѣ же, по милости всещедраго Бо
такъ снова приблизились къ ней, что нужно уже не столь
возстановить, сколько выразить наше съ нею единство.

«Посему въ теплыхъ, сердечныхъ моленіяхъ призвавъ на п
мощь благодать Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа (кот
рый единъ есть истинная Глава единыя истинныя церкви) и Св
таго, всесовершающаго Духа, мы положили твердо и несомнѣнн

1) Признать вновь единство нашея церкви съ православно
каѳолическою, восточною церковію и посему пребывать отны
купно со ввѣренными намъ паствами въ единомысліи съ святѣй
шими восточными православными патріархами и въ послушані
святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго синода.

2) Всеподданнѣйше просить благочестивѣйшаго Государ
Императора настоящее намѣреніе наше въ свое августѣйше
покровительство принять, и исполненію онаго къ миру и спасе
нію душъ, высочайшимъ своимъ благоусмотрѣніемъ и держав
ною волею споспѣшествовать, да и мы подъ благотворнымъ ег
скипетромъ со всѣмъ русскимъ народомъ совершенно единым
и неразнствующими устами и единымъ сердцемъ славимъ Тріе
единаго Бога, по древнему чину апостольскому, по правилам
святыхъ вселенскихъ соборовъ и по преданію великихъ святи
телей и учителей православно-каѳолическія церкви.

«Въ увѣреніе чего мы всѣ, епископы и начальствующее ду
ховенство, сей соборный актъ утверждаемъ собственноручным
нашими подписами, и въ удостовѣреніе общаго на сіе согласія
прочаго греко-унитскаго духовенства, прилагаемъ собственно-ручныя же объявленія священниковъ и монашествующей бра-тіи, всего тысячи-трехъ-сотъ пяти лицъ.

«Данъ въ богоспасаемомъ градѣ Полоцкѣ, лѣта отъ сотворенія міра седмь тысячъ триста сорокъ седьмаго, отъ воплощенія же Бога-Слова тысяча восемь сотъ тридцать девятаго, мѣсяца февраля въ двѣнадцатый день, въ недѣлю православія.

Смиренный Іосифъ, епископъ литовскій.

Смиренный Василій, епископъ оршанскій, управляющій бѣлорусскою епархіею.

Смиренный Антоній, епископъ брестскій, викарій литовскій.

Засѣдатель греко-унитской духовной коллегіи, соборный протоіерей Игнатій Пильковскій.

Засѣдатель греко-унитской духовной коллегіи, соборный протоіерей Іоаннъ Конюшевскій.

Засѣдатель греко-унитской духовной коллегіи, соборный протоіерей Левъ Паньковскій.

Засѣдатель литовской консисторіи, соборный протоіерей Антоній Тупальскій.

Председатель бѣлорусской консисторіи, ректоръ семинаріи, соборный протоіерей Михаилъ Шелепинъ.

Вице-предсѣдатель литовской консисторіи, соборный протоіерей Михаилъ Голубовичъ.

Въ должности ректора литовской семинаріи, соборный протоіерей Фердинандъ Гомолицкій.

Вице-предсѣдатель бѣлорусской консисторіи, протоіерей Константинъ Игнатовичъ.

Членъ бѣлорусской консисторіи Іосифъ Вылинскій.

Членъ бѣлорусской консисторіи Іосифъ Новицкій.

Инспекторъ бѣлорусской семинаріи, соборный протоіерей Ѳома Малишевскій.

Инспекторъ литовской семинаріи Игнатій Желяговскій.

Кустошъ софійскаго каѳедральнаго полоцкаго собора Михаилъ Конецкій.

Экономъ бѣлорусской семинаріи, соборный протоіерей Іоаннъ Шесновичъ.

Соборный протоіерей, ассессоръ литовской консисторіи, Плакидъ Янковскій.

Ассессоръ бѣлорусской консисторіи, протоіерей Іоаннъ Глыбовскій.

Ассессоръ литовской консисторіи, Григорій Куцевичъ.

Ассессоръ бѣлорусской консисторіи, священникъ Іоаннъ Сченевичъ.

Ассессоръ бѣлорусской консисторіи, Ѳома Околовичъ.

Секретарь при литовскомъ епископѣ, іеромонахъ Фавстъ Михневичъ.

Секретарь при епископѣ Антоніѣ, іеромонахъ Петръ Михалевичъ».

Всѣ эти документы представлены были Протасовымъ государю императору въ аничковскомъ дворцѣ.

1-го марта послѣдовалъ высочайшій указъ на имя синода такого содержанія:

«Епископы греко-унитской церкви имперіи нашей представили намъ чрезъ завѣдующаго духовными дѣлами сего исповѣданія,

оберъ-прокурора св. синода графа Протасова, прошеніе свое о дозволеніи имъ вмѣстѣ съ ввѣренною имъ паствою присоединиться къ ихъ прародительской православной церкви, отъ которой ихъ предки были отторгнуты въ смутное время преобладанія Польши въ обитаемыхъ ими западныхъ русскихъ областяхъ. Они съ тѣмъ вмѣстѣ поднесли намъ и составленный ими съ прочимъ начальствующимъ духовенствомъ ихъ епархій въ городѣ Полоцкѣ 12-го сего февраля соборный актъ, коимъ изъявляютъ твердое намѣреніе признать единство ихъ церкви съ православно-каѳолическою восточною церковію, и быть въ послушаніи св. всероссійскаго синода, а въ доказательство согласія на то и всего остальнаго ихъ духовенства прилагаютъ къ акту собственноручныя объявленія 1305 священниковъ и монашествующей братіи. Воздавъ изъ глубины души благодареніе всемогущему Богу, подвигнувшему сердца столь многочисленнаго, искони русскаго духовенства возвратиться вмѣстѣ съ ихъ паствою на лоно истинной ихъ матери—православной церкви, мы повелѣли оберъ-прокурору св. синода означенный актъ и объявленія внести въ св. синодъ на разсмотрѣніе и сообразное съ правилами св. церкви постановленіе [1])».

Въ то же время государь чрезъ Протасова приказалъ оказать возсоединенному духовенству просимое имъ снисхожденіе [2]).

Синодъ, разсмотрѣвши вышеупомянутыя греко-унитскія прошенія, соборный актъ и объявленія, опредѣленіемъ 6-го и 13-го марта положилъ: поднесть государю императору при особомъ докладѣ синодальное дѣяніе, подписанное 23-го марта, содержащее въ себѣ постановленіе о принятіи греко-унитской въ Россіи церкви въ полное и совершенное общеніе святыя, православно-каѳолическія восточныя церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійской. Докладъ синодальный отъ слова до слова былъ такой:

«Всепресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему,
«Великому Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому
всеподданнѣйшій докладъ Синода.

«Именнымъ высочайшимъ указомъ отъ 1-го дня сего мѣсяца, ваше императорское величество соизволили повелѣть синоду войдти по церковнымъ правиламъ въ разсмотрѣніе соборнаго акта, постановленнаго епископами и прочимъ духовенствомъ греко-унитской въ Россіи церкви, для возсоединенія ея съ церковью всероссійскою.

---

[1]) Вышеприведенное дѣло подъ № 48-мъ.
[2]) Тамъ же.

«Синодъ входилъ въ разсмотрѣніе сего предмета со вниманіемъ, соотвѣтствующимъ важности онаго; и состоявшееся по сему постановленіе о принятіи греко-унитской въ Россіи церкви въ полное и совершенное общеніе святыя православно-каѳолическія восточныя церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійскія, изложенное въ подносимомъ при семъ синодальномъ дѣяніи, всесмиренно представляемъ на благоволительное вашего величества усмотрѣніе, и въ державное покровительство исполненіе онаго.

«Всемилостивѣйшій Государь!

«При семъ событіи, синодъ, исполненный духовнаго утѣшенія и благодаренія къ Богу, благодѣющему церкви своей, и благословляющему царствованіе вашего величества, отъ лица всея церкви россійскія благоговѣйно привѣтствуетъ ваше императорское величество мирнымъ торжествомъ духовнаго возсоединенія съ нею многочисленныхъ сыновъ Россіи, столь благопріятнаго естественному и гражданскому между ими единству, вознося купно вашему императорскому величеству благодареніе за предшествовавшее благопромыслительное устроеніе, которое открыло греко-унитской церкви свободный и ничѣмъ не преграждаемый путь возвращенія въ объятія древней и истинной ея матери, церкви всероссійской.

«Обращаясь къ послѣдствіямъ возсоединенія, синодъ полагаетъ:

1) Управленіе возсоединенныхъ епархій и принадлежащихъ къ нимъ училищъ оставить на прежнемъ основаніи, впредь до ближайшаго усмотрѣнія, какимъ лучшимъ и удобнѣйшимъ образомъ оное можетъ быть соглашено съ управленіемъ древлеправославнымъ.

2) Греко-унитскую духовную коллегію поставить въ отношеніи къ св. синоду, по іерархическому порядку, на степень московской и грузино-имеретинской св. синода конторъ, и именоваться ей бѣлорусско-литовскою духовною коллегіею.

3) Іосифу, епископу литовскому, быть предсѣдателемъ бѣлорусско-литовской духовной коллегіи, съ возведеніемъ его въ санъ архіепископа.

«Всемилостивѣйшій Государь!

«Сіи положенія представляя на всемилостивѣйшее усмотрѣніе ваше, синодъ всеподданнѣйше испрашиваетъ высочайшаго вашего величества указа.

«Вашего императорскаго величества
всеподданнѣйшіе:

Серафимъ митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.

Смиренный Филаретъ митрополитъ кіевскій и галицкій.
Смиренный Филаретъ митрополитъ московскій.
Смиренный Іона митрополитъ.
Смиренный Владиміръ архіепископъ казанскій.
Смиренный Наѳанаилъ архіепископъ псковскій.
Духовникъ протопресвитеръ Николай Музовскій.
Оберъ-священникъ Василій Кутневичъ».

«23-го марта 1839-го года.

На этомъ докладѣ государь собственноручно чернилами (а не карандашемъ, какъ обыкновенно водилось) написалъ: «Благодарю Бога, и принимаю. Николай».

«С.-Петербургъ 25-го марта 1839-го года.

Синодальное дѣяніе, приложенное къ докладу, заключалось въ слѣдующемъ:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

«Лѣта Господня 1839-го, марта въ шестый день, по державному изволенію благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича самодержца всероссійскаго, въ присутствіе святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго синода внесенъ и въ ономъ слушанъ соборный актъ, постановленный въ 12-й день прошедшаго февраля епископами и прочимъ духовенствомъ такъ именовавшейся до нынѣ греко-унитской въ Россіи церкви, въ которомъ они, изложивъ свое древнее и первоначальное единеніе со святою апостольскою православно-каѳолическою церковію вообще и въ особенности съ россійскою церковію, потомъ непроизвольное въ предкахъ своихъ отторженіе отъ сего единенія силою бѣдственнаго отторженія отъ державы россійскія, торжественно изъявили свою твердую и неизмѣнную рѣшимость признать вновь единство своея церкви съ православно-каѳолическою восточною церковію, и потому пребывать отнынѣ купно со ввѣренными имъ паствами въ единомысліи со святѣйшими восточными православными патріархами и въ послушаніи св. правительствующаго всероссійскаго синода; и таковое намѣреніе свое представили въ августѣйшее покровительство благочестивѣйшаго Государя Императора. Актъ сей подписанъ всѣми греко-унитскими въ Россіи епископами и старѣйшимъ по нихъ духовенствомъ, а въ удостовѣреніе общаго на сіе согласія прочаго греко-унитскаго духовенства приложены собственноручныя же объявленія 1305 священниковъ и монашествующихъ.

«По выслушаніи сего, первымъ и общимъ движеніемъ св. синода было благодарственное прославленіе Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, который неизслѣдуемыми путями своего

благодатнаго смотрѣнія непрестанно приводя въ исполненіе свое непреложное обѣтованіе, яко врата адова неодолѣютъ истинной церкви Его, и нынѣ многообразныя, продолжительныя и повидимому даже успѣшныя усилія человѣческія отчуждить отъ православныя церкви россійскія немалое число единовѣрнаго и единоплеменнаго народа, содѣлалъ ничтожными, положивъ въ сердце благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича оградить греко-унитское священноначаліе отъ посторонняго вліянія; а потомъ невидимымъ мановеніемъ подвигнуть сердца отчужденныхъ обратиться къ первоначальному и истинному православно-каѳолическому единству, съ такимъ свободнымъ многочисленнаго духовенства единодушіемъ, которое должно составить достопамятный примѣръ въ церковныхъ лѣтописяхъ.

«Вступая въ ближайшее разсмотрѣніе предлежащаго предмета, св. синодъ принялъ во вниманіе слѣдующее:

«1) Отторженіе такъ именуемыхъ греко-унитовъ въ Россіи отъ православныя восточныя церкви произведено собственно чрезъ устраненіе ихъ отъ іерархическаго съ нею общенія, но такъ, что они сохранили древній восточный чинъ богослуженія и священныхъ обрядовъ, который будучи проникнутъ духомъ православныхъ догматовъ и преданій, внутреннею силою противодѣйствовалъ совершенному уничтоженію прежняго единства, не взирая на то, что оно внѣшно расторжено было подчиненіемъ чуждой власти.

«Хотя же въ продолженіи времени чинъ сей постороннимъ вліяніемъ начиналъ быть измѣняемъ, чрезъ что и примѣшеніе мудрованій человѣческихъ къ древнему чистому ученію сдѣлалось сильнѣе; но лишь только чуждымъ усиліямъ поставлена была преграда, предстоятели греко-унитской церкви незамедлили пещись о возстановленіи онаго въ древней чистотѣ. Сіе въ особенности усмотрѣно св. синодомъ въ 1834-мъ году, когда всѣ греко-унитскіе архіереи единогласно опредѣлили заимствовать главнѣйшія богослужебныя книги отъ св. синода, въ чемъ они тогда и были удовлетворены.

«Торжественное нынѣ въ поставленномъ соборномъ актѣ исповѣданіе, что Господь Богъ и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ единъ есть истинная глава единыя истинныя церкви, и обѣщаніе пребывать въ единомысліи со святѣйшими восточными православными патріархами и св. синодомъ, не оставляютъ ничего требовать отъ греко-унитской церкви для истиннаго и существеннаго соединенія вѣры, а потому не остается также ничего, что могло бы препятствовать единенію іерархическому. По

таковымъ разсужденіямъ св. синодъ, по благодати, дару и власти, данной отъ Великаго Бога и Господа нашего Іисуса Христа, по священнымъ правиламъ и примѣрамъ св. отецъ, принялъ въ полное и совершенное общеніе святыя православно-каѳолическія восточныя церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійскія.

«2) Въ особенности епископамъ и священству преподать соборное благословеніе св. синода, съ молитвою вѣры и любви къ Верховному Святителю исповѣданія нашего Іисусу Христу, да утверждаетъ ихъ выну въ изреченномъ ими исповѣданіи и да благоуправляетъ дѣло служенія ихъ къ совершенію святыхъ.

«3) Въ управленіи ввѣренныхъ имъ паствъ поступать имъ на основаніи слова Божія, правилъ церковныхъ, государственныхъ постановленій, и согласно съ предписаніями св. синода, и утверждать ввѣренныя имъ паствы въ единомысліи православныя вѣры, а къ разнообразію нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ, некасающихся догматовъ и таинствъ, являть апостольское снисхожденіе, и къ древнему единообразію возвращать оныя посредствомъ свободнаго убѣжденія, съ кротостію и долготерпѣніемъ.

«Въ заключеніе сего св. синодъ положилъ принести благодареніе благочестивѣйшему императору и самодержцу всероссійскому отъ лица всероссійскія церкви за явленное споспѣшествованіе сему благому и душеспасительному начинанію, и за тѣмъ исполненіе настоящаго синодальнаго постановленія смиренно представить въ его державное покровительство.

«Возсоединеннымъ же преосвященнымъ епископамъ дать во извѣщеніе и благословеніе синодальную грамату. Писано въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ св. Петра, въ лѣто отъ сотворенія міра седмь тысячъ триста четыредесять седмое, отъ воплощенія же Бога-Слова тысяча восемьсотъ тридесять девятое, марта въ двадесять третій день [1]).

Серафимъ митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.
Смиренный Филаретъ митрополитъ кіевскій и галицкій.
Смиренный Филаретъ митрополитъ московскій.
Смиренный Іона митрополитъ.
Смиренный Владиміръ архіепископъ казанскій.
Смиренный Наѳанаилъ архіепископъ псковскій.
Духовникъ, протопресвитеръ Николай Музовскій.
Оберъ-священникъ Василій Кутневичъ.
Оберъ-прокуроръ св. синода графъ Протасовъ».

[1]) Синодальное дѣяніе написано на пергаментѣ; заглавныя буквы разрисованы красною краскою, а слова «Іисусъ Христосъ», также другія выраженія, взятыя изъ св. писанія, написаны золотомъ.

Протасовъ, поднося государю докладъ синода и синодальное постановленіе о принятіи греко-унитской церкви въ нѣдра православія, предпослалъ ему свой всеподданнѣйшій докладъ.

«Унія въ Россіи, писалъ Протасовъ въ своемъ докладѣ, существовала въ продолженіи 243 лѣтъ: началась въ 1596-мъ году соборнымъ актомъ брестскимъ и кончилась въ 1839-мъ году актомъ полоцкимъ. Такимъ образомъ, милосердый Богъ, благодѣющій Россіи и вложившій въ сердце вашего величества великую мысль о возвращеніи на лоно истинной церкви и отечества дѣтей ихъ, нѣкогда отторгнутыхъ насиліемъ, вѣнчаетъ нынѣ полнымъ успѣхомъ сіе исполинское предпріятіе, столь же важное въ политическомъ, сколько въ религіозномъ смыслѣ, которое займетъ блестящую страницу въ лѣтописяхъ имперіи и въ исторіи славнаго и поистинѣ русскаго царствованія вашего императорскаго величества.

«Всемилостивѣйшій государь! Съ свойственною вамъ милостію примите въ избыткѣ радости излившіяся изъ сердца строки сіи, какъ изъявленіе вѣрноподданническаго чувства, которое при семъ событіи должно одушевлять каждаго сына отечества и которое при имени вашего величества громкими отголосками отзовется въ благословеніяхъ позднѣйшаго потомства [1].»

Пока синодъ составлялъ актъ и опредѣленіе о принятіи греко-унитской церкви въ составъ церкви русской, состоялся 17 марта 1839-го года высочайшій указъ о подчиненіи греко-унитской духовной коллегіи святѣйшему синоду. Впрочемъ печатаніе его въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» отложено было до нѣкотораго времени. 30 марта 1839 года (это было въ четвергъ недѣли Пасхи) въ синодѣ происходило чрезвычайное собраніе или засѣданіе членовъ его по дѣлу унитской церкви. Засѣданіе это было сперва внутреннее, а потомъ открытое. Во внутреннемъ засѣданіи происходило слѣдующее. Слушаны были:

I) Высочайшее его императорскаго величества соизволеніе, заключающееся въ словахъ: «Благодарю Бога и принимаю», собственноручно написанное государемъ въ 26-й день марта на всеподданнѣйшемъ докладѣ св. синода. Положено было: 1) О совершившемся въ синодѣ и принятомъ его императорскимъ величествомъ присоединеніи именовавшейся въ Россіи греко-унитской церкви въ полное и совершенное общеніе св. православно-каѳолическія восточныя церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійской, объявить въ присутствіи св. синода преосвященному Іосифу, архіепископу литовскому, причемъ вручить ему

[1] Вышеприведенное дѣло подъ № 48.

и синодальную грамату ко всѣмъ возсоединеннымъ епископам 2) О совершившемся благодатію Божіею возсоединеніи прин сти въ синодальной церкви благодарственное Господу Богу м лебствіе, при которомъ быть и преосвященному Іосифу, как представителю возсоединенныхъ. 3) О семъ же событіи преосв щенному Іосифу и преосвященнымъ епископамъ: Василію ор шанскому и викарію Антонію брестскому, предписать указам съ тѣмъ, чтобы они въ управленіи ввѣренныхъ имъ паствъ по ступали на основаніи слова Божія, правилъ церковныхъ, госу дарственныхъ постановленій и согласно съ данною имъ сино дальною граматою, и предписаніями св. синода, въ особенности же наблюли и впредь наблюдали, чтобы во ввѣренныхъ имъ церквахъ употребляемъ былъ восточный никео-цареградскій символъ православной вѣры, и чтобы въ церковныхъ моленіяхъ воспоминаемъ былъ св. правительствующій синодъ, по установленному чину. 4) Въ бѣлорусско-литовскую духовную коллегію, какъ о семъ, такъ и о настоящемъ ея именованіи послать указъ. 5) Православнымъ архіереямъ древле православныхъ епархій, сопредѣльныхъ къ новоприсоединеннымъ, увѣдомить о семъ указами съ тѣмъ, чтобы они, принявъ сіе къ собственному свѣдѣнію, сообразно съ обстоятельствами входили въ общеніе съ возсоединенными и братолюбнымъ обращеніемъ съ ними старались сохранять и утверждать возстановленный союзъ единства. 6) О бытіи преосвященному Іосифу предсѣдателемъ бѣлорусско-литовской духовной коллегіи, съ возведеніемъ его въ санъ архіепископа, объявить ему, преосвященному, въ присутствіи св. синода, съ приведеніемъ его къ присягѣ, и о томъ послать къ нему указъ, каковымъ объявить о семъ коллегіи и прочимъ мѣстамъ и лицамъ по духовному вѣдомству.

II) Вѣдѣніе правительствующаго сената отъ 21-го марта, съ прописаніемъ высочайшаго указа, послѣдовавшаго 17-го дня сего же марта, о подчиненіи греко-унитской духовной коллегіи, вмѣсто правительствующаго сената, св. синоду. Положено: принять къ свѣдѣнію.

III. Рапортъ бывшей греко-унитской духовной коллегіи о полученіи указа правительствующаго сената о томъ же. Положено: пріобщить къ дѣлу.

Въ открытомъ засѣданіи происходило слѣдующее: по облаченіи членовъ синода въ мантіи и по занятіи ими своихъ мѣстъ, оберъ-прокуроръ Протасовъ ввелъ въ присутствіе синода преосвященнаго Іосифа, который также облаченъ былъ въ мантію. Тогда: 1) первенствующій членъ синода, митрополитъ Серафимъ, объявилъ ему о совершившемся возсоединеніи и принятіи онаго

его императорскимъ величествомъ, и вмѣстѣ отъ имени св. синода и всей церкви россійской привѣтствовалъ его съ столь важнымъ событіемъ, и въ лицѣ его все присоединенное духовенство. 2) Членъ св. синода митрополитъ кіевскій Филаретъ прочиталъ синодальную грамату къ возсоединеннымъ епископамъ, а митрополитъ с.-петербургскій вручилъ ее Іосифу. 3) Членъ св. синода, митрополитъ московскій Филаретъ прочиталъ высочайше утвержденныя положенія св. синода о бытіи преосвященному Іосифу предсѣдателемъ коллегіи, съ возведеніемъ его въ санъ архіепископа, и о переименованіи той коллегіи. 4) Затѣмъ члены св. синода и преосвященный Іосифъ, какъ представитель возсоединенныхъ, дали взаимное цѣлованіе мира, и всѣ вмѣстѣ выступили въ синодальную церковь, и соборнѣ съ преосвященнымъ Іосифомъ, съ чередными архимандритами Анатоліемъ и Θеогностомъ и двумя александроневскими іеромонахами, принесли Господу Богу благодарственное моленіе, съ провозглашеніемъ многолѣтія государю императору и всему царствующему дому, св. синоду, православнымъ вселенскимъ патріархамъ, въ присутствіи оберъ-прокурора св. синода и старшихъ чиновниковъ духовнаго вѣдомства. 5) Въ заключеніе преосвященный Іосифъ принялъ въ св. алтарѣ присягу по установленной формѣ».

Присяга происходила такъ: Іосифъ въ мантіи сталъ у престола; московскій митрополитъ разогнулъ ему евангеліе и положилъ на него крестъ; тогда Іосифъ самъ началъ читать присяжный листъ; по прочтеніи присяги, Іосифъ подписался подъ присяжнымъ листомъ.

Такъ совершилось торжество возсоединенія уніатовъ. Событіе это радовало всѣхъ, хотя не скроемъ, были и такіе, даже между православными архіереями, которые не стѣснялись выражать свое презрѣніе къ Іосифу, называли его Іудою предателемъ, какъ, напримѣръ, полтавскій епископъ Гедеонъ; но всѣхъ болѣе радовался покойный государь. По этому случаю онъ награждалъ членовъ синода, Протасова и другихъ лицъ, болѣе или менѣе принимавшихъ участіе въ унитскомъ дѣлѣ. Митрополитъ Серафимъ получилъ посохъ, осыпанный брилліантами, цѣною въ 28,000 руб. сер.; митрополитъ кіевскій — орденъ Андрея, московскій — Владиміра 1-й степени, Іона митрополитъ — брилліантовые знаки на Александра Невскаго, архіепископы казанскій и псковскій, а также духовникъ Музовскій Владиміра 2-й степени, Кутневичъ Владиміра 3-й степени, Протасовъ Анны 1-й

4*

степени, Іосифу, кромѣ возведенія его въ санъ архіепископа въ должность предсѣдателя бѣлорусско-литовской духовной коллегіи, пожалована была пожизненная пенсія въ 6000 руб. ас въ годъ [1]).

Въ Ѳомино воскресенье члены синода, и въ числѣ ихъ Іосифъ, которому съ тѣхъ поръ приказано было государемъ являться на всѣ духовныя церемоніи вмѣстѣ съ православными архіереями во дворецъ и представляться государю, явились въ Зимній дворецъ въ 12 часовъ. По окончаніи литургіи, которую служилъ Музовскій въ присутствіи царской фамиліи, синодъ вышелъ изъ придворнаго алтаря, предшествуемый своимъ президентомъ, митрополитомъ Серафимомъ. У митрополита была въ рукахъ икона Спасителя; это одно уже говорило, что члены синода собрались принести своему государю не одно поздравленіе съ праздникомъ Пасхи, но нѣчто иное.

Дѣйствительно, Серафимъ, поднося икону къ Государю, обратился къ нему съ такою рѣчью: «Удостойте, благочестивѣйшій Государь, принять сей подносимый мною Вашему Величеству отъ всего сословія св. синода Образъ Христа Спасителя, яко нѣкій священный памятникъ того великаго и въ церковныхъ лѣтописяхъ безпримѣрнаго событія, каковое нынѣ въ благословенное царствованіе ваше совершилось, событіе возвращенія въ нѣдра православныя церкви чадъ ея, нашихъ же единоплеменныхъ братій, насиліемъ въ прошедшія несчастныя для нихъ и для насъ времена изъ матерьнихъ ея объятій исторженныхъ. Поелику же событіе сего ихъ возвращенія къ ней совершилось безъ всякаго принужденія, а было со стороны ихъ добровольное, искренное и усердное; то посему оно для церкви Христовой есть истинно весьма радостно, для отечества вожделѣнно, а для нихъ самихъ, для спокойствія совѣсти ихъ, что они по особенной благодати Божіей паки содѣлались нынѣ православно вѣрующими, должно быть особливо утѣшительно и спасительно. Слава событія сего по истинѣ весьма чуднаго принадлежитъ Господу Богу, ибо *Онъ единъ есть творяй чудеса;* но смѣемъ сказать, что по Немъ она принадлежитъ и Тебѣ, помазанникъ Его; ибо Онъ за живую вѣру Твою въ Него и за Твое благочестіе избралъ Тебя въ орудіе *сего истиннаго великаго дѣла Своего. Да возрадуется убо днесь* душа Твоя о Господѣ Бозѣ; мы же сорадуясь Тебѣ, молимъ и никогда молить Его со всею святою церковію не перестанемъ, да сохранитъ Онъ Тебя, яко зеницу ока, для блага ея и для блага Россіи, толико Тобою любимыя и то-

---

[1]) Тамъ же, марта 26-е.

лико Тебя, яко истиннаго отца своего, всею душою и всѣмъ сердцемъ своимъ любящія.» [1]) Государь, помолясь иконѣ, поцѣловалъ ее, потомъ взялъ ее въ руки и сказалъ: «Я очень радъ столь важному для православія событію.»

Такъ совершилось формальное возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію. Посмотримъ теперь, какъ оно приведено было въ исполненіе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ главнымъ образомъ было пребываніе и мѣсто уніи; какъ оно совершилось среди униатскаго народа.

Преосвященные Василій и Антоній получили извѣщеніе формальное о совершившемся возсоединеніи: 1) чрезъ синодальную грамоту, 2) чрезъ синодальный указъ.

Синодальная грамота была такого содержанія:

«Божіею милостію

Святѣйшій правительствующій всероссійскій синодъ.

«Боголюбезнѣйшимъ епископамъ: литовскому Іосифу, оршанскому Василію и брестскому Антонію, со священствомъ и духовными паствами.

«Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа и Святаго Духа.

«Благословенъ Богъ, положившій въ сердца ваши правыя, благія и спасительныя помышленія мира, и чрезъ то даровавшій намъ утѣшеніе простирать къ вамъ словеса мира и любви.

«По истинѣ, сколь прежде болѣзненно было, что отъ вѣковъ соединенные съ нами единствомъ рода, отечества, языка, вѣры, богослуженія, священноначалія, горестнымъ отторженіемъ подверглись многимъ затрудненіямъ и бѣдствіямъ и опасности совершеннаго духовнаго отчужденія: столь нынѣ вожделѣнно скрѣпленіе вновь древняго прерваннаго союза и возстановленіе совершеннаго единства.

«Надежду сего вожделѣннаго событія мы полагали преимущественно въ томъ, что въ церквахъ вашихъ, по благодати Божіей, ссхранился восточный священный чинъ богослуженія, проникнутый духомъ православныхъ догматовъ и преданій. По мѣрѣ какъ вы, державнымъ покровительствомъ благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, бывъ освобождены отъ посторонней зависимости, усугубляли ревность вашу о возстановленіи сего священнаго чина въ его древней чистотѣ, чаяніе наше возрастало, и наконецъ, боголюбезные братія, вы совершенно исполняете оное, обратясь къ древнему и истинному священному единству съ такимъ многочисленнаго священства

[1]) См. журналъ Прохора, г. 1839-й, 1-е апрѣля.

единогласіемъ, которое должно составить достопамятный примѣр въ церковныхъ лѣтописяхъ.

«Мы вняли вашему общему и торжественному обѣту признат вновь единство церкви вашея съ православно-каѳолическою во точною церковію, и пребывать отнынѣ, купно со ввѣренными вам паствами, въ единомысліи съ святѣйшими восточными право славными патріархами и въ послушаніи святѣйшему всероссій скому синоду: и пріемля отъ васъ обѣтъ сей предъ лицемъ Гос поднемъ, по благодати, дару и власти, данной намъ отъ великаг Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и отъ Святаго и всесовер шающаго Духа, послѣдуя священнымъ правиламъ и примѣрам святыхъ отецъ, пріемлемъ васъ и сущее съ вами священство духовныя паствы въ полное и совершенное общеніе святыя пра вославно-каѳолическія восточныя церкви и въ нераздѣльный со ставъ церкви всероссійскія, вознося молитву вѣры и любви къ великому Архіерею, прошедшему небеса, Верховному Святителю исповѣданія нашего Іисусу Христу, да утверждаетъ васъ выну въ изреченномъ вами исповѣданіи, и да благоуправляетъ дѣло служенія вашего къ совершенію святыхъ. Въ управленіи ввѣренными вамъ паствами, какъ и вѣдаете, подобаетъ вамъ послѣдовать слову Божію, правиламъ святыхъ апостоловъ, святыхъ соборовъ седми вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отецъ, а также и государственнымъ постановленіямъ. Такъ утверждайте, боголюбезные братія, ввѣренныя вамъ паствы въ единомысліи вѣры. Къ разнообразію же нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ, не касающихся догматовъ и таинствъ, мы положили являть апостольское снисхожденіе, и къ древнему единообразію возвращать оные посредствомъ свободнаго убѣжденія съ кротостію и долготерпѣніемъ».

Указомъ синодскимъ извѣщались преосвященные Василій и Антоній не только о совершившемся возсоединеніи уніатской церкви съ православною, но и о подчиненіи бѣлорусской литовской духовной коллегіи синоду. Но при разсылкѣ какъ преосвященнымъ возсоединеннымъ, такъ и древле православнымъ, этого указа, дано было Протасовымъ секретное предписаніе, не оглашать этого указа впредь до особаго повелѣнія, а только давать прочитывать его, съ подпискою въ прочтеніи, всѣмъ членамъ консисторіи, начальствующимъ лицамъ семинаріи, благочиннымъ и вообще только благонадежнымъ священникамъ, пріѣзжающимъ въ каѳедральный городъ, по мѣрѣ признаваемой къ тому возможности. Благочиннымъ разосланы были экземпляры этого указа съ тѣмъ, чтобы они также давали прочитывать его благонадежнымъ духовнымъ въ своемъ благочиніи. Съ такими же предосто-

разностями разосланы были экземпляры этого указа генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ западныхъ губерній. При этомъ Протасовъ обращался къ нимъ еще съ такого рода просьбою, чтобы они сдѣлали распоряженіе по ввѣреннымъ имъ губерніямъ о томъ, чтобы мѣстныя гражданскія начальства, предоставляя собственному усмотрѣнію приходскаго возсоединеннаго духовенства все касающееся богослуженія, хотя бы оное и не во всемъ согласно было съ богослуженіемъ православнымъ, ограничивались однимъ лишь тѣмъ этому духовенству содѣйствіемъ, въ которомъ оно само станетъ нуждаться; и чтобы генералъ-губернаторы извѣщали его о всемъ, что будетъ происходить по этому случаю во ввѣренной имъ мѣстности.

Въ литовской возсоединенной епархіи дѣло объявленія указа происходило совершенно по программѣ, начертанной правительствомъ. Преосвященный Антоній вызывалъ въ Жировицы благочинныхъ, настоятелей монастырей, и объявлялъ имъ указъ о возсоединеніи. Поводомъ къ вызову духовныхъ въ Жировицы служило то обстоятельство, что въ то время правительствомъ назначено было вспомоществованіе бѣднѣйшимъ духовнымъ изъ возсоединенныхъ; раздача этой суммы должна быть произведена чрезъ благочинныхъ, которые будто бы за полученіемъ ея и являлись въ каѳедру, гдѣ они и прочитывали указъ о возсоединеніи и дѣйствительно получали и вспомогательную сумму на бѣднѣйшіе причты своего благочинія, и гдѣ, кромѣ того, получали извѣщеніе, что скоро все возсоединенное духовенство будетъ получать отъ правительства постоянное денежное пособіе. Послѣднее обстоятельство производило самое благопріятное дѣйствіе на возсоединенныхъ и парализовало всякую оппозицію. Долгоруковъ и Антоній писали Протасову, что въ Жировицахъ вмѣсто папы поминается уже св. синодъ и символъ вѣры поется, какъ въ православныхъ церквахъ, и эти перемѣны не производятъ надъ прихожанами никакого дѣйствія: народъ по прежнему собирается на молитву въ храмы Божіи. Одинъ только іеромонахъ Яковъ Шахновскій, бывшій учителемъ въ мелицкомъ училищѣ Волынской губерніи и вытребованный въ Жировицы вслѣдствіе замѣченной въ немъ неблагонамѣренности, отказался отъ дальнѣйшаго участія въ богослуженіи [1]). Но Шахновскаго тотчасъ за это выслали въ Курскъ, и поступокъ его не имѣлъ никакого вліянія на другихъ.

Въ бѣлорусской епархіи допущено было отступленіе отъ правительственной программы въ способѣ объявленія указа о совер-

[1]) Вышеприведенное дѣло подъ № 48-мъ.

шившемся возсоединеніи. Въ недѣлю мироносицъ пр. Василій служилъ по окончаніи литургіи благодарственный молебенъ; но предъ начатіемъ этого молебна секретаремъ консисторіи прочитанъ помянутый указъ о возсоединеніи и о подчиненіи бывшей унитской коллегіи св. синоду. На благодарственномъ молебнѣ уже воспоминаемъ былъ св. синодъ вмѣсто папы. Все это, по свидѣтельству пр. Василія и Скрипицына, не произвело ни малѣйшаго безпокойства или удивленія въ молившихся въ полоцкомъ соборѣ; городъ былъ также спокоенъ; только полоцкій уѣздный предводитель произнесъ такую фразу предъ Скрипицынымъ: «стало быть все кончено, и мы всѣ давно этого ждали» [1]). *Но* въ Петербургѣ этимъ были встревожены и опасались дурныхъ послѣдствій; Протасовъ послалъ Скрипицыну строгій выговоръ, сваливая вину этого поступка главнымъ образомъ на него. «Получивъ рапортъ вашъ отъ 11-го апрѣля, писалъ Протасовъ, считаю нужнымъ изъяснить, что торжественное чтеніе чрезъ секретаря въ каѳедральной церкви указа, котораго даже печатаніе въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» отложено до времени, и молебствіе суть такія событія, которыми нарушена постепенность предначертанныхъ высшею властію мѣръ, вамъ извѣстныхъ и изъ моихъ словесныхъ наставленій и изъ тѣхъ бумагъ, кои даны были здѣсь мною вамъ къ прочтенію и собственному вашему свѣдѣнію и о коихъ сказано было, что первый указъ публикуется обыкновеннымъ образомъ; а чтеніе въ церкви и молебствіе необыкновеннымъ при публикаціи сенатскихъ указовъ. Тогда какъ, по предположенному свыше плану надлежало совершить возсоединеніе образомъ незамѣтнымъ, съ вѣдома одного только духовенства и гражданскихъ властей, безъ оглашенія публичнаго, и слѣдственно безъ всякаго впечатлѣнія на народъ,—вы, допустивъ прочтеніе указа въ церкви и торжественное преждевременное молебствіе, подали всѣмъ свидѣтелямъ того явный поводъ оффиціально знать то, что каждый изъ возсоединяемаго духовенства долженъ былъ знать про себя, къ своему собственному удостовѣренію и въ потребныхъ случаяхъ соображенію. Такимъ образомъ уничтожается въ публикѣ и народѣ та неопредѣленность понятія о правительственныхъ мѣрахъ, которая именно почтена была необходимою на извѣстное время, ибо народъ еще не вездѣ приготовленъ къ православію, и еще могутъ неблагонамѣренные люди мутить спокойствіе его совѣсти внушеніями, будто духовенство измѣняетъ вѣрѣ отцевъ. Ежели въ главномъ

---

[1]) Въ канц. Об. Пр. дѣло подъ № 19-мъ, донесенія состоящаго за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ св. синодѣ камергера Скрипицына.

городѣ епархіи при чтеніи указа и воспоминаніи новой духовной власти не послѣдовало безпорядковъ, въ чемъ и сомнѣваться нельзя было, ибо тутъ неблагонамѣренные конечно не могли бы рѣшиться на какой-нибудь дерзкій поступокъ въ виду всѣхъ властей: то сіе еще не доказываетъ, чтобы вслѣдствіе столь преждевременнаго дѣйствія не приключилось нарушенія спокойствія въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ вы не можете присутствовать. Сообщаю единственно къ свѣдѣнію вашему, что въ минувшемъ посту прихожане нѣсколькихъ селеній въ Овручьскомъ уѣздѣ не оказали ни малѣйшаго сопротивленія при преобразованіи церквей, и между тѣмъ никто изъ нихъ не пошелъ къ исповѣди: такое предубѣжденіе противъ того, что они почитаютъ измѣненіемъ вѣры, стоитъ самаго безпорядка и явно обличаетъ несвоевременность распоряженія о преобразованіи, коему ни въ какомъ случаѣ неслѣдовало-бы быть во время поста.

«Остаюсь въ недоумѣніи, какъ вы могли думать, что столь важное обстоятельство, каково публичное возвѣщеніе прекращенія уніи, я предоставилъ бы вамъ безъ особенной на сей случай инструкціи. Что касается мнѣнія преосвященнаго Василія о необходимости публично прочесть указъ и проч., то вамъ надлежало бы помнить свою обязанность не только поддерживать его въ случаѣ, когда бы онъ терялъ бодрость духа, но, и еще болѣе, воздерживать его отъ всякаго поспѣшнаго стремленія.

«Онъ самъ писалъ ко мнѣ по сему вопросу, который предоставлялъ на мое рѣшеніе; почему же вы не присовѣтовали ему подождать отвѣта? Мудрено предполагать тутъ мысль преосвященнаго, а не вашу собственную. Но какъ важная ошибка уже сдѣлана, и въ Полоцкѣ и въ окрестностяхъ его нигдѣ уже никто не считается въ неизвѣстности не только на счетъ подчиненія коллегіи (что еще можно бы было допустить въ народномъ понятіи и безъ принятія ими православія), но даже и на счетъ самаго принятія ими православія, и затѣмъ нѣтъ возможности вполнѣ возвратиться къ предначертанному высшею властію порядку; то предписываю вамъ къ непремѣнному исполненію слѣдующее:

«1. Сообщить преосвященному Василію, чтобы оставить дѣло возсоединенія въ томъ положеніи, какъ оно есть, не дѣлая ни шагу впередъ и дожидаясь синодскаго указа, а при немъ и моихъ особенныхъ по сему случаю отношеній о способѣ публикованія онаго.

«2. Не простирать никакихъ требованій къ измѣненію настоящаго образа богослуженія, а вездѣ лично, а не письменно строго наблюсти, чтобы не были измѣняемы никакіе вкоренившіеся

временемъ такъ-называемые уніатскіе обряды, молитвословія и другіе обычаи, потому что разница въ сихъ обрядахъ и обычаяхъ не составляетъ никакой разницы въ вѣрѣ.

«3. Строго наблюдать за дѣйствіями православныхъ духовныхъ лицъ, чтобы они не смущали бывшихъ уніатовъ неумѣстными замѣчаніями касательно несходства обычаевъ и надобности измѣнить ихъ, и о таковыхъ дѣйствіяхъ, буде случатся, доносить мнѣ немедленно.

«4. Не подвергать безъ особаго разрѣшенія взысканію священниковъ, кои не подражали бы каѳедрѣ въ повиновеніи, но внушить вообще благонадежнымъ священникамъ, чтобы до времени дѣйствовали смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ.

«5. Поелику вы изъясняете, что къ публичному извѣщенію указа и проч. вы приступили по зрѣломъ совѣщаніи, то донести мнѣ, изъ кого именно состояло это совѣщаніе, и кто какого мнѣнія держался, и также по собственному ли вашему убѣжденію одобрили вы помянутую мѣру вопреки даннымъ вамъ наставленіямъ.

«6. Доносить мнѣ какъ можно чаще и подробнѣе прежняго о всемъ происходящемъ по дѣлу возсоединенія, и о томъ, въ какихъ именно городахъ и мѣстахъ сдѣлалось извѣстнымъ публичное воспоминаніе въ Полоцкѣ св. синода, и гдѣ именно оно нашло подражателей, какое производитъ впечатлѣніе на умы и проч.

«7. Внутри церквей никакихъ публикацій впредь не допускать ни теперь, ни послѣ втораго указа.

«8. Молебствій никакихъ не дѣлать безъ разрѣшенія отсюда [1])».

Скрипицынъ конечно оправдывался, какъ могъ въ поступкѣ, совершенномъ Василіемъ; объяснялъ его своимъ искреннимъ усердіемъ и желаніемъ воспользоваться благопріятными мѣстными обстоятельствами къ успѣшнѣйшему достиженію благой цѣли; твердою увѣренностію въ благопріятномъ исходѣ этого дѣла, безполезностію далѣе скрывать его, такъ какъ о немъ знали уже польскіе помѣщики прежде нежели полученъ былъ указъ въ Полоцкѣ [2]).

Изъ Литвы и Бѣлоруссіи получались самыя благопріятныя извѣстія: нѣкоторые священники сами, по собственному движенію, пропускали въ служеніи имя папы и вмѣсто его упоминали св. синодъ. Но правительство, несмотря на всѣ эти благо-

---

[1]) Вышеприведенное дѣло подъ № 19.

[2]) Тамъ же.

прітные признаки, дѣйствовало крайне осторожно; формальное чтеніе или объявленіе указа о совершившемся возсоединеніи было все-таки еще дѣломъ тайны, доступной только для нѣкоторыхъ избранныхъ.

Но наконецъ нужно же было показать массѣ унитскаго народа въ самыхъ центрахъ ея пребыванія чѣмъ-нибудь болѣе видимымъ, болѣе яснымъ и формальнымъ, чѣмъ всѣ доселѣ происходившія дѣйствія, что возсоединеніе ея съ православною церковію совершилось. И вотъ, положено было воспользоваться случаемъ отправленія кіевскаго митрополита Филарета изъ Петербурга въ Кіевъ, чтобы торжественнымъ образомъ извѣстить бывшій унитскій народъ о совершившемся возсоединеніи; для этой цѣли митрополитъ долженъ былъ ѣхать въ Кіевъ чрезъ Витебскъ, гдѣ назначено было торжественное служеніе. Напередъ извѣщены были о прибытіи митрополита въ Витебскъ Скрипицынъ, епископы Исидоръ и Василій, а также и мѣстныя гражданскія власти. Пріемъ митрополиту приготовленъ былъ самый торжественный; Скрипицынъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу за 40 верстъ отъ Витебска; оба епископа напередъ прибыли въ Витебскъ и ожидали его пріѣзда; когда пріѣхалъ митрополитъ въ Витебскъ, то при звонѣ колоколовъ встрѣченъ былъ въ соборѣ обоими епископами, духовенствомъ древле православнымъ и возсоединеннымъ, также генералъ-губернаторомъ и другими гражданскими чиновниками въ полной формѣ. На другой день, который былъ Троицынъ-день, митрополитъ прибылъ изъ Маркова монастыря, гдѣ назначено ему было пребываніе, въ витебскій успенскій соборъ и вмѣстѣ съ двумя епископами Исидоромъ и Василіемъ, также 8-ю священниками, изъ которыхъ 4 были древле православные, а 4 возсоединенные, служилъ литургію, на которой возложилъ камилавку на возсоединеннаго протоіерея Голембіовскаго и скуфью на священника, также возсоединеннаго, Валюшевича.

Послѣ литургіи отслужена была положенная въ тотъ день по уставу вечерня. По окончаніи вечерни соборный протоіерей прочелъ синодальный указъ о возсоединеніи, съ нѣкоторыми выпусками. Въ это время митрополитъ громогласно провозгласилъ: «Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!» И пѣвчіе отвѣчали: «Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!» Наконецъ, провозглашено было многолѣтіе государю императору и всему царствующему дому, также синоду и восточнымъ патріархамъ. Результатъ этого служенія превзошелъ ожиданіе православныхъ и возсоединенныхъ: народъ толпился около митрополита, чтобы получить его благословеніе.

Въ дворянскомъ домѣ, куда приглашенъ былъ митрополитъ

предводителемъ дворянства, ему представлялись всѣ чиновник безъ различія вѣроисповѣданій; городское общество поднес хлѣбъ-соль и просило митрополита служить на другой день в возсоединенной унитской церкви Петра и Павла. Митрополит встрѣченъ былъ въ этой церкви почетными гражданами со свѣчами въ рукахъ; послѣ литургіи былъ молебенъ, на который с брались священники православные и возсоединенные не тольк городскіе, но многіе и изъ деревень. Само собою разумѣетс что какъ на литургіи, такъ и на молебнѣ поминался св. синод Народъ съ какимъ-то одушевленіемъ стремился къ митрополиту но это воодушевленіе достигло крайнихъ предѣловъ, когда митрополитъ благословилъ городское витебское общество иконо Спасителя: всякій изъ членовъ общества хотѣлъ владѣть это иконою, и дѣло дошло даже до серьезнаго спора. Радость митрополита и всѣхъ друзей православія была самая живая, а Василія—неописанная.

Государь былъ въ восторгѣ отъ этихъ извѣстій и на докладахъ Протасова о всемъ этомъ писалъ: «Слава Богу! Утѣшительно читать!» Хотя указъ о возсоединеніи не былъ читанъ, по приказанію Протасова, въ приходскихъ возсоединенныхъ церквахъ, но теперь, послѣ митрополитскаго служенія въ Витебскѣ, всѣмъ уже стало извѣстно, что унія перестала существовать, а потому приходскіе возсоединенные священники теперь сами перестали поминать въ богослуженіи папу. Теперь уже получены были благочинными и экземпляры синодскаго указа о возсоединеніи и показывались священникамъ.

Богослуженіе кіевскаго митрополита въ Витебскѣ было 14-го и 15-го мая, а въ первыхъ числахъ іюня Іосифъ служилъ въ Полоцкѣ и въ Минскѣ совмѣстно съ православными нашими архіереями Исидоромъ и Никанoромъ. Протасовъ заблаговременно извѣстилъ объ имѣющемъ быть служеніи Іосифа въ упомянутыхъ городахъ Скрипицына и двухъ древле православныхъ архіереевъ. Скрипицынъ долженъ былъ сопровождать Іосифа во всѣхъ его поѣздкахъ и присутствовать при его служеніяхъ. По описанію Скрипицына, это торжество происходило такъ: 4-го іюня, архіепископъ вмѣстѣ съ епископами Исидоромъ и Василіемъ, также съ многочисленнымъ духовенствомъ обѣихъ епархій совершилъ литургію въ древле православномъ каѳедральномъ соборѣ. Стеченіе народа для уѣзднаго города было необыкновенное: впереди стояли кадеты, за ними семинаристы; по правую сторону дворянское училище, на хорахъ уѣздныя училища обѣихъ епархій, а все прочее пространство огромнаго собора наполнено было разными сословіями городскихъ и сельскихъ жи-

телей, всего до 1,500 человѣкъ. На одномъ клиросѣ были пѣвчіе пр. Исидора, на другомъ пр. Василія. Дискосъ на великомъ выходѣ принималъ Іосифъ, а потомъ Исидоръ; по окончаніи литургіи отправленъ былъ благодарственный молебенъ, за которымъ провозглашено многолѣтіе государю императору, царствующему дому, св. синоду и патріархамъ. Къ молебну облачилось и все прибывшее по разнымъ причинамъ изъ епархій духовенство, всего до 34-хъ священниковъ. Когда архіепископъ разоблачился, то Скрипицынъ поспѣшилъ принять его благословеніе; примѣру Скрипицына послѣдовали многіе изъ бывшихъ въ церкви, что придало выходу его изъ храма полную торжественность.

Въ домѣ, гдѣ остановился Іосифъ, ему представилась депутація отъ полоцкаго городского общества, состоявшая изъ городского головы и почетнѣйшихъ гражданъ, частію древле православныхъ, частію возсоединенныхъ, и принесла ему благодарность за доставленную имъ радость его торжественнымъ служеніемъ. Торжество заключилось обѣдомъ у пр. Исидора, гдѣ были Іосифъ и Василій, первый былъ въ рясѣ и клобукѣ.

«Все это, пишетъ Скрипицынъ, дало пищу разговорамъ о великолѣпномъ, небываломъ здѣсь богослуженіи, о походкѣ, манерахъ, голосѣ служащихъ и проч., о важнѣйшемъ же, т.-е. о совмѣстномъ служеніи почти и рѣчи не было и нѣтъ, потому что, почитая это дѣло конченнымъ, находятъ и событіе правильнымъ, и всякое сужденіе о немъ несвоевременнымъ. Во все время доброе согласіе между главнѣйшими дѣйствующими лицами не нарушалось; но самая строгая справедливость побуждаетъ меня по совѣсти свидѣтельствовать предъ вашимъ сіятельствомъ о искреннемъ радушіи, съ которымъ древле православное духовенство приняло въ семъ случаѣ новыхъ собратій своихъ, и о примѣрной уступчивости, съ которою каждый изъ нихъ готовъ былъ пожертвовать и правами старшинства по службѣ и занимаемаго мѣста для того только, чтобы не оскорбить самолюбіе новыхъ товарищей, къ чему неоспоримо расположили ихъ наставленія и примѣръ епископа».

Для полноты картины считаемъ нужнымъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, имѣвшемъ нѣкоторое отношеніе къ служенію Іосифа въ полоцкомъ православномъ соборѣ. «Наканунѣ служенія, говоритъ тотъ же Скрипицынъ, нѣкоторыя малодушныя гражданскія лица, вѣроятно тайно движимыя неблагонамѣренными, вздумали остерегать меня вслѣдствіе слуховъ на счетъ личной моей безопасности, и сообщили даже о томъ военному уѣздному начальству, которое я просилъ не давать ника-

кого этому хода, а самъ обратилъ это въ шутку, выслушавъ какъ бы забавную сказку, принимая въ соображеніе, что преслѣдованіе гласнаго толка дастъ ему видъ правдоподобія; а еслибы тутъ и скрывалась искра истины, то въ дѣлѣ государственномъ одно лицо не заслуживаетъ вниманія. Послѣдствія доказали, что это, кажется, былъ послѣдній опытъ, которому хотѣли меня подвергнуть. Доношу же о семъ единственно изъ опасенія, чтобы какіе-либо ложные о семъ слухи не дошли до вашего сіятельства, всепокорнѣйше прося благоволить не обращать на то ни малѣйшаго вниманія, какъ на вздоръ, который кончился, какъ былъ принятъ — шуткою [1])».

Въ Минскѣ по мѣстнымъ обстоятельствамъ можно было опасаться не махинацій польскихъ, не злоухищреній ксендзовъ, а умышленнаго равнодушія къ торжественному служенію Іосифа — здѣсь нужно было заботиться о возбужденіи вниманія и любопытства. Скрипицынъ съ свойственною ему энергіею привелъ въ движеніе всѣ средства для достиженія этой цѣли; по его распоряженію, Іосифъ ѣхалъ въ каретѣ, запряженной 6-ю лошадьми, съ двумя конными жандармами впереди и въ сопровожденіи полиціймейстера; предъ минскимъ соборомъ стоялъ церковный парадъ. Іосифъ и Никаноръ взошли въ соборъ оба вмѣстѣ, въ мантіяхъ, и вмѣстѣ облачались на амвонѣ; по распоряженію Никанора царскія врата не затворялись во время всей литургіи, чтобы всякій, даже иновѣрецъ, могъ видѣть совершенное единеніе; даже и во время причащенія св. таинъ царскія двери были отворены какъ въ Пасху.

По окончаніи литургіи былъ по обычаю благодарственный молебенъ, на которомъ было 24 священника, провозглашено многолѣтіе государю и всему царствующему дому, синоду и вселенскимъ патріархамъ.

Впечатлѣніе, произведенное служеніями въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Минскѣ было огромное: оно пересилило всѣ тѣ впечатлѣнія, которыя получалъ народъ отъ римскихъ процессій и церемоній, бывавшихъ въ этихъ мѣстностяхъ, и располагало умы народа въ пользу православія; а главное, теперь народъ унитскій до очевидной ясности увѣрился, что унія кончилась и возсоединеніе съ православною церковію совершилось. «На возвратномъ пути изъ Жировицъ какъ дорогою, такъ и въ Минскѣ, писалъ Скрипицынъ Протасову, я старался узнавать, какое впечатлѣніе и какіе толки произвело служеніе двухъ архіепископовъ, и оказалось, что простой народъ совершенно покоенъ,

---

[1]) Вышеприведенное дѣло подъ № 19-мъ.

а духовенство (латинское) и помѣщики убѣдились, что дѣло совершенно кончено, и уніи болѣе нѣтъ. Между послѣдними распространилась благодѣтельная мысль, что теперь всякое сужденіе объ этомъ будетъ уже принято правительствомъ, какъ открытое дѣйствіе противъ высочайшей воли, что всѣхъ ихъ удерживаетъ въ границахъ совершеннаго благоразумія [1])».

Пребываніе Іосифа и служеніе его въ Жировицахъ привело его къ мысли, что теперь уже настало время оффиціальнымъ образомъ сообщить свѣдѣніе о совершившемся возсоединеніи уніатовъ, такъ что онъ, прежде главный поборникъ идеи неопубликованія указа объ окончаніи уніи, теперь сталъ доказывать Протасову, что какъ можно скорѣе нужно опубликовать во всеобщее свѣдѣніе указъ о возсоединеніи. «Таковая гласность необходима, писалъ онъ Протасову, какъ для дѣйствія духовнаго возсоединеннаго начальства, такъ и для сношеній онаго съ другими вѣдомствами». Потомъ въ другомъ письмѣ къ Протасову онъ мотивируетъ свою мысль такъ: «вотъ я еще пробылъ недѣлю въ Жировицахъ, и все по прежнему благополучно. Въ субботу была здѣсь ярмарка, и по сему случаю довольно значительное стеченіе народа. Все было совершенно тихо, хотя полиціи почти никакой не было. Народъ молился по обыкновенію усердно, несмотря, что вмѣсто папы поминается св. синодъ; что слово: «и Сына» пропускается; что епископъ Антоній, Тупальскій, одинъ благочинный и полоцкій діаконъ съ бородами; что я нарочно присутствовалъ при богослуженіи въ рясѣ и клобукѣ. Однихъ бывшихъ въ сей день у исповѣди и св. причастія было 600 человѣкъ. Вчера мы торжествовали день царя нашего отца; я служилъ съ многочисленнымъ духовенствомъ, а къ молебну вышелъ и преосвященный Антоній. Благочинные и духовенство привезли мнѣ въ Жировицы совершенно удовлетворительныя извѣстія.... Я желалъ бы сдѣлать ваше сіятельство совершенно спокойнымъ на счетъ дальнѣйшаго хода дѣла. Я не предвижу ничего важнаго; а на мелочи и не слѣдуетъ обращать вниманія; все, дастъ Богъ, уладится безъ большихъ неудобствъ и шума. Еще разъ прошу ваше сіятельство о скорѣйшемъ публикованіи указа о возсоединеніи уніатовъ къ православной церкви; это, кажется, необходимо. Къ нашему духовенству по многимъ мѣстамъ обращаются уже римляне о принятіи ихъ на лоно православія, или къ вѣнчанію, а между тѣмъ мы еще не можемъ воспользоваться откровенно правами господствующей церкви. При публикаціи покорнѣйше прошу прислать для литовской

---

[1]) Вышеприведенное дѣло подъ № 19-мъ.

епархіи около 50-ти печатныхъ экземпляровъ, для храненія по одному у каждаго благочиннаго и настоятеля монастыря, дабы указъ сей могъ быть объявляемъ безъ затрудненія тѣмъ изъ нынѣшнихъ сомнительныхъ еще духовныхъ, кои впослѣдствіи изъявятъ желаніе присоединиться къ православію [1])».

Торжественныя служенія возсоединенныхъ архіереевъ съ древле-православнымъ духовенствомъ шли своимъ чередомъ: кромѣ тройственнаго служенія въ Жировицахъ, по случаю нареченія Голубовича въ санъ епископа пинскаго, гдѣ съ Іосифомъ участвовали Исидоръ и Антоній, 8-го сентября было торжественное служеніе въ самой Вильнѣ, по случаю посвященія того же Голубовича въ епископы. Здѣсь уже сами римляне были свидѣтелями торжества православія.

Обильный такими важными для Россіи событіями 1839-й годъ близился къ концу, всѣ предначертанія Государя касательно уніатовъ исполнились успѣшно, всѣ опасенія разсѣялись; теперь уже таинственность была неумѣстна, и даже необходимо было формально, торжественно, во всеуслышаніе всей Европы провозгласить, что уніи нѣтъ въ русскихъ владѣніяхъ и она не можетъ быть въ православной Россіи.

Мало-по-малу стали исходить изъ мрака эти объявленія: въ первыхъ числахъ октября было обнародовано о совершившемся возсоединеніи уніатовъ съ православною церковію; потомъ закрытъ былъ секретный комитетъ по унитскимъ дѣламъ [2]), наконецъ выбита была медаль на возсоединеніе уніатовъ, изображающая І. Христа на одной сторонѣ, съ такою надписью: «таковъ подобаше намъ архіерей», т.-е.: не папа есть глава церкви, а І. Христосъ, а въ то же время намекала надпись и на то, что архіерей долженъ быть съ бородою, съ длинными волосами, по подражанію пастыреначальнику І. Христу, а не бритый, какъ латинскій папа и латинскіе архіереи. На другой сторонѣ медали надпись: «отторженные насиліемъ возсоединены любовію», — резюмировала всю прошедшую исторію унитской церкви и весь процессъ возвращенія ея въ лоно-православія. А по мысли кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова, утверждено было какъ для древле-православныхъ, такъ и возсоединенныхъ, одно общее названіе «православныхъ», чѣмъ давалось разумѣть, что всякое различіе между православными и бывшими унитами теперь уничтожено, и что духовенство возсоединенное и семей-

---

[1]) Вышеприведенное дѣло подъ № 48-мъ.

[2]) Всеподданнѣйшіе доклады Об.-Пр. св. синода за 1839-й годъ №№ 222, 223.

ства ихъ пользуются тѣми же правами, какими вообще пользуется православное духовенство.

Въ началѣ 1840 года произошло окончательное устройство возсоединенныхъ епархій въ іерархическомъ отношеніи и совершенное сглаженіе слѣдовъ бывшей уніи—правительство разграничило предѣлы возсоединенныхъ епархій, т.-е.: перенесло церкви бѣлорусской епархіи, состоящія въ Минской губерніи, въ минскую епархію, а церкви полоцкой епархіи, состоящія въ Виленской губерніи, причислило къ епархіи литовской, а церкви бывшія унитскія, состоящія въ епархіяхъ кіевской, подольской, волынской, могилевской, передало вѣдѣнію православныхъ архіереевъ этихъ епархій. При этомъ распредѣленіи Іосифу и его преемникамъ назначено имѣть каѳедру въ Вильнѣ и именоваться литовскимъ и виленскимъ и священно-архимандритомъ Свято-Троицкаго виленскаго монастыря. Епархія литовская въ то же время поставлена была во 2-мъ классѣ и въ порядкѣ епархій должна занимать мѣсто прямо послѣ херсонской. Реформа коснулась и бѣлорусской епархіи: Василію велѣно было именоваться полоцкимъ и витебскимъ [1]).

Такъ какъ унитскіе духовные, будучи постоянными свидѣтелями обращенія нашихъ древле-православныхъ архіереевъ съ подчиненнымъ имъ духовенствомъ, болѣе всего возмущались мыслію о томъ, что и ихъ участь будетъ зависѣть отъ такихъ грубыхъ и невѣжественныхъ начальниковъ, и между прочимъ многіе изъ нихъ единственно по этому не принимали православія; то правительство сдѣлало съ своей стороны все, чѣмъ могли быть уничтожены опасенія возсоединеннаго духовенства: въ Минскъ назначенъ былъ Антоній Зубко на мѣсто Никанора, котораго преимущественно боялось и не любило уніатское духовенство; древле-православнымъ архіереямъ, къ которымъ переходила часть возсоединенной паствы, посланы были секретныя правила касательно образа управленія возсоединенными церквами, гдѣ между прочимъ предписывалось архіереямъ, чтобы они, примѣняясь къ обстоятельствамъ и по уваженію того, что возсоединенное духовенство мало еще ознакомилось съ правилами, принятыми въ порядкѣ управленія древле-православными епархіями, не стѣснялись общими положеніями, и въ исправленіи упущеній и проступковъ употребляли мѣры, сколько возможно, снисходительныя и негласныя [2]).

---

[1]) Въ канц. Об.-Пр. св. син. дѣло 1840 года, № 4, о распредѣленіи границъ нѣкоторыхъ изъ западныхъ губерній.

[2]) Тамъ же.

Нѣтъ нужды распространяться намъ о важности и знач
факта возсоединенія уніатовъ съ православною церковію;
него уже настаетъ исторія, и она-то произнесетъ надъ н
свой судъ, называя его событіемъ, имѣющимъ огромную в
ность не только въ церковномъ, но еще болѣе въ государст
номъ отношеніи,—событіемъ, укрѣпляющимъ на вѣчныя вре
на западный нашъ край за Россіей, дающимъ Россіи въ по
тора-милліонной массѣ народа, вмѣсто прежнихъ враговъ Р
сіи и православія, вмѣсто пособниковъ Польши и сторонник
латинства, друзей, вѣрныхъ сыновъ Россіи.

Но мы, еще слишкомъ близкіе свидѣтели этого событ
вполнѣ не можемъ измѣрить и обнять всей обширности зна
нія его; въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ, въ дальнѣйшихъ су
бахъ Россіи яснѣе, выпуклѣе и полнѣе обозначится гром
ность этого факта, несмотря на тѣ махинаціи, на тотъ тума
которыми окружали покойнаго Государя польско-латинская ин
рига и продажность и лукавство русскаго чиновничества, и н
смотря на глупость и тупоуміе отечественныхъ администра
ровъ.

Впрочемъ, мнѣ кажется, что въ эпоху совершенія этого с
бытія больше сознавалось значеніе его для Россіи противно
стороною, чѣмъ самими русскими, безъ сомнѣнія за немногим
исключеніями. По крайней мѣрѣ то извѣстно, что польско-ла
тинская партія пришла въ сильное движеніе и, не имѣя во
можности открыто противопоставить силѣ силу, боясь полиці
и плачемъ выражая свою злобу [1]), она тѣмъ усиленнѣе начал
вести свои подкопы подъ землею, тайно, дома и за границей
Первымъ дѣломъ ея было возбудить общественное мнѣніе в
Европѣ, а преимущественно въ Римѣ. Польскіе мятежник
1830 года, разные бѣглые католическіе попы, монахи всѣх
римскихъ орденовъ явились изъ нашихъ западныхъ губерній в
Римѣ и осадили римскую курію, съ воплями о гоненіяхъ рим
ской вѣры въ Россіи. Папа Григорій XVI (Каппелляри), чело
вѣкъ самый чувственный, любившій много ѣсть и почти всег
да выходившій изъ-за стола пьянымъ, жившій съ женою сво
его цырюльника и прижившій съ нею сына, котораго всѣ жи
тели Рима не иначе называли, какъ Grigoriolo—Гриша, огром
ный ростомъ, съ весьма развитыми мускулами, грубый и лю
бящій самыя вульгарныя удовольствія, былъ современником

[1]) Въ канц. Об.-Пр. св. син. дѣло 1839 года № 19-й. Донесеніе состоящаго за оберъ-прокур. столомъ въ св. син. камм.-г. Скрипицына и въ немъ письмо священника Голембіовскаго къ Скрипицыну, и письмо Скрипицына къ Протасову.

совершившагося у насъ возсоединенія уніатовъ[1]). Онъ былъ игрушкою своихъ государственныхъ секретарей, сначала Бернетти, а потомъ Ламбрускини. Послѣдній управлялъ Григоріемъ XVI-мъ самымъ тиранническимъ образомъ и внушалъ ему къ себѣ такой страхъ, что когда папа встрѣчалъ въ своихъ комнатахъ своего секретаря, идущаго къ нему съ бумагами, то, не заглядывая въ нихъ, вскрикивалъ: «весьма хорошо, ваше преосвященство, весьма хорошо; ваше преосвященство дѣлаетъ чудесно; продолжайте, продолжайте![2])». Этотъ секретарь папы, управлявшій всѣми дѣлами латинской церкви, былъ человѣкъ гордый, упрямый, горячій ультрамонтанъ, а потому и другъ іезуитовъ. Къ нему-то по преимуществу и устремилась польско-іезуитская партія съ своими воплями о гоненіяхъ и преслѣдованіяхъ католицизма въ Россіи. Въ конфиденціальномъ объясненіи съ нашимъ посланникомъ въ Римѣ, Потемкинымъ, Каппачини, помощникъ Ламбрускини, прямо сказалъ, что—les Polonais proscrits recherchent par tous les moyens de soulever l'opinion en leur faveur, en représentant le gouvernement Impérial comme persécuteur du catholicisme et s'efforçant constamment à susciter l'animadversion du Siége par les rapports clandestins qu'ils adressent à S. Siége; que tout récemment encore lui-même avait remis à sa Sainteté une lettre, qui lui était parvenue sous l'enveloppe du cardinal Lambruschini, de la part d'un Polonais résidant à Paris et qui contenait des détails sur les prétendues persécutions[3]).

Партія эта въ Римѣ и Парижѣ старалась увлечь папу или лучше Ламбрускини къ какой-нибудь крайней мѣрѣ, тѣмъ болѣе, что она считала себя побѣдительницею въ недавнихъ столкновеніяхъ римскаго двора съ прусскимъ правительствомъ въ дѣлѣ кёльнскаго архіепископа и въ такъ-называемыхъ смѣшанныхъ бракахъ лютеранъ и протестантовъ съ католиками, или по крайней мѣрѣ ей удалось увлечь римскій дворъ къ крайнимъ мѣрамъ. Напрасно просвѣщенный и умѣренный Каппачини употреблялъ всѣ съ своей стороны усилія, чтобы поставить римскій дворъ на прямую и вѣрную точку воззрѣнія на дѣло унитское и убѣждалъ папу ограничиться въ этомъ дѣлѣ простымъ только увѣщаніемъ къ возсоединившимся епископамъ[4]);

---

[1]) Histoire diplomatique des Conclaves par Petruccelli Della Gattina, VI vol. 409—421; также La Rome des papes, tom. II, 315—343.

[2]) Histoire diplomatique des Conclaves, t. IV, pag. 417.

[3]) Депеша подъ №№ 9468-й, 9479-й.

[4]) Ib. № 8443.

вліяніе Ламбрускини, подстрекаемаго поляками и іезуитами, все болѣе и болѣе одерживало верхъ надъ Григоріемъ XVI-мъ. Отношеніе къ намъ папскаго двора становилось день ото дня враждебнѣе, и нашъ посланникъ въ Римѣ писалъ гр. Нессельроду: «il faut bien le dire, nous sommes regardés depuis quelque temps surtout avec une méfiance affreuse, et telle qu' elle peut dégénérer d'un moment à l'autre en une inimitié ouverte[1])». Мало того: бѣглецы польскіе и іезуиты изъ поляковъ, изгнанные въ 1820-мъ году изъ Россіи, задумали планъ, совершенно достойный этого святого общества: бывшіе польскіе мятежники должны были вступить въ іезуитскій орденъ, перемѣнить свои имена, и въ одеждѣ духовныхъ пробраться въ Краковъ, Галицію и отсюда въ Польшу и тамъ произвести мятежъ. Руководителемъ этого плана былъ нѣкто Непомученъ, ректоръ іезуитскаго коллежъ въ Фрибургѣ, уроженецъ бѣлорусскій, изгнанный изъ Россіи въ 1820-мъ году и перемѣнившій во время удаленія изъ Россіи свое имя Непомученъ на Галичъ, по всей вѣроятности, съ заднею мыслію и съ намѣреніемъ нѣкогда попасть въ Россію подъ покровомъ фальшиваго имени и производить тамъ іезуитскія козни[2]). Въ этомъ планѣ приняло участіе высшее духовенство Рима, какъ достовѣрно узнало наше правительство, и одинъ изъ римскихъ сановниковъ, близкихъ къ папѣ, монсиньоръ Гарибальди, прямо обѣщалъ одному знатному поляку выхлопотать папское одобреніе и содѣйствіе осуществленію этого плана[3]). Сильныя представленія и объясненія нашего посланника въ Римѣ съ Ламбрускини остановили осуществленіе этого плана, или по крайней мѣрѣ отстрочили исполненіе его. За то, тѣмъ усиленнѣе стала работать эта партія надъ тѣмъ, чтобы заставить папу рѣшиться на какой-нибудь крайній шагъ по отношенію къ Россіи вслѣдствіе унитскаго дѣла. Потемкинъ постоянно выражалъ въ своихъ депешахъ къ Нессельроду свои опасенія на счетъ будущихъ дѣйствій папы въ отношеніи къ русскому двору. Государь при этихъ извѣстіяхъ сохранялъ полное спокойствіе, совершенное сознаніе своего достоинства, и велѣлъ сообщить своему посланнику въ Римѣ такія его слова папѣ касательно унитскаго дѣла: «La

---

[1]) Ib. №№ 8903, 8905, 9478.

[2]) Ib. №№ 9479,—8905.

[3]) Ib. №№ 8903, 1929, 1920. Аугсбургская газета отъ 16 сентября 1839 года передавала извѣстіе одного очевидца, который самъ былъ свидѣтелемъ, какъ на экзаменѣ клириковъ въ іезуитскомъ коллежъ въ числѣ кандидатовъ на священство находились и многіе изъ поляковъ съ рубцами на щекахъ, свидѣтельствующими о ихъ дѣятельномъ участіи въ польскомъ мятежѣ.

question des ex-grecs-unis est fort simple. Lorsque politiquement séparés de la Russie, les habitants grecs furent privés de leur chef de l'église, ils acceptèrent pour tel le pape; les actes existent et prouvent que cela n' à eté qu'une reconnaissance politique; dans ce moment ce même clergé a demandé à rentrer dans le giron de l'église-mére dont ils ne se consideraient *jamais* comme séparés — la chose a été accordée et amen!» На эту тему, данную самимъ Императоромъ, долженъ былъ вести свои объясненія съ римскимъ дворомъ Потемкинъ [1]). Къ этому Потемкинъ долженъ былъ, по наставленію гр. Нессельрода, прибавить, что возсоединеніе уніатовъ есть уже совершившійся фактъ; что православная вѣра была исконною вѣрою нашихъ западныхъ губерній, а католицизмъ есть религія новая въ этихъ странахъ, какъ это показываетъ самая исторія уніи, и что наконецъ правительство оставалось совершенно чуждымъ этому дѣлу [2]). Такого рода объясненія, конечно, не остановили предпріятій ультрамонтанской партіи, и папа 22 ноября 1839 года разразился въ своей консисторіи рѣчью, по дѣлу возсоединенія уніатовъ. Приступъ, или начало этой рѣчи, изображалъ, что то несчастіе, о которомъ папа намѣренъ повѣдать своимъ почтеннымъ братьямъ, превосходитъ всѣ доселѣ поражавшія церковь бѣдствія. Потомъ, разсказавши извѣстныя сказки объ отпаденіи русскихъ отъ католическаго единства, о добровольномъ будто бы принятіи уніи жителями нашихъ западныхъ губерній, о ихъ будто бы благоденствіи подъ польскимъ правительствомъ, переходитъ къ описанію возсоединенія уніатовъ съ православною церковію, и здѣсь не щадитъ самыхъ яркихъ красокъ, не скупится на самую грубую ложь и клевету, особенно когда касается главныхъ дѣятелей въ дѣлѣ возсоединенія; говоритъ, что это дѣло совершилось обманомъ, хитростію. Далѣе изображаетъ, какую скорбь это событіе причинило ему, и по этому случаю называетъ возсоединенныхъ епископовъ отступниками; какія гибельныя послѣдствія могутъ послѣдовать отъ этого для католиковъ, оставшихся вѣрными римской церкви; а потому онъ предъ лицомъ всего міра не престанетъ жаловаться на отпаденіе уніатовъ отъ римской церкви, а особенно на отпаденіе епископовъ, и будетъ поражать самымъ тяжкимъ порицаніемъ обиду, нанесенную ими католической церкви. Впрочемъ подражая Тому, который богатъ милосердіемъ и который пришелъ взыскать и спасти погибшаго, папа не лишаетъ своей

---

[1]) Депеша № 1917.

[2]) Ib. № 1917.

милости и возсоединенныхъ епископовъ и каждаго изъ нихъ убѣдительнѣйше проситъ подумать, откуда они ниспали, и какимъ страшнымъ наказаніямъ должны быть подвергнуты по каноническимъ правиламъ; грозитъ имъ страшнымъ судомъ и проситъ возвратиться на путь истины. Рѣчь заключается словами, что вообще католичество въ Россіи находится въ стѣсненномъ положеніи, но папа употребитъ всѣ мѣры къ облегченію этого положенія, будетъ ходатайствовать за церковь римскую предъ русскимъ Императоромъ, который по своей честности или прямодушію исполнитъ желаніе его, а для этой цѣли будетъ молить Бога, чтобы Онъ милостиво призрѣлъ на свое наслѣдіе и помогъ бы своей церкви, оплакивающей отпаденіе своихъ сыновъ, и далъ бы желанное счастіе.

Вотъ подлинный текстъ папской рѣчи: «Venerabiles Fratres! Multa quidem gravia et acerba inde ab initiis apostolici officii munere coacti fuimus diuturna temporum adversitate ex hoc ipso loco nuntiavi. At quidem in hodierno coetu vestro moerorem inter ac luctum ecclesiae universae sumus nuntiati, ejusmodi profecto est, ut malorum, quae alias ingermimus, longe superet acerbitatem etc. etc.»

Хотя рѣчь папы и была тотчасъ перепечатана въ нѣкоторыхъ газетахъ, напр.: во Франкфуртской (см. № 336), но она не произвела того впечатлѣнія на европейское общество, какого ожидала іезуитско-польская партія. «Quant à l'impression, писалъ Потемкинъ Нессельроду, général que ce manifeste a produit ici, elle parait bien moins profonde, qu'on ne pourrait le croire ailleurs.»

Наше правительство, т.-е. государь императоръ, осталось довольно умѣреннымъ тономъ папской рѣчи, особенно сравнительно съ тѣми филиппиками, которыя сказаны были папою противъ прусскаго правительства, по случаю заключенія въ крѣпость архіепископа кёльнскаго, а главное, у насъ хотѣлось скорѣе положить конецъ всѣмъ разглагольствованіямъ папы объ унитахъ, а потому не обращало вниманія ни на какія печатныя клеветы, распѣваемыя въ европейской прессѣ о прекращеніи уніи. Даже появленіе книги адвоката и оратора ультрамонтанской партіи Монталамбера: «Vicissitudes de l'église catholique des deux rites en Pologne et en Russie» прошло незамѣченнымъ или не возбудило того вниманія въ нашемъ правительствѣ, какое должно бы было возбудить. Только одна уже слишкомъ пошлая и слишкомъ возмутительная клевета какъ бы вывела наше правительство изъ его пассивнаго состоянія. Эта клевета выдумана была польско-іезуитскою партіею, потерпѣвшею неудачи въ Римѣ

и обманувшеюся въ своихъ революціонныхъ разсчетахъ въ Россіи и желавшей чѣмъ бы то ни было отмстить Россіи за возсоединеніе уніатовъ и возбудить противъ нея европейское общественное мнѣніе. Дѣло заключалось въ выдуманной исторіи о мученіи игуменьи базиліанскаго монастыря Макрины Мечиславской. Исторія эта въ первый разъ явилась въ польской газетѣ «Trois-Mai», подхвачена въ «l'Univers» и «l'Ami de la Religion» ультрамонтанскими газетами, отсюда перешла во всю европейскую журналистику, и породила разныя брошюры. Во всѣхъ этихъ іезуитскихъ произведеніяхъ съ ужасомъ разсказывалось, какъ Сѣмашко,—этотъ отступникъ, тиранъ и палачъ, мучилъ монахинь минскаго базиліанскаго монастыря и заставлялъ ихъ принять проклятую схизму, и какъ онѣ при всѣхъ мученіяхъ остались вѣрны католической церкви. За вѣрность святому апостольскому престолу, этихъ монахинь, по приказанію кровожаднаго Сѣмашко, сковывали по двѣ вмѣстѣ, забивали ноги ихъ въ кандалы, и въ такомъ положеніи пѣшкомъ заставляли ихъ идти изъ Минска въ Витебскъ, гдѣ помѣстили ихъ въ русскомъ женскомъ монастырѣ, наполненномъ по большей части казацкими вдовами. Изъ Витебска этихъ мученицъ переселили въ Полоцкъ. Въ трехъ верстахъ отъ этого города находится спасскій монастырь, резиденція архіепископа. Сюда-то приведены были несчастныя жертвы, въ числѣ 30-ти, и заперты были здѣсь, какъ овцы. Такъ какъ начальникъ монастыря спасскаго былъ человѣкъ сострадательный, то Сѣмашко смѣнилъ его и поставилъ другого, по имени Михалевича, бывшаго семь лѣтъ тому назадъ духовникомъ базиліановъ. Бѣдныхъ базиліановъ будто бы заставлялъ этотъ Михалевичъ равнять косогоры, носить кирпичи каменьщикамъ, строившимъ палаты для архіерея, разбивать камни для мостовой предъ архіерейскимъ домомъ, приказывалъ два раза въ недѣлю давать по 50-ти ударовъ всякій разъ каждой изъ этихъ монахинь, отъ чего двѣ изъ нихъ померли, а остальныя едва влачили жизнь, нося на себѣ рубцы и язвы, произведенныя этими экзекуціями. Кормили ихъ одними только солеными сельдями, а пить послѣ такого кушанья не давали ничего; грозили при этомъ сжечь ихъ, ставили ихъ предъ костромъ, у котораго стояли солдаты съ зажженными факелами. Но всѣ эти мученія и угрозы не достигали своей цѣли; мученицы остались вѣрны римской церкви. Тогда Сѣмашко приказалъ бить ихъ палками, чтобы посредствомъ этого заставить ихъ принять православіе; насильно поволокли ихъ Сѣмашкины дьяконы въ схизматическую церковь. При дверяхъ церкви стоялъ отступникъ Сѣмашко, украшенный крестомъ и орденами, окруженный своимъ духовенствомъ; одна изъ сестеръ схватила обломокъ дерева и бросила его прямо въ

церковныя двери, говоря, что ни она сама, ни другія сестры живыя не перейдутъ за порогъ схизматической церкви. Начальница этихъ сестеръ-мучеиицъ схватила плотничій топоръ, подала его Сѣмашкѣ и сказала ему: «возьми этотъ топоръ, отруби имъ наши головы и брось ихъ въ твою церковь, въ которую не вступитъ наша нога». Сѣмашко выхватилъ изъ ея рукъ топоръ и бросилъ его въ сестеръ, изъ которыхъ у одной разрубилъ ногу, потомъ ударилъ въ щеку начальницу съ такой силою, что вышибъ у нея одинъ изъ коренныхъ зубовъ. Видя наконецъ, что всѣ усилія обратить этихъ мученицъ въ схизматическую вѣру остались тщетными, Сѣмашко взошелъ въ свою церковь и произнесъ здѣсь проклятіе имъ.

Изъ спасскаго монастыря отправили базиліанокъ въ Мяджіоли, гдѣ ихъ мучили особеннымъ образомъ: силою таскали ихъ въ озеро и купали въ немъ, какъ купаютъ лошадей. Для этого на нихъ надѣвали родъ мѣшка и потомъ вели ихъ къ озеру, привязавши къ шеѣ веревку. Отъ этихъ истязаній три изъ сестеръ померли. Конца бы не было этимъ мученіямъ, если бы бѣднымъ мученицамъ не удалось убѣжать изъ рукъ своихъ палачей. Куда же бѣжать? конечно въ сердце Франціи — Парижъ, гдѣ находится столь извѣстный въ польской эмиграціи Ламбертовъ отель, а въ немъ старый козноДѣй и заклятый врагъ Россіи Адамъ Чарторижскій, который и выдумалъ всю эту исторію вмѣстѣ съ бѣглыми поляками и іезуитами. Но тогда бы поддѣлка была слишкомъ груба, лишилась бы всей прелести таинственности, не достигла бы своей цѣли. Нѣтъ, мученицу Макрину Мечиславскую и съ нею другихъ сестеръ нужно отправить въ Римъ,— центръ латинства и іезуитизма, гдѣ появленіе польскихъ мученицъ произведетъ болѣе эффекта, возбудитъ болѣе шуму; да при томъ же вся эта исторія и выдумана въ Парижѣ, а слѣдовательно здѣсь она не можетъ никого обмануть; виновники выдумки сами лучше всѣхъ другихъ увѣрены были въ своемъ обманѣ. Итакъ, мнимыхъ мученицъ отправили въ Римъ, гдѣ іезуиты и поляки представили ихъ папѣ, какъ живой примѣръ гоненій латинства въ Россіи, какъ несчастныхъ жертвъ жестокости отступника отъ уніи Сѣмашко. Въ Парижѣ, для возбужденія общественнаго мнѣнія, признано за лучшее служить панихиды въ церкви св. Роха по замученнымъ въ Минскѣ базиліанкамъ, говорить рѣчи, наполнять газеты и журналы статьями о мученичествѣ Макрины и ея спутницъ. Въ Римѣ же Мечиславскую помѣстили въ монастырѣ св. Сердца и дѣлали ей тамъ разныя оваціи. Наконецъ, эта комедія надоѣла русскому правительству, и оно приказало своему посланнику въ Римѣ потре-

бовать объясненія отъ Рима, или лучше само объяснило папскому правительству какъ нелѣпа, груба и безчестна эта выдумка. Дѣйствительно, даже въ нѣкоторыхъ изъ іезуитовъ по этому случаю сказалась совѣсть, и они убѣждали Ламбрускини скорѣе прекратить толки объ этихъ мнимыхъ эмигранткахъ изъ Минска, тѣмъ болѣе, что пресловутая Макрина и ея спутницы оказались женщинами такого поведенія и изъ такого слоя общества, съ какими избѣгаютъ всякаго знакомства всѣ мало-мальски порядочные люди.

Внутри Россіи интрига польской партіи и месть ея за возсоединеніе уніатовъ выражались въ стремленіяхъ совращать въ латинство недавно возсоединенныхъ. Стремленія эти приводились въ исполненіе такъ систематически, что правительство наше принуждено было принять противъ этого мѣры. По этому случаю образованъ былъ секретный комитетъ изъ Блудова, Дашкова, Строганова 2-го и Протасова; цѣлію дѣятельности этого комитета должно быть предупрежденіе совращеній въ латинство [1]). Возсоединенные епископы должны были неусыпно бодрствовать надъ свою паствою. Безцеремонность ксендзовъ, ихъ наглость, хитрость польской шляхты, доходили въ дѣлѣ совращенія до геркулесовскихъ столбовъ [2]). Чтобы не дать возможности нашему правительству осуществить мысли касательно возсоединенія холмскихъ уніатовъ, польско-іезуитская партія особенно между ними развернула свою мистическую дѣятельность, такъ что изъ 400 тысячъ уніатовъ болѣе полутораста тысячъ приняли латинство. Частныя же всѣ совращенія не могли повредить общему дѣлу возсоединенія, и въ огромной массѣ возсоединенныхъ эти частности не могли имѣть большого значенія.

М. Я. Морошкинъ.

---

[1]) Всепод. докл. об.-прок. св. синода 1839 г. № 221.

[2]) Въ М. Вн. Д. дѣло 1853-го г. № 64-й, 1855-й г. № 20, и № 55.

Въ послѣднемъ дѣлѣ разсказывается, какъ помѣщикъ Жолкѣвскій устроилъ въ своемъ домѣ самовольно каплицу, внесъ туда фортепіано вмѣсто органа, и ежедневно созывалъ въ нее православныхъ крестьянъ, приходившихъ къ нему на барщину, заставлялъ ихъ стоять на колѣнахъ по два и три часа и слушать отправляемое имъ какого-то рода богослуженіе.

ОТЕЦЪ ВАРѲОЛОМЕЙ

Психологическій этюдъ.

Предки помѣщика Сумракова были богаты и знатны. Дѣдъ его когда-то построилъ въ усадьбѣ у себя церковь и обезпечилъ на вѣчныя времена существованіе причта, а затѣмъ, какъ тому и быть слѣдовало, въ свое время померъ. Помѣщикъ, владѣющій въ настоящее время усадьбой, тоже дѣдъ, да къ тому же еще и превосходительный: значитъ, со времени постройки церкви прошло годовъ довольно. Несмотря на это, она стоитъ до настоящихъ дней прямо, и аккуратно каждое воскресенье въ ней совершается служба.

Эта церковь не отличается грандіознымъ величіемъ пятиглаваго собора, на золоченый куполъ котораго доброхотные датели расходуютъ деньги тысячами, удовлетворяя этимъ не столько религіозное чувство, сколько суетное тщеславіе, искони вѣковъ охватившее собою весь человѣческій міръ. Нѣтъ вблизи ея громадной колокольни, напоминающей собою безсильныя попытки строителей вавилонской башни, и не слышенъ гулъ тысячепудоваго колокола, какіе любятъ жертвовать богобоязненные купцы, надѣющіеся искупить массой мѣди свои грѣхи вольные и невольные...

Я живо представляю себѣ эту маленькую церковь. Во всѣ времена года она одинаково нравилась мнѣ когда-то въ давнопрошедшее время. Помню я жаркіе лѣтніе дни, когда при полномъ блескѣ солнца живетъ и дышетъ вся природа, и сумрачные осенніе вечера, когда темныя тучи сгущаются въ воздухѣ, и бурный вѣтеръ воетъ подъ сердитые раскаты грома, и освѣщаются молніей, точно заревомъ пожара, деревенскія жилища

вмѣстѣ съ испуганными лицами ихъ обитателей; помню зимнюю холодную пору, когда едва виднѣются изъ-подъ снѣга полузакрытые его сугробами крестьянскія избушки, и дни весны, когда въ лѣсахъ, поляхъ и въ шумѣ водъ, вездѣ чувствуется необъятная сила, оживляющая душу истомленнаго человѣка. Все это воскресаетъ въ моемъ воображеніи при воспоминаніи деревенской жизни, и я снова вижу маленькую церковь. Самая ветхость ея, сѣроватотемный цвѣтъ стѣнъ, двѣ-три плакучія ивы, поникнувшія своими вѣтвями на церковную крышу, свѣтъ лампады, пробивающійся въ окна,—все это когда-то казалось такъ поэтически прекрасно и необъяснимо привлекательно, и все это теперь навѣваетъ только тихую грусть о чемъ-то давно, давно прошедшемъ и гдѣ-то невозвратно утраченномъ...

Вблизи церкви, нѣсколько въ сторонѣ отъ крестьянскихъ избъ, находился когда-то небольшой, въ три окна домикъ для священника. Домикъ давно разрушился и замѣнился новой избой. Стараго священника замѣнилъ молодой, рѣзкій голосъ котораго странно какъ-то звучитъ въ тишинѣ ветхой церкви, въ противуположность тихимъ и мягкимъ возгласамъ его предшественника.

Этотъ предшественникъ и его жена давно уже кончили свое земное странствіе, но они еще живутъ въ моемъ воспоминаніи, и я хочу познакомить съ ними читателя, въ связи съ другими немногими лицами, имѣющими нѣкоторое отношеніе къ этому повѣствованію.

I.

Зелень березъ и липъ, окружавшая домикъ съ трехъ сторонъ, придавала ему особенную прелесть, а изъ-за этой зелени выглядывали на церковную площадь всегда безукоризненно бѣлыя занавѣсы оконъ съ вѣчно блестящими стеклами рамъ и съ разнообразными цвѣтами комнатныхъ растеній, начиная отъ скромныхъ гвоздикъ и гераніума и доходя до китайской розы.

Каждый, въ первый разъ посѣщавшій усадьбу невольно любовался, глядя на этотъ домикъ, и мысленно завидовалъ тому счастливцу, который въ немъ обиталъ.

Если любознательность его простиралась до того, что онъ рѣшался переступить калитку воротъ и заглянуть во дворъ домика, то и тамъ находилъ тоже нѣчто достойное вниманія и изученія. Его даже, такъ сказать, поражало отсутствіе того, что обыкновенно случается видѣть во всѣхъ деревенскихъ дворахъ:

не торчала разсыхающаяся на солнцѣ старая полубочка, обру чи которой давно разбросаны шаловливыми ребятами по всем двору и бьютъ по ногамъ каждаго, кто неосторожно на них наступаетъ; не видно было на этомъ дворѣ изломанной телѣги которую хозяинъ съ незапамятныхъ временъ собирается почи нить и все не можетъ собраться за недосугомъ; не было раз бросано по двору даже клочьевъ сѣна и соломы, — вездѣ был чисто и все находилось на своемъ мѣстѣ. Подъ навѣсомъ, гдѣ стояла окрашенная въ голубой цвѣтъ одноколка, былъ отведен цѣлый уголъ подъ помѣщеніе куръ и горластаго пѣтуха, слу жившаго грозою всѣмъ остальнымъ пѣтухамъ деревни, какъ по причинѣ его непомѣрной физической силы и ловкости, такъ и по громадности голосовыхъ средствъ. Дворъ всегда такъ чисто содержался, что двѣ свиньи съ поросятами, какъ будто сознавая, что имъ неприлично быть на такомъ чистомъ дворѣ, избирали своимъ пребываніемъ мѣсто за конюшней, гдѣ и чесали спины о заборъ, къ вящшему соблазну полусоннаго борова, лежавшаго въ грязи и покрякивавшаго отъ удовольствія при видѣ этого процесса.

Когда кому-либо случалось въ первый разъ войти внутрь самаго домика, то онъ въ невольномъ изумленіи останавливался при входѣ въ комнаты, очарованный уютно-мирнымъ характеромъ обстановки ихъ... Но здѣсь вкралось неточное выраженіе: нельзя сказать «при входѣ въ комнаты», потому что собственно комната была только одна, хотя и раздѣлялась при помощи обтянутой ситцемъ ширмы на двѣ неравныя части, одна въ два окна, а другая въ одно; первая половина называлась гостинной, а вторая спальной. Кухня и прочія хозяйственныя помѣщенія находились въ пристройкѣ, соединявшейся съ домикомъ небольшимъ навѣсомъ, подъ которымъ помѣщалось крыльцо, вѣчно посыпанное свѣжею зеленью лѣтомъ и чистою цыновкою зимой.

Таковъ былъ по внѣшнему виду маленькій домикъ съ его безукоризненно чистымъ дворомъ.

Казалось, въ этомъ тихомъ уголкѣ не можетъ имѣть мѣста гнѣвъ, зависть и другіе пороки, которыми въ большей или меньшей степени отличается отъ прочихъ животныхъ человѣкъ, именуемый царемъ природы и вѣнцомъ творенія. И дѣйствительно, можно ли было подумать, глядя на блестящій, какъ зеркало, полъ, устланный бѣлыми половиками, чтобы по нимъ могъ озлобленно топать ногами кто-либо изъ живущихъ въ этомъ домикѣ? Можно ли было предположить, при видѣ аккуратно уложенныхъ на передиванномъ столѣ книгъ и симметрически по-

ставленныхъ на немъ двухъ вазочекъ съ цвѣтами, что обитатели домика отличаются дикостью нрава, грубыми и невѣжественными привычками? Напротивъ, взглянувъ на тихо мерцающую въ переднемъ углу лампаду передъ образомъ, въ кіотѣ котораго стояли украшенныя фольгой вѣнчальныя свѣчи, никакъ нельзя было допустить той мысли, чтобы въ этомъ домикѣ могли жить какія-либо другія чувства, кромѣ чувства мира и любви. Въ этомъ должны были убѣдить и литографическія картинки, висѣвшія по стѣнамъ съ изображеніемъ символа вѣры и молитвы господней въ лицахъ.

Въ этомъ домикѣ жилъ отецъ Варѳоломей Григорьевичъ Златорунскій, съ своей супругой, Анной Аѳанасьевной.

Въ этомъ домикѣ никогда не было мира, бывало только перемиріе; въ немъ рѣдко бывало тихо, и тишина всегда предшествовала бурѣ: чѣмъ тишина бывала продолжительнѣе, тѣмъ сильнѣе потомъ злобствовала буря. И странное дѣло: война называлась междоусобной, а велъ ее только одинъ изъ обитателей домика безъ всякаго желанія на это со стороны другого. Одинъ и тотъ же человѣкъ велъ войну, заключалъ перемиріе, нарушалъ его и снова возобновлялъ; другой же вѣчно оставался въ какомъ-то странномъ положеніи, котораго онъ самъ себѣ никакъ не могъ объяснить съ достаточною опредѣленностью. Ему казалось, что онъ въ этой войнѣ никакого участія не принимаетъ и ограничивается только ролью спокойнаго наблюдателя; но въ то же время чувствовалось, что онъ какъ будто бы совсѣмъ не наблюдатель, а непосредственно дѣйствующій въ домашней войнѣ, называемой имъ, вслѣдствіе этого, междоусобной. Иногда даже, начиная опредѣлять свое положеніе, онъ томился и страдалъ при мысли о томъ, что «самъ во всемъ виноватъ», что «самъ усугубляетъ междоусобіе». Между тѣмъ, говоря откровенно, онъ на себя просто клеветалъ по извѣстной его слабости принимать на свою голову всякія вины и проступки другихъ людей: въ дѣйствительности со стороны его никакихъ усугубленій дѣлаемо не было, потому что онъ никогда не имѣлъ въ сердцѣ другихъ чувствъ, кромѣ чувства любви, мира, добра и правды.

Человѣкъ, отличавшійся такими качествами, былъ отецъ Варѳоломей; войну же вела, заключала перемирія и нарушала ихъ его супруга, Анна Аѳанасьевна.

Когда война достигала невѣроятныхъ размѣровъ и обрушивалась на совершенно неподходящія къ этому вещи, какъ-то на стулья и столы, предметы даже вовсе неодушевленные, въ то время отецъ Варѳоломей старался вооружаться и вооружался

до нѣкоторой степени безукоризненно, ибо миръ и спокойствіе въ это время занимали въ его сердцѣ главное мѣсто. Когда супруга его въ припадкѣ воинственнаго азарта гнѣвно сверкала глазами, швыряя во всѣ стороны что ни попадало въ руки, глаза отца Варѳоломея были по обыкновенію тихи и кротки и, казалось, могли бы укротить всякаго звѣря, кромѣ только его неукротимой супруги. Укротить супругу было невозможно; она укрощаться могла только сама, по собственной волѣ и укрощалась иногда на довольно продолжительное время, такъ, напримѣръ, дней на пять или на шесть, а иногда даже и на цѣлую недѣлю. Послѣднее, впрочемъ, бывало рѣдко и всегда предвѣщало большую бурю въ скоромъ времени.

О. Варѳоломей былъ въ отношеніяхъ къ своей супругѣ ласковъ и внимателенъ, называлъ ее обыкновенно матушкой и только въ то время, когда Анна Аѳанасьевна грозила обратить свой гнѣвъ на неодушевленные предметы или принять ихъ въ союзники, отецъ Варѳоломей переставалъ обращаться къ ней, какъ къ матушкѣ, и хотя по прежнему кротко, но называлъ ее уже просто попадьей. Иногда, впрочемъ, это послѣднее обращеніе употреблялось и не въ самомъ разгарѣ «междоусобій», но только уже во всякомъ случаѣ не въ мирное время.

Сидитъ, напримѣръ, у отца Варѳоломея гость, заѣзжій ли дьяконъ изъ сосѣдняго села, управитель ли какого-нибудь имѣнія, или экономъ дома Сумракова,—сидитъ онъ вдвоемъ съ отцомъ Варѳоломеемъ и ведутъ они мирную бесѣду. Въ комнатѣ полнѣйшая тишина и только раздаются тихіе звуки мѣрной и отчасти медленной рѣчи отца Варѳоломея, да по временамъ слышно, какъ кошка царапаетъ что-то, злодѣйски всматриваясь въ угловую дыру половицы. Это нисколько не тревожитъ отца Варѳоломея, онъ доволенъ и крайне счастливъ, ибо любитъ бесѣдовать. Вдругъ появляется изъ кухни матушка, и какъ бурный вихрь нарушаетъ прелесть тихаго вечера, такъ мгновенно нарушаетъ матушка мирный характеръ бесѣдующихъ. Въ противуположность медленной и тихой рѣчи отца Варѳоломея раздается громкая и торопливая фраза, съ шумомъ и трескомъ отдвигается въ сторону попавшійся на дорогѣ стулъ, и Анна Аѳанасьевна начинаетъ посвящать гостя въ подробности своихъ воинственныхъ отношеній къ сосѣдственнымъ жителямъ. Отецъ Варѳоломей старается смолчать и дать возможность своей супругѣ высказаться; но такой образъ дѣйствій не достигаетъ своей цѣли, ибо супруга не умолкаетъ и уже принимается кого-то за что-то распекать, очевидно кого-нибудь изъ сосѣднихъ непріятелей, которыхъ у ней развелось великое множество. Тер-

ніе отца Варѳоломея сильно страдаетъ и всего болѣе потому, что онъ любитъ миръ и тишину, а громкія жалобы супруги на сосѣдей, Богъ-вѣсть для чего приплетенныя къ ихъ бесѣдѣ, давно ему извѣстны и, по справедливости говоря, достаточно сильно уже намозолили уши. Онъ ласково взглядываетъ на свою супругу, какъ-бы прося ее умолкнуть, и приступаетъ къ продолженію прерваннаго разговора. Анну Аѳанасьевну это оскорбляетъ, но она сдерживаетъ свой гнѣвъ и только время отъ времени срываетъ его на противорѣчіяхъ, которыми путаетъ мирную бесѣду отца Варѳоломея съ гостемъ. Отецъ Варѳоломей нѣкоторое время не обращаетъ на это вниманія, но такъ какъ вмѣшательство супруги принимаетъ все бо́льшіе размѣры и доходитъ до того, что на каждое слово о. Варѳоломея является критическая замѣтка, онъ не выдерживаетъ и рѣшается снова «утруждать» свою супругу.

— Матушка, удостойте выслушать мою всепокорнѣйшую просьбу, говоритъ онъ.

— Ну, что тебѣ нужно, говори скорѣй, не размазывай? вопрошаетъ довольно рѣзко Анна Аѳанасьевна.

— Сдѣлайте хотя единожды мнѣ такое одолженіе, оставьте пожалуйста втунѣ ваши противорѣчія и пререканія.

Это кроткое обращеніе принимается Анной Аѳанасьевной уже за открытое объявленіе войны. Тонъ ея голоса поднимается сразу на нѣсколько нотъ и забираясь все выше и выше, достигаетъ, наконецъ, такихъ предѣловъ, за которыми уже, собственно говоря, голоса и не слышно, а раздается только нѣчто похожее на пискъ поросенка, упрятаннаго, противъ его желанія, въ глухой мѣшокъ.

Иногда гость неожиданно, къ великому своему удивленію, слышалъ отъ матушки, что причина споровъ есть именно онъ самъ съ своими нравственными, умственными и физическими недостатками. Не успѣвалъ еще онъ опомниться отъ этой новости, какъ уже былъ осыпаемъ различными упреками, все въ томъ же духѣ, и за жену свою, если былъ человѣкъ женатый, и за мать, не принимая во вниманіе была ли она въ числѣ живыхъ или мертвыхъ, и даже за всю свою родню. Нужно замѣтить, что Анна Аѳанасьевна не церемонилась и умѣла порой выражаться смѣло и рѣшительно. Въ такое бурное время отецъ Варѳоломей начиналъ сильно безпокоиться, приходилъ въ крайнее смущеніе и сидѣлъ не поднимая глазъ; если же онъ замѣчалъ, что гость дѣйствуетъ безтактно и «усугубляетъ» войну своими оправданіями, то дѣлалъ ему таинственные знаки или украдкой дергалъ его за полу одежды, давая знать, что путь

ко спасенію только въ одномъ молчаніи. Бывало такъ, что гость оказывался посредникомъ между мужемъ и женою и долженъ былъ выслушивать жалобы Анны Аѳанасьевны на о. Варѳоломея за то, что онъ не хозяинъ, «не скопидомъ», и ея похвалы самой себѣ за то, что «ею одной все держится».

Въ томъ и другомъ случаѣ одинаково должна была прерываться мирная бесѣда о. Варѳоломея съ гостемъ. Въ первомъ случаѣ, то-есть въ то время, когда Анна Аѳанасьевна опорочивала гостя во всевозможныхъ преступленіяхъ, прекращалась не только мирная бесѣда о. Варѳоломея, но гость совсѣмъ уходилъ, и иной даже давалъ себѣ клятвы не приходить болѣе никогда въ описываемый домикъ; но въ послѣднемъ случаѣ, во время избранія гостя посредникомъ, бывало такъ, что о. Варѳоломей, выждавъ желаемый моментъ, вставалъ съ своего мѣста и приложивъ руку къ сердцу, говорилъ:

— Матушка, я уже нѣсколько разъ вамъ объяснялъ, и это конечно извѣстно всему околотку, что настоящая, такъ сказать, глава всего есть вы, а не я, и паки повторяю то же.

Анна Аѳанасьевна вслѣдствіе такой благопріятной тактики мужа нѣсколько подавалась на заключеніе перемирія.

— Такъ неугодно ли вамъ будетъ, матушка, ласково продолжалъ о. Варѳоломей, распорядиться изготовленіемъ чаю.

Иногда такими словами предупреждались крупныя событія. Это доставляло о. Варѳоломею большое утѣшеніе, даже пожалуй нѣкоторое счастіе, хотя и въ весьма микроскопическихъ размѣрахъ. Случалось, что и такая, повидимому весьма благопріятная, тактика не приносила надлежащей пользы и даже оказывала вредныя послѣдствія. Анна Аѳанасьевна, замѣтивъ, что о. Варѳоломей всего болѣе желаетъ ея удаленія изъ комнаты, въ видахъ удовольствія пріятной бесѣды, напускалась уже непосредственно на него самого и начинала его бранить, неизвѣстно, впрочемъ, за какія провинности. Онъ въ отвѣтъ на эту брань тихо улыбался, посматривая на гостя, какъ бы желая дать ему нѣкоторыя понятія о младенчески-невинныхъ, по его мнѣнію, притязаніяхъ Анны Аѳанасьевны; но когда такія младенчески-невинныя притязанія, даже по мнѣнію о. Варѳоломея, выходили изъ своихъ предѣловъ, тогда онъ терялъ терпѣніе и приложивъ по обыкновенію руку къ сердцу, убѣдительно возражалъ:

— Попадья! говорилъ онъ, есть въ тебѣ Богъ, или нѣтъ?

— Есть! Есть! громко перебивала Анна Аѳанасьевна и снова звенѣлъ ея голосъ, уподобляясь вышеупомянутому визгу.

Отецъ Варѳоломей выжидалъ удобную минуту и снова возражалъ:

— Я такъ предполагаю, что Онъ тебя если еще и по сіе время не оставилъ, то по истинѣ весьма скоро оставитъ за твое постоянно гнѣвное со мною обращеніе.

Это уже было обиднѣе всякой обиды, и Анна Аѳанасьевна по нѣкоторымъ стратегическимъ соображеніямъ находила нужнымъ отъ наступательнаго дѣйствія перейдти къ другому способу. Она, какъ-бы пораженная «ужасными» словами своего супруга, въ изнеможеніи опускалась на стулъ, а если его по близости не оказывалось, то на полъ, начинала выть, называя себя несчастной жертвой строптиваго мужа. «Ужасныя» слова мужа какъ будто наполняли до краевъ чашу ея какихъ-то страданій; подъ вліяніемъ ихъ она переносилась мыслію въ воспоминанія своей давно прошедшей юности и начинала высказывать слезливымъ голосомъ свои сожалѣнія о томъ времени, когда у ней были въ виду хорошіе женихи, изъ безчисленнаго количества которыхъ она могла выбрать достойнѣйшаго спутника жизни, ни въ чемъ не похожаго на о. Варѳоломея. Вой перемѣшивался съ жалобами на отца и мать, на судьбу и даже на самого Бога. Перепуганный, какъ воемъ и плачемъ супруги, такъ въ равной степени и ея жалобами на Бога, о. Варѳоломей сильно терялся и не зналъ, что ему дѣлать, хотя, казалось, онъ могъ бы давно пріобрѣсть полную возможность привыкнуть къ такимъ рѣзкимъ переходамъ супруги. Онъ торопливо бросался за водой и предлагалъ супругѣ «освѣжиться».

— Попадья! Попадья!... печально, говорилъ онъ, не малодушествуй... Ну, выпей вотъ воды... Ну, ежели ужъ такъ, ну, я во всемъ виновенъ... приношу покаяніе...

— Зачѣмъ я, несчастная, на свѣтъ родилась! Зачѣмъ не убьетъ меня Господь!... продолжала съ воемъ Анна Аѳанасьевна.

— Попадья! зачѣмъ ты богохульствуешь... Говорю тебѣ не малодушествуй... Вспомни, что безъ воли Божей ни единый власъ съ главы не свалится.

Гость чувствовалъ себя въ весьма щекотливомъ положеніи и не зналъ какъ ему быть, въ особенности если онъ былъ человѣкъ еще не достаточно коротко знакомый съ жизнью Златорунскихъ. Близкіе знакомые отца Варѳоломея привыкли уже къ этому. Они даже принимали участіе въ успокоеніи Анны Аѳанасьевны и улаживали дѣло.

Но опять-таки нужно оговориться, что и такіе случаи утѣшеній составляли тоже явленіе нечастое, потому что Анна Аѳанасьевна не принадлежала къ числу нервныхъ женщинъ, пере-

считать которыхъ въ наше время также трудно, какъ звѣзды на небѣ. Она была женщина, одаренная замѣчательнымъ здоровьемъ и никогда не хворала, а потому и вой ея всего болѣе напоминалъ собою завыванье волка, когда онъ, уныло двигаясь по снѣжнымъ сугробамъ пустынной степи, горько жалуется на голодъ и пугаетъ страшнымъ завываніемъ проѣзжаго человѣка. Анна Аѳанасьевна выла собственно потому только, что это вытье составляло одинъ изъ лучшихъ способовъ одерживать побѣду.

Иногда во время крупной домашней сцены входитъ гость, человѣкъ весьма уважаемый и чтимый даже самою Анной Аѳанасьевной, для которой, между прочимъ сказать, людей, достойныхъ почитанія было немного. Изъ уваженія къ чтимому гостю она умолкаетъ и какъ будто ни въ чемъ небывало уходитъ за ширмы, въ другую половину комнаты. Отецъ Варѳоломей принимаетъ гостя, усаживаетъ его на почетное мѣсто, на диванѣ, самъ беретъ стулъ, придвигаетъ его къ столу и казалось бы, что крупной сценѣ положенъ конецъ. Но Анна Аѳанасьевна не успокоилась и изыскиваетъ способы, чѣмъ бы досадить о. Варѳоломею. Способъ находится скоро. Она подходитъ къ шкафику съ посудой, стоящему за ширмой, вынимаетъ изъ него тарелки и начинаетъ ими сильно гремѣть. О. Варѳоломей старается не глядѣть въ ту сторону, гдѣ стоитъ ширма и «отвратить свой слухъ» отъ производимаго супругой громыханья. Онъ спѣшитъ вступить въ пріятную бесѣду съ гостемъ и забыть о томъ, что происходитъ за ширмой. Но забыть и «отвратить слухъ» не представляется возможности, потому что Анна Аѳанасьевна съ каждой секундой начинаетъ гремѣть все сильнѣе и сильнѣе. О. Варѳоломей приходитъ, по обыкновенію, въ сильное смущеніе, теряется и не можетъ продолжать бесѣды.

— Попадья! слышится его робкій возгласъ.

За ширмой молчаніе. Слышенъ только громъ тарелокъ.

— Попадья! чѣмъ же такъ повинны предъ тобою тарелки, что ты ими громыхаешь до послѣдней степени?

Молчаніе. Слышенъ нѣкоторый трескъ чего-то разбившагося.

— Такимъ образомъ совершенно безвинно можетъ пострадать и разрушиться вся посуда!...

На этотъ послѣдній возгласъ Анна Аѳанасьевна отвѣчаетъ тѣмъ, что швыряетъ посуду какъ ни попало въ шкафъ и уходитъ въ кухню, сильно хлопнувъ дверью, такъ что стѣны домика потрясаются и изъ потолка сыплется земля.

Отецъ Варѳоломей находится нѣкоторое время въ совершенномъ недоумѣніи, не зная какъ выдти изъ такого затруднительнаго положенія. Ему хочется выразить свое удивленіе по этому поводу словами стихиры, содержаніемъ своимъ соотвѣтствующей случаю, въ родѣ, напримѣръ: «Ужасеся о семъ небо и земли удивишася концы»; но въ то же время въ немъ является желаніе «оградить» супругу отъ людскихъ навѣтовъ, а оградить, между тѣмъ, возможности никакой не представляется: уже слишкомъ ясно совершившійся фактъ говоритъ самъ за себя. Не видя никакихъ способовъ, которыми можно было оправдать поступокъ Анны Аѳанасьевны, о. Варѳоломей проситъ извинить ее «ради слабости человѣческой». Онъ быстро, опытными руками, снимаетъ со стола книги, вазочки съ цвѣтами, стряхиваетъ съ бѣлой скатерти насыпавшуюся съ потолка землю и снова по прежнему въ томъ же порядкѣ устанавливаетъ все на столѣ, не переставая въ то же время приносить оправданіе передъ гостемъ за свою супругу.

— Главная причина ея гнѣва та, что она безплодна, повѣствуетъ онъ печально гостю. Вотъ это есть первая и послѣдняя причина. Господь, какъ и вамъ самимъ это не безъизвѣстно, не благословилъ меня потомствомъ...

Онъ подавляетъ вздохъ и взглядываетъ съ выраженіемъ кроткой покорности въ передній уголъ на тотъ самый образъ, гдѣ стоятъ украшенныя фольгой вѣнчальныя свѣчи.

Гость только что хочетъ что-нибудь сказать въ утѣшеніе о. Варѳоломею; но онъ уже торопливо поднимается со стула, и, приложивъ руку къ сердцу, спѣшитъ перебить рѣчь гостя, какъ будто боясь со стороны его возраженій относительно характера Анны Аѳанасьевны.

— Повѣрьте! Повѣрьте!... Она вообще нрава тихаго и кроткаго, но главное—безплодіе. Это главная причина. Безплодіе ее озлобляетъ. Вотъ если бы Господь даровалъ мнѣ потомство, продолжалъ онъ, то въ такомъ случаѣ жизнь моя могла уподобиться земному раю.

— Да, это вы, батюшка, справедливо, вставляетъ свое слово гость.

— Справедливо! со вздохомъ повторяетъ отецъ Варѳоломей и, находясь подъ вліяніемъ только что высказанной мысли о возможности уподобить свою жизнь земному раю, грустно добавляетъ, печально склонивъ голову на бокъ: — что дѣлать! не сподобился!...

Желая и на это что-нибудь сказать для поддержки разговора гость протягиваетъ: — Н-да-а-съ... Жизнь!... Это...

Но о. Вареоломей успѣлъ оправиться отъ охватившей его грусти и нѣсколько возвысивъ тонъ, продолжаетъ:

— Не сподобился! уже съ нѣкоторой укоризной самому себѣ говоритъ онъ,—но что-жъ изъ сего, что я не сподобился... Могу ли я знать, какія послѣдствія могли наступить при иныхъ обстоятельствахъ? Не могъ ли бы я тогда возгордиться, возмечтать о себѣ многое... Повѣрьте! уже воодушевившись продолжаетъ онъ: повѣрьте! Милосердый Господь нашъ болѣе насъ, грѣшныхъ, о насъ же самихъ печется... Это нужно памятовать, каждодневно, ежечасно... Человѣческому уму недоступно прозрѣвать мысленнымъ окомъ въ будущее. Господь, словами апостола Павла, глаголетъ: «Погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну». Нужно вполнѣ, всею душою, всѣмъ сердцемъ и всѣми чувствами своими предаться промыслу Божію и тогда ничто не въ состояніи будетъ нарушить мира нашей души... Повѣрьте!...

Онъ прикладываетъ, по обыкновенію, руку къ сердцу и продолжаетъ:

— Вотъ, напримѣръ, я вамъ изложу слѣдующее, достойное вниманія...

Подтверждать свои заключенія разсказами изъ жизни, приводя въ примѣръ различныя достойныя вниманія событія, отецъ Вареоломей весьма любилъ, и это составляло нѣкоторую его слабость. Такая слабость даже ставила его иногда въ затруднительное положеніе, хотя онъ и умѣлъ его преодолѣвать. Начиналъ онъ, напримѣръ, излагать какое-нибудь достойное вниманіе событіе, увлекался различными мелкими подробностями, незамѣтно уклонялся отъ первоначальной темы и запутывался въ такихъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ для другого въ этомъ случаѣ не представилось бы ни малѣйшей возможности выбраться; но о. Вареоломей, какъ опытный проповѣдникъ, всегда умѣлъ ловко свести концы съ концами: искусно и почти совершенно незамѣтно онъ перебирался чрезъ всѣ, имъ же самимъ воздвигнутыя, препятствія на старую тему и заключалъ свой разсказъ какими-нибудь текстами изъ священнаго писанія. Противъ священнаго текста гость, конечно, уже не находилъ возможности что-либо возразить и утомленный ожиданіемъ запоздавшаго самовара, уныло начиналъ взглядывать на дверь, ведущую въ кухню.

Иногда гость, уже привыкшій слышать въ домикѣ отца Вареоломея громкій, визгливый голосъ Анны Аѳанасьевны, изумлялся тишинѣ, царствовавшей въ домикѣ. Такъ странно было не слышать ея громкаго голоса, или хотя отдаленныхъ звуковъ его

со двора, съ улицы, съ огорода. Въ такое время, въ отвѣтъ на вопросъ о причинахъ такой тишины, отецъ Варѳоломей грустно подсмѣивался надъ своимъ собственнымъ положеніемъ и пояснялъ, что въ настоящее время матушка немножко не въ духѣ. Передавая это извѣстіе, отецъ Варѳоломей робко оглядывался на дверь, ведущую въ кухню, боясь, чтобы она не услыхала его смѣлыхъ отзывовъ. Боязнь эта имѣла свои основанія, потому что Анна Аѳанасьевна иногда любила подслушать, о чемъ именно ея мужъ разговариваетъ съ гостемъ, и бывали случаи, что она, какъ разсказывалъ самъ отецъ Варѳоломей, влетала «въ мгновеніе ока» въ комнату и «громогласно» начинала уличать своего супруга «якобы во лжесвидѣтельствѣ.» Такимъ образомъ, оглянувшись изъ предосторожности на дверь, отецъ Варѳоломей тише прежняго продолжалъ, что въ настоящее время у него въ домѣ еще «неспокойно» и что о томъ времени, когда собственно должно послѣдовать замиреніе, онъ достовѣрно сказать ничего не можетъ.

Увлекшись иногда подробностями разсказа отецъ Варѳоломей забывался до такой степени, что начиналъ подсмѣиваться надъ своимъ положеніемъ и находилъ его весьма комичнымъ. Иногда даже руками разведетъ въ заключеніе разсказа и, сдерживая просящійся наружу смѣхъ, закроетъ ладонями ротъ, чтобы не фыркнуть. Гость, слушая отца Варѳоломея, забываетъ совершенно о томъ, что разсказчикъ горько смѣется не надъ кѣмъ-либо другимъ, а надъ самимъ же собою, тоже заражается смѣхомъ и сдерживается, чтобы не фыркнуть. Замѣтивъ такое дѣйствіе своихъ рѣчей, отецъ Варѳоломей вдругъ овладѣваетъ собою и уже отчаянно машетъ обѣими руками надъ головой гостя и убѣдительнымъ шопотомъ проситъ его успокоиться. Иной смѣшливый гость до того заражался смѣхомъ, что выбѣгалъ, какъ угорѣлый, изъ комнаты и случалось такъ, что сталкивался въ самыхъ дверяхъ съ Анной Аѳанасьевной и фыркалъ ей прямо въ лицо. Анна Аѳанасьевпа нѣсколько мгновеній недоумѣвала, но потомъ начинала гнѣваться и распекать гостя, справедливо подозрѣвая, что можетъ быть ея отношенія къ супругу были поводомъ этого смѣха. Отецъ Варѳоломей считалъ своимъ долгомъ отклонить и разсѣять всякія подозрѣнія, и оправдывалъ гостя тѣмъ, что онъ «ослабѣлъ».

Иногда и изъ-за этого поднималась буря. Такъ шло изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, и изъ года въ годъ. Такъ началось съ перваго года женитьбы отца Варѳоломея, когда онъ щеголялъ еще своею темнорусой бородкой, нѣсколько клинообразной, и съ удовольствіемъ расчесывалъ длинные, вившіеся куд-

рями волосы, такъ шло и теперь, когда его темнорусая бо
ва уже засеребрилась сѣдыми волосами и вмѣсто длинныхъ
рей на головѣ оказались весьма рѣдкіе волосы пепельнаго цв
которые онъ все-таки тщательно всегда расчесывалъ, потому
любилъ имѣть «видъ благообразный».

Вообще говоря, онъ любилъ во всемъ «благообразіе.» Х
Анна Аѳанасьевна и ставила себя во главѣ дома, но это то
могло относиться къ экономической сторонѣ дѣла: чистот
порядокъ во всемъ поддерживались самимъ отцемъ Вареоломе
Анна Аѳанасьевна и за это его иногда распекала, будучи
довольна, что онъ «суется» не въ свое дѣло, какъ, наприм
мететъ иногда комнаты, отираетъ пыль съ мебели, моетъ цвѣ
Онъ покушался не разъ забрать подъ свое непосредственное
дѣніе мытье пола и даже изобрѣлъ для этого особый снаря
чтобы можно было мыть не сгибая спины, но Анна Аѳанасье
снарядъ «сокрушила», и нашла, что такое занятіе священнос
жителю не благопристойно. Отецъ Варѳоломей и самъ съ эти
согласился, хотя внутренно остался при своемъ убѣжденіи, ч
неблагопристойнаго въ этомъ ничего нѣтъ, ибо всякій тру
служащій на поддержаніе чистоты въ жилищѣ, не только по
зенъ для человѣка, но пріятенъ и Богу. На эту тему онъ ко
да-то въ давно прошедшіе дни написалъ даже стихотвореніе
трудѣ, гдѣ, между прочимъ, говорилось, что:

«Трудъ—веселье благодатное,
Трудъ — и радость и покой,
Трудъ — услада необъятная
Въ нашей юдоли земной.»

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что кромѣ этого «гимна
труду онъ переложилъ когда-то на стихи тропарь Николаю Чу
дотворцу, который начинался такъ:

«Ты вѣры правило, ты кротости законъ,
Ты воздержанія есть истинный учитель.
Явилъ тебя Господь, послалъ ко стаду Онъ,
И это истина, нашъ пастырь просвѣтитель...

и т. д., весьма близко къ подлиннику.

Какъ эти стихотворенія, такъ и нѣкоторыя другія, большею
частію религіознаго содержанія, отецъ Варѳоломей покушался
когда-то «предать печати» подъ заглавіемъ: «Скромный плодъ
вдохновенія, навѣяннаго смиренной музой»; но по зрѣломъ раз-
мышленіи покушеніе это оставилъ втунѣ, боясь заразиться тще-
славіемъ.

Это было давно, еще въ первые годы его священнослужительства. Послѣдующія событія, и вообще говоря, «волны житейскаго моря» лишили его піитическаго дарованія. Впрочемъ нѣкоторое стремленіе къ литературнымъ трудамъ сохранилось въ немъ до сѣдыхъ волосъ, какъ объ этомъ читатель узнаетъ въ свое время.

II.

Между множествомъ причинъ, вызывавшихъ, по словамъ отца Варѳоломея, «междоусобія», главное мѣсто занимало не одно то именно обстоятельство, на которое онъ указывалъ, т. е. безплодіе Анны Аѳанасьевны, но и нѣкоторыя другія. Анна Аѳанасьевна имѣла страсть къ благамъ міра сего, заключавшимся, по ея понятіямъ, въ деньгахъ и въ различнаго рода приношеніяхъ со стороны прихожанъ, между тѣмъ отецъ Варѳоломей относился къ этимъ предметамъ весьма равнодушно и о благахъ міра имѣлъ совершенно другія понятія. Для него составляло удовольствіе помочь нуждающемуся чѣмъ возможно, а если еще при этомъ представлялся случай пріятно побесѣдовать, то онъ уже былъ несказанно счастливъ. Анна Аѳанасьевна этимъ не ограничивалась. Ее даже иногда сердило то, зачѣмъ мужъ ея такъ спокоенъ; она можетъ быть даже завидовала, что его ничто не волнуетъ, не выводитъ изъ себя и вслѣдствіе этого еще болѣе начинала сердиться и досадовать на отца Варѳоломея. Несмотря на свою повидимому не веселую жизнь, съ всегдашними «междоусобіями», онъ, казалось, мало тяготился ею и какъ будто находилъ, что иначе и быть не можетъ; а если иногда и приходилось ему жутко, то только въ самый разгаръ битвы; чрезъ пять минутъ по ея окончаніи онъ уже о ней совершенно позабывалъ. Слова: «междоусобія и битва», не нужно понимать въ ихъ настоящемъ значеніи, потому что, какъ сказано выше, войну вела только одна Анна Аѳанасьевна, она заключала перемирія, она ихъ нарушала, а отецъ Варѳоломей, вѣрнѣе говоря, былъ только наблюдателемъ, даже очень спокойнымъ. Но такъ какъ, опредѣляя свои отношенія къ супругѣ, онъ употреблялъ именно эти выраженія и сопричислялъ себя къ числу тоже воинственныхъ людей, то они и остаются въ нашемъ повѣствованіи въ томъ самомъ значеніи, какъ ихъ понималъ отецъ Варѳоломей, т.-е. въ значеніи болѣе комическомъ.

Относясь спокойно и холодно къ благамъ міра сего, т.-е. къ приношеніямъ прихожанъ, отецъ Варѳоломей вызывалъ, ко-

нечно, заслуженный гнѣвъ своей супруги. Мало того, что онъ довольствовался за свои труды тѣмъ, что ему дадутъ, но еще часто исполнялъ всякія требы безплатно и такого рода противузаконными, по мнѣнію Анны Аѳанасьевны, дѣйствіями выводилъ ее изъ терпѣнія. Ей казалось, что онъ такъ поступаетъ на зло ей, чтобы только досадить, вывести ее изъ терпѣнія и за это она, послѣ каждаго такого случая, обрушивалась на него всею силою своего строптиваго нрава.

Въ двухъ верстахъ отъ усадьбы Сумракова была деревня Ульяновка, принадлежавшая какому-то давно разорившемуся и разорившему своихъ крестьянъ помѣщику; мужики этой деревеньки были бѣдные, часто голодали и перебивались кое-какъ отъ жатвы до жатвы. Случалось такъ, что они обращались къ отцу Варѳоломею и просили его посредничества предъ владѣльцемъ усадьбы, отставнымъ генераломъ, Николаемъ Савичемъ Сумраковымъ, не надѣясь сами выпросить у него помощи. Отецъ Варѳоломей, конечно, съ величайшею заботою выслушивалъ ихъ просьбы и неотступно ходатайствовалъ за бѣдныхъ крестьянъ предъ Николаемъ Савичемъ, забывая въ это время про то, что Николай Савичъ «вельможа» и вельможа важный, порой сурово-строгій и даже неприступный.

Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ о. Варѳоломей, не только предъ лицомъ Николая Савича, но даже заочно, отзывался о немъ съ большою почтительностію и почти съ боязнію, какъ о лицѣ слишкомъ высоко стоящемъ на ступеняхъ общественной лѣстницы, въ особенности по отношенію къ нему, совершенно безвѣстному сельскому священнику; въ случаяхъ же ходатайства за мужиковъ весь страхъ его исчезалъ, и онъ изъ робкаго, застѣнчиваго человѣка превращался въ неотступнаго просителя. Николай Савичъ хмурился, сердито ворчалъ, и такъ какъ каждую весну при посѣвѣ хлѣба повторялись подобныя просьбы, то онъ, наконецъ, отказывался помогать, обвиняя мужиковъ въ пьянствѣ. Отецъ Варѳоломей начиналъ молить, упрашивать, точно этою помощію должна была рѣшиться его собственная роковая участь. Однажды Николай Савичъ, несмотря на продолжительныя просьбы о. Варѳоломея, на его горячую, полную чувства рѣчь о томъ, что всѣ мы должны носить тягость другъ друга, наотрѣзъ отказался сдѣлать какую бы то ни было помощь и даже застучалъ о-полъ своимъ костылемъ; о. Варѳоломей заплакалъ и упалъ предъ нимъ на колѣни. Николай Савичъ до того былъ пораженъ этимъ, что самъ бросился поднимать о. Варѳоломея и заморгалъ глазами, стараясь скрыть набѣжавшую слезу. Этотъ случай навсегда

осталея въ памяти Сумракова: онъ положилъ за правило уже, безъ всякихъ просьбъ о. Варѳоломея, выдавать каждую весну извѣстное количество хлѣба ульяновскимъ мужикамъ, такъ какъ поля ихъ не унаваживались и за неимѣніемъ нужнаго количества скота, и урожаи всегда были плохи. Съ этого же времени онъ началъ, каждый разъ при встрѣчѣ съ о. Варѳоломеемъ, протягивать ему руку для полученія благословенія, чего прежде за нимъ не водилось и приказалъ своему управляющему увеличить содержаніе о. Варѳоломея, справедливо сознавая, что этимъ увеличеніемъ дѣлаетъ добро многимъ.

Такія ходатайства за совершенно постороннихъ людей сердили Анну Аѳанасьевну и возстановляли противъ мужа, потому что она хотѣла бы лучше для себя добиться помощи, чѣмъ для другихъ. Бывали и такіе случаи, что о. Варѳоломей не только дѣлался посредникомъ между бѣдными мужиками и Николаемъ Савичемъ, а помогалъ имъ самъ изъ своихъ небогатыхъ средствъ.

Приходитъ, напримѣръ, мужикъ съ просьбой о помощи и валится въ ноги о. Варѳоломея, начиная во все горло выть. Отецъ Варѳоломей строгимъ шопотомъ начинаетъ усовѣщевать просителя:

— Молчи! Молчи! въ ужасѣ шепталъ онъ: молчи!

— Батюшка ты нашъ, кормилецъ, вопитъ мужикъ, стукаясь лбомъ о полъ.

— Вставай! Вставай! Грѣховодникъ ты этакой! Кому ты кланяешься? Кому? Ты долженъ Господу Богу поклоняться и ему единому служить.... Вставай!...

Мужикъ лѣниво поднимается и начинаетъ громко разсказывать свое горе, что давно хлѣба нѣтъ, что семья третій день сидитъ голодная, что ходилъ и туда и туда...

Отецъ Варѳоломей только руками машетъ и проситъ говорить тише, а самъ оглядывается не слышитъ ли Анна Аѳанасьевна. Удостовѣрившись, что ее нѣтъ дома, онъ «тихими стопами» отправляется въ свою амбарушку для того, чтобы исполнить просьбу бѣдняка.

— Ты, главное, много не говори, замѣчаетъ при этомъ о. Варѳоломей; помни, что въ многоглаголаніи нѣсть спасенія, а потому, касательно снабженія тебя хлѣбомъ ты лучше умолчи. Я съ великою готовностію радъ тебѣ услужить и помочь. Но ты помни слова Господа нашего, который глаголетъ: «ищите прежде царствія Божія и правды его, а вся временная благая приложатся вамъ». Вотъ, напримѣръ, я тебѣ, братецъ мой, скажу, было однажды достопамятное событіе въ царствованіе въ Бозѣ почившаго благовѣрнаго государя нашего Александра Благосло-

веннаго. Во время одного изъ своихъ путешествій по госу[…] ству онъ долѣе обыкновеннаго оставался на почтовой стан[…]

Мужикъ стоялъ предъ о. Варѳоломеемъ съ открытой г[…] вой и внимательно слушалъ разсказъ; а разскащикъ, уже обращая вниманія на то, что амбарушка еще не заперт[…] мужицкая телѣга съ мѣшкомъ хлѣба стоитъ посреди его дв[…] обстоятельно со всѣми подробностями разсказывалъ про до[…] памятное событіе.

Подъ вліяніемъ представившагося случая сдѣлать добро бл[…] нему и даже еще имѣть возможность побесѣдовать съ ни[…] отецъ Варѳоломей совершенно забывалъ про то, что матуп[…] въ это время можетъ возвратиться домой и уличить его […] мѣстѣ преступленія въ томъ, что онъ «расточаетъ» свое и[…] ніе. Несмотря на то, что уже бывали такіе случаи и вели […] собою весьма продолжительныя «пререканія», о. Варѳолом[…] былъ неисправимъ. Въ первое время онъ пугался, когда Ан[…] Аѳанасьевна нападала на него въ расплохъ и даже не зна[…] что говорить, тѣмъ болѣе, что улика была на лицо: тутъ ст[…] ялъ и мужикъ съ открытой головой, тутъ же стояла и тощ[…] клячёнка съ мѣшкомъ муки на телѣгѣ; но отъ частаго повт[…] ренія подобныхъ сценъ о. Варѳоломей обтерпѣлся и на упре[…] жены «за расточительство» указывалъ ей на ея малодушіе.

— Попадья! Попадья! говорилъ онъ, отчего ты не памятуе[…] о житіи святаго Филарета Милостиваго? Ужели въ твоемъ во[…] поминаніи не осталось никакихъ слѣдовъ изъ моихъ разсказов[…] о дѣяніяхъ сего замѣчательнаго угодника Божія....

Но указывать на малодушіе ему приходилось не долго, по[…] тому что чрезъ двѣ-три минуты Анна Аѳанасьевна уже виз[…] жала на весь дворъ, и изъ ея устъ лились одно за другимъ, в[…] безконечномъ количествѣ, различныя опредѣленія касательн[…] нравственныхъ свойствъ о. Варѳоломея: тутъ слышались и «ас[…] пидъ», и «василискъ», и такія непонятныя слова, которыя могл[…] придумать только разсерженная супруга о. Варѳоломея, строга[…] блюстительница его хозяйственныхъ интересовъ.

Крестьянинъ, послужившій новою причиною продолженія «междоусобій», спѣшилъ поскорѣе ретироваться и если успѣвалъ, то увозилъ мѣшокъ съ хлѣбомъ, а если нѣтъ, то оставлялъ его на полѣ битвы до слѣдующаго благопріятнаго случая, когда Анны Аѳанасьевны не будетъ дома. О. Варѳоломей, замѣчая, что авторитетъ Филарета Милостиваго сильно страдаетъ въ этомъ междоусобіи, благоразумно отступалъ и оставлялъ поле битвы. Онъ удалялся внутрь домика, плотно притворялъ за собою дверь для того, чтобы не слышать, какъ раздается во дво-

рѣ звонкій голосъ Анны Аѳанасьевны, не видѣть, какъ испуганныя этимъ крикомъ куры, вмѣстѣ съ солидно ходившимъ до того времени пѣтухомъ, торопливо улепетываютъ въ отдаленную часть поповскаго двора, въ болѣе безопасное, по ихъ понятіямъ, мѣсто.

Отецъ Варѳоломей, вслѣдствіе неудавшагося случая сдѣлать добро и вообще вслѣдствіе «возникшихъ» вновь непріятностей, печально склонялся головой на передиванный столъ и нѣкоторое время оставался въ такомъ положеніи.

Если кому-либо изъ читателей случалось видѣть въ Эрмитажѣ картину Бруни «Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду», то онъ отчасти вѣрно можетъ представить себѣ выраженіе лица о. Варѳоломея въ то время, когда онъ, поднявъ голову отъ стола, смотрѣлъ въ передній уголъ на икону, слабо освѣщенную свѣтомъ лампады.

Какъ ни далеко заходили иногда домашнія непріятности, какъ ни было трудно и, главное, обидно переживать ихъ, въ особенности въ такихъ случаяхъ, когда замѣшивался и страдалъ при этомъ интересъ третьяго лица, но о. Варѳоломей умѣлъ переживать: судя по его же собственнымъ словамъ, всѣ страданія сердца и боль, иногда «мгновенно» охватывавшая душу, разсѣевались при одномъ только взглядѣ на икону Долготерпѣвшаго, при одной мысли о неисповѣдимомъ Его промыслѣ, разсѣевались такъ же, какъ во храмѣ «ѳиміамъ куренія».

Успокоивъ такимъ образомъ свои взволнованныя чувства, о. Варѳоломей уже начиналъ обдумывать, какъ бы поскорѣй устроить, чтобы мѣшокъ съ мукой передать по принадлежности. А во дворѣ между тѣмъ все еще гремитъ голосъ Анны Аѳанасьевны. Она, какъ говорится, расходилась и сама не можетъ собою владѣть. Сосѣди, прильнувъ лицомъ къ щелямъ забора, наблюдаютъ за теченіемъ событій во дворѣ о. Варѳоломея; Анна Аѳанасьевна, замѣтивъ это, начинаетъ ихъ распекать и въ досадѣ швыряетъ въ нихъ первое попавшееся подъ руку, не разбирая, полѣно ли попало, камень или что другое. Однажды въ азартѣ она кинула въ сосѣдній дворъ даже посохъ отца Варѳоломея, который онъ только-что было-выкрасилъ въ голубой цвѣтъ, сильно имъ, между прочимъ сказать, любимый.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ оканчивались соображенія о передачѣ мужику мѣшка съ хлѣбомъ, о. Варѳоломей осторожно подходилъ къ двери, прикладывалъ ухо къ ея скважинѣ и начиналъ вслушиваться въ неумолкающій визгъ Анны Аѳанасьевны, печально повторяя про себя: соблазнъ! соблазнъ!... Дождавшись, наконецъ, того времени, когда во дворѣ

возстановлялась тишина, онъ глубоко, глубоко вздыхалъ, точно по окончаніи тяжелой работы и садился за книгу, чтобы забыться окончательно и успокоиться, для чего и надвигалъ на носъ старинныя серебряныя очки солидныхъ размѣровъ. Иногда междоусобіе этимъ и оканчивалось; супруга, сознавъ свое превосходство и восторжествовавъ надъ мужемъ, сурово принималась за свои домашнія дѣла, не обращая вниманія на о. Варѳоломея.

Вслѣдствіе этого онъ уже совершенно успокоивался и углублялся въ чтеніе духовной книги; но читая, напримѣръ, о битвѣ филистимлянъ съ израильтянами во время Саула и Іонаѳана, онъ какъ-то невольно задумывался надъ вопросомъ о томъ, къ которому собственно изъ ихъ лагерей могла быть сопричислена его воинственная супруга.

Такъ дешево отдѣлаться за посягательство «расточать» свое имѣніе о. Варѳоломею приходилось не часто, потому что Анна Аѳанасьевна не всегда ограничивалась тѣмъ, что срывала большую часть гнѣва на сосѣдяхъ, его оставалось и на долю о. Варѳоломея достаточное количество. Въ такомъ случаѣ онъ считалъ необходимымъ на нѣкоторое время «удалиться» изъ своего дома, чтобы дать возможность скорѣе утихнуть домашнимъ волненіямъ. Онъ уходилъ въ поле, бродилъ по лѣсу, забирался на горы и совершенно забывалъ о томъ, какія причины вызывали его изъ дома. Иногда въ такое время домашнихъ баталій его можно было встрѣтить сидящимъ на крутомъ обрывѣ горы и наблюдающимъ закатъ солнца. Сидитъ онъ и смотритъ, какъ уходитъ за дальнія горы великое свѣтило, какъ постепенно скрывается отъ глазъ его послѣдняя блестящая точка, и во всѣ стороны неба изъ яркаго пламени вечерней зари разстилаются полукругомъ его блѣднѣющіе лучи; вотъ оно уже совершенно скрылось отъ глазъ, а лучи все еще видны на небѣ и прорѣзываются сквозь легкія облака, озолоченныя и окрашенныя необъяснимо-чудными цвѣтами. Сидитъ о. Варѳоломей и все смотритъ, и только порывистѣе и порывистѣе дѣлается его дыханіе, видно, что на глубинѣ души его что-то творится и просится наружу; онъ, наконецъ, не выдерживаетъ, встаетъ на ноги, снимаетъ, шляпу и начинаетъ пѣть со слезами на глазахъ: «Величитъ душа моя Господа!..

Но темнѣетъ все болѣе и болѣе горизонтъ; догорающая заря, тихая предвѣстница ночи, кладетъ на лѣсъ и поля и горы какой-то таинственный мягкій полусвѣтъ, и постепенно скрываетъ ихъ отъ глазъ отца Варѳоломея. Вотъ уже скрылись «подъ пологомъ ночи» всѣ отдаленные предметы, милліоны звѣздъ забли-

стали въ невѣдомомъ, непостижимомъ человѣческому уму пространствѣ; таинственная полоса млечного пути раскинулась по всему небу, и блѣдная луна, какъ ночи стражъ, медленно поднимаясь съ востока, стала совершать свое шествіе, покорная вѣчнымъ и незыблемымъ законамъ міроздания.

— День прешедъ, благодарю тя Господи, шепчетъ о. Варѳоломей, отправляясь обратно въ свой домикъ, и нипочемъ уже для него всякія междоусобія, распри, и все, все, что человѣка мучитъ, волнуетъ, давитъ...

III.

Не всегда же такъ шла жизнь о. Варѳоломея, что онъ долженъ былъ искать успокоенія только въ созерцаніи природы и въ вызываемыхъ ею восторженно-духовныхъ настроеніяхъ. Бывали и другіе дни, и не бывать они не могли, ибо какой бы злой мачихой ни была судьба, но и ей можетъ наскучить постоянно сыпать колотушки на неповинную голову своего питомца.

Извѣстно, что нѣтъ такого мѣста на всемъ земномъ шарѣ, гдѣ небо постоянно покрыто тучами, гдѣ не перестаетъ завывать буря и, подъ шумными раскатами грома, изливается на землю безконечный дождь. Хотя на непродолжительное время, но и въ такихъ мѣстахъ, которыя самимъ Богомъ обижены, свѣтитъ ясное солнце и даетъ возможность угрюмому жителю пустынныхъ мѣстъ видѣть рѣдкаго небеснаго гостя, ненадолго выглядывающаго изъ-за густыхъ слоевъ мрачныхъ и грозныхъ тучъ. Такъ и въ жизни о. Варѳоломея бывали такіе дни, когда прекращались всякія «междоусобія», не только по отношенію къ нему, но и ко всѣмъ обитателямъ ближнихъ и дальнихъ избъ сумраковскаго имѣнія. Казалось, возстановлялся прочный миръ. Но при наступленіи такихъ дней отецъ Варѳоломей, искушенный жизненнымъ опытомъ, нѣсколько малодушествовалъ, недовѣрчиво относясь къ прочности и продолжительности наступившаго мира, и печально «мнилъ», что не представляютъ ли наступившіе дни собою чего-либо другого. Его думы всего болѣе склонялись къ тому, что этотъ миръ есть только скоропроходящее перемиріе; что, вѣроятно, чрезъ непродолжительный періодъ времени до его слуха опять донесутся со двора громкіе звуки голоса Анны Аѳанасьевны, предвѣщая начало новой войны, можетъ быть даже такой, которой послѣдствія отразятся на немъ, и что, можетъ быть, эта война будетъ даже «горшѣе первыхъ». Онъ, конечно, имѣлъ уважительныя основанія такъ думать, по-

тому что бывали въ прошедшее время случаи необыкновенн быстраго перехода отъ мирнаго хода событій къ самой шумно баталіи. Достаточно было того, чтобы какой-нибудь пятилѣтні мальчуганъ пустилъ камнемъ въ голосистаго пѣтуха, до небес превозносимаго Анной Аѳанасьевной, и поднималась такая перепалка, во время которой не только безслѣдно пропадалъ в дворѣ сосѣдей голубой посохъ о. Вареоломея, но грозила такая же опасность даже фіолетовой скуфьѣ, полученной имъ з примѣрный порядокъ и исправность по службѣ. Но иногда мнительность о. Вареоломея, къ счастію его, не оправдывалась: миръ дѣйствительно наступалъ, Анна Аѳанасьевна успокоивалась и дѣлалась примѣрной супругой, скромной и любящей подругой жизни. Другой, со стороны глядя, могъ только изумляться такъ быстро наступившей перемѣнѣ въ характерѣ Анны Аѳанасьевны. Она какъ будто утомлялась, наконецъ, постоянными междоусобіями и искала отдохновенія, какъ ищетъ его всякій воинъ послѣ продолжительныхъ походовъ и военныхъ дѣйствій. Она, казалось, начинала ощущать потребность тишины и даже не обращала вниманія на такіе проступки сосѣдей, за которые въ другое время могла ихъ сильно распечь. Можетъ быть эта потребность тишины являлась вслѣдствіе того гордаго сознанія, что «порядокъ возстановленъ», по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Такое возстановленіе порядка, а слѣдовательно и относительную прочность мира о. Вареоломей узнавалъ по несомнѣннымъ признакамъ: въ кухнѣ его домика появлялись жители сосѣднихъ избъ, по преимуществу женскаго пола (даже можно сказать: «исключительно»), кипѣлъ самоваръ совершенно не въ указанное время и слышались звуки мирной, отчасти весело шумной бесѣды о курахъ, поросятахъ и о разныхъ предметахъ, относящихся до сельскаго хозяйства. Распивая чаи съ своими недавними врагами, Анна Аѳанасьевна не забывала и своего супруга: она сама, какъ онъ говорилъ: «собственною своею персоною» приносила ему чаю, безъ всякаго съ его стороны объ этомъ напоминанія и поставивъ стаканъ на переддиванный столъ, нѣсколько разъ трепала своего супруга по плечу, а иногда даже и цѣловала въ лобъ, приговаривая: «Охъ, ты мой попикъ смирненькой». О. Вареоломей млѣлъ и таялъ отъ такой ласки и за эту одну ласку готовъ былъ перенести тысячи новыхъ баталій. Ласки и внимательность Анны Аѳанасьевны не ограничивались только этимъ: въ такіе дни она вспоминала, какія кушанья любитъ о. Вареоломей, и за обѣденнымъ столомъ неожиданно появлялась уха изъ свѣжей рыбы, творогъ со сметаной и прочая благодать. Что чувствовалъ въ такое время о. Вареоломей,

выразить и передать невозможно, хотя бы даже въ блѣдномъ очеркѣ.

— Ну что, попикъ, сытъ? спрашивала въ такіе дни Анна Аѳанасьевна послѣ обѣда.

— Сытъ, матушка! отвѣчалъ о. Варѳоломей, приложивъ руку къ груди: премного сытъ и необъяснимо признателенъ вамъ...

— Не хочешь ли къ вечеру простоквашки съ корицой и съ сахаромъ? а? Попикъ? Хочешь? вопрошала Анна Аѳанасьевна, подсаживаясь къ нему рядомъ на диванъ.

— Что-жъ, простокваши хорошо... неотяготительно и для желудка...

— Ну, то-то.... А можетъ и ягодокъ бы съѣлъ съ сахаромъ, а?

— Нѣтъ, къ чему же? Простокваши достаточно... Только я думаю, не очень ли вы много матушка заботитесь...

— Ну, ну, молчи... Поцѣлуй меня! Охъ ты лысенькая моя головушка!...

— Неужли-жъ я, матушка, уже лысенькой? Я предполагаю, что такое названіе нѣсколько преждевременно...

— Ну, чего преждевременно! Лысой будешь не сегодня— завтра.. До лысины дожилъ, а дѣтей не нажилъ...

Это напоминаніе нѣсколько омрачаетъ прелесть минуты. Отецъ Варѳоломей вздыхаетъ; Анна Аѳанасьевна, замѣтивъ вздохъ, хочетъ развлечь своего супруга чѣмъ-нибудь, и иногда въ припадкѣ нѣжности наклонитъ его голову къ себѣ на колѣни и дастъ ему нѣсколько ударовъ въ спину, какъ будто въ наказаніе за то, отчего, доживъ до лысины, не нажилъ себѣ дѣтей.

— Виноватъ, матушка, простите по великодушію вашему... Не сподобилъ Господь... оправдывается о. Варѳоломей, не имѣя возможности поднять приклоненную къ колѣнямъ супруги голову.

— То-то, не сподобилъ Господь!..

И опять въ припадкѣ нѣжности Анна Аѳанасьевна угощаетъ его тумаками.

Вообще, все какъ-то у нея выходило рѣзко, крупно и грубо, даже самыя ласки.

Во всѣ дни мира о. Варѳоломей бывалъ въ необыкновенно пріятномъ и сладостно спокойномъ расположеніи духа.

Хотя такое состояніе онъ испытывалъ иногда и во времена междоусобій, но тогда оно вызывалось совершенно-другими причинами и послѣдствіемъ его было духовное наслажденіе, въ состояніи котораго о. Варѳоломей какъ бы отрѣшался отъ всего земного и становился выше его. Но домашній миръ вызывалъ

въ немъ нѣкоторыя другія дѣйствія, послѣдствіемъ которыхъ было не отрѣшеніе отъ всего земного, а тихое наслажденіе имъ. Въ такое время онъ любилъ, напримѣръ, расхаживать по своей комнатѣ, заложивъ руки за широкій поясъ подрясника, вышитый шерстями яркихъ цвѣтовъ, и расхаживалъ онъ не такъ, какъ обыкновенно бывало, т.-е. нѣсколько сгорбившись, а высоко закинувъ голову, какъ-бы обозрѣвая на потолкѣ щели, въ которыя во времена междоусобій сыпалась земля. Расхаживая таким образомъ, онъ распѣвалъ нѣжнымъ тенором ирмосы и въ особенности: «Понтомъ покрывъ Фараона съ колесницами», можетъ быть потому, что этотъ ирмосъ по содержанію своему отчасти соотвѣтствовалъ событіямъ текущаго дня. Анна Аѳанасьевна даже любила слушать его пѣніе, такъ оно было пріятно, и какъ будто даже кстати. Насладившись пѣніемъ, о. Варѳоломей любилъ посидѣть на диванѣ въ полулежачемъ положеніи и порадоваться на свое счастіе. Подъ вліяніемъ этого счастія онъ иногда вдругъ снова закидывалъ высоко кверху голову и начиналъ, собственно ни къ кому не обращаясь, разсказывать о прелестяхъ мира въ его семейной жизни и разсказывалъ, случалось, довольно долго; но въ сущности это былъ не разсказъ, а нѣчто напоминающее лирическое стихотвореніе, въ которомъ восторженный поэтъ выражаетъ свои чувства.

— Какъ сладко жить на свѣтѣ, говорилъ онъ въ услажденіе самому себѣ: какъ сладко жить человѣку, когда божественная благодать, немощная врачующая и оскудѣвающее наполняющая, снисходитъ на его кровъ. Какъ безпредѣльна и безконечна милость Божія къ такому грѣшному и недостойному рабу, каковымъ всегда и по достоинству именую я себя... И т. д. въ этомъ родѣ.

Возблагодаривъ Создателя міровъ за незаслуженныя будто бы наслажденія благами жизни, о. Варѳоломей отправлялся обозрѣвать свой дворъ, огородъ, и все это казалось ему въ такое время отличающимся чѣмъ-то особенно хорошимъ, точно вмѣстѣ съ нимъ вся природа и все его домашнее хозяйство готово было запѣть какой-нибудь торжественный ирмосъ, въ родѣ того же «Понтомъ покрывъ».

Въ такіе дни «возстановленія порядка» Анна Аѳанасьевна не ставила въ вину о. Варѳоломею даже и того, что онъ «шлялся по больнымъ», тогда какъ при другихъ обстоятельствахъ она за это распекала постоянно, и будучи мнительна заставляла его, по возвращеніи отъ больныхъ, снимать все верхнее платье и провѣтривать. Нужно замѣтить, что когда впервые зашла рѣчь объ этомъ, о. Варѳоломей усумнился въ справедливости словъ

своей супруги и подумалъ, что она шутитъ; но когда оказалось, что Анна Аѳанасьевна нисколько и не думаетъ шутить, хочетъ въ дѣйствительности ввести такія строгія карантинныя мѣры, о. Варѳоломей рѣшился протестовать. Главное, было обидно то, что онъ не былъ объ этомъ предувѣдомленъ заблаговременно: Аннѣ Аѳанасьевнѣ вдругъ пришло въ голову ввести эту мѣру, и именно въ то время, когда онъ только-что возвратился отъ больного и хотѣлъ войти въ комнату.

— Вѣдь это, матушка, совершенно неблагопристойно, обиженно замѣтилъ онъ.

— А неблагопристойно, такъ оставайся на дворѣ до сумерекъ; въ комнату до того времени не пущу....

— Мнѣ по сану моему неблагопристойно быть даже безъ рясы, а вы требуете, чтобы я и подрясникъ снялъ. Это нѣсколько странно... Наконецъ, я не могу знать предѣловъ вашего желанія, можетъ быть вы потребуете моего совершеннаго разоблаченія посреди двора при свѣтѣ дня...

Но Анна Аѳанасьевна была непреклонна и сдѣлала только незначительную уступку, а именно порѣшила на томъ, что о. Варѳоломей, по возвращеніи отъ больныхъ, можетъ требовать «перемѣнку» и переоблачаться въ прихожей. Иногда эти путешествія по больнымъ сильно раздражали Анну Аѳанасьевну, и долго послѣ «переоблаченія» ему приходилось выслушивать упреки супруги. Но въ дни мира она не только не упрекала о. Варѳоломея въ полнѣйшемъ, будто бы, невѣжествѣ въ дѣлѣ леченія болѣзней, но даже сама сопутствовала ему въ посѣщеніи какого-нибудь Сидора или Ефрема, «изнемогающаго въ недугѣ». Стоило только о. Варѳоломею въ такое время сказать, что «по справедливости говоря, матушка», намъ надлежало бы посѣтить такого-то, и она, безъ всякихъ споровъ и возраженій, соглашалась ему сопутствовать. Согласіе свое на посѣщеніе больного она выражала тѣмъ, что молча накидывала на голову красный шерстяной платокъ, торопливо совала подъ него выбившіяся на лобъ волоса и кротко отвѣчала: «Ну, пойдемъ», что̀ доказывало о приносимой ею жертвѣ въ угоду мужу.

О. Варѳоломей всегда очень соболѣзновалъ о томъ, что неискусенъ «въ наукѣ врачеванія тѣлесныхъ болѣзней» и подъ вліяніемъ этого, а также и по сохранившейся страсти къ литературнымъ занятіямъ, написалъ однажды докладъ по начальству о необходимости преподаванія нѣкоторыхъ медицинскихъ свѣдѣній въ семинаріяхъ. Хотя въ этомъ докладѣ и говорилось предварительно о небесномъ Врачѣ, исцѣляющемъ всякіе недуги, говорилось даже весьма пространно, и затѣмъ очень осторожно

было приступлено къ необходимости оказыванія нѣкоторой по-
мощи земными средствами; но докладъ высшему начальству не
понравился, и о. Варѳоломей получилъ за него изрядную на-
хлобучку. «Богъ съ ними, говаривалъ онъ по этому поводу, съ
нихъ взыщется. Будетъ время, будутъ другіе люди и другіе по-
рядки, а я, непотребный, чѣмъ могу, тѣмъ и служу». Въ ожи-
даніи лучшаго будущаго онъ ограничивался тѣмъ, что прино-
силъ больному чаю «на запарочку» или сушоной малины, дру-
гихъ средствъ для излеченія болѣзней онъ не зналъ, ибо и самъ
другими средствами никогда не лечился.

Случалось, что Анна Аѳанасьевна приглашала его сопут-
ствовать, но только уже не къ больнымъ, а на скотный дворъ,
чтобы посмотрѣть въ какомъ состояніи здоровья находится ихъ
собственная стельная корова. О. Варѳоломей изъявлялъ, ко-
нечно, полнѣйшую готовность и шелъ на скотный дворъ; при-
ходили, смотрѣли на стельную корову и иногда любовались,
глядя, какъ она пережевываетъ солому. Если являлось какое-
либо сомнѣніе относительно состоянія ея здоровья, то о. Вар-
ѳоломей обходилъ ее со всѣхъ сторонъ, внимательно оглядывалъ
и старался успокоить Анну Аѳанасьевну, говоря, «что по весе-
лому взору животнаго дурного предположить ничего нельзя».

Возвращались домой, мирно садились за ужинъ (ужинали
всегда въ кухнѣ) и отходя ко сну, о. Варѳоломей усердно бла-
годарилъ Создателя за то, что Онъ не по достоинству и не по
заслугамъ награждаетъ его земными благами.

Такъ въ одинъ изъ такихъ дней, въ домикѣ о. Варѳоломея
былъ миръ и спокойствіе, и даже болѣе въ «сугубой» степени,
потому, можетъ быть, что на слѣдующій день утромъ о. Вар-
ѳоломей долженъ былъ отправиться въ Петербургъ по дѣламъ
службы и потому, можетъ быть, Анна Аѳанасьевна была въ
этотъ вечеръ особенно кротка, любезна и внимательна къ мужу.
Уже совершенно стемнѣло. О. Варѳоломей изъявилъ желаніе
поужинать; но только что Анна Аѳанасьевна приготовилась по-
давать ужинъ, и босоногая дѣвочка, единственная прислуга въ
ихъ домѣ, потащила изъ печки кушанье, какъ изъ дома Сум-
раковыхъ явился посланный и передалъ о. Варѳоломею, что
Николай Саввичъ желаетъ его сегодня видѣть.

— Что же, матушка, отложимъ на нѣкоторое время ужинъ?
суетливо предложилъ о. Варѳоломей.

— Ну, отложимъ. Иди, да только не болтайся долго-то...
Слышишь?

— Слышу, слышу, матушка... Конечно, я не замедлю. Любо-
пытно мнѣ узнать, какая настоятельная надобность его прево-

сходительству во мнѣ и въ такое ночное время, говорилъ онъ, отыскивая свою шляпу.

— Ну, что ты испугался? что ты суешься изъ угла въ уголъ, точно угорѣлъ? замѣтила Анна Аѳанасьевна, видя, что поиски о. Варѳоломея ни къ чему не ведутъ.

— Отчего же мнѣ пугаться, я такъ предполагаю, что провинностей за мною никакихъ нѣтъ, отчего же я буду пугаться..

— Нашелъ что ли? Мелешь, самъ не зная что... нашелъ? нетерпѣливо спрашивала супруга.

— Вы, матушка, успокойтесь, я отыщу, я въ самомъ скоромъ времени отыщу, увѣрялъ онъ, тщательно оглядывая всѣ углы и потомъ вдругъ снова увлекся неожиданностію приглашенія.

— Любопытно мнѣ знать, какая такая настоятельная надобность...

— Да нашелъ ли ты, наконецъ, шляпу-то? Господи!..

— Благодареніе Создателю,—вотъ она! торжественно оповѣстилъ о. Варѳоломей, и объяснивъ еще супругѣ, что пугаться ему положительно нѣтъ никакого основанія, тронулся наконецъ въ путь.

IV.

Сидитъ о. Варѳоломей въ почтительной позѣ, на кончикѣ стула, въ кабинетѣ Николая Саввича. Николай Саввичъ медленно и лѣниво сосетъ свой чубукъ, и по обыкновенію хмурится. Онъ молчитъ, и не то дремлетъ, не то что-то обдумываетъ, всего вѣрнѣе послѣднее, потому что во время дремоты его сѣдыя брови не такъ близко сдвигаются одна къ другой. Отецъ Варѳоломей находится въ большомъ недоумѣніи, ибо еще не получилъ надлежащихъ свѣдѣній о томъ, какая настоятельная надобность встрѣтилась въ немъ въ ночное время. Онъ давно уже допилъ пятый стаканъ чаю (предлагали — совѣстно было отказаться) и держалъ его въ рукахъ, робко поглядывая на дверь, изъ которой долженъ былъ, по его предположенію, показаться слуга съ подносомъ. Николай Саввичъ замѣтилъ, наконецъ, его робкіе взгляды и позвонилъ.

— Выпейте еще, о. Варѳоломей, предложилъ онъ.

— Въ изобиліи, въ изобиліи, ваше превосходительство. Душевно признателенъ, кланялся о. Варѳоломей, вставъ со стула.

— Вы завтра утромъ ѣдете?

— Да-съ, предполагаю, если Господь благословитъ...

Онъ взглянулъ на образъ и хотѣлъ прощаться.

— Гм... Да... Вы спѣшите. Понимаю. Но присядьте... М
нужно вамъ передать кой-что, предложилъ Николай Саввичъ

— Съ душевною готовностью, ваше превосходительство.
предполагалъ, что моя бесѣда можетъ быть нѣсколько васъ у
и утомила, потому больше поспѣшилъ...

— Нѣтъ, нисколько, замѣтилъ Николай Саввичъ.

Это замѣчаніе было совершенно справедливо, потому что
продолженіи получаса со времени прихода о. Варѳоломея бесѣ
собственно никакой не было, — какъ хозяинъ, такъ и го
все время сидѣли молча: одинъ изъ уваженія «къ вельмож
пилъ стаканъ за стаканомъ чай, а другой, по всегдашней пр
вычкѣ, сосалъ трубку и хмурился, находя необходимымъ, м
жетъ быть тоже изъ чувства уваженія, налить сначала гос
чаемъ.

— Присядьте, о. Варѳоломей. Я васъ не задержу...

— Слушаю-съ.

О. Варѳоломей снова помѣстился на кончикѣ стула, и сл
живъ на животѣ руки, началъ вертѣть пальцами, въ ожиданi
что̀ будетъ говорить Сумраковъ.

Николай Саввичъ пошамкалъ нѣсколько губами и, еще бо
лѣе нахмурившись, началъ:

Я поручилъ бы вамъ, если только не составитъ это для вас
большого труда...

— Съ искреннею готовностію, ваше превосходительство, с
искреннею готовностію, что угодно. Не токмо не составитъ труда
но я всегда за особенную честь приму и поспѣшу...

— Гм... Гм... Да... Но позвольте, о. Варѳоломей, мнѣ до
кончить...

О. Варѳоломей уже не рѣшался произнести ни одного слова
и только закивалъ головой, какъ будто хотѣлъ этимъ успокоит
генерала въ томъ, что не будетъ болѣе перебивать его рѣчи.

— Если не составитъ вамъ большого труда, то пріищите
мнѣ, или, если не успѣете, то поручите кому-либо изъ вашихъ
хорошихъ знакомыхъ... У васъ, помнится мнѣ, есть тамъ знакомые профессора...

Отецъ Варѳоломей утвердительно закивалъ головой.

— Гм... Да. Такъ поручите, пожалуйста, пріискать мнѣ репетитора для младшаго сына...

— Для Михаила Николаевича? спросилъ о. Варфоломей, находя что этотъ вопросъ можно сдѣлать безпрепятственно.

— Да. Курсы начнутся 15-го августа. Такъ вотъ именно къ этому времени...

Наступила нѣкоторая пауза. О. Варѳоломей вздохнулъ, находясь въ нерѣшительномъ положеніи относительно своего молчанія. Ему казалось, что пора изъявить свое согласіе на исполненіе порученія, и въ то же время онъ боялся, что пожалуй опять не вó-время заговоритъ.

— Я съ своей стороны, началъ-было онъ, но генералъ перебилъ его рѣчь.

— Да, вотъ что,—я не вѣрно выразился: репетитора, да... То-есть, онъ долженъ жить у меня въ квартирѣ, какъ будто бы отчасти въ качествѣ гувернера.

— Такъ-съ, рѣшился вставить о. Варѳоломей и вздохнулъ. Его, видимо, утомляло молчаніе.

— Затѣмъ, относительно платы. Я назначаю 600 рублей въ годъ при готовой квартирѣ и столѣ.

— Что-жъ! Я предполагаю, плата весьма достаточная, ваше превосходительство...

— Гм... Гм... Да... Но позвольте...

— Слушаю-съ. Слушаю-съ...

— Главное, о. Варѳоломей, обратите вниманіе, чтобы человѣкъ былъ хорошей нравственности.

— Во всякомъ случаѣ...

— Гм... Гм... — Позвольте...

— Виноватъ-съ. Слушаю-съ...

— Вы, поручая это дѣло вашимъ знакомымъ, именно и попросите, чтобы обратили самое главное вниманіе на этотъ предметъ.

Николай Саввичъ замолчалъ и сталъ сосать свою трубку.

О. Варѳоломей уже положительно понялъ, что по поводу порученія сказано все, и потому заговорилъ почти безъ всякой робости.

— Въ виду я, говоря по справедливости, ваше превосходительство, въ настоящее время пока не имѣю такого лица, но въ Санктъ-Петербургѣ, при посредствѣ моего продолжительнаго знакомства съ господиномъ профессоромъ Крестовоздвиженскимъ, и навѣрное могу удовлетворить ваше желаніе.

Николай Саввичъ болѣе не говорилъ ни слова, точно сознавалъ, что надо же дать человѣку возможность высказаться.

— Въ то время, ваше превосходительство, продолжалъ о. Варѳоломей, въ то время, когда я проходилъ курсъ наукъ въ санктпетербургской духовной семинаріи...

И пошелъ, и пошелъ расписывать, строя подробности на

подробностяхъ, удаляясь далеко въ сторону по поводу разли ныхъ, достойныхъ вниманія, случаевъ и снова перескакивая главный предметъ бесѣды. Говорилъ онъ медленно, однозвучн и благодаря этому обстоятельству, разговоръ его оказалъ нѣк торое благодѣтельное вліяніе на Николая Саввича, страдавша безсонницей. Увлеченный своей собственной бесѣдой, о. Варѳ ломей не замѣтилъ, что генералъ давно дремлетъ, и только т гда опомнился, когда услышалъ сладкое шипѣнье заснувша старика.

— Господи! что же мнѣ теперь дѣлать? въ испугѣ подумал о. Варѳоломей, вдругъ останавливая потокъ своей рѣчи на с момъ, казалось, интересномъ мѣстѣ. — Какое, однако, странно стеченіе обстоятельствъ! удивлялся онъ, робко оглядываясь п сторонамъ и точно отыскивая способъ выдти изъ затруднител наго положенія. — Какъ же мнѣ теперь уйти, подумалъ он недоумѣвая.

Во всемъ домѣ, какъ на грѣхъ, царила полнѣйшая тишин ниоткуда не слышно было движенія и говора, точно весь дом давнымъ-давно спалъ мертвымъ сномъ и только доносились из зала звуки ударовъ часового маятника, равномѣрно и медленн слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, да слышалось тутъ, послѣ о Варѳоломея, сладкое шипѣнье Николая Саввича.

— Въ то время я, ваше превосходительство, началъ о. Вар ѳоломей погромче.

Но старикъ не просыпался и зашипѣлъ еще сильнѣе.

О. Варѳоломей робко приподнялся со стула, заглянулъ в дверь, ведущую въ залъ, и не зналъ, какъ поступить — уйти или остаться.

— Невѣжливо такъ уйти не простившись, тѣмъ паче, утром уѣзжаю въ путь... Но если же этотъ сонъ продлится на до вольно значительное время? въ испугѣ подумалъ онъ. Какъ ж это я не замѣтилъ, что усыпляю?

— Въ то время, я, ваше превосходительство... началъ он уже значительно возвысивъ голосъ.

Николай Саввичъ открылъ глаза.

— А! Извините, пробормоталъ онъ и засосалъ охладѣвшую трубку.

— Меня великодушно простите, ваше превосходительство,— не извольте безпокоиться,—духъ бо бодръ, плоть же немощна...

Онъ помолился на образъ и, раскланявшись, хотѣлъ уйти, но Николай Саввичъ остановилъ его. Медленно приподнявшись съ кресла, онъ всталъ на ноги, протянулъ къ о. Варѳоломею руку и сказалъ: «благословите». Онъ уважалъ о. Варѳоломея и, какъ

саною выше, чтилъ въ немъ не только одинъ санъ, но и значительныя нравственныя достоинства. Чтилъ конечно по своему, такъ сказать по-генеральски, вполнѣ сознавая, какъ казалось ему, ту громадную пропасть, которая положена между ними жизнію, общественнымъ положеніемъ, аристократичностію рода Сумраковыхъ и тому подобными, по его мнѣнію, весьма важными причинами.

— Какъ же это я не могъ предвидѣть и избѣжать такого обстоятельства, идя по залѣ, печально размышлялъ о. Варѳоломей по поводу своего «неблаговиднаго поступка», — въ этомъ случаѣ на будущее время нужно быть осмотрительнѣе...

Онъ спѣшилъ домой къ давно ожидавшему его ужину и уже предчувствовалъ, что Анна Аѳанасьевна распечетъ его за поздній приходъ; но на пути опять «не могъ предвидѣть обстоятельства» и застрялъ въ прихожей генеральскаго дома, встрѣтившись съ буфетчикомъ, съ которымъ цѣлые полчаса разговаривалъ шопотомъ.

— Да зайдемте, батюшка, ко мнѣ, что намъ здѣсь шептаться, предложилъ буфетчикъ.

— Я, изволите видѣть, спѣшу очень, а впрочемъ...

Но зайти къ буфетчику и побесѣдовать о. Варѳоломею не удалось: у дверей прихожей, на крыльцѣ, давно уже сторожила его босоногая дѣвочка, посланная Анною Аѳанасьевной. Только-что онъ показался на крыльцѣ, намѣреваясь, сойдя съ него, повернуть въ лѣвую сторону, вмѣсто того, чтобы идти на право, по направленію къ своему дому, — какъ дѣвочка, въ темнотѣ имъ незамѣченная, плаксиво заговорила:

— Батюшка! матушка васъ безпримѣнно велѣла звать домой...

— Царь небесный! Нельзя уже и на едину минуту отлучиться!.. Сейчасъ!

Онъ не рѣшался идти къ буфетчику и стоя на ступеняхъ крыльца, продолжалъ разговоръ.

— Его превосходительству, изволите видѣть, благоугодно, шепталъ онъ, чтобы для Михаила Николаевича былъ приготовленъ въ Санктъ-Петербургѣ надлежащій наставникъ...

— Все равно, о. Варѳоломей, все равно, толку не будетъ никакого. Какой ужъ теперь ему наставникъ, онъ только и знаетъ теперь, что какъ бы поскорѣй деньжонкамъ глаза протереть. Шалопаи они оба. Старшой-то ужъ совсѣмъ завертѣлся съ своими долгами, сказываютъ, что въ Питерѣ-то онъ вертится въ долгахъ-то какъ бѣсъ передъ заутреней... Шалопаи они оба вмѣстѣ съ Владиміромъ, сердито заключилъ буфетчикъ.

— Я, конечно, не могу, судить, тѣмъ паче о Владимірѣ колаевичѣ, онъ уже въ настоящихъ годахъ и въ офицерс чинѣ; но относительно Михаила Николаевича... Дѣло въ т изволите видѣть, что при хорошемъ наставникѣ могутъ нѣкоторыя перемѣны къ лучшему.

Дѣвочка опять заголосила:

— Батюшка! матушка право сердится. Она говорила, ея говоритъ, онъ не придетъ сейчасъ, я сама за нимъ пойду.

— Владычица! И даже на единую минуту нѣтъ мнѣ с вѣтственной свободы въ дѣйствіяхъ, раздраженно прошепта Варѳоломей и сталъ прощаться, но опять заговорился.

— Да зайдемте, батюшка, на минуту, снова позвалъ бу чикъ, у меня уха сегодня изъ свѣжей рыбы.

— Такъ я пойду, коли такъ, плаксиво и громко заныла д чонка.

О. Варѳоломей заговорилъ сердитымъ шопотомъ:

— Глупая! глупая! зажми ротъ, говорю тебѣ, зажми с ротъ. Ты полагаешь, что находишься въ полѣ. Глупая! Гдѣ стоишь?.. Тише! Я иду сейчасъ, видишь, прощаюсь. Вотъ жизнь какая, обратился онъ опять къ буфетчику, — не и никакой свободы въ поступкахъ моихъ...

— Да что-жъ бояться. Зайдите, о. Варѳоломей, снова слышался въ темнотѣ соблазняющій голосъ. Не бойтесь,—что за бѣда....

— Я не опасаюсь.... Я, даже, по чистой совѣсти говоря, сколько не опасаюсь, но невозможно.... Невозможно потому, с ственно, что съ разсвѣтомъ необходимо выѣхать.

— Уха какая! мучимый скукой одиночества звалъ соблаз тель.

— Предвкушаю, заранѣе предвкушаю.... Но.... до повидан Невозможно!

И разстались наконецъ.

— Всегда ты, всегда о. Варѳоломей болтаешься по пя часовъ, распекала его по возвращеніи Анна Аѳанасьевна, на что же это похоже? Подумай ты, пожалуйста, что же з такое? Я сижу тутъ, жду, жду. Ужинъ давно простылъ.... если въ тебѣ хоть капелька стыда!

Отецъ Варѳоломей стоялъ въ дверяхъ, печально и съ с жалѣніемъ смотря на расходившуюся супругу.

— Ну что же ты сталъ? Что же ты стоишь-то?... Господ Да это я ужъ и не знаю, на что это похоже.... Завтра утро уѣзжаетъ и — скажите пожалуйста, — слова не хочетъ отвѣтит

— Матушка! отвѣтилъ, наконецъ о. Варѳоломей, кладя шляпу на столъ, насколько ты неблагоразумна!

— Это еще что за новости?... Говори, отчего ты такъ долго тамъ болтался?

— Насколько ты неблагоразумна, повторилъ еще о. Варѳоломей, приложивъ правую руку къ груди и затѣмъ молча сѣлъ за столъ, на которомъ стоялъ давно уже остывшій ужинъ.

Потому ли, что въ этотъ день съ утра установился въ домикѣ о. Варѳоломея прочный миръ, или вслѣдствіе сознанія того, что «попикъ» на слѣдующее утро «разлучается» съ Анной Аѳанасьевной, она недолго распекала его за позднее возвращеніе и смѣлый отзывъ, высказанный имъ относительно, будто бы, ея неблагоразумія — ни къ какимъ «пререканіямъ» не повелъ. Онъ удовлетворилъ ея женское любопытство относительно причинъ, по которымъ былъ вызванъ «въ позднее время» къ Николаю Саввичу, и затѣмъ все кончилось благополучно, тихо, мирно, въ сладкихъ радостяхъ супружеской любви и счастія.

Утромъ слѣдующаго дня онъ тащился въ своей голубой, всему околотку извѣстной, таратаечкѣ по направленію къ желѣзной дорогѣ, рядомъ съ нимъ сидѣлъ крестьянскій мальчикъ, взятый вмѣсто кучера. Провожая ихъ въ дорогу, Анна Аѳанасьевна поучала мальчика относительно того собственно, какъ онъ долженъ ѣхать обратно одинъ и грозила побить его, если онъ что-либо изломаетъ у знаменитой одноколки или измучитъ лошадь скорой ѣздой. Поученіе началось собственно въ то время, когда уже о. Варѳоломей взялъ возжи въ руки, чтобы тронуться въ путь, и продолжалось такъ долго, что о. Варѳоломей даже согрѣшилъ, подумавъ: «а, ну-ка я уѣду не дождавшись конца», но уѣхать такъ не рѣшился.

— Да если только ты смѣешь!... Да если только я замѣчу!... наговаривала Анна Аѳанасьевна мальчику, который кажется тоже думалъ: «да что это батюшка смотритъ, стегнулъ бы по лошади — и шабашъ».

— Матушка, я могу такимъ образомъ опоздать.... Позвольте уже тронуться въ путь.... попросилъ наконецъ о. Варѳоломей.

— Ну, съ Богомъ. Только пожалуйста ты дорогой-то ему побольше говори о томъ, какъ онъ долженъ обратно ѣхать, крикнула еще вслѣдъ Анна Аѳанасьевна.

Но о. Варѳоломей только что выѣхалъ за деревню, какъ забылъ уже о порученіи своей супруги.

По пріѣздѣ на станцію онъ къ ужасу своему замѣтилъ, что поѣздъ уже пришелъ и потому бросился со всѣхъ ногъ къ кассѣ, не сказалъ даже своему маленькому кучеру, что поѣзжай, молъ,

домой, передай матушкѣ почтеніе, скажи, что доѣхали, и т. п., и только на бѣгу махнулъ ему шляпой въ ту сторону, гдѣ находилась усадьба Сумракова, какъ бы желая указать направленіе пути. На станціи, какъ на грѣхъ, скопилось много пассажировъ: со всѣхъ сторонъ валилъ народъ, у кассы тѣснилась большая толпа, и волей-неволей нужно было идти очень медленно поочереди. «Опоздаю, опоздаю», шепталъ о. Варѳоломей и нетерпѣливо заглядывалъ впередъ, желая удостовѣриться, скоро ли ему придется взять желаемый билетъ. Сзади налетѣлъ кто-то съ чемоданомъ и ткнулъ имъ о. Варѳоломея въ спину, не думая извиняться.

— Можно поблагороднѣе, я такъ предполагаю, оскорбившись замѣтилъ о. Варѳоломей, и довольный тѣмъ, что успѣлъ наконецъ взять билетъ, торопливо проскользнулъ подъ саквояжемъ какого-то пассажира и выбѣжалъ на платформу станціи. Но тутъ встрѣтилась ему крестьянка съ охапкой калачей и съ узломъ за плечами, красная, какъ полымя; она лѣзла на него въ упоръ, и едва переводя духъ, торопилась протискаться въ двери станціи.

— Что же ты, ошалѣла! Ахъ, какая! Нѣтъ въ васъ нисколько благородства, сказалъ онъ совершенно растерявшейся женщинѣ, отстраняя ее отъ себя обѣими руками.

— Ахъ, матушки-и, да вѣдь никакъ я опоздала-а! Родимые! раздался позади о. Варѳоломея отчаянный крикъ женщины.

Онъ было-остановился, по привычкѣ чутко отзываться на всякій голосъ, нуждающійся въ помощи, но неумолимый звонокъ въ третій разъ заныль въ воздухѣ, и о. Варѳоломей всплеснулъ только руками, оглянулся кругомъ, точно отыскивая, кому бы поручить попеченіе о бабѣ, и бросился бѣгомъ впередъ по направленію къ вагонамъ третьяго класса. Онъ бѣжалъ такъ быстро, что полы его рясы раздулись, какъ два паруса. На бѣгу замѣтилъ онъ знакомаго помѣщика, сидѣвшаго у окна въ вагонѣ 1-го класса, и даже не поклонился ему.

— Нехорошо, ахъ, какъ нехорошо, все-таки успѣлъ подумать онъ, — нехорошо: не уваженіе съ моей стороны. Нужно по возвращеніи непремѣнно побывать у него, засвидѣтельствовать почтеніе и извиниться.

Онъ вбѣжалъ, или, вѣрнѣе сказать, вспрыгнулъ на площадку вагона и, наткнувшись на кондуктора всей грудью, испуганно заговорилъ:

— Простите великодушно, что я васъ нѣсколько обезпокоилъ своимъ поспѣшнымъ набѣгомъ.... Такая суета суетствій!

— Ничего. Наше дѣло привычное. Пожалуйте, отвѣчалъ зрячный кондукторъ.

— Какого онъ, однако, багрянаго цвѣта, успѣлъ подумать и про него о. Варѳоломей, но затѣмъ тотчасъ же прибавилъ: —Господи, прости мое согрѣшеніе, самъ не вѣдаю, что позволяю себѣ.

Только что онъ вошелъ въ двери вагона, какъ тутъ же на самомъ порогѣ и остановился въ полнѣйшемъ изумленіи, не зная какъ идти впередъ и гдѣ присѣсть: вагонъ былъ, какъ говорится, биткомъ набитъ пассажирами.

— Какое, между прочимъ сказать, большое стеченіе публики, проговорилъ онъ вслухъ, пробираясь осторожно впередъ и собственно ни къ кому не обращаясь, потому что пассажиры большею частію еще спали или дремали, угрюмо тыкаясь носами впередъ.

Въ вагонѣ было тихо, только въ углу на рукахъ женщины нылъ грудной ребенокъ. Она не переставала его утѣшать укачиваньемъ и грустнымъ припѣвомъ, который то затихалъ, то громче раздавался, смотря по тому, тише или сильнѣе начиналъ плакать ребенокъ. Подъ это тоскливое нытье, перекинувшись головой чрезъ спинку скамьи, спалъ какой-то счастливецъ, широко раскрывъ ротъ, при чемъ храпѣлъ, и всклокоченная борода торчала кверху, какъ помело; далѣе, кто-то безцеремонно перекинувъ ноги на противуположную скамью и загородивъ такимъ образомъ проходъ, уткнулся головой въ стѣну вагона и казалось хотѣлъ изобразить своей фигурой быка, когда онъ, разгнѣванный, роетъ рогами землю и мычитъ. Отецъ Варѳоломей осторожно перешагнулъ чрезъ такое встрѣтившееся на пути препятствіе, но далѣе предстояло другое: въ проходѣ, между скамьями, спалъ солдатъ, широко раскинувшій руки и ноги; онъ былъ совершенно недвижимъ, точно шальная пуля не дала ему выговорить слова и свалила замертво убитымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ застала.

Тяжелый спертый воздухъ, ноющій ребенокъ и какъ маятникъ качающаяся фигура измученной матери, — все это могло навести невыносимую тоску, въ особенности еще и при невозможности найти мѣсто, приткнуться хотя гдѣ-нибудь на уголкѣ: все это, послѣ деревенскаго простора полей и лѣсовъ, послѣ чистаго воздуха, сразу вдругъ охватившее, могло показаться мѣстомъ заключенія, тюрьмой, наказаніемъ за неизвѣстныя провинности. Такъ былъ тяжелъ переходъ «съ воли» въ вагонъ третьяго класса.

О. Варѳоломей тоже не чуждъ былъ этого чувства и, перебираясь чрезъ встрѣчающіяся по пути препятствія, только шепталъ про себя: «Господи помилуй, какая духота».

V.

На слѣдующей станціи отецъ Варѳоломей уже успѣлъ оглядѣться въ вагонѣ, какъ говорится, обтерпѣлся и возъимѣлъ положительное намѣреніе побесѣдовать; но для бесѣды подходящихъ личностей не находилось: въ сосѣдствѣ сидѣли все какія-то пасмурныя, сердитыя лица, было нѣсколько крестьянъ, но бесѣдовать съ ними особеннаго вожделѣнія о. Варѳоломей не чувствовалъ, ибо такихъ собесѣдниковъ и въ усадьбѣ встрѣчалось достаточно.

Былъ въ виду одинъ молодой человѣкъ, наружность котораго о. Варѳоломею очень понравилась, но завязать съ нимъ разговоръ онъ отчасти робѣлъ, потому что молодой человѣкъ казался ему какъ будто нѣсколько гордымъ и какъ будто въ то же время не гордымъ, а печальнымъ, вообще непонятнымъ. О. Варѳоломей долго присматривался, вздыхалъ, томимый желаніемъ побесѣдовать, но наконецъ рѣшился.

— Въ Санктпетербургъ изволите? вкрадчиво спросилъ онъ.

— Да, тихо и коротко отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Та-а-к-съ, протянулъ о. Варѳоломей.

Помолчали нѣсколько времени.

Сложивъ на животѣ руки, о. Варѳоломей завертѣлъ пальцами и снова украдкой изъ-подлобья оглянулъ молодого человѣка.

— Та-а-к-съ. По служебнымъ дѣламъ изволите путешествовать?

— Нѣтъ, по своимъ.

— Гм.... Гм.... По собственнымъ!... Та-а-к-съ.... Боже очисти мя!....

Онъ опять вздохнулъ и смолкъ.

— Вѣроятно коммерческія дѣла вынуждаютъ ѣхать въ столицу? снова послышался его тихій, нѣсколько робкій вопросъ.

— Нѣтъ, я такъ ѣду....

— Поблаженствовать? съ заискивающей улыбкой спросилъ о. Варѳоломей.

— Нѣтъ, такъ....

— То-есть, какъ же это?

— Да такъ....

— Это довольно неопредѣленно, замѣтилъ о. Варѳоломей, и какъ будто нѣсколько сконфузился.

— Да, дѣйствительно неопредѣленно, отвѣтилъ молодой человѣкъ и задумался, точно самъ себѣ хотѣлъ сначала опредѣлить, зачѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ ѣдетъ.

— Это даже нѣсколько странно.... А впрочемъ, можетъ статься, вы имѣете свои уважительныя причины хранить по этому случаю молчаніе, вкрадчиво спросилъ о. Варѳоломей.

— Нѣтъ, нисколько. Я ѣду, батюшка, поискать счастія, отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Вотъ ка-а-къ! Счастія! Это назидательно! уже оживившись подсказалъ любопытный собесѣдникъ, — это крайне любопытно и назидательно. — Гм.... Гм... крякнулъ онъ, предвкушая сладость предстоящей бесѣды, и обратился къ мужику, сидѣвшему рядомъ съ молодымъ человѣкомъ:

— Уступите мнѣ, достопочтеннѣйшій, на нѣкоторое время вашего мѣстечка.

Тотъ молча уступилъ.

— Душевно признателенъ, поблагодарилъ о. Варѳоломей, и сѣлъ.

— Въ чемъ же собственно ваши поиски будутъ состоять? обратился онъ къ молодому человѣку.

— Не знаю пока....

— Такъ. Это справедливо. Да.

Помолчали. О. Варѳоломей съ большимъ трудомъ переносилъ это молчаніе, какъ неизбѣжную деликатность: «нельзя же такъ вдругъ, думалъ онъ, нужно поблагороднѣе».

— Есть знакомые въ столичномъ городѣ? спросилъ онъ спустя минуту-другую.

— Да, два-три....

— Покровители?

— Нѣтъ, такъ, знакомые....

— Званіе ваше?

Молодой человѣкъ объяснилъ.

— Имѣете родственниковъ, родителя, напримѣръ, родительницу?

— Да, имѣю.

— Такъ-съ. Гм.... Гм.... Очень пріятно познакомиться. Во время пути, сами изволите знать, медленно и однообразно проходятъ часы.

— Да, пожалуй.

— А какъ по фамиліи?

— Чухлымовъ.

— Позвольте узнать имя-отечество.

— Иванъ Петровичъ.

— Иванъ Петровичъ! У меня тесть покойникъ былъ Иванъ Петровичъ! Очень, очень пріятно познакомиться.

Несмотря на отрывочные отвѣты, о. Варѳоломей исподволь, потихоньку продолжалъ свои разспросы, видимо довольный представившимся благопріятнымъ случаемъ побесѣдовать.

Поѣздъ остановился на станціи. Молодой человѣкъ казалось былъ радъ, что имѣлъ поводъ оставить любопытство собесѣдника; но только что поѣздъ тронулся въ путь, какъ о. Варѳоломей опять попросилъ мужика, сидѣвшаго рядомъ съ Чухлымовымъ, уступить «на нѣкоторое время» мѣсто и возобновилъ разговоръ. Хотя Чухлымовъ туго поддавался на разспросы, какъ будто даже тяготился отвѣтами; но о. Варѳоломей въ увлеченіи этого не замѣчалъ и лаконическіе отвѣты молодого человѣка относилъ непосредственно къ его характеру.

— Нѣсколько тугонекъ и молчаливъ, подумалъ онъ про него; но такъ надо предположить, что человѣкъ очень хорошій и кроткій.

Разспрашивая такимъ образомъ молодого человѣка, о. Варѳоломей освѣдомился объ имени и отчествѣ его родителя и родительницы не столько потому, чтобы это его очень интересовало, сколько по той уважительной причинѣ, что желалъ «разговориться». Разговоръ, между тѣмъ, все вязался туго; спросивъ «здравствуютъ ли они», о. Варѳоломей уже непосредственно изъ любопытства освѣдомился о ихъ лѣтахъ; затѣмъ, при отвѣтѣ на вопросъ о «здравіи» дѣдушки и бабушки, глубоко вздохнулъ, точно сожалѣя о ихъ ранней смерти и печально произнесъ:

— Да, конечно, предѣлъ, его же не прейдеши! Всѣ будемъ тамъ, всѣ помремъ, только не въ одно время!

Чухлымовъ не нашелъ возможности представить противъ этого вывода какія-либо возраженія.

— Это справедливо, подсказалъ, вздыхая въ свою очередь, сосѣдъ мужикъ, — это вы, батюшка, точно...

О. Варѳоломей нѣсколько воодушевился.

— Нѣтъ, вотъ я вамъ изложу слѣдующее, достойное вниманія событіе, началъ онъ, возвысивъ голосъ и многозначительно оглядывая сермяги сосѣдовъ мужиковъ, какъ бы призывая ихъ къ слушанію: — одна женщина, имени и званія ея, къ сожалѣнію, не упомню, бывъ довольно въ преклонныхъ лѣтахъ, изнемогала въ тяжкомъ недугѣ...

— Ишь ты! качая головами, вздохнули мужики.

— Хворала, значитъ, пояснилъ кто-то изъ нихъ.

— Ты слушай, чортъ, сердитымъ шопотомъ пригрозилъ другой.

— Довольно продолжительный періодъ времени... продолжалъ о. Варѳоломей. — Приснилось ей видѣніе....

Началось подробное и обстоятельное объясненіе приснившагося видѣнія.

— И представьте, Иванъ... Отчество ваше запамятовалъ....

— Петровичъ, тоскливо отвѣтилъ Чухлымовъ.

— Да, да! Иванъ Петровичъ! Представьте Иванъ Петровичъ, эта изнемогающая женщина, находясь, можно сказать, на смертномъ одрѣ, вдругъ почувствовала нѣкоторую бодрость, стала приходить въ движеніе, приподнялась на ослабѣвшія ноги...

— Эка, парень, чудо! снова заговорилъ кто-то изъ мужиковъ.

— Слушай, оглобля! тыкая въ бокъ, шепталъ сердитый сосѣдъ.

— И изцѣлилась! заключилъ чрезъ нѣсколько времени о. Варѳоломей, торжественно оглядывая слушателей.

— Боже мой! Господи помилуй! вздыхали сермяги.

— Какъ-бы мнѣ поделикатнѣе отъ него избавиться, размышлялъ Чухлымовъ, цѣпляясь то за одно, то за другое средство, но всѣ они казались ему недостаточно вѣжливымъ предлогомъ для того, чтобы улизнуть въ другой вагонъ. Онъ раскаявался, что не сдѣлалъ этого ранѣе, когда разговоръ ограничивался исключительно только разспросами и не касался еще «достойныхъ вниманія событій». Раскаяніе было совершенно безполезно, потому что «улизнуть» въ другой вагонъ не представлялось почти никакой возможности, по крайней мѣрѣ Чухлымовъ ее не находилъ; ему казалось неловко, невѣжливо такъ вдругъ встать и уйти, не дослушавъ. Къ тому же о. Варѳоломей до того уже увлекся бесѣдой, что придерживалъ Чухлымова за пуговицу пальто и какъ только оканчивалъ разсказъ, такъ тотчасъ же сообщалъ о какомъ-нибудь новомъ случаѣ, находя почему-то нужнымъ приплести его къ разговору.

— Конечно, сказано: «по вѣрѣ вашей дастся вамъ»... продолжалъ онъ по какому-то поводу: вотъ, напримѣръ, я вамъ изложу достойное вниманія....

И въ такомъ родѣ шла нескончаемая бесѣда.

Проѣхали еще нѣсколько станцій. Только что Чухлымовъ вставалъ, чтобы уйти, подъ предлогомъ прогулки, отецъ Варѳоломей тоже вставалъ.

— Вы, конечно, имѣете намѣреніе нѣсколько поразмяться? заботливо спрашивалъ онъ.

— Да, я хотѣлъ бы....

— Превосходно! Я буду вамъ съ готовностію сопутствов: Неугодно ли?

— Гм... Гм.... Отчего же, я съ удовольствіемъ... нехотя глашался Чухлымовъ.

И шли вмѣстѣ.

Такимъ образомъ Чухлымовъ вдругъ неожиданно попалъ п самый строгій надзоръ. О. Варѳоломей слѣдилъ за всѣми движеніями, боясь потерять изъ виду такого пріятнаго собес ника. Онъ точно принялъ на себя обязанности тѣхъ личност которымъ поручаются наблюденія «по особенно важнымъ лам». Разспросивъ все, о чемъ только можно было разспрос и сообщивъ еще нѣсколько «по истинѣ достойныхъ вниман случаевъ, о. Варѳоломей добрался до благочинныхъ того бернскаго города, который былъ родиной Чухлымова и, на нецъ, освѣдомился даже о томъ: «какое, собственно разстоя отъ архіерейскаго дома до собора».

— Не могу вамъ навѣрное сообщить, сдерживая улыб отвѣтилъ Чухлымовъ,—близко кажется...

Отецъ Варѳоломей послѣ этого вопроса и самъ добродуі но засмѣялся.

— Конечно, не измѣрять же... Хе! Хе! Хе! Ужъ вы *ме* извините, я, знаете, по простотѣ, люблю побесѣдовать. Люб пытно знаете, человѣкъ съ далекой стороны... Вотъ, напри*мѣр* я вамъ изложу...

— Предѣлъ, его же не прейдеши! въ глубокой тоскѣ *вспо* нилось Чухлымову.

Такъ шло время часъ за часомъ. Мелькали мимо телеграф ные столбы, оставались назади станціи съ неизбѣжными звон ками, свистками локомотива и вѣчной суетой пассажировъ постоянно одержимыхъ страхомъ за скоропроходящія минут остановокъ; встрѣчались на пути и быстро исчезали изъ вид обдаваемые паромъ и дымомъ поѣзда печальныя деревеньки «жилища бѣдности, невѣжества и, можетъ быть, спокойствія» узкая проселочная дорога, вся изрытая ямами и выбоинами наводящая на жителя какую-то неопредѣленную грусть и тоску уныло пряталась въ сторону, точно сама грустила и тосковал за свое печальное положеніе. Мутныя рѣчки съ глинистыми топкими берегами, въ которыхъ вѣчно вязнутъ деревенскія коровы и телята вмѣстѣ съ оборванными и загорѣлыми мальчишками; животрепещущіе мосты, неизъяснимымъ чудомъ спасающіе отважнаго путника, когда онъ, ради храмового праздника, хватитъ черезъ край зелена-вина, и заломивъ шляпу на *бек-*

рель, дуетъ чрезъ него въ хвостъ и гриву на тощей клячонкѣ, такъ что мостъ вздрагиваетъ и долго потомъ еще покачивается, когда уже отъ угорѣлаго человѣка и слѣдовъ не осталось, и только слышенъ еще гдѣ-то далеко его дикій отчаянный крикъ; рѣдкіе и скудные растительностію перелѣски и вѣчно низменныя болотистыя равнины,—все это безслѣдно пропадало для о. Варѳоломея, увлеченнаго бесѣдою съ своимъ новымъ знакомымъ. Въ другое время онъ и самъ любилъ сидѣть у окна вагона и всматриваться въ быстро мелькающіе предметы; но теперь всѣмъ этимъ наблюденіямъ предпочитался Чухлымовъ.

Къ полудню матеріалы для разговора, казалось, истощились, и о. Варѳоломей какъ будто почувствовалъ нѣкоторое утомленіе и даже раза два вздохнулъ, произнося: «Боже милостивъ буди ми»... Воспользовавшись этимъ удобнымъ случаемъ къ прекращенію «бесѣды», Чухлымовъ торопливо выдернулъ изъ саквояжа газету и хотѣлъ искать въ ней спасенія такъ же, какъ утопающій ищетъ спасенія въ первомъ подвернувшемся подъ руку предметѣ, не разбирая насколько онъ можетъ быть полезенъ. Газета не спасла: О. Варѳоломей не понялъ тактики Чухлымова, не догадался чего онъ ищетъ, или вѣрнѣе сказать, понялъ совершенно наоборотъ, — онъ подумалъ, что Чухлымовъ взялъ газету отъ скуки, только по случаю прекратившагося разговора, и поэтому обратился съ новымъ вопросомъ:

— Ужъ очень мнѣ... Имя-отчество ваше запамятовалъ...

— Иванъ Петровичъ, пояснилъ Чухлымовъ, изъ деликатности прервавъ чтеніе.

— Да, да. Иванъ Петровичъ. Старъ я становлюсь, память начинаетъ ослабѣвать но все-таки, благодаря Создателя, въ иныхъ случаяхъ еще достаточно твердая... Да; что бишь я вамъ хотѣлъ объяснить? Да! Ужъ очень мнѣ, Иванъ Петровичъ, лицо ваше понравилось, такое располагающее, апостольское... Представьте себѣ, былъ у меня одинъ благопріятель... Въ то время мы еще были въ первомъ классѣ семинаріи. Родители мои...

И подъ однообразный шумъ колесъ и звукъ дребезжащихъ стеколъ потянулся разсказъ отца Варѳоломея, полѣзли одно на другое различныя придаточныя предложенія, дополнительныя, сокращенныя, распространенныя и совершенно безличныя... Чухлымовъ тоскливо выпустилъ изъ рукъ газетный листъ и слушалъ, въ сущности ничего не понимая, потому что ловилъ слова только, какъ говорится, изъ пятаго на десятое. Прекратить бесѣду, заняться чтеніемъ или грубо оборвать о. Варѳоломея онъ не могъ, не только потому, что это было не въ его характерѣ, но и по той причинѣ, что о. Варѳоломей, при всей сво-

ей слабости многоглагольствовать, былъ человѣкъ въ высшей степени симпатичный и необыкновенно кроткій. Найти другой приличный способъ прекратить разговоръ Чухлымовъ не могъ и только думалъ объ одномъ, скоро ли поѣздъ придетъ въ Петербургъ.

Разговоръ, наконецъ, дошелъ до того, что о. Варѳоломей нашелъ нужнымъ вкрадчиво и деликатно спросить Чухлымова, бываетъ ли онъ каждогодно у исповѣди и св. причастія. Тотъ хотѣлъ въ отвѣтъ ухнуть, что не бываю молъ, собственно съ досады, но удержался, и далъ утвердительный отвѣтъ.

— Конечно, замѣтилъ на это о. Варѳоломей, въ наше время есть сѣятели, кои сѣютъ плевелы, но благодать Божія не оскудѣваетъ и не оскудѣетъ...—Насъ было у матушки семеро, малъ-мала меньше, разсказывалъ онъ въ подтвержденіе этого, уже о самомъ себѣ...

А Чухлымовъ слушалъ и думалъ:

— За какіе это грѣхи наказываетъ меня Богъ!

— И представьте, продолжалъ о. Варѳоломей, этакое, съ позволенія сказать, полчище надо было прокормить, обуть, одѣть...

На бѣду гдѣ-то поѣздъ долго застоялся на станціи, и такимъ образомъ число часовъ бесѣды еще болѣе увеличилось. Прошелъ, наконецъ, день. Поѣздъ приближался къ Петербургу. Шелъ дождь, небо заволоклось тучами, и скука путешествія еще болѣе увеличилась; по временамъ во время остановокъ на станціяхъ слышалось однообразное стучанье дождя въ желѣзныя крыши вагоновъ.

— А ректоръ семинаріи, продолжалъ разсказывать о. Варѳоломей, этотъ вѣчно памятный мнѣ ректоръ, по свойствамъ своего нрава, уподоблялся Ироду...

Но раздался продолжительный свистокъ, и Чухлымовъ вздохнулъ во всю грудь, уже не слыша, что такое сдѣлалъ семинарскій Иродъ.

— Это, по истинѣ говоря, было избіеніе младенцевъ...

Продолжать далѣе уже не представлялось никакой возможности. Публика стала подниматься съ своихъ мѣстъ; нѣкоторые торопливо вскакивали, испуганно осматривались со сна; другіе сладко потягивались и зѣвали во весь ротъ.

Какая-то толстая купчиха, закутанная шалями и шарфами, точно на дворѣ были трескучіе морозы, охватила въ испугѣ обѣими руками кучу подушекъ, на которыхъ сидя спала, и испуганно зашептала: «ахъ, батюшки, не горимъ ли». Вылѣзали изъ-подъ скамей и показывались на свѣтъ Божій неизвѣстно

суда взявшіяся лица: проворно вылѣзъ, точно изъ-подъ пола, какой-то бѣлобрысый мужиченко, и видя, что появленіе его возбудило хохотъ товарищей, самъ захихикалъ себѣ подъ носъ, оттого, что не просыпаясь доѣхалъ отъ Волочка до Петербурга; черная борода медленно, точно крадучись, высовывалась изъ-подъ скамьи, и вылѣзъ оттуда цѣлый татаринъ, да такой толстый, что изъ него легко можно было выкроить троихъ; вскочилъ на ноги, какъ встрепанный, солдатъ и сталъ поспѣшно оправлять свою аммуницію; появились саквойяжи, чемоданы, ящики и проч., и проч. Татаринъ, выбравшись изъ своей засады, сѣлъ тутъ же на полу, и предварительно погладивъ ладонью голову, сталъ напяливать на засаленную тюбетейку высокую баранью шапку; но выбитый изъ своей позиціи общимъ движеніемъ пассажировъ, онъ въ свою очередь поднялся на коротенькія ноги, сильно крякнулъ и началъ икать. Высокій, сухощавый, съ длинной сѣдой бородой купецъ вздыхалъ на весь вагонъ и смотря въ темную даль неба, молился Богу. Татаринъ узналъ въ немъ знакомаго.

— Иванъ Сидоришь, ты? крикнулъ онъ купцу.

Купецъ молча молился, не поворачивая головы.

— Иванъ Сидоришь, ты? опять повторилъ татаринъ, пробираясь поближе къ купцу.

— Ну я, видишь чай, сердито отвѣтилъ купецъ, окончивъ молитву.

Татаринъ такъ быстро заговорилъ, что кромѣ купца разговоръ этотъ для всѣхъ остальныхъ сливался въ общую трескотню, только и можно было понять между интервалами икоты: «я, судырь мой, поѣлъ, судырь мой, и заснулъ, судырь мой, подъ эта самая сидѣнья, судырь мой», потомъ опять шла трескотня словъ до новой икоты.

Поѣздъ шелъ уже между строеніями, и по причинѣ темнаго ненастнаго вечера можно было по временамъ видѣть, какъ вблизи рельсовъ двигались человѣческія фигуры съ фонарями, точно мрачные заговорщики въ какомъ-нибудь таинственномъ романѣ. Вѣтеръ сердито вылъ и шумѣлъ; кондукторъ растворилъ дверь вагона и сталъ въ проходѣ, оставаясь безучастнымъ къ нетерпѣнію публики и можетъ быть занятый своими соображеніями о стеариновыхъ огаркахъ, которые при позднемъ зажиганіи и раннемъ тушеніи вагонныхъ фонарей составляли нѣкоторую статью его доходовъ. Публика тѣснилась къ выходу. О. Варѳоломей расчесывалъ широкимъ бѣлымъ гребнемъ волосы, и окончивъ, такимъ образомъ, приготовленія къ пріѣзду въ столичный городъ, обратился къ Чухлымову.

— До повиданія, достопочтеннѣйшій Иванъ Петровичъ, до повиданія. Если Господь благословитъ, можетъ быть и паки встрѣтимся на пути жизни...

Попросивъ предварительно позволенія, онъ поцѣловался съ Чухлымовымъ на прощанье.

— Вы мнѣ не поставьте въ вину того, что можетъ быть я нѣсколько обременилъ васъ своею бесѣдою...

Въ голосѣ его послышалась теплая, задушевная нота, видно было, что ему хотѣлось еще что-то сказать, но онъ не рѣшался, боясь, какъ бы не оскорбить; но наконецъ, не выдержалъ, и припадая къ уху Чухлымова, началъ ему нашептывать:

— Можетъ быть вы на первое время нѣсколько стѣснены въ обстоятельствахъ своихъ, такъ не угодно ли со мною въ качествѣ попутчика: у меня здѣсь въ столицѣ родственники, превосходные люди... Ничего! Повѣрьте! Для нихъ это не составитъ разсчету...

— Что вы! что вы, батюшка, помилуйте!

— Повѣрьте! повѣрьте! шепталъ о. Варѳоломей.

— Я вамъ вѣрю, но.... извините меня... я не могу...

— Но по нерѣшительному тону вашей рѣчи, и вообще...

— Ахъ, батюшка, оставимте этотъ разговоръ... Я рѣшительно не могу... Благодарю васъ искренно... но не могу.

— Въ такомъ случаѣ не поставьте мнѣ въ вину этого, я, можетъ быть, впалъ въ заблужденіе... Оставимъ это втунѣ...

Публика безпокоила о. Варѳоломея, начиная выходить, такъ какъ поѣздъ уже остановился. Кто-то наконецъ сильно двинулъ его въ спину и увлекъ отъ Чухлымова, который напослѣдокъ услыхалъ только фразу о. Варѳоломея, обращенную уже къ публикѣ:

— Почтенные господа, недовольнымъ голосомъ произнесъ онъ, стараясь запахнуть рясу, почтенные господа, нужно поблагороднѣе, я такъ предполагаю...

Мужики вздѣвали на спины мѣшки и совершенно исчезали за ними, такъ что вдругъ въ одномъ концѣ вагона вмѣсто людей оказалась цѣлая куча громадныхъ мѣшковъ, которые, какъ будто сами собой, двигались и расталкивали публику. Недовольные этимъ волшебнымъ превращеніемъ отталкивали отъ себя мѣшки, и тогда точно изъ глубины ихъ слышалось сердитое ворчанье:

— Не налягай больно-то, эй!

— Ослобони маленько, почтенный!

Далѣе послышался громкій крикъ, покрывшій весь шумъ движенія и говоръ толпы.

— Ребята, держись плотнѣе, оно ловчѣй будетъ, не свалятъ...

Но надъ этимъ окрикомъ старался взять верхъ другой.

— Не вались, Микитка, эка обрадовался, дьяволъ!

И затѣмъ всѣ мѣшки высыпали на платформу.

Выйдя изъ вагона и пробившись кое-какъ сквозь толпу, о. Варѳоломей нанялъ извощика и поѣхалъ.

А у станціи все еще продолжалась та же толкотня, давка и суета, такъ что отъ этой толкотни и давки и отъ разнаго предложенія всевозможныхъ услугъ пассажиры находились на нѣкоторой степени одичалости и вырывались торопливо наружу, на площадь, стараясь поскорѣе броситься на дрожки перваго попавшагося извозчика, не разбирая что̀ это будетъ стоить, лишь бы только поскорѣе убраться. Такъ вырывается изъ жарко натопленной бани запарившійся купецъ, когда «молодцы» прикащики истреплютъ объ него десятокъ вѣниковъ и измученные работой едва махаютъ руками, а онъ не перестаетъ приговаривать: «благодѣтели, поддавайте», но, наконецъ, чувствуя, что теряетъ уже послѣдній остатокъ сознанія, вдругъ вскакиваетъ, рвется наружу и, падая пылающей тушей въ первый сугробъ снѣга, безсознательно шепчетъ: «нынѣ отпущаеши»...

VI.

Дѣла задержали о. Варѳоломея въ Петербургѣ вмѣсто трехъ дней на цѣлыхъ три недѣли.

Возвращаясь обратно, онъ былъ въ веселомъ расположеніи духа, довольный тѣмъ, что благополучно окончилъ свои дѣла и уже предвкушалъ сладость свиданія съ своей супругой, надѣясь, что долгая разлука можетъ послужить залогомъ прочнаго и продолжительнаго мира.

Бѣдный, онъ не предчувствовалъ, какая страшная гроза собиралась надъ его головой.

Для проѣзда отъ станціи желѣзной дороги въ усадьбу онъ нанялъ крестьянскую телѣгу и во время пути все распѣвалъ нѣжнымъ теноромъ: «Понтомъ покрывъ». Пѣніе прерывалось лишь для того, чтобы вынуть изъ-за пазухи подрясника какое-то письмо, перечитываемое едва ли не въ десятый разъ. По окончаніи чтенія о. Варѳоломей завертывалъ письмо въ фуляровый платокъ, бережно клалъ за пазуху и снова затягивалъ: «Понтомъ покрывъ».

Письмо было имъ получено въ день отъѣзда въ Петербург по городской почтѣ отъ пріятеля, извѣщавшаго объ успѣхѣ п дѣлу о ходатайствѣ о. Вареоломея за кого-то.

— Какой у о. Павла слогъ богатѣющій, думалъ онъ по п воду письма, какой подчеркъ смѣлый и рѣшительный. Я так предполагаю, что о. Павелъ съ большимъ искусствомъ и о лично хорошо владѣетъ многими иностранными языки, кром проходимыхъ въ семинаріи... «Понтомъ покрывъ», начиналъ он опять.

Лошаденка лѣниво трухала шагъ за шагомъ и телѣга мед ленно двигалась впередъ, вылѣзая изъ ямъ и рытвинъ съ та кимъ трудомъ, какъ будто въ ней сидѣлъ не о. Вареоломей а весь причтъ церковный, съ ихъ женами, сестрами, свояченицам и прочей родней, которой такъ щедро наградилъ Господь лица духовнаго сословія.

Вдали показалась усадьба, бѣлый большой домъ помѣщика, унылыя покосившіяся избушки крестьянъ... Вотъ и церковь видна съ плакучими ивами, поникнувшими вѣтвями на ея крышу, и свѣтъ лампады брежжетъ сквозь мелкоклѣтчатыя рамы оконъ. Отецъ Вареоломей обнажилъ голову, перекрестился и любовно оглядѣлъ ее сверху до низу.

Телѣга, по его желанію, остановилась у церковной ограды. Онъ слѣзъ, вошелъ на паперть, прочиталъ приличныя случаю молитвы, и, положивъ земной поклонъ, уже пѣшій отправился въ свой домикъ.

Видимо, онъ былъ совершенно счастливъ и блаженствовалъ, довольный благополучнымъ возвращеніемъ.

Во дворѣ встрѣтила его босоногая дѣвочка. Онъ ласково ей улыбнулся и, благословляя, спросилъ:

— Гдѣ матушка?

— Въ комнатѣ, въ смущеніи отвѣтила она.

— Въ добромъ здравіи?

— Ничего... Сердита сегодня...

О. Вареоломей подавилъ вздохъ, вдругъ прихлынувшій къ сердцу.

— Какая же тому причина?

— Не знаю...

Онъ тихо вошелъ въ комнату, уже болѣе чѣмъ на половину лишившись того блаженства, которое за минуту предъ тѣмъ ощущалъ. Въ комнатѣ все было по прежнему. Такъ же все чисто и уютно и такъ же тихо, какъ бывало въ дни мира. Онъ поставилъ посохъ на свое мѣсто въ углу у входной двери, повѣсилъ шапку на гвоздь, помолился, потомъ, снимая рясу, воз-

гласилъ, обращаясь лицомъ къ перегородкѣ, за которою, по его соображеніямъ, должна была находиться матушка.

— Здравствуйте, матушка!

Отвѣта не послѣдовало.

Онъ робко пріотворилъ дверцу ширмы и заглянулъ внутрь спальни.

Матушка лежала на кровати, закрывъ глаза и сердито нахмуривъ лицо.

О. Варѳоломей повторилъ свое привѣтствіе, но матушка снова ничего на него не отвѣтила.

— Что съ тобою, моя дорогая супруга? заботливо спросилъ онъ, входя.

Матушка сердито и порывисто перевернулась на другой бокъ лицомъ къ стѣнѣ и молчала. По частому дыханію ея можно было ждать большой грозы впереди.

О. Варѳоломей давно уже и безъ этого понялъ, что она не въ духѣ и, не желая ее раздражать, вышелъ снова въ зальцо.

Тишина не прерывалась. Его сладостное состояніе духа совершенно уже исчезло и замѣнилось давящей тоской. Онъ снова подавилъ вздохъ и молча сѣлъ на диванчикъ въ сомнительной надеждѣ на то, будетъ ли матушкѣ угодно напоить его чаемъ.

Такъ прошло не болѣе пяти минутъ. Матушка была не въ силахъ долѣе сдерживать свой гнѣвъ. Она быстро вскочила съ кровати, сердито отпихнула дверцу, такъ что вся ширма заколыхалась, точно въ комнату ворвался сильнѣйшій вѣтеръ.

— Такъ вотъ ты какъ, заголосила она, вбѣгая въ комнату и задыхаясь. Такъ вотъ ты каковы штуки-то со мной выдѣлываешь!...

О. Варѳоломей изумленно глядѣлъ на нее, тоскливо думая: откуду мнѣ сіе?

— Мучитель! Извергъ! Лиходѣй!...

— Что съ вами, матушка?

— Что съ вами, матушка? передразнила она его, и, подскочивъ близко, къ самому лицу, заголосила, завизжала, торопливо глотая слова, такъ что трудно было понять, что именно она говоритъ.

— Злодѣй!... Варваръ!... Ты мнѣ тогда говорилъ, что тѣ деньги, которыя намъ помѣщикъ на праздникъ далъ, лежатъ у тебя въ сундучкѣ сохранно....

О. Варѳоломей только-было раскрылъ ротъ, чтобы что-то сказать, но она тотчасъ же перебила его:

— Врешь! Врешь! Врешь!...

— Но позвольте, матушка, я вамъ сейчасъ все объясню съ должною ясностію....

— Врешь! Врешь! Врешь!... Нѣтъ тебѣ отъ меня вѣры ни на одну денежку.... Безстыжіе твои глаза, вдругъ начала она его стыдить, медленно вытягивая слово за словомъ: ты ихъ, безстыжій человѣкъ, ты ихъ Максимкѣ Спиридонову отдалъ...

И вдругъ опять перескочила на прежній торопливый размѣръ рѣчи и стала голосить, уличая о. Варѳоломея въ расточительствѣ и приплетая въ подтвержденіе этого множество случаевъ, прежде бывшихъ, о которыхъ о. Варѳоломей давно уже позабылъ.

— Матушка! Что же о прошломъ вспоминать. Оно уже невозвратно кануло въ вѣчность. Позвольте о настоящемъ-то случаѣ вамъ объяснить...

— Нечего мнѣ объяснять. Я уже давно все узнала... Извергъ ты этакой!..

— Да вѣдь Максимъ-то Спирид...

— Врешь! Врешь!..

Она замахала руками, бѣгая по комнаткѣ. Потомъ, вдругъ вспомнивъ, чѣмъ всего сильнѣе можно уличить о. Варѳоломея, снова подскочила къ нему, уперлась обѣими руками въ свои бока и надменно закинувъ голову кверху, заговорила голосомъ, полнымъ пренебреженія.

— Ну, хорошо!.. Ты говоришь, не отдавалъ? Ты говоришь не отдавалъ? Да? Да?..

Вопросы, повторяясь, дѣлались все язвительнѣе, и выраженіе лица матушки выражало все большее презрѣніе и торжество.

— Ну, говори, не отдавалъ?..

— Позвольте. Я вамъ сейчасъ все изложу...

— Слышать не хочу!..

И потомъ вдругъ схватила его за руку и стала тормошить, осыпая его тысячью словъ, изъ которыхъ только и понялъ о. Варѳоломей, что онъ «извергъ рода человѣческаго».

— Онѣ были у тебя въ сундучкѣ, теперь ихъ тамъ нѣтъ. Гдѣ же онѣ. Я открыла сундучокъ...

— И замочекъ сломали? печально спросилъ о. Варѳоломей.

— Сломала! Сломала!.. Тебѣ небось жалко... Такъ вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, вотъ тебѣ...

И съ этими словами матушка пошвыряла со стола всѣ книги, причемъ обѣ вазочки съ цвѣтами полетѣли тоже на полъ и разбились.

— Это уже выходитъ изъ всякихъ предѣловъ благоприличія, возропталъ о. Варѳоломей, печально поглядывая на мелкіе кусочки разбившихся вазочекъ...

Поздно вечеромъ возвращался о. Варѳоломей изъ лѣса и зашелъ къ управителю сумраковскаго имѣнія для того, чтобы напиться чаю, такъ какъ со времени пріѣзда со станціи желѣзной дороги онъ еще ничего не пилъ и не ѣлъ.

VII.

Была поздняя осень 18... года. Уже нѣсколько недѣль въ домикѣ о. Варѳоломея не угасалъ во всю долгую ночь слабый огонекъ. Матушка была больна и лежала въ горячкѣ. О. Варѳоломей ночи не спалъ, ухаживая за ней. Болѣе двухъ недѣль прошло въ ужасномъ состояніи между жизнію и смертію. Сидя у постели больной, о. Варѳоломей вслушивался въ ея дыханіе, наблюдалъ каждое ея движеніе и старался предупредить каждое желаніе больной, угадать ея мысли. Во всѣхъ его движеніяхъ, въ выраженіи лица, во всемъ выражалось столько чувства любви, привязанности и самоотверженія, сколько только можетъ вмѣстить въ себя человѣческое сердце.

Матушка уже два раза причастилась и чувствовала себя нѣсколько лучше.

Однажды позднимъ осеннимъ вечеромъ изъ сосѣдней деревни пріѣхалъ мужикъ, звать о. Варѳоломея на требу. Ночь была темная, бурная, дождь начался еще съ сумерекъ и не переставалъ лить.

Босоногая дѣвчонка тихо вошла въ комнату и шопотомъ позвала о. Варѳоломея. При извѣстіи о томъ, что въ сосѣдней деревнѣ умираетъ больной, о. Варѳоломей сильно задумался и долго стоялъ посреди кухни, видимо въ борьбѣ съ самимъ собой.

— У меня тоже больная.. прошепталъ онъ, стараясь не глядѣть на мужика. Ему какъ-то было стыдно, совѣстно выговорить эту фразу, намекающую на отказъ.

— Ужъ сдѣлай милость, батюшка... Помираетъ, вишь, у меня братъ-то...

— Знаю... Знаю... пошепталъ еще о. Варѳоломей, по прежнему недвижно стоя посреди кухни и глядя въ полъ. Освѣщенное свѣтомъ сальнаго огарка лицо его было глубоко задумчиво и полно скорби...

Чрезъ полчаса у постели его жены сидѣлъ уже не онъ, а женщина изъ сосѣдней крестьянской избы. Онъ, закрывшись отъ дождя рогожей и поддерживая ее обѣими руками отъ порывовъ вѣтра, лежалъ въ телѣгѣ, которая тихо тащилась по грязной дорогѣ.

Грустно было у него на сердцѣ.

Возвратился онъ только къ полудню слѣдующаго дня. Между тѣмъ въ эту ночь матушкѣ сдѣлалось хуже, и передъ утромъ она померла.

Подъѣзжая къ домику, о. Варѳоломей замѣтилъ странный свѣтъ въ окнахъ. Сердце его вдругъ болѣзненно сжалось и замерло.

Блѣдный, безъ кровинки въ лицѣ, и совершенно обезсилѣвшій, онъ хотѣлъ быстро сойти съ телѣги, чтобы скорѣе разсѣять охватившія его подозрѣнія, но не могъ. Телѣга протащилась мимо домика и завернула въ ворота. О. Варѳоломей глазъ не сводилъ съ оконъ, и нужно было видѣть, чтò дѣлалось съ его лицомъ, чтобы понять до какой степени онъ былъ пораженъ увидѣннымъ. Не оставалось никакого сомнѣнія, что въ домикѣ горятъ погребальныя свѣчи. Его глаза съ каждымъ моментомъ раскрывались все шире и шире. Уставленные на одинъ предметъ, а именно, на свѣтъ, пробивавшійся изъ оконъ, они точно съ каждой секундой лишались того божественнаго огня, который мы называемъ выраженіемъ мысли.

Качаясь, слѣзъ онъ съ телѣги и медленно пошелъ по двору. Изъ сосѣднихъ избъ уже сбѣгались женщины и мальчишки, точно хотѣли посмотрѣть на горе попа. Онъ вдругъ остановился, дико оглянулъ толпу, поднялъ для чего-то правую руку, какъ будто хотѣлъ устрашить вошедшихъ гнѣвомъ Божіимъ, какъ бывало дѣлывалъ во время проповѣдей; но вдругъ совершенно обезсилѣлъ, свалился на землю около стѣны и зарыдалъ...

Уныло стояли вокругъ него мужики, бабы и мальчишки, слышались слова утѣшенія, многіе плакали; кто-то, наконецъ, догадался, что нужно поднять отца Варѳоломея, но онъ, какъ ребенокъ, сталъ отбиваться отъ нихъ и не хотѣлъ вставать.

Чрезъ нѣсколько времени пришелъ самъ Николай Саввичъ и тоже сталъ уговаривать, всего болѣе напирая на то, что на все есть воля Божія.

— Будто я этого не знаю, съ грустной ироніей проговорилъ, наконецъ, о. Варѳоломей; но вѣдь я... человѣкъ... вѣдь у меня тоже есть чувства...

И снова зарыдалъ.

Николай Саввичъ самъ помогъ ему подняться и хотѣлъ повести его въ свой домъ.

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Пустите меня... Дайте мнѣ выплакать мое горе... Боже милосердный!.. Судьбы твои неисповѣд...

Онъ не договорилъ, и рыдая снова упалъ на крыльцѣ своего домика.

— Сколь много она меня любила и сколь безумно я ее огорчалъ, причитывалъ онъ.

Матушку схоронили. О. Варѳоломей каждый день служилъ на могилѣ ея панихиды, всѣ сорокъ дней, но молитвъ, читанныхъ имъ въ это время, никто бы не понялъ, ибо ничего нельзя было разобрать, кромѣ первыхъ начальныхъ словъ, а затѣмъ слышались только рыданія.

Мѣсяца два онъ еще прожилъ въ усадьбѣ, слабый, болѣзненный. Въ это время, встрѣтившись съ нимъ, знакомые могли принять его за совершенно другое лицо: онъ одряхлѣлъ, сгорбился, глаза ввалились и потускнѣли. Любопытнымъ предметомъ его разговоровъ была постоянна Анна Аѳанасьевна и воспоминанія о томъ, какъ они съ ней мирно и тихо прожили тридцать лѣтъ жизни. При этихъ воспоминаніяхъ самыя лютыя баталіи вдругъ получали совершенно иное освѣщеніе и казались совсѣмъ не баталіями, а какими-то необычайно прелестными идилліями.

О. Варѳоломей доживалъ въ усадьбѣ послѣдніе дни. Послѣ смерти жены онъ началъ хлопотать о переходѣ въ монашество и получивъ разрѣшеніе, раздарилъ все свое имѣніе крестьянамъ, и собрался въ путь.

Ни природа, когда-то имъ сильно любимая, ни знакомыя мѣста, на которыхъ онъ часто искалъ успокоенія отъ житейскихъ треволненій, ни даже ветхая церковь, бывшая такою близкою его сердцу, ничто не удержало его въ усадьбѣ, все вдругъ какъ-то стало чуждо, какъ будто въ предвѣдѣніи чего-то иного, невѣдомаго, но уже приближающагося, чувствуемаго сердцемъ; и дѣйствительно: по прошествіи не болѣе двухъ мѣсяцевъ со времени его отъѣзда Николай Саввичъ получилъ письмо отъ настоятеля какого-то дальняго сѣвернаго монастыря, извѣщавшаго что о. Варѳоломей преставился...

По прежнему стоитъ въ усадьбѣ ветхая церковь, по прежнему вѣтви деревьевъ, точно ласкаясь, покоятся на ея крышѣ, и каждый разъ, при воспоминаніи объ этой картинѣ, воскресаетъ въ моемъ воображеніи дивный образъ дивнаго человѣка.

Д. С-х-ъ.

АНГЛІЯ

ВЪ

КНИГѢ Г. ТЭНА

Notes sur l'Angleterre, par H. Taine.

I.

Обращаешься ли къ прошедшему или къ настоящему, заглядываешь ли въ исторію давно минувшихъ дней или останавливаешься на современной намъ лѣтописи, всегда и вездѣ видишь одно, что люди никогда ничѣмъ не бываютъ довольны и всегда жалуются на свое положеніе. Все имъ не хорошо, все имъ чего-то недостаетъ, все имъ дурно живется, все они безостановочно добиваются бо́льшаго счастья, все ищутъ гдѣ лучше, и не находя этого бо́льшаго счастья, не находя этого «лучше», клянутъ свое время, клянутъ свою жизнь и съ завистью смотрятъ, одни на прошедшее, которое улыбается имъ такъ заманчиво, другіе на будущее, которое никому не извѣстно, но въ которомъ тѣмъ не менѣе они чуятъ то «лучше», которое не дается имъ въ настоящемъ. Недовольство настоящимъ, тѣми условіями жизни, при которыхъ должны жить люди, это старая, хроническая болѣзнь, сдѣлавшаяся кажется неотъемлемымъ свойствомъ человѣческаго общества. Болѣзнь эта, какъ бы ни подсмѣивались надъ нею истинные философы и историки и какъ бы ни раздражала она исключительный слой панегиристовъ по профессіи

всего фактическаго, имѣетъ свои весьма выгодныя стороны. Она толкаетъ людей впередъ, она не позволяетъ имъ успокоиваться, она неизмѣнно подгоняетъ человѣчество, заманивая его виднѣющимися въ туманѣ идеалами, которые то и дѣло что отступаютъ и отступаютъ все дальше на задній планъ.

Итакъ, эта болѣзнь вошла уже въ кровь человѣчества и превратилась какъ-бы въ хроническую; но бываютъ періоды, когда люди то какъ будто успокоиваются и менѣе жалуются на свое время, менѣе недовольны своимъ положеніемъ, то снова начинаютъ страдать и изъ всѣхъ силъ охаютъ и стонутъ, извергая проклятія на божій міръ.

Время, въ которое живемъ мы, люди континентальной Европы, принадлежитъ, кажется, къ такимъ періодамъ, когда старая, вкоренившаяся въ нашъ организмъ болѣзнь, получила опять особенно безпокойный характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни различны взгляды и убѣжденія людей, какъ ни разно смотрятъ они на современное положеніе континентальной Европы, всѣ почти готовы согласиться съ однимъ, что континентальная Европа переживаетъ тяжелое время, время кризиса, который быть можетъ подготовляетъ самую мрачную будущность. Никто не чувствуетъ себя спокойнымъ, никто не чувствуетъ себя удовлетвореннымъ; Европа ухитрилась выработать себѣ такое положеніе, которое необыкновенно сильно раздражаетъ людей всевозможныхъ партій, всевозможныхъ воззрѣній, которое вызываетъ озлобленіе и вражду каждаго противъ всѣхъ, всѣхъ противъ каждаго, и наконецъ всѣхъ вмѣстѣ противъ направленія времени, противъ жизни, выработанной конституціонною Европою.

Въ современныхъ убѣжденіяхъ людей есть, безъ сомнѣнія, множество различныхъ оттѣнковъ, но en gros ихъ можно раздѣлить на три большія группы. Первою группою представляются люди такъ-называемой золотой середины, которые наиболѣе склонны довольствоваться настоящимъ со всѣми его хорошими и дурными сторонами; затѣмъ ошую и одесную стоятъ двѣ другія группы, обѣ крайнія: одна крайняя по своимъ стремленіямъ впередъ, другая крайняя по своимъ поползновеніямъ назадъ. Возьмите человѣка, принадлежащаго къ золотой серединѣ, человѣка именующагося умѣреннымъ либераломъ и спросите его: доволенъ ли онъ настоящимъ положеніемъ Европы? Въ отвѣтъ на вашъ вопросъ, онъ пожметъ плечами и съ грустною улыбкою на устахъ произнесетъ: о, не совсѣмъ! Какъ можно быть вполнѣ довольнымъ, когда живешь въ такое время! Вы развѣ не видите, черезъ какой кризисъ переходитъ Европа; вы развѣ не видите, что она расходится со всѣхъ сторонъ, что она по-

теряла тотъ устой, надъ которымъ мы такъ много трудились, тотъ устой, который зовется конституціонализмомъ, этимъ уравновѣшивающимъ всѣ противоположныя силы въ каждой странѣ началомъ. Смотрите, въ какой странѣ континентальной Европы конституціонализмъ устоялъ на своихъ прочныхъ началахъ, гдѣ конституціонализмъ, или его вѣрное выраженіе, парламентаризмъ не подвергся рѣзкимъ, безпощаднымъ нападеніямъ; гдѣ, въ какой странѣ, въ какомъ благодатномъ краѣ вы можете указать на торжество умѣренной свободы, съ одной стороны ограничивающей необузданные порывы власти, съ другой охраняющей эту власть отъ страшныхъ взрывовъ народнаго безумія. Гдѣ же мы должны искать теперь тѣхъ устоевъ, тѣхъ гранитныхъ береговъ, которые сдерживаютъ бурныя волны движенія народныхъ массъ, гдѣ та величественная спокойная гавань, предотвращающая государства отъ внезапныхъ шкваловъ дикой стихіи? Сбиты эти гранитные берега, подмыты они нашимъ печальнымъ вѣкомъ, нѣтъ болѣе этой гавани, охранявшей одинаково какъ права верховной власти, такъ и права, дарованныя ею народу! Исчезъ изъ континентальной Европы тотъ строгій непоколебимый конституціонализмъ, который одинъ могъ дать намъ матеріальное и нравственное благосостояніе, всюду его стараются вытѣснить, всюду на его мѣсто старается сѣсть или милитаризмъ, или анархія, всюду на него направлены удары сегодня ярыхъ демагоговъ, завтра не менѣе ярыхъ абсолютистовъ. Гдѣ выходъ изъ такого печальнаго положенія, спрашиваетъ себя представитель умѣренной группы, гдѣ конецъ ему, и не видя этого выхода, не усматривая ему конца онъ только судорожно пожимаетъ плечами и съ печальною складкою на губахъ произноситъ: небывалое положеніе, страшное положеніе, Европа стоитъ на краю гибели! Остается только одно: отчаяніе и вздохи!

Если представитель умѣренной группы недоволенъ положеніемъ континентальной Европы, то быть можетъ болѣе доволенъ представитель той или другой изъ крайнихъ группъ. Послушайте, что говоритъ представитель группы, стоящей одесную—и вы испугаетесь. Крайній консерваторъ, или вѣрнѣе ретроградъ, еще болѣе недоволенъ, чѣмъ умѣренный либералъ, и его недовольство выражается болѣе шумно, болѣе рѣзко; онъ не рисуется, не вздыхаетъ, онъ захлебывается отъ ярости, отъ негодованія и бѣшенства и въ своемъ горячечномъ бреду произноситъ анаѳему на всѣхъ, кто только не съ нимъ и не за него. Онъ вопитъ противъ своего времени, противъ анархическаго состоянія континентальной Европы, онъ не знаетъ удержа, говоря о томъ зловредномъ духѣ, который обуялъ всѣ европейскія государства.

Онъ возмущается тѣмъ духомъ свободнаго изслѣдованія, который проникъ въ жизнь западной Европы, онъ кричитъ: Европа [illegible], она обуреваема духомъ революціи! Ему ненавистны даже всѣ великія пріобрѣтенія науки, на которыя онъ смотритъ какъ на исчадія ада; онъ не восклицаетъ: стой солнце! нѣтъ, онъ требуетъ, чтобы оно шло назадъ, чтобы оно вернулось къ тому блаженному, счастливому времени, когда не было рѣчи ни о свободѣ совѣсти, ни о свободѣ печати, ни о личной свободѣ, когда никто не думалъ ни о какихъ общественныхъ правахъ, когда никто не заботился о матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи народныхъ массъ, и когда эти послѣднія были такъ неразвиты, такъ глупы и такъ загнаны, что непомышляли вовсе о иной жизни, чѣмъ той, которая по словамъ m-me de Sévigné такъ близко походила на жизнь дикихъ звѣрей. Для людей, которые всѣ свои идеалы находятъ въ давно минувшемъ, которые съ умиленіемъ вспоминаютъ о томъ времени, въ одной странѣ далекомъ, въ другой недавнемъ, когда народъ былъ закрѣпощенъ, когда въ странѣ имѣли значеніе немногіе, когда жизнь простого человѣка могла быть безнаказанно уничтожена, когда судъ былъ посмѣшищемъ, когда слово было сковано, когда совѣсть не была свободна, когда наука существовала только для того, чтобы поддерживать суевѣріе и когда ей чужды были слова: свободная критика, свободный анализъ; для людей, которые мечтаютъ о томъ, чтобы заставить пресмыкаться народъ въ невѣжествѣ, вырвать съ корнемъ стремленія къ равноправности всѣхъ гражданъ, для такихъ людей положеніе современной Европы представляется какимъ-то чудовищнымъ, и они съ ужасомъ говорятъ, что Европа гибнетъ, что она катится въ страшную пропасть, что она заражена смертоносною чумою. И въ самомъ дѣлѣ, становясь на точку зрѣнія человѣка, принадлежащаго къ крайней группѣ, стоящей одесную умѣренно-либеральной, можно придти въ истинный ужасъ. Развѣ не наступилъ послѣдній день, развѣ не разлагается міръ, развѣ не переживаетъ континентальная Европа страшнаго кризиса? Да, она переживаетъ его, какъ же не жаловаться на свое положеніе, какъ быть довольнымъ своимъ временемъ, своею жизнію.

Отчаянное положеніе! размышляетъ человѣкъ средней группы; отчаянное положеніе! говоритъ и человѣкъ крайней группы, стоящей одесную, и одинъ при этомъ нахмуриваетъ сумрачно брови, другой рветъ и мечетъ, мечетъ и рветъ! Кто же доволенъ положеніемъ континентальной Европы? если недоволенъ человѣкъ умѣренный, если недоволенъ ретроградъ, то быть можетъ доволенъ имъ человѣкъ другой крайней группы, но

стоящей ошую; быть можетъ, радостно улыбается крайній республиканецъ, радикалъ? Нѣтъ и тутъ довольства. Прислушиваясь къ тому, что говорится въ этомъ лагерѣ, читая то, что имъ пишется, приходишь къ заключенію, что среди этой группы ненависть и ожесточеніе безграничны, и даже мысль о томъ, что она довольна, не можетъ быть допущена. Идеалъ, къ которому она такъ настойчиво стремится, нигдѣ не осуществляется. Если республика, какъ политическій идеалъ, оказывается такимъ нѣжнымъ растеніемъ, которое никакъ не можетъ приняться и пустить прочные корни на континентальной Европѣ, то еще болѣе должно быть то сказано о соціальномъ идеалѣ республиканской группы, идеалѣ поднимающемъ страшную вражду, ожесточенную борьбу, на счастливый исходъ которой до сихъ поръ ей позволяется только возлагать свои горячія надежды, но который такъ далекъ, такъ далекъ еще, что могутъ пройти много поколѣній, прежде чѣмъ эта группа въ состояніи будетъ увидѣть простымъ глазомъ свою обѣтованную землю. Итакъ, опять проклятіе континентальной Европѣ! пусть гибнетъ она! произносятъ въ отчаяніи крайніе республиканцы, радикалы, соціалисты, съ горечью ставя вопросъ: да куда же, куда идемъ мы? Гдѣ та дорогая намъ республика, въ которой мы такъ настойчиво стремимся?—нѣтъ ее, вездѣ она замѣнилась милитаризмомъ, деспотизмомъ, лживымъ парламентаризмомъ. Гдѣ существуетъ священная свобода слова?—ее нѣтъ, вездѣ оно обуздано, вездѣ оно преслѣдуется, вездѣ на него налагаютъ цѣпи! Смотрите, со злобою восклицаютъ эти вѣчные мечтатели, смотрите какъ обращаются со словомъ въ континентальной Европѣ! Развѣ конфискаціи, аресты, предостереженія, развѣ всевозможныя литературныя преслѣдованія не тѣ же костры, которые, сжигая бумагу, думали истребить человѣческую мысль, развѣ все это не то же насиліе, развѣ все это не то же звѣрское обращеніе! Люди несвободны, люди рабы, шепчутъ они: ихъ бьютъ, грабятъ, систематически убиваютъ на войнѣ, систематически разоряютъ налогами, и зачѣмъ эти войны, зачѣмъ эти налоги; — вездѣ и во всемъ, плачутся эти утописты, видно только одно: угнетеніе, вѣчное и вѣчное притѣсненіе народа! Европа гибнетъ, Европа на краю пропасти, еще шагъ, и придется совершать по ней печальную тризну! Ретрограды, либералы, вы побѣдили! ну, торжествуйте вашу побѣду!— а между тѣмъ ретрограды и либералы кричатъ почти то же самое.

Кто же доволенъ? Никто. Всѣ жалуются, всѣ ропщутъ, всѣ проклинаютъ то время, въ которое они живутъ, и тѣ условія

ніи, при которыхъ приходится жить. Что же значитъ это повальное недовольство, что значитъ всеобще смущеніе и уныніе? Оно означаетъ, что хроническая болѣзнь недовольства находится въ своемъ остромъ періодѣ, и что на европейскую жизнь особенно сильно подулъ неблагопріятный, удушливый вѣтеръ.

Причины такого остраго болѣзненнаго состоянія континентальной Европы становятся довольно понятны, когда, переходя по очереди отъ одной европейской страны къ другой, вездѣ видишь рѣзкіе симптомы кризиса, переживаемаго народами. Въ одной странѣ этотъ кризисъ имѣетъ возможность выдти наружу, и онъ дѣйствительно вышелъ, и выражается необыкновеннымъ броженіемъ на самой поверхности государства, въ другой онъ скрытъ внутри, такъ что судя по наружному виду государства, по его внѣшности, все обстоитъ благополучно, въ то время, когда внутри государства все разслабло. Эти государства съ наружнымъ спокойствіемъ быть можетъ находятся въ несравненно болѣе опасномъ положеніи, чѣмъ тѣ, въ которыхъ неурядица, хаосъ, сильное броженіе поражаютъ глазъ: болѣзнь, глубоко засѣвшая внутри организма, гораздо труднѣе излечивается, нежели та, которая вышла наружу. Нужно въ самомъ дѣлѣ сознаться, что мы живемъ въ тяжелое время, время переходное, когда старая жизнь пошатнулась въ своемъ основаніи, когда старые порядки, выработанные вѣками, очевидно отжили уже свой вѣкъ и только упрямо, настойчиво молодятся, не желая уступить мѣсто новымъ идеямъ, новымъ правамъ, новымъ учрежденіямъ. Эти новыя идеи, нравы и учрежденія, безъ сомнѣнія, не свалились съ неба, они точно также вылупились изъ старыхъ, какъ старые вышли изъ предшествовавшихъ имъ идей, нравовъ и учрежденій. Въ однихъ государствахъ, какъ Англія, этотъ переходъ отъ однихъ учрежденій къ другимъ совершается почти незамѣтно, естественнымъ путемъ, безъ особыхъ потрясеній, безъ острыхъ кризисовъ; въ другихъ, какъ въ большей части всѣхъ континентальныхъ государствъ, переходъ отъ однихъ учрежденій къ другимъ, отъ одного строя жизни къ новому, вызываетъ страшныя конвульсіи, судороги, угрожающія задушить самую жизнь. Причина, въ силу которой въ одномъ государствѣ переработка идей и учрежденій совершается безъ потрясеній, а въ другомъ сопровождается необыкновеннымъ броженіемъ, лежитъ конечно не въ одномъ только различіи политическихъ системъ, которыми приводится въ дѣйствіе государственный организмъ, но также въ различіи народныхъ темпераментовъ, народныхъ характеровъ, въ различіи физическихъ и нравственныхъ свойствъ того или другого народа.

Переберите всѣ страны континентальной Европы, посмотрите, что дѣлается во Франціи, Германіи, Австріи, Италіи, Испаніи, и вездѣ вы увидите безурядицу, хаосъ, усиленное броженіе, вездѣ почти вы должны будете признать, что эпоха, переживаемая этими государствами, есть эпоха переходная, полная внутренней борьбы, смятенія, тяжелой неизвѣстности.

Нужно ли говорить о Франціи? нужно ли доказывать, что въ этой несчастной странѣ безурядица достигла своего апогея, что дальше ей идти невуда, что организмъ ея разстроенъ мучительною болѣзнью, причиняющею ей невѣроятныя страданія? Въ продолженіи послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ она бросается во всѣ стороны, нѣсколько разъ измѣняла свою форму правленія: то призывала умѣренную монархію, то неумѣренную имперію, то, наконецъ, республику, и ни одна изъ этихъ формъ правленія не могла прочно установиться нравственно, хотя, правда, и были такія, которыя, благодаря организованной военной силѣ, фактически держались даже слишкомъ долго. Франція бросается во всѣ стороны, она не можетъ добыть себѣ прочныхъ политическихъ учрежденій, она не въ силахъ порѣшить съ слишкомъ долго продолжавшеюся внутреннею борьбою партій, различныхъ группъ. Вина, конечно, лежитъ не на одной какой-нибудь группѣ, а на всѣхъ вмѣстѣ; всѣ онѣ слишкомъ исключительны, всѣ онѣ не могутъ выносить рядомъ съ собою своихъ противниковъ и даже при своемъ торжествѣ доставить имъ дѣйствовать, открыто бороться, не отказываться отъ политической жизни. Что происходитъ во Франціи? сегодня устанавливается умѣренная монархія, или то, что можно назвать золотою серединою: немедленно двѣ крайнія группы лишаются дневного свѣта, ихъ вгоняютъ подъ землю, гдѣ онѣ и таятся до удобной минуты, когда можно выползти на свѣтъ божій и занять господствующее мѣсто въ государствѣ. Пока среди группъ, борющихся въ странѣ, будетъ жить старый духъ узкости, замкнутости, исключительности, до тѣхъ поръ будутъ жить и старыя учрежденія.

Политическая неурядица въ странѣ обусловливаетъ собою неурядицу и во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ жизни, обусловливаетъ неурядицу соціальную, неурядицу нравственную. Политическая неурядица всегда ведетъ за собою какое-нибудь крупное бѣдствіе, что-нибудь въ родѣ внѣшней и внутренней войны, въ которой побѣда не болѣе заманчива, какъ и пораженіе. Результатъ одинъ: лучшія силы населенія гибнутъ, трудъ останавливается въ своемъ производствѣ, гибнетъ безплодно для народа. Бѣдные становятся всегда еще бѣднѣе, а бога-

тые становятся богаче не силою труда, а бо́льшею бѣдностью бѣдныхъ. Труднѣе ли прослѣдить неурядицу нравственную? Нисколько. Литература блекнетъ, интересы становятся болѣе мелкими, болѣе исключительными; всѣ тѣ, которые работаютъ въ области мысли, поневолѣ отрѣшаются отъ общихъ вопросовъ, важныхъ одинаково для всего человѣчества и замыкаются въ крошечные вопросики, волнующіе извѣстную партію, извѣстную группу. Нравственный уровень страны неизбѣжно понижается, и это пониженіе отражается въ наукѣ, литературѣ, журналистикѣ, въ драмѣ, комедіи, однимъ словомъ во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности. Правда, такое пониженіе нравственнаго уровня, такая нравственная безурядица не мѣшаетъ появляться на поверхности отдѣльнымъ именамъ, но ихъ вліяніе остается чрезвычайно ограниченнымъ, и они не имѣютъ той силы, которая безъ всякаго сомнѣнія въ лучшей средѣ, при лучшихъ условіяхъ ихъ жизни и дѣятельности, была бы имъ присуща.

Если Германія находится съ внѣшней стороны въ другихъ условіяхъ, чѣмъ Франція, то внутренняя сторона ея жизни, весь ея организмъ подверженъ той же болѣзни. Думать, что военное торжество, славныя побѣды могутъ уврачевать всѣ раны, это значитъ принижать человѣческое общество и смотрѣть слишкомъ поверхностно на самыя настоятельныя требованія прогресса. Военное торжество и побѣды ничего не измѣняютъ, они замедляютъ только кризисъ, увеличивая въ будущемъ его опасность. То недовольство, то броженіе, которое вызвало смуты 1848 года, остались въ существѣ своемъ тѣмъ же, чѣмъ они были и прежде. Исторія послѣднихъ двадцати-двадцатипяти лѣтъ въ Германіи обличаетъ глубоко засѣвшую язву въ обществѣ, исцѣлить которую могутъ не подрумяненныя старыя учрежденія, а дѣйствительно новыя идеи и новыя учрежденія, болѣе согласныя съ духомъ времени. Что́ мы видимъ въ Германіи? Мы видимъ то же всеобщее недовольство, стремленіе къ чему-то новому, затаенный пока разладъ между нѣмецкимъ обществомъ и нѣмецкимъ правительствомъ.

Какъ ни жалка была нѣмецкая или вѣрнѣе прусская конституція, какое злобное презрѣніе ни вызывала она въ передовыхъ умахъ, тѣмъ не менѣе этотъ «листъ бумаги», какъ выражается Лассаль, далъ возможность громко заявить, что не все спитъ въ странѣ, что люди внимательно слѣдятъ за всѣми правительственными дѣйствіями и ставятъ ихъ на неуплаченный счетъ правительства. И до сихъ поръ счетъ этотъ остается неуплаченнымъ, и теперь менѣе, чѣмъ когда-нибудь прусское

правительство расположено уплатить его. Впрочемъ его теперь и не безпокоятъ, кредитъ его выросъ безконечно, а оно, пользуясь этимъ случаемъ, старается устроить свои дѣла такъ, чтобы никто и никогда не осмѣливался требовать уплаты. Итакъ, прусская конституція дала все-таки возможность завязать парламентскую борьбу, которая окончилась такимъ тяжелымъ фіаско для передовой группы и такимъ торжествомъ для группы, по своему существу представляющей собою реакцію. Прусское правительство пошло на помощь Лассалю и постаралось убѣдить тѣхъ, которые не вѣрили, когда имъ говорили, что прусская конституція есть не что иное, какъ «листъ бумаги». Началась эпоха войнъ, которая зажала ротъ дерзкимъ крикунамъ. На ихъ буйныя и неуважительныя рѣчи, трофеи Дуппеля, Кенигсгреца и наконецъ Седана смирили, правда, большинство передовыхъ людей въ Германіи, они какъ будто забыли свое политическое прошедшее, свои самыя горячія убѣжденія; но насколько все это прочно, въ этомъ едва ли увѣрены и тѣ, которые эксплуатируютъ настроеніе данной минуты.

Нельзя сказать, чтобы положеніе остальныхъ европейскихъ государствъ континентальной Европы было сколько-нибудь лучше. Вездѣ замѣчается переходное состояніе, кризисъ, вездѣ явно сказывается хроническая болѣзнь недовольства, вездѣ происходитъ борьба между старыми и новыми идеями, стоящіе, къ несчастію, слишкомъ враждебно другъ противъ друга. Возьмите Австрію: что вы найдете въ ней? Безконечное взаимное терзаніе различныхъ партій, безконечныя попытки замѣнить одну никуда негодную систему другою, каждые нѣсколько мѣсяцевъ кризисъ въ правительственной сферѣ, который долженъ будетъ наконецъ привести къ кризису въ организмѣ всего государственнаго строя. Есть полное основаніе предполагать, что сколько новыхъ системъ ни перепробуетъ Австрія, къ какимъ компромиссамъ ни станетъ она прбѣгать, всѣ ея попытки къ пересозданію государства не приведутъ ни къ какимъ результатамъ, пока въ основаніи всѣхъ этихъ попытокъ будутъ лежать старыя идеи.

Италія и Испанія не менѣе другихъ странъ континентальной Европы подвержены тѣмъ потрясеніямъ, которыя служатъ опасными симптомами критическаго положенія народовъ. Въ послѣднія двадцать лѣтъ та и другая подвергались жестокимъ испытаніямъ, и если мотивы этихъ испытаній были различны, то тѣмъ не менѣе они одинаково тяжело отзывались на участи народа. Одна страна настойчиво стремилась освободиться отъ внѣшняго ига, слиться въ одно политическое цѣлое, и нако-

ведь эта завѣтная мечта была достигнута всякими правдами и неправдами. И что-же? наступилъ ли для Италіи золотой вѣкъ, получила ли она великую нравственную силу, пошла ли она быстро впередъ по пути прогресса. Увы! отвѣтъ долженъ быть отрицательнымъ. Возьмите любой журналъ, любую газету, и вы услышите тотчасъ одну ноту, ноту недовольства, вы почувствуете въ жизни какую-то пустоту, какое-то отсутствіе содержанія. Политическая жизнь безцвѣтна, литература мертва, и все, кажется, оправдываетъ людей, проникнутыхъ скептицизмомъ, которые съ уныніемъ качаютъ головою и говорятъ: нѣтъ, эта нація болѣе не воскреснетъ, у нея нѣтъ болѣе жизненныхъ силъ! Испанія находится еще въ болѣе печальномъ положеніи, нежели Италія, она утопаетъ въ политической безурядицѣ и не въ силахъ установить у себя что-нибудь прочное. Послѣднія двадцать лѣтъ представляютъ собою печальную страницу въ исторіи Испаніи. Она не можетъ освободиться отъ политическихъ потрясеній самаго грустнаго свойства, такъ какъ всѣ они имѣли своимъ результатомъ не установленіе болѣе справедливой системы управленія, а только замѣну одной камарильи другою.

Въ такое время, когда безурядица политическая и нравственная сдѣлалась повальною болѣзнію всѣхъ государствъ континентальной Европы, когда всѣ группы недовольны и думаютъ излечить зло взаимнымъ истребленіемъ другъ друга, — въ такое время утѣшительно обращаться къ такимъ странамъ, которыя мѣрнымъ шагомъ идутъ впередъ по пути прогресса, не бросаясь сегодня въ одну, завтра въ другую сторону, и которыя настолько счастливы, или вѣрнѣе настолько искусны, что проходятъ невредимо сквозь самыя опасныя шхеры. Но гдѣ такая страна, которая можетъ служить для другихъ образцомъ, гдѣ существуютъ тѣ учрежденія, которыя одинаково предохраняютъ страну какъ отъ всепотрясающей революціи, такъ и отъ всеподавляющей реакціи? Гдѣ та страна, гдѣ тотъ народъ, который для осуществленія своей воли не нуждается въ революціяхъ, гдѣ то правительство, которое для своей поддержки не нуждается во вредной для себя и для общества реакціи? Такими странами, въ настоящую минуту, представляются конечно Америка и Англія, и Англія едва ли не болѣе, чѣмъ Америка. Развитіе Америки шло совершенно иными путями нежели развитіе европейскихъ народовъ, Америкѣ не нужно было освобождаться отъ вѣковыхъ традицій, она брала все готовое, ея нравы слагались подъ совершенно иными условіями нежели наши нравы. Свобода и равенство, эти два начала, которыхъ до сихъ поръ не могутъ осуществить европейскія страны, несмотря на всѣ по-

пытки, несмотря на всѣ усилія, Америка взяла готовыми въ сво грубыя руки, передѣлала ихъ по своему, отбросила то идеаль ное понятіе, которое связывали европейцы съ этими двумя сло вами, и затѣмъ положила ихъ въ основаніе своей жизни. Англі же ближе къ намъ, она жила вмѣстѣ съ Европою, она разви валась вмѣстѣ съ нею, и черезъ всѣ тѣ эпохи и фазисы раз витія, черезъ которыя проходили континентальныя государства проходила и Англія, съ тою только разницею, что она обгоня ла ихъ подчасъ и цѣлымъ вѣкомъ, прежде испытывала тѣ кри зисы, которые впослѣдствіи выпадали на долю нѣкоторыхъ изъ континентальныхъ народовъ. Положеніе Англіи сравнительно съ другими европейскими государствами конечно болѣе выгодно, и выгодою этою она обязана въ значительной степени своему географическому положенію. Она можетъ жить и развиваться совершенно независимо отъ другихъ европейскихъ государствъ, что нельзя сказать о послѣднихъ. Между ними существуетъ тѣс ная связь: то, что дѣлается въ одномъ, отзывается тотчасъ на другомъ, поэтому они ревнивымъ глазомъ слѣдятъ другъ за дру гомъ, всегда угрожая вмѣшаться въ взаимныя дѣла. На Англію же они смотрятъ какъ на нѣчто отдѣльное, и чтобы у нея ни дѣлалось, чтобы ни происходило внутри ея, никогда никому не придетъ въ голову вступиться за ту или другую партію.

Англія, живя такимъ образомъ независимою отъ континен тальной Европы жизнію, выработала себѣ особые совсѣмъ нравы, особыя идеи, особыя учрежденія, особую политическую систему, болѣе совершенную, безъ сомнѣнія, чѣмъ всѣ политическія сис темы европейскихъ государствъ. Не все разумѣется можетъ слу жить примѣромъ, не все конечно достойно подражанія въ Ан гліи; въ ея не столько политической, сколько нравственной и соціальной жизни есть много такого, чего нельзя пожелать другимъ, но что по истинѣ въ ней велико, это тотъ духъ ин дивидуальной свободы, который проникъ въ цѣлый государствен ный строй и подчинилъ себѣ всю политическую систему, тотъ духъ свободы, благодаря которому все безъ страха, безъ боязни можетъ выдти наружу, безъ страха преслѣдованія, угнетенія. Всѣ стремленія получаютъ свое законное мѣсто, всѣ партіи, всѣ группы могутъ свободно существовать безъ всякаго опасенія гоненій, преслѣдованій. «Это немного еще», быть можетъ ска жутъ иные; «это все», можно отвѣтить имъ, потому что благо даря этому традиціонному духу свободы можно смѣло идти впередъ, такъ какъ онъ дѣлаетъ возможною открытую, а не затаенную борьбу со всѣмъ отжившимъ, со всѣми злоупотреб леніями старыхъ идей и старыхъ учрежденій, и новыя идеи

свободно подвергаются опыту времени и жизни. Вотъ почему Англія имѣетъ удивительную, непостижимую привилегію приводить къ соглашенію самыя противоположныя группы людей. На Англію указываютъ вамъ умѣренные либералы, представители конституціоннаго начала, на Англію указываютъ ретрограды, на Англію же указываютъ и радикалы: Англія даетъ каждому то, что ему нужно. Средняя группа находитъ въ ней стройное развитіе конституціоннаго начала, которое все умиротворяетъ и сдерживаетъ въ должныхъ границахъ враждебные элементы. Крайняя правая съ благоговѣніемъ смотритъ на гранитную аристократію, которая хотя и принимаетъ въ себя подчасъ представителей плебса, но все-таки остается первою аристократіею въ свѣтѣ, и вліяніе ея, значеніе въ государственномъ организмѣ весьма велико. Эта крайняя группа сквозь пальцы смотритъ на поползновеніе все больше и больше урѣзать аристократическое начало въ странѣ, и видя тотъ почетъ, которымъ окружена въ Англіи аристократія, съ удовольствіемъ указываетъ на нее какъ на страну, которой слѣдуетъ подражать. Наконецъ крайняя лѣвая группа, среди политическихъ бѣдствій континентальной Европы, одинаково съ удовольствіемъ останавливается на Англіи какъ на странѣ, въ которой, хотя демократія далеко еще не сказала своего послѣдняго слова, но гдѣ она можетъ свободно развиваться, гдѣ она можетъ безъ стѣсненія пропагандировать свои идеи и гдѣ, наконецъ, эта демократія съ каждымъ годомъ дѣлаетъ все бóльшіе и бóльшіе успѣхи. Въ самой Англіи наконецъ существуютъ тѣ три группы, которыя существуютъ въ континентальной Европѣ, и всѣ онѣ вовсе не страдаютъ тою хроническою болѣзнью недовольства и взаимной ненависти, которая такъ глубоко вкоренилась на континентѣ. Благодаря политической системѣ Англіи всѣ группы могутъ жить вмѣстѣ; преобладаніе, торжество даже одной нисколько не уничтожаетъ другой, побѣда одной не ведетъ за собою преслѣдованій, гоненій другой, каждая въ минуту своего пораженія имѣетъ возможность громко заявлять не только о своемъ существованіи, но о своихъ требованіяхъ, желаніяхъ. Каждая группа постоянно, въ каждую минуту своего существованія надѣется достигнуть вліянія, власти, смѣнить враждебную группу, и борьба идетъ открытая, честная. Меньшинство имѣетъ всѣ шансы превратиться въ большинство; существующее министерство, господство одной группы не будетъ защищаемо громадною арміею, не будетъ держаться въ странѣ одною физическою силою, однимъ страхомъ; нѣтъ, лишь только теряетъ оно нравственную силу, оно падаетъ и ничто неспособно остановить его паденія. Пэтому никто также не думаетъ

свергать правительство силою, не нужно заговоровъ, не нуж баррикадъ, не нужно рукопашной борьбы, довольно подорва авторитетъ министерства, а подрывать его всякому предоставле сколько угодно, чтобы одно направленіе уступило мѣсто друго Причина ненависти такимъ образомъ уничтожается, когда кажд знаетъ, что правительство держится не пушками и штыкам всегда направленными на непокорныхъ, а нравственною сило пріобрѣтенною въ странѣ. Усилія различныхъ группъ напра лены такимъ образомъ постоянно на то, чтобы распространя въ народѣ идеи своей группы, такъ какъ идеи въ сущнос даютъ власть. Вы не находите въ странѣ громко высказываемы презрѣнія господствующей группы къ остальнымъ, потому чт эти остальныя въ свою очередь могутъ стать во главѣ и отпла тить тою же монетою. Меньшинство въ Англіи не должно скры ваться, оно не должно таить въ себѣ свои стремленія, сво идеи и цѣли, оно пользуется всѣми правами, принадлежащим большинству. Сегодня образуется партія соціалистовъ,—она п ищетъ тьмы, напротивъ она выходитъ и показываетъ себя пр дневномъ свѣтѣ; завтра начинается движеніе республиканско въ обществѣ,—оно точно также громко заявляетъ о своемъ су ществованіи и никому не приходитъ въ голову, что людей сто ящихъ во главѣ такого движенія можно было бы преслѣдовать никто не станетъ помышлять о томъ, чтобы это движеніе можно было задушить физическими средствами. Каждый членъ англій скаго общества можетъ думать, говорить, писать какъ ему угод но, можетъ задаваться какими угодно стремленіями, цѣлями, ничто ему не помѣшаетъ добиваться ихъ осуществленія, лишь бы онъ употреблялъ на то непротивозаконныя средства, т.-е. лишь бы онъ не убивалъ, не грабилъ, словомъ, лишь бы онъ не покушался на свободу и права другого человѣка, пользую щагося такими же правами, какъ и онъ самъ. Помимо этого ограниченія всѣ средства дозволены, ему предоставленъ полный просторъ. Очевидно при этомъ, что тайной борьбы, скрытой ненависти, тайной агитаціи, которая въ континентальныхъ го сударствахъ приводитъ къ внезапнымъ взрывамъ, тутъ уже быть не можетъ, а потому развитіе націи совершается безъ скачковъ, безъ сюрпризовъ. Каждое движеніе, проявляющееся въ странѣ, растетъ постепенно, выясняетъ свои цѣли, програму, средства, такъ что все общество контролируетъ его, критикуетъ, и под мѣчая его слабыя стороны тѣмъ самымъ дѣлаетъ его болѣе осмысленнымъ, такъ какъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія оно болѣе или менѣе видоизмѣняется. Сильное общественное мнѣніе, и сильное потому, что оно свободно—вотъ единственный

страж общественнаго спокойствія и общественной безопасности; подъ его эгидой всѣ группы, всѣ партіи чувствуютъ себя независимыми, точно также какъ чувствуетъ себя независимымъ каждый отдѣльный человѣкъ, направляющій безпрепятственно свою дѣятельность сообразно своимъ вкусамъ, желаніямъ, сообразно преслѣдуемой имъ цѣли. Аристократія не опасается, чтобы однимъ взрывомъ, насильственно у нея были отняты ея прерогативы, средніе классы не дрожатъ надъ своими капиталами, наконецъ народъ, рабочіе классы знаютъ, что ничто не можетъ помѣшать имъ добиваться того, чего они настойчиво желаютъ. Каждая группа людей, однимъ словомъ, живетъ здѣсь свободною и независимою жизнью и потому естественно, что либералы, ретрограды и радикалы континентальной Европы, всѣ въ одинъ голосъ указываютъ на Англію и говорятъ другъ другу: смотрите и поучайтесь!

II.

Въ виду такой особенной роли, которую занимаетъ Англія среди государствъ континентальной Европы, весьма понятно, что съ давняго времени писатели всѣхъ странъ обращались къ англійскому народу, и какъ сфинкса вопрошали его: какъ намъ быть, какими путями, какимъ чудомъ добиться того, надъ чѣмъ мы такъ тщетно хлопочемъ! Европейскіе писатели брали англійскія книги, изучали англійскихъ писателей, отправлялись сами въ Англію, жили по годамъ среди англійскаго общества, знакомясь съ его нравами, съ его учрежденіями, съ различными слоями общества, и если подчасъ убѣждались, что вблизи и издалека одинъ и тотъ же предметъ получаетъ различную окраску, если иногда и выносили убѣжденіе, что не все то золото, что блеститъ, то въ концѣ концовъ все-таки приходили къ заключенію, что Англія — это страна, которая по преимуществу должна быть названа страною свободныхъ учрежденій, свободныхъ нравовъ. Всѣ писатели, изучая Англію, думали тѣмъ самымъ приносить пользу своей странѣ, и дѣйствительно ее приносили, потому что нужно сказать, что ничто такъ не помогаетъ изученію своего народа, своего общества, какъ изученіе чужого народа, чужого общества. Результатомъ такого изученія Англіи была колоссальная литература, посвященная описанію политическаго, соціальнаго быта англійскаго народа, масса трактатовъ, разсуждающихъ научнымъ образомъ объ англійскихъ учрежденіяхъ, объ ихъ self governement'ѣ, объ ихъ правитель-

ственной системѣ и цѣломъ политическомъ организмѣ, цѣлая тьма такъ-называемыхъ «путешествій», публицистическихъ сочиненій и всевозможныхъ очерковъ, этюдовъ, эскизовъ и т. п.

Если бы кто-нибудь захотѣлъ написать книгу объ Англіи и предварительно прочесть все, что было написано о ней европейскими писателями, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что такому человѣку не хватило бы цѣлой жизни, хотя бы онъ и жилъ Маѳусаиловъ вѣкъ, онъ задавленъ былъ бы этою горою исписанной бумаги, онъ потонулъ бы въ этомъ морѣ ушедшихъ на описаніе Англіи чернилъ. Но какъ же быть? спроситъ читатель. Отвѣтъ не можетъ представлять затрудненій: нужно оставить покоиться подъ толстымъ слоемъ пыли всю написанную груду книгъ, нужно съузить свою задачу, опредѣлить ея границы, и въ этомъ отношеніи на помощь является книга, книга чрезвычайно интересная — послѣднее сочиненіе Тэна: «Notes sur l'Angleterre». Но отчего же, можетъ опять спросить читатель, вы берете именно Тэна; развѣ мало другихъ, одинаково замѣчательныхъ писателей, отчего вы не дѣлаете другого выбора изъ всей этой плеяды писателей, посвящавшихъ свои труды описанію Англіи?

Большинство писателей объ Англіи принадлежитъ непремѣнно къ тѣмъ тремъ группамъ людей, о которыхъ было говорено выше: каждый служитъ своему знамени, каждый имѣетъ симпатіи своей группы и потому каждый видитъ въ Англіи по преимуществу то, что ему нужно. Если взять писателя «золотой средины», онъ будетъ вамъ описывать Англію подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія; если остановиться на писателѣ, примыкающемъ къ крайней правой группѣ,—онъ станетъ выставлять аристократію, ея вліяніе, могущество и представитъ вамъ Англію по преимуществу аристократическую, постараясь не дать вамъ и почувствовать, что рядомъ съ Англіею аристократической можетъ стоять другая Англія—Англія демократическая. Точно также, беря писателя изъ лагеря крайней лѣвой, вы можете быть увѣрены, что его трудъ, его сочиненіе, его «путешествіе» или «письма» будутъ носить характеръ односторонности. Такихъ же писателей, которые не примыкали бы ни къ одной изъ названныхъ группъ, которые чуждались бы одинаково всѣхъ партій или относились ко всѣмъ съ одинаковымъ чувствомъ, такихъ писателей весьма немного и потому ихъ сочиненія представляютъ въ этомъ случаѣ особенный интересъ. Составляетъ ли такое свойство человѣка его личное преимущество или нѣтъ, достоинство или недостатокъ,—это иной вопросъ, и если бы нужно было рѣшить этотъ вопросъ и выразить свое мнѣніе, то я

не задумался бы сказать, что такое свойство составляетъ недостатокъ, такъ какъ человѣкъ, живущій среди извѣстнаго общества долженъ опредѣленно заявлять, какому направленію, какой сторонѣ принадлежитъ его сочувствіе и всѣ симпатіи. Но пусть будетъ то достоинствомъ или недостаткомъ, фактъ тотъ, что Тэнъ принадлежитъ именно къ такимъ писателямъ, которые не примыкаютъ ни къ какой группѣ, онъ не заявляетъ своего исключительнаго сочувствія никакой партіи, въ немъ нѣтъ увлеченій, нѣтъ страсти. То положеніе, которое занимаетъ благодаря этому самъ Тэнъ во французскомъ обществѣ, отзывается и на его трудѣ, рѣзко выдѣляющемся изъ цѣлой груды описаній Англіи, представленныхъ другими писателями. Что же такое книга Тэна, какъ охарактеризовать его послѣднее сочиненіе? Мнѣ кажется, давая своей книгѣ названіе: «Notes sur l'Angleterre», онъ какъ нельзя болѣе вѣрно опредѣлилъ самъ характеръ своего сочиненія. Это дѣйствительно «notes», это безконечный рядъ замѣтокъ, набросковъ, эскизовъ, которые онъ заносилъ въ свою записную книжку во время своего путешествія, или вѣрнѣе путешествій, которыя онъ нѣсколько разъ предпринималъ по Англіи. Напрасно стали бы вы искать здѣсь строгой системы, вы этого не найдете; напрасно станете вы искать описанія учрежденій всей государственной машины—вы не встрѣтите этого у Тэна. Это не научное сочиненіе, это не серьезный трактатъ, это замѣтки наблюдательнаго туриста, это умное «путешествіе». Нужно сказать, что вообще «путешествія» относятся къ разряду самыхъ любопытныхъ и вмѣстѣ поучительныхъ книгъ; когда же путешествуетъ такой замѣчательный писатель, какъ Тэнъ, и при томъ по такой странѣ, какъ Англія, то такое «путешествіе» естественно должно выдвинуться впередъ.

Тэнъ, прежде всего, французъ. Ему въ настоящее время сорокъ или сорокъ два года, слѣдовательно въ 1851 году онъ вступилъ уже болѣе или менѣе въ «мыслящій» возрастъ. Вторая имперія только что водворилась во Франціи. Всѣ его сочиненія, отъ перваго до послѣдняго, принадлежатъ этой грустной эпохѣ, и это обстоятельство, чрезвычайно важное, не нужно упускать изъ виду при критической оцѣнкѣ Тэна. Дѣтскіе годы его, однимъ словомъ, то время, когда онъ не могъ еще сознательно относиться къ общественнымъ дѣламъ, совпадаетъ со временемъ іюльской монархіи; метеоромъ пронесшаяся республика не могла сильно повліять на него, такъ какъ въ эпоху 48-го года, онъ былъ юношей, едва еще вступившимъ въ жизнь; наконецъ зрѣлище, которое представляли собою въ это время различныя партіи, интриговавшія другъ противъ друга, та реакція,

которая послѣдовала за іюльскими днями, не могли благопр
но подѣйствовать на восемнадцатилѣтнаго юношу. Затѣмъ со
шившійся государственный переворотъ и наступившій за н
терроръ, то отвратительное по истинѣ время, когда для т
чтобы жить, нужно было притворяться мертвымъ, когда всѣ ост
шіеся въ живыхъ и сами не подвергшіеся преслѣдованіямъ
дѣли кругомъ себя безчисленные аресты, ссылки въ Кайев
заключенія въ крѣпости, форты, отправленія въ колоніи, ко
самое драгоцѣнное право каждаго человѣка: святость жили
была попираема на каждомъ шагу и каждую минуту, когда с
сдѣлался насмѣшкою и свобода и достояніе человѣка приз
комъ—все это вмѣстѣ должно было роковымъ образомъ вл
на сформированіе политическихъ убѣжденій молодого человѣ

Имперія выработала три типа людей. Одинъ типъ, это ти
продажнаго человѣка, не имѣющаго ni foi ni loi, готоваго
всѣ самые гнусные поступки, если только они могутъ принес
ему личную выгоду, доставить деньги или почести; другой тип
какъ реакція противъ перваго, типъ человѣка крайняго фан
тика, готоваго жертвовать своею жизнью, лишь бы достави
торжество порядку, противоположному тому, который водворен
былъ имперіею, и, наконецъ, третій типъ индифферента, человѣк
не желающаго быть рабомъ, слишкомъ уважающаго себя, чтоб
мараться въ грязи, и вмѣстѣ настолько любящаго жизнь, что
бы не подвергать ее малѣйшей опасности. Этотъ типъ людей
типъ крайне вредный, долженъ былъ особенно развиться в
Франціи. Политическая жизнь, неровная, перемѣнчивая, преис-
полненная всяческихъ волненій, которыя сегодня вели къ уста-
новленію республики, завтра къ монархіи, естественно могла воз-
будить отвращеніе и привести человѣка къ печальному резуль-
тату: «ничего не хочу знать, ни до чего мнѣ нѣтъ дѣла». Онъ
спокойно переноситъ имперію, мирится съ нею, точно также,
какъ холодно принимаетъ республику, политическіе инстинкты
въ немъ глохнутъ и онъ ищетъ удовлетворенія въ другой сфе-
рѣ—сферѣ внутренней жизни; онъ начинаетъ жить не дѣйстви-
тельностью, а отвлеченными идеями; все существующее пред-
ставляется ему чѣмъ-то преходящимъ, на что не стóитъ тра-
тить своихъ силъ; важность, значеніе въ его глазахъ пріобрѣ-
таетъ только «вѣчное», стоящее внѣ зависимости отдѣльнаго че-
ловѣка или цѣлаго общества, все остальное мелко, преходяще.
Направленіе вредное, потому что помимо его воли, безсозна-
тельно, оно проникаетъ во всѣ другія области его жизни, по-
мимо политической, то же равнодушіе, тотъ же индифферентизмъ
забирается дальше и глубже и приводитъ человѣка къ нездоро-

кому спокойствію, къ какому-то квіетизму. Человѣкъ становится такимъ образомъ фаталистомъ и на всѣ язвы человѣческаго общества смотритъ съ поразительнымъ равнодушіемъ. Равнодушіе проникаетъ въ его существо и прокрадывается во всѣ его воззрѣнія. Оно ослабляетъ его силы, потому что уничтожаетъ въ человѣкѣ «идеалъ», къ которому бы онъ постоянно стремился и которому желалъ бы доставить торжество. У такого человѣка нѣтъ идеаловъ, нѣтъ убѣжденій, а есть только «*мнѣнія*». Сегодня онъ долженъ высказаться въ вопросѣ политическомъ. Если свободное выраженіе своего *мнѣнія* представляетъ какую-нибудь опасность, онъ благоразумно промолчитъ, потому что ему собственно не изъ-за-чего биться. У него есть политическое мнѣніе, мнѣніе для личнаго его обихода. Оно не овладѣло имъ, онъ спокойно и равнодушно видитъ торжество другого мнѣнія. Онъ даже скажетъ себѣ: ну, что же, если то мнѣніе восторжествовало, значитъ, климатъ, географическое положеніе, нравственныя условія должны были привести къ его торжеству, изъ-за чего же мнѣ тутъ тревожиться и страдать. Нужно ему высказаться въ вопросѣ религіозномъ, онъ будетъ разсуждать точно также. Я смотрю, скажетъ онъ, на эту матерію такъ и такъ, другіе смотрятъ иначе; пусть же другіе остаются при своихъ мнѣніяхъ, какъ я остаюсь при своихъ. Свое безпристрастіе, свое равнодушіе онъ доведетъ даже до того, что въ чужомъ мнѣніи, въ чужомъ вѣрованіи будетъ всячески отстаивать хорошія стороны, и отыскавъ ихъ, успокоится и скажетъ: ну, что же, прекрасно, я смотрю, положимъ, на дѣло иначе, но и вы дѣлаете отлично, держась вашего мнѣнія. Той бьющей жилки, той горячей струи, того священнаго огня, который возможенъ только при глубокомъ убѣжденіи въ справедливости того, что составляетъ плоть и кровь человѣка,—ничего подобнаго нѣтъ у индифферента.

Въ вопросѣ соціальномъ у него является то же отношеніе, полное безучастности, полное равнодушія, которое поражаетъ и въ другихъ вопросахъ. Онъ нарисуетъ вамъ безподобную картину нищеты, страданій рабочаго люда; онъ покажетъ вамъ всѣ чудовищныя стороны того порядка, который въ удѣлъ трудящагося класса даетъ голодъ и рубища; онъ поведетъ васъ въ страшныя трущобы и заставитъ содрогнуться васъ, если только въ васъ не притуплено въ конецъ и не вымерло чувство состраданія къ ближнему; вы невольно думаете, что только человѣкъ, пропитанный страстною любовью къ этому люду можетъ такъ глубоко проникнуть въ его жизнь, въ его страданія; вы уже ждете безпощадныхъ выводовъ, вы ждете рѣшительнаго заключенія, вамъ кажется, что вы уже слышите исторгающееся изъ его груди

осужденіе міру неправды, горя и ненависти — и вы поражены, васъ обдаетъ ледяною водою, когда вамъ становится ясно, что всѣ эти мастерскія описанія нищеты и страданій сдѣланы безъ капли любви къ самимъ нищимъ и страждущимъ, и что человѣкъ весьма далекъ отъ того заключенія, отъ тѣхъ выводовъ, которые совсѣмъ готовые вертятся уже въ вашей головѣ. Вы видите, что съ тѣмъ же мастерствомъ, или вѣрнѣе съ тѣмъ же талантомъ, который вы принимаете за любовь, онъ говоритъ вамъ о жизни богатства, привилегій, съ тою же тщательностью и съ тою же симпатіею онъ распространяется о роскошной обстановкѣ избранныхъ міра. Какого же мнѣнія, можете вы спросить, держится такой человѣкъ въ соціальномъ вопросѣ? Онъ полагаетъ, что если такое или другое положеніе существуетъ, то въ силу этого оно и должно существовать въ данное время, и что если это положеніе дурно и оно можетъ измѣниться, то, очевидно, со временемъ оно и измѣнится; а до тѣхъ поръ можно жалѣть объ однихъ и наслаждаться вмѣстѣ съ другими, безъ того даже, чтобы признавать это несправедливымъ. Такой человѣкъ обо всемъ разсуждаетъ съ точки зрѣнія «вѣчности», а съ такой точки дѣйствительно ко всему можно относиться безучастно. Во всѣхъ другихъ жизненныхъ вопросахъ онъ будетъ разсуждать точно также, вездѣ и во всемъ вы встрѣтите у него мнѣнія, а не убѣжденія, всегда онъ будетъ говорить спокойно, никогда не увлечется, всегда выскажется ясно, опредѣленно, и согласно его воззрѣніямъ весьма—разумно. Но не ждите отъ такого человѣка горячности, страсти, не ждите, чтобы онъ когда-нибудь былъ чѣмъ нибудь тронутъ, чтобы у него сердце ёкнуло при видѣ человѣческой печали, страданія. Нѣтъ, этого вы никогда не дождетесь, и не потому, чтобы это былъ человѣкъ дурной, злой, вовсе нѣтъ, а только потому, что онъ ко всему относится объективно и на все смотритъ черезъ призму столѣтій. Общественныя бѣдствія ничѣмъ не измѣнятъ спокойнаго, безстрастнаго теченія его жизни, никакія страданія родной страны, родного народа неспособны повергнуть его въ отчаяніе, потому что у него нѣтъ горячаго сочувствія, пламенной любви къ этой странѣ и къ этому народу. Вотъ типъ равнодушнаго человѣка, вотъ типъ индифферента, образованію котораго такъ много способствовала деморализація политическая и нравственная, порожденная злосчастною эпохою второй имперіи. Такой типъ человѣка очевидно не можетъ, да и не долженъ быть особенно симпатиченъ. Холодность, равнодушіе всегда дѣйствуютъ отталкивающимъ образомъ; индифферентизмъ лишаетъ человѣка той силы, которая присуща убѣжденію и извѣстной страстности; но чтобы быть

справедливымъ нужно сказать, что онъ даетъ человѣку и нѣкоторое вознагражденіе. Вознагражденіе это заключается въ томъ, что индифферентизмъ не допускаетъ односторонности, исключительности, и дѣлаетъ человѣка способнымъ во всякомъ вопросѣ видѣть его выгодныя и невыгодныя стороны, и потому наблюденіе его, выводы, которые онъ дѣлаетъ, являются болѣе полными, цѣльными, а въ силу этого быть можетъ и болѣе прочными. Но какъ бы то ни было, все, таки въ концѣ концовъ невыгода индифферентизма далеко перевѣшиваетъ его выгодныя стороны, и человѣку нужно имѣть сильный талантъ и большое внутреннее содержаніе, чтобы они могли помирить съ индифферентизмомъ и вытекающимъ изъ него квіетизмомъ.

Къ такому типу людей равнодушныхъ и индифферентныхъ принадлежитъ и замѣчательный авторъ «Notes sur l'Angleterre.» Если достоинства его многочисленныхъ произведеній легко объясняются изъ ряду вонъ выходящимъ талантомъ, то недостатки его въ значительной степени могутъ быть объяснены тою несчастною эпохою для Франціи, въ которую ему пришлось жить, тѣмъ индифферентизмомъ, къ которому онъ пришелъ благодаря жизненнымъ условіямъ окружающаго его общества. Тэнъ всегда остается себѣ вѣренъ, въ одномъ сочиненіи, какъ и въ другомъ онъ всегда является однимъ и тѣмъ же человѣкомъ, съ тѣми же воззрѣніями, мнѣніями, съ тѣмъ же методомъ. Чтобы представить его характеристику, строго говоря, можно было бы обойтись безъ прежнихъ его сочиненій и остановиться только на послѣднемъ произведеніи. Начиная съ его разбора басенъ Лафонтена, и затѣмъ перебирая всѣ его сочиненія, его критику французскихъ философовъ девятнадцатаго вѣка, его въ высшей степени замѣчательные по необыкновенной тонкости анализа критическіе этюды, въ видѣ этюда о Бальзакѣ, Расинѣ, Стендалѣ и множествѣ другихъ, наконецъ его извѣстное и заслуженно извѣстное сочиненіе объ англійской литературѣ, — вездѣ и во всемъ видите человѣка, который такъ ярко высказался въ книгѣ объ Англіи.

Я сказалъ уже, что по общему своему типу Тэнъ принадлежитъ къ лагерю индеффорентовъ, къ тому лагерю, у котораго есть одно только убѣжденіе, что міръ идетъ своимъ путемъ, что ничто не въ состояніи дать иного направленія неизмѣннымъ законамъ природы, и что слѣдовательно нечего портить себѣ кровь изъ-за всего преходящаго, мимолетнаго. Жизнь коротка, думаютъ люди этого лагеря, изъ-за чего же слѣдовательно мы будемъ себѣ отравлять ее, волноваться, безпокоиться, отчаяваться и тѣмъ еще

болѣе сокращать свою жизнь. Внѣ этого убѣжденія, нѣтъ боль ничего, что глубоко проникало бы въ ихъ существованіе.

Сколько вы ни будете изучать сочиненій Тэна, вы никогда не въ состояніи будете сказать, каковы его убѣжденія, во что онъ вѣритъ, во что нѣтъ, что ему близко, дорого, и чего онъ чуждается, что ему антипатично. Вы скажете: онъ консерваторъ, онъ ретроградъ! неправда, я укажу вамъ въ его сочиненіяхъ десятки страницъ, въ которыхъ вы должны будете признать въ немъ человѣка не только либеральныхъ мнѣній, но пожалуй человѣка крайняго, радикальнаго. Вы порѣшите, читая эти страницы, что онъ радикалъ, и какъ вы ошибетесь! въ томъ же сочиненіи, нѣсколькими страницами далѣе вы увидите, что онъ самымъ искреннимъ образомъ сочувствуетъ такимъ идеямъ и такимъ учрежденіямъ, которыя прямо противоположны радикализму. Точно также вы не въ состояніи признать въ немъ человѣка «золотой середины», потому что онъ никогда не эквилибрируетъ между двумя крайними понятіями, а становится, смотря по вкусу, защитникомъ или противникомъ того и другого, а самое частое—и защитникомъ, и противникомъ. Никогда и ни въ чемъ онъ не ищетъ непремѣнно середины. У него нѣтъ убѣжденій, которыя онъ горячо сталъ бы отстаивать, у него нѣтъ дорогихъ для него вѣрованій, у него есть одна страсть, одна любовь: страсть къ спокойствію, любовь къ красотѣ, къ силѣ, въ какой бы формѣ она ни проявлялась. То, что было сказано про Гёте, то можетъ быть сказано и про Тэна, который, между прочимъ, безгранично боготворитъ нѣмецкаго поэта. Если Гёте называли «великимъ язычникомъ», то и про Тэна можно сказать, что онъ язычникъ, въ томъ же конечно смыслѣ, въ какомъ былъ имъ геніальный творецъ Фауста. Онъ поклоняется силѣ, онъ поклоняется красотѣ и бездушно, безучастно смотритъ на все, что слабо, что болѣзненно, что некрасиво. Онъ съ презрѣніемъ отнесется къ пороку, когда порокъ этотъ «такъ себѣ», порокъ средней руки, но пускай порокъ пріобрѣтетъ гигантскую силу, пускай онъ достигнетъ колоссальныхъ размѣровъ, о, тогда дѣло другое, Тэнъ сниметъ, какъ говорится, передъ нимъ свою шапку, онъ поклонится ему. Не имѣя убѣжденій, не имѣя вѣрованій, ко всему относясь равнодушно, безстрастно, очевидно, Тэнъ не можетъ имѣть никакого опредѣленнаго идеала человѣческаго общества; у него нѣтъ идеала ни для политической формы, ни для соціальной, онъ не хочетъ знать, хорошо то или дурно, когда въ народѣ сильны или слабы религіозныя вѣрованія, да, главное, онъ этимъ и не интересуется. Онъ только констатируетъ нравы, учрежденія, состояніе идей въ томъ или дру-

темъ слоѣ общества, и если тутъ или тамъ онъ встрѣчаетъ спокойную жизнь, изящную обстановку, богатство, силу, то можете быть увѣрены, что онъ отнесется сочувственно ко всему тому, гдѣ только онъ найдетъ эти элементы.

Всѣ эти свойства, которыя бросаются въ глаза при чтеніи прежнихъ сочиненій Тэна, замѣчательныхъ по силѣ таланта, анализа, знанія, еще болѣе сильно, если только это возможно, выступаютъ въ его послѣдней книгѣ.

Въ жизни англійскаго народа существуетъ цѣлая тьма противорѣчій; быть-можетъ, этихъ противорѣчій здѣсь больше, чѣмъ въ жизни какого-нибудь другого народа, но самое ихъ существованіе доказываетъ только, какъ глубоко вкоренились свободные нравы въ этой странѣ. Обратите вниманіе на любую сторону жизни, и вы тотчасъ встрѣтите два противоположныхъ тока: одинъ тянетъ въ одну сторону, другой въ другую, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы они вытѣсняли другъ друга. Возьмите любую сферу, сферу политическую, религіозную или соціальную—вездѣ вы найдете рѣзкія противорѣчія между однимъ направленіемъ и другимъ, и вездѣ вы увидите, что оба направленія существуютъ совершенно законно, одно силой своей, проистекающей изъ присущей ей власти, не давитъ другого и не старается вогнать въ землю. Кому неизвѣстно, что въ континентальной Европѣ никогда еще власть не уживалась рядомъ съ свободой, или одна или другая, онѣ не въ силахъ дѣлить своего господства. Сегодня торжествуетъ одна, она грызетъ другую, поѣдаетъ ее; сегодня возносится другая, она мститъ и бросаетъ въ пропасть свою соперницу. Едва ли нужно приводить примѣры, доказательства, Франція, Германія, Италія подтверждаютъ своею исторіею всю справедливость этого положенія. Въ Англіи, напротивъ, это положеніе вещей не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, и тутъ съ полною основательностію можно сказать, что съ континентальной европейской точки зрѣнія два противорѣчащія начала живутъ душа въ душу, такъ какъ монархія пропитала собою свободу, а свобода въ свою очередь пропитала монархію. Монархія и свобода относятся другъ въ другу съ самымъ полнымъ уваженіемъ, и живя вмѣстѣ обнаруживаютъ безконечную взаимную терпимость. Нужно сказать при этомъ, что монархія обнаруживаетъ тутъ еще бо́льшую терпимость, чѣмъ свобода, которая даже и въ Англіи начинаетъ мало-по-малу принимать вызывающій характеръ. Монархія является тутъ часто стороною защищающеюся, свобода нападающею.

Если свобода трудно мирится съ монархіею, то еще труднѣе мирится она съ неравенствомъ различныхъ слоевъ общества, и од-

нако, въ Англіи это неравенство поразительно, и притомъ неравенство, не въ смыслѣ соціальномъ, о которомъ нечего и говорить, а въ смыслѣ политическомъ. Если что-нибудь скрадываетъ это неравенство и заставляетъ его менѣе чувствовать, то опять-таки тѣ нравы, которые дѣлаютъ то, что каждый человѣкъ сознаетъ себя свободнымъ и независимымъ человѣкомъ, и который въ силу этого требуетъ, чтобы съ нимъ обращались по-человѣчески.

Одна изъ самыхъ печальныхъ сторонъ англійской жизни, это сторона религіозная, которая сильна въ англійскомъ обществѣ своимъ формализмомъ, своимъ ханжествомъ. При томъ формально-религіозномъ настроеніи общества, которое существуетъ тамъ, во всякой другой странѣ религія стала бы нетерпимою, недопускающею никакого противорѣчія. Однако мы не то видимъ въ англійскомъ обществѣ. Критика, анализъ имѣютъ здѣсь полный просторъ и религіозное чувство, религіозное вѣрованіе для своей охраны вовсе не требуетъ духовной цензуры. Но нужно впрочемъ сказать, что такая цензура лежитъ въ нравахъ страны, которыя установили уваженіе къ чужимъ мнѣніямъ. Уваженіе же къ чужимъ мнѣніямъ можетъ существовать только въ той странѣ, гдѣ всѣ мнѣнія свободны, и гдѣ одно не стремится внѣшнею силою уничтожить другія.

Свободная страна требуетъ, безъ сомнѣнія, распространенія образованія, она требуетъ, чтобы высшее, научное образованіе не было привилегіею одного какого-нибудь класса и чтобы оно не замыкалось двумя-тремя школами, да однимъ или двумя университетами. Въ Англіи система образованія, какъ читатель увидитъ далѣе, находится въ довольно жалкомъ состояніи и представляетъ одну изъ самыхъ грустныхъ сторонъ жизни, и если что-нибудь ослабляетъ вредныя послѣдствія этой системы, то опять-таки только существующіе нравы, которые дѣлаютъ то, что путемъ частной инціативы образуются низшія, среднія учебныя заведенія и кое-какъ сглаживается коренной недостатокъ.

Въ соціальномъ отношеніи всѣ мрачныя стороны, существующія на континентѣ, одинаково существуютъ и въ Англіи, и тутъ пожалуй, даже навѣрное, онѣ еще мрачнѣе, еще печальнѣе. Нигдѣ не существуетъ такого контраста между нищетою и богатствомъ, какъ въ Англіи, нигдѣ нельзя было бы болѣе опасаться, что каждый день вспыхнетъ страшная соціальная война между имущими и неимущими, и однако Англія и богатые классы не подымаютъ никакого вопля изъ-за того, что образуются trades-unions'ы. Нѣтъ сомнѣнія, образуйся они въ континентальной Европѣ, немедленно раздались бы тысячи голо-

совъ, требующихъ ихъ уничтоженія, явились бы законы, карающіе всякаго причастнаго къ этому дѣлу; здѣсь же никто объ этомъ не думаетъ, каждый знаетъ, что это немыслимо. Нравы сдѣлали такой значительный успѣхъ, что право каждаго человѣка принадлежать такому или другому союзу не подвергается никакому сомнѣнію.

Когда писатель задается задачею представить цѣльную картину жизни той или другой націи, то, безъ всякаго сомнѣнія, онъ не долженъ выставлять на видъ одни недостатки, точно также какъ не долженъ говорить объ однихъ достоинствахъ. Но рисуя свѣтлыя и мрачныя стороны извѣстнаго народа, писатель, въ которомъ живетъ сильное убѣжденіе, который не относится ко всему равнодушно, невольно выскажетъ, что̀ именно онъ считаетъ мрачными, и что̀ свѣтлыми сторонами. Въ самомъ описаніи, въ тѣхъ краскахъ, которыя онъ станетъ накладывать на различныя стороны и явленія жизни народа, будетъ ясно видно, что̀ ему дорого, что̀ ему ненавистно, что̀ онъ считаетъ благомъ для народа, что̀ онъ считаетъ зломъ. Возьмите двухъ писателей противоположныхъ лагерей, одного изъ лагеря ретроградпаго, другого изъ радикальнаго, и вы услышите двѣ совершенно противоположныя пѣсни. Одинъ станетъ восторгаться вамъ въ той же самой Англіи сильною, крѣпкою аристократіей, другой съ горячностью станетъ порицать ее и доказывать необходимость ея паденія; одинъ будетъ съ упоеніемъ описывать, какъ поземельная собственность находится въ рукахъ ничтожнаго круга людей, другой увидитъ въ этомъ величайшее зло. Наконецъ, первый станетъ доказывать, что если Англія страдаетъ какимъ-нибудь зломъ, то это зло — свобода печати, свобода сумасбродныхъ сборищъ, второй же именно во всемъ томъ, что порицаетъ первый, видитъ прочные элементы, вѣрные задатки для счастливаго будущаго страны. У Тэна вы не встрѣтите ничего подобнаго, для него кажется нѣтъ темныхъ сторонъ, все прекрасно, все обстоитъ благополучно, на все онъ смотритъ съ улыбкой на устахъ, такъ что первое впечатлѣніе, которое онъ долженъ произвести, это впечатлѣніе оптимиста. Между тѣмъ у него даже нѣтъ оптимизма, а только индифферентизмъ. Онъ видитъ печальныя стороны, онъ понимаетъ своимъ свѣтлымъ и блестящимъ умомъ, что̀ трагическаго есть въ томъ или другомъ положеніи, но онъ не хочетъ остановиться, не желая проникнуть въ глубь, онъ боится, что печальныя размышленія причинятъ ему нравственное безпокойство, ему, который ничего такъ не любитъ какъ спокойствіе, красоту. Онъ скользитъ поэтому по темнымъ сторонамъ жизни,

онъ не хочетъ дѣлать никакихъ выводовъ, изъ боязни нарушить свое спокойствіе, отвлечься отъ пріятнаго въ жизни. Вотъ отчего онъ во всемъ и вездѣ отыскиваетъ свѣтлыя стороны, и хотя бы извѣстные нравы, извѣстныя учрежденія должны были бы быть ему антипатичны по его внутренней закваскѣ, онъ путемъ парадоксовъ, софизмовъ и всяческихъ натяжекъ не только оправдываетъ, но почти преклоняется передъ учрежденіемъ, которое, живи въ немъ сильное убѣжденіе, имѣй онъ извѣстный идеалъ общественнаго устройства, было бы ему безусловно антипатично.

Тэнъ, прежде всего, какъ всякій французъ, демократъ. Не-демократовъ нѣтъ больше во Франціи. Приверженецъ имперіи, ярый бонапартистъ,—но попробуйте спросить его кто онъ такой, онъ непремѣнно отвѣтитъ вамъ, что онъ истинный демократъ. Обратитесь къ стороннику Орлеановъ, вы убѣжите отъ безконечной и горячей проповѣди демократизма. Ухватитесь наконецъ за приверженца бѣлаго знамени съ лиліей, и вы услышите отъ него о духѣ времени, что онъ понимаетъ легитимистскую монархію, но приложенную къ современнымъ нравамъ, однимъ словомъ, une monarchie démocratique. О республиканцахъ всевозможныхъ оттѣнковъ не можетъ быть и рѣчи, они само собою демократы. Немного, весьма немного осталось во Франціи не-демократовъ, немного осталось могикановъ монархіи недемократической, монархіи аристократической, но и тѣ, которые остались, тщательно скрываются подъ ширмами демократіи. Возьмите человѣка очень замѣчательнаго по таланту, принадлежащаго къ французской аристократіи и написавшаго даже цѣлую, весьма интересную книгу объ Англіи для того, чтобы доказать, что самая счастливая страна это та, гдѣ есть сильная аристократія, и что слѣдовательно Франція можетъ быть счастлива только тогда, когда она перенесетъ къ себѣ это драгоцѣнное растеніе; возьмите этого человѣка и послушайте, что говоритъ онъ, аристократъ, такъ настойчиво рекомендовавшій Франціи сильную англійскую аристократію. «Постоянный успѣхъ и окончательное торжество демократіи—это въ настоящее время неоспоримые факты, столь же очевидные, какъ успѣхъ и торжество абсолютной монархіи, начиная отъ XV-го вѣка и до XVIII-го. Демократія управляетъ всюду, гдѣ она еще не царствуетъ. Безумно не признавать ея побѣды, безумно также противиться ей до тѣхъ поръ, пока она не выродится въ угнетеніе, пока она не повлечетъ за собою извѣстныхъ послѣдствій, несогласныхъ съ совѣстью и здравымъ смысломъ [1].» Такимъ образомъ, можно

[1]) De l'Avenir politique de l'Angleterre, par le Comte de Montalambert.

признать, что всѣ французы демократы. Тэнъ конечно не составляетъ исключенія, и въ его сочиненіяхъ можно привести тому много доказательствъ. Но посмотрите какой онъ оригинальный демократъ! Демократъ, безъ всякаго сомнѣнія, не только можетъ, но даже долженъ понимать и аристократію; но едвали убѣжденный демократъ можетъ восторгаться аристократіею, съ любовью говорить о ея силѣ, значеніи, восхвалять ея принципъ настолько же, если не больше, насколько восхваляетъ онъ принципъ демократическій. У Тэна между прочимъ это именно такъ. Что это въ сущности доказываетъ? Мнѣ кажется только одно — что онъ относится совершенно равнодушно къ подобнымъ вопросамъ, и что въ концѣ концовъ ему нѣтъ никакого дѣла ни до аристократіи, ни до демократіи, какъ нѣтъ дѣла до того, какая форма правленія существуетъ въ странѣ, монархическая или республиканская. Впрочемъ, чтобы быть справедливымъ къ Тэну, нужно сказать, что уже давно, еще въ 1857 году, въ одномъ изъ первыхъ своихъ этюдовъ, именно въ этюдѣ, написанномъ по поводу вышедшей тогда книги графа Монталамбера объ Англіи, Тэнъ, юноша двадцати-четырехъ, двадцати-пяти лѣтъ, откровенно сознавался, что онъ «весьма мало любитъ политику». Тогда, правда, можно было думать, что слова эти сказаны молодымъ писателемъ для большей безопасности, такъ какъ въ 1857 году любовь къ политикѣ во Франціи могла имѣть самыя грустныя послѣдствія. Оказалось однако, что слова Тэна не были только словами предосторожности, а голою истиною.

Изъ трехъ словъ, изъ которыхъ слагается девизъ, сдѣлавшійся со времени великой революціи оффиціальнымъ девизомъ Франціи, изъ трехъ словъ: liberté, égalité, fraternité! посчастливилось только одному. Liberté витаетъ въ облакахъ, fraternité оказалось несозрѣвшимъ плодомъ, égalité же вошло въ жизнь и подчинило себѣ все общество. Равенство вошло въ законы, вошло въ нравы французской націи и никакая реакція, никакой порядокъ не выѣстъ этого понятія. Оно засѣло весьма глубоко. Это равенство Тэнъ всосалъ съ молокомъ матери, оно укрѣплялось въ немъ его нянькою, оно утверждалось въ немъ школою, онъ нашелъ это понятіе въ себѣ совсѣмъ готовымъ и прочнымъ, когда юношей вступилъ въ жизнь, какъ находитъ его готовымъ всякій французскій юноша. Казалось бы, что это понятіе такъ сильно сидитъ въ немъ, что противоположное ему понятіе должно быть ему антипатично, и онъ возстанетъ противъ него всею силою своего ума. Оказывается, что нѣтъ, и на повѣрку выходитъ, что равнодушіе, индифферентизмъ такъ

глубоко засѣли въ его натуру, что заглушили собою даже то понятіе равенства, которое онъ нашелъ въ себѣ уже совсѣмъ сложившимся и готовымъ. Тэнъ пріѣзжаетъ въ Англію, находитъ въ ней рѣзкое разграниченіе между различными слоями общества, находитъ неравенство политическое, неравенство нравственное, находитъ жизнь, сложившуюся такъ, какъ будто бы каждый человѣкъ, по его же выраженію, долженъ имѣть по крайней мѣрѣ нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ годового дохода; онъ описываетъ это положеніе, вкушаетъ съ нѣкоторою нѣгою плоды этой привилегированной жизни, и у него ни слова не вырывается такого, которое указывало бы, что «равенство» имѣетъ для него, какъ для всякаго француза, какое-нибудь значеніе. Никто конечно не желаетъ, чтобы писатель, имѣющій извѣстное понятіе о порядкѣ, существующемъ въ обществѣ, каждый разъ, что онъ встрѣчаетъ другой порядокъ, приходилъ въ ярость и начиналъ метать громы и молніи; избави Богъ! но все-таки нельзя не сказать, что писатель, проникнутый однимъ началомъ, и начинающій восхищаться другимъ, производитъ непріятное впечатлѣніе. Неравенство, рѣзкое бросающееся въ глаза, не имѣетъ въ Англіи такого дурного вліянія, какое бы оно имѣло въ другой странѣ, потому что нравы смягчаютъ здѣсь суровую рѣзкость политическаго и соціальнаго неравенства. Нѣтъ, не въ нравахъ ищетъ онъ оправданія, не нравами старается объяснить, отчего это неравенство стало противоположно «равенству» французскаго народа, и не производитъ на него непріятнаго впечатлѣнія. Оно просто не задѣваетъ его глубоко, потому что онъ относится и къ этому съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ тѣмъ же индифферентизмомъ, съ какимъ относится и ко всему остальному.

Еще болѣе этотъ индифферентизмъ поражаетъ въ Тэнѣ, когда обращаешься къ религіозному вопросу и читаешь тѣ страницы, на которыхъ онъ говоритъ о религіи въ Англіи. Тэнъ въ религіозномъ отношеніи принадлежитъ къ той категоріи людей, которые носятъ имя: libres penseurs. Онъ чуждъ всякаго суевѣрія, онъ чуждъ всякой внѣшней религіозности, онъ въ сущности ни во что не вѣритъ, кромѣ неизмѣнныхъ законовъ природы; онъ, если хотите, пантеистъ. И вотъ этотъ libre-penseur пріѣзжаетъ въ Англію, встрѣчаетъ тутъ внѣшнюю религіозность, доведенную до своихъ геркулесовыхъ столбовъ, находитъ въ ней цѣлую тьму предразсудковъ, всяческихъ суевѣрій, находитъ какую-то крайне отталкивающую религіозную чопорность. Не подумайте однако, что онъ отнесется къ этой внѣшней, формальной религіи, къ этому ханжеству съ пренебреженіемъ, съ

наготѣшкой; не подумайте, что онъ объяснитъ, отчего произошло и какъ поддерживается въ Англіи это печальное состояніе религіознаго вопроса,—ничуть не бывало; онъ, libre-penseur, видитъ въ этомъ религіозномъ лицемѣрствѣ только одно хорошее, онъ отыскиваетъ только выгодныя стороны, которыхъ, собственно говоря, для «свободнаго мыслителя» вовсе не должно было бы существовать. Это противорѣчіе между тѣмъ, что онъ говоритъ, и тѣмъ, чего онъ самъ держится, объясняется конечно вовсе не его непослѣдовательностью, а только однимъ его индифферентизмомъ.

Менѣе конечно можно удивляться тому, что, говоря о положеніи соціальнаго вопроса въ Англіи, онъ является такимъ же безсердечнымъ наблюдателемъ, какимъ былъ и въ другихъ вопросахъ. Онъ даетъ вамъ полное горькой истины описаніе рабочаго люда, его жизни, онъ рисуетъ вамъ съ фламандскимъ искусствомъ грозные по своему мрачному виду кварталы нищеты, обезображивающей людей, онъ вноситъ въ свою панораму Лондонскій Stadwell, эту картину изъ Дантовскаго ада, и кажется, что когда онъ пишетъ эти страницы, у него нѣтъ другого желанія, какъ вызвать негодованіе у своихъ читателей; ничуть не бывало. На слѣдующей же страницѣ вы видите, что Тэнъ съ такимъ же искусствомъ, съ такою же точностью описываетъ богатство англійскихъ лордовъ, ихъ роскошное житье-бытье, ихъ дворцы, ихъ виллы, ихъ жизнь въ зáмкахъ, ихъ комфортъ.

Вотъ тотъ характеръ Тэна, которымъ обусловливаются какъ выгодныя качества, такъ и недостатки его послѣдняго труда, и который проводитъ рѣзкую границу между авторомъ «Notes sur l'Angleterre» и всѣми другими французскими писателями, посвящавшими себя изученію этой классической страны свободныхъ нравовъ.

Евг. Утинъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ
ДО ГРАФА ПРОТАСОВА.

Воспоминанія *).

(Окончаніе).

IV.

Преподаваніе наукъ.

Непосредственнымъ начальникомъ и блюстителемъ учебной части въ духовныхъ академіяхъ былъ ректоръ, который вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ и профессоромъ богословскихъ наукъ. Поэтому онъ служилъ для наставниковъ не только руководителемъ, но и примѣромъ, а въ такомъ случаѣ, казалось, всего бы лучше и естественнѣе избирать ректора изъ опытныхъ академическихъ профессоровъ. Но по заведенному порядку, ректору, какъ сказано выше, непремѣнно нужно было быть монахомъ. Другіе пять ординарныхъ профессоровъ принадлежали къ бѣлому духовенству или къ міранамъ, и потому если нельзя было сдѣлать инспектора ректоромъ, то искали кандидатовъ на должность послѣдняго въ семинаріяхъ. Хотя и въ академіяхъ, какъ мы увидимъ ниже, не было слишкомъ много поводовъ и побужденій отличаться профессорскою дѣятельностію, но все-та-

*) См. выше, іюль, 219, авг. 664 стр.

и тутъ почти всѣ наставники готовились къ классу; лекціи произносили большею частію устно, не читая по тетрадкамъ или книжкамъ; была хоть какая-нибудь умственная работа. Въ семинаріяхъ же тогда не лекціи говорили, а задавали и выслушивали уроки; только небольшое количество чудаковъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, учили хорошо,—да и то преимущественно занимались объясненіемъ учебныхъ руководствъ или своихъ записокъ. И чѣмъ долѣе продолжалась служба въ семинаріи, тѣмъ человѣкъ становился неспособнѣе для академіи; гораздо лучше было бы, кажется, нигдѣ не служить; мало пріобрѣлось бы, можетъ быть, новыхъ познаній, но не поселилась бы и не утвердилась небрежность къ наставнической должности. Между тѣмъ изъ 14-ти человѣкъ, которые съ 1819 г. занимали должность ректора въ петербургской духовной академіи, только двое постоянно служили при академіи, именно: Григорій Постниковъ и впослѣдствіи виленскій архіепископъ Макарій Булгаковъ; къ нимъ можно причислить Іоанна Соколова, бывшаго послѣ смоленскимъ епископомъ; онъ долго находился ректоромъ петербургской семинаріи, но уже послѣ того, какъ слишкомъ десять лѣтъ служилъ въ академіи; ему уже не могла повредить семинарская рутина. Пять же ректоровъ до самаго поступленія въ ректоры академіи переводились только изъ одной семинаріи въ другую. Къ несчастію, при переводѣ ректоровъ семинарій въ академію руководствовались иногда совершенно сторонними цѣлями, а не ихъ способностями; напр., Венедикта Григоровича сдѣлали ректоромъ академіи для того только, чтобы онъ уплатилъ поскорѣе числившіяся на немъ казенныя деньги. Потомъ, высшее духовное начальство конечно не находило излишнимъ, если ректоръ былъ вмѣстѣ дѣльнымъ профессоромъ, но главнымъ образомъ желало въ немъ видѣть хорошаго, по своему понятію, администратора. Ректоръ могъ даже не ходить въ классъ, или изрѣдка туда заглядывать, плохо читать лекціи,—это все ничего; только бы въ академіи все шло по заведенному порядку, только бы онъ нравился митрополиту да оберъ-прокурору; тогда опасаться нечего. Одинъ ректоръ въ теченіи полгода былъ не болѣе трехъ разъ въ классѣ, и все же не отказался отъ профессорской должности; ему за это даже дали 1000 рублей прибавочнаго жалованья. Наконецъ, ректорство академіи было послѣднею уже ступенью къ архіерейству. Къ чему же тутъ много заниматься лекціями, когда и безъ того скоро панагія будетъ украшать грудь? Ректоръ — отличный профессоръ, скорѣе другихъ могъ быть заподозрѣнъ въ либерализмѣ, въ неправославіи, какъ и

случилось это съ Иннокентіемъ Борисовымъ. Такимъ образомъ между ректорами академіи вовсе нелегко было встрѣтить хорошаго профессора; къ почетнымъ исключеніямъ изъ этого правила принадлежали, напр., Григорій Постниковъ, Макарій Булгаковъ, Іоаннъ Соколовъ и еще человѣка два-три въ петербургской академіи. Мы знаемъ первыхъ четырехъ ректоровъ какъ администраторовъ; посмотримъ теперь на ихъ профессорскую дѣятельность.

Іоаннъ Доброзраковъ имѣлъ немало задатковъ, чтобы быть хорошимъ, даже отличнымъ профессоромъ,— именно множество свѣдѣній, чрезвычайно быстрое соображеніе, ловкость и находчивость въ случаѣ встрѣченныхъ возраженій и недоумѣній и замѣчательную способность говорить. Надобно было на него посмотрѣть, когда онъ, самъ отворивши и затворивши дверь въ классъ, снявши верхнюю рясу и небрежно положивши ее куда-нибудь, и какъ-нибудь перекрестившись на образъ, начнетъ тотчасъ же, не дойдя еще до профессорскаго кресла: *въ прошедшій классъ мы говорили о томъ-то, разсмотрѣли то-то* и пр., затѣмъ говоритъ цѣлый часъ легко, свободно, чистымъ русскимъ языкомъ, безъ всякихъ вычуръ и модныхъ фразъ, ни на чемъ не запинаясь, по временамъ подшучивая, или высказывая остроты. Но послушавши нѣсколько его лекцій, легко можно было убѣдиться, что профессоръ недолго надъ ними раздумывалъ, развѣ-развѣ начертилъ для себя коротенькій конспектъ. Онѣ скорѣе походили на импровизацію говоруна, готоваго разсуждать обо всемъ во всякое время и увѣреннаго, что ему, по поговоркѣ, *не нужно будетъ лазить въ карманъ за словомъ*. Тутъ одно отступленіе или эпизодъ смѣнялись другимъ, вновь возвращались къ главному предмету, опять отступали, опять возвращались, и нить, такъ сказать, не прерывалась. Вниманіе слушателей увлекалось потокомъ словъ, но упомнить, записать лекцію почти не было возможности; слушатели немного уносили отъ нея мыслей, но за то пріобрѣтали убѣжденіе, что если бы профессоръ имѣлъ охоту позаняться лекціей, то она была бы прекрасною; нельзя не пожалѣть, что веселая и умная голова и тутъ не любила хоть *словами* доставить пользу студентамъ. При всемъ этомъ Доброзраковъ былъ хорошій, даже очень хорошій профессоръ; особенно вновь пріѣхавшіе студенты удивлялись его *краснорѣчію*.

Напротивъ, Смарагдъ Крыжановскій отъ природы получилъ и самъ пріобрѣлъ очень мало задатковъ для того, чтобы быть даже посредственнымъ профессоромъ. Да онъ и не заботился обогатить себя необходимыми для этого свѣдѣніями. Въ то вре-

и, какъ въ Германіи шла ожесточенная ученая борьба между установленною догмою и раціонализмомъ, когда раціоналистическія идеи проникли въ Россію, когда бы ихъ нужно было разобрать съ точки нашего православія, разумѣется, въ духовныхъ академіяхъ, на богословской каѳедрѣ,—нашъ ординарный профессоръ богословія не прочиталъ ни одной раціоналистической книги, умѣлъ только бранить раціоналистовъ, не понимая ихъ идей. Сомнительно даже, чтобы онъ читалъ книги иностранныхъ писателей — защитниковъ догмы, чтобы касался даже прежнихъ богослововъ, напр. Гуннія или нашего Ѳеофана Прокоповича. Онъ былъ богословъ, воспитавшійся на русской почвѣ, на пространномъ катихизисѣ Платона, на тѣхъ догматикахъ, которыя училъ въ семинаріи и академіи. Лекціи его были почти только перифразомъ учебника или записокъ, которыя выдавались студентамъ для заучиванія на память; развѣ дѣлались ничтожныя и мелочныя какія-либо прибавленія. Притомъ, сообразуясь съ своимъ умственнымъ настроеніемъ, а вѣрнѣе, съ принятою на себя ролью, онъ и въ студентахъ восхищался не глубокомысленнымъ изслѣдованіемъ богословскихъ предметовъ, а знаніемъ неважныхъ какихъ-либо особенностей нашего вѣроисповѣданія. Напр., не получивши отъ одного студента отвѣта на вопросъ: почему на иконахъ евангелистовъ изображаются еще ангелъ, или левъ, или волъ, или орелъ, онъ пришелъ въ крайнее негодованіе; и потомъ когда другой студентъ разрѣшилъ этотъ вовсе не догматическій вопросъ,—былъ въ восхищеніи и нѣсколько минутъ, ходя по классу, только и говорилъ: «ай да хватъ, Б.; вотъ такъ молодецъ Б.» Наконецъ, Крыжановскій, можно сказать, уродовалъ и безъ того уже не очень привлекательныя лекціи своими пріемами и своею дикціей. Рѣчь его не лилась непрерывнымъ потокомъ; послѣдующее слово шло за предыдущимъ не торопясь и очень часто отдѣляясь слогами: *во*, или *ну-во*, составлявшими отличительный признакъ его рѣчи. Присовокупите къ этому, что краснорѣчивый профессоръ не садился въ кресло, а ходилъ, наклонившись нѣсколько впередъ и вмѣстѣ на тотъ бокъ, который былъ ближе къ первому ряду классическихъ столовъ, и кромѣ того одною рукою опираясь на нихъ. Смотря на эту наклонившуюся впередъ и на бокъ фигуру, слушая его: *во* и *ну-во*, трудно было не улыбнуться. Но профессоръ за этимъ слѣдилъ очень строго. «Что вы это смѣетесь? съ негодованіемъ говорилъ онъ улыбнувшемуся. Ректоръ говоритъ лекцію, притомъ по св. Писанію, а онъ смѣется! На что это похоже?»

Если у Крыжановскаго было мало, то Венедиктъ Григоро-

вичъ уже вовсе не имѣлъ никакихъ задатковъ для профессуры. Крыжановскій до ректорства своего въ петербургской академіи состоялъ наставникомъ отчасти въ ней, а еще болѣе въ кіевской, и только три года въ семинаріи виѳанской, все-таки долженъ былъ говорить лекціи, а не задавать одни уроки. Напротивъ, служба Григоровича до того же ректорства происходила только въ семинаріяхъ, а тамъ, какъ я уже сказалъ, говореніе лекцій было не въ модѣ. Притомъ онъ не имѣлъ порядочнаго дара слова. Объясняясь объ обыкновенныхъ даже предметахъ, онъ занимался и украшалъ свою рѣчь вставками въ родѣ: *тамо-тата вотъ-тата*, *та-та* и т. п. Онъ внутренно и самъ сознавалъ свои недостатки въ этомъ отношеніи. Несмотря на грубое обращеніе съ студентами, когда ему приходилось дѣйствовать въ роли начальника, онъ, напротивъ, не показывалъ ничего въ классѣ; при первомъ его дебютѣ здѣсь замѣтили даже, что у него руки дрожали. Но и этотъ, можно сказать, безталанный человѣкъ для профессорской должности тоже хотѣлъ сначала озадачить студентовъ своею ученостію. На первой лекціи усѣвшись на кресла, онъ началъ вступительную недурную рѣчь, перешелъ потомъ къ ученію о Богѣ, и все это говорилъ на латинскомъ языкѣ. Латынь была недурна; студенты стали-было подумывать, что, вѣроятно, старикъ — ученый мужъ, но скоро начали перешептываться, переглядываться и посмѣиваться. Въ академіи въ то время учебникомъ о Богѣ и Троицѣ были статьи Григорія Постникова на русскомъ языкѣ, напечатанныя въ «Христіанскомъ Чтеніи». Оказалось, что новый профессоръ вступительную рѣчь самъ сочинилъ, а лекція состояла изъ буквальнаго перевода начальныхъ 2—3 страничекъ статей Постникова на латинскій языкъ. Но латыни достало только на одинъ классъ; въ слѣдующія лекціи отецъ-профессоръ читалъ уже печатный учебникъ буквальнѣйшимъ образомъ, ничего не измѣняя, не прибавляя и не убавляя, точно какъ будто бы боялся, чтобы не постигло его проклятіе за опущеніе *единой іоты*. По окончаніи ученія о Богѣ и Троицѣ надобно было взяться за другіе предметы догматики; для нихъ тоже существовалъ учебникъ, но рукописный, перешедшій *отъ предковъ къ потомкамъ*, составленный Григоріемъ Постниковымъ на русскомъ языкѣ. Профессоръ-латинистъ и букваристъ нашелъ этотъ учебникъ недостаточнымъ, вмѣсто него отыскалъ у себя какія-то старыя лекціи, которыя, кажется, преподавались студентамъ перваго курса, но написанныя на латинскомъ языкѣ. Григоровичъ, принося въ классъ по нѣскольку листовъ этого *старья*, прочитывалъ ихъ буквально самымъ монотоннымъ, скучнѣйшимъ образомъ, не заботился даже о пе-

реводѣ на русскій языкъ; опять тоже какъ будто боялся прогнѣвити за измѣненіе *іоты единой*. Но чтеніе очень часто прерывалось по слѣдующему обстоятельству. Въ листкахъ лекцій были только указанія на библейскіе тексты, а не самыя слова ихъ. Профессоръ, дочитавшись до такихъ указаній, останавливался и говорилъ уже по-русски: «а вотъ пріищите-ка Матвѣя или Луки такую-то главу и стихъ». Текстъ находили, прочитывали; профессоръ, не сдѣлавши никакого объясненія, принимался опять за свою латынь, вновь останавливался на текстѣ, который отыскивали и прочитывали. Такія паузы дѣлали и безъ того бездушныя лекціи, можно сказать, еще *мертвеннѣе*. Но къ этому привходили побочныя обстоятельства. Текстъ найденъ и прочитанъ; но слишкомъ видно, что нейдетъ къ дѣлу. Тогда профессоръ начинаетъ говорить: «да такъ ли вы нашли?»—или: «что же это такое-то? постойте-ка, я посмотрю»; и приподнявъ листъ со стола, подвинувши его къ свѣту и держа одну руку повыше глазъ, онъ начинаетъ разсматривать письмо и говоритъ: «кажется, не пятая, а десятая глава, не третій, а пятый стихъ» и пр. Иногда поправка удавалась, а то ничего не находили подходящаго; тогда, какъ будто ни въ чемъ не бывало, какъ будто все доказано, принимались опять за латинскій текстъ. Но и тутъ не обходилось безъ бѣды. Иное слово было написано неразборчиво, другое замарано чернилами; тамъ самыя чернила порыжѣли и стерлись. Надобно было разсматривать листъ, поднимать и прикладывать руку повыше глаза, и, увы! иногда ничего не разобрать; и тутъ опять, какъ будто ни въ чемъ не бывало, читали далѣе. Все это вмѣстѣ составляло не лекціи, а самую бездарную, безжизненную пародію на нихъ, какъ будто нарочно придуманную для того, чтобы опошлить и лекціи, и предметъ, котораго онѣ касались.

Понятно, студенты не имѣли къ Григоровичу никакого уваженія, и даже не слушались его распоряженій относительно лекцій, какъ видно изъ слѣдующаго разсказа, который вмѣстѣ съ тѣмъ покажетъ, что за люди были въ числѣ ректоровъ и профессоровъ академіи, и до какого своеволія доводили студентовъ.

Нашъ профессоръ нашелъ, что отчасти печатный, отчасти рукописный учебникъ по догматическому богословію, составленный Постниковымъ, недостаточенъ, сдалъ свои старые листы для списыванья и для приготовленія по нимъ уроковъ. Студентамъ это очень не понравилось. Венедиктовскія лекціи были на латинскомъ языкѣ, слишкомъ обширны, да ихъ надобно было еще списывать; тогда какъ Постниковскія излагались коротко и

по-русски, да и у большой части студентовъ находились п наслѣдству отъ предшественниковъ; выгоды на сторонѣ послѣднихъ были слишкомъ ясны; молодежь отказалась ректору списывать его лекціи, и послѣ продолжительнаго спора устояла на своемъ. Ректоръ, сдѣлавши уступку, сильно впрочемъ оскорбился непослушаніемъ своихъ подчиненныхъ и отъ времени до времени любилъ повторять: «а вотъ погодите, я вамъ отплачу за это». Но дѣло вышло иначе.

Планъ мщенія отложенъ былъ ректоромъ до публичныхъ экзаменовъ. Къ нимъ обыкновенно заранѣе приготовлялась какая-либо часть лекцій по каждому предмету, а не вся наука. Ректоръ сказалъ, что по догматическому богословію онъ назначаетъ ученіе о Троицѣ. Студенты приготовили трактатъ по учебнику Постникова. Но вечеромъ наканунѣ экзамена, часу въ девятомъ имъ всѣмъ розданы были печатные конспекты предметовъ, назначенныхъ къ завтрашнему испытанію. Тутъ они съ удивленіемъ увидали, что конспектъ по ученію о Троицѣ напечатанъ на латинскомъ языкѣ и притомъ по запискамъ не Постникова, а Григоровича. Отправили депутата къ ректору просить объясненія, что̀ это такое значитъ? «А это вотъ что значитъ, отвѣчалъ ректоръ съ злобною усмѣшкою. Вы-то не хотѣли меня слушать, не списывали моихъ лекцій, и къ окончательному экзамену не приготовили ихъ, несмотря на мое приказаніе; я говорилъ, что расквитаюсь съ вами за это. Вотъ теперь я съ вами и расквитался; увижу, какъ-то вы завтра станете отвѣчать; я буду спрашивать по своему конспекту?» Депутатъ началъ-было говорить, что они не ожидали такого распоряженія, что приготовили бы все, какъ слѣдуетъ, а теперь имъ невозможно это сдѣлать; вѣдь ни у кого нѣтъ даже лекцій. Ректоръ не захотѣлъ слушать и сказалъ: «отходите то; я на своемъ поставлю». Съ старикомъ нечего было дѣлать; студенты посовѣтовались между собою и всѣ рѣшились на смѣлый поступокъ — отвѣчать по лекціямъ Постникова, несмотря на вопросы ректора.

Господствовавшій тогда обычай на публичныхъ экзаменахъ въ духовныхъ академіяхъ поблагопріятствовалъ студентамъ. Ихъ для отвѣта не вызывали къ экзаменаторскому столу, а позволяли имъ оставаться на своихъ мѣстахъ и оттуда отвѣчать на предлагаемые вопросы; требовалось только говорить громко, чтобы всѣ слышали. Потомъ наставникъ, предметъ котораго былъ на очереди, долженъ былъ *стоять*, какъ говорили *на серединѣ залы*. Митрополитъ не посадилъ даже и Григоровича, хотя онъ въ это время уже былъ епископомъ. И потому, ког-

дался экзаменъ по ученію о Троицѣ, Григоровичъ, имѣя слабый голосъ и неразборчивое произношеніе, всталъ у самыхъ столовъ студентческихъ, саженяхъ въ трехъ отъ митрополита, и предложилъ вопросъ на латинскомъ языкѣ по своимъ, разумѣется, лекціямъ. Митрополитъ едва ли разслушалъ вопросъ. Отвѣчавшій студентъ былъ ловкій молодой человѣкъ. Выслушавъ ректора, какъ будто бы съ полнымъ вниманіемъ, онъ началъ читать свой отвѣтъ по лекціямъ Постникова, но читать громко, ясно, съ интонаціею. Ректоръ хотѣлъ-было остановить его, замѣтивши ему, что надобно отвѣчать по-латыни; и опять говорилъ своимъ негромкимъ, шепелявымъ языкомъ. Но митрополитъ, уже заинтересовавшись отвѣтомъ, сказалъ: «Не трогайте его, преосвященный, онъ славно читаетъ?» Дошла очередь до другого; ректоръ и тутъ хотѣлъ настоять на своемъ, подвинулся къ студенту поближе и уже довольно внятно предложилъ вопросъ опять по-латыни. Студентъ, какъ и его предшественникъ, не сробѣлъ, а выслушавши, началъ отвѣчать по-русски. Замѣтно было, что митрополиту показались странноватыми русскіе отвѣты на латинскіе вопросы; но по счастію и новый студентъ читалъ бойко, смѣло, внятно. Ректоръ хотѣлъ-было и этого остановить, но митрополитъ опять сказалъ: «Не трогайте его, преосвященный, онъ знатно читаетъ».

Послѣ этого ректоръ призналъ себя побѣжденнымъ, не сталъ уже дѣлать вопросовъ на латинскомъ языкѣ, а употреблялъ почти только одно слово: *продолжайте.* За то, ставши близъ самаго конца передняго стола, онъ принялся ругаться, и чтобы его слова слышны были только студентамъ, а не митрополиту и другимъ посѣтителямъ, онъ закрылся находившимися въ его рукахъ листами бумаги со стороны публики; а между тѣмъ произносилъ слова (извините, что я ихъ цитую буквально): «дьяволы-то, разбойники-то», и пр. И потомъ когда вновь спрошенный начиналъ свой отвѣтъ, ректоръ говорилъ: «и этотъ такой же разбойникъ» и пр. Сцена была, къ сожалѣнію, уморительная; публика видѣла, что происходитъ что-то недружественное между ректоромъ и студентами, но никакъ не могла догадаться, въ чемъ дѣло, потому что отвѣты студентовъ были вполнѣ удовлетворительны. Студенты едва могли удерживаться отъ смѣха. Еще смѣшнѣе стало смотрѣть на ректора, когда по окончаніи экзамена стали благодарить его за прекрасные отвѣты студентовъ; онъ не могъ преодолѣть внутренней своей досады и неудовлетворенной злобы, и принимая благодарность, сдѣлалъ довольно кислую мину.

Виталій Щепетевъ по своимъ способностямъ и свѣдѣніямъ,

по своему дару слова стоялъ гораздо выше Крыжановскаго и Григоровича, и по всей вѣроятности былъ бы очень хорошимъ наставникомъ, если бы вся служба его происходила въ академіи. Но по окончаніи академическаго курса онъ десять лѣтъ инспекторствовалъ и ректорствовалъ въ московской семинаріи, и по мѣстнымъ условіямъ не развилъ въ себѣ качествъ нужныхъ для профессорской каѳедры. Поступивъ ректоромъ въ петербургскую духовную академію, онъ, можетъ быть, успѣлъ бы въ этомъ; но у него слишкомъ много времени отнимали правленскія дѣла, редакція статей по «Христіанскому Чтенію» и одна несчастная слабость, о которой я упомянулъ—и ему не удалось сдѣлаться хорошимъ академическимъ профессоромъ. Недостатки свои въ этомъ отношеніи онъ усиливалъ и дѣлалъ невыносимыми посредствомъ мнимой важности и торжественности. Напр., захотѣлось ему понюхать табаку. Онъ кладетъ бумагу на столъ, отправляется рукою въ карманъ, вынимаетъ оттуда табакерку и платокъ, открываетъ первую, опускаетъ въ нее щепоть, нюхаетъ табакъ, утирается платкомъ; потомъ начинается, такъ сказать, обратная церемонія закрытія табакерки, укладыванья ея и платка въ карманъ; и все это дѣлалось съ торжественнѣйшею медленностію, какъ будто дѣло шло о какомъ-либо церемоніальномъ актѣ, и все это продолжалось нѣсколько минутъ. А студенты, разумѣется, сиди въ это время смирнехонько; потому что Щепетевъ не былъ похожъ на Григоровича и съумѣлъ бы отплатить всякому студенту, который бы при немъ улыбнулся. За всѣмъ тѣмъ, сравнительно, все-таки его нельзя было назвать дурнымъ профессоромъ.

Надзоръ ректоровъ за преподаваніемъ наукъ другими едва-ли не въ томъ только состоялъ, что они отъ наставниковъ принимали списки и конспекты, производили экзамены; лично же въ классы на лекціи почти ни къ кому никогда не ходили; напр., Венедиктъ Григоровичъ въ теченіи всего своего ректорства ни разу ни у кого не былъ. О достоинствѣ лекцій каждаго они составляли понятіе, если только считали это нужнымъ, по доходившимъ до нихъ слухамъ или при посредствѣ переносчиковъ-студентовъ.

Метода опредѣленія новыхъ и на служебное положеніе всѣхъ вообще наставниковъ была слѣдующая. Свободныя баккалаврскія мѣста слишкомъ рѣдко занимались людьми, доказавшими свою опытность въ преподаваніи; изъ семинарій если и вызывали наставниковъ въ академію, то почти только тѣхъ, которые изъявили желаніе поступить въ монашество. Наибольшая часть вновь опредѣляемыхъ баккалавровъ состояли изъ только-

что кончившихъ курсъ студентовъ; сегодня они еще вмѣстѣ съ будущими своими слушателями кушаютъ въ одной и той же столовой одинъ и тотъ же супъ, одну и ту же гречневую кашу, а дня чрезъ четыре уже садятся въ классѣ на наставническое кресло и читаютъ о пользѣ наукъ, въ чемъ чуть не накапунѣ сильно сомнѣвались. При избраніи студентовъ на баккалаврскія мѣста наибольшею частію руководствовались окончательнымъ спискомъ; занимавшіе въ немъ первыя мѣста и дѣлались баккалаврами. Исключенія касались иногда монашествующихъ студентовъ, которыхъ предпочитали свѣтскимъ. Еще иногда руководствовались покорнѣйшими просьбами кого-либо изъ петербургскихъ папенекъ-священниковъ, выслѣдившихъ между студентами жениха для своей милой дочери и хлопотавшихъ о томъ, чтобы его пристроили при академіи, но вовсе не обращали вниманіе на то, любитъ ли и знаетъ ли вновь избранный науку, преподаваніе которой ему вздумали поручить. Главное правило состояло въ томъ, что если есть вакантное мѣсто, то его надобно занять лучшимъ по общему списку студентомъ. Бывали примѣры, что назначали баккалавромъ по какому-либо языку человѣка, который вовсе его не зналъ. Напр., въ 1833 году вновь опредѣленный баккалавромъ нѣмецкаго языка Предтеченскій долженъ былъ начать свою профессію съ того, чтобы учиться читать по-нѣмецки и знакомиться съ грамматикою языка. Потомъ уже людей, нѣсколько ознакомившихся съ своимъ предметомъ, иногда вдругъ передвигали на другой.

Вообще академическихъ наставниковъ можно было раздѣлить на два разряда; къ первому принадлежали монахи, а ко второму лица бѣлаго духовенства и свѣтскія, не пожелавшія быть ни монахами, ни священниками. На монашествующихъ обращено было все вниманіе начальства, изливались всѣ милости, всѣ поощренія и награды. А между тѣмъ каждый изъ нихъ зналъ, что учебная служба не есть конечная его цѣль, а только прокладываетъ ему дорогу къ высшей іерархической степени — епископству.

Положеніе священниковъ-наставниковъ въ петербургской духовной академіи было самое шаткое, жалкое. Начальство думало, что священническая должность препятствуетъ имъ быть исправными преподавателями. Это мнѣніе, можетъ быть, справедливо относительно приходскихъ священниковъ, но его уже никакъ нельзя приложить къ тѣмъ, которые состояли при учебныхъ заведеніяхъ или казенныхъ мѣстахъ. Несмотря на это, только или громкая, заслуженная извѣстность, или умѣнье пріобрѣсти и поддерживать благоволеніе начальства помогли не-

многимъ священникамъ долго служить въ академіи. Прочіе скоро оставляли ее; кого щадили, тѣмъ самимъ приказыв подавать просьбы объ увольненіи, а съ кѣмъ не хотѣли це мониться, тѣхъ отставляли безъ прошенія. Въ послѣднемъ с чаѣ не задумывались надъ отыскиваніемъ причинъ. Напр., 1835 году академическое правленіе, представляя объ увольне трехъ баккалавровъ—священниковъ Ксенофонта Делекторска Ѳедора Сидонскаго и Якова Предтеченскаго, признавало обходимымъ это увольненіе, потому что академія нуждается свѣтскихъ наставникахъ, которымъ бы можно было поруч стороннія должности, напр., должность секретаря, библіотека и пр.; и коммиссія духовныхъ училищъ нашла подобную не пость уважительною и уволила всѣхъ трехъ баккалавровъ. З мѣчательно также, что академическое начальство, не удержив и даже выгоняя дѣльныхъ наставниковъ - священниковъ, оста ляло такихъ, которыхъ бы даже не слѣдовало опредѣлять и короткое время. Напр., у Делекторскаго, Сидонскаго и одно изъ лучшихъ въ свое время, Богословскаго отнята была возмо ность служить въ академіи; тогда какъ протоіереи Ивановъ Колоколовъ долго, долго мучили студентовъ своимъ нѣмотству щимъ преподаваніемъ.

Свѣтскимъ наставникамъ, повидимому, ничто не мѣша вполнѣ посвятить себя наукѣ и мало-по-малу сдѣлаться х рошими профессорами. Дѣйствительно, было мало препятстві но съ другой стороны и мало побужденій къ тому. Жалован они получали ничтожное, едва достаточное для холостого; жена тому особенно съ семьею при такомъ жалованьѣ надобно бы голодать. Потомъ, будучи холостыми, они еще пользовались казе ною квартирою съ отопленіемъ, но какъ скоро вступали в бракъ, монашествующее начальство, боясь соблазна отъ евви ныхъ правнучекъ, выгоняло ихъ мужей изъ академическаго до ма и вмѣсто того, и то не всегда, давало небольшое квартир ное пособіе. Поощреній, наградъ и т. п. вовсе почти никаких не было; развѣ сдѣлаютъ секретаремъ, экономомъ, библіотека ремъ и пр. Конечно, свѣтскихъ наставниковъ не выгоняли, н за то большая часть ихъ сама спѣшила выдти изъ академі или въ священники, или на гражданскую службу.

При описанныхъ условіяхъ академической службы наставни ковъ всѣхъ категорій, она, очевидно, не могла быть продолжи тельной, одного спѣшили перевести куда-либо повыше, другой самъ спѣшилъ уйти, третьяго спѣшили выгнать. Такимъ обра зомъ, если академію назвать театромъ, а наставниковъ декора ціями, то можно сказать, что тутъ на сценѣ прежнія декора-

ціи постоянно замѣнялись новыми, которыя впрочемъ рѣдко развѣ были лучше прежнихъ. Въ пятидесятилѣтнее существованіе петербургской академіи, среднимъ числомъ, служба наставниковъ продолжалась не болѣе четырехъ лѣтъ. Но вотъ уже болѣе поздній примѣръ изъ московской академіи, въ которой съ 1846 по 1864 годъ, въ теченіи осьмнадцати лѣтъ на классѣ греческаго языка перемѣнилось восемь наставниковъ, и слѣдовательно на долю каждаго пришлось съ небольшимъ по два года. Ни одного театра не найдете, гдѣ бы декорація такъ скоро или передѣлывалась на другую, или вовсе выбрасывалась.

Ординарные профессоры, за исключеніемъ монашествующихъ, большею частію, несмотря на невыгоды службы, долго оставались на ней; нѣкоторые профессорствовали или до самой своей смерти, или до тѣхъ поръ, пока здоровье и другія обстоятельства позволяли имъ. Слѣдовательно, они имѣли возможность сдѣлаться хорошими наставниками, но составляли только треть всѣхъ наставниковъ. Званіе же экстраординарнаго профессора давалось очень рѣдко, да и существеннаго улучшенія въ матеріальномъ отношеніи не производило; экстраординарный профессоръ получалъ такое же ничтожное жалованье, какъ и баккалавръ.

Несмотря на все то, въ петербургской академіи, какъ мы увидимъ, въ описываемое мною время было довольно порядочное количество хорошихъ, очень хорошихъ и даже отличныхъ наставниковъ не только между профессорами, но и между баккалаврами, не только между наставниками-священниками и свѣтскими, но и между монахами. И многіе студенты отчасти сами собою, отчасти при помощи наставниковъ достигали очень удовлетворительнаго умственнаго развитія.

Въ числѣ такихъ вліятельныхъ наставниковъ на первомъ планѣ надобно поставить четырехъ ординарныхъ профессоровъ, товарищей между собой по первому курсу петербургской духовной академіи: протоіереевъ Герасима Павскаго и Акима Кочетова, и свѣтскихъ: Степана Райковскаго и Василья Себржинскаго. У нихъ у всѣхъ была одна общая черта,—пунктуальная точность относительно хожденія въ классъ. Я уже говорилъ, что въ то время для каждой лекціи назначалось два часа, но большая часть наставниковъ приходили часа на полтора, а нѣкоторые, особенно ректоры, не болѣе, какъ на часъ. Но тѣ четверо являлись чрезъ 5—10 минутъ, и развѣ по какому-либо особому случаю чрезъ четверть часа; а Павскій и Кочетовъ приходили нерѣдко въ классъ тогда, какъ еще собралось человѣкъ пять студентовъ, одного изъ нихъ посылали приглашать товарищей,

а сами между тѣмъ садились въ кресло и ожидали. Павскій, котораго классъ былъ близъ жилыхъ студентческихъ комнатъ, не нашедши никого въ немъ, самъ отворялъ дверь въ ближайшую комнату и говорилъ: «Господа, или звонокъ еще не билъ?» Или, если уже слышалъ звонокъ, то: «Господа, въ классъ пора, звонокъ уже пробилъ». Слова эти произносились голосомъ спокойнымъ, не обнаруживавшимъ никакого признака неудовольствія; это былъ голосъ отца, приглашавшаго взрослыхъ дѣтей провести время въ пріятной бесѣдѣ. Отъ описаннаго обычая началъ отступать только Себржинскій въ то время, какъ сдѣланъ былъ секретаремъ правленія и конференціи и когда развившаяся въ немъ чахотка постепенно вела его къ могилѣ.

Изъ этихъ четырехъ ветерановъ лучшимъ былъ Герасимъ Петровичъ Павскій, первый студентъ перваго академическаго курса; — человѣкъ честный, благородный, безупречный въ своемъ поведеніи, съ твердою волею, съ стоическимъ характеромъ, безъ надменности и высокомѣрія, но неспособный къ лести и низкопоклонству, врагъ ханжества и лицемѣрія, человѣкъ, такъ сказать, античный, съ возвышенною душою. Въ средѣ тогдашняго духовенства онъ былъ замѣчательнымъ ученымъ; кромѣ семитическихъ языковъ, зналъ французскій, нѣмецкій и англійскій, нѣкоторыя славянскія нарѣчія, даже, какъ говорили, санскритскій и исландскій. Будь профессоромъ университета, онъ, по всей вѣроятности, сдѣлался бы знаменитымъ филологомъ. Но находясь даже въ той средѣ, которая тогда давила и гнала таланты, онъ все-таки успѣлъ перевести съ еврейскаго текста едва ли не всѣ книги ветхаго завѣта и написалъ филологическія изслѣдованія по русскому языку, за которыя получилъ отъ академіи наукъ полную демидовскую премію. Будучи профессоромъ еврейскаго языка, онъ, повидимому, не могъ имѣть большого вліянія на студентовъ, а между тѣмъ доставлялъ имъ пользы въ научномъ отношеніи едва ли не болѣе, нежели всѣ наставники по богословію (за исключеніемъ немногихъ); это происходило отъ методы его преподаванія. Прочитавши въ нѣсколько классовъ грамматику еврейскаго языка, онъ для перевода бралъ какого-либо пророка, самъ разбиралъ или помогалъ студентамъ разбирать прежде всего буквальный смыслъ его, и послѣ сопровождалъ разборъ филологическими и богословскими замѣчаніями, которыя всегда интересовали студентовъ. Занимательность его объясненій увеличивалась отъ его замѣчательнаго дара слова; онъ какъ будто рожденъ былъ для того, чтобы темные предметы дѣлать ясными и наглядными. Къ сожалѣнію, этотъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный человѣкъ принужденъ былъ оставить

академію въ 1835 году, когда уволенъ былъ отъ преподаванія закона Божія Наслѣднику Престола. Его обвиненіе въ неправославномъ образѣ мыслей разсматривать здѣсь не мѣсто; оно требуетъ отдѣльной статьи, да едва ли еще возможно о немъ откровенно высказаться. Скажу только одно, что Павскій давно былъ подозрѣваемъ въ нелюбви къ монашеству; и дѣйствительно онъ не любилъ его за тотъ гнетъ, которымъ оно тяготѣло надъ бѣлымъ духовенствомъ и надъ духовно-учебными заведеніями. Онъ не скрывалъ этой нелюбви, высказывая ее иногда рѣзкими остротами. Вотъ одна изъ нихъ. Однажды у протоіерея и профессора Кочетова на обѣдѣ, за которымъ были академическіе начальники и наставники, зашла рѣчь о монашествѣ, панегиристомъ котораго явился тогдашній ректоръ семинаріи. Павскій предложилъ ему вопросъ: откуда произошло названіе бѣлаго и чернаго духовенства? И когда ректоръ представилъ какое-то мистическое объясненіе, то Павскій отвѣчалъ шуткой: «нѣтъ, отецъ-ректоръ, не такъ; по моему мнѣнію названіе это произошло отъ того, что въ Россіи до принятія христіанства поклонялись бѣлбогу и чернобогу; бѣлбогъ былъ настоящій Богъ, а чернобогъ былъ — злой. По принятіи христіанства жрецы бѣлбога пошли въ бѣлое духовенство, а жрецы чернобога въ черное.» Вотъ такіе-то слухи о его нелюбви къ монашеству, и опасеніе, что Павскій, удержись только на своемъ почетномъ мѣстѣ, со временемъ сдѣлается членомъ синода, заставили поискать доказательствъ его неправославія; — а это, особенно тогда, было не трудно.

Протоіерей и профессоръ Акимъ Семеновичъ Кочетовъ преподавалъ въ академіи библейскую и церковную исторію почти въ теченіи 34-хъ лѣтъ. Онъ имѣлъ громадную память и замѣчательную способность занимательно разсказывать событія историческія и анекдоты. Потомъ полагая, что почти двухъ-часовая лекція о серьезныхъ предметахъ, произносимая серьезнымъ тоже тономъ, можетъ утомить вниманіе слушателей и наскучить имъ, онъ находилъ нужнымъ вставлять въ свои лекціи болѣе или менѣе занимательные анекдоты, имѣющіе къ нимъ какое-либо отношеніе. Къ этому нужно прибавить, что Кочетовъ умѣлъ придавать своей рѣчи нѣкоторую торжественность безъ надутости и педантства, а своимъ пріемамъ — важность безъ надменности и тщеславія. При такихъ внутреннихъ и внѣшнихъ качествахъ, слѣди этотъ человѣкъ за литературою своей науки, не у насъ конечно (гдѣ все тогда спало́ по этой части), а за границею, усвояй себѣ то, что̀ онъ бы встрѣтилъ въ ней замѣчательнаго и обогащай этимъ свои лекціи, онъ былъ бы однимъ изъ самыхъ

лучшихъ профессоровъ академіи. Но къ сожалѣнію на него возложили, или онъ самъ, какъ говорятъ, *нахваталъ* множество разнообразныхъ должностей, число которыхъ, какъ мнѣ самому случалось отъ него слыхать, доходило до 14-ти. Конечно, многія изъ нихъ не требовали большой дѣятельности, а ограничивались подписью нѣсколькихъ бумагъ и журналовъ, но общій ихъ итогъ дѣлалъ то, что Кочетовъ, выѣзжая изъ квартиры въ семь часовъ утра, возвращался въ нее рѣдко ранѣе пятаго, а иногда даже седьмого часа вечера; — когда же ему было слѣдить за иностранною литературою тѣмъ болѣе, что онъ нѣмецкаго языка не зналъ? И потому ему оставались вполнѣ неизвѣстными всѣ труды тогдашнихъ германскихъ писателей по библейской и церковной исторіи; самое имя Неандера дошло до него только по слуху. Источниками для его лекцій служили библія и нѣсколько писателей, не принадлежавшихъ къ девятнадцатому столѣтію. Но и пользуясь ими, онъ составилъ конспектъ своихъ лекцій едвали еще не до наступленія двадцатыхъ годовъ и потомъ распространялъ и улучшалъ его развѣ мелочными какими-либо прибавками, притомъ большею частію анекдотическаго характера.

Пришедши въ классъ, онъ усаживался въ кресло, просилъ ближайшаго къ нему студента подать учебникъ, т.-е. или библейскую исторію Филарета Дроздова, или церковную Иннокентія, раскрывалъ его на той страницѣ, съ которой начиналась лекція и наклонивши голову на правую руку, нѣсколько времени какъ будто думалъ о чемъ-то, потомъ важнымъ, торжественнымъ тономъ буквально читалъ нѣсколько строкъ, иногда и періодовъ, изъ учебника, затѣмъ принимался за объясненія, за разсказы и по временамъ за анекдоты; послѣднихъ студенты могли уже ожидать, потому что ихъ предшественники на учебникѣ оставили замѣтки, напр., слова: *здѣсь будетъ разсказываться анекдотъ о мясникѣ* и т. п. Кончивъ свое объясненіе, Кочетовъ принимался читать учебникъ, затѣмъ слѣдовали опять объясненія, опять чтеніе учебника и т. д. Студенты въ своихъ мнѣніяхъ о профессорѣ раздѣлялись на двѣ партіи; одна, довольствуясь только тѣмъ, что занимательные разсказы историческихъ событій и анекдотовъ не позволяли имъ скучать, хвалили его, даже восхищались имъ. Другіе же, напротивъ, желавшіе и имѣвшіе право желать, чтобы библейская и церковная исторіи были не сборникомъ разсказовъ и анекдотовъ, а глубоко обдуманною наукою, которая бы основательно, критически разъясняла судьбы еврейской и христіанской религіи, — эти, разумѣется, не любили Кочетова. И по правдѣ сказать, онъ слиш-

ють мало заботился о глубокомысліи и основательности лекцій. Происхожденіе и быстрое распространеніе, напримѣръ, магометанства приписывалось у него просто тому, что мечтатель, чуть не полусумасшедшій, и вмѣстѣ съ тѣмъ хитрый обманщикъ вскружилъ своими мечтами головы арабовъ, вслѣдствіе чего всѣ они сдѣлались фанатиками, солдатами, а нѣкоторые отличными генералами, и чуть-чуть не опрокинули христіанскаго міра. Наконецъ, реформація едвали бы произошла, если бы Лютеру не вздумалось жениться, и пр.

Но въ каждомъ курсѣ было время около 2—3 мѣсяцевъ, когда уже всѣ студенты были очень довольны Кочетовымъ, именно когда онъ излагалъ исторію русской церкви въ XVIII-мъ столѣтіи. Но и тутъ онъ оставался вѣренъ своей методѣ, избѣгалъ всякихъ глубокомысленныхъ изслѣдованій, держался того же рутиннаго порядка, по которому составленъ учебникъ Иннокентія. *Осьмнадцатый вѣкъ Кочетова* раздѣлялся также на семь главъ; тутъ, напр., нужны были отдѣлы о гоненіяхъ на церковь и о наказаніяхъ, которыя постигли гонителей и пр. Нельзя было обойтись безъ натяжекъ; и вотъ гонителями церкви являются Биронъ, Минихъ, Остерманъ, даже самъ Меньшиковъ; за что они послѣ и наказаны лишеніемъ должностей, чиновъ и орденовъ. А настоящей церковной исторіи все-таки не было. Но лекціи Кочетова увлекательны были своею не церковно-историческою, а русско-политическою стороною. Кочетовъ имѣлъ множество свѣдѣній не только о явныхъ событіяхъ, которыхъ не было надобности скрывать, но и о закулисныхъ секретахъ русскаго правительства и русскихъ государственныхъ людей XVIII-го столѣтія; и этими свѣдѣніями онъ дѣлился съ студентами и увлекалъ ихъ. Лекціи начинались просьбою «не выносить сора изъ избы»; и дѣйствительно выносить не слѣдовало. По всей вѣроятности, едва ли тогда хоть въ одномъ университетѣ профессоръ русской исторіи осмѣливался высказывать все то, что студенты академіи слышали отъ Кочетова. Многія политическія событія, на которыя и теперь печать дѣлаетъ только намеки, онъ разсказывалъ съ полною откровенностію, съ мельчайшими подробностями. Студенты конечно не узнавали исторіи русской церкви XVIII-го столѣтія такъ, какъ это нужно бы для будущихъ профессоровъ ея, пастырей и архипастырей. Но знакомясь съ политической исторіей Россіи въ то же столѣтіе по пустѣйшему руководству, кажется, Кайданова, они не могли не быть отъ души благодарными профессору, который, рискуя болѣе, нежели своею службою, рѣшался говорить имъ то, за что, по поговоркѣ, хоть и не въ буквальномъ смыслѣ, могли урѣзать ему языкъ. Этими лекціями Кочетовъ заканчивалъ свою

науку и заставлялъ студентовъ, даже тѣхъ, которые имъ недо-вольны были, забывать недостаточность прежнихъ лекцій.

Въ заключеніе о Кочетовѣ надобно сказать, какъ его профессура окончилась при академіи. Конечно онъ, по своимъ преклоннымъ лѣтамъ, уже не могъ быть профессоромъ высшаго учебнаго заведенія; ему слѣдовало удалиться. Но съ человѣкомъ, котораго служба при академіи продолжалась 37 лѣтъ, все-таки надобно было бы поступить деликатно и вѣжливо, напомнивъ ему, что онъ уже довольно послужилъ, что измѣнившіяся понятія о педагогіи и церковно-библейской исторіи требуютъ новаго дѣятеля съ свѣжими силами. Но монашество не любитъ деликатиться съ *попами*, какъ оно говоритъ. Кочетова уволили безъ прошенія и даже не позаботились о томъ, чтобы извѣстіе объ отставкѣ было ему передано въ квартирѣ; нѣтъ, ему, какъ я слышалъ, бумагу съ этимъ извѣстіемъ вручили, когда онъ пришелъ въ классъ! Справедливо ли это? если справедливо, то такой поступокъ нельзя не назвать жестокимъ и въ высшей степени неделикатнымъ.

Степанъ Ивановичъ Райковскій въ академіи пріобрѣлъ извѣстность не только какъ профессоръ математики, но и какъ большой оригиналъ, почти-что чудакъ. Вотъ нѣсколько странностей изъ его жизни. Имѣя квартиру въ самомъ академическомъ корпусѣ и отъ нее до класса проходя только по корридорамъ и лѣстницамъ, онъ въ лѣтнее время являлся на лекцію очень часто въ теплой шинели, калошахъ и теплой фуражкѣ. Напротивъ зимою, несмотря на то, что въ корридорахъ и галлереяхъ было также холодно, какъ и на дворѣ, нашъ оригиналъ прихаживалъ въ одномъ фракѣ, лѣтней шляпѣ и безъ калошъ. Однажды служитель замѣтилъ, что баринъ бросилъ свой новый фракъ въ печку, гдѣ уже разгорѣлись дрова и сказалъ: «что это, Степанъ Ивановичъ! зачѣмъ вы бросили фракъ въ печку; вѣдь онъ совсѣмъ новый»?—Новый-то новый, отвѣчалъ баринъ, да плохъ, вотъ я его и бросилъ въ печку.—«Да вы бы мнѣ его отдали?» — А почему я зналъ, что онъ тебѣ понравится; ты бы мнѣ напередъ сказалъ.—Еще родной его братъ, бывшій потомъ законоучителемъ университета, священникъ исакіевскаго собора, сталъ выговаривать ему за то, что онъ никогда къ нему не приходитъ. «Вѣдь тебя дома никогда не захватишь», сказалъ оригиналъ. — Да вотъ приходи въ первый день пасхи (разговоръ происходилъ на страстной недѣлѣ) къ обѣду; я буду дома, вмѣстѣ пообѣдаемъ. Наступила пасха; оригиналъ, въ самомъ началѣ утренней службы, отправился къ своему брату, и когда кухарка отперла ему дверь, спросилъ: «а что, братъ дома»?—По-

жалуйте, Степанъ Ивановичъ, отвѣчала кухарка, да теперь всѣ въ церкви у заутрени. — «Ну вотъ, заговорилъ чудакъ, я вѣдь говорилъ, что его дома никогда не застанешь. Вѣдь вотъ звалъ обѣдать, а самъ ушелъ въ церковь.» — Сказавши это, отправился въ академію и, разумѣется, къ обѣду не явился.

Этотъ оригиналъ, можно сказать, посвятилъ всего себя математикѣ, избѣгалъ всякаго знакомства, выходилъ изъ академіи почти только для одной прогулки, и знать не хотѣлъ никакихъ другихъ книгъ, кромѣ математическихъ. Товарищи его по академіи говорили, что онъ, бывши студентомъ, почти вовсе не обращалъ вниманія на богословскія, философскія, словесныя и историческія науки, отчего и кончилъ курсъ подъ № 60-мъ младшимъ кандидатомъ, хотя имѣлъ очень бойкія способности, и вовсе не былъ лѣнтяемъ. Всѣ почти занятія его сосредоточились на математическихъ наукахъ. Преподаватель ихъ академикъ Гурьевъ считалъ его лучшимъ студентомъ по своему предмету и настоялъ, чтобы его оставили баккалавромъ въ академіи по математикѣ, несмотря на степень младшаго кандидата. Сдѣлавшись наставникомъ по математикѣ, Райковскій только ею одною и занимался; прочія науки для него не существовали; относительно даже общеизвѣстныхъ предметовъ ихъ онъ нерѣдко высказывалъ совершеннѣйшее невѣдѣніе. Естественно ожидать, что онъ, ничѣмъ не развлекаясь, вѣчно занятый своимъ предметомъ, узналъ его, какъ нельзя лучше; всѣ тогдашнія сочиненія математическія на русскомъ и французскомъ языкѣ были ему вполнѣ извѣстны. Особенно же онъ зналъ хорошо элементарную геометрію, дифференціальное и интегральное исчисленіе и механику. Учебникъ его по первой, долго бывшій руководствомъ въ семинаріяхъ, отличается ясностію, отчетливостію, простотою доказательствъ и самою строгою послѣдовательностію; при появленіи его на свѣтъ въ 1827 году, онъ едва ли не былъ лучшимъ классическимъ руководствомъ на русскомъ языкѣ по геометріи. Составленныя имъ краткія записки по плоской тригонометріи, дифференціальному исчисленію и механикѣ остались только въ рукописяхъ. Но въ физикѣ, которую ему пришлось читать въ классѣ уже въ послѣдніе два года его жизни, онъ, кажется, былъ не очень силенъ; опыты его часто не удавались.

Оригинальности или, лучше, странностей своихъ Райковскій не оставлялъ и въ преподаваніи математики. Напр., черная доска какъ бы ни была чиста, онъ прежде всего непремѣнно вытиралъ ее губкою аккуратнѣйшимъ образомъ, потомъ не иначе начиналъ лекцію, какъ держа въ правой рукѣ мѣлъ, а въ лѣвой губку, хотя въ нихъ иногда не оказывалось надобности полчаса и бо-

лѣе. Лекціи свои считалъ вполнѣ совершенными, и потому студенту ничѣмъ нельзя было такъ обидѣть его, какъ сказавши, что онъ не понимаетъ какого-либо доказательства. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ просили профессора повторить сказанное. Но и тутъ было именно только повтореніе; ни прибавки, ни убавки, ни новаго какого-либо пріема не допускалось. Это, сколько я зналъ покойника, вовсе нельзя было приписать его незнанію другихъ пріемовъ; тутъ замѣшивалась, можетъ быть, самолюбивая мысль, что избранное имъ доказательство и самая форма его есть верхъ совершенства. Самолюбіе его обнаруживалось еще тѣмъ, что онъ, сдѣлавши какую-либо ошибку, напр., поставивъ плюсъ вмѣсто минуса и обратно, не исправлялъ ее открыто, а украдкою какъ-нибудь.

Несмотря на всѣ странности и въ образѣ жизни, и въ преподаваніи, Райковскій былъ вполнѣ удовлетворительный профессоръ математики для духовной академіи, но ему пришлось кончить свою карьеру и жизнь несчастливо. Его сдѣлали чѣмъ-то въ родѣ секретаря и казначея при редакціи «Христіанскаго Чтенія». Въ 1827 и 1828-мъ г. открылось, что множество экземпляровъ этого журнала не было высылаемо подписчикамъ, хотя деньги получались съ почты Райковскимъ. Такихъ денегъ нашлось, кажется, не менѣе 6000 рублей асс. Конечно и Райковскаго нельзя вполнѣ оправдывать; впрочемъ, главнымъ виновникомъ былъ ректоръ и редакторъ Доброзраковъ, который распоряжался деньгами по редакціи, какъ ему хотѣлось, дѣлясь выгодами съ нѣкоторыми изъ вліятельныхъ наставниковъ и нисколько не удѣляя прочимъ сотрудникамъ. Но вся бѣда свалилась на Райковскаго! Его уволили отъ должности секретаря не только редакціи, но и академическаго правленія, и присудили удерживать наибольшую часть его жалованья для уплаты пропавшихъ денегъ. Взысканіе производилось очень строго, такъ что Райковскій даже не могъ имѣть у себя хорошаго стола и долженъ былъ часто довольствоваться кое-какою пищею изъ булочной и мелочной лавочки. Въ это-то время особенно и увеличились его странности. Между тѣмъ стѣсненныя обстоятельства не остались безъ вліянія на его здоровье; въ груди поселилась водяная, отъ которой онъ скоропостижно и умеръ въ 1855 г., приготовляя самъ себѣ обѣдъ на небольшомъ очагѣ, устроенномъ въ его квартирѣ.

Василій Ивановичъ Себржинскій, ординарный профессоръ физико-математическихъ наукъ, преподавалъ въ академіи алгебру, аналитическую геометрію, интегральное исчисленіе и физику. Для второй и третьей науки составленныя имъ записки не напечатаны, впрочемъ интегральное исчисленіе оставалось не со-

вѣмъ оконченнымъ, и не вполнѣ отдѣланнымъ, но аналитическая геометрія могла бы появиться и въ печати тѣмъ болѣе, что въ то время учебниковъ по этой наукѣ на русскомъ языкѣ было очень мало. Руководство же къ алгебрѣ въ первый разъ напечатано въ началѣ двадцатыхъ годовъ и оставалось учебникомъ въ семинаріяхъ почти до послѣдняго времени. Оно надѣлало много хлопотъ своему автору. Жена покойнаго академика Гурьева подала жалобу, въ которой доказывала, что Себржинскій слишкомъ уже воспользовался записками ея мужа. Заимствованія дѣйствительно были обширны, но заимствователь оправдался, доказавши, что и самъ Гурьевъ при составленіи своихъ записокъ очень многое взялъ у французскихъ алгебристовъ, которыми же и Себржинскій, по его объясненію, руководствовался, а не Гурьевымъ. Но все-таки Себржинскій, какъ профессоръ, нравился студентамъ гораздо болѣе, нежели Райковскій. Прежде всего онъ отличался добродушіемъ, привѣтливостію и вѣжливымъ обращеніемъ; грубости отъ него никто не испытывалъ. Если иногда онъ и бывалъ недоволенъ отвѣтами студентовъ, то тутъ высказывался не человѣкъ, осердившійся на другого, а профессоръ, которому больно было видѣть, что студентъ такъ мало внимателенъ къ его наукѣ. Потомъ въ немъ уже не замѣчалось никакого мелочного самолюбія или педантизма, которые такъ ярко выказывались въ Райковскомъ.

Одобряя вполнѣ Себржинскаго за его математическое преподаваніе, нельзя не упрекнуть его за преподаваніе физики. Ни своихъ записокъ, ни конспекта онъ не имѣлъ, а держался вполнѣ учебника Двигубскаго; такимъ образомъ студенты не слыхали ничего о новыхъ открытіяхъ по физикѣ, которыми такъ богаты были конецъ двадцатыхъ и начало тридцатыхъ годовъ. Далѣе, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, тогда нерѣдко встрѣчавшихся наставниковъ, которые думали, что физику можно читать безъ инструментовъ, не показывая ихъ на самомъ дѣлѣ, а рисуя на доскѣ, и разсказывая, какъ на этихъ воображаемыхъ инструментахъ производятся тѣ или другіе опыты; а потомъ къ концу трети или предъ экзаменомъ, какъ бы въ награду за терпѣніе, повести слушателей въ физическій кабинетъ и тамъ сдѣлать большее или меньшее количество опытовъ. Себржинскій къ сожалѣнію принадлежалъ къ числу такихъ преподавателей, которые, увы! и доселѣ еще не совсѣмъ перевелись. Гораздо болѣе полугода онъ читалъ лекціи по физикѣ, ссылаясь на воображаемые, имъ нарисованные на доскѣ инструменты. А потомъ уже послѣ настоятельныхъ требованій студентовъ приводилъ ихъ въ кабинетъ и тамъ дѣлалъ опыты надъ воздушнымъ насосомъ, элек-

трическою машиною, магнитами и пр., притомъ не научн образомъ, а такъ, почти-что для забавы студентовъ. Никакъ думаю, чтобы это происходило отъ нерадѣнія, или отъ неумѣ обращаться съ инструментами. Сербжинскій былъ усердн дѣятельный и добросовѣстный человѣкъ; притомъ, какъ мог было судить по опытамъ въ кабинетѣ, онъ зналъ, какъ про водить ихъ; но, кажется, боялся, какъ бы, часто перенося и струменты изъ кабинета въ классъ, не испортить, не разбить и

Ему, бѣдняку, академическая служба также не очень улыб лась. Онъ довольно рано женился, обзавелся небольшимъ с мействомъ и при недостаточномъ жалованьи принужденъ бы испытывать множество недостатковъ, хлопотъ и горя. Все э равно какъ усиленныя занятія прежде по математикѣ, а пото по должности секретаря академическаго правленія и конфере ціи, разстроили и безъ того слабое его здоровье; чахотка дове его до могилы въ 1833-мъ году, когда ему было развѣ немно болѣе 45-ти лѣтъ.

Кромѣ четырехъ ветерановъ, о которыхъ я довольно подроб но говорилъ, перебывало въ описываемое мною время много множество наставниковъ, едва ли не болѣе 40-ка человѣкъ. О каж домъ изъ нихъ говорить, даже не очень подробно, нѣтъ возмож ности и надобности, тѣмъ болѣе, что относительно, можетъ быть, цѣлой половины характеризуемыхъ лицъ пришлось бы только сказать, что они не имѣли или времени, или талантовъ обнаружить замѣтное вліяніе на академію. Очень многіе появлялись прямо съ студентческой скамьи въ качествѣ баккалавровъ на годъ, на 2—4 года и потомъ оставляли академію. Другіе продолжали свою службу при ней очень долго, и успѣли оказать много пользы студентамъ въ научномъ отношеніи, но въ описываемое мною время только начинали дѣйствовать, подавали надежды, которыя оправдались уже послѣ. Поэтому я намѣренъ сказать здѣсь лишь о тѣхъ наставникахъ, которые успѣли зарекомендовать себя или съ хорошей, или съ дурной стороны и которые, какъ говорится, уже *отыдоша ко отцемъ нашимъ*.

Изъ *отшедшихъ ко отцемъ нашимъ* наставниковъ петербургской духовной академіи первое мѣсто по всѣмъ правамъ принадлежитъ Иннокентію Борисову, экстраординарному профессору богословскихъ наукъ. Дѣятельность его въ академіи была двоякая: административная въ званіи инспектора, и ученая въ качествѣ профессора.

Иннокентій Борисовъ, сознавая свои умственныя способности, нравственную энергію, сильное желаніе играть замѣтную роль въ обществѣ, не принадлежалъ, разумѣется, къ тѣмъ натурамъ,

которыя говорятъ и думаютъ о смиреніи, самоуниженіи, отреченіи *отъ почестей и благъ міра сего;* надобно прямо выразиться: онъ былъ честолюбивъ, самолюбивъ, терпѣть не могъ противорѣчій отъ своихъ подчиненныхъ. Обучаясь еще въ сѣвской семинаріи, онъ уже мечталъ о будущемъ своемъ величіи, о чемъ мнѣ удалось слышать отъ одного изъ его товарищей и друзей по сѣвской семинаріи, теперь священника въ Р—и, Ст. Ег. Р—го. Оба они, гуляя въ рощѣ близъ семинаріи, согласились между собою идти по одной дорогѣ. — «Куда же? спросилъ товарищъ и получивъ въ отвѣтъ: въ духовную академію, сказалъ: еще учиться?»—Такъ что же? учиться еще; за то дорога широка послѣ.— «Неужели же ты пойдешь въ монахи?»—Отчего нейти, отвѣчалъ молодой бурсакъ? Можетъ быть, Провидѣнію угодно будетъ поставить меня на такую высоту, о которой мы и не думаемъ.»— Такъ поговаривалъ сѣвскій семинаристъ.

Еще будучи студентомъ кіевской духовной академіи, онъ обратилъ на себя вниманіе начальства своими умственными способностями и свѣдѣніями. Слухъ объ этомъ дошелъ до Петербурга; тогдашняя коммиссія духовныхъ училищъ опредѣлила Борисова инспекторомъ петербургской семинаріи, и съ небольшимъ чрезъ годъ перевела баккалавромъ въ академію. Знаніе французскаго и нѣмецкаго языковъ и возможность въ Петербургѣ доставать иностранныя, даже запрещенныя книги, помогли Борисову познакомиться со всѣми замѣчательными учеными произведеніями нѣмецкой и французской литературъ. Въ этомъ отношеніи онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ узкихъ богослововъ нашихъ, которые къ другимъ предметамъ, кромѣ богословскихъ, боятся коснуться, какъ будто опасаясь отъ нихъ заразиться чѣмъ-нибудь. Борисовъ, разумѣется, занимался съ большимъ усердіемъ богословскою иностранною литературою; можно сказать, что онъ прочиталъ все, что тогда выходило замѣчательнаго въ ней, принадлежало-ль это тогдашнимъ раціоналистамъ и неологамъ, или защитникамъ католической и протестантской догмы. Но кромѣ того съ неменьшимъ, можетъ быть, усердіемъ онъ занимался философіей, исторіей, эстетикою, археологіей и пр. Если къ этому присоединить, что онъ тогда уже изучалъ сочиненія отцевъ церкви, а потомъ въ Кіевѣ еще болѣе увеличилъ свои свѣдѣнія по этой части, то, будь сказано не въ обиду почитателямъ покойнаго митрополита Филарета Дроздова, ученость Борисова была многостороннѣе, объемистѣе и современнѣе учености московскаго святителя. Послѣдній могъ удивлять всякаго только чрезвычайно обширнымъ знаніемъ богословія и сочиненій отцевъ церкви. Но на перваго съ удивленіемъ смо-

трѣли профессоры кіевскаго и харьковскаго университетовъ приглашавшіеся къ нему на вечера для ученыхъ бесѣдъ большею частію о предметахъ всѣхъ почти, а не однихъ богословскихъ наукъ. Замѣчательно только, что Борисовъ и не зналъ, и не любилъ математическихъ, естественныхъ и физическихъ наукъ; про математику онъ говорилъ даже, что ею занимаются только люди съ ограниченнымъ умомъ. Причину такого, надобно правду сказать, близорукаго отзыва слѣдуетъ отыскивать въ характерѣ Борисова. Увлекаясь господствовавшею тогда дедуктивною философіей, которая такъ любила до всего доходить *per conclusionem et seriem conclusionum* (при помощи умозаключенія и ряда умозаключеній), онъ и самъ сдѣлался теоретикомъ, дедуктивнымъ философомъ, готовымъ также все рѣшать *per conclusionem et seriem conclusionum*. Послѣ этого естественно, что онъ не могъ любить математики, которая своими формулами и неумолимымъ строгимъ анализомъ препятствуетъ разсудку уноситься *вдаль за облака*. Равнымъ образомъ естественныя и физическія науки, въ которыхъ опытъ и наведеніе тоже не позволяютъ слишкомъ фантазировать, не могли понравиться молодому, пылкому уму Борисова, не желавшему сталкиваться съ какими-либо препятствіями, когда предстояла возможность рѣшить вопросъ дедуктивнымъ образомъ. Прибавьте къ этому большое самолюбіе и высокое мнѣніе о себѣ. Математики, естественныхъ и физическихъ наукъ *мы не знаемъ*, да *онѣ намъ и не по душѣ*. Зачѣмъ же дать имъ почетное мѣсто въ умственномъ развитіи? иначе надобно будетъ сознаться, что *у насъ* есть недостатокъ въ знаніи очень важныхъ предметовъ. Почему же не рѣшить въ свою пользу, что математикою могутъ заниматься только люди съ ограниченнымъ умомъ? Такія мысли можно встрѣчать и нынѣ во многихъ особахъ нашего духовенства.

За всѣмъ тѣмъ въ головѣ Борисова былъ собранъ такой громадный запасъ разнороднѣйшихъ свѣдѣній, что онъ ими могъ заинтересовать самую взыскательную молодежь. Этому помогалъ полученный отъ природы и имъ самимъ усовершенствованный замѣчательный даръ слова. На профессорской должности Борисовъ былъ не сухимъ теоретикомъ, тяжелымъ нѣмецкимъ гелертеромъ, но ораторомъ, который воодушевленъ и увлеченъ своимъ предметомъ, и умѣетъ также воодушевлять и увлекать имъ своихъ слушателей; рѣчь его была живымъ, дѣйствующимъ словомъ, проникающимъ до мозговъ, расшевеливающимъ даже тупоумныхъ людей. Далѣе, лекціи его не походили на венигретъ подобный тому, которымъ угощаютъ *говоруны*-профессоры; онѣ были глубоко обдуманы и излагались въ строгой системати-

свой связи, которая позволяла студентамъ послѣ класса излагать ихъ на бумагѣ почти также, какъ говорилъ профессоръ.

Сначала въ академіи Борисовъ преподавалъ обличительное богословіе, потомъ ему поручили еще науку, называвшуюся тогда экклезіастикою. Несмотря на свою молодость и новость послѣдней науки, онъ составилъ по обѣимъ руководства. Но особенно проявилъ онъ свой профессорскій талантъ въ учебный $18^{29}/_{30}$ годъ, когда читалъ такъ-называемое фундаментальное или основное богословіе. Конечно нынѣ, чрезъ сорокъ лѣтъ лекціи Борисова уже не покажутся образцовыми, но въ 40 лѣтъ много воды утекло. Чтобы судить объ этихъ лекціяхъ, нужно возвратиться къ тогдашнему времени. За свѣдѣніями у Борисова не было остановки, но отъ него требовалась большая смѣлость, чтобы рѣшиться въ духовной академіи читать лекціи по богословію, которыя слишкомъ рѣзко отличались отъ того, какъ онѣ до тѣхъ поръ читались. Повторяю, нынѣ подобныя лекціи не удивятъ многихъ, но тогда онѣ были отважнымъ подвигомъ; особенно если взять во вниманіе, что профессоръ смѣло касался раціоналистическихъ идей, конечно оцѣнивалъ и критиковалъ ихъ, какъ прилично наставнику духовной академіи, — но и не ратовалъ противъ нихъ, какъ фанатикъ. Студенты были увлечены этими лекціями, заслушивались ихъ и выходили изъ класса въ полномъ очарованіи отъ нихъ. Самъ профессоръ едвали имѣлъ болѣе счастливое время въ своей профессорской жизни для своей профессорской совѣсти, какъ то, о которомъ говорю.

Приверженцы старины и защитники нашей неподвижности давно уже подозрѣвали Борисова въ неправославіи и вольнодумствѣ. Ему было-угрожала нешуточная опасность еще въ 1827-мъ г., при окончаніи VII-го академическаго курса. По существовавшему порядку, диссертаціи, написанныя студентами для полученія ученыхъ степеней, были представлены въ коммиссію духовныхъ училищъ и тамъ отданы для прочтенія тогдашнему рязанскому архіепископу Филарету Амфитеатрову, бывшему послѣ кіевскимъ митрополитомъ. Этотъ архипастырь нашелъ въ двухъ диссертаціяхъ неправославныя мысли, состоявшія въ намекахъ на то, что язычникамъ, которые жили на бѣломъ свѣтѣ добродѣтельно, не придется всю вѣчность мучиться въ аду. Амфитеатровъ такъ былъ возмущенъ этимъ «богопротивнымъ и ужаснымъ намекомъ», что, какъ тогда говорили, пріѣхавши въ засѣданіе коммиссіи духовныхъ училищъ, всталъ на колѣни и именемъ Божіимъ просилъ членовъ ея остановить распространяющееся въ петербургской академіи нечестіе. Виновникомъ этого нечестія считали Борисова. Но тогдашній ректоръ Доброзра-

ковъ умѣлъ успокоить поднявшуюся бурю, дѣйствуя преимущественно на митрополита Серафима. Съ того времени слава Борисова, какъ ученаго богослова и отличнаго профессора, росла и росла болѣе и болѣе, а случаевъ къ новымъ обвиненіямъ въ неправославіи не представлялось. И потому, когда лѣтомъ 1830-го года ректора Доброзракова назначили пензенскимъ епископомъ, то Борисовъ считался непремѣннымъ его преемникомъ, въ чемъ былъ и самъ вполнѣ увѣренъ. Только между имъ и Доброзраковымъ было разногласіе относительно того, кому быть инспекторомъ академіи; ему хотѣлось опредѣлить на это мѣсто инспектора тверской семинаріи Іосифа Позднышева, уже прежде бывшаго баккалавромъ въ академіи, а Доброзраковъ, не любившій Позднышева, рекомендовалъ инспектора костромской семинаріи Никодима. Борисовъ долженъ былъ по окончаніи академическихъ экзаменовъ отправиться на ревизію, кажется, въ петрозаводскую и архангельскую семинаріи, но предъ своимъ отъѣздомъ тайкомъ отъ Доброзракова такъ обдѣлалъ дѣло объ академической инспекціи, что ее рѣшились предоставить Позднышеву. Доброзраковъ, обидѣвшись этимъ, умѣлъ съ своей стороны доказать митрополиту Серафиму и другимъ вліятельнымъ членамъ коммиссіи духовныхъ училищъ, что ректоромъ петербургской академіи лучше сдѣлать тогдашняго ректора кіевской, Смарагда Крыжановскаго, а на мѣсто его послать Борисова. Послѣдній, возвратившись съ ревизіи, нашелъ уже дѣло непоправимымъ.

Но по однимъ слухамъ нельзя было окончательно осудить Борисова; требовались письменные документы, которыми можно было бы доказать неправомысліе его; за это взялся московскій митрополитъ Филаретъ Дроздовъ. Ему удалось достать тѣ лекціи Борисова по фундаментальному богословію, которыя онъ говорилъ въ $18^{29}/_{30}$ г., въ петербургской академіи, и которыя студенты записывали и составили. Теперь оставалось найти доказательство, что онѣ дѣйствительно были говорены Борисовымъ; тутъ Филаретъ Дроздовъ нашелъ себѣ помощниковъ въ ректорѣ петербургской академіи Виталіѣ Щепетевѣ и баккалаврѣ іеромонахѣ Климентѣ Можаровѣ. Разскажу объ этомъ дѣлѣ такъ, какъ мнѣ говорилъ Можаровъ: «Однажды часу въ пятомъ призвалъ меня къ себѣ ректоръ (Щепетевъ) и спросилъ, не хочешь ли со мною прогуляться? Я, разумѣется, согласился. Мы поѣхали въ городъ; ректоръ мнѣ ничего не говорилъ во всю дорогу. Замѣтивши, что лошади съ Невскаго проспекта поворотили въ Троицкій переулокъ, я спросилъ ректора: куда это мы ѣдемъ? Ужъ не къ преосвященному ли ми-

[illegible]ту? и получилъ въ отвѣтъ: мнѣ нужно заѣхать на под[illegible] Вскорѣ мы дѣйствительно пріѣхали и пошли въ комнаты [illegible]рополита. Ректоръ, оставляя меня въ залѣ, сказалъ: подожди [illegible]; а самъ ушелъ къ митрополиту. Чрезъ нѣсколько вре[illegible] и меня туда же потребовали. Вхожу; владыка, благо[illegible]вивъ меня, велѣлъ мнѣ сѣсть на кресло близъ стола, гдѣ [illegible] самъ сидѣлъ. «Посмотри-ка вотъ эти тетради, сказалъ онъ, [illegible]двигая ихъ ко мнѣ, да почитай повнимательнѣе; не знакомы [illegible] онѣ тебѣ?» Я началъ читать и скоро увидѣлъ, что это лек[illegible]іи Иннокентія (Борисова) по фундаментальному богословію, пере[illegible]листывалъ, читалъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ и наконецъ оста[illegible]овился. «Ну, вновь началъ митрополитъ, говори по совѣсти, [illegible] не лги; что̀ это такое?» Что мнѣ было дѣлать? продолжалъ [illegible]ожаровъ: не сказать правды бѣда, меня могли задавить; я и [illegible]казалъ: это лекціи Иннокентія, бывшаго инспектора нашей ака[illegible]еміи.—«Такъ напиши-ка то, что̀ говоришь». Разумѣется, я на[illegible]исалъ; вѣдь нельзя было не написать, иначе бѣда бы».

Не знаю, въ синодъ ли, или въ коммиссію духовныхъ учи[illegible]лищъ, притомъ оффиціальнымъ ли образомъ при бумагѣ, или [illegible]олько при словесномъ донесеніи тетради были представлены, [illegible]акъ лекціи Борисова съ указаніями на неправославныя, встрѣ[illegible]чавшіяся въ нихъ мнѣнія. Отъ Борисова потребовали объясне[illegible]ія; но и онъ тоже, подобно Можарову, боялся бѣды и нашелъ [illegible] лучшее сказать, что это не его лекціи; даже будто бы на[illegible]звалъ ихъ глупыми.

И прежде этого событія Борисовъ понималъ, особенно же [illegible]послѣ него вполнѣ убѣдился, что въ духовно-учебныхъ заведе[illegible]ніяхъ профессору-монаху своими лекціями, хоть съ нѣкоторымъ [illegible]либеральнымъ оттѣнкомъ, можно не отличиться, а скорѣе на[illegible]жить бѣду. И потому онъ въ Кіевѣ пошелъ по новой дорогѣ, [illegible]началъ часто говорить проповѣди; конечно, онѣ многимъ по[illegible]нравились, прежде расходились и теперь расходятся еще по [illegible]Руси, но нельзя не сказать, что Борисовъ ими далеко не при[illegible]несъ той пользы, которую бы принесли его лекціи. Еслибы онъ [illegible]пробылъ на профессорской каѳедрѣ 25 — 30 лѣтъ и, ничѣмъ не стѣсняясь, постоянно улучшался, то скольких бы онъ при[illegible]готовилъ отличныхъ и очень хорошихъ профессоровъ? Какъ бы хорошо было, еслибы, по прибытіи Борисова въ столицу, какой-нибо добрый человѣкъ посовѣтовалъ ему искать себѣ занятія въ университетѣ! Къ несчастію впрочемъ, и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія свирѣпствовали тогда Шишковы, Маг[illegible]ницкіе и Руничи.

Не упоминая о другихъ профессорахъ богословія, перейдемъ теперь къ преподаванію философіи.

Философія преподается въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ давнымъ-давно; даже въ концѣ XVII-го столѣтія въ кіево-могилянской академіи читалась не только логика, но и метафизика; потомъ почти до самыхъ новыхъ временъ философія или ея обломки: логика и психологія, считались послѣ богословія важнѣйшими предметами. Между тѣмъ большая часть монашествующаго ученаго духовенства видѣла въ ней опаснаго врага для религіи и замѣчательныхъ, изъ ряду выдающихся наставниковъ ея заподозривали въ вольнодумствѣ. Даже снисходительные къ ней наши богословы, за немногими исключеніями, полагали, что она должна быть для ихъ науки только *служанкою* (это названіе я самъ слышалъ на лекціи одного изъ лучшихъ моихъ наставниковъ-монаховъ). Описываемое мною время было очень неблагопріятно для этой «служанки». Въ концѣ царствованія Александра I-го реакція противъ просвѣщенія отразилась и на духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Несмотря на свою ученую знаменитость, тогдашній кіевскій митрополитъ Евгеній Болховитиновъ, вызванный для засѣданій въ синодѣ, дѣйствовалъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Серафимомъ въ ретроградномъ духѣ. Они рѣшились-было уничтожить ученыя степени въ духовныхъ академіяхъ и, можетъ быть, успѣли бы въ томъ, если бы не встрѣтили себѣ умнаго и дѣятельнаго противника въ тогдашнемъ ректорѣ петербургской духовной академіи Григоріѣ Постниковѣ. Послѣдній, узнавши о намѣреніи митрополитовъ, собралъ болѣе дѣльныя задачи оканчивавшихъ тогда курсъ студентовъ VI-го курса, принялъ на себя трудъ и уговорилъ наставниковъ академіи исправить эти задачи и представилъ ихъ, какъ доказательство того, что студенты вполнѣ заслуживаютъ ученыя степени. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему же пришлось выдержать борьбу во время публичнаго экзамена въ 1825-мъ году съ митрополитами, которые старались конфузить студентовъ. Несмотря на все это, ни одинъ изъ студентовъ VI-го курса петербургской и II-го кіевской академіи не получилъ тотчасъ степени магистра; — она была дана имъ уже чрезъ два года.

Реакціонеры напали преимущественно на философію, запретивъ наставникамъ преподавать ее по своимъ запискамъ, и назначивъ для руководства въ семинаріяхъ Баумейстера, а въ академіяхъ Винклера. По моему мнѣнію, это было хуже, нежели еслибъ вовсе было уничтожено преподаваніе философіи. Въ послѣднемъ случаѣ воспитанники только что не знали бы, о чемъ говорить эта наука, тогда какъ Баумейстеръ и Винклеръ

пробуждали отвращеніе къ ней. Мало-по-малу наставники стали сами составлять свои записки, или пользоваться уже составленными; само начальство въ этомъ отношеніи не показывало себя очень придирчивымъ — такъ была ясна пустота философіи Баумейстера и Винклера. Но все-таки наставники должны были не забывать, что если они станутъ въ своихъ письменныхъ и устныхъ урокахъ высказывать что-либо новое и особенно увлекать своею новизною воспитанниковъ, то имъ грозитъ опасность. Въ подтвержденіе моихъ словъ укажу на примѣръ, случившійся въ петербургской духовной академіи въ 1833-мъ году. Бывшій тогда баккалавръ философіи выдавалъ свои лекціи на русскомъ языкѣ, —неслыханная дотолѣ новость въ академіи. Лекціи отличались также новостью своего содержанія; наставникъ шелъ не по пробитой колеѣ, а проводилъ въ нихъ свой взглядъ на философію. Главное же преступленіе его состояло въ томъ, что онъ, будучи самъ искреннимъ поклонникомъ философіи, съ воодушевленіемъ излагалъ свои лекціи и пробуждалъ во многихъ студентахъ стремленіе къ философствованію. Еще задолго до окончательнаго экзамена носились слухи о томъ, что эти лекціи не нравятся якобы за свое вольнодумство начальству, которое впрочемъ въ теченіи всего двухгодичнаго курса ни разу не было на нихъ въ классѣ. Но, можетъ быть, бѣды бы никакой не случилось, если бы ревизоромъ въ академію не былъ назначенъ новый тогдашній оберъ-священникъ арміи и флота Кутневичъ, слывшій и самъ себя считавшій философомъ, кажется, только потому, что онъ лѣтъ 10-ть былъ профессоромъ философіи въ московской духовной академіи, но не оставилъ рѣшительно никакихъ печатныхъ проявленій своего философствованія. Еще во время такъ-называемыхъ частныхъ испытаній онъ выражалъ свое философское и ревизорское негодованіе на разныя, якобы неправославныя, или антифилософскія мысли, заключавшіяся въ лекціяхъ; ему вторилъ ректоръ Венедиктъ Григоровичъ, который даже и въ семинаріяхъ не читалъ философіи; за то только-что произведенный въ санъ епископа, онъ вѣроятно, полагалъ, что *божіею милостію* можетъ рѣшать безъ аппеляцій всякіе вопросы, даже философскіе. Но главную атаку они оба отложили до публичнаго экзамена. Для него назначены были два дня; во второй изъ нихъ слѣдовало произвести испытаніе по философіи. Случайно или намѣренно митрополитъ Серафимъ не пріѣхалъ въ этотъ день къ самому началу экзамена, который прямо по философіи и начали производить Кутневичъ и Григоровичъ. Надобно полагать, что оба эти *философы* зарапѣе положили *добить, дорѣзать* наставника. Спрашиваемые студенты почти

что ничего не читали; едва они произносили нѣсколько слов как у двухъ философовъ, сидѣвшихъ за столомъ, покрытымъ кра нымъ сукномъ, тотчасъ же появлялись возраженія, которыя впрочем обращались не къ студенту, а къ наставнику. Этотъ защищалъ сво уроки съ достоинствомъ, ясно, сдержанно, безъ всякой запал чивости. Возражатели, думавшіе на первыхъ же словахъ *д рѣзать, добить* его, но встрѣтивъ благородную и умную за щиту, разгорячились; уже не возражали, а безобразно кричал часто оба вдругъ, не слушая ни студентовъ, ни наставников Сцена была отвратительная; забыты всѣ приличія, соблюдаем при ученыхъ спорахъ, и трудно было рѣшить, чѣмъ бы все кон чилось, еслибы не пріѣхалъ на экзаменъ митрополитъ Сера фимъ. Философію отодвинули въ сторону, начались экзамены по другимъ предметамъ. Но результаты *философской борьбы* этим не кончились; наставникъ съ философской каѳедры переведен былъ на одинъ изъ языковъ, а потомъ чрезъ два года безъ прошенія уволенъ вовсе изъ академіи. Ему не только не помогло, но даже повредило изданное имъ «сочиненіе» подъ названіемъ: «Введеніе въ философію». Оно было удостоено академіею наукъ, кажется, половинной демидовской преміи. Но духовному началь-ству и это не понравилось. Прежде всего автору поставили въ вину то обстоятельство, почему онъ — священникъ — осмѣлился напечатать свое сочиненіе съ дозволенія свѣтской, а не духов-ной цензуры. Потомъ былъ составленъ для разсмотрѣнія сочине-нія комитетъ изъ тогдашняго викарія петербургскаго Венедикта Григоровича и, къ сожалѣнію, изъ профессора академіи Кар-пова. Оффиціальнаго отзыва этого комитета я не читалъ, но отзывъ былъ неблагопріятный; автора уличали по обыкновенію въ неправославіи и т. п. Результатомъ было то, что авторъ долго, долго, долго оставался забытымъ, пока петербургскій уни-верситетъ не отыскалъ его для занятія философской каѳедры у себя.

Послѣ этого, понятно, какое самоотверженіе нужно было имѣть профессору академіи, чтобы читать философію въ новомъ, оригинальномъ и современномъ духѣ.

Въ началѣ описываемаго мною времени преподавалъ фило-софію въ академіи Родіонъ Яковлевичъ Вѣтринскій. За нѣсколько лѣтъ до того онъ издалъ на латинскомъ языкѣ свои лекціи, изъ которыхъ заимствовали матеріалъ для своихъ записокъ семинар-скіе «философы». Сочиненіе конечно далеко не оригинальное; но все-таки доказывало въ авторѣ любовь къ своей наукѣ и жела-ніе заявить чѣмъ-либо полезнымъ свою профессорскую дѣятель-ность, а не проводить время въ буддійскомъ покоѣ. Но прослу-

живши въ академіи лѣтъ десять, убѣдившись, что въ ней только господствующимъ все идетъ во благое, что философія здѣсь не можетъ быть самостоятельной наукой, а должна отправлять роль служанки богословія, вынужденный потомъ читать лекціи по Винклеру, Вѣтринскій почувствовалъ какую-то апатію и не скрывалъ ея. Въ классѣ онъ слишкомъ неглижировалъ своими лекціями. Пришедши въ него, онъ часто подходилъ къ окну, изъ котораго видна была шлиссельбургская дорога, стоялъ предъ нимъ по нѣскольку минутъ, молча посматривая на нее, а иногда постоявши, оборачивался къ студентамъ и предлагалъ имъ вопросы, въ родѣ слѣдующаго: «а кто изъ васъ, господа, костромичи?» И когда костромичи сказывались, то онъ опять съ прежнимъ серьезнымъ, такъ сказать, философскимъ тономъ говорилъ: «вонъ ваши земляки ѣдутъ, везутъ масло или грибы и т. п.» Наконецъ, наскучивъ и себѣ, и студентамъ, онъ перешелъ въ свѣтское вѣдомство.

Преемникомъ его былъ Андрей Степановичъ Красносельскій. Если бы этотъ человѣкъ подолѣе послужилъ въ академіи, то изъ него могъ бы выдти очень замѣчательный профессоръ философіи. Онъ чрезвычайно любилъ заниматься ею; знаніе нѣмецкаго языка дало ему возможность основательно ознакомиться съ замѣчательными произведеніями тогдашней нѣмецкой философской литературы. Читая исторію философіи, онъ умѣлъ не только дѣльно изложить систему того или другого философа, но и объясняя ее, ознакомить студентовъ съ современными философскими мнѣніями. Владѣя хорошимъ даромъ слова, преподавая свою науку съ воодушевленіемъ любителя ея, смѣло высказывая либеральныя идеи, онъ увлекалъ слушателей своими лекціями. Особенно же интересовала студентовъ та часть ихъ, гдѣ онъ съ безпристрастіемъ ученаго разсматривалъ философію отцевъ церкви. Къ счастію безпечность ректора Доброзракова давала Красносельскому возможность не стѣсняться въ классѣ опасеніями быть обвиненнымъ въ либерализмѣ. Но усиленныя занятія разстроили его здоровье; на шестомъ году академической службы появилась у него чахотка, которая скоро довела его до могилы.

За нимъ профессоромъ философіи въ академіи былъ родной его братъ, только по фамиліи не Красносельскій, а Вершинскій, Дмитрій. По своимъ умственнымъ способностямъ онъ едва ли не былъ выше своего брата; относительно любви къ наукѣ и свѣдѣній въ ней развѣ немного стоялъ ниже его. Въ непродолжительную свою службу въ академіи онъ перевелъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ небольшую исторію философскихъ системъ

Аста и объемистую логику Бахмана, изъ которой наши домо-рощенные философы долго дѣлали выписки для своихъ руководствъ по логикѣ. Несмотря на все это, нельзя не сказать, что Вершинскій весьма не нравился студентамъ своими лекціями. Зная его коротко, можно было по неволѣ дойти до мысли, что онъ едвали не съ намѣреніемъ плохо читалъ лекціи. Напр., студентамъ десятаго курса онъ преподавалъ логику по Бахману, которой переводъ былъ имъ уже оконченъ и исправленъ. Кажется, по готовымъ тетрадямъ можно было по крайней мѣрѣ читать, не нагоняя скуки и сна на слушателей, тѣмъ болѣе, что профессоръ имѣлъ хорошій даръ слова. Но онъ между тѣмъ читалъ невыносимо скучно, монотонно, растянуто, останавливаясь, какъ будто надъ чѣмъ задумывался. Когда потомъ ему поручили исторію философскихъ системъ, то онъ приносилъ въ классъ одинъ изъ томовъ Бруккеровой исторіи философіи, — томы эти у студентовъ назывались *красными книгами* за красный цвѣтъ ихъ переплета. Красная книга раскрывалась, профессоръ начиналъ читать латинскій текстъ ея съ убійственною монотонностію, съ невыносимою апатіею, безъ всякаго, повидимому, участія, только чтобы прочитано было. Если встрѣчались греческія цитаты, то и онѣ передавались буквально. Студентамъ опротивѣли подобныя лекціи. Кто-то изъ нихъ написалъ пасквиль на Вершинскаго и вывѣсилъ его въ одномъ изъ корридоровъ академіи. Профессоръ читалъ тогда объ Александрійской школѣ, изложилъ уже по красной книгѣ ученіе Плотина и немного коснулся Ямвлиха и Порфирія. Узнавши о пасквилѣ, онъ въ слѣдующую за тѣмъ лекцію приходитъ безъ красной книги, съ краткимъ конспектомъ и начинаетъ продолжать по-русски говорить о Ямвлихѣ, Порфиріѣ и прочихъ послѣдователяхъ Плотина. Точно такимъ же образомъ сказалъ двѣ лекціи о схоластической философіи; говорилъ не съ особеннымъ воодушевленіемъ, но ясно, просто, основательно; студенты обрадовались такой перемѣнѣ. Послѣ 3 — 4 лекцій красная книга опять появилась, или замѣнялась рукописными тетрадями на латинскомъ тоже языкѣ. Профессоръ какъ будто бы хотѣлъ доказать, что онъ можетъ говорить очень хорошо и очень хорошія лекціи на русскомъ языкѣ, но не можетъ, или не хочетъ этого дѣлать по какимъ-то секретнымъ соображеніямъ. Въ слѣдующемъ курсѣ онъ нерѣдко читывалъ свою красную книгу или тетради, сидя бокомъ къ студентамъ. Подозрѣвать его въ лѣности нельзя; онъ велъ вполнѣ ученую, кабинетную, трезвую жизнь, почти ни съ кѣмъ не былъ знакомъ, никуда не ходилъ. Недостатка въ дарѣ слова и въ свѣдѣніяхъ не имѣлъ. Поэтому, повторю высказан-

женную выше мнѣніе, не нарочно ли онъ небрежно читалъ свои философскія лекціи, чтобы избѣгнуть обвиненія въ вольнодумствѣ. Впрочемъ, не прослуживъ десяти лѣтъ при академіи, онъ уѣхалъ въ Парижъ протоіереемъ при тамошнемъ нашемъ посольствѣ.

Вершинскому наслѣдовалъ, по званію профессора философіи, Василій Николаевичъ Карповъ, переводчикъ разговоровъ Платона и авторъ логики. Вызванный изъ баккалавровъ кіевской академіи въ петербургскую еще прежде того за два года, онъ читалъ уже философію. Въ метафизикѣ его любимою мыслью была, употребимъ его выраженіе, *жизнь природы*. Конечно, его система не отличалась особенною оригинальностію, имѣла много недостатковъ, подобно всѣмъ философскимъ системамъ, составлявшимся въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ; но должно прибавить, что онъ въ то время своими лекціями, которымъ любилъ придавать воодушевленіе, сильно затрогивалъ и увлекалъ почти всѣхъ студентовъ, пробуждалъ въ нихъ охоту мыслить. Чего же больше? Кромѣ того онъ былъ человѣкъ религіозный и всячески старался не расходиться съ православіемъ, но это не избавило его отъ непріятностей, даже отъ временныхъ гоненій и притѣсненій. Ректоръ Виталій Щепетевъ самъ вызвалъ его изъ Кіева въ Петербургъ, самъ же колебался сдѣлать его профессоромъ философіи на мѣсто Вершинскаго, и можетъ быть, не сдѣлалъ бы, еслибы Филаретъ Дроздовъ случайно не вступился за Карпова. Послѣдній къ публичному экзамену 1835 г. назначилъ изъ своихъ лекцій статью, въ которой между прочимъ разсуждалось объ отношеніи между религіей и философіей; на эту статью и Серафимъ и Филаретъ обратили вниманіе, зная, что авторъ ея ждетъ отъ нея пособія для занятія профессорской каѳедры. Начался экзаменъ по философіи, спросили двухъ-трехъ студентовъ; Серафимъ, не будучи любителемъ ея и, вѣроятно, предубѣжденный ректоромъ не въ пользу наставника, слушалъ, но, какъ оказалось, не очень хорошо понималъ читаемое; можетъ быть, этому помогало и то, что статья, написанная на латинскомъ языкѣ, и по содержавшимся въ ней мыслямъ не отличалась ясностію. Наскучивъ ею, Серафимъ наклонился къ Дроздову и сказалъ ему: «у насъ въ Смоленскѣ (онъ прежде былъ тамъ епископомъ) это называли *ермолафіей*». Дроздовъ, желая ли вступиться за наставника, которому грозила опасность не получить профессуры, или думая только попротиворѣчить Серафиму, обратился къ Карпову съ вопросами и возраженіями. Начались довольно продолжительныя объясненія, которыя окончилъ Филаретъ слѣдующими словами: «такъ ваша философія

ведетъ разумъ къ религіи?»—и получивъ въ отвѣтъ: Такъ точно, ваше в-во,—прибавилъ: «Вотъ это прекрасно, благодаримъ васъ». Противъ профессуры такимъ образомъ уже нельзя было возражать. Самъ Серафимъ, когда на слѣдующій день академическіе наставники пришли благодарить его за посѣщеніе, сказалъ Карпову: «Вамъ спасибо за вашу философію; она ведетъ къ религіи». О ермолафіи же ни слова. Карповъ былъ утвержденъ и долго оставался профессоромъ. Но ему пришлось много вытерпѣть за свою философію. Притѣсненія, которымъ онъ подвергался, не относятся къ описываемому мною времени, и потому, оставляя философію, обращаюсь къ словесности.

Словесность почти во все описываемое мною время преподавали два священника: Ксенофонтъ Ивановичъ Делекторскій и Иванъ Ивановичъ Ивановъ; первый читалъ общую словесность, а второй церковное краснорѣчіе, или, какъ его теперь называютъ, гомилетику.

Для надлежащей оцѣнки Делекторскаго нужно помнить, что въ тогдашнія времена въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ господствовалъ свой *семинарскій* слогъ. Главныя его качества состояли въ такъ-называемомъ тогдашнемъ *краснорѣчіи*, т.-е. въ употребленіи тропическихъ выраженій, фигуральныхъ оборотовъ, славянскихъ словъ, заимствованныхъ изъ библіи и церковныхъ книгъ. Потомъ слова въ періодахъ располагались по образцамъ латинскаго языка, въ которомъ, напр., глаголы ставятся въ концѣ предложеній; наконецъ, говорить просто и ясно считалось неприличнымъ для ученыхъ людей; что же за ученое сочиненіе, когда въ немъ не надъ чѣмъ *голову ломать!* Образцомъ для всего этого служили тѣ проповѣди, которыя Филаретъ Дроздовъ говорилъ, будучи еще ректоромъ академіи. О настоящей русской рѣчи слишкомъ мало заботились. Пушкина читать могли ученики только украдкою; исторію Карамзина конечно рекомендовали, но его «Марьину рощу», «Марѳу Посадницу» и пр. считали еще опасными. Напротивъ, образцами для подражанія были сочиненія Ломоносова, Державина, Озерова, Хераскова и пр.

Делекторскій, несмотря на свою священническую рясу, составлялъ счастливое исключеніе изъ тогдашнихъ наставниковъ словесности по духовно-учебному вѣдомству. Преподаваніе имъ словесности въ академіи можно разсматривать съ двухъ сторонъ: съ теоретической и практической. Теоріей онъ не любилъ заниматься, да и не очень былъ силенъ въ ней; изданная имъ брошюрка въ изящномъ не заслуживала и не обратила на себя вниманія. Впрочемъ, въ первую треть двухгодичнаго курса лекціи его объ изящномъ и высокомъ очень нравились студентамъ,

потому что они въ семинарскихъ урокахъ, кромѣ сухого схоластическаго перечня разнообразныхъ прозаическихъ и стихотворныхъ родовъ сочиненій, ничего не слыхали. Но не будучи почитателемъ теоріи, Делекторскій обращалъ особенное вниманіе на критическій разборъ сочиненій по всѣмъ родамъ словесности и поэзіи. Такъ, напр., изложивъ понятіе о героической поэзіи, онъ критически разбиралъ Иліаду Гомера, Энеиду Виргилія, Освобожденный Іерусалимъ Тасса, Потерянный Рай Мильтона, Мессіаду Клопштока, даже нашу Россіаду Хераскова, прочитывая множество отрывковъ изъ нихъ, указывая на совершенство и недостатки ихъ; и такимъ образомъ знакомилъ студентовъ съ замѣчательными произведеніями латинской, греческой и другихъ литературъ.

Что же касается до русской литературы, то развѣ немногіе соотечественные писатели, начиная съ Ѳеофана Прокоповича, Кантемира и Третьяковскаго, до Жуковскаго, Карамзина и Пушкина, не подвергались критическому разбору на лекціяхъ Делекторскаго. Въ сужденіяхъ своихъ о нихъ онъ конечно касался и внутренняго содержанія ихъ сочиненій, но главное вниманіе обращалъ на слогъ, и тутъ являлся неумолимымъ гонителемъ такъ-называемаго высокаго, напыщеннаго слога. Не Ломоносовъ, не Державинъ и Херасковъ, а Жуковскій и Пушкинъ были имъ рекомендованы, какъ образцы для подражанія. Проповѣди Филарета Дроздова подвергались неумолимой критикѣ, тѣмъ болѣе, что очень многіе студенты, особенно при началѣ академическаго курса, ими слишкомъ увлекались. Въ горячихъ спорахъ, которые часто происходили въ такихъ случаяхъ, Делекторскій забывалъ о своей личной безопасности, называя слогъ проповѣдей этого *знаменитаго духовнаго витіи* школярнымъ, надутымъ, ребяческимъ.

Если Делекторскій такъ смѣло и безпощадно отзывался о знаменитостяхъ, то онъ еще менѣе церемонился съ задачками студентовъ и неумолимо преслѣдовалъ *семинарскій слогъ* съ его славянщиною и реторикою. Соблюдая инкогнито автора, онъ съ большею или меньшею подробностію критически разбиралъ въ классѣ студентческія сочиненія, особенно тѣ, которые были или очень хороши, или очень дурны. Критиковалъ онъ безпощадно и этимъ возбуждалъ часто сильное негодованіе студентовъ, особенно въ началѣ курса. Но мало-по-малу студенты съ развитіемъ литературнаго вкуса понимали пользу, которую доставлялъ имъ наставникъ своею критикою. Безъ всякаго пристрастія надобно сказать, что Делекторскій не увлекалъ студентовъ какими-либо глубокими взглядами на свою науку, не знакомилъ

ихъ съ тѣми теоріями изящнаго, которыми тогда такъ обиловала особенно нѣмецкая литература, избѣгалъ философскихъ пріемовъ, къ которымъ такъ тогда были почти всѣ расположены и этимъ не нравился студентамъ. Но онъ былъ одинъ изъ тѣхъ наставниковъ, которые имъ наиболѣе принесли пользы, отучая ихъ отъ глупаго, напыщеннаго семинарскаго слога и развивая литературный вкусъ. Его бы надобно удерживать и даже упрашивать оставаться въ академіи. Между тѣмъ, въ 1835-мъ году, безъ всякаго прошенія и притомъ безъ всякой уважительной причины уволили его. Ректоръ Щепетевъ въ этомъ отношеніи поступилъ недобросовѣстно, желая подслужиться своему патрону, который зналъ, что Делекторскій осмѣливается на лекціяхъ дѣлать вовсе нелестные отзывы о его проповѣдяхъ.

О профессорѣ церковнаго краснорѣчія Ивановѣ не стоитъ и говорить много. Онъ воображалъ, что церковнымъ ораторомъ можно сдѣлать студента посредствомъ теоріи, изложивши съ возможною подробностію предметъ церковныхъ поученій, ихъ формы, правила для составленія ихъ и пр. и пр. Его рукописныя лекціи, не шутя, можно назвать сводомъ законовъ по церковному краснорѣчію. Но пункты законовъ до такой степени нерѣдко были мелочно-подробны, такъ часто многіе изъ нихъ походили другъ на друга, излагались въ такой утомительной формѣ, что ихъ запомнить и заучить не было возможности; а главное, выучивши ихъ, все-таки не сдѣлаешься даже посредственнымъ проповѣдникомъ. Особенно же онѣ отличались дѣленіями и подраздѣленіями, для обозначенія которыхъ нужно было употреблять цифры, буквы латинскаго, русскаго и греческаго алфавитовъ; случалось, что всего этого недоставало; тогда авторъ прибѣгалъ къ удвоенію буквъ и пр.

И этого профессора держали въ академіи болѣе 20-ти лѣтъ. Но вѣдь онъ былъ человѣкъ смирный, покорный, давалъ въ годъ раза два-три отличные обѣды, на которые приглашалось академическое начальство, и доставлялъ очень много переводовъ изъ сочиненій отцевъ церкви для «Христіанскаго Чтенія»; ректорамъ не хотѣлось разстаться съ такою драгоцѣнностію. И потомъ когда стали говорить, что безсовѣстно оставлять такого человѣка профессоромъ въ академіи по церковному краснорѣчію, то Щепетевъ предложилъ ему перейти на еврейскій языкъ, полагая, что онъ откажется отъ этого. Но Ивановъ тутъ показалъ храбрость; онъ сталъ мучить студентовъ уже не по-русски, а по-еврейски. Не появись нѣкто крещеный еврей Левисонъ, которому покровительствовала покойная Татьяна Борисовна Потемкина, и не будь нужно мѣсто профессора еврейскаго

нія для этого господина, Ивановъ, по всей вѣроятности, еще бы остался при академіи лѣтъ на десять.

Отъ профессоровъ и баккалавровъ, какъ представителей науки, перейдемъ къ студентамъ, какъ питомцамъ ея, собраннымъ со всѣхъ концовъ Россіи для того, чтобы, напитавшись ею въ академіи, разнести ее потомъ по семинаріямъ для приготовленія пастырей *словеснаго стада*, состоявшаго и тогда почти изъ 50-ти милліоновъ отдѣльныхъ индивидуумовъ. Но изъ сказаннаго мною видно, что поставщики умственной пищи въ академіи представляли какую-то странную смѣсь; одни изъ нихъ предлагали своимъ слушателямъ самую питательную, здоровую пищу, а другіе нѣчто въ родѣ булыжника или кирпича, истертаго въ порошокъ. Посмотримъ, какъ этотъ разнообразный винегретъ дѣйствовалъ на умственный организмъ студентовъ.

Студенты низшаго отдѣленія въ началѣ своей академической жизни даже не представляли себѣ возможности опускать классы. Получивши еще въ семинаріяхъ убѣжденіе, что въ академіи можно *проникнуть въ самую глубину премудрости*, по пріѣздѣ въ нее слыша отъ земляковъ и неземляковъ, своихъ предшественниковъ, что нужно вести себя какъ можно осторожнѣе, *ни въ чемъ не попадаться инспектору*, — молодые новобранцы тотчасъ послѣ звонка спѣшили въ классическія комнаты, усаживались за столы, и всякаго пришедшаго къ нимъ наставника слушали съ полнымъ вниманіемъ, опасаясь, какъ бы какое-либо изъ его драгоцѣнныхъ словъ не ускользнуло отъ нихъ. Если даже собственное сознаніе робко начинало докладывать, что нѣкоторые изъ академическихъ мудрецовъ какъ будто похожи на учителей семинаріи, такъ уже прискучившихъ, то не вдругъ этому вѣрили, даже обвиняли самихъ себя въ неумѣньи понять и оцѣнить мудрецовъ, отъ которыхъ ничего дѣльнаго и путнаго не слыхали. Но это робкое сознаніе, поддерживаемое неудовлетворяемою любознательностію, становилось мало-по-малу посмѣлѣе; здравый смыслъ убѣждалъ, что у нѣкоторыхъ наставниковъ дѣйствительно нечего слушать; потомъ узнавали, что студенты высшаго отдѣленія частенько не ходятъ въ классъ и, сдѣлавшись поотквровеннѣе, прямо поговариваютъ, что и имъ тоже можно рисковать опущеніемъ кое-какихъ лекцій. Относительно же инспектора собственнымъ опытомъ убѣждались, что онъ не всевѣдущъ, что и отъ него можно скрывать свои неисправности и пр. И вотъ, если не черезъ полгода, то черезъ годъ и въ низшемъ отдѣленіи на нѣкоторыхъ лекціяхъ

можно уже было не досчитываться кое-кого; недочетъ этотъ степенно увеличивался. О студентахъ высшаго отдѣленія неч и говорить; тѣхъ уже по пословицѣ, какъ *воробьевъ на мяки не проведешь*.

Само собою разумѣется, что студенты опускали лекціи у всѣхъ наставниковъ. Къ Борисову, Красносельскому, Кочето когда онъ читалъ восемнадцатый вѣкъ, и нѣкоторымъ другимъ ходить на лекціи было почти немыслимо, къ нимъ являлись же больные. Далѣе, не бывать у инспектора въ классѣ бы опасно; вѣдь сразу въ спискѣ по поведенію за какой-либо м сяцъ отмѣтитъ нерадивымъ, неисправнымъ. Про нѣкоторы наставниковъ существовало убѣжденіе, что они мстятъ при с ставленіи списковъ тому, кого часто не видывали у себя въ клас сѣ, не ходить къ нимъ побаивались тоже люди робкіе. Затѣм въ каждомъ курсѣ едвали насчитывалось человѣкъ пять, кот рые бы опускали хоть одинъ классъ, если только болѣзнь н мѣшала. Прочіе же, не исключая самихъ гг. старшихъ, бы ли болѣе или менѣе виновны въ этомъ грѣхѣ. Случалось, чт къ какому-либо Иванову приходило изъ 50—60-ти человѣкъ н болѣе 20—30-ти даже и менѣе, да и изъ нихъ къ концу клас са половина уходила. Сами ректоры, если только не были грозо для студентовъ, видали у себя на лекціяхъ иногда не болѣ половины обязательныхъ слушателей.

Мѣры противъ нехожденія студентовъ въ классъ были раз нообразны. Главная между ими состояла въ томъ, что комнат ный старшій долженъ былъ выслать всѣхъ своихъ подчинен ныхъ въ классъ, запереть дверь и ключъ отъ нея взять съ собою: никто-де такимъ образомъ не останется въ комнатѣ и никто ранѣе положеннаго термина въ нее не можетъ возвратиться. Но студенты съ согласія старшаго, а иногда и вмѣстѣ съ нимъ оставались въ комнатѣ, запирали дверь, но извнутри ея, и ключъ вынимали изъ замка. Инспекторъ, желая убѣдиться въ томъ, исполняются ли его приказанія, отправлялся осматривать сту дентческія комнаты, находилъ двери запертыми, заглядывалъ въ замочныя скважины, ключа въ нихъ не видѣлъ. Чтобы еще бо лѣе успокоить свою совѣсть, постучится въ дверь, какъ будто онъ былъ студентомъ, ушедшимъ изъ класса, а то если у две ри лежитъ принесенная вязанка дровъ, пошевелитъ ее, посту чится, разыгрывая роль служителя. Запершіеся студенты это слышатъ, догадываются о посѣтителѣ, перемигиваются между собою; иной забавникъ выставитъ языкъ стучальщику, но дверь остается по прежнему запертою. Инспекторъ, убѣдившись въ видимой исправности, идетъ въ самодовольствіи домой. Но бы-

ли промахи и со стороны студентовъ-затворниковъ: или дверь останется незапертою, или забудутъ вынуть ключъ изъ замка, или какой-либо простакъ самъ отопретъ дверь стучащему инспектору. Ну, тогда виновные, получивши надлежащую головомойку, принуждены были отправляться въ классъ, иногда съ полузаспанными глазами. Если ихъ немного, то они входятъ одинъ за другимъ незамѣтно. Но случалось, что инспекторъ заставалъ цѣлые десятки студентовъ въ комнатахъ, и отрядами, а то и цѣлою колонною отправлялъ, или какъ тогда правильнѣе выражались, *выгонялъ* въ классъ: ну, тогда уже весь отрядъ массою вступалъ въ него; сидѣвшіе здѣсь знали, отчего появилось такое усердіе слушать лекцію, смѣялись; пришедшіе съ кислыми минами, или съ ребяческою беззаботностію, или съ форсомъ школяра усаживались на свои мѣста; самая лекція иногда должна была на время прерваться.

Чтобы избѣгнуть подобной *выгонки*, студенты находили и другія убѣжища отъ премудрости академической. Въ тотъ день, когда отапливалась баня, на цѣлые два часа отправлялись въ нее мыться во время класса; бывали примѣры, что инспекторъ и туда прихаживалъ, но это случалось очень рѣдко.

Въ лѣтнее время можно было укрываться въ саду и палисадникахъ; иной заберется на средину луга и заляжетъ въ высокой травѣ; другой укроется гдѣ-либо между густыми кустарниками; третій просто посиживаетъ или похаживаетъ въ боковыхъ менѣе посѣщаемыхъ начальствомъ аллеяхъ. Инспекторъ иногда и туда являлся въ качествѣ преслѣдователя; но густо насаженныя деревья не давали ему возможности съ главной аллеи угадать, какой господинъ погуливаетъ на боковой; если ревность къ исполненію своихъ обязанностей заставляла инспектора своротить на боковыя аллеи, то укрывавшійся студентъ ловкимъ маневромъ переходилъ на другую аллею. Чтобы сдѣлать подобныя укрывательства невозможными, не разъ принимались прочищать садъ, т.-е. вырубать столько въ немъ деревьевъ, чтобы оставшимися нельзя было студентамъ прикрывать свои физіономіи. Находили себѣ убѣжища въ самомъ академическомъ домѣ; менѣе спѣсивые просиживали гдѣ-либо въ служительской комнатѣ въ подвальномъ этажѣ, въ правленіи у письмоводителей, въ корридорахъ близъ церкви и пр.; иные просто похаживали около самаго класса; является *невзгода инспекторъ*, они уходятъ въ классъ, и *слѣдъ простылъ*. Одинъ молодецъ любилъ въ такихъ случаяхъ зимою надѣвать профессорскія шубы на свою особу, чтобы сберечь себя отъ холода.

Но вотъ студенты сами пришли, или отчасти *выпна*...

спекторомъ въ классъ. Впрочемъ, сущность измѣнилась мало. денты запасались обыкновенно тетрадями и книгами; и в время, какъ одинъ наставникъ читалъ о поврежденности вѣческой природы, о благодати господней, о пришествіи а христа, о послѣднемъ грозномъ судѣ, другой о томъ, какъ буждать заснувшую совѣсть грѣшника, выводить заблудшую на путь спасенія, третій глубокомысленно доказывалъ нео димость любви къ родителямъ, уваженія къ наставникамъ,— денты читали кто романъ Вальтеръ-Скотта, кто даже Пол Кока; за серьезную книгу взяться было трудно; для чтені надобно было усилить свое вниманіе, которое тутъ развлека монотоннымъ чтеніемъ лекціи. Не запасшіеся же ничѣмъ дѣли, сложивши руки, посматривая на потолокъ, позѣв иногда гдѣ-нибудь на задней партѣ и засыпая. Спрашива имѣвшихъ часы, сколько времени остается до звонка. И т какъ инспекторъ выгонялъ студентовъ, напр., послѣ обѣда имущественно въ концѣ 3-го и началѣ 4-го часа, то узна что наступила уже вторая половина 4-го, одинъ по одному чинали уходить изъ класса, съ тѣмъ, чтобы попрежде дру поспѣшить съ самоваромъ на кухню и застать тамъ побо горячихъ углей.

Люди, незнакомые съ тогдашнимъ бытомъ духовныхъ а демій, прочитавши послѣднія мои замѣчанія, вѣроятно скажу «вотъ и академія, вотъ и высшее учебное заведеніе! вотъ и дущіе кандидаты и магистры богословія, іереи, протоіере архіереи! И бурсаки не прибѣгали къ такимъ продѣлкамъ, ка они, чтобы не сидѣть въ классѣ! Не даромъ же начальс иногда поступало съ ними, почти какъ съ бурсаками!» Мнѣ самому грустно вспоминать объ этихъ временахъ; сознаюсь, ч положеніе академіи было незавидно, но никакъ не рѣша обвинять въ этомъ студентовъ, особенно однихъ. Ихъ избира изъ лучшихъ учениковъ семинарій; значитъ они съ предмета семинарскаго курса хорошо уже ознакомились. Но въ академ читались почти тѣже предметы, какъ и въ семинаріи. Если они вновь преподавались даже не дурно, но почти въ томъ объемѣ, съ тѣми же пріемами, какъ и въ семинаріяхъ, бе особыхъ прибавленій, безъ новыхъ взглядовъ или подробносте еслибы даже говорилось кое-что и новое, но скучно, утом тельно; то слушать повтореніе того, что уже поприскучило въ семинаріи, слушать почти въ видѣ *задовъ*, существовавших тогда при обученіи грамотности; — вѣдь это невыносимо! Ст денты были народъ молодой; многіе изъ нихъ ѣхали въ акаде мію, чтобы удовлетворить своей любознательности, получить ра

...іе на научные вопросы, которые зараждались въ ихъ горя... головахъ, ознакомиться вполнѣ съ наукою изъ желанія ... хорошимъ руководителемъ другихъ къ ней. А тутъ вдругъ ...ъ толкуетъ о томъ, какъ лучше перевести: *кони же*, или: *...ади*; другой растягиваетъ погребальнымъ тономъ неболь... періодъ на нѣсколько минутъ, и даже слово: *которая*—про...осить въ два пріема; третій никакъ не разберетъ въ своихъ ...рыхъ пожелтѣлыхъ тетрадяхъ, въ пятой или осьмой главѣ ...сланія къ римлянамъ находится нужный текстъ; четвертый, ...казавши слова два-три, вставляетъ свое: *во, во-во, ну-во*. Да ...милуйте, тутъ и не молодая, не горячая голова не выдержитъ, ... каменное терпѣніе лопнетъ.

Къ обязательнымъ трудамъ студентовъ принадлежали сочине...ія на задаваемыя предложенія. Въ духовно-учебныхъ заведе...іяхъ издавна существуетъ обыкновеніе заставлять воспитан...иковъ писать сочиненія, какъ можно чаще; напр., въ низшемъ ...дѣленіи семинаріи каждую недѣлю нужно было подавать по ...чиненію. Почтенное начальство, вѣроятно, думало приложить ...десь прямое тройное правило, т.-е. чѣмъ больше подано бу...етъ сочиненій, тѣмъ болѣе окажется въ ученикѣ искусства ...очинять; тогда какъ тутъ лучше бы уступить мѣсто тройному ...братному правилу, т.-е. чѣмъ болѣе будутъ требовать сочиненій ...тъ ученика, тѣмъ менѣе у него окажется времени на обдумы...ваніе каждаго изъ нихъ и слѣдовательно тѣмъ хуже онъ бу...детъ писать. И петербургская академія держалась того-же обы...кновенія; въ ней положено было давать по сочиненію на каж...дые десять дней. Столь короткій срокъ былъ причиною того, что ...по большей части писали очень тоже краткія сочиненія; вотъ ...почему послѣднія и назывались *задачками*. И сами наставники ...сильно заботились о такой краткости, опасаясь затруднить свои ...глаза чтеніемъ большихъ сочиненій, они требовали, чтобы каж...дый студентъ писалъ не болѣе, напр., листа, и даже полулиста; ...тутъ уже выходила даже не задачка, а задачонка. Чтобы вѣрнѣе ...достигнуть этой цѣли, часто давались такія темы для задачекъ, что дѣйствительно трудно было написать и поллистика. Напр., что могъ написать только что поступившій въ академію семи...наристъ на предложеніе: an datur criterium veritatis universale, materiale (есть ли всеобщій, матеріальный критерій исти...ны)? А такое именно предложеніе и было дано студентамъ де...сятаго курса на первый разъ. Иной оригиналъ наставникъ еще проще отдѣлывался отъ труда читать задачки, не прини...мая уже ни одной, даже и маленькой задачки послѣ назначен...наго для нея срока. Впрочемъ, къ чести нѣкоторыхъ наставни-

ковъ, напр., Делекторскаго, надобно сказать, что они не і бѣгали ко всѣмъ этимъ стѣснительнымъ выдумкамъ, приниı отъ студентовъ большія и малыя сочиненія, и въ срокъ, и пс срока; а также давали предложенія ясныя, не затѣйливыя.

Кромѣ десятидневныхъ задачекъ студентамъ высшаго, а ин да и низшаго отдѣленія назначалось писать поочереди про вѣди. Это дѣло доставляло по болѣе хлопотъ. Проповѣдь р сматривалась не однимъ наставникомъ, а и ректоромъ;—ее н но было произнести въ академической церкви предъ всѣми с дентами,—самыми неумолимыми критиками, или въ александ невскомъ соборѣ. Но и тутъ для обуздыванія ораторскихъ пор вовъ иногда назначалась рамка для поученій, напр., требовало чтобы оно было не болѣе листа, или 5 — 6 четвертокъ. Нак нецъ, въ послѣдній годъ или въ послѣднее полугодіе академич скаго курса, каждый студентъ писалъ курсовое разсужденіе д полученія ученой степени; тутъ уже не назначалось число ли стовъ, и потому нерѣдко представлялись чуть не цѣлые трак таты. Много ли было въ нихъ толку, не говорю о томъ; п крайней мѣрѣ бумаги для нихъ не жалѣли; а академическо правленіе по своей добротѣ выдавало особую, лучшую бумаг для переписки набѣло курсового разсужденія. Можетъ быть, тут былъ и другой умыселъ. Курсовыя разсужденія изъ академиче ской конференціи отсылались въ коммиссію духовныхъ училищъ, гдѣ прочитывались ея членами. Академическое правленіе побаи валось получить выговоръ, еслибы диссертаціи переписывались набѣло на той синей или сѣрой бумагѣ, какую оно выдавало студентамъ.

Къ концу каждаго полугодія задачки прекращались, но уве личивалась работа отъ репетицій. Наставники спѣшили застав лять студентовъ повторить то, что̀ прочитано въ теченіи полу года или, правильнѣе, заучить на память рукописный или пе чатный учебникъ. Затрудненія тутъ увеличивались отъ побоч ныхъ обстоятельствъ. Нѣкоторые наставники въ то же время надумывались выдавать новыя свои записки, такъ что студен тамъ надобно было ихъ не только заучить, но и списать. По томъ многія учебныя руководства своимъ языкомъ, своею мето дою были чрезвычайно затруднительны; тогда еще господствова ла въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ мысль, что на нашемъ не счастномъ русскомъ языкѣ нельзя было выражать высокія ис тины богословскія и философскія; тутъ считалась необходимою латынь. Правда, что въ петербургской академіи уже ректоръ Григорій Постниковъ изложилъ часть догматическаго богословія на русскомъ языкѣ; ему подражалъ Иннокентій Борисовъ отно-

тью экклезіастики и обличительнаго богословія, и, впослѣдствіи профессоръ петербургскаго университета, Ф. Ф. Сидонскій относительно философіи; но за тѣмъ много еще было руководствъ на латинскомъ языкѣ, на которомъ далеко не всѣ студенты могли свободно объясняться. Далѣе, многіе учебники были написаны слишкомъ схоластически и утомительно для памяти; люди съ хорошею памятью, выучивши ихъ, забывали все дня черезъ два—три. Сюда особенно принадлежали нравственное богословіе на латинскомъ языкѣ, приписываемое покойному Филарету Дроздову, церковная исторія Иннокентія, церковное краснорѣчіе Иванова и философія Винклера. При всѣхъ этихъ *отягчающихъ* обстоятельствахъ, понятно, что студенты во время репетицій были, какъ говорится, *завалены работою*, особенно предъ окончаніемъ учебнаго курса, когда нужно репетировать все, что было пройдено въ теченіи двухъ лѣтъ. Тутъ студенты просиживали почти цѣлыя ночи за своими учебниками. Вотъ и всѣ домашнія оффиціальныя занятія студентовъ! Можно догадаться, что не всѣ они были очень питательны для ума; при помощи ихъ однихъ умственное развитіе студентовъ далеко бы не ушло.

Къ счастію студенты сами помогали себѣ при помощи книгъ. Академическая библіотека и тогда была хороша, почти до конца тридцатыхъ годовъ безденежно получая всѣ вновь выходящія въ Россіи книги; равнымъ образомъ почти постоянно пополнялась она новыми замѣчательными сочиненіями на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Особенно богаты были отдѣлы библіотеки по богословію и философіи; тутъ за исключеніемъ книгъ, которыя брали для себя наставники, оставалось множество другихъ для употребленія студентамъ. Посредствомъ ихъ можно было ознакомиться съ новыми современными идеями тѣмъ удобнѣе, что студентамъ безъ затрудненія тогда выдавались для чтенія книги даже либеральнаго содержанія. А если въ чемъ либо имъ отказывали, то они умѣли доставать на сторонѣ, и даже покупали на свои деньги, какъ напр., богословіе Вегшейдера, считавшееся, такъ сказать, катихизисомъ раціонализма. За тѣмъ множество книгъ приносили изъ города отъ знакомыхъ и изъ публичныхъ библіотекъ; а для выписки газетъ и журналовъ часто дѣлали складчины. Этими-то путями студенты узнавали многое, о чемъ имъ въ классѣ не говорили, въ учебникахъ не писали и не печатали.

Чтобы узнать, хорошіе ли успѣхи оказываютъ студенты въ преподаваемыхъ предметахъ, или чтобы исполнить букву закона, производились въ академіи экзамены. Ихъ можно раздѣлить на три рода: на полугодичные, окончательные и публичные.

Полугодичные производились въ концѣ декабря, а иногд предъ каникулами. Кромѣ двухъ письменныхъ сочиненій как ихъ называли, *экспромтовъ*, которые требовалось напис въ теченіи нѣсколькихъ часовъ или не болѣе, какъ въ од день, студентамъ дѣлались устныя испытанія изъ тѣхъ час наукъ, которыя прочитаны въ теченіи даннаго полугодія. На назначалось большею частію по два дня, часа 4 — 5 въ де Такъ какъ всѣхъ наставниковъ было въ академіи 18 человѣ то при равномѣрномъ распредѣленіи времени на каждый пр метъ можно было распредѣлить немного болѣе 30 минутъ проэкзаменовать въ немъ 50—60 человѣкъ. Но на нѣкотор предметы, особенно на преподаванные ректоромъ и инспек ромъ, а также на философію и т. п. считалось необходимы отдѣлять поболѣе времени; отъ этого происходило, что на пр чіе предметы оставалось минутъ по десяти на каждый! Кро того тогда еще не оставляли стариннаго обыкновенія обращ экзамены въ нѣчто похожее на словесные турниры. Предсѣда тель, которымъ большею частію бывали ректоръ и викарій пе тербургскій, дѣлалъ возраженіе противъ того, что читалось, не всегда для испытанія студента, а часто для опроверже лекцій. Наставникъ, разумѣется, вступался за свою честь; на чиналось словопреніе, продолжавшееся иногда по 20 — 30 ми нутъ и состоявшее большею частію въ переливаніи *изъ пуст въ порожнее.* Наставникамъ также отъ скуки или отъ желані отличиться предъ публикою приходила охота заводить подобные споры. Теперь можно судить, чтò это были за экзамены. По са мому почетнѣйшему предмету спрашивали не болѣе 15—20 че ловѣкъ, т. е. четвертой или третьей части студентовъ. Числ эти затѣмъ постоянно сокращались пропорціонально тому по чету, которымъ пользовался тотъ или другой предметъ, а иног тотъ или другой наставникъ, такъ что по презрѣннымъ пред метамъ, къ числу которыхъ особенно принадлежала математика, спрашивали человѣкъ двухъ — трехъ. Прибавьте къ этому, что студентъ, отвѣчая съ своего мѣста за партою, а не у стола, за которымъ сидѣли экзаменаторы, могъ заглянуть въ учебникъ и получить пособіе отъ своихъ сосѣдей, что часто сами наставники спрашивали того, кого находили нужнымъ, отчего нѣкоторыхъ лучшихъ студентовъ тревожили чуть не по каждому предмету, а цѣлую половину не спрашивали ни изъ одного даже. Не об ходилось также и безъ плутовства, затѣйниками котораго бывали обыкновенно студенты, а наставники, впрочемъ далеко не всѣ, если не подстрекали ихъ къ тому, то по крайней мѣрѣ и не противодѣйствовали имъ. Къ этому побуждало послѣднихъ то

обстоятельство, что начальство посредствомъ экзаменовъ думало узнавать не только успѣхи студентовъ, но и способности наставника; такъ что если первые отвѣчали плоховато, то и о послѣднемъ составлялось не выгодное понятіе. Вообще не только баккалавры, но и ординарные профессоры при полугодичныхъ экзаменахъ играли жалкую, невыгодную роль. Каждый изъ нихъ во время экзамена по своему предмету долженъ былъ, какъ отвѣтственное и подсудимое лицо, стоять въ промежуткѣ между экзаменаторскимъ столомъ и студентческими партами. За тѣмъ общіе списки составлялись академическимъ правленіемъ или, лучше, однимъ ректоромъ, да развѣ еще инспекторомъ безъ всякаго участія наставниковъ.

Такимъ образомъ, полугодичные экзамены производились только для формы, для исполненія буквы устава академическаго, да развѣ еще для поддержанія авторитета ректора; дѣло отъ нихъ ничего не выигрывало; за то они были очень полезны въ гастрономическомъ отношеніи. По окончаніи экзамена въ первый, а часто во второй день наставники отправлялись къ ректору на закуску, или лучше на сытный обѣдъ, въ которомъ недоставало только такъ-называемаго горячаго, т.-е. ухи или супа. Хотя всѣ кушанья были рыбныя, но довольно порядочно приготовленныя, а главное, чтобы желудокъ не затруднялся переварить ихъ, на столѣ стояло вполнѣ достаточное количество разныхъ винъ; въ заключеніе же всего выпивали по нѣсколько бокаловъ шампанскаго за здоровье митрополита, ректора, господъ наставниковъ и за цвѣтущее состояніе академіи. Затѣмъ, поблагодаривъ хлѣбосольнаго хозяина, расходились всѣ по домамъ съ сознаніемъ исполненнаго долга. Впрочемъ, по правдѣ сказать, ректора вовсе не за что было благодарить. На эти закуски, или обѣды онъ не тратилъ ни копѣйки изъ своихъ денегъ и даже имѣлъ нѣкоторыя выгоды, потому что все недоѣденное и недопитое почти всегда оставалось въ его квартирѣ. Закуски со всѣми винами приготовлялись по распоряженію его экономомъ на казенныя деньги, но безъ внесенія расхода ихъ въ шнуровыя книги. Поэтому наставники, собравшіеся на экзаменъ, обыкновенно спрашивали эконома: будетъ ли нынѣ закуска? если получался отрицательный отвѣтъ, то они мало-по-малу, по миновавіи въ нихъ надобности, расходились. Но если отвѣтъ былъ положительный, то наставники хотя и удалялись на время изъ залы, но къ концу экзамена опять возвращались въ нее; такъ что поэтому студенты могли уже догадываться о томъ, будетъ ли у ректора закуска или нѣтъ. Но и ихъ не забывали; обыкновенно въ первый день экзаменовъ столъ для нихъ приготовлялся празднич-

ный, съ пирогами, все равно, какъ и въ господскіе и высо торжественные праздники.

Окончательные экзамены были гораздо посерьезнѣе полугод ныхъ, могли даже называться дѣйствительными экзаменами. производились не внутреннимъ правленіемъ, а академичес конференціей, которая для каждаго предмета назначала дв своихъ членовъ подъ названіемъ депутатовъ. Кромѣ того, въ же время синодъ поручалъ митрополиту или другому кому л изъ своихъ членовъ обревизовать академію во всѣхъ отношенія Митрополитъ самъ слишкомъ рѣдко являлся на экзамены, пре ставляя это своему викарію, но другіе ревизоры неопустител присутствовали на всѣхъ почти экзаменахъ.

Наконецъ, были еще и публичные экзамены, ежегодно пр изводившіеся въ концѣ іюня. Такъ какъ на нихъ приглашал члены синода, высшіе свѣтскіе чиновники его и коммиссіи д ховныхъ училищъ, почетное духовенство и пр., то начальст академическое старалось все представить въ великолѣпномъ в дѣ. Разумѣется, все и вездѣ, куда могли заглянуть посѣтител чистилось, вымывалось, вытиралось; студентамъ приказывало попринарядиться, попригладить свои волосы; въ столовой пр готовлялось для нихъ *утѣшеніе веліе*. Но что касается до учё наго значенія публичныхъ экзаменовъ, то они едва ли не бы смѣшнѣе и нелѣпѣе даже полугодичныхъ. На нихъ назначало или два дня, а больше одинъ день. Мы уже видѣли, что карриватура выходила изъ двухдневныхъ полугодичныхъ экзаме новъ. Теперь понятно, чѣмъ дѣлались однодневные публичные При этомъ не слѣдуетъ забывать, что члены синода, какъ пред ставители церковной іерархіи, считали обязанностію побольш заняться догматическими и другими богословіями. Потомъ не об ходилось безъ турнирныхъ представленій, т.-е. безъ возражені которыми хотѣли *попробовать*, *пощупать*, а иногда и *поскон фузить* наставника, а также и себя показать. Результатом этого было то, что изъ остальныхъ предметовъ спрашивали п два, по три человѣка, даже по одному, а нѣкоторыхъ настав никовъ вовсе и не тревожили. За то въ концѣ концовъ слѣдо вало вполнѣ удовлетворительное гастрономическое наслажденіе.

Митрополитъ Серафимъ, если былъ здоровъ, приглашалъ членовъ синода и оберъ-прокурора на обѣдъ къ себѣ. Затѣмъ прочіе посѣтители переименовывались уже въ гостей и вмѣстѣ съ наставниками отправлялись въ комнаты ректора, гдѣ былъ уже готовъ великолѣпный обѣдъ. Закусывали, выпивали, потомъ пили, ѣли, поздравляли съ окончаніемъ трудовъ; иной удивлялся успѣхамъ студентовъ; другой рѣшался на критику; общаго пред-

...ни разговора уже не могло быть; разсуждали и обо всемъ, ...чемъ, спорили и пр. и пр.; ну, словомъ сказать, дѣла... же, что бываетъ за большими обѣдами, когда за столомъ ...ъ человѣкъ до 50—60.

Нѣкоторые, а можетъ быть и многіе, прочитавши мои вос...минанія объ учебномъ, нравственномъ и экономическомъ со...янія петербургской духовной академіи, подумаютъ: не кра...вая же она была, не отдѣлялась даже и отъ семинарій *ди...ціей огромнаго размѣра*; да и академистовъ какъ будто ...уднехонько отличать отъ бурсаковъ! Отсюда легко уже вывести ...ключеніе, что и общество, и церковь немного получали пользы ...ъ тогдашнихъ духовныхъ академій; — но это было бы слиш...комъ произвольное заключеніе, и не во всемъ была виновна ...на академія. Наконецъ, академія приносила и положительную ...льзу—относительно семинарій.

Еще въ семинаріяхъ выработывалось пагубное убѣжденіе, ...о умнѣе семинаристовъ на свѣтѣ почти никого нѣтъ. Авторъ ...данной за границею книги: «Описаніе сельскаго духовенства», ...же указалъ на этотъ недостатокъ: «Семинаристъ безъ претен...зій—явленіе, едва ли виданное когда-нибудь. Самолюбіе самое ...пошлое, безсмысленное и, несмотря на то, обнаруживающееся ...слишкомъ рѣзко и угловато,—вотъ чѣмъ набитъ ученикъ семи...наріи, особенно кончившій курсъ, съ головы до пятокъ» *). Основаніе для такого самолюбія, для такого высокаго мнѣнія о себѣ семинаристы брали изъ того понятія, которое имѣли они о богословіи, философіи и реторикѣ,—наукахъ, считавшихся въ семинаріяхъ главными. Наставники говорили, а семинаристы вѣрили, что богословіе открываетъ *всѣ* доступные и даже недоступные человѣку тайны божества, философія разрѣшаетъ *всѣ* вопросы относительно міра и человѣка, реторика разъясняетъ всѣ формы, которыми выражаются мысли человѣческія. Какъ же человѣку, выучившемуся этимъ тремъ наукамъ и чрезъ нихъ ознакомившемуся съ божественнымъ и человѣческимъ, небеснымъ и земнымъ, горнимъ и преисподнимъ (а между тѣмъ незнающему порядочно даже ариѳметики) не подумать, что онъ умнѣйшая голова на свѣтѣ, особенно если въ спискѣ своихъ товарищей занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ? Не даромъ же многіе изъ образованныхъ людей, обучавшихся въ духовной академіи,

---

*) Это убѣжденіе вообще развивается легко и не въ однѣхъ семинаріяхъ, а вездѣ, гдѣ, подъ предлогомъ классицизма, господствуетъ схоластика. — *Ред.*

сознаются, что они имѣли самое высокое понятіе о себѣ при п
ступленіи въ нее. Отъ этой самолюбивой мечты академист
большею частью скоро вылечивались. Въ составъ каждаго из
академическихъ курсовъ вызывались лучшіе семинаристы почт
всегда не менѣе, какъ изъ 20 семинарій. Итакъ, вотъ 20 пер
выхъ, 20 вторыхъ и пр. лучшихъ учениковъ. Кто изъ нихъ бу
детъ первымъ и, увы! послѣднимъ? Академическіе наставник
съ перваго по крайней мѣрѣ раза, обращаются, конечно
вѣжливо, но одинаково со всѣми и не оказываютъ никому осо
беннаго предпочтенія, даже не знаютъ и знать не хотятъ, кт
изъ ихъ слушателей былъ первымъ, кто вторымъ и т. д. Какой
же ударъ для самолюбія, когда болѣе половины первыхъ, вто
рыхъ и пр. къ полугодичному экзамену оказываются во вто
ромъ разрядѣ, а нѣкоторые, по неизбѣжному закону судьбы, и
послѣдними? Да и перворазрядные, и даже первые начинают
понимать, что они не Богъ-знаетъ какъ умнѣе второ-разрядных;
залѣнись, позазѣвайся немного, и самъ явишься во второмъ раз-
рядѣ; случалось, что занимавшій первое мѣсто въ теченіи двухъ
лѣтъ не оканчивалъ курса магистромъ. По неволѣ приходилось
заглянуть въ себя; по неволѣ зарождалось сомнѣніе въ своей
глубокой, всеобъемлющей учености.

Но на сомнѣніи не останавливались; скоро мало-по-малу
зарождалось и полное убѣжденіе, что знанія, на основаніи ко-
торыхъ мы привыкли-было считать себя богословами, философами и ораторами, оказываются чѣмъ-то похожимъ на незнаніе,
мыльнымъ, такъ сказать, *научнымъ пузыремъ*. Слушая новую
словесность, студенты къ великому своему удивленію убѣждались,
что ихъ реторика не учила краснорѣчію, а только отъучила говорить по-человѣчески; что образцами для слога нужно брать
сочиненія не Хераскова, Озерова, Ломоносова, Державина и
даже митрополита Филарета, а Карамзина, Жуковскаго и особенно Пушкина. И относительно семинарской философіи узнавали, что она есть сборъ отжившихъ свой вѣкъ схоластическихъ позицій, что появились уже новые взгляды на вселенную
и человѣка, съ которыми ей нѣтъ возможности ужиться. Заваждались сомнѣнія и относительно богословскихъ положеній. Въ
этомъ случаѣ, смѣшно сказать, что либерализмъ начинался съ
сухарей, подобно тому, какъ у кавказскихъ горцевъ европейская образованность первоначально выказывалась питьемъ водки.
Въ первые дни по пріѣздѣ новыхъ, старшіе студенты, угощая
ихъ чаемъ, покупали скоромные сухари, хотя бы угощеніе происходило и въ постный день. Конечно, тутъ руководило угощавшимъ маленькое фонфаронство: — вотъ-де знай нашихъ; мы

знать не хотимъ постныхъ дней! Но новичокъ не догадывался объ этомъ, а бралъ сначала съ робостію сухарики, и убѣдившись, что они вкусны, не останавливаются въ горлѣ, перевариваются въ желудкѣ такъ же, какъ и въ скоромные дни, хватался за нихъ посмѣлѣе. Вскорѣ, а иногда и тутъ же узнавали, что не все, считавшееся въ семинаріи грѣхомъ, есть дѣйствительно грѣхъ, что и въ нѣкоторыхъ изъ «несомнѣнныхъ» истинъ можно безбоязненно и съ полнымъ правомъ поусомниться.

Все это въ людяхъ съ посредственными способностями, съ наклонностію къ рутинному настроенію, безъ стремленія къ отчетливому знанію, пошевелилось бы не надолго, и потомъ успокоилось бы; они поворотили бы опять на прежнюю дорогу, даже получили бы окончательное отвращеніе къ наукѣ вообще, особенно если бы всѣ наставники были въ родѣ Смарагдовъ Крыжановскихъ, Венедиктовъ Григоровичей, Ивановъ Ивановыхъ и пр. Но въ академію поступало не мало даровитыхъ людей, съ горячими головами, которые давно уже инстинктивно понимали, что семинарскія, и богословіе, и философія, и вся вообще семинарская мудрость что-то неудовлетворительны и непитательны. Они, получивши даже легкій толчекъ, и сами проложили бы себѣ новую дорогу. Но ихъ расшевеливали и порасталкивали не одни земляки *сухарнымъ либерализмомъ*; сильное пособіе къ умственному своему развитію они получали отъ дѣльныхъ наставниковъ, которые, какъ я уже говорилъ, были въ петербургской духовной академіи, хоть и въ небольшомъ количествѣ.

Наконецъ, въ большей части высшихъ учебныхъ заведеній есть особое, каждому изъ нихъ свойственное умственное и нравственное образованіе воспитанниковъ; — его называютъ *духомъ училища*. Оно развивается и изъясняется цѣлою исторіей заведенія, передается отъ одного курса къ другому подобно тому, какъ отличительныя фамильныя черты нѣкоторыхъ семействъ переходятъ отъ предковъ къ потомкамъ,—пожалуй, почти также какъ инстинктуальныя наклонности животныхъ отъ одного поколѣнія къ другому. Духъ этотъ, какъ бы въ подражаніе разделенію такъ-называемыхъ безплотныхъ духовъ, бываетъ *добрымъ и злымъ*. Не касаясь послѣдняго, я скажу, что въ описываемое мною время въ петербургской духовной академіи господствовалъ и *добрый духъ*, который стремился къ философскому самомышленію, къ свободному пересмотру началъ знанія и вѣры, къ самостоятельности въ жизни. Можетъ быть, хоть и не вполнѣ, онъ получилъ свое начало въ первомъ еще курсѣ. Многіе изъ студентовъ, тогда пріѣхавшіе въ академію, были,

какъ я уже говорилъ, изъ учителей, изъ воспитанниковъ, кі
ской, московской и александроневской академій; они не позі
ляли трактовать себя, какъ мальчишекъ; да и первые два р
тора не убивали ихъ самостоятельности. Кромѣ того, и въ і
учномъ отношеніи они дѣлали большой шагъ впередъ и мог
хоть и не всѣ, считать себя образованными людьми по тогда
нему времени. Филаретъ Дроздовъ старался-было подавить это
духъ и студентовъ передѣлать въ нѣчто похожее на монасть
скихъ послушниковъ; отъ этого второй, третій и отчасти че
вертый выпуски были несравненно слабѣе перваго. Но духъ
былъ вполнѣ задавленъ, онъ все-таки поддерживался Павским
Себржинскимъ, Райковскимъ и другими наставниками; и потої
при Григоріѣ Постниковѣ онъ опять пробудился и ожилъ, от
чего студенты пятаго и шестого выпусковъ оказались лучше ст
дентовъ даже перваго. Наконецъ, при Борисовѣ и Красносел
скомъ поокрѣпнулъ духъ философской любознательности, да
духъ довольно сильнаго стремленія къ религіозной и политич
ской независимости. Пусть обучавшіеся въ то время въ акад
міи припомнятъ тѣ горячіе и оживленные споры о философ
скихъ, богословскихъ и пр. предметахъ, которые тогда прои
ходили у студентовъ и между собою въ комнатахъ, и съ на
ставниками въ классахъ. Развѣ не случалось, что лекція пр
рывалась надолго, споры продолжались по получасу и по час
въ нихъ принимали участіе человѣкъ пять и даже десять? От
запальчивости, отъ горячности антогонистовъ истина тутъ н
всегда выплывала наружу, но самая эта запальчивость и горя
ность показывали, что она слишкомъ интересовала споривших
Что касается до высказывавшихся мыслей, то всѣхъ ихъ и те
перь нельзя было бы напечатать *по независящимъ отъ автор
обстоятельствамъ*. Далѣе, сколько было студентовъ, которые
не зная нѣмецкаго языка, выучивались ему въ годъ, полгода
даже въ меньшій срокъ, съ тѣмъ только, чтобы поскорѣе чи
тать книги нѣмецкія? Къ любимымъ предметамъ принадлежал
философія и богословіе, особенно въ раціоналистическомъ тонѣ
Развѣ мало было тружениковъ, которые, такъ сказать, корпѣли
надъ сочиненіями Канта, Шеллинга, Гербарта, Шада, Круга
Вегшейдера, Брейтшнейдера, Розенмюллера, Деветте, Маренеке
и пр. и пр.? Студенты любили также заниматься и словесно
стію; сами на свои деньги, какъ я уже сказалъ, выписывали
тогдашніе журналы; критическія и ученыя статьи «Московскаго
Телеграфа» съ жадностію ими прочитывались. Не смотря на то,
что издатель «Телескопа» былъ изъ духовнаго званія, его журналъ
ставили ниже «Телеграфа». Романы Вальтеръ-Скотта и Купера и

особенно Загоскина чуть ли не всѣхъ интересовали. Въ подтвержденіе этого ссылаюсь на студентовъ X-го выпуска. Пусть припомнятъ, какъ они въ самый разгаръ холеры 1831 года въ числѣ 30—40 человѣкъ, собравшись въ одну комнату, цѣлую ночь просидѣли, слушая Рославлева,—второй романъ Загоскина, описавшій событія 1812 года. Академисты не чуждались даже политики, и въ этомъ отношеніи едва-ли не были выше студентовъ, по крайней мѣрѣ, петербургскаго университета. Въ самомъ дѣлѣ, Панаевъ, — студентъ его, въ своихъ запискахъ пишетъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго «понятія о значеніи политическихъ движеній. Іюльская революція не произвела на него ни малѣйшаго впечатлѣнія» и пр.? Къ современнымъ ему студентамъ петербургской духовной академіи подобный отзывъ неприложимъ.

Такимъ образомъ, въ студентахъ петербургской академіи могло бы быть много зачатковъ и задатковъ для хорошаго умственнаго образованія, для того чтобы изъ нихъ вышли полезные дѣятели и въ литературѣ, и въ обществѣ. Но такое заключеніе на самомъ дѣлѣ не очень сильно подтверждается. Пересматривая списки студентовъ, принадлежавшихъ къ описываемому времени, встрѣчаешь слишкомъ мало людей, которые бы успѣли, если не прославить себя, то хоть пріобрѣсти извѣстность своими учеными и литературными трудами. То же самое можно сказать и о другихъ родахъ общественной дѣятельности; хорошіе зачатки не много принесли хорошихъ плодовъ. Отъ чего же это произошло?

Школа, даже университетская, не дѣлаетъ еще своихъ питомцевъ вполнѣ готовыми, общественными дѣятелями, литераторами, учеными и пр.; она только подготавливаетъ ихъ къ тому; затѣмъ каждый изъ нихъ долженъ позаботиться объ окончательномъ своемъ образованіи, — *довоспитать* себя. Если среда, въ которую попадетъ воспитанникъ по окончаніи курса хоть въ самомъ высшемъ учебномъ заведеніи, будетъ благопріятствовать его дальнѣйшему умственному и нравственному развитію, то дѣло пойдетъ хорошо; въ противномъ случаѣ, все, что ни запало въ душу воспитанника во время его школьной жизни, замретъ, заглохнетъ, или по крайней мѣрѣ остановится въ развитіи своемъ; развѣ только сильныя, даровитыя натуры съумѣютъ уберечь себя отъ подобной смерти.

Къ несчастію студентовъ петербургской духовной академіи, неблагопріятныя для ихъ умственнаго развитія обстоятельства начинались еще въ самой академіи. Въ низшемъ отдѣленіи студенты гораздо больше занимались своимъ дѣломъ, нежели въ

высшемъ. На это была не одна причина. Наставники въ н шемъ отдѣленіи почти всѣ были или священники, или свѣтск если не всѣ они, то многіе изъ нихъ, живя, такъ сказать, одн своею наукой, смотрѣли на занятія ею очень серьезно, и да пристращивались къ ней, и потому преподавали ее удовлет рительно. Самыя науки въ этомъ отдѣленіи очень сильно ин ресовали молодой умъ, предоставляя ему самостоятельно разв ваться. Наконецъ, въ студентахъ не успѣвала еще остынуть горячность, съ которою они ѣхали въ академію, въ надеждѣ п лучить разрѣшеніе на вопросы, затрогивавшіе ихъ любозн тельность.

Въ высшемъ отдѣленіи многое измѣнялось; тутъ уже пр обладала наука чисто богословская. «Богословская же наука—в разимся словами бывшаго рязанскаго архіепископа Иринарх (о преподаваніи богословія въ университетахъ, стр. 37),—осн ванная на божественномъ откровеніи, не требуетъ никакихъ и мѣненій, улучшеній и усовершенствованій, также какъ и сам откровеніе. Кто ее преподавалъ два-три года, тотъ послѣ м жетъ быть преподавателемъ ея почти безъ всякаго приготовл нія и излагать ее весьма легко со всею подробностію». За мѣтьте, что такъ говоритъ архіепископъ въ оффиціальномъ св емъ отзывѣ министерству народнаго просвѣщенія. Можетъ быт это и нужно для устойчивости богословія, но нельзя не со знаться, что при такомъ взглядѣ на нее богословскія лекці уже не заинтересуютъ молодого человѣка, который притомъ ещ прежде ознакомился съ ними въ семинаріи. Повторять и сл шать только то, что́ уже давно извѣстно, не смѣть и думать о чемъ-либо новомъ подъ опасеніемъ быть уличеннымъ въ ереси; все новое вставлять такъ или иначе въ извѣстныя рамки, одни разъ навсегда устроенныя, — такая умственная дѣятельност неувлекательна, скоро прискучиваетъ. Только люди, подобные Иннокентію Борисову, могутъ заинтересовать богословскими лекціями,—но и тутъ нужно беречься обвиненія въ ереси, воль нодумствѣ и пр. Къ этому прибавить нужно, что наставниками по богословскимъ предметамъ въ академіи въ то время был почти исключительно монашествующіе. А выше уже было ска зано, какъ мало они имѣли поводовъ быть исправными и дѣя тельными преподавателями.

Послѣ этого понятно, какое вліяніе долженъ былъ имѣть на студентовъ ихъ переходъ въ высшее отдѣленіе. Можетъ быть, и въ низшемъ отдѣленіи они уже почувствовали недостаточност академическаго образованія, невозможность при помощи его удовлетворить своей любознательности. Но теперь имъ начина-

...штать тоже самое, что они уже слышали въ семинаріяхъ, ...почти тѣми же словами, по той же методѣ, со внушеніемъ, ...тутъ разсуждать нечего.

...Много было и другихъ обстоятельствъ, останавливавшихъ ...венное развитіе студентовъ высшаго отдѣленія.

По окончаніи академическаго курса студенты наибольшею ...стію попадали въ такую среду, гдѣ умственное развитіе ...трѣчаетъ еще болѣе сильныя препятствія, и гдѣ можно было ...роявить свою общественную дѣятельность въ самыхъ скром...ныхъ размѣрахъ. Лучшіе студенты, какъ я уже говорилъ, оста...вались при академіи баккалаврами. Здѣсь самая должность, лич...ное самолюбіе и даже личныя выгоды заставляли заниматься ...наукою. Нѣкоторые изъ этого сорта академистовъ вышли, если ...учеными, то по крайней мѣрѣ хорошими преподавателями. ...о большая часть баккалавровъ, ознакомившись съ неблагодар...ною академическою службою, спѣшили поскорѣе пристроить себя, ...помощи невѣстъ, на священническія мѣста въ Петербургѣ. ..., которые попадали въ законоучители учебныхъ заведеній, не ...ставляли своихъ ученыхъ занятій и даже пріобрѣтали извѣст...ность своими печатными сочиненіями. Поступившіе въ священ...ники приходскихъ церквей съ большимъ трудомъ уже могли ...ниматься ученостію. Мелочныя заботы по исправленію требъ, ...необходимость бывать въ разныхъ мѣстахъ, расширяющійся бо...лѣе и болѣе отъ этого кругъ знакомства, невозможность часто ...и на долгое время сосредоточивать свое вниманіе на какомъ-...либо ученомъ трудѣ и множество другихъ обстоятельствъ дѣ...лаютъ то, что только немногіе изъ священниковъ приходскихъ ...петербургскихъ церквей имѣли и имѣютъ время и охоту зани...маться наукою. Хотя они и называются «духовными» людьми, ...но житейскія заботы сильно влекутъ ихъ къ матеріальнымъ ...интересамъ.

Наибольшая часть академистовъ поступали въ наставники ...по семинаріямъ. Здѣсь скудное жалованье, почти отсутствіе ...какихъ бы то ни было наградъ и поощреній, безнадежность въ ...будущемъ, ничтожное значеніе въ самомъ заведеніи, угнетеніе ...и невниманіе со стороны ближайшей, недоступность болѣе вы...сокой власти пробуждали апатію не только къ наукѣ, а даже ...къ жизни; а если бы и оставалось какое-либо еще стремленіе ...къ наукѣ, то ему трудно было удовлетворить за невозможностію ...имѣть какія-либо ученыя пособія. Тутъ еще болѣе, нежели въ ...академіи, старались пристроиться гдѣ-либо священникомъ, и вмѣ...стѣ съ тѣмъ оставаться наставникомъ. При этомъ условіи яв...лялась необходимость не столько заниматься наукою, сколько

раболѣпствовать предъ властями, которымъ слишкомъ легко б
устранить изъ семинаріи тѣхъ, кто имъ не нравился; зд
служба часто обращалась въ *прислуживаніе*; а наукѣ съ лак
ствомъ мудрено уживаться.

Наконецъ, иные тотчасъ послѣ окончанія академическ
курса, или послуживши немного наставниками въ академіи
семинаріи, переходили на гражданскую службу. Неподготовл
ность къ ней, недостатокъ протекціи, неумѣнье держать себя
свѣтскою ловкостію болѣе или менѣе затрудняли дорогу къ вы
шимъ должностямъ. Можетъ быть иной и мечталъ быть Спера
скимъ, но приходилось умирать совѣтникомъ въ какой-либо п
латѣ, даже секретаремъ въ консисторіи; завидовали тому, к
дѣлался начальникомъ отдѣленія, вице-директоромъ, и рѣдк
рѣдкій дослуживался до званія директора департамента и т.
Такимъ образомъ, приходилось быть извѣстнымъ почти только
одномъ своемъ *муравейникѣ*.

Итакъ, какія же благотворныя послѣдствія оставила въ об
ществѣ, или по крайней мѣрѣ въ духовенствѣ петербургская д
ховная академія описываемаго мною времени? Никакого, па
добно было бы отвѣчать, если принять за правило, что о влі
ніи всякаго учебнаго заведенія надобно судить единственно по
тому, вышли ли изъ него такія лица, которыя пріобрѣли ист
рическое значеніе и отъ которыхъ видимымъ образомъ произо
шла та или другая реформа, то или другое, какъ говорятъ, ка
питальное событіе въ обществѣ. Но вліяніе, о которомъ идет
рѣчь, можетъ быть дѣйствительно произведено не однимъ, н
многими, и притомъ такъ, что нѣтъ возможности указать н
выдающіяся изъ нихъ личности, которымъ бы исключительно
или преимущественно можно было приписать реформу или со
бытіе. Напримѣръ. Послѣ австро-прусской войны 1866 год
вездѣ стали говорить, что въ ней побѣду одержалъ надъ авст
рійцами «школьный прусскій учитель», т. е. учитель народных
прусскихъ школъ. Но можно ли указать на кого либо изъ мно
жества этихъ учителей, который бы особенно способствовалъ
побѣдамъ 1866 г.? Получилъ ли хоть одинъ изъ нихъ извѣст
ность историческую, особенно съ разсматриваемой нами стороны?
Имѣютъ ли право прусскіе учителя шестидесятыхъ годовъ ска
зать, что они одни, а не ихъ предшественники заслуживаютъ
благодарность своего отечества? Разумѣется, что на всѣ эти во
просы приходится отвѣчать: нѣтъ; а между тѣмъ учителя на
родныхъ прусскихъ школъ одержали побѣду надъ австрійцами,
только учителя не однихъ шестидесятыхъ, или пятидесятыхъ
годовъ, а всего времени, начиная съ 1807 года. Можетъ быть,

что учителя первой половины этихъ годовъ, напр. до 1830 и даже 1840 г. заслуживаютъ даже большей похвалы, нежели ихъ преемники; послѣдніе шли по пробитой дорожкѣ, а тѣмъ надобно было прокладывать ее и по временамъ бороться съ появившеюся въ обществѣ реакціей.

Дѣлая такое сравненіе, я вовсе не хочу утверждать, что петербургская духовная академія имѣла такое же вліяніе на Россію, какое народныя школы имѣли на Пруссію; я выбралъ примѣръ для того только, чтобы удобнѣе объяснить свою мысль. Идеи, какъ говорятъ, не умираютъ; ихъ можно придавливать, на время пріостанавливать, даже искажать, но онѣ все-таки распространяются, и если не всегда являются въ надлежащей, такъ сказать, своей формѣ, то по крайней мѣрѣ обнаруживаютъ свое вліяніе по послѣдствіямъ, которыя отъ нихъ проистекаютъ. Въ описываемое мною время много было въ петербургской духовной академіи высказано новыхъ, неслыханныхъ дотолѣ философскихъ, богословскихъ и др. идей, шедшихъ въ разрѣзъ съ господствовавшими тогда мыслями. А студенты изъ переданныхъ имъ идей вывели, при помощи логической послѣдовательности, еще большее количество умозаключеній. Потомъ разсудокъ ихъ, сбросивши съ себя оковы въ теоретическихъ истинахъ, сталъ смѣло смотрѣть и на практическую жизнь, увидѣлъ и осмѣлился обсуждать множество злоупотребленій, недостатковъ и безпорядковъ въ духовной и духовно-училищной администраціи. Идеи и результаты, къ которымъ студенты неизбѣжно доходили, не всегда можно было высказывать всѣмъ своимъ слушателямъ прямо, откровенно. Но никто не могъ попрепятствовать разсужденіямъ въ кругу близкихъ людей, которые «*не выносятъ сора изъ избы*», или высказывать только факты и явленія, на которыхъ основывается та или другая идея, а окончательный выводъ ея предоставлять догадливости слушателей. Если же и это оказывалось неудобнымъ и опаснымъ, то можно было молодымъ людямъ указать настоящую дорогу къ пріобрѣтенію основательныхъ свѣдѣній, т.-е. пріучить ихъ составлять правильныя сужденія и умозаключенія при помощи математическаго анализа, опытовъ и наблюденій, такъ-называемымъ индуктивнымъ методомъ.

Остававшіеся при академіи наставники едва ли не энергичнѣе другихъ своихъ товарищей могли дѣйствовать и дѣйствовали. Несмотря на гнетъ, подъ которымъ имъ приходилось жить въ тридцатыхъ, сороковыхъ и даже въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ, сѣмена, посѣянныя Борисовымъ, Красносельскимъ, Делекторскимъ, Павскимъ и пр., не погибли, а давали отростки; духъ пытливости, критицизма и любознательности

былъ истребляемъ, но не истреблялся въ академіи, а недовольство господствовавшими въ духовно-учебномъ и духовномъ вѣдомствѣ безпорядками и злоупотребленіями едва ли не увеличивалось. Авторитеты прежніе падали; въ этомъ случаѣ всего лучше указать на Филарета Дроздова. Его библейскую исторію, его записки на книгу бытія, его проповѣди перестали считаться въ академіи образцовыми; надъ ними, особенно надъ ихъ слогомъ безпощадно смѣялись; сами монашествующіе, наконецъ, и въ статьяхъ, печатаемыхъ въ «Христіанскомъ Чтеніи», и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, даже въ проповѣдяхъ, уже не подражали Дроздову.

Скажемъ нѣсколько словъ и о тѣхъ тогдашнихъ студентахъ, которые поступали священниками въ Петербургѣ. Конечно, не всѣ они принадлежали къ партіи духовнаго прогресса; иные оказывались порядочными даже ретроградами; но по крайней мѣрѣ большая часть ихъ не была почитателями тѣхъ лицъ, которыя старались тогда парализировать умственное движеніе въ духовномъ званіи; нѣкоторые же изъ нихъ держались идей Борисова, Красносельскаго и Павскаго и пр. Но почти всѣ съ неудовольствіемъ переносили тотъ іерархическій, и особенно педагогико-монашескій гнетъ, который тяготѣлъ тогда надъ духовенствомъ. Наконецъ, и отъ тѣхъ студентовъ, которые посылались наставниками въ семинаріи, много, очень много такъ или иначе распространено новыхъ идей богословскихъ, философскихъ и пр., много мыслей относительно неудовлетворительнаго положенія духовныхъ училищъ.

Гдѣ же доказательства того вліянія, которое я приписываю петербургской духовной академіи извѣстнаго періода? Гдѣ тѣ *австрійцы*, которыхъ ей удалось побѣдить? У насъ до сихъ поръ лица такъ щекотливы, что я ихъ не стану трогать; они готовы вступаться даже за *австрійскія идеи*. Лучше укажу на реформы, произведенныя въ послѣднее время въ духовныхъ училищахъ и духовенствѣ. Несправедливая привилегія ученаго монашества занимать всѣ начальническія должности въ семинаріяхъ и отчасти въ академіяхъ—отмѣнена. Вотъ уже какъ нѣсколько лѣтъ вновь опредѣляемые ректоры почти всѣ принадлежатъ къ бѣлому духовенству, а инспекторы—и къ міранамъ: даже въ трехъ академіяхъ инспекторствуютъ тоже свѣтскіе профессоры. Ректоры и инспекторы семинарій только утверждаются синодомъ, а первоначальное избраніе ихъ зависитъ отъ собранія всѣхъ наставниковъ ея. Бѣлому духовенству предоставлено право участвовать въ управленіи духовно-учебными заведеніями епархій; депутаты его избираютъ смотрителей низшихъ училищъ,

вѣряютъ ихъ не только хозяйственное, но и учебное управленіе; они же избираютъ въ училищныя и семинарскія правленія членовъ, которые, не говорю уже объ административномъ значеніи, имѣютъ право слѣдить въ классѣ за преподаваніемъ другихъ наставниками. Автократизмъ ректоровъ устраненъ; большинство членовъ распорядительнаго и особенно педагогическаго правленія состоитъ изъ депутатовъ отъ духовенства и отъ наставниковъ. Содержаніе казеннокоштныхъ учениковъ такъ улучшено, что, можетъ быть, недалеко то время, когда о бурсѣ можно судить будетъ только по преданію. Раздѣленіе преподаваемыхъ предметовъ на главные и второстепенные—уничтожено; для окончанія курса въ семинаріи нынѣ нужно ученику знаніе математики точно также, какъ и знаніе богословія. Духовныя академіи получили коренное преобразованіе; организація ихъ почти одинакова съ организаціей университетовъ; жаль только, что ректоръ назначается не по избранію академическаго совѣта, а порядкомъ административнымъ. Реформы коснулись и самого бѣлаго духовенства; вспомните новые штаты церквей, новый составъ причта, уничтоженіе духовнаго званія, какъ отдѣльной касты, отмѣну передачи мѣстъ по наслѣдству и чрезъ невѣстъ и пр. и пр. Перечислять всѣ реформы по духовному вѣдомству и его училищамъ, было бы очень продолжительно, А сколько еще вновь ихъ приготовляется? Не говорю о томъ, чтобы всѣ новыя реформы были вполнѣ удовлетворительны. Къ большому еще сожалѣнію ихъ стараются передѣлать на старый ладъ сильные авторитеты, *консерваторы старинныхъ безпорядковъ*. Въ семинаріяхъ злоупотребленія отчасти предотвращаются членами-ревизорами духовно-учебнаго комитета; въ епархіальномъ же управленіи еще въ ходу: «Sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas»! За всѣмъ тѣмъ, такъ много уже сдѣлано, такъ много подготовляется, что чрезъ нѣсколько лѣтъ при благопріятныхъ, разумѣется, обстоятельствахъ, духовенство наше должно вполнѣ преобразоваться къ лучшему...

И все же не лишнее вспомнить недавно прошедшее, такъ какъ нельзя утверждать, чтобы не было совсѣмъ путей къ возвращенію, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ, частныхъ случаяхъ, и что «корабли совсѣмъ сожжены».

Р. С.

ЧУМАКЪ
ВЪ
НАРОДНЫХЪ ПѢСНЯХЪ

Этнографическій очеркъ.

«Языкъ, законодательство, кодексъ нравственныхъ правилъ—все это отвлеченности; полное же знаніе доставляетъ изученіе человѣка дѣйствующаго, тѣлеснаго, видимаго, который ѣстъ, ходитъ, борется, работаетъ».

Тэнъ: Histoire de la littérature anglaise.

О высокомъ достоинствѣ народныхъ южнорусскихъ пѣсенъ между любителями и знатоками народной поэзіи установилось чрезвычайно выгодное мнѣніе. Можетъ быть этому и обязаны южнорусскія пѣсни своимъ распространеніемъ болѣе чѣмъ въ десяти сборникахъ[1]). Но пѣсни эти до настоящаго времени

---

[1]) Вотъ главнѣйшіе изъ нихъ:

1. Малороссійскія и червонорусскія народныя думы и пѣсни. (Сборникъ г. Лукашевича) Спб. 1836 г.

2. Украинскія народныя пѣсни, изд. М. А. Максимовичемъ. М. 1827.

3. Украинскія народныя пѣсни, его же. М. 1834.

4. Сборникъ украинскихъ пѣсенъ, его же. Кіевъ. 1849.

5. Народныя южнорусскія пѣсни, изд. А. Л. Метлинскимъ. Кіевъ. 1854.

6. Ужинок рідного поля, вистачений працею. М. Г. Москва 1857.

ныя и остаются по большей части безъ изслѣдованія. Правда, было нѣсколько попытокъ къ изученію южнорусской поэзіи; но при этомъ лица, обращавшія свое вниманіе на пѣсни украинскія, занимались: или критически-художественною оцѣнкою ихъ произведеній, руководясь личнымъ эстетическимъ вкусомъ [1]; или филологическимъ ихъ достоинствомъ и сближеніями съ доисторическими памятниками индоевропейскаго эпоса—мифическою и лексическою ихъ стороною [2]); или, наконецъ, ихъ высокимъ историческимъ значеніемъ [3]). Такимъ образомъ, занимались гораздо больше произведеніями народа, чѣмъ самимъ народомъ, изобразившимъ въ творчествѣ своего духа—пѣсняхъ и сказаніяхъ — свой бытъ, свои типическія личности, выработанныя процессомъ многовѣковой исторической жизни.

Первый, и давно обратившій вниманіе на характеристику народа по произведеніямъ украинскихъ народныхъ типовъ, былъ Н. И. Костомаровъ въ своемъ разсужденіи: «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи». Едва ли не единственнымъ въ этомъ отношеніи послѣдователемъ г. Костомарова явился г. Боровиковскій съ небольшимъ, но живымъ и прекрасно исполненнымъ этнографическимъ этюдомъ: «Женская доля по малороссійскимъ пѣснямъ [4])». Хотя г. Боровиковскій въ предисловіи къ своему очерку скромно замѣчаетъ, что онъ желалъ только «дать хоть приблизительное понятіе о томъ, какое богатство поэзіи въ украинскихъ пѣсняхъ»; но онъ даетъ гораздо больше обѣщаннаго: очеркъ его представляетъ весьма удачную характеристику жизни малороссіянки въ различныхъ ея положеніяхъ: дѣвушки, жены, матери.

Вотъ все, что, сколько намъ извѣстно, сдѣлано южнорус-

---

7. Народныя пѣсни, собранныя въ западной части Волыни. Н. И. Костомаровымъ. (Малорусскій литературный сборникъ, изд. Д. Мордовцевымъ). Саратовъ. 1859.

8. Избранныя малороссійскія и галицкія пѣсни и думы. Н. Закревскій. Старосвѣтскій бандуриста, кн. 1-я. М. 1860.

9. Пісні про кохання. Видавъ Д. Лавренко. Кіевъ. 1864.

10. Pieśni ludu russkiego w Galicyi, Wacława z Oleska. Lwów. 1833.

11. Pieśni ludu russkiego w Galicyi, zebrał Żegota Pauli. 2 t. Lwów. 1839—1840.

Кромѣ того, я еще пользовался пѣснями и разсказами чумаковъ, собранными мною въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно Полтавской губерніи, а также матеріалами, обязательно сообщенными мнѣ С. Л. Метлинскимъ и И. П. Новицкимъ.

1) Венелинъ, Бодянскій.

2) Буслаевъ.

3) Максимовичъ, Костомаровъ.

4) Чтенія въ Императ. обществѣ исторіи и древностей. 1867 г., кн. 4-я.

скою этнографіею для характеристики народныхъ типовъ народной поэзіи.

Не претендуя на всестороннее изслѣдованіе народнаго б та, мы также въ своемъ этнографическомъ очеркѣ намѣре ограничиться однимъ изъ начинающихъ исчезать украински типовъ — *чумаковъ*. Стараясь, по возможности полно, предст вить этотъ оригинальный и самобытный типъ во всѣхъ пол женіяхъ жизни, съ картиною его быта, нравовъ, обычаевъ обрядовъ, мы старались характеризовать его преимуществен подлинными словами самыхъ пѣсенъ. Даже и чисто-внѣшню сторону чумацкой жизни и ея обстановки мы изображали тѣм же способомъ, съ цѣлью, во-первыхъ, показать — насколь сильна въ нихъ описательная (художественная) сторона; а во вторыхъ, всякая характеристика удачнѣе всего можетъ быт сдѣлана на языкѣ лица характеризуемаго. Относительно народ ныхъ типовъ, а особенно украинскихъ, такой пріемъ болѣе не обходимъ, чѣмъ гдѣ-либо: подлинныя слова пѣсни часто вамъ скажутъ то, чего не выразятъ цѣлыя изслѣдованія и разсуж денія.

I.

Происхожденіе чумачества.

Чумаками, какъ извѣстно, называются малороссіяне, отправляющіеся на волахъ въ Крымъ за солью или къ морямъ Черному и Азовскому за рыбою, откуда они развозятъ соль и рыбу по безчисленнымъ украинскимъ ярмаркамъ.

Откуда и когда произошло чумачество? подъ вліяніемъ какихъ именно внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ оно привилось въ Южной Руси и сдѣлалось любимымъ промысломъ южноруссовъ? наконецъ, какъ этотъ промыселъ вліялъ на выработку типической личности чумака?

Основываясь на томъ, что потребность въ соли, рыбѣ и другихъ продуктахъ существовала для Южной Руси и была удовлетворяема, конечно, съ самаго ранняго времени исторической жизни южноруссовъ, — торговля съ Византіею и вообще югомъ нынѣшней Россіи велась издревле,—а, наконецъ, черезъ Южную Русь пролегалъ извѣстный торговый путь «въ греки», а также *соляной* (подъ 1169 г.)—можно бы отнести происхожденіе чумачества къ довольно давнему прошлому. Но для подтвержденія этого мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ историческихъ данныхъ, а потому и не станемъ вдаваться въ слишкомъ

глубокую старину и по догадкамъ строить гипотезы о древности чумака. Мнѣнія же знатоковъ Южной Россіи и ея прошлыхъ судебъ, относительно образованія чумачества, расходятся значительно. Такъ, Н. И. Костомаровъ, въ сочиненіи «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи», говоря о козакѣ, какъ «образцѣ народнаго малороссійскаго характера», замѣчаетъ, что когда, наконецъ, козакъ сошелъ съ исторической сцены, на которой онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ народной жизни южноруссовъ, то «черты его перешли въ другіе классы народа». Такимъ образомъ, «отраженіемъ угасшаго рыцарства явился въ Малороссіи чумакъ», какъ бы вызванный условіями переходнаго состоянія отъ воина къ земледѣльцу. «Прежде, чѣмъ козакъ обратился въ поселянина, говоритъ г. Костомаровъ, онъ сталъ чумакомъ и бурлакомъ»: оставивши «козаковать», малороссіяне принялись «чумаковать». А г. Максимовичъ утверждаетъ, что «чумачество *издавна* было важнѣйшимъ промысломъ козаковъ».

По нашему мнѣнію, чумачество едва ли можетъ быть названо «отраженіемъ угасшаго рыцарства»; напротивъ, это—самостоятельный типъ южноруссовъ, существовавшій и во времена козачества, — и подтвержденіе тому можно найти въ народной поэзіи и въ историческихъ актахъ.—Дѣйствительно, козакъ, его духъ и характеръ были образцемъ, идеаломъ малороссіянина,—идеаломъ, осуществить который было желаніемъ каждаго. И всякій, конечно, болѣе или менѣе осуществлялъ этотъ идеалъ. Поэтому-то характеристическія черты козака, какъ идеала, присущи каждому малороссіянину, будь онъ *чумакъ*, *бурлакъ* или просто *хліборобъ*. Да иначе и быть не могло. Народъ не можетъ составить себѣ идеала, какъ отвлеченную идею: онъ въ идеалѣ осуществляетъ только лучшія черты своего собственнаго міровоззрѣнія, своего быта и характера. Поэтому, «дівчина», лаская своего «милого» вечеромъ «надъ криницею», (у источника), называетъ его «казаченькомъ»—хотя этотъ козаченько только что возвратился отъ плуга. Чумакъ тоже именуется «козаченькомъ». Описывая красоту чумака, малороссіянинъ говоритъ: «Ой чумаче, чумаче, въ тебе личко козаче»! — Во времена бурной, воинственной жизни Малороссіи, рядомъ съ козакомъ — идеаломъ малороссіянина — существовали какъ чумаки, такъ бурлаки, и «селяне — хлібороби», которые, когда бывало нужно, мѣняли свои волы, возы, плуги, косы на «бистриі коні», на «гостриі списи», на «шаблі-сестриці» и на «сестриці-ладівниці»—и становились козаками. Часто случалось, что одинъ и тотъ же человѣкъ въ теченіи своей жизни прохо-

дилъ всѣ три положенія: былъ бурлакомъ, козакомъ и чумако
Въ пѣсни поется:

> Ой хвортуна, хвортунина (фортуна)!
> Послужи намъ, якъ служила:
> Служила въ бурлавстві,
> Служила въ козастві —
> Послужи ще й у чумастві!

Историческіе памятники также служатъ подтвержденіемъ н шего мнѣнія. Когда Потоцкій, 1-го декабря 1637-го года, пр былъ въ гор. Богуславъ, то нашелъ рынокъ, загроможденный ч *мацькими мажами* (возами) съ солью [1]). Въ актахъ, изданны Археографическою коммиссіею, помѣщенъ листъ гетмана Мазеп полковнику Новицкому (16 іюля 1690 г.) [2]), гдѣ между пр чимъ, говорится... «свѣжо намъ дойшла вѣдомость певная о *чумаковъ Полтавськихъ*, которые безъ вѣдома нашего самоволь будучи на Запорожью, а отколь заѣхавши и въ Крымъ, *для свое торговаго дѣла*»... etc... Значитъ, уже въ то время чумачеств было развито, а объ угасаніи козачества тогда никто еще и н думалъ. Къ тому же, если принять во вниманіе, что для обр зованія типа потребны не одинъ и не два десятка лѣтъ, окажется, что чумачество существовало не только раньше 163 года, не только совмѣстно съ козачествомъ, но и до образова нія его.

Этого именно мнѣнія держится другой знатокъ Малороссі и ея исторіи П. А. Кулишъ. Онъ, какъ и г. Максимович утверждаетъ, что «чумацкій промыселъ былъ нераздѣльно частію казачества»; а о происхожденіи чумачества замѣчаетъ «Прежде, чѣмъ козаки сдѣлались извѣстны всему міру свои наѣздами, въ актахъ уже шло дѣло объ ихъ чумачествѣ и ссорахъ съ мѣщанами по торговымъ дѣламъ [3])». Впрочемъ самъ г. Костомаровъ въ позднѣйшемъ своемъ трудѣ приводит фактъ, подтверждающій это. Во введеніи къ послѣднему изданія Богдана Хмѣльницкаго онъ указываетъ грамоту 1499-го года гдѣ говорится о козакахъ, которые плавали внизъ по Днѣпр за рыбою и привозили ее въ Кіевъ на продажу [4]). Чтó это з козаки? неизвѣстно. Но, судя по занятію, нельзя не видѣть в нихъ быть можетъ родоначальниковъ чумацкихъ. Акты конц

---

[1]) Черниговскій листокъ. 1863 г., № 9. «Отрывокъ изъ исторіи борьбы Поль съ козаками—Битва подъ Кумейками». П. А Кулиша.

[2]) Ист. акты, изд. Археогр Ком., т. 5, № 208.

[3]) Черниговскій листокъ, 1863 г. № 9. «Битва подъ Кумейками».

[4]) Богданъ Хмѣльницкій. 1870 г., т. I, XX.

XV-го и начала XVI-го вѣка показываютъ, что многіе украинцы, говоритъ г. Костомаровъ далѣе, «имѣли обычай отправляться весною къ порогамъ и за пороги ловить тамъ рыбу и звѣрей, а осенью возвращались въ Украину и въ украинскихъ городахъ продавали свѣжую и просольную рыбу и звѣриныя шкуры [1]).

Такимъ образомъ, чумачество, если не по имени, то de facto, существовало раньше казаччины, съ ея гетманами, ея бурною исторіею. Никакіе акты конечно не укажутъ года, когда въ первый разъ двинулась изъ Украины въ дорогу первая чумацкая «вáлка» (обозъ изъ 30 или 40 возовъ). Но можно предположить, что чумачество въ томъ видѣ, какимъ мы его встрѣчаемъ въ народной поэзіи, т.-е. какъ отдѣльный типъ чумака, — возникло въ XV-мъ или началѣ XVI-го вѣка. Образовалось оно подъ вліяніемъ экономическихъ причинъ—промысловъ и торговли, и если приняло отчасти военную организацію, сходную съ козацкою, то благодаря тому, что: во-1-хъ, промысломъ этимъ занимались и сами первые козаки, а во-2-хъ — этого требовали тогдашнія условія пустыннаго края, черезъ который пролегалъ путь въ Крымъ и къ южнымъ морямъ. Ѣзда по этому пути въ тѣ времена была далеко не безопасна. Никто безъ оружія не могъ пуститься въ дорогу, на которой поджидали добычи шайки грабителей, жившихъ «по пущахъ и пѣтрахъ Днiпровихъ» грабежемъ и разбоями, или же дикія орды татаръ. Только съ образованіемъ войска Запорожскаго было гдѣ пріютиться ѣдущему по этой безлюдной пустыни. И дѣйствительно запорожскіе «зімовники» служили пристанищемъ для чумаковъ. Въ пѣсни говорится:

Гей, дотягайте, славні чумаченьки,
До Великаго Лугу! [2])

Чумаки иногда даже проводили зиму на Запорожьѣ:

Ой которні та й поспішали,
То ті въ Лузі зімували;
А которні та й не поспішали,
То ті въ степу пропадали!

Вообще, Запорожье должно было играть очень важную роль въ образованіи и развитіи чумачества, такъ какъ оно въ XVI-мъ, XVII-мъ и XVIII-мъ ст. служило посредникомъ въ торговлѣ

---

[1]) Ibidem. XXIII.

[2]) *Великимъ Лугомъ* назывался большой низменный островъ, облитый водою р. Днѣпра и р. Конской. По преданію, островъ этотъ былъ первымъ гнѣздомъ запорожцевъ.

между Украиною, Литвою и Польшею съ одной, и Крымомъ — съ другой стороны. Кромѣ того, запорожцы въ значительно степени занимались и сами солянымъ, а особенно рыбным промысломъ. Они, по словамъ Поноччи, королевскаго секретар временъ Хмельницкаго, возили вяленую и соленую рыбу «ма жами» даже во Львовъ, продавали тамъ ее вмѣстѣ съ волами а сами возвращались домой на одноколкѣ. Торговля пшеном была также въ большомъ ходу: его доставляли къ рѣкамъ, те кущимъ въ Вислу.

Изъ этихъ-то торговцевъ-извощиковъ и сложился тип малороссіянъ, извѣстныхъ подъ именемъ *чумаковъ*.

По поводу производства слова чумакъ существуютъ также разногласныя мнѣнія. Г. Максимовичъ полагаетъ, что слово это происходитъ отъ татарскаго и у насъ въ старину употребительнаго слова *чумъ* или *чюмъ* — ковшъ. Съ этимъ мнѣніемъ, чуть ли не почерпнутымъ отъ Карамзина, согласенъ и Жегота Паули, а г. Данилевскій утверждаетъ, что слово это взято съ татарскаго и значитъ просто — извозчикъ. Другое же мнѣніе, котораго держатся гг. Скальковскій, Новосельскій и Закревскій слѣдующее: названіе *чумакъ* произошло отъ *чума* (язва), для предохраненія отъ которой чумаки, идя въ дорогу, имѣли въ обычаѣ обмазывать дегтемъ «штани и сорочку», что̀ дѣлается нѣкоторыми и теперь.

Первое мнѣніе, какъ намъ кажется, положительно невѣрно. Какое отношеніе чумака къ ковшу? Развѣ то, что онъ иногда пилъ ковшемъ? Но пилъ вѣдь и простой земледѣлецъ ковшемъ, пилъ ковшемъ и бурлакъ, а вѣдь они не названы чумаками. Что же касается послѣдняго мнѣнія, то оно имѣетъ за себя слѣдующія основанія. Чумаки, ѣздившіе въ Крымъ за солью, были едва ли не первыми, вывезшими оттуда въ Украину чуму, не говоря уже о томъ, что сами они нерѣдко заражались и умирали отъ этой болѣзни. Вотъ историческое подтвержденіе этого. Въ листѣ полковнику Новицкому (18-го іюля 1690-го г.) гетманъ Мазепа предупреждаетъ его: «Если бы тежъ Запорожцы, или городовые чумаки, зъ Запорожья зъ рыбами идучи въ городы, вашихъ милостей стрѣтили, теды ихъ до себе вцалѣ не припущай те и рыбы въ нихъ своему войску пріймати сурово закажите, для *муравой заразы*, кгды жъ на Запорожью цалѣ триваетъ великій моръ [1])». Другой признакъ, по которому могло произойти названіе чумака отъ чумы — это внѣшній видъ чумака. Постоянное пребываніе при волахъ, ежедневная смазка

[1]) Историч. акты, изд. Археографич. Ком., т. V, 237.

колесъ, пыль, въѣвшаяся во все тѣло чумака, дѣлаютъ его черными — что совершенно сходно съ чумными больными.

Впрочемъ, производство слова чумакъ отъ того или другого корня не особенно важно. Насъ занимаетъ самый образъ чумака и его прошлое.

II.

Чумаки въ старину и нынѣ.

Въ движеніи чумаковъ были заинтересованы какъ крымскіе ханы, такъ и запорожцы. Извѣстно, что соль въ древности составляла ханскую регалію и была однимъ изъ главныхъ источниковъ ханскихъ доходовъ. Поэтому ханы крымскіе не только заботились объ устраненіи препятствій къ возможно-большему вывозу соли за предѣлы Крыма, но даже предварительно извѣщали запорожцевъ объ урожаѣ соли на озерахъ, считая козаковъ главными посредниками въ торговлѣ съ чумаками. Такъ приставъ перекопскаго промысла пишетъ Кошевому: «Благодареніе Богу, Его святымъ произволеніемъ, сего году, уже выстояніе свое сдѣлавъ, соль произошла обильно противу прошедшаго году: какъ обычай, сѣла хорошо. Да при томъ же воды и травы въ Крыму, также и на пути вездѣ изобильно, такъ что очень спокойно нынѣ для чумаковъ, а для скота кормовъ достанетъ». Что же касается Запорожскаго войска, то прибытіе чумаковъ на Запорожье было выгодно во многихъ отношеніяхъ: рыболовство было однимъ изъ занятій козаковъ, которые продавали чумакамъ рыбу, или же мѣняли ее на воскъ, сало, хлѣбъ, водку и т. п. продукты, привозимые чумаками. Кромѣ того, запорожцы извлекали большіе доходы, для своего скарбу, за переправы чумаковъ черезъ рѣчки, пролегавшіе по Запорожью, и за проводы «чумацкихъ ватагъ» въ опасныхъ мѣстахъ. А тогдашніе пути сообщенія были вовсе не безопасны, да иногда ихъ и вовсе не было.

Въ тѣ отдаленные отъ насъ времена, въ «пустошироких степахъ» нынѣшней Екатеринославщины и Херсонщины — по выраженію лѣтописи — «не имѣлось ни единой стежки, ни слѣду, какъ на морѣ»: въ этой дикой пустынѣ, въ которой проѣзжающіе «познавали путь свой въ день по солнцу, и кряжахъ высокихъ земныхъ и по могиламъ, ночью же по звѣздамъ, и вѣтрамъ и рѣчкамъ», — пролегало только двѣ чумацкихъ дороги: Черный шляхъ и Муравскій. *Черный шляхъ* назывался такъ по причинѣ опасностей, которымъ подвергались проѣзжавшіе по немъ. Въ

простонародьи шляхъ этотъ именуется еще и *Шпаковымъ*, по имени чумацкаго атамана Шпака, искуснаго вожака «чумацкихъ ватагъ». Этотъ шляхъ проходилъ почти по той самой стезѣ, что̀ и нынѣшній торговый путь изъ западныхъ губерній. Начинаясь на Волыни, онъ идетъ до Умани, а оттуда по тайнымъ тропинкамъ, по глубокимъ оврагамъ и берегамъ степныхъ рѣчекъ доходитъ до Балты, потомъ до Ольвіополя, а наконецъ до Никитской переправы на Днѣпрѣ. *Муравскій* же шляхъ шелъ изъ глубины Малороссіи черезъ восточныя степи Запорожья. Пробравшись по вершинамъ Ворсклы до вершинъ рѣчки Берестоватой, впадающей въ Самару, онъ ведетъ къ югу, черезъ запорожскія паланки, до границы, или рѣки Конскія-Воды (Конка)— и тутъ уже переходитъ «на крымскую сторону». Названіе Муравскаго произошло отъ *муравы*—мелкой травы, растущей по окраинамъ дороги. По этимъ-то *одвичнимъ шляхамъ*,—какъ только весна, подсохнутъ дороги и трава на степи зазеленѣетъ, —многочисленныя чумацкія *ва̀лки* тянулись своими медленными волами.

Дойдя до запорожской границы, т.-е. до впаденія р. Синюхи въ Бугъ (если шли по Черному шляху),—чумацкій атаманъ отправлялся въ *гардъ* (присмотръ, стража) и просилъ провожатыхъ. Переправившись тамъ черезъ рѣку, за что̀ взымалась установленная пошлина—*мостовое*,—чумацкая ва̀лка, по изслѣдованію г. Скальковскаго, «подъ прикрытіемъ запорожскаго отряда направлялась къ р. Мертвымъ Водамъ, а оттуда, смѣнясь провожатыми Ингульской паланки, доходила до Никитина, если шла въ Крымъ, или до Кодака, если на Донъ за рыбою. За то платили въ кошевой скарбъ 8 р. до Никитина, и 10 р. до Кодаку, и давали небольшой *ралѣцъ* (подарокъ) своимъ путеводителямъ». За проѣздъ же по мостамъ и за перевозъ на поромахъ взымалось въ войсковой скарбъ, смотря по нагрузкѣ воза, отъ 2-хъ до 10-ти коп. съ *хуры* (фура).

О пребываніи чумаковъ на Запорожьѣ и путешествіи по Ногайскимъ степямъ г. Скальковскій говоритъ такъ: «Въ Запорожьѣ чумакъ или польскій торговецъ находилъ защиту отъ гайдамакъ, пристанище у бѣлой хаты зимовника, обыкновенно стоявшей на берегу глубокой рѣчки, въ уединенной балкѣ или у вырытаго колодца, обложеннаго камнемъ, съ привѣшеннымъ ведерцемъ, деревяннымъ корчакомъ и жолобомъ, для поенія людей и рабочаго скота. Хозяинъ зимовника, запорожскій козакъ, обыкновенно былъ и шинкаремъ; слѣдовательно, безопасность ватагъ чумацкихъ была для него не только долгомъ, но и источникомъ прибыли: онъ хорошо зналъ, что слава добраго

зимовника распространяется скоро не только въ Украинѣ, но и за-границею. Къ тому же, исключая разбойничьихъ нападеній гайдамаства, и то ночью на одиночныхъ ватажанъ или неосторожныхъ молодиковъ, стерегущихъ скотину, — караваны могли быть спокойны на Запорожьѣ, какъ дома. Въ случаѣ обиды, всякій зналъ, что или панъ-полковникъ пограничный, или разъѣздныя команды, или даже и войсковая старшина жестоко накажетъ кіями шалуна или грабителя.

«Но перешагнувъ за Днѣпръ, у Никитина перевоза, чумакъ мазалъ свою рубашку и одежду дегтемъ, изъ предосторожности отъ «чумы и гадины», заряжалъ *рушницю*, добывалъ изъ воза *списа*, а на груди, на ремешкѣ, вѣшалъ *чамдне* (бумажникъ), въ которомъ хранился *ярлыкъ*. Въ ногайской степи уже ни селъ, ни зимовниковъ не было; хорошо еще, если «трава уродила» и вода «въ полевыхъ рѣчкахъ не повысыхала, а то уже не у кого достать ни корму, ни водопоя. Отъ запорожской границы до самой Перекопской *башты*, не увидятъ уже они ничего, кромѣ табуновъ или стадъ татарскихъ, весь годъ блуждающихъ съ чабанами, также дикими, какъ и ихъ лошади.... Въ голой степи, вдали отъ аула, ногайцы не боялись никого и для нихъ зарѣзать двухъ-трехъ ватажанъ, отнять скотину или хлѣбъ считалось молодечествомъ. А сколько обмановъ на соляныхъ озерахъ, сколько обидъ въ баштѣ отъ всякаго рода дыздарей, имановъ и каймакановъ!»

Вообще путешествія чумаковъ въ тѣ времена обходились не даромъ: или гайдамаки набѣгутъ и ограбятъ чумацкую вáлку, или татары. Опасности были такъ велики, что «въ окрестностяхъ пороговъ, по словамъ Боплана, путешествіе съ сотнею, даже съ тысячею человѣкъ, не безопасно, такъ какъ татары, не имѣя постоянныхъ жилищъ, то-и-дѣло разъѣзжаютъ отрядами въ 5, 6—10 тысячъ». Слѣдствіемъ такой опасности явилось образованіе чумацкой *артілі:* чумакъ въ одиночку никогда не пускался въ такой опасный путь—и чумаки ѣздили не иначе, какъ «ватагами»—*вáлками*. Въ случаѣ же набѣга гайдамаковъ или ногайцевъ, съ цѣлью поживиться чумацкимъ добрóмъ,—чумаки дѣлали изъ возовъ *тáборъ*, который столь же трудно было взять, какъ и укрѣпленный лагерь.

Всякая валка имѣла своего выборнаго *отамана*, который шелъ съ своимъ возомъ всегда впереди валки. Отаманъ всегда избирался изъ чумаковъ бывалыхъ въ дорогахъ: онъ указывалъ путь, опредѣлялъ дневныхъ и ночныхъ сторожей для скота, распоряжался часомъ ѣзды и отдыха, разбиралъ ссоры между ватажанами и т. п. Кромѣ отамана, каждая валка имѣла еще и

другое должностное лицо—*кýхаря,* т.-е. кашевара, на возу
тораго находились съѣстные припасы, а также *казанъ* и
ганы́—символы его званія.

Такимъ образомъ организованная и вооруженная чумац
валка медленно подвигалась изъ Украины, Литвы или Поль
въ Крымъ—за солью или къ рыболовнымъ притонамъ—за
бою. Затѣмъ, набравши въ Крыму соли, за которую турец
правительство въ перекопской башнѣ взымало извѣстную пла
или же накупивши на рыбныхъ ловляхъ (тафахъ) рыбы [1],
маки возвращались обратно домой по тѣмъ же «одвічнимъ ш
хамъ», одиночно тянущимся среди безлюдной и безводной с
пи,—шляхамъ до того длиннымъ, что видъ ихъ внушилъ да
малоросамъ загадку: «лежить гася—простяглася; якъ устане,
й неба достане»!

Таково отдаленное историческое прошлое чумачества.

Въ настоящее время мы встрѣчаемъ чумаковъ вездѣ, гд
только слышна южнорусская рѣчь. Въ Полѣсьи, на Волыни, в
Подоліи и Украинѣ извѣстно названіе чумака. Хотя въ каждо
изъ этихъ мѣстностей типъ чумака, имѣя многія общія черт
разнообразится вслѣдствіе мѣстныхъ требованій и особенносте
но существуетъ собственно два главныхъ вида чумаковъ. На бе
регахъ Стыри, Горыни и Березины, въ такъ, называемомъ По
лѣсьи, чумачество возникло вслѣдствіе развитія торговыхъ от
ношеній съ окрестными городами и приняло значеніе извозни
чества; но въ Подоліи, право-и лѣво-бережной Украинѣ (Кіев
ской, Полтавской, Черниговской и Харьковской губ.) чумаки, тор
гующіе рыбою и солью, образовали изъ себя особый промышлен
ный классъ, собственно и извѣстный подъ этимъ именемъ. Сбытъ
лѣсныхъ продуктовъ Полѣщука заставлялъ чумака тянуться къ
торговымъ пунктамъ на Днѣпрѣ, Двинѣ и Вислѣ: чумакъ на
нимался доставлять туда деготь, лѣсъ, поташъ, гдѣ оставлялъ
эти произведенія своей мѣстности, набиралъ, если случалось,
новыхъ — и возвращался домой. Совершенно иное чумачество
въ Подоліи и Украинѣ: тутъ оно до настоящаго времени почти
совершенно сохранилось въ своемъ первоначальномъ видѣ. От
правляясь въ Крымъ или Бессарабію за солью, на Донъ или къ

---

[1]) Приведемъ цѣны, существовавшія въ XVII и XVIII-мъ в. на предметы чу
мацкаго промысла. Дегтю ведро государево — 1 к.; рыбы сеньги—$1\frac{1}{2}$ к. десятокъ;
сала свиного фунтъ—7 к.; хлѣба пшеничнаго фунтъ—3 к.; соли у вольныхъ торгов
цевъ пудъ—$\frac{1}{4}$ к.; казенной—$\frac{1}{2}$ к.; пива ведро—23 к.; меду патоки ведро 2 р. 20 к.;
горілки пѣнной ведро—50 к.; полугарной—1 р. 20 к.; сивухи—60 к.; масла коно
пляного ведро—1 р. 40 к. Свѣдѣнія эти извлечены изъ полусгнившихъ дѣлъ гра
данскаго полкового архива.

Днѣпровскимъ лиманамъ—за рыбою и набравши тамъ полные возы этого «добра», — чумаки сами потомъ развозятъ его по ярмаркамъ и занимаются продажею. Если тамъ чумакъ игралъ убогую, прозаическую роль извозчика, то тутъ, проѣзжая по поэтической, полной воспоминаній мѣстности, при относительномъ богатствѣ, — чумакъ получилъ и поэтическую окраску и большое уваженіе народа: «то люде бувалі, говорится о нихъ,— ходили світа, багато бачили, багато знають...» И дѣйствительно, чумаки, сравнительно съ нашимъ простолюдиномъ, «богато бачили, багато знають...» Послѣ упадка казаччины, чумакъ все-таки не переставалъ шляться по старымъ татарскимъ и запорожскимъ шляхамъ,—онъ одинъ еще жилъ среди зеленыхъ степей, одинъ заглядывался на высокія украинскія могилы — нѣмые памятники казацкой славы, видѣлъ «темный лугъ», бывшій отцемъ казаччины, проѣзжалъ черезъ пустынныя руины «матери-Січі»... Окруженный такою поэтическою обстановкою, при выгодности самаго промысла, чумакъ такъ полюбилъ его, что не разстается съ нимъ вотъ уже нѣсколько вѣковъ. Промыселъ этотъ, переходя «отъ діда-прадіда», сталъ наслѣдственнымъ занятіемъ, вошелъ въ народный обычай украинца. Нѣтъ того села на Украинѣ, въ которомъ бы не было нѣсколькихъ семей чумаковъ, а нѣкоторыя села преимущественно занимаются чумачествомъ. Кромѣ казаковъ и нѣкоторые мелкопомѣстные «панк'и» посылаютъ свои «паровиці» въ дорогу [1]).

Въ пѣсняхъ ясно отличены оба эти вида чумаковъ: собственно *чумаки* (торгующіе рыбою и солью) и чумаки, нанимающіеся въ извозъ, *хурщикй* (наняться въ извозъ называется *стать підъ ху'ру*)... Въ послѣднее время замѣтно вырожденіе перваго вида чумаковъ и преобладаніе второго. Не только на Полѣсьи и Волыни, но даже въ Подоліи и Украинѣ—особенно въ Харьковской губ.—началò развиваться чумачество-извозничество въ большихъ размѣрахъ и падать чумачество-торгашество [2]). Какъ переходная ступень отъ послѣдняго къ первому явилась совмѣстность занятій—и извозъ и торговля. Теперь весьма часто бываетъ, что чумаки, ѣдущіе въ Бессарабію, Крымъ или

---

[1]) Только однихъ постоянныхъ чумаковъ въ Полтавской, Черниговской, Кіевской, Харьковской, Курской, Воронежской и Орловской губерніяхъ считается 210.000. Но кромѣ того есть еще множество временныхъ чумаковъ, занимающихся этимъ промысломъ, между прочимъ, въ свободное время.

[2]) Двѣ трети вывоза изъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ на сумму въ 30—40 милліоновъ р. с. состоитъ изъ товаровъ, привезенныхъ сухопутно, и чумаки—главнѣйшіе участники въ этой доставкѣ. Перевозка товаровъ по тракту отъ Харькова до Таганрога стоила въ 1860-хъ годахъ $1^1/_2$ милліона р. с.

на Донъ, набираютъ по дорогѣ товаровъ, для доставки ихъ Одессу [1]), Херсонъ, Николаевъ, Маріуполь, Бердянскъ и т. и, получивши за извозъ деньги, отправляются въ мѣста, жащія цѣлью чумачества, покупаютъ тамъ соль и рыбу и вращаются домой уже съ своими товарами.

По времени выѣзда чумаковъ изъ дому, народъ далъ особыя названія. Чумакъ бываетъ *ранній*, *серéдній* и *пізн* Какъ только весна освободитъ землю отъ ледяной коры, к только «заспивае жаворонокъ у лузі»—чумакъ выходитъ въ рогу. Это чумакъ «ранній». Проведя въ дорогѣ недѣль 5, чумакъ возвращается домой «на жнивà». Хорошенько *вык*мивши воловъ, давши имъ и себѣ порядочный отдыхъ,—чум снова идетъ въ дорогу «объ Иліи» (20 іюля). То чумакъ « редній». А «пізній» чумакъ, т. е. «осінній», ѣдетъ въ дор «передъ Покровою».

Такое постоянное свитаніе по дорогамъ, въ старину дал небезопаснымъ, полуосѣдлая, полукочевая жизнь положила о бенный отпечатокъ на лицо чумака; а одиночество, полное т вогъ дорожной жизни, образовало въ немъ нѣсколько суро характеръ съ оттѣнкомъ грустнаго міровоззрѣнія. Чумакъ большой части молчаливъ, угрюмъ, смотритъ на жизнь съ таеннымъ презрѣніемъ, во всѣхъ своихъ поступкахъ обнару ваетъ полную самоувѣренность; но при этомъ всегда исполн ироніи и готовъ насмѣшить окружающихъ, сохраняя собстве ное достоинство. Г. Новосельскій въ «Lud Ukraińśki» го ритъ: «Крѣпкое сложеніе, мужественныя черты лица, длинн усы и длинная, закрученная за ухо, чуприна придаютъ особ выраженіе чумаку, такъ что его не трудно отличить въ тол Вотъ видишь его на ярмаркѣ, въ высокой бараньей шапкѣ, свитѣ, слегка наброшенной на плечи, съ гордо поднятою го вою, пробирается онъ среди селянъ. Вотъ, съ внутреннимъ с модовольствомъ подошелъ онъ къ огромнымъ воламъ, спраш ваетъ о цѣнѣ, торгуетъ—и, схвативши сильными руками во за рога, становитъ его на колѣни; оглядывается—видитъ толп жидовъ—и однимъ взмахомъ батога или приподнятымъ кул комъ жиды разогнаны... Идетъ дальше—и легкимъ толчкомъ ноги, какъ бы нéхотя, опрокидываетъ съ дегтемъ боченокъ и тутъ же расплачивается за убытокъ, или—тоже словно нéхотя—упускаетъ «паляницю» въ бочку меду и заявляетъ претен-

[1]) Сухопутная доставка одного хлѣба въ одесскій портъ до открытія балтской желѣзной дороги поглощала 6 милліоновъ р. с. ежегодно. (Мат. для геогр. и стат. Херсонской губ., I, 286).

кію, что испачкалъ хлѣбъ... При встрѣчѣ съ дівчиною — шепчетъ ей на ухо нѣсколько словъ и, наконецъ, протискиваясь сквозь толпу, пробирается въ середину кружка и останавливается передъ «лірникомъ», заложивши назадъ засмоленныя руки... Гордое и веселое лицо чумака, при первомъ звукѣ родной, заунывной думы, принимаетъ невыразимую грусть: дикимъ взоромъ смотритъ онъ на пѣвца, склонивши на грудь голову— и тысячи разнообразныхъ думъ и воспоминаній переплываютъ въ душѣ его и погружаютъ его въ долгое молчаливое раздумье»...

III.

Чумаки дома.

Пока чумакъ у себя въ селѣ, онъ весьма немногимъ отличается отъ «хлібороба», крестьянина: занятія его не выходятъ изъ круга обыденныхъ занятій украинца: онъ также оретъ, сѣетъ, коситъ, молотитъ, какъ и простой земледѣлецъ; также живетъ въ семьѣ, придерживаясь всѣхъ обрядовъ и обычаевъ земляковъ своихъ; также, если холостъ, ходитъ «на улицю» и «вечерниці», какъ и остальные парубки,—также «кохасцця за дівчиною». Но народъ, можетъ быть вслѣдствіе зажиточности и порядочности чумаковъ, окружаетъ ихъ особымъ уваженіемъ. Вообще о чумакахъ народъ высокаго мнѣнія: чумаки «чвалаями (развалисто) ходять, говоритъ пословица, а бісівъ проводять»! Эпитеты, которыми въ пѣсняхъ награждены чумаки, дышатъ большимъ почетомъ и нѣжностію: они—«славні чумаченьки», «люде на все гôжі и пригожі», «чумаченьки молодиі», «чорноброві» и т. п. Загорѣлое на солнцѣ, мѣднокрасное, лицо чумацкое именуется «личко козâче»; чумакъ «на личеньку—кращий рожі» и т. д.

Красота чумака, разумѣется, особенно трогаетъ сердце «дівчини»:

Ой на горі сонце гріэ,
Тамъ пріятний вітеръ віе,—
Ой тамъ ходить чумакъ гожий,
На личеньку кращий рожі.

Дівчина, разумѣется, только его увидѣла —

Заразъ кохати зачала;
Заразъ стала старатися,
Щобъ зъ чумакомъ спізнатися.

Чумака, говорится въ пѣснѣ—

На те й мати родила,
Щобъ дівчина любила!

Старанія дівчини «зъ чумакомъ спізнатися» не остались напр
ны; дальше она говоритъ:

Я-мъ щаслива щиталася,
Що зъ чумакомъ спізналася.

Это, конечно, пріятно и самому чумаку: онъ взаимно «кох
свою дівчину:

А вінъ тее повторяе,
Що коханку зъ неі мае.

Тихо и безмятежно плывутъ для нашего чумака и *для* д
чини дни за днями. Она ласкаетъ его то «надъ кринице
(источникъ), вышедши вечеромъ за водой «зъ відрами», *то* «п
кислицею» (дикая яблонь), то «підъ повіткою» (навѣсъ): о
готова отдать свою душу, чтобы только доставить счастіе «м
лому». Любовь дівчины-украинки не пустая «утіха», не интриг
вызванная ничтожнымъ самолюбіемъ, и не напускное чувство, н
рѣдко встрѣчающееся между нашими поповнами и полуобраз
ванными барышнями: дівчина дѣйствительно любитъ своего «м
лого чумаченька». Она будетъ не спать цѣлыя длинныя зимн
ночи, чтобы только вышить «чумаку рукавця».

Дивчина проситъ у матери:

Поідь, поідь, моя мамо,
У місто до торгу:
Купи, купи, моя мамо,
За три копи голку,
За чотирі золотні —
Чорвоного шовку,
За пьятого рублевика
Купи, мамо, пьяльця, —
Я вишию — вигаптую
Чумаку рукавця!

Мать не поскупилась, купила все необходимое, и дівчина —

Шовкомъ шила, шовкомъ шила,
Золотомъ рубила —
За-для того чумаченька,
Що вірно любила;
Шовкомъ шила, шовкомъ шила,
Біллю вишивала —
Таки своіму чумаченьку
Правду висказала....

Между чумакомъ и его дівчиною не существуетъ недомолвок

ерзающихъ душу. Дівчина не умѣетъ таить своихъ мыслей передъ своимъ милымъ; что у нея на сердцѣ, то и на языкѣ:

Сватай мене, чумаченьку,
Рано й у неділлю:
Буду просить у матінки —
Нічого не вдію...

Буйное сердце, съ которымъ бѣдная «дівчина» «нічого не вдіе», заставляетъ ее обратиться къ матери:

Пора, мати, жито жати —
Колосъ похилився:
Пора, мати, заміжъ дати —
Голосокъ змінився...

Мать, не желая такъ скоро разстаться съ своею «дитиною любою», — она рада, что дождала своей «пбмочи», — отвѣчаетъ:

Хоть колосокъ похилився —
Стѣбло зелененьке;
Хоть голосокъ и змінився —
Личко молоденьке!

Это обстоятельство на нѣкоторое время останавливаетъ дівчину; но время это коротко: «у дівоцькімъ сердці» тревога, тоска... Она съ нимъ «нічого невдіе», и прямо наконецъ, объявляетъ матери:

Ой піду я, моя мамо,
Та за його заміжъ, —
Якъ ти мене та не'даси,
Дакъ я й умру заразъ.

Но матери чумакъ, почему-то, ненравится: она въ немъ видитъ «не пáру» для своей дочери и желала бы для нея другого мужа:

Легше мині, моя доню,
Дома поховати,
А ніжъ мині за такого
Заміжъ тебе дати!

Дівчина взгрустнула еще больше отъ такого категорическаго отвѣта, она не разъ, вѣроятно, проглотила и слезу горючую... она готова бы и умереть, какъ говорила; но у нея еще «невмерла надія», дающая ей нѣкоторую бодрость. «Дівчина» увѣрена, что мать возможно «ублагати», ибо извѣстно сердце матери-украинки: она ни въ чемъ не откажетъ своему дитяти, все готова сдѣлать для его счастія. Питая такія надежды, дівчина все-таки не оставляетъ своего любимаго «чумаченька»:

Буду ходить, буду топтать (говоритъ она)
Чумакові стежки (тропинки)!

Минула осень; проходитъ уже и зима; блеснуло уже и «сон
веснянее» — и птицы длинными ключами потянулись изъ «вирі
(югъ), сопровождаемыя радостными, привѣтными криками ре
тишекъ: «нáте вамъ на гніздô, а намъ дайте на добро!» у
и «зозуля (кукушка) закувала у лузі», и «соловейко» начинае
«щебетати—весну закликати», наконецъ, и —

Весна красна наступае,
Изъ стріхъ вода капле...

Чумакъ вышелъ изъ хаты подложить воламъ корму — видит
«сонце веснянее» таки-довольно высоко поднялося и грѣетъ уж
довольно сильно, словно манитъ въ путь-дорогу. Да чумаку уж
«мандрівочка (странствованіе) пахне» и «дорога чхаецця».
Тутъ-то настаютъ для дівчини невеселые дни, нерадостныя ночі

Чумакъ, ея милый, чтобы внезапнымъ отъѣздомъ «не вразит
у серденько» любимую дівчину, старается заранѣе пріучить е
къ мысли о разлукѣ. Онъ ее спрашиваетъ:

Ой чи будешъ, молода дівчино,
По мини журицця,
Та якъ піду у Крымъ по сіль,
Та буду барицця (медлить).

Дівчина отвѣчаетъ на это тоже полу-шутя:

Ой не буду, чумаченьку,
Далебі не буду:
Не виідешъ за нові ворота —
Я тебе й забуду!..

Хотя все это «жáрти» (смѣхъ, шутки), хоть это тоже любовь
хоть, наконецъ, и сама дівчина знаетъ, что чумаку сидѣть дома
не приходится,—однако вопросъ чумака спугнулъ любящее сердце
дівчини: оно будто сильнѣе сжалося:

Жáртуй, жáртуй, чумаченьку,
Жáртуй изо мною, —
А якъ підешъ у дорогу —
Буду плакать за тобою...
Жáртуй, жáртуй, чумаченьку,
Жáртуй, коли любишъ;
А якъ підешъ у дорогу,
То мене й забудишъ...

И бѣдная дівчина, грустная, опустила на грудь голову... Прилетаетъ «зозуленька сивесенька» — эта истолковательница предчувствій сердца и вѣщунья бѣды да печали—и начинаетъ «кувать жалібненько»... Дівчина тогда поняла, что сердце ея не даромъ

...юся: оно предвѣщало скорую, неминуемую разлуку — и ... «вздыхать важенько»...

Впрочемъ дівчина не носится съ своею печалью: она, напротивъ, старается ее прятать отъ всѣхъ и никому не ввѣряя ее, — даже боится, чтобы мать не узнала. А печаль эта все больше и больше охватываетъ сердце дівчины: съ каждымъ днемъ, приближающимъ разлуку, тоска все больше усиливается... Но напрасно дівчина старается укрыться отъ матери: материнскій глазъ все видитъ:

Мела хату, мела сіни,
Та й загадалася...
Вийшла мати води брати,
Та й догадалася.
Вийшла мати води брати,
Та й стала питати:
«Чого стала, моя доню,
Важенько вздихати?»

Дівчинѣ, застигнутой въ расплохъ, невозможно уже скрыть отъ матери причину своей грусти, да ей уже и самой становится не въ моготу, и она признается:

Ой якъ мині, моя мати,
Важко не вздихати? —
Пригнавъ чумакъ сімъ паръ волівъ,
Та й ставъ запрягати!..

Но что же дѣлать чумаку? Не сидѣть же ему, «згорнувши рученьки», возлѣ дівчины, заглядываясь на ея «кариі очі», на ея «чорниі брови», да на «личенько біленьке»... Ему нужно *грошей заробляти*. А «чумацькі гроші, говоритъ пословица, то въ возі, то въ перевозі». Это-то именно и составляетъ главное побужденіе къ чумачеству. Какъ въ старину чумаки ходили въ дорогу «ради своего торговаго дѣла», такъ и въ настоящее время ихъ гонитъ въ дорогу та же причина. Въ пѣснѣ одинъ «багачъ молодий» предлагаетъ товарищамъ сдѣлать «півтораста возивъ» и, отправившись «въ Кремень городъ на базаръ», накупить тамъ «дорого товару» — «все лисиці та куниці та чорніи соболі» — и ѣхать къ морю, чтобы тамъ, продавши свой товаръ, набрать другого нужнаго. Потому напрасно видятъ иногда въ постоянномъ скитаніи чумаковъ по дорогамъ какое-то безотчетное влеченіе къ странствованію или жажду славы. Условія чумацкаго быта гораздо проще объясняютъ это будто бы безотчетное стремленіе къ скитанію и жажду славы: во-первыхъ, матеріальною выгодою, какую чумакъ получаетъ отъ своего промысла; во-вторыхъ, привычкою къ занятію имъ, а въ-третьихъ — стремленіемъ къ

болѣе легкому и возможно болѣе благодарному труду, — каки
чумачество является сравнительно съ хлѣбопашествомъ. Пото
чумакъ, которому дівчина совѣтуетъ оставить чумачество, а ид
лучше косить траву, — видитъ въ этомъ для себя обиду:

Ой шобъ же ти, дівчинонько,
Того не діждала,
Щобъ рученька смоляная
Травиченьку тяла!

Чувство самосохраненія также иногда заставляетъ отпра
ляться въ дорогу. «Бідна сірома» (круглый сирота), у котора
умираетъ отецъ и мать, а его самого «побила лихая година»
хотятъ «у некрути взять», — рѣшается бѣжать отъ предстоящ
невеселой солдатской жизни:

Ой запряжу я воли у всі чотирі вози —
Піду на Дінъ риби брать!

И бѣгство бываетъ его спасеніемъ.

Побужденіемъ къ чумачеству бываетъ иногда какое-нибу
несчастіе, причинившее человѣку «горе невимовное». Вообі
всякая невзгода, всякое горе, влечетъ человѣка вдаль отъ то
мѣста, которое напоминаетъ давно случившееся, пережитое,
милое его сердцу, какъ, напримѣръ, несчастная любовь. Парубо
любивши «щиро (сердечно) дівчиноньку», намѣреваясь съ н
«на рушничку стати» (повѣнчаться), когда видитъ, что его дівчи
«до шлюбу (бракъ) ведуть» съ ея «нѐлюбомъ», а у него только
«серце въяне: любивъ, та не взявъ», — желая изгладить и
памяти и ту «криниченьку», что онъ копалъ для своей дівчи
чтобы она вышла туда «по воду», — съ тоски да съ го
рѣшаетъ:

Ой думавъ я женитися,
А теперъ не буду:
Куплю собі сімъ паръ волівъ —
Чумакувать буду!

Несчастія *семейной жизни* также гонятъ чумака изъ до
Жена чумака, догнавши его въ дорогѣ, спрашиваетъ:

Чомъ не хочешъ ти робити (работать)
И дома сидіти?
Чомъ не хочешъ жить зо мною
На білому світі?

Чумакъ вмѣсто отвѣта предлагаетъ ей другой вопросъ:

Ой ти жъ мила, мое серце,
Ой де жъ ти бувала:
Чи у полі льонъ ти брала,
Чи пшеницю жала?..

Получивши въ отвѣтъ, что жена «въ полі льонъ не брала, пшеници не жала, а нездужала робити — зъ похмілля лежала», — чумакъ погоняетъ себѣ дальше... Въ другой пѣснѣ несчастная семейная жизнь, охарактеризованная самою же чумачихою, служитъ тоже причиною «мандрівочки» чумака. Жена спрашиваетъ:

Ой куди жъ ти, чумаче, мандруешъ (уходишь)?
Кому мене, серце, даруешъ?
Люде вже йдуть у поле орати —
Ми зъ тобою у корчму гуляти;
Та вже люде въ полі поорали —
Ми зъ тобою въ корчмі прогуляли... и т. д.

Такая жизнь непривлекательна: она не можетъ заставить спокойно сидѣть дома. И мужъ такой жены бѣжитъ отъ нее. Онъ рѣшается полюбить «мандривочку — рідну тіточку», сдружиться съ волами «сивими, половими», а взамѣнъ того счастія, какое должна доставлять тихая семейная жизнь, найти среди «товариства веселого», въ кругу «славнихъ чумаченьківъ-бурлаченьківъ».

IV.

Выѣздъ изъ села и проводы.

Чумаки въ старину ходили въ дорогу не иначе, какъ только *артілью*,—ѣхали всегда *валкою* подъ предводительствомъ *отамана*; то же самое дѣлается и теперь. Чумакъ одинъ никогда не выходитъ въ дорогу: у него непремѣнно есть «славне товариство». Обыкновенно чумаки одного, а иногда и нѣсколькихъ сосѣднихъ селъ условливаются между собою о времени выѣзда и о мѣстѣ сбора. Условіе непремѣнно должно быть исполнено, иначе нарушившій его чумакъ будетъ оставленъ своими товарищами. Мѣстомъ для сбора чумаковъ бываетъ почти всегда *вигінъ* (площадь) за селомъ — *майданъ*.

И вотъ, въ назначенный день и часъ, каждый изъ чумаковъ, поправивши хорошенько возы, выкормивши воловъ, набираетъ извѣстный — тоже условленный — запасъ пшена на кашу, муки на галушки, сала и т. п. припасовъ, и выѣзжаетъ къ назначенному мѣсту — *становищу*. Тутъ чумакъ останавливается поджидать товарищей и проститься съ провожающей его родней.

Выѣздъ чумака изъ села бываетъ почти всегда «въ неділоньку до схід-сонця:

Щобъ кури по селу не піли,
Щобъ голуби на степъ не летіли,
Щобъ лебеді на тихій воді та й не клекотіли.

Вотъ какъ въ пѣснѣ рисуется выѣздъ чумака:

Ой у неділоньку, рано по-раненьку,
Сонечко зіходить, —
Ой уже синъ, синъ Гавриленко,
У дорогу виходить.

Проѣхалъ онъ родное село, сопровождаемый родичами, подъѣзжаетъ къ становищу:

Ой якъ прийшовъ же синъ Гавриленко
А до чумаківъ до валки:
«Здорови будьте, молоді чумаки,
Прийміте до своеі валки!»

—говоритъ онъ своимъ будущимъ товарищамъ. Но чумаки, усматривая со стороны Гавриленка неисполненіе издавна установленнаго обычая, — упрекаютъ его:

Ой який же ти, та синъ Гавриленку,
Такий дурень уродився,
Що ти прийшовъ та до становища —
Та й не перехрестився!

Чумаки имѣютъ свои, освященные вѣками, обычаи почти для всякаго дѣйствія: чумакъ выѣзжать изъ дому долженъ «по закону», — ѣхать въ дорогѣ тоже «по закону»; даже останавливаться въ дорогѣ пасти воловъ слѣдуетъ «по закону». И до настоящаго времени чумаки строго наблюдаютъ за исполненіемъ обычаевъ: *артіль* всегда бываетъ недовольна, если кто-нибудь «поломить чумацький звичай».

Но что же это за «артіль», за «валка», что выражаетъ собою эта организація чумаковъ? Ассоціація ли это капиталовъ для общаго предпріятія, или это только внѣшняя связь людей, ѣдущихъ вмѣстѣ? Южноруссъ никогда не любилъ вмѣшательства въ чужую личную жизнь, въ чужіе экономическіе разсчеты, въ чужое хозяйство: онъ всегда былъ собственникъ. Вотъ потому и чумацкая «артіль», несмотря на названіе, не имѣла ничего общаго съ ассоціаціею: она установилась единственно для безопасности каждаго въ дорогѣ. Каждый изъ чумаковъ, выѣзжая въ дорогу, беретъ извѣстную сумму денегъ, ему одному принадлежащихъ, нимало не заботясь о томъ—взялъ ли ихъ другой, или же нѣтъ. Даже и съѣстные припасы беретъ каждый только для себя, условившись впрочемъ съ товарищами что брать. Жизнь «валки» — далеко не община: она обща лишь настолько, насколько безопасность и выгода каждаго требуются въ дорогѣ. Все, что у нихъ общее въ пути—это пища, передъ выходомъ валки поступающая въ распоряженіе одного чумака—*кашовара*, и «сторожа» воловъ «на попасі».

Но вотъ, наконецъ, будущая «валка» вся собралась на становищѣ; неподалеку отъ дороги стоятъ чумацкіе возы, укрытые кожами, для сбереженія товаровъ отъ дождя; «мережані (узорчатые) ярма» висятъ на «війяхъ» (дышло) чумацкихъ огромныхъ возовъ, прикрѣпленные новыми *притиками* (гужи); у ярмахъ торчатъ *тернові занози*; тутъ же, невдалекѣ, «сірі та полові» волы чумацкіе ѣдятъ взятое изъ дому «сіно», или—немного въ сторонѣ—пасутся «на травиці-муравиці», или же стоятъ—«ремедаютъ» (отжевываютъ жвачку); а сами чумаки обсѣли вокругъ разведеннаго огня—варятъ *снідання* (завтракъ). Возлѣ каждаго изъ чумаковъ помѣстился кто-нибудь изъ близкихъ ему родныхъ: или его «мила», или «стара мати» сидитъ, поджавши подъ себя ноги и правою щекою опершись на правую руку, поддерживаемую лѣвой,—это любимая поза малороссіянки въ печали.... Вотъ уже и каша сварена, уже «поснідали».... «Пора рушати!» прожужжало въ толпѣ....

Тутъ чумаки сходятся «на раду» и изъ среды своей избираютъ *отамана*. Избраніе его происходитъ устнымъ голосованіемъ всѣхъ чумаковъ, принадлежащихъ къ валкѣ; его избираютъ на всю дорогу. Отаманъ бываетъ большею частью опытный чумакъ, не разъ уже ходившій въ дорогу и пользующійся особеннымъ почетомъ и довѣріемъ ватажанъ. Его выбираютъ «для порады»; онъ—«голова» въ дорогѣ; онъ «всімъ чумакамъ передъ веде», всѣмъ распоряжается, начиная съ того, гдѣ и когда «стать попасати» и кончая похоронами умершаго товарища. Вся валка въ дѣлахъ дорожной жизни обязана безусловнымъ повиновеніемъ отаману. Отаманъ въ дорогѣ пользуется огромнымъ значеніемъ. «Отаманомъ, говоритъ пословица, громада кріпка». Впрочемъ, въ послѣднее время отаманъ избирается не всегда и не на всю дорогу, какъ прежде, а кто идетъ впереди всѣхъ—тотъ и отаманъ. Однако и тутъ предпочтеніе отдается всегда какому-нибудь «сивоусому» чумаку, изъѣздившему на своемъ вѣку «всі степи широкі», исходившему «усі кримські базари».

Наконецъ и отаманъ избранъ. Наступаетъ пора *виправи* для чумаковъ:

Ой ви хлопці, ви добрі молодці!

—обращается отаманъ къ своимъ чумакамъ-товарищамъ:

Та вставайте вози мажте,
Гей вози мажте, ярма наривайте,
Сірихъ воливъ запрягайте!
Хлопці встали, вози підмазали,
Нові ярма понаривали,—

Гей нові ярма та й понаривали,
Сірихъ волівъ позапрягали...!

Тутъ настаютъ прðводы: начинается прощанье съ родней.... слезы жены, матери, дівчини... пожеланія остающихся, обѣщанія отъѣзжающихъ... Еще минуты двѣ-три—и все вдругъ затихаетъ: настало обращеніе къ Богу... Чумаки снимаютъ шапки, крестятся, «Господи, благослови! Дай, Боже, часъ добрий!...» И «сіри-полові» волы медленно двинулись у путь-у-дорогу... «Прощавайте!» загудѣло вдоль валки. «Бувайте здорові!...» едва слышно сквозь слезы....

Пішовъ чумакъ у дорогу,
Помолившися Богу...
Ой пошли, Боже, тому чумакові
Та щасливу дорогу!

V.

Домашніе послѣ проводовъ и погоня за чумаками.

Чтó же въ это время дѣлается съ женою, матерью, которыхъ чумаки оставили дома? чтò сталось съ дівчиною, покинутою чумакомъ—ея милымъ—ворогамъ «на сміхъ, на потіху?»

Цѣлый рядъ пѣсенъ, дышащихъ неподдѣльнымъ чувствомъ любви и вмѣстѣ грусти, рисуетъ намъ состояніе домашнихъ послѣ выѣзда чумаковъ въ дорогу:

На въ горðді буркунъ-зілля (волчецъ)
И листъ опадае:
Молодая чумачиха
Зъ жалю омлівае...

Чумаку стало жаль жены, онъ старается ее утѣшить:

Не плачъ, не плачъ, чумачихо,
Та молися Богу:
Випроважу сиві воли—
Самъ вернусь до-дому!

Но чумачиха этимъ не утѣшается: она знаетъ, что это сказано только для ея успокоенія: она увѣрена, что чумакъ ни за чтó не возвратится.... грядущая жизнь сулитъ ей одиночество, грозитъ ей «розмовою зъ periною пухóвою», да съ «німими стінами» —чуждыми утѣшеній огорченному сердцу...

Ко всему этому, безъ мужа, прибавились новыя огорченія:

Малі діти плачуть,
Отецъ—ненька лае...

А «лайку» отца и матери, ни за что ни про что, а особенно плачъ дѣтей переносить долго невозможно. И чумачиха рѣшается бѣжать за чумакомъ «у погоню»:

Вози догоняе, воли випрягае—
И серденькомъ називае:
«Ой вернися, чумаче, до-дому,
Ой вернися, серденько, до-дому!»

Она старается представить причины, по которымъ чумаку слѣдуетъ вернуться:

Плачуть діти за тобою,—
Малі діти плачуть,
Отецъ—ненька тужить:
Тимъ намъ хвортуна не служить!

Но суроваго чумака, разъ рѣшившагося на «мандрівочку», этимъ не разжалобишь и поворотить назадъ не заставишь. Побѣжавшей за нимъ «у догоню» женѣ онъ отвѣчаетъ:

Якъ би ти жінка була добра,
То ти бъ сиділа дома:
Пъятінку спостила,
Неділоньку чтила,
То бъ намъ хвортуна служила!
А то—ти жінка погана:
У будденний день все пъешъ та гуляешъ,
На святу неділю—
На великий день—
Все діло збираешъ!

И, обратившись къ «хвортуні» съ просьбою послужить ему «въ чумастві», какъ нѣкогда служила «въ бурластві и козастві»,— чумакъ плетется далѣе. Смотритъ чумачиха вслѣдъ медленно уходящимъ воламъ — и у нея сквозь слезы вырывается сожалѣніе о ея миломъ:

Не жаль мині сірихъ волівъ
Зъ крутими рогами,
А жаль мині чумаченька
Зъ чорними бровами!...

Между тѣмъ «чумаченько» уже совершенно скрылся изъ глазъ за горою, «въ глибокій долині». Взошла чумачиха на гору, посмотрѣла въ долину:

А у тій долині
Стоять дві калині—
Ажъ до землі віття гнеццця...

Видитъ она въ этихъ склоняющихся вѣтвяхъ образецъ своей будущей судьбы: и ей въ одиночествѣ, безъ милаго, придется также нагибаться «передъ гіркою долею», какъ нагибаются къ землѣ тонкія, безсильныя передъ вѣтромъ, калиновыя «віти»,— придется и ей клонить голову «до землі низенько»... А виновникъ такой горькой участи чумачихи — уже далеко-далеко, даже и «немріє»... Напрасно она восклицаетъ:

Чому мій миленький,
Мій голубъ сивенький,
Та до мене не горнецця?!

Развѣ одинъ вѣтеръ услышитъ ея горькую жалобу и разнесетъ ее по чистому полю — безъ отвѣта и привѣта... Только досада еще плотнѣе приляжетъ къ сердцу бѣдной женщины и сильнѣе заволнуетъ ея душу. Теперь чумачиха уже была бы рада и тому, если бы чумакъ «пригорнувся» къ ней «хочъ на часочокъ маленький»; но, конечно, не бывать и этому.

Возвращается она домой въ тоскѣ и печали, думаетъ отдаться дѣтямъ, хозяйству; но ничто нейдетъ ей на умъ: и дѣти не радуютъ, и хозяйство не занимаетъ! Смотритъ: сосѣдки ея работають до вечера вмѣстѣ съ мужьями, а вечеромъ, собравшись гдѣ-нибудь «підъ грушею» или «за ворітьми», окруженныя «малими дітьми», ведутъ весело бесѣду о дневныхъ заботахъ, о завтрашнемъ трудѣ, о прошлой радости, о предстоящемъ «весіллі» (свадьбѣ).... Чумачиха почувствовала еще бо́льшую тоску на сердцѣ. Ходитъ, безутѣшная, — не знаетъ, что́ ей дѣлать съ собою....

Ой вийду я за ворота,
Та гляну поузъ двіръ:
Усімъ людямъ хороше живецця,
А я плачу на бездоллі!

Ой вийду я за ворота,
Та гляну по-підъ тинню:
Усімъ людямъ хороше живецця,
А я въ нещасті й загину...

Ой вийду я на гордин,
Та гляну въ провалля:
Усімъ людямъ щастя-доля—
Мині жъ безталання!...

Случается также, что когда чумакъ, не взирая на всѣ просьбы о возвратѣ, «іде собі у дорозі — воли поганяє», — чумачиха рѣшается преслѣдовать его до самаго моря. Но все напрасно: и тамъ не найти ей «щастя-долі»: по-надъ моремъ, говорится

въ пѣснѣ, «жовтій пісокъ въ ноги коле»... И она должна возвратиться домой... Тогда ей ничего больше не остается, какъ только жаловаться на свою «гірку долю», созданную тяжелыми условіями семейной жизни:

Ой коли бъ же я да знала
Свою гірку долю,—
То не пішла бъ же я заміжъ,
Не пішла бъ ніколи:
Пішла бъ лучче я въ черниці...
Зъ чорною косою
Не терпіла бъ я горечка
Оттакъ молодою!

Но напрасны всѣ эти жалобы: послѣ выхода чумаковъ и тѣ, что не были замужемъ, находятся не въ лучшемъ состояніи. Жизнь дівчини «безъ милого, голубонька сивого», представляется такимъ же «безталанням», какъ и замужней. Конечно, дівчина имѣетъ гораздо меньше права, чѣмъ жена, удерживать чумака дома. Поэтому, когда онъ оставилъ ее одну, «якъ скіпку (щепка) на морі», она скорѣе примиряется съ своею «гіркою долею». Рѣшивши, что чумаку сидѣть дома, ради ея, нельзя, дівчина проситъ его провесть съ нею еще хоть одну «нічку»:

Чумаченьку, мій голубе,
Вволи мою волю:
Перепочуй, мое серце,
Хочъ нічку зо мною!

Но чумакъ и этого исполнить не можетъ:

Ой радъ би я, дівчинонько,
И дві ночувати:
Въ мене хура страховая
Треба поспішати.

Мирится она и съ этимъ, какъ ни тяжело ей подобное примиреніе. Она готова ограничиться и тѣмъ, чтобы хоть проститься въ послѣдній можетъ разъ съ оставляющимъ ее чумакомъ. Обращается къ матери и проситъ, чтобы та разбудила ее, когда чумаки будутъ выѣзжать изъ села:

Ой такъ рано, ой такъ рано,
Щобъ що й не світало...

Изъ опасенія, что дівчина станетъ «тужить» за чумакомъ, мать и не думаетъ будить ее во время его выѣзда, а разбудила уже «въ обідню годину, якъ виїхавъ чумаченько одъ села за милю». Просыпается дівчина, но, увы!—

Пішли наши чумаченьки
По возахъ лежати...

Дивчіна къ матери:

Чому мене, моя мамо,
Въ ранці не збудила,—
Та якъ тая чумачина
Зъ села виіздила?

Мать, конечно, старается ее утѣшить—представляетъ ей побудительную причину:

Тимъ я тебе, моя доню,
Въ ранці не збудила:
По-переду твій миленький,—
Щобъ ти не тужила!

Но для любящаго сердца дівчини подобный резонъ—вовсе не утѣшеніе: быть можетъ она при разлукѣ съ милымъ гораздо бы меньше убивалась, чѣмъ теперь,—когда она даже не сказала ему послѣдняго слова, не спросила его о времени возврата...

Ти думаешъ, моя мати,
Що я й не журюся (печалюсь)?
А якъ выйду за ворота,
Одъ вітру валюся...
Ти думаешь, моя мати,
Що я и не плачу?
За дрібними слізоньками
Я й світа не бачу!

Враги, разумѣется, всѣмъ этимъ чрезвычайно довольны: для нихъ радость видѣть дивчіну въ печали:

Милый милу покидае—
Вороги раденькі!

Они готовы даже еще больше растравить эту печаль—и начинаютъ запугивать дівчину:

Ой говорять всі сусіде,
Що чумакъ вже не приіде,
И говорять усі люде,
Що вже чумака не буде!..

Неужели же это правда? Неужели ей такъ-таки и не придется больше увидѣть своего чумака? А можетъ онъ ее промѣняетъ на «иншу», побогаче или покрасивѣе ее?.. Кто же эта «розлучниця,» гдѣ она?—Всѣ эти вопросы камнемъ ложатся на душу дівчини и выжимаютъ слезу за слезою...

Ой стояла калиноньва
Насупроти сонця:
Ой плакала дівчиноньва,
Сидячи въ віконця...

И нигдѣ нѣтъ для нея утѣшенія, ни въ чемъ и ни въ комъ она не находитъ «розваги» (утѣшенія)...

Выйдетъ она вечеромъ за ворота между «чѣлядь» (молодежь): всѣ веселы, довольны... Пойдетъ она «розважить свою тугу» на улицу: тамъ на *тичку* собрались парубки и дівчата—ея подруги,—поютъ пѣсни, «перекидаюцця жартами».. Весело! Пѣсня «лунае» (разносится) по всему селу, откликаясь гдѣ-то далеко въ чащѣ вѣковѣчныхъ липъ и дубовъ—свидѣтелей старины давней; звонкій смѣхъ перерываетъ пѣсню и звучными раскатами летитъ въ догонь за нею... Тутъ позабыты всѣ суеты міра, всѣ его печали и горести: тутъ забывается все и всѣ!.. Однѣ выраженія радости и веселья наполняютъ улицу; одни порывы молодой, неотравленной невзгодами, жизни, въ пору которой только и бываетъ такое беззаботное веселье,—словомъ, одно ни чѣмъ незамѣнимое счастіе,—одна любовь, вызывающая обмѣны симпатическихъ взглядовъ, выражаемая звонкимъ смѣхомъ, радостными выраженіями лицъ... на которыя заглядѣлись ясныя звѣзды и выплылъ изъ-за тучи полюбоваться вѣчно-спокойный, блѣднолицый мѣсяцъ... Но веселье улицы существуетъ для тѣхъ, кому тепло на свѣтѣ и покойно на душѣ. А у нашей дівчини горе, «якъ чорна гадюка», обвилось вокругъ сердца: ей еще тяжеле стало отъ радостей своихъ счастливыхъ подругъ—и невольныя слёзы заискрились на глазахъ у нея... Съ тоски и горя слезы заводятъ «зъ білого світу» въ монастырь:

Ой на горі та суниченьки,
Підъ горою полуниченьки:
Пішовъ милый у Кримъ по сіль,
А милая—у черниченьки...

Развѣ она «по волі» оставила «білий світъ» съ его возможными радостями,—промѣняла «бинди, червону плахту, намиста» на черную рясу, а густую роскошную дѣвичью косу покрыла «не білою наміткою,» а чернымъ могильнымъ «запиналомъ»?..

Не по волі я вчорніла—
Не думала постригатися:
Не пристае мое серце
Та зъ иншими женихатися...

Часто тоска дівчини за уѣхавшимъ чумакомъ бываетъ такъ велика, что не успѣетъ онъ выѣхать «за густиі лози,» какъ

«обіллють дівчиноньку дрібненькиі слёзи.» А то даже бываетъ и такъ, что не успѣетъ милый отъѣхать «за биллі хати,» какъ становится необходимымъ «молоду дівчину на вітеръ підняти,» или же:

Ще не виїхавъ молодий чумакъ
За високу могилу,—

а ему уже кричатъ:

Вернись, вернись, чумаченьку,
Роби домовину (гробъ)...

Впрочемъ, подобная катастрофа выходитъ изъ ряда печальныхъ случаевъ, сопровождающихъ разлуку чумака съ дівчиною. Въ пѣснѣ поется, что разлука эта для нихъ—«розставання—серцю розривання». Это-то сердце иногда и гонитъ дівчину, подобно женѣ, въ погоню за чумакомъ:

Ой з-за гори, та з-за кручі
Рипілять вози йдучи,
А за ними дівчинонька—
Сильне ридаючи...

Но чумаку и горя мало, словно это не его касается:

Иде чумакъ дорогою,
На пужално (кнутовище) вихиляеццця...
За нимъ біжить дівчинонька—
Слізоньками умиваеццця...

Она обратилась къ нему, проситъ:

Годі тобі, чумаченьку,
На пужально вихилятися:
Нехай же я перестану
Слізоньками умиватися!

Лишнія слова! Чумакъ и не думаетъ останавливаться: густая пыль подымается все дальше и дальше—и даетъ знать объ исчезновеніи валки, пока не скроются за горою... Вотъ и рѣка: на паромѣ переправляется валка; — она уже по ту сторону... Дівчина не унимается преслѣдовать чумака:

Перебреду бистру річку,
Стану на пісочку,
Та виперу чумакові
Штани та сорочку!

Дѣйствительно перебрела она черезъ рѣку, ласкается къ своему милому и спрашиваетъ: отчего у него «сорочка не біла?»

Чумакъ отвѣчаетъ, что если бы у него «матуся рідненька,» то были бы «що-неділлі сорочка біленька.» А такъ какъ у него—

Мати стара, сестра мала,
И нікому прати,

да къ тому еще—

И далеко до дівчини:
Будуть люде знати!..

то «чумаченько-бурлаченько» и не заботится о костюмѣ: ему 5—8 недѣль проходить, не снимая рубахи, ничего не значитъ.

А що мині про те дбати?
Тільки серце нуде...

И тутъ же, обращаясь къ дівчині, «жартуе» съ нею:

Яко випре оці штани—
То та й моя буде!

А дівчина только того и ждала: она давно не жалѣетъ «ручекъ та пучокъ» для своего чумаченька. Наконецъ, надоѣли уже ему и «жарти,»—онъ совѣтуетъ дівчині оставить начатое дѣло:

Годі тобі, дивчинонько,
Сорочечку прати:
Беря серпъ, та йди въ степъ
Пшениченьку жати!

Дівчину слова эти обидѣли и ссора разводитъ ихъ въ разныя стороны. Дівчина, разсердившись, высказываетъ чумаку такое пожеланіе:

Бодай же ти, чумаченьку,
Тоді й оженився—
Якъ у млині на камені
Кукіль уродився!

А чумакъ тоже не остается въ долгу:

Ой щобъ же ти, дівчинонько,
Тоді заміжъ вийшла—
Якъ у млені на камені
Яра рута зійшла?

Послѣ этихъ пожеланій, они расходятся: чумакъ идетъ невозмутимо-медленнымъ шагомъ за «сивими волами,» а дівчина, въ слезахъ, возвращается обратно домой, проклиная ту минуту, когда судьба первый разъ свела ее съ чумакомъ.

Бываетъ однако и не столь тяжелая для дівчини разлука съ милымъ. Иногда самъ чумакъ, отправляяся «у Кримъ по сіль сірими волами»,—

Оглянецця назадъ себе—
Вмнецця слезами...

И тутъ же станетъ просить у Бога:

Допоможе мині, Боже,
Тамъ соли набрати,
А щобъ мині любую дівчину,
Та въ биндахъ *) застати!

Но вернуться чумакъ, какъ бы тяжела ему ни была разлука съ дівчиною, ни за что не согласится. Даже просьба объ этомъ «староі матері—порадниці—въ хаті» не имѣетъ успѣха. Когда мать изъ выѣзжающей валки «викликала» своего сына:

Иди, сину, до-домочку,
Змию тобі головочку!

— онъ, также какъ и казакъ въ подобномъ случаѣ, отвѣчаетъ:

Измий, мати, сама собі,
Або моій рідній сестрі.
Мене змиютъ дрібні дощи,
А рощешутъ густі терни,
А висушить ясне сонце,
А роскуйдить буйний вітеръ!

Чумакъ не смѣетъ возвращаться, иначе его осмѣютъ товарищи: назовутъ «лежобокомъ,» «маміемъ» (матушкинъ сынокъ) и т. п. Только въ пѣсняхъ позднѣйшей формаціи встрѣчается желаніе чумаковъ «вернуцця до-дому». Когда ихъ приглашаютъ къ тому, они отвѣчаютъ:

Ой ради бъ ми вернутися—
Рядчикъ не пускае.

Очевидно, что это являются не прежніе чумаки, съ ихъ «віковічными звичаями», а просто на-просто извозчики, нанятые подрядчикомъ и обязанные доставить товары къ сроку. Потому-то про выѣздъ ихъ и говорится:

Пішли наши чумаченьки
Въ великій неволі...

Чумачество, очевидно, утратило свой прежній духъ, и пѣсня запѣла другое.

Ив. Рудченко.

*) Въ бинди (ленты) одѣваются только дівчата. Чумакъ, поэтому, и проситъ у Бога, чтобы дівчину любимую застать еще «въ биндахъ,» т.-е., чтобы она, въ его отсутствіе, не вышла замужъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ
СЕРГѢЯ НИКОЛАЕВИЧА ГЛИНКИ
1825—1829 гг. *).

Съ легкой руки В. В. Варгина, пустился я (февраль 1825 г.) въ Петербургъ и пріѣхалъ туда въ самый разгулъ масляницы. Но, какъ говоритъ пословица, «чему быть, того не миновать». Дѣло мое [1]) закипѣло быстро. При вторичномъ моемъ приходѣ

*) На вопросъ, съ которымъ мы обратились къ сыну покойнаго С. Н. Глинки, доставившему намъ въ спискѣ настоящій отрывокъ изъ его воспоминаній, а именно: въ какой степени точенъ списокъ и гдѣ хранится оригиналъ, — В. С. Глинка отвѣчалъ намъ:

«... Отецъ мой за три года до смерти ослѣпъ, а потому диктовалъ, и съ его словъ записывали (записки его не всѣ, но большею частью писаны съ его словъ до его смерти въ 1847 г.). Онъ имѣлъ счастливую память и всегда просилъ перечитать написанное, что нужно дополнялъ и исправлялъ. Событія и факты изложены вѣрно, но конечно есть грамматическія ошибки. Печатая прежде отрывки изъ записокъ отца въ «Современникѣ» (подъ названіемъ «Мое цензорство»), я самъ свѣрялъ съ подлинникомъ, написаннымъ рукою отца, и находящимся въ Публичной Библіотекѣ. Много отрывковъ печаталось и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и въ «Русскомъ Словѣ», и на счетъ ихъ вѣрности сомнѣнія не было. Оригиналъ, съ котораго я списывалъ настоящій отрывокъ, нѣсколько лѣтъ лежалъ у А. В. Никитенко; онъ можетъ ручаться за выраженія и справедливость самаго факта, ибо самъ лично зналъ моего отца. Вотъ все, что я могу сказать вамъ. Пр., и пр. — Василій Глинка.

Какъ видно изъ одного мѣста въ текстѣ, настоящій отрывокъ писанъ въ 1841-мъ году. Нѣкоторые изъ новыхъ фактовъ, сообщаемыхъ авторомъ, требуютъ провѣрки и могутъ быть приняты пока къ свѣдѣнію; но для общей характеристики нравовъ и настроенія умовъ той эпохи въ запискахъ С. Н. Глинки историкъ найдетъ весьма драгоцѣнныя черты. *Ред.*

[1]) Просьба о вспомоществованіи, изложенная ниже. *Ред.*

къ министру народнаго просвѣщенія, А. С. Шишкову, въ де заговѣннаго воскресенья, Александръ Семеновичъ сказалъ мн

— Погодите у меня, я послалъ навѣдаться, будетъ ли с годня пріемъ у Государя.

А тогда министръ просвѣщенія докладывалъ въ семь ч совъ вечера по воскресеньемъ. Хотя было воскресенье необы новенное, однакоже отвѣтъ пришелъ удовлетворительный: «б детъ пріемъ».

Будетъ! Но едва не разрушились всѣ мои ожиданія.

А вотъ какимъ образомъ.

Собираясь во дворецъ, министръ пересматривалъ приготов ленные доклады въ портфелѣ и къ удивленію своему не нашел докладной своей записки обо мнѣ. Записка эта *исчезла*.

Объясняюсь.

Съ 1806-го года выдумали, что будто бы я отголосокъ ка кого-то невидимаго общества. А я изрѣдка, и то по неволѣ заглядывалъ и въ видимое общество.

Съ 1812-го года облекли меня личиною таинственнаго чело вѣка, предполагая, что я самъ собою не отважился бы явно и гласно говорить все то, что тогда говорилъ. Со времени откры тія масонскихъ ложъ, негодовали на меня за то, что я ни въ одну изъ нихъ не заглядывалъ. Не осуждая никакихъ обществъ, скажу только, что именно по духу моей независимости я не подчинялъ себя никогда самовластію часовъ. Даже въ юности моей я не приковывалъ себя къ колесницамъ нашихъ *Киприды*, страшась часового у нихъ дежурства; а въ 1811-мъ году, когда избранъ я былъ членомъ въ Обществѣ московскихъ любителей словесности, я прочиталъ тамъ рѣчь и въ тотъ же вечеръ от туда выбылъ, услыхавъ отъ предсѣдателя общества, что члены должны высиживать до окончанія всѣхъ чтеній. И рѣчь моя, и записка о выходѣ изъ общества помѣщены были въ 1811-мъ году въ «Трудахъ любителей словесности» отъ Общества. Любовь моя къ независимости (если угодно назовите ее и какимъ-ни будь дикимъ порывомъ) возбудила странное подозрѣніе, будто бы я для того отъ всего и всѣхъ отклоняюсь, чтобы за *всѣмъ* и *за всѣми* наблюдать. Никогда и никто не оцѣплялъ меня никакимъ постороннимъ наблюденіемъ. Предположенія и заклю ченія человѣческія иногда бываютъ удивительныя! Вотъ мое объясненіе, и вотъ почему изъ портфеля министра взята была обо мнѣ записка, въ томъ предположеніи: нѣтъ ли въ ней какого доноса на духъ тогдашняго времени?

Великими историческими событіями ознаменовался 1825-й г. для нашего отечества: необыченъ онъ былъ и для меня.

Но какъ бы то ни было, а *увлеченіе записки* послужило къ ... моей. А. С. Шишковъ быстрымъ и порывистымъ перомъ ...алъ обо мнѣ нѣсколько строчекъ, заявляя въ нихъ: «без...дѣльную любовь мою къ отечеству и всегдашнюю готовность ...ртвовать всегда всѣмъ престолу и отечеству».

Это сущность отзыва министра; а вотъ содержаніе пропав...ей моей записки:

I) *Служба.* 1795 года, я началъ службу въ числѣ адъю...тантовъ у князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, бывшаго въ то время московскимъ генералъ-губернаторомъ.—1799 года добровольно вызвался въ итальянскій походъ съ осьмисотнымъ отрядомъ Архаровскаго полка.—Въ 1806-мъ году находясь въ отставкѣ и бывъ безпомѣстнымъ дворяниномъ (ибо 1802 года, по словесному завѣщанію матери моей, я все родовое наслѣдство отдалъ сестрѣ), на собственномъ иждивеніи служилъ бригадъ-майоромъ въ земскихъ войскахъ по Сычевскому уѣзду, за что и награжденъ золотою медалью съ лицеизображеніемъ Императора Александра Перваго и съ надписью: «за вѣру и отечество». — 1812 года мнѣ удалось первому записаться въ ратники московскаго ополченія и первому возложить на алтарь отечества жертву. Того же года іюля 18-го награжденъ я былъ орденомъ 4-ой степени св. Владиміра при слѣдующемъ рескриптѣ:

«Господинъ майоръ Глинка! Любовь къ отечеству, доказанная дѣяніями и сочиненіями вашими, обратили на васъ вниманіе наше». На подлинномъ рескриптѣ подписано: «Александръ.»

II) *Печатные труды.* Не стану здѣсь напоминать всѣхъ чернильныхъ моихъ грѣховъ, скажу, что въ запискѣ къ министру и тогда уже простирались они до 130-ти частей. А много ли листовъ отдѣлитъ отъ нихъ потомство? Не знаю. Покойный А. Ѳ. Воейковъ сказалъ мнѣ однажды, что «изъ всѣхъ моихъ многоплодныхъ сочиненій выкроится маленькая книжечка». Если и это сбудется, то будетъ для меня пальмою безсмертною. На моемъ вѣку сколько поколѣній книгъ пали въ Лету не съ шумомъ, но безмолвно!

III) *Просьба.* Здѣсь долженъ я прибавить, что вмѣстѣ съ возложенными на меня препорученіями развязаны мнѣ были руки *на триста тысячъ экстраординарной суммы*, изъ коей по запискѣ моей выдано только пятнадцать рублей для покупки шапки крылацкому крестьянину Никифору, благословившему трехъ сыновей своихъ въ ополченіе. Не до записокъ было въ то время, когда дѣло шло: быть или не быть Россіи въ Россіи! Тутъ настояла надобность необходимая успокоивать

умы, сколько возможно: а для этого, по возложеннымъ на меня особеннымъ порученіямъ, надлежало и днемъ и ночью быть въ непрестанной дѣятельности.

Сверхъ того, нельзя было ни часомъ, ни мгновеніями охлаждать жаркаго рвенія юношей, порывавшихся подъ хоругви ополченія. Вслѣдствіе сего днемъ и ночью, во всякое время когда заставали меня юноши, я бралъ оставшіяся вещи жены моей отъ утраченнаго ея наслѣдства опекою, продавалъ и употреблялъ ихъ къ поспѣшному исполненію желанія новоополченныхъ. Такимъ образомъ снарядилъ я на службу до двадцати юношей и въ представленномъ о томъ свидѣтельствѣ показалъ, что это стоило женѣ моей свыше пяти тысячъ рублей, почему и просилъ о назначеніи мнѣ пенсіи.—Деньги же триста тысячъ возвратилъ я черезъ графа Ѳ. В. Растопчина куда слѣдуетъ.

Вотъ подлинная сущность моей записки. Не только не пеняю на руку похитившую ее, но еще благодарю. Ибо въ тревоженный 1825-й годъ, читатели записки могли убѣдиться, что ни перо мое, ни сердце ни на кого не посягало. Много бурь нагоняли на меня, но я не отклонялъ ихъ отъ себя, чтобы сбить съ ногъ другихъ. Чтобы не возбудить притязательствъ за 1812-й годъ, мнѣ утверждено было Государемъ выдать шесть тысячъ, для уплаты въ университескую типографію за напечатаніе третьяго изданія моей русской исторіи и наградить перстнемъ. Слѣдовательно это уравнивалось съ издержками нашими 1812-го года. Я тогда объ этомъ разсчетѣ не мыслилъ: я радъ былъ, что семейство мое почувствуетъ хотя временную передышку отъ нашествія горестныхъ нуждъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, отправился я къ Николаю Михайловичу Карамзину. Нашъ исторіографъ встрѣтилъ меня съ такимъ же радушіемъ, съ какимъ обходился со мною въ Москвѣ. Однажды, вечеромъ былъ у него М. М. Сперанскій, и Николай Михайловичъ указывая на мою русскую исторію, лежавшую у стѣны на столичкѣ, сказалъ: «Сергѣй Николаевичъ, вы обогнали меня въ исторіи». Я отвѣчалъ:—Въ продолженіи годовъ, а не въ славѣ пера вашего.

А между тѣмъ, когда нашъ исторіографъ говорилъ въ Петербургѣ о быстромъ обгонѣ моей русской исторіи, ее, бѣдную, въ Москвѣ безпощадно уничтожали, и она въ безмолвіи уснула сномъ непробуднымъ. Роковая внезапность невольно поражаетъ. Тогда я сильно былъ встревоженъ, а теперь не сержусь, но радуюсь, что журнальная мысль дѣйствуетъ и пробуждаетъ дѣятельность. Прибавлю притомъ только, что безъ пристраст-

ной отчетливой критики она будетъ самоуправствомъ, ибо нужно показать недостатки, и что и почему не хорошо. А въ «Телеграфѣ», бывшемъ тогда въ ходу, сказано было лаконическимъ приговоромъ: «Не читать безъ замѣчаній русской исторіи Сергѣя Глинки ни отцамъ, ни матерямъ, ни наставникамъ.» Это приговоръ, а не доказательства.

Прочитавъ это въ «Телеграфѣ», Николай Михайловичъ прислалъ ко мнѣ слѣдующую записку: «Иду сейчасъ къ министру просвѣщенія». И онъ пошелъ.

На другой день передъ кабинетомъ министра просвѣщенія встрѣтилъ я Василія Андреевича Жуковскаго, и услышалъ отъ него, что Н. М. Карамзинъ въ докладѣ своемъ изъяснилъ, что моя русская исторія, по изложенію происшествій и по нравственной цѣли, заслуживаетъ быть *классическою книгою*, за что и ходатайствуетъ о предоставленіи мнѣ награды.

Между тѣмъ Н. И. Гречъ пригласилъ меня къ обѣду. Я пришелъ къ нему съ сыномъ моимъ Владиміромъ, котораго взялъ съ собою, чтобы не быть въ Петербургѣ вовсе сиротою въ разлукѣ съ семействомъ. Гости съѣзжались. Тутъ, не бывъ въ Петербургѣ около семнадцати лѣтъ, увидалъ я юное, новое поколѣніе, сильное словомъ, мыслію и перомъ. Въ числѣ ихъ былъ Грибоѣдовъ. Хозяинъ посадилъ меня между поэтомъ Гнѣдичемъ и И. А. Крыловымъ. Когда поднесли къ нему исполинское блюдо рыбы, Крыловъ сказалъ:—«Что это, Николай Ивановичъ, ты хочешь насъ закормить».—«Нѣтъ! возразилъ хозяинъ: я хочу васъ накормить». Для меня, тогдашняго московскаго затворника, все было какимъ-то чуднымъ зрѣлищемъ, которое и развернулось неожиданною выходкою. Когда подали жаркое, Н. И. Гречъ, наливъ бокалъ шампанскимъ, сказалъ:—«За здоровье Государя Императора и за здоровье всего Августѣйшаго Дома, увѣнчавшаго наградою Сергѣя Николаевича Глинку». Бокалы закипѣли. Когда дошла очередь до меня, я попросилъ перо, бумагу и тутъ же написалъ стихи, напечатанные въ «Сѣверной Пчелѣ» февраля 17-го 1825 года.

Послѣ заздравнаго тоста за домъ царскій, хозяинъ провозгласилъ тостъ за тогдашняго министра просвѣщенія А. С. Шишкова, обратившаго на меня Высочайшее вниманіе. Обѣдъ былъ данъ не для моихъ «прекрасныхъ глазъ». Ловкій хозяинъ только воспользовался случаемъ. Съ 1824 года, за похищенный изъ его типографіи печатный листъ, ему довелось терпѣть въ чужомъ пиру похмѣлье, то-есть попасть въ среду боровшихся страстей. Не любя вмѣшиваться въ чужія дѣла, не стану болѣе о томъ распространяться. А притомъ, съ 1825-го года къ от-

16*

шельнической моей жизни столько прильнуло необычайныхъ об стоятельствъ, что и теперь, то-есть въ 1841-мъ году, едва мог ихъ сообразить.

Чтобы ѣхать изъ Петербурга, иду за подорожною къ граф Милорадовичу. При появленіи моемъ онъ держалъ № «Сѣвер ной Пчелы», въ которомъ напечатано было о пирѣ Н. И. Греча размахивая листомъ, графъ сказалъ:

— Я сейчасъ объ васъ читалъ. Но я скажу Государю, что для васъ ничего не сдѣлано. Вамъ въ долгу правительство за двѣнадцатый годъ.—И къ тому высокопарно возгласилъ: «съ Сергѣя Николаевича ничего не брать за подорожную, онъ все отдавалъ отечеству».

Такимъ образомъ получилъ я *обѣленную* подорожную, и тутъ же графъ напѣвалъ множество хвалебныхъ вѣстей о государѣ во время и послѣ наводненія, для помѣщенія этихъ его разсказовъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Но напыщенный его разсказъ доказывалъ, что сердце его отрицало то, что языкъ его усиливался высказывать во всемъ риторскомъ великолѣпіи. Это замѣчаніе впослѣдствіи обьяснится само собою.

Получивъ подорожную, я поспѣшилъ къ министру откланяться и поблагодарить.

— Погостите у насъ въ Петербургѣ недѣли три, сказалъ Александръ Семеновичъ,—объ васъ будетъ еще другой докладъ по представленію Н. М. Карамзина.

— Не останусь и на три дня, отвѣчалъ я. Я увѣренъ, что вы сдѣлаете для меня все, что будетъ возможно; а я спѣшу въ Москву.

Съ живымъ предчувствіемъ неизбѣжной политической бури отправился я въ Москву, и въ первыя минуты свиданія съ женою сказалъ ей: «Увѣряю тебя, что нынѣшній годъ непремѣнно будетъ въ Петербургѣ что-нибудь необычайное».

— Полно! возразила она: ты такой же мечтатель какъ и любезный твой Жанъ-Жакъ Руссо.

— Не говори этого, возразилъ я: мой Жанъ-Жакъ не только угадчикъ, но былъ почти и пророкомъ. За нѣсколько лѣтъ до революціи, онъ въ «Эмилѣ» своемъ цѣлому свѣту возвѣстилъ, что мы живемъ въ вѣкѣ революцій, цари будутъ подданными, а подданные царями, и мало ли что̀ онъ еще предрекалъ. Да когда въ вихрѣ свѣта прислушиваться и вслушиваться въ ходъ времени! Впрочемъ увидимъ, кто изъ насъ будетъ правъ.

Чрезъ нѣсколько времени по возвращеніи въ Москву, получилъ я отъ Н. М. Карамзина слѣдующее письмо:

«Сердечно благодарю васъ за ласковое, обязательное письмо;

ради Бога не говорите о моихъ мнимыхъ одолженіяхъ! Я не могъ ничѣмъ услужить вамъ. Г. министръ не рѣшился ложить объ васъ вторично, и сдѣлаетъ то современемъ, какъ залъ мнѣ вчера; думаю, что для вѣрнѣйшаго успѣха лучше ждать. Ему единственно обязаны вы первымъ благосклоннымъ докладомъ, обо мнѣ же можете только сказать по справедливости, что я не уступлю никому въ искреннѣйшемъ вамъ доброжелательствѣ и въ готовности доказать вамъ дѣломъ искренность чувствъ моихъ. Любите меня просто за любовь мою къ вамъ; а будетъ, что Богу угодно. Не забуду напоминать г. министру, пока *намъ* рѣшительно не откажутъ.

«Будьте выше зависти и клеветы, о которыхъ вы упоминаете въ письмѣ вашемъ и которыя въ здѣшнемъ свѣтѣ не оставляютъ въ покоѣ добрыхъ людей. Къ счастію, есть Богъ! злымъ не всегда удается сдѣлать зло.—8-го марта 1825 года. С.-Петербургъ».

Я писалъ не о злыхъ людяхъ, но о легкомысленныхъ. Недовѣріе похитило мою записку въ Петербургѣ. Тревожное недоумѣніе встрѣтило меня и на берегахъ Москвы-рѣки. Поѣздка моя въ Петербургъ и данный мнѣ обѣдъ Н. И. Гречемъ взволновали весь московскій университетъ.

Нѣтъ въ мірѣ ничего хуже и вреднѣе предположеній и ребяческихъ догадокъ. Умъ опытный и основательный сперва все осмотритъ, все изслѣдуетъ, сообразитъ обстоятельства и душевныя свойства человѣка, а потомъ предъявитъ свое сужденіе. Весь университетъ всполошился; одни распустили молву, будто бы я давалъ въ Петербургѣ пиръ и ухлопалъ на него данное за уплату въ университетскую типографію.

Огромленный со всѣхъ сторонъ молвою, я невольно упадалъ духомъ подъ болтливымъ и шумнымъ ея налетомъ. Желчь разлилась у меня, и я слегъ въ постель. Опасаясь, что семейство мое въ случаѣ смерти моей останется безъ всякаго пособія, я писалъ къ графу Милорадовичу, чтобы онъ по обѣщанію своему ходатайствовалъ за меня у Государя.

Отвѣта не было. Графъ сердился на меня за то, что разсказы его не появлялись въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Еслибъ разсказы его дышали искренностію, то, несмотря на тяжкую болѣзнь мою, я написалъ бы и напечаталъ препорученную мнѣ статью: но ни мысли, ни сердце, ни перо мое не поддавались. Не думайте, чтобы издатель «Русскаго Вѣстника» нахватомъ излагалъ свои мысли и сердечныя чувства. Онъ говорилъ то, что душа его подсказывала ему.

Вмѣстѣ съ весною оживилось и мое здоровье, и въ маѣ мѣ-

сяцѣ того же года получилъ я изъ Петербурга отъ князя I
Ширинскаго-Шихматова, что Государь не можетъ дать мнѣ
сіи, потому что я не служу, и что «Государь приказалъ
зать мнѣ, чтобы я служилъ».

Озабоченный этимъ извѣстіемъ и видя необходимость ѣ
снова въ Петербургъ, чтобы исполнить государево слово и
ситься на службу, мнѣ надлежало усилить труды и какъ-ни
собрать денегъ на новую поѣздку.

Въ концѣ іюля (1825 г.), я, взявъ бричку у моего домохо
на, выѣхалъ изъ Москвы. Не болѣзнь, но какая-то тяжелая
ка сильно давила мнѣ грудь и вовсе отбила меня отъ обы
венной пищи. А потому я запасся апельсинами и лимонам
дорогою покупалъ и ѣлъ ягоды, гдѣ поподались. Не умѣю
сказать, что̀ отуманивало мою душу, помню, что я будто и
залъ въ самомъ себѣ. Время было прекрасное, но глаза мо
обращались на ясный небосклонъ и ни на какіе виды. Въ
комъ чудномъ и безотчетномъ для меня состояніи пріѣхалъ я
Валдайское зимогорье часу въ шестомъ вечера 27-го іюля. О
вивъ чинить бричку, пострадавшую отъ дороги, я пошелъ м
леннымъ шагомъ горами.

Несвязныя мысли толпились въ головѣ моей. Я самъ
куда не оглядывался и какъ будто не слыхалъ подъ собой зе
Проѣзжалъ ли кто въ это время мимо меня, не знаю. Пус
нею безмолвною была вся окрестность, или такъ мнѣ пока
лось.

Между тѣмъ все болѣе и болѣе вечерѣло. Къ исходу ч
десятаго очутился я на шестой верстѣ, и въ это время п
сверкнула въ головѣ моей мысль: Государь требуетъ, чтобы
служилъ. Но чтобы добиться до какой-нибудь службы, надоб
исканіе, время, а я не привыкъ къ исканію: или нужно ждат
чтобы смерть столкнула кого-нибудь съ мѣста. Это все для ме
новое и тяжелое дѣло.

Тутъ не могу и теперь отдать себѣ отчета, по какому н
обычайному порыву быстро приподнялъ я голову, снялъ шля
и вотъ что предстало удивленнымъ глазамъ моимъ.

Среди свѣтозарныхъ облаковъ я увидалъ императора Але
ксандра, ницъ преклоненнаго отъ *юга* на *сѣверъ* въ молитвенно
положеніи. На головѣ его была корона, а надъ нею вита
свѣтлый облакъ. Глубокое, душевное, святое умиленіе отражалос
во всѣхъ чертахъ лица его. Дивными, радужными цвѣтами от
свѣчивалась державная порфира царя, молившагося Царю царей
Я стоялъ, какъ вкопанный, неподвижно; видѣлъ все явственно

не вѣрилъ глазамъ моимъ, или лучше сказать вглядывался небесное видѣніе очами душевными, а не земными.

Съ постепеннымъ наступленіемъ сумерекъ величественный призракъ исчезалъ съ ногъ и далѣе. Наконецъ призракъ весь скрылся въ розовомъ сумрачномъ туманѣ. Въ это мгновеніе слезы брызнули изъ глазъ моихъ. Раздался звонъ колокольчика; кибитка моя подоспѣла, и я сѣлъ въ нее съ какою-то непостижимою думою.

На другой день около полудня встрѣтился я подъ Бронницами съ *Семеновымъ*, бывшимъ секретаремъ одного изъ тогдашнихъ обществъ. Пока перемѣняли лошадей, онъ пошелъ пѣшкомъ съ какимъ-то иностранцемъ.

— У меня есть къ вамъ письмо отъ Ѳедора Николаевича, сказалъ онъ: — но оно у меня въ чемоданѣ, достать нельзя. Братецъ вашъ здоровъ, и васъ въ Петербургѣ ждутъ.

Гдѣ ожиданіе, тамъ блеститъ лучъ надежды. При словѣ: «васъ ждутъ», какъ будто свинцовое бремя спало съ моего сердца.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я поспѣшилъ къ брату Ѳедору Николаевичу, и пересказалъ ему о дивномъ моемъ видѣніи.

Братъ убѣждалъ меня никому объ этомъ не разсказывать и между прочимъ сказалъ: «Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ Императоръ въ то время молился».

Петербургъ показался мнѣ какъ будто окинутымъ какою-то мрачною завѣсою, несмотря на то, что присутствіе Маріи Павловны вызывало празднества. Приготовлялись также и къ поѣздкѣ въ Таганрогъ. Но я уже не встрѣчалъ того движенія, которое такъ кипѣло въ февральскую мою поѣздку. То была та тишина, которая предшествуетъ бурному и грозному волненію океана.

Явясь къ министру просвѣщенія, говорю ему, что я готовъ на всякую службу; но особенно былъ бы радъ и благодаренъ, еслибъ гдѣ-нибудь на городу дано бы было мнѣ мѣсто директора гимназіи, что и доставило бы мнѣ средства воспитывать дѣтей моихъ. Министръ отвѣчалъ:

— Вы мнѣ будете нужны въ Москвѣ. Въ Государственномъ Совѣтѣ разсматриваютъ новый цензурный уставъ и вы будете назначены цензоромъ. Отнеситесь ко мнѣ объ этомъ письмомъ, а я напишу въ московскій университетъ, чтобы за безпредѣльное ваше просвѣщеніе дать вамъ какое-нибудь мѣсто до установленія новаго цензурнаго комитета.» Нечего было дѣлать, я не прекословилъ министру и откланявшись ему, поѣхалъ на дачу къ князю Дмитрію Ивановичу Лобанову.

Даря меня не рѣдко письмами своими и разговаривая со

мною не рѣдко откровенно, князь въ этотъ разъ около ч
рехъ часовъ дѣлалъ крайне мрачное обозрѣніе дѣйствіямъ
шихъ министровъ. Каждое слово его дышало раздраженіемъ
тивъ внутренняго тогдашняго управленія. Правду сказать,
отъ кого въ Петербургѣ не слыхалъ ни одного добраго с
о тогдашнемъ времени. Все приготовлялось, но подъ завѣс

Черезъ нѣсколько времени по пріѣздѣ въ Петербургъ, я
шелъ къ графу Милорадовичу; адъютантъ, доложивъ обо
возвратился съ отвѣтомъ, что буду принятъ, а минутъ черезъ
пришелъ сказать, что графъ уѣхалъ. Не уѣхалъ; онъ убѣ
другимъ выходомъ на канаву. Это было мщеніе за то, что я
напечаталъ хвалебныхъ его возгласовъ. «Милорадовичъ, п
малъ я, щеголялъ въ битвахъ геройствомъ, а отъ меня
гаетъ. Видно, я для него страшнѣе пуль». Но онъ страш
не меня, а собственной своей совѣсти, отъ которой не за
чешься и подъ землю.

Въ воскресенье, обѣдалъ я съ братомъ Ѳедоромъ Никол
вичемъ на дачѣ у Никитина, бывшаго секретаремъ редак
журнала «Соревнователь просвѣщенія». Нѣсколько разъ пор
вался разсказать я о моемъ видѣніи на Валдайскихъ горахъ;
братъ мой сильно дернулъ меня за руку и сказалъ мнѣ на у
«молчите»!

Дача Никитина была подлѣ Екатерингофа, и мы подъ вече
отправились туда. Едва сдѣлали мы нѣсколько шаговъ по са
графъ Милорадовичъ бросился ко мнѣ съ распростертыми р
ками и обнимая меня кричалъ по-французски:

— Вы забыли! забыли меня!

На восклицанія его я возразилъ также по-французски:

— Къ вамъ нельзя ходить, графъ! Вы въ одни двери пр
нимаете, а изъ другихъ уходите.

— Нѣтъ, нѣтъ! продолжалъ графъ, приходите ко мнѣ завт
поутру, мнѣ до васъ крайняя нужда.

Я рѣшился исполнить его приглашеніе. Но чтобы надежн
съ нимъ свидѣться я вооружился рукописью, заключавшею в
себѣ около двухсотъ русскихъ и собственноручныхъ францу
скихъ писемъ Суворова [1], переплетенную въ сафьянъ. Приношу
и съ восторгомъ представляю рукопись.

Но графъ при имени Суворова холодно поморщился и от
толкнулъ памятникъ души, ума и славы Суворова; и это сдѣ
лалъ онъ съ какою-то Навуходоносоровскою гордынею. Оттол

---

[1]) Рукопись эта передана князю М. С. Воронцову.

двуъ Суворова, онъ оборотился къ вазѣ, въ которой плавали золотыя рыбки.

— Не правда ли, сказалъ онъ, — что они очень красивы.

И не дождавшись моего отвѣта, всталъ и съ торжественнымъ видомъ расхаживая по комнатѣ возглашалъ:

— Видѣли ли вы безсмертный памятникъ императора Александра Благословеннаго на Петергофской дорогѣ, который онъ строилъ отъ наводненія?

Я отвѣчалъ отрицательно.

— О, поѣзжайте! воскликнулъ графъ, — поѣзжайте! Я пришлю къ вамъ мою коляску. C'est un monument vers le ciel; каждый день по нѣскольку разъ ѣзжу восхищаться заботами человѣчествѣ великой души императора Александра.

Послѣ наводненія 1824-го года, покойный государь приказалъ по Петергофской дорогѣ при постройкѣ тамъ возвысить всѣ пострадавшія деревни, чтобы впредь вода не причиняла имъ никакого разоренія.

Спѣшу туда въ коляскѣ графа. Спрашиваю кучера: — давно ли былъ тутъ графъ Милорадовичъ? Слышу отвѣтъ: «никогда». Это поразило меня, и я, отпустивъ коляску графа, не поѣхалъ къ нему. Я понялъ, для чего графъ игралъ со мною комедію.

1825-го года о графѣ Милорадовичѣ можно сказать Корнеліевымъ выраженіемъ: «въ Римѣ не было уже Рима». Не задолго до моей мистической поѣздки на Петергофскую дорогу, мнѣ разсказывалъ Егоръ Борисовичъ Фуксъ, что когда 1824-го г. графъ Милорадовичъ вытѣснялъ и вытѣснилъ с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера Гладкова, онъ поэтому случаю получилъ грозное письмо отъ Дибича и отъ имени государя. Въ гнѣвномъ порывѣ графъ воскликнулъ: Дибичъ мнѣ заплатитъ! Схватилъ пистолеты, бросился въ карету, но съ Пулковової горы, по убѣжденію своего спутника, котораго имя, къ сожалѣнію, изгладилось у меня изъ памяти, возвратился въ городъ. Съ той поры онъ облекъ себя личиною лести. Раболѣпствовалъ передъ Аракчеевымъ, толкаясь иногда по получасу въ его пріемной. А когда графу Аракчееву докладывали о Милорадовичѣ, онъ говорилъ: «пусть подождетъ, онъ пришелъ выманивать денегъ».

И при появленіи сильнаго графа Аракчеева, графъ Милорадовичъ изгибался въ три погибели.

Далеко, далеко былъ онъ отъ того Милорадовича, который въ италіянскую войну, видя, что ряды нашихъ войскъ отступаютъ отъ напора непріятеля, схватилъ знамя и воскликнулъ: «Солдаты! Посмотрите, какъ умретъ вашъ генералъ». Далеко былъ онъ 1825-го года отъ Милорадовича 1799-го года. Въ 1814-мъ

году, отправляясь генералъ-губернаторомъ въ С.-Петербу
онъ навѣстилъ меня и сказалъ, что поѣдетъ къ графу Раст
чину поучиться, какъ дѣйствовать на чредѣ генералъ-губер
тора. Онъ хвастался также, что вступитъ въ борьбу съ тогда
нимъ министерствомъ. Не знаю, далъ ли ему графъ Ростопчи
какіе-нибудь уроки; но кажется жрицы Киприды и какая-
темная дума изъ прежняго Милорадовича вытѣснила Милор
довича.

Упомянулъ я выше, что въ первую поѣздку въ Петербур
графъ Милорадовичъ приказалъ выдать мнѣ подорожную
взыскивая съ меня поверстныхъ денегъ. На этотъ разъ разс
дилъ я уклониться отъ этого подарка, а для того послалъ че
вѣка узнать, у себя ли графъ. Узнавъ, что онъ въ Екатери
гофѣ, иду въ канцелярію, беру подорожную, ѣду въ Екатери
гофъ. Застаю графа на крыльцѣ.

— Я радъ, что вижу васъ, сказалъ графъ.

— Я пріѣхалъ проститься съ вами, вотъ и подорожная.

Графъ предложилъ мнѣ завтракъ.

— Согласенъ, сказалъ я, — завтракъ замѣнитъ мнѣ обѣд

Приказавъ заготовить завтракъ, графъ пригласилъ меня с
собою на балконъ, обращенный къ заливу. Онъ сѣлъ на прав
сторону къ заливу, а я на лѣвую. Не знаю для чего, указыва
рукою на Стрѣльну, мелькавшую вдали, онъ сказалъ:

— Voyez vous ce chateau? C'est moi qui a fait tout c
plan?

Что такое онъ устроилъ или смастерилъ, я не озаботилс
узнать.

— Графъ, сказалъ я: — дня два тому назадъ ѣхалъ я с
Каменнаго Острова Троицкимъ мостомъ. Нева волновалась; неб
было подернуто туманомъ; порывистые вѣтры бушевали со всѣх
сторонъ. И мнѣ пришла въ голову слѣдующая мысль: Péters-
bourg est une ville où luttent tous les élémens et toutes les
passions.

— Mais c'est vrai ça.

— Et vous, que faites-vous?

— Je suis irrité, je me suis jeté dans la populace.

— Vous vous êtes jeté dans la mer la plus orageuse.

Тутъ, прервавъ разговоръ французскій, я сказалъ:

— Ужели одно простонародье составляетъ цѣлое общество.
И виноваты ли мы, бѣдные отцы семействъ, что мы родились
дворянами? Вы знаете, графъ, что у меня нѣтъ ни деревни,
ни дома, а у меня семь человѣкъ дѣтей.

— А на что вы ихъ надѣлали?

— Вы ошибаетесь, графъ. Дѣтей Богъ даетъ. Иной богачъ ...знаетъ что̀ бы далъ, только были бы у него дѣти. Но дѣ...и покупаютъ, ни дѣлаютъ. Рѣзецъ художника можетъ вы...ть и Купидона, и Галатею, но повторяю, что: дѣтей Богъ ...ъ.

Краска выступила на лицѣ графа. Онъ нѣсколько помол...ъ, а потомъ сказалъ:

— Хорошо, я непремѣнно выпрошу для васъ Анну съ алма...и и три тысячи пенсіи; донесите государю, что Гр. и Булг. ...о не любятъ. Я буду вамъ самъ диктовать, а вы только пи...те своею рукою и подпишите свое имя.

Признаюсь: менѣе бы я изумился, еслибъ громъ упалъ къ ...мъ моимъ, сколько поразилъ меня такой вызовъ графа.

— Графъ! сказалъ я: — тѣми ли устами вы вызываете меня ... пагубу, которыми нѣкогда воспламеняли русскихъ воиновъ ... дѣламъ славы? Вы меня оскорбляете, и я не узнаю въ васъ ...го героя, котораго братъ мой Θедоръ Николаевичъ назвалъ ... письмахъ своихъ: «русскимъ Баярдомъ». Я бѣденъ, я крайне ...етенъ обстоятельствами, но за всѣ сокровища свѣта не про...мъ совѣсти моей и того душевнаго слова, которое Богъ далъ ...мъ для любви, а не для гибели людей.

Тутъ извѣстили, что завтракъ готовъ. Въ рѣчахъ графа ...ражалось раздраженіе. За столомъ мы ѣли, и переливали изъ ...устого въ порожнее.

Я заговорилъ о лаврахъ его, пожатыхъ имъ на поляхъ Италіи, о тѣхъ дивныхъ дняхъ, когда онъ завидовалъ славной смерти храбраго Кульнева. Лицо графа прояснялось. Наконецъ, ...нъ сказалъ:

— Опишите Екатерингофъ; не забудьте о воспоминаніяхъ ...ссіановскихъ, и я ваше описаніе отправлю въ Веймаръ, къ Маріи Павловнѣ.

— На это, отвѣчалъ я: — согласенъ. Ея высочество была, можно сказать, попечительною матерью русскихъ раненыхъ въ войну заграничную. Можетъ быть ей угодно будетъ наградить меня перстнемъ. Подарку буду радъ; но о вашихъ обольщеніяхъ стыжусь и подумать. Скажу только вамъ, что я такъ не люблю впутываться въ чужія дѣла, что даже не любопытствую узнать, что значатъ ваши слова, когда, указывая на Стрѣльну, вы сказали: «C'est moi, qui à fait tout ce plan».

Графъ смутился; хотѣлъ что-то сказать; но тутъ я замѣтилъ, что мнѣ пора ѣхать. Выпивъ по заздравному бокалу, мы простились — навсегда.

А когда вышелъ мой «Московскій Альманахъ», гдѣ помѣ-

стилъ я описаніе Екатерингофа и застольную пашу бе[...] графъ уже былъ тамъ, гдѣ, говоря словами поэта: «Смерть [...] детъ на жизнь завѣтную свою печать»...

Съ прежнею торопливостью я спѣшилъ въ Москву, и проѣ[...] Царское Село, посѣтилъ я Н. М. Карамзина. Захожу въ Ки[...] скую деревню, гдѣ жилъ тогда нашъ исторіографъ. Узнаю, [...] онъ занятъ въ саду утреннею прогулкою, беру перо и п[...] «Вы нѣжный отецъ семейства и вы можете судить, какъ тя[...] быть въ разлукѣ съ семействомъ. Но гдѣ бы я ни былъ, п[...] минаніе о васъ будетъ вездѣ и всегда неразлучно со *мною*[...]

Вслѣдъ за мною летѣло слѣдующее письмо Николая Ми[...] ловича:

«Мнѣ сердечно жаль, что я не видался съ вами. Вѣр[...] моему искреннему усердію. Обрадуюсь, когда узнаю, *что* [...] дано хорошее мѣсто, иначе просьба о пенсіи впереди. [...] бирайте любое мѣсто или пенсію. Буду навѣдываться *о* [...] черезъ Сербиновича. Александръ Семеновичъ теперь въ [...] лишился Дарьи Алексѣевны. Будьте здоровы съ вашимъ лю[...] нымъ семействомъ, и проч.».

Въ Москвѣ встрѣтили меня и новыя предположенія, [...] умѣніе и догадки, и всѣ разгулы молвы. Долго судили и ря[...] ученыя головы, куда дѣвать человѣка, извѣстнаго министру «ч[...] вычайнымъ своимъ просвѣщеніемъ». Наконецъ, придумали [...] вести меня въ небывалую степень: «Оберъ-корректора униве[...] ситетской типографіи». По странному стеченію обстоятельст[...] мнѣ предложено было званіе оберъ корректора въ самый д[...] кончины императора Александра Перваго, ноября 19-го. Ме[...] объемъ моей жизни не разъ сталкивался съ великими событія[...] 1808-го года, по жалобѣ Наполеона на «Русскій Вѣстник[...] предъявленной посланникомъ его Коленкуромъ, я былъ отс[...] ленъ отъ московскаго театра. А далѣе увидятъ, что за то, [...] я во французской брошюркѣ, изданной мною 1828-го года, по[...] заглавіемъ: Considérations morales sur la presse périodique [...] France», касательно происходившихъ въ палатѣ Франціи жа[...] кихъ преній о *журналахъ*, я предупредилъ паденіе *Карла X*-[...] за то и самъ палъ со стула цензорскаго.

Но я право никогда не искалъ ни славы возвышенія, [...] славы паденія, и остался цѣлую жизнь мою *четверократны*[...] *майоромъ*. А вотъ какимъ образомъ: въ 1806-мъ году служилъ [...] бригадъ-майоромъ въ земскихъ войскахъ, по Сычевскому уѣзд[...] и вышелъ въ отставку, сохраняя чинъ майора. Потомъ пост[...] пилъ на службу при московскомъ театрѣ, гдѣ былъ переводч[...] комъ и просилъ, чтобы оставили меня въ майорскомъ чинѣ.

812-го года, я снова отстоялъ свой майорскій чинъ. А когда, 28-го года, я вступилъ въ московскій цензурный комитетъ [п]ринялъ должность цензора, я подалъ прошеніе къ тогдашнему [ми]нистру народнаго просвѣщенія А. С. Шишкову, въ которомъ ис[пр]ашивалъ дозволенія не носить гражданскаго мундира, и не да[ват]ь мнѣ чиновъ, а оставить меня въ майорскомъ чинѣ. Вслѣдствіе [пр]осьбы моей попечитель московскаго учебнаго округа, въ іюлѣ [мѣ]сяцѣ того года, получилъ отъ г. министра народнаго просвѣще[нія], генерала-отъ-инфантеріи князя Ливена слѣдующее отноше[ні]е: «Предмѣстникъ мой, въ январѣ мѣсяцѣ сего 1828-го года, [пр]едставленною государю императору докладною запискою хода[та]йствовалъ объ оставленіи цензора московскаго цензурнаго [ко]митета майора Глинки въ настоящемъ его чинѣ, который, какъ [по]лученный при увольненіи изъ военной службы, со вступленіемъ [вн]овь на службу ему не слѣдовалъ, объясняя, что цензоръ [Гл]инка состоитъ въ майорскомъ чинѣ двадцать семь лѣтъ и [ли]тературными своими трудами пріобрѣлъ довольную извѣст[но]сть, чтобы ему оставленъ былъ на службѣ настоящій майорскій [чи]нъ. По собраніи къ сему нужныхъ справокъ, г. начальникъ [шт]аба его императорскаго величества входилъ съ докладомъ по [озн]аченному предмету къ государю императору и его величество [по] уваженіямъ, изложеннымъ въ представленіи г. адмирала Шиш[ко]ва, высочайше повелѣть соизволилъ оставить цензора Глинку [на] службѣ въ настоящемъ чинѣ майора».

Итакъ, съ 26-ти лѣтъ отъ роду остался я вѣчнымъ майо[ро]мъ.

Ректоромъ московскаго университета былъ въ то время А. А. [Ан]тонскій. Онъ искусный былъ путеводитель юношей, никто [лу]чше его не умѣлъ водворять тихоміріе среди всѣхъ волненій [пы]лкой юности. Но и онъ, при всемъ ко мнѣ доброжелательствѣ [и]зъятъ былъ изъ числа людей, почитавшихъ меня какимъ-то [чу]домъ или дѣятелемъ таинственнымъ. А потому неумѣстный [ук]азъ о назначеніи моемъ въ должность оберъ-корректора не [раз]дражилъ моего самолюбія, ибо такой труженникъ чернильный [см]ѣшнымъ былъ бы глупцомъ, еслибъ затѣялъ лелѣять тщеславіе, [ко]торымъ живутъ и дышутъ баловни судьбы и искатели почес[т]ей. Мнѣ было уже тогда пятьдесять лѣтъ. Трудно было при[см]атривать и за собственными буквами. Каково же было уполно[мо]читься въ опекѣ надъ всѣми типографскими буквами. И смѣш[но] бы было, еслибъ я вступилъ въ оберъ-корректоры. Возразить [на] указъ было легко, онъ присланъ ко мнѣ помимо доморотель[ст]ва моего. Отыскивая въ головѣ такое слово, котораго значе[н]іе было бы полновѣснѣе и отрывочнѣе, я остановился на сло-

вѣ: *поелику*, которое, по чести говорю, я никогда не употребля
Итакъ, вооружась великимъ и сильнымъ *поелику*, я препровод
къ А. А. Писареву, тогдашнему попечителю московскаго у
верситета, слѣдующее письмо:

«Поелику я никуда никогда не подавалъ никакого проше
на предлагаемое мнѣ званіе, то на основаніи всѣхъ законо
отказываюсь не только отъ онаго, но и отъ всякаго сноше
съ университетомъ».

Вскорѣ послѣ письма моего попечитель московскаго унив
ситета давалъ обѣдъ для профессоровъ, на который и я бь
приглашенъ. Отвѣтъ мой на указъ былъ уже въ рукахъ по
чителя. А. А. Писаревъ былъ моимъ корпуснымъ товарище
и потому обходился со мною по-братски. При входѣ моемъ о
сказалъ:

— Что это ты дѣлаешь, Сергѣй Николаевичъ?

— Ничего! а спроси, что дѣлаетъ университетъ? Вѣдь
на смѣхъ курамъ, что по свидѣтельству министра народнаго пр
свѣщенія, «за мое безпредѣльное просвѣщеніе» онъ же, минист
подписалъ опредѣленіе мое въ оберъ-корректоры. Александръ С
меновичъ часто дремлетъ, и я увѣренъ, что онъ не читавъ по
писалъ университетскую бумагу соннымъ перомъ...

Очень живо помню, что послѣднее круженіе мое въ отк
канію мѣста кончилось ноября девятнадцатаго.

А въ то время, на другомъ краю въ Россіи, дивныя судь
Провидѣнія сводили съ престола пол-вселенной въ обитель праот
цевъ—Александра Перваго.

И все было необычайно въ судьбѣ его! Въ годъ рожденія
встрѣченъ онъ былъ наводненіемъ, превосходившимъ всѣ пре
нія, и за годъ до кончины свирѣпствовало наводненіе, какъ буд
отъ крайнихъ рубежей океана вринувшееся въ Неву. Взирая с
балкона дворца своего на борьбу стихій, Александръ писа
къ нашему исторіографу: «Наводненіе было необычайное. Сто
лица много пострадала—я на своемъ мѣстѣ. Преклоняю глав
предъ Провидѣніемъ». М. Н. Карамзинъ жилъ тогда въ Цар
скомъ Селѣ, гдѣ буря ломала и рвала съ корнями давнолѣтнія
деревья. А нашествіе океана, моря и залива на стогны и окрест
ности петербургскія, забушевало почти ровно черезъ двѣнадца
лѣтъ нашествія европейскихъ народовъ на Россію.

День ввезенія въ Москву тѣла императора Александра Пе
ваго былъ въ полномъ смыслѣ слова днемъ могильнымъ. П
опустѣлымъ улицамъ разъѣзжали конные отряды; среди глуб
кой тишины раздавался только благовѣстъ къ вечернямъ. Нося
лись различные туманные слухи; но я пошелъ на встрѣчу хо

гребальнаго. Приближаясь къ Кремлю, Илья пріостановилъ ...льную колесницу, бросилъ возжи и всплеснувъ руками, вскри...: «Граждане московскіе! кого вы встрѣчаете!» Безмолвные ...мы народа, стоя неподвижно, осѣнялись крестомъ, то смотря ... царственный гробъ, то обращаясь къ златымъ главамъ со...ровъ московскихъ. Молчаніемъ окованы были уста гражданъ ...сковскихъ! А давно ли торжественное ура гремѣло при появ...леніи Александра Перваго на крыльцѣ дворца Кремлевскаго!

Въ унылой задумчивости пошелъ я на Дѣвичье-поле, откуда ...лъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Москва казалась глухою пусты...нею, ворота у домовъ были заперты; изрѣдка мелькали сани: ...шеходовъ какъ будто не стало. На Дѣвичьемъ-полѣ бѣлѣлся ...олько снѣгъ. Тутъ, взглянувъ на вершины горъ Воробьевыхъ, ...гдѣ видѣлъ торжественную закладку храма Христа Спасителя, ...и соображая минувшее съ настоящимъ, мелькали передо мною ...быстрые переходы земной жизни. Возвратясь домой и удовлетво...ривъ любопытство свое касательно тревожныхъ слуховъ, я раз...вернулъ библію и занялся чтеніемъ Экклезіаста.

Между тѣмъ мѣсто исчезло, и доброму Н. М. Карамзину не ...до пенсіи было за русскую мою исторію. Онъ и самъ угасалъ ...въ продолженіи исторіи своей, и на путяхъ жизни. Я горевалъ, ...но не терзался. Хотя и сказано, что надежда неразлучная спут...ница человѣка, но я всегда начиналъ и принимался за трудъ ...безнадежно; былъ бы только трудъ. Щекотливое самолюбіе бѣ...ситъ насъ тогда, когда, создавъ въ мысляхъ что-нибудь затѣй...ливое и расчисливъ на успѣхъ, попадаемъ въ просакъ.

А я безъ всякой запасной мысли шагая изо дня въ день, ...высматривалъ только, откуда блеснетъ лучъ чернильной работы, ...и если угодно даже и поденщины. Упомяну здѣсь, что въ ценсор...ство мое въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ помѣщено бы...ло, что я не писатель, а ремесленникъ. Товарищъ мой ценсоръ ...Мерзляковъ сказалъ, что этого не пропустятъ. «Пропустите, ...отвѣчалъ я; прибавьте только: *ремесленникъ Сергѣй Глинка*, ...ибо у насъ есть писатель Ѳедоръ Николаевичъ Глинка.

Какъ бы то ни было, но въ работу подденную счастливый ...случай доставилъ мнѣ: «*сто* Лафонтеновыхъ басенъ».

А вотъ какимъ образомъ.

Московскому граверу Кудрявцову попались въ руки избран...ныя Лафонтеномъ басни съ картинами. Вырѣзая картины, онъ ...предложилъ мнѣ переводъ басенъ, съ условіемъ за каждую по ...пяти рублей ассигнаціями.

Въ продолженіи *ста дней* получать по пяти рублей вѣр...ныхъ—это было для меня рудникомъ перувіанскимъ. Были сто

дней и у дивнаго человѣка нашего вѣка, у Наполеона. Въ о мѣнъ за нихъ и за нѣсколько державъ получилъ онъ при жи ни скалу Еленскую, а по смерти памятникъ на Вандомск площади. Кому изъ насъ болѣе прислужились сто дней? Ту конечно не сравненіе, а только намёкъ на быстрый переле времени. Сто Наполеоновскихъ дней перешли въ столѣтія ист рическія! а будутъ ли когда-нибудь напечатаны мои *сто* ба сенъ — и этого не вѣдаю. Переводъ этихъ басенъ посвятилъ Ивану Ивановичу Дмитріеву. А какъ состоялось посвященіе Объясняюсь: по предварительному условію съ граверомъ, над лежало переводъ первой басни представить на разсмотрѣні Ивана Ивановича Дмитріева. Поэтъ нашъ въ переводѣ моемъ перемѣнилъ только одно выраженіе, и подъ щитомъ его мо переводъ пошелъ безостановочно. Каждый день съ новою бас нею спѣшилъ я къ граверу на Никольскую, каждый день полу чалъ по пяти рублей и засыпалъ въ ожиданіи другихъ пяти руб лей за *басню* на нужды существенныя. По составу и ходу су ществующаго общества, труденъ подвигъ отца семейства. Жанъ-Жакъ Руссо, предвидя разгромъ старинной Франціи, плакалъ когда напоминали ему о его дѣтяхъ. А баснописецъ Лафонтенъ брося жену и сына, и издѣваясь надъ тружениками отцами-семействъ, говорилъ:

„O père de famille,
Je ne t'ai jamais envié cet honneur".
«Отецъ семейства будь. будь честь твоя съ тобой,
Мнѣ не завиденъ жребій твой».

Одинъ изъ издателей его басенъ замѣчаетъ, что honneur не означаетъ ни почести, ни чины, но просто выказываетъ за боты и хлопоты семейственныя. Жизнь бѣднаго отца семейства ни *чинъ*, ни *почесть*, а крестъ и крестъ тяжелый. Стоять на безсмѣнной стражѣ нуждъ ежедневныхъ; уравнивать въ умствен номъ образованіи бѣдность съ богатствомъ, видѣть развитіе душъ и мыслей дѣтей и не видѣть для нихъ никакой отрадной цѣли въ обществѣ. Что это такое? Горе великое, неизъяснимое. На каждомъ шагу угрожала мнѣ гибель, если не встрѣтится новая работа къ подкрѣпленію выше упомянутаго труда. Встрѣтился мнѣ новый трудъ въ подспорье прежняго. Въ молодости моей мечтая съ *Юнгомъ*, я бродилъ въ мѣстахъ уединенныхъ, въ глуши лѣсовъ, нерѣдко внималъ громовымъ раскатамъ, мечтая подъ дождемъ проливнымъ, пересочиняя въ мысляхъ *Юнговы ночи;* возвращаясь домой, передавалъ бумагѣ сумрачныя мечты свои. Отчего западало это раннее томленіе въ мою

Было ли это вѣстію, чтобы я готовился на борьбу съ ...уженической? Получа по ломбардному билету шесть ...ихъ мнѣ тысячъ, я отдалъ священнику церкви Петра ...полтораста рублей для памятника Альберту Фишеру, ...тая, что и другіе со мною наслѣдники, которымъ по ...ъ отказано было по десяти тысячъ, окажутъ свое со... Завѣщанныя имъ деньги по заемнымъ письмамъ со...на богачѣ и по счету крестьянскихъ душъ, и по огром...ому. Но простосердечное то время давнимъ-давно про...когда должникъ, страшась укоризны, торопился уплачи...долгъ. Въ нашъ вѣкъ брать и не отдавать одно и ...Итакъ, назначенное мною на памятникъ рѣшась упо... по свойству души моего покойнаго друга, я напи...ъ католическому священнику по-французски слѣдующую ...: «Одинъ изъ вашихъ проповѣдниковъ сказалъ, что ми..., полагаемая въ нѣдра бѣдныхъ, молится за насъ. Я те... средѣ бѣдняковъ. А потому изъ доставленныхъ вамъ ...ста пятидесяти рублей пришлите мнѣ семьдесятъ пять, а ...ые раздайте тремъ неимущимъ семействамъ. Вмѣстѣ съ ...отправлюсь я на могилу моего друга, и вмѣсто каменнаго ...ика прольемъ за него душевную молитву къ небесному ...любви и милосердія».

...ъ вполнѣ сбылась истина, что «добро не умираетъ». ...мой и съ того свѣта подалъ мнѣ руку помощи.

...коло этого времени императоръ Николай Первый подарилъ ...Александра Перваго Войску Донскому.

...тихи, сочиненные мною на этотъ случай, принесли мнѣ ...лько сотенъ, что и развязало перо мое для работы без... и доставило душѣ моей сладостную льготу быть чѣмъ... полезнымъ другимъ.

...въ вѣкѣ рыцарства существовалъ во Франціи *Судъ любви*, ...дномъ изъ опредѣленій его сказано было:

„Qui prend,
Se vend".

«Кто беретъ—себя продаетъ».

...редставился и мнѣ счастливый случай передавать и дѣ... единственнымъ моимъ добромъ, то-есть трудомъ. При уч...еніи коммиссіи прошеній, каждый день стекалось ко мнѣ ...ество лицъ различныхъ сословій для сочиненія имъ просьбъ. ...ъ случай былъ для меня истиннымъ подаркомъ отъ Про...ія, которое посредствомъ друга моего Альберта Фишера ... жизни и по смерти его оживило мое семейство. Я не

могъ, думалъ, соорудить ему памятника. Но при с
прошеній неимущимъ страдальцамъ буду припоминать,
завѣщалъ мнѣ помощь «за любовь мою къ бѣднымъ
каждомъ благодарномъ словѣ просителей буду встрѣчат
тельство, что я не измѣнилъ довѣренности его.

Можно ли жить безъ ожиданій и надеждъ?—не ра
объ этомъ. Но повторяю и здѣсь, что не порицаю н
леній, ни исканій свѣтскихъ удовольствій; я съ 1812
все отмежевался отъ всего того, что составляетъ и бо
малый кругъ и чѣмъ живутъ эти круги. Послѣдній дру
сти моей, Тучковъ, палъ въ битвѣ Бородинской, новыхъ
не было. Въ первые годы изданія «Русскаго Вѣстника»
со мною знакомствъ и переписокъ. Въ 1826-мъ году зна
отдалилось, переписка онѣмѣла. Иные за могилой отжива
поприщѣ писателей, а я при жизни выбылъ изъ разряда
телей своевременныхъ. Въ свѣтѣ есть различные пути
пути случайности, чиновные, богатства, а въ свою очер
писательскіе.

Улыбается счастіе, лелѣетъ и свѣтъ. Вмѣстѣ съ возра
дѣтей цвѣтутъ въ семействахъ и ожиданія, и надежды и
для меня и призракъ этого ни откуда не проглядывалъ. С
растомъ дѣтей моихъ возрастала и боязнь за ихъ будущ
страдалъ, тяжело страдалъ, но не томился духомъ. Не
мыслей моихъ никакими земными разсчетами дальновидно
мнимой разсчетливости; не тяготя сердце никакими нат
тщеславія и честолюбія, послѣ трудовъ дневныхъ я не
жертвою ночей безсонныхъ. Сонъ благодѣтельный освѣжа
силы для новой борьбы житейской. «Не нужно, говор
скалъ, вооружаться вселенной къ подавленію человѣка;
воды, и ничтожная былинка не рѣдко похищаютъ жизн
Въ такомъ расположеніи духа представилъ я просьбу
коммиссію прошеній, состоявшею подъ предсѣдательствомъ
Александра Николаевича Голицына.

Коммиссія вытребовала у меня списокъ дѣтямъ
Вслѣдъ затѣмъ по волѣ благодѣтельнаго государя с
былъ мнѣ запросъ: «Куда желаю я помѣстить дѣтей м
Я отвѣчалъ, что «однажды препоруча дѣтей моихъ Богу
сударю, я отрекаюсь отъ собственнаго моего распоряжен

Тутъ совершилось въ семействѣ моемъ событіе, кот
здѣсь живетъ въ душѣ моей, и перейдетъ со мною въ о
вѣчности.

Дѣла идутъ вслѣдъ за человѣкомъ и высказываютъ е
шу. Дѣянія любви христіанской, сочетавшіяся съ обновл

...нію моего семейства, высказываютъ душу князя А. Н. Голицына. 1827 года отвезъ я старшаго сына моего въ С.-Петербургъ, куда надлежало препроводить и двухъ дочерей моихъ, опредѣленныхъ государемъ въ воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ или въ Смольный монастырь. Озабочивала меня мысль, какъ остаться матери безъ подспорья съ малолѣтными дѣтьми, чѣмъ платить мнѣ надзирательницѣ, да и кто будетъ отрадою въ болѣзняхъ ея? Все это изложилъ я въ письмѣ моемъ къ князю Александру Николаевичу, прося его предстательствовать у государя, чтобы назначенная тысяча на воспитаніе старшей моей дочери предоставлена была на домашнее наше содержаніе. По возвращеніи въ Москву я получилъ извѣстіе, что просьба исполнена, — и съ тѣмъ вмѣстѣ выдано мнѣ на путевыя издержки, для доставленія младшей дочери моей Анны въ Смольной монастырь.

Что это такое? Милость Божія, расположившая сердце царево къ дарованію новой жизни моему семейству, и пославшаго къ намъ ходатая въ то время, когда, казалось, и люди и свѣтъ отвернулись отъ насъ. Меценатами слывутъ покровители писателей и художниковъ. Римскій Меценатъ покровительствовалъ двумъ счастливцамъ—поэтамъ и друзьямъ, Виргилію и Горацію, но въ то время, когда въ лицѣ князя А. Н. Голицына Провидѣніе послало ходатая за мое семейство, я былъ на тернистыхъ путяхъ жизни труженика, а не писателя. Горацій пѣлъ на лирѣ въ честь Мецената. Перо мое не расточало никогда похвалъ князю. Однажды я сказалъ:—Князь! я никогда не искалъ покровителей, но васъ самъ Богъ послалъ подкрѣпить мое семейство. Князь отвѣчалъ: «Богъ поставилъ меня на стражу вашего семейства; Богъ послалъ бы ему и другого попечителя. Благодарите государя; сердце его само собою расположено на всякое добро для вашего семейства?»

Упомянулъ я, что еще въ 1825-мъ г. мнѣ сказали, что я буду назначенъ цензоромъ, когда выйдетъ новый цензурный уставъ. Въ исходѣ 1826 года уставъ вышелъ, но я не поступилъ тогда въ званіе цензора.

Какъ бы то ни было, однакоже молва уже распространилась, что я буду избранъ въ цензорство, отчего и ласковѣе стали ко мнѣ тѣ книгопродавцы, которые прикосновеннѣе были къ цензурѣ по изданію и печатанію книгъ. Будто можно пенять на людей, что люди ищутъ въ людяхъ. Человѣкъ, ничѣмъ не сцѣпленный съ движеніемъ существующаго общества—живой мертвецъ. Знаю это по опыту жизни моей. Благоволеніе упомянутыхъ людей состояло въ томъ, что мнѣ стали предлагать ра-

боту. Въ одно время довелось мнѣ заниматься и перевод Лафонтеновыхъ басенъ, и составленіемъ книги: «Панорамы все ной», и обработывать исторію Греціи.

Летучіе листки мои въ «Дамскій Журналъ» были для м отдыхомъ отъ заказной работы. Впрочемъ и описаніе Гр убыстряло полетъ мечтательности моей: я говорилъ уже и з повторяю, что начало воспитанія моего слилось съ очароват ными воспоминаніями о древней Греціи. А потому и новыя бытія Греціи шли рядомъ съ моими мечтами, пересылаем въ «Дамскій Журналъ».

На другой день по пріѣздѣ жены моей изъ Петербурга, да ѣздила она для помѣщенія младшей дочери нашей Анны Смольный монастырь, я сочинилъ романсъ, въ которомъ ме прочимъ говорилъ, что «возвращеніе ея возвратило мнѣ душ Видя какъ торопливо я писалъ, и какъ, окончивъ, спѣшилъ бумагою изъ дома, жена моя прочла стихи и смѣясь сказа «Какъ тебѣ не стыдно подъ такими нѣжностями полными б вами выставлять свое имя?»

— Да какъ же мнѣ подписываться?

— Если тебѣ снова придетъ охота сочинять романсы и пѣ ни, то по крайней мѣрѣ подписывайся подъ ними: *мечтат*

Такимъ образомъ, 1827 года декабря пятаго произведенъ въ званіе *мечтателя*. Такъ чтó-жъ? Мало ли было мечтате Солонъ сочинялъ элегіи, Сократъ въ темницѣ перекладывалъ стихи Эзоповы басни. Іоаннъ Собѣсскій, избавившій Евро отъ нашествія мусульманъ, пѣлъ пѣсни и сочинялъ пѣсни. У рюмый Карно, заполонившій области исполинскими своими пр начертаніями, до поступленія въ комитетъ du salut publiq писалъ мадригалы. Наконецъ нашъ Суворовъ на отрѣзъ сказал «я живу въ непрестанной мечтѣ».

Въ 1828-мъ году пораженъ я былъ внезапною кончиною Нико лая Мартіановича Сипягина. И когда? Въ то самое время, когд онъ изъ-за вершинъ Кавказа, гдѣ былъ военнымъ генералъ-гу бернаторомъ, желалъ, чтобы дѣти его отъ перваго брака воспи тывались вмѣстѣ съ дѣтьми моими. Мысли изъ-за горъ Кав каза летѣли въ Москву, а смерть сторожила его въ Тифлисѣ Очеркъ военныхъ подвиговъ Сипягина находится въ «Письмах русскаго офицера». Очевидцы свидѣтельствуютъ, что непоколеби мымъ хладнокровіемъ въ сраженіяхъ сберегалъ онъ людей, в въ опасностяхъ одушевлялъ ихъ примѣромъ своимъ: *вотъ его* лавры. Привыкнувъ къ умственной дѣятельности. Н. М. Сипя гинъ обращалъ зоркій взглядъ на различныя отрасли управле нія внутренняго. Нѣкоторыя изъ его бумагъ были въ рукахъ

...наго императора и возвращены ему съ карандашными по...тками. Одна и очень рѣзкая странность проявлялась въ дѣй...іяхъ его: страсть къ безусловной точности.

Но эта точность относилась не къ разсчетамъ хозяйствен...ымъ, а въ разсчисленіи времени, въ ходѣ котораго онъ опи...ался на каждое мгновеніе—словомъ, съ часами своими онъ хо...тѣлъ уровнять стрѣлки всѣхъ часовъ.

Однажды онъ поручилъ мнѣ познакомить съ нимъ русскаго учителя, назначая для свиданія двѣнадцать часовъ. Учитель пришелъ десятью минутами позже, и не былъ принятъ. Извѣстно, что Карлъ V, удалясь въ уединеніе, домогался нѣсколько стѣнныхъ часовъ довести до такой точности, чтобы бой ихъ звучалъ въ одно мгновеніе. Извѣстно, что Наполеонъ говорилъ, что надобно слѣдить время мѣрнымъ шагомъ. Наконецъ извѣстно, что оба великана своего времени не оковали времени по своему произволу. То же случилось и съ Сипягинымъ, также человѣкомъ историческимъ на своей чредѣ. И какъ грозно наказала его *безусловная точность*. Отпуская вторую супругу свою, урожденную Кушникову въ Москву къ роднымъ для родовъ, онъ съ обыкновенною увѣренностью своею обнадежилъ ее, что черезъ двадцать дней пріѣдетъ къ ней. Срокъ проходилъ, а онъ не ѣхалъ. Наступилъ день родовъ; а его нѣтъ. Супруга Сипягина знала, что еслибы болѣзнь или что-нибудь непредвидѣнное по службѣ удержало Николая Мартіановича въ Тифлисѣ, то объ этомъ дали бы знать. Сипягина сказала окружающимъ, что навѣрно мужъ умеръ. Послѣ родовъ умерла и сама. Тутъ скажемъ съ Суворовымъ: точность въ одномъ Богѣ, а въ дѣлахъ человѣческихъ нужно теченіе. Теченіе для подвиговъ добра, и потому прибавлю другую суворовскую поговорку: торопитесь дѣлать добро!

Несмотря ни на какую погоду, я каждодневно передъ вечернимъ чаемъ ходилъ на прогулку. Нерѣдко слышалъ я въ Москвѣ: «Сергѣй Николаевичъ, ну, если въ ночныхъ вашихъ поискахъ кто-нибудь пырнетъ васъ ножемъ?» — Такъ чтó-жъ? возражалъ я: умру и только. Странно вамъ кажется, что вмѣсто театровъ и пышныхъ вечеровъ я брожу ночью по улицамъ, особливо въ дни праздничные и отыскиваю упившихся. Много горя глубокаго, скорби жестокой видѣлъ я въ темнотѣ на улицахъ московскихъ. Вы ходите въ театръ за тѣмъ, чтобы расшевелить душу, дремлющую въ оковахъ свѣтскихъ приличій или пресыщенную разгуломъ большого свѣта? А моя душа встрѣчаетъ живое, сладостное ощущеніе, когда затерявшагося въ чаду бахусовомъ отца семейства или юнаго гуляку, но косноязыч-

нымъ ихъ намёкамъ, провожу домой, въ кругъ семейства, не спящаго въ томительномъ безпокойствѣ и когда слышу сердечную молитву: награди васъ Богъ!

Я вѣрю этой сердечной молитвѣ. И подъ щитомъ ея въ 1829-мъ году на вербной недѣлѣ, послѣ сильныхъ ценсурныхъ передрягъ, отправился я въ Петербургъ. Зимній дилижансъ занятъ былъ поэтомъ Мицкевичемъ, Ротчевымъ и мною. Провожавшіе насъ знакомые назвали этотъ дилижансъ поэтическимъ. Это было справедливо въ отношеніи къ двумъ юнымъ моимъ спутникамъ. Геніальный Мицкевичъ парилъ мыслію; Ротчевъ слѣдилъ за Шиллеромъ, а я тосковалъ по своему семейству. Замѣтя мою грусть, товарищи мои дарили меня сочувствіемъ. Зимняя дорога была ужасна; казалось, что на ней кипѣли волны морскія и вдругъ оледенѣли. Мы не ѣхали, а бились и выбивались изъ выбоевъ извилисто изрытыхъ обозами. Поэтъ Мицкевичъ претерпѣлъ сильный ушибъ.

За горами валдайскими пересѣли мы на телѣги. Въ Петербургъ пріѣхалъ я истомленный, измученный. Какъ будто сквозь сонъ пересѣвъ въ сани, я приказалъ извозчику ѣхать къ дому одного знакомаго, гдѣ думалъ остановиться. Встрѣтивъ меня на лѣстницѣ, мой знакомый съ суровымъ видомъ воскликнулъ:

— Сергѣй Николаевичъ, зачѣмъ вы пріѣхали въ Петербургъ? У меня для васъ нѣтъ мѣста.

Этотъ черствый пріемъ пробудилъ во мнѣ и память и сознаніе. Суровый пріемъ пробудилъ во мнѣ осторожность и осмотрительность, а свиданіе съ дѣтьми совершенно оживило меня. Пролежавъ нѣсколько дней въ нумерѣ, я оправился отъ болѣзни, и между прочими знакомыми посѣтилъ и Н. И. Гнѣдича. У него встрѣтилъ я эконома патріарха Григорія, спасшагося бѣгствомъ передъ злополучною кончиною пастыря церкви. Покойный Гнѣдичъ, знакомя меня съ экономомъ, сказалъ и мой чинъ, и мое авторство. Экономъ быстро привсталъ и оборотясь ко мнѣ проговорилъ: «не вы ли тотъ Глинка, который издалъ «Картину новой Греціи»? Услыша, что это мое сочиненіе, экономъ прибавилъ: «вы съ подлинной стороны обозрѣли и прежнюю судьбу грековъ и настоящее ихъ положеніе. Вы въ этомъ превзошли и французовъ и англичанъ». Слушая такой громкій отзывъ съ удивленіемъ, Николай Ивановичъ спросилъ: «давно ли вы издали книгу свою?»—Прошедшаго года отвѣчалъ я:—«Ну, продолжалъ Гнѣдичъ, я тотчасъ пошлю за нею» — и написалъ карандашемъ записку въ Императорскую Публичную Библіотеку, въ которой служилъ.

— Весело же, сказалъ я,—выдавать у насъ книги. Еслибъ

почтенный экономъ упомянулъ о сочиненіи моемъ, вы никогда бы не узнали о немъ.

Между прочимъ Н. И. Гнѣдичъ разсказывалъ мнѣ, что онъ вступилъ на службу въ канцелярію великаго князя Константина Павловича, откуда знаменитый переводчикъ Иліады былъ изгнанъ, по приказанію Константина Павловича, за то, что въ бумагахъ писалъ старинное Д *съ ножками*.

Въ исходѣ того же 1829 года, получилъ я отъ президента Греціи изъ Навпліи письмо, которое предлагаю въ переводѣ съ французскаго:

Навплія, отъ 6/18 ноября 1829 года.

«Я принимаю съ признательностію книгу, которую вы сочинили для ознакомленія вашихъ соотечественниковъ съ народомъ, пользующимся благотвореніями и могущественнымъ покровительствомъ августѣйшаго вашего монарха. Почту себѣ за счастіе, если буду имѣть возможность чрезъ нѣсколько времени сообщить вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія касательно событій, свидѣтельствующихъ, и надѣюсь,—могущихъ свидѣтельствовать, болѣе и болѣе успѣхи сего народа на стезѣ его возстановленія общественнаго и политическаго. Долгъ, налагаемый на меня обязанностью способствовать сей великой цѣли, труденъ, онъ выше силъ и средствъ моихъ, но не выше моего усердія.

«Богъ сдѣлалъ чудеса для спасенія сего народа. Онъ благословилъ побѣдоносное оружіе вашего государя. Онъ благословилъ его намѣренія, и участь Греціи будетъ обезпечена. Вы порадуетесь тому, и ваше перо передастъ вашу радость—всей Россіи.—Примите, м. г., увѣреніе въ моемъ отличномъ почтеніи». Подписано: «І. Капо д'Истріо».

С. Н. Глинка.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ

ДОЛГИ

Э. Вреденъ. Финансовый кредитъ. Изслѣдованіе основаній, существа норма-
ной области дѣйствія, границъ, видовъ и формъ общественной займо-
системы. Часть I: Основныя начала финансоваго кредита, или теорія о-
щественныхъ займовъ. Спб. 1871.

I.

Въ 1855-мъ году, въ Гейдельбергѣ вышла небольшая книжк Карла Дитцеля «Система государственныхъ займовъ», обратив шая на себя всеобщее вниманіе экономистовъ и создавшая ав тору сразу славу самостоятельнаго изслѣдователя. Книжка ста вила себѣ цѣлью—доказать невѣрность ходячихъ воззрѣній на государственный кредитъ и заново изслѣдовать какъ его приро ду, такъ и весь рядъ экономическихъ и политическихъ катего рій, имѣющихъ наиболѣе непосредственную связь съ государ ственными займами. Въ какой бы мѣрѣ ни достигала книга сво ей цѣли, важнѣе то, что автору дѣйствительно удалось вдох нуть новую жизнь въ громадную область финансовой науки.

Практическое значеніе новаго движенія, начавшагося со вре мени появленія изслѣдованій Дитцеля въ этой области, заклю чалось въ попыткѣ затронуть самое основаіне понятія, весьма ходячаго и распространеннаго, игравшаго и продолжающаго иг рать большую роль въ оппозиціонной публицистикѣ: понятія именно о дефицитѣ. По ученію Дитцеля, старое раздѣленіе го сударственныхъ доходовъ на ординарные и экстраординарные

оказывалось лишеннымъ всякаго теоретическаго и практическаго значенія. Практика европейскихъ правительствъ сдѣлала давно же ординарнымъ на дѣлѣ то, что на словахъ продолжало именоваться экстраординарнымъ. Государственные займы для большей части правительствъ стали такимъ же правильнымъ источникомъ доходовъ, какъ и налоги, то для покрытія дефицитовъ, прошлыхъ и текущихъ, то для образованія т.-наз. «остатковъ», которые могли бы служить запасомъ для покрытія дефицитовъ будущихъ. Если при подобной практикѣ теорія продолжала толковать про равновѣсіе въ бюджетѣ, то этимъ свидѣтельствовалось одно изъ двухъ: или, что наука отстала отъ жизни и продолжала твердить зады въ то время, какъ жизнь шла впередъ; или, что, напротивъ, жизнь болѣла хроническимъ недугомъ, и съ нимъ теоріи приходилось вести непрерывную борьбу. Но эмпирико-административное направленіе финансовой науки вовсе не свидѣтельствовало объ особой склонности теоретиковъ бороться съ правительственно-хозяйственною практикой. Фразы о равновѣсіи въ бюджетѣ, экстраординарномъ доходѣ и вредѣ государственныхъ долговъ повторялись традиціонно и безъ всякихъ глубокихъ анализовъ дѣла. Оставалось слѣдовательно думать, что теорія отстала отъ практики, наука—отъ жизни. Обосновать эту мысль и доказать ее подробнымъ разностороннимъ разборомъ всѣхъ относящихся сюда вопросовъ — и поставилъ себѣ цѣлью Дитцель. Государственные долги необходимо должны быть источникомъ государственныхъ доходовъ не въ силу однихъ только случайныхъ моментальныхъ причинъ, не въ силу только «министерскихъ» непріятностей, когда въ кассахъ правительствъ не оказывается денегъ отъ налога, или ихъ оказывается мало для вызваннаго обстоятельствами большого дѣла. На самомъ дѣлѣ, основанія необходимости государственнаго кредита далеко не такого мелкаго свойства и кроются гораздо глубже. Дѣло тутъ не въ большей или меньшей ловкости министровъ или бережливости правителей, изъ которыхъ одни могутъ обходиться безъ долговъ, а другіе не могутъ. На извѣстной степени развитія государственный кредитъ становится необходимостью, вызываемою важными и основными законами экономической жизни народовъ. Съ одной стороны, въ высоко-развитыхъ народныхъ хозяйствахъ прогрессъ накопленія новыхъ капиталовъ принимаетъ такіе громадные размѣры, что ежегодно являются большія массы новыхъ капиталовъ, для которыхъ мало старыхъ «помѣщеній», которыя—стало быть—совершенно «свободны» отъ необходимости быть затраченными на старыя «дѣла». Образованіе этихъ «свободныхъ» капиталовъ становится такимъ же регулярнымъ и за-

кономѣрно-періодически повторяющимся и возобновляющим фактомъ, какъ и образованіе чистыхъ доходовъ, податныхъ источниковъ. Съ другой стороны, надобно имѣть въ виду два обстоятельства, на которыя старая экономическая теорія обраща ла меньше вниманія. Экономическій прогрессъ находится в тѣсной связи съ обще-культурнымъ прогрессомъ и, получая от него поддержку, самъ въ свою очередь оказываетъ ему помогу Это проявляется въ томъ, что новые «свободные» капиталы результаты экономическаго прогресса, стремятся превратитьс въ матеріалъ для воплощенія обще-культурнаго прогресса: стро ятся болѣе красивыя и болѣе удобныя зданія, больше тратитс на науки и искусства, совершенствуются суды и тюрьмы, лучш оплачиваются труды медиковъ, адвокатовъ, педагоговъ, литераторовъ, больше расходуется на народное образованіе и т. д. По мнѣнію Дитцеля, господствующая экономическая теорія совершенно превратно понимаетъ народное хозяйство, включая въ него одну только совокупность частныхъ, отдѣльныхъ, индивидуальныхъ хозяйствъ, и совершенно изъ него выключая всю ту массу экономическихъ явленій, которыя каждый народъ переживаетъ въ своей политической сферѣ. По Дитцелю, государство входитъ интегральною частью въ народное хозяйство, и съ экономической точки зрѣнія она представляетъ собою только одну опредѣленную частную производственную сферу, рядомъ съ другими. Ея цѣль—наиболѣе хозяйственное производство извѣстнаго ряда благъ (продуктовъ), которыя въ другихъ производственныхъ сферахъ не могутъ или по разнымъ основаніямъ не должны быть изготовляемы. Значительная часть тѣхъ продуктовъ, которые порождаются обще-культурнымъ прогрессомъ, могутъ быть производимы только въ государствѣ, или въ государствѣ могутъ быть производимы всего лучше. Въ государство должны поэтому перейти и матеріальныя условія для ихъ производства. Функція кредита вообще — передавать капиталъ въ наиболѣе производительныя руки или наиболѣе успѣшно работающія производственныя сферы. Также точно закономѣрно и естественно, поэтому, какъ кредитъ переводитъ капиталъ изъ одного частнаго хозяйства въ другое, которое капиталомъ въ состояніи лучше воспользоваться, т.-е., которое данный продуктъ производитъ лучше,—также точно кредитъ переводитъ изъ частныхъ хозяйствъ капиталы, тамъ накопляемые, въ производственную сферу, представляемую государствомъ, потому что послѣднее въ извѣстныхъ отрасляхъ дѣйствуетъ всего производительнѣе и способно утилизировать капиталы съ наибольшею пользою для всѣхъ. Вотъ *этотъ-то* переводъ капиталовъ, совершаемый кредитомъ, изъ

области частныхъ хозяйствъ въ государственное, съ цѣлью — утилизированія ихъ для производства продуктовъ, удовлетворяющихъ потребностямъ, вызваннымъ культурою, и есть государственный кредитъ. Государственные долги—такимъ образомъ—оказываются орудіями и послѣдствіями прогресса, матеріальнаго и духовнаго и также мало могутъ осуждаться, какъ и ихъ причина, общечеловѣческій прогрессъ. Напротивъ, научно разсуждая, надобно признать ту сторону болѣе счастливою и отражающею на себѣ большее вліяніе прогресса, у которой больше государственныхъ долговъ.

Таково въ общихъ чертахъ ученіе Дитцеля. Чтобъ замѣтить, въ какомъ пунктѣ оно особенно хромаетъ, для этого не нужно быть глубокимъ спеціалистомъ ни въ экономической, ни въ финансовой наукѣ. Всякому, упражнявшему свою логику не на однихъ только юридико-политическихъ теоріяхъ, извѣстно, конечно, различіе между разсужденіемъ, которое *можетъ* объяснить гипотетическое явленіе, и разсужденіемъ, которое одно только *должно* его объяснить. Можно для объясненія встрѣчающагося намъ явленія подобрать рядъ причинъ, которыя по своей природѣ въ состояніи *были бы* породить и это явленіе. Такое объясненіе однако не въ состояніи удовлетворить лице, для котораго болѣе или менѣе удачное построеніе разъясняющей гипотезы еще не составляетъ всего, что требуется отъ науки. Мало одного произвольнаго подбора фактовъ, необходимо еще доказать, что именно эти факты, а не какіе-либо другіе, только и могли вызвать данное явленіе. Въ явленіяхъ общественной и политической жизни такая строгая доказанность научныхъ теорій еще важнѣе, чѣмъ въ области естествовѣдѣнія. Примѣръ — у насъ передъ глазами. Дитцель остроумно подобралъ факты, которые въ состояніи породить государственный кредитъ, и на этомъ основаніи требуетъ того, что имѣетъ важное практическое значеніе: перемѣны не только взглядовъ на государственные долги, но и практическаго, дѣятельнаго къ нимъ отношенія. Онъ требуетъ ослабленія или даже полнаго прекращенія оппозиціи къ нимъ, чтобъ долгамъ не препятствовали. Очевидно, что когда дѣло идетъ не объ однихъ только теоретическихъ интересахъ, а еще о болѣе важныхъ практическихъ, то удовлетворяться одними только гипотетическими поясненіями нельзя. Мало одного того, что причины, указанныя Дитцелемъ, могли *бы* вызвать государственный кредитъ; необходимо было еще доказать, что именно *эти* и никакія другія причины на самомъ дѣлѣ вызвали его въ западной Европѣ. Мало одного того, что можно вообразить себѣ такой гипотетическій случай, въ которомъ госу-

дарственный кредитъ будетъ порождаться одними только нормальными причинами, вполнѣ достойными симпатіи. Необходимо еще доказать, что дѣйствительный государственный кредитъ, именно этими достойными одобренія, поддержки и симпатіи причинами былъ вызванъ; необходимо, слѣдовательно, доказать, что англійскіе, французскіе, американскіе, австрійскіе, русскіе, итальянскіе и т. д. государственные долги явились вслѣдствіи того, что 1) въ сферѣ частныхъ хозяйствъ этихъ странъ оказалась громадная масса капиталовъ, дѣйствительно «свободныхъ», т.-е. которыхъ не на что было употребить въ частной сферѣ; что 2) культурный прогрессъ указалъ на тѣ задачи, для которыхъ государства заимствовали капиталы; 3) что переходъ капиталовъ отъ частныхъ лицъ къ правительствамъ произошелъ совершенно свободно, т.-е. не только безъ всякаго физическаго, но и безъ всякаго нравственнаго насильства. Если же мы, теперь, обратимся къ исторіи за отвѣтомъ на вопросы, порождаемые этими тремя пунктами, то окажется, что какъ ни плохо разработана еще въ подробностяхъ экономическая исторія даже настоящаго столѣтія, тѣ результаты историческихъ изслѣдованій, которыми современная экономическая наука обладаетъ и пока принуждена довольствоваться, во всякомъ случаѣ говорятъ противъ Дитцеля, а не за него. Что касается перваго пункта, то свѣтъ еще пока никогда и нигдѣ не видалъ такой страны, въ которой частно-хозяйственная сфера была бы до такой степени насыщена капиталами, чтобъ извергать ихъ, какъ излишнее. Попытки нѣкоторыхъ экономистовъ начала XIX-го вѣка (Malthus, Chalmers, Spence, Sismondi) объяснять кризисы и пользу роскоши подобными излишними капиталами, встрѣтили такой единодушный отпоръ и такъ блистательно опровергнуты старшимъ и младшимъ Миллемъ, равно какъ и Ж.-Б. Сеемъ, что можно считать и Дитцелевскую попытку объяснять государственные долги этими излишними капиталами за убитую еще до рожденія и потому мертворожденную. Относительно второго пункта, достаточно ходячихъ знаній въ исторіи текущаго столѣтія, чтобы знать, что цѣли, для которыхъ государства занимали деньги, не только не были вызваны прогрессомъ культуры, но напротивъ еще противодѣйствовали этому прогрессу. Наконецъ, переходя къ третьему пункту, напомнимъ только про ту тѣсную связь, которая соединяетъ государственный кредитъ съ развитіемъ ажіотажа въ Европѣ,—про то систематическое стараніе, которымъ не одно европейское правительство способствовало развитію самой безобразной страсти, наживаться безъ труда,—про то содѣйствіе, которое европейскія правительства оказали развитію новѣйшей формы игры: фонди

заменяли и продолжаютъ для многихъ замѣнять, благодаря имъ, кости и карты. А систематическое пріученіе цѣлыхъ, и притомъ значительныхъ, слоевъ *европейскихъ* народовъ къ игрѣ стбитъ ... физическаго насильства и вполнѣ ему отвѣтствуетъ.

Мы распространились о Дитцелевой книгѣ, чтобы дать русскому читателю, которому не удавалось ознакомиться съ западно-европейскою литературою, понятіе о томъ, въ какомъ состояніи была литература вопроса о государственномъ кредитѣ въ то время, когда за него взялся г. Вреденъ. Книга Дитцеля до сихъ поръ продолжала быть основною въ западно-европейской литературѣ. Штейнъ, Умпфенбахъ, Вагнеръ, Зэтбееръ, Нассе и др. въ томъ или другомъ частномъ пунктѣ продолжали развитіе отдѣльныхъ частей теоріи, но чего-либо новаго, цѣльнаго не представили. Толчекъ, сообщенный Дитцелемъ, продолжалъ и продолжаетъ до сихъ поръ еще чувствоваться, какъ самый главный.

Если мы считали необходимымъ ознакомить читателя съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ засталъ свое дѣло г. Вреденъ, то это потому, что его книга выдвигается изъ ряда обыкновенныхъ диссертацій. Подобно Дитцелю, онъ выбралъ предметомъ своего изслѣдованія—не какой-либо маленькій частный вопросъ, а цѣлый громадный отдѣлъ науки, который онъ себѣ поставилъ цѣлью заново разработать, критически разобравъ труды своихъ предшественниковъ и, подобно Дитцелю же, подвергнулъ новому переизслѣдованію рядъ теоретико-экономическихъ ученій, непосредственно соприкасающихся съ государственнымъ кредитомъ. Достаточно даже только внѣшняго сопоставленія труда г. Вредена съ появившимся 20 лѣтъ тому назадъ трудомъ г. Бунге, ставившемъ себѣ еще болѣе широкую задачу (Теорія Кредита), чтобы видѣть, что если западно-европейская наука въ вопросахъ о кредитѣ ушла впередъ въ эти 20 лѣтъ, то и наша литература далеко отъ нея не отставала.

II.

Характеръ имущественныхъ отношеній государства къ частно-хозяйственной сферѣ народной жизни въ настоящее время прежде всего отличается неудержимымъ стремленіемъ этой сферы возможно болѣе опредѣленно и рѣзко обособиться отъ государства, обставить себя точными границами, внутри которыхъ она была бы вполнѣ безопасна отъ всякихъ захватовъ. Старая ея роль была — служить только придаткомъ къ государственному

хозяйству. За нею признавалось одно только значеніе госуд ственно-хозяйственнаго источника. Стремленіе освободиться о этой роли и получить признаніе права на самостоятельное с ществованіе и значеніе, — вотъ что прежде всего отличаетъ о наченный характеръ.

Но этимъ опредѣляется только отрицательная сторона е стремленій. Въ чемъ же заключается положительное содержа характера имущественныхъ отношеній государства къ частно-х зяйственной сферѣ?

Со времени появленія сочиненія Дитцеля стали много сп рить о производительности государства. Какъ извѣстно, Ад. Смит а за нимъ вся англійская политическая экономія отрицала у го сударства производительность. Французскіе экономисты разсма тривали государство, какъ сферу, которая съ экономической точк зрѣнія только уничтожаетъ цѣнности. Одни новѣйшіе нѣмецкі экономисты стоятъ за его производительность. Но надобно сказать, что эти же экономисты внесли наиболѣе неясностей и запутанностей въ понятія о производительности.

Съ самаго начала научной политической экономіи, въ половинѣ прошлаго столѣтія, производительность стала категоріей, которая возбуждала наиболѣе споровъ. Физіократы признавали производительною только ту дѣятельность, которою къ человѣческимъ услугамъ предоставляется новое вещество. Всякую другую дѣятельность они называли stérile. Но каждый изъ нихъ въ теченіи своей жизни долженъ былъ употребить немало усилій, чтобы защитить себя отъ массы недоразумѣній, которыя породила идея о безплодности всѣхъ нематеріальныхъ занятій. Напрасно они поставляли на видъ, что, говоря о непроизводительности, они стоятъ на чисто экономической точкѣ зрѣнія, — что они вовсе не признаютъ тождественности экономической непроизводительности съ общею безполезностью, — что они охотно допускаютъ основательность и право всякихъ другихъ точекъ зрѣнія на вещи, кромѣ экономической, и что съ другихъ точекъ зрѣнія экономически непроизводительное можетъ оказаться безконечно-полезнымъ, — на все это не обращали вниманія.

Школу физіократовъ замѣнилъ индустріализмъ; но ученіе о производительности все-таки не измѣнилось къ выгодѣ государства. Мало того, что былъ удержанъ критерій матеріальности. Наиболѣе радикальные теоретики замѣнили его критеріемъ мѣноспособности, который еще менѣе шелъ къ государству. Если производительна всякая дѣятельность, матеріальная или нематеріальная, лишь бы она производила то, что̀ можно продать и купить, — то государство вѣдь не торгуетъ услугами, которыя оно

оказываетъ народу. Оно дѣйствуетъ по высшимъ нравственнымъ мотивамъ, а не по мотивамъ экономической цѣлесообразности. Оно можетъ даже дѣйствовать вопреки мотивамъ экономической цѣлесообразности.

Были правда экономисты, которые желали расширить понятіе о производительности до того, чтобъ она обнимала всякую полезную дѣятельность. Но подобныя обобщенія оказывались только общимъ мѣстомъ, которое годилось для введеній въ учебники и никакого примѣненія въ подробностяхъ не получало. Говорить вообще, что экономическая полезность сливается со всякою полезностью, и заняться на самомъ дѣлѣ изслѣдованіемъ законовъ, управляющихъ всякою полезною дѣятельностью,—вещи весьма различныя. За изслѣдованіе этихъ законовъ никто не брался. Содержаніе науки опредѣлялось изслѣдованіями тѣхъ, которые смотрѣли съ болѣе узкой точки зрѣнія на производительность. Понятно, что новыя опредѣленія могли только самымъ внѣшнимъ образомъ приклеиваться къ этой наукѣ.

Въ основѣ физіократическихъ и англійскихъ понятій о производительности лежитъ идея о хозяйственной самостоятельности. Производительна та дѣятельность, которая даетъ *экономическую* независимость. Физіократы ошибочно полагали, что одни только землевладѣльцы обладаютъ такою независимостью и что всѣ остальные люди у нихъ—salariés. Индустріалисты поправили ихъ ошибку *въ примѣненіи* идеи, но остались при самой идеѣ. Государство непроизводительно, потому что оно не создаетъ себѣ самаго важнаго хозяйственнаго блага — экономической независимости. Еслибъ оно было способно вести совершенно ни отъ кого независимую экономическую жизнь, тогда бы за нимъ была признана и производительность.

Но государство на это неспособно. И этимъ-то опредѣляется положительное содержаніе характера имущественныхъ отношеній его къ частно-хозяйственной сферѣ народной жизни. Государство само не производитъ для себя той суммы хозяйственныхъ средствъ, безъ которой оно не можетъ вести свою дѣятельность. Отсюда два послѣдствія. Нужныя ему средства оно принуждено *заимствовать* изъ посторонней хозяйственной сферы, которая производительна и съ чисто-экономической точки зрѣнія. Но этого мало. Заимствуя эти средства, государство не обладаетъ ничѣмъ, что̀ ему давало бы возможность *чисто-экономическими способами производить это заимствованіе.*

Подобныхъ экономическихъ способовъ два: производство и обмѣнъ. Но эти два способа такого рода, что второй изъ нихъ вызывается первымъ и безъ него невозможенъ вовсе. Кто ничего

не произвелъ, тому нечѣмъ и обмѣниваться. Для кого пост-роннее хозяйство производитъ, для того это постороннее хоз-ство совершаетъ и обмѣнъ, или тотъ *за* это постороннее хоз-ство, вмѣсто него, совершаетъ и обмѣнъ. Самостоятельнаго о-мѣна отъ себя, не уменьшающаго количества чужихъ обмѣно-никто не въ состояніи совершать, если его обмѣну не предш-ствовало его же производство.

Ясно, что если частно-экономическое производство — ка-способъ добыванія хозяйственныхъ средствъ, для государства з-крытъ, то для него закрытъ и другой способъ. Таковы послѣд-ствія его частно-хозяйственной непроизводительности. Если час-но-хозяйственная сфера не находится въ зависимости отъ госу-дарства и не служитъ исключительно его цѣлямъ, то тогда госу-дарство само становится въ вѣчную зависимость отъ нея.

Государство съ помощью частно-хозяйственной сферы со-здаетъ себѣ свою экономическую почву. Изъ первой государ-ство должно заимствовать свои средства. Но *въ обмѣнъ* за нихъ оно ничего не можетъ дать. Слѣдовательно оно можетъ ихъ взять только *безвозмездно*.

Положеніе, что государство не можетъ чисто-экономически-способами заимствовать нужныя ему средства, принадлежитъ къ самымъ основнымъ въ финансовой наукѣ и самымъ богатымъ по вытекающимъ изъ него послѣдствіямъ. Но это положеніе ос-тавалось всегда неяснымъ въ примѣненіи къ громадной области финансовыхъ явленій, порождаемыхъ государственнымъ креди-томъ. Заслуга труда г. Вредена и заключается въ убѣдитель-номъ и послѣдовательномъ проведеніи этого важнаго основнаго начала также и чрезъ эту область. Благодаря труду г. Вреде-на, можно теперь говорить объ *одномъ* общемъ началѣ, насквозь проникающемъ *всѣ* имущественныя отношенія правительства къ народу [1]).

То, что правительство беретъ у народа, какъ экономическое средство для достиженія своихъ цѣлей, оно беретъ у него *без-возвратно*, такъ какъ оно неспособно воспроизводить хозяйст-веннаго эквивалента за взятое. Что государство беретъ у частно-хозяйственной сферы, оно беретъ разъ и навсегда. Вслѣдствіе того сумма средствъ, которыми располагаютъ всѣ частныя хо-зяйства въ совокупности взятыя, необходимо должна уменьшиться

[1]) Мы не могли только понять, какимъ образомъ нашъ почтенный изслѣдовател-могъ соединить приверженность къ этому началу съ отрицательнымъ отношеніемъ къ англійскимъ идеямъ о производительности. Одно другому слишкомъ рѣзко про-тиворѣчитъ.

нымъ заимствованіемъ изъ нихъ какой-либо доли государства.

Отсюда вытекаетъ слѣдующее положеніе. Какими путями государство ни собирало бы необходимыя ему средства, *всегда* заимствованныя имъ суммы уменьшаютъ на весь свой размѣръ массу средствъ, которою частныя хозяйства располагали въ моментъ заимствованія. Сумма, на которую уменьшается имѣющаяся въ моментъ заимствованія масса, берется у всего народа *безвозвратно* и не возстановляется.

Но безвозвратное заимствованіе изъ народно-хозяйственныхъ средствъ и уменьшеніе ихъ безъ возстановленія и составляетъ сущность налога. Такимъ образомъ получается важная финансовая теорема, что налогъ составляетъ *единственный* источникъ государственныхъ доходовъ, помимо котораго государство не можетъ браться ни за какую бы то ни было задачу. Чтó бы государство ни дѣлало, къ какимъ бы цѣлямъ оно ни стремилось, какіе вопросы оно ни рѣшало бы, всегда экономическая почва всѣхъ стремленій государства слагается въ концѣ концовъ изъ податныхъ взносовъ. Къ сожалѣнію, этотъ выводъ у г. Вредена не всегда одинаково и достаточно ясенъ.

Основная идея г. Вредена прямо противуположна идеѣ Дитцеля. Послѣдній возводилъ кредитъ на степень необходимаго и неизбѣжнаго самостоятельнаго источника государственныхъ доходовъ, имѣющій такое же крупное значеніе, какое имѣетъ налогъ, рядомъ съ нимъ стоящій, ему не подчиненный и не служащій, отъ него совершенно независимый и одинаково съ нимъ важный. Для г. Вредена, напротивъ, кредитъ вовсе не составляетъ самостоятельнаго источника доходовъ и вообще не служитъ вовсе *источникомъ* государственныхъ доходовъ. Это только одинъ изъ *способовъ взиманія* налога, вовсе не дѣлающій послѣдній излишнимъ, а напротивъ всегда его предполагающій, всегда ему служащій и его только облегчающій. Необходимость и неизбѣжность кредита г-мъ Вреденомъ не отрицается только въ томъ же смыслѣ, въ какомъ имъ не отрицается современное и историческое значеніе различныхъ другихъ способовъ взиманія налоговъ. Мало того: по идеѣ г. Вредена, государство вовсе не обладаетъ своимъ собственнымъ кредитомъ. Нельзя говорить о кредитѣ государства въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ о кредитѣ частныхъ хозяйствъ. Государственные долги — способъ, которымъ государство эксплуатируетъ единственно только возможный кредитъ — частный — въ свою пользу. Иногда государство собираетъ свои налоги прямо и непосредственно, иногда оно для ихъ собиранія пользуется частнымъ кредитомъ. Вся роль государства при

кредитѣ, единственно для него возможная—роль страховая: о
обезпечиваетъ частный кредитъ, которымъ пользуется, ручае
за него. Иная роль для государства и невозможна при креді
по самой природѣ, какъ кредита, такъ и имущественныхъ от
шеній правительства къ народу.

III.

Г. Вредену нужно было провести основное начало имущ
ственныхъ отношеній государства къ частно-хозяйственной сфе
народной жизни также и чрезъ ту область финансовыхъ явлені
которая порождается государственными долгами. Ему нужно бы
доказать, что государство можетъ производить только такія з
имствованія изъ имѣющихся у частныхъ хозяйствъ средствъ, к
торыми эти средства уменьшаются въ самый моментъ заимство
ванія, и что во всякомъ случаѣ государство не имѣетъ возмож
ности производить заимствованія чисто экономическими спосо
бами. Для этого г. Вредену необходимъ былъ цѣлый рядъ но
выхъ изслѣдованій и пересмотровъ ученій, считавшихся въ наукѣ
прочно установленными.

Прежде всего ему было необходимо устранить воззрѣніе, ко
торое долгое время процвѣтало не только въ финансовой наукѣ
но сверхъ того пользовалось большою популярностью и у прак
тическихъ финансистовъ.

По этому воззрѣнію, налоги и государственные долги рѣзко
противуположны другъ другу въ томъ отношеніи, что первыми
уменьшаются *наличныя* народно-хозяйственныя средства, съ по
мощью же вторыхъ можно привлечь къ несенію тягостей и бу
дущія поколѣнія. При налогѣ живущее въ данное время поко
лѣніе должно сразу внести всю его сумму и, стало быть, на
своихъ плечахъ вынести всю его тяжесть. На всю его сумму
должны уменьшиться и имѣющіяся у него хозяйственныя сред
ства. Напротивъ, когда государство получаетъ необходимыя ему
суммы путемъ займа, это его освобождаетъ отъ необходимости
требовать большихъ налоговъ. Большія тягости для народнаго
хозяйства и для государственнаго становятся одинаково излиш
ними. Живущему въ данное время поколѣнію приходится только
платить проценты и погашеніе. Такіе же проценты и погашеніе
уплачиваютъ и будущія поколѣнія, пока долги не будутъ упла
чены. Цѣлый рядъ поколѣній такимъ образомъ соединяется,
чтобы совокупными усиліями вынести тягость, вызванную необ
ходимостью единовременнаго крупнаго расхода. То, что трудно

разрозненныхъ силъ отдѣльныхъ поколѣній, становится легче при ихъ соединеніи. А это соединеніе возможно только благодаря государственному кредиту.

Наука давно уже начала свою работу для разрушенія этихъ иллюзій. Инииціатива дѣла принадлежитъ, какъ почти всегда, англійскимъ экономистамъ. Но они нашли себѣ достойныхъ последователей въ нѣмецкихъ ученыхъ, Дитцелѣ и въ особенности Зэтбеерѣ. Послѣдній съ замѣчательною наглядностью показалъ, что все равно, собираетъ ли государство свои доходы податями или займами, оно во *всякомъ* случаѣ уменьшаетъ *наличныя* средства народнаго хозяйства. Ни въ какомъ случаѣ тягости, возникающія отъ необходимости произвести крупный расходъ, не могутъ быть переложены какою бы то ни было своею частью на будущія поколѣнія.

Зэтбееръ выясняетъ это на гипотетическомъ примѣрѣ слѣдующаго рода. Предполагается замкнутое государство, которому предстоитъ сдѣлать крупный расходъ. Для простоты анализа предполагается, что богатство между его членами распредѣлено самымъ равномѣрнымъ образомъ. Спрашивается теперь, какъ легче будетъ собрать сумму, необходимую на предстоящій расходъ: налогами или займомъ? Зэтбееръ отвѣчаетъ, что *народному хозяйству* рѣшительно все равно, какъ это будетъ сдѣлано. Нужно, положимъ, 30 милл. руб. Въ государствѣ 15 мил. податныхъ плательщиковъ, между которыми богатство распредѣлено равномѣрно. При налогѣ въ два рубля на каждаго, государство соберетъ, а народное хозяйство потеряетъ 30 милліоновъ. Если государство рѣшится на заемъ, то опять-таки каждый внесетъ по два рубля и опять будетъ собрана и потеряна та же сумма. Разница будетъ та только, что въ послѣднемъ случаѣ придется еще собирать налоги для процентовъ и погашенія. Предполагая, что для того и другого нужно 6% занятой суммы, государству придется собрать налогомъ $1._8$ мил, или по 12-ти коп. съ каждаго плательщика. Въ концѣ перваго года оно соберетъ $1._8$ мил. руб. и уплатитъ ими проценты и погашеніе, т.-е. вернетъ ихъ обратно тѣмъ, съ которыхъ оно ихъ собрало. Каждый, давшій по 2 рубля, получитъ по 12-ти коп. на занятый имъ капиталъ тѣ же самые 12 коп., которые онъ уплатилъ налогомъ. То же повторится и въ слѣдующіе годы. Въ концѣ концовъ выйдетъ, что въ моментъ, когда заемъ былъ заключенъ, уничтожено было 30 мил.; во всѣ же послѣдующіе годы государство дѣлало только безполезную процедуру, собирая новыя деньги съ народнаго хозяйства и немедленно ихъ туда же возвращая. Никакой тягости на будущія поколѣнія не перемѣщено:

эти будущія поколѣнія, платившія налоги для процентовъ и п
гашенія, сами же потомъ регулярнѣйшимъ образомъ получа
ихъ обратно, когда правительство выплачивало проценты п
долгу. Что они расходовали, какъ податные плательщики, то он
обратно получали, какъ кредиторы правительства.

Государство не можетъ питать своихъ чиновниковъ и солдат
хлѣбомъ, еще не посѣяннымъ. Оно не можетъ воевать пушками
для которыхъ металлъ еще не добытъ, не можетъ перевозить сол
датъ на корабляхъ и повозкахъ, для которыхъ лѣсъ еще не сруб
ленъ и т. д. Какъ ни красивы фразы о томъ, что, благодаря кре
диту, государство живетъ на счетъ своего будущаго—одного этого
будущаго ему мало. Ему необходимо, чтобъ все, ему нужное, су
ществовало въ моментъ, когда оно нужно, въ наличности, чтобъ
его можно было немедленно израсходовать. Такъ или иначе, слѣ
довательно, а весь расходъ долженъ будетъ быть сдѣланъ изъ
имѣющихся у народнаго хозяйства наготовѣ средствъ. Эти сред-
ства будутъ уменьшены. Слѣдующія же поколѣнія — ровно тутъ
ни при чемъ. Никакой абсолютной потери народному ихъ хо-
зяйству уже не предстоитъ. Потеря, если и была, то была въ
моментъ заключенія займа, когда добытыя средства истрачива-
лись. Перемѣщеніе этой потери невозможно.

Таковы выводы Зэтбеера, во всей ихъ цѣлости принятые г.
Вреденомъ. Въ этой части своего изслѣдованія г. Вреденъ
вполнѣ слѣдуетъ своимъ предшественникамъ, *не провѣряя и не
дополняя* ихъ анализовъ. А между тѣмъ такая провѣрка пока-
зала бы, что анализы далеко не полны, и что г. Вреденъ на-
прасно ихъ принялъ на вѣру.

Начать съ того, что при *заграничныхъ* займахъ ни одинъ
изъ выводовъ Зэтбеера не можетъ получить практическаго при-
мѣненія. Для точности анализа мы предположимъ, что загра-
ничный заемъ остается заграничнымъ вплоть до того времени,
пока весь долгъ будетъ уплаченъ. Если правительство вмѣсто
30-милліонаго налога заключаетъ заграничный заемъ, то прежде
всего очевидно, что *данное* народное хозяйство освобождается
вполнѣ отъ необходимости потерять такую сумму. Несомнѣнно,
что заключеніе займа повлечетъ за собою потерю 30-ти милліо-
новъ. Но эти 30 мил. потеряетъ *всемірное* хозяйство. Данное же
народное хозяйство сохранитъ свои средства въ цѣлости. Въ этомъ
случаѣ слѣдовательно *народному* хозяйству далеко не все равно,
соберетъ ли правительство нужны ему средства налогами или
займомъ. Налогъ оно одно должно будетъ весь вынести на сво-
ихъ плечахъ. Заемъ заграничный весь будетъ вынесенъ *посто-
роннимъ* народнымъ хозяйствомъ. Такимъ образомъ, не полу-

ъ примѣненія первый выводъ Зэтбеера о томъ, что налогъ ... вызываютъ одинаковыя единовременныя затраты у на... хозяйства. Но и второй его выводъ, о непереложимо... тягостей отъ займа, не можетъ въ этомъ случаѣ получить ...тическое примѣненіе. Народное хозяйство, которое загра... заемъ освободилъ отъ необходимости единовременно по...ть 30 милліоновъ, вмѣсто того будетъ ежегодно платить 6% государственнаго долга. Деньги, которыя будутъ съ него со... для уплаты процентовъ и погашенія по долгу, *уже не будутъ къ нему обратно возвращаться.* Они уйдутъ къ загра...нымъ кредиторамъ. Для *даннаго* народнаго хозяйства *они* ...довательно будутъ составлять абсолютную потерю. Рядъ ...тъ въ послѣдующіе годы, пока весь долгъ будетъ уплаченъ, ...етъ представлять рядъ абсолютныхъ потерь. Эти-то *умень...шыя* потери, ежегодно повторяющіяся только въ размѣрѣ 6% остающагося долга, конечно ему будетъ легче вынести, чѣмъ ...новременную утрату 30-ти милліоновъ. Этотъ рядъ потерь ...рхъ того будетъ вынесенъ не однимъ поколѣніемъ, а послѣ...дательно сначала однимъ, потомъ другимъ и т. д. Здѣсь, слѣ...дательно, дѣйствительно тягость отъ займа распредѣлена меж... многими поколѣніями. Въ годъ, когда онъ былъ заключенъ, ...шлось вынести, только незначительную его часть. Напро...тъ, самая значительная часть перемѣщена на будущее.

Этого мало однако: намъ кажется, что напрасно г. Вреденъ ...вторяетъ вслѣдъ за Зэтбееромъ, будто на выводы его не ...мѣетъ никакого вліянія равномѣрность или неравномѣрность ...аспредѣленія богатствъ. *Государственные долги имѣютъ тѣс...ную связь съ неравномѣрностью*, и безъ нея они не имѣли бы ...логическаго, ни практическаго значенія.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Зэтбееровской гипотезѣ государство бе...тъ внутреннимъ займомъ 30 милліоновъ, которые оно съ не...еньшимъ удобствомъ могло бы взять налогомъ. Заемъ вынуж...етъ необходимость установлять налоги для уплаты процентовъ ... погашенія. Вслѣдствіе того государству приходится собирать ...ъ каждаго отдѣльнаго плательщика еще по 12-ти коп., которыя ...но имъ же и возвращаетъ. Но собираніе налога и администри...ованіе долга тоже сопряжены съ расходами. Эти-то расходы ...овершенно безполезно навлекаетъ на себя государство, заклю...ающее внутренній заемъ при равномѣрномъ распредѣленіи бо...гатствъ.

Посмотримъ теперь, какой характеръ имѣетъ внутренній заемъ ...при неравномѣрномъ распредѣленіи. Предположимъ общество, ...въ которомъ существуетъ 1000 человѣкъ, стоящихъ во главѣ

1000 частныхъ хозяйствъ. Изъ нихъ 10 получаютъ по 30-ти руб. годового дохода, всего 300 т. р., 90 по 10-ти т. р., в 900 т. р., а 900 по 300 р., итого 270 т. Всѣ 1000 хозяй получаютъ 1,470 т. Предположимъ, что первые откладывал 20-ти т. въ годъ, всего 200 т.; вторые по 4 т., всего 36(а третьи ничего не откладывали; итого ежегодныхъ сбереж 560 т. Предположимъ, что правительство нуждалось въ 147-м При налогѣ въ 10% со всѣхъ доходовъ оно получало деньги. Но положимъ, что это разорительно для низшихъ к совъ, и поэтому прибѣгаютъ къ займу. Что же тогда прои дитъ? Первый классъ изъ своихъ сбереженій въ 200 т. выд 147 т. и начинаетъ за нихъ получать проценты. *Вся* час хозяйственная сфера теряетъ навсегда и именно *теперь* 14 Но *третій классъ пока* ничего не теряетъ, кромѣ налога, уплаты 5% на 147 т. Всего нужно ежегодно собирать по 7 руб. Для этого достаточно $^1/_2$%-наго налога на доходы (сто 10%-наго). Но этотъ новый налогъ они будутъ пла пока будетъ выплаченъ весь долгъ. Слѣдовательно, они *съ* с точки зрѣнія могутъ утверждать, что распредѣлили на буд свои доходы всю истраченную за нихъ часть занятой сумм такимъ образомъ перемѣстили тягость *своей* части на буду

Внутренній заемъ только при неравномѣрномъ распредѣ ніи не представляетъ безсмыслицы. Одна только неравном ность даетъ ему смыслъ. Она — такимъ образомъ — одно условій существованія государственныхъ долговъ. Безъ нея и бы не было. Но при неравномѣрномъ распредѣленіи, какъ вѣстно, интересы отдѣльныхъ народно-хозяйственныхъ классо далеко не гармоничны. Послѣдствіемъ оказывается то, что яв нія, порождаемыя государственнымъ кредитомъ, получаютъ одинаковое значеніе для различныхъ слоевъ населенія и интересовъ. Народное хозяйство, какъ цѣлое, начинаетъ игр по отношенію къ интересамъ отдѣльныхъ классовъ *такую* роль, какую въ примѣрѣ, приведенномъ для разъясненія дѣ ствій заграничнаго займа, всемірное хозяйство играло *относи* тельно отдѣльныхъ народныхъ хозяйствъ. Народное хозяйств какъ цѣлое, при предпочтеніи внутренняго займа налогу, од новременно должно потерять всю занятую сумму, и тягост отъ этой потери на будущія поколѣнія не перемѣститъ. Ино однако будетъ съ точки зрѣнія интересовъ *отдѣльныхъ* клас совъ. Заемъ беретъ средства тѣхъ, которые ихъ имѣютъ в излишествѣ и которые свободно ихъ отдаютъ. Тѣ классы, у ко торыхъ нѣтъ средствъ и которыхъ новый налогъ, равный займ обременилъ бы новою тягостью, освобождаются поэтому отъ не

номъ. Потери, которыя они должны были бы понести при нъ сразу въ большомъ размѣрѣ, замѣняются рядомъ небольхъ періодическихъ потерь, распредѣленныхъ на долгіе годы. имъ поэтому непримѣнимо ни то положеніе, что налогъ емъ вызываютъ одинаковыя единовременныя потери, ни друположеніе, что тягости отъ долговъ непреложимы на будія времена. Благодаря богатымъ классамъ, бѣдные дѣйствиьно могутъ соединить свои разновременныя усилія, чтобъ вырти бремя отъ займа.

О государственныхъ долгахъ приходится поэтому разсуждать зчно, смотря по тому, стоимъ ли мы на точкѣ зрѣнія индиуальной (отдѣльнаго частнаго хозяйства, отдѣльнаго класса, дѣльнаго народнаго хозяйства, среди другихъ такихъ же), или на точкѣ зрѣнія общей (всей частно-хозяйственной сферы, его народнаго хозяйства, всего всемірнаго хозяйства). Только послѣдней точки зрѣнія положенія Зэтбеера совершенно рны [1]). Съ этой точки зрѣнія дѣйствительно все равно, равномѣрно или неравномѣрно распредѣлены богатства. Но еслибы одна лько эта точка зрѣнія была возможна и богатство было равномѣрно распредѣлено въ каждомъ отдѣльномъ народномъ хозяйвѣ и во всемірномъ хозяйствѣ, тогда бы и государственныхъ лговъ совсѣмъ не было. Только неравномѣрность дѣлаетъ ихъ зможными. Но та же неравномѣрность вызываетъ *необходимость* угой точки зрѣнія, имѣющей въ основаніи интересы частные. овая точка зрѣнія не допускаетъ однако уже возможности полго и всегдашняго примѣненія означенныхъ положеній. Эту-то неравномѣрность и вызываемыя ею въ жизни явленія и имѣли основаніемъ любимыя идеи финансистовъ-практиковъ.

Но финансисты-практики упускали однако изъ виду, что равномѣрно ли, или неравномѣрно богатство въ каждомъ отдѣльномъ народномъ хозяйствѣ, или во всѣхъ ихъ въ совокупности,— общая точка зрѣнія, народно-хозяйственная и всемірно-хозяй-

---

[1]) На стр. 288-й своего сочиненія г. Вреденъ самъ усматриваетъ невозможность придавать абсолютное значеніе выводамъ Зэтбеера. Но и тутъ г. Вреденъ выражается неточно. «Хотя долги, говоритъ онъ, по отношенію къ народному и *частному* (?) хозяйству, рѣшительно непереложимы на будущее, однако для финансоваго хозяйства, въ частности, затрудненія и возникающія отъ нихъ безвыходныя послѣдствія дѣйствительно переложимы путемъ займовъ». Мы не считаемъ такого способа выражаться точнымъ, потому что «затрудненія и безвыходныя послѣдствія» для правительства—не тѣ тягости, о переложимости которыхъ идетъ рѣчь. Тягости, имѣющія не одинъ психологическій и біографическій интерессъ, лежатъ на народѣ, а не на правительствѣ. Совершенно неточно, далѣе, ставитъ г. Вреденъ на одну доску и народное, и частное хозяйства.

ственная, имѣетъ свою практическую почву. Въ какомъ антагонизмѣ ни стояли отдѣльные классы другъ къ другу отдѣльныя народныя хозяйства, антагонизмъ не составля всего содержанія ихъ взаимныхъ отношеній. Народное и в мірное хозяйства — теперь уже не научныя абстракціи. Это соціальные организмы съ самобытною силою, возвышающіе надъ государственными организмами общежитія и нерѣдко ди тующіе имъ приказанія. Общія точки зрѣнія, имѣющія основ ніями народно-хозяйственные и всемірно-хозяйственные интерес поэтому, не менѣе важны, нежели частныя. Но съ этихъ общи точекъ зрѣнія дѣйствительно все равно, какъ ни распредѣле богатство. Съ общей всемірно-хозяйственной точки зрѣнія важ то, что при всякомъ займѣ, также какъ и при налогѣ, вс мірное хозяйство должно единовременно потерять всю его сумм Кто эту сумму уплатитъ, всѣ ли поровну или не всѣ, для нег неважно: для него весь интересъ въ томъ, что сумма будет потеряна. Нѣтъ для него также интереса и облегченія въ пе ремѣщеніи тягостей, которое для него невозможно. Процент и погашеніе, которые ему будутъ выплачиваться, съ него ж будутъ взяты. То же самое имѣетъ мѣсто въ отдѣльномъ народ номъ хозяйствѣ при внутреннемъ займѣ. Какъ бы въ немъ ни было распредѣлено богатство между классами, — какъ цѣло разсматриваемое, оно единовременно несетъ безвозвратную по терю. Что капиталъ, уничтоженный государственнымъ доходомъ не у всѣхъ былъ взятъ, это для *него* менѣе важно, чѣмъ то, что капиталъ взятъ и потерянъ. Далѣе, какъ для цѣлаго, дл народнаго хозяйства невозможно перенесеніе тягостей на бу дущее время. Какъ цѣлое, народное хозяйство будетъ въ бу дущемъ ежегодно расходоваться на проценты и погашеніе и потомъ обратно получать израсходованное. Что *не всѣ* члены его будутъ обратно получать израсходованное, а только нѣко торые, это опять-таки менѣе важно, чѣмъ то, что во всякое данное время народное хозяйство обратно получаетъ все, что оно расходуетъ въ это время.

Государственное хозяйство, рѣзко отличаясь отъ того эко номическаго соціальнаго организма, который образуется сово купностью частныхъ хозяйствъ, вмѣстѣ взятыхъ, имѣетъ однако съ нимъ то общее, что оно представляетъ собою цѣлую область хозяйственной жизни всего народа. Вотъ почему все, происхо дящее въ области государственнаго хозяйства, должно обсуж даться съ точки зрѣнія всего народа, а не отдѣльныхъ его слоевъ только. Недостойно поэтому высокаго положенія финан систа-практика — обсуживать свои мѣры не принимая во внима-

общей точки зрѣнія народныхъ интересовъ и полагаясь только на временныя удобства, которыми онъ можетъ привлечь симпатіи отдѣльныхъ классовъ.

Указываемыя двѣ точки зрѣнія на явленія, порождаемыя государственными долгами, не такого свойства, чтобъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ только одна изъ нихъ могла получить примѣненіе. Напротивъ, какъ одна, такъ и другая, каждый разъ не только умѣстна, но и необходима. Какъ бы поэтому займы ни облегчали отдѣльные классы и какъ бы они ни перемѣщали ихъ тягости на будущее время, народное хозяйство, какъ цѣлое, остается при своей единовременной безвозвратной потерѣ, которая вся падаетъ на его наличныя средства и непереместима на будущія времена.

Съ точки зрѣнія общихъ народно-хозяйственныхъ интересовъ, такимъ образомъ, нѣтъ никакого различія между вліяніемъ на наличныя средства налоговъ и займовъ. И тѣ, и другіе одинаково уменьшаютъ эти средства; и тѣ, и другіе одинаково безвозвратно теряются разъ и навсегда.

Въ слѣдующемъ за симъ пунктѣ, на которомъ г. Вреденъ долженъ былъ остановиться, чтобъ провести свою идею, г. Вредену пришлось быть болѣе самостоятельнымъ, чѣмъ въ предшествующемъ. Пунктъ этотъ касается способовъ, которыми государство заимствуетъ нужныя ему средства у частно-хозяйственной сферы народной жизни.

Вопросъ объ этихъ способахъ не принадлежитъ къ мало разработаннымъ въ финансовой литературѣ. Но то, что она представляетъ по этому вопросу, далеко не отличается единствомъ, полнотою и послѣдовательностью. Г. Вредену предстояла поэтому двойная работа: показать научную несостоятельность существующихъ воззрѣній и замѣнить ихъ новыми, способными выдержать теоретическую и практическую критику.

Выше было показано, что изъ двухъ способовъ, которыми частныя хозяйства добываютъ себѣ экономическія средства для удовлетворенія потребностямъ производства и обмѣна, ни одинъ невозможенъ для государственнаго хозяйства. Государство само не производитъ хозяйственныхъ цѣнностей, и ему потому нечѣмъ производить обмѣнъ. Чтобъ произвести обмѣнъ, оно должно безвозмездно добыть изъ чужого частнаго хозяйства один родъ ихъ, затѣмъ *эти* цѣнности оно можетъ обмѣнять на другой родъ цѣнностей частнаго хозяйства. Но очевидно, что въ такомъ случаѣ государство явится только посредникомъ между двумя посторонними хозяйствами, цѣнности которыхъ собственно и будутъ обмѣнены другъ на друга. Само государство непо-

средственно отъ себя и за себя обмѣнивающеюся стороно быть не можетъ.

Отсюда выводится неосновательность той финансовой теоріи, которая представляетъ государственное хозяйство какимъ-то подобіемъ обыкновенныхъ частныхъ хозяйствъ отдѣльныхъ людей, производящимъ, какъ и онѣ, извѣстные продукты и продающимъ эти продукты. Цѣна ихъ и представляется будто бы налогомъ. Теорію эту преимущественно проводятъ тѣ сами англійскіе экономисты, которые не хотятъ признать государство производительнымъ. Очевидна глубокая ихъ непослѣдовательность. Если государственное хозяйство ничѣмъ не отличается отъ частнаго по отношенію къ обмѣну, то оно ничѣмъ не отличается отъ него и по отношенію къ производству. Одно съ другимъ неразрывно связано. Но мало этой непослѣдовательности. Разбираемое воззрѣніе имѣетъ основаніемъ такое понятіе о государствѣ, которое развѣ идетъ къ безобразнѣйшему восточному деспотизму, а никакъ не къ европейскимъ политическимъ порядкамъ. Европейское государство—настоящаго времени—свободный союзъ людей, добровольно стѣсняющихъ свой индивидуальный произволъ ради общаго благополучія. Сколько бы ни встрѣчалось, во времени и пространствѣ, уклоненій отъ этого начала, несомнѣнно, что оно представляетъ основную двигательную силу политической жизни на европейской почвѣ. Государственное хозяйство по принципу не представляетъ поэтому экономической сферы, служащей какимъ-либо особымъ частнымъ интересамъ. Это—общее хозяйство всего того народа, который составляетъ государство. Это—такой же соціально-экономическій организмъ, какой представляется совокупностью частныхъ хозяйствъ. И тамъ, и здѣсь, субъектъ хозяйства—одинъ и тотъ же народъ. Только тамъ онъ живетъ одною стороной своей хозяйственной жизни, здѣсь—другою. Тамъ онъ тѣсно сплоченъ въ безразличную, однородную массу и въ такомъ видѣ ведетъ общее хозяйство. Здѣсь онъ дифференцированъ на части, которыя тѣмъ не менѣе интегрально связаны совершенно особыми путями, рѣзко отличными отъ политическихъ основъ единства. Но если и государственное хозяйство и частно-хозяйственная сфера—два хозяйства одного и того же народа, то какимъ образомъ между ними возможенъ обмѣнъ, который немыслимъ безъ совершенно различныхъ, другъ отъ друга независимыхъ, хозяйственныхъ субъектовъ? То, что народъ производитъ въ государствѣ, онъ производитъ для себя, и то что онъ производитъ въ частно-хозяйственной сферѣ, онъ производитъ опять для себя. Отчего же онъ не можетъ непосредственно потреблять и то, и другое? Къ чему тутъ еще

...нъ? Обмѣномъ я могу получить то, что мнѣ еще не принадлежитъ. Но если обѣ обмѣниваемыя вещи мнѣ принадлежатъ, какой смыслъ имѣетъ обмѣнъ? Еслибъ государство было нѣчто внѣ народа стоящее, еслибъ оно было не народнымъ ...деніемъ, но проявленіемъ народной жизни; еслибъ оно было ...вленіемъ частныхъ интересовъ, которые его въ свою пользу ...плуатируютъ, — тогда—конечно—другое дѣло. Но этого нѣтъ никогда не было. Было время, когда *все* было государственнымъ, когда малѣйшая хозяйственная единица слагалась по государственно-хозяйственному типу. Но тогда и обмѣна почти вовсе не было.

Налогъ не составляетъ цѣны; поэтому и начала его регулирующія, не суть начала, регулирующія цѣну. Еслибъ теоретики мѣнового налога были послѣдовательны, они должны были ... признать начала запроса и предложенія за регуляторъ налога.

Если налогъ не составляетъ цѣны и если государство, не производя хозяйственныхъ цѣнностей, не можетъ отъ себя, и за себя только, совершать обмѣнъ, — то это имѣетъ важное послѣдствіе и для государственнаго кредита.

Насколько намъ извѣстно, въ финансовой литературѣ до сихъ поръ никому и въ голову не приходило сомнѣваться въ томъ, имѣетъ ли государство свой собственный кредитъ? Напротивъ, это было несомнѣнно для всѣхъ, даже для самыхъ ...рыхъ противниковъ государственныхъ долговъ. Еще несомнѣннѣе это должно было казаться послѣ появленія книги Дитцеля. По теоріи этого писателя, государство не только обладаетъ собственнымъ кредитомъ, но этотъ кредитъ составляетъ для государства особый самостоятельный источникъ доходовъ. Мало того: это — совсѣмъ особый кредитъ, какого въ частно-хозяйственной сферѣ вовсе и быть не можетъ. Такъ училъ Дитцель.

Г. Вреденъ объ этомъ иного мнѣнія. «Въ финансовомъ займѣ, говоритъ онъ (187), вѣрителю капиталисту противустоитъ, какъ прямой заемщикъ, только податной плательщикъ». «Только повидимому можетъ казаться, что заемщикомъ является само государственное хозяйство» (ib). Почему г. Вреденъ такъ думаетъ? Отвѣтъ дается на той же страницѣ: «государственное хозяйство никакой самостоятельной, непосредственной платежной способности не имѣетъ».

Всѣ посылки, которыя необходимы для вывода г. Вредена, давнымъ-давно у многихъ были предъ глазами. Но выводъ во всей его цѣлости все-таки не былъ сдѣланъ. А между тѣмъ многіе поэтому вдавались въ непослѣдовательности.

Современная экономическая наука видитъ въ кредитѣ то... во особый видъ обмѣна, сбыта, котораго отличительная че... заключается въ отсрочкѣ мѣнового эквивалента. Если для го... дарства невозможенъ обмѣнъ и сбытъ, то для него нѣтъ *ни... кого* обмѣна и сбыта, ни наличнаго, *ни кредитнаго*. Кажет... просто? Но именно научный реформаторъ Дитцель могъ *сто*... за то, что государство не совершаетъ обмѣна, и все-таки ст... ять за самостоятельный государственный кредитъ.

Но вѣдь долги государство все-таки заключаетъ. Что ж... это значитъ? Значитъ то, что когда государство не у всѣхъ п... датныхъ плательщиковъ находитъ наличныя средства, то это е... не абсолютное препятствіе взимать налогъ. «Не всѣ изъ вас... говоритъ государство плательщикамъ, обладаютъ наличными сре... ствами. Но нѣкоторые за то имѣютъ ихъ еще больше, чѣм... сколько мнѣ нужно. Сверхъ того всѣ вы, какъ субъекты частно... хозяйственные, можете производить и обмѣниваться: для *вас*... слѣдовательно, возможенъ кредитъ, на который *вы* и смотрите... какъ на самостоятельный источникъ богатства. Я не воспользу... юсь вашею наличностью, но я воспользуюсь вашимъ кредитомъ... я на вашъ счетъ займу. Вы потомъ уплатите. Для каждаго из... васъ въ отдѣльности возможно разложеніе тягости на долго... время. Каждый изъ васъ въ отдѣльности мало пострадаетъ. До... вашего частнаго кредита, которымъ вы для меня пожертвуете... это будетъ безконечно мало сравнительно со всѣмъ вашим... кредитомъ».

Правительству приходится, такимъ образомъ, играть тольк... роль *посредника* между капиталистами съ одной стороны и по... датными плательщиками съ другой, между извѣстными частным... хозяйствами (а не всею частно-хозяйственною сферою) и госу... дарственнымъ хозяйствомъ, т.-е. народомъ, между частью и цѣ... лымъ. Въ чемъ же заключается это посредничество?

Г. Вреденъ даетъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Кредитъ, какъ сказано, видъ обмѣна. Но всякій обмѣнъ совершается съ помощью договора между обмѣнивающимися сторонами. Гдѣ же есть договоръ, тамъ необходимо должна быть и гарантія его исполненія. Какой бы она ни имѣла видъ, будь она явная или скрытная, вещная или личная, достаточная или фиктивная,— существовать она должна всегда. Законы гражданскіе могутъ признавать только извѣстные виды гарантіи, и съ точки зрѣнія этихъ законовъ могутъ быть негарантированные договоры. Но съ экономической точки зрѣнія негарантированный договоръ— безсмыслица. Это—договоръ, о которомъ напередъ извѣстно, что онъ не будетъ исполненъ. Это—договоръ, который съ самаго же

...на не признается договоромъ. Если же онъ таковымъ при-...ся, то это — потому, что имѣются основанія, по которымъ ...ютъ его исполненія. Эти-то основанія и составляютъ экономи-...е содержаніе гарантіи. Это—экономическія посылки, изъ ко-...ыхъ, какъ выводъ, вытекаетъ исполненіе договора.

Что же и кто гарантируетъ тѣ долги, которые возникаютъ ...ъ государственныхъ займовъ? Податная сила и исполнительная ...асть государства. Называя облигаціи государственнаго долга ...оими, государство является поручителемъ за податныхъ пла-...льщиковъ. Оно ихъ гарантируетъ тою властью, которою оно ...сполагаетъ для собиранія налоговъ и пользованія самыми этими ...логами. Оно ихъ страхуетъ у того имущественнаго фонда, изъ ...тораго берутся налоги.

IV.

Государство не производитъ мѣновыхъ цѣнностей, но оно ...мъ не менѣе въ нихъ нуждается. Оно принуждено поэтому ...возмездно ихъ заимствовать изъ той сферы, гдѣ онѣ произ-...дятся. По той же причинѣ, по которой оно получаетъ свои ...нансовыя средства безвозмездно, оно ихъ заимствуетъ и без-...звратно: ему нечѣмъ ихъ возвращать, ибо оно не производитъ ...новыхъ эквивалентовъ. Безвозмездность и безвозвратность до-ходовъ государственнаго хозяйства обусловливаются такимъ об-разомъ самою природою государства, которое для своихъ членовъ не можетъ производить мѣновыхъ цѣнностей, т.-е. которое тор-говать со своими членами не может и не должно.

Государственные займы не представляютъ исключенія изъ общаго правила. Мы показали, что средства, которыя государства получаютъ путемъ займовъ, безвозвратно гибнутъ для народнаго хозяйства. Но читателю, по всѣмъ вѣроятностямъ, не совсѣмъ ясно будетъ изложенное, такъ какъ ему извѣстно, что займы влекутъ за собою необходимость и процентовъ, и погашенія. Можетъ поэтому казаться, что займы даютъ средства, которыя государствомъ получаются и не безвозмездно, и не безвозвратно. Необходимо поэтому устранить это недоумѣніе, разъяснивъ сущность процентности и погашенія государственныхъ долговъ.

Вопросъ этотъ далеко не такой простой, какъ можетъ казаться сразу. Старые теоретики, не понимая различій между частнымъ и государственными займами, учили, что государственные долги должны быть процентны и погашаемы по тѣмъ же причинамъ, по которымъ частные долги процентны и уплачиваются. Дитцель,

глубже проникнувшій въ вопросъ о государственныхъ долга[х]
въ туманѣ однако перебрался чрезъ вопросъ объ основані[и]
ихъ процентности, но за то тѣмъ отчетливѣе и оригинальн[ѣе]
его мысль о погашеніи: онъ его отрицаетъ въ принципѣ. Го[су]дарственный долгъ, по его мнѣнію, тѣмъ именно и отличается о[тъ]
частнаго, что по первому возвратъ капитала кредитору излишні[й],
по второму же необходимъ. Г. Вреденъ упрекаетъ Дитцеля за т[о],
что онъ не замѣтилъ, какъ создаваемое государствомъ изъ пол[у]ченныхъ путемъ займовъ далеко не вѣчно (стр. 273). Поэтому
займы должны быть не вѣчные. Раньше или позже имъ должен[ъ]
настать срокъ, и тогда должна воспослѣдовать полная уплата их[ъ].
Другой доводъ г. Вредена противъ Дитцелевскаго воззрѣнія— тот[ъ],
что оно упускаетъ изъ виду вліяніе займовой системы на распр[е]дѣленіе богатствъ, безконечное возрастаніе податей отъ платеж[а]
процентовъ, и необходимость *воспроизводства изъ податно[го]
обложенія* (?) капиталовъ, созданныхъ (?) на первый разъ (?)
при помощи займовъ (стр. 275).

Намъ кажется, что опровергая Дитцелевскія идеи о ненуж[]ности погашенія государственныхъ долговъ, г. Вреденъ недоста[]точно принялъ во вниманіе смыслъ, въ которомъ самъ Дитцел[ь]
излагалъ свои идеи. Ставъ на точку зрѣнія Дитцеля, всякі[й]
долженъ придти и къ его выводу. Въ самомъ дѣлѣ, по воззр[ѣ]ніямъ этого писателя государственный кредитъ есть тольк[о]
своеобразное перемѣщеніе капитала, излишняго въ частно-хозяй[]ственной сферѣ, въ государственное хозяйство. Но послѣдне[е]
прежде всего отличается тѣмъ, что мѣновыхъ цѣнностей оно н[е]
производитъ. Слѣдовательно, воспроизвести занятый капиталъ,
возстановить въ первоначальномъ его видѣ государство не въ
состояніи, какъ признаетъ это и г. Вреденъ. Чтобъ вернуть
частно-хозяйственной сферѣ капиталъ, равный заимствованному,
таковой пришлось бы заново заимствовать у послѣдней. Но это
противорѣчило бы какъ цѣли, съ которой первоначально капиталъ былъ заимствованъ, такъ и природѣ отношеній государства
къ частно-хозяйственному организму. Капиталъ вышелъ изъ послѣдней сферы, потому что онъ въ ней былъ излишній и что
тамъ его помѣстить было некуда. Какой же имѣетъ смыслъ
возвращеніе излишняго капитала? Вѣдь послѣ этого капиталъ,
какъ излишній, снова долженъ будетъ перейти въ сферу государства. Погашеніе такимъ образомъ было бы чѣмъ-то похожимъ
на вѣчную Сизифову работу. Далѣе однако: государство не
представляетъ собою сферы, чуждой частно-хозяйственной области.
Напротивъ, онѣ вмѣстѣ составляютъ одно органическое цѣлое,
существуютъ другъ для друга, другъ для друга работаютъ и одна

служатъ. Когда частно-хозяйственная сфера разстается съ ...юмъ, переходящимъ въ государство, это не значитъ, что ...ряетъ всякую связь съ нимъ. Когда то, что руки вы...ли, переходитъ въ желудокъ, намъ не приходитъ и на ... сказать, что при этомъ удовлетворены интересы одного ...на. Руки и желудокъ—части одного организма, и переходъ ...укта изъ одного органа въ другой — въ интересахъ всѣхъ ...ей. Лишь бы желудокъ выработалъ то, что полезно для всего ...низма, а тамъ все равно, какую форму будетъ имѣть вы...ганное, первоначальную ли, или новую. Такъ точно важно ...ю, чтобъ капиталъ, перешедшій въ государство, переработанъ ...ъ въ полезное для всего народно-хозяйственнаго организма. ...да будутъ удовлетворены и интересы частно-хозяйственной ...ры. Напротивъ, органическое соотношеніе частей организма ...о бы извращено въ своей природѣ, еслибъ все, что желудокъ ...работалъ, шло на одно только питаніе рукъ.

Нельзя такимъ образомъ отрицать у Дитцеля послѣдователь...ти, когда изъ идеи о государственномъ кредитѣ, какъ о по...щеніи капитала, онъ заключаетъ о томъ, что государственные ...ги не должны быть погашаемы. Но его посылка—злоупотреб...іе вѣрною идеею, и потому его выводъ построенъ на пескѣ. Когда частно-хозяйственная сфера удѣляетъ часть своихъ ...дствъ для государства, то несомнѣнно совершается и процессъ ...рехода капиталовъ къ новому помѣщенію. Дитцель былъ только ...правъ, когда говорилъ о своеобразномъ способѣ помѣщать частно-...зяйственные капиталы по поводу государственнаго кредита только, ...тогда какъ на самомъ дѣлѣ о немъ должно говорить по поводу *всей* ...стемы финансовой, со всѣми ея доходами и расходами. Всѣ сред...ства, которыя государство получаетъ, оставляютъ частно-хозяй...ственную сферу, и основной принципъ этого оставленія долженъ ...лъ бы быть, намъ кажется, тотъ же, какой дѣйствуетъ и въ ...другихъ аналогическихъ случаяхъ. Т.-е., хозяйственныя средства ...должны оставлять одно мѣсто и переходить въ другое только тогда, когда въ послѣднемъ они будутъ приносить болѣе пользы, чѣмъ въ первомъ. Какія это будутъ средства, изъ труда или капитала, изъ валового или чистаго дохода, рѣшительно все равно. *Это* начало на дѣлѣ, въ самой жизни, управляло переходомъ хозяйственныхъ средствъ изъ частно-экономической сферы въ государство, и оно будетъ продолжать имъ управлять, несмотря на все противудѣйствіе финансистовъ школы «чистаго дохода». Налогъ—не потеря и не уничтоженіе капитала, а своеобразное его помѣщеніе: вотъ основное начало ученія о налогѣ. Но объ этомъ помѣщеніи, о его выгодности и необходимости должны судить тѣ, которыхъ

капиталъ для него необходимъ: таково—второе основное нача означеннаго ученія. Поэтому, только частно-хозяйственная сфе сама въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ рѣшить, что счита источникомъ налога и какой капиталъ затрачивать на нужд всѣми сознанныя и у всѣхъ вызывающія готовность дѣлать д нихъ затраты.

Эти затраты не должны возвращаться обратно частно хозяйственной сферѣ: онѣ не должны погашаться по частно хозяйственному разсчету. Государство не воспроизводитъ полу ченныхъ капиталовъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно ихъ получил Но это не значитъ, что государство абсолютно непроизводи тельно. Оно воспроизводитъ полученные капиталы въ новой форм полезной для всего народнаго организма. Для превращенія капи таловъ въ новую форму оно ихъ и получило. Справедливо по этому, что еслибы капиталы принимали первоначальную форм и въ этомъ видѣ возвращались въ мѣсто, откуда вышли,—то эт противурѣчило бы природѣ отношеній государства къ народном хозяйству и функціямъ перваго и второго.

Но признавать вѣрность этихъ идей и признавать истинност Дитцелевскаго ученія о непогашаемости государственныхъ долгов далеко не одно и то же. По единственно-научному ученію Вредена, государственные долги—только одинъ изъ способов собрать налогъ. *Поэтому* и государственный кредитъ дает средства, безвозвратно остающіяся у государства. Г. Вреден долженъ былъ бы отказаться отъ своего ученія о принципіаль номъ единствѣ налоговъ и долговъ, еслибъ онъ этого не при зналъ. Но слѣдуетъ ли отсюда, что государство не должно по гашать своихъ долговъ? Ни мало.

Когда государство совершаетъ заемъ, оно взимаетъ налогъ самымъ раціональнымъ образомъ *прежде всего* съ тѣхъ, которым всего легче разставаться съ хозяйственными средствами. Но если бы налогъ такъ и оставался навсегда распредѣленнымъ, то нельзя было бы его въ другой разъ повторить. Необходимо по этому уравнять его съ другими налогами. Необходимо, чтобы онъ былъ также распредѣленъ, какъ и остальные налоги. Его необходимо слѣдовательно *перераспредѣлить*. Вотъ это пере распредѣленіе только и совершается установленіемъ налога для процентовъ и погашенія. Такой налогъ никогда не представляетъ *новаго* налога для *государственнаго* хозяйства. Онъ только *за мѣняетъ* другой. Онъ собирается не для того, чтобъ быть ис траченнымъ, а напротивъ, чтобы обратнымъ возвращеніемъ въ народное хозяйство выравнять неравенства или возстановить

...начальныя неравенства. Этимъ налогомъ постепенно за...ся тотъ, который былъ установленъ съ помощію займа. Такимъ образомъ, та возмездность и та возвратность, которыя ...ставляются процентностью и погашаемостью государствен...ъ долговъ, относятся не къ средствамъ, которыя государство ...учило путемъ займа. Эти средства государство получило и ...возмездно и безвозвратно. Но путь, которымъ государство ...учило эти средства, не такой, чтобъ имъ можно было пользо...ься безвозмездно и чтобъ по нему можно было идти безвоз...атно. Это приводитъ насъ къ необходимости разъяснить финан...вое значеніе пути, которымъ государство получаетъ средства ...помощію займовъ.

V.

Финансовый характеръ и финансовую природу этого пути ...ервые вполнѣ научно опредѣлилъ г. Вреденъ. Кредитъ—видъ ...мѣна; а обмѣнъ—дѣйствіе, чрезъ посредство котораго за от...чиваемое вознагражденіе добывается экономическая цѣнность. ...редитъ, чѣмъ бы онъ ни былъ и гдѣ бы мы его ни наблюдали, ...лько способъ *добыванія* цѣнностей уже готовыхъ, имѣющихъ ...зависимый отъ него источникъ. Какъ видъ обмѣна, кредитъ ...егда предполагаетъ производство ему предшествовавшее, резуль...татомъ котораго и явились цѣнности, съ его помощью добы...ваемыя.

Вотъ почему даже въ тѣхъ случаяхъ, когда объ кредитѣ можно говорить, какъ объ источникѣ цѣнностей, о немъ можно говорить, какъ объ источникѣ производномъ, а никакъ не перво...начальномъ. Для даннаго, отдѣльнаго, частнаго лица кредитъ можетъ быть источникомъ цѣнностей, но никакъ не для замкну...таго народнаго хозяйства. Или: для народнаго хозяйства, какъ частно-хозяйственнаго организма, кредитъ можетъ быть источни...комъ, но никакъ не для цѣлаго всемірнаго хозяйства. Что̀ кредитъ отдаетъ однимъ, то онъ всегда отнимаетъ у другихъ.

Для государственнаго хозяйства кредитъ является источникомъ только въ случаѣ заключенія заграничныхъ займовъ. Но когда государство помощью кредита пользуется туземными капиталами (а это бываетъ въ большинствѣ случаевъ), кредитъ не является источникомъ этихъ капиталовъ. Онъ самъ ихъ предполагаетъ, какъ готовые. Кредитъ даетъ только возможность ихъ добыть, собрать. Это только особый способъ произвести заимствованіе ихъ изъ частно-хозяйственной сферы.

Самое заимствованіе при этомъ, обусловливаясь природ имущественныхъ отношеній государства къ частно-хозяйствен сферѣ, ни на волосъ не измѣняетъ своей собственной природ Какія бы особенности ни имѣлъ способъ его производства, са оно отъ того не измѣняется.

Совокупность способовъ производства заимствованій гос дарствомъ нужныхъ ему средствъ изъ частно-хозяйственно сферы составляетъ существенное содержаніе того, чтò въ фи нансовой наукѣ изслѣдуется въ теоріи *взиманія* налоговъ. Вз маніе это имѣетъ самыя разнообразныя формы, и въ число и и входитъ кредитъ.

Взиманіе налоговъ или способъ производства заимствовані государствомъ нужныхъ ему хозяйственныхъ средствъ, прежд всего отличается существенно отъ самыхъ налоговъ или заи ствованій слѣдующимъ. Въ то время какъ безвозмездность безвозвратность—существенные признаки заимствуемыхъ или по лучаемыхъ налогомъ средствъ, та же безвозмездность и та же безвозвратность *необходимо не должны быть* признаками самаго полученія, способовъ заимствованія, или формъ взиманія.

Какую бы мы ни взяли форму взиманія налоговъ, всегд мы увидимъ, что она сопряжена съ расходами и жертвами, н всеобщими, а частными, падающими только на извѣстныхъ лиц Эти расходы и жертвы не могутъ быть безвозмездны и безво вратны. Отсюда — спеціальныя финансовыя *издержки взиманія* государственныхъ доходовъ, встрѣчающіяся въ каждомъ бюдже тѣ и покрываемыя опять изъ налога. Этими издержками вз манія оплачиваются расходы и жертвы тѣхъ лицъ, безъ содѣй ствія которыхъ государство не собрало бы нужныхъ ему средствъ

Нѣтъ поэтому ни одного государственнаго дохода, который, какъ бы очевидна ни была его безвозмездность и безвозврат ность, тѣмъ не менѣе одною своего стороною, именно при взи маніи, не былъ бы сопряженъ съ возмездіемъ и возвратомъ. Это — черта, отличающая *всѣ* доходы, *всѣ* налоги. *Эту* только черту и представляютъ намъ возмездность и возвратность въ процен тахъ и погашеніи государственныхъ долговъ. Мы видѣли, что процентами и погашеніемъ государство только возвращаетъ лю дямъ, болѣе другихъ для него жертвовавшимъ, ихъ излишніе, противъ его требованій, расходы. Ничего особеннаго, кромѣ этого, процентность и погашеніе государственныхъ долговъ не представляютъ. Изъ нихъ также мало можно заключить о воз вратности и возмездности капиталовъ, получаемыхъ путемъ зай мовъ, какъ мало можно о томъ же заключить по издержкамъ взиманія всякаго другого финансоваго дохода. Расходы на го-

дарственный долгъ, показываемые во всякомъ бюджетѣ—статья вершенно тожественная съ другою, также всегда показываемые расходы взиманія доходовъ. Только сложеніе этихъ двухъ статей можетъ дать ясное понятіе объ издержкахъ, съ которыми сопряжено производство заимствованій для государства. Строго научно поэтому А. П. Заблоцкій-Десятовскій, въ своемъ классическомъ трудѣ о финансахъ Пруссіи (стран. 420, I т.), ставитъ расходы на государственный долгъ непосредственно послѣ расходовъ на взиманіе остальныхъ доходовъ. Даже для Пруссіи эти два расхода составляютъ почти $38^1/_2\%$ всѣхъ расходовъ: 13% стоятъ займы и $25^1/_2\%$ остальные доходы; даже для этой классической по финансовой хозяйственности въ Европѣ страны «новая» форма взиманія доходовъ имѣетъ въ бюджетѣ только въ половину меньшее значеніе, сравнительно съ «старою».

Было бы однако ошибочно думать, что эта «новая» форма взиманія государственныхъ доходовъ, представляемая займами, указываетъ на какой-либо новый принципъ, проникнувшій недавно въ государственное хозяйство. Ея принципъ возникъ чуть ли не вмѣстѣ съ налогомъ и врядъ ли въ прежнія времена, только въ измѣненномъ видѣ, онъ эксплуатировался меньше, чѣмъ теперь

Когда финансовый доходъ взимается прямо, въ видѣ такъ называемыхъ *прямыхъ* налоговъ, тогда очевиденъ основной его характеръ взноса, заимствованнаго изъ посторонняго производительнаго источника. Не теряется очевидность этого характера и у косвенныхъ податей. Но эта косвенность, принимая различныя формы, совершенно можетъ закрыть основную сущность финансоваго дохода — его заимствованность изъ посторонняго источника, влекущую за собою соотвѣтственное уменьшеніе этого источника. Еще болѣе ею закрывается безвозмездность и безвозвратность заимствованія.

Всякая косвенная подать прежде всего характеризуется тѣмъ, что она первоначально выплачивается не тѣмъ лицомъ, которое она въ концѣ концовъ должна настигнуть. Напротивъ, первоначально она въ видѣ аванса дается правительству, чтобъ облегчить ему и ускорить полученіе дохода. Всего очевиднѣе это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда подати отдаются на откупъ. Но не менѣе очевидно то же самое и въ случаѣ каждаго другого косвеннаго способа собиранія налоговъ. Владѣлецъ водочнаго завода, уплачивающій акцизъ за выкуриваемую имъ водку, даетъ впередъ правительству сразу ту сумму, которую оно должно было бы въ противномъ случаѣ собирать долями съ потребителей водки. Возвышая цѣну водки на акцизъ, производитель ея

получаетъ обратно капиталъ, который онъ далъ правительству. Онъ возвышаетъ цѣну не на одинъ только акцизъ, но прибавляетъ еще сверхъ того и проценты на капиталъ, употребленный для уплаты акциза. Это означаетъ, что кредитъ, оказанный при этомъ правительству, былъ небезпроцентный: потребитель водки не только погашаетъ капиталъ, занятый правительствомъ, но уплачиваетъ и проценты на него. Также точно откупщикъ разыгрываетъ роль банкира, ссужающаго правительство капиталомъ и потомъ собирающаго съ податныхъ плательщиковъ, какъ капиталъ, такъ и проценты на него.

Если при косвенныхъ податяхъ и откупахъ очевидно, что ими въ данное время уменьшаются безвозвратно и безвозмездно средства частно-хозяйственной сферы, то не менѣе очевидно, что государственными займами производится только то же самое. Это тотъ же способъ — ускореннымъ и облегченнымъ путемъ сосредоточивать въ правительственной кассѣ большіе капиталы, чрезъ посредство заимствованія ихъ у тѣхъ, съ которыми правительству удобнѣе имѣть дѣло. Различіе между косвенными податями и займами въ этомъ отношеніи только то, что въ первомъ случаѣ правительство предоставляетъ самому кредитору собирать съ податныхъ плательщиковъ капиталъ и проценты, во второмъ же правительство само беретъ на себя эту заботу. Въ первомъ случаѣ правительство, получивъ деньги, больше ни о чемъ уже не думаетъ: обязательствъ никакихъ у него нѣтъ. Во второмъ, напротивъ, на немъ лежитъ забота о погашеніи долга и уплатѣ процентовъ. Отъ откупного способа собиранія податей государственные долги отличаются еще меньше. — Небольшое измѣненіе произошло только оттого, что правительство приняло на себя роль страхователя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Оно и прежде закладомъ косвенныхъ налоговъ и другихъ своихъ сборовъ разыгрывало ту же роль страхователя. Но прежде оно давало какъ-бы специальную гипотеку, тогда какъ въ настоящее время даетъ какъ-бы общую гипотеку. Прежде оно страховало возвратъ сдѣланныхъ ему авансовъ у извѣстныхъ только своихъ доходовъ. Теперь оно ихъ страхуетъ у всѣхъ своихъ доходовъ въ совокупности. Прежде только часть его доходовъ была въ залогѣ. Въ настоящее время европейскія правительства, чтó называется, съ головою окунулись въ залоги.

Такимъ образомъ, въ займѣ нѣтъ ни одного такого существеннаго признака, ни одного важнаго элемента, котораго нельзя было бы подвести подъ категоріи, указываемыя теоріею и практикою налога. Если при косвенныхъ налогахъ мы не встрѣчаемъ у правительства страховой роли, то самое право

ванія подати, переданное въ частныя руки, достаточный за ние суррогатъ. За симъ, всѣ остальные элементы у косвенныхъ налоговъ и займовъ—общіе. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ государство пользуется наличными средствами частно-хозяйственной сферы. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ часть этихъ наличныхъ средствъ берется государствомъ безвозмездно и безвозвратно. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ частно-хозяйственная сфера, какъ цѣлое, не въ состояніи перемѣстить на будущее тягости отъ финансоваго заимствованія. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ самое *производство* заимствованія сопряжено съ возмездіемъ и возвратомъ особыхъ расходовъ, при этомъ неизбѣжныхъ. Наконецъ, и въ одномъ, и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ предъ собою способы быстраго сосредоточенія большихъ суммъ въ казну.

Съ виду кажется, что займомъ государство беретъ средства съ тѣмъ, чтобъ ихъ возвратить; когда же оно беретъ средства налогомъ, хотя бы для уплаты процентовъ и погашенія, то уже безвозвратно. На самомъ дѣлѣ выходитъ совершенно противуположное. Займомъ правительство беретъ средства безвозвратно. Налогомъ оно иногда ихъ беретъ, чтобъ, не пользуясь ими, возвратить ихъ обратно.

На основаніи изложеннаго можно позволить себѣ—утверждать, что если въ какой-либо отрасли государственныхъ доходовъ безвозвратность получаемыхъ средствъ несомнѣнна, то всего болѣе—при займахъ. Напротивъ, всего менѣе—это несомнѣнно при налогахъ. Ибо налогъ, который правительство возвращаетъ обратно, частое и нормальное явленіе. Напротивъ, несомнѣнный признакъ патологическаго состоянія государственнаго хозяйства представляется намъ тогда, когда государство заключаетъ займы для уплаты долговъ, т.-е. когда оно возвращаетъ въ народное хозяйство обратно суммы, полученныя путемъ займа.

VI.

Мы пересмотрѣли рядъ доводовъ, говорящихъ за принципіальное единство налоговъ и займовъ. Послѣдній доводъ, не менѣе всѣхъ предыдущихъ важный, представляетъ единство источниковъ того и другого вида государственныхъ доходовъ. Но въ этомъ пунктѣ намъ придется разойтись съ ученіемъ г. Вредена.

Вопросъ объ источникахъ государственныхъ доходовъ при-

надлежитъ къ тѣмъ, которыхъ теоретическая разработка сильно задерживается соціальными и фискальными интересами, примѣшивающимися къ дѣлу изслѣдованія. Интересы господствующихъ въ обществѣ классовъ также точно, какъ и интересы правительства, слишкомъ сильно до сихъ поръ вліяли на отдѣльныхъ изслѣдователей, то положительно предписывая направленіе изслѣдованій, то отрицательно на нихъ вліяя устраненіемъ извѣстныхъ вопросовъ изъ научной области.

Теорія государственнаго кредита соприкасается со многими основными ученіями теоретической экономіи, которыя далеко еще не удалось наукѣ вполнѣ разработать. Только тотъ, поэтому, могъ бы претендовать на законченное изслѣдованіе государственнаго кредита, у кого хватило бы достаточно силъ, чтобъ поставить на болѣе прочныя основанія и означенныя ученія. Но коренные вопросы науки такого свойства, что силъ отдѣльнаго человѣка на подобную задачу никогда не хватитъ, ибо эти вопросы трудны не въ одномъ только научномъ отношеніи. Это — самые общіе вопросы о благосостояніи и бѣдности, т.-е. вопросы объ общемъ благосостояніи и общей бѣдности. Но подобные вопросы, касающіеся большинства, только имъ самимъ теоретически и практически, научнымъ и опытнымъ путемъ, и разрѣшаются. Въ счетъ большинства конечно входитъ и большинство ученое. Какъ силы отдѣльнаго практика мало значатъ въ подобномъ случаѣ, такъ точно не могутъ имѣть исчерпывающаго значенія изслѣдованія отдѣльныхъ ученыхъ, какъ бы они ни были велики сравнительно съ изслѣдованіями другихъ ученыхъ въ отдѣльности взятыхъ.

Основное значеніе для г. Вредена въ той части, къ которой мы теперь приблизились, имѣлъ вопросъ о чистомъ доходѣ. Послѣдній, несмотря на то, что теоретиками онъ разрабатывается уже около 100 лѣтъ, далеко однако еще не выясненъ, въ особенности съ той его стороны, которою онъ соприкасается съ финансами. Частно-хозяйственная сфера успѣла для себя выработать достаточно ясное понятіе о чистомъ доходѣ. Но ея отношенія къ финансовому хозяйству были до сихъ поръ до такой степени подъ вліяніемъ произвола, что никакихъ ясныхъ правилъ и понятій о томъ, какая часть частно-хозяйственныхъ средствъ можетъ служить финансовымъ источникомъ, практика не успѣла выработать. Если финансовая практика сегодня дѣлала своимъ источникомъ одно, завтра — другое, послѣзавтра опять третье, если она заходила такъ далеко, что ничего не оставляла не обложеннымъ,—то очевидно важно было добиться чего-либо, ограниченнаго опредѣленными предѣла-

ии, ясно формулированнаго. Понятно въ такомъ случаѣ, что споры экономистовъ о чистомъ доходѣ имѣютъ не одно только теоретическое значеніе. Они выражаютъ весьма практическое стремленіе дѣйствительной жизни — поставить какую-либо преграду правительственнымъ требованіямъ, выяснить отчетливо границы, далѣе которыхъ эти требованія не должны простираться.

Мы, въ Россіи, только теперь начинаемъ переживать тотъ періодъ частно-хозяйственнаго развитія, когда индивидуально-экономическая жизнь, получивъ свободу, начинаетъ сознавать и глубже понимать потребность—существовать для себя, а не какъ придатокъ къ правительственному хозяйству, служащій только послѣднему. Наше народное хозяйство до тѣхъ поръ, пока не будетъ проведена финансовая реформа, будетъ представлять то глубокое отличіе отъ западно-европейскаго, что большинство частныхъ хозяйствъ почти во всей своей цѣлости у насъ служатъ исключительно податными источниками, и по принципамъ лежащаго въ основѣ нашего финансоваго права, какъ-бы только для того и существуютъ. На пути къ реформѣ мы должны, поэтому, принять возможно болѣе живое участіе въ разрабатываемомъ вопросѣ о податныхъ источникахъ.

По господствующимъ воззрѣніямъ, чистый доходъ представляетъ собою ту разность, которая остается изъ валового продукта по вычетѣ всѣхъ производственныхъ расходовъ. Чистый доходъ—все то, чѣмъ люди поддерживаютъ свою текущую жизнь и что̀ они употребляютъ какъ экономическое средство для того, чтобъ идти впередъ. Это—то, что̀ потребляется или изъ чего образуются новые капиталы. Таково было опредѣленіе Ад. Смита.

Вотъ этимъ-то чистымъ доходомъ Ад. Смитъ, а вслѣдъ за нимъ и всѣ послѣдующіе экономисты и финансисты считаютъ необходимымъ ограничить *податной* источникъ. Основной финансовый принципъ современнаго государственнаго хозяйства, по мысли господствующей въ настоящее время школы, требуетъ безусловно, чтобъ государство не трогало *производительныхъ* силъ и средствъ частно-хозяйственной сферы. Иначе государство поступитъ какъ хозяйка, убившая курицу, которая несла золотыя яйца. Само государство питается отъ тѣхъ же производственныхъ средствъ. Поэтому, уменьшая ихъ, оно уменьшаетъ собственную свою силу, оно подрываетъ почву подъ собственными своими ногами. Вотъ почему только чистый доходъ долженъ быть источникомъ налоговъ. Только тотъ фондъ средствъ, который не служитъ производству, можетъ служить источникомъ государственныхъ доходовъ. Новъ ли капиталъ, или старъ, во

всякомъ случаѣ онъ не долженъ быть отнятъ у частно-хозя
ственной сферы.

Положеніе, что податнымъ источникомъ можетъ быть тол
ко чистый доходъ, формулированное, какъ основное для фина
совой теоріи и практики, еще Ад. Смитомъ, достаточно ясно вы
гораживаетъ капиталъ изъ сферы обложенія. Когда капитал
употребляется на нужды потребленія, онъ перестаетъ быть ка
питаломъ. Пока онъ остается капиталомъ, его не употребляют
для потребленія, для котораго служитъ чистый доходъ. Поэтом
обложеніе послѣдняго никогда не можетъ въ своей сферѣ встрѣ
титься съ первымъ.

Но трудъ, на что̀ бы онъ ни употреблялся, не перестает
быть трудомъ. Большая часть ежегодно истрачиваемаго труд
служитъ именно цѣлямъ потребленія. По цѣли, такимъ обра
зомъ, трудъ и чистый доходъ совпадаютъ въ большинствѣ слу
чаевъ. Отсюда то послѣдствіе, что когда чистый доходъ обла
гается по внѣшнимъ признакамъ, которые у него имѣются об
щіе съ трудомъ, то настигается и послѣдній.

Этого мало. Чистый доходъ получается по возстановлені
капитала. Но несомнѣнно, что для народнаго хозяйства важ
но, чтобъ *всѣ* его производственныя силы сохранялись: слѣдо
вательно не одинъ только капиталъ, но и трудъ. Необходимо
чтобъ возстановлялась не одна только сила капитала, но и си
ла труда. Но послѣднее возстановляется потребленіемъ. Всякое
обложеніе, сокращающее потребленіе не стѣсняя возстановлені
капитала, можетъ поэтому стѣснить возстановленіе трудовъ про
изводственной силы. Опредѣленіе чистаго дохода по затратѣ на
потребленіе, захватываетъ такимъ образомъ и такіе доходы,
которые, какъ необходимые для сохраненія чуть ли не самой
основной производственной силы, далеко нельзя считать удобо-
сократимыми и свободными или чистыми. Этого опредѣленія мо-
жетъ быть достаточно съ точки зрѣнія сохраненія капитала.
Оно можетъ удовлетворить интересы капитала. Но интересы тру-
да имъ далеко не могутъ удовлетвориться. Трудъ оно отдаетъ
въ жертву правительственному хозяйству.

Но и этого мало: все, что трудъ производитъ, необходимо
имѣетъ одну изъ тѣхъ двухъ формъ, подъ которыми признают-
ся податные источники. Продуктъ текущаго или идетъ на по-
требленіе, или идетъ на образованіе новаго капитала.

Сословный характеръ господствующей теоріи, такимъ обра-
зомъ, очевиденъ. Именно потому она во всей своей цѣлости и
безъ всякихъ измѣненій не можетъ имѣть значенія для насъ.

ты интересы, которые она охраняетъ на Западѣ, у насъ имѣютъ второстепенное значеніе.

Несомнѣнно, что съ точки зрѣнія чисто-экономической нѣтъ ничего важнѣе обереженія производственныхъ силъ. Но, во-первыхъ, беречь капиталъ значитъ беречь только одну производительную силу. Современная финансовая теорія только на словахъ стоитъ за производственныя силы вообще. Признавая одинъ чистый доходъ источникомъ государственныхъ доходовъ, она не оберегаетъ самой крупной по размѣру силы. Можно опять согласиться, что съ чисто-экономической точки зрѣнія важнѣе не та сила, которая беретъ своимъ размѣромъ, а та, которая стоитъ выше по производительности. Съ чисто-экономической точки зрѣнія капиталъ несомнѣнно важнѣе и дороже труда. Это — воплощеніе накопленнаго разума человѣка, сконцентрированное человѣческое прошлое, квинтъ-эссенція и триплъ-экстрактъ прошлаго и настоящаго человѣческой хозяйственности. Но при всемъ томъ, капиталъ—вещь, а трудъ, это живой, чувствующій человѣкъ. Было время, когда чисто-экономическая точка зрѣнія до того увлекла многихъ экономистовъ, что менѣе одностороннимъ изъ нихъ стало «за человѣка страшно». Реакція началась съ Сисмонди и Дроза, была поддержана Дюноайе и Росси и, подъ вліяніемъ голоса соціалистовъ, въ настоящее время породила такъ-называемое этико-антропологическое направленіе. Его придерживаются лучшіе современные экономисты Англіи, Франціи, Германіи и т. д. Дж. Ст. Милль, Фоссетъ, Воловскій, Бодрильяръ, Штейнъ, Шеффле, Кери и т. д.— таковы имена новаго направленія экономической науки.

Менѣе всего чисто-экономическая точка зрѣнія умѣстна въ наукѣ о государственномъ хозяйствѣ. Уже самый основной принципъ послѣдней доказываетъ то. Въ то время, какъ съ чисто-экономической точки зрѣнія расходы, регулирующіе доходы — просто безсмыслица, именно это начало—верховнѣйшее въ государственномъ хозяйствѣ (Wagner, Ordnung des oesterreichischen Staatshaushalts. 1863). Беречь производственныя силы государства важно. Но беречь справедливость для него еще важнѣе. А всего важнѣе для него беречь человѣка. Для государства человѣкъ—нѣчто большее, чѣмъ простой экономическій факторъ. Это — главная, основная цѣль, для которой государство существуетъ. Кромѣ того необходимо еще имѣть въ виду, что примѣненіе сказанія о курицѣ не лишено преувеличеній. Свѣтъ еще пока не видалъ государствъ, которыя гибли бы отъ того, что капиталъ обложенъ податями. Но онъ не мало видалъ

государствъ погибшихъ оттого, что ихъ трудовыя силы были рабствѣ и разорены.

Нашу точку зрѣнія на разбираемый вопросъ мы уже и ли случай выше намѣтить въ общихъ чертахъ. Во взноса которыми каждый изъ членовъ государства участвуетъ въ зданіи экономической почвы послѣдняго, мы не видимъ рас довъ на потребленіе. Современное государство нельзя сравни съ домашнимъ хозяйствомъ, какъ сферу потребленія. Это мо но было еще до извѣстной степени признавать справедливы въ пору процвѣтанія безграничнаго абсолютизма, когда гра данину въ государствѣ оставалось быть активнымъ только по ребляя то, что заботливое правительство для него производи а во всемъ прочемъ пребывая въ вынужденной пассивност Но теперь гражданинъ активенъ въ государствѣ не только то да, когда онъ потребляетъ. Право и нравственность теперь в области государства начинаютъ квалифицировать пассивност —порокомъ. Вотъ почему теперь и налогъ—не расходъ на по требленіе. *Всѣ* государственные доходы въ настоящее врем только своеобразное помѣщеніе, даваемое извѣстной долѣ част но-хозяйственныхъ средствъ съ цѣлью производства опредѣлен наго ряда благъ, для которыхъ государство какъ-бы служит мастерскою. Все, что государство ни получаетъ, въ него пе ремѣщается частными хозяйствами, какъ въ наиболѣе произво дительную сферу по данной отрасли человѣческой дѣятельности Современный человѣкъ живетъ активно не въ одномъ только своемъ частномъ хозяйствѣ. Но всякая активность необходимо должна имѣть экономическую почву. Вотъ ее-то онъ и прино ситъ съ собою въ государство. И отъ этого перемѣщенія средствъ и возникаетъ особый видъ движенія богатствъ, осо бый порядокъ прихода и расхода экономическихъ средствъ, ко торый и изслѣдуется наукою о государственномъ хозяйствѣ.

Вотъ почему по нашему мнѣнію чистый доходъ не состав ляетъ абсолютнаго предѣла, въ которомъ замкнуты государ ственно-хозяйственные источники. Даже еслибъ онъ и состав лялъ такой предѣлъ, одна его неясность уничтожила бы его. Но государственно-хозяйственные источники не имѣютъ также точно абсолютнаго предѣла, какъ не имѣетъ его никакой дру гой предметъ расходовъ. Отъ совокупности хозяйственныхъ средствъ и соотношенія между потребностями, отъ бо́льшаго или меньшаго преобладанія того значенія, которое имѣютъ одни потребности предъ другими, и отъ измѣнчивости этого значе нія въ пространствѣ и времени, зависитъ всякій расходъ. Отъ того же зависятъ и государственные расходы. Оттого указат

и абсолютный предѣлъ, до котораго они могутъ простираться и который они не могутъ перешагнуть, нельзя вовсе. Чистый доходъ только сословная формула, выставленная западно-европейскою буржуазіею противъ государства, съ которымъ она борется и на которое она желала бы тратить возможно меньше, и—что самое важное—отъ котораго прежде всего она желала бы уберечь свой сословный капиталъ. Капиталъ,—по природѣ своей исключающій всякую привилегію и стремящійся къ безграничной конкурренціи, никому нежелающій быть обязаннымъ, желающій напротивъ опираться на одного себя, стремящійся захватить подъ собою возможно большее пространство,—въ настоящее время переживаетъ еще только первые періоды своей самостоятельности. Для борьбы съ враждебными ему элементами, ему приходилось не разъ самому вооружаться средствами, которыя употреблялись противъ него. Онъ самъ долженъ былъ добиваться привилегій и монополій, какъ основного условія самосохраненія. Вѣдь ему приходилось въ одно и то же время и рости, и бороться. Каждый шагъ въ его развитіи долженъ былъ быть отвоеванъ. Отсюда его сословный характеръ, который сохранился до сихъ поръ. Несмотря на громадный прогрессъ въ экономическихъ средствахъ, все-таки было того недостаточно, чтобъ лишить капиталъ сословнаго характера. Вотъ почему вопросъ о сохраненіи капитала до сихъ поръ еще только сословный, а не народный вопросъ. Онъ затрогиваетъ непосредственно интересы одного только класса, а не всѣхъ. Индустріализмъ въ *государственномъ* хозяйствѣ оказался также сильно сословнымъ, какъ и въ области частнаго народнаго хозяйства. Капиталъ долженъ быть свободенъ отъ податной повинности: вотъ что значитъ формула—только чистый доходъ можетъ быть податнымъ источникомъ. Какъ при феодальномъ режимѣ дворянство спасало основаніе своей соціальной экономической и политической независимости, землю, отъ фискальныхъ требованій, такъ того же самаго добивается и буржуазія. Не путемъ косвенныхъ налоговъ она это дѣлаетъ, какъ утверждалъ Лассаль: косвенные налоги постигаютъ и самоё буржуазію. У послѣдней имѣется болѣе радикальное начало въ исключительномъ обложеніи одного только чистаго дохода.

Но для государства важно не одно только то, чтобъ у него имѣлась экономическая почва. Важно кромѣ того, чтобъ каждый его членъ *соразмѣрно своей хозяйственной состоятельности* содѣйствовалъ образованію этой почвы. Финансисты безъ всякихъ доводовъ условились признавать, что мѣрою состоятельности служитъ чистый доходъ и вообще потребительная сторона состоя-

тельности. Но это врядъ ли идетъ къ современной экономи кой жизни и современному строю экономическихъ понятій. старое время дѣйствительно по тому, какъ кто жилъ, можно б судить и о его состоятельности. Но въ настоящее время б состоятеленъ на дѣлѣ и остается болѣе состоятельнымъ т у кого болѣе производственныхъ средствъ. Капиталъ и осо производительныя качества труда, обезпечивающія ему сбі вотъ современныя мѣрила состоятельности. Самъ по себѣ ч тый доходъ и потребительные расходы не могутъ, поэтому, сл жить теперь основаніемъ при соразмѣреніи долей участія ка даго отдѣльнаго человѣка при образованіи экономической поч государства. *Трудъ и капиталъ вмѣстѣ* единственно только м гутъ служить такимъ основаніемъ. Не съ чистаго только до да, а съ чего кто имѣетъ, должны быть взяты тѣ средства, торыя каждый членъ государства приноситъ съ собою въ п слѣднее для созданія хозяйственной почвы политической акти ности.

Косвеннымъ образомъ это начало признаетъ въ послѣд двадцать лѣтъ и финансовая наука[1]). Большое вліяніе на т кое признаніе оказала въ особенности книга Дитцеля. Если кр дитъ—нормальный источникъ для государственнаго хозяйства, если кредитомъ капиталы берутся безвозвратно,—то значитъ н одинъ чистый доходъ, не однѣ потребительныя средства, а и ка питалы могутъ быть податными источниками. Еще болѣе осно ваній для такого признанія представляетъ теорія г. Вредена Для него несомнѣнно, что займы только способъ косвеннаго взи манія налоговъ. Какія же однако средства взимаются таким способомъ? Очевидно, что *капиталы*, какъ бы мы ихъ ни ква лифицировали. Слѣдовательно, старое положеніе о томъ, что одинъ только чистый доходъ источникъ налоговъ, неполно: самъ г. Вреденъ вывелъ рядъ налоговъ, которые не берутся изъ чистыхъ доходовъ.

То обстоятельство, что долги погашаются, ни на волосъ не измѣняетъ дѣла. Погашеніе, какъ мы разъяснили выше, только замѣна одного налога другимъ. Можетъ казаться, что это—замѣна залога, падающаго на капиталъ,—налогомъ, падающимъ на доходы. Но подобное разсужденіе можетъ имѣть основаніемъ только petitio principii. Надобно прежде доказать, что распредѣлительный налогъ падаетъ на одни только доходы, и тогда можно будетъ утверждать, что погашеніемъ налогъ на капиталъ замѣняется налогомъ на доходы. Но пока это не доказано, ос-

---

[1]) Были даже и прямыя признанія: Шмоллерт, Шеффле и др.

жется только утверждать одно: что погашеніемъ налогъ, который поглотилъ капиталъ только нѣкоторыхъ, замѣняется налогомъ, падающимъ на средства всѣхъ. На какія средства всѣхъ погашающій налогъ падаетъ?—это вопросъ, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, неразрѣшенный наукою. Во всякомъ случаѣ важно, что первый налогъ взялъ капиталъ, а второй долженъ дать эквивалентъ за него, т.-е. опять капиталъ. Во всякомъ случаѣ, отъ займа у частно-хозяйственной сферы капиталовъ оказывается меньше. Какія бы средства государство ни брало, онѣ во всякомъ случаѣ совершенно возстановляются частно-хозяйственною сферою. И въ этомъ пунктѣ, слѣдовательно, налогъ путемъ займа ничѣмъ существенно не отличается отъ другихъ налоговъ. Погашаются частнымъ хозяйствомъ всѣ его расходы на государство, только разными путями въ разныхъ случаяхъ.

Распредѣлительный налогъ имѣетъ существеннымъ своимъ признакомъ не источникъ, отъ котораго онъ берется, а приноровленность къ размѣру источника, все равно какой бы послѣдній ни былъ. Не качество экономическихъ средствъ его отличаетъ, а ихъ пропорціональное количество,—вотъ что его отличаетъ.

Если съ одной стороны единство налога и займовъ вытекаетъ изъ того, что налоги также, какъ и займы, могутъ падать на капиталъ, то съ другой стороны единство можетъ проявиться въ томъ, что займы, подобно налогу, иногда падаютъ на доходы. Высокій процентъ государственныхъ долговъ можетъ вызвать усиленное стремленіе къ сбереженію, сокращеніе потребленія и помѣщеніе доходовъ въ фондахъ. Выигрышные билеты у насъ могутъ служить тому примѣромъ. То же вліяніе имѣютъ вообще и повсюду лотерейные займы.

VII.

Рядъ доводовъ, которые въ настоящее время финансовая теорія можетъ представить въ пользу принципіальной тождественности налоговъ и займовъ, нами весь разсмотрѣнъ. Спрашивается теперь, какое практическое значеніе имѣетъ новый результатъ науки?

Съ помощью откуповъ и косвенныхъ налоговъ, государство пользовалось капиталами откупщиковъ и предпринимателей, отказываясь за это отъ будущихъ своихъ доходовъ, отъ налога. Благодаря займамъ, правительства получили возможность анти-

ципировать будущіе налоги еще въ бо́льшихъ размѣрахъ. Н дый государственный долгъ представляетъ собою налогъ, по ленный государствомъ еще до того, какъ онъ собранъ. Кто настоящее время желаетъ себѣ составить понятіе о размѣр гостей, которыя лежатъ на частно-хозяйственной сферѣ, должень въ суммѣ текущихъ налоговъ прибавить еще госуд венные долги. Итогъ и покажетъ, сколько налоговъ должна уплатить, чтобъ покрыть всѣ государственные расходы.

Новая теорія, такимъ образомъ, даетъ возможность то и опредѣленнѣе судить о предметѣ, о которомъ до сихъ пор дили неопредѣленно и неточно. Сумма государственныхъ дол указываетъ на опредѣленную напередъ цифру налоговъ, к рыми правительство уже воспользовалось, которые слѣдовате должна будетъ вынести и уплатить частно-хозяйственная сф

Слѣдующій за симъ практическій вопросъ, возникающій признаніи принципіальной тождественности займовъ и налог формулируется такъ. Существуютъ ли какія-либо основанія, ководствуясь которыми, можно было бы въ каждомъ отдѣльн случаѣ рѣшить, какой изъ видовъ взиманія всего лучше, а тому какимъ изъ нихъ и слѣдуетъ воспользоваться?

Старая школа финансистовъ не признавала вопроса, ч въ отдѣльномъ случаѣ выгоднѣе воспользоваться: налогами, займами? Для нея во всякомъ случаѣ правительство должно б избѣгать долговъ и всегда имъ предпочитать налоги. Новая шко признавая нормальность займовъ въ финансовой системѣ, дол на была заняться и вышепоставленнымъ вопросомъ.

Отвѣты Дитцеля и его важнѣйшаго послѣдователя и продол жателя въ этомъ пунктѣ, Ад. Вагнера, имѣютъ своимъ основа ніемъ—различіе расходовъ, предстоящихъ государству. Они клас сифицируютъ государственные расходы на такіе, которые безу словно должны быть покрываемы изъ налоговъ, и на такіе, ко торые безусловно должны быть дѣлаемы изъ займовъ. Г. Вреденъ, не отказываясь вполнѣ отъ этого критерія, прибавилъ къ нему еще другой: состояніе частно-хозяйственныхъ средствъ.

«Частное хозяйство, говоритъ онъ, неизбѣжно въ различной степени подлежитъ вліянію или дѣйствію займовой системы и распредѣлительнаго взиманія подати уже потому, что въ первомъ случаѣ лица, желающія обезпечить свое потребленіе самымъ надежнымъ способомъ, ищутъ соотвѣтственнаго доходнаго помѣщенія своимъ запасамъ цѣнностей, чѣмъ обращаютъ ихъ для себя въ капиталъ ссудный; во второмъ случаѣ у всѣхъ безъ различія, слѣдовательно и у предпринимателей, отнимается часть чистыхъ хозяйственныхъ доходовъ, которую они, по большей

обратили бы въ предпринимательскій капиталъ, а этимъ за незначительными исключеніями, въ огромномъ больслучаевъ, въ народный капиталъ»... «Заемъ ложится италистовъ, а подать на всѣхъ податныхъ»... «Сила и дѣйзайма и подати зависятъ отъ того, въ какой мѣрѣ они ся то на капиталистовъ, то на податныхъ плательщиковъ. , если заемъ поглощаетъ всѣ наличные ссудные капиталы, предпринимательскіе не будутъ возсоздаваться и развися; если даже процентъ государственнаго займа достаточно къ, то имъ могутъ быть привлечены и такіе ссудные капи, которые были въ частныхъ рукахъ. Къ тому же результату одитъ и чрезмѣрная подать» (стр. 197).

Спрашивается въ такомъ случаѣ, чѣмъ же можно противуавить налогъ и заемъ? Налогъ берется у всѣхъ, а слѣдольно, и уменьшаетъ средства всѣхъ. Заемъ уменьшаетъ дства только капиталистовъ, и эти средства могутъ не натъ себѣ помѣщенія въ предпринимательской сферѣ. Это вое основаніе для противупоставленія, которое мы находимъ г. Вредена. Далѣе онъ утверждаетъ, что, во-2-хъ, «налогъ и мъ не въ ровной прогрессіи и не съ одинаковою постеностью (скоростью?) становятся чрезмѣрными. Преимущество ма предъ податью вытекаетъ уже изъ того, что онъ можетъ ться у иностранцевъ, которыхъ нельзя облагать». За тѣмъ Вреденъ уже обращается къ частному вопросу о томъ, кай изъ этихъ двухъ источниковъ государственнаго дохода болѣе *безвреденъ*. Вагнеръ при рѣшеніи этого вопроса различалъ случаи, когда заемъ беретъ туземные, или иноземные капиталы, свободные туземные капиталы, или извлекаемые изъ разъ данго имъ уже помѣщенія. По мнѣнію Вагнера, при чрезмѣрости займа и налога вѣрнѣе измѣрять сравнительную безвредность налога и займа по той высотѣ, до которой было бы необходимо сразу довести налогъ, и которую возможно избѣгнуть, т.-е. временно уменьшить займомъ, доставляющимъ возможность —постепенно возвысить налогъ. Такимъ образомъ, *размѣръ государственнаго расхода*, большая или меньшая его величина, вотъ что рѣшаетъ вопросъ. «До тѣхъ поръ, говоритъ г. Вреденъ далѣе, пока налогъ уплачивается изъ чистаго дохода и пока сложность формъ и способовъ взиманія не ложится затрудненіемъ и преградою для частно-хозяйственной дѣятельности, а послѣдняя можетъ продолжаться въ прежнихъ размѣрахъ, слѣдуетъ безусловно отдавать предпочтеніе возвышенію налога. Если же возвышеніе налога до этого предѣла не дастъ еще всего, чтó правительству нужно, если частно-хозяйственная дѣятельность

подъ его давленіемъ должна будетъ съузиться, стѣсниться и слѣдовательно уменьшиться, то *слѣдуетъ* обратиться за помощью добровольнаго или насильственнаго займа къ тѣмъ ссуднымъ капиталамъ, которые ждутъ помѣщенія и не находятъ его въ частно-хозяйственной сферѣ», и т. д. Приведенныя разсужденія достаточно опредѣленно указываютъ границы, въ которыхъ должны проявлять свое дѣйствіе и значеніе разные способы взиманія государственныхъ доходовъ. Первоначальный источникъ— чистый доходъ всѣхъ. Пока онъ не исчерпанъ, для кредита не должно быть мѣста въ государственно-хозяйственной сферѣ. Только тогда, когда отъ него уже ничего не остается, и нужда казны въ средствахъ продолжается, она обращается ко второму источнику, къ тѣмъ ссуднымъ капиталамъ, которые не находили себѣ помѣщенія въ частно-хозяйственной сферѣ: «Совершенно нормальная хозяйственная необходимость прибѣгнуть къ пользованію кредитомъ наступаетъ тогда, когда потребности правительства простираются до такихъ суммъ, которыя налогомъ, даже поглощающимъ весь чистый доходъ, не могутъ быть одновременно и своевременно собраны. Пользованіе кредитомъ допускаетъ наибольшій просторъ въ формѣ свободнаго договорнаго займа и оказывается болѣе ограниченнымъ въ формѣ принудительнаго займа». Но г. Вреденъ допускаетъ и такіе случаи, когда выборъ между налогомъ и займомъ не во власти правительства, когда и свободные, и принудительные займы не даютъ всего, что ему нужно. «Тогда *нормально* (?) перейти *какъ можно скорѣе* даже и къ такому возвышенію налоговъ, которое сопровождалось бы разореніемъ (203)».

Г. Вреденъ не желаетъ согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что всякій чрезвычайный расходъ государства должно покрывать займомъ, если этимъ путемъ привлекаются капиталы *непомѣщенные*. Въ какомъ бы положеніи ни находился капитальный рынокъ, *никогда* заборъ чистаго дохода не можетъ причинить предпринимательскимъ хозяйствамъ большаго ущерба, чѣмъ отнятіе ссуднаго капитала, который также можетъ обратиться въ предпринимательскій (203). Этимъ положеніемъ г. Вреденъ продолжаетъ приведенную уже выше его мысль, что для займа нѣтъ мѣста до тѣхъ поръ, пока не поглощенъ государствомъ чистый доходъ. Дальнѣйшіе его доводы за эту мысль слѣдующіе. Чистый доходъ можетъ быть употребленъ или на потребленіе, которое въ большинствѣ случаевъ бываетъ потребленіемъ роскоши, или на приращеніе производственныхъ средствъ. Въ первомъ случаѣ можно, уклоняясь отъ слишкомъ безусловныхъ мнѣній г. Вредена (заборъ дохода для необходимыхъ и важныхъ финан-

ныхъ нуждъ болѣе полезенъ, чѣмъ расширеніе частнаго потребленія), признать, что рѣчь идетъ только о предпочтеніи одного способа уничтоженія экономическихъ средствъ другому способу. Во второмъ случаѣ заемъ сдѣлаетъ то же, что сдѣлало бы безъ него потребленіе, т.-е. помѣшаетъ образованію новаго предпринимательскаго капитала. Если чистый доходъ во всякомъ случаѣ долженъ быть взятъ правительствомъ, то удобнѣе будетъ его взять налогомъ, потому что заемъ влечетъ за собою не только расходы при его заключеніи, но еще и дальнѣйшіе налоги для платежа процентовъ. Если на капитальномъ рынкѣ существуютъ ссудные капиталы, для которыхъ предпринимательская дѣятельность не находитъ помѣщенія, то это еще не доказываетъ, чтобъ народному хозяйству чистый доходъ былъ болѣе нуженъ. Усложненія же податной системы, необходимо вызываемаго займами, во всякомъ случаѣ полезнѣе избѣгать.

Г. Вреденъ указываетъ еще на другой случай, дающій возможность займамъ казаться болѣе предпочтительными, чѣмъ налоги. Это бываетъ при нераціональной системѣ обложенія (205, 206). Но весьма справедливо по этому поводу г. Вреденъ замѣчаетъ, что фактическая неосуществимость налога, возникающая отъ нераціональной системы обложенія, сама по себѣ ненормальна и должна быть устранена: ее нельзя считать нормальнымъ предѣломъ пользованія налогами.

Совершенно другое оправданіе получаетъ заемъ, если величина расхода государственнаго поглотила бы весь чистый доходъ податныхъ плательщиковъ и сверхъ того забрала бы еще часть народнаго капитала. Тогда заемъ, обращающійся къ ссуднымъ капиталамъ, отниметъ у частно-хозяйственной сферы наименѣе нужныя ей средства, и слѣдовательно будетъ менѣе разорителенъ. *Этимъ* и объясняется громадность наростанія государственныхъ долговъ въ новѣйшее время. Свободные государственные займы привлекаютъ капиталы, которые приносили своимъ владѣльцамъ меньшіе доходы или которыхъ помѣщеніе было менѣе обезпечено. Заемъ покрывается такимъ образомъ изъ менѣе доходной части народнаго капитала, тогда какъ подать, разъ коснувшись сверхъ чистаго дохода и самаго помѣщеннаго капитала, безразлично забираетъ и чрезвычайно доходные, и вовсе не доходные, и непомѣщенные (207). Г. Вреденъ усматриваетъ въ этихъ случаяхъ предпочтительность займа предъ налогомъ въ аналогичности перваго — пропорціональному налогу, а второго — непропорціональному. Налогъ, съ одинаковою тяжестью давящій на многодоходный и многопроизводительный капиталъ и на малодоходный

и вовсе непроизводительный, будетъ у перваго отнимать больше, чѣмъ у послѣдняго.

«Выгода займовой системы, *въ случаѣ единовременныхъ, чрезмѣрныхъ по сравненію съ чисто-хозяйственными доходами или вообще податною силою, расходовъ*, несомнѣнна» (210). Зэтбееръ и Гильдемейстеръ отрицаютъ, подобно Рикардо, абсолютную невозможность возвысить налоги въ такъ-называемыхъ исключительныхъ случаяхъ. Зэтбееръ ссылается на страшныя Наполеоновскія контрибуціи въ Пруссіи. Но то, что удается вытянуть непріятелю, врядъ ли удалось бы получить правительству. Гильдемейстеръ желаетъ статистически доказать, что Англія могла бы безъ особенно тяжкихъ усилій пройти періодъ 1793—1815 г. съ помощью однихъ налоговъ. Но г. Вреденъ доказываетъ невѣрность этихъ разсчетовъ. Г. Вреденъ думаетъ, что займы подѣйствовали спасительно, устранивъ разореніе, которое повлекло бы за собою дальнѣйшее повышеніе налоговъ. До войны англичане платили ежегодно 27.3 мил. фун. налоговъ, во время 2-ой половины войны—63.8 мил., за то они обратно получали проценты отъ долга 32.6 мил.; такимъ образомъ, собственно добавочная потеря народнаго хозяйства не простиралась и до 4 мил. фунтовъ. Г. Вреденъ думаетъ, что англичане только потому и въ состояніи были платить 63.8 мил. налоговъ, что получали обратно 32.6 мил. (214). Отрицая пользу погашенія долговъ во время продолжающихся чрезвычайныхъ расходовъ, г. Вреденъ тѣмъ энергичнѣе настаиваетъ на томъ, что разъ время чрезвычайнаго расхода прошло, высокіе налоги неизбѣжно необходимы для погашенія, и упрекаетъ финансовую практику за противуположный образъ дѣйствій (220 и сл.).

Для г. Вредена безспорно, что преимущество займовъ предъ налогами, поглощающими болѣе чѣмъ чистый доходъ, заключается въ томъ, что займами уничтожаются менѣе необходимыя для предпринимателей ссудные капиталы, т.-е. та часть ихъ, которая еще только ищетъ помѣщенія, тогда какъ налогъ захватываетъ и сокращаетъ, и даже затрачиваетъ предпринимательскіе капиталы. При этомъ однако онъ обращаетъ вниманіе на необходимость—сравнивать каждый разъ прямой убытокъ отъ чрезмѣрныхъ налоговъ съ *косвеннымъ* вредомъ, который *излишнее* развитіе долговъ производитъ своимъ *спросомъ на ссудные капиталы* (223). Возвышеніе ссуднаго процента отъ этого спроса можетъ побудить многихъ собственниковъ отказаться отъ помѣщеній, которыя они дали своимъ капиталамъ въ предпринимательской сферѣ: «Это возвышеніе процента можетъ стать равносильнымъ отнятію капитала у частныхъ лицъ путемъ подати» (223). Заемъ, заклю-

ченный по такому высокому проценту, лишаетъ его преимуществъ предъ чрезмѣрнымъ налогомъ (224). Вотъ почему г. Вреденъ только при дешевизнѣ капиталовъ признаетъ истинность того ученія Дитцеля и Вагнера, что у богатыхъ народовъ договорными займами берутся непомѣщенные ссудные капиталы.; менѣе г. Вреденъ согласенъ на признаніе того, что время войны особенно благопріятно для прилива свободныхъ ссудныхъ капиталовъ къ рынку (224).

Если теперь собрать изложенное нами содержаніе главы X, основной для догматики г. Вредена, то мы получимъ слѣдующіе результаты: 1) Пока чистый доходъ неисчерпанъ, онъ *единственный* источникъ государственныхъ доходовъ. То-есть, долю народно-хозяйственныхъ средствъ, которая уходитъ или назначена на производство, должно беречь до послѣдней крайности. Поэтому ссудный капиталъ долженъ обратить на себя вниманіе только тогда, когда чистый доходъ весь исчерпанъ. 2) Когда чистый доходъ уже весь исчерпанъ, то ссудный капиталъ, какъ представитель свободнаго, ищущаго помѣщенія капитала, можетъ стать источникомъ государственныхъ доходовъ, ибо въ этомъ случаѣ государство все еще продолжаетъ не трогать производства въ данномъ его размѣрѣ. Оно можетъ быть мѣшаетъ ему разростаться, но во всякомъ случаѣ его не уменьшаетъ. 3) Разъ чистый доходъ исчерпанъ, заемъ имѣетъ преимущество предъ налогомъ и долженъ быть ему предпочтенъ, ибо налогъ уменьшалъ бы производство, тогда какъ заемъ препятствуетъ только его увеличенію. 4) Когда заемъ дѣлается по такому высокому проценту, стремленіе къ которому уменьшаетъ массу капиталовъ, прежде находившихъ себѣ помѣщеніе въ предпринимательской сферѣ, то онъ теряетъ свое преимущество и свою предпочтительность предъ налогомъ и становится ему подобнымъ.

Кромѣ указанныхъ двухъ критеріевъ, которыми г. Вреденъ руководствуется, разсуждая о предпочтительности займовъ, есть у него еще третій, у котораго онъ также не отрицаетъ значенія. Этотъ критерій — незамѣнимость займовъ для покрытія временно чрезмѣрныхъ общественныхъ расходовъ. Займами гораздо легче, чѣмъ другими способами взиманія, государство можетъ всего скорѣе и всего удобнѣе собрать громадныя суммы: «Первое условіе дѣйствія займовой системы предпочтительно предъ податями—это величина и мгновенность расхода» (стр. 297). По мнѣнію г. Вредена, только «*послѣ* величины» и мгновенности расхода, слѣдующая причина предпочтенія займа—самая цѣль расхода.

При этомъ г. Вреденъ даетъ сжато имъ же формулирован-

ную классификацію расходовъ, требующихъ и недопускающ займовъ. Хотя авторъ и не приверженецъ теоріи возмездн государственныхъ услугъ, онъ однако допускаетъ, что госуд ство можетъ оказывать и такія услуги, которыя оплачива пропорціонально расходамъ на нихъ (желѣзныя дороги, на Эти услуги онъ называетъ пропорціонально-возмездными и лагаетъ, что расходъ на нихъ долженъ покрываться исклю тельно изъ займовъ. Напротивъ, то, что государство произво для своихъ членовъ безвозмездно, никакъ не можетъ подава повода къ пользованію займами. При недостаточности для бе возмездныхъ услугъ средствъ изъ налоговъ, расходы на ни должны считаться несоотвѣтствующими хозяйственному поло нію государства. Согласно съ этимъ г. Вреденъ думаетъ, «финансовая несоотвѣтственность между расходами и податн поступленіями обусловливаетъ необходимое и соразмѣрное огр ниченіе первыхъ, чѣмъ бы отдѣльные расходы ни оправдыва (298). Кредитъ, въ случаѣ подобнаго несоотвѣтствія, дол считаться прямымъ путемъ къ разоренію, или средствомъ са быстраго усиленія и развитія хозяйственнаго разстройства (298— Въ финансовой сферѣ, во всѣхъ случаяхъ, когда воспроизв ство капитала ненормальное требованіе, т.-е. въ большинст случаевъ,—именно при отсутствіи пропорціональнаго возмез за услуги государства,—расходъ становится хозяйственно не со отвѣтствующимъ уже тотчасъ, когда онъ превыситъ податну способность или средства податнаго обложенія» (299), которо здѣсь г. Вреденъ понимаетъ въ узкомъ смыслѣ: «Чрезмѣрное обложеніе, въ этомъ смыслѣ, прямое доказательство не хозяйст веннаго характера государственныхъ расходовъ. Покрывать расходы такого рода займами и кредитными операціями значит только прикрывать ихъ существо, но измѣнять его *отнюдь не* удается» (299).

Приступая къ разбору изложенныхъ соображеній и результатовъ теоріи г. Вредена, мы начнемъ съ того пункта, въ которомъ мы сходимся съ нимъ и постепенно перейдемъ къ тѣмъ, относительно которыхъ, на нашъ взглядъ, еще возможны сомнѣнія и поэтому еще необходимы дальнѣйшія изслѣдованія.

Мы видѣли, что г. Вреденъ допускаетъ нормальность не только свободныхъ договорныхъ займовъ, но и насильственныхъ, заключаемыхъ путемъ бумажно-денежныхъ выпусковъ. Было бы однако ошибочно изъ этого заключить, что г. Вреденъ сторонникъ Ло и его продолжателей. Г. Вреденъ излагаетъ основанія нормальнаго, здороваго состоянія тѣхъ финансовыхъ явленій, которыя мы наблюдаемъ чаще въ патологическомъ состояніи. Онъ даетъ,

такимъ образомъ, физіологическія основанія для раціональной патологіи и терапіи бумажныхъ денегъ.

«Средняя сумма денежныхъ средствъ, которая, при расходахъ съ одной и доходахъ съ другой стороны, всегда, несмотря на постоянно совершающіяся уплаты и постепенно поступавшіе сборы, въ своей величинѣ не измѣняется, является какъ-бы постояннымъ денежнымъ запасомъ правительства» (227—8). «Средняя кассовая наличность можетъ помощью оборотнаго дѣйствія кредита быть разомъ израсходована въ чрезвычайномъ случаѣ безъ всякихъ затрудненій для продолженія всѣхъ прочихъ обыкновенныхъ финансовыхъ операцій» (228). Это именно и осуществляется съ помощью бумажно-денежныхъ выпусковъ. Количество бумажныхъ денегъ, которое можетъ выпускать правительство, опредѣляется размѣромъ его кассового резерва. Таковъ основной принципъ бумажно-денежнаго дѣла. Этотъ выпускъ, говоритъ г. Вреденъ, поглощаетъ всю казну, которая возстановляется только извлеченіемъ бумажекъ изъ обращенія, иначе правительство остается безъ казны. Что собственно г. Вреденъ понимаетъ подъ своимъ выраженіемъ «выпускъ поглощаетъ казну» — трудно усмотрѣть изъ собственнаго его изложенія. Если правительство, располагая въ своихъ кассахъ извѣстною суммою, не расходуетъ ее непосредственно, а вмѣсто того дѣлаетъ выпускъ бумажныхъ денегъ, которымъ даетъ насильственный курсъ, — то его касса, очевидно, остается у него. Правительство могло бы израсходовать свою кассу на экстраординарныя нужды, но тогда нечѣмъ было бы производить ту часть денежнаго обращенія, которая происходитъ между государствомъ и частнохозяйственною сферою для такъ - называемыхъ казенныхъ платежей. Но если вмѣсто своего резерва казна употребляетъ бумажки, то послѣднія, — имѣя за собою вѣрное обезпеченіе, представляемое особенною потребностью въ денежныхъ орудіяхъ для казенныхъ платежей, — сами остаются въ опредѣленныхъ границахъ и даютъ правительству возможность сохранить наличный резервъ. Такой бумажноденежный выпускъ не находится, по мнѣнію г. Вредена, вовсе ни въ какомъ противорѣчіи съ основными кредитными началами (237). Можно согласиться, что если за правительствомъ признается возможность пользоваться кредитомъ, то и бумажно-денежный выпускъ вполнѣ уже заключается въ этой возможности. Выпускъ представляетъ одинъ изъ способовъ пользованія государственнымъ кредитомъ. Чтобъ онъ былъ непремѣнно краткосрочнымъ, нѣтъ никакой необходимости, какъ это и доказываетъ прусскій опытъ. Безсрочность можетъ практически также точно оказаться долгосрочностью, какъ она можетъ ока-

заться краткосрочностью. На самомъ дѣлѣ, выпускъ, о которо[м] говоритъ г. Вреденъ, можетъ и долженъ быть объясненъ общ[и]ми началами банковаго обращенія. Непрерывныя денежныя о[т]ношенія между правительствомъ и частно-хозяйственною сферо[ю] обусловливаютъ то послѣдствіе, что съ одной стороны прав[и]тельство, а съ другой, частно-хозяйственная сфера во всяко[е] данное время употребляютъ извѣстную сумму денежныхъ оруді[й] для этой цѣли; ее, въ среднемъ размѣрѣ, можно считать постоянною. Наличная касса правительства представляетъ тольк[о] часть того денежнаго капитала, который употребляется на казенные платежи (т.-е. на платежи правительствомъ и правительству). Но разъ между двумя хозяйствами установилось, въ тверд[ыхъ] и определенно выяснившихся предѣлахъ, взаимность платежей[,] эта взаимность сама по себѣ даетъ возможность ввести денежный суррогатъ, который представляетъ собою компенсацію платежей. И вотъ эта-то компенсуемость платежей казнѣ платежами казны и составляетъ экономическое содержаніе того, что Штейнъ назвалъ податнымъ обезпеченіемъ. Правительство, какъ доказываетъ опытъ Пруссіи, можетъ часть своихъ платежей, совершать суррогатами, также точно и на такомъ же основаніи, какъ это дѣлается между банками въ Clearinghous'ѣ. Въ этихъ суррогатахъ пользованіе кредитомъ—второстепенное дѣло;—главное ихъ основаніе — взаимность платежей.

Воззрѣнія г. Вредена на бумажныя деньги, основанныя на теоріи Штейна, ни въ чемъ имъ неизмѣненной, опираясь на строго-научную почву, не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ кругомъ идей, на которыхъ основываются разорительныя бумажныя деньги. Обосновывать и защищать эти деньги никакая наука не можетъ.

Переходя затѣмъ къ разбору идей г. Вредена о предѣлахъ пользованія разными способами взиманія податей (путемъ обложенія и займовъ), мы должны сначала остановиться на его теоретико-экономическихъ соображеніяхъ о природѣ чистаго дохода и капитала. Г. Вреденъ, признавая основную тождественность налоговыхъ и кредитныхъ заимствованій средствъ у частно-хозяйственной сферы государствомъ, не признаетъ единства источника налога при разныхъ способахъ его взиманія, хотя для этого ему пришлось впасть въ сильное противорѣчіе съ самимъ собою. Онъ основываетъ свое ученіе о предѣлахъ пользованія разными способами взиманія налога на неодинаковости вліяній этихъ способовъ на разныя отрасли частно-хозяйственныхъ средствъ.

Теорія чистаго дохода г. Вредена вся исчерпывается слѣдующими положеніями, которыя мы и разберемъ по пунктамъ.

1) Г. Вреденъ недоволенъ тѣмъ, что до сихъ поръ недостаточно различался доходъ изъ непосредственнаго участія въ производствѣ, и доходъ въ хозяйствѣ безъ всякаго участія въ производствѣ (91). По мнѣнію его, 2) доходъ даетъ не только предпріятіе, но и всякое хозяйство: «доходомъ мы считаемъ всякое приращеніе средствъ, повторяющееся съ извѣстною правильностью и имѣющее хозяйственный источникъ». 3) Чистый доходъ представляетъ остатокъ, получаемый по вычетѣ издержекъ потребленія участниковъ производства и издержекъ на возстановленіе капитала (92). 4) Вотъ почему чистый доходъ имѣетъ не одинъ только капиталистъ, но и работникъ, когда изъ всего валового дохода онъ вычитываетъ свои издержки потребленія. 5) Согласно съ основнымъ различіемъ между личностью человѣка вообще въ хозяйствѣ и олицетвореніемъ предпріятія въ предпринимателѣ, слѣдуетъ различать хозяйственный доходъ отъ предпринимательскаго. Чистый доходъ участниковъ производства зависитъ отъ избытка цѣны и вознагражденія за ихъ участіе въ производствѣ надъ прямыми ихъ хозяйственными потребностями (93). 6) Отъ хозяйственнаго дохода зависитъ самое существованіе труда и капитала, какъ хозяйственныхъ силъ; отъ предпринимательскаго же зависятъ только виды производства, его направленія (95). 7) «Наши доводы и воззрѣнія на чистый доходъ совершенно разнятся отъ принятыхъ существующею теоріею» (96). 8) Какъ несомнѣнную истину слѣдуетъ удержать то положеніе экономической науки, что только чистый доходъ можетъ служить источникомъ подати (ib).

Въ предыдущемъ выписана существеннѣйшая часть ученія г. Вредена о доходѣ. Попробуемъ разобрать всѣ отдѣльныя приведенныя изложенія.

Противъ мысли автора, что наука не различала дохода при участіи въ производствѣ отъ дохода безъ участія, должно замѣтить, что наука *давно* уже различаетъ первоначальные доходы отъ производныхъ, примитивные отъ деривативныхъ. Различіе между ними въ томъ именно и заключается, что первые имѣютъ производственное основаніе, что они результатъ самобытной производительности, тогда какъ вторые *заимствованы* изъ подобнаго дохода и всегда предполагаютъ его существованіе. Доходъ «безъ всякаго участія въ производствѣ», какъ съ неба не падающій, возможенъ только благодаря тому, что кто-либо въ производствѣ участвовалъ и его произвелъ, но потомъ свободно или противъ воли его передалъ другому безъ эквивалента.

Если второе положеніе, что доходъ даетъ не только предпріятіе, но и всякое хозяйство, понимать въ томъ смыслѣ, что

всякое хозяйство *можетъ* приносить доходъ, то это понятно будетъ послѣ сказаннаго. Но утверждать, что всякое хозяйство дѣйствительно даетъ доходъ, нельзя. Всякое хозяйство его только предполагаетъ, но не непремѣнно даетъ: оттого приходится хозяйствамъ и разоряться, а не только благоденствовать. Можно доходомъ безразлично называть всякое періодическое приращеніе имущества. Но при такомъ безразличіи и милостыня, получаемая промысловымъ попрошайничествомъ, и взятки, получаемыя непрерывною подкупностью, и доходъ отъ постояннаго честнаго труда, все это сольется въ одну безразличную категорію дохода, которая для науки не имѣетъ никакого интереса, а для практики лишена всякаго значенія.

Понимать подъ чистымъ доходомъ то, что остается по вычетѣ изъ валового дохода не однихъ только производственныхъ затратъ, но и потребительныхъ, нельзя потому, что тогда чистый доходъ будетъ выражать только средства, которыя, какъ не нужныя для потребителей, уходятъ на расширеніе производства и увеличеніе капитала. Понятіе чистаго дохода и свободнаго новообразованнаго капитала сольются.

Изъ того, что чистый доходъ, по мнѣнію г. Вредена, выражаетъ остатокъ по вычетѣ изъ валового дохода производственныхъ и потребительныхъ издержекъ, далеко не слѣдуетъ, чтобъ и рабочая плата давала чистый доходъ. Чтобъ выводъ г. Вредена былъ вѣренъ, для этого ему необходимо было бы доказать, что рабочая плата можетъ давать такой излишекъ. Но для этого было бы необходимо произвести полнѣйшій переворотъ въ ученіи о рабочей платѣ. Можно это ученіе толковать, какъ угодно, противъ нападковъ соціалистовъ. Можно утверждать, что по этому ученію вовсе не необходимо, чтобъ рабочій получалъ не больше, нежели сколько ему необходимо для плохого потребленія и плохой жизни. Можно признавать, что законъ рабочей платы допускаетъ и самое роскошное потребленіе: это зависитъ отъ standart of the life рабочихъ. Но нельзя утверждать, чтобъ законъ рабочей платы допускалъ такую рабочую плату, которая превышала бы необходимое для потребленія, какое бы оно ни было. Если бы это не было правдой, то не существовало бы и рабочаго класса, какъ таковаго, не было бы и соціальнаго, рабочаго вопроса. Рабочій классъ, по всеобщему опредѣленію, и экономистовъ, и соціалистовъ, есть тотъ классъ людей, которыхъ доходы уходятъ на потребительныя надобности, и которыхъ не хватаетъ на надобности производственныя, т.-е. для образованія капитала. Когда у рабочаго доходовъ на производственныя надобности хватаетъ и онъ можетъ образовать капиталъ, онъ

становится капиталистомъ, — крупнымъ или мелкимъ, это для науки, не увлекающейся наружностью, и для которой важенъ принципъ, въ данномъ отношеніи все равно. Такой человѣкъ въ классу пролетаріевъ-рабочихъ уже причисленъ быть не можетъ. Съ другой стороны однако, если человѣкъ причисляется къ классу пролетаріевъ-рабочихъ, то это именно и значитъ, что у него нѣтъ средствъ для образованія капитала. Рабочая плата поэтому всего менѣе способна доставлять чистый доходъ.

Пятое положеніе г. Вредена весьма неясное. Чтò такое личность въ хозяйствѣ вообще, въ отличіе отъ олицетворенія предпріятія въ предпринимателѣ? Чтò это за олицетвореніе и какое оно имѣетъ значеніе научное, кромѣ метафорическаго? Личность «въ хозяйствѣ вообще» можетъ конечно означать только человѣка, взятаго въ простомъ обыденномъ смыслѣ, съ его потребностью въ работѣ и хорошемъ вознагражденіи за нее. Олицетвореніе предпріятія въ предпринимателѣ можетъ означать въ переводѣ на простой языкъ то только, что предпріятіе принадлежитъ только предпринимателю, и ему одному достаются всѣ выгоды отъ него. Еслибъ г. Вреденъ желалъ выразить ту мысль, что различныя соціально-экономическія положенія обусловливаютъ различные виды доходовъ, то онъ повторялъ бы только въ неясной формѣ ходячую мысль. Но изъ того, что г. Вреденъ противупоставляетъ другъ другу только два вида доходовъ, а не три или четыре, какъ старые экономисты, надобно заключить, что онъ хотѣлъ строить свою теорію на болѣе современномъ фактѣ. Въ настоящее время не столько важно противупоставленіе рабочей платы прибыли и рентѣ, имѣвшее важное значеніе въ началѣ XIX-го в., сколько противупоставленіе доходовъ рабочаго, капиталиста и землевладѣльца съ одной стороны, доходамъ предпринимателя съ другой, потому что личность предпринимателя имѣетъ въ настоящее время гораздо большее значеніе, чѣмъ представители такъ-называемыхъ трехъ факторовъ производства. Къ нимъ въ руки переходятъ крупныя прибыли, и въ ихъ рукахъ сосредоточиваются источники образованія крупнаго капитала. Рабочій, капиталистъ и рентьеръ должны быть рады, если ихъ «факторы» даютъ имъ средства прожить. Эти-то средства для потребительныхъ цѣлей и составляютъ, должно полагать, «хозяйственный доходъ въ отличіе отъ предпринимательскаго». Нельзя однако при этомъ не указать на неудачное обозначеніе противуполагаемыхъ видовъ дохода: развѣ г. Вреденъ считаетъ предпринимательскій доходъ нехозяйственнымъ, если онъ ему противуполагаетъ хозяйственный?

Шестое положеніе доказываетъ справедливость только-что

сказаннаго. Если хозяйственный доходъ поддерживаетъ *существо- ваніе* «факторовъ» производства, значитъ онъ идетъ на потребле- ніе. Если предпринимательскій доходъ опредѣляетъ *направлен-* производства, значитъ у него въ рукахъ капиталъ.

Седьмое положеніе—литературная неточность. Подобныя иде- о чистомъ доходѣ высказывались уже не разъ и особенно част- въ послѣднее время Ресслеромъ [1]).

Наконецъ, весьма жалко, что г. Вреденъ не вдался въ болѣ- подробный разсчетъ того, насколько современные бюджеты, напр. русскій, должны были бы сократиться, еслибъ *его* чистый доход- сталъ податнымъ источникомъ. Нѣсколько далѣе, авторъ го- воритъ, что чистый доходъ проявляется въ разныхъ формахъ и что стремленіемъ постигнуть его во всѣхъ разнообразных- его формахъ и объясняется разнообразіе налоговъ. Но г. Вре- денъ весьма справедливо находитъ, что разнообразіе податных- формъ имѣетъ себѣ *научную* опору, хотя оправданіе податей въ частностяхъ, во многихъ формахъ, конечно не вездѣ и не всегда возможно.

Г. Вреденъ недоволенъ не одною только существующею те- оріею доходовъ: существующая классификація капиталовъ его также мало удовлетворяетъ. Онъ считалъ поэтому необходи- мымъ дать новую, не затрогивая самыхъ основъ ученія о ка- питалѣ. Нельзя впрочемъ сказать, чтобъ и классификація г. Вредена была совершенно нова: читатель найдетъ категоріи господина Вредена въ книгахъ Шеффле (1867-мъ г.) и Мон- гольдта (1863 и 1868-хъ г.). Новая классификація построена не на основаніи какихъ-либо новыхъ анализовъ самой природы капитала, не на внутреннихъ особенностяхъ послѣдняго, а на чисто внѣшнемъ признакѣ. Существуютъ три класса хозяйствен- ныхъ субъектовъ, о которыхъ можно сказать, что они распола- гаютъ капиталами: это, во-первыхъ, народы; во-вторыхъ—пред- приниматели; въ-третьихъ, капиталисты. Отсюда категоріи: на- роднаго капитала, предпринимательскаго и ссуднаго. Если ка- питалистъ самъ распоряжается своимъ капиталомъ, онъ—пред- приниматель и его капиталъ тогда предпринимательскій. Только тогда, когда капиталистъ самъ не въ состояніи или не желаетъ распоряжаться своимъ капиталомъ, и поэтому ищетъ ему помѣ- щенія, является новая категорія капиталовъ ссудныхъ.

---

[1]) Werth der Arbeit, въ Tübing. Zeitschr. für Staatsver. Bd. XVI; Zur Kritik der Lehre vom Arbeitslohn, 1861; Grundsätze der Volkswirthschaftslehre, 1864; его же статьи въ Hildebrandt's Jahrbücher, подписанныя полнымъ именемъ, и приписываемыя ему рецензіи, помѣченныя R-r.

Категоріи «свободныхъ» капиталовъ, о которыхъ такъ много оворилъ Дитцель и которая у него играла такую большую роль, ы у г. Вредена совсѣмъ не находимъ. Но онъ тѣмъ не менѣе е разъ употребляетъ въ своихъ разсужденіяхъ выраженіе «свободный» капиталъ. Отсюда проистекаютъ неясности, подающія оводъ думать, что г. Вреденъ не всегда отчетливо различалъ судный капиталъ отъ свободнаго.

Свободный капиталъ и ссудный капиталъ далеко не тождественное явленіе, и поэтому далеко не тождественны понятія о нихъ. Ссудный капиталъ можетъ имѣть основною причиною своего ссуднаго характера или производственныя явленія, или явленія изъ области распредѣленія. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ, одно то, что онъ—ссудный, ни на волосъ не можетъ свидѣтельствовать за его свободное состояніе. То, что капиталъ ссудный, доказываетъ только, что онъ свободный—*для даннаго частнаго хозяйства*, но не для народнаго хозяйства или для всей частнохозяйственной сферы. Для народнаго хозяйства, въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ гг. Дитцель и Вреденъ, свободный капиталъ вообще не существуетъ. Но даже и тогда ссудный капиталъ можетъ быть свободнымъ для отдѣльнаго частнаго хозяйства, не будучи свободнымъ для всей частно-хозяйственной сферы, т.-е. для всѣхъ совокупныхъ частныхъ хозяйствъ, разсматриваемыхъ какъ одно цѣлое. Ссудный капиталъ прежде всего означаетъ товаръ, который ищетъ сбыта и до того въ немъ нуждается, что можетъ допустить и кредитный сбытъ. Причины, по которымъ владѣлецъ капитала ищетъ ему сбыта, могутъ быть или производственныя: т.-е. техническая спеціальность владѣльца, замыкая его занятія въ опредѣленныя границы, ставитъ его въ невозможность утилизировать произведенный имъ капиталъ. Онъ можетъ его только производить, но не утилизировать: производить телескопы и утилизировать ихъ для астрономическихъ изслѣдованій—вещи различныя. Или причины, по которымъ капиталу ищется кредитный сбытъ, могутъ не имѣть ничего общаго съ хозяйственнымъ производствомъ и быть чисто соціальнаго свойства. Наслѣдникъ большого капитала, напр., или получившій его въ даръ, утилизировать его не можетъ вовсе не потому, что онъ спеціалистъ по другой части. Но если только въ частнохозяйственной сферѣ существуетъ на подобные капиталы эффективный спросъ, т.-е., если существуетъ предприниматель, который въ состояніи производительно утилизировать эти капиталы,—то очевидно, что о подобныхъ капиталахъ нельзя говорить, какъ о свободныхъ.

Менѣе всего въ настоящее время ссудный характеръ капи-

тала можетъ быть признакомъ его свободнаго состоянія. Раздробленность производства на множество спеціальныхъ занятій повлекла за собою обширные размѣры производства и потребность въ обширномъ сбытѣ. Кредитъ явился при такихъ условіяхъ естественнымъ послѣдствіемъ, которое съ силою физической необходимости вытекало изъ производственныхъ посылокъ. Съ одной стороны, оказалась масса капиталовъ, для которыхъ непремѣнно долженъ былъ быть найденъ сбытъ. Съ другой — вслѣдствіе раздробленности производства на такія части, которыя одновременно не выполняются, а распредѣляются во времени въ извѣстномъ постепенномъ порядкѣ, слѣдуя другъ за другомъ, — оказался на рынкѣ рядъ спрашивающихъ, которые должны получить товаръ, эквивалентъ за который имъ долженъ быть отсроченъ, пока они не окончатъ своего производственнаго процесса.

Можно безъ преувеличенія сказать, что главнѣйшая часть той громадной массы капиталовъ, которая главнымъ образомъ характеризуетъ современную экономическую жизнь, распредѣляется не путемъ наличнаго обмѣна, а путемъ обмѣна кредитнаго. Не только на денежномъ рынкѣ поэтому наблюдаются кредитныя явленія: еще бо̀льшая масса ихъ представляется на рынкѣ товарномъ. Но считать всѣ эти капиталы, обращаемые кредитомъ, за свободные, было бы равносильно утвержденію, что вся современная стадія развитія экономической жизни могла бы безъ нихъ обойтись, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она только ради ихъ и вслѣдствіе ихъ и существуетъ.

Ссудные капиталы представляютъ собою тѣ, которые находятся въ рукахъ, неумѣющихъ утилизировать ихъ. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что это недоходные или малодоходные капиталы. Кредитъ даетъ имъ производительное занятіе, и конкурренція ищущихъ кредита гарантируетъ имъ наиболѣе доходное помѣщеніе. Для народнаго хозяйства ссудный капиталъ вовсе не долженъ необходимо быть менѣе производительнымъ, чѣмъ капиталъ, принадлежащій въ собственность предпринимателю.

Кредитъ не составляетъ самостоятельнаго источника государственныхъ доходовъ, по теоріи г. Вредена: налогъ единственный источникъ для государства. Вотъ почему для г. Вредена не можетъ вовсе быть дилеммы: или тотъ, или другой *источникъ* доходовъ. Для г. Вредена можетъ только существовать вопросъ о предпочтеніи того или другого способа взиманія налога, одного или другого способа эксплуатированія единственнаго источника.

Г. Вреденъ невѣренъ собственной своей идеѣ, когда онъ ограничиваетъ налогъ чистымъ доходомъ, какъ единственнымъ податнымъ источникомъ. Если займы — способъ взиманія налога, то очевидно, что уничтожаемыя, съ ихъ помощью полученныя средства, тоже составляютъ податной источникъ. Въ самомъ крайнемъ случаѣ г. Вреденъ могъ бы утверждать, что чистый доходъ податной—источникъ *для распредѣляемаго налога*; но этотъ послѣдній не исчерпываетъ всего податного источника. И вотъ то, что изъ податного источника остается, и заимствуется займомъ. Что подобное толкованіе согласно съ идеями г. Вредена, явствуетъ изъ того, что изъ его воззрѣній вытекаетъ тождественность свободнаго ссуднаго капитала и чистаго дохода. Такимъ образомъ, или распредѣляемымъ налогомъ исчерпываются всѣ налоги, и тогда его источникъ *весь* податной источникъ. Т.-е. чистый доходъ—единственный источникъ налоговъ. Или же, распредѣляемымъ налогомъ еще не исчерпываются всѣ налоги. Тогда податной источникъ гораздо шире чистаго дохода. Мало того; если займы—нормальный способъ взиманія налога, то вѣдь займы забираютъ капиталы. Слѣдовательно, капиталы входятъ въ число податныхъ источниковъ.

Съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, разъ государство получило путемъ займа сумму, которую оно израсходовало, эта сумма навсегда безвозвратно потеряна, и потеря непереложима на будущія поколѣнія. Но путемъ займа государство получило *капиталы*. Эти капиталы, слѣдовательно, оно и уничтожило. Потеря отъ уничтоженія ихъ и составляетъ ту непереложимую потерю, о которой говоритъ новая теорія.

Но, можетъ казаться, возвращаемыя потомъ изъ налоговъ суммы измѣняютъ дѣло. Этого-то и не происходитъ. Тѣ суммы, которыя потомъ государство собираетъ изъ чистаго дохода путемъ обложенія для уплаты процентовъ, возвращаются народному хозяйству. Въ концѣ концовъ, слѣдовательно оказывается тотъ же результатъ, какъ еслибъ *чистые доходы* не были обложены и средства отъ *нихъ* сохраняются, прежніе же капиталы остаются потерянными.

Обратною уплатою долга у *кредиторовъ* возстановляются капиталы, уничтоженные государствомъ, но не у народнаго хозяйства. Послѣднее все-таки остается безъ возстановленныхъ капиталовъ. У кредиторовъ капиталы возстановлены съ помощью чистыхъ доходовъ податныхъ плательщиковъ. Другими словами, это значитъ только, что чистый доходъ, уменьшаемый налогомъ, можетъ потомъ явиться обратно въ народное хозяйство, но только уже доходомъ иного частнаго хозяйства. Чрезъ

посредство государства, онъ изъ одного частнаго хозяйства перешелъ въ другое.

Такимъ образомъ, изъ двухъ частей податного источника та, которая представляется чистымъ доходомъ, отличается особенностью, что она можетъ возвращаться въ народное хозяйство обратно. Напротивъ, та, изъ которой берутся займы и которая состоитъ изъ капиталовъ, всегда уменьшается безвозвратно для народнаго хозяйства.

Выше разсмотрѣны основанія идей г. Вредена о чистомъ доходѣ, равно какъ и истинныя основанія принципа податного источника. Сопоставимъ съ этимъ тѣ положенія г. Вредена, что пока не исчерпанъ весь чистый доходъ, государство должно пользоваться налогомъ, какъ единственнымъ источникомъ своихъ доходовъ, и что оно должно перейти къ займамъ, когда ему нужно болѣе, чѣмъ сколько можетъ давать чистый доходъ частно-хозяйственной сферы. Мы видѣли, что въ переводѣ на практическій, общепонятный языкъ, чистый доходъ можетъ означать только потребительныя средства низшихъ классовъ и свободные источники новыхъ капиталовъ у высшихъ классовъ. Когда налогъ исчерпалъ эти источники, это значитъ, что съ низшихъ классовъ *нечего* болѣе брать, а съ высшихъ приходится брать или ихъ производственныя средства, т.-е. ихъ капиталъ, или ихъ потребительныя средства. Понятно, что вопросъ о томъ, какъ при подобныхъ обстоятельствахъ государство будетъ собирать для себя хозяйственныя средства, превратится въ вопросъ или объ уменьшеніи капитала, что̀ можетъ затронуть интерессы всѣхъ классовъ, или о стѣсненіи потребленія высшихъ классовъ, что̀ затронетъ только ихъ собственные интерессы. Понятно, какой смыслъ въ такомъ случаѣ имѣетъ вопросъ о томъ, что̀ чему предпочесть: налоги ли долгамъ, или наоборотъ? Продолжать взимать налоги съ потребительныхъ средствъ, значитъ обременять одни высшіе классы. Брать хозяйственныя средства займами, значитъ уменьшать капиталъ, т.-е. подрывать основаніе будущаго благосостоянія высшихъ классовъ, а можетъ быть и текущее благосостояніе низшихъ.

То, что г. Вреденъ называетъ чистымъ доходомъ, служитъ источникомъ, откуда черпаются сбереженія, идущія на образованіе новыхъ капиталовъ. Исчерпанность чистыхъ доходовъ налогами означаетъ, такимъ образомъ, полную невозможность дальнѣйшаго хозяйственнаго прогресса. Ссуднаго *свободнаго* капитала на рынкѣ уже нѣтъ.

Если при такихъ обстоятельствахъ правительство появится на ссудномъ рынкѣ со своимъ спросомъ для займовъ, оно тог-

да окажется конкуррентомъ части предпринимателей на тотъ капиталъ, который входилъ въ составъ ихъ предпринимательскаго. При *такихъ* обстоятельствахъ налогъ и заемъ на предпринимательскій капиталъ дѣйствуютъ, съ общей точки зрѣнія разсуждая, одинаково, такъ какъ и налогу приходится коснуться капитала.

Г. Вредену кажется, что когда чистый доходъ исчерпанъ налогами, продолженіе послѣднихъ необходимо должно коснуться капитала. Но именно при его пониманіи чистаго дохода этого и не можетъ быть. Для полученія чистаго дохода онъ изъ валового дохода вычитываетъ не только капиталъ, но и потребительныя затраты. Ясно въ такомъ случаѣ, что исчерпанность чистаго дохода оставляетъ свободу и просторъ для выбора источника дальнѣйшаго обложенія. Можно еще обложить не только капиталъ, но и потребительныя средства частно-хозяйственной сферы. Сокращеніе потребленія послѣдней будетъ равносильно усиленному и ускоренному образованію капитала съ спеціальною цѣлью—помѣстить его въ сферѣ государства. Только тогда, когда потребительныя средства и высшихъ классовъ стѣснены до невозможности дальнѣйшаго ихъ стѣсненія, и далѣе облагать возможно уже одинъ только капиталъ, можетъ возникнуть вопросъ, какъ удобнѣе взять этотъ капиталъ: налогомъ или займомъ? Тогда, но только тогда, и налогъ, и заемъ одинаково будутъ разорять народное хозяйство, и рѣчь можно будетъ вести только, какимъ путемъ собираніе государственныхъ доходовъ возможно при наименьшемъ разореніи. Тогда важенъ вопросъ: насколько тягости, возникающія отъ взиманія налога, больше или меньше тягостей періодическихъ, которыя повлечетъ за собою заемъ?

Доводъ г. Вредена за займы по истощеніи чистаго дохода, основанный на томъ, что займы не берутъ безразлично капиталъ, имѣющій уже помѣщеніе и притомъ очень доходное, и капиталъ, имѣющій совсѣмъ недоходное помѣщеніе (это дѣлаетъ налогъ), а одни только капиталы, неимѣющіе помѣщенія,—не доказываетъ желаемаго. Потому что разъ чистый доходъ истощенъ,—свободныхъ ссудныхъ капиталовъ, для которыхъ еще нѣтъ помѣщенія, уже не существуетъ, и остаются только капиталы, имѣющіе помѣщеніе. Заемъ слѣдовательно, какъ и налогъ, долженъ будетъ взять занятые капиталы. Нельзя даже основываться на томъ, что заемъ возьметъ менѣе доходные капиталы, тогда какъ болѣе доходные предпочтутъ остаться на своемъ мѣстѣ. Ибо если капиталамъ такъ легко оставлять малодоходное помѣщеніе, то это они могли сдѣлать и до займа, и не дѣлали они

это вѣроятно потому, что завязанный капиталъ далеко не такъ легко освободить, и волею—неволею приходится довольствоваться малою доходностью. Вообще эта малая доходность можетъ быть только исключеніемъ изъ правила, и г. Вреденъ могъ построить свою теорію на ея основаніи, только упустивъ изъ виду важную экономическую теорему, что всѣ капиталы стремятся такъ распредѣлиться между разными помѣщеніями, чтобъ взаимною ихъ конкурренціею доходность установилась на одномъ, общемъ для всѣхъ, уровнѣ. Эту теорему знали уже хорошо и экономисты XVIII-го вѣка.

Антиципація будущихъ доходовъ принадлежитъ къ тѣмъ экономическимъ способамъ, которые тѣмъ неизбѣжнѣе и тѣмъ необходимѣе, чѣмъ шире сфера дѣятельности хозяйствующаго субъекта, чѣмъ обширнѣе его задачи, и чѣмъ важнѣе и неотложнѣе удовлетвореніе потребностей, лежащее на его заботахъ. Уже поэтому кредитъ на высшей степени развитія хозяйственности—явленіе неизбѣжное. Какому бы онъ ни былъ доступенъ злоупотребленію, какое увлеченіе онъ ни допускалъ бы, какъ бы имъ на самомъ дѣлѣ ни злоупотребляли и какимъ бы опасностямъ ни подвергало пользованіе имъ, — все это противъ *кредита собственно* не говоритъ ни слова. Кто злоупотребляетъ силою, доказываетъ этимъ только *свою* неразвитость и *свое* неумѣніе, а не вредъ силы. Кредитъ самъ по себѣ и полезенъ, и необходимъ, и неизбѣженъ. Сравнительно съ другими способами взиманія налоговъ, это самый лучшій по быстротѣ взиманія, по громадности суммъ, которыя сразу съ его помощью могутъ быть собраны, и по своевременности и умѣстности, такъ сказать, взиманія. Несомнѣнно поэтому, что кредиту предстоитъ еще въ финансовой области блестящая будущность.

Но съ этимъ вовсе не связаны необходимо ни вопросъ о затратахъ на тѣ или другія цѣли, ни вопросъ о доходахъ при тѣхъ или другихъ источникахъ. По самой своей природѣ государство производитъ тó, что оно должно безвозмездно предоставлять въ пользованіе членамъ. Плата, взимаемая за проѣздъ по частной и государственной желѣзной дорогѣ, принципіально другъ отъ друга различна. Государственная желѣзная дорога принадлежитъ, между прочимъ, и тѣмъ, которыхъ она перевозитъ, и не *за* провозъ они платятъ *вознагражденіе*: *при* провозѣ они уплачиваютъ *налогъ* на пользованіе дорогою, такой же точно, какой они уплачиваютъ, когда пользуются шоссейною дорогою или судомъ. То, что платою за проѣздъ покрываются издержки на построеніе дороги, доказываетъ только одно: что налогъ на проѣздъ имѣетъ спеціальное назначеніе—покрывать эти издержки.

государство не имѣетъ другихъ источниковъ дохода, кромѣ налога, и кредитъ не есть источникъ доходовъ, это—только форма взиманія налога. За какія бы цѣли поэтому государство ни бралось, всегда оно ихъ достигаетъ только путемъ тѣхъ средствъ, которыя собраны налогомъ. *Какъ* собраны были *налоги*, прямымъ ли, или косвеннымъ путемъ, или откупомъ, или кредитною антиципаціею,—это рѣшительно не касается цѣлей, для которыхъ налогъ служитъ. Непослѣдователенъ, поэтому, г. Вреденъ и невѣренъ своей собственной идеѣ о кредитѣ, какъ способѣ взиманія налога, если онъ говоритъ, что когда исчерпанъ чистый доходъ, кредитъ становится источникомъ государственныхъ доходовъ. Исчерпанъ ли чистый доходъ, или не исчерпанъ, это вовсе не касается кредита. Доходъ можетъ быть еще совсѣмъ не исчерпанъ, и все-таки кредитъ будетъ умѣстенъ: просто потому, что другіе способы взиманія не такъ скоро дадутъ необходимыя суммы. Съ другой стороны, чистый доходъ можетъ быть исчерпанъ, и тѣмъ не менѣе налогъ не перестанетъ быть единственнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ, пользуется ли при этомъ государство кредитомъ, или нѣтъ. Когда при исчерпанности чистаго дохода государство пользуется кредитомъ, оно уменьшаетъ капиталъ страны, постоянный или оборотный. При этомъ проявляется только та особенность, что во время собиранія средствъ уменьшается капиталъ однихъ лицъ, а по мѣрѣ уплаты процентовъ и погашенія капитала этихъ лицъ, какъ кредиторовъ, онъ возстановляется, тогда какъ ихъ же капиталъ, какъ податныхъ плательщиковъ, и капиталъ всѣхъ остальныхъ плательщиковъ уменьшается. Въ концѣ концовъ получается такое же уменьшеніе капитала, какъ и при простомъ взиманіи налога.

Какіе бы расходы государству ни предстояли, ординарные или экстраординарные, единовременные или періодическіе, они во всякомъ случаѣ покрываются изъ налоговъ, и необходимой тѣсной связи между ними, какимъ-либо разрядомъ ихъ, и кредитомъ, нѣтъ никакой. Еще менѣе тѣсная связь существуетъ между государственнымъ кредитомъ и государственно-хозяйственнымъ дефицитомъ. Отсутствіе средствъ для удовлетворенія потребностей можетъ также точно вызывать возрастаніе налоговъ, какъ и заключеніе долговъ. И если равновѣсіе бюджета возстановляется возвышеніемъ налоговъ, то это также мало свидѣтельствуетъ за устраненіе дефицита, какъ появленіе долга въ бюджетѣ не свидѣтельствуетъ о его возникновеніи. Не математическими выкладками открывается и свидѣтельствуется дефицитъ. Для этого мало сложенія и вычитанія. Дефицитъ не простая ариѳметическая величина, а нѣчто болѣе.

Вотъ почему врядъ ли предстоитъ блестящая теоретическая и практическая будущность тѣмъ идеямъ Дитцеля и Вагнера, которыми они желаютъ принаровить пользованіе кредитомъ къ стремленію разрѣшить только извѣстныя задачи. Практика до сихъ поръ многія изъ задачъ, которыя по Дитцелю и Вагнеру требовали средствъ изъ кредита, разрѣшала и безъ помощи кредита (судебныя реформы, тюремныя перестройки и т. п.); напротивъ, многія задачи, къ которымъ съ натяжкою можно было примѣнить идеи о долгосрочной пользѣ (войны), рѣшались главнымъ образомъ кредитомъ.

Мы пересмотрѣли характеръ всѣхъ трехъ критеріевъ пользованія налогами, въ тѣсномъ смыслѣ, и займами, каждаго въ отдѣльности, и въ заключеніе посмотримъ еще на ихъ отношеніе другъ къ другу. Прежде всего очевидно, что критерій внезапности нужды въ средствахъ прямо противорѣчитъ остальнымъ двумъ критеріямъ. Если внезапная нужда заставляетъ обращаться къ кредиту, то очевидно, что вопросъ о цѣли расхода отступаетъ на второй планъ, равно какъ и вопросъ о томъ, откуда будутъ взяты средства. Заемъ при достаточно высокомъ процентѣ можетъ привлечь доходы также точно, какъ высокій налогъ можетъ постигнуть капиталы. Но и критерій, представляемый цѣлью расхода, не имѣетъ никакой внутренней связи съ критеріемъ, представляемымъ разрядомъ средствъ, изъ котораго государство производитъ заимствованіе. Если какое-либо государственное учрежденіе содержится налогомъ на оказываемыя имъ услуги, то это не доказываетъ, что услуги — пропорціонально возмездны. Возмездныя услуги, оказываемыя государствомъ, извращаютъ природу послѣдняго и представляютъ слишкомъ случайное явленіе, чтобъ на его основаніи было возможно какое-либо научное построеніе.

Единственный критерій — на нашъ взглядъ, представляетъ, свободно самою частно-хозяйственною сферою обсуженное и порѣшенное, предпочтеніе того или другого способа взиманія налога.

VIII.

Еслибъ наличныя средства были распредѣлены между всѣми членами государства вполнѣ равномѣрно, государству никогда не приходилось бы обращаться только къ *нѣкоторымъ*, какъ оно это дѣлаетъ при займѣ. Оно всегда сразу, такъ сказать, должно было бы обращаться ко *всѣмъ*, такъ какъ только у всѣхъ оно нашло бы нужныя ему средства. Государственные займы отли-

чаются, слѣдовательно, весьма оригинальною особенностью: они необходимо предполагаютъ, какъ одно изъ своихъ основаній, неравномѣрность распредѣленія богатствъ.

Извѣстно однако, что эта неравномѣрность имѣетъ мало значенія на низшихъ степеняхъ развитія, когда неразвитость уравниваетъ всѣхъ, и пріобрѣтаетъ прогрессивно растущіе размѣры вмѣстѣ съ прогрессомъ производства. Этимъ объясняется, до извѣстной степени, широкое развитіе государственныхъ займовъ въ послѣднія два столѣтія.

До извѣстной степени это можетъ объяснить намъ также, какого времени нужно дожидаться народу, которому хотѣлось бы, чтобъ государство его заключало одни внутренніе долги. Весьма часто приходится у насъ встрѣчать людей, которыхъ патріотическому самолюбію обидно, что наше правительство заключаетъ свои займы заграницею преимущественно, и которые вмѣстѣ съ тѣмъ желали бы своей родинѣ—избѣгнуть той болѣзни, которою западная Европа страдаетъ при неравномѣрности распредѣленія богатствъ. Имъ и въ голову не приходитъ подумать, какое глубокое противорѣчіе между этими двумя желаніями!

Необходимо, по отношенію къ неравномѣрности, обратить вниманіе на слѣдующее основное различіе между кредитомъ въ государствѣ и кредитомъ въ частно-хозяйственной сферѣ. И тамъ, и здѣсь, кредитъ находится въ тѣсной связи съ неравномѣрностью. И тамъ, и здѣсь, его функція—перевести или перемѣстить капиталъ изъ хозяйствъ, которыя непосредственно въ немъ не нуждаются, въ хозяйства, которыя въ немъ чувствуютъ настоятельную потребность. Но тѣ экономическія особенности, которыя отличаютъ частно-хозяйственную сферу отъ государственно-хозяйственной, обусловливаютъ и глубокія различія въ послѣдствіяхъ, вызываемыхъ кредитомъ въ обѣихъ сферахъ хозяйственной жизни народа.

Въ частно-хозяйственной сферѣ возможно воспроизводство капитала, перераспредѣляемаго кредитомъ. Въ государственно-хозяйственной—оно невозможно. Поэтому, хотя кредитъ совершаетъ перераспредѣленіе только на срокъ, тѣмъ не менѣе онъ въ тотъ срокъ, въ теченіи котораго длится, содѣйствуетъ образованію капитала въ рукахъ лицъ, куда онъ былъ перемѣщенъ. Для того, чтобъ имѣть кредитъ, достаточно личныхъ качествъ; по крайней мѣрѣ въ настоящее время широкое преобладаніе торговаго банковаго кредита надъ всѣми остальными его видами вполнѣ это доказываетъ. При личныхъ качествахъ, вызывающихъ кредитъ, человѣкъ,— не располагающій тѣмъ основаніемъ экономической независимости, которая представляется капиталомъ,—съ помощью

кредита можетъ постепенно пріобрѣсти это основаніе. Кредитъ имѣетъ, такимъ образомъ, въ частно-хозяйственной сферѣ важную *соціальную* функцію.

Здѣсь кредитъ, вызванный неравномѣрностью, борется съ нею, стремится подорвать ея почву и выработать экономическія основанія равномѣрности. Личныя качества, нужныя для кредита, вмѣстѣ съ широкимъ развитіемъ кредита въ частно-хозяйственной сферѣ,—таковы двѣ гарантіи, которыя современная экономическая наука считаетъ основными для устраненія неравномѣрности. Первая гарантія дается народнымъ образованіемъ, профессіональнымъ—для экономическихъ ея основаній,—и общеобразовательнымъ, для моральныхъ ея основаній. Вторая—дается размноженіемъ банковыхъ учрежденій въ народѣ.

Совершенно иное представляетъ намъ кредитъ въ государственно-хозяйственной сферѣ вслѣдствіе того одного, что здѣсь капиталъ не воспроизводится. Кредитъ перераспредѣляетъ капиталъ только на срокъ. Если, въ теченіи этого срока, руки, въ которыя капиталъ попалъ, позаботятся извлечь изъ него пользу, какую онъ способенъ дать для возвышенія экономической самостоятельности, мы и будемъ имѣть послѣдствія, только-что описанныя. Но если въ это время капиталъ будетъ уничтоженъ, этихъ послѣдствій не случится, и дѣло будетъ обстоять такъ, какъ оно обстояло до кредита. Никакого противодѣйствія неравномѣрности оказано не будетъ, и она сохранится во всей своей цѣлости. Мало того однако: если капиталъ, перемѣщенный кредитомъ въ экономическую сферу государства, въ послѣдней будетъ уничтоженъ, то будетъ меньше и однимъ капиталомъ, который въ другой сферѣ противодѣйствовалъ бы неравномѣрности. Государственные займы, такимъ образомъ, не только что не противодѣйствуютъ послѣдней, а еще прямо содѣйствуютъ ея сохраненію.

И это положеніе имѣетъ общій характеръ, который одинаково примѣняется, какъ къ отдѣльнымъ членамъ въ народномъ хозяйствѣ, такъ и къ отдѣльнымъ членамъ во всеміpномъ хозяйствѣ. Другими словами: сумма капиталовъ, которая ежегодно уничтожается государствомъ, заимствуемая съ помощью займовъ, содѣйствуетъ сохраненію неравномѣрности распредѣленія богатствъ между цѣлыми народами и отдѣльными индивидуумами.

Г. Вреденъ посвятилъ XII-ю главу своей книги изслѣдованію вліянія государственныхъ долговъ на экономическія неравенства и распредѣленіе богатствъ. Средства, которыя правительство беретъ съ помощью налоговъ и долговъ, по мнѣнію г. Вредена, представляются далеко не одинаково тягостными лишеніями для

отдѣльныхъ лицъ, именно потому, что высокіе налоги, какъ это доказывалъ Небеніусъ, неравномѣрнѣе распредѣляются, чѣмъ невысокіе (240), а долги избавляютъ отъ единовременнаго и сильнаго повышенія налоговъ, слѣдовательно, даютъ средства къ сохраненію равномѣрности во всей системѣ обложенія (241). Но Небеніусъ признавалъ и то, что государственные займы усиливаютъ экономическія неравенства. Отъ займовъ капиталисты получаютъ возможность быстрѣе накоплять капиталы, такъ какъ ими возвышается процентъ, и доходъ съ капитала ростетъ въ то самое время, когда проценты по государственнымъ долгамъ отнимаютъ все бóльшія доли чистаго дохода у производителей. Такимъ образомъ, при возрастающей возможности капитализировать для владѣльцевъ ссудныхъ капиталовъ, та же возможность уменьшается для предпринимателей и рабочихъ.

Ниже нѣсколько, г. Вреденъ признаетъ, что сама податная система виновата, если возвышеніе оклада вызываетъ усиленную податную неравномѣрность (245). Но займы же даютъ возможность, легкостью пополненія казны, сохранять нераціональность податныхъ системъ (246). Финансовая исторія новѣйшихъ государствъ, особливо Англіи и Франціи, убѣдительно доказываетъ, что главнымъ образомъ займы произвели неравенство состояній и затѣмъ усиливали его постоянно. Тѣ же факты не менѣе убѣдительно доказываютъ, что не только безполезно возвышался ссудный процентъ, но было и сохранялось чрезвычайно превратное обложеніе (ib). При такихъ условіяхъ государственные займы конечно могли быть, какъ, напр., въ Англіи и Франціи, средствомъ къ исключительному усиленію и обогащенію класса капиталистовъ (247).

Этимъ соображенія г. Вредена о данномъ вопросѣ исчерпываются. Но сравнительно съ тѣмъ, что о вопросѣ можно и должно было бы сказать, мы ихъ не можемъ считать вполнѣ его исчерпывающими.

Неравномѣрность распредѣленія богатствъ принадлежитъ къ тѣмъ пунктамъ человѣческаго знанія, которыхъ разработка задерживается не собственною только ихъ трудностью, а сверхъ того еще и сословною коспостью, предпочитающею невѣжество и связанное съ нимъ бездѣйствіе, лишь бы этимъ избѣгались неясныя идеи и возможный при нихъ практическій вредъ. Вѣрныя мысли однако и точныя знанія съ неба не падаютъ, а получаются путемъ постепеннаго развитія и совершенствованія мыслей невѣрныхъ и знаній неточныхъ. Скорѣе руки человѣческія могутъ сотворить чудо и сдѣлать неожиданное, но голова человѣческая дѣйствуетъ послѣдовательнѣе, именно потому, что

она болѣе независима отъ внѣшнихъ вліяній. Верхъ безобразнѣйшей идеализаціи представляла поэтому старая экономическая наука, которая сложила свое оружіе у вопроса о неравномѣрности, дожидаясь, чтобъ сами собою явились точныя знанія о немъ. Но ни сословная косность, ни цеховая идеализація не могутъ быть препятствіями могучему ходу развитія человѣческой мысли. Исторія послѣдней убѣдительно это доказываетъ. Именно въ тѣ времена, когда развитію мысли ставились наибольшія преграды, она возрождалась съ наибольшею силою. Только благодаря этому естественному неудержимому теченію мысли и современная экономическая наука можетъ противодѣйствовать сословной косности. Она успѣла доработаться до результатовъ, дѣлающихъ послѣднюю излишнимъ. Косность не можетъ уже въ настоящее время имѣть основаніемъ всеобщее невѣжество; только необразованность, незнакомство съ результатами науки, можетъ быть ея основаніемъ. Только необразованность вмѣстѣ съ деморализаціею могутъ служить почвою апатичнаго бездѣйствія по вопросу о неравномѣрности.

Одна изъ важнѣйшихъ областей, въ которой противодѣйствіе неравномѣрности предстоитъ еще блестящая будущность, представляется именно государственнымъ хозяйствомъ. Не говоря уже о податной неравномѣрности въ узкомъ смыслѣ, для насъ въ данномъ случаѣ важнѣе противодѣйствіе, которое раньше или позже будетъ вызвано современными государственно-долговыми порядками. Наука въ настоящее время заступается за государственные долги. Но это далеко не значитъ, что она защищаетъ ту неравномѣрность, которая ими поддерживается. Неравномѣрность, о которой въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь, касается единственно области матеріальнаго богатства. Неудобства и бѣдствія, вызываемыя въ послѣдней неравномѣрностью, велики. Но онѣ были бы жертвами, которыя народы охотно приносили бы, еслибъ ими искупались пріобрѣтенія въ другихъ областяхъ, моральной, интеллектуальной, правовой, политической. Не тѣмъ главнымъ образомъ возбуждаетъ противъ себя государственно-долговая система, что она усиливаетъ неравномѣрность, а тѣмъ, что послѣ этихъ громадныхъ расходовъ и жертвъ матеріальнымъ благосостояніемъ, народы остаются только при томъ же невещественномъ благосостояніи, которое они себѣ выработываютъ внѣ политической сферы своей, — что необходимость жертвъ отрицалась и оспаривалась еще до того, какъ онѣ были принесены, — что онѣ были прямо и косвенно вынуждены, вопреки ихъ природѣ, — что онѣ вовсе не служили на пользу обще-народнымъ интересамъ, а только сословнымъ.

Только съ этой точки зрѣнія и имѣютъ свое значеніе и разсужденія экономистовъ о вліяніи государственно-долговой системы на усиленіе неравенствъ. Это значеніе — не принципіальное, а чисто-историческое.

Современные государственно-долговые порядки—только прямое продолженіе и дополненіе того, что государственное хозяйство представляетъ наблюденію въ области податей въ тѣсномъ смыслѣ слова. И здѣсь, и тамъ одинаково преобладаетъ сословность, интересы соціальные отдѣльныхъ общественныхъ классовъ. Мы видѣли эту сословность въ сферѣ податной. Мало того, что основное начало современнаго податного обложенія чисто сословнаго свойства, государственные займы даютъ еще новую, добавочную поддержку превратнымъ системамъ обложенія.

Но государственные долги имѣютъ для насъ при этомъ еще и другое значеніе. Ими западно-европейская буржуазія не только спасала свой капиталъ, но еще сверхъ того сама утилизировала государство, какъ сберегательную кассу. Мало того: она пользуется правительственнымъ путемъ, вопреки всякому laisser faire, для того, чтобъ обезпечивать себѣ непрерывную и вѣчную доходность капитала. Это—тоже droit au travail, но только au rebours. Соціалисты требовали для рабочихъ гарантированной доходности труда, и видѣли крайнюю гарантію этой доходности въ налогѣ. Путемъ «вѣчныхъ рентъ» капиталистамъ удалось добыть себѣ такую же точно гарантію доходности капитала путемъ налоговъ, изъ которыхъ уплачиваются проценты по государственнымъ долгамъ. Не нужно терять изъ виду глубокаго экономическаго различія между доходностью капитала, помѣщеннаго въ частно-хозяйственной сферѣ, и доходностью капитала, отданнаго въ долгъ государству. Первый капиталъ самъ воспроизводитъ свой доходъ и не долженъ необходимо возбуждать антагонизма интересовъ. Второй, напротивъ, самъ своего дохода не воспроизводитъ. Не хозяйственная производительность, а податныя силы—источники его доходности. Для того, чтобъ по этому капиталу могли быть уплачиваемы проценты, необходимо, чтобъ чей-либо частно-хозяйственный капиталъ или чей-либо трудъ уменьшилъ *свою* доходность. Здѣсь одинъ капиталъ доходенъ на счетъ другого капитала или труда. Такимъ образомъ, не только налоги не должны трогать капитала — этого мало. Если его все-таки придется взять, онъ долженъ быть взятъ путемъ займа, т.-е. съ тѣмъ, чтобы былъ возможенъ будущій возвратъ, и чтобы по нему продолжали получаться проценты, чтобъ онъ былъ также доходенъ, какъ еслибъ не былъ взятъ вовсе, чтобъ безвозвратно брались только подати, т.-е. опять-таки одинъ чистый доходъ.

Въ Западной Европѣ государственные долги дѣйствительно были средствомъ, которымъ капиталу гарантировалась непрерывная доходность. Капиталы накоплялись въ такое время, когда образованіе буржуазіи далеко не такъ же быстро шло впередъ, когда далеко не такъ легко ей было придумывать новымъ капиталамъ новыя помѣщенія, когда попытки открывать новыя помѣщенія, при невѣжествѣ и необузданности любостяжательныхъ стремленій, влекли за собою тяжкіе кризисы и безпримѣрнѣйшія растраты капиталовъ. Понятно, что при этихъ обстоятельствахъ вѣрное, спокойное помѣщеніе въ государственныхъ фондахъ могло имѣть и преимущество. Весьма вѣроятно, что безъ страшнаго возрастанія государственныхъ долговъ, растраты и безумныя спекуляціи имѣли бы еще бóльшіе размѣры. Во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ вѣроятно, что безъ подмоги податей ссудный процентъ не возвысился бы такъ сильно, какъ онъ повысился въ теченіи послѣднихъ 40-ка лѣтъ. Доходность доброй половины частно-хозяйственныхъ сбереженій была гарантирована налогомъ, государство находилось въ зависимости отъ крупнаго капитала, фондами сверхъ того еще можно было и играть, какъ костями, и выигрывать большія суммы. Чего еще было нужно? Можетъ быть не такой ходъ приняла бы жизнь, еслибъ экономическому прогрессу предшествовалъ болѣе глубокій моральный и интеллектуальный прогрессъ. Но во все это время въ наукахъ процвѣтали больше *отрицательныя* направленія: наукамъ приходилось еще только *расчищать* себѣ поле, онѣ сами оказались отставшими и безсильными помочь своему времени. Ругались, правда, много: но это только злило. Или же науки продолжали еще переживать періодъ смиренности: не сразу вѣдь люди пріучились уважать голосъ науки. Да и научились ли уже теперь — еще великій вопросъ. Вопросы о внесеніи практическаго элемента въ воспитаніе и обученіе до сихъ поръ раздѣляютъ педагоговъ. Ученые до сихъ поръ продолжаютъ спорить объ отношеніи науки къ жизни. Такимъ образомъ, основные элементы и до сихъ поръ еще въ такомъ состояніи, что, сознавая всю ненормальность происходящаго предъ глазами, приходится все-таки признаваться въ немощности жизни — избѣгнуть зла въ ея цѣлости. Могло ли выдти что-либо иное въ теченіи 100 лѣтъ до насъ?

Про западно-европейскіе государственные долги нельзя говорить, что ихъ можно объяснить исключительно одною, или другою основною причиною. Перечисленіе мотивовъ, которыми въ указахъ объясняется, для чего и почему заключается заемъ, также мало объяснитъ дѣло: законодатель можетъ и не видѣть тайныхъ пружинъ, вліяющихъ на его волю и толкающихъ его по

тому или иному направленію (законодатель вѣдь не ученый, и глубину можетъ замѣнять вѣскимъ авторитетомъ), или онъ можетъ скрывать эти причины (примѣры бывали не разъ). Только строго-научное изслѣдованіе, сравнительно-историческое и статистическое, безъ всякихъ предвзятостей, безъ трусливой смиренности, — вотъ что единственно выяснитъ эту часть. Но врядъ ли вся эта работа будетъ подъ силу одному человѣку, даже при долговѣчной жизни. Остановился же Небеніусъ, когда онъ долженъ былъ перейти именно къ этой части своей работы, да еще самъ забраковалъ свою первую попытку.

IX.

Тѣсныя рамки, въ которыя замыкаетъ пользованіе государственнымъ кредитомъ г. Вреденъ, раздѣляетъ глубокою пропастью ученіе его отъ ученія Дитцеля. Глубокая соціально-политическая идея у послѣдняго, несомнѣнный отблескъ и отраженіе соціалистическихъ (преимущественно сенсимонистскихъ и прудоновскихъ) идей, а именно, что государственный кредитъ представляетъ собою тотъ мостъ, по которому частно-хозяйственные капиталы должны пойти на цѣли, непосредственно связанныя съ благосостояніемъ общимъ, а не частнымъ, — эта идея безслѣдно исчезаетъ въ ученіи г. Вредена.

Въ ученіи Дитцеля важны были въ особенности два пункта. Во-первыхъ, онъ настаивалъ на томъ, чтобъ цѣль не смѣшивали со средствами, и что неодобреніе первой не доказываетъ необходимость признанія и послѣдняго превратнымъ: «Крупные доходы во всякомъ случаѣ допускаютъ и болѣе крупное злоупотребленіе; но это порицаніе касается не кредита, а политическихъ цѣлей и намѣреній, неспособности и безнравственности правительствъ». Этими словами въ самомъ началѣ своей книги, на стр. 10-й ея, Дитцель уже устранялъ цѣлый рядъ доводовъ противъ своей темы. За симъ, второй пунктъ касается той смѣлой его идеи, которая сразу вносила въ финансовую науку результатъ долголѣтней теоретической и практической борьбы стараго съ новымъ. Государство имѣетъ активную роль въ прогрессѣ культуры и представляетъ единственную сферу общежитія, съ помощью которой только и могутъ быть сдѣланы извѣстные шаги въ прогрессивномъ движеніи народовъ. Дитцель не говоритъ ясно, какіе это именно шаги, но важнѣе всего было то, что государство являлось для него не однимъ только охранителемъ результатовъ, добытыхъ внѣ его, а само активно принимало участіе въ положительной выработкѣ этихъ результа-

товъ. И еще важнѣе было то, что Дитцель приводилъ въ связь прогрессивную роль государства со всѣми остальными сторонами матеріальнаго прогресса, и въ послѣднемъ видѣлъ выработываніе почвы для другихъ сторонъ прогрессивнаго развитія культуры. Свободные капиталы, которые играютъ такую крупную роль въ ученіи Дитцеля, означали эту матеріальную почву, уже вполнѣ приготовленную, уже ненужную для того, чтобъ на ея основаніи идти далѣе по пути *матеріальнаго* прогресса, отъ этой соціальной цѣли освобожденную именно развитіемъ культуры и поэтому получающую высшее назначеніе— служить цѣлямъ невещественнаго прогресса. Дитцель, такимъ образомъ, утверждалъ не только то, что государство принимаетъ активное участіе въ выработываніи культуры (это значеніе имѣютъ его идеи о производительности государства), но что, сверхъ того, сама частно-хозяйственная сфера, шествуя по тому пути прогресса, который она сама себѣ прокладываетъ, раньше или позже должна достигнуть конца этого пути съ суммою средствъ, не находящихъ себѣ примѣненія на старомъ поприщѣ. Тогда-то принимаетъ ее въ свои границы государственная сфера со всѣмъ, что она съ собою приноситъ, чтобъ повести ее по новому пути далѣе.

Съ этими идеями можно спорить, и сильно спорить. Но во всякомъ случаѣ для этого нельзя пользоваться тѣмъ, что Дитцель, разъясняя свои мысли въ частностяхъ, не всегда умѣлъ удерживаться на одной высотѣ. Намъ кажется, что въ такомъ общемъ видѣ формулированныя, онѣ являются вполнѣ безспорными. Ошибка Дитцеля заключалась въ слишкомъ поспѣшномъ примѣненіи ихъ къ современной жизни и желаніи этими идеями объяснять явленія, которыя не ими вовсе объясняются. Доказывать, что государству можетъ принадлежать активная роль въ прогрессивной выработкѣ культуры, что частно-хозяйственная сфера сама для нея выработываетъ матеріальныя условія, еще не то же самое, что доказать производительность современныхъ государственныхъ долговъ или свободность тѣхъ капиталовъ, которые въ настоящее время являются на ссудный рынокъ. Именно въ послѣднія два столѣтія, въ которыя всего более развился государственный кредитъ, активная роль государствъ въ исторіи прогресса была болѣе отрицательная, чѣмъ положительная. Это—столѣтія борьбы съ государствами, непрерывныхъ нападокъ на нихъ и сосредоточенія всей ихъ активности на вопросѣ о самозащитѣ и самосохраненіи. Именно последнія два столѣтія выработали съ неслыханною и невиданною до того въ исторіи человѣчества силою и энергіею идеи о

государственной пассивности и о правѣ игнорировать государство (the rigth to ignore the state. Herb. Spencer, Soc. Stat).

Было бы совершенно ошибочно представлять себѣ, что Дитцель, говоря о переходѣ свободнаго капитала, выработываемаго экономическимъ прогрессомъ, въ область государства для содѣйствія споспѣшествуемому государствомъ духовному прогрессу, съумѣлъ возвыситься до той высокой точки зрѣнія, которая, не увлекаясь движеніемъ впередъ жизни *отдѣльныхъ* сословій или *отдѣльныхъ* слоевъ населенія, имѣетъ критеріумомъ прогрессъ движенія впередъ *всей* общенародной жизни. Если несомнѣнно съ одной стороны вліяніе соціалистическихъ идей на Дитцеля, то съ другой стороны несомнѣнно, что это вліяніе было чисто-безсознательное, въ которомъ Дитцель вовсе не отдавалъ себѣ отчета, котораго Дитцель самъ не разбиралъ. Идея объ активномъ участіи государства въ культурномъ прогрессѣ, при содѣйствіи капиталовъ высшихъ слоевъ народа, Дитцелемъ утилизируется, поэтому, далеко не на манеръ соціалистовъ. Онъ ни на волосъ не сходитъ съ сословной точки зрѣнія (см. въ особ. его соч. стр. 62 — 66). Прогрессъ, который государство выработываетъ, выходитъ у него чисто сословнымъ, и низшему классу рѣшительно все равно, гдѣ и какъ капиталы высшихъ классовъ утилизируются: въ частно-хозяйственной ли сферѣ, или государственно-хозяйственной. Это онъ не только признаетъ, но, сверхъ того, еще считаетъ доводомъ въ защиту справедливости сдѣланнаго имъ примѣненія соціалистической идеи къ объясненію современной государственно-долговой практики. Противъ государственныхъ долговъ приводили иногда тотъ доводъ, что ими отнимаются у частно-хозяйственной сферы капиталы, на которые можно было бы давать низшему классу занятіе и содѣйствовать и ихъ прогрессивному развитію. Дитцель противъ этого возстаетъ. Онъ утверждаетъ, что во всякомъ случаѣ капиталы, гдѣ и на чтó они ни употреблялись бы, приносятъ пользу своимъ только владѣльцамъ. Кромѣ того, онъ придерживается того, что какова бы ни была судьба отдѣльныхъ членовъ низшаго класса, какъ они ни улучшали бы свое положеніе, самъ по себѣ классъ тѣмъ не менѣе будетъ непрерывно продолжать свое существованіе: если одни члены изъ него выйдутъ, ихъ мѣсто заступятъ другіе, и матеріалъ для этого никогда не истощится.

И въ этомъ-то пунктѣ ученіе Дитцеля имѣетъ особый интерессъ. Утверждая, что члены высшихъ классовъ должны употреблять свои капиталы только для своихъ взаимныхъ сословныхъ нуждъ, онъ исходитъ изъ того, что еслибъ они дали капиталамъ направленіе, болѣе сообразное съ интерессами низшаго

класса, то, при отсутствіи эффективнаго спроса у послѣдня это было бы равносильно безвозмездной отдачѣ капитала, к самоубійству капитала. Нельзя всегда употребить послѣдні тѣ отрасли производства, которыя изготовляютъ вещи, необ димыя низшему классу, по той причинѣ, что низшему кл не на что покупать ихъ.

Ближе присматриваясь къ этимъ доводамъ, въ нихъ, нечно, не находишь и тѣни силы. По Дитцелевской теорі мое помѣщеніе капитала въ государственной сферѣ имѣетъ новное значеніе, т.-е. важенъ государственный кредитъ не процентамъ денежнымъ, которые онъ даетъ возможность по чать владѣльцамъ капитала, а по тому употребленію, кото изъ занятаго капитала было сдѣлано, по его превращенію высшій, духовный капиталъ. Но какъ бы далеко мы ни за дили въ расширеніи понятія капитала, то, что государство производится, въ концѣ концовъ придется признать *съ чис экономической* точки зрѣнія именно господствующей теорі пасомъ для потребленія (Gebrauchswerthe), который къ то еще оно должно уступать безвозмездно своимъ членамъ. Во ком случаѣ, слѣдовательно, капиталъ, перешедшій въ госуд ственно-хозяйственную сферу, будетъ потребленъ. Различіе детъ только то, что въ одномъ случаѣ онъ будетъ потребле своими собственниками, въ другомъ — посторонними людь Кромѣ того однако, совершенно произвольно предположен Дитцеля, что фактъ существованія въ частно-хозяйственн сферѣ цѣлаго класса людей, неспособныхъ предъявить обширны эффективный спросъ, не есть послѣдствіе *извѣстной* стаді экономическаго развитія народно-хозяйственной жизни, а неиз бѣженъ на *всѣхъ* стадіяхъ ея развитія. Главное доказательств Дитцеля слѣдующее: «такой низшій классъ, говоритъ онъ, всегда долженъ будетъ существовать, хотя отдѣльные его члены будутъ мѣняться. Ибо какъ только тѣ, которые состояли въ данное время его членами, начнутъ съ помощью образованныхъ ими для себя капиталовъ, а также и улучшенныхъ качествъ труда — возвышаться надъ своимъ положеніемъ, такъ тотчасъ же, именно вслѣдствіе новаго прироста къ капиталу, возникнетъ новый спросъ на трудъ и рабочихъ, который вызоветъ возможность размноженія населенія. Этою возможностью воспользуются тѣ, для которыхъ удовлетвореніе половой потребности — достаточный источникъ наслажденія, и такимъ образомъ возникнетъ классъ людей, принужденныхъ довольствоваться самымъ крайнимъ». Главный доводъ Дитцеля, другими словами выраженный, имѣетъ такимъ образомъ такой видъ. Есть люди, которымъ невѣдомо разнообразіе источниковъ наслажденій, выработ-

танныхъ культурою. Самое крайнее ихъ удовлетворяетъ; половая потребность — ихъ источникъ наслажденій. До извѣстной степени это, конечно, справедливо. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Очевидно, одно изъ двухъ: или что тотъ, который отрицаетъ возможность перемѣны ихъ положенія, этимъ только закрываетъ свою бѣдность въ средствахъ, которыя были бы нужны для достиженія подобной цѣли. Или же, что сколько бы ни употреблялось средствъ, людей не измѣнишь. Такъ какъ послѣднее — абсурдъ, то остается только первое предположеніе. И въ самомъ дѣлѣ, въ основѣ всѣхъ идей, схожихъ въ разсматриваемомъ пунктѣ съ Дитцелевскою, всегда лежитъ нежеланіе сознаться въ собственной немощности предъ великою задачею.

Собственно говоря, это-то всего лучше и свидѣтельствуетъ, до какой степени безотчетно Дитцель подвергся соціалистическому вліянію.

Мысль, что кредитъ послужитъ мостомъ чрезъ пропасть, отдѣляющую классъ капиталистовъ отъ рабочихъ, что кредитъ призванъ и будетъ играть главную роль въ рѣшеніи рабочаго вопроса, эта мысль далеко не нова и съ разныхъ сторонъ къ ней приходили и соціалисты, и экономисты. Если возможно продолженіе работъ, которыя привели къ этимъ мыслямъ, то несомнѣнно оно должно касаться того, какъ эта мысль будетъ примѣнена въ дѣйствительности. И вотъ тутъ-то важна въ особенности идея Шеффле, что такое призваніе имѣетъ *частный* кредитъ, а не государственный. Увеличенные размѣры накопленія капиталовъ и производимыхъ богатствъ съ силою физическою, необходимо влекутъ за собою кредитный обмѣнъ. При этомъ распространяющееся употребленіе машинъ, эмансипирующее человѣка отъ роли источника физической силы, вмѣстѣ съ распространяющимся въ низшихъ классахъ образованіемъ, оживляющимъ ихъ интеллектуальныя силы, создаютъ цѣлые новые классы лицъ, нуждающихся въ кредитѣ и достойныхъ его. Образованіе экономическое превращаетъ интеллектуальныя и моральныя силы въ предпріимчивость, а рабочаго или его потомка въ человѣка, которому нуженъ только личный кредитъ, чтобъ стать предпринимателемъ. Такимъ образомъ, образованность, кредитъ и перемѣщеніе физическаго фактора на природу,—вотъ тотъ мостъ, который ведетъ отъ рабочаго сословія къ предпринимательскому, отъ бѣдности къ состоятельности. Сама практика работаетъ съ разныхъ концевъ надъ постройкою этого моста. Съ одной стороны, она создаетъ капиталы, нуждающіеся въ сбытѣ, который они находятъ только при кредитѣ, и съ другой она создаетъ лицъ, въ кредитѣ нуждающихся и его достойныхъ Менѣе всего,

конечно, при этихъ условіяхъ можно говорить объ излишнихъ для частно-хозяйственной сферы капиталахъ.

Такимъ образомъ, то, что наиболѣе блестяще въ теоріи Дитцеля, является идеею, безсознательно заимствованною, плохо переваренною, а сверхъ того примѣненною туда, куда она совсѣмъ не идетъ.

У г. Вредена мы совсѣмъ не встрѣчаемъ разсужденій на эту тему, но не потому, что критическая провѣрка убѣдила его въ неважности соціально-политическихъ соображеній для теоріи государственныхъ долговъ. Скорѣе, отсутствіе достаточно подробнаго анализа соціально-политической стороны дѣла было у г. Вредена послѣдствіемъ строго-финансовой точки зрѣнія на него. Ученый изслѣдователь имѣетъ, конечно, полное право замыкать свою тему въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ онъ для себя считаетъ наиболѣе удобнымъ ее разработывать. Но тогда его изслѣдованіе не можетъ уже претендовать на цѣльность и на то, что предметъ имъ весь исчерпанъ. Отсутствіемъ этой цѣльности и страдаетъ главнымъ образомъ книга г. Вредена.

Заканчивая нашъ разборъ, мы не можетъ не указать на другой недостатокъ книги г. Вредена—полнѣйшую необработанность ея внѣшней стороны. Чтеніе книги представляетъ столько препятствій уже однимъ внѣшнимъ построеніемъ фразы, которою г. Вреденъ выражается, — самыя простыя вещи у него выражены до такой степени неясно, что неудивительно, если найдется мало читателей, которые въ состояніи будутъ дочитать «Финансовый Кредитъ» до конца. Наконецъ, книга повидимому составлена изъ замѣтокъ, въ разныя времена записанныхъ, весьма поспѣшно собранныхъ и далеко не выровненныхъ. Для невнимательнаго читателя или любителя ловить внѣшнія противорѣчія при чтеніи, книга г. Вредена представляетъ такихъ противорѣчій массу. Очень жалко, что г. Вреденъ въ такомъ видѣ выпустилъ свое изслѣдованіе, для безпристрастнаго читателя несомнѣнно цѣнное. Менѣе всего *у насъ* слѣдуетъ появляться предъ публикой въ такомъ видѣ, который обусловливаетъ необходимость просить извиненія за небрежную наружность. Извинить-то, можетъ быть, и наша публика извинитъ: но врядъ ли она это сдѣлаетъ *по* прочтеніи книги, а не *до* прочтенія.

И. Кауфманъ.

ПЯТЬ ДНЕЙ

на

ВЫСТАВКѢ ВЪ МОСКВѢ.

(Письма туриста).

I.

Я выѣхалъ изъ Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ съ цѣлью побывать въ Москвѣ, на выставкѣ, и дальше за Москвой. Подъ вліяніемъ бесѣды съ сосѣдями по вагону, давнишняго, проснувшагося желанія посмотрѣть Волгу, и грустнаго однообразія прилегающей къ желѣзной дорогѣ мѣстности, состоящей изъ болотъ, кустарника и изрѣдка чернѣющихся деревень, я оставилъ въ Твери свой вагонъ съ тѣмъ, чтобы до Нижняго ѣхать на пароходѣ, а оттуда въ Москву по желѣзной дорогѣ. Мы ѣхали на пароходахъ общества „Самолетъ", раздражающихъ всякаго туриста неопредѣленною продолжительностью своихъ стоянокъ у пристаней. Всѣ приволжскіе города—историческіе, (Угличъ, Кострома, Молога и пр. [1]); въ большинство изъ нихъ хочется заглянуть, чтобы ознакомиться хоть съ внѣшностью, а между тѣмъ, это рѣшительно невозможно. У какого-нибудь городка пароходъ остается полчаса, и этого времени пожалуй достаточно, чтобы познакомиться съ его видомъ, но уйти съ парохода опасно, потому что продолжительность стоянки опредѣляется не временемъ, а фразой: „какъ примемъ грузъ и дрова, такъ сейчасъ же и отвалимъ". Въ Костромѣ, напримѣръ, мы простояли около двухъ часовъ; а между тѣмъ на мой вопросъ, сколько мы останемся у пристани? я получилъ въ отвѣтъ:

[1]) Отъ Твери до Нижняго 14 городовъ.

„около получаса“. Наконецъ, я пріѣхалъ въ Москву и утромъ же пошелъ въ Кремль.

Какъ человѣкъ уже бывалый на большихъ выставкахъ, я составилъ себѣ предварительно краткую программу. первый день посвятить бѣглому ознакомленію со всей выставкой и болѣе внимательному съ ея отдѣлами наименѣе интересными; три слѣдующихъ дня—для отдѣловъ болѣе значительныхъ. По прежнимъ опытамъ мнѣ думалось, что для туриста совершенно достаточно провести на выставкѣ дня четыре, оставаясь на мѣстѣ выставки съ 11 часовъ утра и до 8 вечера. Увы, однако! мое распредѣленіе оказалось несостоятельнымъ. Пробродивъ по Кремлевскимъ садамъ цѣлый день, я вернулся домой ничего, можно сказать, не видѣвъ, крайне усталый и съ цѣлымъ коробомъ непріятныхъ впечатлѣній, вслѣдствіе разбросанности, безпорядка выставки и отсутствія общаго путеводителя. Во-первыхъ, выставленные предметы оказались размѣщенными на такомъ большомъ и пересѣченномъ пространствѣ, что человѣку новому, пріѣзжему, положительно необходимо нѣсколько часовъ утомительной ходьбы только для ознакомленія не съ выставкой, а съ ея мѣстностью. Второе важное неудобство, это разбросанность однородныхъ предметовъ по разнымъ садамъ и отдѣламъ; такъ, напримѣръ: искусственные цвѣты я встрѣтилъ въ отдѣлахъ садоводства и промысловыхъ животныхъ; пожарные насосы—въ отдѣлахъ сельско-хозяйственномъ, гидравлическомъ и желѣзно-дорожномъ; кровати—въ садовомъ, сельско-хозяйственномъ, севастопольскомъ и еще гдѣ-то; уголь—въ горномъ и морскомъ; швейныя машины—въ разныхъ отдѣлахъ; нашего общаго знакомца, капли отъ зубной боли Маіевскаго въ севастопольскомъ отдѣлѣ; рекламу о какомъ-то бальзамѣ отъ холерины и зубной боли мнѣ вручили также въ севастопольскомъ и еще въ какомъ-то другомъ (кажется, медицинскомъ) отдѣлѣ, и пр. и пр. Третье неудобство—дороговизна, вы платите за входъ 1 рубль (абонементныхъ билетовъ нѣтъ), и кромѣ того каждый день непремѣнно оставите нѣсколько рублей въ ресторанахъ выставки, вслѣдствіе весьма высокихъ буфетныхъ цѣнъ [1]). Четвертое неудобство—отсутствіе частныхъ указателей [2]) и совершенная непригодность, какъ гида, продающейся по полтиннику книги „Общее Обозрѣніе Выставки“. Можно бы указать и на нѣкоторыя другія неудобства, но и сказаннаго достаточно. Была еще надежда, что первый бѣглый осмотръ познакомитъ съ идеею выставки, но и въ этомъ отношеніи разочарованіе

---

[1]) Такъ, напримѣръ, бифстекъ стоитъ 95 коп. А между тѣмъ нельзя не пользоваться внутренними буфетами, потому что каждый выходъ изъ сада связанъ съ потерею права входа безъ вторичной платы рубля.

[2]) Со второй половины іюня продавались только три частныхъ указателя: морской, артиллерійскій и первая часть желѣзно-дорожнаго.

было полное: пришлось остановиться на невозможномъ предположеніи, что выставка не имѣетъ идеи. По экспонированнымъ предметамъ, она, ни русская, ни международная, ни историческая, что впрочемъ нисколько не лишаетъ ее богатства содержанія. Возвращаясь домой въ первый день, я думалъ про себя слѣдующее: будь я москвичъ, я непремѣнно, по примѣру нашихъ предковъ, отправилъ бы гонцовъ на сѣверъ, въ Петербургъ, и поручилъ бы тамъ сказать: „Выставка наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; пріидите", и проч.

Убѣдившись такимъ образомъ въ первый же день, какъ мало сдѣлано для удобствъ посѣтителей выставки [1]), я запасся всѣми имѣвшимися указателями, лично узналъ, гдѣ и въ которомъ часу бываютъ устныя объясненія, и рѣшился посвятить вечеръ на подготовленіе себя дома по книжкамъ къ послѣдующимъ посѣщеніямъ. При отсутствіи общаго вида и богатствѣ содержанія выставки такое подготовленіе крайне необходимо и составляетъ единственное средство сберечь время (а здѣсь дѣйствительно *время—деньги*) и съ толкомъ ходить по лабиринту выставки.

Прежде всего меня интересовало узнать задачу или идею, которую учредители выставки желали осуществить ею. Благодаря любезности одного изъ сотрудниковъ комитета, я получилъ оффиціальную брошюру: „Политехническая Выставка 1872-го года", которая на вопросъ объ идеѣ, дала мнѣ положительный отвѣтъ. Въ этой книжкѣ, на стр. 15, сказано слѣдующее: „Главная особенность политехнической выставки 1872-го года, отличающая ее отъ всѣхъ прочихъ выставокъ, до сихъ поръ происходившихъ, заключается въ томъ, что она должна представлять въ своемъ составѣ по возможности систематическія коллекціи предметовъ, исчерпывающія тѣ части въ области спеціальныхъ естественно-историческихъ и техническихъ наукъ, которыя имѣютъ соприкосновеніе съ обыденной жизнью и ея практическими требованіями.... Политехническая выставка составитъ родъ временнаго музея, *исключающаго лишнія повторенія* и стремящагося представить возможно наглядную и понятную картину современнаго состоянія различныхъ вопросовъ практической жизни. *Общедоступность содержанія, интересъ его, какъ для спеціалистовъ, такъ и для массы публики, возможность вызвать полезныя послѣдствія полезными указаніями—являются главными задачами предпріятія*, и оно естественно должно совмѣстить поэтому бо́льшій рядъ выгодъ и результатовъ, какъ для публики, такъ и для разныхъ отраслей промышленности, хозяйства и искусствъ, чѣмъ могли этого достигнуть выставки ману-

[1]) Кстати, еще примѣръ нераспорядительности. У одной аллеи стоитъ столбикъ съ надписью: «входъ въ манежъ». Манежа около не видно, а стрѣлки, указывающей направленіе, въ которомъ слѣдуетъ его искать, не нарисовано.

фактурныя, сельско-хозяйственныя и другія, основанныя на принци сравнительнаго поощренія. Исключая принципъ поощренія и всяк соревнованіе на выставкѣ между отдѣльными производителями, пол техническая выставка представляетъ весьма существенную особеннос и въ самомъ допущеніи экспонентовъ къ участію въ выставкѣ

Нельзя не признать этой идеи прекрасною, но въ то же вре сама нынѣшняя выставка доказываетъ, какъ мы увидимъ, что эта ид неприложима, а потому въ практической жизни малоцѣнна.

II.

Сегодня я провелъ день въ первомъ кремлевскомъ саду, въ кото ромъ находится большинство отдѣловъ выставки; а именно: приклад ной ботаники и садоводства, промысловыхъ животныхъ, геолого-мине ралогическій и горнозаводскій, педагогическій, кустарной промышлен ности, техническій, часть медицинскаго, туркестанскій, кавказскій и дѣйствующихъ машинъ. Одно такое перечисленіе и притомъ одного перваго сада говоритъ достаточно, что отъ одного лица нельзя ожи дать полнаго отчета о политехнической выставкѣ въ Москвѣ; это можетъ быть результатомъ развѣ коллективнаго труда многихъ и многихъ спеціалистовъ.

Я обѣщаю воздержаться отъ подробностей даже и въ тѣхъ отдѣ лахъ, которые входятъ въ кругъ моей спеціальности, и останусь вездѣ вѣренъ своей ролѣ туриста.

Подъѣзжая къ выставкѣ съ Воскресенской площади, я могъ начать свой обзоръ наиболѣе удобно, т.-е. съ перваго сада. Отдѣлу садовод ства (№ 1 и 2), который у самаго входа, я удѣлилъ, въ чемъ и каюсь, очень немного времени. Для непосвѣщенныхъ въ садовую науку этотъ отдѣлъ мало интересенъ. Правда, я видѣлъ въ немъ великолѣпные образцы пальмъ *комнатной* культуры; но, увы! въ комнатахъ, которыя служатъ жилищемъ обыкновеннымъ смертнымъ, подобныхъ пальмъ ни за что не вывести: они любятъ покои, способные вмѣстить сотни лю дей, въ которыхъ однако обитало бы не болѣе двухъ или трехъ счаст ливцевъ, и уходъ отличнаго садовника. Заслуживаютъ также вниманія образцы восковыхъ моделей доктора Циглера изъ Фрейбурга, служащіе для исторіи развитія зародышей растеній. Что касается до выстав ленныхъ тутъ же искусственныхъ цвѣтовъ госпожи Крамида, то многіе изъ нихъ дѣйствительно прекрасны, но есть и чисто лубочныя про изведенія, напр., образчикъ моркови; нехороши также листья у образ цовъ смородины.

Послѣ отдѣла садоводства я посѣтилъ небольшой павильонъ № 9, гдѣ можно любоваться каменными гранеными, очень цѣнными издѣ-

ии [1]) и затѣмъ вступить въ отдѣленіе (№ 8) геолого-минералоги-
ское и горнозаводское. При самомъ входѣ помѣщены модели ин-
ументовъ, употребляемыхъ при буравленіи артезіанскихъ колодцевъ.
іалистъ этого дѣла, горный инженеръ Никольскій, любезно зна-
итъ желающихъ съ важнѣйшими частностями и трудностями по-
ихъ предпріятій. Далѣе, вы видите издѣлія нашихъ замѣчатель-
шихъ горныхъ заводовъ [2]); образцы рудъ [3]), какъ нашихъ, такъ и
странныхъ; образцы сибирскаго и финляндскаго графита; массу
делей (употребительныхъ и даже неупотребительныхъ) устройствъ
я механической и химической обработки рудъ; много прекрасныхъ
рографическихъ и геологическихъ картъ, виды горныхъ мѣстностей
портреты геологовъ, минералоговъ и химиковъ. Наибольшее же
иманіе посѣтителей останавливаютъ модели соляного производства
каменноугольная часть отдѣла. Здѣсь, между прочимъ, имѣется
одель въ натуральную величину угольнаго рудника, въ которомъ
саженъ манекенъ работника, ломающаго уголь. Въ этой части па-
льона, среди образцовъ русскаго угля изъ различныхъ мѣстностей,
ельзя не застояться. Боже мой, думаешь невольно, какъ мы богаты
инеральнымъ топливомъ, которымъ не можемъ однако пользоваться
зъ-за дороговизны доставки [4]). Кто былъ на выставкѣ, тотъ вѣроятно
е пропустилъ этой части павильона и обратилъ вниманіе на нахо-
ящуюся здѣсь громадную глыбу антрацита, свидѣтельствующую о
олщинѣ слоевъ и богатствѣ донецкихъ залежей. Въ этой глыбѣ мы
идимъ искру надежды сохранить отъ лѣсовъ хотя остатки. Въ томъ
е павильонѣ обращаетъ на себя вниманіе модель горнозаводской
проволочной желѣзной дороги, системы Христіана Таля. Канаты про-
тянуты на такой высотѣ отъ земли, чтобы подъ ними могли висѣть
вагоны, имѣющіе колесныя оси сверху. Говорятъ, что, при обрывѣ
ной проволоки, вагоны только наклоняются немного, но могутъ
одолжать свое движеніе. Эта модель интересна и для спеціалистовъ,
для людей совершенно незнакомыхъ съ подобными дорогами. Вообще
носительно этого отдѣла мы можемъ сказать, что задача, которую
ѣли въ виду его учредители, выполнена весьма удовлетворительно
безъ отступленій. Отдѣлъ желалъ дать публикѣ „наглядное объ-
ясненіе наружнаго образованія земного шара съ помощью картъ,

---

[1]) Изъ прекрасныхъ вещей здѣсь выставленныхъ болѣе обращаютъ на себя вни-
ніе мозаичные столики и шкатулка, бывшіе на парижской выставкѣ и принадлежащіе
сударынѣ Императрицѣ, и малахитовый столъ отъ Шпергазе.

[2]) Интересна проволока, экспонированная гг. Балашевыми, которой кусокъ вѣсомъ
оло 10 фунтовъ, говорятъ, имѣетъ въ длину около 9 верстъ.

[3]) Мѣдный самородокъ, выставленный Поповымъ вѣситъ около 24 пудовъ.

[4]) Такъ, напримѣръ, Донецкій антрацитъ на мѣстѣ стоитъ около 8 коп. за пудъ,
въ Царицынѣ обойдется около 23 коп. за пудъ!

рельефовъ, разрѣзовъ и таблицъ; внутреннее образованіе земной ко... также съ помощью разрѣзовъ, картъ, палеонтологическихъ и геог... стическихъ коллекцій; горныя работы и инструменты, употребляем... вообще при горныхъ работахъ; инструменты и снаряды, употребляем... для горныхъ развѣдокъ; буровыя работы; выработка развѣданны... мѣсторожденій; способы освобожденія рудниковъ отъ воды, ихъ ос... щеніе и провѣтриваніе; тушеніе рудничныхъ пожаровъ; доставка д... бытыхъ матеріаловъ; заводская обработка рудъ, съ показаніемъ моде... машинъ, орудій, печей и различныхъ стадій продуктовъ; фабричн... и художественныя произведенія изъ минераловъ и минералогическ... систематическія собранія". Вотъ цѣль, которую имѣли въ виду учр... дители; павильонъ № 8 даетъ, впрочемъ, больше. Въ немъ устрое... еще особенное отдѣленіе для лѣсной горнозаводской промышленност... не успѣвшее войти даже въ „Общее обозрѣніе выставки". Это отдѣле... ніе—изъ двухъ частей: статистической, состоящей изъ собранія карт... рисунковъ и таблицъ, относящихся къ лѣснымъ дачамъ при горныхъ заводахъ Россіи, и технической, состоящей изъ собранія моделей печей для переугливанія дерева и сараевъ для храненія угля. Выставленные образцы составляютъ идеалъ углежженія: мы видѣли, напримѣръ, полѣно, обращенное въ легкій, немаркій уголь, и совершенно неизмѣнившее своей первоначальной формы. Нельзя не замѣтить однако, что это отдѣленіе помѣстилось весьма неудачно. На выставкѣ имѣется особый лѣсной павильонъ, составляющій коллекцію моделей по углежженію, и притомъ тѣхъ способовъ, которые въ Россіи наиболѣе употребительны. Еслибъ лѣсное отдѣленіе горнаго павильона вошло, какъ бы слѣдовало, въ составъ лѣсного отдѣла, то коллекціи взаимно дополняли бы другъ друга, и всякій одновременно видѣлъ бы углежженіе, и какъ оно есть, и какимъ должно быть.

По выходѣ изъ павильона № 8, нельзя было не обратить вниманія на прекрасные жернова (уральскіе, французскіе и нѣмецкіе), помѣщенные снаружи.

Слѣдующій отдѣлъ, по порядку расположенія, туркестанскій (№ 25). Этотъ отдаленный край явился на выставку съ особою, самостоятельною цѣлью — напомнить о себѣ соотечественникамъ и наглядно познакомить ихъ, какъ съ своими туземными обычаями, такъ и со всѣми своими произведеніями, начиная отъ мѣстныхъ солитеровъ, такихъ же гадкихъ, какъ и ихъ европейскія братья, пріютившихся въ павильонѣ № 3, и съ промыслами. Петербургскимъ жителямъ этотъ край имѣлъ уже честь представиться два раза: единолично, въ 1869 году, и въ составѣ мануфактурной выставки въ 1870 г. Вообще его нельзя назвать скромной, застѣнчивой барышней; напротивъ, онъ напоминаетъ собою бравую особу, рѣшившуюся непремѣнно и хорошо пристроиться. На политехнической выставкѣ онъ экспонируется очень умно, полно и ин-

тересно; для устныхъ объясненій имѣется лицо весьма любезное и хорошо знакомое съ краемъ; вообще этотъ азіатецъ ведетъ себя здѣсь, какъ джентльменъ. Туркестанскій отдѣлъ начинается съ самаго фасада занимаемаго имъ павильона, который скопированъ съ самаркандскихъ древнихъ медрессе (духовное училище) [1]). Указатель дробитъ же выставленное на двѣ главныя части: географическую, состоящую изъ рисунковъ и картъ (громадная десятиверстная карта края занимаетъ одну изъ стѣнъ лѣваго, отъ входа, зала), и естественно-историческую. Подъ послѣднимъ наименованіемъ разумѣется все, что имѣется въ павильонѣ по частямъ: минералогической, зоологической, антропологической, сельско-хозяйственной, технической, этнографической и военной. Обозрѣвая эти части, вы легко переноситесь въ изображаемый ими край и наглядно знакомитесь съ его средствами и особенностями. Не удивительно по этому, что въ этомъ отдѣлѣ постоянно толпятся посѣтители и, какъ мы замѣтили, съ большимъ вниманіемъ слѣдятъ за устными объясненіями. Насъ всегда и наиболѣе интересуютъ разсказы двухъ родовъ: или о томъ, что совсѣмъ близко — объ окружающемъ, или о людяхъ и странахъ наиболѣе отдаленныхъ и отличныхъ отъ всего, къ чему мы привыкли. Казалось бы поэтому, что и мнѣ слѣдуетъ описать все, содержимое этимъ отдѣломъ; но это значитъ составить книгу, а я пишу къ вамъ письма съ дороги и прогуливаюсь по выставкѣ, какъ говорится, не по службѣ, а для своего удовольствія. Простите поэтому, если я скажу здѣсь единственно о томъ, что остановило на себѣ мое вниманіе, безъ претензій указывать наиболѣе важное. Въ зоологическомъ отдѣленіи туркестанскаго отдѣла мое вниманіе занялъ слѣдующій разсказъ указателя: „Изъ паразитовъ человѣка, наблюдавшихся въ Туркестанѣ, особенно интересна *ришта* (Filaria medinensis), которая въ теченіи лѣта появляется подъ кожей у жителей Джюзака и Бухары. Зародыши ея живутъ въ водѣ, гдѣ попадаютъ въ маленькихъ водяныхъ рачковъ, циклоповъ, въ нихъ развиваются далѣе и съ питьемъ попадаютъ въ человѣка, у котораго на слѣдующее лѣто и обнаруживаются подъ кожей. Вынимается ришта у людей туземными цирюльниками“. Въ мѣстномъ земледѣліи и представительницѣ его — сельско-хозяйственной части туркестанскаго отдѣла, наиболѣе характерную особенность составляетъ орошеніе. Кромѣ ячменныхъ и пшеничныхъ полей, всѣ остальныя, вслѣдствіе мѣстныхъ климатическихъ условій, нуждаются въ искусственномъ орошеніи и при томъ не въ одинаковой степени; такъ рисовыя поля должны оставаться подъ водою до наступленія жатвы; другія нуждаются въ пе-

[1]) Въ книгѣ «Общее обозрѣніе выставки» имѣется прибавленіе, гдѣ, стр. V, подробно и хорошо описанъ Туркестанскій отдѣлъ. Кромѣ того въ отдѣлѣ продается интересный сборникъ: «Русскій Туркестанъ».

ріодическомъ орошеніи и каждый разъ на нѣсколько часовъ; третьи наконецъ, требуютъ только канавокъ между посѣянными рядами растеній, при чемъ вода изъ канавокъ всасывается почвою и этого вполнѣ достаточно. На основаніи такихъ неодинаковыхъ требованій мѣстные жители стараются расположить свои поля въ видѣ террасъ, уступами. Техническая часть отдѣла плохо рекомендуетъ край, хотя она и довольно разнообразна; здѣсь имѣются произведенія изъ хлопка, шерсти, шелку, камыша, хлѣба, винограда и пр. Мою сосѣдку больше заняли произведенія мѣстныхъ ювелировъ и золотошвейныхъ мастеровъ. На выставкѣ имѣется коллекція лучшихъ работъ этого рода, составленная изъ вещей, поднесенныхъ въ подарокъ Государю Императору и туркестанскому генералъ-губернатору. Но даже эти вещи вблизи неудовлетворительны. Къ тому же, говорятъ, что мѣстные ювелиры по преимуществу употребляютъ фальшивые камни для составленія драгоцѣнныхъ украшеній. Наибольшаго вниманія посѣтителей туркестанскаго отдѣла заслуживаетъ его этнографическое отдѣленіе. Большинство манекеновъ, помѣщенныхъ здѣсь какъ отдѣльными фигурами, такъ и группами, настолько порядочно, что при нѣкоторомъ воображеніи они легко представляются живыми картинами изъ мѣстной жизни, домашней и публичной. Вотъ, напримѣръ, предъ вами какъ бы средне-азіатская базарная площадь: вы видите и дувана (монахъ *нищенствующаго* ордена), пришедшаго за сборомъ подаяній всякаго рода; и сартянку, которой лицо скрыто подъ густою сѣткой изъ конскаго волоса; и поливальщика улицъ—представителя особой мѣстной профессіи; и еврея, обрившаго себѣ голову по мусульманскому обычаю, но и здѣсь, какъ вездѣ, сохранившаго свою вѣру, народность и пейсы; наконецъ, вотъ и киргизское семейство, пробирающееся чрезъ базарную площадь въ степь со всѣмъ скарбомъ на двухъ верблюдахъ, а впереди ихъ, на осѣдланномъ быкѣ, самого хозяина. Далѣе, цирюльня, харчевня, чайная съ тульскимъ самоваромъ, мелочная лавка, магазинъ готоваго платья, женская комната сартянскаго дома и пр.—словомъ, вы въ четверть часа знакомитесь съ главными особенностями обстановки средне-азіатскаго быта. Для полноты впечатлѣнія слѣдуетъ еще посѣтить киргизскую юрту или кибитку, поставленную снаружи у входа въ отдѣлъ и наполненную хозяйственными принадлежностями богатаго кочевника. Въ кибиткѣ находятся девять манекеновъ, представляющихъ киргизовъ разнаго пола и возраста. Говорятъ, что въ хорошей кибиткѣ и зимой тепло и что (отмѣчаю для нашихъ дачниковъ) весь этотъ степной домъ можно въ четверть часа разобрать, навьючить на двухъ или трехъ верблюдовъ и отправиться въ перекочевку. Богатый киргизъ обыкновенно имѣетъ нѣсколько юртъ и нѣсколько женъ (до семи), живущихъ каждая въ особой юртѣ; при чемъ самъ хозяинъ, имѣя резиденцію у старшей, посѣщаетъ остальныхъ поочередно, какъ бы го-

стей. Какъ ни благоразумно размѣщеніе женъ по отдѣльнымъ юртамъ, но надо полагать, что это не избавляетъ хозяина отъ семейныхъ сценъ и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ начнетъ сбиться въ очереди посѣщеній.

Осмотрѣвъ бѣгло нѣсколько отдѣльныхъ павильоновъ съ серебряными и золотыми вещами (16, 17 и 19) и затѣмъ павильоны, способные заинтересовать однихъ медиковъ, напримѣръ, терапевтическій и зубной [1]), или никого, напримѣръ, парфюмернаго и кондитерскаго производства безъ производства, я посѣтилъ раздѣленныхъ сіамскихъ близнецовъ, т.-е. такъ-называемые мануфактурный и техническій отдѣлы (№№ 14 и 15, въ послѣднемъ много иностранныхъ экспонентовъ). Въ этихъ отдѣлахъ, какъ и въ голландской линіи Гостинаго двора, требуется *опытное* и спеціальное око для отличія хорошаго отъ дурного, дешеваго отъ дорогого, почему прошу позволенія пройти молчаніемъ качества мануфактурныхъ издѣлій. Но задача выставки заключается, между прочимъ, въ ознакомленіи посѣтителей не только съ издѣліями, но и съ самыми производствами. Удовлетвореніе этой цѣли въ павильонахъ №№ 14 и 15 было неудобно, а потому большинство изъ дѣйствующихъ механизмовъ мануфактурнаго производства помѣщено въ другомъ мѣстѣ и именно въ манежѣ (№ 30). Срединою технологическаго павильона овладѣлъ кавказскій край. Онъ явился на выставку не для похвальбы своимъ жиденькимъ прогрессомъ, какъ умственнымъ, такъ и техническимъ; а напротивъ, съ прямодушнымъ и серьезнымъ упрекомъ своимъ завоевателямъ. Собравъ все, что только власть можетъ собрать въ странѣ, „гдѣ огромное большинство производителей не понимаетъ значенія выставокъ“ [2]), этотъ изящный и богатый край, какъ бы говоритъ посѣтителямъ: „Неужели, россъ, ты потратилъ для овладѣнія мною такъ много своихъ силъ, чтобы потомъ забыть о моемъ существованіи! Неужели ты прогналъ моихъ подлинныхъ обитателей только для того, чтобы окончательно сгубить мои орѣховые и пальмовые лѣса [3]), чтобы по прежнему давать киснуть моимъ прекраснымъ винамъ [4]), а моимъ пчеламъ дичать въ аромат-

---

[1]) Здѣсь имѣется аппаратъ, выдергивающій больной зубъ безъ боли, но съ платою, кажется, 20 рублей.

[2]) См. Обозрѣніе выставки стр. I.

[3]) Неразсчетливая рубка орѣховаго дерева и нераціональный способъ добыванія наплыва угрожаютъ скорымъ изчезновеніемъ этаго дерева изъ лѣсовъ Закавказья... То же самое нужно сказать и о кавказской пальмѣ, безъ сожалѣнія истребляемой мѣстными промышленниками. См. Обозр. выст., стр. III.

[4]) Пріемы обработки винограда до того просты и чужды всякаго искусства, что получаемый продуктъ, за немногими исключеніями, можетъ держаться только до слѣдующаго урожая и неспособенъ къ перевозкѣ на отдаленныя разстоянія,.. Отчего бы русскимъ капиталистамъ необратить вниманіе на эту отрасль промышленности. См. Обозр. выст., стр. II.

ныхъ лугахъ [1]). Неужели на моихъ тучныхъ, горныхъ пастбищахъ ты не въ силахъ развить молочнаго хозяйства" [2]), и т. д. Къ этой воображаемой рѣчи мнѣ остается прибавить только, что въ кавказскомъ отдѣлѣ есть на что посмотрѣть и любителямъ оригинальныхъ вещицъ, и что въ немъ же помѣстилось наибольшее число швейныхъ машинъ, которыя въ качествѣ приживалокъ, встрѣчаются во многихъ отдѣлахъ. Посѣтители, повидимому, нисколько не интересуются послѣдними, а зауряд не обращаютъ вниманія и на новинку, самодѣйствующую швейную машину.

Познакомившись затѣмъ съ фабрикаціей шпалеръ (въ № 18), я вошелъ въ небольшой павильонъ кустарной промышленности (№ 13), относительно которой различные обозрѣватели выставки не могутъ сойтись во взглядахъ. Одни говорятъ, что машинная фабрикація настолько выгоднѣе ручной, что поддерживать и улучшать послѣднюю, т.-е. такъ-называемую кустарную промышленность, въ нашъ вѣкъ „чистая блажь", безсмыслица. Другіе, на сторону которыхъ и мы становимся, относятся къ вопросу иначе. Соглашаясь въ отсутствіи будущаго у кустарной промышленности, они помнятъ, что *кустарниковъ* въ Россіи сотни тысячъ, почти не цѣнящихъ своего времени въ теченіи долгихъ зимъ или занимающихся ручной фабрикаціей круглый годъ, вслѣдствіе дурного качества окружающихъ земель и давняго обычая. Поэтому гуманно и либерально относится къ вопросу не тотъ, который, забывая кустарниковъ, презрительно смотритъ на кустарную промышленность съ высоты многоэтажной фабрики, а тотъ, кто или указаніемъ лучшихъ ручныхъ пріемовъ старается сдѣлать трудъ кустарниковъ болѣе выгоднымъ, или надѣется распространеніемъ въ ихъ кругу техническаго образованія, безъ насилій сосредоточить вниманіе этой массы производителей на такихъ ручныхъ работахъ, которыя не особенно боятся сосѣдства большихъ фабрикъ. Мы думаемъ, поэтому,

---

[1]) Роскошная флора и теплый климатъ Закавказья вполнѣ благопріятствуютъ успѣшному пчеловодству... Несмотря на это, между Закавказскими хозяевами нельзя указать ни на одного, у котораго пчеловодство было бы въ значительныхъ размѣрахъ. См. О. В., стр. II.

[2]) Обиліе горныхъ пастбищъ во многихъ мѣстностяхъ Закавказья, съ древнѣйшихъ временъ возвели въ этомъ краѣ скотоводство на степень первостатейнаго промысла, а произведенія его, между которыми сыръ занимаетъ главное мѣсто, составляютъ насущную потребность туземнаго населенія. Между тѣмъ... продуктъ этотъ всюду обработывался въ краѣ весьма небрежно, не имѣлъ прочности и сбывался за безцѣнокъ. Администрація края, въ видахъ улучшенія за Кавказомъ этой отрасли хозяйства, въ 1861 году выписала изъ Швейцаріи сыродѣлателей для образовавшейся въ колоніи Александерсгильфъ (въ 45-ти верстахъ отъ Тифлиса) сыродѣльной ассоціаціи. Кромѣ того, въ 1863 году была выдана ссуда въ 21 т. р. прусско-подданному барону Кученбаху на устройство молочной фермы въ урочищѣ Мангли (въ 100 в. отъ Тифлиса). См. О. В., стр. I.

что нельзя не одобрить: и комитета выставки за мысль представить на ней какъ существующіе у насъ, такъ и улучшенные пріемы ручныхъ работъ, и вятскаго губернскаго земства, которое, какъ я слышалъ, въ видахъ усовершенствованія кустарной промышленности, послало на выставку отъ каждаго уѣзда нѣскольких ремесленниковъ для руководителѣ. Не входя затѣмъ въ безполезную оцѣнку выставленныхъ произведеній, я ограничусь простымъ перечисленіемъ группъ,— перечисленіемъ, которое покажетъ разнообразіе кустарной промышленности. Вотъ группы: 1) льняныя и пеньковыя ткани отъ самыхъ грубыхъ до самыхъ тонкихъ великосельскихъ полотенъ; 2) оренбургскія сукна, кружева и весьма изящныя издѣлія изъ козьяго пуха; 3) валеныя издѣлія изъ овечьей и коровьей шерсти; 4) домашняя утварь; 5) трубки, табакерки, деревянные замки и т. н.; 6) одежды изъ овчинъ и мерлушекъ; 7) кузнечныя издѣлія; 8) рогожи, кули, циновки и прочія издѣлія изъ мочалы, лыка и древесныхъ вѣтвей; 9) крестьянскія шерстяныя издѣлія; 10) снасти; 11) гончарныя издѣлія; 12) кожаная обувь; 13) ярославскія полотна; 14) орудія, употребляемыя при тканьѣ холстовъ и приготовленіи пряжи; 15) русскія кружева и орудія для плетенія ихъ; 16) дуги и оглобли; 17) сундуки и шкатулки; 18) струны; 19) женскіе крестьянскіе наряды и полотенцы; 20) игрушки; 21) издѣлія изъ рога, и 22) щетина. Кромѣ того имѣются въ томъ же павильонѣ кожаныя издѣлія Шувалова, а рядомъ раскинута киргизская кибитка съ издѣліями Внутренней Букеевской Орды.

Павильонъ охоты (№ 7) декорированъ красиво, но интересенъ только для аматера-охотника. Я, лично, взглянулъ на него разсѣянно, спѣша воспользоваться послѣдними часами для осмотра павильоновъ (3, 4, 5 и 6) отдѣла промысловыхъ животныхъ. Предметы, входящіе въ составъ послѣдняго, относятся къ тѣмъ промысламъ и производствамъ, которыя связаны съ разведеніемъ и ловлею полезныхъ животныхъ и обработкою, какъ отдѣльныхъ частей ихъ, такъ и вообще продуктовъ животнаго царства. Здѣсь вы видите хорошій скелетъ кита и всѣ орудія его ловли, а по картинамъ и моделямъ можете наглядно познакомиться съ этимъ опаснымъ промысломъ; далѣе: уральскій рыбный промыселъ—въ картинахъ, моделяхъ и настоящихъ рыболовныхъ орудіяхъ; всѣ принадлежности искусственнаго разведенія рыбъ [1]); рыболовныя принадлежности изъ разныхъ мѣстъ; большой выборъ мѣховъ и кожъ; коллекцію чучелъ и головъ рогатаго скота англійскихъ породъ; коллекцію швейцарскихъ домашнихъ животныхъ; собраніе домашнихъ животныхъ

[1]) Экспонентъ полагаетъ, что его препараты настолько изящны, что могутъ стоять въ большихъ гостинныхъ, а слѣдовательно, самое рыборазведеніе можетъ служить темою разговора хозяйки съ гостями.

и ихъ дикихъ родичей; собраніе домашнихъ птицъ, изъ которыхъ, благодаря парижской осадѣ, наиболѣе останавливаются предъ почтовыми голубями, и собраніе полезныхъ и вредныхъ безпозвоночныхъ. Въ послѣднемъ отдѣленіи посѣтители получаютъ обстоятельныя устныя объясненія всѣхъ выставленныхъ коллекцій. Вообще же этотъ павильонъ весьма неполонъ, и его нельзя признать ни за русскаго, ни за космополита. Если бы его коллекціи были размѣщены по другимъ отдѣламъ и преимущественно въ сельско-хозяйственномъ, то осмотръ ихъ приносилъ бы большую пользу. Къ отдѣлу же промысловыхъ животныхъ относятся: голубятня (№ 6), куда я не лазилъ; шелководство (№ 5)—гдѣ въ десять минутъ можете узнать главныя черты этого промысла и видѣть, какъ дѣлается бархатъ; и пчеловодство (№ 4). Около павильона № 4 помѣщается цѣлая коллекція образцовыхъ ульевъ, а между ними, подальше отъ глазъ, положены незатѣйливыя болванки, которыя именно и употребляются нашими крестьянами. Между выставленными образцами меда есть сортъ дѣйствительно замѣчательный по нѣжности вкуса—нектаринъ.

III.

Вчера я провелъ на выставкѣ восемь часовъ, обнаружилъ изумительное прилежаніе, и все-таки не успѣлъ познакомиться со всѣми павильонами перваго кремлевскаго сада, который, впрочемъ, особенно интересенъ и богатъ самымъ разнороднымъ содержаніемъ. Мнѣ осталось еще видѣть въ немъ педагогическіе павильоны и отдѣлъ дѣйствующихъ машинъ. Къ педагогическому отдѣлу относятся: 1) фребелевскій павильонъ (№ 11), построенный на средства отдѣла; 2) зданіе для школы (№ 12)—отъ министерства народнаго просвѣщенія, и 3) педагогическій отдѣлъ военнаго министерства (хоры въ № 30). Фребелевскій павильонъ состоитъ изъ трехъ частей: дѣтскаго сада, собранія учебныхъ пособій для слѣпыхъ и собранія учебныхъ пособій для глухонѣмыхъ. Этотъ маленькій павильонъ имѣетъ серьезную педагогическую идею, хорошо осуществленную, и когда будетъ готовъ къ нему указатель, то онъ можетъ быть сдѣлается любимцемъ молодыхъ матерей; сколько мы могли замѣтить, здѣсь собрано все, что даютъ Фребель и его подражатели, и кромѣ того здѣсь часто можно встрѣтить лицъ знакомыхъ съ педагогическимъ дѣломъ, чтобы побесѣдовать и о фребелевскомъ методѣ, и объ его примѣненіяхъ, и примѣнителяхъ. Въ отдѣленіи слѣпыхъ обращаютъ на себя вниманіе ручныя работы. Нѣкоторыя изъ нихъ настолько трудны и хороши, что даже, какъ-то невѣрится, чтобы они были сполна произведеніемъ слѣпого; а между тѣмъ это дѣйствительно такъ. Для бóльшаго убѣж-

денія въ этомъ зрителей-скептиковъ, предполагается пригласить слѣпыхъ мастеровъ работать въ этомъ павильонѣ въ присутствіи зрителей. Павильонъ министерства народнаго просвѣщенія по архитектурному зданію представляетъ собою для образца двухклассное училище съ квартирами для учителей. По мнѣнію многихъ, архитекторъ исполнилъ свою задачу удовлетворительно. Что же касается до предметовъ, книгъ и вообще школьныхъ принадлежностей, находящихся въ этихъ комнатахъ, то они расположены такъ безпорядочно и несистематично, что посѣтитель остается въ крайнемъ недоумѣніи относительно назначенія всего имъ видимаго. Вы встрѣтите здѣсь и руководства къ изученію древнихъ языковъ, и книги для первоначальнаго обученія, и собраніе учебниковъ, написанныхъ учителями какой-то гимназіи, и рукодѣлья, и наконецъ, цѣлый кабинетъ учебныхъ пособій Юл. Симашко. Всѣ эти разношерстныя книги и вещи расположились каждая по своей единичной прихоти; отчего, по мнѣнію всѣхъ, съ кѣмъ я только говорилъ, двухклассное училище представило хаотическій видъ. Бродя въ недоумѣніи по комнатамъ училища, я увидѣлъ въ одной изъ нихъ стѣнные часы съ циферблатомъ грубо-синяго цвѣта. Безвкусіе окраски обратило на себя мое вниманіе, я сталъ разспрашивать и узналъ слѣдующее: въ Масальскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, имѣется село Спасо-Деминское, состоящее исключительно изъ некрупныхъ купцовъ. Въ послѣднее десятилѣтіе торговля деминскихъ жителей, по разнымъ внѣшнимъ причинамъ, пришла въ упадокъ, и они начали бѣднѣть все болѣе и болѣе. Обратиться къ сельскому хозяйству не позволяли ни качество земли, ни привычка; усилія же инспектора народныхъ училищъ познакомить подростающее поколѣніе съ разными мастерствами, были безплодны до тѣхъ поръ, пока онъ не завелъ въ школѣ обученіе часовому ремеслу. Это ремесло было принято стариками благосклонно и привилось въ селѣ легко и быстро. Часы, висѣвшіе на стѣнѣ, присланы были на выставку именно изъ этой Новой-Женевы. Хоры манежа (№ 30) заняты образцами издѣлій учениковъ техническихъ школъ и классными пособіями нѣсколькихъ иностранныхъ и нашихъ военно-учебныхъ заведеній. Коллекціямъ послѣднихъ принадлежитъ безспорно пальма первенства. При отсутствіи хорошей системы чуть не во всѣхъ отдѣлахъ, особенно пріятно остановиться въ педагогическомъ отдѣленіи военнаго министерства, гдѣ учебныя пособія такъ распредѣлены, что даже не чувствуется потребности въ указателѣ. Это отдѣленіе не что иное, какъ краткая копія съ педагогическаго музея Соляного-городка, и для петербуржца оно полезно въ томъ отношеніи, что непремѣнно вызоветъ въ немъ желаніе познакомиться съ оригиналомъ, который у него подъ бокомъ, но который, „за множествомъ другихъ дѣлъ“, онъ можетъ быть не успѣлъ еще посѣтить. На хорахъ же находится ветеринарный отдѣлъ.

Съ хоръ обозрѣватель можетъ спуститься въ отдѣленіе дѣйствующихъ машинъ, въ которомъ съ удовольствіемъ и пользою проведетъ часа два времени, но описать которое рѣшительно нельзя. Здѣсь, какъ говорится: „чего хочешь, того просишь". Предъ вашими глазами кругтятъ сигары, набиваютъ папиросы, шьютъ зонтики, мелютъ хлѣбъ вышиваютъ золотомъ, растираютъ краски, набиваютъ шали, готовятъ искусственныя шипучія воды, дѣлаютъ спички и пр. и пр.

Во второмъ кремлевскомъ саду, въ который я могъ перейти только къ вечеру, находится пять отдѣловъ: медицинскій, лѣсной, прикладной физики, сельско-хозяйственный, почтъ и телеграфовъ и домоводства.

Рядомъ находится большое полукруглое зданіе (№ 40) лѣсного отдѣла, а предъ нимъ небольшой питомникъ (41). Этотъ отдѣлъ составленъ дѣльно и полно, но размѣщеніе предметовъ неудовлетворительно, что, при отсутствіи указателя, особенно бросается въ глаза. Впрочемъ въ 40-мъ павильонѣ имѣется въ извѣстные часы [1]) лицо, которое своими устными объясненіями замѣняетъ отсутствіе указателя. Лѣсной павильонъ состоитъ изъ четырнадцати отдѣленій, которыя при хорошемъ расположеніи могли бы легко познакомить какъ со всѣми подробностями лѣсного хозяйства, такъ и съ эксплуатаціей лѣсовъ. Первое отдѣленіе — историческое: здѣсь вы видите портретъ императора Петра Великаго, основателя лѣсного дѣла въ Россіи; картину собственноручной посадки Петромъ вязовыхъ деревьевъ въ рижскомъ саду въ 1721-мъ году; фотографическій снимокъ съ дуба, посаженнаго Петромъ въ Чебоксарскомъ уѣздѣ; портреты (безъ подписей) и бюсты лицъ, способствовавшихъ успѣхамъ лѣсного хозяйства въ Россіи и планъ одной изъ лѣсныхъ дачъ въ Финляндіи, искусственно возращенной по повелѣнію Петра. Второе отдѣленіе — географіи и статистики—состоитъ изъ картъ и таблицъ, которые хотя и убѣдятъ посѣтителя, что въ Россіи еще много лѣсовъ, но нисколько не успокоятъ, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердятъ извѣстную горькую истину, что въ жилыхъ мѣстахъ лѣсъ почти уже истребленъ. Третье отдѣленіе—дендрологіи (лѣсные гербаріи и образцы древесины). Четвертое—лѣсовозобновленія и лѣсоразведенія. Пятое—лѣсовозращенія, гдѣ лѣсохозяева могутъ фактически убѣдиться въ пользѣ *прочистокъ*. Шестое — лѣсохраненія; здѣсь собраны образчики поврежденій, которыя наносятся лѣсамъ: морозомъ, солнцемъ, молніей, навалами снѣга, растеніями, животными, болѣзнями, и наконецъ людскою безпорядочностью. Седьмое — геодезическое. Восьмое — лѣсной таксаціи и лѣсоустройства. Девятое — эксплуатаціи. Содержаніе этого отдѣленія въ

---

[1]) Въ отдѣлахъ, гдѣ бываютъ устныя объясненія, они происходятъ почти одновременно, съ $11^1/_2$ до 4, что для посѣтителей очень неудобно.

вой степени обильно и разнообразно, что, несмотря на интересъ предмета, я не признаю за собой даже права перечислить его сполна: здѣсь множество орудій для нумерованія срубки, спилки и раскалыванія деревьевъ и корчеванія пней, модели складки дровъ, лѣсопилень, крестьянскихъ построекъ, рѣчныхъ и морскихъ судовъ, образцы валива, строевого и бочарнаго лѣса, досокъ, ободьевъ, дугъ, дубильного матеріала, мочальное производство, издѣлія изъ бересты, украшенія изъ древесныхъ сѣмянъ, образцы орѣховаго и буковаго масла, торфяное производство и всѣ прочіе виды пользованія лѣсомъ. Десятое отдѣленіе дополняетъ предыдущее, знакомя посѣтителя съ добываніемъ древеснаго угля, кислоты, смолы, скипидара, пека, вара, канифоли и дегтя. Одиннадцатое — добываніе лѣсной шерсти. Двѣнадцатое—сухопутныя и водяныя перевозочныя средства. Къ тринадцатому отнесены немногія коллекціи по части анатоміи и физіологіи древесныхъ растеній; а къ четырнадцатому—нѣсколько моделей домовъ лѣсничихъ. Изъ вышесказаннаго видно, что 40-й павильонъ имѣетъ всѣ средства, которыя необходимы для легкаго и нагляднаго ознакомленія съ лѣснымъ хозяйствомъ и промысломъ; но, какъ уже замѣчено, неудовлетворительное расположеніе выставленныхъ предметовъ и отсутствіе указателя устраняютъ достиженіе означенной цѣли.

Изъ лѣсного вы переходите въ отдѣлъ ему родственный: сельскаго хозяйства, домоводства и сельскихъ построекъ (№№ 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51). „Коллекціи и предметы, входящіе въ сельско-хозяйственный отдѣлъ, распадаются,—говоритъ Обозрѣніе,—на двѣ главныя части: 1) по земледѣлію и 2) по скотоводству, которыя въ свою очередь подраздѣляются каждая на нѣсколько отдѣленій. Всѣ коллекціи размѣщены въ такомъ порядкѣ, чтобы посѣтители могли прослѣдить последовательно все сельское хозяйство, начиная отъ ученія о почвѣ до культуры отдѣльныхъ растеній и промышленнаго назначенія послѣднихъ. Предметы и коллекціи отъ частныхъ экспонентовъ, за исключеніемъ машинъ и орудій въ натуральную величину, отнесены въ соотвѣтствующія отдѣленія, чтобы по возможности сохранить вполнѣ цѣльность каждаго отдѣленія“. Распорядителямъ удалось осуществить свою программу, и сельскій хозяинъ изъ посѣщенія этого павильона вынесетъ, конечно, и нѣкоторую пользу и удовольствіе. Онъ встрѣтитъ здѣсь приборы для механическаго анализа почвъ; образцы почвъ примитивныхъ, наносныхъ и образовавшихся при участіи растеній; снаряды для опредѣленія физическихъ свойствъ почвы; растенія, характеризующія почвы: песчаную, глинистую, черноземную, известковую и торфяную; большую коллекцію орудій для обработки земли; модели, рисунки и настоящія орудія, относящіяся къ улучшенію полей, посредствомъ осушенія или орошенія ихъ,—устройства опушекъ, обжи-

ганія глины и наплавленія; коллекцію удобреній съ объяснитель таблицами; рисунки, представляющіе, или различные способы па или глубину развитія корней у различныхъ растеній, какъ мо опредѣляющаго глубину паханія и пр. Затѣмъ имѣются таблиц сунки, модели и образцы: съ одной стороны, по части ухода за теніями,—приготовленія произведеній для рынка и ихъ сохра а съ другой—по части разведенія и пользованія крупнымъ рога скотомъ, лошадьми, овцами и свиньями. Сельско-хозяйственныя шины занимаютъ большое отдѣльное помѣщеніе и, судя по сос онѣ пожаловали на выставку съ цѣлью *исключительно* коммерче Проходя ихъ путаные ряды, вы какъ-бы слышите отъ каждой ны или машинки: „Пожалуйте! здѣсь покупали!" Словомъ, отдѣ машинъ имѣетъ обыкновенный видъ и характеръ торговаго с въ чемъ, конечно, мы нисколько не обвиняемъ распорядителей, рые никогда и нигдѣ не въ силахъ побѣдоносно бороться съ т вымъ эгоизмомъ экспонентовъ. Замѣтимъ кстати, что изъ нихъ князь Тенишевъ зазываетъ къ себѣ толково и предупредительно.

Къ тому же отдѣлу относятся: разборная сельская церковь на 200 человѣкъ, отличающаяся простымъ и изящнымъ вкусомъ подробно описанная въ „Обозрѣніи выставки" на стр. 42; домъ левладѣльца, заслужившій общее одобреніе, какъ относительно у ства расположенія комнатъ (одинъ недостатокъ — малы), такъ носительно выбора мебели и вообще всѣхъ принадлежностей до ней, семейной обстановки; сельская школа (47); сельскій питомн (51)[1]); сельская больница (46), и наконецъ сельская лечебница (5 Существованіе, бокъ-о-бокъ, двухъ больничныхъ павильоновъ, изъ торыхъ одинъ назвали больницей, а другой лечебницей составля одну изъ особенностей и странностей выставки. „Обозрѣніе" неуда объясняетъ это тѣмъ, что 46-мъ павильономъ хотѣли показать прис собленіе обыкновенной крестьянской избы къ устройству въ ней бо ницы; а сельская лечебница (№ 50) это „постройка, содержащая себѣ покой для пріема приходящихъ больныхъ и для нахожденія по сѣщающаго лечебницу врача, а также аптеку съ необходимыми пре метами для поданія медицинской помощи" [2]). Въ сущности павильон

[1]) «Обозрѣніе выставки» на стр. 44 говоритъ слѣдующее: «Сельскій питомникъ, устроенный по проекту профессора Киттары, имѣетъ цѣлью показать уходъ за дѣтьми грудными и ползающими, т.-е. недостигшими возраста дѣтскихъ садовъ, на время полевыхъ работъ ихъ родителей. Питомникъ можетъ быть примѣненъ и къ рабочимъ фабричнымъ, а равно послужить и вообще образцомъ способа выкормленія и воспитанія дѣтей безъ надзора родителей».

[2]) Назначеніе или идея постройки павильона № 50 объяснена въ «Обозрѣніи» такъ непонятно, что я счелъ за лучшее привести это объясненіе дословно.

46-й—безполезная, ничему ненаучающая постройка, а № 50-й полезенъ въ томъ единственно отношеніи, что далъ возможность г. Кёлеру, московскому продавцу аптекарскихъ матеріаловъ, показать свою уютную, весьма удобную и *дешевую* сельскую аптеку.

IV.

Вчера, во второмъ саду, я не успѣлъ посѣтить двухъ отдѣловъ: почтоваго и прикладной физики. Первый изъ нихъ, пожалуй, и представляетъ въ цѣломъ какую-либо поучительность для гг. почтовыхъ чиновниковъ; но весь остальной людъ можетъ любоваться въ немъ только изображеніями сибирской почты на собакахъ и архангельской—на оленяхъ. Говорятъ, что всѣ принадлежности почты, костюмы и даже шкуры оленей и собакъ выписаны (для чучелъ) съ мѣста. Манекены самоѣда и сибирскаго вожака сдѣланы очень хорошо; снѣжная же пустыня скопирована и освѣщена превосходно. Декораторъ желалъ удивить своимъ искусствомъ и вполнѣ достигъ цѣли; такого декоративнаго совершенства намъ не случалось видѣть даже на сценѣ Большого театра.

Къ отдѣлу прикладной физики отнесены два павильона (43 и 42), фотографическій и центральный. Первый изъ нихъ имѣетъ, по словамъ „Обозрѣнія“, „цѣлью показать публикѣ исторію развитія фотографіи, современное ея состояніе и самое производство работъ“. Первая цѣль достигается коллекціями инструментовъ, свѣтописныхъ изображеній и сочиненій, доставленныхъ варшавскимъ фотографомъ Мечковскимъ; вторая — произведеніями многихъ современныхъ фотографовъ, между которыми наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе портреты въ натуральную величину г. Досѣкина изъ Харькова. Въ другомъ павильонѣ, названномъ почему-то центральнымъ, вы увидите гальванопластическое серебреніе и золоченіе; собраніе моделей мѣръ: линейныхъ, вѣса и ёмкостей; примѣненіе электричества въ различныхъ приборахъ; приборъ для примѣненія газа къ освѣщенію и нагрѣванію; метеорологическіе инструменты и, наконецъ, разнообразные музыкальные инструменты. Здѣсь же продаются довольно дорогіе волчки особенной конструкціи, но менѣе долговѣчные (сужу по экземпляру мною купленному), чѣмъ ихъ родственники, имѣющіеся въ гостинномъ дворѣ по 30-ти копѣекъ за штуку.

Во второмъ саду находится еще павильонъ (№ 52): типографскій и литографный.

Въ третьемъ саду слѣдующіе отдѣлы: церковной утвари (57), гидравлическій (59), архитектурный (54, 55, 56) и историческій. Въ гидравлическомъ отдѣлѣ помѣщены: разной силы и формы насосы, по-

жарныя трубы и принадлежности водоснабженія. По неимѣнію указателя, въ которомъ бы содержались свѣдѣнія о количествѣ выбрасываемой воды и цѣнности выставленныхъ насосовъ, этотъ павильон не приноситъ никакихъ свѣдѣній или указаній огромному большинству посѣтителей. Что касается до архитектурнаго отдѣла, то он распадается на двѣ части: въ одной постройкѣ находятся образцы каменныхъ работъ, чертежи и модели, имѣющія назначеніемъ познакомить съ будущимъ видомъ храма Спасителя, строющагося въ Москвѣ а въ другой — собрано, повидимому, все, что почему-либо признавали для себя удобнѣйшимъ помѣститься въ павильонѣ (54—56) художественно-архитектурномъ. Здѣсь вы встрѣчаете поэтому самые разнородные предметы, какъ-то: асфальтовый войлокъ для крышъ, бронзу, краски, известку, цементъ, планы лифляндскихъ церквей съ свѣдѣніями объ ихъ смѣтной и дѣйствительной стоимости, печныя принадлежности, печи, мебель и пр. Среди этого разнообразія попадаются произведенія, имѣющія дѣйствительное право на названіе художественныхъ; напримѣръ, круглая изразцовая печь изъ Стокгольма или буфетъ работы скульптора Шнейдера въ Лейпцигѣ (цѣна 2800 руб.). Архитектурный отдѣлъ сформировался поздно и имѣлъ неосторожность явиться въ публику не вполнѣ собравшись и разобравшись. Къ августу мѣсяцу онъ, вѣроятно, успѣетъ сдѣлать и то и другое и тогда, можетъ быть, будетъ архитектурнымъ не только по названію, но и по содержанію. Домикъ историческаго отдѣла копія, какъ говорятъ, съ Коломенскаго дворца. Здѣсь находятся предметы, напоминающіе Великаго царя-труженика и замѣчательнѣйшую эпоху въ исторической жизни нашего отечества, какъ-то: большая коллекція портретовъ Петра Великаго, его возокъ, верхнее платье, лопата, топоръ и др. простыя вещи, драгоцѣнныя для каждаго русскаго по связаннымъ съ ними воспоминаніямъ.

V.

По набережной Москвы-рѣки расположились отдѣлы: морской, часть военнаго и желѣзнодорожный. Желѣзное зданіе морского отдѣла очень красиво и, сравнительно, велико; поэтому выставленнымъ въ немъ предметамъ не пришлось громоздиться другъ на друга. Этимъ важнымъ преимуществомъ не упустили воспользоваться распорядители и украсили стѣны множествомъ большихъ картинъ баталій и портретовъ, ничего, конечно, неуясняющихъ, но хорошо декорирующихъ внутренность зданія [1]). Мнѣ кажется, что на этотъ разъ моряки даже увлек-

[1]) Желающіе могли одушевить полотно картинъ при помощи указателя, въ которомъ 60 страницъ in-quarto посвящены описанію событій и лицъ, изображаемыхъ картинами.

съ стремленіемъ декорироваться и размѣстить вещи въ порядкѣ пріятнѣйшемъ для глаза, чрезъ что сдѣлали безполезнымъ свой подробный указатель, въ которомъ предметы расположены не такъ, какъ они дѣйствительно лежатъ въ отдѣлѣ. Цѣль морского отдѣла по указанію слѣдующая: „Представить, по возможности, полное развитіе современнаго состоянія техники военнаго и коммерческаго флота, съ указаніемъ какъ на тѣ матеріалы, которые употребляются при постройкѣ, вооруженіи и плаваніи судовъ, такъ и на *техническіе пріемы, которые необходимы при превращеніи дерева, металла и другихъ матеріаловъ изъ сырого ихъ вида на всѣ потребности судостроенія и соединенныя съ ними многоразличныя спеціальности* [1]). По военно-морскому отдѣлу имѣлось въ виду изобразить возможно полно въ образцахъ, чертежахъ, моделяхъ и картинахъ историческое развитіе военно-морской техники въ Россіи со временъ Петра Великаго до настоящаго времени". Выставленные предметы современной техники подраздѣляются на слѣдующіе разряды: кораблестроеніе, судовыя паровыя машины и механизмы, артиллерія, предметы для вооруженія и комплекціи судовъ, гидрографія, судовые лазареты, заводская промышленность въ примѣненіи ея къ морскому дѣлу, спасительныя станціи и (наконецъ-то!) торговое мореплаваніе. Полнота отдѣла собственно по торговому мореплаванію, къ сожалѣнію, говоритъ указатель, „находится преимущественно въ зависимости отъ того участія, которое принимаютъ въ выставкѣ частные экспоненты". Въ дѣйствительности частными экспонентами выставлено очень немного, и именно слѣдующее: обществомъ „Кавказъ и Меркурій"—нѣсколько моделей, изъ которыхъ больше всего обращаетъ на себя вниманія многоярусный пароходъ американскаго типа „Александръ II", вѣроятно удобный для пассажировъ, но едва ли дающій дивидендъ владѣющей имъ компаніи, такъ какъ имѣетъ машину въ 1500 дѣйствительныхъ силъ и слѣдовательно нуждается въ большомъ грузѣ для каждаго рейса; фирмою Милютиныхъ — нѣсколько судовыхъ моделей; братьями Сапожниковыми — нѣсколько моделей морскихъ и рѣчныхъ судовъ, употребляемыхъ въ Каспійскомъ морѣ для рыбной ловли [2]); русскимъ обществомъ П. и Т.—нѣсколько моделей; г. Кишкинымъ—три судовыхъ моделей.

---

[1]) Курсивъ означаетъ ту часть задачи, которая невыполнена, если предположить, что имѣлось въ виду, исполненіемъ нѣкоторыхъ работъ въ зданіи выставки, показать публикѣ пріемы производства.

[2]) Этимъ моделямъ приличнѣе бы находиться въ отдѣлѣ промысловыхъ животныхъ. Вообще, морской отдѣлъ страдаетъ болѣзнью общею многимъ отдѣламъ, т.-е. помѣщаетъ у себя предметы, не имѣющіе никакого отношенія къ морскому дѣлу; напр. углепромышленныя карты (№№ 678, 679 и 680) горныхъ инженеровъ Носовыхъ или машинку для дѣланія желѣзныхъ сапожныхъ шпилекъ (№ 684).

проекта; рѣчными яхтъ-клубами—десять прекрасно сдѣланныхъ ш
покъ (стóитъ вниманія пожарный баркасъ для мелководной Моск
рѣки); царскосельскимъ адмиралтействомъ — одиннадцать шлюпо
коллекція моделей бѣломорскихъ судовъ и карта морского и рѣчно
судоходства г. Мусницкаго. Если къ этому присоединимъ прода
щуюся на выставкѣ брошюру: „Юбилей Петра Великаго и торгов
флотъ Россіи" и двѣ оснащенныя мачты въ натуральную величи
(изъ которыхъ одна названа военною, а другая, почему-то, купеч
скою), то вотъ и все, кажется, съ чѣмъ явился морской отдѣлъ д
поощренія купеческаго судоходства и судостроенія. Нельзя не с
знаться, что всего этого весьма и весьма недостаточно; что въ отд
лѣ не хватаетъ даже основного, а именно свѣдѣній о существова
шемъ и существующемъ у насъ морскомъ и рѣчномъ судостроені
судоходствѣ, о степени выгодности парового и парусного судоходств
а равно какихъ-либо иныхъ общихъ указаній, необходимыхъ лицам
желающимъ положить свои капиталы на торговое мореплаваніе[1]. П
вышеназванной брошюркѣ у насъ въ Россіи морского люда больше
чѣмъ въ Пруссіи или Франціи; а именно: по словамъ ея автора, „при
брежное населеніе рыбаковъ и судоходовъ обоего пола, у всѣхъ на
шихъ морей, доходитъ до милліона" (стр. 8). Въ остальной части от
дѣла, кромѣ ботика Петра Великаго, есть на что посмотрѣть. Мы с
своей стороны обратили вниманіе на рельефное изображеніе способо
возстановленія дыханія у мнимо-умершихъ утопленниковъ (579, 580
581 и 582) и взяли нѣсколько экземпляровъ объясненія, распростране
ніемъ котораго можно принести обществу несомнѣнную пользу. Про
тивъ среднихъ дверей морского павильона находится модель, въ на
туральную величину, саардамскаго домика Петра Великаго.

Изъ морского отдѣла вы входите въ интендантскія и артиллерій
скія мастерскія военнаго отдѣла, знакомыя петербуржцамъ по ману
фактурной выставкѣ 1870 года. Рядомъ съ ними идетъ фабрикація
сукна съ рабочими, по преимуществу, татарками въ оригинальныхъ
и красивыхъ національныхъ костюмахъ. Остальныя части военнаго от
дѣла помѣщены выше, въ Кремлѣ. Тамъ кромѣ манекеновъ, нагляднo
знакомящихъ посѣтителя съ формою обмундированія нашихъ войскъ
въ различныя эпохи, замѣчательно богатствомъ историческаго содер
жанія артиллерійское отдѣленіе. Продающійся же его указатель можно

[1]) Точно также въ носовой части купеческаго судна приличнѣе было бы поло
жить сочиненіе Скальковскаго «Срочное Пароходство» и вообще книги по части
купеческаго судостроенія и судоходства, чѣмъ журналъ «Техническій Сборникъ»
(перелистовавъ который, мы ничего не нашли о флотѣ), брошюрку объ отопленіи
и проч.

ться произведеніемъ, въ своемъ родѣ образцовымъ. Въ саду, ря-
мъ съ павильономъ помѣщены лазаретныя палатки, а также очень
обные экипажи и вагоны (тоже наши знакомцы 1870 года) для боль-
ыхъ и раненыхъ.

Послѣдній изъ отдѣловъ, расположенныхъ по набережной Москвы-
ки, — отдѣлъ желѣзно-дорожный. Этотъ отдѣлъ, судя по содер-
анію его, поставилъ себѣ задачею всесторонне представить желѣзно-
рожное дѣло въ образцовыхъ принадлежностяхъ подвижного состава,
делахъ, вагонахъ, инструментахъ, картахъ, таблицахъ и сочине-
іяхъ. „Желѣзно-дорожный отдѣлъ политехнической выставки, гово-
итъ указатель, имѣлъ въ виду сдѣлать по возможности полный об-
оръ развитія этой отрасли современнаго состоянія желѣзныхъ до-
огъ, съ послѣдовательнымъ представленіемъ производства всѣхъ ра-
отъ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, и выставить всѣ
овѣйшія усовершенствованія во всѣхъ отрасляхъ промышленности,
осoбствующихъ успѣхамъ желѣзно-дорожнаго дѣла". Вниманіе не-
пеціалистовъ наиболѣе обращается въ немъ: на товарный вагонъ
язе-Царицынской желѣзной дороги, въ которомъ перевозится живая
ыба [1]), императорскій вагонъ русской постройки, снѣгоочистители и т. п.
рупные предметы. Замѣчательная особенность этого отдѣла—это пол-
ѣйшее соотвѣтствіе порядка расположенія предметовъ съ порядкомъ
хъ описанія въ указателѣ, который самъ по себѣ заслуживаетъ пол-
ой похвалы.

Въ заключеніе, мнѣ остается сказать, что рядомъ съ военнымъ от-
ѣломъ имѣется еще особый павильонъ — севастопольскій, куда вхо-
ятъ за отдѣльную плату (20 или 30 коп.). Назначеніе этого павиль-
она—воссоздать вещественную обстановку событія, замѣчательнаго и
ъ самомъ себѣ и по тому вліянію, которое оно имѣло на послѣдую-
щую жизнь нашего отечества. За исключеніемъ лѣваго отдѣленія, на-
олненнаго военно-санитарными принадлежностями, не имѣющими
ольшею частью прямого отношенія къ Севастополю, все остальное
ъ этомъ павильонѣ напоминаетъ трудную, непосильную борьбу, ко-
орую пришлось намъ выдержать въ 1854, 1855 и 1856 годахъ. Въ
томъ павильонѣ, по особенному, нравственному, такъ сказать, его ха-
рактеру не такъ важны, конечно, выставленные предметы, какъ со-
провождающія ихъ объясненія. Эту особенность хорошо поняли учре-
дители: и ни въ одномъ отдѣлѣ нѣтъ устныхъ объясненій такъ пра-
вильно и хорошо организованныхъ, какъ въ севастопольскомъ.

[1]) Мы, несмотря на просьбы показать устройство, не могли его видѣть; потому что надзиратель отдѣла не умѣлъ отворить дверей.

Пять дней оказалось достаточнымъ временемъ для составленія се общаго понятія о выставкѣ, но и то только при условіи оставаться кремлевскихъ садахъ съ 11 ч. утра и до 8 часовъ вечера, что весь утомительно во всѣхъ отношеніяхъ. Впечатлѣніе, произведенное на ме выставкой въ первый день, не исчезло и въ послѣдующіе: чѣмъ боль я знакомился съ отдѣлами, тѣмъ яснѣе понималъ трудность размѣсти ихъ содержаніе въ системѣ строго научной, оставляющей безъ всяка вниманія личныя желанія и интересы экспонентовъ. Теперь, еще бол чѣмъ въ первый день, я убѣжденъ, что стремленіе учредителей: „и ключить принципъ поощренія и всякое соревнованіе на выставкѣ ме ду отдѣльными производителями", не болѣе, какъ неисполнимая ме та. Выставки всегда жили и будутъ жить принципомъ соревнованія желаніемъ производителей погромче заявить о себѣ; только музеу могутъ преслѣдовать исключительно научныя цѣли. Учредители м сковской выставки напрасно мечтали о томъ, что политехническая вы ставка составитъ исключеніе; въ дѣйствительности она не носитъ н себѣ и тѣни исключенія, и какой-нибудь несчастный бальзамъ отъ хо лерины, ломоты, зубной боли и пр. болѣзней, здѣсь, какъ и вездѣ, съ разныхъ угловъ зазываетъ къ себѣ посѣтителей обѣщаніемъ исцѣлит всѣ ихъ недуги.

Е. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го сентября, 1872.

———

[у]чрежденіе женскихъ курсовъ при медико-хирургической академіи. — Будущее [по]ложеніе и практика ея учениц. — Ученицы цюрихскаго университета. — При[ви]легіи воспитанникамъ иностранныхъ гимназій. — Развитіе холеры и условія [благ]опріятныя для нея въ Петербургѣ. — Холера 1872 года. — Мѣры пресѣченія [эпи]деміи. — Устройство помѣщеній для прибывающихъ рабочихъ. — Правила о [при]мѣненіи городового положенія къ столицамъ. — Денежныя средства Петербурга и главныя его потребности.

Въ аугсбургской „Всеобщей газетѣ" были недавно помѣщены три [ин]тересныя статьи одного изъ профессоровъ цюрихскаго университета [о]ъ изученіи медицины женщинами. Статьи эти были написаны по [по]воду сочиненія мюнхенскаго профессора анатоміи и физіологіи Би[шо]фа, направленнаго противъ изученія медицины женщинами. Изъ [по]ложеній, поставленныхъ Бишофомъ, собственно одно только и тре[бу]етъ разбора, именно его положеніе, что женщина неспособна къ [из]ученію наукъ вообще, а естественныхъ и медицинскихъ наукъ въ [осо]бенности. Какъ ни странно это положеніе въ его обширности, [но] все-таки стóитъ по крайней мѣрѣ опровергать фактами, какъ то [сов]ершенно убѣдительно и дѣлаетъ цюрихскій профессоръ. Прочія положенія Бишофа указываютъ въ видѣ препятствій только на [при]жденную женщинамъ стыдливость и кротость, на „безнравствен[нос]ть", происходящую отъ совмѣстнаго ученія женщинъ и мужчинъ, [в]ъ этомъ вся суть) на „переполненіе" (Überladung) медицинской [про]фессіи, если въ нее будетъ открытъ доступъ и женщинамъ. Во[про]съ о хлѣбѣ, борьбѣ за существованіе посредствомъ медицины мо[же]тъ представляться первостепеннымъ для спеціалистовъ. Но для [об]щества чѣмъ больше будетъ врачей, тѣмъ разумѣется лучше. Осо[бен]но для Россіи еще далеко то время, когда медицинская профессія [пер]еполнится. Изъ статей цюрихскаго профессора мы узнаемъ, что [въ] числѣ слушательницъ тамошняго университета болѣе всего рус-

скихъ; что русскихъ женщинъ находится тамъ теперь на философскомъ факультетѣ 10, а на медицинскомъ 44. Это обстоятельст имѣетъ и нѣчто утѣшительное, но прежде всего бросается въ гла та его сторона, которая никакъ утѣшительною быть названа не м жетъ. Оставимъ на время Цюрихъ, къ которому перейдемъ послѣ, обратимся къ Россіи.

Въ Россіи крайній недостатокъ въ медикахъ достигъ такой степен что всякій полковой фельдшеръ, даже не вышедшій изъ фельдшерск школы, а просто подготовленный полковымъ врачемъ изъ „слабосил ныхъ“ солдатъ, легко получаетъ мѣсто отъ земства, и все-таки гр мадное большинство народа остается безъ всякой возможности пол зоваться медицинскимъ пособіемъ иначе, какъ въ больницахъ. между тѣмъ, легко было въ скоромъ времени удвоить наличност нашихъ врачей, допустивъ къ изученію медицины женщинъ. Нес мнѣнно притомъ, что именно женщины - врачи принесли бы наиболѣ пользы сельской массѣ, потому что женщина рада будетъ и за срав нительно малое жалованье практиковать гдѣ-нибудь въ сельско средѣ, безъ всякой надежды „вырваться изъ этой трущобы“ и попаст на одну изъ ступеней медицинской іерархіи, какъ то имѣютъ въ вид всѣ молодые врачи, смотрящіе на подобное положеніе, какъ на вр менную ссылку. Жалованье въ 300—500 рублей съ самостоятельны положеніемъ для женщины все же гораздо привлекательнѣе, чѣм занятіе рукодѣльемъ, при конкурренціи швейныхъ машинъ, или хот бы положеніе гувернантки—почти единственныя сферы, открытыя же щинамъ у насъ до сихъ поръ. Но мы до крайности деликатны щепетильны по нѣкоторымъ пунктамъ. Извѣстно съ какимъ раздра жительнымъ недовѣріемъ и даже злобнымъ недоброжелательством относятся у насъ многіе къ вопросу о допущеніи женщинъ къ изу ченію медицины, которое предполагаетъ и анатомическія занятія Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что такъ относится къ этому вопрос у насъ большинство самихъ женщинъ, разумѣется, *замужнихъ*. Из вѣстные факты громадной смертности дѣтей въ русскомъ народѣ варварской практики деревенскихъ бабокъ нисколько не оскорбляют „эстетическаго чувства“ нѣкоторыхъ нашихъ кавалеровъ и большин ства нашихъ замужнихъ дамъ. Но представить себѣ женщину, дѣ вушку со скальпелемъ въ рукѣ — они не могутъ не содрогаясь, такъ это дѣйствуетъ на ихъ чувствительные нервы, такъ оскорбляетъ ихъ высшее эстетическое чувство.

И вотъ, несмотря на совершенную почти недоступность врачебной помощи для сельскаго населенія, мы заставляли своимъ эстетическимъ коснѣніемъ десятки дѣвушекъ ѣхать—легко сказать—въ Цюрихъ, на свой счетъ и рискъ, усвоивать себѣ сперва иностранный языкъ до такой степени, чтобы публично защищать на немъ ученое разсужде-

ніе, а потомъ, возвратясь на родину, вторично подвергать себя тому же испытанію по другой программѣ и при иной обстановкѣ. Наконецъ, сдѣланъ шагъ, чтобы положить конецъ такому странному, чтобы не сказать болѣе, отношенію къ этому вопросу. Въ прошломъ мартѣ сдѣлалось извѣстно весьма крупное пожертвованіе (50 т. руб.) на устройство медицинскихъ курсовъ для женщинъ въ Петербургѣ. Итакъ, первоначальныя средства для этого явились не отъ военно-медицинскаго вѣдомства, хотя оно издерживаетъ въ годъ на одни механическія улучшенія по зданію военно-медицинской академіи гораздо болѣе, чѣмъ сколько составляетъ вся сумма, пожертвованная частнымъ лицомъ на одинъ изъ предметовъ первой потребности для Россіи. Но оставимъ это, и посмотримъ, насколько то, что̀ нынѣ предположено сдѣлать, соотвѣтствуетъ практическому рѣшенію вопроса о допущеніи женщинъ въ ученую медицинскую практику.

Въ мартѣ же, вслѣдъ за пожертвованіемъ, было объявлено о предположеніи учредить отдѣльные медицинскіе курсы для женщинъ при здѣшней академіи. Въ концѣ іюля напечатано въ „Прав. Вѣстникѣ“ распоряженіе военнаго министра, содержащее въ себѣ „временное положеніе объ особомъ женскомъ курсѣ при академіи для образованія ученыхъ *акушерокъ.*“ Положеніе это утверждено, военнымъ же министромъ, на 4 года, въ видѣ опыта. Вотъ его главныя основанія: преподаваніе будетъ производиться отдѣльно отъ студентовъ, но по преимуществу тѣми же профессорами, и за особое вознагражденіе; курсъ будетъ 4-хъ-лѣтній; женское отдѣленіе будетъ имѣть свою особую конференцію, составленную изъ тѣхъ же профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ того же начальника академіи; слушательницы будутъ имѣть особую инспектрису, какъ студенты имѣютъ инспектора; слушательницы будутъ состоять на правахъ студентовъ, то-есть женскій курсъ при академіи будетъ не то, что публичные курсы, устроенные для женщинъ при помощи нѣкоторыхъ университетскихъ профессоровъ. Въ академіи женщины будутъ матрикулироваться, то-есть къ слушанію курса будутъ принимаемы только имѣющія уже свидѣтельство въ окончаніи средне-образовательнаго курса (отъ институтовъ и женскихъ гимназій или дипломъ на званіе домашнихъ учительницъ). Изъ одного годичнаго курса въ другой ученицы академіи будутъ переходить не иначе какъ по экзамену, при чемъ въ одномъ курсѣ имъ дозволяется оставаться не болѣе одного лишняго года, и то только дважды въ теченіи всего курса ученія. Итакъ, пріемъ ученицъ въ академію будетъ происходить на равномъ основаніи со студентами, а также и съ годичной платою въ 50 рублей. Но въ то время, какъ для учениковъ достаточно представленіе свидѣтельства гимназіи, для ученицъ оно достаточно только условно, а именно онѣ все-таки подвергаются при пріемѣ еще провѣрочному экзамену. Выпускной экза-

менъ ученицъ будетъ производиться также примѣнительно къ ис танію на званіе лекаря. Выдержавшія его ученицы получаютъ степ ученой акушерки.

Итакъ, женскій курсъ при академіи, по внѣшнимъ своимъ условія поставленъ совершенно на уровнѣ студенческаго курса, и степ ученой акушерки будетъ, очевидно, *ученая степень акушерки*, х редакція устава посредствомъ нѣкоторой перестановки словъ и изб нула прямого признанія за женщиною права на ученую степень, и званія, давно уже состоявшагося въ цюрихскомъ университетѣ. К бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія, что внѣшняя обстановка женск курса при академіи удовлетворительна. Хотя примѣръ Цюриха удостовѣряетъ, что не происходитъ никакихъ бѣдъ отъ совмѣстн преподаванія медицины мужчинамъ и женщинамъ, но если возмож устроить отдѣльный курсъ для женщинъ на равной степени съ му чинами, то и въ этомъ нѣтъ бѣды, хотя очень можетъ случиться какъ то уже и было предвидѣно въ Цюрихѣ — что если женщин врачи будутъ проходить не общій, а особый, собственно для ни устроенный медицинскій курсъ, то въ обществѣ останется подозрѣн что дѣйствительнаго равенства между обоими этими курсами, а ста быть и въ познаніяхъ врачей-женщинъ и врачей-мужчинъ — *нѣтъ*.

Но пусть бы и существовало одно такое подозрѣніе, ни на че реальномъ неосновованное, это бы еще ничего. Къ сожалѣнію, мы дол ны будемъ сейчасъ указать на нѣкоторыя внутреннія условія же скаго курса, на нѣкоторыя опредѣленія самой программы преподаван которыя клонятся именно къ дѣйствительному лишенію женщин врачей равенства въ познаніяхъ съ врачами-мужчинами. Но през еще два замѣчанія о внѣшней обстановкѣ особаго женскаго кур Одинъ изъ параграфовъ положенія гласитъ: „слушательницы въ пр долженіе курса носятъ одежду установленную для повивальныхъ б бокъ въ родовспомогательныхъ заведеніяхъ“. Непонятно, для че потребовалось это правило; почему вообще для ученицъ необходим мундиръ, когда теперь даже ученики университетовъ отъ него осв бождены. Потому ли, что медицинская академія считается военны учрежденіемъ, а въ военномъ вѣдомствѣ нельзя быть безъ мундир которому даже приписывается отдѣльная честь, независимо отъ личн чести носящаго форменную одежду. Но что же общаго имѣетъ му диръ повивальныхъ бабокъ съ мундиромъ военнаго вѣдомства? Н знаемъ, слѣдуетъ ли понимать приведенный параграфъ въ томъ смысл что ученицы академіи будутъ обязаны и на улицѣ и въ общественны собраніяхъ носить мундиръ повивальныхъ бабокъ, подобно тому как ученики академіи носятъ свой мундиръ постоянно. Но хотя бы он обязаны были носить форменную одежду только въ стѣнахъ академіи и это все-таки совершенно лишнее правило, необъяснимое ничѣм

ой заботливости о смиреніи, попеченіе о томъ, чтобы ученицы не шкомъ возносились въ самомнѣніи, а помнили, что онѣ въ сущно- хотя и ученыя, но все-таки не что иное какъ повивальныя бабки, орыя всегда должны оставаться подъ командой докторовъ-мужчинъ въ надлежащемъ къ нимъ „решпектѣ". Далѣе, нельзя не подивиться, въ настоящемъ положеніи, хотя оно и временное, нѣтъ ни слова томъ, предполагается ли возбудить особо вопросъ о служебныхъ вахъ ученыхъ акушерокъ, и именно о правѣ ихъ на пенсію. Чѣмъ нѣе иныхъ служебныхъ правъ могутъ имѣть женщины, тѣмъ важнѣе ихъ именно это право. Мужчина во время службы получаетъ енежныя награды и чины, которые ведутъ его къ высшимъ окладамъ, нимъ словомъ, ему предстоитъ служебная карьера, а женщинѣ она предстоитъ, хотя бы женщина состояла на той же самой службѣ. тъ почему для женщины, получившей ученую медицинскую степень, къ и для женщины-телеграфиста, вопросъ о пенсіи гораздо важнѣе мъ для мужчины. Позволимъ себѣ, для примѣра, указать на три знаме- тости въ нашемъ медицинскомъ мірѣ, на гг. Красовскаго, Здекауэра Козлова. Нѣтъ сомнѣнія, что при томъ служебномъ положеніи и держаніи, которое каждый изъ нихъ давно пріобрѣлъ благодаря оимъ талантамъ, для нихъ вопросъ о пенсіи изъ военно-медицинскаго и гражданскаго медицинскаго вѣдомствъ представляется далеко не къ важнымъ, какъ для ученой акушерки или для телеграфистки, торыя какъ начнутъ свою карьеру въ этихъ званіяхъ, такъ въ хъ ее и кончатъ, не имѣя въ виду со временемъ званія лейб-медика, ачальника всей медицинской части, инспектрисы или директрисы елеграфовъ, а тѣмъ менѣе соединенія въ одномъ лицѣ нѣсколькихъ особыхъ званій и окладовъ. Вотъ почему, повторяемъ, для женщинъ службѣ вопросъ о пенсіи, безъ всякаго сравненія, важнѣе чѣмъ я мужчинъ. А между тѣмъ, женщинамъ-телеграфисткамъ никакой нсіи не полагается. Неужели же не предполагается пенсіи и для еныхъ акушерокъ, которыя прошли академическій курсъ, въ то емя какъ пенсіи предоставляются домашнимъ наставникамъ, вы- ржавшимъ только экзаменъ средняго курса, а также и артисткамъ ператорскихъ театровъ?

Обратимся теперь къ самому составу учебнаго курса, предназна- ннаго для ученыхъ акушерокъ. Намъ случилось уже и читать и шать въ обществѣ возраженія противъ той спеціализаціи меди- нскаго курса, которое уже указывается самымъ названіемъ „уче- хъ акушерокъ". Почему же именно акушерки, а не просто врачи? рашивали иные. Но намъ кажется, что важна не сама спеціализа- я, а то, какимъ образомъ она достигается. Нѣтъ сомнѣнія, что вра- мъ-женщинамъ, какъ бы ни былъ обставленъ ихъ курсъ въ акаде- и, на практикѣ придется все-таки лечить по преимуществу женскія

болѣзни уже потому, что въ этой именно области онѣ могутъ успѣшнѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ, конкуррировать съ врачами-мужчинами, короче—потому что женскія болѣзни обѣщаютъ имъ болѣе широкую практику. Итакъ, спеціализація въ этомъ смыслѣ представляется намъ дѣломъ практичнымъ, но спрашивается: ка́къ она будетъ достигнута. Пусть ученая акушерка, какъ и акушеръ, пройдетъ полный общій медицинскій курсъ, совершенно равный съ тѣмъ, который проходятъ лекаря независимо отъ того, какую спеціальность они себѣ избираютъ: акушера ли, или окулиста, или врача внутреннихъ или кожныхъ болѣзней. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пусть проходятся спеціальныя примѣненія, то-есть женскія и дѣтскія болѣзни и акушерство въ болѣе обширномъ объемѣ. Вотъ это будетъ правильная спеціализація, не идущая въ ущербъ полнотѣ общаго курса. Совсѣмъ иное будетъ тогда, если общій курсъ будетъ ограниченъ, урѣзанъ, приносимъ въ жертву въ виду спеціальнаго призванія, если нѣкоторыхъ частей общаго курса акушеркамъ преподавать не будутъ или будутъ преподавать неполно по тому соображенію, что для чего молъ имъ это, когда ихъ назначеніе состоитъ исключительно въ практикѣ повивальной. Этимъ путемъ тотчасъ же достигнется пониженіе уровня курса, предназначеннаго для женщинъ, и сознательно подготовится ихъ *научное неравенство* съ мужчинами, устранится возможность равнаго къ женщинамъ довѣрія со стороны публики, а стало быть и возможность серьезной ихъ конкурренціи врачамъ-мужчинамъ. При такого рода спеціализаціи женскаго курса, публика будетъ все-таки въ правѣ предпочитать даже и въ акушерствѣ—ученаго спеціалиста ученой спеціалисткѣ не потому, что на знаніе женщины будто бы менѣе можно полагаться, но потому, основательному поводу, что акушеркѣ *сообщаютъ* въ самомъ курсѣ менѣе знанія, чѣмъ акушеру.

Къ сожалѣнію, нельзя не замѣтить, что именно на этотъ путь спеціализаціи, посредствомъ ограниченія общаго курса, уклоняется росписаніе курса для ученыхъ акушерокъ, приложенное къ утвержденному военнымъ министромъ положенію. Предметы въ немъ тѣ же, чтó для студентовъ, но объемъ и характеръ преподаванія въ женскихъ курсахъ съуживается и понижается особыми оговорками. Такъ, на второмъ курсѣ читаются: физіологія здороваго человѣка, медицинская химія, физіологія больного человѣка (патологія), методы изслѣдованія болѣзней, фармакологія и фармація съ рецептурою. Но преподаваніе этихъ предметовъ для женщинъ опредѣляется такъ: „физіологія здороваго и больного человѣка должна имѣть въ виду *по преимуществу* организмы женскій и дѣтскій съ роковымъ (?) назначеніемъ перваго и прогрессомъ развитія, совершающимся въ послѣднемъ". „Не впадая въ односторонность, говорится далѣе, должны имѣть въ виду эту же *особенность* врачебнаго обученія женщинъ изложеніе мето-

довъ, изслѣдованіе болѣзней и фармакологія". Какъ же это не впадать въ односторонность, когда особенность имѣемая въ виду и есть не что иное, какъ именно односторонность? Здѣсь изъ выписанныхъ выраженій росписанія ясно, что ученицамъ будетъ преподаваема какая-то особая, ограниченная физіологія и патологія, а именно въ примѣненіи къ „роковому назначенію" женщины. Точно такъ и анатомія на первомъ курсѣ будетъ преподаваема женщинамъ не въ томъ объемѣ, какъ того требовалъ бы полный курсъ общей сравнительной анатоміи, а опять *по преимуществу* „съ прикладнымъ направленіемъ и въ особенной подробности излагать строеніе тѣхъ органовъ, которымъ принадлежитъ особенное значеніе въ организмахъ женскомъ и дѣтскомъ". И не будучи медикомъ можно знать, что въ анатоміи и физіологіи важнѣйшую часть составляетъ именно изученіе основаній и фактовъ общихъ обоимъ поламъ; примѣнять изложеніе этихъ наукъ преимущественно къ одному половому отличію, значитъ примѣнять изложеніе науки къ факту во всякомъ случаѣ второстепенному, или иными словами, сокращать и понижать строго-научное изложеніе съ цѣлью специализаціи и приложенія. Въ какой мѣрѣ возможно и самостоятельное, научное изученіе фактовъ второстепенныхъ безъ основательнаго, полнаго и равномѣрнаго усвоенія всѣхъ сторонъ науки въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ данное время — вотъ вопросъ, который рѣшится на дѣлѣ, при самомъ преподаваніи. Очень можетъ случиться, что почтенные преподаватели, убѣдясь на дѣлѣ въ невозможности пренебречь сравнительной анатоміею для того только, чтобы имѣть болѣе времени на изложеніе процесса прорѣзыванія зубовъ у дѣтей, на практикѣ и отбросятъ тѣ перегородки, которыя хочетъ создать „росписаніе". Въ такомъ случаѣ можно будетъ только сказать, что преподаваніе—лучше своей програмы. Но мы пока можемъ имѣть въ виду только программу. И для чего это потребовалось оговаривать въ програтмѣ „*роковое* назначеніе" женщины? Имѣлось ли при этомъ въ виду осудить слишкомъ смѣлыя теоріи о равенствѣ женщинъ съ мужчинами, тѣмъ болѣе съ мужчинами-врачами, такъ чтобы ученицы постоянно помнили, что несмотря на всевозможную ученость женщина все-таки имѣетъ свое „роковое назначеніе"? Или слово „роковое" внушено было составителямъ программы только чувствительностью и представляетъ не что иное, какъ мимолетный вздохъ о судьбѣ женщины, рожденной для того, чтобы рождать? Или, наконецъ, напоминаніе о роковомъ назначеніи вставлено въ томъ смыслѣ, что кромѣ учено-медицинской карьеры для женщины можетъ открыться и другая, а именно—выдти замужъ?

Относительно одного изъ важнѣйшихъ предметовъ третьяго курса, а именно клиники внутреннихъ болѣзней, въ росписаніи уже прямо выражено, что клиника внутреннихъ болѣзней для ученицъ „*имѣетъ*

ограничиваться общими болѣзненными процессами (воспаленіями, лихорадками, тифомъ, катарромъ, анэміею, скорбутомъ, бугорчаткою и т. д.)", а ученія о нервныхъ и глазныхъ болѣзняхъ также „*ограничиваются*" тѣмъ, что въ первомъ необходимо для женской, а въ послѣднемъ для дѣтской практики.

За всѣми этими ограниченіями весьма важныхъ частей общей медицины, спрашивается, возможно ли, чтобы курсъ учениць академіи стоялъ на равной научной высотѣ съ курсомъ студентовъ? Боимся, что на этотъ вопросъ невозможно отвѣтить иначе, какъ отрицательно. Затѣмъ, уже нечего и спрашивать, возможно ли будетъ при такихъ условіяхъ одинаковое довѣріе общества къ врачамъ-женщинамъ и врачамъ-мужчинамъ, и сколько-нибудь серьезная конкурренція „ученыхъ акушерокъ", хотя бы только болѣе ученымъ акушерамъ. О конкурренціи же врачей-женщинъ врачамъ-мужчинамъ по другимъ отраслямъ леченія нечего и говорить, такъ какъ мы узнаемъ, что она прямо устраняется. Правда, въ положеніи это не выражено; въ немъ не сказано ни слова о томъ, что „ученымъ акушеркамъ" предназначается и практика исключительно акушерская, короче, что онѣ не будутъ имѣть права лечить иныхъ болѣзней, кромѣ спеціальныхъ женскихъ и дѣтскихъ. Въ особомъ объявленіи отъ начальства медико-хирургической академіи, напечатанномъ въ „Прав. Вѣстникѣ", выражено весьма ясно именно то, что̀ не договорено въ утвержденномъ военнымъ министромъ положеніи. „Открываемый курсъ—говоритъ объявленіе—имѣетъ *исключительнымъ* назначеніемъ образованіе ученыхъ акушерокъ *въ той степени* (то-есть не менѣе, но и не болѣе), чтобы по окончаніи ученія онѣ были способны подавать самостоятельную врачебную помощь *при родахъ и послѣдствіяхъ ихъ*, а также въ женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ и сифилисѣ женщинъ и дѣтей». Исключительное назначеніе здѣсь уже совершенно ясно. Сверхъ того, въ этихъ дополнительныхъ къ положенію правилахъ, установляемыхъ объявленіемъ академическаго начальства, есть одно весьма существенное: „отъ дѣвицъ, имѣющихъ родителей, необходимо дозволеніе послѣднихъ на поступленіе ихъ дочерей въ курсъ". Положеніе опредѣляетъ, что въ ученицы принимаются особы не моложе 20-ти лѣтъ. Дѣвица, имѣющая 21 годъ, какъ совершеннолѣтняя можетъ обойтись безъ согласія родителей при вступленіи въ бракъ, можетъ продавать свое имѣніе и давать векселя, но не можетъ безъ согласія родителей вступить въ академію, хотя бы ей было 50 лѣтъ отъ роду. Такъ страшна все еще кажется намъ наука.

Въ печати вообще выражено было удовольствіе по поводу учрежденія при академіи женскихъ курсовъ. Мы охотно присоединяемся къ тѣмъ органамъ, которые высказали благодарность за то, что въ пользу честнаго труда женщинъ упала новая кроха съ обиль-

аго стола нашей общей работы. Полагаемъ, что благодарность общества въ этомъ случаѣ должна всецѣло принадлежать той высокомной особѣ, которая дала средства на учрежденіе женскихъ курсовъ. Что касается тѣхъ условій, какими эти курсы обставлены ны-нѣ, то относительно ихъ мы позволили себѣ откровенно выразить намнѣніе. Не мѣшаетъ теперь справиться, откуда явились подобныя условія, кѣмъ они были выработаны; хотя положеніе и утверждено военнымъ министромъ, но слишкомъ ясно, что выработали его люди не военные, а спеціалисты медицинской же профессіи. Изъ октябрьской книжки „Журнала министерства народнаго просвѣщенія" 1871 года оказывается, что проектъ, совершенно сходный въ общихъ чертахъ съ нынѣшнимъ положеніемъ, былъ выработанъ еще въ 1870-мъ году въ медицинскомъ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и что основанія, на какихъ признано было возможнымъ и полезнымъ допустить женщинъ къ изученію и практикѣ медицины, а также и самое росписаніе курса со всѣми ограниченіями, какія мы находимъ въ нынѣшнемъ положеніи, были поставлены гг. Козловымъ, Здекауэромъ и Красовскимъ, весьма извѣстными врачами, изъ числа которыхъ г. Красовскій имѣетъ знаменитость именно какъ акушеръ. Каковы бы ни были успѣхи будущихъ учениць нынѣшнихъ курсовъ академіи, слишкомъ ясно—говоримъ это безъ всякаго намѣренія польстить почтеннымъ ученымъ, которыхъ мы назвали—что изъ этихъ курсовъ не можетъ выдти ни одна ученица, которая бы могла сравниться съ г. Козловымъ въ административномъ положеніи, съ г. Здекауэромъ и г. Красовскимъ въ обиліи свѣдѣній, обширности практики, а потому и вполнѣ заслуженной ими славы. Но нѣтъ никакого основанія утверждать все-таки, что соперницы въ знаніи и искусствѣ, достойные даже равной знаменитости, не выйдутъ современемъ изъ русскихъ женщинъ, учащихся *въ Цюрихѣ*, проходящихъ тамъ полный медицинскій курсъ и удостоиваемыхъ тамъ той самой высшей ученой степени, которую у насъ достойно носятъ наши извѣстнѣйшіе и заслуженные врачи. Съ открытіемъ женскихъ курсовъ при петербургской медицинской академіи, многія дѣвушки, безъ сомнѣнія, воспользуются ими, вмѣсто того чтобы ѣхать учиться въ Цюрихъ; но едва ли и затѣмъ цюрихскій университетъ лишится всѣхъ своихъ русскихъ слушательницъ. Очень можетъ быть, что даже нѣкоторыя изъ учениць, прошедшихъ *женскій* курсъ въ академіи, будутъ ѣздить на годъ, на два *доучиваться* въ Цюрихъ.

Обратимся теперь къ статьямъ цюрихскаго профессора и посмотримъ, что̀ показалъ до сихъ поръ дѣйствительный опытъ изученія медицины женщинами. Опытъ этотъ начался съ 1864-го года и именно съ одной русской дѣвушки, которой разрѣшено было посѣщать меди-

цинскія лекціи. До 1867-го года, въ цюрихскомъ университетѣ н
было другихъ слушательницъ, кромѣ русскихъ. Съ тѣхъ поръ с
являться англичанки, швейцарки, нѣмки и американки. Всѣхъ слу
тельницъ въ Цюрихѣ теперь 63, и изъ нихъ, какъ мы уже сказ
54 — русскихъ. Онѣ слушаютъ лекціи нераздѣльно со студентам
сами матрикулируются, такъ какъ признано было полезнымъ сдѣл
пріемный экзаменъ обязательнымъ. Пройдя весь курсъ и выдерж
всѣ установленные экзамены, онѣ получаютъ степень докторовъ
дицины, безъ всякаго ограниченія и спеціализаціи. Избрать спеці
ность и усовершенствоваться въ ней, это уже ихъ дѣло, а не д
университетскаго начальства, которое считаетъ себя призвани
только открывать доступъ къ наукѣ и строго повѣрять успѣхи
нія, а не ограничивать его по какимъ-либо произвольнымъ предуб
деніямъ. Первая дама, получившая степень доктора медицины
Цюрихѣ, была г-жа Суслова. „Хотя всѣ члены медицинскаго фак
тета" говоритъ авторъ, „относятся къ вопросу объ ученіи женщ
(Frauenstudium) безъ предвзятаго мнѣнія, но намъ повѣрять,
экзаменъ достался докторанткѣ не легко". Присутствіе женщинъ
лекціяхъ не имѣло никакихъ неблагопріятныхъ послѣдствій; чи
студентовъ на медицинскомъ факультетѣ продолжало по прежн
возрастать, а тактъ слушателей и слушательницъ, и вмѣстѣ стр
научный характеръ преподаванія устранили всякое чувство неловко
всякую возможность какой-либо пошлой выходки. Достоинство на
и чувство личнаго достоинства вполнѣ охраняли аудиторію отъ в
кой такой мысли, которая такъ упорно лѣзетъ въ голову именно к
серваторамъ при обсужденіи этого вопроса; и профессора нискол
не были стѣснены въ своемъ преподаваніи, и аудиторія не имѣла
какого повода испытывать какое-либо неловкое чувство. Въ этомъ
ношеніи восьмилѣтній опытъ Цюриха, можно сказать, устранилъ окон
тельно всякія опасенія относительно смѣшанныхъ, то-есть совмѣ
ныхъ курсовъ. А такіе именно курсы весьма важны, какъ то сознаю
въ Цюрихѣ, для того, чтобы доставить врачамъ-женщинамъ рав
довѣріе общества, какимъ пользуются врачи-мужчины. „Піонерки ж
скаго ученія въ Цюрихѣ", говоритъ авторъ, „хотятъ показать,
онѣ проходятъ тотъ самый курсъ какъ и студенты, и что онѣ въ
стояніи справляться съ тѣмъ самымъ учебнымъ матеріаломъ. Бол
шинство публики, не безъ основанія, имѣло бы менѣе уваженія
успѣхамъ отдѣльнаго преподаванія для женщинъ, потому что о
вѣроятно всегда держалось бы ниже уровня мужскихъ курсовъ
едва ли привлекло бы къ себѣ первостепенныя преподавательскія сил
На полѣ науки женщины могутъ ожидать себѣ успѣха (Heil und Erfol
только въ свободной конкурренціи съ мужчинами. Наука, въ ея вы
шихъ цѣляхъ и задачахъ, не можетъ быть раздѣляема сообразно ра

...чію половъ. Тѣмъ дѣвушкамъ, которыя, имѣя способности и охоту ...ученію, принимаютъ великое рѣшеніе вступить въ карьеру не...чную для ихъ пола, предстоитъ затѣмъ выдерживать вполнѣ и ...тельно конкурренцію съ мужчинами, и въ самой своей жизни, ... должны заботиться о томъ, чтобы выдерживать сравненіе (sich ...ähren) не промежъ себя, а именно съ мужчинами, если онѣ не ...тъ погибнуть въ борьбѣ за существованіе". Цюрихскій профес...ръ высказалъ здѣсь истину, горькую, конечно, но тѣмъ не менѣе оче...дную.

Успѣхи, оказанные уже женщинами въ медицинѣ, и до сихъ поръ ...тся въ томъ, что онѣ *способны* выдерживать и такую конкуррен...цію, разумѣется въ такомъ именно случаѣ, если само знаніе сдѣлано ...ступно для нихъ совершенно наравнѣ съ мужчинами. Авторъ обра...щаетъ вниманіе на слѣдующіе факты: въ Америкѣ уже практикуютъ съ ...хомъ многія изъ врачей-женщинъ, въ Европѣ первенство въ этомъ ...ношеніи принадлежало Петербургу и Лондону, такъ какъ въ каж...мъ изъ этихъ городовъ въ настоящее время занимаются практикою ...о двѣ женщины-врача. Фамилія второй изъ петербургскихъ дамъ не на...вана, но извѣстна. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія о ней изъ занимающей ...съ статьи. Получивъ дипломъ въ Цюрихѣ, она присоединилась къ ...швейцарской врачебной экспедиціи, отправившейся въ январѣ 1871 ...да къ Бельфору, и начальникъ этой экспедиціи, докторъ Розе, сви...дѣтельствовалъ, что „въ лазаретномъ управленіи при Герикурѣ, она ...своей скромностью и самопожертвованіемъ заслужила общее сочув...ствіе". Бишофъ, въ числѣ своихъ возгласовъ противъ допущенія жен...щинъ въ медицинскую профессію, поставилъ и слѣдующій: „представьте ...себѣ женщину въ званіи медика управляющаго госпиталемъ!" На это ...нашъ авторъ отвѣчаетъ простою ссылкою на примѣръ: а г-жа Гарретъ-...Андерсонъ, извѣстный врачъ въ Лондонѣ, сама основала женскій гос...питаль и управляетъ имъ, а лучшіе врачи Лондона поддерживаютъ ...то учрежденіе и изъявили готовность быть при немъ консультан...тами. Въ помощницы себѣ г-жа Гарретъ взяла англичанку, окончив...шую курсъ въ Цюрихѣ. Директоръ медицинской клиники въ Цюрихѣ, ...рофессоръ Бирмеръ опредѣлилъ другую даму, получившую тамъ же ...докторскій дипломъ, помощницей ассистента въ женскомъ отдѣленіи ...цюрихскаго госпиталя.

До сихъ поръ въ Цюрихѣ получили докторскіе дипломы шесть ...женщинъ, изъ которыхъ четыре получили на послѣднемъ испытаніи ...общую отмѣтку „хорошо" а двѣ даже — „очень хорошо". „Когда ...учащіяся женщины, — замѣчаетъ авторъ, — проходятъ весь курсъ на ...одномъ мѣстѣ, и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ находятся подъ наблю...деніемъ и испытываются столь разнообразно въ лабораторіи, препа...ратурныхъ залахъ, у постели больныхъ, наконецъ въ письменномъ и

словесномъ экзаменахъ, то, кажется, возможно сдѣлать заключеніе о способности къ медицинѣ единичныхъ лицъ женскаго пола; а как только такое заключеніе должно сложиться въ смыслѣ благопріятномъ хотя бы только относительно одного лица, то во всякомъ случаѣ теорія, гласящая о невозможности хорошаго результата отъ этого опыта уже лишилась главной своей опоры". Авторъ, который основываетъ свое разсужденіе исключительно на фактахъ, а не на произвольныхъ умозрѣніяхъ, какъ Бишофъ, прибавляетъ, что многія изъ цюрихскихъ ученицъ уже оказали и дальнѣйшіе успѣхи въ качествѣ поликлиническихъ практикантокъ и въ леченіи больныхъ, какъ въ госпиталѣ, такъ и въ частныхъ домахъ, и пріобрѣтали полное довѣріе своихъ паціентовъ, между прочимъ именно и своей заботливостью и терпѣніемъ. Недавно еще въ одномъ медицинскомъ обществѣ въ Цюрихѣ, при обсужденіи одного случая, обращено было вниманіе на тонкую діагнозу болѣзни, поставленную врачемъ-женщиною. Послѣ такихъ указаній опыта, казалось бы, въ настоящее время не было сколько-нибудь основательныхъ причинъ къ ограниченію учебнаго курса и стѣсненію врачебной практики женщинъ, особенно въ Россіи, гдѣ всякій трезвый фельдшеръ можетъ безбѣдно существовать леченіемъ, и при полной безпомощности сельскаго народа приноситъ несомнѣнную пользу.

Замѣчательно, что несмотря на недостатокъ у насъ врачей, и несмотря на очевидную возможность съ пользою лечиться у иностранца, хотя бы и плохо знающаго русскій языкъ, у насъ не принимается уже нынѣ никакихъ мѣръ для облегченія иностранцамъ полученія лекарскаго диплома нашихъ факультетовъ. Но крайняя необходимость, какую мы ощущаемъ, имѣть ученыхъ филологовъ, вызвала въ іюлѣ такую исключительную мѣру въ пользу иностранцевъ. По представленію министерства народнаго просвѣщенія состоялось 10-го іюля повелѣніе, которымъ допускается въ пользу филологовъ изъ иностранцевъ весьма важное исключеніе изъ общаго университетскаго устава. Въ силу этого повелѣнія, „лица изъ иностранцевъ, получившія образованіе въ *заграничныхъ* гимназіяхъ и затѣмъ пробывшія положенное число семестровъ студентами одного изъ *заграничныхъ* университетовъ (не сказано: окончившія курсъ со степенью), изучая въ немъ историко-филологическіе предметы, буде выдержали установленное на званіе *гимназическаго* учителя древнихъ языковъ испытаніе *за границей* или въ Россіи, и на основаніи свидѣтельствъ о семъ были опредѣлены учителями древнихъ языковъ въ гимназіяхъ имперіи, допускаются прямо къ испытанію на степень магистра, а затѣмъ и къ пріобрѣтенію степени *доктора* греческой или римской словесности, или же и той и другой, *безъ предварительнаго испытанія на степень кандидата.*" Послѣднія слова значатъ буквально: безъ окончанія университетскаго курса. Итакъ, у насъ могутъ быть затѣмъ такіе доктора римской и греческой словес-

ности, которые изъ нѣкоторыхъ университетскихъ и даже гимназическихъ предметовъ не выдержали бы экзамена, но будутъ знать одну свою спеціальность. Уже въ то время, когда прошелъ уставъ нашихъ классическихъ гимназій, мы не скрывали отъ себя тѣхъ многообразныхъ трудностей, съ какими неизбѣжно должно было встрѣтиться у насъ быстрое усиленіе классической системы, и изъ которыхъ первою долженъ былъ оказаться именно недостатокъ въ преподавателяхъ. Нѣтъ нужды особенно останавливаться надъ нынѣ принятою мѣрой; она есть только одно въ числѣ исключеній изъ общаго закона, которыя придется допустить при спѣшномъ примѣненіи мысли о перевоспитаніи всего общества. Одна изъ слабыхъ сторонъ нынѣшней мѣры конечно та, что въ воспитатели придется звать людей, не знающихъ русской грамматики.

Отъ медицинскихъ курсовъ и отъ вопроса о недостаткѣ у насъ врачей вообще, весьма кстати перейти къ холерѣ, которая вотъ уже третье лѣто къ ряду появляется въ Петербургѣ. Оффиціальныя цифры по 14-е августа показываютъ и на нынѣшній разъ 2625 случаевъ холеры, изъ которыхъ 1,256 доселѣ окончились смертью. Такъ какъ съ 1848-го года, холера въ Петербургѣ открывается едва ли не въ восьмой разъ, то казалось бы, есть достаточный поводъ къ тому, чтобы признать эту эпидемію спеціально-опасною именно для Петербурга, изслѣдовать причины благопріятствующія ея появленію и развитію здѣсь, и затѣмъ предпринять какія-либо серьезныя и энергическія мѣры для пресѣченія или ограниченія зла, которое теперь держится здѣсь третій годъ и грозитъ стать въ Петербургѣ постояннымъ, непрекращающимся, а только періодически-ослабѣвающимъ и затѣмъ снова развивающимся бѣдствіемъ. Предѣлы этого обозрѣнія и самая спеціальность вопроса не позволяютъ намъ заняться имъ со всей подробностью; мы должны ограничиться бѣглымъ обзоромъ фактовъ и коснуться фактовъ научныхъ единственно настолько, чтобы показать, что и при нынѣшней, далеко не полной обработкѣ вопроса о способѣ распространенія эпидеміи, оказывается на лицо достаточно поводовъ для принятія энергическихъ мѣръ, чтобы избавить Петербургъ отъ непрерывно-холерной будущности.

Какъ ни неполно обработанъ вопросъ о холерѣ въ наукѣ, но и при взглядѣ на то, что́ уже сдѣлано для него заграницею, становится совѣстно подумать, что у насъ даже и эти послѣдніе два года продолженія эпидеміи прошли для науки почти безслѣдно. При первомъ извѣстіи о нѣсколькихъ случаяхъ холеры въ Берлинѣ, въ иностранныхъ газетахъ появились обширныя статьи, посвященныя этому предмету, съ цѣлью побудить правительство и общество къ тому, чтобы принять своевременно мѣры для отпора эпидеміи. При нашемъ краткомъ очеркѣ,

мы преимущественно воспользуемся весьма обстоятельными статьями „Allgemeine Zeitung“, которыя, по новѣйшему труду Петтенкофера, излагают положеніе вопроса о причинѣ и способахъ распространенія холерной эпидеміи въ наукѣ. Европейская наука не ограничилась наблюденіемъ хода холеры на западѣ Европы; она начала изслѣдовать холеру въ самомъ отечествѣ ея — Остъ-Индіи, и труды англичанина Брайдона, который сдѣлалъ сводъ наблюденій за послѣднія 20 лѣтъ, надъ 63,409 европейцами въ Индіи и 93,648 туземцами, составилъ карты путей холеры, представилъ драгоцѣнныя статистическія данныя относительно дѣйствія эпидеміи въ Индіи, по условіямъ климатическимъ и гигіеническимъ, съ отдѣльными цифрами заболѣваній и смертности для различныхъ группъ больныхъ, находившихся въ разныхъ условіяхъ. Самый патологическій процессъ холеры нашелъ дѣятельныхъ и талантливыхъ изслѣдователей въ Европѣ, между которыми первыя мѣста занимаютъ Клобъ, Томé и Галліеръ. Наконецъ, относительно общей теоріи самаго способа распространенія холеры, наиболѣе полное и доселѣ наиболѣе вѣроятное объясненіе представилъ Петтенкоферъ. Въ виду такихъ почтенныхъ трудовъ, совѣстно сознаться предъ самими собой, что мы, несмотря на холеру 1870-го, 1871-го и 1872-го годовъ, не можемъ даже представить международному статистическому конгрессу, собравшемуся теперь въ Петербургѣ, сколько-нибудь полной и раціонально-обработанной холерной статистики по имперіи. Сводъ помѣщаемыхъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ валовыхъ цифръ медицинскаго департамента о ходѣ холеры—вотъ все, чтó мы можемъ представить конгрессу, если еще такой сводъ будетъ сдѣланъ.

Не останавливаясь на различіи относящихся къ свойству холерной эпидеміи научныхъ теорій, приведемъ въ краткихъ словахъ тѣ *предположенія*, которыя пока основываются на наиболѣе полныхъ наблюденіяхъ. Микроскопическо-анатомическія изслѣдованія привели къ открытію, что желудочно-кишечный каналъ холерныхъ покрытъ какъ бы пылью, которая представляетъ массу микроскопическихъ грибковъ нижайшей органической формы—такъ-называемыхъ „споръ“. Эта пыль или масса извергается въ рвотѣ и кишечныхъ испражненіяхъ, придавая имъ видъ чего-то въ родѣ рисовой жидкости. Можно догадываться, что эти-то споры и заключаютъ въ себѣ холерный ядъ. Оставимъ въ сторонѣ другую научную догадку, которою возражается, что появленіе этихъ споръ на поверхности пораженныхъ внутренностей можетъ быть *послѣдствіемъ*, а не *причиною* самаго факта пораженія. Для насъ не такъ важенъ этотъ вопросъ, какъ тотъ несомнѣнный фактъ, что холерное пораженіе органа и появленіе въ немъ споръ — неразлучны, и затѣмъ другой фактъ, именно что такія споры, при секціяхъ, не были никогда открываемы въ органахъ дыханія, а находились именно только въ желудочно-кишечномъ каналѣ и связанныхъ съ нимъ органахъ.

Изъ этихъ фактовъ представляется достаточный поводъ заключать (все предположительно), что холера сообщается организму не путемъ дыханія, а путемъ пищеварительныхъ каналовъ, то-есть, что зараженіе происходитъ не посредствомъ вдыханія міазмовъ, а непосредственно внесеніемъ споръ въ пищеварительные органы — черезъ пищу, а въ особенности питье, и даже прямо — входомъ споръ изъ зараженныхъ нечистотъ въ кишечные каналы.

Допустивъ это, намъ совершенно вѣроятнымъ представится то объясненіе хода холеры, которое даетъ именно Петтенкоферъ, а именно, что холера распространяется посредствомъ грунтовой воды, или иными словами—стокомъ водъ, а переносится въ далекія мѣстности самими больными путешественниками, которыхъ изверженія, проникая въ грунтовую воду мѣстности незараженной, вносятъ въ нее холерный ядъ. Затѣмъ, занесенная такимъ образомъ эпидемія и будетъ распространяться по направленію стока водъ. Если бы холера распространялась посредствомъ воздуха, то-есть, если бы ее несли теченія атмосферныя, то невозможно было бы объяснить, почему нѣкоторыя мѣстности, среди полосы пораженной холерою, остаются отъ нея свободными, и почему холера распространяется минуя иногда огромныя разстоянія.

Какъ бы то ни было, уже та масса наблюденій, какою обставлена теорія Петтенкофера и легкость, съ какою именно посредствомъ ея можно объяснить движеніе холеры, совершенно достаточны для того, чтобы основать на этой теоріи серьезныя мѣры для пресѣченія и ограниченія развитія эпидеміи. Необходимость предупредительныхъ и ограничительныхъ мѣръ особенно очевидна именно для Петербурга. Безъ нихъ, Петербургъ, по свойству тѣхъ условій разнаго рода, которыя въ немъ соединяются и всѣ благопріятствуютъ холерной эпидеміи, будетъ подверженъ ей почти постоянно. Взглянемъ на эти условія. Развитіе желѣзныхъ дорогъ сдѣлало то, что если только гдѣ-нибудь въ имперіи появится холера, есть всѣ шансы для того, чтобы она занесена была въ Петербургъ. Ни одинъ городъ въ Россіи не можетъ сравниться съ Петербургомъ относительно постояннаго наплыва пріѣзжихъ. Нѣтъ такой мѣстности въ Россіи, изъ которой въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не явилось бы нѣсколько пріѣзжихъ въ Петербургъ. А такъ какъ поѣздка по желѣзной дорогѣ ограничивается по большей части нѣсколькими часами, то можно почти съ достовѣрностью утверждать, что если только гдѣ-нибудь въ имперіи есть холера, въ Петербургъ непремѣнно явятся нѣсколько заразившихся ею пассажировъ, которые въ столицѣ выздоровѣютъ или умрутъ, но внесутъ въ здѣшнюю почву ядъ эпидеміи. То же самое вѣрно и для Москвы, но послѣдующія затѣмъ явленія для обѣихъ столицъ совершенно различны. Почва въ Москвѣ гораздо суше, уровень грунтовой воды гораздо ниже, наконецъ вода, которую пьютъ въ Москвѣ, стекаетъ ключами

съ высотъ, находящихся внѣ города и стало быть можетъ совершенно предохраниться отъ зараженія. Такъ извѣстно, что въ Москву нынѣшнимъ лѣтомъ эпидемія была занесена богомольцами изъ Кіева. Но при твердости мѣстной почвы и по свойству теченія воды, употребляемой въ пищу, холера могла локализироваться въ Москвѣ, такъ что ядъ ея не распространился на весь городъ, на все населеніе. Совсѣмъ иныя условія почвы въ Петербургѣ. Здѣшняя почва жидка, влажна, а уровень грунтовой воды на большей части поверхности Петербурга составляетъ всего 2—3 фута, и только въ немногихъ мѣстахъ доходитъ до 4-хъ саженъ. Здѣсь мы сошлемся на извѣстную книгу доктора Гюбнера „Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія Петербурга". Уровень почвенной воды не постояненъ; онъ иногда возвышается, иногда понижается. Причина этого явленія указывается спеціалистами различная. Такъ докторъ Пель доказываетъ, что повышеніе уровня почвенной воды въ Петербургѣ зависитъ исключительно отъ атмосферическихъ осадковъ, т.-е. дождя и тумана, а докторъ Илишъ утверждаетъ, что степень влажности петербургской почвы зависитъ прямо отъ уровня воды въ Невѣ, такъ что съ паденіемъ рѣчного уровня всѣ соединенія въ почвенной водѣ стекаютъ въ Неву.

Не намъ предстоитъ разбирать степень вѣроятности каждаго изъ этихъ объясненій. Для насъ достаточно и то, и другое, чтобы понять почему въ петербургской почвѣ всякое зараженіе легко можетъ проникнуть во всѣ мѣстности, сообщиться всей почвенной водѣ и, не говоря уже о каналахъ, отравить и самую Неву. Петербургская почва это губка, которая всасываетъ легко и болѣе или менѣе равномѣрно всякое химическое начало, которое будетъ привито хоть къ одному ея пункту, особенно если прежде всего оно прививается именно мѣстности лежащей выше, мѣстности, отъ которой идетъ стокъ водъ, то-есть теченіе какъ самой рѣки, такъ и дождевыхъ и почвенныхъ водъ, и наконецъ обратный стокъ въ Неву ея же воды, подмывшей почву при морскомъ вѣтрѣ. Итакъ, зараженіе, по теоріи Петтенкофа, въ Петербургѣ непремѣнно должно сообщаться всему городу съ особенной легкостью. Но у насъ есть и еще нѣкоторыя условія для этого, кромѣ жидкости и влажности почвы, и условія эти сосредоточены именно къ самимъ источникамъ той воды, которую мы пьемъ.

Первоначально эпидемія заносится прибывающими въ Петербургъ. Но какіе же изъ прибывающихъ въ Петербургъ людей находятся въ положеніи наиболѣе благопріятномъ для развитія въ ихъ организмѣ холернаго зараженія? Конечно—рабочіе. Въ Петербургъ ихъ являются десятки тысячъ человѣкъ, являются именно лѣтомъ. Не мало уже было говорено о тѣхъ плачевныхъ условіяхъ, въ которыхъ находятся эти прибывающіе въ Петербургъ рабочіе; о томъ, что̀ они ѣдятъ и гдѣ они спятъ. Но и изъ этой массы рабочихъ, въ условіяхъ самыхъ благо-

ріятныхъ для развитія эпидеміи находятся именно тѣ, которые при-
ываютъ въ Петербургъ на баркахъ, которые при самой изнуритель-
ной работѣ получаютъ самое скудное вознагражденіе, а стало быть
пищу, работаютъ не рѣдко въ водѣ, и спятъ всегда на холоду, на
ней же, въ одеждѣ по большей части сырой, если и не совершенно
мокрой. Извѣстно, что холера бываетъ особенно сильна именно въ
средѣ судорабочихъ. Итакъ, наиболѣе вѣрныя условія для развитія
холернаго яда сосредоточиваются у насъ именно у самаго источника
Невы и по берегамъ ея, выше города, въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ
холера обыкновенно и начинается. Такимъ образомъ, зараженіе непо-
средственно сообщается Невѣ, изъ которой всѣ мы пьемъ, и путемъ
стоковъ изъ наиболѣе возвышенной въ Петербургѣ мѣстности со-
общается всей почвенной водѣ. Затѣмъ уже, зараза, быстро распро-
страняясь по всему городу, сильнѣе всего начинаетъ дѣйствовать въ
мѣстностяхъ наиболѣе низменныхъ, то-есть тамъ, куда стокъ направ-
ляется и гдѣ уровень почвенной воды всего ближе къ поверхности
почвы, то-есть въ частяхъ нарвской, коломенской, а за рѣкою — въ
петербургской и васильевской. Прибавимъ еще, что какъ нарочно въ
самыхъ мѣстностяхъ Петербурга, лежащихъ всего выше по теченію
Невы, находятся два кладбища: на правомъ берегу Охтенское, на лѣ-
вомъ—Невскаго монастыря. Затѣмъ: въ мѣстности, лежащія за рѣкой,
на холмахъ окружающихъ Петербургъ съ сѣвера, эпидемія путемъ
зараженія почвенный воды не могла бы проникнуть. Однакоже мы
знаемъ, что холера бываетъ сильна на Охтѣ всякій разъ, на Порохо-
выхъ (въ прошломъ году), а появляется и въ Парголовѣ (нынѣшнимъ
лѣтомъ) и въ Лаврикахъ (около 2 верстъ за Муринымъ). Это уже мѣ-
ста лежащія высоко и притомъ имѣющія иную почву и иную воду;
почва ихъ сухая, песчаная, вода изъ тамошнихъ источниковъ сама по
себѣ имѣетъ даже крѣпительное свойство. Но во всѣхъ этихъ мѣст-
ностяхъ, начиная отъ Новосаратовской колоніи, на правомъ берегу
Невы (15 в. выше Петербурга) до тѣхъ холмовъ, на которыхъ лежатъ
чухонскія деревни, принадлежащія къ комендантскому вѣдомству и
до самой Лахты (6 верстъ ниже Петербурга), во всемъ этомъ полу-
кругѣ земледѣліе производится при удобреніи, вывозимомъ изъ отхо-
жихъ мѣстъ Петербурга. Эти массы нечистотъ, нисколько не дезин-
фецированныя, вывозятся не только зимою, но и въ теченіи всего лѣта,
въ самое холерное время, тамошними крестьянами изъ частныхъ до-
мовъ, посѣщенныхъ холерою и даже изъ больницъ, безъ всякаго раз-
бора. Привезенныя на мѣсто, онѣ сваливаются въ кучи, а потомъ
разбрасываются по полямъ. Что при дождѣ холерный ядъ изъ нихъ
можетъ заражать и мѣстную воду, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,
гдѣ почва имѣетъ гигроскопическое свойство, это доказывается слу-
чаями холеры въ Парголовѣ и особенно въ Лаврикахъ, гдѣ нынѣш-

нимъ лѣтомъ какой-то антрепренеръ устраивалъ ямы для своза нечистотъ, съ цѣлью добывать изъ нихъ какое-то улучшенное удобреніе. Крестьяне въ Лаврикахъ приписываютъ происхожденіе у нихъ холеры прямо этому обстоятельству и въ подтвержденіе ссылаются на фактъ, что первый случай холеры былъ въ самомъ заведеніи этого предпринимателя.

Но успѣетъ ли ядъ изъ петербургскихъ нечистотъ заразить мѣстные колодцы этихъ возвышенныхъ мѣстъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что дожди несутъ его съ полей въ рѣку Охту и вообще внизъ, по скату водъ, на Пороховые и въ Охтенскій посадъ. А оттуда онѣ смываются опять-таки въ Неву и уносятся туда рѣкою Охтою, которая впадаетъ въ Неву.

Сверхъ того, и независимо отъ такого, можно сказать, систематическаго зараженія Невы у самаго ея источника, или въ верховьи ея, выше Петербурга, въ самой столицѣ почвенная вода должна просачиваться въ Неву, а вода съ улицъ и дворовъ береговыхъ мѣстностей, вода зараженная, не можетъ не проникать въ Неву. Мы не беремъ на себя утверждать никакихъ новыхъ научныхъ фактовъ, ни рѣшать между фактами спорными въ наукѣ. Но полагаемъ, изъ предшествующаго слѣдуетъ одно изъ двухъ: 1) или нужно a priori отвергать научное мнѣніе, что холера производится тончайшимъ органическимъ ядомъ, который даже въ весьма малыхъ дозахъ способенъ отравлять цѣлую мѣстность посредствомъ ея почвенной воды, или 2) что въ Петербургѣ, гдѣ условія почвы благопріятствуютъ распространенію холеры, куда стекаются массы рабочихъ, гдѣ преимущественно заражается самое верховье рѣки, дающей воду для питья и пищи, холера будетъ развиваться каждый годъ, какъ только она явится гдѣ-либо въ имперіи. Благодаря скорости сообщеній она неизбѣжно будетъ заносима, благодаря свойствамъ петербургской почвы она будетъ легко распространяться и держаться по два года, такъ что едва оставшійся въ почвѣ ядъ начнетъ истощаться, какъ уже новыми пріѣзжими изъ холерныхъ мѣстностей онъ будетъ занесенъ въ Петербургъ вновь, опять на два года и такъ далѣе. Однимъ словомъ, безъ серьезныхъ мѣръ пресѣченія холера въ Петербургѣ водворится постоянно, и будетъ каждый годъ уносить по тысячѣ, а иногда и по *тысячамъ* жертвъ.

Необходимость мѣръ пресѣченія очевидна. Мѣры, какія можно предложить, всѣ слѣдуютъ изъ того, что́ выше сказано о способѣ развитія эпидеміи въ Петербургѣ. Стало быть, намъ достаточно будетъ назвать ихъ, не объясняя, чѣмъ именно оправдывалась бы каждая изъ нихъ. Исчислимъ эти мѣры. Самая трудная изъ нихъ: устройство правильнаго отвода нечистотъ изъ Петербурга въ море. Мѣра эта удобнѣе въ Петербургѣ, чѣмъ гдѣ-либо, удобнѣе, конечно, чѣмъ въ Па-

кѣ, который отъ моря отстоитъ далеко; правильное дренированіе вы, въ связи съ устройствомъ отвода нечистотъ. Изъятіе произства дезинфекціи въ частныхъ и казенныхъ домахъ изъ рукъ сазъ управленій этихъ домовъ и порученіе постоянной дезинфекціи паніи, или же образованіе для этой важной санитарной мѣры осо service public, особыхъ городскихъ агентовъ. Всѣ ретирадныя ста и ямы въ городѣ должны быть перенумерованы и раздѣлены околотки, ввѣренныя агентамъ, такъ чтобы достаточно было взглянa нумеръ, чтобы знать, кто за исправность его состоянія отвѣтъ. Повѣрка городскими медиками и городскими властями, а такі полиціею должна происходить неослабно. Для дезинфекціи должбыть употребляемы карболовые составы, а быть можетъ и болѣе льныя средства, уничтожающія органическія зачатки (споры) заранія. Тогда нечистоты, вывозимыя на поля и отвезенныя на взморье, будутъ уже заразительны. Дезинфекція сама по себѣ операція ль легкая и дешевая, сравнительно хотя бы съ постояннымъ леіемъ 2-хъ тысячъ больныхъ въ теченіи лѣта, что не можетъ быть вопроса о пользѣ примѣненія ея. Но для того, чтобы она произволась не для виду только, а серьезно и неослабно, необходимо изчь ее изъ рукъ домовладѣльцевъ, смотрителей и дворниковъ и анизовать ее столь же исправно, какъ организовано, напр., освѣщегорода газомъ. Когда дѣломъ этимъ не будутъ завѣдывать домодѣльцы, а городъ будетъ производить дезинфекцію на свой, тоъ на ихъ же счетъ, тогда сами домовладѣльцы будутъ жаловаться малѣйшую неисправность содержанія ихъ отхожихъ мѣстъ, а стабыть наблюденіе будетъ двустороннее и неослабное. Необходимо акже подумать и объ устройствѣ въ Петербургѣ порядочныхъ ночежныхъ помѣщеній для приходящихъ рабочихъ. Съ этой цѣлью неавно образовалось спеціальное благотворительное общество. Но такъ къ средства оно на это дѣло предполагаетъ добывать устройствомъ концертовъ, спектаклей, лотерей и т. п., то ясно, что дѣйствія его не будутъ значительны и не снимутъ съ города обязанности озаботиться этимъ вопросомъ. Наконецъ, при истокѣ Ладожскаго канала можетъ быть устраиваемъ лѣтомъ медицинскій осмотръ барокъ, въ видѣ карантина, и сверхъ того вообще на всѣхъ системахъ нашихъ каналовъ слѣдовало бы учредить холерныя станціи или пріюты, также какъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Эти двѣ послѣднія мѣры входятъ уже въ кругъ дѣятельности разныхъ земствъ и желѣзно-дорожныхъ компаній. Но и спеціально въ самомъ Петербургѣ не слѣдуетъ ограничиваться одной дезинфекціею, какъ бы дѣйствительна она ни была. Необходимо все-таки подумать объ отводѣ нечистотъ и объ устройствѣ правильной системы водосточныхъ трубъ для осушенія почвы. Пословица говоритъ: „не плюй въ колодезь, изъ котораго пить при-

дется"; при нынѣшнемъ стокѣ нечистотъ въ Петербургѣ, можно сказать, населеніе дѣлаетъ еще хуже, чѣмъ плюетъ въ ту воду, которую послѣ употребляетъ въ пищу.

Вопросъ о своевременныхъ и успѣшныхъ мѣрахъ къ отвращенію и пресѣченію эпидемій въ такихъ многолюдныхъ центрахъ, какъ Петербургъ и Москва, очевидно связанъ самымъ существеннымъ образомъ съ другимъ вопросомъ, именно о степени самостоятельности городскихъ управленій столицъ и въ особенности ихъ денежной состоятельности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вовсе не трудно было бы, при нынѣшнемъ развитіи кредита, такому городу, какъ Петербургъ, составить планы правильнаго отвода нечистотъ, городского производства усиленной дезинфекціи при приближеніи и наступленіи эпидемія, одновременной перестройки мостовыхъ большими участками, улучшенія содержанія городскихъ больницъ, наконецъ, пожалуй и устройства нѣсколькихъ обширныхъ казармъ для ночлега прибывающихъ въ городъ рабочихъ. Устройство правильной дезинфекціи и стоило бы въ теченіи цѣлаго лѣта суммы вовсе не большой; всего важнѣе здѣсь то, чтобы этими дѣлами завѣдывали не домохозяева, а само городское управленіе. Улучшить содержаніе городскихъ больницъ совершенно необходимо. Удовлетворительно содержать и лечить больного на 8 копѣекъ въ сутки нѣтъ возможности, а поручить уходъ за ними людямъ, которые получаютъ въ мѣсяцъ менѣе 7-ми рублей жалованья, изъ которыхъ еще 2 р. 50 к. вычитаются на харчи—какъ то недавно обнаружилось относительно Обуховской больницы въ извѣстномъ процессѣ ея служителей—слишкомъ нераціонально. Наконецъ, когда же нибудь стóитъ подумать и о томъ, чтобы мостовыя въ Петербургѣ устроены были сплошными площадями съ правильнымъ разрѣзомъ.

На все это, въ настоящее время, имѣется основательное возраженіе—нѣтъ денегъ! городъ не имѣетъ средствъ! Правда, противъ этого возраженія можно, также не безъ основательности, сказать, что городъ Петербургъ еще не испробовалъ могущественнаго средства развитія, а именно—обращенія къ кредиту для работъ, указываемыхъ не прихотью роскоши, а первыми, настоятельнѣйшими городскими потребностями. Кредитъ же у такихъ городовъ, какъ Петербургъ и Москва, долженъ быть. Вѣдь нашли же Парижъ и Вѣна возможность почти совершенно перестроиться въ короткій періодъ времени. Не надо, конечно, вступать на путь „оссмановской" расточительности. Но для обзаведеній первоначальной необходимости, для охраненія жизни, рукъ, ногъ и шей гражданъ слѣдуетъ обратиться и къ кредиту, если наличныхъ средствъ недостаетъ. Для чего же и можетъ служить кредитъ во всякомъ хозяйственномъ дѣлѣ, какъ не для того, чтобы самое хозяйство поставить правильно?

Впрочемъ, поспѣшимъ оговориться, что наше возраженіе на воз-

раженіе можетъ быть предъявлено только въ неопредѣленномъ будущемъ, а никакъ не могло быть предъявляемо доселѣ. Раціонально ли обращаться къ кредиту тому, кто не можетъ самостоятельно распоряжаться занятою суммой, чьи постоянные доходы обложены обязательными статьями расхода въ такой степени, что онъ можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію едва одной пятой ихъ частью? Возможно ли было предпринимать обширныя мѣры къ улучшенію условій городской жизни, когда городскому управленію лишь въ незначительной степени принадлежало право издавать обязательныя для жителей постановленія? Мыслимо ли городу посредственно или непосредственно приниматься за производство какихъ-либо большихъ строительныхъ работъ, когда самое дѣло строительства зависитъ отъ трехъ, а иногда и болѣе чѣмъ трехъ вѣдомствъ?

Въ концѣ іюля опубликованы правила о примѣненіи городового положенія 16-го іюня 1870 года къ столицамъ и городу Одессѣ. Вотъ почему мы повели рѣчь о мѣрахъ къ „будущему" устройству столицъ. Городовое положеніе, какъ извѣстно, въ значительной мѣрѣ обезпечиваетъ самостоятельность самоуправленія. Кругъ вѣдѣнія городскихъ властей имъ расширенъ, а учрежденіе особыхъ присутствій по городскимъ дѣламъ, состоящихъ на половину изъ лицъ административныхъ и на половину изъ лицъ выборныхъ, — во всякомъ случаѣ обезпечиваетъ дѣйствіямъ городскихъ управленій значительную долю самостоятельности. Такъ какъ Петербургъ предположено выдѣлить изъ состава губерніи въ особое градоначальство, то обязанности, возлагаемыя городовыми положеніями на губернатора, здѣсь будутъ принадлежать градоначальнику. Обязанности эти, по отношенію къ общественному управленію, ограничиваются надзоромъ за законностью его дѣйствій. Присутствіе по городскимъ дѣламъ здѣсь составляется: изъ вице-губернатора, управляющаго казенною палатой, прокурора окружнаго суда, предсѣдателя столичнаго съѣзда мировыхъ судей или члена съѣзда по назначенію послѣдняго. Предсѣдательствуютъ въ присутствіяхъ по городскимъ дѣламъ губернаторы. Но такъ какъ Петербургъ выдѣляется изъ губерніи, то при разсмотрѣніи присутствіемъ дѣлъ, касающихся Петербурга, предсѣдательствовать будетъ градоначальникъ; губернатору же будетъ принадлежать предсѣдательство только при разсмотрѣніи дѣлъ другихъ городовъ Петербургской губерніи. При этомъ невольно возникаетъ вопросъ, почему же въ обсужденіи дѣлъ Петербурга будетъ участвовать вице-губернаторъ, когда Петербургъ къ губерніи принадлежать не будетъ? Сверхъ того, въ составъ присутствія приглашается городской голова того города, до котораго относится разсматриваемое дѣло. При существованіи въ столицѣ нѣсколькихъ мировыхъ округовъ, членомъ присутствія по городскимъ дѣламъ назначается одинъ изъ предсѣдателей мировыхъ съѣз-

довъ, по постановленію общаго присутствія этихъ съѣздовъ. Городскія думы будутъ состоять въ Петербургѣ изъ 252, а въ Москвѣ изъ 180 гласныхъ. Если особый предсѣдатель городской думы въ Петербургѣ или Москвѣ не назначенъ верховной властью, то предсѣдательствуетъ въ думѣ городской голова. Дума избираетъ двухъ кандидатовъ въ городскіе головы: „перваго“ и „втораго“; затѣмъ одинъ изъ нихъ утверждается въ этомъ званіи верховной властью (въ столицахъ); въ Петербургѣ и Москвѣ учреждается еще, также выборная, должность товарища городского головы.

Городовое положеніе, какъ извѣстно, предоставляетъ городскимъ думамъ издавать, съ соблюденіемъ установленнаго порядка, обязательныя для городскихъ жителей постановленія по опредѣленнымъ предметамъ. Сверхъ этихъ общихъ предметовъ, думамъ петербургской и московской предоставляется издавать обязательныя постановленія еще по нѣкоторымъ, особо для нихъ указаннымъ предметамъ, и въ числѣ такихъ предметовъ находятся: мѣры къ огражденію общественнаго здоровья отъ опасности, происходящей вслѣдствіе неправильнаго устройства и *неисправнаго содержанія* фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ и вообще *помѣщеній для рабочихъ*. Расширеніе власти городского управленія въ этой сферѣ весьма важно въ санитарномъ отношеніи и, надо надѣяться, поведетъ къ преобразованію тѣхъ ночлежныхъ пріютовъ на Сѣнной, которые составляютъ одно изъ темнѣйшихъ пятенъ Петербурга, и той извѣстной фабрики въ Москвѣ, которая служила центромъ для развитія тамъ холеры. Въ числѣ такихъ же предметовъ, спеціально отнесенныхъ къ компетентности думъ петербургской и московской, находимъ еще и регуляцію времени открытія и закрытія торговыхъ и промышленныхъ заведеній въ воскресные и праздничные дни. Право городскихъ думъ издавать обязательныя постановленія по этому предмету могло бы дать городскимъ собраніямъ столицъ немаловажное практическое средство для ограниченія пьянства, которое у насъ, какъ извѣстно, не только процвѣтаетъ, но именно и возникаетъ въ праздничные дни, простираясь отъ нихъ уже и на дни непосредственно слѣдующіе за праздниками. Авторъ того представленнаго харьковской думѣ доклада, о которомъ мы упоминали въ одномъ изъ послѣднихъ обозрѣній, именно настаивалъ на важности предоставить городскимъ думамъ право вовсе запрещать торговлю спиртными напитками въ дни воскресные и праздничные. Но „правила“, о которыхъ мы теперь говоримъ, хотя и предоставляютъ столичнымъ думамъ право опредѣлять время открытія и закрытія торговыхъ, а стало быть и питейныхъ заведеній, однако тотчасъ исключаютъ возможность какихъ-либо дѣйствительныхъ мѣръ для ограниченія питейной продажи тѣмъ, что обусловливаетъ это право столичныхъ думъ статьею 329-ю устава питейнаго. Справляясь съ этой статьей находимъ, что она запре-

щаетъ продажу крѣпкихъ напитковъ только до окончанія обѣдни, а также волостныхъ и сельскихъ сходовъ. Такъ какъ притомъ въ одномъ примѣчаніи къ этой статьѣ питейнаго устава сказано, что городскимъ думамъ предоставляется только опредѣлить разъ навсегда часъ, до котораго кабаки должны быть закрыты по праздникамъ, сообразно со временемъ окончанія въ городѣ обѣдни, а другое примѣчаніе освобождаетъ даже и отъ такого ограниченія трактиры, буфеты и постоялые дворы, то ясно, что предоставляемое столичнымъ думамъ право опредѣлять время открытія и закрытія торговыхъ заведеній сводится, собственно говоря, ни къ чему. При дополнительномъ согласованіи нынѣшнихъ правилъ съ общими законами, которое, согласно мнѣнію государственнаго совѣта, возложено на попеченіе II отд. канцеляріи его величества и министра внутреннихъ дѣлъ, въ порядкѣ законодательномъ, не мѣшало бы обратить вниманіе на указанный нами пунктъ правилъ, который какъ бы предоставляетъ въ видѣ особой привилегіи столичнымъ думамъ, относительно питейной продажи, только такое право, которое по общимъ законамъ уже принадлежитъ всѣмъ безъ изъятія городскимъ думамъ. Нѣтъ, собственно говоря, причины давать столичнымъ думамъ какую-либо въ этомъ отношеніи привилегію предъ прочими думами, но весьма полезно было бы предоставить всѣмъ вообще думамъ право вполнѣ запрещать продажу спиртныхъ напитковъ по праздникамъ, или ограничивать ее небольшимъ числомъ часовъ въ день, какъ то принято въ Лондонѣ.

Разрѣшеніе частныхъ построекъ въ Петербургѣ, которое теперь происходитъ весьма медленно, и за введеніемъ городового положенія облегчится не много, такъ какъ въ правилахъ оговорено, что утвержденіе фасадовъ частныхъ зданій въ тѣхъ мѣстностяхъ города, гдѣ нынѣ оно доводится до усмотрѣнія верховной власти чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, и впредь должно совершаться тѣмъ же порядкомъ. Нельзя не признать нѣсколько необычайнымъ новаго правила, по которому для разсмотрѣнія всѣхъ плановъ и *фасадовъ* на постройки и перестройки во всѣхъ вообще мѣстностяхъ Петербурга и Москвы въ присутствіи городской управы приглашается, съ правомъ голоса, брантъ-майоръ. Вѣдь городская управа рѣшенія свои въ этомъ дѣлѣ будетъ основывать на заключеніяхъ строительной коммиссіи, въ которой находятся спеціалисты строительнаго дѣла, т.-е. архитекторы. Для чего же тутъ еще брантъ-майоръ? Развѣ онъ спеціалистъ какого-либо искусства, кромѣ умѣнья обращаться съ пожарными инструментами? Да и въ этомъ умѣньи брантъ-майоръ дѣлается спеціалистомъ только вслѣдствіе назначенія его въ эту должность, на которую назначаются лица случайно, просто по личному довѣрію, напримѣръ: то артиллерійскій офицеръ, то мелкій чиновникъ. Казалось бы нѣтъ достаточной причины вводить въ присутствіе выборнаго учрежденія

административнаго агента, не обязаннаго притомъ имѣть никакой спеціальной подготовки. Вѣдь для разсужденія о мѣрахъ къ охраненію общественнаго здоровья не вводится же въ городскую управу съ правомъ голоса докторъ медицины, а между тѣмъ, это было бы все-таки раціональнѣе, чѣмъ привлеченіе брантъ-майора къ разсмотрѣнію „фасадовъ“. Въ высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта, къ которому приложены нынѣшнія правила, постановлено, между прочимъ, чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ, по сношенію съ вѣдомствами, при которыхъ состоятъ особыя по строительной части учрежденія, представилъ соображенія о мѣрахъ, какія, въ видахъ лучшаго устройства строительной части въ Петербургѣ, могли бы быть приняты для точнѣйшаго опредѣленія отношеній между упомянутыми учрежденіями и общимъ управленіемъ, завѣдывающимъ строительной частью, и свои соображенія внесъ въ государственный совѣтъ. Желательно, чтобы такое „опредѣленіе отношеній“ состоялось именно въ смыслѣ упрощенія процедуры разрѣшеній и устраненія необходимости разнообразныхъ сношеній.

Перейдемъ теперь къ самому существенному вопросу городского хозяйства столицъ, именно къ вопросу о денежныхъ сборахъ и ихъ употребленіи. Извѣстно, что городской бюджетъ Петербурга крайне обремененъ обязательными расходами, изъ которыхъ наиболѣе тяжкимъ представляется расходъ по содержанію полиціи. Весь бюджетъ Петербурга на 1872-й годъ едва превышаетъ сумму 3½ милл. р., а содержаніе полиціи и пожарныхъ командъ составляетъ 1 м. 302 т. р., не считая весьма значительнаго расхода по содержанію и ремонтировкѣ различныхъ зданій, занимаемыхъ полиціею. Расходъ на полицію былъ уже тяжелъ для Петербурга и несоразмѣренъ съ его средствами и до того времени, какъ на городъ упалъ расходъ по содержанію мировыхъ судебныхъ учрежденій, составляющій нѣсколько менѣе 200 т. р. Сверхъ того, на городской же бюджетъ относится расходъ по отопленію и освѣщенію тюремъ вообще, по устройству и содержанію тюремъ для арестантовъ, приговоренныхъ къ заключенію мировыми судьями, и издержки по содержанію казармъ. Примѣненіе къ столицамъ городового положенія можетъ облегчить тягость обязательныхъ расходовъ въ будущемъ, но на первое время они останутся въ настоящемъ видѣ, и столицы пока получаютъ только право облагать своихъ жителей новыми сборами для своихъ нуждъ. Городовое положеніе опредѣляетъ, что города *участвуютъ* въ расходахъ по содержанію полиціи, „тамъ, гдѣ такое участіе возложено въ законномъ порядкѣ на городскія средства“. Стало быть примѣненіе городового положенія къ столицамъ, само по себѣ, не измѣнитъ нынѣ существующей тягости. Сверхъ того, одно изъ правилъ по примѣненію установ-

ляетъ, что сборы существующіе въ столицахъ на основаніи особыхъ, высочайше-утвержденныхъ положеній сохраняются въ теченіи трехъ лѣтъ, а другое правило выражаетъ прямо, и безъ всякаго назначенія срока, что „на городскія средства обязательно относятся въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ, сверхъ предметовъ исчисленныхъ въ ст. 139-й городового положенія (т.-е. обязательныхъ, въ числѣ которыхъ находится и *участіе* въ содержаніи полиціи), расходы по содержанію мировыхъ судебныхъ установленій, а также по устройству и содержанію помѣщеній для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей".

Расходы по содержанію мировыхъ учрежденій и особыхъ мѣстъ заключенія по приговорамъ мировыхъ судей, естественно, должны оставаться на городскомъ бюджетѣ. Но за этими новыми расходами тѣмъ болѣе необходимымъ становится облегчить для города огромную тягость содержанія полиціи, тягость, которая съ 1859-го года въ Петербургѣ *удвоилась*. Мнѣніе государственнаго совѣта, къ которому приложены нынѣшнія правила, между прочимъ опредѣляетъ: по приведеніи въ дѣйствіе новаго городового положенія въ столицахъ, вмѣнить въ обязанность столичнымъ думамъ представить въ теченіи трехъ лѣтъ (то-есть къ тому сроку, на который, какъ выше сказано, сохраняются особые сборы въ нынѣшнемъ ихъ видѣ) соображенія свои объ отмѣнѣ существующихъ въ нихъ, по мѣстнымъ положеніямъ, и оставляемыхъ на первое время сборовъ, или же объясненіе причинъ, по коимъ такая отмѣна нѣкоторыхъ изъ этихъ сборовъ была бы признана несвоевременною, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ, по сношеніи съ министромъ финансовъ, внесъ окончательныя заключенія свои по этому предмету на разрѣшеніе, въ законодательномъ порядкѣ. Вотъ тотъ прямой поводъ, предоставленный городскимъ обществамъ столицъ примѣненіемъ городового положенія, который долженъ послужить для облегченія и правильной постановки ихъ хозяйства въ будущемъ. Нынѣшній законъ вмѣняетъ имъ въ обязанность пересмотрѣть сборы. Но пересмотръ сборовъ ни къ чему не поведетъ, да и невозможенъ безъ разсмотрѣнія всѣхъ статей постояннаго бюджета расходовъ. Если изъ бюджета расходовъ Петербурга въ 3½ милл. р. исключить расходы: по управленію губернатора, по содержанію управы благочинія, адресной экспедиціи, полиціи и пожарныхъ командъ, мировыхъ учрежденій, городской тюрьмы и дома неисправныхъ должниковъ, казармъ и другихъ военныхъ зданій и караульныхъ домовъ, и квартирныя деньги нижнимъ чинамъ, то на все остальное, то-есть на все настоящее хозяйство города: строительную часть, освѣщеніе, содержаніе учебныхъ и благотворительныхъ заведеній, содержаніе и пенсіи городского управленія, углубленіе каналовъ и рѣкъ и даже на участіе города въ губернскихъ потребностяхъ остается всего менѣе 1 м. 700 т. р., то-есть менѣе половины всей бюд-

жетной суммы $3^{1}/_{2}$ милл., сбираемой съ жителей Петербурга въ сбо-
рахъ разныхъ наименованій.

Если же изъ суммы 1 м. 700 т. р. мы исключимъ содержаніе преж-
няго городского управленія (228 т. р.) и участіе въ губернских
земскихъ потребностяхъ ($58^{1}/_{2}$ т. р.), то на все хозяйство и благ
устройство въ тѣсномъ смыслѣ остается гораздо менѣе $1^{1}/_{2}$ милл.
Скуднѣйшую и поистинѣ недостойную столицы огромнаго государства
статью въ городскомъ бюджетѣ представляетъ народное образованіе
на которое городъ издерживаетъ менѣе 28 т. р. Справедливо ли и
возможно ли, чтобы на городъ, который уже издерживаетъ для одного
военнаго вѣдомства (на казармы, квартирныя деньги и т. д.) до 12
т. р. въ годъ, возлагался въ столь значительной мѣрѣ расходъ по
содержанію полиціи, какъ то было доселѣ?

Расходъ на содержаніе полиціи въ Петербургѣ, по самому своему
свойству, есть расходъ по меньшей мѣрѣ настолько же обще-государ-
ственный, насколько и спеціально-городской. Самое устройство на-
шей полиціи противорѣчитъ содержанію ея преимущественно на мѣст-
ныя общественныя средства; полиція наша есть учрежденіе правитель-
ственное, а стало быть и содержаніе ея естественно было бы принять
на счетъ государственнаго бюджета, оставивъ на городѣ, положимъ,
только содержаніе и отопленіе помѣщеній для чиновъ полиціи, но
уже никакъ не расходъ по личному составу. Совершенная необходимость
облегчить, такъ или иначе, городской бюджетъ выступаетъ все съ
бо́льшей очевидностью; если уже съ 1848-го года холера въ Петер-
бургѣ появлялась нѣсколько разъ и почти всегда держалась по два
года, то при нынѣшнемъ развитіи желѣзныхъ дорогъ она можетъ
просто акклиматизироваться въ Петербургѣ, при отсутствіи цѣлой ра-
ціональной системы дезинфекціи. Если мостовыя наши, при нынѣш-
немъ способѣ ремонтировки ихъ по лоскуткамъ, всегда находились
въ плохомъ состояніи, то съ возрастаніемъ города, съ увеличеніемъ
въ немъ числа экипажей и вообще движенія, мостовыя въ центрѣ го-
рода, куда все движеніе неизбѣжно стекается, придутъ наконецъ въ
состояніе безнадежное, то-есть каждый вновь починенный лоскутъ
мостовой будетъ исправенъ всего какой-нибудь мѣсяцъ въ году, а
все остальное будетъ изображать нѣчто въ родѣ поверхности бурнаго
моря.

Въ мнѣніи государственнаго совѣта положено еще предоставить
министру юстиціи, вмѣстѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и глав-
ноуправляющимъ II отд. обсудить вопросъ: „представляется ли по-
лезнымъ и необходимымъ *возвысить*, и въ какой именно мѣрѣ, стро-
гость взысканія, опредѣляемаго въ ст. 29-й устава о наказаніяхъ, на-
лагаемыхъ мировыми судьями за неисполненіе законныхъ распоряже-
ній, требованій или постановленій правительственныхъ и полицейскихъ

властей, а равно земскихъ и городскихъ общественныхъ управленій, и затѣмъ войти по этому предмету съ представленіемъ въ государственный совѣтъ“. Справляясь со ст. 29-ю видимъ, что установленное ею обыкновенное наказаніе представляется штрафомъ не свыше пятнадцати, а въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ двадцати-пяти рублей штрафа и семидневнаго ареста. Такъ какъ рѣчь идетъ о примѣненіи собственно къ столицамъ, а стало быть объ отвѣтственности именно по неисполненію требованій полиціи и городскихъ властей, то этотъ размѣръ наказанія представлялся бы кажется вполнѣ достаточнымъ, и нельзя желать его увеличенія. Полиція, правда, приноситъ Петербургу не малую пользу своимъ наблюденіемъ за благоустройствомъ и благочиніемъ. Но если бы нашлось возможнымъ облегчить городъ отъ огромной его тягости по содержанію полиціи, то это предоставило бы въ его распоряженіе такія денежныя средства, которыя дали бы ему возможность сдѣлать для своего благоустройства безъ сомнѣнія болѣе, чѣмъ для него можетъ сдѣлать одно наблюденіе полиціи, какимъ бы штрафомъ ни было караемо неисполненіе ея требованій.

Мы ограничились въ нынѣшней хроникѣ своими внутренними дѣлами, несмотря на то, что въ послѣдній мѣсяцъ наша печать обращала главное вниманіе публики на дѣло международное — какимъ былъ статистическій конгрессъ въ Петербургѣ; но мы имѣемъ въ виду посвятить въ ближайшей книгѣ журнала спеціальную статью засѣданіямъ конгресса и ознакомленію читателей съ предполагаемыми результатами его дѣятельности.

«ВИДЫ» и «СООБРАЖЕНІЯ»

министерства народнаго просвѣщенія по дѣлу реальныхъ училищъ.

До сихъ поръ, говоря о новомъ родѣ училищъ, открываемыхъ у насъ съ нынѣшняго года, на основаніи закона 15-го мая, и названныхъ „реальными“, мы могли только угадывать, но точно не знали, какія собственно цѣли имѣетъ въ виду министерство народнаго просвѣщенія при открытіи этихъ новыхъ училищъ, и почему оно называетъ ихъ реальными, хотя въ Пруссіи, отечествѣ реальныхъ училищъ, подъ реальными училищами разумѣютъ такія же общеобразовательныя и научныя школы, какъ гимназіи. Въ августѣ „Правитель-

ственный Вѣстникъ" публиковалъ циркуляръ министра народнаго п свѣщенія къ начальникамъ учебныхъ округовъ (отъ 31 іюля), и перь не можетъ быть больше мѣста никакимъ недоразумѣніямъ: этомъ циркулярѣ изображены совершенно ясно тѣ „виды" и „сооб женія", которыми руководилось министерство народнаго просвѣще представляя въ государственный совѣтъ проектъ устава реальн училищъ. Эти „виды" и „соображенія", конечно, намъ не были то извѣстны: мы знали изъ газетъ одно, а именно, что большинство государственномъ совѣтѣ не согласилось съ этими видами и сооб женіями; а потому теперь болѣе чѣмъ интересно познакомиться ними, чтобы понять и оцѣнить вполнѣ уставъ „реальныхъ" учили съ точки зрѣнія самого министерства народнаго просвѣщенія, по мо воззрѣній тѣхъ, которые не соглашались съ проектомъ.

По словамъ циркуляра, „реальныя училища имѣютъ цѣлью дав *общее* образованіе *въ практическомъ направленіи* и тѣмъ непоср ственно приготовлять учащееся въ нихъ юношество къ поступлен преимущественно на различныя поприща полезной практической дѣ тельности". Такое назначеніе названо въ циркулярѣ „особымъ, отл нымъ отъ гимназій", которыя, имѣя своими основными предмета оба древніе классическіе языка (а отечественный языкъ?) и *зат* математику, даютъ общее образованіе *въ направленіи теоретическо* и, снабжая учащееся юношество всѣми необходимыми (т.-е. древни классическими языками и затѣмъ уже математикой) знаніями д дальнѣйшаго научнаго образованія, приготовляетъ его наилучши образомъ, какъ свидѣтельствуетъ опытъ всѣхъ странъ (кромѣ, од ко, самой образованной, а именно, кромѣ Пруссіи), ко вступленію только въ университеты, но и вообще во всѣ высшія спеціальн учебныя заведенія". Итакъ, съ этой минуты, у насъ будетъ, по п пу самого министерства народнаго просвѣщенія, *два* общихъ об зованія, а слѣдовательно и въ будущихъ ближайшихъ поколѣ яхъ образуется два рода людей: одни будутъ *теоретики*—кончивш курсъ въ гимназіяхъ, а другіе — *практики*, кончившіе курсъ въ р альныхъ училищахъ. Но собственно говоря, наши теоретики сами с бою распадутся на двѣ весьма неравныя части; до сихъ поръ, око чившіе курсъ въ гимназіяхъ и поступающіе въ университетъ, сост ляютъ около 5%, и слѣдов., только 5 изъ 100 теоретиковъ будутъ впол достойны этого названія, а 95 человѣкъ составятъ особую и значител ную фалангу; о нихъ можно будетъ сказать, что они „убоялись р торики и возвратились вспять". Такое распаденіе теоретиковъ на д слишкомъ неравныя части предвидѣно и циркуляромъ; циркуляръ са признаетъ, что „весьма многіе" теоретики не кончаютъ курса въ ги назіи, и при этомъ справедливо замѣчаетъ, что подобные теоретик составляютъ силу потерянную для страны, которая можетъ „обр

ться во вредъ обществу“. Имѣя въ виду парализировать такой дъ, министерство народнаго просвѣщенія и создало теперь свою новую тему образованія, которая, по его убѣжденію, доставляетъ возможь избавить страну отъ массы некончившихъ курса въ гимна- а именно, значительная часть этой массы должна уйдти въ реня училища и тамъ кончить какой-нибудь практическій курсъ. Съ цѣлью предоставлена большая льгота гимназіямъ, а именно, учегимназій и прогимназій, удостоенные перевода во II, III, IV и V ссы, принимаются въ соотвѣтствующіе классы реальныхъ училищъ предварительнаго экзамена“.

Вполнѣ сочувствуя мотиву такого плана, а именно, намѣренію изть общество отъ тѣхъ недоучившихся 95 изо 100 теоретиковъ, помощи направленія ихъ въ реальныя училища, мы должны однауказать на то, что всѣ тѣ виды и соображенія, при внимательномъ разсмотрѣніи, могутъ оказаться удовлетворительными только въ тео, на практикѣ же они приведутъ къ тому, чего, мы предполагаемъ, какъ не можетъ желать министерство народнаго просвѣщенія; а чтобы ше мнѣніе не было голословнымъ, мы для тѣхъ, кому мало однихъ лоческихъ доводовъ, приведемъ и примѣры изъ исторіи другихъ странъ, шіе опытныхъ насъ и уже давно отказавшихся отъ тѣхъ видовъ и ображеній, которыми у насъ думаютъ руководиться на будущее вре. Само наше министерство косвенно сознается, въ настоящемъ цирлярѣ, что изъ его взглядовъ на значеніе реальныхъ училищъ и гимзій слѣдуетъ то, что „такимъ образомъ гимназіи *разсчитаны* на тѣхъ реимущественно, кто имѣетъ *возможность* учиться, начиная съ 10-ти ѣтняго возраста, въ продолженіи 12 или 13 лѣтъ, и желаютъ пріорѣсти высшее научное образованіе“. Разсчетъ сдѣланъ вѣрно, но кая можетъ быть при этомъ достигнута цѣль? Министерство, конно, преслѣдуетъ при этомъ какую-нибудь благую цѣль; но выйдетъ такъ на дѣлѣ? Мы очень хорошо знаемъ, на практикѣ, и это не звѣстно и министерству народнаго просвѣщенія, что „возможсть учиться“ въ теченіи 12 или 13 лѣтъ (допустивъ же одинъ или года слабости ученика или болѣзни, то и въ теченіи даже 14 и 15 тъ) опредѣляется всего чаще матеріальнымъ состояніемъ родитей; а потому гимназіи, волей-неволей, окажутся „разсчитанными“ на способнѣйшихъ, а главнымъ образомъ, на людей со средствами: мъ однимъ и будетъ доступно высшее научное образованіе и справедво сопряженныя съ нимъ всѣ позднѣйшія выгоды его въ практической жизни. Тутъ не было бы ничего невыгоднаго для государства и общества, если бы и въ природѣ вещей заключался соотвѣтственный кой учебной системѣ порядокъ, если бы матеріальное благосостояіе родителей безусловно было связано съ высокими умственными и равственными способностями ихъ дѣтей, и наоборотъ, безденежье

первыхъ являлось бы непремѣнно вмѣстѣ съ безталанностью послѣд
Но въ природѣ вещей такого порядка нѣтъ, а потому нельзя
дать отъ противодѣйствія естественному положенію дѣлъ выгод
послѣдствій, какъ для государства, такъ и для общества. М
тѣмъ, таково неизбѣжное послѣдствіе теоріи, въ силу которой вы
научное образованіе и основательно связанное съ нимъ обществ
положеніе и вліяніе лицъ будутъ разсчитаны на однихъ имѣю
„возможность" затрачивать чуть не 15 лѣтъ на полное образовані
торое притомъ такого свойства, что и въ будущемъ не требует
человѣка практическаго труда для добыванія всѣхъ средствъ къ ж
а предполагаетъ ихъ готовыми.

Что же касается до другого, весьма почтеннаго по себѣ разсче
стороны министерства на то, что некончившіе курса въ гимназі
дутъ съ настоящаго времени поглощаться реальными училищам
это еще большой вопросъ, къ какому результату приведетъ насъ подоб
разсчетъ, а именно, къ тому ли, чего желаетъ министерство, то-е
избавить общество отъ цѣлаго легіона недоучившихся теорети
или къ чему-нибудь другому, чего, по нашему предположенію,
нистерство опять желать не можетъ? На практикѣ должно
изойти и произойдетъ вотъ что́: неимущіе родители, взявшіе изъ
назіи талантливаго сына по бѣдности, естественно не отдадутъ
по той же самой причинѣ и въ реальное училище, такъ какъ въ да
минуту они и берутъ сына потому, что нечѣмъ за него плати
пожалуй нечѣмъ и кормить, а потому сына нужно пристроить п
или въ канцелярію или въ контору. Такимъ образомъ, въ реал
училище будутъ переведены въ дѣйствительности только тѣ, кото
окажутся слабыми, малоспособными и лѣнивыми, вообще испорче
ми натурами; убѣжищемъ таковыхъ и сдѣлаются реальныя учил
Такой только практическій результатъ и можетъ выйдти изъ бла
намѣренія министерства избавить общество отъ недоучившихся
ретиковъ: реальныя училища, прежде нежели успѣютъ развитьс
окрѣпнуть, потеряютъ всякое довѣріе въ обществѣ, и репутацію
можно считать впередъ ненадежною. Самъ циркуляръ не особенно
зительно относится къ будущимъ реальнымъ училищамъ, когда го
ритъ, наприм., о коммерческомъ отдѣленіи реальнаго училища так
образомъ: „Тотъ же (слова циркуляра), кто затруднялся бы не т
ко древними языками, но и болѣе трудными частями математ
(значитъ, особенно неспособный и отлично лѣнивый), или имѣлъ
надобность *скорѣе* (?) окончить школьное свое образованіе въ по
номъ практическомъ направленіи, имѣетъ *полную* возможность пер
ти въ коммерческое отдѣленіе реальнаго училища, двухлѣтній ку
котораго не представляетъ *никакихъ особенныхъ трудностей*".
будетъ ли счастливо то коммерческое отдѣленіе реальнаго учили

отъ пріобрѣтенія такого господина, и справедливо ли мнѣніе министерства народнаго просвѣщенія вообще о торговлѣ, приготовленіе къ которой будто бы „не представляетъ никакихъ особенныхъ трудностей“? По словамъ самого же циркуляра, выше, „молодые люди, окончившіе курсъ по коммерческому отдѣленію, должны обладать *весьма удовлетворительнымъ* общимъ образованіемъ, *хорошимъ* знаніемъ двухъ новыхъ иностранныхъ языковъ, способностью *побѣждать* всѣ трудности, встрѣчающіяся въ коммерческомъ дѣлѣ вычисленій“, и т. д.,— но и этого довольно! Министерство какъ будто понимаетъ весь тяжелый трудъ человѣка, готовящагося къ коммерческой дѣятельности; но, подъ вліяніемъ своей теоріи, тѣмъ не менѣе рекомендуетъ само тѣмъ, кто не успѣлъ въ математикѣ, коммерческое реальное училище, гдѣ нужна именно „способность побѣждать всѣ трудности“ вычисленій; въ коммерческомъ реальномъ училищѣ потребуютъ „весьма удовлетворительнаго общаго образованія“ и „хорошаго знанія двухъ новыхъ языковъ“, а удаляющійся изъ гимназіи до окончанія курса не можетъ похвастаться ни весьма удовлетворительнымъ общимъ образованіемъ, ни способностью къ языкамъ. И такое-то лицо, которое „затруднилось бы не только древними языками, но и болѣе трудными частями математики“, получитъ право поступить въ реальное училище безъ экзамена.

Но кромѣ указанія циркуляра самого нашего министерства на то, что реальныя училища будутъ таковы, что окажутся годными для принятія безъ экзамена плохихъ лингвистовъ и математиковъ изъ гимназій, мы имѣемъ предъ собою опытъ Пруссіи, гдѣ до 1859 года повторялось тоже школьное явленіе, а именно, что на реальныя училища смотрѣли какъ на убѣжище лѣности и неспособности, гдѣ „ученіе, какъ говоритъ нашъ циркуляръ, не представляетъ особыхъ трудностей“. Вредъ такого ненормальнаго отношенія реальныхъ училищъ къ гимназіямъ обнаружился въ Пруссіи очень скоро, и въ 1859 году реальныя училища были сдѣланы равносильными гимназіямъ, общеобразовательными и научными заведеніями, гдѣ ученіе представляетъ теперь не меньшія трудности, какъ и въ гимназіи, если только не большія.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что хотя виды и соображенія министерства народнаго просвѣщенія направлены къ тому, чтобы строго отдѣлить въ нашей общественной жизни теорію и практику, но на дѣлѣ окажется, что общественная масса раздѣлится у насъ на людей съ научнымъ образованіемъ и безъ научнаго образованія, и люди съ научнымъ образованіемъ будутъ только тѣ, которые имѣютъ возможность около 15 лѣтъ ни въ чемъ матеріальномъ не нуждаться; люди же способные, но неудовлетворенные „практическимъ направленіемъ“ сво-

его общаго образованія, сами на скорую руку и кое-какъ создаду себѣ теоріи помимо школьнаго труда. Это именно и будетъ то явл ніе, отъ котораго наше общество страдало не мало, а именно, у на будутъ теоретики безъ трезваго пониманія современной практическ жизни, и практики съ собственноручными теоріями. Другіе же вид соображенія министерства, а именно относительно устроенія недоуч шихся теоретиковъ въ реальныя училища, заключатся униженіе педагогическаго уровня послѣднихъ: можно ли имѣть высокій уров какому-нибудь коммерческому училищу, когда само министерство пр глашаетъ туда тѣхъ, кто хочетъ *скорѣе* кончить курсъ и обѣщае при этомъ, что курсъ будетъ *легкій*,—какъ говорится, для маменьк ныхъ сынковъ?!

Теперь, посмотримъ, остался ли циркуляръ вѣренъ самому себѣ высказаннымъ имъ въ началѣ видамъ. На это отвѣчаетъ второй и по лѣдній пунктъ циркуляра, на который мы и обращаемъ потому ос бенное вниманіе. Циркуляръ остался вѣренъ видамъ министерства на роднаго просвѣщенія, но за то, намъ кажется, онъ, не вполнѣ вѣрен духу устава реальныхъ училищъ, который былъ составленъ этимъ ж министерствомъ, такъ какъ этотъ второй пунктъ сводитъ вопросъ об основаніи у насъ реальныхъ училищъ къ вопросу объ основаніи д классныхъ профессіональныхъ школъ. Не смотря на то, что уста признаетъ сущностью реальнаго училища *общее образованіе*, хотя б и примѣненное къ практикѣ, не смотря на то, что циркуляръ въ св емъ первомъ пунктѣ вынужденъ былъ также заявить, что „*существен нымъ признакомъ* реальныхъ училищъ признано то, чтобъ они давал *общее образованіе*, приспособленное къ практическимъ потребностям и къ пріобрѣтенію техническихъ познаній“, — не смотря на все это второй пунктъ циркуляра, въ опроверженіе своихъ же словъ въ пер вомъ пунктѣ, объявляетъ, что „существенную принадлежность каж даго реальнаго училища составляютъ классы V и VI“, а затѣмъ выс шій дополнительный классъ; т.-е. другими словами, три высшіе клас са реальнаго училища; а первые четыре класса, въ которыхъ соб ственно и получается настоящее общее образованіе, объявляются та кимъ образомъ несущественною принадлежностью реальныхъ училищ Есть, слѣдовательно опасность, что слова циркуляра въ округахъ бу дутъ поняты такъ, что мы получимъ „принадлежность“ реальных училищъ, а „признака“ ихъ не будетъ, и на такую мысль наводят особенно послѣдующія слова циркуляра. Ослабивъ значеніе низшихъ четырехъ классовъ въ реальномъ училищѣ, циркуляръ замѣчаетъ да лѣе, какъ бы мимоходомъ, что курсъ четырехъ низшихъ классовъ въ реальномъ училищѣ „*почти вполнѣ* (?!) соотвѣтствуетъ курсу про гимназій, а въ низшихъ двухъ классахъ и курсу городскихъ учи-

...дъ [1])“. И на этомъ одномъ основаніи, полный организмъ еральнаго ...лища, какого мы могли бы ожидать по общему смыслу устава, ...етъ оказаться въ „видахъ“ министерства излишнимъ, а въ заклю...іе говорится уже прямо: „Изъ этого (т.-е. изъ вышеприведенныхъ ...въ циркуляра) явствуетъ, что тамъ, гдѣ имѣются хорошо устроен... городскія училища, а также прогимназіи, гимназіи и другія (?) ...днія учебныя заведенія, реальныя училища могутъ быть учреж...ны, смотря по мѣстнымъ условіямъ, *безъ одного, двухъ, трехъ ... даже и четырехъ классовъ*». Но такъ какъ нѣтъ ни одного ...рода, гдѣ бы не было городского училища, прогимназіи или гимна... ...ли другого средняго учебнаго заведенія, то, очевидно, нигдѣ не ...жно учреждать настоящаго реальнаго училища, а достаточно уст...ить просто двуклассное техническое училище, въ которое будутъ ...ступать изъ V класса классическихъ гимназій болѣе или менѣе плохіе ...еники, такъ какъ хорошіе пойдутъ дальше; притомъ, основать полное ...льное училище значило бы со стороны министерства признать соб...венную гимназію того же города плохо устроенною. Такимъ обра...мъ, чего мы только опасались, какъ невольнаго слѣдствія на...ихъ реальныхъ училищъ, возводится циркуляромъ въ систему. ...тя циркуляръ и говоритъ, что курсъ прогимназій, т.-е. четырехъ ...сшихъ классовъ гимназій „почти вполнѣ“ одинаковъ съ нисшими ...ассами реальнаго училища, но кто же не знаетъ, что теперь бу...щіе воспитанники высшихъ классовъ реальныхъ училищъ будутъ ...ути одни гимназисты, остановившіеся на спряженіи какого-нибудь ...тинскаго глагола съ слабѣйшимъ знаніемъ русскаго языка, матема...ки и новыхъ языковъ и безъ обученія рисованію и черченію. Мож...о ли сказать, что уставъ имѣлъ въ виду такихъ питомцевъ для ре-

[1]) До какой степени справедливо это «почти вполнѣ», всякій можетъ легко су...ть по одному тому, что въ нисшихъ четырехъ классахъ гимназій классическихъ ...тинскій и греческій языки занимаютъ 36 часовъ въ недѣлю; эти 36 часовъ въ ...ѣлю въ нисшихъ классахъ реальнаго училища не тратятся на древніе языки, а ...одятъ на рисованіе и черченіе (18 часовъ въ недѣлю), совсѣмъ не преподавае...хъ въ гимназіяхъ классическихъ, и на усиленіе другихъ предметовъ: на одинъ ...сскій языкъ въ 4 нисшихъ классахъ реальнаго училища уходитъ 18 часовъ, тогда ...къ въ гимназіяхъ только 15, да и то совокупно съ церковно-славянскимъ язы...мъ; на одну математику 16 часовъ, а въ гимназіяхъ 15 часовъ на математику съ ...зикою, математическою географіею и краткимъ отечествовѣдѣніемъ; на два новыхъ ...ыка 28 часовъ въ недѣлю, а въ гимназіи 9 часовъ, притомъ на одинъ изъ но...хъ языковъ. Можно ли въ виду всего этого сказать, что курсъ 4 нисшихъ клас...въ реальнаго училища «почти вполнѣ» соотвѣтствуетъ курсу 4 нисшихъ классовъ ...мназіи, т.-е. прогимназіи? Не было ли бы справедливѣе сказать, что между тѣми ...другими даже очень мало общаго? Однѣ употребляли огромное количество ча...овъ на то, чтобы все-таки недоучиться латинскому и греческому языку; другія въ ...о же время весьма раціонально подготовлялись къ старшимъ классамъ реальнаго ...чилища.

альныхъ училищъ, которые засвидѣтельствовали бы въ гимназін неспособность къ изученію языковъ и математики? Вотъ почему были вынуждены считать все это за отступленіе отъ духа устава р ныхъ училищъ, который въ своемъ § 1 постановляетъ первою ихъ п „доставить учащемуся въ нихъ юношеству· *общее* образованіе", котораго первые четыре класса, низшіе—самые важные; а въ § тавъ только разрѣшаетъ устроивать реальныя училища безъ шихъ классовъ, и то только съ точки зрѣнія «мѣстныхъ удобс Изъ циркуляра же, можно заключить, что мы вовсе не будемъ и настоящихъ реальныхъ училищъ, удовлетворяющихъ полному устава, а будемъ имѣть однѣ гимназіи, въ которыхъ воспитан будутъ расходиться въ V классѣ: лучшіе изъ нихъ останутся въ же зданіи и пойдутъ дальше хорошо приготовленными къ продо нію своего дѣла; худшіе же, а во всякомъ случаѣ плохо приготов ные для новаго направленія, такъ какъ они остановились въ ла ской и греческой грамматикахъ на какой-нибудь ихъ страницѣ, рейдутъ (и притомъ безъ экзамена) въ сосѣднее зданіе, въ к ромъ будетъ помѣщаться коммерческое, механико-техническое или мико-техническое училище. Циркуляръ министерства, развивая мысль начальникамъ округовъ, ссылается впрочемъ не на уставъ альныхъ училищъ, а на постороннія сущности дѣла соображен говоритъ: „такая организація реальныхъ училищъ (т.-е. безъ шихъ четырехъ классовъ) представляетъ два *существенныя* (?) у ства: во-первыхъ, значительное сбереженіе денежныхъ средст учебныхъ силъ, потребныхъ для учрежденія и содержанія сихъ лищъ, вслѣдствіе чего и самое число ихъ можетъ значительно у читься; и во-вторыхъ, то удобство, что родители, отдавая своихъ тей первоначально въ гимназіи или прогимназіи, не прежде 14 лѣтняго возраста будутъ предрѣшать ихъ дальнѣйшую участь, не прежде того возраста, когда въ большинствѣ случаевъ уже о дѣляются способности и наклонности учащихся". Но, во-перв мы убѣждены, что при организаціи у насъ новыхъ реальныхъ лищъ, самое существенное удобство составляетъ строжайшее ис неніе высочайшей воли, выраженной въ самомъ уставѣ реальн училищъ, а именно, что можно устроивать реальное училище младшихъ классовъ, только смотря «по мѣстнымъ удобствамъ», а все не по финансовымъ соображеніямъ или какимъ-нибудь инымъ во-вторыхъ, въ настоящемъ случаѣ и самыя финансовыя соображе министерства не оказываются безошибочными: если классическія г назіи дѣлаются приготовительными заведеніями какъ для универси товъ, такъ и для высшихъ классовъ реальныхъ училищъ (а име этого и желаетъ циркуляръ), то въ такомъ случаѣ число желающ поступить въ гимназіи удвоится; другими словами, гдѣ была до т

мени одна гимназія, тамъ будетъ нужно двѣ, а слѣдов. потребуют- новыя финансовыя и учебныя силы. Что же касается до удобства ителей позже опредѣлять назначеніе дѣтей, то по § 15 устава льныхъ училищъ они и безъ того могутъ, когда захотятъ, переводить дѣтей въ соотвѣтствующіе классы реальнаго училища, только теръ они этого не могутъ сдѣлать, потому что въ «видахъ» циркуля- вовсе и не предполагается основывать полныхъ реальныхъ учищъ, ибо «существенную принадлежность каждаго реальнаго училиа составляютъ классы V и VI», а не первые четыре класса. Пусть еще такъ разсуждали частные люди, общества или земства, но ъ правительственныхъ реальныхъ училищъ мы ожидаемъ образцоваго устройства, полнаго во всѣхъ частяхъ, со всѣми подробностями уста, а не просто двуклассныхъ профессіональныхъ школъ, въ которыя дутъ стекаться недоучившіеся латинской и греческой грамматики мназисты, которые «затруднялись бы, какъ говоритъ циркуляръ, не лько древними языками, но и болѣе трудными частями математи», и желали бы «скорѣе» окончить курсъ, и притомъ «безъ особыхъ трудностей»—какъ это говорится въ томъ же циркулярѣ.

„Соображая все предъидущее, — такъ заключаетъ циркуляръ свое ращеніе къ гг. попечителямъ учебныхъ округовъ — вы усмотрите о реальныя училища, по уставу 15-го мая 1872-го года, дополняютъ шу учебную систему недостававшими ей доселѣ учебными заведеиіи, отъ которыхъ можно ожидать удовлетворенія существеннымъ требностямъ страны въ многоразличныхъ отношеніяхъ“. Но зачѣмъ е въ такомъ случаѣ, министерство не рекомендуетъ гг. попечителямъ прежде всего вполнѣ осуществить планъ реальнаго училища, какъ онъ ложенъ въ уставѣ, и поставляетъ на видъ—въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть мназіи, прогимназіи и т. п., а слѣдовательно вездѣ,—вмѣсто полнаго альнаго училища устроивать два высшихъ его класса по одному ь трехъ отдѣленій, и наполнять эти классы въ такомъ случаѣ одни недоучившимися гимназистами. Это, какъ мы видѣли, будетъ мало годно для реальныхъ училищъ и противно духу устава. Мы и прежде ло могли сказать въ пользу этого устава, какъ устава реальныхъ илищъ, когда онъ былъ еще проектомъ, но разъ проектъ сдѣлался кономъ, мы будемъ всегда думать, что его слѣдуетъ осуществить цѣлости его плана; да и вообще, должно сознаться, что наши тавы приносили всегда мало пользы оттого, что лѣтъ черезъ 10-ть и 15-ть циркуляры не оставляли въ нихъ почти ни одного параафа въ дѣйствіи; нынѣшній же разъ уставъ реальныхъ училищъ клоненъ въ одну сторону еще прежде, нежели онъ успѣлъ найдти лное себѣ осуществленіе.

Прежній споръ о самомъ учебномъ планѣ проекта реальныхъ училищъ и его значеніи разрѣшается теперь циркуляромъ окончательно.

Очевидно, мы нисколько не ошибались тогда, когда утверждали, ч
проектъ училищъ, названныхъ „реальными", есть собственно проек
училищъ профессіональныхъ. Это признаетъ теперь и циркуляръ, к
торый въ доказательство достоинствъ своего учебнаго плана реал
ныхъ училищъ по уставу 15-го мая 1872-года ссылается на „сравн
ніе онаго съ учебнымъ планомъ прусскихъ *промышленныхъ* училищ
(по уставу 1850-го года), а также *профессіональныхъ* отдѣленій бел
гійскихъ и швейцарскихъ кантонскихъ", — а не на учебный пла
реальныхъ училищъ въ Пруссіи; кромѣ того, наше министерство н
роднаго просвѣщенія въ своемъ циркулярѣ для доказательства пол
зы училищъ, названныхъ у насъ „реальными", приводитъ отзывъ
министра народнаго просвѣщенія въ Пруссіи, какъ того слѣдовало б
ожидать,—а прусскаго министра *торговли*; очевидно, что наши „реал
ныя" училища и въ глазахъ самого министерства народнаго просв
щенія есть не болѣе, какъ „промышленныя" училища Пруссіи, к
торыя тамъ вовсе и не находятся въ вѣдѣніи министерства народна
просвѣщенія, по той простой причинѣ, что только научное образов
ніе можетъ составлять основу народнаго просвѣщенія, а не прикла
ное. За то прусскій министръ торговли никакъ уже не скажетъ, ка
спеціалистъ своего дѣла, что коммерческія училища основываю
для тѣхъ, кто желаетъ „скорѣе" кончить курсъ и притомъ безъ "ос
бенныхъ трудностей; а министерство народнаго просвѣщенія, не б
дучи спеціалистомъ въ дѣлахъ торговли, можетъ имѣть и менѣе пр
вильный взглядъ на торговлю.

Но гдѣ же, спросятъ насъ, въ общей системѣ нашихъ учебны
заведеній прусскія реальныя училища, гдѣ можно было бы и въ Ро
сіи пріобрѣсть *научное* образованіе, помимо классическихъ гимназі
Циркуляръ утверждаетъ одно, что наши новыя „реальныя" учили
„*дополняютъ* нашу учебную систему недостававшими ей досселѣ учебны
заведеніями". Но это можно было бы справедливо сказать только тогд
когда мы имѣли бы реальныя училища въ томъ смыслѣ, въ како
ихъ имѣетъ Пруссія, т.-е. какъ строго-научныя учрежденія, не имѣ
ющія ничего общаго съ прикладными. Нынѣшнія же училища, н
званныя у насъ реальными и по словамъ самого циркуляра *соотвѣт*
ствующія прусскимъ профессіональнымъ училищамъ, составляютъ ко
нечно важное и полезное пріобрѣтеніе для страны, но онѣ *могли б*
быть устроены и другими нашими министерствами, соотвѣтственны
министерству торговли въ Пруссіи, а отъ министерства народнаго про
свѣщенія ожидаются только строго-научныя школы, именно потому, чт
оно завѣдуетъ *народнымъ* просвѣщеніемъ, а не коммерческимъ, техноло
гическимъ, агрономическимъ и т. д. Въ Пруссіи народное просвѣщені
въ настоящую минуту покоится на классической и на реальной школѣ
наше министерство остановилось исключительно на первой; а относи-

тельно второй пошло прямо противоположнымъ путемъ сравнительно съ Пруссіей: въ уставѣ прусскихъ реальныхъ училищъ 1859-го года запрещается давать правá реальнаго училища такому учебному заведенію, которое обнаружитъ профессіональное или прикладное направленіе; въ циркулярѣ же нашего министерства, отъ 31-го іюля 1872-го года, объявлено, что „наименованіе реальныхъ училищъ не должно быть присвоиваемо тѣмъ учебнымъ заведеніямъ, курсъ которыхъ не имѣетъ вышеозначеннаго характера“, т.-е. „приспособленія къ практическимъ потребностямъ и къ пріобрѣтенію техническихъ познаній“. Однимъ словомъ, въ Пруссіи наши новыя училища были бы названы профессіональными и попали бы въ руки министра торговли. Конечно, дѣло не въ названіи; пусть у насъ профессіональныя училища называются реальными; пусть ихъ основываетъ министерство народнаго просвѣщенія, а не другое какое-нибудь: это все же лучше, чѣмъ еслибы ихъ никто не основывалъ; наконецъ, такія профессіональныя училища во всякомъ случаѣ необходимы и полезны; онѣ не были бы излишни даже и при настоящихъ реальныхъ (научныхъ) училищахъ; но все же нельзя сказать, какъ-то утверждаются въ циркулярѣ, что теперь „цѣль, къ которой издавна, но безуспѣшно стремилось правительство — возможно *большее* распространеніе техническихъ познаній — будетъ дѣйствительно достигнута съ помощью техническихъ отдѣленій реальныхъ училищъ“. Во-первыхъ, наше правительство, какъ и всякое другое правительство просвѣщенныхъ странъ, не можетъ стремиться только къ *бóльшему* распространенію техническихъ познаній, — оно, конечно, цѣнитъ выше всего распространеніе тѣхъ *научныхъ* познаній, которыя необходимы для успѣха во всякой техникѣ; доказательствомъ тому служитъ и уставъ гимназій 1864-го года, котораго противники приписываютъ его лицамъ, между тѣмъ какъ этотъ уставъ, какъ и нынѣшній уставъ, былъ дѣйствіемъ самого же правительства; а тамъ было выражено именно стремленіе нашего правительства въ 1864-мъ году не отстать отъ Пруссіи, издавшей въ 1859-мъ году свой знаменитый уставъ реальныхъ училищъ, который составляетъ по справедливости гордость и причину успѣховъ этой страны; уставъ 1864-го года, правда, былъ не полонъ, исполненіе его досталось тѣмъ лицамъ, которыя не участвовали въ его составленіи; но все же это не даетъ намъ повода игнорировать его и забывать, что наше правительство еще весьма недавно стремилось къ тому, чтобы не отставать отъ научнаго движенія въ Пруссіи. Вотъ въ этомъ стремленіи, наше правительство, можно сказать, дѣйствовало „безуспѣшно“; не наше дѣло въ эту минуту объяснять—по чьей винѣ?—это принадлежитъ исторіи; но мы думаемъ, что отчасти причина неуспѣховъ заключалась въ неполнотѣ устава 1864-го года во всемъ, чтó относилось къ реальнымъ гимназіямъ, а дальнѣйшаго развитія имъ, какъ извѣстно, не было дано впослѣдствіи.

Но еще разъ повторяемъ, новыя реальныя училища, разсматриваем какъ профессіональныя, вовсе не излишни и весьма полезны даже глазахъ тѣхъ, кто желалъ бы видѣть въ Россіи прежде всего прусс реальныя училища; новыя наши училища заслуживаютъ полной с патіи нашего общества и энергическаго содѣйствія съ его сторо правительству въ дѣлѣ ихъ основанія, лишь бы онѣ были полны а не двуклассными; прусскій министръ торговли весьма справедл сказалъ о своихъ промышленныхъ училищахъ: „польза, принесен прусскими промышленными училищами, и вліяніе ихъ на возвыше уровня отечественной промышленности признаны повсюду, даже заграницей". Эти слова приводитъ и циркуляръ, — они совершен справедливы; мы убѣждены, что и основываемыя теперь наши пром шленныя училища могутъ принести ту же пользу; но прусскій минист торговли не сказалъ при этомъ, что прусскія реальныя училища пр носятъ вредъ странѣ; мы даже увѣрены, что польза прусскихъ пром шленныхъ школъ во многомъ обусловлена тѣмъ, что въ Пруссіи ес надъ ними разсадники реальныхъ наукъ; это именно прусскія реальны училища. Вотъ почему мы также думаемъ, что какъ ни велика заслуг нашего министерства народнаго просвѣщенія, приступившаго тепе къ основанію новаго рода школъ въ Россіи, но это не избавляет его отъ желаній общества идти дальше по одному пути съ прусско школою; конечно, и министерство народнаго просвѣщенія, указыв на сдѣланное имъ, можетъ справедливо отвѣчать на это: non omn omnia possunt! Наконецъ, не менѣе вѣрно, пожалуй и то, что какъ б мы ни много сдѣлали, всегда останется еще больше того, что нуж сдѣлать; никакъ нельзя ничего не оставить для дѣятельности пото ства. Если же мы отстаивали всегда преимущества прусской реальн школы, то единственно вслѣдствіе нашего убѣжденія, что каково б ни было общее образованіе страны, оно должно быть прежде всег *научное*, будетъ ли оно классическое или реальное. Иначе намъ пр дется еще долго читать отзывы иностранцевъ о „русскомъ умѣ" подобные тому, который былъ произнесенъ недавно извѣстнымъ англ чаниномъ Ридомъ; читатели найдутъ это ниже, въ статьѣ: „Англійско мнѣніе о русскомъ флотѣ". Въ томъ, за что г. Ридъ упрекаетъ русскі умъ, виноватъ вовсе не русскій умъ...

М. С.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Заемъ три мильярда. — Учредительные планы Тьера. — Сессія генеральныхъ совѣтовъ. — Тьеръ въ Трувиллѣ. — Парламентская сессія въ Англіи. — Положеніе министерства. — Ballot на практикѣ. — Бельфастскіе безпорядки. — Минигеи. — Уѣдетъ ли папа изъ Рима? — Муниципальные выборы въ Италіи. — Тьеръ о Викторѣ-Эммануилѣ. — Толки о берлинскомъ свиданіи. — Министерскій кризисъ въ Турціи.

Громадный успѣхъ французскаго займа трехъ мильярдовъ подалъ большинству французскихъ газетъ поводъ торжествовать этотъ фактъ, какъ доказательство неисчерпаемаго богатства Франціи и даже особеннаго «сочувствія» къ ней европейскаго капитала. Преувеличеніе здѣсь очевидно. Дѣло въ томъ, что при подпискѣ на этотъ заемъ у иностранныхъ банкировъ вовсе не требовалось представленія залога, да и въ самой Франціи отъ залога были освобождены биржевые маклера. Залоговъ въ дѣйствительности внесено было не многимъ болѣе полумильярда франковъ. Огромная сумма подписки (43 мильярда вмѣсто 3) представляла, такимъ образомъ, цифру, поставленную совершенно произвольно, безъ всякаго соотношенія съ дѣйствительными средствами подписчиковъ, и просто въ ожиданіи, что подписка во всякомъ случаѣ превзойдетъ требуемую сумму, и затѣмъ послѣдуетъ разверстка. Тѣмъ не менѣе, самая эта увѣренность европейскаго капитала въ томъ, что подписка на новый французскій заемъ непремѣнно превзойдетъ требуемую сумму, что затѣмъ временныя свидѣтельства будутъ ходить съ преміею и представятъ хорошее средство для спекуляціи — представляетъ все-таки симптомъ весьма благопріятный для Франціи. Кредитъ ея, стало быть, не поколебался, и республиканскому правительству обезпечена полная возможность исполнить денежныя обязательства передъ Германіею и осуществить въ скоромъ времени очищеніе французской территоріи отъ германскихъ войскъ.

Въ числѣ новыхъ налоговъ, вызванныхъ увеличеніемъ суммы процентовъ по иностранному долгу, вмѣстѣ съ увеличеніемъ и нѣкото-

рыхъ другихъ частей бюджета, президенту республики, наконецъ-таки удалось провесть и излюбленные имъ налоги на первобытные или сырые продукты, ввозимые во Францію. Извѣстно, что въ январѣ національное собраніе, несмотря даже на угрозу Тьера выдти въ отставку, отвергло проектъ этихъ налоговъ. Но Тьеру удалось посредствомъ сопротивленія налогу на доходы и представленія вмѣсто него непопулярнаго налога на соль, и добавочныхъ сантимовъ къ прямымъ податямъ, добиться въ іюлѣ согласія національнаго собранія на то, что было отвергнуто въ январѣ. При утвержденіи налога на сырые продукты, Тьеръ получилъ большинство 46 голосовъ на 576 голосовъ поданныхъ по этому вопросу. Лѣвая сторона подавала голоса въ пользу проекта Тьера прямо вопреки своимъ экономическимъ убѣжденіямъ и изъ соображеній чисто-политическаго свойства. Въ настоящее время матеріалы, ввозимые во Францію для обработки, будутъ оплачивать пошлину отъ 10 до 20% своей стоимости, и вмѣстѣ съ тѣмъ французская промышленность вступаетъ на открытый путь экономической реакціи.

Національное собраніе закрыло свои засѣданія 3-го августа, назначивъ, по прежнему примѣру, наблюдательную коммиссію изъ 25-ти своихъ членовъ. Черезъ два дня и Тьеръ отправился въ Нормандію, въ Трувиллъ, для отдыха и приготовленія къ новой сессіи. Въ Трувиллѣ неутомимый старикъ занялся спеціально артиллерійскими опытами и изготовленіемъ такого учредительнаго проекта, который долженъ дать исходъ изъ нынѣшняго, временнаго положенія Франціи. Мысль, о которой Тьеръ упомянулъ мимоходомъ въ своемъ памятномъ разговорѣ съ представителями правой стороны, требовавшими отъ него объясненій, а именно мысль объ учрежденіи верхней палаты не оставлена президентомъ, и приготовляемый имъ проектъ, какъ говорятъ, заключается въ томъ, чтобы генеральные совѣты и національное собраніе избирали по половинѣ членовъ въ эту верхнюю, консервативную палату. Консервативной же палатѣ предполагается предоставить власть утверждать рѣшеніе президента республики о распущеніи національнаго представительства, то-есть какъ нынѣшняго собранія, такъ и будущихъ палатъ депутатовъ. Такимъ образомъ, сдѣланъ былъ бы новый шагъ для признанія и упроченія во Франціи республиканскихъ учрежденій, и самая конституція, въ томъ видѣ, какъ ее представляетъ status quo, получила бы не маловажное дополненіе. Въ томъ, что новая конституція Франціи развилась бы такимъ путемъ постепенно, рядомъ отдѣльныхъ дополненій и исправленій, вызываемыхъ каждое практической необходимостью, не было бы ничего дурного. Вѣдь точно такимъ путемъ и установилась нынѣшняя конституція Великобританіи, только англійская конституція развивалась столѣтіями, а французская могла бы дойти до достаточной полноты хотя бы черезъ нѣсколько десяти-

лѣтій. Такимъ образомъ, республика установилась бы сама собою, безъ всякаго торжественнаго признанія. Если бы возможно было ожидать этого, то лучше ничего и не надо. Слишкомъ много торжественныхъ признаній уже пережила Франція въ послѣднія три четверти вѣка; слишкомъ много полныхъ, раціонально-составленныхъ конституцій принято было ею за это время окончательно, конституцій, которыя всѣ были превосходны, потому что въ каждой изъ нихъ всѣ элементы, будучи создаваемы вдругъ, могли быть строго согласованы и все могло быть предвидѣно. Но одного въ нихъ не предвидѣлось, именно того, что онѣ составлялись не на вѣчныя времена, а всего на 10, 15 или 20 лѣтъ. Правда, ничто не ручается, что и нынѣшняя конституція, состоящая всего изъ двухъ законовъ (о назначеніи президента и о продленіи его власти; съ предполагаемымъ проектомъ о верхней палатѣ конституція будетъ состоять изъ трехъ законовъ) продержится дольше, чѣмъ прежнія, прекрасныя въ своей полнотѣ и всеобъемлемости, уложенія; но въ такомъ предположеніи, можно сказать, что незачѣмъ и строить высокое зданіе въ странѣ, гдѣ безпрестанно предвидятся землетрясенія.

Что касается самой мысли о верхней палатѣ, то раціональною ее признать нельзя, хотя, впрочемъ, если при ея помощи можно найти выходъ изъ нынѣшняго заколдованнаго круга какой-то нескончаемой власти однажды, и то только на извѣстный случай, избраннаго представительства, то и она принесетъ временную пользу. Верхняя палата во Франціи всегда была простымъ орудіемъ въ рукахъ правительственной власти, потому именно, что компактнаго класса крупныхъ землевладѣльцевъ, которыхъ представительствомъ служила бы верхняя палата, во Франціи нѣтъ. Положимъ, членовъ въ предполагаемую палату будетъ назначать не правительство, а генеральные совѣты и палата депутатовъ. Но за то же составъ и положеніе такой верхней палаты будутъ еще случайнѣе и значеніе ея еще меньше, чѣмъ прежнихъ палатъ пэровъ и сенатовъ. Въ томъ видѣ, какъ, по слухамъ, ее предполагаетъ Тьеръ, верхняя палата будетъ не что иное, какъ результатъ ограниченнаго выборнаго права, поставленный на ряду съ палатою депутатовъ, которая исходитъ изъ избирательства всенароднаго. Такое сопоставленіе ведетъ прямо къ антагонизму и притомъ къ самому худшему антагонизму, именно къ борьбѣ между сословіемъ рабочихъ и сословіемъ достаточныхъ людей, которая и теперь уже составляетъ истинное національное бѣдствіе во Франціи. На верхнюю палату всегда будутъ смотрѣть какъ на представительство зажиточныхъ классовъ, опираясь на которые правительство „давитъ“ народъ или не хочетъ слушать народнаго голоса и т. п. Какъ бы преувеличены ни были жалобы въ этомъ смыслѣ, нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіе верхней палаты все-таки дастъ для нихъ поводъ, потому

что, по мысли самого Тьера, верхняя палата должна, говорятъ, имѣть именно такое значеніе; должна служить органомъ интеллигентной, консервативной силы общества и быть для правительства опорою противъ „слишкомъ революціонныхъ“ общихъ выборовъ въ палату депутатовъ. Но если мы вспомнимъ, что правленіе Людовика-Филиппа пало оттого, что онъ признавалъ только интересы буржуазіи, что республика 1848-го года погибла именно вслѣдствіе преувеличеннаго страха, внушеннаго зажиточнымъ классамъ, возстаніемъ іюньскихъ дней, наконецъ, что вторая имперія, со всей своей глубокой деморализаціей, держалась 18 лѣтъ именно тѣмъ же страхомъ, основывалась на томъ же антагонизмѣ классовъ, съ одной стороны подкупая массу военной славою и уступками духовенству, а съ другой—пугая буржуазію анархіею и стараясь сдѣлать ее своей единомышленницей въ неслыханной системѣ спекуляціи на народныя сбереженія — то ясно увидимъ, каковъ тотъ принципъ, который Тьеръ предполагаетъ нынѣ внесть въ самую конституцію страны. Освятить антагонизмъ зажиточныхъ классовъ съ бѣдными—закономъ, возвесть общественное бѣдствіе въ національное учрежденіе, давъ народу какъ бы нарочно два представительства для вѣчной борьбы—мысль по меньшей мѣрѣ странная. Но со стороны Тьера она странна менѣе, чѣмъ съ чьей-либо. Тьеръ самъ не что иное, какъ завзятый, самоувѣренный представитель зажиточной, эгоистической и самодовольной буржуазіи временъ Людовика-Филиппа. Онъ не избѣгаетъ борьбы и антагонизмъ сословій его не пугаетъ, потому что, по его убѣжденію, окончательная побѣда въ этой борьбѣ и должна принадлежать буржуазіи. Какъ „цѣльный характеръ“, Тьеръ не колеблясь идетъ по пути, который по мнѣнію его представляетъ и на вѣчныя времена будетъ представлять единственный „путь ко спасенію“. Если бы не было слишкомъ опасно, или если бы онъ успѣлъ продержаться самъ еще лѣтъ десять, то Тьеръ безъ сомнѣнія попробовалъ бы ограничить и всенародное голосованіе, или лучше — отмѣнить его, возвратиться къ имущественному цензу. Имущественный цензъ, какъ основаніе политическаго права въ государствѣ, которое и само есть не что иное какъ совокупность имуществъ — вотъ истинный идеалъ той узкой философіи государственнаго права, которая лежитъ въ основѣ буржуазной политики. И то уже, говорятъ, Тьеръ предполагаетъ обставить если не всеобщее избирательное право, то хоть самое голосованіе всего народа, нѣкоторыми стѣсненіями; Барду́, докладчикъ коммиссіи, которой національное собраніе поручило разсмотрѣть прошенія, поступившія по поводу выборовъ, въ своемъ мемуарѣ предлагаетъ требовать для права голосованія, чтобы избиратель не только имѣлъ не менѣе 21 года отъ роду, но и прожилъ въ своей общинѣ не менѣе одного года. А Тьеръ, по слухамъ, хочетъ, чтобы былъ установленъ мини-

умъ возраста въ 25 лѣтъ, и минимумъ пребыванія въ общинѣ — рехлѣтній.

Прямая цѣль послѣдняго ограниченія — устранить отъ участія въ ыборахъ значительную массу городскихъ рабочихъ, которые перехоятъ съ мѣста на мѣсто. Les ouvriers nomades — вотъ по убѣжденію нсерваторовъ главная опора радикализма. На это можно возразить, о опасность состоитъ не въ убѣжденіяхъ рабочихъ, а именно въ достаткѣ, неясности и нетвердости у нихъ какихъ-либо убѣжденій, днимъ словомъ, въ невѣжествѣ массы народа, не только переходяихъ рабочихъ, но—и въ особенности—рабочихъ самыхъ усидчивыхъ,) есть сельскаго населенія. При всемъ томъ, и какъ бы городскіе абочіе ни поддавались легко минутнымъ увлеченіямъ, факты убѣжают, что съ этой стороны опасность не бываетъ велика. Въ самомъ ѣлѣ, каково бы ни было настроеніе городскихъ рабочихъ во времена обенно-сильнаго возбужденія, никогда еще въ нынѣшнемъ столѣтіи ыборы не производили во Франціи радикальной палаты, такой палаты, которой радикаламъ, хотя бы даже и умѣреннымъ, принадлежало льшинство.

За всѣмъ тѣмъ, нельзя не признать, что планъ Тьера задуманъ вольно ловко и пожалуй приведетъ къ тому результату, котораго ъ желаетъ: при помощи нынѣшняго національнаго собранія, онъ жетъ провести какую хочетъ мѣру въ смыслѣ противодѣйствія дикальному элементу и усиленія элемента консервативнаго. Воспользовавшись нынѣшнимъ собраніемъ для того, чтобы нѣсколько раничить всеобщее голосованіе и создать въ странѣ спеціально-онсервативное учрежденіе, онъ затѣмъ, съ согласія вызванной имъ ь жизни верхней палаты, можетъ распустить національное собраніе, роизвесть новые выборы, которые непремѣнно будутъ благопріятны ьеру, такъ какъ авторитетъ его въ странѣ весьма великъ, и вотъ и помощи этого новаго собранія, которое уже по необходимости детъ учредительнымъ, Тьеръ, если вся комбинація ему удастся, жетъ окончательно упрочить свою власть и создать „консервативную спублику" на тѣхъ основахъ, какія признаетъ лучшими. Впрочемъ, тъ основанія положительно утверждать, что изъ этого должно произойти что-либо дурное. Дѣло не въ формахъ, по крайней мѣрѣ до вѣстной степени. Конечно, если формы таковы, что онѣ сами исючаютъ вовсе общественное мнѣніе отъ управленія страной, какъ было при второй имперіи, то судьба страны становится просто рушкою въ рукахъ временныхъ правителей. Но тѣ формы, какія редполагаетъ Тьеръ, вовсе не таковы. Положимъ, ограниченіе всеобщаго голосованія нераціонально потому, что оно нисколько не ведетъ ь предупрежденію революцій. Никогда выборы въ современной Франціи не имѣли революціоннаго характера, а революція можетъ быть

произведена и не-избирателями. Нѣтъ нужды пробыть непрем три года въ одной общинѣ, чтобы приняться за ломку мостово стать съ ружьемъ въ рукахъ за грудою камней. Положимъ, верх палата во Франціи, если она будетъ учрежденіемъ постояннымъ, рѣе усилитъ, нежели уменьшитъ антагонизмъ между сословіями. тѣмъ не менѣе, и при этихъ формахъ судьба народа все-таки бу въ его рукахъ, онъ можетъ воспользоваться и ими къ приготов себѣ лучшей будущности, какъ можетъ злоупотреблять и болѣе раціональными формами. Въ смыслѣ же учрежденія времен которое дало бы исходъ изъ нынѣшняго положенія дѣлъ, при безъ всякаго насилія къ распущенію нынѣшняго національнаго бранія, верхняя палата, какъ уже сказано, могла бы даже ока Франціи услугу.

Агитація въ смыслѣ распущенія собранія ожидалась весьма д тельная, но на дѣлѣ оказалось, что республиканская партія гор осторожнѣе, чѣмъ думали консерваторы. Если бы лѣвая сторо какъ они предвѣщали, воспользовалась вакаціями собранія для пр изнесенія рѣчей и проведенія усиленной полемики въ смыслѣ вра дебномъ нынѣшнему представительству, то нѣтъ сомнѣнія, что с браніе, по возобновленіи сессіи, самымъ рѣшительнымъ образо вступило бы на путь реакціи и, быть можетъ, прямо объявило себя учредительнымъ. Но лѣвая сторона не впала въ эту ошиб Гамбетта и лѣвый центръ, котораго президентомъ состоитъ генер Шанзи, выказали большой тактъ, первый въ статьяхъ своей газе „République Française", второй въ заявленіи лѣваго центра, относ тельно бюллетеней о положеніи дѣлъ, какіе онъ предполагаетъ пускать по временамъ въ видѣ корреспонденцій въ газеты. Республи канцы поступили весьма благоразумно отказываясь выступать са противъ консервативнаго, монархическаго большинства и предостави ему самому обнаружиться въ истинномъ своемъ свѣтѣ. Поводъ к этому избранъ республиканцами строго-законный. Сессія генеральны департаментскихъ совѣтовъ открылась 19-го августа (н. с.) Респуб ликанцы условились возбудить въ этихъ совѣтахъ два весьма важных вопроса, именно о введеніи обязательнаго, гражданскаго (т.-е. госу дарственнаго, а не церковнаго) обученія и подоходнаго налога. Необ ходимость поднять умственный уровень массы народа и привлечь зажиточные классы къ бо́льшему участію въ податномъ бремени, вс болѣе и болѣе сознаются всѣми безпристрастными людьми. Аргументы, предъявляемые консерваторами, каковы всѣ монархисты, противъ того и другого, даже въ ихъ собственныхъ устахъ становятся все менѣе искренни и рѣшительны. А между тѣмъ, согласиться на эти мѣры консерваторы-монархисты никакъ не могутъ; одна изъ нихъ вырвала бы сельское населеніе изъ-подъ опеки духовенства, солидарнаго съ

монархистами, другая противорѣчитъ матеріальнымъ интересамъ какъ крупныхъ землевладѣльцовъ, такъ и богатаго промышленнаго класса, въ которыхъ монархисты находятъ своихъ поборниковъ. При возбужденіи обоихъ этихъ вопросовъ въ генеральныхъ совѣтахъ, монархистамъ придется выкинуть истинный свой флагъ, доказать своими рѣчами, чего они желаютъ для націи не во внѣшнихъ, политическихъ формахъ, а на самомъ дѣлѣ: какой бытъ они желаютъ упрочить для народа. И вотъ, если окажется, что въ сущности они добиваются поддержанія въ народѣ невѣжества, подъ клерикальнымъ вліяніемъ, и оставленія на рабочихъ классахъ нынѣшняго бремени налоговъ, безъ привлеченія къ нему капиталовъ, въ такомъ случаѣ и безъ всякой прямой агитаціи со стороны республиканской партіи страна пойметъ, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло въ монархическомъ большинствѣ національнаго собранія, которое и Тьера еще находитъ недостаточно консервативнымъ политикомъ, а хотѣло бы новаго государственнаго переворота, даже подъ опасностью новой междоусобной борьбы, единственно для того, чтобы закрѣпить надъ массою населенія тяготѣющія нынѣ надъ нею невыгодныя общественныя условія.

Французскія газеты съ величайшимъ вниманіемъ слѣдили за малѣйшими подробностями пребыванія президента въ Трувиллѣ, поѣздками оттуда всего на нѣсколько часовъ въ Гонфлёръ и т. д. Между этими подробностями двѣ, дѣйствительно, заслуживали вниманія. Это были посѣщенія президента принцомъ уэльскимъ и русскимъ посломъ княземъ Орловымъ. Слишкомъ ясно, при нынѣшнемъ положеніи Европы, что ни Англія, ни въ особенности Россія не могли предлагать Франціи какой-либо особой дружбы, а тѣмъ болѣе союза. Со стороны Англіи для политическихъ переговоровъ, во всякомъ случаѣ, былъ бы посланъ не принцъ уэльскій. Но нельзя все-таки не придавать нѣкотораго значенія помянутымъ визитамъ потому именно, что они были сдѣланы, такъ сказать, наканунѣ свиданія трехъ императоровъ въ Берлинѣ. Въ этомъ смыслѣ, пріѣздъ въ Трувилль теперь именно наслѣдника великобританскаго престола и свиданіе его съ президентомъ французской республики было даже характеристичнѣе, чѣмъ былъ бы пріѣздъ въ Трувилль лорда Гранвилля, или хотя бы Гладстона. Какъ ни нерасположена нынѣ Англія къ протекціонистской политикѣ Тьера, но британская дипломатія все-таки, быть можетъ, хотѣла показать, что свиданія происходятъ не въ одномъ Берлинѣ. Что касается посѣщенія Тьера нашимъ посломъ, то хотя мы и считаемъ сомнительными извѣстія нѣкоторыхъ французскихъ газетъ о тѣхъ заявленіяхъ крайне-дружественнаго характера, для которыхъ будто бы пріѣзжалъ князь Орловъ въ Трувилль, однако находимъ довольно вѣроятною связь его посѣщенія съ берлинскимъ свиданіемъ. Свиданіе трехъ императоровъ, вообще говоря, считается обстоятельствомъ для Франціи неблагопріятнымъ. Что, поэтому,

русскій дипломатъ имѣлъ порученіе объяснить президенту миролюбивыя цѣли берлинскаго свиданія и своимъ внимательнымъ визитомъ такъ сказать „позолотить пилюлю“ для французскаго правительства— въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Но всякое предположеніе, идущее *дальше* этого, представляется невѣроятнымъ. Чтó бы ни говорили о томъ способѣ, какимъ въ Берлинѣ подготовилось свиданіе именно *трехъ* императоровъ, во всякомъ случаѣ очевидно, что до тѣхъ поръ, пока самое это свиданіе не состоялось и не обнаружились ближайшія его послѣдствія, русская дипломатія не можетъ обнаруживать никакой иной комбинаціи (не говоря уже о невѣроятности вообще всякой иной комбинаціи въ настоящее время).

За то нѣкоторыя другія подробности пребыванія Тьера на берегу моря, схваченныя большинствомъ французскихъ газетъ и возведенныя ими болѣе или менѣе въ событія, показываютъ не что иное какъ явленіе, на которое мы уже и прежде указывали: необыкновенную важность, какая придается во Франціи такъ-называемымъ incidents, то-есть случаямъ, которые касаются личностей, нисколько не имѣя вліянія на положеніе дѣлъ. Такова была демонстрація нѣсколькихъ подгулявшихъ господъ на морѣ, въ виду берега, на которомъ находился президентъ республики. Одинъ французъ и двое мексиканскихъ уроженцевъ, принадлежащихъ къ категоріи того интернаціональнаго полупридворнаго, полу-биржевого, закулиснаго и псевдо-политическаго „парижскаго свѣта“, который процвѣталъ при второй имперіи и былъ одной изъ вреднѣйшихъ язвъ, привитыхъ ею Франціи, кричали въ честь экс-императора и съ поношеніемъ Тьера, находясь на яхтѣ, принадлежащей русскому. Не напоминаемъ именъ, которыя всѣ получили извѣстность единственно по поводу этого скандала. На него не обратили бы вниманія въ Англіи, гдѣ Гладстонъ когда-то привлекъ къ мировому судьѣ какого-то подобнаго скандалиста, такъ и оставшагося неизвѣстнымъ всему міру. Но во Франціи изъ такого случая тотчасъ сдѣлали событіе: пошли толки о строгомъ выговорѣ со стороны князя Орлова, изъявленномъ имъ сожалѣніи, о проискахъ бонапартистовъ и т. п. Обаяніе Франціи, существующее два вѣка, все еще такъ велико, что европейская печать добросовѣстно передавала на своихъ столбцахъ всѣ эти толки о фактѣ въ сущности совершенно ничтожномъ, но который сочтенъ былъ во Франціи нѣкоторымъ событіемъ. Все это характеристично, и упомянутый скандалъ если заслуживаетъ вниманія, то именно съ этой стороны. Если сравнить живость и разнообразіе толковъ французской печати объ этомъ случаѣ съ тѣмъ безмолвнымъ утомленіемъ, какимъ она сопровождала окончательное принятіе закона о налогѣ на сырые продукты, то нельзя не придти къ заключенію, что во Франціи—какъ и у насъ, замѣтимъ— въ большинствѣ читающей публики болѣе всего развита наклонность къ предметамъ свойства увесе-

тельнаго. Что серьезные люди во Франціи сознаютъ этотъ національный недостатокъ—несомнѣнно. Нелишне будетъ привесть нѣкоторыя разсужденія „Journal des Débats“, которыя хотя и высказаны по очому глупому поводу, но имѣютъ отношеніе и къ гораздо болѣе важнымъ предметамъ. „Гдѣ въ настоящее время наша столица: въ Парижѣ, въ Версалѣ или въ Трувиллѣ“? спрашиваетъ себя „Débats“, и продолжаетъ такъ: „съ этимъ вопросомъ мы обращаемся не къ географамъ, а къ тѣмъ, кто пишетъ въ газетахъ, и къ тѣмъ кто ихъ читаетъ. Парижъ скученъ и монотоненъ, Версаль пустъ. Весь шумъ перенесся въ Трувилль и всѣ отголоски приходятъ къ намъ оттуда; они даже оглушаютъ насъ. Корреспонденціи, дневники, депеши изъ Трувилля приняли тревожные размѣры; невозможно всего перечитать, что исходитъ оттуда, нѣтъ возможности всего запомнить. Нѣкоторыя газеты видятъ въ этомъ явленіи признакъ, что нравы наши все-таки имѣютъ свойство совершенно монархическое. Сколько мы ни дѣлаемъ революцій, въ насъ, говорятъ онѣ, все держится духъ монархическій. Нѣтъ у насъ Тюльери, такъ есть le chalet Cordier (дача, на которой живетъ Тьеръ) и выходитъ то же самое; мы не можемъ обойтись безъ короля. Но развѣ извѣстія, которыя сообщаютъ намъ изъ Трувилля, всѣ разсчитаны на то, чтобы возвысить наше уваженіе къ президенту республики? Совсѣмъ нѣтъ, и каррикатура тоже играетъ въ нихъ свою роль. И сама публика, серьезно ли она принимаетъ пустяки, которые ей доносятъ изъ Трувилля? Нѣтъ, она смѣется надъ ними и хотя бросается на нихъ съ жадностью, но именно для того, чтобы потѣшиться. Что сказать объ этой легкости, съ которой мы смѣняемъ съ году на годъ предметъ нашего вниманія, занимаемся одинаково сегодня королемъ, завтра императоромъ, потомъ президентомъ республики? Въ этомъ ли равнодушномъ отношеніи къ подобной смѣнѣ можно открыть монархическій духъ, который намъ приписываютъ? Нѣтъ, въ этомъ ни причемъ ни монархическіе, ни республиканскіе нравы; это просто доказательство неизлечимаго легкомыслія и пустоты нашихъ привычекъ. Мы претерпѣли жестокія бѣдствія, и что же? мы ощущаемъ именно по этой причинѣ особую потребность повеселиться. Пусть бы нравы наши были въ самомъ дѣлѣ монархическіе, или пусть они въ самомъ дѣлѣ были бы республиканскіе. И за то и за другое намъ слѣдовало бы благодарить Бога. Но бываютъ ли монархическими или республиканскими нравы народа? Нѣтъ, народъ можетъ только или имѣть просто *политическіе* нравы, или не имѣть ихъ. Такъ, наши сосѣди, англичане, имѣютъ въ высшей степени духъ, нравы политическіе. Еслибы исторія дала имъ республику, они бы и со своей республикой уживались также хорошо, какъ теперь уживаются со своей монархіей. Формы правленія вовсе не имѣютъ той важности, какую мы имъ придавали; онѣ не представляютъ сами ника-

кой магической силы, могущей обезпечить благосостояніе народа. Итакъ, оставимъ этотъ лексиконъ словъ, который мы приняли-было за арсеналъ надежнаго оружія. Не станемъ болѣе разсуждать о нравахъ монархическихъ и нравахъ республиканскихъ, но постараемся воспитать въ себѣ духъ *политическій*, то-есть спокойный, трезвый, способный сознавать вещи въ ихъ дѣйствительномъ соотношеніи. Тогда мы поймемъ, что было такое время, когда мы поступали благоразумно, придерживаясь образа правленія монархическаго и что время это теперь, можетъ быть, уже миновало".

Сессія англійскаго парламента закрылась 10 августа рѣчью, произнесенною лордомъ-канцлеромъ отъ имени королевы. Эта тронная рѣчь не была замѣчательна ничѣмъ и состояла исключительно изъ самопоздравленій съ благополучіемъ. Впрочемъ, нельзя также отрицать, что и англійское общество и нынѣшнее правительство имѣли причины ощущать самодовольство. Изъ текущихъ явленій жизни къ концу сессіи развѣ только одно могло внушать нѣкоторое безпокойство, а именно сильное вздорожаніе каменнаго угля, и порожденные имъ вновь толки о возможности скораго истощенія каменно-угольныхъ пластовъ Великобританіи. Изъ дѣлъ минувшей сессіи важнѣйшимъ было окончательное проведеніе Ballot-bill'a, то-есть учрежденія негласнаго вотированія на выборахъ. Ровно годъ тому назадъ законъ этотъ, пройдя въ палатѣ общинъ послѣ нескончаемыхъ затрудненій, былъ устраненъ палатою лордовъ отсрочкою. Въ нынѣшнюю сессію лорды приняли, наконецъ, этотъ законъ, ослабляющій вліяніе богатыхъ классовъ на выборы, но обставили первоначальный проектъ такими измѣненіями и дополненіями, которыя уничтожали его сущность; между прочимъ, по дополненію, принятому лордами, скрытая подача голосовъ дѣлалась не обязательною для избирателей, а предоставлялось на ихъ волю подавать голоса закрытымъ или открытымъ способомъ. Палата общинъ при вторичномъ разсмотрѣніи измѣненнаго такимъ образомъ билля отвергла тѣ дополненія, которыя искажали сущность реформы, но доставила лордамъ удовольствіе согласившись на другія ихъ поправки, между прочими и на ту, которая придаетъ нынѣшнему закону характеръ временной мѣры, опредѣляя дѣйствіе ея только на восемь лѣтъ. Верхняя палата пропустила затѣмъ билль безъ измѣненія, въ его обязательномъ смыслѣ, и законъ былъ утвержденъ королевою.

Четыре дня по закрытіи парламента, ballot bill'ю представился уже первый случай примѣненія на практикѣ. Это было 14-го августа въ Понтефрактѣ, мѣстечкѣ, котораго представителемъ въ палатѣ общинъ былъ г. Чильдерсъ. Чильдерсъ вступилъ въ кабинетъ въ званіи канцлера Ланкастерскаго герцогства, и потому въ Понтефрактѣ назначены были новые выборы. Кандидатами явились Чильдерсъ и консерваторъ

лордъ Поллингтонъ, богатый землевладѣлецъ, такъ что конкурренція была весьма серьезная. Первымъ результатомъ примѣненія закрытаго голосованія была побѣда либеральной партіи: Чильдерсъ былъ избранъ вновь. Правда, онъ и прежде, то-есть при открытыхъ выборахъ, былъ представителемъ мѣстечка. Но на предшествующихъ общихъ выборахъ въ парламентѣ, Чильдерсъ получилъ въ Понтефрактѣ большинство всего 13-ти голосовъ, а теперь—и несмотря на опасную конкурренцію лорда Поллингтона, либеральный кандидатъ получилъ большинство 80-ти голосовъ. Впрочемъ, не столько важенъ результатъ выборовъ въ этомъ мѣстечкѣ, какъ тотъ характеръ, какой они получили вслѣдствіе примѣненія закрытаго голосованія. Извѣстно, что при прежней системѣ выборы въ Англіи весьма походили на ярмарку; необходилось безъ шума, пьянства и дракъ. Теперь на выборахъ въ Понтефрактѣ все происходило самымъ чиннымъ образомъ. Волненія и шума никакого не было. Кандидаты мирно расхаживали по городу, но не было никакихъ овацій и встрѣчъ враждующихъ партій потому именно, что избиратели не желали обнаруживать своихъ намѣреній. Избирательный ящикъ оставался открытымъ до 5-ти часовъ пополудни, и въ теченіи всего дня избиратели являлись къ нему, брали листки, незамѣтно вписывали на нихъ карандашемъ имена или знаки, складывали листки и опустивъ ихъ въ ballot-box, удалялись. Эта скромная церемонія знаменовала для Англіи весьма важное событіе, событіе, которое несомнѣнно отзовется на ея политической жизни и на всемъ ея законодательствѣ, приближая old England къ „демократизаціи“.

Но реформа нынѣшней системы избирательства, предпринятая правительствомъ Гладстона, еще не окончена съ проведеніемъ ballot'а. Въ слѣдующую сессію внесенъ будетъ законъ о новомъ распредѣленіи парламентскихъ мѣстъ (redistribution of Seats), то-есть о новомъ составѣ избирательныхъ округовъ или о новомъ распредѣленіи между городами и графствами всего числа представителей въ палатѣ общинъ. Продолжая обзоръ сессіи минувшей, упомянемъ, что въ ней состоялся законъ о преобразованіи арміи, законъ о народномъ образованіи въ Шотландіи и нѣсколько важныхъ законовъ, неимѣющихъ политическаго значенія. Министерство Гладстона чувствовало себя въ концѣ сессіи гораздо сильнѣе, чѣмъ при ея началѣ, когда надъ нимъ висѣла грозная туча элебемскаго вопроса съ тѣми обвиненіями, которыя исходили изъ оппозиціи противъ уашингтонскаго трактата, которымъ правительство въ свое время такъ гордилось. Но третейскій судъ въ Женевѣ выручилъ лорда Гранвилля и Гладстона изъ ихъ неловкаго положенія. Онъ самъ устранилъ вопросъ о косвенныхъ убыткахъ и повелъ вопросъ о прямыхъ убыткахъ такимъ образомъ, что Англіи, очевидно, возможно будетъ удовольствоваться его рѣшеніемъ, хотя быть можетъ сумма присужденнаго воз-

награжденія и не будетъ такъ мала, какъ то поспѣшили сообщить недавнія англійскія телеграммы. Вслѣдствіе такого оборота дѣла вождь оппозиціи Дизраэли сохранилъ благоразумное молчаніе объ элебемскомъ дѣлѣ, а лордъ Россель, который давно объявилъ намѣреніе сдѣлать по этому предмету запросъ правительству, все откладывалъ этотъ запросъ и такъ его и не сдѣлалъ.

Личныхъ incidents, подобныхъ тѣмъ, которые такъ обильно являются въ палатѣ французской, въ сессіи англійскаго парламента не произошло, за исключеніемъ республиканскихъ рѣчей сэра Чарльза Дилька и г. Герберта въ началѣ сессіи и запроса по поводу выборовъ въ Гальвеѣ—въ концѣ ея. Мы назвали рѣчи Дилька и Герберта республиканскими, но это названіе не точно; возбужденъ былъ вопросъ только о слишкомъ большомъ расходѣ на содержаніе двора, и республиканскаго въ этихъ преніяхъ была собственно только тенденція, но не содержаніе рѣчей, которыя большинствомъ палаты были сопровождаемы давно уже неслышанными въ Уэстминстерѣ мычаньемъ и другими столь же остроумными заявленіями идей.

Запросы о выборахъ въ Гальвеѣ, въ Ирландіи, также не имѣли большого значенія, хотя нѣкоторыя нѣмецкія газеты и усмотрѣли въ отвѣтахъ британскаго правительства какъ бы намѣреніе послѣдовать за правительствомъ германскимъ въ его походѣ на іезуитовъ и вообще на клерикаловъ-католиковъ. Но въ чемъ же въ сущности было дѣло? Въ Гальвеѣ избранъ былъ, огромнымъ большинствомъ, одинъ изъ представителей католической партіи, и вмѣстѣ Home-rule, капитанъ Ноленъ. Но такъ какъ отъ нѣкоторыхъ избирателей поступили жалобы на незаконность этихъ выборовъ, совершенныхъ подъ рѣшительнымъ руководствомъ католическаго духовенства, то судья Кіо (Keogh), разсмотрѣвъ дѣло, призналъ выборы незаконными. Отсюда негодованіе клерикальной партіи на Кіо, который хотя самъ католикъ, но разсудилъ дѣло безпристрастно. Стали устраивать враждебныя ему демонстраціи, торжественно жгли куклу, изображавшую его, какъ лондонскіе мальчишки жгутъ соломеннаго Гея Фокса, и дѣлали судьѣ различныя угрозы, вслѣдствіе чего онъ не могъ выѣзжать иначе какъ съ вооруженнымъ конвоемъ. По поводу этихъ фактовъ, сэръ Робертъ Пиль спросилъ правительство, намѣрено ли оно или нѣтъ примѣнить законъ 1829 года противъ іезуитовъ, который преданъ забвенію. Гладстонъ сказалъ на это, что онъ не можетъ дать отвѣта, намѣрено ли или не намѣрено правительство примѣнять какой-либо законъ. Отвѣтъ Гладстона означалъ въ сущности: „посмотримъ, что будетъ дальше“. Затѣмъ баронетъ, предъявлявшій вопросъ объявилъ, что въ началѣ слѣдующей сессіи онъ обратитъ вниманіе парламента на этотъ предметъ. Дѣло о выборахъ въ Гальвеѣ, впрочемъ, не кончилось отмѣною произведеннаго избранія. За этимъ должно послѣдовать судебное дѣло

ротивъ католическихъ епископовъ гальвейскаго и клонфёртскаго и 2-хъ священниковъ, на которыхъ падаетъ обвиненіе въ незаконныхъ йствіяхъ при выборахъ.

Между тѣмъ, католическая агитація высказалась въ самой Англіи ристократическимъ митингомъ въ Лондонѣ для осужденія мѣръ, приняхъ въ Германіи противъ іезуитовъ. Пренія и рѣшенія этого митинга не ходили изъ общихъ мѣстъ ультрамонтанства. Болѣе интереса предавляютъ имена важнѣйшихъ его участниковъ. Предсѣдательствоъ герцогъ Норфолькъ, присутствовали архіепископъ Маннингъ, онсиньоръ Кэпель (Capel), описанный въ романѣ Дизраэли Lothair одъ именемъ монсиньора Кэтсби, графъ Денби, лордъ Питръ, графъ енсборо, лордъ Говардъ-Глоссопъ, графъ д'Альбани-Стюартъ, маркиза Лотіанъ и т. д. О томъ, присутствовалъ ли на этомъ митингѣ ъ защиту іезуитовъ самъ Lothair, герой Дизраэлева романа, маркизъ ютъ — нѣтъ извѣстія. Забавно было заключеніе рѣчи архіепископа Маннинга, состоявшее въ томъ, что Германія, лишая себя помощи зуитовъ, тѣмъ самымъ отдаетъ себя въ жертву—даже не пресловуой Интернаціоналкѣ, а—масонамъ (!). Ужъ не масоны ли представютъ тотъ возвѣщенный недавно Германіи Піемъ IX камень, что катится съ горы и сломитъ ноги «глиняному колоссу»?

Кстати объ «интернаціональномъ обществѣ рабочихъ». Оно собиалось въ половинѣ іюля на первый свой годичный конгрессъ, въ Ноттингэмѣ. На этомъ конгрессѣ важнѣйшее предложеніе исходило тъ генеральнаго секретаря общества, Гельса (Hales), который, признавая важность общественныхъ вопросовъ, указалъ на необходимость политической дѣятельности для осуществленія хотя бы общественныхъ реформъ, а потому предложилъ организовать во всѣхъ странахъ собую политическую партію, партію рабочихъ. Предложеніе Гельса ыло принято собраніемъ единогласно. Сверхъ этого, замѣчательно ще одно рѣшеніе интернаціональнаго общества, а именно то, котоымъ признается необходимость установленія въ Англіи, Шотландіи Ирландіи федеративной формы правленія, съ отдѣльными парламенами въ каждой изъ этихъ странъ.

Въ Бельфастѣ, въ Ирландіи, произошли между 15-мъ и 21-мъ августа езпорядки, которые впрочемъ не имѣли отношенія къ какому-либо екущему политическому вопросу. Сильныя драки протестантовъ съ атоликами происходили въ теченіи цѣлой недѣли, но не по поводу тмѣны выборовъ въ Гальвеѣ или одобренія правительствомъ ихъ отмѣны, а по поводу—странно сказать—событій происшедшихъ два вѣка тому назадъ. Вражда между протестантами (оранжистами) и католиками, посѣянная въ Ирландіи прежнею политикою правительства, существуетъ доселѣ и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока Ирландія сохранитъ національныя стремленія къ полной независимости

или по крайней мѣрѣ къ самостоятельности внутренняго управлені (Home rule), стремленій, которыя представляются партіею католич скою. Эти стремленія, какъ и самая вражда ирландскихъ католиков съ протестантами, происходятъ изъ одного источника, а именно из вѣкового угнетенія Ирландіи британскимъ правительствомъ, обшир ныхъ конфискацій земель, раздачи ихъ протестантамъ и всякаго ро да эксплуатаціи страны. Все это давно прекратилось, но послѣдстві системы державшейся вѣка́ исчезаютъ не скоро.

Оранжисты (Orangemen) до сихъ поръ празднуютъ торжественны ми процессіями воспоминаніе о революціи, которая лишила престол послѣдняго Стюарта и доставила престолъ Вильгельму Оранском Эти процессіи происходятъ 12 и 13 августа. Католики же устра ваютъ процессіи въ день праздника Успенія, т.-е. 15-го августа. По по воду такихъ процессій въ городахъ, гдѣ населеніе не представляет одной сплошной вѣроисповѣдной массы, обыкновенно происходят драки, болѣе или менѣе крупныя, но одинаково лишенныя всякаго человѣческаго смысла. Извѣстно, что драки эти, по тому же поводу и между тѣми же партіями, происходятъ и въ Сѣверной Америкѣ, особенно въ Нью-Иоркѣ, такъ какъ ирландцы, даже оставивъ родину, не оставляютъ этихъ пагубныхъ традицій. Для предупрежденія такихъ столкновеній, полиціею обыкновенно принимаются мѣры, сообразно собраннымъ ею свѣдѣніямъ; иногда воспрещаются процессіи, но всегда временно усиливается составъ полицейскихъ командъ. На нынѣшній разъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, не имѣя никакихъ тревожныхъ извѣстій, понадѣялось на благоразуміе населенія и не приняло особыхъ мѣръ въ Бельфастѣ. Между тѣмъ, въ Бельфастѣ скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Ирландіи могутъ происходить религіозныя драки потому, во-первыхъ, что большинство населенія въ немъ—протестанты, такъ что оранжисты сознаютъ здѣсь за собой силу, которой имъ не достаетъ въ Дублинѣ или Коркѣ, во-вторыхъ, потому что Бельфастъ имѣетъ населеніе въ 120 т. душъ и есть городъ фабричный.

Клубы оранжистскіе и католическіе на этотъ разъ сами поощрили полицію къ бездѣйствію тѣмъ, что своевременно выпустили воззванія, приглашавшія обѣ стороны къ сохраненію спокойствія. Въ томъ видѣ, какъ разсказываетъ событіе газета Times, виновниками нарушенія спокойствія были оранжисты. „Неоспоримъ, по крайней мѣрѣ, тотъ фактъ“, говоритъ о́рганъ Сити, „что католики не мѣшали оранжистскимъ процессіямъ, но что когда пришла очередь процессіямъ католическимъ, то онѣ подверглись нападеніямъ“. Въ день праздника Успенія, 15 августа (н. с.), послѣ обѣдни вышли католическія процессіи, которыхъ участники были украшены зелеными кокардами и несли зеленыя знамена съ золотой лирою безъ короны (цвѣтъ и

гербъ Ирландіи, „зеленаго Эрина"). Несмотря на мирныя заявленія, обнародованныя еще до оранжистскихъ демонстрацій 12-го числа католическимъ обществомъ защиты рабочихъ (Working men's defense association) и протестантскимъ обществомъ учениковъ (Apprentive boys association), какъ только появились зеленыя процессіи, тотчасъ начались драки, и превратились вскорѣ въ общую свалку по всему городу. Главнымъ оружіемъ были камни и палки, но скоро пущены были въ ходъ и ножи, и даже огнестрѣльное оружіе. Полиція пыталась разнимать дравшихся, но сама потерпѣла и не оказалась въ силахъ ничего сдѣлать. Затѣмъ, въ теченіи еще нѣсколькихъ дней драки возобновлялись съ необыкновенной яростью и ежедневно телеграммы изъ Бельфаста сообщали о нѣсколькихъ убитыхъ и десяткахъ раненыхъ. Потребованы были войска изъ разныхъ мѣстностей Ирландіи и вызвана была полиція изъ окрестныхъ городовъ. Полкъ шотландскихъ горцевъ, полкъ милиціи, полкъ линейной пѣхоты и полкъ гвардейскихъ драгуновъ прибыли въ Бельфастъ; мэръ города сэръ Джонъ Сэвэджъ издалъ прокламацію о прочтеніи riot-act'а (закона о дѣйствіи противъ мятежа) и предложилъ войскамъ дѣйствовать штыками. Полиція должна было наконецъ стрѣлять въ народъ, и подъ конецъ большая часть ранъ нанесена была именно полиціею, въ которой также оказалось не мало раненыхъ, а одинъ констэбль былъ убитъ. Бѣшенство партій было такъ велико, что разсказываютъ, какъ жена католичка нанесла нѣсколько ранъ ножемъ своему мужу—протестанту, когда онъ вернулся домой съ побоища. Явилось много «спеціальныхъ констеблей», то-есть волонтеровъ, которые вступили въ ряды полиціи для усмиренія бунта. Наконецъ, едва къ 22-му числу удалось справиться съ бунтомъ, который продолжался, стало быть, цѣлую недѣлю. Католики наиболѣе пострадали при этомъ, не столько въ самой дракѣ, сколько въ томъ разрушеніи и ограбленіи домовъ, которыми она сопровождалась.

Газета „Times" хотя и отнеслась безпристрастно къ началу безпорядковъ, признавъ первыми виновниками въ нихъ оранжистовъ, однако впослѣдствіи, въ другой статьѣ, вывела изъ этихъ фактовъ заключеніе весьма близорукаго свойства. Драки въ Бельфастѣ, по заключенію органа лондонскаго Сити, доказываютъ, что всѣ тѣ уступки, посредствомъ которыхъ правительство (т.-е. собственно Гладстонъ, такъ какъ отмѣна господства англійской церкви въ Ирландіи и новый поземельный законъ, въ пользу фермеровъ—его личныя дѣла) думало примирить ирландскій народъ, оказываются безсильными упрочить ему спокойствіе; что стало быть никакихъ уступокъ болѣе не надо, а слѣдуетъ примѣнять къ управленію Ирландіею только „терпѣливую волю" и „твердую руку". Какъ будто цѣлыя вѣка безпримѣрной эксплуатаціи и намѣреннаго сѣянія вражды могли быть изглажены двумя зако-

нами, проведенными въ теченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ! Гладстономъ дано было прежде городскому управленію Бельфаста обѣщаніе посѣтить этотъ городъ въ сентябрѣ. Любопытно, исполнитъ ли премьеръ свое намѣреніе послѣ того, что произошло.

Между тѣмъ, какъ свѣтъ не безъ нѣкотораго удивленія видитъ появленіе въ такой странѣ какъ Англія свѣтскихъ защитниковъ общества Іисуса, въ ближайшей окружности римскаго клерикализма, въ Италіи, даже въ самомъ Римѣ, вліяніе его постоянно и весьма быстро падаетъ. „Узникъ Ватикана" не владѣетъ уже ничѣмъ, кромѣ Ватикана, Латерана и Кастель-Гандольфо. Правда, и это владѣніе достаточно обширно для отправленія въ немъ всевозможныхъ церемоніаловъ: въ одномъ ватиканскомъ дворцѣ заключается 11-ть тысячъ комнатъ и 22 двора, а при дворцахъ имѣются обширные парки. Но всего этого слишкомъ мало для преемника Григорія VII-го, и мысль о перенесеніи папскаго престола въ иную страну, повидимому, все еще не совершенно оставлена римскою куріей. Въ перепискѣ по римскому вопросу, обнародованной бывшимъ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Жюлемъ Фавромъ, заключалось любопытное свѣдѣніе, что папа въ разговорѣ съ французскимъ посломъ, графомъ д'Арвуромъ, 26-го апрѣля прошлаго года, высказалъ будто, еслибы ему вновь предложена была свѣтская власть надъ всѣми бывшими папскими владѣніями, то онъ не принялъ бы ея, но желалъ бы найти гдѣ-нибудь такой уголокъ, гдѣ онъ могъ бы быть совершенно независимымъ владыкой, соотвѣтственно своему высокому духовному призванію. Это заявленіе Пія IX-го было тогда же тотчасъ оффиціально опровергнуто изъ Рима, но нѣтъ никакой причины вѣрить болѣе опроверженію римской куріи, чѣмъ сообщенію Жюля Фавра. Во всякомъ случаѣ, нѣкоторыя новѣйшія извѣстія заставляютъ предполагать, что въ Римѣ задумывается нѣчто въ виду именно будущаго конклава для избранія преемника Пію IX-му. Предполагаютъ, что наиболѣе фанатическая часть куріи, то-есть именно кардиналы, состоящіе подъ прямымъ вліяніемъ общества Іисуса и самъ генералъ ордена іезуитовъ Бэксъ желали бы перенесть временно престолъ св. Петра въ Бельгію (въ Мехельнъ), для того, чтобы устранить въ будущемъ конклавѣ большинство кардиналовъ итальянскихъ, въ числѣ которыхъ подозрѣваютъ нѣкоторыхъ въ склонности къ примиренію съ „расхищеніемъ", то-есть съ національною Италіей. Если конклавъ будетъ внѣ предѣловъ Италіи, то многіе старцы-кардиналы не примутъ въ немъ участія. Но къ этимъ слухамъ примѣшался въ послѣднее время слухъ весьма странный о разладѣ, будто бы происшедшемъ между папою и его государственнымъ секретаремъ, кардиналомъ Антонелли, при чемъ, этотъ кардиналъ, взывавшій нѣкогда къ строжайшимъ мѣрамъ со стороны австрійскихъ и французскихъ войскъ противъ итальянскихъ патріотовъ,

теперь будто бы вдругъ явился представителемъ мысли о необходимости полнаго и окончательнаго примиренія съ революціоннымъ итальянскимъ королевствомъ. Въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать этотъ слухъ, теперь еще неясно, а понимать его можно весьма различно. Можно допустить, что кардиналъ Антонелли дѣйствуетъ или согласно съ іезуитами, или противъ нихъ. Первое, конечно, вѣроятнѣе. Въ такомъ случаѣ можно полагать, что предпринявъ по возможности устранить изъ будущаго конклава элементъ итальянскій, іезуиты, на всякій случай, приготовляютъ про запасъ и итальянскую кандидатуру, но такую, которая будетъ вполнѣ благонадежна. Для этого, можетъ быть, кардиналъ Антонелли и озабочивается заранѣе составить себѣ репутацію національно-итальянскаго кандидата на папство. Затѣмъ, въ случаѣ если непройдетъ другой, болѣе любезный іезуитамъ кандидатъ, и Антонелли будетъ избранъ благодаря итальянскому большинству членовъ конклава, то ему придется разыграть роль Сикста V-го, „обмануть всѣ ожиданія", то-есть оказаться непримиримымъ врагомъ той Италіи, которой онъ нынѣ будто бы является другомъ. Эта комбинація — въ духѣ іезуитовъ, какъ по хитрости своей, такъ и по своей рискованности. Іезуиты, вообще, всегда проигрывали всѣ важнѣйшія политическія дѣла именно потому, что „перехитряли". Рискъ же настоящей комбинаціи могъ бы быть двоякій: во-первыхъ, Антонелли, бывъ предназначенъ къ роли Сикста V-го, могъ бы по своимъ избраніи въ папы сыграть ее въ прямомъ, а не въ переносномъ смыслѣ, подобно Сиксту, обмануть именно ту партію, которой принадлежала бы инициатива въ его кандидатурѣ, то-есть самихъ отцовъ-іезуитовъ. Во-вторыхъ, доселѣ почти никогда не удавалось государственному секретарю предшествовавшаго папы быть избрану въ преемники его, и объясняется это тѣмъ, что первый министръ, неся на себѣ нравственную отвѣтственность за все, что дѣлалось при прежнемъ папѣ, въ составѣ конклава непремѣнно долженъ былъ имѣть гораздо болѣе личныхъ враговъ, чѣмъ друзей.

Какъ бы то ни было, но собственно въ желаніи іезуитовъ перенесть пребываніе папы внѣ Италіи въ виду будущаго конклава, нѣтъ ничего невѣроятнаго. Во всякомъ случаѣ, перенесеніе это и по ихъ мысли можетъ быть только временное. Остаться въ Римѣ или возвратиться въ Римъ для папства будетъ все-таки необходимо, несмотря на потерю имъ свѣтской власти, а можетъ быть еще болѣе необходимо вслѣдствіе потери ея. Теперь, когда папа пересталъ быть свѣтскимъ государемъ, авторитетъ его все-таки упалъ, какъ бы ни утверждали противное итальянскіе министры, представители идеи свободной церкви въ свободномъ государствѣ. Іезуиты думали вознаградить папство за эту потерю провозглашеніемъ его непогрѣшимости. Но этотъ актъ, какъ теперь оказалось, не только не упрочилъ дисципли-

ны католической церкви, а напротивъ внесъ въ нея новый элемен[т]
раздора, то-есть слабости. При такомъ положеніи, нужно все обаян[іе]
папскаго „вѣчнаго города", апостольскихъ гробницъ и всемірной б[а]зилики св. Петра, однимъ словомъ, самого Рима, для того, чтобы па[п]ство не лишилось по крайней мѣрѣ своего историческаго величія. [В]
Римѣ оно если и будетъ развалиной, то все-таки развалиной внуша[ю]щей уваженіе и всѣми безспорно признаваемой за „подлинную", ка[къ]
признаются подлинными остатки Колизея или Термъ Каракаллы. Вн[ѣ]
Рима, въ наше время, папство, блуждающее по свѣту, еще съ новы[мъ]
свойствомъ непогрѣшимости, будетъ казаться чѣмъ-то въ родѣ пр[е]тенденства, чѣмъ-то стоящимъ въ ряду изгнанныхъ Бурбоновъ, Гвел[ь]фовъ и Бонапартовъ; уже не почтенной развалиной, а какой-то н[о]вой, но уродливой и совершенно несвоевременной постройкой. На
конецъ, католическая церковь только до тѣхъ поръ и будетъ считать[ся]
римской въ массѣ народа, пока глава ея останется въ Римѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эту истину курія не упускаетъ изъ виду.
Очень можетъ быть, что окончательное рѣшеніе въ ней и теперь еще
не созрѣло, что въ ней существуетъ еще нѣсколько равносильныхъ
направленій и что одно изъ нихъ предполагаетъ неподвижное пребываніе папы въ Римѣ во что бы то ни стало. Не слѣдуетъ ли видѣть
именно это послѣднее направленіе въ совершенно неожиданномъ вмѣшательствѣ римскаго двора въ муниципальные выборы непризнаваемаго
имъ итальянскаго королевства? Самъ папа, въ одной изъ тѣхъ аллокуцій, которымъ, для бо́льшей свободы выраженія, придается характеръ
заявленій частныхъ, но которыя потомъ печатаются клерикальными
газетами въ видѣ совершенно оффиціальныхъ воззваній, выразилъ желаніе, чтобы вѣрные сыны церкви при предстоявшихъ 4-го августа
выборахъ озаботились охраненіемъ „нравственнаго благосостоянія"
своихъ городовъ и для того выбрали въ ихъ управленія людей „достойныхъ". За этимъ призывомъ папы послѣдовала столь сильная
избирательная агитація многочисленнаго въ Италіи духовенства, что
правительство, зная апатію большаго числа избирателей, не на шутку
испугалось возможности всеобщаго торжества клерикальныхъ кандидатовъ. Для этого достаточно было бы, еслибы, по прежнимъ примѣрамъ, огромное число избирателей не воспользовались своимъ правомъ, а всѣ находящіеся подъ вліяніемъ духовенства избиратели приняли бы участіе въ выборахъ. Поэтому, правительство сочло даже
нужнымъ разослать префектамъ циркуляры, приглашавшіе избирателей
не отказываться отъ участія въ выборахъ. Это, сколько помнится,
первый примѣръ вмѣшательства итальянскаго правительства въ выборное дѣло, хотя въ точномъ смыслѣ приглашеніе все-таки еще не
есть вмѣшательство, какъ его понимаютъ во Франціи, Испаніи и Австріи. Избиратели откликнулись на призывъ правительства и произо-

лась столь жаркая борьба, какой еще не бывало по поводу муниципальныхъ выборовъ. Правительство, то-есть единство Италіи, одержало блестящую побѣду надъ всѣми усиліями враждебнаго ему духовенства. Даже такіе города, какъ Неаполь и Палермо, которые еще по воспоминаніямъ 1861 и 1862 годовъ не любятъ „пьемонтскаго“ правительства, избрали въ свои управленія людей правительственной партіи именно для того, чтобы нанесть враждебному Италіи клерикализму, которой вѣка терзалъ ее посредствомъ „чужеземныхъ коршуновъ“, рѣшительное и окончательное пораженіе. Практическій смыслъ итальянскаго народа явился здѣсь во всемъ блескѣ: почти вездѣ радикалы и республиканцы подали голоса вмѣстѣ съ приверженцами правительства, чтобы не разъединять либеральной партіи. Тамъ же, гдѣ—какъ въ Римѣ—республиканцы не послѣдовали этой благоразумной мысли, они увлекли съ собою не только менѣе голосовъ, чѣмъ сколько ихъ получило правительство, но и менѣе, чѣмъ сами клерикалы, такъ что пораженіе ихъ было еще ярче, чѣмъ пораженіе клерикаловъ. „Признаюсь“ говорилъ недавно Тьеръ въ одной частной бесѣдѣ, которую мы находимъ въ „Temps“, „что если какой-либо народъ рѣшительно обманулъ меня, такъ это народъ итальянскій. Я никогда не думалъ, что онъ можетъ оказаться столь готовымъ къ согласному, сплошному дѣйствію и столь зрѣлымъ для свободы, какъ то показала исторія послѣднихъ лѣтъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, я охотно сознаю свою ошибку“. Въ той же бесѣдѣ знаменитый историкъ и президентъ республики высказалъ совсѣмъ новое мнѣніе о королѣ Викторѣ-Эммануилѣ. „Пока живъ былъ Кавуръ, говорилъ Тьеръ, всѣ успѣхи итальянской дипломатіи относились къ нему. Между тѣмъ, Кавуръ давно умеръ, а итальянская дипломатія осталась точно такою, какъ была при немъ: то же терпѣніе въ выжиданіи, то же умѣнье хватать удобный случай за загривокъ (à la nuque). Мнѣ кажется, личность Виктора-Эммануила никѣмъ не оцѣнена какъ слѣдуетъ. Его считаютъ великимъ охотникомъ, всадникомъ, весельчакомъ и солдатомъ. Но онъ не только держитъ въ своей рукѣ всѣ нити какъ внѣшней, такъ и внутренней политики Италіи, но еще обладаетъ и высшимъ родомъ искусства, именно искусствомъ показать какъ будто отъ него ничто независитъ“. Мы уже обращали вниманіе на вліятельное, хотя и скрытое участіе Виктора-Эммануила во внутреннихъ дѣлахъ посторонней страны, именно Испаніи. Этотъ фактъ, выяснившійся недавно, какъ нельзя болѣе подходитъ подъ то мнѣніе о роли Виктора-Эммануила въ политикѣ, какое высказываетъ Тьеръ.

Нынѣшнее обозрѣніе мы должны заключить наканунѣ весьма важнаго факта, именно ожидаемаго свиданія трехъ императоровъ въ Берлинѣ. Свиданіе это вызвало многочисленные и весьма разнообразные

толки во всѣхъ органахъ европейской печати. Уже самое это разно-рѣчіе наводитъ на мысль, что въ обстоятельствахъ, при которыхъ это свиданіе должно состояться, не усматривается положительныхъ, несомнѣнныхъ данныхъ для опредѣленія какой-либо цѣльной программы дѣйствій между тремя государствами, которыхъ государи встрѣтятся въ столицѣ германской имперіи. И Германіи, и Австріи, и Россіи приписываютъ весьма разнообразныя, взаимно-исключающія одно другое намѣренія именно потому, что, во-первыхъ, интересы трехъ имперій далеко не тождественны—кромѣ общаго интереса въ поддержаніи мира,—а во-вторыхъ, потому, что у каждой изъ нихъ есть интересы такъ сказать двусторонніе, одни такіе, которые указываютъ на одинъ союзъ, другіе такіе, которые заставляютъ не устранять вполнѣ и союза совсѣмъ противоположнаго первому.

Наиболѣе распространенное предположеніе относительно цѣли берлинскаго свиданія заключалось въ томъ, что германское правительство, предвидя въ будущемъ возможность реванша со стороны Франціи, хотѣло бы обезпечить себѣ вновь пріобрѣтенныя владѣнія формальнымъ признаніемъ другихъ великихъ державъ и устранить для Франціи возможность разсчитывать на какого-либо могущественнаго союзника. Что такое желаніе со стороны германскаго правительства естественно—объ этомъ нечего и говорить; но вѣдь оно и при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ исполнено: признанія формальнаго хотя и не было, но нельзя сомнѣваться, что всѣ европейскія державы признаютъ присоединеніе Эльзаса-Лотарингіи къ германской имперіи. Устранять отъ Франціи союзника въ настоящее время также не имѣется надобности, потому что Франція на союзника для новой войны съ Германіей разсчитывать и теперь не можетъ. Что же касается болѣе отдаленнаго времени, то нынѣшнее свиданіе едва ли было условлено въ виду его, потому что на союзъ Австріи Франція не можетъ разсчитывать уже по сдѣланному сю опыту, а что касается Россіи, то къ ней настоящее свиданіе первоначально и не относилось; оно было условлено собственно только между императорами германскимъ и австрійскимъ, и только впослѣдствіи превратилось въ ожидаемое свиданіе трехъ государей. Другая изъ наиболѣе распространенныхъ догадокъ приписываетъ императору Вильгельму мысль, воспользовавшись оборотомъ, какой приняло берлинское свиданіе, примирить Австрію съ Россіей.

Въ этомъ смыслѣ и недавній пріѣздъ эрцгерцога Вильгельма въ Россію объясняется какъ приступъ къ такому примиренію. Но такъ какъ близкаго столкновенія между Австріею и Россіею и доселѣ не предвидѣлось, то изложенная догадка предполагаетъ, стало быть, такое примиреніе, которое было бы равносильно полному соглашенію въ видахъ относительно будущаго. Но такого соглашенія не можетъ

произойти между Австро-Венгріею, съ ея извѣстными стремленіями на Дунаѣ, стремленіями, которыя Германія вѣроятно была бы готова поддерживать, и Россіею съ ея традиціонной политикою на юговостокѣ, политикою, отъ которой Россія отказываться не можетъ и не должна. Мы разумѣемъ политику Россіи не въ смыслѣ захвата и поглощенія всѣхъ славянскихъ и вообще христіанскихъ областей Турціи, но въ смыслѣ всегдашней готовности оказать имъ защиту и противъ притѣсненія ихъ турками, и противъ захвата ихъ германскою расой въ лицѣ Австріи. Славяне привыкли видѣть въ Россіи такую защиту для себя, и Россія никогда не можетъ отказаться отъ такой своей исторической, вполнѣ раціональной и нисколько не завоевательной роли. Съ тѣхъ поръ, какъ дознано, что оттоманское государство не можетъ существовать безъ опеки, Россія не можетъ отказаться отъ нѣкоторой опеки надъ тѣми населеніями, которыя со стороны ея одной и могутъ ожидать защиты. Такъ-называемое полное соглашеніе видовъ относительно будущаго могло бы состояться между Австріею, Германіею и Россіею неиначе, какъ посредствомъ уступокъ именно со стороны Россіи, и едва ли не ея одной. Вотъ почему такое соглашеніе едва ли и возможно.

Фактъ, предшествовавшій свиданію въ Берлинѣ: внезапное увольненіе великаго визиря Махмуда, который держался союза съ Россіею и замѣна его Мидхатомъ, которому приписываются сочувствія западныя, такой фактъ, происшедшій къ тому же во время короткаго отсутствія нашего посла изъ Константинополя, доказываетъ уже самъ по себѣ, если бы это требовало новыхъ доказательствъ, что полное соглашеніе видовъ другихъ великихъ державъ съ видами Россіи въ восточномъ вопросѣ, а стало быть и наоборотъ — подчиненіе видовъ Россіи стремленіямъ другихъ державъ въ этомъ вопросѣ невозможны. Что касается самой отставки Махмуда, то русская дипломатія не имѣетъ причинъ ею сокрушаться. Дѣла въ Константинополѣ не могутъ идти иначе, какъ путемъ подобныхъ, періодическихъ колебаній то въ ту, то въ другую сторону. Задача постоянно держать порту въ своихъ рукахъ слишкомъ тяжела для всякой дипломатіи и вовсе не нужна Россіи для того, чтобы исполнить ея естественное призваніе на юго-востокѣ Европы. Визирство Махмуда послужило намъ для того, чтобы дать наконецъ Болгаріи самостоятельность въ церковныхъ дѣлахъ; учрежденіемъ болгарскаго патріархата правленіе Махмуда уже сослужило русскому покровительству надъ славянами всю службу, какой мы были въ правѣ отъ него ожидать. До того времени, когда вновь представится необходимость оказать защиту турецкимъ славянамъ, въ составѣ Порты произойдетъ еще не одна перемѣна: kommt Zeit, kommt Rath!

АНГЛІЙСКОЕ МНѢНІЕ О РУССКОМЪ ФЛОТѢ.

«The Imperial Russian Navy». Naval Science, ed. by *E. J. Reed*. July, 1872.

Въ прошедшемъ году г. Ридъ посѣтилъ Петербургъ, и при этомъ имѣлъ случай близко познакомиться и съ нашими работами въ адмиралтействахъ, и съ самими строителями. Г. Ридъ пользуется въ своей спеціальности европейскою репутаціею, какъ одинъ изъ первоклассныхъ техниковъ-строителей англійскаго флота. Онъ былъ еще недавно главнымъ кораблестроителемъ (Chief Constructor of the Navy), и теперь состоитъ вице-президентомъ института морскихъ архитекторовъ въ Лондонѣ; его имя, какъ автора многихъ ученыхъ работъ, занимаетъ почетное мѣсто и въ наукѣ; г. Ридъ извѣстенъ также какъ редакторъ морского техническаго журнала „Naval Science“, основаннаго имъ же. Именно, въ этомъ журналѣ и явилась недавно статья самого г. Рида, въ которой онъ излагаетъ результаты своего личнаго ознакомленія съ современнымъ морскимъ строительнымъ искусствомъ въ Россіи, и посвящаетъ его описанію особую статью, подъ заглавіемъ „Русскій Императорскій флотъ“. Помимо рѣдкости вообще иностранныхъ отзывовъ о русскихъ дѣлахъ, что впрочемъ не мѣшаетъ иностранцамъ знать иногда наши дѣла лучше, чѣмъ мы сами ихъ знаемъ, —одно имя г. Рида обращаетъ вниманіе на его отзывъ, при томъ, о дѣлѣ, которое занимаетъ не маловажное мѣсто въ нашемъ бюджетѣ. Правда, до сихъ поръ отзывы иностранцевъ о насъ и нашихъ дѣлахъ почти всегда оказывались не лестными, и надобно было потому всегда умѣть отличать въ этихъ отзывахъ дѣло отъ простой брани, весьма часто основательной и намъ полезной, а иногда внушенной недружелюбіемъ и старою привычкою презрительно относиться къ намъ; но на этотъ разъ читателю придется встрѣтить въ отзывѣ г. Рида столько похвалы и одобренія, что нужно уже разсчитывать на наше національное недовѣріе, которое предписываетъ даже и на самого „Бога надѣяться, а самому не плошать“. Вотъ текстъ самой статьи, которая, мы увѣрены, не заставитъ никого изъ насъ „выронить сыра“, а между тѣмъ познакомитъ съ воззрѣніями одного изъ первоклассныхъ европейскихъ техниковъ на важный вопросъ, который теперь волнуетъ весь морской міръ.

Замѣчательное обстоятельство — такъ начинаетъ г. Ридъ свою статью — если мы (англичане) желаемъ видѣть наиболѣе интересные и важные образцы военныхъ судовъ, то должны искать того не во Франціи и Англіи, а въ адмиралтействахъ и портахъ Россіи. Во Фран-

ціи г. Дюпюи де-Ломъ строилъ воздухоплавательные снаряды, и мы не находимъ, чтобы и его преемники были тоже способны сдѣлать что-нибудь серьезное для флота въ правленіе г. Тьера. Въ Англіи требуется превозмочь такъ много затрудненій, прежде чѣмъ можетъ быть введено въ военномъ флотѣ что-либо новое и хорошее, что въ послѣднее время мы съ трудомъ могли разсчитывать на будущность начатыхъ постройкою судовъ, за исключеніемъ развѣ множества крошечныхъ канонирскихъ лодокъ, проектированныхъ много лѣтъ тому назадъ. Изъ судовъ предположенныхъ къ постройкѣ въ настоящемъ году, представляютъ еще нѣкоторый интересъ два броненосныя судна, но усовершенствованія предполагаемыя въ нихъ такъ малы, что развѣ только пророческій глазъ можетъ останавливаться на долгое время на этихъ проектахъ. Намъ однакожъ пріятно заявить, что въ проектѣ новыхъ первоклассныхъ броненосцевъ, г. Барнаби и его сослуживцы, подчиняясь новымъ потребностямъ времени, внесли весьма существенныя и важныя нововведенія, которыя состоятъ въ усиленіи носового огня и въ увеличеніи числа отдѣленій въ подводной части корпуса. Сѣверо-германское правительство конечно нельзя обвинять въ лѣности, но новость его морского положенія заставляетъ его предпочитать постепенное развитіе кораблестроенія быстрому переходу къ новымъ идеямъ.

Австрія держится весьма похвальнаго правила, строить желѣзные броненосцы въ своихъ собственныхъ портахъ; но она не можетъ дѣлать этого скоро, и потому морская администрація въ Вѣнѣ, какъ бы она ни была воодушевлена духомъ прогресса, не въ силахъ привести свой флотъ въ такое состояніе, чтобы онъ могъ держаться въ приличномъ положеніи, при общей погонѣ другъ за другомъ морскихъ націй. Своимъ рѣшеніемъ не строить судовъ за границею, эта нація отдаляетъ себя отъ равенства съ другими европейскими державами, которыя, развивая свою національную промышленность, въ то же время находятъ благоразумнымъ пользоваться и результатами, выработанными Англіею и Шотландіею въ дѣлѣ кораблестроенія. Италія, благодаря несовершенству морской администраціи, занимаетъ въ средѣ морскихъ державъ положеніе худшее того, какое она должна была бы занимать по своимъ затратамъ. Турція, главнымъ образомъ въ лицѣ своего Султана, показала удивительную предпріимчивость, но, къ несчастію, мы опасаемся, что его величество слишкомъ много полагается на величину, цѣнность и прекрасный внѣшній видъ своего флота; *турецкая же система администраціи лишаетъ его совѣта передовыхъ людей, способныхъ имѣть широкій взглядъ на морское дѣло.* Мы надѣемся, что Махмутъ-Паша, какъ великій визирь, не замедлитъ благоразумно разрѣшить эту важную задачу.

Повторяемъ, въ Россіи только мы должны теперь искать результатовъ энергической и самостоятельной дѣятельности; тамъ морской духъ Петра Великаго видимо воскреснулъ вновь, даже съ бóльшимъ чѣмъ въ то время жаромъ. Эта дѣятельность выражается въ такой формѣ, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ настоящаго періода времени. Мы сейчасъ покажемъ, что въ Россіи строятся теперь три различныхъ типа броненосныхъ судовъ, и всѣ они олицетворяютъ собою новыя идеи; всѣ весьма хорошо удовлетворяютъ своему назначенію и всѣ быстро подвигаются къ окончанію. Обстоятель-

ства, связанныя съ нашимъ посѣщеніемъ Россіи въ прошломъ году, заставляютъ насъ умолчать о причинахъ, по которымъ морскія силы этого государства такъ сильно развиваются, но нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ будутъ здѣсь не лишними.

Во-первыхъ, русскій флотъ пользуется особымъ покровительствомъ самой императорской фамиліи. Во время нашего пребыванія въ Петербургѣ, мы видѣли много тому доказательствъ. Участіе, которое принимаетъ самъ Императоръ въ своемъ флотѣ, достаточно свидѣтельствуется тѣмъ, что всякій новый и важный опытъ въ морскомъ дѣлѣ, даже въ начальной степени его развитія, уже внимательно разсматривается лично Его Величествомъ. Врядъ ли можно сказать съ увѣренностью то же самое относительно какого-либо другого монарха. Цесаревичъ, Наслѣдникъ Престола, хотя военный офицеръ и по своему рожденію предназначенный заботамъ о болѣе обширныхъ интересахъ имперіи, принимаетъ живѣйшее личное участіе во флотѣ и хорошо знакомъ съ каждою происходящею въ немъ перемѣною. Его братъ великій князь Алексѣй, подобно нашему принцу Альфреду герцогу Эдинбургскому, практическій морской офицеръ, командующій отдѣльнымъ фрегатомъ и изучающій тайны, если можно такъ выразиться, современнаго военнаго судна. Е. И. В. великій князь Константинъ, который уже давно пользуется всѣмъ извѣстной репутаціей морского офицера, настолько преданъ интересамъ флота, что сохраняетъ за собою званіе генералъ-адмирала, несмотря на то, что занимаетъ еще высокій постъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, — который составляетъ конечно важнѣйшее изъ административныхъ учрежденій въ Европѣ. Каковы бы ни были достоинства нашей (англійской) системы, благодаря которой главный надзоръ за британскимъ флотомъ достался въ руки сначала г. Чильдерса, а потомъ г. Гошена, высокія качества которыхъ, оцѣненныя г. Гладстономъ, поставили ихъ какъ людей самыхъ способныхъ во всей Великобританіи для исполненія высокой обязанности Перваго Лорда Адмиралтейства, — несмотря на то, надо признаться, что русская система, по которой управленіе флотомъ отдается въ руки человѣка, который при личныхъ способностяхъ обладаетъ обширными свѣдѣніями, большою опытностью въ морскомъ дѣлѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ занимаетъ высшіе посты въ морской и обще-государственной службѣ—надо сознаться, говоримъ мы, что такая система имѣетъ за собою также весьма важныя выгоды. По крайней мѣрѣ, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что постройкою тѣхъ замѣчательныхъ судовъ, которыя готовятся теперь въ Россіи, эта страна обязана въ значительной мѣрѣ тому интересу, который принимаетъ во флотѣ императорская фамилія, и безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ тотъ членъ ея, который управляетъ этимъ флотомъ.

Другая причина, которой въ большой мѣрѣ приписывается прогрессъ въ русскомъ флотѣ, вытекаетъ изъ предыдущей. Лицо, стоящее нынѣ во главѣ флота, предоставляетъ свободу дѣйствій людямъ, обладающимъ самобытнымъ и обширнымъ умомъ и въ высшей степени знающимъ свою спеціальность морскимъ офицерамъ. Это обстоятельство заслуживаетъ большого вниманія, потому что есть люди, которые считаютъ русскій умъ вообще подражательнымъ и неоригинальнымъ. Можетъ быть, такой подражательный характеръ ума обнаруживается въ Россіи чаще нежели въ Западной Европѣ. Посѣщая русскія учеб-

ныя заведенія, мы сами нерѣдко замѣчали большія воспринимательныя способности и недостатокъ въ приложеніи познаній къ *новымъ* задачамъ [1]). Но, съ другой стороны, въ средѣ русскаго общества мы рѣшительно не замѣчали недостатка въ самодѣятельности и оригинальности мысли; кромѣ того, какъ мы увидимъ далѣе, русскій флотъ, въ противоположность со всѣми другими флотами, отличается силою идей и смѣлостью, съ которыми разрѣшаются извѣстныя нѣкоторыя задачи кораблестроенія.

Новыя суда, о которыхъ мы будемъ говорить далѣе, проектированы адмираломъ Поповымъ, офицеромъ, который обнаружилъ свои личныя качества еще въ такъ-называемой нами русской войнѣ (крымской), при защитѣ Севастополя и въ другихъ мѣстахъ, и, безспорно, человѣкомъ весьма замѣчательныхъ способностей. Идеи его, на которыхъ онъ основывалъ свои проекты, не трудно охарактеризовать въ короткихъ словахъ: эти идеи такого свойства, что отвѣтственныя лица, поставленныя во главѣ управленія флотами, конечно не захотѣли бы имъ слѣдовать, даже и при самыхъ убѣдительныхъ доводахъ. Это были такія идеи, которыя могли быть осуществлены только лицами, привыкшими мыслить весьма самостоятельно и смотрѣть ясно на морское дѣло.

Къ счастію адм. Попова и его проектовъ, в. кн. Константинъ былъ способенъ на то и другое и, вмѣстѣ съ почтеннымъ морскимъ министромъ адмираломъ Краббе, предоставилъ ему необходимую свободу дѣйствій для разработки его проектовъ.

Мы думаемъ также, что и другое обстоятельство способствовало настоящему положенію русскаго флота, а именно сильная реакція, которая послѣдовала въ немъ послѣ гибели „Captain'a“. Громкая агитація, возбужденная этою катастрофою, имѣла большое вліяніе во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ нашей собственной. Во Франціи, правда, ни г. Дюпюи де-Ломъ, ни императоръ никогда не были сильно заняты ею; въ Пруссіи его корол. высочество принцъ Адальбертъ противился ей въ сильной степени, и при своемъ высокомъ званіи генералъ-адмирала противился успѣшно почти до конца. Но въ Россіи, также какъ и у насъ, нѣкоторые высокопоставленные морскіе офицеры были проникнуты невѣрными идеями и успѣли ихъ провести также весьма дѣйствительно, какъ и въ Англіи.

---

[1]) Это замѣчаніе иностранца о нашей школѣ пріобрѣтаетъ въ настоящее время огромное значеніе. Наши защитники профессіонализма въ реальныхъ школахъ должны подумать надъ этимъ приговоромъ г. Рида русскому уму. Получая въ школѣ не общее, научное образованіе, какъ то мы видимъ въ прусскихъ реальныхъ училищахъ, а общее съ примѣненіемъ его къ практической жизни, у насъ человѣкъ и умѣетъ примѣнить свои общія познанія только въ тѣхъ случаяхъ, которыя указала школа, и притомъ такъ, какъ тому учили въ школѣ; въ виду же новой задачи, не представленной школою, этотъ умъ теряется и уже не можетъ приложить своихъ познаній. Другое дѣло, если реальная школа преслѣдуетъ однѣ научныя цѣли, безъ профессіональности: человѣкъ такой школы не будетъ озадаченъ новымъ положеніемъ вещей и новою ихъ комбинаціею, потому что онъ вполнѣ знакомъ съ наукою, съ общими законами природы, которые развили и его умъ самостоятельно. Итакъ, недостатокъ русскаго ума, указанный г. Ридомъ, принадлежитъ собственно не русскому уму, а русской школѣ. *Ред.*

Когда же перевернулся „Captain“, тогда и всѣ эти господа перевернулись вмѣстѣ съ нимъ, и хотя нѣкоторые изъ нихъ, подобно несчастному экипажу этого судна, старались выползти въ безопасное положеніе, на свои собственныя опрокинутыя мнѣнія, однакожъ настало наконецъ общее отступленіе отъ этихъ мнѣній, и люди, которые, подобно адм. Попову, въ принципѣ противились пагубной ереси, теперь, несмотря на то, что впечатлѣніе послѣ потери „Captain'а“ ослабѣло, натурально обращаютъ на себя вниманіе, котораго они заслуживали, и даже пріобрѣли вліяніе.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію русскихъ судовъ, которыя по нашему мнѣнію достойны особеннаго вниманія и сначала опишемъ тотъ ихъ классъ, которому въ нашемъ флотѣ нѣтъ ни одного подобнаго. Этотъ классъ составляютъ въ настоящее время два судна „Александръ Невскій“ и „Ген.-Адмиралъ“, которыя въ прошломъ году, во время нашего посѣщенія Петербурга, были доведены до четверти полной ихъ готовности и поэтому теперь должны быть скоро окончены. Эти суда по своей величинѣ занимаютъ средину между нашими „Inconstant“ и „Volage“, и хотя, подобно этимъ судамъ, проектированы для большей скорости хода, какъ главнаго качества, однакожъ имѣютъ поясъ брони по грузовой ватерлиніи и другой поясъ на верхней палубѣ, достаточно высокій для прикрытія орудійныхъ станковъ въ батареѣ, состоящей изъ 4 орудій. Борта судна противъ батареи выдаются впередъ подобно тому, какъ на нашихъ судахъ класса „Invincible“, для продольнаго огня на носъ и на корму. Суда эти около 300 фут. длины, 48 фут. ширины и около 23 фут. углубленія. Машины ихъ въ 900 лош. силъ. Броня 6 д. толщины, батарейныя орудія 8-ми-дюймоваго калибра, и кромѣ того есть еще два 6-ти-дюймовыхъ орудія. Корпуса этихъ судовъ желѣзные со шпангоутами, помѣщенными снаружи, и въ подводной части обшиты деревомъ и мѣдью. Они будутъ имѣть весьма большую парусность. Если вычисленія, на которыхъ были основаны проекты этихъ судовъ, сдѣланы вѣрно и вполнѣ достаточны, —обстоятельство, о которомъ говорить мы конечно не въ состояніи, —въ такомъ случаѣ очевидно русское правительство будетъ имѣть два судна болѣе быстрыя на ходу, чѣмъ всякое изъ судовъ нашего флота, за исключеніемъ „Inconstant'а“ и „Blonde'а“, которые однако не имѣютъ брони, также болѣе быстрыя и дѣйствительныя подъ парусами, и защищенныя въ главныхъ своихъ частяхъ бронею. Въ нашемъ отечествѣ нѣтъ ничего подобнаго, наши суда быстраго хода совсѣмъ не имѣютъ брони; броненосныя же суда, водоизмѣщенія одинаковаго съ этими русскими судами, блиндированы гораздо болѣе, и слѣдовательно не могутъ имѣть одинаковой съ ними скорости хода. Мы не жалуемся на то, что прежде не имѣли такихъ судовъ. Задача всего нашего военнаго кораблестроенія заключается въ томъ, чтобы сдѣлать нашу страну какъ можно болѣе неприступною; и никогда, во все время нашего національнаго существованія, не были мы болѣе безопасны въ этомъ отношеніи, какъ два года тому назадъ или даже теперь, хотя въ эти цѣлыхъ два года въ нашемъ флотѣ не прибавилось ни одного новаго значительнаго судна. Но теперь мы сожалѣемъ о совершенномъ отсутствіи въ нашемъ флотѣ судовъ, подобныхъ этимъ двумъ русскимъ судамъ, и рѣшаемся привести здѣсь слѣдующій замѣчательный фактъ: самый первый изъ нашихъ проектовъ, который

ъ представленъ правительству (англійскому) въ 1862-мъ году, было но умѣренной вмѣстительности, пропорціонально большой паровой ъ, съ большою парусностью, съ центральною батареею на верх палубѣ, способною стрѣлять почти на носъ и на корму, и съ ками брони по батареѣ и по грузовой ватерлиніи. Это судно имѣло же добавочный сильно блиндированный ящикъ, соединяющій баею съ подводною частью судна. Броню предполагалось имѣть въ дюймовъ. Проектъ этотъ появился, какъ мы сказали, въ 1862-мъ ду, а не въ 1872-мъ.

Если бы насъ спросили, почему же это судно или усовершенствоныя суда такого типа никогда не были построены для англійскаго лота, то мы отвѣтили бы на это, во-первыхъ, что мы строили весьма льные броненосцы, и во-вторыхъ, предложили бы другой вопросъ: кимъ образомъ могли наши общественные дѣятели помышлять о зданіи вполнѣ могущественнаго флота въ послѣднія десять лѣтъ, гда ни одинъ шагъ не могъ быть сдѣланъ безъ того, чтобы не придилось убѣждать или отталкивать вліятельную гражданскую власть, торую общество поставило надъ морскимъ вѣдомствомъ и которая дясь не понимаетъ достаточно того, чего хочетъ; когда, сверхъ го, каждый новый шагъ преслѣдовался еще болѣе невѣжественными (!) менѣе отвѣтственными людьми, засѣдающими въ палатѣ общинъ, у торыхъ частные интересы преобладаютъ (?) надъ благомъ и могуществомъ страны; когда обѣ палаты не имѣли въ своемъ составѣ ни ного спеціалиста, который бы совершенно понималъ дѣло, отъ души ъ бы преданъ интересамъ общественной службы? Это было ка-ъ-то чудомъ, что при такихъ условіяхъ сэръ Спенсеръ Робинзонъ ъ создать въ нашемъ отечествѣ тотъ первенствующій теперь броносный флотъ, которымъ, по мнѣнію всего свѣта, мы теперь облаемъ! Но, какъ бы то ни было, онъ это сдѣлалъ, и за то отнынѣ имя го будетъ стоять высоко между именами тѣхъ немногихъ морскихъ фицеровъ, которые и въ мирное время считаютъ своею обязанностью энергично служить своему дѣлу и отечеству. Для націи было бы весьма желательно, чтобы его преемники въ послѣдующія десять лѣтъ успѣли столько возвысить нашу морскую силу, сколько успѣлъ въ томъ эръ Спенсеръ Робинзонъ, несмотря на зависть, противодѣйствія и уждения.

Мы имѣли не разъ удовольствіе разговаривать съ почтеннымъ адмираломъ, который составилъ проекты новыхъ русскихъ судовъ, и рѣшаемся теперь набросать въ нѣсколькихъ словахъ, какіе были его иды при составленіи этихъ проектовъ, и почему е. и. в. великій князь Константинъ рѣшился на постройку такихъ судовъ для русскаго флота. Въ этихъ судахъ, какъ справедливо было сказано, превосходная скорость хода сама по себѣ есть сила, дающая возможность избѣжать сильнѣйшаго противника, принудить слабѣйшаго изъ нихъ къ сраженію и избрать самую выгодную позицію для боя. Исходя изъ того принципа, что изъ двухъ судовъ, одинаковыхъ во всѣхъ отношеніяхъ, а исключеніемъ ихъ величины, большее имѣетъ и бо́льшую скорость хода, необходимо было дать имъ значительную величину, а при этомъ условіи матеріаломъ для постройки необходимо было выбрать желѣзо; такимъ образомъ явилась дальнѣйшая выгода, заключающаяся въ легкости корпуса судна и бо́льшей его прочности. Далѣе, суда этого типа,

предназначаемыя для отдѣльнаго крейсерства и для нападенія на коммерческія и на болѣе слабыя желѣзныя суда, не требують б шого числа орудій. „Александръ Невскій“ и „Генералъ-Адмир имѣютъ поэтому только 4 главныхъ орудія; но чтобы они были можно болѣе дѣйствительны, они приспособлены такимъ образомъ могутъ обстрѣливать всякую точку горизонта. Сила этихъ 4 глав орудій опредѣлялась тѣмъ условіемъ, чтобы она превосходила наибольшихъ орудій, какія только купеческія паровыя суда мо носить на своихъ палубахъ, т.-е. болѣе чѣмъ 100-фунтоваго кал Наконецъ, такъ какъ и 100-фунтовой снарядъ могъ бы достат разстроить не вполнѣ блиндированное военное судно, то во избѣ этого суда́ адмир. Попова имѣютъ поясъ брони по грузовой ватерл Таковы въ общихъ чертахъ соображенія, которыя привели адмирал проектированію этихъ судовъ, на которыя можно смотрѣть как выраженіе взгляда русскихъ моряковъ на тотъ предметъ, какимъ номъ долженъ быть *Крейсеръ* въ настоящее время. Мы полага что немногіе рѣшатся сказать, чтобы эти проекты были не хор и не окончательно разработаны. Въ Англіи поясная броня предл лась часто, но только вмѣсто полной брони обыкновенныхъ бронен цевъ. Проводя и выполняя на самомъ дѣлѣ идею устройства мѣст брони, русское правительство этимъ самымъ приноситъ пользу нау и заслуживаетъ похвалу.

Второй классъ судовъ, обращающій на себя также особенное маніе, можетъ быть очерченъ въ нѣсколькихъ словахъ. Въ насто время, мониторъ „Крейсеръ“[1]) представляетъ собою единственный о зецъ судовъ этого класса. Это значительное судно начато о того же времени и даже раньше чѣмъ нашъ „Devastation“, послѣ явленія нашего проекта чрезвычайно сильнаго броненосца того типа, извѣстнаго тогда въ Адмиралтействѣ подъ именемъ „De „Крейсеръ“ имѣетъ 325 ф. длины, 63 ф. ширины, 5,350 строев тоннъ, около 10,000 тоннъ водоизмѣщенія и весьма сильную маш (1,400 лош. силъ), приводящую въ движеніе два винта. Это судно имѣ брустверъ и отъ него до носа длинную надстройку. Во время наш посѣщенія монитора, было рѣшено раздвинуть стѣны бруствера до б товъ судна, какъ это одновременно предположено было сдѣлать „Devastation“, но потомъ отмѣнено за недостаткомъ водоизмѣще но такъ предназначено сдѣлать на „Fury“. „Крейсеръ“ будетъ обш деревомъ и мѣдью; будетъ имѣть четыре самыхъ тяжелыхъ орудія броню съ коробчатымъ желѣзомъ въ подкладкѣ, равносильную спл ной бронѣ въ 14 дюйм. толщины. При существованіи въ нашемъ с ственномъ флотѣ судовъ класса „Devastation“ и „Fury“, ослабляе конечно то впечатлѣніе, которое въ противномъ случаѣ на насъ д женъ былъ бы произвести этотъ необыкновенно сильный монито При всемъ томъ мы совѣтовали бы припомнить тѣмъ господа которые никогда не перестаютъ желать остановки въ развитіи б танскаго броненоснаго флота, что русское правительство заложило громадное и сильное судно прежде, чѣмъ мы начали нашъ „Devas tion“; что изъ этихъ двухъ судовъ, русское гораздо больше, а слѣ вательно и сильнѣе.

[1]) Въ нынѣшнемъ году переименованъ въ «Петра Великаго».

Его броня и подкладка будутъ способны гораздо болѣе сопротив-
ться ударамъ снарядовъ, чѣмъ на нашихъ значительно меньшихъ
хъ „Devastation" и „Thunderer". Короче сказать, по окончаніи
тройки „Крейсера" русскіе будутъ обладать самымъ сильнымъ
еносцемъ во всемъ свѣтѣ. Замѣчателенъ также фактъ, что въ то
я, какъ наши представители адмиралтейства останавливали по-
йку „Fury" — судна большей величины сравнительно съ „Thunderer"
усское правительство подвигало безостановочно свой „Крейсеръ" и
мъ образомъ достигло того выгоднаго положенія, которое мы,
авшіе строить „Fury", и г. Чильдерсъ, который утвердилъ эту по-
ройку, такъ жадно надѣялись сохранить за нашею собственною
аною. Увы! вмѣсто сильнаго броненосца самаго послѣдняго типа
къ только досталось прочесть цѣлый рядъ рапортовъ особаго комитета
порицательныхъ на нихъ отвѣтовъ двухъ адмираловъ [1]).

Наконецъ, мы переходимъ къ тѣмъ круглымъ броненосцамъ, которые,
къ извѣстно, Россія уже строитъ, и при заложеніи киля на первомъ
ъ нихъ мы присутствовали въ Петербургѣ въ маѣ прошлаго года.
и круглыя суда, по нашему мнѣнію, впослѣдствіи должны будутъ
ратить на себя вниманіе всего свѣта. Первое впечатлѣніе тѣхъ, кто
ышитъ о круглыхъ броненосцахъ, выражается улыбкою. Когда мы
помнимъ тотъ всеобщій скептицизмъ, съ которымъ были встрѣчены
ши собственныя усилія достигнуть, съ короткими судами „Bellero-
on" и „Hercules" скорости равной съ судами болѣе длинными, какъ
Minotaur" и др., то можемъ дѣйствительно удивляться той смѣлости,
которою русское правительство въ послѣднихъ постройкахъ съ
ного взмаха обрѣзало длину своихъ судовъ до величины равной
ринѣ. Но люди, какими бы они ни были скептиками сначала, по
длежащемъ размышленіи скоро начинаютъ видѣть, что эта вещь не
къ нелѣпа, какъ то можетъ казаться съ перваго взгляда; и тогда
ѣдуетъ восклицаніе: „но отъ нихъ нельзя ожидать скораго хода или

[1]) Нашимъ читателямъ можетъ быть неизвѣстенъ документъ, напечатанный од-
мъ изъ этихъ скромныхъ офицеровъ, адмираломъ Джорджемъ Эліотомъ, въ которомъ
ъ не одобряетъ донесенія своихъ товарищей по комитету и рекомендуетъ свои соб-
енные «понятные, обработанные и законченные» взгляды, присовокупляя, что
ю же мнѣнія «компетентные авторитеты». Адмиралъ, повидимому, вырвалъ один
стъ изъ «Исповѣди» Жанъ-Жака, и вышло такъ: — «Я показалъ себя, какимъ я
лъ въ самомъ дѣлѣ... добрымъ, великодушнымъ, высокимъ, когда я былъ такимъ,
раскрылъ мою внутреннюю жизнь». Но онъ къ сожалѣнію вѣроятно забылъ
бавить послѣдующія признанія Руссо, какъ тотъ выставлялъ себя «презрѣннымъ
низкимъ, когда былъ такимъ»; мы полагаемъ, что адмиралъ поступилъ правильно,
къ какъ самохвальство доблестнаго офицера есть пріятное занятіе. Однакожъ
поминая ту легкость, съ которою онъ унизилъ работу и мнѣнія другихъ и возвысилъ
ои собственныя въ ущербъ тѣхъ, при чемъ ссылался на компетентные авторитеты,
намѣрены напечатать окончаніе вышеприведеннаго мѣста гдѣ говорится: — «Я
скрылъ свою внутреннюю жизнь такъ, какъ ты самъ ее увидишь въ будущей жизни.
обери вокругъ меня многочисленную толпу мнѣ подобныхъ; пусть слушаютъ мою
повѣдь, пусть вздыхаютъ о моихъ недостаткахъ, пусть краснѣютъ за мои слабости.
усть каждый изъ нихъ въ свою очередь раскроетъ свое сердце у подножія твоего
она съ такою же искренностію, и пусть хоть одинъ изъ нихъ осмѣлится тогда
азать: «я былъ лучше этого человѣка».

плаванія въ морѣ". Мы же думаемъ, что ожиданіе отъ нихъ ве хорошей скорости хода справедливо, и что нисколько не будетъ уд тельно, если они окажутся весьма дѣйствительными даже и на Ожиданіе хорошей скорости хода основано на томъ, что они бу имѣть весьма большую паровую силу, подобно тому какъ короткія нашего флота способны носить на себѣ болѣе сильныя машины не длинныя (потому что въ нихъ не тратится на блиндированіе в длинныхъ и остролинейныхъ оконечностей носа и кормы), так эти круглыя суда способны только въ гораздо большей мѣрѣ вмѣ въ себѣ болѣе сильныя машины при томъ же вѣсѣ корпуса. Н никакой основательной причины, почему бы даже и круглое судн могло двигаться въ водѣ съ большою скоростью, если оно вмѣщ огромный источникъ силы для этого движенія. Въ прошломъ году Кронштадтѣ, мы имѣли случай плавать въ круглой шлюпкѣ 24 футоваго діаметра, причемъ мы шли также скоро, какъ ходитъ боль часть паровыхъ шлюпокъ. Правда, что вода сильно затрудня чтобы разчистить путь для прохода нашему судну и производ глубокую волну; но мы знаемъ, что въ Англіи есть много способн людей, считающихъ себя учеными, которые такъ боятся возмуще воды при ходѣ судна, что печатно увѣряли, будто бы „Bellerophо могъ сдѣлаться лучшимъ судномъ чѣмъ теперь, еслибы мы истра 100,000 фунтовъ для удлиненія его по 50-ти футовъ съ каждаго кон такимъ образомъ обратили бы его въ „Minotaur"; но мы увѣрены, послѣ этого онъ ходилъ бы нисколько ни скорѣе, а конечно был гораздо менѣе поворотливъ чѣмъ теперь. „Однакоже, онъ менѣе мущалъ бы воду съ носу и кормы", говорятъ приэтомъ критик и это, мы должны предполагать, и есть та выгода, за которую по мнѣнію стоило бы заплатить 100,000 фунтовъ! Но русскіе не обраща никакого вниманія на подобный вздоръ и предоставляютъ водѣ лагать себѣ путь гдѣ ей угодно, лишь бы только суда могли н очень толстую броню и самыя большія орудія на сравнительно ма и дешевомъ суднѣ, и могли бы двигать его съ хорошею скорос при умѣренной тратѣ силы.

Впрочемъ мы считаемъ необходимымъ оговориться.

Мы здѣсь не утверждаемъ, да и не намѣрены этого дѣлать б предварительныхъ изслѣдованій—которыхъ не можемъ произвести по имѣнію средствъ—что круглая форма судна есть лучшая, такъ какъ ней судно съ толстою бронею можетъ ходить съ наибольшею скорост По этому поводу мы скажемъ, что считаемъ длинные броненосцы, крытые толстою бронею, нелѣпостью; что мы достигли большихъ выг отъ укороченія броненосцевъ, особенно въ экономическомъ отноше и что нѣтъ существенныхъ основаній для опроверженія той мысли, если бы имѣть въ виду достиженіе только одной скорости, то при лось бы укорачивать суда до тѣхъ поръ, пока они не сдѣлались круглы Можетъ быть, увеличивая толщину брони и вслѣдствіе этого укорачив суда, мы достигли бы того же предѣла, т.-е. круглой формы. Задач заключающіяся въ этомъ вопросѣ, неразрѣшены окончательно; но полагаемъ, что если сохранить ту же скорость и увеличивать толщи брони, то одинъ только русскій планъ можетъ быть экономическим

Надо принять также въ соображеніе опыты г. Фруда, котор доказали, что при большей скорости полное образованіе носово

і превосходнѣе остраго. Онъ говоритъ также, что опыты „ясно али, какъ необыкновенныя формы могутъ обладать совершенно ѣстными и неожиданными достоинствами", и что „надлежащія шенія длины къ ширинѣ до сихъ поръ не подвержены правиламъ, торыя съ увѣренностью можно было бы положиться". Профессоръ инъ тоже не только выражалъ подобныя мысли, но даже приалъ значительныя выгоды именно такимъ судамъ, т.-е. круглымъ [1]). ъ вопросъ конечно разъяснится испытаніями перваго русскаго , которое будетъ спущено въ концѣ нынѣшняго года или въ ѣ будущаго, и такъ какъ мы были почтены приглашеніемъ на опыты, то надѣемся въ недалекомъ будущемъ сообщить нашимъ телямъ много полезныхъ свѣдѣній по этому предмету.

Мы не можемъ съ увѣренностью сказать что-нибудь относительно ости и морскихъ качествъ этихъ судовъ, потому что кромѣ неихъ данныхъ въ нашихъ рукахъ нѣтъ ни ихъ элементовъ, ни вычий. Большая остойчивость и малое углубленіе обыкновенно произъ сильную качку, но въ этихъ судахъ существуютъ особенности, рыя ослабляютъ этотъ недостатокъ. Первое судно будетъ 90 футъ іаметрѣ, сидѣть въ водѣ 12½ ф. и покрыто 12-дюймовою бронею; совой части имѣется надстройка, которая будетъ разбивать волны, ней же будутъ подыматься якоря; въ кормѣ вѣроятно будетъ упъ для прикрытія головы руля. Сильныя машины приводятъ въ еніе винты, помѣщенные назади параллельно діаметральной плоси.

Наблюденія надъ моделью такого судна въ Кронштадтѣ привели къ заключенію, что круглыя суда весьма быстро вращающіяся дѣйствія простого руля, подъ парами будутъ еще послушнѣе, по ней мѣрѣ въ тихой водѣ, и нѣтъ причины предполагать, что они удутъ также хороши и на волненіи; это одно изъ самыхъ важныхъ обходимыхъ качествъ для этихъ судовъ, которымъ они и обладаютъ высшей степени. Такъ какъ они мелко сидятъ въ водѣ, круглой ни и имѣютъ большое водоизмѣщеніе, то совершенно удобно потить на нихъ толстую броню внизъ до наружнаго днища, и такимъ зомъ предохранить ихъ какъ можно болѣе отъ торпедо, подобныхъ ымъ Гарвея, или самодвижнымъ.

Мы думаемъ, что сказаннаго нами пока достаточно, чтобы вполнѣ вдать наше вступленіе, и мы доказали, что въ самомъ дѣлѣ въ тоящее время въ русскихъ портахъ и адмиралтействахъ мы должны ть самыхъ свѣжихъ новостей и образцовъ желѣзныхъ броненосныхъ овъ; громадныя усовершенствованія, какія производятся въ Росдолжны бы вызвать у нѣкоторыхъ иныхъ знакомыхъ намъ правиствъ иную дѣятельность, совсѣмъ отличную отъ ихъ усыпляюо самодовольства; но относительно этого предмета мы воздержаь говорить въ настоящую минуту.

---

[1]) Должно замѣтить, что круглыя суда, достоинства которыхъ подробно обсуждены фессоромъ Ранкинымъ, были проектированы покойнымъ Джономъ Эльдеромъ и щественно отличаются отъ судовъ адмирала Попова, такъ что представляютъ два личныхъ типа. Сѣченіе судна г-на Эльдера есть дуга круга, у русскихъ же судовъ плоское.

Кто прочелъ съ нами всю статью г. Рида отъ начала до кон тотъ не могъ не замѣтить, что дѣло, о которомъ разсуждаетъ авто весьма близко его сердцу, что онъ самъ принадлежитъ къ числу т отважныхъ умовъ, которые быстро раздражаются всякими, ино дѣйствительно мелочными, препятствіями со стороны ума хозяйст наго, буржуазнаго, который, какъ сѣверо-германское правительство, словамъ автора, „предпочитаетъ постепенное развитіе кораблестрое быстрому переходу къ новымъ идеямъ". Очевидно, г. Ридъ самъ собственномъ отечествѣ встрѣтилъ препятствія своему творчеству; в почему его статья, несмотря на описательную цѣль, имѣетъ въ в домашнюю полемику. Г. Ридъ, какъ Тацитъ въ своей „Германі хочетъ показать своимъ римлянамъ, насколько они могутъ уступ варварамъ вслѣдствіе того, что не смѣютъ избрать своимъ девизо osez! Быть можетъ, г. Ридъ и правъ: геніальность и первый плодъ изобрѣтательность, всегда идутъ впереди холодныхъ разсчетовъ бур наго ума; но едва ли правъ г. Ридъ, когда онъ ропщетъ на гражданс власть въ Англіи и видитъ въ своей палатѣ общинъ только „не жественныхъ" людей, увлекаемыхъ „частными интересами, преобла ющими надъ благомъ и могуществомъ страны", и все это только пото что эта „гражданская власть" слишкомъ робка всякій разъ, когда д идетъ о затратѣ общественныхъ суммъ. Можно подумать, что идеал г. Рида служитъ Турція, гдѣ онъ не встрѣтитъ тѣхъ „невѣжественны людей, если бы только почтенный авторъ самъ, какъ мы вид энергически не осудилъ Турціи за то, что „турецкая система адми страціи лишаетъ правительство совѣта передовыхъ людей, способны имѣть широкій взглядъ на морское дѣло". Г. Ридъ, очевидно, са въ высокой степени талантливая натура, преслѣдующая свою идею всѣмъ пыломъ убѣжденія, и какъ то часто бываетъ съ подобны натурами, легко увлекается за предѣлы спокойнаго обсужденія вся разъ, когда встрѣчаетъ препятствіе своимъ порывамъ. Но всякій сколь нибудь опытный читатель всегда съумѣетъ выдѣлить въ статьѣ г. Ри то, что попало въ нее случайно, отъ того, что сказано имъ со всѣ авторитетомъ высоко-талантливаго человѣка, искренне убѣжденнаго правотѣ своей идеи и глубоко изучившаго предметъ своей спеціальнос до послѣднихъ ея мелочей.

Z.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА

Признаки возрожденія Франціи.

24-го августа.

Я знаю, что можно многое возразить противъ громаднаго успѣха, ротивъ неслыханнаго результата, — на видъ даже непонятнаго, — йма трехъ мильярдовъ. Въ этой операціи было много шарлатанства, въ ея видимомъ результатѣ — значительная часть фикціи. Французское правительство изъ похвальнаго намѣренія обезпечить за собой ассу иностранныхъ бумагъ, для расплаты съ Германіей, а быть ожетъ и ради менѣе похвальной цѣли: увеличить насколько возможно ифру подписки, давало чрезмѣрныя льготы иностраннымъ подписчимъ и въ особенности нѣмцамъ. Домъ Блейхрёдера въ Берлинѣ могъ ринять обязательства, лишенныя всякой гарантіи, и даже предложить ремію въ $1/2$ % тѣмъ изъ своихъ кліентовъ, которые подпишутся ри этихъ условіяхъ. Съ другой стороны, предвидя, что требованія удутъ уменьшены, вслѣдствіе этого самаго преувеличивали ихъ для ого, чтобы получить во всякомъ случаѣ ту цифру займа, на которую желали серьезно подписаться. Такимъ образомъ, тѣ, которые желали 000 франковъ ренты, подписывались на сумму въ десять разъ больщую, и все-таки обманулись въ своемъ разсчетѣ. Это постоянное движеніе въ смыслѣ преувеличенія все сильнѣе и сильнѣе развивалось въ послѣдніе дни и кончило тѣмъ, что превзошло всѣ ожиданія. Возможно, что еслибы выпускъ отсрочился еще на недѣлю, то кажущійся успѣхъ достигъ бы еще болѣе баснословныхъ размѣровъ.

Но уступая все это и отводя должное мѣсто шарлатанству, преувеличенію, *humbug*'у, тѣмъ не менѣе нельзя не признать дѣйствительнаго и изумительнаго успѣха, съ которымъ Франція и ея правительство по справедливости могутъ себя поздравить. Франція теперь знаетъ, что къ ней имѣютъ довѣріе, довѣріе къ ея честности, къ ея солидности; она чувствуетъ, что не потеряла кредита ни у себя дома, ни въ Европѣ. Такое блистательное доказательство не можетъ не придать силы и мужества. Но быть можетъ съ этой самой точки зрѣнія лучше было бы, если бы успѣхъ займа оставался въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ. Народное воображеніе, а у французовъ въ особенности, легко склонно воспламеняться. Множество умовъ уже не думаютъ больше объ обязательствахъ, которыя странѣ пришлось наложить на себя. Они также не помышляютъ о томъ, что мильярды, которые Франція добыла себѣ такъ легко, въ окончательномъ резуль-

татѣ увеличатъ рессурсы Германіи. Ихъ поражаетъ только обольстительная легкость, съ какой можно достать деньги, въ которыхъ нуждаешься, и исходя изъ этого пункта, разсчитывая на неистощимые рессурсы, они полагаютъ, что отнынѣ отъ самой Франціи зависит выбрать день возмездія. Это чувство особенно живо въ отрѣзанныхъ провинціяхъ, въ которыхъ нѣмцы, кстати, совершаютъ одну нелов кость за другой, словно на смѣхъ. Многіе эльзасцы нашли возможнымъ въ своей наивности назначить будущій январь срокомъ, когда Эльзасъ будетъ возвращенъ Франціи. Что касается результатовъ новой войны, то на этотъ счетъ не питается никакихъ сомнѣній, потому что вообще признается, что въ 1870-мъ году Франція была побѣждена только потому, что ее застали врасплохъ и ей измѣнили.

Эти иллюзіи конечно являются не лучшимъ результатомъ займа; но у меня есть всѣ основанія думать, что, къ счастію, правительство ихъ отнюдь не раздѣляетъ. Оно здравѣе судитъ о вещахъ, да къ тому же у него есть всѣ причины быть довольнымъ дѣйствительностью, не преувеличивая и не искажая ея. Заемъ во всѣхъ отношеніяхъ и со всѣхъ точекъ зрѣнія чрезвычайно какъ улучшилъ его положеніе. Онъ нанесъ послѣдній ударъ легитимнымъ и орлеанистскимъ химерамъ, и я полагаю, что даже самые бонапартисты, не взирая на все ихъ нахальство, утратили нѣсколько довѣрія къ своимъ силамъ. Мнѣ говорили, что подписка на ихъ газеты значительно уменьшилась въ послѣднее время. Само собой разумѣется, что не слѣдуетъ придавать ни малѣйшаго значенія приключенію съ русской яхтой, пассажиры которой, въ числѣ семи человѣкъ и среди нихъ одинъ французъ, вздумали кричать „да здравствуетъ императоръ!“ въ гавани Трувилля. Правительство показало настолько такта, что не обидѣлось этимъ и ни одной минуты не думало искать въ этомъ дѣлѣ предлога къ дипломатическимъ претензіямъ. Къ тому же Россія—послѣдняя страна, съ которой оно хотѣло бы затѣять ссору.

Теперь съ сожалѣніемъ долженъ засвидѣтельствовать, что въ несомнѣнномъ улучшеніи, которое сказывается въ порядкѣ вещей и въ настроеніи умовъ играютъ роль и другія причины, кромѣ займа, и въ числѣ этихъ послѣднихъ фигурируетъ на первомъ планѣ пріостановка засѣданій національнаго собранія.

Франція отличается одной странностью: сожалѣетъ о парламентскомъ шумѣ, когда его лишится, и пугается его, когда ей дано имъ наслаждаться. Въ настоящую минуту она считаетъ себя счастливой, потому что можетъ разсчитывать на четыре мѣсяца покоя, обезпечиваемаго ей каникулами собранія. Со всѣмъ тѣмъ, изъ сравненія настоящаго положенія съ состояніемъ умовъ въ эпоху такихъ же каникулъ собранія въ прошломъ году, выпадаютъ весьма важныя замѣчанія. Версальское собраніе уже тогда утратило популярность; оно обезсилило, утомило,

раздражило общественное мнѣніе преніями не менѣе страстными и не менѣе безполезными, чѣмъ пренія нынѣшняго года. Несмотря на это пріостановка засѣданій встрѣчепа была съ сожалѣніемъ, потому что никто не могъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Каникулы прошлаго года были для цѣлой страны эпохой великой тревоги и истинныхъ терзаній. Охотно вѣрилось, что правительство будетъ низвергнуто какимъ-нибудь непредвидѣннымъ ударомъ. Въ настоящее время нѣтъ ничего подобнаго, тревоги улеглись и умы наслаждаются спокойствіемъ, котораго не знавали съ самаго начала войны. Тьеръ, не взирая на важныя ошибки, совершенныя имъ въ теченіи прошлой сессіи, пользуется безграничной популярностью. Въ него вѣрятъ, вѣрятъ въ прочное существованіе его правительства. Забываютъ, что Тьеру семьдесятъ пять лѣтъ; его считаютъ какъ-бы безсмертнымъ. Онъ абсолютный властитель Франціи; газетные корреспонденты сообщаютъ о каждомъ его словѣ, о каждомъ его жестѣ, о малѣйшихъ подробностяхъ его дачной жизни въ Трувиллѣ, словно бы онъ былъ Людовикомъ XIV-мъ или Наполеономъ. Франція съ восторгомъ читаетъ эти разсказы и вѣритъ, что черные дни прошли на вѣки.

Конечно эта увѣренность грѣшитъ крайностью, какъ грѣшитъ ею и громадное вліяніе Тьера, доказывающее прирожденную и упорную склонность Франціи къ личной власти и ея стремленіе признавать надъ собой господина и подчиняться ему. Но во всякомъ случаѣ современное положеніе дѣлъ несравненно лучше прошлогодняго. Если сознаніе безопасности и нѣсколько преувеличено, то оно тѣмъ не менѣе благопріятствуетъ труду и слѣдовательно содѣйствуетъ возстановленію нашей дѣловой жизни. Надо отдать справедливость нашимъ радикаламъ, что они могутъ претендовать на содѣйствіе такому счастливому настроенію умовъ. Съ нѣкоторыхъ поръ они отличаются благоразуміемъ, котораго я за ними не подозрѣвалъ. Конечно, простого здраваго смысла достаточно было, чтобы понять съ одной стороны, что необходимо отложить наши домашнія распри до освобожденія территоріи и что, слѣдовательно, національное собраніе, какъ бы оно ни было непопулярно, не можетъ быть распущено до того времени. Съ другой же стороны, самыя ошибки монархическихъ партій отлично устраиваютъ дѣла республики и слѣдовательно, съ республиканской точки зрѣнія нѣтъ ни малѣйшаго интереса содѣйствовать преждевременному распущенію собранія. Для всего этого, повторяю, требовалось имѣть простой здравый смыслъ; но радикальная партія столь долгое время представлялась лишенной его, что настоящее поведеніе ея не могло не удивить и не порадовать. Говорили, и было основаніе такъ думать, что оно воспользуется каникулами, чтобы организовать, посредствомъ банкетовъ и народныхъ собраній, великое движеніе пропаганды въ пользу распущенія. Напротивъ того, оно ведетъ себя совсѣмъ смирно, и поведеніе

Гамбетты стало безукоризненнымъ. Конечно, терпѣнію его особенно содѣйствуетъ то обстоятельство, что онъ считаетъ себя естественно призваннымъ наслѣдовать Тьеру, и эта увѣренность не лишена нѣкотораго основанія, допустивъ, что дѣла будутъ идти своимъ естественнымъ ходомъ и что ихъ теченіе не будетъ прервано никакимъ насильственнымъ переворотомъ. Какъ бы то ни было, а теперь кажется несомнѣннымъ, что собраніе просуществуетъ еще въ 1873-мъ г., но не далѣе того, потому что уплата послѣднихъ суммъ контрибуціи можетъ быть ускорена. Слѣдовательно, территорія можетъ быть очищена къ концу будущаго года, послѣ чего собраніе вынуждено будетъ общественнымъ мнѣніемъ немедленно разойтись. Само собой разумѣется, что я предполагаю, что нѣмцы съ своей стороны честно выполнятъ всѣ условія послѣдняго договора, включая сюда и очищеніе Бельфора. Лично я нимало въ этомъ не сомнѣваюсь, потому что полагаю, что имъ желательно возможно скорѣе окончить свои дѣла съ Франціей. Но я долженъ сказать, что вижу вокругъ себя много людей, сомнѣвающихся въ этомъ. Какъ на возраженіе указываютъ на то, что они исправляютъ укрѣпленія Бельфора; но упускаютъ при этомъ изъ вида, что хотя эта крѣпость служитъ имъ залогомъ, но они съ своей точки зрѣнія могутъ считать себя въ правѣ привести ее въ хорошее состояніе, и пока ее занимаютъ поддерживать ее въ такомъ состояніи.

Какъ вы легко можете себѣ представить, здѣсь весьма озабочены предстоящимъ свиданіемъ трехъ императоровъ въ Берлинѣ. Оно внушаетъ многимъ опасенія, которыя я считаю нелѣпыми. Многіе задаются мыслію: не есть ли это новая лига, новый священный союзъ на пагубу Франціи. По странному противорѣчію, тѣ самые умы, которые, вспоминая про успѣхъ займа, убѣждаются, что Европа предоставила сорокъ-три мильярда въ распоряженіе Франціи именно затѣмъ, чтобы помочь ей занять прежнее мѣсто въ Европѣ, и вслѣдствіе этого мечтаютъ, что возмездіе наступитъ будущей зимой или будущимъ лѣтомъ,—тѣ самые умы, минуту спустя, вспоминая про страшную массу силъ, которымъ предстоитъ резюмироваться въ Берлинѣ въ лицѣ трехъ государей, считаютъ Францію осужденной на погибель, потому что воображаютъ, что Австрія и Россія неразрывно соединятся съ Германіей, и убѣждены, что ненависть послѣдней къ Франціи еще не успокоилась. Сообщая вамъ о подобныхъ сужденіяхъ, я тѣмъ самымъ показываю, какъ мало еще развитъ у насъ политическій смыслъ. Существуютъ конечно люди, но они составляютъ меньшинство, которые болѣе здраво судятъ о вещахъ и которые прежде всего указываютъ на то, что ни для Австріи, ни для Россіи нѣтъ никакого интереса еще больше ослаблять Францію или же мѣшать ей собраться съ силами. Напротивъ того, выгоды ихъ требуютъ, чтобы Франція не была вытѣснена изъ системы европейскаго равновѣсія. Наконецъ, что какія бы ни были

въ настоящую минуту ихъ отношенія съ Германіей, но онѣ не могутъ беззавѣтно приковать себя къ ней и необходимо должны оставить за собой свободу дѣйствія на будущее время. Австрія конечно признала, что пока ей нельзя не идти за одно съ Германіей и что въ этомъ ея спасеніе; но тутъ очевидно Габсбургскій домъ налагаетъ на себя нѣкоторое стѣсненіе, отъ котораго долженъ желать со временемъ освободиться. Что касается Россіи, то она свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, но въ силу этой самой свободы ея присутствіе въ Берлинѣ доказываетъ, что это свиданіе не можетъ грозить непосредственной опасностью для Франціи, потому что именно Россія должна желать, чтобы мы продолжали жить. Ея участіе служитъ для насъ скорѣе гарантіей, что въ Берлинѣ ничего не станетъ замышляться противъ насъ: ей нѣтъ разсчета участвовать во враждебныхъ замыслахъ противъ Франціи и она не въ такомъ положеніи, чтобы ее могли къ этому принудить противъ воли.

Мы можемъ, слѣдовательно, говорятъ трезвые люди, спокойно заниматься своими дѣлами, не заботясь о берлинскомъ свиданіи. Конечно, прибавляютъ они, въ нѣкоторомъ отношеніи это свиданіе представляетъ непріятныя стороны для насъ: оно показываетъ, что въ случаѣ, еслибы мы захотѣли возобновить войну, то пока въ настоящее время мы не можемъ найти союзниковъ на континентѣ. Но что за дѣло, если не въ нашихъ выгодахъ и даже не въ нашихъ силахъ искать немедленнаго возмездія; если намъ необходимо нѣсколько лѣтъ, чтобы вполнѣ стать на ноги и возсоздать свои военныя силы. Съ этой точки зрѣнія берлинское свиданіе можетъ даже быть сочтено за невольную услугу, оказанную Франціи, потому что оно послужитъ уздой для опаснаго и неразсудительнаго нетерпѣнія. Такъ разсуждаютъ люди, которые сохранили свое хладнокровіе, къ которому примѣшивается доля оптимизма. Нѣкоторые идутъ далѣе. Всѣ державы, говорятъ они, стремятся въ настоящее время къ одной цѣли, но изъ различныхъ причинъ; всѣ онѣ нуждаются въ мирѣ: Франція, затѣмъ, чтобы залечить свои раны; Германія, потому что желаетъ упрочить свое настоящее положеніе; Австрія, потому что для нея всякое движеніе опасно, и наконецъ Россія, потому что производитъ въ настоящую минуту полную реорганизацію своихъ военныхъ учрежденій, реорганизацію, потребующую нѣсколькихъ годовъ, да еще потому, что для Франціи нуженъ отдыхъ, ибо въ случаѣ европейскаго столкновенія она была бы ея естественной союзницей. Поэтому не невозможно, что Россія вступитъ во временный союзъ съ Германіей въ виду сохраненія мира лишь затѣмъ, чтобы сдѣлать болѣе дѣйствительнымъ свой будущій союзъ съ Франціей.

Люди, которые увлекаются этими предположеніями, по всей вѣроятности слишкомъ увлекаются Маккіавелемъ. Какъ бы то ни было, но

очевидно, что берлинское свиданіе обезпечиваетъ континенту період мира, которому было бы можетъ быть слишкомъ рискованно назначит долгій срокъ, но который все же можетъ продлиться пять-шест лѣтъ. Не менѣе очевидно, что Франціи, съ точки зрѣнія своихъ ис тинныхъ интересовъ, не приходится особенно огорчаться такимъ ре зультатомъ. Къ тому же, если пока она остается безъ вліянія на иностранную политику, то можетъ утѣшать себя тѣмъ, что другі державы ничего не могутъ предпринять, ничего не могутъ рѣшит важнаго безъ нея, потому что ихъ интересы слишкомъ расходятся.

Итакъ, мы можемъ во всѣхъ отношеніяхъ спокойно взирать на берлинскія демонстраціи; но, какъ я уже замѣтилъ, не всѣ раздѣляютъ это мнѣніе. Въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя упорно занимаются этимъ дѣломъ, есть такія, что воображаютъ, будто всѣ три державы не столько точатъ зубы на Францію, сколько на ея современную форму правленія, то-есть на республику. Я считаю это чистѣйшимъ заблужденіемъ; европейскія монархіи очевидно не оказываютъ нашей третьей республикѣ той чести, какую они оказывали первой: онѣ ее не боятся. Мнѣ впрочемъ кажется, что ихъ равнодушіе внушается отчасти мнѣніемъ, что республика не можетъ долго существовать во Франціи и роковымъ образомъ осуждена поглотить самое себя. Если, слѣдовательно, республика упрочится, то я полагаю, что это возбудитъ нѣкоторую досаду за-границей, и главное въ Германіи. Можетъ случиться, что французская республика, по истеченіи болѣе или менѣе долгаго срока, станетъ, благодаря заразительности примѣра, истинной опасностью для династіи Гогенцоллерновъ. Но, съ другой стороны — вѣдь политическія дѣла такъ сложны — выходитъ, что Германіи выгодно, чтобы республика упрочилась во Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, монархическое правительство гораздо легче можетъ быть вовлечено въ войну изъ-за династическихъ интересовъ. И нѣтъ сомнѣнія, что только счастливая война могла бы водворить во Франціи какую-нибудь династію.

Поэтому я не думаю въ сущности, чтобы иностранныя державы косо смотрѣли на нашу республику, и убѣжденъ, что въ этомъ отношеніи намъ нѣчего опасаться какого бы то ни было вмѣшательства. Вопросъ въ томъ: съумѣемъ ли мы воспользоваться этой относительной безопасностью, чтобы устроить свои дѣла? Если мы потерпимъ неудачу, то не по недостатку доброй воли у Тьера, намѣренія котораго теперь рѣзко опредѣлились. Монархисты праваго центра льстили себя послѣдней надеждой, что онъ сблизился съ лѣвой лишь затѣмъ, чтобы получить ихъ голоса въ вопросѣ о налогѣ на сырье; но въ настоящее время они должны были разочароваться. Тьеръ не разъигрывалъ комедіи. Онъ серьезно желаетъ основать республику; онъ въ этомъ видитъ свою славу, да я кажется уже говорилъ вамъ, что во Франціи

...ъ болѣе ярагo республиканца, чѣмъ онъ, лишь бы ему приходи...ь быть первымъ лицомъ въ республикѣ. Рѣчи его министровъ въ ...дѣ генеральныхъ совѣтовъ, сессія которыхъ уже началась, не ...авляютъ сомнѣній на счетъ направленія, которое Тьеръ желаетъ ...ъ нашимъ внутреннимъ дѣламъ.

Онъ постарается по возобновленіи парламентской сессіи побудить ...раніе вотировать какіе-нибудь органическіе законы, которые въ ...ей сложности могутъ быть представлены на ратификацію француз...аго народа, какъ бы родъ конституціи. Я не могу иначе понять ...вленій въ родѣ того, какое сдѣлано Гуляромъ, министромъ финан...овъ, въ одномъ изъ генеральныхъ совѣтовъ, и гласящее, что прави...льство будетъ работать въ смыслѣ упроченія республики, имѣя въ ...ду испросить одобреніе французскаго народа. У насъ будетъ, слѣ...вательно, плебисцитъ и плебисцитъ съ простымъ *да* и *нѣтъ*, какъ ...и имперіи. Это будетъ, подобно императорскимъ плебисцитамъ, дѣло ...остой формы, одна комедія; но я спрашиваю себя: не будетъ ли ...о лучшимъ способомъ выйти изъ затрудненія. Съ одной стороны, ...жмутъ ротъ бонапартистамъ, которымъ нечего будетъ возражать, ...огда имъ укажутъ на плебисцитъ; съ другой стороны, мы обойдемъ ...трудненія и опасности, представляемыя собраніемъ спеціально учре...дительнымъ, которое, подъ предлогомъ основанія новаго порядка, по...жалуй все перевернуло бы вверхъ дномъ.

Въ числѣ органическихъ учрежденій, которыя Тьеръ желаетъ побудить собраніе вотировать, на первомъ планѣ стоитъ учрежденіе второй палаты. Онъ придаетъ этому большое значеніе, и въ теоріи онъ конечно правъ; но на практикѣ эта задача представляется необыкновенно трудной въ странѣ совершенно нивеллированной и гдѣ отвращеніе ко всякаго рода аристократіи обратилось какъ бы въ суевѣріе. Идея Тьера, кажется, заключается въ томъ, чтобы образовать вторую палату изъ делегатовъ генеральныхъ совѣтовъ, которые выберутъ ихъ изъ своей среды. Слѣдовательно, эта палата была бы чѣмъ-то въ родѣ американскаго сената или же швейцарскаго государственнаго совѣта, съ той разницей, что наши департаменты, представителями которыхъ являются генеральные совѣты, далеко не имѣютъ политическаго значенія гельветическихъ кантоновъ или штатовъ американскаго союза. Съ своей стороны, я сильно сомнѣваюсь, чтобы собраніе, составленное такимъ образомъ, могло уравновѣшивать другое собраніе, непосредственно вышедшее изъ всеобщей подачи голосовъ. Между тѣмъ Тьеръ желалъ бы надѣлить его обширными полномочіями, и между прочимъ, правомъ распускать палату депутатовъ. Эта затѣя кажется мнѣ химеричой и ложнеской, во-первыхъ, потому что у верхней палаты по всей вѣроятности не хватило бы на это власти, во-вторыхъ,

потому что при республиканскомъ порядкѣ право распущенія палат никому не можетъ принадлежать.

Распущеніе является уловкой, необходимой для конституціонно монархіи; потому что этотъ порядокъ представляетъ компромисс между двумя правами, естественно противоположными,—правомъ мо нархическимъ и правомъ народнымъ, а монарху можетъ быть необхо димо въ каждую данную минуту убѣдиться: существуетъ ли доста точное согласіе между его правительствомъ и общественнымъ мнѣні емъ? Между тѣмъ у него нѣтъ другого средства спросить объ этом націю, кромѣ новыхъ выборовъ. Напротивъ того, республика является простымъ порядкомъ, въ основѣ котораго не лежитъ никакого компромисса. Въ ней все и непосредственно проистекаетъ отъ самой націи, которая, предполагается, знаетъ, чего хочетъ и всегда въ ладу съ самой собой. Нація даетъ полномочія извѣстному числу гражданъ на опредѣленный срокъ, котораго никто не имѣетъ права сократить. Такимъ именно образомъ обставлено дѣло въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ народное представительство никогда не можетъ быть распущено. Не можетъ быть монархіи конституціонной безъ права распущенія, не можетъ быть республики съ этимъ правомъ. Эта невозможность распущенія является даже однимъ изъ неудобствъ республиканскаго порядка, который точно также какъ и всякій другой не свободенъ отъ неудобствъ; но этому послѣднему можно пособить, сокративъ срокъ существованія парламентовъ.

Но если услуги, которыя можетъ оказать верхняя палата, нѣсколько проблематичны, то иное дѣло ея учрежденіе, смыслъ котораго былъ бы превосходенъ потому, что указывалъ бы на прогрессъ, на замѣтный переходъ отъ временнаго къ окончательному въ области существующаго факта, на начало организаціи республиканскаго порядка. Еслибы собраніе учредило вторую палату до своего распущенія, то дѣйствительно заявило бы учредительную власть, на которую оно такъ часто заявляло претензіи, но заявило бы ее безъ опасности для общественнаго порядка, безъ риска междоусобной войны и въ смыслѣ по истинѣ консервативномъ. Одна изъ величайшихъ опасностей, постоянно угрожающихъ намъ, заключается въ томъ, что теперешнее собраніе исчезнетъ, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда въ смыслѣ политической организаціи. Ее смѣнило бы въ такомъ случаѣ учредительное собраніе, которое быть можетъ навлекло бы на насъ безконечные раздоры.

Если же бы, напротивъ того, теперешнее собраніе приступило къ дѣлу республиканской конституціи, то собранію, которое ему наслѣдовало бы, пришлось бы только продолжать начатое дѣло, и новыя учрежденія могли бы выдѣляться однѣ изъ другихъ, незамѣтнымъ и естественнымъ ходомъ развитія.

Если въ окончательномъ результатѣ, когда взвѣсишь всѣ обстоятельства, находишь значительное улучшеніе въ состояніи нашей внутренней политики, то нельзя сказать того же самаго объ умственномъ нравственномъ состояніи страны. Въ этой сферѣ симптомы отнюдь е благопріятны. Литературная производительность скудна, если не итать посредственныхъ или отвратительныхъ произведеній. Всѣ заѣтили невѣроятную слабость послѣдняго конкурса французской акаеміи. *Похвала Вобану*, удостоившаяся преміи, не возвышалась надъ ровнемъ того, что могъ бы сдѣлать дюжинный ученикъ класса реорики. Но настоящимъ и печальнымъ скандаломъ является послѣднее произведеніе Дюма-сына и полемика, порожденная имъ. Дѣло цетъ о брошюрѣ, озаглавленной L'Homme-Femme, текстъ которой ѣроятно дошелъ уже до васъ. Я не думаю, чтобы такая дикая, арварская и циническая манера обсуждать самые возвышенные и щеотливые вопросы нравственности была возможна гдѣ-нибудь, кромѣ Парижа. Быть можетъ, въ другихъ мѣстахъ существуетъ такая же и аже сильнѣйшая испорченность чѣмъ въ Парижѣ, но она знаетъ вое мѣсто и не заявляетъ претензій на законодательство. Здѣсь же юлу-свѣтъ желаетъ направлять и реформировать общество. Въ Лонюнѣ больше пороковъ, чѣмъ въ Парижѣ; совсѣмъ тѣмъ англійскіе юманы цѣломудренны и находятъ цѣломудренную публику. Можно казать то же самое и о другихъ иностранныхъ литературахъ, и въ эсобенности о русской литературѣ, произведенія которой, по крайней ѣрѣ переведенныя, весьма нравятся здѣсь образованнымъ людямъ и могутъ читаться всѣми. Напротивъ того, современный французскій романъ почти исключительно содержитъ варіаціи на тему супружеской невѣрности. Я могу сказать безъ преувеличенія, что французское общество лучше, чѣмъ картины, въ которыхъ его рисуютъ.

Но нельзя отрицать, что подобная литература создаетъ отвратительную нравственную атмосферу. Брошюра Дюма-сына — это грибъ, выросшій на подобной ядовитой почвѣ. Въ глазахъ Дюма, женщина почти роковымъ образомъ является куртизанкой; она родится такой, и воспитаніе большею частію не въ силахъ измѣнить ее. Онъ конечно допускаетъ еще двѣ другихъ категоріи: весталокъ и хозяекъ, то-есть женщинъ, естественно предназначенныхъ для брака, но онѣ составляютъ для него исключеніе. Невѣрныя жены, а по его мнѣнію онѣ составляютъ большинство, суть по-просту куртизанки, которыя слѣдуютъ своему первоначальному призванію. Мужъ имѣетъ право убить такую жену. Что касается тѣхъ, которыя остались вѣрными своему призванію, то-есть не вышли замужъ, то онѣ заслуживаютъ такого же уваженія въ своемъ родѣ и въ своей сферѣ, какъ и хозяйки и весталки. Самое заглавіе брошюры выражаетъ въ неприличной и возмутительной формѣ вѣрную, но банальную мысль, что

мужчина и женщина должны составлять одно цѣлое въ бракѣ. Н всего возмутительнѣе не столько сущность идей, сколько форма, в которую онѣ облечены, цинизмъ и нахальство изложенія.

Эта брошюра продавалась въ огромномъ числѣ экземпляровъ породила нѣсколько другихъ, которыя точно также нашли покупателей. Самымъ выдающимся изъ оппонентовъ Дюма-сына явился знаменитый Эмиль де-Жирарденъ. Послѣдній не желаетъ, чтобы убивал невѣрныхъ женъ. Зло по его мнѣнію заключается не въ женщинѣ, н въ бракѣ. Поражать слѣдуетъ не невѣрную жену, но самую причину невѣрности, отмѣнивъ бракъ. Надо уничтожить различіе между незаконными и законными дѣтьми. И тѣ, и другіе должны быть законными. Какимъ образомъ? А очень просто. Женщина не выходитъ больше замужъ, но можетъ сожительствовать постепенно со всѣми мужчинами, которые ей нравятся, и каждый изъ нихъ обязанъ дать ей приданое, соотвѣтственно своему состоянію и числу дѣтей, которые у нея родились отъ него. Дѣти носятъ имя матери. Еслибы подобныя странности стоили возраженій, то послѣднихъ нашлось бы не мало. Можно было бы, напримѣръ, спросить, въ чемъ заключалась бы легальная санкція этой системы и что̀ могло бы помѣшать женщинѣ имѣть нѣсколько любовниковъ разомъ, и, наконецъ, что долженъ былъ бы дѣлать человѣкъ, не имѣющій возможности давать приданое своимъ временнымъ женамъ. Но всякое разсужденіе безполезно. Не осуществленія этихъ идей приходится опасаться, но нравственнаго состоянія общества, гдѣ подобныя разсужденія возможны. Въ этомъ выражаются симптомы развращенія, противъ которыхъ всѣмъ нравственнымъ силамъ страны слѣдовало бы возстать и реагировать. Къ несчастію консервативныя силы, которыми Франція располагаетъ въ сферѣ нравственныхъ идей, сосредоточиваются главнымъ образомъ въ католицизмѣ, а этотъ послѣдній съ своей стороны какъ будто стремится изъ всѣхъ силъ къ тому, чтобы стать все болѣе и болѣе непригоднымъ для руководства новѣйшихъ обществъ. Здѣсь мы находимся въ заколдованномъ кругѣ, изъ котораго быть можетъ трудно выдти.

Изъ серьезныхъ произведеній, я могу указать вамъ лишь на послѣдній томъ *Исторіи парламентскаго порядка во Франціи*, сочиненія Дювержье де-Горанна. Этотъ томъ, весьма интересный, посвященъ послѣднимъ годамъ царствованія Карла X и революціи 1830 г. Онъ не долженъ былъ быть послѣднимъ въ первоначальномъ планѣ автора, который обнималъ также и революцію 1848 г. Очень жаль, что Дювержье де-Гораннъ остановился на пол-дорогѣ. Отъ этого его сочиненіе носитъ подготовительный характеръ, тогда какъ катастрофа 1848 г. послужила бы для него трагическимъ и естественнымъ заключеніемъ, потому что паденіе Луи-Филиппа можетъ считаться какъ

бы самоубійствомъ или разрушеніемъ парламентскаго порядка, вызваннымъ имъ самимъ. Большое участіе, которое принималъ Дювержье де-Гораннъ въ политическихъ движеніяхъ и интригахъ той эпохи, сначала какъ членъ партіи Гизо, затѣмъ какъ приверженецъ Тьера, придало бы много интереса его сужденіямъ и авторитетности его свидѣтельству. Но, быть можетъ также, оно стѣснило бы свободу повѣствователя, и вотъ конечно соображеніе, остановившее историка на его пути. Краткое предисловіе показываетъ намъ впрочемъ, что авторъ принадлежитъ къ числу тѣхъ лицъ, которыхъ опытъ ничему не научаетъ. Отвѣтственность за паденіе іюльской монархіи сваливается въ немъ исключительно на этого бѣднаго короля Луи-Филиппа, который конечно далеко не безупреченъ, но тѣмъ не менѣе былъ скорѣе жертвой чужихъ ошибокъ, упрямства Гизо, честолюбія Тьера, вѣтренности и интригъ всѣхъ окружающихъ.

Если что-нибудь несомнѣнно, такъ это то, что іюльская монархія была главнымъ образомъ подточена своими такъ-называемыми приверженцами и защитниками и ихъ яростными распрями изъ-за портфелей. Дювержье де-Гораннъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ политическихъ Фигаро этой эпохи; онъ сильно содѣйствовалъ разрушенію политической системы своего выбора. Небольшое *meâ culpâ* было бы не лишнимъ съ его стороны. Но какъ и вся либеральная школа того времени, какъ и самъ Тьеръ, онъ убѣжденъ, что ему не въ чемъ упрекать себя. Эта школа все еще держится своего знаменитаго правила: „король царствуетъ, но не управляетъ", правила ложнаго въ самомъ основаніи, ибо опирается на различіи совершенно произвольномъ и отвлеченномъ между двумя выраженіями, которыя на практикѣ не могутъ быть разъединены. Государь, обсуждающій дѣла вмѣстѣ съ своими министрами, всегда необходимо принимаетъ нѣкоторое участіе въ управленіи, и это участіе всегда и само собой будетъ пропорціональнымъ его политическимъ талантамъ и способностямъ. Конституціонный король не долженъ только пытаться управлять помимо своихъ министровъ и наперекоръ имъ; но пока онъ дѣйствуетъ сообща съ своими конституціонными совѣтниками, а эти послѣдніе въ свою очередь слушаются общественнаго мнѣнія, то въ сущности рѣшительно все равно: принадлежитъ ли авторитетъ въ средѣ совѣта королю или президенту; онъ всегда будетъ принадлежать наиспособнѣйшему. Достоинство конституціонной монархіи заключается въ томъ, что она также хорошо уживается съ обыкновеннымъ монархомъ, какъ и съ геніальнымъ государемъ: достаточно, чтобы правительство не упорствовало въ желаніи управлять наперекоръ общественному мнѣнію. Король Луи-Филиппъ палъ не потому, чтобы желалъ расширить королевскую власть въ ущербъ народному самодержавію — на что онъ былъ вполнѣ неспосо-

бенъ — но потому, что слишкомъ ограниченный избирательный порядокъ изолировалъ его правительство и палаты отъ общественнаго мнѣнія страны, и не одинъ онъ виноватъ въ томъ, что этотъ порядокъ не былъ измѣненъ во́-время. Парламентскіе вожди требовали избирательной реформы, когда находились въ оппозиціи и отсрочили ее, когда стали во главѣ управленія. Я разскажу вамъ по этому поводу одинъ фактъ, который мало извѣстенъ, но кажется мнѣ весьма характеристичнымъ. Въ первыя времена министерства Гизо, министръ и самъ король желали ввести небольшую реформу въ выборы и слегка расширить ихъ. Герцогъ Орлеанскій, который еще былъ въ живыхъ въ то время и былъ либераленъ, какъ и всѣ обыкновенно наслѣдники, поддерживалъ это мнѣніе въ правительственныхъ кружкахъ. Но Тьеръ, который имѣлъ большое вліяніе на него и считалъ себя почти неизбѣжнымъ министромъ преемника короля Луи-Филиппа, узналъ объ этомъ, и такъ какъ онъ ни за что не хотѣлъ предоставить такому союзнику, какъ Гизо, честь подобной мѣры, какъ избирательная реформа, то уговорилъ герцога Орлеанскаго, что лучше отсрочить этотъ проектъ и приберечь его для новаго царствованія. Герцогъ Орлеанскій оказался настолько простякомъ и эгоистомъ, чтобы сдаться на подобные резоны. Онъ отступился отъ дѣла, котораго былъ главнѣйшимъ зачинщикомъ, и оно кончилось ничѣмъ. Вотъ какимъ образомъ Франція не добилась при Луи-Филиппѣ избирательной реформы, которая быть можетъ предохранила бы насъ отъ революціи 1848 года.

Возвращаясь къ сочиненію Дювержье де-Горанна, я, не смотря на узкость и неточность нѣкоторыхъ изъ его воззрѣній, тѣмъ не менѣе рекомендую его тѣмъ, кто желаетъ изучить политическую исторію Франціи со времени революціи 1789 г. Это несомнѣнно наиболѣе полезная книга, на какую только можно имъ указать. Уму автора недостаетъ глубины и упругости, но онъ разсудителенъ, проницателенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно безпристрастенъ, когда дѣло касается не до его современниковъ. Но что придаетъ особенную цѣну его исторіи — это безчисленное множество цитатъ, какъ изъ рѣчей, произнесенныхъ въ различныхъ совѣщательныхъ собраніяхъ, такъ изъ газетныхъ статей, изъ неизданныхъ мемуаровъ, которыми авторъ имѣлъ случай воспользоваться. Это подробный сборникъ, которому можно довѣриться и который освобождаетъ отъ многихъ изслѣдованій и чтенія.

Кстати о неизданныхъ мемуарахъ. Ихъ существуетъ довольно, и они имѣютъ отношеніе къ нашей новѣйшей и современной исторіи, не говоря уже о мемуарахъ Талейрана или герцога Пакье́, о которыхъ всѣ слыхали и которые Богъ вѣсть когда выйдутъ въ свѣтъ. Много лицъ, изъ числа тѣхъ, которые имѣли прикосновенность къ

политическимъ событіямъ, начиная съ 1789 г., записывали свои впечатлѣнія. Иные изъ этихъ документовъ сохраняются въ семейныхъ архивахъ въ рукописяхъ и сообщаются любителямъ историческихъ изслѣдованій. Другіе появляются время отъ времени въ печати, въ сроки, назначенные самими авторами. Такимъ образомъ, черезъ два мѣсяца будутъ обнародованы мемуары одного члена директоріи, то-есть правительства, наслѣдовавшаго комитету общественной безопасности и предшествовавшаго консульству. Этотъ директоръ—Ларевельеръ-Лепо́, лицо, нынѣ позабытое, но посмертные мемуары котораго по всей вѣроятности надѣлаютъ шума, потому что въ нихъ низводятся съ пьедестала многія знаменитости и въ числѣ прочихъ Карно, поклоненіе которому получило во Франціи характеръ національнаго предразсудка. Я пробѣгалъ эти мемуары, и воздерживаясь пока отъ приговора надъ сужденіями автора, могу засвидѣтельствовать, что они весьма интересны. Исторія революціи была подтасована, разукрашена и окончательно искажена нашими историками (включая сюда и Тьера), что постоянно чувствуешь себя въ какомъ-то новомъ мірѣ, когда сталкиваешься съ ней непосредственно и въ нѣкоторомъ родѣ *en deshabillé*, въ интимномъ описаніи современныхъ мемуаровъ. Вотъ, напримѣръ, портретъ Дантона, который кажется мнѣ менѣе поэтическимъ, конечно, но болѣе реальнымъ, чѣмъ портреты у Мишле и другихъ... „Когда я называю Дантона *циклопомъ*, то не потому, чтобы ему не доставало одного глаза; но его громадное лицо, все изрытое оспой, его свирѣпый видъ, его атлетическое сложеніе, его размашистыя движенія, какъ будто бы онъ бросалъ горы, съ цѣлью раздавить своихъ противниковъ, голосъ громкій и дикій, какъ ревъ быка, о́бразы и выраженія грандіозно-чудовищныя—все въ немъ напоминало миѳическихъ циклоповъ, и воображеніе охотно искало глаза посреди лба. Впрочемъ это былъ человѣкъ до крайности сластолюбивый и преданный наслажденіямъ, испытывавшій постоянную нужду въ деньгахъ и неразборчивый на средства пріобрѣтать ихъ. Онъ не былъ, подобно Робеспьеру, мстительнымъ и завистливымъ; у него не было также, какъ у того, жажды проливать человѣческую кровь, но онъ созерцалъ или вѣрнѣе допускалъ проливать ее какъ воду, если только считалъ это выгоднымъ лично для себя или для своей партіи“.

Или вотъ еще небольшая сцена, въ которой фигурируетъ Робеспьеръ и которая не лишена значенія: „Одинъ богатый столяръ, по имени Дюплэ, его жена, его три или четыре дочери и его сынъ, мальчикъ пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, добрые въ сущности люди, но чрезвычайно экзальтированные и весьма ограниченные, поклонялись революціи... Я отправился къ нимъ въ одно утро. Меня очень хорошо приняли и ввели въ пріемную, къ которой примыкалъ маленькій

кабинетъ, дверь котораго была отворена. Что же я увидѣлъ, входя? Робеспьера, который внѣдрился въ домѣ, гдѣ ему оказывали такія же почести, какія оказываютъ божеству. Бюстъ его стоялъ, окруженный различными орнаментами, стихами, девизами и проч. Сама пріемная была уставлена маленькими бюстами изъ красной и сѣрой глины и увѣшана портретами великаго человѣка, сдѣланными карандашемъ, растушкой, сепіей, акварелью. Самъ онъ расчесанный, напудренный, облеченный въ чистый шлафрокъ, красовался въ большомъ креслѣ передъ столомъ, покрытымъ прекраснѣйшими фруктами, свѣжимъ масломъ, молокомъ и душистымъ кофе. Вся семья, отецъ, мать, дѣти старались угадывать всѣ его желанія и предупреждать ихъ въ ту же минуту. Богъ удостоилъ мнѣ улыбнуться и протянулъ руку. Такъ какъ дверь въ пріемную была стеклянная, то поклонники, входя во дворъ, медленно и почтительно подходили къ этой двери и входили въ пріемную лишь тогда, когда божественный человѣкъ головой или рукой давалъ имъ на то позволеніе".

Послѣ 9-го термидора, Камбасересъ, бывшій позднѣе консуломъ вмѣстѣ съ Бонапартомъ, затѣмъ княземъ, архи-канцлеромъ при имперіи, былъ президентомъ комитета общественнаго спасенія. Ларевельеръ-Лепо, авторъ, котораго я цитирую въ настоящую минуту, былъ равно призванъ участвовать въ немъ. Вотъ какъ происходили дѣла въ этомъ комитетѣ, оставившемъ по себѣ такое страшное воспоминаніе. Обстоятельства продолжали быть критическими и, главное, вопросъ о продовольствіи страшно озабочивалъ правительство. „Камбасересъ являлся къ десяти часамъ утра. Первой его работой было заказать хорошій супъ и велѣть подать на столъ отличнаго хлѣба и отличнаго вина, три вещи, которыя только тутъ и можно было найти въ Парижѣ.—У меня правило, говорилъ онъ намъ, что люди, участвующіе въ трудахъ собранія и вмѣстѣ съ тѣмъ въ трудахъ комитета, должны хорошо питаться, иначе они не вынесутъ тягости своихъ трудовъ". Эта мудрая предусмотрительность гражданина-президента привлекала къ нему всѣ умы. Всѣ спѣшили ею воспользоваться. Различные члены комитета одинъ за другимъ появлялись въ немъ между двѣнадцатью и двумя часами. Они входили въ залу собранія. — Президентъ, нѣтъ ли чего новаго?—Нѣтъ, ничего, былъ обычный отвѣтъ. Вслѣдъ за тѣмъ прибывшіе справлялись о ѣдѣ, ѣли супъ, вытаскивали кусокъ говядины изъ кастрюли и отрѣзали себѣ кусочекъ, который и съѣдали съ вкуснымъ бѣлымъ хлѣбомъ, запивали отличнымъ бургонскимъ, послѣ чего мясо снова отправлялось въ кастрюлю, пока прибывавшая публика не заставляла послѣднихъ посѣтителей провѣрить на себѣ пословицу: *tarde venientibus ossa*. Набивъ себѣ желудокъ, на минуту заходили въ свое бюро, чтобы заняться тамъ одну минуту частными дѣлами и частными интересами. Такимъ образомъ оканчивались утренние и днев-

ные труды. Со всѣмъ тѣмъ, вечеромъ просыпалась забота о слѣдующемъ днѣ. Два существенныхъ пункта приковывали вниманіе въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, потому что мы рисковали разстаться съ головой на завтра. Эти два пункта были: продовольствіе и деньги: — Ну, какъ же, президентъ, говорилось обыкновенно съ признаками сильной тревоги, въ какомъ положеніи находятся финансы?—Да ассигнаціи все падаютъ, отвѣчалъ гражданинъ - президентъ, и нельзя успѣть напечатать ночью то количество, которое необходимо для завтрашняго обращенія. Если это продлится долѣе, то мы рискуемъ быть повѣшенными на фонаряхъ.—А продовольствіе! хватитъ ли его у насъ на завтра?—Эге, ге! рѣшительно не знаю.

„Членами комитета овладѣвало на нѣкоторое время глубокое смятеніе, но вскорѣ свѣтлая мысль разгоняла мрачное облако. Оно быстро разсѣевалось отъ слѣдующей бесѣды: — Президентъ, приготовлено ли для насъ что-нибудь поѣсть? Послѣ такихъ тяжелыхъ дней, необходимо подкрѣпить свои силы.—Да, да. Есть хорошій кусокъ телятины, большой тюрбо́, порядочный сладкій пирогъ и еще кое-что. Тогда прости заботы! прости боязнь завтрашняго дня! Уныніе и страхъ смѣнялись самой оживленной веселостью, и мы весело спасали отечество, поѣдая вкусныя блюда, запивая ихъ шампанскимъ, при чемъ остроты служили приправой хорошей ѣдѣ“.

Это послѣднее воплощеніе комитета общественнаго спасенія, это превращеніе правительства крови въ правительство вивёровъ уже даетъ предвкушать директорію, это республиканское регентство, въ которомъ Ларевельеръ-Лепо́—весьма добродѣтельный лично или по крайней мѣрѣ выдающій себя за добродѣтельнаго человѣка — играетъ роль заблудившагося Катона и постоянно одураченнаго Дон-Кихота. Онъ былъ, заодно съ Барра̀, главнымъ зачинщикомъ 18-го фруктидора, одного изъ тѣхъ насильственныхъ переворотовъ, которыми губили республику, заявляя, что ее спасаютъ. Онъ содѣйствовалъ ссылкѣ своего собрата Карно́ и вскорѣ затѣмъ самъ палъ, незадолго до 18-го брюмера, вслѣдствіе интриги, подведенной противъ него его вчерашними друзьями и соучастниками. Когда проникаешь такимъ образомъ за кулисы первой республики, то понимаешь, какъ неизбѣжно было то, чтобы ее конфисковалъ въ свою пользу Бонапартъ. Со времени взятія Бастиліи и до учрежденія консульства во Франціи, собственно говоря не существовало правительства. Страна принадлежала партіямъ, которыя преслѣдовали одна другую. Эта система до сихъ поръ еще въ ходу у нашихъ крайнихъ партій, но къ счастію она значительно потеряла въ своей силѣ. Если бы умы такъ же увлекались ею въ настоящее время, какъ въ эпоху первой революціи, то у насъ было бы уже нѣсколько государственныхъ переворотовъ или попытокъ къ нимъ со времени заключенія мира. Тьеръ попытался бы силой избавиться отъ

правой, а правая попыталась бы низвергнуть Тьера, подкупомъ какого-нибудь генерала. Сравненіе между этими двумя эпохами доказываетъ, что чувство законности хотя еще не развито вполнѣ, но все же значительно укрѣпилось между нами.

Воспоминаніе о Ларевельерѣ-Лепо́, насколько оно сохранилось, подернуто нѣкоторымъ шутовскимъ оттѣнкомъ, вслѣдствіе его попытки основать новую религію. Этотъ честный директоръ призналъ весьма основательно, что народы не легко обходятся безъ религіи; но онъ весьма ложно вообразилъ, что религію можно импровизировать. Поэтому онъ основалъ секту, которая называлась *теофилантропіей* и которая облекала весьма простыя идеи натуральной религіи театральной торжественностью и напыщенной реторикой, которая отличала высокій слогъ той эпохи. Ларевельеръ-Лепо́ пожелалъ, чтобы нѣсколько отрывковъ этого рода заняли мѣсто въ его мемуарахъ, и они составляютъ въ нихъ не послѣднюю рѣдкость. Это—реторическія словоизверженія, въ которыхъ подражаніе древнимъ, Руссо́ и Оссіану, играетъ почти равную роль. Эта смѣсь, кажущаяся намъ теперь нелѣпой и безсмысленной, весьма нравилась нашимъ дѣдамъ. Въ мемуарахъ Ларевельеръ-Лепо́ есть надгробное слово въ честь генерала Гоша, которое представляетъ не что иное, какъ сколокъ съ стенаній Мальвины и Фингала. Сынъ Ларевельера, который уже старикъ теперь и издатель книги своего отца, самъ зовется Оссіаномъ и у него нѣтъ другого имени. Это рисуетъ эпоху.

Черезъ нѣсколько недѣль, если не ошибаюсь, появится другая книга, которая тоже надѣлаетъ шуму. Это—*Антихристъ* Ренана. Дѣло состоитъ просто въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ ученаго писателя о происхожденіи антихриста. Ренанъ дошелъ до того момента, когда христіанская вѣра, раздраженная ожиданіемъ, выведенная изъ себя преслѣдованіями, пришла къ убѣжденію о скорой кончинѣ міра и приближающемся днѣ послѣдняго суда и о близкомъ возобновленіи всего. Апокалипсисъ, приписываемый св. Іоанну, есть выраженіе этого ожиданія. Онъ выводитъ на сцену существо, называемое Антихристомъ, въ которомъ резюмируются всѣ злыя силы, чтобы вступить въ послѣднюю борьбу съ Мессіей и его поклонниками. Будущая книга Ренана посвящена главнымъ образомъ объясненію этого особеннаго настроенія первобытнаго христіанства, объясненію Апокалипсиса. Онъ не даетъ ничего особенно новаго тѣмъ, кто занимался этимъ вопросомъ, потому что смыслъ Апокалипсиса, возбуждавшій столько споровъ и о которомъ написано такъ много пустяковъ, въ настоящее время вполнѣ разъясненъ и внѣ всякаго сомнѣнія. Антихриста, преслѣдующаго христіанъ и возстающаго противъ Мессіи, считаютъ просто императоромъ Нерономъ, и всѣ пророчества, всѣ видѣнія священной книги относятъ къ этому императору и къ его времени. Всѣ тайны Апокалипсиса

были такъ объяснены нѣмецкой критикой слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, но ея открытія не выходили изъ круга, довольно ограниченнаго, богослововъ и философовъ. Кругъ читателей Ренана гораздо обширнѣе, а талантъ его къ изложенію и популяризаціи неизмѣримо выше всего, что даютъ въ этомъ отношеніи нѣмцы, которые впрочемъ и не заявляютъ на это никакихъ притязаній. Важная заслуга, оказываемая Ренаномъ, заключается въ томъ, что онъ предлагаетъ результаты науки всѣмъ образованнымъ людямъ вообще, а это не бездѣлица. Къ тому же онъ такъ проницателенъ, что, быть можетъ, по многимъ пунктамъ могъ дополнить анализъ своихъ предшественниковъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не пощадилъ трудовъ, потому что книга, о которой я извѣщаю, является, какъ мнѣ лично извѣстно, результатомъ многолѣтнихъ занятій.

Н.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Новости изъ нашей старины.

Архивъ князя Воронцова. Книги 4-я и 5-я. М. 1872. Стр. 542 и 495.

Девятнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый Петромъ Бартеневымъ. Книга вторая. М. 1872. Стр. 296+242.

Изданія, названныя нами, относятся къ нашей старинѣ болѣе или менѣе близкой; публика полюбила эти изданія и охотно раскупаетъ и читаетъ ихъ, знакомясь въ нихъ съ интимною стороною прошлой общественной жизни; изданія эти, помимо относительной важности для исторіи, полезны въ томъ отношеніи, что они обратили многихъ къ изученію русской исторіи, открывъ въ ней такія стороны, о которыхъ прежде или ничего не было извѣстно, или извѣстно по смутнымъ преданіямъ. По мѣрѣ того, какъ стѣснялся кругъ вопросовъ въ современной публицистикѣ, читатели находили утѣшеніе въ этомъ прошломъ, которое иногда многое говорило, иногда просто развлекало. Въ этомъ чтеніи смѣшалось традиціонное „пріятное съ полезнымъ", съ выгодою замѣнивъ собою чтеніе сухихъ историческихъ разсказовъ и слишкомъ „вольныхъ" историческихъ романовъ. За г. Бартеневымъ въ этомъ отношеніи — безспорная заслуга: онъ напалъ на родникъ, повидимому неизсякаемый и, вызвавъ подражателей, неутомимо подноситъ публикѣ разные сборники, изъ которыхъ почти нѣтъ ни одного такого, гдѣ бы не было, рядомъ съ лицами поверхностными, ничтож-

ными и ненужными даже для записныхъ археологовъ, вещей цѣнныхъ и важныхъ. Но „Архивъ князя Воронцова" представляетъ едва ли не первую у насъ попытку систематической разработки архивовъ частныхъ лицъ, занимавшихъ высокія государственныя должности, и попытку счастливую, потому что историкъ найдетъ въ вышедшихъ книгахъ не мало любопытныхъ документовъ, рисующихъ и жизнь правительственныхъ сферъ и частную жизнь. Большая часть пятой книги „Архива князя Воронцова" состоитъ изъ документовъ на французскомъ языкѣ, перевода которыхъ не прилагается, изъ благоразумной экономіи, и почти всѣ эти документы имѣютъ общій интересъ, знакомя насъ съ такими лицами, какъ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, княгиня Дашкова, Радищевъ, Екатерина II и др. Автобіографическая записка графа А. Р. Воронцова, вся сплошь написанная по-французски, къ сожалѣнію, не окончена имъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не отыскано продолженія. Записка эта вводитъ насъ въ кругъ жизни и воспитанія молодого знатнаго человѣка не изъ числа тѣхъ, которые „прогуляли" свою юность и били баклуши, а изъ тѣхъ немногихъ въ то время, которымъ выпало на долю солидное образованіе. (Впрочемъ, должно сказать, что въ екатерининское время, помимо людей, имѣвшихъ на нее вліяніе, государственные люди по большей части были образованы). Графъ А. Р., благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, получилъ и дома порядочное образованіе и, пользуясь большимъ знакомствомъ и совѣтами дяди своего, канцлера, рано привыкъ къ „матеріямъ важнымъ", къ политикѣ, къ обсужденію общественныхъ вопросовъ. Царствованіе Елисаветы застало его еще мальчикомъ, и онъ съ большой симпатіей говоритъ объ этой государынѣ, вспоминая дѣтскіе балы, которые она давала во дворцѣ своемъ, и ея доброе сердце. Къ Екатеринѣ онъ относится сдержанно и, признавая за нею большой умъ и образованіе, критически разбираетъ ея нравственный характеръ и обвиняетъ ее за интриги, которыя она весьма искусно вела, будучи еще великой княгиней. Говоря объ отношеніи ея къ супругу, онъ не могъ пропустить и того, чтобы не сказать о Елисаветѣ Воронцовой, своей родной сестрѣ, и въ этомъ случаѣ родственное чувство, быть можетъ, мѣшало его безпристрастію. Онъ увѣряетъ, что Екатерина сама постаралась сблизить Петра Ѳедоровича съ Елисаветой Воронцовой, которой было тогда всего 14 лѣтъ, желая ею замѣнить дѣвицу Шафирову, любовницу великаго князя, и что Екатерина вообще, стараясь имѣть на великаго князя какъ можно болѣе вліянія, окружала его такими особами женскаго пола, которыхъ могла держать въ своемъ подчиненіи. Что Екатерина имѣла на мужа своего большое вліяніе и старалась объ этомъ, это явствуетъ, между прочимъ, изъ допросныхъ пунктовъ Лестоку, напечатанныхъ въ 4-ой книгѣ „Арх. кн. Воронцова". „Она такъ интриговала, говоритъ графъ А. Р.,

мужъ ея влюбился въ нее (Воронцову). Она покровительствовала связи, но увидавъ, около 1756 г., что связь эта пустила глубокорни, она захотѣла ее порвать; но несмотря на всѣ свои старанія дходы (ses menées et intrigues), она въ этомъ не успѣла, потому великій князь серьезно привязался къ моей сестрѣ, и эта связь, рую можно назвать платоническою, продолжалась до самаго сверія съ трона Петра III". Разсказавъ затѣмъ объ интригѣ Бестуи сообщая нѣсколько подробностей о семилѣтней войнѣ, Ворон переходитъ къ описанію своего путешествія по Европѣ. Маркизъ италь, пріѣхавшій въ 1757 г. посломъ ко двору Елисаветы, сблися съ дядею графа А. Р. и посовѣтовалъ ему послать своего плешика для окончанія образованія во Францію, именно въ школу chevaux légers. Графу А. Р. шелъ семнадцатый годъ, когда онъ равился въ дальнее путешествіе. Дорожныя впечатлѣнія его очень опытны. Снабженный письмами и рекомендаціями, племянникъ русго канцлера повсюду встрѣчалъ радушный пріемъ и все видѣлъ: проѣхалъ часть Пруссіи, занятой въ то время нашими войсками, аправился на Вѣну, черезъ Польшу. „Пребываніе въ Варшавѣ, гоитъ онъ, мнѣ понравилось чрезвычайно. Польскіе вельможи, ихъ азъ жизни, уваженіе, которымъ они пользовались, все это меня поало и заставляло думать, что нѣтъ болѣе завиднаго состоянія, ь быть польскимъ вельможею. Эта республика была тогда сильъ и уважаемымъ государствомъ въ Европѣ. Хотя по своей контуціи она не могла играть дѣятельной роли въ общихъ (междуюдныхъ) дѣлахъ, но я не думаю, чтобы это составляло счастіе наа. Она пользовалась полнѣйшею безопасностью не только по массѣ ахъ силъ, но также и потому, что сосѣди ея казались въ то время интересованными въ поддержкѣ этого порядка вещей и въ неприкосновенности ея владѣній". Слѣдующее мнѣніе графа Воронцова люытно, какъ отголосокъ той партіи, которая не желала раздѣленія льши и не одобряла въ этомъ случаѣ политику Екатерины: „Надо ю царствованіе принцессы, чуждой Россіи, лишившей своего мужа естола, чтобы разрушить этотъ (вышеописанный) порядокъ вещей. а не удовольствовалась тѣмъ, чтобы царствовать надъ огромнымъ родомъ, чего она никогда не могла ожидать, она захотѣла также, обы и другъ ея, графъ Понятовскій, имѣлъ престолъ. Смерть коля Августа случилась въ 1763 г. Она не пожалѣла ни денегъ, ни йскъ своихъ, чтобъ помѣшать избранію саксонскаго принца, которго желали поляки и избраніе котораго вполнѣ отвѣчало интересамъ оссіи, но все было пожертвовано тщеславію и страсти. Волей - невоей императрица заставила выбрать королемъ Понятовскаго... Это желаніе поставить королемъ своего друга имѣло большія послѣдствія ля политической системы Россіи тѣмъ, что оно отдалило отъ насъ

дворы вѣнскій и дрезденскій и бросило насъ въ объятія Берли чтобъ онъ содѣйствовалъ избранію Понятовскаго, и породило ту довищную и смѣшную сѣверную систему, которую такъ превознос графъ Панинъ, ея изобрѣтатель, и которою воспользовался толь прусскій король, потому что система эта послужила къ возвеличе прусской монархіи, совсѣмъ несогласному съ истинными интерес Россіи". Надо помнить, однако, читая это мнѣніе, что графъ Вор цовъ былъ аристократомъ по убѣжденію и то, что ему больше всего н вилось въ Польшѣ—образъ жизни ея магнатовъ—было въ ней хуже все Его сужденія объ Австріи также указываютъ на эту черту въ его п литическихъ убѣжденіяхъ: высоко ставя Марію-Терезію, онъ безпощад относится къ ея сыну, Іосифу II, и огульно осуждаетъ его реформ какъ извѣстно, снискавшіе ему уваженіе потомства. О Кауницѣ о выражается такъ: „Въ это первое путешествіе мое въ Вѣну, я не в дѣлъ въ графѣ Кауницѣ великаго министра, какимъ онъ былъ, человѣка тщеславнаго, высокомѣрнаго, исполненнаго мелочностей своей внѣшности (plein de petitesses dans les manières), между кото рыми были непріятныя, какъ напр. полоскать себѣ ротъ за обѣдо и это довольно долгое время, или чистить брилліанты своего орд Золотого Руна щеточкой, которую онъ приказывалъ приносить себѣ При дворѣ курфирста палатина онъ встрѣтилъ Вольтера, который ж въ то время тамъ, и нѣсколько разъ посѣщалъ его, проводя въ р говорахъ съ нимъ по нѣскольку часовъ: „Онъ много говорилъ объ императрицѣ Елисаветѣ, объ извѣстномъ человѣколюбіи ея, о законахъ, отмѣнившихъ смертную казнь, и восхищался Петромъ В ликимъ". Пріѣхавъ во Францію, онъ засталъ тамъ то до-революціо ное броженіе, которое было вызвано борьбою парламентовъ съ дв ромъ. „Въ трактирахъ, гдѣ я останавливался и которые очень хоро ши, хотя и дороги, даже трактирщицы говорили со мной не о че другомъ, какъ только о своемъ уваженіи къ парламентамъ, къ при цу Конти, который былъ, по ихъ словамъ, другомъ народа и опо рой парламентскихъ привилегій, и о томъ, что ихъ добрый корол въ то время еще любимый, былъ обманутъ. Я слушалъ и оставлял ихъ говорить. Если бы обратили тогда вниманіе на горячее и экза тированное расположеніе умовъ во Франціи, быть можетъ открыли бы зародышъ того, что случилось впослѣдствіи. Между тѣмъ дѣло тогд и близко не касалось трона и алтаря; напротивъ, всѣ вѣрили, что мо нархія нераздѣльна съ правленіемъ во Франціи и съ домомъ Бурбо новъ, который тамъ царствовалъ. Эта истина была написана во всѣхъ сердцахъ. Ропотъ и недоброжелательство народа раздавались противъ налоговъ, которыми онъ былъ обремененъ, и противъ личности г-жи Помпадуръ и министровъ, которымъ приписывали разстройство фи нансовъ. Парламенты, и въ особенности парижскій, пріобрѣтали со

а день больше и больше довѣрія и уваженія во французскомъ ѣ. Даже изгнанія, которыми ихъ иногда наказывали, были ъ желательнымъ, потому что они только увеличивали народный азмъ къ нимъ", и проч. Все, что говоритъ Воронцовъ о тогдаш положеніи Франціи, не только любопытно само по себѣ, какъ русскаго просвѣщеннаго человѣка, отличавшагося проница- стью, но и не лишено относительной важности какъ историче- окументъ. Было бы очень желательно, чтобъ отыскалось про- ніе этихъ интересныхъ мемуаровъ одного изъ просвѣщеннѣй- и честнѣйшихъ людей прошлаго вѣка, великаго приверженца скихъ порядковъ.

слѣ этихъ мемуаровъ слѣдуетъ цѣлый, длинный рядъ писемъ М. Л. Воронцова къ племяннику, княгини Дашковой къ графу андру Романовичу и Радищева къ нему же изъ сибирской ссыл- се это цѣнный историческій матеріалъ. Между письмами графа ла Ларіоновича особенно выдаются тѣ, въ которыхъ онъ гово- о племянницѣ своей, знаменитой княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ. очевидно вооруженъ противъ нея за то, что она, попавъ на первое при дворѣ Екатерины, не заботилась о „благополучіи" своихъ венниковъ: „О сестрѣ вашей княгинѣ Дашковой, пишетъ старикъ, ить имѣю, что мы отъ нея столько же ласковости и пользы , какъ и отъ Елисаветы Романовны (любовницы Петра III), и что подъ именемъ ближняго свойства слывемъ, а никакой нности, ни откровенности, а еще менѣе какого-либо вспомоще- анія или надежды, чтобы въ пользу нашу старанія прилагала, ь не имѣемъ; и она, мнѣ кажется, имѣетъ нравъ развращенный еславный, больше въ суетахъ и мнимомъ высокомъ разумѣ, *въ ъ и пустотѣ* (?) время свое проводитъ. Я опасаюсь, чтобы каприсами и неумѣстнымъ поведеніемъ и отзывами столько не ѣвила государыню императрицу, чтобы отъ двора отдалена не а черезъ то наша фамилія въ ея паденіи напраснаго порока ублики не имѣла. Правда, она имѣла многое участіе въ благо- номъ восшествіи на престолъ всемилостивѣйшей нашей госуда- *и въ томъ мы должны ее весьма прославлять и почитать*; да поведеніе и добродѣтели не соотвѣтствуютъ заслугамъ, то не что послѣдовать имѣетъ, какъ презрѣніе и уничтоженіе... Гос- ъ Одаръ имѣлъ также участіе въ счастливой перемѣнѣ и, какъ а разумный человѣкъ, поведеніе свое осторожно имѣетъ и къ преданность и благодарность свою показываетъ. Онъ получилъ еніе отъѣхать въ Италію, для привезенія сюда своей фамиліи, е съ мѣсяцъ времени какъ отъѣхалъ; понынѣ онъ не получилъ награжденія, какъ токмо 1000 рублевъ для проѣзда своего. Гос- ъ Одаръ въ состояніи написать весьма лучшую реляцію, какъ

о счастливой нашей перемѣнѣ, такъ и особливо достойную пох великимъ добродѣтелямъ и качествамъ ея и. величества, нежели тетъ вздумалъ не по силѣ разума своего писать". Все это с иллюстрируетъ тогдашнее настроеніе умовъ и прибавляетъ мате для сужденія о переворотѣ 1762-го года. Письма М. Л. и с поссорили Александра Романовича съ его сестрой, съ которою были весьма дружны, и они обмѣнялись между собою нѣсколь горячими письмами. Затѣмъ все вошло въ норму и они продол переписку. Почти вся она на французскомъ языкѣ. Мы останов только на одномъ письмѣ княгини Дашковой, касающемся изв наго дѣла о трагедіи Княжнина „Вадимъ Новгородскій". Дѣло разсказано въ письмѣ Дашковой къ брату ея гораздо подробнѣе, в „Запискахъ" Дашковой; очевидно, тутъ она писала подъ свѣ впечатлѣніемъ, тогда какъ въ „Запискахъ" только по воспоминані Письмо, за исключеніемъ нѣсколькихъ фразъ, все писано по-ф цузски. Извѣстно, какъ началось это дѣло. У вдовы Княжнина о лась рукопись трагедіи, которую пріобрѣлъ книгопродавецъ Гл новъ и испросилъ позволенія у Дашковой, бывшей президентомъ деміи наукъ, напечатать ее въ академической типографіи. Даш позволила, забывъ дать письменный приказъ о томъ, чтобъ ком была процензурована. Сама Дашкова ее тоже не читала, подум что коли трагедія—значитъ въ ней, кромѣ любовной интриги, р ничего нѣтъ. По напечатаніи, трагедія попалась въ руки Ив. П Салтыкова, который и донесъ о вредномъ содержаніи ея импера цѣ. Никита Ивановичъ Панинъ, какъ разсказываетъ Дашкова, в зился объ этомъ поступкѣ Салтыкова такъ: „Дуракъ, думаетъ служиваться доносами, а того не разумѣетъ, что ее самое понапр мучитъ и тревожитъ". Марковъ повторилъ самой Дашковой по тѣ же слова: „Люди безъ достоинствъ и способностей, не умѣя латься необходимыми государынѣ, прибѣгаютъ къ оффиціознымъ з гиваніямъ (terreurs officieuses)". Екатерина прочитала трагедію с и потомъ Самойлову и Безбородко, послѣ чего „сдѣлалась гнѣвн Въ этотъ же вечеръ Самойловъ пріѣхалъ къ Дашковой и имѣлъ ней продолжительный разговоръ, въ теченіе котораго старался пр ставиться человѣкомъ, который дѣйствуетъ у императрицы въ по княгини; тутъ же онъ намекнулъ ей, что есть люди, которые кл щутъ на Дашкову, будто она принимала участіе въ книгѣ Радищ Вотъ дальнѣйшій ходъ дѣла: „Суббота прошла безъ всякихъ нов или какихъ-нибудь переговоровъ отъ кого-нибудь. Въ воскресенье по обыкновенію, поутру поѣхала во дворецъ. Скоро изъ спальни шелъ Самойловъ и, прошедъ нарочно мимо меня въ бриліантов комнату, въ пол-голоса мнѣ сказалъ: „будьте умѣренны, снисхо

льни". Казалось, что онъ боялся, чтобы кто примѣтилъ, что онъ молвилъ со мною. Признаюсь, что мнѣ жалко и смѣшно было. Я азала ему: „совѣсть моя чиста и спокойна". Показалась императ- ица, и увидѣла, что лицо ея очень серьезно. Я подошла къ ней по ыкновенію. Она также по обыкновенію пригласила меня въ брил- антовую комнату. Войдя я подошла къ ней и сказала: „Я очень рчена за мою оплошность и прошу васъ извинить меня", и не въ ей времени принять гнѣвный тонъ, поцѣловала ей руку, а она ня въ щеку. Выславъ своего парикмахера-француза, она мнѣ ска- ла:

«— Признайтесь, однако, что это непріятно.

«— Признаюсь, и потому-то меня это огорчаетъ.

«— Мнѣ мѣшаютъ дѣлать добро; я сдѣлала его столько, сколько огла, и для отдѣльныхъ лицъ, и для страны; неужели и здѣсь хо- тъ надѣлать такихъ же ужасовъ, какъ во Франціи.

«— Надѣюсь, что у насъ совсѣмъ нѣтъ такихъ безумцевъ.

«— Но вы видите, однако, что они есть.

«— Никогда не слышала я другого мнѣнія и другихъ желаній, къ только, чтобъ ваше царствованіе продолжалось.

«— Есть неблагодарные и двоедушные люди, а когда у человѣка урное сердце—онъ желаетъ несчастія другимъ.

«— Извините, государыня, но одно дурное сердце не можетъ произ- есть этого; для этого нужно еще помѣшанную голову, ибо дурное ердце можетъ стремиться къ злобѣ и мщенію, но не можетъ же- ать ни собственнаго несчастія и несчастія дѣтямъ своимъ, ни пото- ковъ крови.

«— Если государь — зло, то это зло необходимое, безъ котораго невозможны ни порядокъ, ни спокойствіе.

«— Ваше величество ужъ сдѣлали мнѣ честь и прежде высказать ту трогательную въ устахъ государя мысль, и я уже отвѣчала вамъ, что въ ваше царствованіе никто и никогда не подумаетъ, что госу- дарь—зло.

«— Что касается меня, я могу очень хорошо вынести все то, что̀ бо мнѣ скажутъ, и если преступленіе быть на томъ мѣстѣ, гдѣ я нахожусь (ибо я признаюсь, я не имѣю на него правъ ни по рожде- нію, ни другихъ), то это преступленіе вы раздѣлите со мною.

«Я посмотрѣла на нее пристально и имѣла также возражать на ту мысль и признаніе. Она продолжала такъ:

«— Вотъ уже другое сочиненіе подобнаго рода,—первое раньше явилось, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже.

«—Въ теченіе одиннадцатилѣтняго президентства моего въ ака- деміи, это первая вещь которая проскочила. Тоже трагедія это была?

«—Нѣтъ, путешествіе [1]). Теперь стану ждать третьяго.

«— Мнѣ кажется, что я знаю, чтó вы разумѣете, государыня; этотъ счетъ есть анекдотъ извѣстный многимъ лицамъ. За годъ напечатанія этого сочиненія, авторъ издалъ жизнь одного изъ сво друзей, который пилъ, ѣлъ, спалъ и умеръ, какъ и всѣ, не сдѣла ровно ничего замѣчательнаго. Разъ, когда мы были въ русской а деміи, г. Державинъ, говоря о маломъ знаніи у насъ русскаго язы о томъ, что у насъ не понимаютъ значенія словъ, а между тѣмъ п тендуютъ на авторство, сказалъ, что онъ только что прочелъ глуп книгу Радищева [2]) на счетъ одного изъ его умершихъ друзей, и сп силъ меня, читала ли я ее. На отрицательный мой отвѣтъ и на з мѣчанія, что я не думаю, чтобы книга была глупа, потому что а торъ ея не глупъ, онъ приказалъ ее принести (онъ жилъ тогда академіи) и далъ мнѣ. Прочитавъ ее, я ясно увидѣла, что онъ по ражаетъ Стерну, автору „Сантиментальнаго Путешествія“, что о читалъ Клопштока и другихъ нѣмецкихъ писателей, не понимая и и я многимъ говорила, что онъ запутался въ метафизикѣ и потерял голову. Я предсказала подобное же Зуеву и еслибъ у него не бы жены, которая заботится о немъ, его пришлось бы запереть въ с масшедшій домъ.

«— Кто это Зуевъ?

«—Это академикъ, сказала я.

«Затѣмъ мы стали говорить о Гершелѣ, о его телескопѣ» и пр.

Изъ писемъ Радищева къ графу Александру Романовичу вид какое теплое участіе принималъ послѣдній въ судьбѣ несчастна автора „Путешествія“. Онъ пишетъ тверскому губернатору, прося е принять участіе въ судьбѣ Радищева, отправленнаго въ Сибирь, снабдить его всѣмъ необходимымъ, для чего послалъ губернато 200 рублей. „Вы усугубите еще ваше одолженіе, говоритъ онъ, кот рое я конечно съ признательностію приму, когда при отправленіи е изъ Твери препоручите тому, на кого возложено будетъ изъ Тве его отвезть, чтобъ онъ съ нимъ поступалъ человѣколюбиво, а не н нѣе еще признателенъ я буду вашему пр—ву, когда меня увѣдом те, въ какомъ онъ состояніи въ Тверь привезенъ, и когда оттуда какимъ образомъ отправленъ“. Въ этомъ же письмѣ есть слѣдующі строки: „Радищевъ, до несчастія своего издавна мнѣ не токмо бы знакомъ, *но и любилъ я* его, такъ какъ прежнее его поведеніе оно и заслуживало, такъ что никогда и уповать не можно было, чтоб онъ впалъ въ толь неожиданное преступленіе, никакъ не соотвѣт-

---

[1]) Дѣло идетъ о книгѣ Радищева, и Дашкова притворяется, что не знаетъ о чемъ идетъ дѣло.

[2]) Дѣло идетъ о сочиненіи Радищева «Житіе Ушакова».

твующее прежнему его поведенію". Онъ заботится о воспитаніи его
тей, посылаетъ ему книги и журналы, физическіе инструменты,
редлагаетъ деньги и проч. Письма Радищева, частью на француз-
комъ языкѣ, частью на русскомъ, звучатъ искреннею благодарно-
ью, и свидѣтельствуютъ о томъ, что Радищевъ былъ человѣкомъ и
росвѣщеннымъ и наблюдательнымъ. Европейская литература и пе-
одическая печать живо его интересуютъ. Онъ то и дѣло обращаетъ
ниманіе графа то на ту, то на другую политическую брошюру, за-
авія которыхъ ему удается вычитать изъ каталоговъ. Вы видите въ
ой перепискѣ человѣка свободномыслящаго, живого. Онъ сообщаетъ
рафу свои наблюденія въ Сибири, говоритъ о народѣ, о его нравахъ
обычаяхъ, о торговлѣ и промыслахъ. Видно, что онъ жилъ тамъ не
раздно, предаваясь отчаянію, а принимая участіе въ окружающемъ.
тобы судить о литературномъ талантѣ Радищева, необходимо про-
итать нѣкоторыя его письма на французскомъ языкѣ: по-русски онъ
салъ тяжело, но французскій языкъ даетъ ему полную возможность
ртинно и образно выражать свои мысли. И странное впечатлѣніе
роизводятъ его русскія письма рядомъ съ французскими: въ самомъ
зыкѣ первыхъ есть что-то принижающее, неуклюжее; между тѣмъ
къ, читая французскія письма, чувствуешь словно другого человѣ-
а, свободнаго, живого, впечатлительнаго, краснорѣчиваго. Эта пере-
иска наводитъ на мысль ближе узнать отношенія Воронцовыхъ къ
адищеву и то вліяніе, которое имѣлъ графъ Александръ Романо-
ичъ на автора „Путешествія"; это новая фаза въ исторіи знамени-
ой книги, заслуживающая, по нашему мнѣнію, серьезнаго изслѣдо-
анія. Невозможно вѣрить искренности допросныхъ отвѣтовъ Ради-
щева, который, напр., на вопросъ: «съ какимъ намѣреніемъ писали
я сію книгу?» отвѣчалъ: „Главное мое намѣреніе въ сочиненіи сей
книги состояло въ томъ, чтобъ прослыть писателемъ и заслужить въ
публикѣ гораздо лучшую репутацію, нежели какъ объ немъ думали
о того; впрочемъ теперь при объясненіи о ней и самъ онъ видитъ,
то она наполнена пустыми, дерзкими и развратными выраженіями,
чемъ отъ всего сердца жалѣетъ». Допросные пункты и отвѣты на
нихъ, какъ и замѣчанія на книгу самой императрицы, помѣщены въ
четвертой же книгѣ „Архива князя Воронцова". Тутъ же помѣщены
«Повинная Радищева, въ которой разсказываетъ, какъ пришла ему
первая мысль о написаніи книги, откуда онъ заимствовалъ «дерзно-
венныя выраженія и неприличной смѣлости» и проч.

Что касается второй книги «Девятнадцатаго вѣка», то большая
часть ея занята сочиненіемъ Н. И. Ушакова «Записки очевидца о
войнѣ Россіи противу Турціи и западныхъ державъ (1853 — 1855)".
Къ этому сочиненію исполненному интереса, больше для военныхъ
людей, мы, быть можетъ, вернемся, когда выйдутъ остальные томы

„Севастопольскаго Сборника", предпринятаго Е. И. В. Наслѣдник Цесаревичемъ; самыя „записки" эти какъ нельзя больше шли этотъ „Сборникъ" и составили бы его украшеніе. Изъ остальн матеріаловъ, помѣщенныхъ въ „Девятнадцатомъ вѣкѣ" заслуживаю вниманія письма знаменитаго графа Растопчина къ князю П. Циціанову, записка Пушкина о народномъ образованіи, представл ная имъ императору Николаю Павловичу и записки о разныхъ пр положеніяхъ по предмету освобожденія крестьянъ съ 1826 — 18 Тутъ находятся проекты Аракчеева, Мордвинова, Сперанскаго, Меньшикова, гр. Перовскаго, С. П. Шипова, кн. Друцкаго-Соколинск и др., которые вели къ „секретнымъ" и „весьма секретнымъ коми тамъ", дѣятельность которыхъ, какъ извѣстно, осталась безъ резуль товъ. Письма графа Растопчина полны желчи и будированія. По вліянія своего при дворѣ Павла, онъ жилъ то въ деревнѣ, занима хозяйствомъ, то въ Москвѣ, и конечно, былъ не доволенъ тѣмъ рядкомъ вещей, который наступилъ въ первые годы царствова Александра. Онъ очевидно предпочиталъ мѣры покойнаго императо когда онъ пользовался значеніемъ. На смѣлые приговоры надъ люд ми новаго царствованія онъ чрезвычайно скоръ, и поэтому часто пр тиворѣчитъ себѣ; но въ его письмахъ есть любопытныя замѣтки, сквозь злость и оскорбленное самолюбіе иногда виднѣется смѣл правда; но конечно, правда эта не въ такихъ замѣчаніяхъ, какія о позволяетъ себѣ относительно намѣреній Александра I освобод крестьянъ, или такихъ какъ „развратность нравовъ дошла у насъ того, что нѣтъ ничего святаго". Вотъ нѣсколько отрывковъ друго порядка: „Правда ли, что Кнорингъ, ѣздя лѣтомъ по Тифлису, заст лялъ себя обмахивать двумъ ѣздовымъ, по сторонамъ его карет ѣзжавшими? Это хоть бы Павлу Сергѣевичу" (Потемкину, котор дѣйствовалъ самовластно на Кавказѣ въ царствованіе Екатерины II „Въ Москвѣ всѣ спились оттого, что гр. Иванъ Петровичъ Салт ковъ и князь А. Борисовичъ Куракинъ, желая — одинъ за сына, другой — за себя, дочь богатыря Орлова, въ угодность ему пьют мертвую чашу". „Вотъ, наконецъ, и гр. Аракчеевъ опять главою вс артиллеріи. Дай Богъ ему пожить и чтобъ онъ не привелъ въ нен висть и этого государя, какъ покойника". „Всѣ говорятъ о нов (князя Циціанова) осенней компаніи, и незнающіе положенія вещ воображаютъ, что возобновляется персидская кампанія. Глупые ду маютъ, что сіе дѣлаетъ гр. Вал. Зубовъ (бывшій въ милости у имп Александра) для предводительства надъ войсками; но онъ, я думаю, до того краю и не охотникъ, да и держится истиннаго правила, что отъ государей и отъ любовницъ отлучаться не должно". „Дядюшка мой Карамзинъ, сдѣланный исторіографомъ съ 2000 р. пенсіона, за-бывъ свою жену (недавно умершую) и отчаяніе, сговоренъ на до-

і князя Андрея Ивановича Вяземскаго. Онъ влюбляется головою. частіе и несчастіе его истекають изъ глазъ". Объ императорѣ ксандрѣ онъ говоритъ: „Крезъ добрыми намѣреніями, но нищій лнителями". „Кочубей въ напечатанномъ проектѣ, для отвраще-бѣдъ отъ неурожая, полагаетъ въ Смоленской губерніи жатву со-съ оконченною къ 1-му числу іюля". „Я видѣлъ отъ Васильева осъ въ орловскую казенную палату объ оброчныхъ статьяхъ, ли онныя; а онъ министръ финансовъ!" „Не могу удержаться, ъ не сообщить тебѣ глупость тверскаго губернатора кн. У. На вошла къ государю просьба отъ бѣдной барыни, что К. — ис-никъ пріѣзжалъ къ ней, рылъ въ домѣ у крестьянина ея, раво-ь дворъ и пр. Сенатъ потребовалъ отъ губернатора объясненія и чалъ въ отвѣтъ, что онъ, узнавъ, что у сего крестьянина есть ный кладъ, и увѣрясь по словамъ К. — исправника о дѣй-і разрывъ-травы, отправилъ его для сысканія клада, имѣя въ ви-динственно казенную прибыль. Сенатъ написалъ къ губернатору, онъ сдѣлалъ неприличное и вѣрно былъ не въ здравомъ разсуд-Однакоже У. остался правителемъ губерніи". «Я не очень до-ть, что Чичаговъ и Румянцевъ въ Совѣтѣ; первый отъявленный инецъ (?!) на аглицкую стать, а второй съ рѣдкимъ умомъ при-ный философъ». Выхваляя Адама Чарторижскаго, который былъ омъ князя Цицiанова, Растопчинъ замѣчаетъ: «Ему должно было ала знать, что его пребываніе и просто у двора сопряжено бу-со всякаго рода затрудненіями, кольми паче въ дѣлахъ такихъ, самые честные люди подвержены не довольно хуленію, но и по-ѣніямъ, единственно по естеству дѣлъ, кои покрыты тайною, а о и неизвѣстностью. Онъ справедливо чувствуетъ, что ему, бывъ траннымъ для Россіи, еще труднѣе природнаго держаться въ такое д, гдѣ довѣренность и любовь самаго царя не весьма сильная а. Всѣ заражены мыслію, что онъ скрытный врагъ Россіи и первый окъ вольности, коею стращаетъ дворянство. Но, какъ бы то ни , зная всѣхъ вельможъ, я скажу тебѣ, что, смѣня Чарторижска-а мѣсто его ни единаго человѣка нѣтъ. К. — оселъ, Марковъ — гатель, П.—злодѣй, Разумовскій—цесарецъ, а Семіонъ — Питова ; Румянцевы, Николай—враль, а Сергѣй вѣчно закуся удила но-я. Прочіе же изъ тѣхъ, кои употреблены по иностранной части, овина плутовъ, а другая годная быть тѣмъ, гдѣ есть". Вотъ еще зчикъ столь же рѣзкихъ приговоровъ: «Войну затѣяли (1805 г.)— Богъ хорошій конецъ! На командировъ, правду сказать, надѣять-трудно. Кутузовъ, коего нѣмецкіе принцы загоняютъ; Буксгевденъ акъ безсчетный, а Бенигсонъ и Михельсонъ на все готовы, а своего дѣла не знаютъ. Цесарцы захотѣли отвѣдать еще французскихъ ераловъ и увѣрены, что успѣхъ вѣрный отъ того, что Тугута нѣтъ

въ дѣлахъ, — будто Кобенцель лучше. Но государю нашему, имѣв уже оспу и корь, должно имѣть и союзъ съ Англіей и Цесаріею". Мы извиняемся передъ читателями за эти безсвязныя выписки, но иначе нельзя пользоваться письмами Растопчина, занимающими въ „Девятнадцатомъ Вѣкѣ" 113 страницъ и большею частію наполненными подробностями, никакого интереса не имѣющими. Послѣднія строки написанныя графомъ, были—о кончинѣ Александра. Онъ очевидно къ ней совершенно равнодушенъ. „Имп. Александръ скончался въ Таганрогѣ, говоритъ онъ, городѣ, въ который въ прошлое столѣтіе ссылали преступниковъ. Бальзамированіемъ тѣла его, конечно, занимался хирургъ его Вилье. Вечеромъ пріѣзжала Гальяни (урожденная Свѣчина), съ соболѣзнованьями. Только потому, что она иностранка, ей два раза давали 50,000 р. на путешествія и дана пожизненная пенсія въ 4,000 руб. Имп. Александръ любилъ, чтобъ въ чужихъ краяхъ его восхваляли". О впечатлѣніи, произведенномъ смертью императора, Растопчинъ говоритъ: „Народъ равнодушенъ; дворянство, раздражаемое, разоренное и презираемое, довольно; военные надѣются, что ихъ менѣе будутъ мучить".

„Записка о народномъ воспитаніи" Пушкина сама по себѣ не представляетъ ничего замѣчательнаго, но по отношенію къ характеристикѣ поэта не лишена своего значенія. Въ 1826-мъ году 8-го сентября Пушкинъ былъ необыкновенно милостиво принятъ имп. Николаемъ въ Москвѣ. Сколько извѣстно, государь продолжительно бесѣдовалъ съ нимъ, между прочимъ о 14-мъ декабря и о намѣреніяхъ своихъ дать прочное основаніе и направленіе воспитанію юношества и вообще народному образованію. Въ теченіи разговора онъ приказалъ Пушкину письменно изложить свои мысли по этимъ предметамъ. Вслѣдствіе этого приказанія и была составлена упомянутая записка, довольно безхарактерная. Пушкинъ говоритъ, разумѣется, о необходимости просвѣщенія и, признавая, что „уничтоженіе чиновъ представляетъ великія выгоды", совѣтуетъ однако представить чины цѣлію и достояніемъ просвѣщенія. Не совѣтуетъ запрещать воспитанія заграничнаго и приводитъ такой примѣръ: „Мы видимъ, что Николай Тургеневъ, воспитывавшійся въ Гетингенс. университетѣ, несмотря на свои заблужденія и свой политическій фанатизмъ, отличался посреди своихъ буйныхъ сообщниковъ нравственностію и умѣренностію правилъ, слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго и положительныхъ познаній". Въ кадетскихъ корпусахъ онъ совѣтуетъ уничтожить тѣлесное наказаніе: „надлежитъ заранѣе внушить воспитанникамъ правило чести и человѣколюбія. Не должно забывать, что они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатомъ. Слишкомъ жестокое наказаніе дѣлаетъ изъ нихъ палачей, а не начальниковъ". Далѣе онъ говоритъ противъ изученія латинскаго и греческаго языка. „Позволи-

льна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходи-го"? Мысли его о преподаваніи исторіи въ высшихъ классахъ со-шенно здравы и смѣло высказаны: „Можно будетъ съ хладнокро-ъ показать разницу духа народовъ, источникъ нуждъ и требова- государственныхъ; не хитрить, не искажать республиканскихъ раз-деній, не позорить убійства Кесаря, превознесеннаго 2000-ми лѣтъ; представить Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ поста-леній отечества, а Кесаря честолюбивымъ возмутителемъ. Вообще должно, чтобы республиканскія идеи изумили воспитанниковъ при пленіи въ свѣтъ и имѣли для нихъ прелесть новизны".

ченія Державина съ объяснительными примѣчаніями *Я.* Грота. Изданіе Имп. деміи Наукъ. Томъ седьмой. Сочиненія въ прозѣ. Спб. 1872. Стр. XVII + 757.

Этимъ томомъ г. Гротъ закончилъ свой огромный трудъ по изда- сочиненій Державина; слѣдующій томъ будетъ посвященъ біогра- Державина, для которой матеріалы уже собраны, а отчасти и раз-ботаны. Мы говорили уже не разъ о значеніи труда г. Грота и таемъ излишнимъ повторять свое мнѣніе еще разъ; но намъ ка-тся не безполезнымъ сказать о содержаніи этого тома. Онъ почти ъ занятъ дѣловыми записками Державина, которыя онъ писалъ от-ти по собственной инціативѣ, отчасти вызванный къ тому прави-льствомъ. Тутъ нѣсколько бумагъ, относящихся къ пугачевщинѣ, фиціальныя записки по управленію имъ Олонецкой губерніей, записка Бѣлоруссіи и о евреяхъ, о правахъ сената, проектъ устава третей-го суда, мнѣніе объ астраханскихъ рыбныхъ ловляхъ, о срокѣ служ- дворянъ, мечты о хозяйственномъ устройствѣ военныхъ силъ Рос-, мнѣніе о оборонѣ имперіи на случай покушенія Бонапарта, нѣ-лько литературныхъ произведеній, писемъ и проч. и проч. Томъ тавился огромный. Просматривая эти сочиненія, прежде всего об-щаешь вниманіе на то странное обстоятельство, что языкъ Держа-на въ нѣкоторыхъ дѣловыхъ запискахъ, напр. о Бѣлоруссіи, очень ошъ сравнительно съ его прозаическимъ языкомъ. Извѣстно, что озою онъ писалъ тяжело въ такой степени, что чтеніе „Записокъ", о, несмотря на весь ихъ интересъ, составляетъ трудъ немаловажный; ржавинъ, принимаясь за литературное произведеніе, какъ будто счи-лъ своею обязанностію продолжать традиціи литературнаго языка рвой половины XVIII-го столѣтія и является крайне неуклюжимъ, и тъ же Державинъ, принимаясь за дѣловую записку, говорилъ язы-мъ современнымъ, довольно чистымъ и яснымъ, не злоупотребляя инными періодами. Желающіе провѣрить это могутъ сравнить, на-примѣръ, записку его о Бѣлоруссіи, относящуюся къ 1800 г., и пре-дисловіе къ изданію его сочиненій 1808 г. Нельзя сказать, чтобы

между ними не было родства, но всякій увидитъ, что тутъ являются какъ бы два человѣка, современники, изъ которыхъ одинъ пишетъ свободно, другой придумываетъ каждую фразу и высиживаетъ ее. Есть еще болѣе раннія доказательства того же раздвоенія Державина-сочинителя и Державина-чиновника; это письмо его къ калмыкамъ, или лучше сказать увѣщаніе къ нимъ не служить Пугачеву, между прочимъ весьма непонравившееся Екатеринѣ: „Кто вамъ сказалъ, что государь Петръ III живъ? Послѣ одиннадцати лѣтъ смерти его откуда онъ взялся? Но еслибъ онъ былъ и живъ, то пришелъ ли бы онъ къ казакамъ требовать себѣ помощи? Нѣтъ развѣ на свѣтѣ государей, друзей его и сродниковъ, ктобъ за него вступился, кромѣ бѣглыхъ людей и казаковъ? У него есть отечество, Голштинія, и свойственникъ, великій государь прусскій, котораго вы ужасъ и силу, бывши противъ его на войнѣ, довольно знаете“. Очевидно, Державинъ могъ писать хорошо по своему времени и прозою, но онъ былъ скованъ литературными преданіями и не считалъ возможнымъ простымъ языкомъ говорить въ произведеніяхъ, которыя должны были явиться передъ публикой, какъ его „сочиненія“. Въ этомъ томѣ есть еще рѣчь, сказанная въ Тамбовѣ однодворцемъ Захарьинымъ при открытіи народныхъ училищъ въ 1786 году, но сочиненная Державинымъ. Рѣчь довольно напыщенная, но слогъ ея опять-таки весьма недуренъ: Державинъ „спускался“, такъ сказать, до народа, до болѣе или менѣе простой рѣчи съ высотъ Парнаса, гдѣ позволялось говорить только неуклюжимъ образомъ.

Рѣчь эту Державинъ выдалъ за сочиненіе однодворца Захарьина съ тѣмъ, чтобъ произвести эффектъ открытіемъ народныхъ училищъ въ Тамбовѣ, чего и достигъ. Онъ искусно приготовилъ цѣлую сцену: когда торжественная процессія двигалась изъ храма въ училище, Захарьинъ вдругъ явился передъ нею и сказалъ: „Дерзаю остановить тебя, почтенное собраніе, среди шествія твоего“, и пошелъ, и пошелъ. Въ рѣчи этой есть мѣста характерныя, напр. о сходствѣ человѣка съ животнымъ: „Сію непостижимую сложность ни въ какихъ тваряхъ лучше, кажется, предопредѣлить не можно, какъ между дикими людьми и обезьянами. Въ самомъ дѣлѣ, ежели отнять даръ смысла и даръ слова отъ готентота, то какое животное ближе его сравниться можетъ съ орангутангомъ? Сія обезьяна какъ организаціею внутреннихъ чувствъ, такъ и наружнымъ устроеніемъ тѣла имѣетъ удивительное сходство съ человѣкомъ. Подобно и всѣ дѣйствія людей дикихъ весьма сходствуютъ съ механическимъ движеніемъ безсловесной твари“, и проч. Затѣмъ слѣдуетъ мастерская, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, характеристика неграмотной черни. „Не имѣя расширеннаго нужными свѣдѣніями разума, ни исправленнаго добрыми навыками сердца, весьма близко она подходитъ къ орангутангамъ,

юнгамъ, іокамъ и тому подобнымъ безсмысленнымъ и безсловеснымъ животнымъ. Они или свирѣпствуютъ, устремляясь за добычею, или погружаются въ сонъ, насытясь оною. Съ самаго начала свѣта лѣтописи царствъ земныхъ представляютъ намъ ее, въ разсужденіи различныхъ ея дѣйствій, подобною медвѣдицѣ, которую поводильщикъ, восхитивъ съ самой ея младости изъ берлоги, продѣвъ ей въ ноздри кольцо, водитъ всюду за собою, то приласкивая ее пищею, то усмиряя дубиной, повелѣваетъ лежать или прыгать по своему произволенію. Часто, наполняя слѣды свои кровью, разсвирѣпѣвъ, растерзывала она и своихъ поводильщиковъ. Часто, утомленная голодомъ, поневолѣ плясала, коверкалась и оказывала странныя дурачества, или, живя на свободѣ, скиталась по пустынямъ, бродила туда и сюда, съѣдала меньшихъ себя животныхъ и засыпала въ ямахъ". По силѣ и образности, это сравненіе черни съ медвѣдицею прекрасно: оно вырвалось у него также свободно, какъ вырывались у него иногда безподобные стихи, проникнутые жаромъ и смѣлостью, за которые на него косились и ворчали и онъ, превращаясь изъ вдохновеннаго поэта въ поденщика, спѣшитъ загладить ихъ пустозвонными и надутыми одами. Державинъ понималъ великое значеніе народныхъ училищъ и заставилъ однодворца Захарьина восхвалять за основаніе ихъ Екатерину превыше всѣхъ прежнихъ государей и даже Петра: „Вы основали духовную и свѣтскую академіи, а она—народныя школы! Вы обучали дворянъ и духовенство, а она, усугубя ваши заведенія, просвѣщаетъ чернь! Кто изъ васъ болѣе?" Есть въ этой рѣчи и черта времени, сильно отмѣченная Державинымъ: „сія прозорливая монархиня обратила человѣколюбивый взоръ свой на простой народъ, и, *не взирая на адскую политику коварныхъ умовъ*, что ни обогащать, ни научать черни не должно, повелѣла установить и открыть нынѣ народныя школы". Адская политика коварныхъ умовъ, какъ видно, у насъ не со временъ „Вѣсти": она тянется столѣтіе, усугубляясь и постоянно измышляя новыя пружины, и когда нѣтъ возможности противустоять общему теченію, она, прикрываясь практическими цѣлями, яко бы одобренными всею Европой, съуживаетъ рамки просвѣтительныхъ средствъ. Странно читать эту рѣчь, почти столѣтіе тому назадъ произнесенную: точно выходецъ изъ могилы становится передъ нами и ядовито-насмѣшливо улыбается и глумится надъ нами. Начало народнымъ училищамъ было положено въ 1786-мъ году, и съ того года вплоть до настоящаго времени народныя училища все еще въ зачаточномъ состояніи, какъ будто и не прошло съ тѣхъ поръ 86-ти лѣтъ...

Говоря о „Запискахъ" Державина въ прошломъ году, мы старались показать, что при отсутствіи образованія, онъ обладалъ большимъ здравомысліемъ, которое помогало ему находиться въ важныхъ государственныхъ вопросахъ и подавать мнѣнія, заслуживающія внима-

нія. Напечатанныя въ этомъ томѣ „мнѣнія“ его и доклады какъ нель лучше это доказываютъ. Державинъ, конечно, былъ консерваторо но консерваторомъ на свой образецъ, безъ тѣхъ строго проводимы этой партіей принциповъ, которые дѣлаютъ ее столь антипатично онъ былъ человѣкомъ чувства, а не убѣжденій, консерваторомъ-лир комъ, консерваторомъ-славянофиломъ; въ немъ въ самомъ дѣлѣ бы нѣчто славянофильское—искренняя любовь къ Россіи, вѣра въ ея б дущее, честность, любовь къ народу; но все это въ той лишь мѣр въ какой подсказывало ему это чувство и подтверждалъ опытъ; опытъ онъ держался какъ за якорь спасенія по той простой причи что онъ не могъ замѣнить его образованіемъ, котораго онъ не пол чилъ: „насъ научали тогда (т.-е во время его юности), говоритъ о вѣрѣ—безъ катихизиса; языкамъ—безъ грамматики; числамъ и изм ренію — безъ доказательствъ; музыкѣ — безъ нотъ и тому подобно Книгъ, кромѣ духовныхъ, почти никакихъ не читали, откуда бы мож было почерпнуть глубокія и обширныя свѣдѣнія царственнаго пра ленія“. Онъ былъ самоучкой, отсюда и всѣ противорѣчія въ его по зіи и жизни, отсюда его нѣсколько странный консерватизмъ, прерыва шійся довольно часто вспышками самого яраго либерализма; не д ромъ же въ придворной сферѣ онъ слылъ иногда якобинцемъ. Быв самоучкой, онъ не могъ себѣ усвоить идеала государственнаго че вѣка достаточно: онъ носился передъ нимъ въ туманномъ образѣ столько, что Державинъ хорошо понималъ, что не составляетъ истинна государственнаго человѣка, но не совсѣмъ хорошо, что́ составляетъ ег Доказательство этому мы находимъ также въ настоящемъ томѣ, имен „Разсужденія о достоинствѣ государственнаго человѣка“; оно сохр нилось въ трехъ редакціяхъ, и всѣ онѣ не кончены. Державинъ пре назначалъ его для прочтенія въ Бесѣдѣ любителей Р. Слова, собл зненный успѣхомъ сочиненія Шишкова о любви къ отечеству, чита номъ въ томъ же литературномъ обществѣ. Мы полагаемъ, что Держа винъ не окончилъ этого сочиненія потому, что не могъ, потому, что у него не хватало данныхъ для обрисовки истиннаго гоударственнаго человѣка. „Онъ благочестивъ, изъ дѣтства напоенъ страхомъ божіимъ, яко началомъ всякой премудрости“ — такимъ общимъ мѣстомъ началъ-было онъ упомянутую характеристику; но отрицательныя стороны типа государственнаго человѣка Державинъ представилъ ярко: „Я хочу изобразить, говоритъ онъ, не того любимца монарха, который близокъ къ его сердцу, обладаетъ его склонностями, имѣетъ рѣдкій и завидный случай разливать его благодѣянія, пріобрѣтая себѣ друзей, ежели ихъ тѣмъ пріобрѣсти можно. Не того расторопнаго царедворца, который по званію своему лично обязанъ угождать государю, изыскивать для облегченія его тяжкаго сана пріятное препровожденіе времени, увеселенія, забавы, поддерживая порядокъ и вели-

жителіе двора его. Не того царскаго письмоводца, трудящагося таинственно во внутреннихъ чертогахъ его, изливающаго въ красивомъ слогѣ мысли его на бумагу. Нѣтъ, но того открытаго, *обнародованнаго* дѣльца, который удостоенъ засѣдать съ нимъ въ совѣтахъ, имѣетъ право непосредственно предлагать ему свои умозрѣнія, того облеченнаго великою силою дѣйствовать его именемъ и отличеннаго блистательнымъ, но вкупѣ и опаснымъ преимуществомъ свидѣтельствовать, скрѣплять или утверждать его высочайшіе указы своею подписью, отвѣчая за пользу ихъ честью и жизнію. Словомъ, я хочу описать посредника между трономъ и народомъ". Для человѣка, только искусившагося въ практической жизни и видѣвшаго только свою русскую среду, эта задача была тѣмъ труднѣе, что въ дѣйствительной жизни не представлялось ему идеальнаго государственнаго человѣка.

Между записками Державина, помѣщенными въ этомъ томѣ, первое мѣсто принадлежитъ, конечно, „Мнѣнію объ отвращеніи въ Бѣлоруссіи голода и устройствѣ быта евреевъ". Державинъ былъ отправленъ въ Бѣлоруссію на ревизію и мнѣніе это—результатъ его наблюденія. Мы и здѣсь встрѣчаемся съ тѣмъ же качествомъ Державина, о которомъ уже говорили: онъ рисуетъ настоящее положеніе края яркими чертами, отъ него не ускользнуло почти ничего изъ того, что дѣлаетъ положеніе народа тягостнымъ и невыносимымъ; какъ честный наблюдатель, какъ репортеръ, онъ исполнилъ свое дѣло замѣчательно хорошо; характеристики его бѣлоруссовъ, поляковъ и евреевъ вѣрны, иногда глубоки и проницательны, но онъ оказывается мало состоятельнымъ, когда приходится подавать совѣты для излеченія зла. Тутъ вы тотчасъ же видите человѣка неглубокаго, выѣзжающаго на полумѣрахъ и большого любителя пространной регламентаціи. Несмотря на это, записка его о евреяхъ имѣетъ значеніе и въ настоящее время: это одно изъ обстоятельныхъ изслѣдованій о евреяхъ, написанное русскимъ человѣкомъ; многое изъ того, что замѣтилъ Державинъ у евреевъ ненормальнаго, вреднаго, несогласнаго съ общими законами, которыми управляется имперія, до сихъ поръ существуетъ и приноситъ такой же вредъ, какъ самому еврейскому населенію, такъ и той средѣ, гдѣ оно поселено. Державинъ справедливо говоритъ, что еврейскіе „кагалы—опасный status in statu, которыя благоустроенное политическое тѣло терпѣть не долженствуетъ: въ Пруссіи они уничтожены. Денежные сборы („священный", коробочный, каширный) болѣе къ угнетенію ихъ народа, нежели къ пользѣ служатъ, и по собственному ихъ хвастовству, вино у корчмарей для простаго народа, а деньги для кабальныхъ у прочихъ, суть такіе мечи, противъ которыхъ рѣдко кто устоитъ" и проч. Свое изслѣдованіе Державинъ сопровождаетъ цѣлымъ проектомъ новаго устройства евреевъ; этотъ

проектъ также заслуживаетъ вниманія, хотя въ немъ есть и курьезы въ родѣ слѣдующаго, относящагося къ платью, которое должны носить евреи, во избѣжаніе среди нихъ роскоши: „первой гильдіи еврейским купцамъ и ихъ женамъ носить шелковыя и другія всякія матеріи и украшаться драгоцѣнными камнями, также золотомъ и серебромъ; второй гильдіи шелковое платье, серебро и корольки; третьей гильдіи—бумажное, суконное и полотняное тонкое, бисеръ и прочія малыхъ цѣнъ вещи; четвертому классу, то есть поселянамъ, суконное сермяжное и толстое холщевое. Хозяева однако могутъ употреблять крашеные синею краскою, но только не по жидовскому покрою“. Замѣчательна живучесть именно такихъ регламентацій: многимъ, что есть дѣйствительно дѣльнаго въ проектѣ Державина, до сихъ поръ у насъ еще не воспользовались, но параграфъ о платьѣ, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, какъ извѣстно, введенъ въ прошломъ году въ царствѣ польскомъ.

Въ „Мечтахъ о хозяйственномъ устройствѣ военныхъ силъ Россійской Имперіи“, есть также дѣльныя мысли, осуществляющіяся только въ настоящее время, какъ, напр., о необходимости практическихъ занятій для офицеровъ и генераловъ (стр. 453), или слѣдующій совѣтъ: „весьма недурно было бы занять войска работою за особенную умѣренную плату, какъ-то строеніемъ крѣпостей, рытьемъ каналовъ, подчисткою лѣсовъ, исправленіемъ дорогъ и проч., ибо съ одной стороны сіе отвращало бы ихъ отъ праздности и разслабленія, а съ другой полезно было бы и землѣ“.

Объ отношеніи государства къ народному образованію. Сочиненіе *Антона Окольскаго*, экстраординарн. профессора варшавскаго унив. Спб. 1872. Стр. 626+II.

Книга эта очень кстати является въ настоящее время; она можетъ служить дополненіемъ „Самоуправленія“ князя Васильчикова по вопросу о народномъ образованіи, хотя нельзя сказать, чтобъ особенно важнымъ дополненіемъ. Г. Окольскій задался широко: „я считалъ соотвѣтственнымъ,—говоритъ онъ,—сперва изслѣдовать исторически отношеніе государства къ народному образованію, чтобы въ результатѣ узнать, какія препятствія затрудняли распространеніе просвѣщенія въ народѣ; впослѣдствіи перейдти къ изслѣдованію общихъ началъ, на которыя государство въ дѣятельности своей должно опираться; наконецъ, указать отношеніе государства къ отдѣльнымъ вопросамъ, представляющимся въ дѣятельности его относительно народнаго образованія, указать, какое должно быть это отношеніе, чтобы удовлетворить вполнѣ потребностямъ новаго общества“. Если въ этихъ строкахъ вы замѣтите не совсѣмъ стройную русскую рѣчь, то это не бѣда: профессора варшавскаго университета даже изъ русскихъ, какъ

напр. г. Аристовъ, по-русски выражаются плохо; у г. Окольскаго языкъ постоянно хромаетъ, а масса опечатокъ въ его книгѣ вовсе не способствуетъ гармоніи его рѣчи; но у г. Окольскаго есть здравыя сужденія, тогда какъ у нѣкоторыхъ его товарищей и этого нѣтъ. Г. Окольскій ставитъ народное образованіе самою важною задачею государства и общества и беретъ эпиграфомъ въ своей книгѣ извѣстныя слова Ж. Симона: „Народъ, у котораго лучшія школы, есть первый народъ; если онъ сегодня не первый, то будетъ первымъ завтра". Но, широко задавшись, г. Окольскій только повредилъ, въ нашихъ глазахъ, своему сочиненію; онъ хотѣлъ обнять вопросъ о народномъ образованіи въ его всемірной исторіи, и въ частности въ исторіи главнѣйшихъ европейскихъ государствъ; онъ дѣйствительно обнялъ его, но поверхностно, хотя въ изслѣдованіи его больше шести-сотъ страницъ; ему хотѣлось коснуться и грековъ и римлянъ, и начала христіанства, и среднихъ вѣковъ, и новѣйшаго времени; къ тому же подъ „народнымъ образованіемъ" онъ разумѣетъ собственно образованіе низшихъ классовъ народа, образованіе вообще; естественно, что, задаваясь такимъ образомъ, онъ считалъ своею обязанностію написать нѣчто въ родѣ курса всеобщей исторіи по образованію; курсъ вышелъ въ однихъ мѣстахъ неполонъ и поверхностенъ, въ другихъ, менѣе важныхъ, слишкомъ пространенъ; еслибъ г. Окольскій лучше оріентировался, еслибъ онъ сосредоточился на одномъ новѣйшемъ времени и къ тому же не вносилъ въ свое сочиненіе нѣкоторыхъ избитыхъ школьныхъ истинъ, то онъ могъ бы болѣе подробно остановиться на XIX-мъ вѣкѣ, когда собственно и выступилъ впередъ вопросъ о *народномъ* образованіи; книга его выиграла бы тогда и въ живости и въ ясности, ему не пришлось бы такъ разбрасываться, какъ дѣлаетъ онъ это теперь; разумѣется, ко всему этому необходимо было бы владѣть русскимъ языкомъ лучше.

Несмотря однако на всѣ эти недостатки, мы должны сказать, что сочиненіе г. Окольскаго не безполезно для русской публики оно резюмируетъ, иногда очень обстоятельно, исторію народнаго образованія и даетъ понятіе о развитіи школьнаго дѣла у нашихъ сосѣдей по Европѣ, и отчасти у сосѣдей по Великому Океану; въ немъ есть также нѣсколько замѣтокъ о народномъ образованіи въ Польшѣ. Новыхъ взглядовъ и новыхъ фактовъ можно и не искать у нашего автора; онъ большею частію компилируетъ, какъ и всѣ наши ученые; въ Европѣ столько выходитъ сочиненій по всѣмъ вопросамъ, что намъ, быть можетъ, ничего и не нужно, какъ только талантливо компилировать, да выбирать изъ массы вопросовъ такіе, которые наиболѣе намъ близки и необходимы въ данную минуту. Г. Окольскій выбралъ вопросъ очень хорошо, и если слабѣйшая часть его изслѣдованія— исторія русскаго просвѣщенія, то въ этомъ виноватъ не столько онъ,

сколько матеріалы и самая скудость этого просвѣщенія. Принимая внимание эту скудость, тѣмъ удивительнѣе показался намъ панегири скій тонъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его изслѣдованія; онъ говори напр., что мы сдѣлали „громадные шаги" въ дѣлѣ народнаго об зованія въ послѣднее время, хотя, какъ всѣмъ извѣстно, мы не сд лали ничего рѣшительнаго, ничего такого, что́ дѣлается въ настоящ время даже въ Австріи, даже въ Испаніи; не понимаемъ мы так заботы г. Окольскаго о томъ, чтобъ народное просвѣщеніе было с средоточено непремѣнно въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, понимаемъ тѣмъ болѣе, что самъ же г. Окольскій цитируетъ въ о номъ мѣстѣ статью г. Корнилова отъ 1862 г.; г. Корниловъ тоже ст ялъ за централизацію учебнаго дѣла и приводилъ, между прочи такой аргументъ: „мин. народ. просвѣщенія, по самому устройст своему, непричастно никакой другой спеціальной государственн дѣятельности, духовной или свѣтской"; г. Окольскій долженъ б принять въ разсчетъ, что если это такъ было въ 1862-мъ г., то не так оно въ настоящее время, когда мин. народ. просвѣщенія являетс причастнымъ дѣятельности духовной. За то намъ совершенно ясно, по чему у г. Окольскаго данныя относительно народнаго образованія в европейскихъ государствахъ довольно стары; подобно другимъ нашим ученымъ, г. Окольскій не обращался къ непосредственнымъ источникам напр. къ оффиціальнымъ отчетамъ, а выбиралъ что ему нужно бы изъ тѣхъ изслѣдованій, которыя были у него подъ рукою. Такъ напр свѣдѣнія объ Англіи относятся къ 1859—1862 г., а потому заключе нія, построенныя на столь устарѣлыхъ данныхъ, выходятъ непра вильными. Высчитывая расходы Англіи на народное образованіе, г Окольскій приводитъ цифру 1862 г., именно около 800,000 фунтовъ стерл.; между тѣмъ было бы любопытно узнать, какъ колебалась эта цифра въ послѣдующіе годы; намъ извѣстно, что до 1869 г. она опу-скалась, доходя до 636,306 ф. ст.; въ 1869-мъ г. она достигла 840,711 фунт. стерл., въ 1870 г. до 914,721 ф. стерл.; кромѣ того, правительство дало на ирландскія школы въ 1868 г. 360,195 ф. ст., въ 1869 г.— 373,950 ф. ст., слѣдовательно всего въ 1869—70 году правительство отпустило на народныя школы 1,288,671 ф. ст. или больше 9-ти милл. рублей, т.-е. почти столько же, сколько у насъ расходуется на все образованіе вообще по мин. народнаго просвѣщенія. Г. Окольскій легко могъ бы добыть и болѣе свѣжія свѣдѣнія о прогрессѣ грамотности въ Великобританіи, чѣмъ тѣ, которыя онъ приводитъ, почерпая ихъ изъ „Журн. мин. нар. просв." Для этого ему стоило бы только обратиться къ такому извѣстному сборнику, какъ „The Statesman's year-book", гдѣ онъ нашелъ бы данныя не за 1865 г., какія онъ приводитъ, а за 1869 г., публикованныя въ сентябрѣ 1871 г. Мѣрою для сужденія объ этомъ прогрессѣ служатъ брачные списки, на кото-

...ихъ женихъ и невѣста должны подписать свое имя или поставить ...ловный знакъ, въ случаѣ безграмотности. Въ 1841 г. на 100 бра...ковъ приходилось грамотныхъ мужчинъ 67%, въ 1851 г. 69%, въ ...869 г. 75%; грамотныхъ женщинъ: въ 1841 г. 51%, въ 1851 г. ...% и въ 1869 г. 65%. Возрастаніе довольно медленное, но тѣмъ ...нѣе эти факты, что они доказываютъ, какъ туго подвигается гра...мотность даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ правительство тратитъ на на...родное образованіе сравнительно много, и гдѣ общество, съ своей сто...роны, не отстаетъ отъ правительства; какъ же медленно должно это ...было идти у насъ, гдѣ народныя школы получаютъ отъ правитель...ства около 500,000 руб. и отъ общества около милльона и сколь преж...девременнымъ долженъ показаться намъ панегирикъ г. Окольскаго, о ...чемъ мы упомянули выше...

Какъ бы то ни было, мы рекомендуемъ книгу г. Окольскаго вни...манію читателей, которые найдутъ въ ней все-таки довольно обиль...ный матеріалъ для соображеній и сравненій.

Городскіе общественные банки Россіи. Обзоръ ихъ дѣятельности по 1 января 1871 года. *В. Я. Ососова*. Спб. 1872. Стр. 192.

Городскіе банки существуютъ у насъ недавно; до 1857 г. число ихъ не достигало и 20-ти; со временъ нормальнаго положенія 1862 г. по 1870 г. ихъ возникло 171 въ разныхъ городахъ имперіи; въ настоящее время вмѣстѣ съ банками, возникшими до изданія Положенія 1862 г., всѣхъ городскихъ банковъ считается 222. Ежегодно въ „Прав. Вѣстникѣ“ и „Ежегодникѣ Мин. Финансовъ“ появляются своды о дѣятельности городскихъ банковъ, причемъ ежегодно же оказывается, что нѣсколько банковъ не представили своихъ отчетовъ ни въ министерство внутреннихъ дѣлъ, ни въ министерство финансовъ. Являющіеся своды, заключая въ себѣ цифровый матеріалъ, расположенный по рубрикамъ: „обороты банка“, „основной и запасный капиталъ“, „вклады“, „учетъ векселей“, „ссуды“ и проч.; не давало массѣ читателей, помѣщающихъ свои деньги въ банкѣ, почти никакого сколько-нибудь яснаго представленія о дѣятельности и прочности банковъ; вкладчики вѣрили цифрамъ, не повѣряя ихъ, вѣрили рекламамъ, разносившимъ молву о томъ или другомъ банкѣ. Книга г. Ососова есть первый опытъ критически отнестись къ банковымъ отчетамъ, повѣрить ихъ и составить таблицы, изъ которыхъ положеніе банковъ становится яснымъ для всякаго читателя, непосвященнаго даже въ финансовыя операціи; кромѣ того, г. Ососовъ указываетъ пробѣлы въ Положеніи о банкахъ, которые даютъ возможность людямъ недобросовѣстнымъ злоупотреблять довѣріемъ публики и рисковать общественными вкладами, т.-е. громадною суммою народнаго богатства. Вслѣдствіе этого книга г. Осо-

сова, помимо спорныхъ экономическихъ положеній, служащихъ введ ніемъ къ его критической работѣ и, пожалуй, не нужныхъ въ так работѣ, заслуживаетъ общаго вниманія. Общее заключеніе автора дѣятельности банковъ таково: „Доставляя кредитъ промышленному торговому люду провинціи, городскіе банки не всегда поступали дост точно нелицепріятно и тѣмъ самымъ не достигали далеко той польз которую могли бы доставить всѣмъ, чему служитъ доказательство неизмѣнившаяся нищета мѣщанъ и часто скандальныя обогащен нѣкоторыхъ тузовъ, изъ губернскаго и уѣзднаго купечества. Дѣло в томъ, что живительными средствами кредита эти господа распоряжа лись себѣ въ карманъ, оставляя бѣдному обывателю одну будущу отвѣтственность за чужія увлеченія и ошибки. Неумытная справед ливость казны, заводившей банки, не достигла своей цѣли, помоч всѣмъ, и бѣдному и богатому, тогда какъ этой цѣли достигнуть был куда какъ легко, еслибъ получше оградить интересы первыхъ и потуже связать черезъ-чуръ безцеремонныя руки послѣднихъ“. Но принесли ли городскіе банки пользу? Авторъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, но „успѣхъ достигнутъ цѣною черезъ-чуръ большихъ безпорядковъ и, главное, бьющихъ въ глаза безпрерывныхъ нарушеній правъ вкладчиковъ, жителей всей Россіи и самого городскаго общества, подвергающихъ себя всѣмъ послѣдствіямъ этихъ явленій“. Изъ 143 банковъ, отчеты которыхъ были у г. Ососова, балансы 47-ми, относительно основнаго капитала, несходны, несходны потому, что правленіямъ этихъ банковъ во что бы то ни стало хотѣлось показат своимъ обществамъ или правительству, что они работаютъ съ барышемъ; у многихъ банковъ на 1 января 1870 и 1871 гг. наличность кассы были значительно менѣе, чѣмъ почти вся цифра тѣхъ процентовъ, которые уже наросли на вклады и которые они обязаны были ежедневно, безпрекословно выплачивать своимъ вкладчикамъ. Изъ таблицъ, составленныхъ авторомъ на основаніи банковыхъ отчетовъ, видно, что за два года (1869 и 1870 г.) у 31-го банка наличность кассы не могла удовлетворить своими рессурсами вкладчиковъ, еслибъ они потребовали проценты; именно наличность кассы равнялась у нихъ 591,881 р., а процентовъ вкладчикамъ причиталось 1.459,704 р., т.-е. недоставало 622,406 руб.; первое мѣсто между этими банками занимаетъ Иркутскій и Орловскій, изъ которыхъ у перваго недоставало на 1 янв. 1870 г. 32,370 р., и на 1 янв. 1871 г. 87,879 р., у второго на 1 янв. 1870 г. недоставало 94,137, а на 1 янв. 1871 г. 84,702 р. Между банками, у которыхъ только на 1 янв. 1871 г. недоставало въ кассѣ денегъ на уплату процентовъ, первое мѣсто занимаетъ извѣстный Скопинскій банкъ, у котораго недоставало 108,111 р. Г. Ососовъ старается доказать и по нашему мнѣнію не безосновательно, что Скопинскій банкъ не по праву пользуется своей громкой репута-

цией, что значенie этого банка, Воронежскаго и нѣкоторыхъ другихъ вслѣдствie разчисленiя барыша не на тотъ основный капиталъ, который ихъ правленiями угодно было заносить въ торговыя банковыя книги, а на тотъ, который имъ бы слѣдовало имѣть по этимъ книгамъ, сильно падаетъ. „Банки эти оказываются, говоритъ г. Ососовъ, по цѣлесообразной успѣшности своихъ операцiй, значительно ниже банковъ, о которыхъ вовсе никто и не слыхалъ и которые не тратились на свои рекламы. Такъ мелко-уѣздные банки Рязанской губ., напр. Касимовскiй и Зарайскiй оказываются несравненно выгоднѣе для своихъ городскихъ обществъ и разумнѣе по своимъ операцiямъ, нежели столько разъ превознесенный въ газетной рекламѣ Скопинскiй". Что городскiе банки работаютъ не на свое городское общество, видно между прочимъ изъ того, что въ Скопинскомъ банкѣ вкладовъ приходится на жителя 99 р., это въ маленькомъ, бѣдномъ городкѣ, имѣющемъ всего 9511 жителей; ни одинъ городъ русской имперiи не имѣетъ въ своихъ банкахъ и въ отдѣленiяхъ государственнаго банка относительно столько вкладовъ; въ Харьковѣ приходится по 10 р. на жителя, въ Рязани по 12 и проч.; для таблицъ г. Ососова не достаетъ одной, весьма существенной графы: такъ какъ городской банкъ отвѣчаетъ за исправность свою стоимостью всѣхъ своихъ имуществъ, то для правильнаго сужденiя о прочности банка необходимо было бы представить стоимость городскихъ имуществъ. Любопытны двѣ таблицы, въ которыхъ банки распредѣлены по умѣнью пользоваться вкладами; одна изъ нихъ составлена относительно ссудъ подъ процентныя бумаги, другая — подъ недвижимыя имущества; первое мѣсто по умѣнью пользоваться вкладами въ первой таблицѣ занимаютъ банки Каргопольскiй, Рыбинскiй, Чигиринскiй, Либавскiй, Петровскiй, Ростовскiй (Ярослав. губ.), Мологскiй, Спасскiй, Вольскiй, Саратовскiй и проч., во второй первыя же мѣста занимаютъ: Балаклавскiй, Каргопольскiй, Чигиринскiй, Усманскiй, Воскресенскiй, Лугскiй, Пензенскiй, Камышловскiй, Хвалынскiй, Шадринскiй и проч. Скопинскiй банкъ въ первой таблицѣ занимаетъ 145-е мѣсто, во 2-й 75-е, Воронежскiй въ первой таблицѣ 32-е мѣсто, во второй — 13-е. Изъ другихъ городскихъ банковъ, извѣстныхъ своими огромными оборотами, въ первой таблицѣ Харьковскiй занимаетъ 38-е мѣсто, Казанскiй — 134-е, во второй Харьковскiй — 78-е мѣсто, Казанскiй — 129-е.

Повѣсти и разсказы *Д. В. Григоровича*. Въ семи томахъ. Спб. 1872.

Г. Григоровичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, дѣятельность которыхъ вполнѣ закончена; настоящее изданiе его сочиненiй — есть такъ сказать памятникъ, воздвигнутый надъ писателемъ заживо;

тутъ все, что̀ онъ написалъ, начиная съ его „Деревни", отъ которо Бѣлинскій пришелъ въ восторгъ, и кончая послѣдними его повѣстям появлявшимися въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и не обращавшими на себ ничьего вниманія. Г. Григоровичъ давно не пишетъ, какъ бы сознавая, ч его пѣсня спѣта; литературной критикѣ предлежитъ теперь оцѣни его дѣятельность и отдѣлить въ ней тѣ моменты, которые имѣли сво значеніе въ общей суммѣ русской литературной дѣятельности. Въ крат кой замѣткѣ, мы не беремъ на себя этой задачи; заявляя о томъ, ч вышелъ послѣдній томъ „Повѣстей и Разсказовъ" Д. В. Григорович что изданіе это окончено и достаточно изящно по своей внѣшност мы ограничимся лишь нѣсколькими словами. Въ той благотворной п своимъ результатамъ литературной дѣятельности писателей сороко выхъ годовъ, которая стремилась къ пробужденію сознанія въ рус скомъ обществѣ и привела, между прочимъ, къ освобожденію крестьянъ г. Григоровичу принадлежитъ видное мѣсто. Не обладая ни талан томъ, ни степенью литературнаго развитія Тургенева, г. Григорович однако, былъ первый писатель, который взялъ для своихъ разсказовъ бѣдствія крѣпостныхъ. Послѣ „Деревни", страдавшей черезъ-чуръ идиллическимъ элементомъ, онъ написалъ знаменитаго „Антона-Горе мыку", сильно испорченнаго цензурой, но извлекавшаго обильныя сле зы изъ глазъ чувствительныхъ читателей. Эта повѣсть сдѣлала г. Гри горовичу репутацію; за „Антономъ-Горемыкой" слѣдовалъ рядъ не большихъ разсказовъ, въ которыхъ главными дѣятелями являлись либо крестьяне, сильно идеализированные, либо помѣщики, не столько ти пически, сколько каррикатурно представленные. Мы разъ ужъ выра жали мнѣніе, что идеализація въ извѣстные періоды литературной дѣятельности, вещь не только законная, но необходимая. Еслибъ въ сороковыхъ годахъ появились реальные очерки гг. Успенскихъ, Слѣп цовыхъ, Рѣшетниковыхъ и проч., то они могли бы имѣть лишь отри цательное, а не положительное значеніе, они представили бы обществу, и безъ того расположенному считать крестьянъ за полу-людей, такіе типы, которые подтверждали бы въ массѣ такое убѣжденіе; вслѣдствіе этого идеализація крестьянской жизни, которую мы находимъ у Гри горовича, Тургенева, Толстаго (Л. Н.) была какъ разъ во̀-время и дѣ лала свое дѣло быстро и прочно. Изъ трехъ названныхъ писателей, у г. Григоровича, какъ менѣе сильнаго таланта, идеализаціи было больше; она даже обращалась у него въ сентиментальность и приторность; оттого болѣе трезвые и болѣе художественные типы въ „Запискахъ Охотника" заставили забыть типы г. Григоровича; но онъ и послѣ „За писокъ Охотника" продолжалъ держаться той же среды, изображеніе которой сдѣлало ему репутацію. „Рыбаки" и „Переселенцы"—два ро мана изъ крестьянской жизни, мѣстами не лишенные поэзіи, правды и даже трагизма, исчерпали все содержаніе г. Григоровича; онъ обратился

другой средѣ, но кромѣ легкихъ очерковъ, съ значительнымъ элемен-тъ каррикатуры, ничего не произвелъ, и остановился. Благо писа-ю, который умѣетъ остановиться во-время; г. Григоровичъ сдѣлалъ статочно; онъ не зарылъ своего таланта въ землю и принесъ извѣст-ю пользу своими произведеніями; онъ не создалъ ничего вѣчнаго, не ничего такого, что могло бы разсчитывать на продолжительное ществованіе, но онъ былъ однимъ изъ тѣхъ второстепенныхъ ра-тниковъ русской мысли, которые однако не забудутся исторіей рус-ой литературы.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Gasparin. La France. Nos fautes, nos périls, notre avenir. 2 vol. P. 1872.

Гдѣ причина тѣхъ бѣдъ и несчастій, которыя недавно обруши-сь на Францію и слѣдствія которыхъ долго не забудутся францу-ни—вотъ вопросъ, на который отвѣчали цѣлыя сотни французскихъ татей, газетныхъ и журнальныхъ, брошюръ и объемистыхъ сочиненій; акій по-своему старался разрѣшить этотъ вопросъ. Одни видѣли ричину несчастій въ равнодушіи европейской дипломатіи къ тѣмъ ринципамъ, которые должны быть священны и неприкосновенны; ругіе обвиняютъ во всемъ вторую имперію, характеръ Наполеона III, го развращающую систему; легитимисты указываютъ на изгнаніе Карла X, какъ на начало бѣдъ, орлеанисты на 1848-й годъ, бонапар-тисты во всемъ обвиняютъ оппозицію, клерикалы все взваливаютъ на безбожіе; многіе убѣждены въ томъ, что будь у Франціи больше ру-жей и пушекъ, будь лучше укрѣпленъ Метцъ, Седанъ и Страсбургъ, будь Базенъ, Бурбаки и др. болѣе талантливыми военачальниками, будь Бисмаркъ менѣе ехиденъ—и страшная катастрофа не случилась-бы. Каждое изъ этихъ мнѣній претендуетъ на непогрѣшимость и за-ключая въ себѣ, можетъ быть, крупинку правды, успѣвая объяснить одинъ-другой частный, второстепенный вопросъ, стремится наложить свой отпечатокъ на объясненіе событія, сложность и капитальность котораго не подлежитъ сомнѣнію. Но среди громадной массы сочи-неній, весьма различныхъ и по направленію, и по характеру, и по объему, не много можно насчитать такихъ, которыя бы стремились охватить вопросъ во всей его полнотѣ, поискать корня не на поверх-ности, а въ глубинѣ, а главное—отрѣшиться отъ національныхъ пред-разсудковъ и чувства оскорбленнаго патріотизма, взглянуть на Фран-цію и ея побѣдителей безпристрастно, во всей полнотѣ показать

30*

и своимъ и чужимъ тѣ слабыя стороны своего отечества, котор[ыя] требуютъ безотлагательнаго леченія. Книги и статьи съ такимъ на[правленіемъ] правленіемъ во Франціи немногочисленны, и эта-то немногочисленност[ь] заставляетъ тѣмъ болѣе обратить вниманіе на трудъ Гаспарена, пре[д]ставляющій собою счастливое исключеніе.

Гаспаренъ—другъ Людовика-Филиппа, значитъ орлеанистъ по убѣ[ж]деніямъ; но онъ удаляетъ изъ своего сочиненія всякія личныя си[м]патіи, вполнѣ освобождается отъ духа той партіи, къ которой при[]надлежитъ по традиціямъ своей молодости. Онъ даже заявляетъ, ч[то] республиканская форма, по его мнѣнію, самая подходящая для Фра[н]ціи. Впрочемъ, форма управленія для него дѣло второстепенное, е[му] нужна сущность. „Преклоняясь передъ 89-мъ годомъ и его принципам[и], говоритъ Гаспаренъ, не забудемъ, что тогда имѣли въ виду вовсе н[е] форму. Болѣе думали тогда о насажденіи свободы, чѣмъ о взаимных[ъ] преимуществахъ монархіи и республики, и потому прежде всего сочл[и] нужнымъ провозгласить права человѣка. Безчисленныя революціи дол[ж]ны были научить французовъ по крайней-мѣрѣ тому, что форм[а], обстановка, декораціи большой цѣнности не имѣютъ". Менѣе заботяс[ь] о формѣ, Франціи нужно позаботиться о томъ, чтобы познать себя и чтобы имѣть смѣлость признать свои недостатки, а затѣмъ и испра[]вить ихъ. Съ горькою ироніею, со смѣхомъ сквозь слезы отзывается авторъ о тѣхъ писателяхъ, которые своимъ мелочнымъ взглядомъ н[а] вещи и патріотическими словоизверженіями затемняютъ дѣло самосо[]знанія, способствуя такимъ образомъ не улучшенію, а ухудшенію оте[]чества. „Они (писатели) жалуются на случай, а не на болѣзнь; он[и] не допускаютъ, что въ исторіи почти нѣтъ случайности, и что во[все] происходящее рождается изъ существовавшаго; они не понимают[ъ], что есть патріотизмъ выше того, который бѣгаетъ по улицамъ, рас[]пѣваетъ „Марсельезу", мало заботясь о правотѣ и здравомысліи". Такой патріотизмъ не приведетъ къ добру: онъ легче заключаетъ союзы съ традиціею, оставленною Франціи Наполеономъ I, мечтаетъ о побѣдахъ, объ увеличеніи территоріи, о подавленіи силою того, чего не можетъ взять умомъ. Франція, по мнѣнію Гаспарена, несчастна именно потому, что всякое свободное мнѣніе, несовпадающее съ патріотическимъ самовосхваленіемъ, навлекаетъ на себя каждый разъ бурю, изъ опасенія которой многіе предпочитаютъ молчать. Эта тираннія извѣстнаго, разъ сложившагося мнѣнія порождаетъ цѣлую систему лжи и обмана. „Съ начала до конца войны намъ лгали, а мы выносили ложь: Паликао и Гамбетта объявляли постоянно о побѣдахъ, результатомъ которыхъ было все-таки отступленіе; изъ Метца дѣлались блистательныя вылазки, Берлинъ сожигался французскими плѣнными; мы завоевывали Баденъ, король прусскій сходилъ съума, Бурбаки повелѣвалось истребить всѣхъ нѣмцевъ заразъ и т. д. Мы всегда

недовольные фразёры, не даромъ кто-то насъ назвалъ „les rois de blague".

Отсутствіе независимыхъ мнѣній во Франціи блистательнѣе всего сказалось во время объявленія войны. Одинъ только голосъ Тьера раздавался въ пользу мира, все же остальное рукоплескало шовинисту-императору и восхищалось тѣми побѣдами, на которыя надѣялось. Всѣ какъ-бы забыли, что императоръ бросилъ вызовъ ради династическихъ интересовъ, а можетъ быть, и ради того, чтобы въ громадныхъ военныхъ расходахъ потопить разныя болѣе мелкія суммы, которыхъ не оказывалось въ казначействѣ. Военное сословіе (оно во Франціи именно сословіе, чуждое гражданскихъ интересовъ) жаждетъ повышеній и орденовъ; духовенство провозглашаетъ войну и старается придать ей религіозный оттѣнокъ, всѣ партіи примиряются, лишь-бы только блеснуть военною доблестью и пріобрѣсть, хотя несправедливымъ путемъ, берегъ Рейна. А люди другого образа мыслей молчатъ, боятся высказаться противъ тиранніи общественнаго мнѣнія, а потомъ оправдываются тѣмъ, что говорить о мирѣ, послѣ того какъ шагъ къ войнѣ сдѣланъ, вредно. Что же должны были дѣлать люди, любящіе миръ и понимавшіе какъ несправедливость, такъ и опасность поступка правительства? „Вотъ что должно было быть ихъ программою: борьба противъ манифеста Граммона, борьба за миръ въ промежутокъ времени до формальнаго объявленія войны; борьба при посредствѣ газетъ, журналовъ, митинговъ, рѣчей до начала военныхъ дѣйствій; продолженіе этой мирной борьбы при каждомъ удобномъ случаѣ, послѣ каждой битвы". Но ничего подобнаго во Франціи не проявилось; даже Тьеръ, подавшій голосъ противъ войны, былъ, можно сказать, однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ ея. „Онъ въ своихъ книгахъ и рѣчахъ былъ всегда представителемъ нашего задорнаго патріотизма; онъ поддерживалъ у насъ Наполеоновскій культъ, восхищался военнымъ могуществомъ Франціи, требовалъ всегда содержанія большого флота и сильной арміи; онъ убѣждалъ, что при Садовѣ побѣждена Франція вмѣстѣ съ Австріей, называлъ единство Германіи нестерпимымъ зломъ, всегда враждебно смотрѣлъ на объединеніе Италіи; онъ поддерживалъ безпрестанно изношенный принципъ равновѣсія и ослабленія сосѣдей". Итакъ—не только императоръ, но и большая часть выразителей общественнаго мнѣнія хотѣла войны; даже тотъ единственный человѣкъ, который протестовалъ противъ нея, говорилъ не въ интересахъ мира, а ради лучшей подготовки къ борьбѣ съ могучимъ сосѣдомъ. Что касается до людей истинно-миролюбивыхъ, то они молчали, не дерзая выступить со своимъ мнѣніемъ впередъ, и молчаніемъ совершили крупное преступленіе. „Но теперь, когда мы побѣждены, всякій изъ насъ кричитъ, что не хотѣлъ войны; императоръ не хотѣлъ, но долженъ былъ уступить народной волѣ; оппозиція не

хотѣла, но была увлечена одушевленіемъ законодательнаго корпу провинціи увлеклись парижскимъ движеніемъ, которое въ свою очер вышло изъ среды гаменовъ; военная партія ея боялась, клерикалы не хотѣла тоже, однимъ словомъ война явилась сама собою".

Разсматривая вопросъ объ испанской кандидатурѣ, Гаспаренъ виняетъ Францію въ придирчивости и исканіи повода къ войнѣ; Пруссіей и вообще Германіей онъ признаетъ вполнѣ миролюбі настроеніе, не брезгая даже подчасъ натяжками, чтобы вполнѣ опр дать враговъ Франціи какъ до войны, такъ и во время войны, вѣ ятно съ цѣлью сдѣлать еще болѣе яркимъ изобличеніе недостатк своихъ соотечественниковъ. Духъ задора и безпокойства всегда пр сущъ, по его мнѣнію, послѣднимъ, а Европа не любитъ подъ боко у себя сосѣда, который страшитъ ее постоянно революціями, и успокоившись внутри, питаетъ завоевательные планы. Этимъ онъ об ясняетъ и оправдываетъ равнодушіе Европы къ кровавымъ ранам Франціи и продолженіе Германіею войны послѣ Седана.

Итакъ—причины униженія Франціи старше, чѣмъ вторая импер сама она была слѣдствіемъ болѣзни, которую, впрочемъ, и усили Причины эти глубоко коренятся въ національномъ характерѣ фр цузовъ, въ ихъ любви къ эффекту, непостоянствѣ, шовинизмѣ, тира ніи общественнаго мнѣнія, централизаціи. Въ умственномъ отношен Франція сильно отстала отъ Германіи, а между тѣмъ, влюбившись самую себя, на подобіе Китая, не хотѣла знать, что дѣлается у с сѣда. „Теперь мы говоримъ о мести, объ отыгрышѣ. Прекрасно! у личимъ армію и флотъ, вмѣсто того, чтобы уменьшить ихъ, буде разорять народъ большими налогами, будемъ централизоваться прежнему, возбуждать страсти, восхищаться иллюзіями, заботиться завоеваніяхъ, отложимъ попеченіе о внутреннихъ дѣлахъ. И пока будемъ идти этою дорогою—нѣмцы пойдутъ своею и сдѣлаются ещ болѣе просвѣщенными, еще болѣе сильными. Наконецъ настанетъ ро ковая минута, и вѣроятность нашего новаго пораженія удесятерится Я тоже отъ всей души желаю, чтобы Франція смыла стыдъ своего паденія, но я совѣтую начать съ леченія самой себя. Франція пони зилась нравственно—пусть она повысится; Франція въ просвѣщені отстала—пусть она сравняется и превзойдетъ. Мы можемъ отыграть ся только путемъ реформы; будемъ помнить, что народы гибнутъ только отъ самоубійства, а не отъ внѣшнихъ враговъ." Далѣе авторъ продолжаетъ: „Мы не должны печально садиться на распутьи и опла кивать кончину нашего народа, признавать въ паденіи нашемъ волю судебъ, опустить руки и стонать на рѣкахъ Вавилонскихъ. Мы должны бороться, провозглашать истину, разсѣевать мракъ невѣжества, лжи и ошибокъ, отгонять смерть признаками жизни. Не въ первый разъ намъ приходится переживать трудное время, не въ первый разъ ударялъ

къ казалось, послѣдній часъ Франціи; но она не умирала и опять томъ находила счастливыя минуты—минуты мира и свободы".

Итакъ—радикальная реформа должна обновить Францію; разъясненію этой реформы посвященъ почти весь второй томъ сочиненія Гаспарена. Какъ ревностный протестантъ, Гаспаренъ нападаетъ на католическое духовенство, требуетъ прекращенія его ультрамонтанскихъ тенденцій и отдѣленія церкви отъ государства. Не менѣе важнымъ дѣломъ онъ считаетъ децентрализацію и освобожденіе отъ гнета Парижа. „Американская свобода много выигрываетъ отъ того, что столицею своею избрала небольшой городъ Вашингтонъ". Федеративная система во Франціи невозможна, потому что она противурѣчитъ исторіи; поэтому коммунальная жизнь, сопровождаемая парламентскимъ представительствомъ (съ государемъ или безъ онаго—все равно) и отвѣтственность министровъ должна быть предпочтена. На парижское коммунальное движеніе авторъ смотрйтъ не иначе, какъ на наглую требованія децентрализаціи самимъ народомъ. Обязательное обученіе, свобода торговли, общая воинская повинность по образцу русской—тоже непремѣнныя условія возрожденія Франціи тѣмъ болѣе, что они не только въ прямомъ смыслѣ будутъ вліять на нее благотворно, но и не могутъ во многихъ случаяхъ не изгладить тѣхъ шероховатостей французскаго характера (шовинизма, легкомыслія и т. д.), на которыя указано было выше. Но чтобы осуществить все это, нужно сознать свои заблужденія и недостатки, чего Франція, по мнѣнію Гаспарена, очень не любитъ. „А между тѣмъ сознаніе это, раскаяніе, необходимо. Пруссія послѣ Тильзитскаго мира изыскиваетъ свои недостатки и создаетъ широкую систему образованія, какъ народнаго, такъ и высшаго; Россія послѣ Севастополя оправляется успѣшно, но опять-таки путемъ реформъ: она уничтожаетъ крѣпостное право и подаетъ этимъ сигналъ къ столь значительному перерожденію, соціальному и политическому, что и границъ его почти нельзя указать напередъ".

П — чъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Петръ Петровичъ Пекарскій.

Смерть П. П. Пекарскаго была нежданной и тяжелой потерей для русской исторической науки. Въ немногочисленномъ ряду нашихъ историковъ не стало дѣятеля, съ которымъ немногіе изъ нихъ могли сравниться неутомимымъ трудолюбіемъ въ своихъ изысканіяхъ. Его

послѣдняя болѣзнь состояла въ легкомъ нездоровьѣ, продолжавш
нѣсколько дней, за которымъ послѣдовала сильная холера: черезъ ш
часовъ страданій, онъ умеръ 12-го іюля.

Онъ родился въ маѣ 1827-го или 1828-го года, въ Оренбургс
краѣ, гдѣ поселились его предки, происходившіе, если не ошибае
отъ польской фамиліи. Его прадѣдъ по отцу попалъ въ плѣнъ
Пугачеву, который велѣлъ содрать съ него живого кожу. Дѣд
стороны матери былъ уфимскій губернаторъ Пеутлингъ. Пекар
получилъ высшее образованіе въ казанскомъ университетѣ, по юри
ческому факультету, и кончилъ курсъ въ 1847-мъ году. Въ слѣдующ
году онъ началъ свою службу, въ провинціи, сперва въ Оренбу
потомъ въ Самарѣ, и затѣмъ въ концѣ 1851-го года перешелъ
службу въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ канцелярію министер
финансовъ [1]).

Университетскій курсъ мало подготовилъ его къ тѣмъ предмета
которые стали его любимымъ занятіемъ. Казанскій университетъ
славился ученостью, и профессора повидимому мало внушали сво
слушателямъ любви къ наукѣ. Въ исторіи студенчества это былъ та
сказать героическій вѣкъ, въ которомъ не столько господствов
умственная работа, сколько развлеченія, нерѣдко довольно бурн
свойства. Университетъ самъ вѣдалъ своихъ питомцевъ, которые,
сознаніи своей автономіи, нерѣдко приходили въ столкновеніе съ и
ными гражданами, а также и съ полиціей: университетская власть, ког
было наконецъ нужно, дѣйствовала патріархально, но и съ энергіе
Пекарскій любилъ бывало разсказывать объ этихъ оригинальны
нравахъ, которые онъ видѣлъ еще въ полномъ цвѣтѣ и которые мо
но считать теперь почти исчезнувшими. Факультетъ, какъ мы сказал
мало привлекалъ слушателей; между прочимъ были еще профессор
выписанные изъ-за границы, напримѣръ одинъ профессоръ дипломац
или международнаго права, незнавшій ни слова по-русски (онъ чи
талъ на французскомъ языкѣ) и которому студенты на экзаменѣ бойк
отвѣчали „отче нашъ" или „вѣрую". Но одно имя выдавалось в
воспоминаніяхъ Пекарскаго, какъ имя замѣчательнаго, достойнаг
наставника, которому онъ считалъ себя въ университетѣ наиболѣ
обязаннымъ не только въ юридическомъ, но и всемъ вообще образ

---

[1]) По формулярному списку, эта служба состояла въ слѣдующемъ. Онъ опредѣ
лился, 22-го апрѣля 1848, въ оренбургское губернское правленіе помощникомъ стола
начальника; 20-го октября того же года переведенъ въ самарскую удѣльную контор
исправляющимъ должность городового депутата; 17-го февр. 1849 опредѣленъ испр
должность столоначальника въ той же конторѣ; 18-го ноября 1851-го года переведен
въ канцелярію министра финансовъ старшимъ помощникомъ секретаря; 1-го іюн
1854 назначенъ помощникомъ главнаго бухгалтера канцеляріи, а 14-го іюля того же
года младшимъ секретаремъ канцеляріи.

рiи. Это былъ извѣстный Д. И. Мейеръ. Онъ былъ профессоромъ въ настоящемъ смыслѣ слова, какой нуженъ особенно въ русскомъ университетѣ; его лекцiи были не однимъ сухимъ спецiальнымъ учебникомъ, напротивъ, съ изложенiемъ права, понимаемаго въ самомъ широкомъ смыслѣ, онъ соединялъ цѣлые экскурсы изъ области современныхъ нравственно-политическихъ вопросовъ,—разумѣется, сколько это было возможно въ тѣ времена. Пекарскiй относился къ нему съ самыми теплыми воспоминанiями, которыя, какъ извѣстно, раздѣлялись всѣми вообще слушателями Мейера.

Когда мы познакомились съ Пекарскимъ въ Петербургѣ, въ зиму 1853—1854 года, изученiе литературы было уже въ немъ господствующимъ интересомъ: вскорѣ, онъ сталъ все свободное время проводить въ Публичной Библiотекѣ. Въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ, когда для его занятiй еще не представлялось другой возможности, онъ былъ столь постояннымъ посѣтителемъ Библiотеки, какихъ безъ сомнѣнiя она видала только немного. Вскорѣ по прiѣздѣ онъ познакомился съ П. А. Плетневымъ, отъ котораго ожидалъ полезныхъ совѣтовъ для предположенныхъ имъ занятiй; потомъ присоединились знакомства въ болѣе молодомъ кругу. Объ одномъ изъ этихъ знакомствъ—съ писателемъ, нынѣ не дѣйствующимъ въ литературѣ — онъ, говорятъ, не забывалъ до послѣднихъ годовъ, какъ такомъ, которое оказало тогда большое влiянiе на складъ его понятiй и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпило самую ревность его изученiй. Занятiя Пекарскагос самаго начала были сухiя, трудныя занятiя собирателя фактовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ надо было восполнить пробѣлы, оставленные казанскимъ университетомъ,—такъ уже въ это время онъ занимался исторiей и вновь изучилъ латинскiй языкъ, который понадобился въ его чтенiи старыхъ источниковъ, и т. п. Въ этихъ занятiяхъ Пекарскiй выказалъ большое постоянство, съ какимъ вообще онъ велъ всѣ свои работы. Но при всей сухости его изученiй, въ это первое время онъ живо сочувствовалъ возникавшимъ стремленiямъ новаго поколѣнiя, раздѣлялъ его надежды и самыя увлеченiя, возбужденныя событiями времен крымской войны. Въ послѣднiе годы мы видѣли его рѣдко; мнѣнiя его приняли, кажется, нѣсколько иной оттѣнокъ, и онъ исключительно предался своей ученой и служебной карьерѣ.

Первые труды Пекарскаго печатались въ „Современникѣ", въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ. Это были статьи о русскихъ мемуарахъ (запискахъ) XVIII-го столѣтiя; затѣмъ замѣчательнѣйшими статьями его были здѣсь: „Петербургская Старина", три статьи (Соврем. 1860, № 6, 7 и 10) и разборъ Исторiи Петра Великаго, Устрялова (Соврем., того же года). Онъ писалъ также и въ „Отечественныхъ Запискахъ", гдѣ были имъ помѣщены статьи: „Баронъ Гюйсенъ, учено-литературный агентъ русскаго правительства въ началѣ XVIII-го вѣка (От. Зап. 1860,

№ 3); „Нейбауеръ и его брошюра противъ Россіи (тамъ-же, № 1[...] „Представители кіевской учености въ половинѣ XVII-го вѣка“, д[...] статьи (От. Зап. 1862, № 2 и 3).

Послѣднія названныя статьи были приготовленіями къ тому бол[...]шому труду, который уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занималъ П[...]карскаго и остался замѣчательнѣйшимъ изъ его трудовъ. Это бы[...] извѣстная книга: „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Велико[мъ]“ (Спб. 1863, два тома), — одна часть которой заключаетъ въ себѣ б[о]гатый сборникъ фактическихъ свѣдѣній объ исторіи образованія п[ри] Петрѣ, а другая состоитъ изъ подробнаго библіографическаго описа[...]нія петровскихъ книгъ [1]).

Это сочиненіе, представленное Пекарскимъ въ рукописи въ акад[е]мію наукъ, получило полную Демидовскую премію и, кажется, еще п[...]собіе на изданіе; затѣмъ сочиненіе было пріобрѣтено отъ автора [...] издано товариществомъ „Общественная Польза“.

Между тѣмъ, эти ученые труды такъ занимали Пекарскаго и тре[...]бовали такъ много вниманія, что онъ, кажется, сталъ тяготиться свое[...] службой въ министерствѣ финансовъ, и счастливый случай (если [...] ошибаемся, содѣйствіе Ег. П. Ковалевскаго) далъ ему возможност[ь] найти служебныя занятія, которыя совершенно отвѣчали его интер[е]самъ. По выходѣ въ отставку изъ прежней должности, 7-го февраля 1862 г[.] Пекарскій поступилъ, въ мартѣ того же года, въ государственный ар[...]хивъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ онъ и оставался д[о] послѣдняго времени [2]). Здѣсь его историческая любознательность на[...]ходила полное удовлетвореніе, масса важныхъ и вообще мало досту[п]ныхъ матеріаловъ была громадная, и онъ началъ работать безъ ус[...]тали.

Его ученыя связи расширялись болѣе и болѣе. Въ 1858-мъ году онъ поступилъ въ число членовъ археологическаго общества въ Петер[...]бургѣ, и нѣсколько времени занималъ въ немъ мѣсто секретаря рус[...]скаго отдѣленія. Въ „Извѣстіяхъ“ Археологическаго Общества поя[...]вилось также нѣсколько небольшихъ его статей и матеріаловъ архео[...]логическаго содержанія.

Занятія въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ уже вскорѣ доставили Пекарскому матеріалъ для новыхъ трудовъ. Таковa была книга, составленная послѣ, но вышедшая ранѣе его книги о времени Петра: „Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи 1740—1742. Переводъ ру[...]

[1]) Проба этого описанія было помѣщена раньше въ Извѣстіяхъ II Отд. Академіи Наукъ.

[2]) Онъ назначенъ былъ, 29-го марта, старшимъ архиваріусомъ; затѣмъ 19-го апрѣля 1864 года начальникомъ отдѣленія архива; 1-го іюля 1863—дѣлопроизводителемъ VI класса въ госуд. архивѣ.

шисныхъ депешъ французскаго посольства въ Петербургѣ", Спб., 62.

Въ 1863-мъ году, 11 января, Пекарскій избранъ былъ въ адъюнкты академію наукъ, по отдѣленію русскаго языка и словесности; онъ орѣ прошелъ академическія степени, и въ послѣднее время былъ е ординарнымъ академикомъ [1]). Для его трудолюбивыхъ изысканій едставлялось теперь слишкомъ много матеріала: по своему положе- о въ академіи, по службѣ въ государственномъ архивѣ, онъ имѣлъ дъ руками множество архивныхъ рукописей; различная обработка его матеріала и составляла главную долю всѣхъ дальнѣйшихъ тру- въ Пекарскаго.

Мы укажемъ здѣсь вкратцѣ главные его труды, которые съ тѣхъ ръ исключительно печатались въ академическихъ изданіяхъ.

Въ 1863-мъ году имъ изданы были „Матеріалы для исторіи журналь- й и литературной дѣятельности Екатерины II".

Въ 1864—„Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ", съ его портретомъ снимкомъ почерка; „Слово о полку Игоревѣ по списку, найденному жду бумагами импер. Екатерины II".

Въ 1865—„Путешествіе академика Н. І. Делиля въ Березовъ въ 740 году".

Въ 1866-мъ онъ издавалъ вмѣстѣ съ г. Гротомъ, къ карамзинскому билею, „Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву", съ большимъ всломъ объяснительныхъ примѣчаній.

Въ 1867—„Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова", съ го портретомъ и снимкомъ почерка; „Редакторъ, сотрудники и цен- ра въ русскомъ журналѣ 1755—1764".

Въ 1868—разныя бумаги для біографіи Ломоносова.

Въ 1869—„Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII-го столѣтія", составленныя по поводу книги г. Лонгинова, на основаніи бумагъ, находящихся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; Архивныя розысканія объ изображеніи несуществующаго нынѣ жи- вотнаго Rhytina borealis".

Такъ какъ работы Пекарскаго почти съ самаго начала носили ха- рактеръ архивныхъ изслѣдованій и вращались почти исключительно на исторіи образованія въ XVIII-мъ вѣкѣ, то черезъ нѣсколько времени по вступленіи его въ академію наукъ, ему предложено было взять на себя составленіе ея исторіи. Онъ много лѣтъ работалъ въ академиче- скомъ архивѣ и результатомъ его трудовъ было сочиненіе, первый томъ котораго вышелъ въ 1870 году. Второй томъ „Исторіи импера- торской академіи наукъ", который, по его обширности, предполага-

[1]) Экстра-ординарнымъ академикомъ онъ былъ избранъ 1-го мая 1864; ординар- нымъ—4-го октября 1868.

лось раздѣлить на два отдѣльные выпуска, уже находился въ печат
какъ извѣстно было по отчетамъ объ академическихъ засѣданія
Въ цѣломъ, этотъ трудъ обнимаетъ исторію академіи съ ея основан
до 1767 года.

Послѣдними изданными трудами Пекарскаго были „Историчес
бумаги К. И. Арсеньева“ (съ его біографіей) и „Бумаги императри
Екатерины II“, отчетъ о которыхъ въ свое время былъ отданъ
библіографіи „Вѣстника Европы“. Это послѣднее изданіе предприня
было Русскимъ Историческимъ Обществомъ, и Пекарскій избранъ бы
его редакторомъ, при посредствѣ государственнаго канцлера кн. Го
чакова.

Если ко всему этому мы прибавимъ еще труды Пекарскаго по го
сударственному архиву, состоявшіе въ описи порученнаго ему отдѣл
архива и также требовавшіе много вниманія, то количество сдѣлан
наго Пекарскимъ оказывается очень велико. Исторія нашей науки
отдастъ должное той ревности, какую вносилъ Пекарскій въ свои ис-
торическія изысканія. Изъ различныхъ отраслей историческаго знанія
онъ выбралъ себѣ ту, въ которой мало привлекательнаго для обык-
новенныхъ читателей, но которая даетъ необходимое основаніе для
изслѣдованій. Это—разработка чисто фактическаго матеріала. „Неос-
поримыя достоинства ученыхъ трудовъ Пекарскаго,—говоритъ одинъ
изъ академическихъ его товарищей,—заключаются въ обиліи новыхъ
свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ рукописныхъ источниковъ, въ положи-
тельности, точности и достоинствѣ всѣхъ его показаній. Въ своихъ
разысканіяхъ онъ неизмѣнно руководствовался самою основатель-
ною, осторожною критикою, иногда доходившею, можетъ быть, до из-
лишняго уваженія къ записанному факту, до преувеличеннаго опасе-
нія позволить себѣ какую-нибудь догадку или смѣлое соображеніе.
Поэтому всѣ труды его носятъ господствующій характеръ драгоцѣн-
ныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для всякаго будущаго изслѣдовате-
ля, но не представляютъ того оживленнаго интереса, котораго не-
спеціалистъ ищетъ въ каждомъ чтеніи. Эту сторону своихъ трудовъ
и отсутствіе въ нихъ художественнаго изложенія онъ самъ ясно со-
знавалъ, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, и еще незадолго пе-
редъ смертью говорилъ, что въ настоящемъ положеніи исторіи рус-
ской литературы считаетъ наиболѣе нужными именно такого рода
труды, составляющіе первоначальную основу для послѣдующей раз-
работки предмета“ [1]). Дѣйствительно, Пекарскій доводилъ до крайно-
сти свой пріемъ; изъ опасенія сдѣлать ошибку, онъ оставлялъ свои
изслѣдованія безъ выводовъ, которые освѣщали бы собранный мате-
ріалъ и давали точку опоры для дальнѣйшаго изслѣдованія; съ дру-

[1]) Воспоминаніе о П. П. Пекарскомъ», Я. Грота, въ Спб. Вѣд. № 208.

й стороны, заботясь исключительно о собираніи фактическихъ данныхъ, онъ нерѣдко увлекался въ мало значительныя подробности.

Въ нынѣшнемъ году, 25-го апрѣля, въ ожиданіи петровскаго юбилея, совѣтъ казанскаго университета, за разъясненіе эпохи и значенія дѣятельности Петра I и вообще за заслуги на поприщѣ отечественной исторіи, возвелъ Пекарскаго въ степень доктора русской исторіи.

Къ сожалѣнію, обширные труды, сдѣланные Пекарскимъ, не дошлись безъ жертвъ. Усиленныя занятія, отъ которыхъ онъ давалъ себѣ слишкомъ мало отдыха, подѣйствовали на его здоровье: лѣтъ пять тому назадъ съ нимъ сдѣлался легкій параличъ, и онъ для леченья ѣздилъ на нѣсколько мѣсяцевъ за границу; онъ поправился на время, но затѣмъ его здоровье снова стало разстроиваться, и онъ не вынесъ послѣдней болѣзни.

Пекарскій похороненъ былъ 15-го іюля, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

А. Н.

ИЗВѢСТІЯ

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Общее собраніе членовъ Общества 23-го апрѣля 1872-го года.

По открытіи собранія, секретарь общества прочелъ слѣдующій отчетъ: „Мм. гг. Съ 1-го января текущаго года по настоящее число комитетомъ Общества оказаны слѣдующія пособія:

Единовременно выдано: одному лицу 400 р., одному 300 р., одному 250 руб., четыремъ по 100 р., одному 80 р., шести по 75 руб., десяти по 50 р., двумъ по 40 р., одному 35 р., тремъ по 30 р. и двумъ по 25 р., а всего 30-ти лицамъ 2,585 р.

Вдовѣ одного писателя назначено производить по 100 р. въ теченіе двухъ лѣтъ.

На похороны двухъ писателей выдано 50 р.

На выдачу бѣднѣйшимъ и достойнѣйшимъ студентамъ харьковскаго университета отпущено въ распоряженіе совѣта этого университета 120 р.

Въ ссуду выдано двумъ лицамъ по 300 р.

Пенсія, въ 120 р. въ годъ, назначена вдовѣ молодого писателя, пользовавшагося такимъ же пособіемъ со стороны Общества.

Одному лицу, по ходатайству предсѣдателя Общества, предоставлено мѣсто въ общественномъ установленіи.

Независимо отъ этихъ пособій, комитетъ сообщилъ двумъ редакціямъ объ удовлетвореніи двухъ сотрудниковъ ихъ и, какъ видно изъ

письма одного изъ нихъ, часть причитавшихся ему денегъ имъ уже получена.

Наконецъ, комитетъ вошелъ съ представленіемъ къ управляющему морскимъ министерствомъ о назначеніи пособія находящейся въ крайней бѣдности дочери одного извѣстнаго русскаго мореплавателя.

Отклонено 18 ходатайствъ о пособіи.

Объявлена благодарность Общества: а) за содѣйствіе комитету Н. Х. Бунге, М. С. Каханову, Т. И. Музыкантову; б) за безвозмездное участіе въ устроенномъ въ пользу Общества и доставившемъ чистой прибыли 2,353 р. концертѣ: Е. А. Лавровской, А. Н. Эсиповой, М. И. Раабъ, Ѳ. О. Лешетицкому и Л. Ауеру, и в) за продажу билетовъ на тотъ же концертъ магазинамъ Іогансена, Бютнера, Базунова и Черкесова".

Послѣ того, казначеемъ Общества были доложены слѣдующія свѣдѣнія о состояніи кассы Общества: „По 2-го февраля 1872-го года въ кассѣ было 54,042 р. 29 коп. Поступило въ приходъ: въ февралѣ 1.961 р. 57 к.; въ мартѣ 1,740 р. 79 коп. и въ апрѣлѣ 3,799 р. 10 к.

Главныя статьи прихода были слѣдующія: пожалованные отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Великаго князя Константина Николаевича и Государыни Великой княгини Александры Іосифовны 100 р.; отъ 126 членовъ Общества 2,217 р.; отъ П. П. Демидова 500 руб., отъ министра народнаго просвѣщенія 1000 р.; проценты съ капитала 984 р. 99 к.; процентныя деньги отъ редакціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" 100 р. и отъ „Отечественныхъ Записокъ" 58 руб. 47 коп., и единовременно пожертвованные 28 р.; отъ концерта, даннаго 29-го марта, 2,353 руб.

Израсходовано: на пенсіи и единовременныя пособія и ссуды: въ февралѣ 1,225 руб., въ мартѣ 1,817 руб., въ апрѣлѣ 600, всего 3,832 руб.

Всего съ 1-го января по 23-го апрѣля 1872 г.

Записано на приходъ.	62,803	р.	85 к.
Выписано въ расходъ.	5,202	„	10 „
Въ кассѣ на лицо . . .	57,601	р.	75 к.

По выслушаніи этихъ отчетовъ, общее собраніе положило объявить члену комитета В. П. Гаевскому и секретарю Общества Г. К. Рѣпинскому благодарность Общества за труды ихъ по устройству концерта 29-го марта.

Засѣданіе комитета 23-го апрѣля 1872-го года.

1) Принято съ благоговѣйною къ Его Императорскому Величеству признательностью извѣщеніе г. министра народнаго просвѣщенія, что Государю Императору благоугодно было благосклонно принять экземпляръ отчета Общества за 1871 г.

2) Выдано по 75 р. двумъ писателямъ, находящимся въ бѣдственномъ положеніи.

3) Выдано 30 р. въ пособіе молодому писателю, лишенному средствъ къ жизни.

4) Выдано 50 р. вдовѣ недавно скончавшагося писателя и положено, во-первыхъ, принять мѣры къ помѣщенію ея сына въ учебное заведеніе, и, во-вторыхъ, просить министерство, въ вѣдомствѣ котораго служилъ покойный, о назначеніи пенсіи его семейству.

5) Выдано 50 р. въ пособіе трудно-больному писателю.

6) Предоставлено предсѣдателю Общества выразить г. управляю-
щу морскимъ министерствомъ чувства глубочайшей благодарности
щества за назначеніе, по ходатайству комитета, пособія дочери
ѣстнаго русскаго мореплавателя.
7) Выдано двумъ писателямъ, находящимся въ бѣдности: одному
р. и другому 25 р.
8) Принято съ благодарностью предложеніе М. М. Андреянова объ
ройствѣ чтенія въ пользу Общества.
9) Заявлена благодарность Общества А. Н. Островскому за со-
ствіе его комитету.

Отчетъ казначея за апрѣль 1872 года.

Къ 1-му апрѣля состояло на лицо 54,702 р. 65 к.—Въ апрѣлѣ по-
пило 4,295 р. 85 к., въ томъ числѣ: а) отъ концерта 2,353 р., б)
центовъ съ капитала 1,197 р. 85 к., в) взносы 37 членовъ—725 р.,
возвращено 20 р.—Израсходовано 850 р., въ томъ числѣ: пенсіи 3
цамъ — 240 р., единовременныя пособія 10 лицамъ — 580 р., и по-
іе на воспитаніе 30 р.—Къ 1-му мая въ кассѣ 58,148 р. 50 к., въ
тъ числѣ процентными бумагами 53,140 р., на текущемъ счету
42 р. наличными 966 р. 50 к.

сѣданія комитета 22-го мая, 6-го и 20-го іюня, 4-го и 18-го іюля 1872 года.

I. Выданы пособія:
1) Вдовѣ писателя, на воспитаніе ея дочери, 50 руб.
2) Семейству писателя, лишенному пропитанія и вынужденному
тавить квартиру, 50 руб.
3) Провинціальному писателю, обремененному семействомъ, 50 р.
4) Писательницѣ, находящейся въ болѣзненномъ состояніи, 100 р.
5) Вдовѣ учителя, только что оставившей больницу и неимѣющей
едствъ къ жизни, 25 руб.
6) На воспитаніе сына писателя 75 руб.
7) Дочери покойнаго писателя, на покупку необходимыхъ матеріа-
въ для работы, 25 руб.
8) На покупку одежды и бѣлья для воспитывавшейся на счетъ Об-
щества и кончившей курсъ ученія дочери писателя 105 р.
9) На содержаніе больной дочери писателя 60 руб.
10) Провинціальному писателю, находящемуся въ бѣдности, 60 р.
11) Вдовѣ извѣстнаго писателя, лишенной средствъ къ жизни, 100 р.
12) Двумъ писателямъ, находящимся въ бѣдности, одному 25 р.,
ругому 40 р.
13) Молодому писателю, только что кончившему курсъ наукъ и неи-
мѣющему еще опредѣленныхъ занятій, 40 р.
14) Писателю, лишившемуся должности, 50 р.
15) Сыну извѣстнаго въ свое время писателя 75 руб.
16) На погребеніе пенсіонерки Общества 40 р.
17) Молодому человѣку, для окончанія его образованія, 75 руб.
18) На погребеніе сына пенсіонерки Общества 25 руб.
19) Переводчицѣ, на уплату долговъ, 50 р.
20) Извѣстному писателю, находящемуся въ крайности, 200 руб.
21) Дочери писателя, на воспитаніе сына, 50 руб.
22) Писателю, находящемуся въ бѣдности 30 руб.

II. Отклонены ходатайства четырехъ лицъ, такъ какъ пр
не удовлетворяютъ условіямъ, при которыхъ выдаются пособія
III. Изъявлена благодарность Общества: доктору В. А. Ма
предложившему свое постоянное содѣйствіе комитету, и М. М. А
нову за устроенное имъ чтеніе въ пользу Общества.
IV. За смертью Б. И. Утина, избранъ казначеемъ Общества
Тютчевъ.

II. Программа конкурса

Распорядительной Коммиссіи III-го съѣзда русскихъ сельскихъ хозяевъ, въ

1. Во время III-го съѣзда русскихъ сельскихъ хозяевъ, въ К
будетъ происходить конкурсъ жатвенныхъ машинъ.
2. Конкурсъ назначается 23-го сентября текущаго года.

Примѣч. День отмѣняется въ случаѣ ненастья.

3. Къ конкурсу допускаются жатвенныя машины какъ отечес
ныя, такъ и заграничныя.
4. По опредѣленію Коммиссіи экспертовъ, изъ членовъ соотв
венныхъ отдѣленій съѣзда, лучшей машинѣ присуждается *зол*
медаль, слѣдующей за нею по достоинству — *серебряная* медаль
тальнымъ лучшимъ машинамъ—похвальные отзывы.

Примѣч. Медали—отъ Импер. Московскаго Об. Сельск. Хозяйства.

5. Отечественной машинѣ, при равныхъ прочихъ условіяхъ, отда
предпочтеніе.
6. Всѣ машины испытуются на одномъ и томъ-же полѣ по свой
почвы и роду жатвы.
7. По желанію экспонента и членовъ экспертной Коммиссіи о
можетъ быть повторенъ, но съ тѣмъ, чтобы заявленіе (экспонент
томъ представить до окончательнаго присужденія наградъ.
8. Желательно, чтобы при машинахъ представлены были обс
тельные чертежи, для сокращенія труда и времени оцѣнки маши
9. Машины, доставленныя позже 20-го сентября, будутъ допу
къ работѣ, *но считаются внѣ конкурса* и могутъ получить лишь
стоятельный отзывъ о своей работѣ.
10. Экспоненты благоволятъ извѣстить распорядительную ком
сію III съѣзда о участіи въ конкурсѣ не позже 15-го сен. по адр
Кіевъ, Распоряд. К. 3-го съѣзда русск. сельскихъ хозяевъ.

Первое общее собраніе съѣзда назначается на 20-е сентября;
21-го по 30-е—засѣданія общія и по отдѣленіямъ; 30-го сентября
послѣднее общее собраніе и закрытіе съѣзда.

М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Атласъ всеобщей географіи. 29 таблицъ, став. *А. Линбергъ*. Лейпцигъ, 1872.

…витель атласа, желая своимъ трудомъ …ть преподаванію географіи въ современ…мыслѣ этого слова, поставилъ себѣ зада…юстрировать физическія и политическія …ати частей свѣта совокупными изобра…изъ мѣстныхъ царствъ природы и вида…ательныхъ мѣстностей и городовъ. Такъ …ительная часть картинъ печатана по го…формамъ подобныхъ нѣмецкихъ атласовъ, …ность изданія вполнѣ удовлетворительна; …приноровлены къ учебной цѣли, т. е. съ …выборомъ номенклатуры, необходимой …для преподаванія, но не для справокъ. …полезны, по своей наглядности, карты …льнаго характера и карты распростра…мененъ, вѣръ и важнѣйшихъ растеній и …ахъ Европѣ, кромѣ того, посвящены двѣ …ныя карты — этнографическая и промы…, Вообще говоря, трудъ г. Линберга остав…ко за собою тѣ небольшія попытки, ко…дѣлались въ его направленіи, и нельзя …ть, чтобы авторъ выполнилъ подобный …для отечественной географіи, для кото…ствующія у насъ иллюстрированные жур…гутъ оказать ему такую же услугу, ка…зали ему теперь готовыя картины лейп…изданій, по крайней мѣрѣ въ отношеніи …ніи изданія.

…палермскихъ монастырей. Историческій …нъ *Оскара Піо*. Перев. съ итал. И. А. …рова. Спб. 1872. Стр. 476. Ц. 2 р.

…йшая итальянская литература очень рѣд…аетъ на себя вниманіе нашихъ переводчи…мы указываемъ на настоящій переводъ, …образомъ, по рѣдкости самаго явленія. …мъ отечествѣ романъ Оскара Піо можетъ …ѣну, какъ патріотическая попытка изло…полуисторической, въ полулитературной …ниятыя событія 1860 года съ его рево…въ Палермо и освобожденіемъ Сициліи …Бурбоновъ, наканунѣ появленія Гари…Центромъ интриги служатъ монастыри,— …названіе романа. Но въ наше время, …ость литературы сдѣлалъ такой успѣхъ, …романѣ О. Піо непріятно поражаютъ ста…мы, къ которымъ прибѣгаетъ авторъ для …нія вящшаго интереса въ читателяхъ. …словатости авторскаго воображенія при…ется искусство переводчика, который по…въ разговорахъ заставляетъ палермскихъ …и князей говорить другъ-другу: «ладно, …шабашъ, раздобыться, расфуфыриться». …вершеніе всѣхъ этихъ красотъ, одинъ мо…тальянскій франтъ, другъ маркиза Белла…русскомъ переводѣ, цитируетъ (невѣ…дѣло!) строфы изъ извѣстной лакейской «Сударыня, барыня, сядьте», и т. д. Это …переводъ, а перевозъ.

…элементарный курсъ практической меха…ки. *Ев. Колпельникова*. Спб. 1872. Ц. 2 …50 к.

…оящее изданіе, по намѣренію автора, слу…ленiемъ къ изготовляемому имъ курсу сельско-хозяйственныхъ машинъ, и въ тоже время предназначается какъ практическое руководство для тѣхъ, которые имѣютъ въ своемъ промыслѣ дѣло вообще съ механическими двигателями и потому нуждаются въ популярномъ ознакомленіи съ тѣми общими условіями, которымъ подчинена правильность и выгода работы на машинѣ. Самое изложеніе курса предполагаетъ въ читателѣ знакомство съ гимназическимъ курсомъ математики; примѣры, объясняющіе то или другое положеніе, заимствованы главнымъ образомъ изъ сельскаго хозяйства. Текстъ сопровождается постоянно рисунками, числомъ болѣе 200.

Руководство къ педагогической и гигіенической гимнастикѣ, по системѣ Линга, сост. *В. Уховъ*. Двѣ части. Спб. 1870—72. Ц. 2 р. и 2 р. 50 к.

Нигдѣ, какъ у насъ, не пренебрегаютъ такъ истиною, что «въ здоровомъ тѣлѣ—здоровая душа». Наша публичная школа и до сихъ поръ мало заботится о гимнастикѣ, или лучше сказать, ограничивается пока одними заботами; а потому трудъ г. Ухова, которымъ могутъ воспользоваться родители, является весьма кстати. Не всякое движеніе полезно, и упражненіе тѣла требуетъ предварительнаго познанія пріемовъ такого движенія; вотъ почему авторъ и посвятилъ свой трудъ главнымъ образомъ на разъясненіе тѣхъ общихъ условій, при которыхъ движеніе можетъ быть полезно не только здоровью, но и успѣшному развитію всего организма. Первая часть объясняетъ вольныя движенія; вторая—упражненія на снарядахъ; обѣ части сопровождаются многочисленными рисунками, наглядно дополняющими толкованіе текста. Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній содѣйствовало изданію этой полезной книги для своихъ училищъ, и министерство народнаго просвѣщенія также приняло ее въ число своихъ руководствъ. Намъ теперь недостаетъ хорошей образцовой школы, которая могла бы снабжать наши училища опытными гимнастами.

Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества. Состав. *А. В. Яковлевъ*. 2-ое изданіе. Спб. 1872. Стр. 183. Ц. 40 коп.

Починъ весьма важнаго дѣла въ народномъ хозяйствѣ, какимъ является введеніе кредита въ его практику, принадлежитъ новгородскому земству; не прошло двухъ лѣтъ со времени заявленія первой о томъ мысли, какъ она нашла себѣ отголосокъ во всѣхъ концахъ Россіи. Въ видахъ содѣйствія такому полезному дѣлу, былъ образованъ комитетъ при москов. общ. сельскаго хозяйства, который вскорѣ и выработалъ образцовый уставъ для ссудо-сберегательныхъ товариществъ и уставъ для постояннаго комитета о нихъ въ Москвѣ съ отдѣленіемъ въ Петербургѣ. Настоящая брошюра посвящена именно обзору дѣятельности земствъ по этому дѣлу и весьма толковому объясненію образцоваго устава. Къ новому изданію приложены: уставъ новаго комитета, различныя правила, вѣдомости объ оборотахъ товариществъ, уже открытыхъ, и сравнительная таблица дѣйствующихъ уставовъ. Эта полезная брошюра заслуживаетъ самаго широкаго распространенія въ обществѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ПОДПИСКА НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОП

НА 1872-ОЙ ГОДЪ

ЗА РАСХОДОМЪ ВСѢХЪ ПОЛНЫХЪ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ

ПРЕКРАЩЕНА.

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

1. — «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣ книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 ницъ—шесть томовъ въ годъ. Для иногородныхъ подписчиковъ, книги сдаются зетную Экспедицію въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ по трактовъ. Журналъ доставляется на почту съ адрессомъ подписчика, въ особ ложкѣ и съ двойною бандеролью, бумажною и веревочною.

2.—*ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью изв редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ ад для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто пяго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иного ные, прилагаютъ 1 р. 50 к.. а иногородные—въ городскіе 50 коп.

3.—*ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается мо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конто ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ зетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтель Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно снестись Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣд

Примѣчаніе.—Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго мера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить подпис

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакт

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 10-я.

ОКТЯБРЬ, 1872

ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Ф. Сущинскаго. Екатерининскій каналъ, 168.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИК
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1872.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I-VI стр.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

въ 1873-мъ году.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

ѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ", сохраняя прежнюю свою
[illegible]му журнала исторіи, политики, литературы, будетъ,
[illegible]ующемъ 1873-мъ году, издаваться въ томъ же объ-
[illegible]ъ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ
[illegible]томовъ, каждый около 1,000 стр. большого формата.

ПОДПИСКА НА ГОДЪ:

1) БЕЗЪ ДОСТАВКИ.

[illegible]—въ Конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, въ С.-Петербургѣ (на Невскомъ просп., 30).

2) СЪ ДОСТАВКОЮ НА ДОМЪ.

[illegible]—въ Конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, въ Москвѣ.

Примѣчаніе. Для избѣжанія ошибокъ въ адрессѣ, покорно просятъ подавать въ упомянутыя мѣста свой адрессъ письменно, а не диктовать, подробно обозначая при этомъ названіе улицы и нумеръ дома и квартиры.

3) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ ГУБЕРНІИ.

[illegible]—высылаются *по почтѣ, исключительно въ редакцію «Вѣстника Европы»—въ С.-Петербургѣ, Галерная, 20*—для пересылки журнала въ губерніи и г. Москву, чрезъ Газетную Экспедицію.

Примѣчаніе. Гг. иногородные, имѣя случай подписаться *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, обращаются въ Контору редакціи.

4) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ЗА-ГРАНИЦУ.

[illegible]ичные подписчики высылаютъ подписную сумму по почтѣ прямо въ редакцію, а лично подписываются въ кн. магаз. А. Ѳ. Базунова: за годовой экземпляръ съ пересылкою подъ бандеролью, въ Германію и Австрію}—19 *руб.*; въ Бельгію Нидерланды и Придунайскія княжества—20 *руб.*; во Францію и Данію—21 *руб.*; Англію, Швецію, Испанію,

Португалію, Турцію и Грецію—22 *руб.*; въ **Швейцарі**
23 *руб.*; въ **Италію**—24 *рубля.*

Примѣчаніе. Заграничные адресы доставляются письме
и на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Въ *Финляндіи* слѣду
подписываться чрезъ мѣстный почтамтъ, какъ то могутъ дѣ
вообще всѣ заграничные подписчики.

Подписчики получаютъ отъ Конторы билетъ, вырѣзанный изъ кн
дакціи: только при предъявленіи такого билета, или при сообщені
мера, редакція отвѣчаетъ безусловно за свою Контору.

Для иногородныхъ подписчиковъ.

1. Редакція покорно проситъ, при доставленіи адресса, если
счикъ живетъ не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ,
всего называть ту ближайшую отъ него Почтовую Контору, *в*
рой допускется раздача журналовъ и газетъ, съ указаніемъ,
она губерніи и уѣзда, и за тѣмъ свое мѣстожительство.

2. Перемѣна адреса должна отправляться въ редакцію, смот
разстоянію, такъ, чтобы извѣстіе пришло въ Петербургъ не
какъ наканунѣ выхода книги (т. е. наканунѣ всякаго перваго
мѣсяца); въ случаѣ невозможности извѣстить редакцію забл
менно, просятъ сообщать предъ выѣздомъ свой новый адресс
ближайшей книги, своей Почтовой Конторѣ, и въ тоже время
стить редакцію о перемѣнѣ для слѣдующихъ книгъ.

3. Въ случаѣ неполученія книги, просятъ, на основаніи
помѣщеннаго распоряженія Почтоваго Департамента, сообща
редакцію жалобу, засвидѣтельствованную въ мѣстной Почтовой
торѣ, *никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала.*
комъ случаѣ редакція высылаетъ вторично экземпляръ съ
почтою, не ожидая конца слѣдствія о потерѣ перваго экземпля

4. Желающіе имѣть билетъ отъ редакціи на полученіе жу
прилагаютъ для пересылки билета почтовую марку въ 10 коп.

ОТЪ ПОЧТОВАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

Для предоставленія Почтовому Вѣдомству возможности *удовл*
рять жалобы подписчиковъ на русскія періодическія изданія о
лученіи какого-либо нумера сихъ изданій, Почтовый Департаментъ
ситъ редакціи довести до свѣдѣнія своихъ подписчиковъ, чрезъ
печатаніе въ издаваемыхъ ими газетахъ и журналахъ, что заяв
о неполученіи подписчиками какого-либо нумера періодическаго
нія должны дѣлаться своевременно, т. е. *не позже какъ по полу*
слѣдующаго нумера, подобно тому, какъ это установлено для
леній о неполученіи газетъ и журналовъ иностранныхъ.

С.-Петербургъ. 1 октября 1872 г.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редак

РОЛЛА

Поэма Альфреда де-Мюссе.

I.

Жалѣете-ль вы время оно,
Когда на землю съ облаковъ
Сходилъ веселый сонмъ боговъ?
Когда среди морского лона
Киприда, дочь волны, всплыла,
Красою дѣвственной сіяя,
И слезы матери съ чела
И съ золотыхъ кудрей роняя,
Въ міръ наслажденье пролила?
Жалѣете-ль вы время это,
Когда, сплетаясь въ хороводъ,
Плескались нимфы среди водъ,
Въ сіяньи солнечнаго свѣта,
И лаской рѣзваго привѣта
Манили фавновъ, въ тростникѣ
Таившихся невдалекѣ?
Когда сильваны съ звонкимъ смѣхомъ
Качались въ зелени лѣсной
И пѣсню путника, порой,
Обманчивымъ дразнили эхомъ?
Когда Нарциссъ ручья кристалъ
Лобзалъ, исполненъ страстной дрожи;
Повсюду Геркулесъ блуждалъ
И вѣчной правды судъ свершалъ,

Одѣвшись въ плащъ изъ львиной кожи?
Когда весь міръ одушевленъ
Былъ поклоненіемъ святынѣ
И беззавѣтно вѣрилъ онъ
Тому, что̀ отвергаетъ нынѣ;
Когда одинъ лишь Прометей —
Братъ старшій Сатаны — страданью
Былъ обреченъ среди людей,
Безпечно жившихъ счастью данью?

Жалѣете ли вы о дняхъ
Чудесныхъ времени иного,
Когда все измѣнилось снова
И на землѣ и въ небесахъ?
Когда могилой міра стала
Его былая колыбель;
Когда отъ сѣвера мятель
Повѣяла и разметала
Въ развалины могучій Римъ,
И мрачнымъ саваномъ своимъ
Его величіе сокрыла?
Когда ночь варварства, потомъ,
Прошла, и, будто дня свѣтило,
Возстала въ блескѣ золотомъ
Жизнь юная; когда услышалъ
Усопшій міръ глаголъ Христовъ
И, сбросивъ гробовой покровъ,
Какъ Лазарь, изъ могилы вышелъ?

Жалѣете ли вы о дняхъ,
Когда на золотыхъ крылахъ
Вспорхнули наши пѣснопѣнья
Въ край очарованный чудесъ?
Когда такъ радостно съ небесъ
Свѣтило солнце возрожденья,
И жизнь въ его лучѣ живомъ
Сіяла дѣвственностью чистой?
Когда надъ храмомъ и дворцомъ
Крестъ возносился золотистый —
Символъ спасенья и добра?
Когда и въ Страсбургскомъ соборѣ
И въ храмахъ Кёльнскомъ и Петра
Народы всѣ въ единомъ хорѣ

Сливали дружно голоса,
И дивный гимнъ во славу вѣка
И обновленья человѣка
Летѣлъ съ земли на небеса?
Когда бѣлѣлися распятья
Слоновой кости съ алтарей
И пригвожденный Назорей,
Казалось, простиралъ объятья
Къ толпѣ молящейся; когда
Жизнь, послѣ сна открывши вѣжды,
Была свѣтла и молода,
А смерть исполнена надежды?

Христосъ! Христосъ! Я не изъ тѣхъ,
Кто входитъ робкими стопами
Въ твой храмъ безмолвный, и утѣхъ
Для скорби сердца ищетъ въ храмѣ.
Я не изъ тѣхъ, кого твоя
Влечетъ Голгоѳа, кто лобзая
Твой крестъ и въ грудь себя бія
Къ тебѣ приходитъ... Нѣтъ, когда я
Стою подъ портикомъ святымъ,
Гдѣ сонмъ молящихся колѣни
Склоняетъ предъ лицомъ твоимъ
Подъ звуки тихіе моленій,
Какъ клонится, порой, тростникъ
Подъ лаской вѣтерка морского, —
Христосъ! мнѣ чуждо въ этотъ мигъ
Твоихъ молитвъ святое слово!
Увы, я поздно родился,
Я встрѣтилъ жизни увяданье,
И не являютъ небеса
Мнѣ ничего для упованья.
Смѣнился вѣкъ надеждъ святыхъ
На вѣкъ безстрашнаго сомнѣнья,
И ангеловъ, Христосъ, твоихъ
Низвергъ онъ въ бездну разрушенья!
И славы блескъ твоей погасъ:
Ты на крестѣ висишь предъ нами,
Еще удержанный гвоздями,
Но, мнится, свергнется сейчасъ
Твой ликъ и прахомъ распадется!...

Да! Но пускай мои уста
Прильнутъ къ подножію креста,
И пусть моя слеза прольется
На этотъ прахъ! Христосъ, внемли!
Я, рабъ безвѣрья и сомнѣнья,
Я возношу къ тебѣ моленья
О возрожденіи земли!
Своею смертію когда-то
Ты далъ ей жизнь; теперь она
Вновь тлѣнію обречена.
О, Іисусъ уже-ль, возврата
Ей къ прежнему спасенью нѣтъ,
Уже-ль одряхшимъ поколѣньямъ
Вновь не заблещетъ жизни свѣтъ?

Теперь, какъ предъ твоимъ рожденьемъ,
Оцѣпенѣлъ весь міръ. Лежитъ
Онъ Лазаремъ въ гробницѣ снова,
И ждетъ опять Господня зова;
Но гдѣ же Тотъ кто воскреситъ
Его небесной силой слова?
Гдѣ Павелъ, чтó отжившій Римъ
Вновь привлечетъ любви глаголомъ
Къ священнымъ рубищамъ своимъ?
Надъ кѣмъ заблещетъ ореоломъ
Вѣнецъ мученья? Языкомъ
Изъ пламени надъ чьимъ челомъ
Духъ возгорится благодатный?
У чьихъ, о Магдалина, ногъ
Прольешь сосудъ ты ароматный?
Гдѣ между нами новый богъ?

Земля стара, земля устала;
Боль жгучихъ недуговъ и ранъ
Ее терзаетъ, какъ бывало,
Когда въ пустынѣ Іоаннъ
Повѣдалъ близость Назорея;
Но въ оны дни была она
Отъ словъ его потрясена
И, будто женщина, блѣднѣя,
Почуяла средь нѣдръ своихъ,
Какъ новый міръ въ ней встрепенулся...
Теперь же вновь къ землѣ вернулся

Весь сонмъ скорбей вѣковъ былыхъ,
Но человѣческой надеждѣ
Уже нѣтъ силъ питать дѣтей:
Давно зачахла грудь у ней,
Гдѣ былъ источникъ жизни прежде,
И въ утомленіи нѣмомъ
Она заснула тяжкимъ сномъ.

II.

Въ Парижѣ, гдѣ средь стогновъ шумныхъ
Кипятъ распутство и порокъ,
Жакъ Ролла межъ гулякъ безумныхъ
Безумнѣйшимъ назваться могъ.
Любилъ бродить онъ по тавернамъ,
И выпивши бутылокъ строй,
При блескѣ фонарей невѣрномъ
На столъ склоняться головой,
Иль въ кости тѣшиться игрой.
Не Жакъ своею жизнью правилъ:
Отдавшись разъ во власть страстей
Онъ ихъ потоку предоставилъ
Стремленья юности своей;
Такъ дремлющій пастухъ порою
Глядитъ безпечно, какъ ручей
Волну уноситъ за волною...
И страсти въ тѣлѣ молодомъ
Зажглись и поселились въ немъ,
Какъ путниковъ толпа хмѣльная
Въ гостинницѣ: то за столомъ
Она бушуетъ, разбивая
Посуду, мебель; то порой
Дерется на̀ смерть межъ собой,
То будто птицъ веселыхъ стая,
Грозою загнанная въ кустъ,
Поетъ безъ умолку...

У Роллы
Родитель былъ дворянчикъ; пустъ
И вѣтрянъ, онъ свой вѣкъ веселый
Провелъ, балуя барскій нравъ,
Спустилъ имѣнья половину

И умеръ, сыну передавъ
Лишь то, что нужно дворянину —
Привычку къ роскоши. Въ одинъ
Прекрасный день нашъ дворянинъ
Остался полнымъ господиномъ
Своей особы въ двадцать лѣтъ.
Талантомъ или знаньемъ свѣтъ
Не могъ дивить онъ ни единымъ,
И не хотѣлъ: ему смѣшнымъ
Казался трудъ. Онъ понемногу
Добромъ наслѣдственнымъ своимъ
Какъ баринъ важный жилъ, и Богу
Былъ очень благодаренъ онъ,
Что бариномъ въ сей міръ рожденъ. —

Однажды Геркулесъ, свой путь
Свершая, въ тяжкомъ утомленьи
Сѣлъ у дороги отдохнуть;
Ему предстало Наслажденье:
Оно звало его къ себѣ,
Оно манило лаской страстной,
Но онъ, оставшись твердъ въ борьбѣ,
За Правдой вѣчной и прекрасной
Направилъ вновь свой вѣрный слѣдъ.
Въ нашъ вѣкъ печальный въ мірѣ нѣтъ
Ни вѣчной правды, ни святыни,
Нѣтъ больше ни добра, ни зла:
Намъ не за что бороться нынѣ;
Куда бы насъ ни повлекла
Рѣка холодная забвенья —
Надежды нѣтъ, и нѣтъ спасенья:
Мы захлебнемся все равно
И погрузимся къ ней на дно.

Жакъ, предковъ будучи достоинъ,
Жилъ какъ они въ свои года...
Въѣзжая въ городъ, мы всегда
Встрѣчаемъ рядъ кладбищъ и боенъ:
Вступая въ свѣтъ, мы также въ немъ
Находимъ грязные клоаки.
Святая дѣвственность во мракѣ
Скрывается, но яснымъ днемъ
Жертвъ проституціи ласкаетъ

Развратъ безстыдный. Отъ людей
Довѣрье только тотъ стяжаетъ,
Кто въ грязномъ омутѣ страстей
Мечъ силъ душевныхъ закаляетъ.

Жакъ былъ правдивъ, неустрашимъ
И гордъ. Избитыя дороги
Онъ ненавидѣлъ и по нимъ
Ходить онъ презиралъ, томимъ
Всегдашней жаждою тревоги.

Въ три кошелька онъ разложилъ
Все золото свое; въ три года
Рѣшилъ растратить ихъ и жилъ
Безпечной волей. Отъ восхода
И до заката межъ дѣтей
Безпутныхъ праотца Адама
Никто такъ искренно и прямо
Не презиралъ въ душѣ своей
Всѣ націи и всѣхъ царей.

Въ фальшивомъ маскарадѣ этомъ,
Который жизнью мы зовемъ,
Гулялъ онъ до нага раздѣтымъ
И находилъ отраду въ томъ,
Что дерзко хохоталъ надъ свѣтомъ.
Какъ молодой Алкивіадъ
Носилъ свой золотой нарядъ,
Такъ онъ влачилъ вездѣ порфиру
Безпечнаго презрѣнья къ міру
И къ лицемѣрію людей.

Всѣ знали: года три не болѣ
Безумной юностью своей
Осталось наслаждаться Роллѣ.
Всѣ знали, что мотаетъ онъ
Послѣднія богатства: это
Улыбку возбуждало свѣта;
А Жакъ былъ твердо убѣжденъ
И громко говорилъ, что роздыхъ
Въ тотъ мигъ найдетъ его душа,
Когда, спустивъ все до-гроша,
Взорветъ онъ самъ себя на воздухъ.

Наивенъ сердцемъ и великъ
Своей безпечной добротою,
Онъ никогда бы не постигъ,
Какъ можно жизнь влачить съ нуждою;
Онъ съ ней бороться бы не могъ,
Онъ жилъ однимъ лишь днемъ, не зная,
Что дастъ другой — и коротокъ
Былъ этотъ день, какъ ночи мая!

Пустыни дикой конь, порою,
Трехдневнымъ бѣгомъ утомленъ
Ждетъ, чтобы тучей грозовою
Одѣлся синій небосклонъ,
Чтобъ землю дождь смочилъ обильный,
И утолить онъ жажду могъ.
Напрасно! въ тишинѣ могильной
Жжетъ солнце, всюду зной налегъ
И пальма клонитъ долу пыльный,
Поблекшій подъ лучомъ вѣнокъ....
Онъ дальше мчится съ дикимъ ржаньемъ,
Онъ ищетъ горный ключъ; увы,
Тотъ ключъ изсякъ... На скалахъ львы
Лежатъ, грозя ему рычаньемъ...
Тогда въ безсиліи, упавъ,
Окровавленными ноздрями
Песокъ онъ роетъ и, струями
Горячей крови напитавъ
Пустыни жаркій прахъ, на вѣки
Угасшихъ глазъ смежаетъ вѣки.
И степь могильный свой нарядъ
Надъ трупомъ стелетъ охладѣлымъ
И катитъ волнъ безмолвныхъ рядъ,
Ихъ саваномъ свивая бѣлымъ!..

Онъ, этотъ дикій конь, не зналъ,
Что въ часъ, когда онъ умиралъ,
Палимъ лучами огневыми,
Въ пустынѣ ѣхалъ караванъ
Верблюдовъ: еслибъ вслѣдъ за ними,
Склонивши шею подъ арканъ,
Ему пойти — въ Багдадѣ пышномъ
Стоялъ бы среди стойла онъ,
Рѣзной рѣшеткой окруженъ,

Питался бы зерномъ пшеничнымъ
И воду ключевую пилъ...

Богъ странно Роллу сотворилъ:
Манило счастье, иль невзгода
Во тьмѣ грядущаго ждала,
Онъ шелъ и не склонялъ чела,
И въ мірѣ для него была
Одна святая вещь—свобода.

III.

На чистый снѣгъ, иль изваянье
Изъ мрамора, свѣтъ золотой
Мерцающее льетъ сіянье
Въ тѣнь занавѣски голубой?
Нѣтъ, снѣгъ и мраморъ бѣлизной
Не могутъ поровняться съ этой
Красою спящею. Она
Лежитъ, склонясь, полураздѣтой.
Уста, цѣлуя грезу сна,
Слегка открылись вздохомъ нѣжнымъ:
Вздыхаютъ водоросли такъ,
Когда надъ тростникомъ прибрежнымъ
Вечерній сходитъ полумракъ,
Уснувъ молчитъ волна морская,
И тихій вѣтерокъ, лаская
Цвѣтовъ возлюбленныхъ красу,
Пьетъ страстно съ ихъ кудрей росу...

Она подъ сѣнью занавѣски
Лежитъ — дитя въ пятнадцать лѣтъ,
Почти ужъ женщина, хоть въ блескѣ
Ея красы невинной нѣтъ
Еще законченности полной;
И, мнится, неба херувимъ,
Которымъ сонъ ея хранимъ,
Надъ ней съ улыбкою безмолвной
Поникъ, сомнѣніемъ объятъ:
Возлюбленный онъ ей иль братъ?
Ея кудрей роскошныхъ волны
Разсыпались; рукою сжатъ

Крестъ ожерелья золотого—
Свидѣтель, что легла она
Съ молитвою и завтра снова
Съ молитвой встанетъ ото сна.

Она лежитъ... Смотрите, бѣло
Какъ лилія ея чело,
И будто небо пролило
Свой блескъ на дѣвственное тѣло.
Она лежитъ, покровы прочь
Откинувъ, въ наготѣ стыдливой.
Не правда ли, нѣмая ночь,
Кругомъ разливъ свой мракъ ревнивый,
Еще прелестнѣй и нѣжнѣй
Красы нагія оттѣняетъ,
И этотъ мракъ дрожитъ надъ ней,
Какъ будто мантіей своей
Духъ полуночи колыхаетъ,
Не смѣя съ темной высоты,
Спуститься къ ложу красоты.

Чуть слышится ея дыханье,
Какъ въ небѣ ангела полётъ,
Въ часъ утра. Посмотрите, вотъ
Здѣсь все, чѣмъ юное созданье
Въ своей невинности живетъ:
Кувшины съ свѣжими цвѣтами,
Шитье и книги по столу,
Распятье старое въ углу,
И кипариса вѣтвь, листами
Въ тоскѣ поникшая съ креста...
Невольно прялку Маргариты
Взоръ ищетъ здѣсь, гдѣ красота
И дѣвственность такъ чудно слиты.
Не правда-ль, чистъ и свѣтелъ онъ—
Ея безгрѣшный дѣтскій сонъ?
Небесъ защитою хранима
Мечта любви ея святой,
И тихо шелестятъ, порой,
Надъ нею крылья серафима,
Что̀ стережетъ ея покой...

О, если, дѣва молодая!

Та женщина, что здѣсь одна
Сидитъ, альковъ твой охраняя,
Тебѣ не мать, то кто-жъ она?
Зачѣмъ, какъ будто мигъ урочный
Она на стрѣлкѣ часовой
Слѣдитъ, качая головой?
Кого она порой полночной
Съ заботой ждетъ и для кого
Дверь этой спальни отворила
И тихо занавѣсъ открыла?
Не для отца ли твоего?
Нѣтъ, умеръ твой отецъ, Марія,
Давнымъ-давно... Тамъ на столѣ
Сіяютъ свѣчи, въ хрусталѣ
Сверкаютъ вина золотыя,
И кушанья дымятся... Ждетъ
Кого же пышный ужинъ тотъ?
О, кто бы ни былъ онъ, но все же
Онъ не любовникъ твой: чиста,
Ты спишь, склонясь на этомъ ложѣ,
И дѣвственна твоя мечта.
Любовь желаньемъ не нарушитъ
Міръ сердца въ возрастѣ твоемъ...
Но чей же плащъ измокшій сушитъ
Та женщина передъ огнемъ?
Онъ твой, Марія. Влажнымъ блескомъ
Твои покрыты волоса,
Румянецъ яркій разлился
На ликъ, въ дыханьи вѣтра рѣзкомъ
Обвѣянный. Куда ходить
Могла ты въ дождь, ночной порою?
Куда? О, нѣтъ, не можетъ быть
Твоею матерью родною
Та женщина...

Чу! разговоръ
Тамъ слышится... Дверь въ корридоръ
Открыли женщины; другія,
Увядшія, полунагія
Крадутся тихо вдоль стѣны...
Вотъ лампа гдѣ-то гаснетъ... Шатки
Ея лучи; озарены
Ихъ свѣтомъ, оргіи остатки

Виднѣются изъ глубины
Далекой комнаты: стаканы
Столкнулись на столѣ; багряной
Струею скатерть облита...
Дверь хлопнула при взрывѣ смѣха
Ужаснаго... Раздалось эхо
И вновь настала темнота...

Не правда-ль, это сонъ, Марія?
Воображенья бредъ больной?
Все тихо. Матерью родной
Хранима ты. Цвѣты живыя
Льютъ надъ тобою ароматъ,
И кудри пышныя блестятъ
Подъ влагой масла благовонной,
И дѣвственный румянецъ легъ
На бѣлый мраморъ этихъ щекъ
Отъ поцѣлуевъ грезы сонной?..

Но тише! Въ дверь раздался стукъ,
Въ ночномъ молчаньи слышенъ звукъ
Шаговъ, и при мерцаньи свѣта
Двѣ тѣни близятся, идутъ...
Ты-ль, истомленный Ролла, это?
Зачѣмъ тебя я вижу тутъ?

О Фаустъ! было то мгновенье,
Когда ты міръ покинуть могъ:
Въ ночь грустную злой духъ сомнѣнья
Подъ огненнымъ плащемъ ужъ влекъ
Тебя надъ бездною забвенья!
Произнесли твои уста
Послѣдняго проклятья слова.
Подъ звуки пѣнія святого—
Гимнъ воскресенія Христа—
Ты не склонилъ чела сѣдого
И богохульствомъ встрѣтилъ ихъ.
Дрожалъ стаканъ налитый ядомъ,
Въ устахъ поблекнувшихъ твоихъ,
И смерть съ тобой стояла рядомъ
Предъ безнадежнымъ, тусклымъ взглядомъ
Раскрывши путь минувшихъ дней:
Твои безвѣстныя дѣянья,

Твои убитыя желанья,
Безумье мудрости твоей!
Проникъ отчаянія холодъ
Въ грудь старую и порвалось
Въ ней сердце: такъ, порой утесъ
Морозомъ сѣвера расколотъ...
Безвѣрья посѣдѣлый жрецъ,
Твой часъ пробилъ: въ душевной мукѣ
Ты дерево своей науки
Исторгнулъ съ корнемъ наконецъ!

И чтó же? Въ этотъ мигъ, когда ты
Все проклялъ въ жизни, въ этотъ мигъ
Въ тебѣ блеснулъ ея родникъ:
Лишь демонъ поманилъ проклятый
Тебя мечтою счастья вновь,
Изъ жилъ сухихъ ты пролилъ кровь.
Откуда же востока раннiй
Повѣялъ вѣтеръ надъ тобой?
Съ лазурныхъ водъ на океанѣ?
Изъ темныхъ гротовъ? Изъ лѣсной
Зеленой чащи, гдѣ алоэ
Льетъ ароматъ, листы оливъ
Склоняются и, ихъ обливъ,
Сіяетъ солнце золотое?
Иль съ горныхъ вѣковыхъ высотъ,
Гдѣ спятъ снѣга въ туманныхъ сѣняхъ
Недвижныхъ тучъ, повѣялъ тотъ
Привѣтный вѣтерокъ, весеннихъ
Слезъ полный, и твое чело
Сѣдое снова разцвѣло,
И вновь исполненный надежды
Рукой, дрожащею отъ лѣтъ,
Схватился ты за край одежды
Невинности въ пятнадцать лѣтъ!

Пятнадцать лѣтъ! Ромео! это
Чудесный возрастъ тотъ, когда
Тебя увидѣла Джульета.
Какъ въ эти чудные года
Любили вы! Какъ вѣтеръ ранній
На лѣстницѣ шелкóвой васъ
Баюкалъ тихо, въ часъ прощаній

Медлительныхъ лобзаній часъ!
Пятнадцать лѣтъ! О возрастъ чудный!
Какъ жизни дерево въ тѣ дни
Блеститъ красою изумрудной
Въ благоухающей тѣни
Оазиса пустыни знойной;
Какъ сладко льетъ, подобно стройной
Азійской пальмѣ, ароматъ
Плодовъ роскошныхъ, что̀ горятъ
Подъ лаской солнца золотого.
Пятнадцать лѣтъ! О красота!
Столь юною изъ рукъ благого
Творца ты вышла такъ чиста,
Такъ прелестью полна чудесной,
Что ангеламъ въ раю святомъ
Опредѣлилъ Отецъ небесный
Быть вѣчно въ возрастѣ твоемъ!

О Евва, дочь небесъ святая,
Цвѣтокъ благоуханный рая!
Въ вѣнкѣ изъ золотыхъ кудрей
Ты цвѣсть могла не увядая;
Но смертнаго въ душѣ своей
Ты полюбила больше Бога
И богомъ сдѣлала своимъ;
И если-бъ въ небеса дорога
Тебѣ открылась вновь, ты съ нимъ
Въ краю изгнанья бы осталась,
Любовь и скорбь дѣлить вдвоемъ
И умереть на сердцѣ томъ,
Куда съ любовью ты склонялась!

Съ тоскою Роллы взоръ поникъ
На спящую, на это ложе.
Онъ поблѣднѣлъ и сердце въ мигъ
Въ немъ замерло отъ тайной дрожи.
Онъ былъ не въ силахъ превозмочь
Невольный страхъ. Маріи ночь
Купилъ онъ дорогой цѣною:
Пистоль послѣдній заплативъ,
Жакъ поклялся въ душѣ, что живъ
Уже не будетъ онъ съ зарею.
Три года, — чудные года

Безумной нѣги, упоенья—
Промчались быстро безъ слѣда:
Такъ пролетаетъ сновидѣнье,
Такъ тѣнь мелькаетъ отъ крыла
Летящей птицы.... Ночь пришла
Послѣдняя, ночь агоніи,
Когда въ предсмертный, страшный мигъ
Слова моленія святыя
Не въ силахъ вымолвить языкъ,
Коснѣющій въ устахъ—и что же?
Онъ, христіанинъ, въ этотъ часъ
Съ продажной женщиною ложе
Пришелъ дѣлить въ послѣдній разъ!
Предъ нимъ стоитъ его гробница
Открытая, и съ нею въ рядъ
Постель, гдѣ ждетъ его развратъ
И бѣдное дитя-блудница.

О вѣчный хаосъ съ вѣчнымъ зломъ!
Святыни дѣтства поруганье!
Не лучше-ль было бы серпомъ
Изрѣзать юный ликъ созданья,
Лежащаго на ложѣ томъ?
Не лучше-ль было-бъ страшной маской
Закрыть небесныя черты?
Ея краса привѣтной лаской
Какъ ручеекъ манитъ: цвѣты
Къ нему склонились, съ высоты
Въ него лучи свѣтилъ глядятся,
И воды свѣтлыя струятся
Едва журча, но ихъ волна
Кристальная отравлена....

И все-жъ она еще чиста—
Природы дивное созданье!
Какъ сладко первыхъ ласкъ лобзанья
Прольются на ея уста!
Когда созрѣетъ цвѣтъ чудесный
Ея любви, какой онъ плодъ
Благоуханный принесетъ!
Какой прольется лучъ небесный
Изъ лампы юной красоты!

О бѣдность! бѣдность! Это ты
Ребенка бросила на ложе
Разврата. Посмотри: она
Молилася предъ часомъ сна!
Молилася! Кому? О, Боже!
Она молиться бы должна
Тебѣ — ты, бѣдность роковая,
Прокралась тихо въ часъ ночной
Подъ кровъ, гдѣ вѣтра шумъ внимая,
Мать этой дѣвочки, рыдая,
Безсонной мучилась тоской.
Ты ей дала совѣтъ безчестный:
Дочь у тебя цвѣтокъ прелестный,
Продать свою ты можешь дочь!
Не ты-ль ее на эту ночь
Рукой костлявой омывала,
Какъ омываютъ трупъ, когда
Кладутъ его во гробъ? Сюда
Ее не ты ли провожала
При блескѣ молній, подъ дождемъ?
Увы, покорная неволѣ,
Она пришла къ позорной долѣ;
Но ясно надъ ея челомъ
Заря невинности сіяетъ.
Дитя несчастное! Страстей
Въ пятнадцать лѣтъ она не знаетъ,
Еще Марія имя ей,
А не Марьонъ. Не жажда къ платѣ
Ее сгубила — бѣдность.... Тутъ,
Гдѣ создало себѣ пріютъ
Распутство, въ гнусной той кровати
Она лежитъ теперь.... Но ей
Не бросимъ мы слова́ укора:
Для старой матери своей
Она пошла на одръ позора!

Вы не жалѣете о ней,
Вы — женщины большого свѣта!
Что въ шелкъ и бархатъ не одѣто,
Въ чемъ радостей судьбы своей
Вы не находите — все это
Вашъ взоръ изнѣженный страшитъ.
И въ васъ она не возбудитъ

Участія своимъ позоромъ—
Въ васъ, матери семействъ, которымъ
Священный долгъ велитъ держать
Дверь спальни дочекъ подъ запоромъ
И отъ супруговъ подъ кровать
Своихъ любовниковъ скрывать!
Любовью свѣтлой, поэтичной
Вы счастливы, и никогда
Васъ люди женщиной публичной
Не назовутъ съ презрѣньемъ. Да,
Вы отдаетесь наслажденью,
И тощій голодъ страшной тѣнью
Не возстаетъ на ложѣ томъ,
Гдѣ вы лежите, и лобзанья
Въ устахъ, просящихъ подаянья,
Не зажигаетъ блѣднымъ ртомъ.

О вѣкъ нашъ! Все, что нынѣ зримо,
Уже-ль и въ прежніе вѣка
Такъ было? Черная рѣка
Несчастія неудержимо
Влечетъ за трупомъ трупъ, и мимо
Они въ молчаніи плывутъ
Въ бездонный океанъ забвенья;
Земля же видитъ, какъ живутъ,
Какъ умираютъ поколѣнья,
И, обходя обычный кругъ,
Къ Творцу быстрѣе не стремится,
Чтобы повѣдать сколько мукъ
И сколько зла на ней таится.

Что-жъ, если такъ, проснись же ты,
Дитя разврата, въ чудномъ блескѣ
Своей прелестной наготы!
Вино сверкаетъ.... Занавѣски
Надъ зеркаломъ твоимъ, порой,
Колышетъ вѣтерокъ ночной....
Ты куплена условной платой....
Христосъ на вечери, объятый
Предчувствіемъ, что недалекъ
Его мученій часъ, не могъ
Такимъ страданіемъ томиться,
Какимъ весельемъ полонъ тотъ,

Кто ночь съ тобою проведетъ.
Иди! любовь тебя зоветъ,
Ты пить должна и веселиться.
Пусть отъ вина горятъ страстнѣй
Твои мятежныя лобзанья,
Въ томленьи страстнаго желанья
Склонись къ нему на грудь и пей
За жизнь, за смерть, за наслажденье.
Веселой пѣсней призови
Къ себѣ безумное забвенье.
Да здравствуетъ ночь упоенья,
Ночь сладострастья и любви!

IV.

Вольтеръ! въ покоѣ гробовомъ
Твой трупъ изсохшій веселится-ль?
На сгнившемъ остовѣ твоемъ
Улыбка скверная змѣится-ль?
Ты въ юный вѣкъ существовалъ
Ты, говорятъ, имъ былъ не понятъ?
Порадуйся! твой вѣкъ насталъ,
И зданье то, что̀ подрывалъ
Ты днемъ и ночью, насъ хоронитъ
Подъ грудою руинъ своихъ....
Смерть, нетерпѣніемъ сгорая,
Ждала тебя, и, какъ женихъ,
Съ ней восемьдесятъ лѣтъ играя
Любовью адской, наконецъ
Ты легъ съ невѣстой подъ землею;
Но не встаешь ли ты, порою,
Чтобъ старый посѣтить дворецъ,
Иль монастырь, давно забытый?
Что̀ въ это время говоритъ
Тебѣ ихъ грустныхъ труповъ видъ:
Упавшій сводъ, алтарь разбитый
Твоей рукою и окрестъ
Развалины, навѣкъ пустыя?
Что̀ говоритъ поникшій крестъ,
Что̀ говоритъ тебѣ Мессія?
И видишь ли ты кровь Того,
Кто умеръ, смертью насъ спасая,

Когда, во тьмѣ ночной блуждая,
Ты потрясаешь крестъ его?..
И если есть въ тебѣ сомнѣнье,
Вполнѣ-ль свое предназначенье
Свершилъ ты въ мірѣ, если знать
Желаешь нынѣ, хороши ли
Твои дѣла — проснись въ могилѣ:
Какъ мрачный Командоръ предстать
Ты можешь въ этотъ часъ предъ Роллой
И раздѣлить съ нимъ пиръ веселый.

Ты слышишь страстныхъ ласкъ слова?
Ты слышишь поцѣлуевъ звуки?
Въ одномъ объятіи ихъ руки
Сплелись, и, кажется, что два
Существованья вмѣстѣ слиты.
Уста горящія открыты,
Несвязный лепетъ, нѣги крикъ
Дрожитъ въ нихъ тихо. Наслажденье
Лобзаетъ ихъ прекрасный ликъ
И замираетъ въ упоеньи.
Они столь полны красотой,
Они столь молоды, что, мнится,
Какъ надъ эдемскою четой,
Надъ ними сѣнью золотой
Готово небо опуститься!
И что же? Въ этотъ мигъ чужда
Для нихъ любовь, и никогда
Любовью ихъ сердца не бились.

Но гдѣ же, гдѣ же научились
Они чарующимъ словамъ,
Въ которыхъ слезы пополамъ
Съ восторгомъ сладострастья слились?
О женщина! Въ тебѣ сокрытъ
Источникъ мукъ и наслажденій,
Предъ алтаремъ твоимъ звучитъ,
Въ часъ тайныхъ жертвоприношеній,
То кликъ проклятій, то моленій!
Скажи мнѣ: гдѣ они живутъ—
Слова любви? Имъ нѣтъ названья,
Но всѣ ихъ знаютъ, всѣ ихъ чтутъ
Отъ дней начальныхъ мірозданья.

Что въ нихъ? они невольный бредъ,
Безумный лепетъ опьяпѣнья,
И между тѣмъ пять тысячъ лѣтъ
Ихъ повторяютъ поколѣнья.

О поруганье! красотой
Опи такъ полны, что святой
Сонмъ ангеловъ въ селенья рая
Съ земли увлечь ихъ былъ бы радъ —
И вотъ, на ложѣ томъ лежатъ
Опи, любви въ сердцахъ не зная!
Кругомъ лепечетъ тихо ночь
И вѣтерокъ летитъ, чуть вѣя,
И содрогается блѣднѣя
Природа, будто превозмочь
Не можетъ нѣги сладострастной...
И отъ куреній ароматъ...
И выпитыхъ бутылокъ рядъ...
И поцѣлуевъ звукъ неясный...
И можетъ быть еще — несчастный,
Чья жизнь начпется въ этотъ день,
Кто проклянетъ минуту эту...
О Боже мой! любви здѣсь нѣту,
И все-таки любви есть тѣнь!

Монастырей безмолвныхъ своды,
Пещеры — вотъ куда ушла
Любовь святая въ оны годы.
Трапезъ холодныхъ полумгла,
Гробницъ печальныхъ изваянья,
И каждый камень, и плита,
Которымъ жаркія уста
Несли дрожащія лобзанья —
Все было полно обаянья
Въ стѣнахъ монастырей святыхъ.
О, если-бъ нѣдра келій ихъ
Могли открыться нынѣ этимъ
Безумнымъ наслажденья дѣтямъ,
Что въ упоеніи лежатъ
На ложѣ, гдѣ царитъ развратъ;
О, еслибъ ихъ душа постигла
Глаголъ небесъ, и въ ихъ тѣла
Вонзилась власяницы игла;

О, еслибъ смылись съ ихъ чела
Водою чистою крещенья
Безумье ихъ, ихъ прегрѣшенья;
О, если бы, склонясь во прахъ,
Они на храмовыхъ плитахъ
Колѣни стерли отъ моленья,—
Тогда бы поняли они,
Какой любовью въ оны дни
Въ тиши обителей любили.

Томимы жаждою святой,
Восторгъ любви небесной той
Отшельники душою пили
Изъ чашъ страданья. Въ тихій часъ,
Когда молитвой усладясь,
Они смыкали взоръ устало,
И въ мракѣ ночи рисовала
Предъ ними сонная мечта
Ликъ пригвожденнаго Христа;
Когда являлся онъ имъ въ храмѣ
Съ сіяніемъ зари, лучами
Игравшей въ окнахъ золотыхъ—
Въ тотъ тайный часъ въ сердцахъ своихъ
Любовью чистой, неземною
Любили пламенно они...

О старый Аруэ! взгляни,
Вотъ человѣкъ передъ тобою:
Онъ полонъ жизнью молодой,
Онъ лобызаетъ въ нѣгѣ страстной
Грудь этой женщины прекрасной,
И онъ убьетъ себя съ зарей!
Ты видишь, онъ тебя достоинъ,
Ученьемъ созданъ онъ твоимъ;
Будь за него вполнѣ спокоенъ:
Въ часъ смерти не мелькнетъ предъ нимъ
Надежды лучъ, лучъ утѣшенья.
Когда невѣрье и сомнѣнье
Въ науку вздумаютъ возвесть,
Въ примѣръ его поставятъ дѣло.
Онъ твой: его ты можешь смѣло
Въ могилу за собой унесть.

Не думаешь ли ты, что, полонъ
Малѣйшей вѣрой, можетъ быть
Сюда бы нынѣ не пришелъ онъ
Затѣмъ, чтобъ дерзко осквернить
Развратомъ смерти часъ? Напрасно!
Скажи ему: смерть переходъ
Въ міръ вѣчныхъ мукъ, гдѣ все ужасно—
Въ немъ сердце страхомъ не дрогнетъ:
Презрѣвъ грядущія страданья,
Онъ бросится во слѣдъ за ней,
Какъ за невѣстою своей
Женихъ, исполненный желанья!

Вотъ, Аруэ, твое созданье
Вотъ онъ невѣрья человѣкъ.
Увы, лишь въ нашъ постыдный вѣкъ
Такъ умираютъ... Брутъ, свидѣтель
Паденья Рима, говорилъ:
«Пустое слово добродѣтель!»
Онъ все утратилъ, все, чѣмъ жилъ,
Чѣмъ утѣшался въ мірѣ этомъ:
Отчизна, слава, лавръ побѣдъ,
Свободы греза, съ юныхъ лѣтъ
Его ласкавшая привѣтомъ,
И Порція и Кассій другъ—
Все сгибло для него... Вокругъ
Онъ оглядѣлся и измѣрилъ
Пройденый путь: увы, не могъ
Онъ больше жить, онъ въ жизнь не вѣрилъ,
Онъ на землѣ былъ одинокъ.
Но все-жъ въ тотъ мигъ, когда вонзалась
Кинжала сталь ему во грудь,
Онъ могъ съ отрадою вздохнуть:
Ему надежда оставалась—
Онъ вѣровалъ своимъ богамъ...

Но что же остается намъ,
Коль мы не вѣримъ небесамъ?
О, разрушители святыни,
Работали вы для кого,
Разьявъ Христово тѣло нынѣ
На алтарѣ святомъ его?
Что̀ на его священномъ гробѣ

Ученье ваше возростить?
Растерзанъ вами въ дикой злобѣ
Небесный голубь: онъ летитъ
Съ небесъ высокихъ, окровавленъ,
И въ бездну падаетъ, кружась...
Ну что-жъ, смотрите: міръ избавленъ
Отъ заблужденій вѣры; васъ
Послушалось людское племя,
И совершенствомъ въ наше время
Сталъ человѣкъ. Вы жизнь умно
Исправили: въ ней все въ порядкѣ:
Ни горъ, ни безднъ — все сравнено,
Долины и дороги гладки,
Повсюду блескъ и свѣтъ; но жаль,
Что въ этомъ мірѣ возрожденномъ
Нельзя дышать. Умчались въ даль,
Гонимы вѣтромъ зачумленнымъ,
Слова молитвъ; падутъ кругомъ
Кумиры лжи; но серафимы
Вздрогнули, ужасомъ томимы,
Заслышавъ ихъ паденья громъ.
Пусть въ наши дни не лицемѣрятъ,
Пускай жрецовъ не признаютъ,
За то въ Творца небесъ не вѣрятъ
И добродѣтели не чтутъ.
Пускай въ душѣ аристократа
Нѣтъ гордости отцовъ своихъ,
За то сквернитъ онъ память ихъ
Въ притонахъ гнуснаго разврата.
Пусть мысль свободна отъ оковъ,
Ея анализъ безпощаденъ:
Народъ, какъ прежде, кровожаденъ
И жаждетъ видѣть бой быковъ.
Кому жизнь скорби надоѣла,
Кто къ радостямъ утратилъ вкусъ,
Въ монахи тотъ нейдетъ, но смѣло
Жаровню ставитъ, какъ Эскуссъ *).

---

*) Драматическій поэтъ временъ первой имперіи, потерпѣвшій неудачу при ...дставленіи его «Петра III» и «Раймонда», и умертвившій себя вслѣдствіе того ...льнымъ газомъ, въ 1831 году. Беранже посвятилъ ему превосходное стихотворе... «Le suicide».

V.

Лучи восхода заблестѣли
На кровляхъ. Ролла, вставъ съ постели,
Облокотился у окна.
Повсюду улицъ тишина
Уже терялась въ общемъ шумѣ...
И онъ челомъ склонился въ думѣ...
Разорванныя облака
Неслись кровавыми клочками;
Казалось, ихъ Творца рука
Расторгла, какъ завѣсу въ храмѣ,
Когда, издавъ послѣдній крикъ,
Христосъ главой на грудь поникъ.

Старикъ пѣвецъ бродячій гдѣ-то
Романсъ давнишній напѣвалъ.
Ахъ, пѣсни дѣтскихъ дней! Какъ въ лѣта
Младенчества вашъ звукъ плѣнялъ.
Какъ потрясаете глубоко
Вы сердце тайной скорби въ часъ!
Когда сознаешь, что отъ васъ
Ушелъ далеко такъ, далеко,
Что вы звучали такъ давно—
Чело, тоской омрачено,
Невольно никнетъ... чьи рыданья
Дрожатъ въ васъ, надрывая слухъ?
То плачетъ разрушенья духъ,
Иль духъ святой воспоминанья?..
О, пѣсни, пѣсни дней былыхъ!
На легкихъ крыльяхъ вы какъ птицы
Вились въ чертогахъ золотыхъ
Прекрасной сказочной царицы —
Любви младенческой! Увы,
Раскрывъ душѣ цвѣты былого,
Ее вы кутаете снова
Въ могильный мрачный саванъ, вы,
Чьи нѣжно-ласковыя трели
Лились у нашей колыбели!

На ложе Ролла посмотрѣлъ:
Спала Марія въ утомленьи.

Она жестокій свой удѣлъ
Забыла въ сладкомъ сновидѣньи,
Онъ въ смерти позабыть хотѣлъ.

Когда осеннею порою
Восходитъ солнца лучъ съ зарею,
Онъ на вершинахъ снѣговыхъ
Ложится отблескомъ огнистымъ.
По плéчамъ ночи серебристымъ
Проходитъ трепетъ и на нихъ
Горитъ румянецъ отъ лобзаній
Свѣтила дня: такъ въ тайный часъ,
Когда огнемъ любви желаній
Грудь юной красоты зажглась,
Она трепещетъ вся подъ лаской
Неясныхъ грезъ и жаркой краской
Пылаетъ, въ сердцѣ стыдъ тая.
О солнце, властелинъ созданья!
Земля любовница твоя,
Твоя сестра въ ночномъ молчаньи
Ее покоитъ близъ тебя,
Свою подругу полюбя,
Ты, солнце, въ небѣ пожелало
Быть вѣчно юнымъ, чтобъ она,
Твоимъ лучемъ озарена,
Красою вѣчною сіяла.

«Вы, ласточки, чтó въ вышинѣ
Лазурной кружитесь, мелькая,
Скажите, о скажите мнѣ,
Зачѣмъ же я грущу, желая
Покинуть міръ? О еслибъ могъ,
Взмахнувши легкими крылами,
Я въ небо улетѣть за вами!
Зачѣмъ алѣетъ тамъ востокъ?
Что значитъ день для міра новый?
Скажи зеленая трава,
Скажи мнѣ моря синева,
Скажи мнѣ лучъ зари багровый,
Чтó тайно къ вамъ зоветъ мечты,
Колѣни долу преклоняя?
Земля! Невѣста солнцу ты—
Скажи, зачѣмъ твои цвѣты

Цѣлуются, росой сверкая?
Скажи, о чемъ ликуетъ хоръ
Поющихъ птицъ? Зачѣмъ привѣтомъ
Любви ты манишь слухъ и взоръ,
И будто шепчешь мнѣ укоръ,
Что я хочу разстаться съ свѣтомъ?»

Жизнь есть любовь! Увы, къ чему
Мысль эта страшная предъ Роллой
Вставала тайно, въ часъ тяжелый,
Когда онъ былъ готовъ всему
Сказать предсмертное прощанье?

Любовь! Что до любви ему,
Коль онъ свое существованье
Влачилъ безпутно день за днемъ,
И молодость отдавъ разврату
Пріобрѣталъ любовь за плату,
Ее считая ремесломъ?
Подобно старому солдату,
Что раной хвалится своей,
Онъ хвастался, что страстный пламень
Онъ заглушилъ въ груди, что въ ней
Не сердце вложено, а камень.
Безъ крова, безъ подруги онъ
Кружился случая по волѣ:
Такъ, вѣтромъ съ дерева снесенъ,
Увядшій листъ кружится въ полѣ.

И что-жъ? Теперь, когда въ притонъ
Распутства онъ пришелъ, чтобъ очи
Закрыть на вѣкъ, когда ужъ гасъ
Лучъ блѣдный жизни, вѣчной ночи
Смѣняясь мракомъ — въ этотъ часъ
Зачѣмъ, откуда прилетѣла
Святая вѣсть любви святой?

Когда орленокъ молодой,
Слѣдя полетъ орлицы, смѣло
Приблизится на край гнѣзда,
Кто говоритъ ему тогда,
Что можетъ онъ подъ небесами
Летать, оставивъ выси скалъ?

Онъ никогда еще крылами
Не взмахивалъ, не покидалъ
Свое гнѣздо между скалами;
Но вѣтеръ дунулъ — и за нимъ
Летитъ онъ къ тучамъ грозовымъ!...
Не мало низкихъ душъ рождаетъ
Природа: племя ихъ живетъ
Въ грязи, въ грязи и умираетъ,
Ей нуженъ этотъ жалкій родъ,
Чтобъ воронамъ дать пропитанье,
Чтобъ жизнь была утучнена
Гніеньемъ; но творитъ она
Иными высшія созданья.
Природа знаетъ тайну ту,
Какъ охранять ихъ чистоту,
Чтобъ не затмилъ ее міръ цѣлый;
Она рукой бросаетъ смѣлой
Ихъ въ черный омутъ иногда —
И тщетно мутная вода
Грязнитъ Каррары мраморъ бѣлый!

Въ развратѣ Ролла утопалъ;
Но создала его природа
Изъ твердаго гранита. Спалъ
Онъ тяжело душой три года,
Глубоко чувства затая;
Но мигъ насталъ и въ немъ проснулась
Святая мысль, и какъ змѣя
Вдругъ въ темныхъ кольцахъ развернулась.

На Сенъ-Доминго много лѣтъ
Страдали негры. Солнца свѣтъ
Встрѣчая каждый день въ оковахъ,
Они склонялись подъ бичи
Свободы палачей суровыхъ.
И что-жъ? Могли ли палачи
Рабовъ измученное племя
Исторгнуть съ корнемъ? Пробилъ часъ —
И цѣпь неволи порвалась!..
И для тебя, о Ролла, время
Освобожденія пришло:
Вдругъ озарилася свѣтло
Твоя душа, и заблужденья

Покровъ туманный спалъ съ очей.
Теперь, въ предсмертныя мгновенья
Остатки жалкіе своей
Безумной жизни ты разбей!
Въ послѣдней оргіи могильной
Стаканъ послѣдній подними
И пей за смерть и обойми
Ничтожество рукой безсильной!
Ничтожество! Ты видишь: вотъ
Оно, какъ призракъ колоссальный,
Летитъ и солнца шаръ кристальный
Хватаетъ и съ небесъ влечетъ.
Вотъ гаснетъ день, вотъ ночь настала,
Ночь вѣчности нѣмая.... Да,
Твоя душа любви не знала
И не узнаетъ никогда.

Окно дрожащею рукою
Закрылъ онъ и сломалъ цвѣтокъ
На тонкомъ стебелькѣ. Съ тоскою
Глядѣлъ онъ на его вѣнокъ
Поблекнувшій и, мнилось Роллѣ,
Цвѣтокъ тотъ грустно говорилъ:
«Я умираю, я любилъ,
Я счастьемъ жилъ... о, не за то ли,
Безумецъ, ты меня убилъ,
Что грѣшныхъ я не зналъ желаній,
Въ нарядѣ ярко-золотомъ
Склоняяся въ часъ утра ранній
Для нѣжныхъ ласкъ и для лобзаній
Съ передразсвѣтнымъ вѣтеркомъ?...»

Люблю! — священнымъ тѣмъ глаголомъ
Полна природа: онъ звучитъ
И въ шумѣ вѣтра, что летитъ
По высямъ горъ, по злачнымъ доламъ,
И въ щебетаньи птицъ веселомъ,
И въ волнахъ, льющихъ свой кристалъ
У ногъ глядящихся съ нихъ скалъ.
Когда для жизни всей настанетъ
Часъ роковой, предсмертный часъ,
Земля издастъ въ послѣдній разъ
Печальный вздохъ любви и канетъ

Въ мракъ вѣчный.... Ночи красота—
Свѣтила неба голубого!
И вы лепечете то слово,
Въ которомъ съ нѣгой грусть слита!
Когда Творецъ всесильный міра
Васъ создалъ, слабыя изъ васъ
Въ пространствѣ вѣчнаго эфира
Помчались, къ солнцу устремясь
Съ любовью тайной; но другія
Влеклися къ нимъ и чередой
Пошли вы, звѣзды золотыя,
Свой путь свершая круговой.

Недвиженъ, къ спящей наклонясь,
Жакъ на нее смотрѣлъ.... И мнилось,
Какимъ-то свѣтомъ озарилось
Лицо Маріи въ этотъ часъ.
Мечта ли то была? но гдѣ-то,
Ему казалось, видѣлъ онъ
Лицо таинственное это?
Внезапнымъ страхомъ пораженъ
Онъ содрогнулся. Не была ли
Она сестрой его печали,
Она — любви продажной дочь?
Кругомъ все мрачно и уныло,
Какъ будто здѣсь ея могила.
Не перелилъ ли въ эту ночь
Свои предсмертныя страданья
Онъ въ грудь несчастнаго созданья,
Дѣлившаго съ нимъ ложе сна?

«Да, предо мной лежитъ она,
Подруга мукъ моихъ, блѣдна
Въ лицѣ съ покорностью нѣмою.
Да, это статуя: склонясь
Надъ гробовой моей плитою,
Она уснула въ скорбный часъ,
Когда прощаюсь я съ землею.
Не пробуждайся! Въ жизни ты
Осуждена къ земнымъ тревогамъ,
Но въ чистомъ снѣ твои мечты
Витаютъ въ небесахъ предъ Богомъ!
Дай мнѣ на вѣкахъ этихъ глазъ

Поцѣловать твой сонъ: тоскуя,
Прости послѣднее ему я
Хочу сказать въ послѣдній разъ,
Онъ ризу чистоты разврату
Не продалъ; я бы могъ его
Любить отъ сердца не за плату;
Къ днямъ свѣтлымъ дѣтства твоего
Уноситъ онъ тебя душою,
Твоей любуясь красотою,
Еще невинной для него....»

«Не ангелъ ли прекрасный рая
Лежитъ подъ тѣнью занавѣсъ?...
О, если правда, что, съ небесъ
Мгновенной гостьей къ намъ слетая,
Любовь должна на жизнь земли
Смотрѣть лишь только издали,
Что на землѣ она встрѣчаться
Съ обманомъ злымъ обречена;
О, если правда, что она,
Изъ страха тайнаго разстаться
Съ очарованіемъ должна,
Брать отъ любимаго созданья
Лишь впечатлѣніе страданья,
То что́-жъ искать мнѣ? Красоты
И юности? Онѣ живыя
Передо мной. Приди же ты,
Любовь! Что для тебя Марія?
Пускай печаленъ твой цвѣтокъ —
Выдь изъ него благоуханьемъ!...»

На ложе тихо Ролла легъ.
Она спала. Ея дыханьемъ
Онъ упивался, онъ припалъ
Къ ея челу съ нѣмымъ лобзаньемъ,
И взоръ его то угасалъ,
То зажигался вновь. Марія
Вздохнувъ проснулась ото сна,
Глаза открыла голубыя
И грустно молвила она:
«Какой мнѣ сонъ приснился странный:
Казалось мнѣ, я здѣсь лежу,
Не сплю и съ ужасомъ гляжу;

Кругомъ долиною пространной
Кладбище тянется и рядъ
Гробницъ открытыхъ, и лежатъ
Истлѣвшія въ нихъ кости.... Трое
Людей невѣдомыхъ пришли
И гробъ закрытый принесли
И стали пѣть молитвы, роя
Могилу новую. Потомъ
Вдругъ отворился гробъ и въ немъ
Я увидала васъ. Блестѣли
На вашемъ помертвѣломъ лбу
Слѣды кровавыхъ ранъ. Въ гробу
Вы поднялися и къ постели
Приблизились, гдѣ я была,
И руку взявъ своей рукою
Холодной, молвили съ тоскою:
«Зачѣмъ, Марія, ты легла
Въ мой гробъ?» Я въ страхѣ поглядѣла
И вижу, что въ могилѣ я....»

— «Твой сонъ печаленъ, но на дѣло
Похожъ онъ, бѣдная моя
Подруга — Жакъ сказалъ уныло —
Открыта предо мной могила,
Ты грезу мрачную свою
Увидишь на яву: убью
Себя я нынче же»....

Смотрѣла
Марія въ зеркало въ тотъ мигъ,
И въ немъ увидѣвъ Роллы ликъ,
Вдругъ вздрогнула и поблѣднѣла.
— Что съ вами? Молвила она,
На Роллу бросивъ взоръ съ тоскою.
— «Ты знать желаешь, что со мною?
Моя судьба порѣшена —
Я разоренъ.... Мой другъ, съ тобою
Провелъ я ночь въ послѣдній разъ
И долженъ умереть сейчасъ».
— Вы проигрались? — «Нѣтъ, Марія,
Я разоренъ». — О, Боже мой!...
И въ землю очи голубыя
Она склонила и слезой

Онѣ затмились. — Неужели
Ни матери, ни друга нѣтъ,
Кого бы здѣсь вы пожалѣли?
Хотите вы покинуть свѣтъ?
Убить себя?..!

На край постели
Марія сѣла и, полна
Участьемъ, на него смотрѣла;
Казалося, его хотѣла
О чемъ-то разспросить она;
И не могла. Потомъ припала
Къ нему печальной головой,
Его въ уста поцѣловала
И тихо - тихо прошептала:
«Послушай, денегъ нѣтъ со мной —
Мать все взяла — но золотое
Есть ожерелье и продать,
Коль хочешь ты, могу его я —
И снова ты пойдешь играть».

Въ отвѣтъ ей Ролла улыбнулся,
И съ ядомъ чернымъ взявъ флаконъ,
Его безмолвно выпилъ онъ;
Потомъ устами прикоснулся
Онъ къ ожерелью и поникъ
Недвиженъ, въ чистомъ томъ лобзаньи
Изливъ послѣднее дыханье.
И на единый, краткій мигъ,
Они любовь узнали оба.

В. Буренинъ.

РУССКІЕ и ЯПОНЦЫ

НА

САХАЛИНѢ.

Дневникъ: 10-ое февраля — 11-ое мая 1854 г.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ прошедшемъ 1871-мъ году, въ трехъ послѣднихъ книгахъ нашего журнала [1]) была помѣщена часть дневника Н. В. Буссе, гдѣ имъ описана первая попытка русскихъ, въ сентябрѣ 1853 года, утвердиться прочно на островѣ Сахалинѣ, который съ половины прошедшаго столѣтія не разъ посѣщался русскими мореходами, а въ началѣ нынѣшняго сдѣлался предметомъ непріязненныхъ отношеній къ Японіи; японцы успѣли завести на островѣ богатыя рыбныя факторіи, гдѣ и производили работы почти даровою силою, а именно, руками полудикихъ туземцевъ, аиновъ. Мы цѣнили эти записки какъ потому, что онѣ были ведены лицомъ, занимавшимъ видное мѣсто въ самой экспедиціи, такъ и потому, что самое предпріятіе, теперь почти забытое, было собственно замѣчательнымъ подвигомъ, достойнымъ памяти: для занятія Сахалина была отправлена горсть людей, состоявшая изъ 70-ти человѣкъ при двухъ офицерахъ:—Н. В. Буссе, какъ старшій офицеръ, командовалъ отрядомъ, а Н. В. Рудановскій завѣдывалъ ученою частью экспедиціи. И эта горсть людей, отрѣзанная отъ своихъ до 29-го апрѣля 1854 года, въ теченіи

[1]) См. выше: 1871 г., окт. 732; ноябр. 161; дек. 648 стр.: «Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853 года».

7-ми мѣсяцевъ, держалась бокъ-объ-бокъ съ милліоннымъ населені[е] японской имперіи. Независимо отъ всего этого, мы публиковали дне[в]никъ Буссе также и потому, что въ наше время Сахалинъ обратилъ [на] себя вниманіе, какъ мѣсто, гдѣ предназначается устроить болѣе раці[о]нально каторжныя работы, а потому описаніе острова, сдѣланное р[ус]скимъ офицеромъ и въ недавнее время, появилось бы весьма кстати и пре[д]ставляло почти современный интересъ: намъ слишкомъ часто приходи[тся] даже и по своимъ дѣламъ наводить справки въ иностранной литератур[ѣ], а потому нельзя было пренебрегать наблюденіями соотечественника, к[о]торыя послѣ его смерти сохранились въ его семействѣ.

Между тѣмъ, напечатанная нами часть дневника покойнаго Бу[ссе] вызвала возраженія такого свойства, которое не имѣетъ ничего обща[го] съ тѣмъ общественнымъ интересомъ, ради котораго мы публиковали дне[в]никъ. Возражалъ Г. И. Невельской; онъ имѣлъ главное начальство на[дъ] сахалинской экспедиціей, сопровождалъ въ половинѣ сентября 1853 [г.] изъ Петровскаго нашъ дессантъ, указалъ мѣсто на островѣ, гдѣ дессан[тъ] долженъ былъ укрѣпиться на зиму, и возвратился къ себѣ въ Петро[в]ское въ концѣ сентября. Другое возраженіе доставилъ Н. В. Рудановск[ій], проведшій осень, зиму и весну вмѣстѣ съ г. Буссе въ новомъ Муравье[в]скомъ постѣ—такъ названо было первое наше укрѣпленіе на Сахали[нѣ] въ честь ген.-губ. Восточной Сибири Муравьева-Амурскаго; оно нах[о]дилось на берегу залива Анивы, въ самомъ японскомъ селеніи. Оба во[з]раженія напечатаны нами (см. выше: августъ, стр. 907); въ дневни[кѣ] Буссе выражались его личныя мнѣнія о своихъ сотрудникахъ; теперь сотрудники высказали свое личное мнѣніе о Буссе, а потому все эт[о] дѣло мы должны считать поконченнымъ. Но для исторіи самой экспеди[]ціи изъ этого личнаго дѣла является еще новая черта: мы видимъ те[]перь, что, кромѣ множества затрудненій внѣшнихъ и матеріальныхъ, са[]халинская экспедиція страдала внутреннимъ несогласіемъ, столь силь[]нымъ, что и теперь, спустя почти 20 лѣтъ, его эхо довольно громк[о] разразилось между нами. Кромѣ того, оказывается изъ возраженія Невельского, что такой важный, отвѣтственный постъ, какъ постъ на[]чальника команды, на котораго возложено было притомъ дѣло государ[]ственной важности, г. Невельской—по собственному его сознанію—вру[]чилъ г-ну Буссе „единственно потому, что не было тогда въ экспедиці[и] другого свободнаго офицера". Какъ бы ни было все это мало лестн[о] для Буссе, но нельзя оправдать и назначавшаго, который теперь со[]знается, какими отрицательными мотивами руководился онъ въ своемъ выборѣ лица. Мы думаемъ, что это самообвиненіе сдѣлано г-номъ Не[]вельскимъ a posteriori, и едва ли онъ рѣшился бы поставить на такой важный постъ лицо, которому онъ не довѣрялъ и которое—не уважалъ, а назначилъ только потому, что не было „другого свободнаго офицера", сознавая при этомъ, что назначенное имъ лицо ни къ чему неспособно.

[…]щая г-на Невельского отъ самого его, мы сошлемся на отзывы Буссе […]г-нѣ Невельскомъ: онъ, несмотря на то, что расходился съ нимъ въ […]ъ или другомъ мнѣніи, постоянно называетъ его „человѣкомъ бла[…]одныхъ чувствъ, дѣятельнаго и энергическаго характера". Назначеніе […]на важный постъ лица, завѣдомо неспособнаго и недостойнаго, не […]ло бы быть оправдано ничѣмъ. Мы думаемъ вообще, что весь этотъ […]ръ по поводу дневника Буссе возникъ отъ непривычки у насъ пу[…]чно обсуждать дѣйствія лицъ, поставленныхъ въ оффиціальное по[…]женіе; даже наши почтенные моряки, имѣвшіе болѣе насъ случай зна[…]миться съ обычаями и нравами прессы другихъ странъ, раздѣляютъ […]ако общую всѣмъ намъ чувствительность, когда о нашей оффиціальной […]ятельности говорятъ публично. И эта болѣзненная боязнь печатнаго […]ова встрѣчается у насъ на каждомъ шагу: на печатное слово смотрятъ […]къ на опасный бичъ, который для безопасности и слѣдуетъ держать […]стоянно въ футлярѣ и подъ замкомъ, какъ въ средніе вѣка не знали […]отивъ зла, называемаго огнемъ, другого средства, какъ извѣстное […]uvre-feu, и послѣ заката солнца запрещалось строжайше держать […]онь.

Но кромѣ изданной уже нами части дневника Буссе, породившей […]шеупомянутыя пренія, сохранилось еще нѣсколько тетрадей, которыя […]перь приведены въ порядокъ и почеркъ ихъ разобранъ. Эти тетради […]ставляютъ, по нашему мнѣнію, весьма важный интересъ въ политиче[…]омъ отношеніи. Въ первой части, обнимающей осень и зиму на Саха[…]нѣ съ 1853-го на 1854 й годъ, автору приходилось описывать ра[…]ты своей команды и отношенія русскихъ къ однимъ туземцамъ, такъ […]къ японцы большею частью удалились. Но весною 1854-го года дол[…]енъ былъ рѣшиться вопросъ: кто поспѣетъ раньше на Сахалинъ — […]онцы ли съ Мацмая, или русскіе съ материка? Въ первомъ случаѣ по[…]женіе дессанта въ 70 человѣкъ, изъ которыхъ болѣе сорока заболѣло […]нгою, было бы крайне затруднительно; а именно это и случилось. […]отъ потому въ новой части дневника мы видимъ въ первый разъ рус[…]ихъ и японцевъ (не рыбаковъ, а военныхъ) лицомъ къ лицу. Неиз[…]стно, чѣмъ бы кончилась эта драма, если бы наша Восточная война съ […]анціею и Англіею не измѣнила ходъ дѣла и не вынудила бы насъ […]езти дессантъ съ Сахалина на материкъ. Къ сожалѣнію, дневникъ Буссе […]ерывается на 19-мъ мая, когда ожидали прибытія гр. Путятина изъ […]поніи, чтобы окончательно рѣшить вопросъ о судьбѣ нашего занятія […]ахалина. Какъ извѣстно, мы оставили Сахалинъ и дессантъ возвратил[…]і на материкъ; степень затаенной вражды къ намъ японцевъ обнару[…]илась тогда въ томъ, что они немедленно сожгли всѣ наши постройки, […]ще въ виду удалявшагося гарнизона нашей крѣпостцы. Дальнѣйшее […]аше упорство могло бы послужить для Франціи и Англіи поводомъ къ […]анятію Сахалина, чего не случилось именно благодаря благоразумію во-

33*

ннаго совѣта на Сахалинѣ подъ предсѣдательствомъ прибывшаго ту
К. Н. Посьета, изъ эскадры гр. Путятина.

Только около половины апрѣля начали появляться на Сахалинѣ япо
кіе офицеры съ вооруженными солдатами; а до того времени авторъ пр
водилъ конецъ зимы въ экскурсіяхъ по острову. Описаніемъ одной
акихъ экскурсій начинаются послѣднія тетради дневника Буссе; эта эк
курсія была предпринята 8-го февраля 1854-го года.

I.

10-го февраля.—Третьяго дня, въ 6-ть часовъ утра, я поѣхалъ
Туотогу, находящуюся отъ нашего поста (Муравьевскаго) верста
въ 25-ти. Я отдѣлилъ отъ рабочихъ собакъ семь лучшихъ д
легковой ѣзды. Изъ нихъ 6-ть собакъ запрягли въ мою нарт
а одну отдали аину (туземцу), который провожалъ меня
везъ урядника Томскаго, назначеннаго мною сопровождать мен
Они выѣхали на 10-ти собакахъ. Я взялъ съ собою провиз
на двое сутокъ, такъ что почти все уложилось въ мой погре
бецъ. Какъ жаль, что мнѣ не удалось вывезти изъ Петербур
погребецъ, подаренный мнѣ Карломъ. Я хоть не видалъ ег
но увѣренъ, что онъ устроенъ съ большими удобствами. Духо
вая подушка, подаренная мнѣ Иваномъ Богдановичемъ (?) сопро
вождаетъ меня во всѣхъ моихъ путешествіяхъ. Этотъ разъ, в
отношеніи скорости ѣзды, моя поѣздка была очень удачна. Я
понесся съ необычайною быстротою, такъ что, пріѣхавъ въ се
леніе Сусую, находящееся отъ насъ верстахъ въ 10-ти, я оста
новился, привязалъ собакъ и зашелъ въ юрту дожидаться от
ставшихъ отъ меня проводниковъ. Отдохнувшія собаки мои пре
красно везутъ, и я надѣюсь болѣе не отставать отъ аиновъ. От
селенія Сусуи дорога идетъ по замерзшему заливу. Подъѣхавъ
къ устью рѣки, я увидѣлъ множество аиновъ, ловящихъ кам
балу. Я остановился посмотрѣть. Для ловли этой прорубаются
небольшія проруби въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, вливаясь въ за
ливъ, имѣетъ отмели. Ловецъ имѣетъ свою особенную прорубь
и палку, у которой въ одинъ конецъ вбиты два гвоздя, въ рас
ходящемся направленіи. Эту палку онъ опускаетъ въ прорубь
и, закрывшись отъ свѣта ивовыми вѣтками, пристально смот
ритъ въ воду. Скоро глазъ, привыкнувъ къ темнотѣ, различа
етъ ясно плавающихъ рыбъ; когда широкая и плоская камбала
подойдетъ подъ прорубь, ловецъ пронзаетъ ее гвоздями, *при-*

давливая къ дну рѣки. Расходящіеся гвозди крѣпко удерживаютъ рыбу въ то время, когда ее вытаскиваютъ на ледъ. Въ настоящее время все населеніе Анивы питается камбалою, добываемою на Сусуѣ. Проѣхавъ далѣе версты двѣ, я выѣхалъ на берегъ, потому что заливъ отъ Сусуи до мыса Крильона не покрывается льдомъ. Берегъ отъ рѣки Сусуи до Туотоги низкій и покрытъ небольшимъ лѣсомъ; низкій берегъ продолжается и далѣе Туотоги, не знаю только до которыхъ мѣстъ. Пріѣхавъ въ селеніе Туотогу, я остановился въ юртѣ проводника моего, называющагося джанчиномъ Туотоги.

Селеніе это, какъ я увидѣлъ, состоитъ изъ трехъ юртъ. Юрта моего проводника принадлежитъ къ числу самыхъ небольшихъ и потому наиболѣе удобныхъ, потому что маленькія юрты всегда менѣе дымны. Ѣзда на собакахъ прекрасно возбуждаетъ аппетитъ, и потому я тотчасъ же по пріѣздѣ велѣлъ сготовить на скорую руку мой дорожный обѣдъ — кусокъ оленины, рисъ и чай. Кончивъ обѣдъ, я пошелъ, въ сопровожденіи казака Томскаго и хозяина аина, осматривать рѣку Туотогу. Дойдя по берегу залива до устья рѣки, мы надѣли лыжи. Я довольно хорошо научился ходить на лыжахъ. Рѣка была покрыта льдомъ до самаго устья, но заливъ былъ чистъ отъ льда. Одинъ аинъ пріѣхалъ на лодкѣ изъ селенія Мауки на Татарскомъ берегу, вокругъ мыса Крильона до самой рѣки Сиретоки. Это пространство всегда чисто, рѣдко только отдѣльныя льдины приносятся къ нему на короткое время. Поэтому судно, въ особенности паровое, зимуя въ Маукѣ или Тахмакѣ, можетъ имѣть круглый годъ открытую навигацію. — Мы пошли вверхъ по рѣкѣ. Я имѣлъ съ собою карманный компасъ, съ помощью котораго я обозначалъ направленіе теченія. Мы поднялись верстъ 6-ть по рѣкѣ, когда солнце уже стало низко опускаться. Мы пошли обратно въ селеніе, но уже не по рѣкѣ, а по кратчайшему пути, черезъ лѣсъ. Рѣка Туотога имѣетъ въ устьѣ саженъ до 70-ти ширины, но скоро она съуживается и на протяженіи, которое я прошелъ, ширину ея можно положить въ разныхъ мѣстахъ отъ 15 до 30 саженъ. По словамъ аина, глубина фарватера моря при устьѣ рѣки до 4-хъ саженъ (ручныхъ), устье рѣки 3 сажени, выше—отъ 2-хъ до 3-хъ саж. Итакъ, рѣка эта вполнѣ удобна для судоходства судовъ малаго ранга. Японскія джонки входятъ въ рѣку для ловли рыбы. Но къ сожалѣнію теченіе рѣки очень извилисто. Правда, что это неудобство уменьшается тѣмъ, что сильныхъ вѣтровъ почти никогда не бываетъ въ этой части острова, что видно по прямизнѣ деревьевъ, верхушки которыхъ даже при устьѣ рѣки нисколько не склонились, какъ

это бываетъ на деревьяхъ, растущихъ по берегамъ моря въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствуютъ сильные вѣтры. Наши охотники, жившіе полтора мѣсяца на Туотогѣ, сказывали, что у нихъ почти не было вѣтряной погоды, между тѣмъ какъ у насъ, въ Томари, не проходило трехъ дней безъ вѣтру. Берега Туотоги не высоки и покрыты хорошимъ лѣсомъ (кромѣ устья). Дубъ, береза, кедръ, ель и пихта составляютъ главнѣйшіе роды его. На одномъ мысу, образуемомъ колѣномъ рѣки, я видѣлъ сплошную рощу дуба, но нельзя сказать, чтобы ростъ его былъ хорошъ. Хребетъ горъ, тянущійся нѣсколько верстъ вдоль берега Анивы отъ мыса Крильона, поворачиваетъ, не доходя до рѣки Туотоги, во внутрь острова, куда онъ тянется сопровождая Туотогу, то приближаясь къ ней версты на три, то опять отходя. Во время осмотра рѣки, мнѣ удалось съ одного мѣста ея ясно усмотрѣть, что хребетъ этотъ очень близко подходитъ къ хребту, тянущемуся по лѣвому берегу рѣки Сусуи, отъ устья ея съ берега залива, точно такъ же какъ и горы западнаго берега Анивы и р. Туотоги, такъ что двѣ эти рѣки, находясь въ равнинѣ между двумя хребтами, какъ я сказалъ, близко сходящимися, должны непремѣнно, тоже въ одномъ мѣстѣ, течь въ очень близкомъ разстояніи другъ отъ друга. На разспросы мои у аина, онъ подтвердилъ мое убѣжденіе, сказавъ, что у ближайшаго селенія есть короткій перевозъ по Сусую. Во время ходьбы нашей по Туотогѣ, разгоряченные уже сильно нагрѣвающимъ солнцемъ и скоростью ходьбы, мы почувствовали всѣ трое большую жажду. Аинъ намъ сказалъ, что близко находится ручей, впадающій въ рѣку, вода котораго считается японцами цѣлительною. Придя къ этому ручью, мы напились изъ него. Не знаю, цѣлительна ли вода, но очень хороша на вкусъ, и чиста. Мы воротились въ юрту порядочно усталые. Аинъ намъ все повторялъ: русскій много ходитъ! Вообще, любящіе покой, аины очень удивляются нашимъ обычаямъ и образу жизни. Поѣздки въ дурную погоду, по дурнымъ дорогамъ большими разстояніями, безъ отдыховъ, во время осмотра страны, всегда казались имъ удивительными. Напившись чаю съ невыразимымъ удовольствіемъ, я началъ свои наблюденія надъ собравшимся обществомъ аиновъ. Хозяинъ юрты—трудолюбивый аинъ (значитъ рѣдкій); жена его, молодая женщина довольно пріятнаго лица и очень веселаго нрава. Познакомившись хорошо съ казакомъ Томскимъ, она шутила съ нимъ и много смѣялась, когда онъ, отвѣчая ей, дѣлалъ ошибки въ словахъ. Въ этой же юртѣ живетъ старуха, должно быть мать жены хозяина, или его самого. Аины почему-то не объясняютъ охотно родство свое и

отому имъ нельзя въ этомъ вѣрить. Впрочемъ, и во всемъ ни безсовѣстно лгутъ. Старуха очень уродлива, въ особенно-ти отвислыя толстыя губы, намазанныя синею краскою, даютъ і страшное и отвратительное выраженіе. Я недавно узналъ, къ аины даютъ губамъ своимъ синій цвѣтъ. Онѣ надрѣзаютъ съ ножемъ во многихъ мѣстахъ, а потомъ натираютъ углемъ ли сажею. Кожа принимаетъ тотчасъ синій цвѣтъ. Когда нома-ны собственно однѣ только губы, то это еще не такъ гадко, но льшею частью и часть лицевой кожи, окружающей губы, тоже крашена, и очень неровно и неправильно. Старуха эта удив-ила меня стоическимъ молчаніемъ и неподвижностью, и что дивительно, что при отсутствіи всякаго движенія она могла очти все время ѣсть. Это есть общая привычка аиновъ,—они ругъ не ѣдятъ много, но почти каждый часъ возобновляютъ іу. При способѣ ихъ жизни, т.-е. бездѣйствіи, подобная при-ычка есть необходимость имѣть какое-нибудь занятіе, оттого безпрерывное куреніе табаку такъ распространено между ними.

Я легъ спать очень рано, и потому проснулся ночью и е могъ болѣе заснуть. Поправивъ костеръ, я придвинулся къ нему, чтобы согрѣться. Не имѣя часовъ, я не зналъ, сколько сталось времени до разсвѣта. Наскучивъ сидѣть ничего не ѣлая, я разбудилъ своего казака и велѣлъ готовить чай. Аинъ оже проснулся. Мы напились чаю, но разсвѣтать не начинало. Гомскій спросилъ аина, сколько осталось до разсвѣта; тотъ вы-шелъ изъ юрты посмотрѣть небо, и возвратившись показалъ руками семь саженъ, какъ они мѣряютъ дабу и проч. Меня очень позабавилъ этотъ способъ измѣренія времени, въ кото-ромъ я конечно ничего ни понялъ. Послѣ чаю сонъ началъ клонить меня, и я снова уснулъ. Скоро послѣ разсвѣта, я всталъ и тотчасъ снарядился въ дорогу. Въ 10-мъ часу утра я пріѣ-халъ въ Томари. Во время пребыванія моего въ Туотогѣ, я снова разспрашивалъ про русскихъ, бывшихъ на Сахалинѣ. Аинъ разсказалъ мнѣ, что передъ прошедшее лѣто пріѣхали на лодкѣ четверо русскихъ, такъ же одѣтыхъ, какъ наши матросы, что никто не знаетъ откуда они пріѣхали, что японцы ихъ отвезли на Мацмай. Этотъ разсказъ навелъ меня на мысль, что можетъ быть это были матросы, бѣжавшіе изъ Петровскаго; постараюсь разъяснить это дѣло.

Еще разсказалъ мнѣ тотъ же аинъ про дурной поступокъ съ нимъ Хойры (также аинъ). Когда онъ пріѣхалъ въ Томари съ тѣмъ, чтобы на другое утро ѣхать со мною въ Туотогу, онъ остановился, какъ и прежде дѣлывалъ, ночевать у насъ въ 3-й казармѣ. Хойра тамъ же спалъ. Послѣдній легъ спать, а пріѣхавшій

аинъ разговаривалъ еще съ казакомъ Крупенинымъ. Увидѣвъ на стѣнѣ казацкія сабли, онъ попросилъ показать ихъ и спросилъ, когда и какъ Крупенинъ надѣваетъ ее на себя. Тотъ довольно глупо привелъ въ примѣръ, что если бы джанчинъ приказалъ воевать съ японцами, то онъ бы надѣлъ саблю и пошелъ бы сражаться. На другой день Хойра пошелъ въ домъ японцевъ и разсказалъ, что аинъ изъ Туотоги говорилъ въ русской казармѣ, что хорошо бы ихъ саблями перебить японцевъ. Японцы, всегда принимавшіе хорошо этого трудолюбиваго аина, услыхавъ этотъ разсказъ, приняли его холодно, когда онъ зашелъ къ нимъ; онъ спросилъ аиновъ, не знаютъ ли они причину, и тѣ передали ему, что Хойра виновникъ этому. Разсказавъ мнѣ это, онъ просилъ меня, чтобы я принялъ участіе въ его дѣлѣ. Возвратившись домой, я тотчасъ послалъ Дьячкова къ японцамъ разсказать какъ было дѣло, а Хойру, сознавшагося въ своей винѣ, выгналъ изъ своего дома, не велѣвъ приходить ко мнѣ, но давъ впрочемъ ему въ видѣ жалованья за февраль мѣсяцъ (онъ ежемѣсячно получалъ отъ меня одинъ рубль серебромъ, кромѣ гривенниковъ, которые выпрашиваетъ у меня какъ увидитъ) табаку. Японцы, казалось, повѣрили Дьячкову и относясь съ похвалами объ аинѣ, обѣщали по прежнему хорошо принимать его. Аинъ этотъ мнѣ нравится тѣмъ, что онъ прямо высказываетъ, что онъ желаетъ работать и служить и русскимъ и японцамъ, что́ дѣйствительно и дѣлаетъ.

18-го числа, я далъ шабашъ людямъ по случаю масляницы. Самъ же я въ этотъ день отправился прогуляться на рѣку Пуруанку, впадающую въ сосѣднюю бухту Пуруанъ-Томари. Я отправился на лыжахъ съ Томскимъ, съ полнымъ охотничьимъ приборомъ и съ подрастающей моею собакою Соболькою. Мы пошли прямо черезъ горы и послѣ крутыхъ и высокихъ спусковъ и подъемовъ, гдѣ я нѣсколько разъ упалъ, достигли наконецъ рѣки и пошли вверхъ по ней. Она течетъ по долинѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открытой отъ лѣсу, около версты шириною. Въ верстахъ 4-хъ отъ устья она такъ съуживается, что образуетъ только ручей. По долинѣ ростетъ лѣсъ довольно хорошій. Направленіе долины къ NO. Слѣды лисицъ, россомахъ, кабарги, бѣлокъ, зайцевъ видны по всѣмъ направленіямъ. Во 2-мъ часу я воротился домой. Послѣ обѣда я вспомнилъ, что наканунѣ былъ день рожденія брата Владиміра. Да проститъ меня онъ, что, не имѣя интереса слѣдить за временемъ и числами, я позабылъ и о днѣ его рожденія. Вспомнивъ это, я велѣлъ подать вино, выпилъ за здоровье его рюмку вина, и выдалъ по рюмкѣ вина служащимъ у меня въ домѣ.

19-го.—Сегодня пріѣхали въ Томари 5 самогировъ. Они привезли изъ Петровскаго зимовья отъ Г. И. Невельского записку въ нѣсколько строчекъ, въ которыхъ сказано, чтобы принять ихъ хорошо и угостить. Вотъ все, что́ я получилъ съ такъ нетерпѣливо ожидаемою почтою, которую мнѣ Невельской обѣщалъ непремѣнно послать изъ Петровскаго зимовья. Кромѣ Невельского, никто не писалъ. Самогиры эти встрѣтили въ Сарѣ-Моукѣ Самарина, который благополучно выѣхалъ оттуда далѣе и не далъ о себѣ никакого письменнаго извѣстія. Самогиры, судя по ихъ наружности, должны принадлежать къ монгольскому племени. Живутъ они по Амуру и его притокамъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ немного по-аински. Они пріѣзжаютъ обыкновенно торговать въ Сирануси. Въ Кусунъ-Катанѣ (берегъ Анивы) они, разумѣется, въ первый разъ, потому что сюда имъ не позволено было ѣздить. Самогиры заплетаютъ волосы въ косы, какъ гиляки, носятъ серьги и манжурскіе кафтаны. Одинъ только изъ нихъ былъ одѣтъ въ собачью шубу. Они пріѣхали на 45-ти собакахъ. Я ихъ помѣстилъ жить въ казармѣ, расположивъ ихъ около чувала у огня, ихъ божества. Кормить ихъ не затруднительно, но съ собаками ихъ не знаю, что́ дѣлать. Они ходили къ японцамъ, которые сначала-было очень недружелюбно приняли ихъ, имѣя запрещеніе принимать вообще ихъ; но прочитавъ письмо отъ японца Яма-Мадо, встрѣтившагося на дорогѣ съ самогирами, Мару-Яма выслалъ къ нимъ Асаную, и тотъ обласкалъ ихъ и сказалъ въ извиненіе, что джанчинъ японцевъ не приказываетъ принимать ихъ зимою въ Кусунъ-Катанѣ для того, чтобы они ѣздили лѣтомъ въ Сирануси торговать съ нимъ.

23-го.—Вчера уѣхали самогиры обратно въ Петровское. Я послалъ съ ними карты всѣхъ осмотрѣнныхъ береговъ и карту заливовъ Невельского-Идунка и письмо на имя Невельского. Я спрашивалъ самогировъ о времени очищенія отъ льда «Императорской гавани». Они говорятъ, что въ 1-й половинѣ марта уже гавань будетъ чиста, только по берегамъ останутся промои. Если это правда, то суда стоящія тамъ могутъ придти въ одно время съ японскими, если капитаны ихъ не упустятъ времени, что́ было бы непростительно. Но я думаю, что показаніе самогировъ несправедливо—не можетъ быть, чтобы подъ 49 град. и на азіатскомъ восточномъ берегу ледъ расходился въ одно время какъ въ бухтѣ залива Анивы. У насъ уже началась весна. Солнце сильно грѣетъ и снѣгъ быстро сходитъ.

Когда я пишу эти строки—6 час., изъ моего окошка видно, какъ блестящее, яркое солнце тихо спускается за горы запад-

наго берега залива, освѣтивъ тысячью цвѣтами тихія неподвижныя воды моря. Прекрасное зрѣлище!

24 числа уѣхалъ Рудановскій для осмотра Ю.-В. берега Сахалина. Если погода дозволитъ ему составить хорошую карту тѣхъ береговъ, то это будетъ очень пріятно, потому что мы тогда будемъ имѣть большую карту всего Айну-Катана. Но какъ эту новую опись уже я не успѣю сообщить къ Невельскому, то ее можно бы было безвредно оставить до прихода судовъ, когда у насъ будетъ болѣе средствъ, и даже это сдѣлать было бы полезно, потому что тогда у насъ было бы еще 8 собакъ свободныхъ, которыхъ хоть я назначилъ собственно для разъѣздовъ и легкой ѣзды, но при необходимости поспѣшить работами, въ особенности доставкою льда, я конечно употребилъ бы ихъ въ работу.

Наконецъ я получилъ письма отъ Самарина и даже три вдругъ. Онъ благополучно доѣхалъ до гилякскаго селенія Тамо, откуда по переѣздѣ черезъ Татарскій проливъ осталось только 5 сутокъ ѣзды. Изъ Тамо онъ писалъ отъ 5-го февраля и потому надо полагать, что въ половинѣ февраля онъ пріѣдетъ въ Петровское, а если его тамъ не задержатъ, то онъ еще можетъ возвратиться по зимнему пути.

Посѣщенія аиновъ рѣшительно вывели меня изъ терпѣнія; съ ранняго утра до вечера, одинъ за другимъ приходятъ ко мнѣ, и для чего—для того, чтобы сѣсть на полу и глазѣть на меня и на комнату. Не умѣя обращаться съ дверьми, они оставляютъ ихъ растворенными, не понимая того, что простудить комнату есть какое-нибудь неудобство. Двери у перегородки сдѣланы съ ручками и задвижками. Не умѣя отворить ихъ, они долго возятся, наконецъ волею неволею приходится вставать, чтобы открыть дверь. Прошу покорно заняться чѣмъ-нибудь. Вотъ и теперь два дурака сидятъ на полу и глазѣютъ. Я, конечно, не обращаю вниманія на нихъ, потому что если со всякимъ разговаривать, такъ не достанетъ ни силъ, ни терпѣнія. Единственное средство отдѣлаться отъ нихъ, это уходить изъ дому и бродить безъ цѣли по двору. Необходимо надо имѣть домъ въ нѣсколько комнатъ, изъ которыхъ одну назначить собственно для этихъ несносныхъ гостей, устроивъ въ ней камины, которые бы вытягивали вонь махорки.

Сетокуреро провожалъ Самарина до Тарайки и теперь пріѣхалъ сюда, чтобы получить подарки и привезти письмо. Въ этотъ разъ съ нимъ пріѣхало менѣе аиновъ. Но за то ихъ много собралось для работъ у японцевъ; ихъ-то визиты и докучаютъ мнѣ.

4-е марта. — Вчерашній день опять прошелъ въ пріемѣ пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ аиновъ. Первые являются съ словами: «чокой огнанъ, чокой котанъ, орики джанче мекура!» вторые—«чокой танто арики, джанче нукора, чокой орики джанче сарамна!» Эти прощанія и поклоны имѣютъ всегда одну и ту же цѣль, — выпросить рюмку вина или папушу табаку. Скоро ли Богъ поможетъ мнѣ оставить отечество несноснѣйшихъ аиновъ.

5-го или 6-го числа Рудановскій возвратился съ поѣздки на берегъ Охотскаго моря (Арутора). Онъ разсказываетъ, что въ селеніяхъ въ Аруторо у аиновъ голодъ. Отъ японцевъ я узналъ, что въ Сирануси и Малкѣ то же голодъ. Японцы отправили туда своего эконома для выдачи аинамъ рису изъ маукинскихъ магазиновъ. Когда разойдется ледъ, они хотятъ послать изъ Томари на лодкахъ *ероки* (сушеная рыба) и рисъ. Въ Аруторо поѣхалъ аинъ Испонку разузнать о состояніи тамошнихъ селеній. Я приказалъ ему сказать аинамъ, которые не имѣютъ пищи, пріѣхать къ русскимъ, и что мы имъ даромъ выдадимъ крупы и гороху. Аины говорятъ, что у нихъ бываетъ ежегодно голодъ потому, что лѣтомъ японцы ихъ сгоняютъ на работы, такъ какъ для собственнаго запаса рыбы на зиму некому работать. А платы же за лѣтнюю работу даютъ только по одному халату, по двѣ малыхъ чашки рису и 2 папуши табаку да боченокъ водки. Зимою же, табакъ и вино они покупаютъ отъ японцевъ за пушной товаръ. Если это справедливо, то обращеніе японцевъ безчеловѣчно. Къ сожалѣнію, нельзя положиться на слова аиновъ, и потому узнать вполнѣ, какъ именно японцы дѣйствуютъ, можно только изъ собственныхъ наблюденій. Сирибенусь говорилъ мнѣ, что когда японцевъ еще не было на Сахалинѣ, то аины промышляли китовъ, но что теперь японцы считаютъ китовъ своею собственностью и не даютъ промышлять ихъ лѣтомъ аинамъ; осенью, когда выбрасываетъ иногда убитыхъ китобоями китовъ, они берутъ все себѣ, ничего не давая аинамъ.

Съ японцами мы теперь все болѣе и болѣе сближаемся. Они совершенно убѣдились въ томъ, что мы не хотимъ отнимать у нихъ ихъ промышленности на Сахалинѣ и что присутствіе наше только имѣетъ вліяніе на ихъ отношенія къ аинамъ. Еслибы правительство ихъ не вмѣшалось въ дѣйствія японцевъ на Сахалинѣ, то вѣроятно они скоро сдружились бы съ русскими и оставили въ покоѣ аиновъ, производя работы только своими работниками съ Мацмая. Конечно, имъ было бы жаль потерять свое господство надъ землею и жителями, но выгоды торговли съ русскими вознаградили бы позже эту потерю. Я полагаю, что еслибы русскіе пришли въ качествѣ ры-

болововъ на Сахалинъ, объявивъ японцамъ, что, имѣя нужду въ рыбѣ и считая Сахалинъ непринадлежащимъ Японіи, они будутъ заниматься рыбными промыслами такъ же, какъ японцы, то это не такъ испугало бы ихъ правительство. Но занятіе военное страны, угрожая ихъ другимъ колоніямъ на Итурунѣ и Кунамарѣ, уже должно быть для Японіи слишкомъ важнымъ происшествіемъ, чтобы правительство ея не приняло серьезно участія въ немъ. — На этихъ дняхъ у меня былъ въ гостяхъ Яма-Мадо и Асануя и мы разсказывали другъ другу объ обычаяхъ нашихъ краевъ. Я спросилъ ихъ, видѣли ли они своего императора, они отвѣтили, что нѣтъ, что если простой человѣкъ на него посмотритъ, то потеряетъ зрѣніе. Императора носятъ въ закрытыхъ носилкахъ, окружаютъ стражами, которые разгоняютъ народъ. Вельможи имѣютъ доступъ къ императору. Императоръ имѣетъ нѣсколько женъ. Въ жены онъ беретъ дочерей вельможъ своихъ. Сыновья его женятся на дочеряхъ то же знатныхъ людей, а дочери выходяхъ замужъ за владѣтельныхъ князей.—На этихъ же дняхъ я опять выслушалъ разсказъ о русскихъ пришельцахъ на Сахалинъ и о разбившемся американскомъ китоловномъ суднѣ около Сирануси, въ 1848-мъ году. Съ послѣдняго спаслись десять человѣкъ, между которыми были и негры. Нужно будетъ сообщить объ этомъ американцамъ, чтобы они выручили своихъ соотечественниковъ, которыхъ, по словамъ аиновъ, японцы увезли на Мацмай. Про русскихъ, кажется, можно вѣрно сказать, что они пришли на Сахалинъ лѣтомъ, въ 1849-мъ году. Въ которомъ году пропалъ безъ вѣсти «Курилъ»—можетъ быть, это были спасшіеся съ него люди.

8-го марта.—Сегодня утромъ, въ 9-мъ часу, произошелъ несчастный случай у насъ на работахъ. При установкѣ тына между моимъ домомъ и 3-ей казармой, упало четыре бревна на урядника Томскаго и сильно ушибло его. Благодаря Бога, кажется ушибъ не опасенъ. Я хотѣлъ во вторникъ уѣхать въ Тунойчу посмотрѣть на озеро, но отложилъ до середы, чтобы выждать первыя слѣдствія ушиба Томскаго. Ему лучше и потому я выѣхалъ въ среду, въ 5-мъ часу утра. Я взялъ съ собою Дьячкова. Въ двѣ наши нарты запрягли мы десять собакъ, по пяти въ каждую. Моя нарта, составленная изъ выбранныхъ лучшихъ собакъ, неслась съ необычайною быстротою. Дьячковъ постоянно отставалъ. Въ Кусунъ-Катанѣ я зашелъ къ знакомому аину Омаска. Выкуривъ сигару, поѣхалъ далѣе. Дорога отъ Кусунъ-Катана до Гинесота очень дурна; она идетъ по разломавшемуся льду на взморьѣ. Приходится безпрестанно перепрыгивать съ нартою съ льдины на льдину. Длина нартъ очень

способствуетъ къ этого рода ѣздѣ. Въ Гинесотъ пріѣхалъ въ 11-мъ часу. Остановился обѣдать въ юртѣ у слѣпого старика. Пообѣдавъ, выѣхалъ далѣе въ сопровожденіи аина, напросившагося провожать меня. Дорога поворачиваетъ у Гинесота къ сѣверу и идетъ сначала черезъ лѣсъ, а потомъ выходитъ къ озеру Гинесото; переѣхавъ его, мы опять въѣхали въ лѣсъ, а изъ него снова на озеро, которое гораздо болѣе озера Гинесота; за этимъ озеромъ дорога опять углубляется въ лѣсъ, изъ котораго уже выходитъ на большое озеро Тунайго. Это озеро имѣетъ верстъ 40 въ окружности и лѣтомъ должно быть чрезвычайно живописно. Высокія горы, небольшія долинки лѣса окружаютъ его цѣпью прекрасныхъ видовъ; переѣздъ съ озера къ берегу моря очень короткій. Я подъѣхалъ къ юртамъ селенія Тунайго при закатѣ солнца. Сдѣлавъ переѣздъ около 70-ти верстъ, я порядочно замучилъ и себя и собакъ. Ѣзда на собачьей нартѣ, по дурной дорогѣ, не многимъ спокойнѣе верховой. Землянка, въ которой я остановился, очень душная и дымная, расположена въ лѣсу. Тутъ я узналъ, что по всему охотскому берегу аины голодуютъ, но однако голодъ не такъ силенъ, какъ въ Сирануси; тутъ, по крайней мѣрѣ, еще есть немного собачьяго корму, который аины ѣдятъ вмѣстѣ съ собаками. Я велѣлъ сварить каши и чаю на всѣхъ аиновъ, бывшихъ въ юртѣ. На другой день, рано утромъ, пока запрягали собакъ, я вышелъ на берегъ моря. Все пространство его, какое обниметъ глазъ, покрыто было льдомъ. Селеніе Тунайго расположено у Мордвинова залива. Вообще климатъ восточнаго берега Сахалина гораздо холоднѣе западнаго и, разумѣется, южнаго. Къ вечеру я воротился домой.

17-го марта.—Сегодня пришли ко мнѣ японцы Мару-Яма, Яма-Мадо и Асануя, чтобы сказать мнѣ, что они хотятъ послать большую лодку (конкась) на Мацмай, въ Сою, съ бумагами и письмами, но что если это мнѣ не нравится, то они не пошлютъ. Я имъ объяснилъ, что ни теперь, ни послѣ русскіе никогда не будутъ мѣшаться въ подобныя распоряженія японцевъ, что они могутъ свободно посылать лодки свои куда хотятъ. Я угостилъ ихъ любимою ими сато-саки (экстрактъ-пуншъ) и чаемъ. Я полагаю, что намъ очень полезно, что на Мацмаѣ получаютъ извѣстія о нашихъ дѣйствіяхъ на Сахалинѣ: такъ, ужъ тамъ знаютъ съ осени о прибытіи русскихъ и числѣ ихъ.

23-го марта.—Сегодня ушла японская лодка въ Сою, на Мацмай, съ двумя японцами и 15-ю аинами. Въ прошедшую субботу я послалъ съ Хойро и другимъ аиномъ собачій кормъ на встрѣчу Самарину. Я поручилъ имъ развезти его по селеніямъ

гдѣ придется почевать Самарину, оставляя во всякомъ тако селеніи на 35 собакъ корму. Я велѣлъ Хойрѣ проѣхать да

Цынга опять усилилась. Невыходящихъ на работу больны цынгою 19 чел., считающихся здоровыми, но тоже подвержен ныхъ цынгѣ трое. Всего же больныхъ, съ другими бол нями, 37 чел., изъ нихъ 9 человѣкъ трудно больныхъ, которые могутъ подняться съ кровати. На работу выходятъ 20 человѣк

Вторая башня еще не кончена, соломенныя крыши еще сняты, досокъ не напилено. Если японцы захотятъ насъ заста врасплохъ, то это имъ не трудно будетъ сдѣлать.

7-го апрѣля.—Японцы прислали мнѣ сказать, что пять и судовъ пришли въ Сирануси и что завтра они будутъ въ То мари. На нихъ пріѣхали рабочіе для промысловъ. Итакъ, ка жется, японцы рѣшились продолжать свои промыслы; желательн чтобы это было такъ. Число больныхъ достигло до 40 человѣк Хорошо, что не много осталось работы: башня и крыши 1-й и 3-й казармахъ окончены, остается покрыть кухню кр шею.

9-го апрѣля.—Вчера пріѣхалъ на лодкѣ изъ Сирануси оди изъ японцевъ, прибывшихъ съ Мацмая. Японецъ этотъ сч тается старше Мару-Ямы. Онъ говорилъ рѣчь собравшимся ai намъ, убѣждая ихъ по прежнему продолжать работать для япон цевъ, объясняя, что приходъ русскихъ не касается до них что японцы не знаютъ, зачѣмъ пришли они, и что ни японц ни айны ничего не имѣютъ общаго съ этимъ народомъ. Казак Дьячковъ присутствовалъ при этой рѣчи. Сегодня, вновь прі ѣхавшій японецъ пришелъ ко мнѣ съ Мару-Яма и Асануей. Я принялъ ихъ ласково и угостилъ. Изъ поведенія этого япон ца надо полагать, что японцы думаютъ несовсѣмъ дружно повести дѣла съ нами. Въ настоящее время пришло 1 боль шое судно и 5 малыхъ въ Сирануси. Въ Соѣ, по словамъ я повъ, собралось много солдатъ и офицеровъ. Я перевелъ ночевать два капральства въ крѣпость и усилилъ караулъ. Днемъ дѣлаю тревогу для указанія мѣстъ людямъ. Орудія заряжены картечью. По ночамъ я поочереди чередуюсь дежурствомъ по крѣпости съ Рудановскимъ.

II.

13-го апрѣля.—Наконецъ, наступило время, когда ясно должны были высказаться всѣ предсказанныя мною невыгоды занятія японскаго селенія Томари. Вотъ уже 9-я сутки, какъ японцы высадились въ Сирануси, и давно должны были бы у нихъ начаться

работы приготовительныя для рыбныхъ промысловъ съ помощью аиновъ. Но японцы нейдутъ, аины разбѣжались — несмотря на всѣ ласки наши и уговариванія тѣхъ и другихъ, чтобы безбоязненно начинали свои работы.

Сколько дѣйствительно пріѣхало судовъ и японцевъ, съ какими намѣреніями они пріѣхали—мы рѣшительно не можемъ знать. Аины говорятъ розно — японцы говорятъ розно — отъ Березкина, посланнаго разузнавать, нѣтъ извѣстій. Одни говорятъ, что пришло однихъ джанчиновъ 15 ч., другіе говорятъ—трое, третьи—одинъ. Аины толкуютъ, что пушки привезены, японцы отрицаютъ это. Обращеніе съ нами какъ японцевъ, такъ и аиновъ оставшихся при нихъ, тоже измѣнилось. Японцы приходятъ къ намъ, но во всѣхъ ихъ словахъ видно, что они что-то скрываютъ. Аины рѣдко показываются, можетъ быть потому, что японцы настращали ихъ. Я хотѣлъ послать записку къ Березкину, но не нашлось ни одного аина, который бы согласился доставить ее. Видя необходимость выдти изъ этого положенія, я призвалъ къ себѣ японца Асануя и сказалъ ему обо всемъ, что я замѣтилъ и что я изъ этого вывожу — или японцы, не довѣряя русскимъ, нейдутъ на работы, боясь, что мы ихъ встрѣтимъ враждебно, или японцы хотятъ драться съ нами, и поэтому скрываютъ въ какомъ числѣ пришли. Въ первомъ случаѣ они худо дѣлаютъ, потому что должны были убѣдиться изъ обращенія русскихъ съ ними, какъ мы хотимъ дружно жить съ ними. Если же хотятъ драться съ нами, то пусть идутъ, мы готовы, а обманывать насъ и лгать не къ чему, потому что это нисколько не поможетъ имъ. Бѣдный Асануя совершенно былъ ошеломленъ моею рѣчью и началъ говорить, что японцы не хотятъ драться съ русскими, потому что драться худо. Я на это ему замѣтилъ, что дѣйствительно это худо, потому что тогда навѣрно японцамъ придется уходить съ Сахалина, между тѣмъ если они будутъ дружны съ нами, то будутъ по прежнему свободно продолжать рыбные промыслы. Потомъ я ему сказалъ, что я слышалъ, какъ японцы худо обратились съ Березкинымъ, и хотя я знаю, что аины много врутъ, но такъ какъ и японцы послѣднее время розно говорили, то чтобы увѣриться, что Березкинъ свободенъ, я требую, чтобы японцы свезли ему письмо отъ меня и чтобы онъ не позже какъ черезъ шесть сутокъ или пріѣхалъ самъ или написалъ записку. Асануя съ робостью взялся исполнить мое порученіе. Съ тѣмъ мы разстались.

На другой день утромъ въ 5 часовъ онъ пришелъ ко мнѣ въ сопровожденіи аиновъ Пенкуфнари и Испонку и сказалъ

мнѣ, что послѣдній былъ посланъ отвезти Березкину мою
писку и встрѣтилъ на пути Пенкуфнари, ѣхавшаго изъ Тіотом
отъ японскаго начальника съ извѣстіемъ ко мнѣ, что онъ уп
силъ Березкина ѣхать съ нимъ на суднѣ въ Томари, чт
быть увѣреннымъ, что русскіе не будутъ стрѣлять въ ихъ су
что суда эти въ этотъ же день надѣются прибыть къ наш
селенію. Какъ ни странно было это объясненіе, но я рѣши
удовольствоваться имъ, такъ какъ развязка дѣла должна б
скоро наступить. Въ часъ пополудни, когда я обѣдалъ, часо
дали знать, что въ направленіи къ Тіотомари показалось чет
паруса. Я взошелъ на башню и довольно ясно разсмотрѣлъ
подзорную трубу одинъ большой и три малыхъ конкася. К
кась, это—большая палубная лодка, въ родѣ тѣхъ, на которы
финляндскіе крестьяне привозятъ дрова въ Петербургъ. Ясно
ло, что на подобныхъ четырехъ судахъ (одно изъ нихъ немноги
болѣе было другихъ) нельзя перевезти больше 200 или 250
человѣкъ; а еще яснѣе, что японцамъ и въ голову не може
придти, чтобы съ подобнымъ числомъ можно было аттакова
60 русскихъ матросовъ съ 8-ю пушками. Поэтому приказа
дать мнѣ знать, когда можно будетъ различать людей на суда
я пошелъ отдохнуть. Въ 5 часовъ мнѣ дали знать, что вид
люди на судахъ. Я поднялся на башню съ Рудановскимъ
принялся разсматривать пріѣхавшихъ гостей. Съ башни на
былъ видѣнъ и пріемъ приготовленный японцамъ на берег
Храмы ихъ были разцвѣчены флагами съ надписями. Отъ то
мѣста, гдѣ должны пристать суда, была огорожена съ двух
сторонъ аллея посредствомъ матовъ, поддерживаемыхъ кольям
Человѣкъ 30 аиновъ помѣстились на колѣняхъ; — до приход
русскихъ, по 300 человѣкъ встрѣчало японскаго джанчина, н
теперь аины разбѣжались, боясь, что будетъ сраженіе. Я при
казалъ выдти пѣсенникамъ, чтобы встрѣтить японцевъ не пуш
ками, какъ они полагали, а веселою русскою пѣснею. Суда при
близились, такъ что видно было людей простымъ глазомъ. Тогд
отчалила гребная лодка съ 2-мя японцами и 12-ю или 14-ю аина
ми гребцами. Большой конкась обогналъ другихъ и первымъ про
шелъ мимо нашей крѣпости. Пѣсенники взошли на нижнюю
башню—и «Ахъ вы, сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои» разда
лось по заливу. Видно было, какъ на конкасѣ японцы съ на
пряженнымъ вниманіемъ смотрѣли на насъ. Ихъ было на суднѣ
не болѣе 20-ти человѣкъ, а на маленькихъ конкасяхъ человѣкъ
по 10-ти. На первомъ изъ малыхъ конкасей пріѣхалъ младшій
офицеръ. Когда онъ сошелъ на берегъ, всѣ аины и японцы
встали на колѣни и преклонили головы; онъ отвѣчалъ на ходу

легкимъ поднятіемъ рукъ. За нимъ шло пять человѣкъ, изъ которыхъ только трое, кажется, были солдаты—и изъ нихъ двое держали ружья вольно на правомъ плечѣ, въ чехлахъ, а третій несъ высокую пику; остальные двое, кажется, имѣли за поясами сабли,—я хорошенько не могъ разсмотрѣть въ зрительную трубу. На слѣдующемъ конкасѣ пріѣхалъ старшій офицеръ — сѣдой старичокъ. За нимъ шло 8 человѣкъ—двое съ ружьями, одинъ съ пикой, одинъ со щитомъ, одинъ съ подушкой и трое съ саблями. Прежде вышедшій на берегъ джанчинъ пошелъ на встрѣчу къ старику и потомъ направился къ дому впереди его, какъ бы указывая дорогу. Оба они вошли черезъ особенный входъ въ домъ, которымъ никто кромѣ ихъ не имѣетъ права входить. Только конвой слѣдовалъ тоже за ними. На послѣднемъ конкасѣ пріѣхали казаки (Березкинъ и матросъ Алексѣевъ). Второй по старшинству джанчинъ тотчасъ же пошелъ съ ними ко мнѣ, взявъ съ собою двухъ японскихъ солдатъ, японца Яма-Мадо и одного работника тоже японца, который несъ за нимъ ящикъ, а также и аина Пенкуфнари. Я спустился съ башни въ свою комнату, чтобы принять японцевъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій усѣлись и начались увѣренія во взаимной дружбѣ. Въ это время изъ принесеннаго ящика они вынули чайникъ и чашки и начали готовить чай. Странное обыкновеніе ходить въ гости съ своимъ чаемъ. Я велѣлъ подать нашего чаю, черносливъ и экстрактъ пуншу, единственныя угощенія, которыя мы имѣемъ на Сахалинѣ. Японскій офицеръ объяснилъ по-аински, что онъ здѣшній мѣстный начальникъ надъ промышленными заведеніями. Онъ былъ одѣтъ въ довольно богатую шелковую одежду и имѣлъ за поясомъ двѣ сабли, одну большую, другую малую, обѣ заткнутыми у лѣваго бедра. Отъ меня онъ зашелъ къ Рудановскому. Простившись съ нами, онъ сказалъ, что старшій начальникъ еще не пріѣхалъ, а когда пріѣдетъ, то придетъ ко мнѣ. Онъ насъ обманывалъ, но для какой цѣли? Можетъ быть, онъ хотѣлъ зазвать меня къ себѣ отдать визитъ и завести къ старшему офицеру, заставивъ меня такимъ образомъ сдѣлать первымъ ему визитъ. Мнѣ не хотѣлось даться въ обманъ, потому, что мое поведеніе въ настоящемъ случаѣ имѣло бы большое значеніе и для японцевъ и для аиновъ. Въ шесть часовъ вечера я послалъ съ гостинцами къ посѣтившему меня офицеру—фельдфебеля Телепова и казака Дьячкова. Они отнесли голову сахару и нѣсколько фунтовъ черносливу и изюму. Ихъ приняли съ большими ласками и угощали чаемъ. Гостинцы отнесли въ комнату офицера. Бывшій у меня офицеръ вышелъ и сказалъ, что его начальникъ (онъ вѣроятно уже рѣшился признаться, что онъ здѣсь) еще не ви-

дѣлъ русскаго начальника и потому не можетъ принять гостинец Сидѣвшій тутъ Мару-Яма что-то сказалъ ему, и онъ возв тился опять въ комнату, откуда вышелъ снова, объявивъ, джанчинъ принялъ гостинецъ и благодаритъ. Телеповъ и Ды ковъ возвратились домой. Между тѣмъ я разспросилъ каза Березкина про встрѣчу его съ японцами на зап. берегу Ани Казакъ Березкинъ и матросъ Алексѣевъ были посланы мн къ мысу Сирапуси съ приказаніемъ караулить приходъ япо скихъ судовъ и нашихъ, съ тѣмъ, что если японцы прид въ силахъ и съ оружіемъ, то тотчасъ же возвратиться сами съ извѣстіемъ объ этомъ; если же придутъ на Сахалинъ с ственно только рабочіе и въ небольшомъ числѣ, то остават тамъ, не обращая вниманія на японцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ о были мною предупреждены, что такъ какъ неизвѣстно, съ к кимъ намѣреніемъ придутъ японцы на Сахалинъ, то чтобы о были осторожны и въ случаѣ нужды пошли бы обратно г рами, нисколько не полагаясь на аиновъ.

III.

Вотъ разсказъ Березкина о случившемся съ нимъ:

«5-го апрѣля, я и матросъ Алексѣевъ вышли изъ Муравье скаго поста съ провизіей на 10 сутокъ и съ ружьями. Того ж числа мы дошли до р. Туотоги, гдѣ и ночевали въ аинско юртѣ. На другой день пошли далѣе на нанятой лодкѣ съ двум аинами и встрѣтили у села Тапанай одного японца съ 7-ю аи нами на лодкѣ, ѣхавшихъ въ Томари. Отъ нихъ мы услышали что пришло 4 япон. судна съ 50-ю чел. рабочихъ, изъ кото рыхъ десять ушли въ Мауну, а прочіе остались въ Сирануси. Написавъ извѣстіе это, мы поѣхали далѣе и дошли до р. Ие суторо, гдѣ и остановились ночевать въ пустой аинской юртѣ. Аины, провожавшіе насъ, хотѣли оставить насъ, боясь прово жать русскихъ къ мѣсту высадки японцевъ. Мы уговорили ихъ перевезти еще насъ черезъ небольшую рѣчку, которую намъ иначе пришлось бы переходить въ бродъ. Они согласились. На другой день, только что мы выѣхали, встрѣтили 2-хъ японцевъ съ 7-ю аинами, ѣхавшими на лодкѣ въ Томари. Одинъ изъ японцевъ былъ нашъ знакомый Яма-Мадо. Онъ спросилъ меня, зачѣмъ я иду въ Сирануси, я отвѣчалъ что меня послали сте речь русскія суда. На это онъ мнѣ сказалъ, чтобы я воро тился, потому что японцы пріѣхали съ Мацмая, и чтобы мнѣ не было худо повстрѣчаться съ ними. На это я отвѣчалъ,

но не знаю, будетъ ли мнѣ худо или хорошо, но что воротиться не могу, потому что мой начальникъ приказалъ идти. Яма-Мадо не переставалъ уговаривать меня воротиться, говоря, что онъ вмѣстѣ придетъ со мною къ вамъ, чтобы объяснить, почему вернулись и что тогда вы не будете на меня сердиться. Я не соглашался. Онъ погрозилъ, что возьметъ силою насъ; тогда мы съ Алексѣевымъ взялись за ружья и сказали ему, что пусть попробуетъ.

— «Такъ вы не боитесь идти въ Сирануси, гдѣ теперь много японцевъ и гдѣ они могутъ васъ убить». — Не боимся, отвѣчалъ я. — «Ну такъ я съ вами поѣду, чтобы поговорить объ васъ съ джапчиномъ». Мы поѣхали; товарищъ же Яма-Мадо продолжалъ путь въ Томари. Къ ночи мы пріѣхали въ Тіатомари, гдѣ застали одного японца, работавшаго въ японскомъ домѣ. Яма-Мадо звалъ меня ночевать въ этотъ домъ, но я отказался, сказавъ, что мнѣ не приказано занимать подъ ночлеги японскіе дома. Утромъ мы пошли пѣшкомъ далѣе и послѣ двухъ часовъ пути, у небольшой рѣчки встрѣтили 3-хъ японцевъ шедшихъ пѣшкомъ (на заливѣ былъ ледъ). Двое изъ нихъ молодые — имѣли за поясомъ по одной саблѣ и по одному кинжалу, — третій былъ работникъ. Встрѣтившіе насъ японцы, изъ которыхъ одинъ отозвался сыномъ японскаго начальника, тоже стали уговаривать насъ воротиться хотя до Тіатомари, говоря, что туда придутъ въ тотъ же день ихъ суда и старшій начальникъ. Услышавъ это, мы согласились вернуться въ Тіатомари. Пришедъ туда, я пошелъ въ аинскую юрту. Японцы тоже вошли туда и мы сѣли у огня. Когда стало смеркаться, послышался шумъ, и мы узнали отъ аина, что суда подошли къ берегу. Японцы ушли изъ юрты. Я тоже вышелъ. Пришло два судна. Изъ нихъ японцы стали выходить поодиночкѣ, спускаясь по доскѣ. Я пересчиталъ: ихъ 94 чел.; изъ нихъ человѣкъ 15 были съ саблями, а другіе безъ оружія. Черезъ четверть часа времени прибѣжалъ Яма-Мадо съ коврами, а нѣсколько японцевъ съ чайнымъ приборомъ, и за ними вошелъ младшій японскій офицеръ. Онъ началъ угощать насъ; потомъ сказалъ намъ, что старшій начальникъ еще не пріѣхалъ изъ Сирануси, и чтобы мы лучше воротились обратно. Мы отвѣчали, что нашъ начальникъ будетъ сердиться, если мы воротимся безъ причины. Онъ сказалъ тогда намъ, что японцевъ пришло много и что мы должны бояться, а потому лучше вернуться. Мы на это ему сказали, что начальникъ нашъ не приметъ эту отговорку, да мы и не боимся японцевъ. Онъ тогда сталъ просить еще подождать въ Тіатомари, пока не пріѣдетъ старшій офицеръ. Мы

согласились; тогда онъ ушелъ. Аинъ, который былъ проводни комъ у меня отъ Туотоги, зашелъ ко мнѣ и сказалъ, что япон цы приказали ему остаться въ Тіатомари, но что онъ хочет убѣжать. Когда наступила ночь, ко мнѣ пришелъ аинъ, сл жащій при кухнѣ японской и понимающій немного японскі языкъ. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я не боялся, потому что япон цы сами боятся русскихъ; что онъ слышалъ, какъ они говор ли, что у русскихъ поставлены такъ пушки, что откуда ни по дойдешь, всюду они смотрятъ; пушки эти такія сердитыя, чт какъ изъ нихъ выстрѣлятъ, то они кувыркаются назадъ [1]), когда изъ ружей стрѣляютъ, то они тоже такъ сердито бьют что отталкиваютъ плечо у солдата. Узнавъ, что онъ поставлен караулить пришедшіе суда, я попросилъ его повести меня по казать ихъ. Онъ сначала отговаривался, но потомъ согласился

«Мы пошли къ судамъ; ихъ было три. Зажегши фонарь, осмотрѣлъ ихъ и увидѣлъ, что въ нихъ, кромѣ кулей съ рисом и съ табакомъ, ничего нѣтъ. Когда мы хотѣли уже вернуться, изъ-за послѣдняго судна аинъ увидѣлъ шедшаго къ судам японца. Тогда онъ тотчасъ погасилъ фонарь и сказалъ мнѣ, чтобы я убѣжалъ. Я соскочилъ съ судна и побѣжалъ по берегу къ юртѣ. Японецъ же подошелъ къ аину и спросилъ, кто приходилъ къ судну; тотъ отвѣчалъ, что аинъ; но японецъ велѣлъ ему идти съ нимъ. Они вошли въ юрту, гдѣ я уже успѣлъ усѣсться у огня и закурить трубку; японецъ посидѣлъ немного и потомъ ушелъ. Аинъ передъ утромъ опять пришелъ и сказалъ, что четвертое судно пришло, что теперь собралось всѣхъ 15 джанчиновъ. Въ то время, когда онъ мнѣ разсказывалъ объ этомъ, другой аинъ прибѣжалъ сказать, что японцы идутъ въ юрту. Аинъ спрятался подъ кипу рогожъ. Японцы вошли, спросили, не видѣли ли мы его, но мы отвѣчали, что нѣтъ; они начали звать его около юрты. Когда они отошли далеко отъ нашей юрты, мы выпустили его, и онъ убѣжалъ. Скоро опять поднялся шумъ — пришло еще два судна, и аины намъ сказали, что самый старшій джанчинъ пріѣхалъ. Солнце уже взошло. Послѣ того прошло около часу времени, когда къ намъ пришелъ младшій офицеръ и сказалъ по-аински, что старшій начальникъ зоветъ насъ, чтобы мы съ нимъ пошли, оставивъ ружья въ юртѣ. Я отвѣчалъ, что къ джанчину я готовъ пойти, но что

---

[1]) Зимою я дѣлалъ пробу боевымъ зарядамъ. Орудіе не было приготовлено. Порохъ у насъ винтовочный, и потому дѣйствительно отъ такого заряда орудіе перевернулось. Вслѣдствіе этого я уменьшилъ заряды, разсчитанные на силу пушечнаго пороха. Не думалъ я, что неудобство это такъ устрашитъ японцевъ.

я не оставлю; онъ сталъ просить, я отказалъ, и мы пошли ужьями за нимъ. У входа въ домъ было поставлено много ковъ и флаговъ и постланы были соломенные маты. Мы во-въ длинную залу. Вдоль ея сидѣли въ два ряда, одинъ про-другого около 40-ка японцевъ съ саблями, за ними стояло ество другихъ безъ сабель. На концѣ ряда сидѣвшихъ цевъ стояло три кресла, а противъ нихъ два ставчика, выкра-ые подъ черный лакъ. Мы остановились, поднявшись на ньку пола, на которомъ сидѣли японцы. Офицеръ, привед-насъ, прошелъ въ комнату въ концѣ залы. Оттуда скоро ю съ нимъ двое стариковъ въ богатыхъ одеждахъ, имѣя вѣ сабли за поясомъ. Посреди шедшій старикъ и былъ шій начальникъ; по правую его руку, старичокъ офицеръ, лѣвую младшій, говорящій по-аински; за нимъ шелъ еще ь офицеръ и нѣсколько солдатъ съ пиками и саблями. Они шли къ кресламъ — всѣ бывшіе въ залѣ японцы наклонили ы и положили руки на колѣни, а начальникъ осмотрѣлъ и приложилъ руку къ головѣ, какъ наши офицеры берутъ козырекъ. Мы стоимъ и смотримъ, что̀ будетъ, и не мъ, что̀ намъ дѣлать; японецъ не перестаетъ руку держать ловы. Наконецъ, Яма-Мадо подбѣгаетъ къ намъ и го-тъ, чтобы мы подошли къ ставчикамъ, мы и подошли; — Мадо говоритъ намъ по-русски: «Говорить садись, здрав-й». Я понялъ, что японецъ ждетъ, чтобы я поздоровался съ ; я и сказалъ ему: здравствуй, садись; онъ сѣлъ, а съ ь сѣли и другіе. Мы тоже помѣстились на ставчикахъ, опер-ь на ружья. Тогда японецъ началъ по-своему говорить долго, угіе еще болѣе наклонили головы и слушаютъ. Потомъ всѣ рямились, значило, что онъ пересталъ и все сказалъ что̀ о нужно. Офицеръ, говорившій по-аински, объяснилъ намъ, его начальникъ объясняетъ намъ, что насъ встрѣтилъ на гѣ японецъ Яма-Мадо и сказалъ намъ, что японцевъ съ мая пришло много, и чтобы мы воротились; но мы не по-ись и вдвоемъ пошли навстрѣчу къ нимъ; что мы въ этомъ ушались своего начальника, и что видно, что я не простой че-къ. Я на это сказалъ, что я и Алексѣевъ оба солдаты про-. Японецъ отвѣчалъ, что нѣтъ, потому что меня постоянно ли ѣздившимъ при джанчинѣ, а Алексѣевъ работаетъ про-работу. Потомъ онъ сказалъ, что начальникъ еще объя-, что потомъ онъ послалъ къ намъ на встрѣчу сына офи-а просить насъ воротиться, но что мы и его не хотѣли щаться, а только тогда воротились, какъ намъ сказали, что суда придутъ въ Тіатомари. Потомъ онъ послалъ офице а

сказать намъ, чтобы пришли безъ ружей, но мы не хотѣли з
то сдѣлать; значитъ, нашъ начальникъ приказалъ намъ т
поступить, а своего начальника надо слушать, слѣд., мы хо
шо поступали. Но теперь онъ насъ проситъ ѣхать въ То
вмѣстѣ съ японцами на судахъ. Онъ слышалъ, что у русск
стоятъ сердитыя пушки, которыя, когда изъ нихъ выстрѣл
отбрасываются назадъ, а ихъ суда маленькія и потому, е
начальникъ прикажетъ стрѣлять, то съ разу можетъ пере
путь ихъ судно, а когда русскій начальникъ узнаетъ, что
оба вмѣстѣ съ японцами ѣдемъ, то не будетъ стрѣлять.
слушавъ это, я отвѣчалъ, что мы согласны ѣхать съ ни
Японцы очень обрадовались, и тотчасъ поднесли намъ въ
дарокъ табаку, чаю, японскую трубку; джанчинъ просилъ н
принять это, говоря, что онъ будетъ просить васъ не серди
ся за это на насъ, потому, сказалъ, что русскіе добро об
щались съ японцами зимою, и что онъ надѣется, что и теп
они ласково ихъ примутъ. Мы на это сказали, что нашъ
чальникъ любитъ японцевъ, и что русскіе хотятъ быть съ
ми друзьями. Японскій начальникъ поклонился и ушелъ въ св
комнату, мы пошли къ себѣ въ юрту. Вѣтеръ въ тотъ де
былъ противный, и потому остались ожидать попутнаго.
другой день задулъ западный. Четыре конкася пошли на Ма
май съ большимъ числомъ японцевъ. Я спросилъ, куда о
идутъ—джанчинъ мнѣ отвѣтилъ, что много людей для насто
щихъ работъ не надо, и потому онъ возвращаетъ лишнихъ
ратно. Мы тоже стали усаживаться. Старшій начальникъ
поѣхалъ съ нами, сказавъ, что онъ послѣ пріѣдетъ. Когда ко
каси начали подходить къ крѣпости, то японцы опять ста
бояться, чтобы русскій джанчинъ не приказалъ стрѣлять.
имъ сказалъ, что джанчинъ русскій смотритъ въ трубу, к
торая далеко видитъ, и теперь видитъ насъ, а потому онъ на
вѣрно уже не станетъ стрѣлять. Скоро услышали мы, как
наши пѣли пѣсни на башнѣ. Между пѣсенниками стоялъ часо
вой съ ружьемъ. Японцы спрашивали меня, что это значит
что русскіе кричатъ и что они съ ружьями. Я объяснилъ им
что русскіе встрѣчаютъ ихъ пѣснями, значитъ, рады прихо
ихъ, а съ ружьемъ стоитъ только одинъ солдатъ — часовой
Японцы очень обрадовались, что русскіе поютъ и сами ста
пѣть и хлопать въ ладоши. Выйдя на берегъ, мы увидѣли, чт
младшій офицеръ ждетъ насъ съ ящиками. Мы и повели ег
къ вашему высокоблагородію».

IV.

Слушая разсказъ этотъ, я невольно вспоминалъ описанія у ловнина его плѣна у японцевъ. Безъ всякаго сомнѣнія, мы жны теперь болѣе всего совѣтоваться съ этими описаніями, успѣшной завязки дружескихъ сношеній съ японцами.

На другой день, 15-го апрѣля, Яма-Мадо прибѣжалъ ко мнѣ 9-мъ часу, въ праздничной одеждѣ, спросить, могу ли я приъ старшаго начальника. Я отвѣчалъ, что съ охотою приму . Попросивъ меня, чтобы я призвалъ Рудановскаго присутювать при свиданіи, онъ убѣжалъ. Я надѣлъ сюртукъ и пошъ за Рудановскимъ. Отворились ворота крѣпости, и мы увии черезъ окошко шествіе джанчина. Впереди шелъ младшій щеръ, за нимъ двое и наконецъ старшій. Сзади шли солдасъ пиками и саблями, всего человѣкъ 12-ть съ двумя аи, Испонку и Пенкуфнари, одѣтыми въ пестрые халаты. Я шелъ на крыльцо принять гостей, и помогъ рукой взойти на стницу сѣдому старику, который и былъ старшій офицеръ. йдя въ комнату, я посадилъ его на диванъ и хотѣлъ-было сть подлѣ него у другого угла, но второй офицеръ, впрочемъ же пожилой человѣкъ, очень торопливо сѣлъ тоже на диъ, — я взялъ табуретъ и сѣлъ подлѣ дивана. Солдаты размѣились, кто гдѣ могъ въ моей тѣсной избѣ. Аипы сѣли на по. Старикъ подозвалъ Яма Мадо, долженствовавшаго служить реводчикомъ. Тотъ всталъ на колѣни, преклонилъ голову и ложилъ руки на колѣни. Старикъ сказалъ ему нѣсколько въ; тотъ всталъ, отошелъ шага два назадъ, опустился на колѣни, и обратившись къ казаку Дьячкову, моему переводчику, казалъ ему, что японскій начальникъ благодаритъ русскаго начальника за то, что онъ дружески принялъ ихъ. Я велѣлъ Дьячкову отвѣтить, что я съ своей стороны благодарю его, что нъ довѣрился моей дружбѣ и пріѣхалъ съ рабочими промышть рыбу, и я надѣюсь, что когда мы поживемъ немного вмѣтѣ, то полюбимъ другъ друга. Выслушавъ мой отвѣтъ, онъ поклонился. Потомъ сказалъ нѣсколько словъ, и мнѣ поднесли въ вухъ чисто отдѣланныхъ ящикахъ гостинцы. Яма-Мадо раскрылъ ихъ — въ одномъ были конфекты, въ другомъ — пастила. То и другое довольно хорошо приготовлено, только въ конфектахъ было положено много муки. Я приказалъ подать экстрактъ пуншу, кофе, черносливъ и изюмъ. Экстрактъ пунша очень имъ понравился. Рюмки ходили по рукамъ всѣхъ офицеровъ и солдатъ. Не могу довольно надивиться вѣжливости и благородному

обращенію солдатъ японскихъ—конечно, всякаго изъ нихъ мо но ввести въ любую гостинную. Видно, съ какимъ любопы ствомъ японцы разсматривали различныя вещи, находившіяся меня; я началъ съ Рудановскимъ имъ показывать часы, зр тельныя трубки и разныя картинки изъ книгъ. Осторожно и ловкость, съ какою они осматривали вещи, замѣчательны людяхъ, носящихъ званіе солдатъ. Большая часть изъ нихъ б ли молодые и многіе очень красивые и статные, но роста во ще ниже средняго. Разсматривая часы и другія вещи, они, о ращаясь ко мнѣ, часто повторяли—«пороторика» (очень хо шо), болѣе изъ вѣжливости, чѣмъ изъ удивленія, потому ч вещи наши были простой работы и не должны были удиви японцевъ.

Просидѣвъ часа полтора у меня, джанчинъ простился с мною и пошелъ въ казарму. Копьеносцы провожали его, но п входѣ поставили свои прекрасно обдѣланныя пики. Изъ каза мы онъ пошелъ въ квартиру Рудановскаго, и просидѣвъ у н съ четверть часа, пошелъ обратно домой. Я приказалъ Дьячк сказать Яма-Мадо, что я на другой день полагаю отдать виз японскимъ начальникамъ. Яма-Мадо просилъ дать знать пер тѣмъ, что я выйду изъ дому. Утромъ я всталъ съ сильно расп шею вѣкою надъ правымъ глазамъ. Наканунѣ я чувствовалъ н рываніе ячменя, который я вѣроятно застудилъ во время прі японцевъ. Я послалъ тотчасъ за Яма-Мадо и поручилъ ему пер дать своему начальнику, что я не могу придти къ нему, но ч дня черезъ три я надѣюсь выздоровѣть и тогда тотчасъ же п сѣщу его. Послѣ обѣда пришелъ младшій офицеръ и опять с всѣмъ чайнымъ препаратомъ. Вѣроятно, ему хотѣлось убѣдиться дѣйствительно ли я боленъ. Въ этотъ визитъ онъ мнѣ сказал что при первомъ попутномъ вѣтрѣ пойдутъ три канкася въ Ти томари за старшимъ джанчиномъ. На другой день, 17-го апрѣл я послалъ Дьячкова съ матросомъ Ефимовымъ искать удобной земли подъ огороды, въ сосѣднемъ селеніи Поруонъ-Томари Возвращаясь, онъ встрѣтился съ молодыми офицерами, и он вмѣстѣ пошли къ нашему посту. На дорогѣ они разговарива на счетъ настоящихъ обстоятельствъ, и японецъ разсказалъ ему что онъ знаетъ, что Путятинъ адъютантъ государя, показалъ какъ русскіе дѣлаютъ пріемы ружьемъ, и прибавилъ, будто Пу тятинъ не зналъ, что русскіе пришли на Сахалинъ и что онъ хотѣлъ послать два судна туда и что эти суда придутъ рань ше японцевъ, но японцы безбоязненно шли, увѣренные, что рус скіе ихъ не тронутъ. Когда пришло время рабочимъ ѣхать, то они спросили губернатора Мацмая, можно ли отправляться на

халинъ, и губернаторъ послалъ приказаніе ѣхать, а если они ятся, то приказалъ имъ взять солдатъ. Пріѣхавъ въ Сирану- , они узнали, что суда отъ Путятина не пришли, и потому зная, какъ приметъ ихъ русскій начальникъ, боялись идти. сказъ этотъ имѣетъ много правдоподобія. Какое-то вліяніе ло занятіе Томари на переговоры Путятина съ японскимъ вительствомъ, но какое приказаніе онъ дастъ намъ? Я все гаю, что хорошаго тутъ ничего нѣтъ, и что мы должны емъ оставить Аниву. Офицеръ японскій между прочимъ ска- ръ фамиліи своихъ офицеровъ, но просилъ Дьячкова, чтобы говорилъ объ этомъ его начальнику;—старика зовутъ Мива- ма, второго офицера Уди-Сама, а его самого—Сумеди-Сама.

Разсказъ Дьячкова объ этомъ свиданіи съ японскимъ офи- ромъ невольно заставилъ меня подумать: «Счастливъ Не- ьской»! и дѣйствительно — насъ 60 человѣкъ очутилось въ вномъ японскомъ селеніи, безъ увѣренности, что суда при- ъ во́-время къ намъ на помощь въ случаѣ нужды, и въ стоящее время онъ долженъ быть въ большомъ безпокой- ѣ. Но дѣла наши съ японцами идутъ пока какъ нельзя ше при сложныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы нахо- ся. Это еще не значитъ, чтобы я оправдывалъ или находилъ полезнымъ занятіе Томари; я по прежнему увѣренъ, что по- дствія покажутъ справедливость моихъ доводовъ по этому едмету. Я никакъ не могу согласиться съ мыслью, что япон- пришли сюда по одному дозволенію промышлять рыбу, жи- вмѣстѣ съ русскими. Вліяніе Путятина ясно—но ка́къ онъ говорился съ японскимъ правительствомъ на счетъ занятія Са- лина русскими, трудно отгадать; во всякомъ случаѣ мы обя- ны Путятину, что не дошло у насъ дѣло до пушекъ. Въ омъ случаѣ, я не могу сказать, чтобы шансы успѣха были на шей сторонѣ.

Когда получено было извѣстіе о приходѣ японскихъ судовъ, принялъ всѣ нужныя мѣры къ защитѣ поста. Второе ка- раульство перешло ночевать въ ограду. Орудія заряжены были артечью. Кромѣ часовыхъ, стоявшихъ на башняхъ, поставлены были внутри башенъ при орудіяхъ. Ограда освѣщалась на ночь фонарями. Людямъ указаны были мѣста въ случаѣ тревоги, которая должна была даваться выстрѣлами часовыхъ. Но все это недостаточно было бы для сопротивленія нѣсколькимъ тысячамъ японцевъ, которыхъ правительство ихъ могло, конечно не затрудняясь, прислать на Сахалинъ. Въ особенности ночное нападеніе могло быть опасно, потому что ограда окружена въ 15-ти шагахъ разстоянія съ трехъ сторонъ закрытыми мѣстами, и по-

тому мы не успѣли бы еще встать къ орудіямъ, когда бы уже непріятель могъ быть у стѣнъ. Нападенія малаго числа японцевъ нельзя было ожидать, — они слишкомъ трусливы для этого. У насъ въ настоящее время изъ 64-хъ человѣкъ 47 больныхъ— большая часть цынгою.

18-ое число.—Я сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія для визита японцамъ, т.-е. сварили кофе и налили его въ самоваръ, наложили на тарелки и блюда—сахару, черносливу и изюму, завернули все это въ шелковые платки. Когда все это было готово, я послалъ казака Березкина спросить японскаго старшаго офицера, можетъ ли онъ меня принять. Къ сожалѣнію Дьячковъ былъ усланъ мною на р. Лютогу съ 4-мя матросами за травами для больныхъ цынгою. Березкинъ воротился съ отвѣтомъ, что младшій офицеръ уѣхалъ на р. Сусую, и что такимъ образомъ старикъ лишенъ теперь своего переводчика, и не зная о моемъ приходѣ, онъ не приготовилъ ничего для моего пріема; вслѣдствіе сихъ важныхъ для японцевъ обстоятельствъ онъ проситъ меня пожаловать на другой день. Очень досадно было получить этотъ отвѣтъ, потому что я зналъ, что три конкася ушло въ Тіатомари, чтобы перевезти оттуда японскаго начальника старшаго между всѣми, которые пріѣхали на Сахалинъ. Этотъ начальникъ далъ знать, что онъ не можетъ посѣтить русскаго начальника, на что я отвѣчалъ, что это его добрая воля знакомиться со мною или нѣтъ; но зная, какъ японцы считаютъ важнымъ всѣ наружныя церемоніи, и что они готовы употребить всевозможныя хитрости, чтобы заставить меня первымъ явиться къ ихъ старшему офицеру, я боялся, что дѣлая визитъ знакомымъ уже мнѣ японскимъ офицерамъ тогда, когда уже старшій пріѣдетъ изъ Тіатомари, они устроятъ такъ дѣло, что меня приметъ онъ.

Дѣйствительно, во 2-мъ часу мнѣ дали знать что показалось три паруса — это были конкаси, посланныя наканунѣ въ Тіатомари. Яма-Мадо пришелъ сказать, что идутъ японскія суда. Я спросилъ его, что̀ это, идетъ ли старшій ихъ офицеръ; онъ отвѣчалъ, что нѣтъ: понъ-джанче такой же, какъ уже пріѣхавшій сюда старикъ. Съ этимъ я его отпустилъ, сказавъ, что когда суда подойдутъ ближе, я посмотрю съ башни на пріѣздъ новаго офицера. Часа въ три пополудни мнѣ дали знать, что конкась подходитъ къ берегу и что младшій офицеръ и Яма-Мадо идутъ ко мнѣ съ чайнымъ приборомъ. Ясно было, что они хотѣли удержать меня дома, пока будутъ выходить японцы съ судовъ. Я тотчасъ же вышелъ съ трубою на башню. Суда еще были въ саженяхъ 200 отъ берега, когда мнѣ доложили,

р японскій офицеръ пришелъ въ комнату и проситъ видѣться мною. Я сошелъ внизъ, поздоровался съ Суме́ди-Сама и а-Мадо, и сказалъ имъ, что я хочу видѣть встрѣчу японго начальника, и пригласилъ ихъ выйти вмѣстѣ со мною башню. Отказываться было нельзя; лукавые японцы видѣли, я ихъ понялъ. Взошедъ на башню, я началъ разсматривать р, а бѣдные японцы въ своихъ легкихъ одеждахъ не знали а скрыться отъ холоднаго вѣтра, который сильно дулъ на сотѣ башни. Наконецъ, они спустились внизъ, приглашая и ня пойти съ ними въ комнату, — я обѣщался тотчасъ прид-, какъ кончится церемонія пріѣзда офицера ихъ. Съ двухъ рвыхъ конкасей, подошедшихъ къ берегу, вышло человѣкъ солдатъ и встали толпою на берегу. Третій конкась сталъ водить и потомъ вдругъ убралъ парусъ и остановился: нему подошли лодки съ двумя японцами, которые стали реговариваться съ находящимися на конкасѣ. Замѣтно бывакое-то смятеніе, причиною которому, разумѣется, бызрительная труба, наведенная мною на нихъ. Накопецъ нали притягивать конкась къ берегу, но не у того мѣста, гдѣ иготовлена была сходня и огорожено мѣсто, а далѣе къ средней сотѣ бухты. Аины наскоро набрасывали мостки на избранмъ мѣстѣ для схода на берегъ офицера. На конкасѣ я насталъ до 20 ти чел. японцевъ въ разныхъ одеждахъ, съ саблями, ружьями, съ пиками. Всѣ они поднялись на берегъ и стали кучу. Кое-гдѣ сидѣли на землѣ, склонивъ голову, японскіе аинскіе работники. Наконецъ вышелъ старшій, всѣ преклолись и потомъ начали строиться для шествія, которое и двинусь въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди два японца о двухъ сабляхъ, динъ за другимъ; за ними, два японца несли на плечахъ полосатокрашенный шестъ, длиною въ двѣ сажени; за ними, одинъ понецъ о двухъ сабляхъ, далѣе японецъ въ остроконечной черной ляпкѣ съ круглыми полями; за нимъ шесть солдатъ въ два ряда о три; съ правой и лѣвой руки японцы въ шляпѣ, за ними, офицера въ шляпкахъ, далѣе солдаты въ томъ же порядкѣ акъ предыдущіе. За солдатами опять офицеры, потомъ солдаты, зади ихъ одинъ офицеръ, а за нимъ двое офицеровъ безъ шляпъ. фицеры въ шляпахъ имѣли на спинѣ мѣдныя выточенныя бляхи съ айное блюдечко величиною и разныхъ формъ. Солдаты имѣли за лечами ружья, а нѣкоторые пики. Гдѣ именно шелъ старшій офицеръ, я не могъ разобрать. Процессія эта, пройдя нижній японскій домъ, начала подниматься по аллеѣ къ дому выстроенному на горѣ, гдѣ скоро она и скрылась за воротами. Я спустился внизъ и сказалъ Суме́ди-Сама, что удивляюсь, какъ пріѣхало такъ

много офицеровъ, вмѣсто одного, о которомъ они мнѣ говори прежде. Онъ отвѣчалъ, что это младшіе все офицеры. Напивши чаю, они ушли.

Въ сумерки возвратился Дьячковъ съ Лютоги, не доста травъ. Я его послалъ къ японцамъ сказать Суме́ди-Самѣ, ч хочу на другой день придти къ нимъ, но я желаю, что меня приняли только тѣ офицеры, которые были у меня визитомъ. Дьячковъ воротился, пробывъ болѣе часа у японцев Онъ передалъ мнѣ, что Суме́ди-Сами, принявъ дружески е сказалъ ему, что они такъ и хотѣли сдѣлать, какъ я жела Во время ихъ разговора собралось много аиновъ. Старшие ихъ сѣли на возвышенномъ полу въ ряды, остальные на земл номъ полу. Суме́ди сѣлъ на табуретъ лицомъ къ аинамъ, по садивъ на другой табуретъ Дьячкова. Усѣвшись и поклонивши аинамъ, Суме́ди началъ говорить рѣчь, время отъ времени буду прерываемъ стукомъ палочекъ, по которому онъ тотчасъ уходи въ комнату старика для полученія приказанія. Вотъ содержан его рѣчи.

«Прошедшую осень русское судно пришло къ здѣшней земл высадило на берегъ офицеровъ, солдатъ и пушки. Русскіе нача строить дома. Японцы изъ боязни разбѣжались, половина их ушла на Мацмай объявить о происшедшемъ и оплакивать оста шихся японцевъ, которые разбѣжались по разнымъ японским селеніямъ на Сахалинѣ; въ это время аины себя худо вели, во ровали изъ амбаровъ крупу и пьянствовали. Но это еще прости тельно, а худо то, что и зимою аины вели себя дурно. Японцы, убѣжавшіе, по счастію своему встрѣтили русскихъ, шедшихъ из земли гиляковъ. Эти русскіе успокоили ихъ, сказавъ имъ, что русскіе хотятъ дружно жить съ ними и просятъ воротиться въ Томари. Японцы возвратились, были ласково приняты русскимъ начальникомъ и его солдатами. Стали они дружно жить, но тутъ-то аины и начали стараться поссорить ихъ. Къ русскимъ вы приходили говорить, что японцы хотятъ перерѣзать русскихъ, когда тѣ будутъ спать. Японцамъ вы говорили, что русскіе хотятъ японцевъ убить. Несмотря на это русскіе жили съ японцами дружно и теперь они также будутъ жить дружно. Останутся ли русскіе жить здѣсь или уйдутъ, я не могу вамъ сказать, потому что не знаю. Отъ ихъ большого начальника, бывшаго въ Нангасаки, будетъ бумага, и тогда будетъ извѣстно объ этомъ. Пока же вы работайте, какъ работали прежде, за что по прежнему получите плату. Прошедшіе года пріѣзжало мало солдатъ сюда, этотъ годъ ихъ пріѣхало много,—но не думайте что это для сраженія съ русскими, это только для охраненія нашихъ

фицеровъ». Кончивъ рѣчь, онъ поклонился, аины преклонили головы и подняли руки ему, а потомъ и Дьячкову. Прощаясь съ Сумéди-Сами, Дьячковъ спросилъ, сколько офицеровъ пріѣхало. Сумéди-Сама отвѣчалъ—6 старшихъ и 4 младшихъ, и въ Тіамари осталось еще 12. Дьячковъ высказалъ удивленіе, почему такъ много пріѣхало офицеровъ съ Мацмая. Сумéди отвѣчалъ, что такъ приказалъ мацмайскій губернаторъ.

Выслушавъ этотъ разсказъ, я приказалъ Дьячкову сходить на другой день къ Сумéди-Сама и попросить его придти ко мнѣ. Я намѣренъ былъ съ нимъ поговорить на счетъ наѣзда офицеровъ и солдатъ на Сахалинъ. Наѣздъ этотъ можетъ имѣть одну изъ трехъ цѣлей. Первое—если мацмайскому губернатору дано знать, что русскій посланникъ Путятинъ пріѣдетъ на Сахалинъ по случаю занятія нами селенія Томари, и тогда мацмайскій губернаторъ почелъ нужнымъ устроить обычный церемоніалъ пріема, для котораго и понадобилось собрать на Сахалинѣ большое число офицеровъ. Второе — что японцы, просто труся русскихъ, не рѣшались жить безъ прикрытія солдатъ, но тогда странно, зачѣмъ пріѣхало такъ много офицеровъ—развѣ только для того, чтобы подъ видомъ свиты ихъ собрать большое число солдатъ, не давая подозрѣнія намъ. Наконецъ—дѣйствительно японцы, можетъ быть по случаю льдовъ не имѣя достаточнаго количества судовъ въ Соѣ для перевозки, рѣшились мало-по-малу собрать столько войска на Сахалинѣ, чтобы поддержать въ случаѣ нужды свои требованія силою. Но правду сказать послѣднее предположеніе очень невѣроятно. Какъ бы они рѣшились, придя съ мыслью воевать, жить подъ нашими выстрѣлами въ такомъ маломъ числѣ? Надо постараться разъяснить это дѣло.

На другой день, 20-го апрѣля, во 2-мъ часу я послалъ казака Березкина сказать, что иду съ визитомъ къ Мивѣ-Самѣ. Онъ отвѣчалъ, что меня ожидаютъ. Я и Рудановскій одѣли новые сюртуки безъ шпагъ. Людямъ, назначеннымъ нести гостинцы, я приказалъ надѣть мундиры: ихъ было пять. Войдя въ японскій домъ, мы увидѣли, что насъ примутъ въ входной же залѣ, потому что возвышенное мѣсто съ очагомъ, находившееся у оконъ, было застановлено раскрашенными ширмами. Отдѣльныя же комнаты были всѣ закрыты. Насъ встрѣтили Сумéди-Сама и Има-Мадо. Снявъ шинели и галоши, мы вошли въ огороженное ширмами мѣсто. Посереди его стоялъ столъ покрытый краснымъ [1]) войлокомъ. Около этого стола стояли два складныхъ стула и скамья,

[1]) Японцы не употребляютъ краснаго цвѣта матерій для одежды, но для украшенія комнатъ этотъ цвѣтъ считается нарядныхъ.

покрытая краснымъ войлокомъ; съ лѣвой стороны сидѣло 5 солдат на полу на матахъ. У ширмъ, по лѣвую руку отъ входа, чт приходилось прямо противъ стола и стульевъ, поставлена был скамья ничѣмъ непокрытая. На столѣ стояла свѣча въ высо комъ мѣдномъ подсвѣчникѣ[1]). Я сказалъ, что при входѣ нашем стулья были не заняты, вѣроятно, по японскому этикету хозяин долженъ выходить къ мѣсту пріема позже гостей. Солдаты, вс уже знакомые намъ, вѣжливо поклонились, а Сумéди провел насъ къ покрытой скамьѣ и посадилъ на нее. Тотчасъ же вошл и Мива-Сáма и Уди-Сама, и раскланявшись съ нами сѣл на стулья. Сумеди помѣстился ниже насъ на ставчикѣ. Н непокрытой скамьѣ усадили нашихъ матросовъ и казаковъ У входа на полу помѣстились два аина — Испонку и другой старикъ—оба въ пестрыхъ шелковыхъ халатахъ. Аины эти, и особенности Испонку, невольно возбуждали презрѣніе къ себѣ униженностью своихъ движеній и раболѣпнымъ выраженіем глазъ. Я замѣтилъ, что во всѣхъ церемоніальныхъ визитахъ япон цы помѣщали двухъ аиновъ — почти всегда Испонку и Пенкуф нари. Началось угощеніе. Японцы внесли чай и разныя печенья Наши люди—самоваръ съ готовымъ кофеемъ, мелкій сахаръ на блюдѣ, черносливъ и изюмъ. Все это было внесено заверну тымъ въ шелковые платки, фрукты на тарелкахъ, сахаръ на блю дѣ, для кофе нашихъ 6-ть чашекъ съ блюдцами. Я хотѣлъ всѣ вещи принесенныя нами оставить въ подарокъ Мивѣ-Самѣ, разсчитывая на то, что если онъ и не приметъ ихъ, то это не будетъ имѣть значенія, потому что когда онъ приходилъ ко мнѣ съ визитомъ, то тоже унесъ обратно всю посуду, служившую для угощенія, оставивъ только въ подарокъ сласти. Всего болѣе непріятно въ этомъ визитѣ было невольное сравненіе, которое пришлось сдѣлать, чистоты и богатства одежды и ловкости и благородства пріемовъ у японскихъ солдатъ, съ грубыми мундирами нашихъ матросовъ и неловкостью пріемовъ ихъ, еще болѣе увеличившейся отъ непривычки сидѣть при офицерахъ. Они не знали куда дѣть свои руки и ноги, несмотря на частыя повторенія отъ меня, чтобы были свободнѣе и не думали о томъ, что сидятъ въ моемъ присутствіи. Японцы очень охотно пили кофе. Разговоръ не могъ быть живъ, потому что про-

---

[1]) У японцевъ свѣчи приготовляютъ изъ жиру морскихъ животныхъ и рыбъ, и имѣютъ желтоватый цвѣтъ. Фитильки толсты, но мало нагораютъ. У того конца, съ котораго зажигается свѣча она толще, другимъ же тонкимъ концемъ свѣча не вставляется въ подсвѣчникъ, а натыкается на желѣзный шпиль, вдѣланный въ вершину его. Свѣчи толще и больше нашихъ.

юдился черезъ переводчиковъ. Просидя около часу времени, поднялся съ своего мѣста, чтобы дать тѣмъ знакъ концу засѣданія. Я просилъ Суméди предложить отъ меня Мивѣ-Самѣ подарокъ всѣ вещи, принесенныя нами. Мива-Сама отказался съ большимъ смущеніемъ; видно было, что онъ боялся обидѣть меня. Замѣтивъ это, я сказалъ съ веселымъ видомъ, что нисколько не обижаюсь отказомъ, который вовсе не измѣнитъ нашихъ дружескихъ отношеній, а потому и не настаиваю. Велѣлъ высыпать сахаръ, чернословъ и изюмъ на японскіе подносы и, уложивъ нашу посуду, взять ее обратно домой. Японцы очень обрадовались, что обстоятельство, казавшееся имъ чрезвычайно щекотливымъ, кончилось благополучно. Когда все было уложено, я всталъ и простившись съ японцами возвратился съ Рудановскимъ домой. Около этого времени мои отношенія къ Рудановскому совершенно измѣнились, послѣ бывшаго между нами объясненія за нѣсколько дней передъ приходомъ японскихъ судовъ. Принимая еще зимою всѣ мѣры на случай осады нашей крѣпостцы и не нуждаясь для этого въ помощи Рудановскаго, я ограничивалъ по прежнему *) наши сношенія учтивыми поклонами при встрѣчахъ и разспросами о его картографическихъ работахъ. Въ концѣ марта я уже замѣтилъ, что Рудановскій сводилъ иногда разговоръ на тему о нашемъ положеніи на островѣ, на поздній вѣроятно приходъ судовъ нашихъ и на другія распоряженія, сдѣланныя Невельскимъ, и которыя по моему мнѣнію были неудобны. Помня очень хорошо, что Рудановскій былъ одинъ изъ тѣхъ, который поддерживалъ Невельского, когда дѣло шло о занятіи Томари, и что когда зимою строилъ башню, то онъ говорилъ, что вѣроятно намъ придется защищаться противъ какихъ-нибудь духовъ; я по прежнему предполагалъ, что Рудановскій продолжаетъ одобрять все, что Невельской говорилъ и дѣлалъ, и потому оставлялъ его намеки безъ вниманія, отвѣчая коротко, что безъ сомнѣнія Невельской сдѣлалъ такія распоряженія, которыя совершенно обезпечатъ насъ. Между тѣмъ Рудановскій все чаще и чаще сходился со мною на прогулкахъ и постоянно сводилъ разговоръ на японцевъ. Разъ случилось ему проводить меня; мнѣ неловко было не пригласить его войти, и онъ остался у меня пить чай. Ему было извѣстно, что я послалъ четырехъ человѣкъ въ Сирануси и Сире-

*) Авторъ подробно говоритъ о прежнихъ своихъ отношеніяхъ къ г. Рудановскому въ той части дневника, которая была напечатана въ трехъ послѣднихъ книгахъ «Вѣстн. Евр.» за 1871 годъ и вызвала возраженіе со стороны г. Рудановскаго въ августовской книгѣ текущаго года. — *Ред.*

току для развѣдыванія о японцахъ, и что со стороны Сирану[си] получено извѣстіе отъ казака Березкина, что пять японскихъ су[-] довъ пришло въ Сирануси. Онъ спросилъ меня, что я дума[ю] объ этихъ судахъ. Я сказалъ, что ихъ такъ мало еще, что оп[а-] саться пока нечего.—«Однако надо быть готовымъ на все», за[-] мѣтилъ онъ мнѣ. Я этого и ждалъ и тотчасъ спросилъ е[го:] развѣ онъ перемѣнилъ свое мнѣніе о томъ, что занятіе ру[с-] скими Томари не можетъ имѣть никакого вліянія на японце[въ] и что они попрежнему мирно придутъ работать на Сахалин[ъ]. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ дѣйствительно прежде такъ думал[ъ,] вполнѣ полагаясь на то, что если Невельской былъ такъ ув[ѣ-] ренъ въ своихъ планахъ, значитъ они были на чемъ-нибуд[ь] основаны. Я замѣтилъ ему, что въ такомъ случаѣ не слѣдов[а-] ло такъ настойчиво поддерживать мнѣніе Невельского. Съ эт[о-] го мы перешли вообще на всѣ дѣйствія какъ мои, такъ его [на] Сахалинѣ. Рудановскій хотя и упрекалъ себя, но упрекалъ [и] меня въ томъ, что я вообще обращался съ нимъ какъ съ чел[о-] вѣкомъ, котораго не любятъ и потому безъ церемоніи устраня[-] ютъ отъ общества и дѣла. Я старался ему доказать, что при[-] нявъ роту въ непосредственную свою команду, я не могъ тер[-] пѣть, чтобы онъ, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, хозяйни[-] чалъ, а во время первыхъ построекъ это случалось не раз[ъ], а потому, выведенный изъ терпѣнія, я рѣшился устранит[ь] его совершенно отъ внутренней жизни въ посту, предоста-вивъ ему исключительно заниматься съёмкой страны. Къ сожа-лѣнію моему я не могъ его убѣдить въ томъ, что для него нѣтъ ничего унизительнаго служить младшимъ въ ротѣ, ко-торою онъ командовалъ въ Камчаткѣ. Кончивъ этотъ споръ, онъ все-таки призналъ себя отчасти неправымъ и опять об-ратился къ вопросу, что̀ я думаю на счетъ нашего положенія. Видно было, что онъ опасался, чтобы наша экспедиція не кон-чилась катастрофой, такъ какъ увѣренія Невельского на счетъ ранняго прихода нашихъ судовъ не сбылись. Онъ спрашивалъ меня, что мы будемъ дѣлать, если японцы вздумаютъ осаждать насъ, между тѣмъ какъ въ крѣпости нѣтъ даже воды, и пере-несенъ ли провіантъ? Я съ усмѣшкою замѣтилъ, что хотя онъ полагалъ, что надо ледникъ устраивать подъ горою и набить его льдомъ съ моря, а работа, которую я назначилъ, очень трудна и ни къ чему не служитъ,—я все-таки устроилъ ледникъ въ крѣпости и набилъ его прѣснымъ льдомъ; слѣдовательно, вода у насъ есть. Муки и соли запасено на мѣсяцъ; сухарей на 20 сутокъ. Орудія стоятъ наготовѣ, люди разсчитаны на случай боя. Рудановскій видимо былъ доволенъ, что все было мною

редусмотрѣно, такъ какъ былъ увѣренъ, что японцы затѣва-
ютъ что-нибудь худое противъ насъ. Онъ просилъ меня, чтобы
я назначилъ ему мѣсто на случай тревоги. Я ему сказалъ, что
когда будетъ нужно принять послѣднія уже мѣры, то я самъ
скажу кому что дѣлать. Дѣйствительно, когда отъ Березкина
прекратились извѣстія, и я считалъ его въ плѣну, то Рудановскому я поручилъ наблюдать за нижнею башнею и пріучить
людей къ дѣйствію орудіями. Послѣ того скоро я усилилъ караулъ и назначилъ очередное ночное дежурство себѣ съ Рудановскимъ. Съ того времени мы стали ежедневно видѣться и
ходить другъ къ другу.

На другой день послѣ моего визита японцамъ, Суме́ди-Сама
и Яма-Мадо пришли ко мнѣ вслѣдствіе моего приглашенія.
Я намѣренъ былъ поговорить съ ними на счетъ того, съ какою
цѣлью наѣзжаетъ такъ много ихъ офицеровъ въ селеніе Томари. Какъ я уже сказалъ, всего вѣроятнѣе надо полагать, что
это дѣлается потому, что Путятинъ можетъ быть объявилъ
въ Нангасаки, что онъ пойдетъ на Сахалинъ, и для пріема его
матсмайскій губернаторъ считалъ нужнымъ собрать побольше своихъ чиновныхъ лицъ. Но такъ какъ положеніе наше, при 40-ка чел. больныхъ изъ 60-ти могло быть не безопасно въ присутствіи большого числа японцевъ, то я находилъ нужнымъ ограничить число японцевъ, которое я могу допустить собраться подлѣ насъ.

Поздоровавшись со мною, Суме́ди-Сама сказалъ, что онъ
очень радъ тому, что я приходилъ вчера повидаться съ японцами. Я отвѣчалъ на это увѣреніемъ, что когда мы больше
познакомимся, то полюбимъ другъ друга. Послѣ этого я тотчасъ же приступилъ къ дѣлу, по которому призвалъ ихъ, и сообщилъ имъ, что я слышалъ, будто пріѣхало третьяго дня 10
офицеровъ, что въ Тіатомари находится еще 12 офицеровъ,
кромѣ того и въ Соѣ есть ихъ начальники, которые тоже пріѣдутъ на Сахалинъ; но я не понимаю, для чего наѣхало столько ихъ, и потому прошу мнѣ сказать вѣрно, сколько пріѣхало офицеровъ и солдатъ и сколько еще пріѣдетъ. Суме́ди-Сама вынулъ клочокъ бумаги, исписанный по-японски и началъ переводить на аинскій счетъ записанное число по-японски на означенной бумажкѣ. Я подалъ ему мой японскій лексиконъ, въ которомъ написанъ японскими цифрами счетъ, и просилъ по этому счету показать мнѣ числа. Онъ мнѣ указалъ
слѣдующія числа: въ Томари находится офицеровъ старшихъ и
младшихъ 13 и 23 солдата. Въ Тіатомари: стар. офиц. — 1,
младш. офиц. — 4, солдатъ — 8, конвойныхъ — 9. Въ Соѣ солдатъ 77, а офицеровъ онъ не знаетъ сколько. Слѣд., всего

военныхъ собрано на Сахалинѣ и въ Соѣ 135 человѣкъ, а рабочихъ пріѣхало не болѣе 50-ти ч. Число это слишкомъ незначительно, при трусости японцевъ, чтобы опасаться отъ нихъ враждебнаго дѣйствія, а не позволивъ ихъ офицерамъ пріѣзжать въ Томари, можно испортить все дѣло и возбудить въ нихъ опасенія за своихъ рабочихъ. Поэтому я сказалъ Суме́ди-Сама, что хотя мнѣ предписано моимъ начальствомъ недопускать японскаго войска и пушекъ на Сахалинъ, но считая, что число японскихъ солдатъ, назначенное прибыть въ Томари при 20-ти ихъ офицерахъ, нельзя считать войскомъ, а только прислугою офицеровъ, то я и не буду противиться пріѣзду этого числа солдатъ, но и болѣе не могу дозволить. Что же касается до офицеровъ, то хотя меня очень удивляетъ, что ихъ пріѣхало такъ много и что они не знаютъ, зачѣмъ они присланы, но вѣря японцамъ, будто адмиралъ Путятинъ объявилъ въ Нангасаки, что онъ пошлетъ на Сахалинъ два судна, я предполагаю, что японскіе офицеры прибыли собственно для составленія парадной свиты старшему начальнику, которому поручено переговариваться съ посланными отъ Путятина, а можетъ быть и съ нимъ самимъ. Вслѣдствіе этого, я не противлюсь наѣзду японскихъ офицеровъ въ томъ числѣ, которое они мнѣ сказали, т.-е. 20 ч. Кончивъ это объясненіе, мы начали толковать о торговлѣ. Суме́ди-Сама, разспросивъ цѣны разныхъ товаровъ нашихъ, сказалъ, что онъ былъ бы очень радъ, если бы японцамъ дозволено было жить съ русскими на Сахалинѣ, что они могли бы тогда выпросить позволеніе отъ своего правительства торговать съ нами. Болѣе всего ему нравилось—сукно красное и въ особенности черное, и потомъ разныя металлическія вещи—часы, зрительныя трубы, термометры. Сапоги онъ тоже хотѣлъ имѣть. Я ему предложилъ выбрать пару по своимъ ногамъ, и онъ обѣщалъ спросить дозволенія у своего начальника, но кажется не получилъ. Русскій сахаръ въ головахъ очень по вкусу имъ, а шафранъ они считаютъ драгоцѣнностью, и потому были очень удивлены, когда я имъ, указавъ на ящикъ, который могъ вмѣстить около 2-хъ зол. шафрану, сказалъ, что три такихъ ящика шафрану они могутъ получить отъ русскихъ за одного хорошаго соболя. Отъ торговли разговоръ перешелъ на военныя силы Россіи. Они были очень поражены, когда я имъ сказалъ, что въ Россіи есть милліонъ войскъ. Они спросили, сколько кораблей; я отозвался незнаніемъ и спросилъ бывшаго тутъ Рудановскаго, онъ сказалъ: 500. Мнѣ показалось, что онъ уже слишкомъ увеличиваетъ, и потому я указалъ имъ въ лексиконѣ число 400, объяснивъ, что въ этомъ числѣ находятся суда всѣхъ величинъ.

Они попросили нарисовать имъ разныхъ величинъ корабли. Я сдѣлалъ это, какъ умѣлъ. Объясненіе, что на большихъ корабляхъ 100 пушекъ стоятъ въ четыре яруса, ихъ очень поразило. Потомъ спрашивали о русскомъ оружіи и знаменахъ. Я показалъ имъ солдатское ружье со штыкомъ и дѣйствіе имъ. А про знамена сказалъ, какъ они уважаются у насъ и защищаются на войнѣ. Они замѣтили, что у ихъ войскъ есть также знамена. Много изъ того, что я имъ говорилъ, они записывали.

22-го апрѣля. — Сегодня японскіе караульные дали знать, что сельди (хероки) идутъ съ моря къ бухтамъ. Извѣстіе это чрезвычайно оживило японцевъ. Даже офицеры ихъ вышли изъ домовъ своихъ смотрѣть на ходъ рыбы. Рабочіе японцы и аины носили невода, готовили лодки — однимъ словомъ, все было въ движеніи. Я велѣлъ дать знать мнѣ, когда забросятъ японцы неводъ. Во второмъ часу, лодки съ неводами отчалили. Я вышелъ посмотрѣть на ловлю. Японскіе неводы часты и чрезвычайно велики. Одинъ неводъ окружаетъ пространство саженъ на 70 отъ берега. Но каково было мое удивленіе, когда, не дотащивъ неводъ саженъ на 10 до берега, японцы оставили его въ водѣ, потому что эти 10 саженъ неводъ до того былъ наполненъ сельдями, что несмотря на всѣ усилія человѣкъ 60-ти работниковъ, они не могли болѣе притянуть неводъ къ берегу. Я выѣхалъ на шлюпкѣ къ тому мѣсту бухты, гдѣ вода возмутилась отъ хода рыбы. Гребцы, закладывая весла для гребки, выбрасывали ими по нѣскольку сельдей и жаловались, что они мѣшаютъ грести хуже чѣмъ морская капуста. Можно представить себѣ теперь, какъ дорогъ Сахалинъ, т.-е. берегъ Анивы для японцевъ. Японцы и теперь уже много терпятъ въ промыслѣ, отъ того что аины восточнаго и западнаго береговъ не пришли на работу, говоря, что они боятся войны между русскими и японцами. Они никому не хотятъ вѣрить, чтобы возможно было, что русскіе будутъ жить въ Аинѣ съ японцами безъ драки. Я предлагалъ японцамъ послать казака Березкина собрать аиновъ, но они просили, чтобы я этого не дѣлалъ, что они уже послали 10 человѣкъ въ Аруторо (восточный берегъ). Теперь у японцевъ работаютъ только анивскіе аины, и то большею частью женщины. Для продовольствія команды свѣжою рыбою, я посылаю вечеромъ трехъ человѣкъ на маленькой лодкѣ съ саками, чѣмъ на садкахъ вынимаютъ рыбу изъ барокъ. Люди наши вынимаютъ, такъ сказать изъ природнаго садка, т.-е. прямо изъ бухты Томари, по 300 рыбъ въ полчаса. Я закидывалъ нашъ неводъ и вытащили столько рыбы, что мы не знали куда дѣвать ее, и потеряли только время на уборку ея.

23-го апрѣля. — Сегодня, опять пришелъ ко мнѣ Сумеди-Сама съ Яма-Мадо. Кажется, цѣль его прихода была выпросить у меня карту Россіи. Печатной я не имѣлъ, и потому согласился взяться не за свое дѣло — начертить карту всей россійской имперіи, со всѣми владѣніями ея въ Европѣ, Азіи и Америкѣ. Я нарисовалъ по просьбѣ Сумеди и пограничныя съ нею владѣнія Китая и Японіи. При этомъ я не провелъ границы между Сибирью и Китаемъ въ Приамурскомъ краѣ. Можетъ быть, работа моя отправится къ японскому императору на показъ; хорошо что онъ не съумѣетъ подмѣтить невѣрность карты. Толковали мы съ Сумеди и о торговлѣ. Я велѣлъ принести красное и черное сукно. Мнѣ хочется заставить какъ-нибудь японцевъ начать съ нами мѣну. Вольность отзывовъ Сумеди о своихъ начальникахъ и о другихъ предметахъ, относящихся до Японіи и Россіи, подавала мнѣ надежду, что онъ согласится скрытно мѣняться съ нами товарами; на первый разъ и это было бы хорошо. Къ сожалѣнію, надежда моя не сбывается, и я подозрѣваю, что хитрые японцы, поручивъ Сумеди вывѣдывать отъ меня что ихъ интересуетъ, позволили Сумеди вести себя такъ, чтобы я думалъ, что онъ отъ себя говоритъ и дѣйствуетъ для своей собственной пользы, между тѣмъ какъ онъ только исполняетъ задаваемые ему уроки старшимъ начальникомъ. Я дѣлаю видъ, что будто ничего не подозрѣваю, и думаю, что дѣйствительно Сумеди скрытно дѣйствуетъ отъ своихъ начальниковъ и всегда серьезно обѣщаю ему, что ничего не скажу имъ про то, что онъ говорилъ со мною. Разъ я попросилъ у него, чтобы онъ мнѣ промѣнялъ обдѣланную раковину на хрустальную тарелку. Онъ согласился, отдалъ раковину и взялъ тарелку.

24-ое апрѣля. — Многіе аины говорили Дьячкову, что они слышали отъ другихъ аиновъ, будто у Сиретоку (Анива) ходятъ два русскихъ судна. Кажется, это уже 10-й разъ съ марта мѣсяца, что видятъ судно у Сиретоку. Ловля идетъ у японцевъ очень лѣниво, хотя съ тѣмъ числомъ работниковъ, которое они имѣютъ въ Томари (около 100 чел. япон., аиновъ и аинокъ) можно бы гораздо болѣе дѣла сдѣлать. Они не убрали еще и одного невода, а нѣсколько ихъ стоитъ въ водѣ съ рыбою невытащенными еще на берегъ.

25-ое апрѣля. — Сегодня вновь пришедшій аинъ потвердилъ, что два судна ходятъ у мыса Анивы, и что даже нѣсколько человѣкъ съѣзжали на берегъ. Если это русскія суда, то непонятно, отчего они нейдутъ внутрь залива Анивы. Надо полагать, что это китобои. Однако я рѣшился поѣхать на шлюпкѣ за мысъ Эндоморо, закрывающій отъ насъ м. Аниву,

ъ надеждѣ, что если горизонтъ будетъ ясный, то я увижу ъ трубу, если же туманный, то пошлю двухъ казаковъ къ . Сиротоку разузнать, правда ли, что жители видѣли суда, если правда, то ожидать пока сами не увидятъ и тогда подать знакъ на судно, если оно русское, выстрѣлами изъ ружей. Въ 9-мъ часу пришелъ Суме́ди-Сама съ Яма-Мадо и спросилъ меня, слышалъ ли я, что русскія суда пришли. Я сказалъ, что слышалъ. Тогда онъ спросилъ, поѣду ли я самъ, или пошлю кого-нибудь къ нимъ. Я сказалъ, что я поѣду къ мысу Эндоморо посмотрѣть въ зрительную трубу, когда марево пройдетъ. Онъ просидѣлъ у меня до того времени, когда мнѣ дали знать, что люди готовы на молитву (это было въ воскресенье). Я началъ одѣваться, а Сумеди пошелъ къ Рудановскому. Между разговоромъ Сумеди сказалъ мнѣ, что ихъ начальникъ запретилъ, чтобы не пугать рыбу, бить въ барабанъ, какъ это прежде дѣлалось для сигнала идти къ обѣду и на работу. Я ему сказалъ на это, что вѣроятно они не полагаютъ, чтобы нашъ маленькій колокольчикъ, въ который бьютъ часы и рынду, могъ бы пугать рыбу.—«Колоколъ не мѣшаетъ, но выстрѣлы изъ пушекъ могутъ прогнать рыбу; а я слышалъ что русскіе палятъ, когда приходятъ суда», замѣтилъ мнѣ Сумеди. Я ему обѣщалъ, что буду просить свое начальство позволить не салютовать кораблямъ. Дѣйствительно, надо будетъ это сдѣлать. Послѣ молитвы, въ 1-мъ часу, я выѣхалъ на шлюпкѣ. Обогнувъ м. Эндоморо, я увидѣлъ, что горизонтъ закрытъ туманомъ и м. Анивы нельзя видѣть. Я однако поѣхалъ далѣе, чтобы высадить двухъ казаковъ. Вѣтеръ, бывшій до м. Эндомора совершенно противный, пошелъ немного къ западу, и мы поставили паруса. Проѣзжая с. Хукуй-Катанъ, я увидѣлъ въ зрительную трубу, что и въ этомъ селеніи уже поймано много сельдей, онѣ лежали большими кучами на берегу. Скоро мы обогнули мысъ Хукуй-Катана и пошли мимо озера Отосамъ къ слѣдующему мысу, гдѣ и пристали къ берегу. Я отправился съ каз. Дьячковымъ и Березкинымъ вокругъ мыса, чтобы выдти на открытое мѣсто. Обогнувъ его, мы увидѣли, что слѣдующій мысъ опять закрываетъ намъ Аниву. Было уже часовъ пять, и надо было думать о возвращеніи домой. Мы вернулись къ шлюпкѣ, взойдя по дорогѣ на вершину берега посмотрѣть въ трубу. Идучи мы замѣтили на пескѣ свѣжій слѣдъ медвѣдя. Я смѣрилъ величину слѣда—вышло двѣ четверти: это лапа огромнаго медвѣдя, какихъ въ Россіи кажется нѣтъ [1]). У меня есть

[1]) На Сахалинѣ водятся только черные медвѣди, имѣющіе по клочку бѣлыхъ волосъ съ обѣихъ сторонъ шеи; они считаются самыми свирѣпыми. Вообще сахалинскіе медвѣди очень злы и бросаются на людей.

шкура чернаго медвѣдя, убитаго въ Хукуй-Катанѣ: она имѣет длины отъ шеи до хвоста 11 четв., т.-е. 1 с. безъ четв.; при къ мѣсту, гдѣ вытащена была шлюпка, я засталъ готовый ча Назначивъ казаковъ Березкина и Монакова идти къ м. Анив чтобы разузнать о видѣнныхъ судахъ, я отправилъ ихъ съ пр віантомъ на недѣлю, а съ остальными 3-мя гребцами отвали отъ берега. Вѣтеръ былъ попутный, потому мы тотчасъ же п ставили парусъ. Проходя не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ б рега, гдѣ находится оз. Отосамъ, мы увидѣли въ саженяхъ 20- отъ насъ, между берегомъ и шлюпкой, фонтанъ, пущенный томъ. Скоро показалось туловище, а потомъ хвостъ чудовища. Н прошло получаса, какъ матросъ на рулѣ замѣтилъ, что-то л житъ поверхъ воды передъ носомъ шлюпки. Мы приняли снача это за плавающее дерево, но приблизясь саженей на 5 къ не я увидѣлъ, что не можетъ быть такое толстое дерево и тотча велѣлъ взять лѣво руля, чтобы отойти; едва мы отвернули, ка вода съ шумомъ и брызгами раздалась и хвостъ ныряющ кита поднялся во всю величину свою. Мы чуть-чуть не нато нулись на спящаго кита. Судя по хвосту онъ былъ изъ мале кихъ китовъ, т.-е. сажени четыре длины. Киты бываютъ въ 12 даже 13 саженъ. Ужасное множество сивучей постоянно о ружало насъ. Сивучи, выныряя изъ воды, вытягиваютъ къ вер голову и такъ держатся совершенно вертикально, выказывая б лѣе аршина изъ своего туловища. Они имѣютъ около одной саже длины. Ревъ ихъ похожъ на бычачій. Говорятъ, что ихъ опас стрѣлять лежащихъ на берегу потому, что раненые они съ яро тью бросаются на стрѣлка и чрезвычайно быстро бѣгутъ оп раясь на свои лапы и хвостъ. Подъѣзжая къ посту, я увидѣ что пришли двѣ японскія джонки, находившіяся въ Тіатомари, японцами. Ихъ пріѣхало всего около 20-ти человѣкъ.

26-го апрѣля. — О судахъ нѣтъ никакого извѣстія. Сегодн я смотрѣлъ на рыбную ловлю японцевъ, и теперь не удивляюсь что они нуждаются въ аинахъ. Способъ вытаскиванія неводо такъ дуренъ, что дѣйствительно необходимо не менѣе 70-ти ч. на неводъ. У нихъ нѣтъ тоней, какія дѣлаютъ у насъ, гдѣ 10 рыбаковъ легко повертываютъ канатъ. У нихъ тянутъ канатъ рабочіе отъ начала до конца руками. Одинъ конецъ впрочемъ наворочивали на вертящуюся тумбу, но она такъ тонка и канатъ дѣлаетъ столь малый оборотъ, что эта работа еще медленнѣе, чѣмъ просто руками тянуть. Необычайно количество рыбы и дешевизна найма аиновъ, или лучше сказать малость подачки, отпускаемой имъ.

27-го апрѣля. — Сегодня ночью пришли аины сел. Найпучи

на работу къ японцамъ. Одинъ изъ нихъ, узнавъ въ часовомъ у нижней казармы казака Дьячкова, подошелъ къ нему и сказалъ, чтобы онъ вошелъ съ нимъ въ казарму. Дьячковъ вызвалъ смѣну и пошелъ съ аиномъ. Тотъ ему далъ травъ, сказавъ, чтобы онъ не говорилъ японцамъ, потому что тогда они убьютъ его. Дьячковъ ему старался объяснить, что хотя русскіе дружно живутъ съ японцами, но это не значитъ, чтобы они позволили японцамъ убить аина за то, что онъ служилъ имъ. Аинъ отвѣчалъ на это, что если русскіе посылаютъ аиновъ на работу къ японцамъ, то значитъ они оставляютъ ихъ беззащитными подъ начальствомъ японцевъ [1]); сказавъ это, онъ попросилъ за траву табаку, и потихоньку ушелъ къ аинскимъ юртамъ. Вотъ отвѣтъ всѣхъ аиновъ на наши убѣжденія, чтобы они не боялись японцевъ. Они не вѣрятъ и совершенно справедливо; я вмѣстѣ съ ними не могу понять возможности, чтобы русскіе и японцы вмѣстѣ жили въ Анивѣ, и при этомъ чтобы аины оставались въ прежнемъ отношеніи къ японцамъ, т.-е. въ рабствѣ. Это вещь невозможная; слѣд. или японцы должны признать Кусунъ-Катанъ (Анива) русскою землею, и на этомъ основаніи измѣнивъ законъ свой придти на русскую землю промышлять рыбою, уговариваясь съ аинами на счетъ найма къ нимъ въ работники по вольной съ обѣихъ сторонъ цѣнѣ; или русскіе должны перейти жить изъ Кусунъ-Катана въ другое мѣсто, предоставя аинамъ оставаться работниками у японцевъ или перейти къ русскимъ заселеніямъ для занятія пушными промыслами. Въ положеніи же, въ которомъ мы теперь находимся, оставаться далѣе нынѣшняго лѣта нельзя. Я уже выше сказалъ, что аины дальнихъ селеній до сихъ поръ нейдутъ къ японцамъ на работу, отговариваясь тѣмъ, что они не могутъ вѣрить тому, что японцы съ русскими будутъ мирно жить въ Кусунъ-Катанѣ. Чтобы собрать ихъ, слѣдуетъ послать партію русскихъ. Во-первыхъ, теперь это невозможно, потому что вся команда больна цынгою; а во-вторыхъ, странно, если мы не только будемъ оказывать послабленіе японцамъ, оставляя аиновъ въ ихъ волѣ, но еще будемъ силою собирать ихъ для отдачи въ рабство къ ненавистнымъ для нихъ господамъ. Поэтому не слѣдовало, — рѣшившись разъ занять Аниву и встать въ главное японское селеніе, употреблять увертливыхъ приказаній, — стараться сдружиться съ японцами и аинами и отнюдь не тревожить пер-

[1]) Лѣтняя работа у японцевъ отнимаетъ у аиновъ возможность сдѣлать достаточный запасъ рыбы на зиму, — вслѣдствіе чего у нихъ бываетъ почти ежегодно голодъ въ мартѣ и даже въ февралѣ мѣсяцѣ. Аины признаются, что они воруютъ отъ японцевъ рыбу, потому что иначе они остались бы совершенно безъ рыбы.

выхъ въ ихъ рыбныхъ промыслахъ, недозволяя только имъ привозить войска и пушки. Это возможно только тогда, когда мы встали бы сѣвернѣе японскихъ заселеній. Объявивъ тогда японцамъ, чтобы они не привозили войска и пушекъ и предоставили аинамъ свободно наниматься служить кому они хотятъ, мы могли бы разсчитывать на то, что хотя японцы вслѣдствіе этого и лишились бы въ большой части аинскихъ работниковъ, но однако, дорожа своими промыслами и не имѣя надъ головами русскихъ строеній, они пріѣзжали бы на Сахалинъ и не строили бы крѣпостей, лишь бы только не прогнали ихъ.

Сегодня Суме́ди-Сама пришелъ ко мнѣ въ 5-мъ часу, по обыкновенію съ чаемъ. Я ему подарилъ или лучше сказать заплатилъ шестью фунтами сахару за рисъ, который онъ мнѣ прислалъ наканунѣ. Онъ пришелъ собственно для того, чтобы сказать, что если завтра будетъ попутный вѣтеръ, то четыре конкася пойдутъ въ Сирануси для того, чтобы перевезти оттуда офицеровъ и солдатъ, всего 77 челов. Это же самое число онъ говорилъ при первомъ объясненіи со мною насчетъ того, сколькимъ солдатамъ я могу дозволитъ пріѣхать на Сахалинъ. Отсюда надо заключить, что или вслѣдствіе этого объясненія японцы послали съ ушедшими тремя конкасями извѣщеніе о числѣ солдатъ, которое я могу допустить, или Суме́ди обманываетъ. Мнѣ еще то было подозрительно, что Суме́ди хитритъ; онъ между разговоромъ сказалъ, будто слышалъ, что японское большое судно видѣли въ морѣ аины изъ Сирануси; что это вѣроятно судно съ провіантомъ и товаромъ. Потомъ онъ сказалъ, что онъ тоже слышалъ, что изъ Мацмая пріѣдетъ императорскаго войска офицеръ и солдаты. Подозрѣвая, что онъ испытываетъ, какъ я смотрю на это обстоятельство, я ему сказалъ: «Суме́ди-Сама, скажи своему старшему начальнику, что если пріѣдетъ на Сахалинъ солдатъ и офицеровъ болѣе того числа, въ которомъ мы условились, то я приму это за враждебныя дѣйствія и потому употреблю силу, чтобы недопустить японцевъ увеличивать числа вооруженныхъ людей». Суме́ди началъ клясться, что японцы не хотятъ вести войну съ русскими, что онъ не знаетъ хорошо, сколько назначено всего солдатъ на Сахалинъ, а говоритъ такъ только; что же касается до него самого, то его главная забота о томъ, чтобы рыбные промыслы были успѣшны, что онъ отсовѣтовалъ своему начальнику поставить у своего дома пушки, боясь, что аины разбѣгутся. Я сказалъ ему, что онъ хорошо сдѣлалъ, что отсовѣтовалъ ставить пушки, потому что если бы я ихъ увидѣлъ, то по-

требовалъ бы ихъ, и я ему поручаю сказать старшему начальнику японцевъ, чтобы я ни пушекъ, ни больше условленнаго числа солдатъ не видѣлъ у японцевъ, если они дѣйствительно не хотятъ воевать съ нами; что я не хочу да мнѣ и не приказано драться съ японцами; а если я разъ это говорю, то это правда, потому что русскій офицеръ знаетъ, что Богъ слышитъ что онъ говоритъ; позволить же японцамъ вмѣсто работниковъ наводить войска,—не могу. Суме́ди на это сказалъ, что японцы боятся нападенія Хвостова и потому привезли солдатъ себѣ въ защиту. Я на это возразилъ ему, что Хвостовъ былъ съ купеческимъ судномъ и разбойничалъ, а я пришелъ отъ императора русскаго. Прощаясь онъ сказалъ мнѣ, что поѣдетъ въ Усунной и Унду сказать аинамъ, чтобы они не боялись и не убѣжали, если услышатъ пушечные выстрѣлы, потому что это будетъ салютъ русскимъ. Я ему замѣтилъ, что намѣренъ по прибытіи русскихъ судовъ послать шлюпку просить, чтобы не салютовали, потому что это можетъ отогнать рыбу, а потому онъ можетъ надѣяться, что стрѣльбы не будетъ, если только не придется подать ночью сигналъ, когда судно будетъ искать насъ, и то я постараюсь дать знать огнемъ фальшфейеровъ. Суме́ди очень обрадовался этому извѣстію и довольный ушелъ отъ меня. Я приказалъ Дьячкову завтра постараться свидѣться съ нимъ или съ Яма-Мадо, чтобы еще пересказать о нашемъ разговорѣ, потому что я худо говорю и можетъ быть Суме́ди не все понялъ. Аинамъ же я велѣлъ отвѣчать на вопросы, останутся ли русскіе, что никто не можетъ теперь ихъ вывести изъ Аину-Катанъ, потому что русскіе пришли туда по повелѣнію своего императора, но что можетъ быть перенесенъ постъ на другое болѣе удобное мѣсто.

V.

29-го апрѣля.—Ура! русское судно пришло. Въ 1-мъ часу пополудни часовой увидѣлъ на горизонтѣ парусъ. Я тотчасъ же вошелъ на башню и удостовѣрился въ зрительную трубу, что часовой не ошибся. Видно было два судна; одно изъ нихъ большое, и по виду парусовъ ясно отличалось отъ меньшаго, которое я тотчасъ принялъ за японское. Рудановскій былъ моего мнѣнія, а когда большое судно подошло ближе, то онъ увѣрялъ, что это должно быть военное. Скоро уже судно подошло такъ близко, что я, желая, чтобы оно не вздумало салютовать, послалъ ему извѣщеніе объ этомъ на японской лодкѣ,—шлюпка была командирована къ озеру Отосамъ. Но еще вдали съ судна

сдѣлали выстрѣлъ. Сумеди-Сама прибѣжалъ ко мнѣ, узнавъ, что идетъ русское судно. Лодки наши подплыли къ судну, передали бумагу и скоро извѣстили насъ, что корветъ «Оливуца» пришелъ изъ «Императорской гавани». Затѣмъ пришелъ вельботъ съ подпоручикомъ Орловымъ, присланнымъ изъ Петровскаго для поступленія въ распоряженіе адмирала Путятина. Онъ привезъ мнѣ большой пакетъ дѣловыхъ бумагъ и частныхъ писемъ. Трудно представить жителю многолюднаго города радость, которую чувствуетъ человѣкъ, прожившій около года безъ всякихъ извѣстій изъ родной стороны. Невольно я распечаталъ первыми частныя письма отъ сестры моей и другихъ родственниковъ. Быстро пробѣжавъ ихъ и увѣрившись, что всѣ здоровы и счастливы, я принялся читать дѣловыя бумаги. Первая бумага была та, въ которой генералъ-губернаторъ утверждалъ меня правителемъ острова Сахалина, до прибытія правителя отъ компаніи, и выражалъ ему только свойственнымъ слогомъ свое довольство моими дѣйствіями. Частное письмо Николая Николаевича по этому же предмету еще ласковѣе и, можно сказать, дружественнѣе. Самое важное извѣстіе было о разрывѣ съ Турціею и о вѣроятности разрыва съ Англіею и Франціею. Послѣднее обстоятельство еще болѣе можетъ затруднить наше положеніе, если японцы узнаютъ о разрывѣ нашемъ съ сильными морскими державами, съ которыми намъ трудно будетъ бороться въ Тихомъ океанѣ. Хорошо еще, если посланные изъ балтійскаго флота 2 фрег., 1 корветъ и 1 транспортъ успѣютъ пробраться къ намъ между англійскими эскадрами. Я думаю, что трудно будетъ имъ это сдѣлать, если разрывъ дѣйствительно произойдетъ. Ихъ приказано дожидать къ началу апрѣля, а теперь уже начало мая, и ихъ нѣтъ. Пришедшій къ намъ корветъ «Оливуца» долженъ идти въ Петропавловскій портъ для защиты Камчатки. Между непріятными извѣстіями конечно самое важное и грустное было извѣстіе, что судно компанейское «Николай» и камчатскій транспортъ «Иртышъ» не могутъ выдти изъ «Императорской гавани» ранѣе второй половины мая, потому что въ командахъ ихъ свирѣпствуетъ цынга, отъ которой уже умерло 30 человѣкъ изъ 80-ти. Мѣстоположеніе и недостатокъ свѣжей пищи и хорошаго жилья были, какъ и всегда, причиною сильнаго развитія болѣзни. Получилъ я письма отъ Невельского и Корсакова. Первый, будучи обезпокоенъ положеніемъ поста, совѣтуетъ мнѣ вести дѣло такъ, чтобы не имѣть столкновенія съ японцами, стараясь совершенно не вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Второй поздравляетъ меня съ успѣхомъ распоряженій моихъ и извѣщаетъ, что губернаторъ очень доволенъ мною, и надѣется, что съ будущею

почтою поздравить меня съ чиномъ подполковника. Приходъ корвета оживилъ наше поселеніе. Больные наши стали веселѣе, и по словамъ доктора корветскаго ни одного изъ нихъ нѣтъ опасно больного. На айновъ приходъ русскаго корабля конечно имѣлъ хорошее вліяніе, но я продолжалъ такъ держать себя, чтобы они не возъимѣли мысли оставить работы у японцевъ. Горестно, но необходимо! Пріѣхавшіе офицеры на корветѣ, посѣтивъ нашъ постъ, удивлялись, что мы успѣли такъ хорошо и удобно обстроиться.

1-ое мая. — Я снова перечиталъ письма родныхъ. Неужели этотъ годъ не увижусь я съ ними. Право страшно подумать объ этомъ.

Сегодня неожиданно пошелъ снѣгъ. Поздненько для 46° широты. Климатъ Анивы немногимъ мягче петербургскаго; конечно хорошей погоды больше, да и солнце посильнѣе.

Сегодня командиръ корвета Назимовъ пригласилъ на корветъ, по предложенію моему, японскихъ офицеровъ знакомыхъ мнѣ. Я повезъ Мива-Сама и Сумéди-Сама на капитанскомъ вельботѣ; на нашей шлюпкѣ поѣхалъ Рудановскій съ Уди-Сама, а на восьмеркѣ усажены были японскіе солдаты, составлявшіе свиту японскихъ офицеровъ и 3 старшины изъ айновъ. Шелъ небольшой дождь, когда мы пристали къ корвету и потому, почти не осматривая его, вошли въ капитанскую каюту. Красивая комната, хорошій обѣдъ, огромность размѣровъ всѣхъ частей военнаго судна сдѣлали впечатлѣніе на японцевъ. За обѣдомъ пили за здоровье государя, при чемъ пѣвчіе спѣли «Боже царя храни». Послѣ обѣда капитанъ Назимовъ показалъ примѣрное ученье на парусахъ и при орудіяхъ. Послѣдніе были 18-ти-фун. кал. пушки-каронады. Величина ихъ поражала японцевъ, и я послѣ узналъ отъ казака Дьячкова, что одинъ изъ японскихъ солдатъ, не вѣря, что онѣ сдѣланы изъ металла, началъ скоблить ножемъ, чтобы убѣдиться, не изъ дерева ли пушка. Въ Японіи дѣлаютъ очень много деревянныхъ орудій, чтобы придать баттареямъ болѣе грозный видъ. Одинъ изъ офицеровъ корвета видѣлъ, какъ въ Нанкинѣ рубили во время штурма японское судно и нѣсколько пушекъ плавали вокругъ его.

2-го мая.—Сегодня капитанъ Назимовъ предполагаетъ сняться съ якоря и идти въ Камчатку, подойдя на пути къ мысу Крильону, а оттуда къ Мацмайскому берегу. Маневръ этотъ долженъ былъ быть сдѣланъ вслѣдствіе моего предложенія. Цѣль его была заставить японцевъ предполагать, что корвету поручено лавировать у острововъ, занимаемыхъ ихъ промышленными заселеніями. Я приготовилъ письма къ губернатору, Завой-

кѣ, Корсакову и роднымъ. Въ седьмомъ часу утра я поѣхалъ на корветъ. Назимовъ предложилъ мнѣ идти съ нимъ на корветѣ осмотрѣть, есть ли якорное мѣсто у устья р. Туотоги. Я съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе, и мы тотчасъ послали шлюпку за Рудановскимъ. Онъ привезъ съ собою Сумеди-Сама, неотступно просившаго его взять на корветъ. Мы снялись съ якоря и пошли къ ясно обозначившемуся устью рѣки. Вѣтеръ намъ былъ совершенно противный и потому мы принуждены были лавировать. Прекрасный обѣдъ сократилъ намъ продолжительное время, которое пришлось употребить для подхода къ рѣкѣ. Когда берегъ сталъ ясно обозначаться, мы вышли на палубу. Глубина измѣнялась очень равномѣрно. Подойдя на 10 саженъ глубины мы убрали часть парусовъ, но глубина такъ долго не измѣнялась, что Назимовъ, наскучивъ тихимъ ходомъ корвета, опять поставилъ всѣ паруса. Когда мы пришли на 8 саж., то бросили якорь, а потомъ спустили вельботъ, на которомъ Назимовъ, я, Рудановскій и Сумеди-Сама поѣхали къ рѣкѣ. Подойдя довольно близко къ устью рѣки, мы находились еще на большой глубинѣ—вблизи отъ насъ плавалъ китъ и пускалъ фонтанъ. Скоро замѣтили мы, что вельботъ идетъ прямо на гряду каменьевъ. Гряда эта шла отъ W къ O, заграждая такимъ образомъ устье рѣки отъ S. Поднявшись вдоль этой гряды, мы завернули за нее и пошли по фарватеру рѣки. Онъ открытъ къ отмелямъ р. Сусуи и за ней вблизи находящимся гористымъ берегамъ. Фарватеръ, шириною саженъ 50, идетъ, какъ я сказалъ, между отмелями съ NO стороны и грядою каменьевъ съ S стороны. У насъ былъ вѣтеръ отъ W. Фарватеръ былъ совершенно спокоенъ—волны разбивались на грядѣ каменьевъ. Къ сожалѣнію глубина начала быстро уменьшаться и скоро дошла до 3-хъ футовъ (на малой водѣ). У входа въ рѣку теченіе быстро. На веслахъ трудно было идти и потому, вышедъ на берегъ, мы повели вельботъ бичевою. Рѣка круто заворачиваетъ съ моря къ NO. Зайдя за этотъ заворотъ, мы сѣли опять въ вельботъ, потому что теченіе было уже значительно слабѣе. Скоро мы поставили парусъ и подъ нимъ пошли вверхъ по рѣкѣ. Я уже прежде описывалъ берегъ рѣки Туотоги и потому здѣсь скажу только, что глубина ея въ малую воду въ устьѣ 3 ф., выше по рѣкѣ 6 и болѣе футовъ. Ширина до 30-ти саж. Поэтому р. Туотога можетъ считаться судоходною для плоскодонныхъ рѣчныхъ парусныхъ судовъ и пароходовъ. Входъ въ нее удобенъ. Судно большого ранга подходитъ ближе къ берегу, чѣмъ у Муравьевскаго поста. Грунтъ—илъ. Якорное мѣсто совершенно защищено отъ N, W и O вѣтровъ, наиболѣе сильныхъ въ заливѣ Анивѣ (W вѣтеръ самый сильный). Осматри-

вая зимою р. Туотогу, я узналъ отъ аина и казаковъ, жившихъ на этой рѣкѣ для охоты, что она, заворачивая къ NO, подходитъ близко, версты на 1½ русскихъ, къ морскому берегу. Поставивъ на этомъ изгибѣ селеніе, можно легко провести черезъ лѣсъ дорогу къ заливу и такимъ образомъ устроить двойное сообщеніе—по рѣкѣ для большихъ тяжестей и по сухопутной дорогѣ для легкихъ грузовъ и проѣзжающихъ пассажировъ. У устья рѣки слѣдуетъ держать лѣтомъ человѣкъ 10 рабочихъ для добыванія рыбы и караула судовъ.

На обратномъ пути Назимовъ показалъ мнѣ ученье при орудіяхъ и вызовъ къ бою абордажныхъ партій. Эволюціи эти очень поразили Сумеди-Сама порядкомъ, точностью и быстротою исполненія. Когда мы встали на якорь, пріѣхалъ японецъ Яма-Мадо за Сумеди-Сама. Послѣдній сказалъ мнѣ, что старикъ Мива-Сама безпокоится о немъ, не увезли ли его русскіе. Мы много смѣялись предположенію японцевъ, будто намъ такъ важно имѣть въ плѣну Сумеди-Сама.

На другое утро, 3-го числа, корветъ снялся съ якоря и пошелъ къ мысу Крильону.

Пріѣздъ Орлова очень оживилъ уединенную жизнь мою. Я не знаю еще близко его, но онъ умный и пріятный собесѣдникъ. Разсуждая между прочимъ о положеніи нашемъ въ Муравьевскомъ посту и о его мѣстности, Орловъ согласился съ моимъ мнѣніемъ. Я не знаю мысли Невельского, которую онъ имѣлъ, посылая Орлова ко мнѣ. Онъ пишетъ мнѣ, чтобы я обратилъ особенное вниманіе на этого человѣка и довѣрялъ бы ему въ дѣйствіяхъ съ японцами и аинами, потому что онъ хорошо знаетъ оба народа эти и говоритъ по-аински. Оказалось, что г. Орлову пришлось у меня учиться аинскому языку и узнавать объ японцахъ. Быть можетъ, намѣреніе Невельского поставить подлѣ меня человѣка, который бы могъ слѣдить за моими дѣйствіями съ тѣмъ, чтобы послѣ передать ихъ ему, такъ какъ Невельскому извѣстно, что я другого съ нимъ мнѣнія на счетъ экспедиціи. Но, впрочемъ, это только мое предположеніе и я не имѣю никакихъ данныхъ, подтверждающихъ его.

7-го мая. — Утромъ часовые увидѣли парусъ. Зная, что фрегатъ «Аврора» и корветъ «Наваринъ» — должны зайти въ Аниву, я полагалъ, что это должно быть одно изъ этихъ судовъ. Скоро я увидѣлъ свою ошибку, пришедшее судно было корветъ «Оливуца». Вскорѣ г. Назимовъ съѣхалъ на берегъ. Отъ него я узналъ, что къ сѣверу отъ мыса Анивы море покрыто сплошнымъ льдомъ. Онъ встрѣтилъ тамъ одно китобойное американское судно, которое, по словамъ капитана его, уже давно лавируетъ тамъ, отъискивая проходъ въ Охотское море. Другое китобойное

же судно виднѣлось на горизонтѣ къ востоку. Эти-то суда и видѣли японцы и аины съ мыса Анивы. Назимовъ хотѣлъ на другое утро сняться съ якоря и идти Японскимъ моремъ въ Камчатку. На другой день, 8-го, онъ снялся съ якоря.

Погода наступила у насъ совершенно лѣтняя. Я раскинулъ палатку въ ближайшей отъ насъ рощѣ и провожу тамъ большую часть дня.

11-ое мая. — Сумéди-Сама пришелъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что въ Сою пріѣхалъ отъ императора офицеръ и долженъ скоро прибыть на Сахалинъ. Я спросилъ: ѣдетъ ли онъ одинъ или со свитою. Сумеди сказалъ, что при немъ будетъ 100 ч. солдатъ. Услышавъ это, я велѣлъ Сумеди-Сама передать своимъ начальникамъ, что я не могу позволить пріѣзжать имъ съ войскомъ, и потому прошу офицера, пріѣхавшаго отъ императора, если онъ хочетъ явиться на Сахалинъ, то только съ одними прислужниками, а иначе я его не пущу. Сумеди сказалъ, что онъ передастъ мои слова Мивѣ-Самѣ, который долженъ былъ ѣхать въ Сирануси на встрѣчу пріѣхавшему изъ столицы офицеру. Мнѣ необходимо было дѣйствовать такимъ образомъ потому, что позволивъ разъ собраться большому числу солдатъ японскихъ на Сахалинъ, я этимъ призналъ бы островъ ихъ владѣніемъ; кромѣ того это имѣло бы дурное вліяніе на аиновъ. Наконецъ, я все еще не зналъ, придутъ ли суда наши въ Аниву, узнавъ о разрывѣ съ Англіею, и потому не хотѣлъ стать въ положеніе весьма невыгодное, если у меня подъ бокомъ очутится въ десять разъ больше японцевъ, чѣмъ я имѣю (хромоногихъ) солдатъ [1].....

13-го мая. Увидѣли судно.
15-го » Подошелъ «Байкалъ».
17-го » Пріѣхало 46 японцевъ.
18-го » Обѣдъ въ лѣсу съ японцами.
19-го » «Байкалъ» снялся съ якоря.

. . . .
. . . .

Н. В. Буссе.

[1]) На этомъ мѣстѣ прерывается текстъ дневника; оставшаяся за тѣмъ чистая бумага тетради доказываетъ, что авторъ больше не возвращался къ дневнику, но, видно, имѣлъ намѣреніе, такъ какъ на поляхъ слѣдующей страницы помѣчены дни тѣхъ фактовъ, которые должны были войти въ послѣдующій разсказъ, отъ 13-го до 19-го мая. *Изд.*

АЛЕКСѢЙ СЛОБОДИНЪ

Семейная исторія.

Посвящено А. Ѳ-нѣ и П. М-чу Ковалевскимъ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, въ маленькомъ городкѣ одной изъ приволжскихъ губерній, у смотрителя уѣзднаго училища Петра Ивановича Слободина родился сынъ Алексѣй. Рожденіе ребенка и притомъ первенца—событіе радостное въ каждомъ семействѣ. Вступаетъ ли маленькое существо въ міръ при великомъ торжествѣ, окутанное кружевами, атласомъ и бархатомъ, или при нагорѣвшей лучинѣ, завернутое въ посконную тряпицу, положенное въ корыто, фактъ одинаково важенъ: явился новый человѣкъ. Въ великолѣпныхъ палатахъ и въ курной избѣ природа одинаково дѣлаетъ свое дѣло, по законамъ неизмѣннымъ. Это старая истина, оттого-то мы рѣдко вспоминаемъ ее, что она старая.

Бѣдное, безпомощное, жалкое твореньице заявляетъ о своемъ появленіи отчаяннымъ крикомъ. Если вы внимательно вслушаетесь въ этотъ крикъ, то ясно различите въ немъ назойливое требованіе: «дайте то, что мнѣ нужно»—и въ этомъ требованіи уже зрѣетъ будущій вопросъ: «а что вы до сихъ поръ дѣлали,—все ли вы приготовили, чтобы достойно принять меня?»

Мы конфузимся и спѣшимъ заткнуть ротъ этому будущему нашему грозному судьѣ готовою пищей. Но одному рту предла-

гается здоровая, обильная молокомъ грудь, а другому холодная кислая соска.

И мы готовимся дать оправдательный отвѣтъ, но, увы!—перебирая все, что нами сдѣлано, вмѣсто отчетливаго оправданія мы робко вымаливаемъ помилованіе: «прости насъ, не осуди, мы сдѣлали, что могли....»

Петръ Иванычъ взялъ на руки ребенка, долго и серьезно смотрѣлъ на него, потомъ передалъ бабушкѣ и вышелъ въ другую комнату; кажется, онъ тамъ заплакалъ.

Въ квартирѣ Слободина, во флигелѣ при училищѣ не было и тѣни бѣдности; напротивъ, все въ ней отзывалось домовитостью и даже достаткомъ. Изъ четырехъ комнатъ маленькаго деревяннаго домика, одна носила званіе гостиной и щеголяла мебелью подъ красное дерево, обитою кумачомъ; стѣны ея были украшены аршиннымъ зеркаломъ и множествомъ купленныхъ у воробейниковъ картинокъ, изображавшихъ Кутузова, Платова, Кульнева и другихъ героевъ 12-го года, бывшаго тогда еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. На окнахъ зеленѣла резеда и герань. Въ другихъ комнатахъ не было такихъ затѣй, но въ стеклянномъ высокомъ шкафѣ, какіе теперь можно встрѣтить на постоялыхъ дворахъ подъ Москвой—красовался полный комплектъ чайной посуды и по дюжинѣ ложекъ столовыхъ и чайныхъ чистаго серебра 84 й пробы,—а въ сундукѣ подъ кроватью, вмѣстѣ съ мундиромъ и новою фрачною парой, у смотрителя была, какъ всѣ говорили, припрятана копѣйка на черный день. Въ кладовой и въ подвалахъ у него было настоящее изобиліе: годовые запасы муки, крупъ, окороковъ, сотоваго меда въ деревянныхъ кадочкахъ, холста, сушеной рыбы, варенья, чернослива и прочихъ благодатей, кажется, никогда не переводились. Все это было некупленное, а приносилось и присылалось возами отъ родителей обучавшагося въ училищѣ юношества. Не такъ давно Слободинъ обзавелся лошадкой и бѣгунками, для собственнаго удовольствія, и пріобрѣлъ серебряные часы, которые носилъ на голубомъ бисерномъ шнурочкѣ.

Такую домашнюю обстановку Слободина въ настоящее время никто не назоветъ роскошною, но тогда, 50 лѣтъ назадъ, она удовлетворяла всѣмъ потребностямъ зажиточнаго уѣзднаго чиновника. Жалованья онъ и прожить не могъ, издерживая въ день копѣекъ по 20-ти ассигнаціями, нося лѣтомъ нанковый сюртукъ и одѣвая жену въ ситцевое платье и козловые башмаки. Теперь нѣтъ и серебряной монеты равной 20-ти ассигнаціоннымъ копѣйкамъ, а серебряные часы—луковица на бисерномъ шнурочкѣ, сдѣлались археологическою рѣдкостью.

Петръ Иванычъ былъ человѣкъ лѣтъ 35-ти, весьма скромный, солидный, трезвый и по своему времени довольно образованный. Въ теченіи трехъ лѣтъ отъ назначенія его смотрителемъ онъ снискалъ любовь и уваженіе всего города. Подарки, получаемые отъ родителей учениковъ, по большей части натурою, считались не только дѣломъ невиннѣйшимъ, но даже отказъ въ принятіи ихъ былъ бы поступкомъ страннымъ, предосудительнымъ и обиднымъ для общества. По своей домовитости и аккуратности Слободинъ пріобрѣлъ право и полнѣйшую возможность обзавестись семействомъ.

И вотъ у него сынъ, здоровый, славный мальчикъ, который, родясь, прямо попалъ въ теплую колыбельку, заботливо огражденную отъ нужды и лишеній горькой бѣдности; а между тѣмъ отецъ не радъ его появленію, встревоженъ, озабоченъ.......

Однакожъ крестины Алёши были отпразднованы весело.

Воспріемниками были соляной приставъ Егоръ Кузьмичъ Раскатаевъ и вдова прапорщица Наталья Лаврентьевна Матвѣева, женщина «историческая»—отецъ ея былъ повѣшенъ Пугачовымъ въ Саранскѣ, а мужъ убитъ подъ Бородинымъ. Гостямъ поданы были на нѣсколькихъ тарелочкахъ варенье, моченые яблоки и кедровые орѣхи, а за ужиномъ выпито двѣ бутылки цымлянскаго. Отецъ Никонъ, соборный священникъ, крестившій ребенка, балагурилъ и смѣшилъ, по обыкновенію, все общество; потѣшался надъ старушкой Матвѣевой, какъ она ухватомъ съ Пугачомъ воевала, и совѣтовалъ ей, ради повышенія въ рангѣ, выдти замужъ за безрукаго капитана инвалидной команды. Соляной приставъ часто заглядывалъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ стоялъ графинчикъ ерофеича, и потомъ лѣзъ цѣловаться съ попадьей, женщиной необыкновенно бѣлаго тѣла, носившей на головѣ гарнитуровый платокъ, повязанный вилочкомъ.

На другой день послѣ крестинъ, Наталья Лаврентьевна пришла не въ обычную пору и долго бесѣдовала съ Петромъ Иванычемъ, запершись въ кабинетѣ. По окончаніи секретной конференціи, она прошла къ ребенку и матери, дала ей нѣсколько практическихъ совѣтовъ на счетъ ухода за Алёшей и, обнимая ее, съ нѣжностью примолвила: «Не тужи, Анна Митревна, не плачь, мой свѣтикъ; наше дѣло поправное! Коли не для тебя, такъ для младенца онъ это сдѣлаетъ.... Онъ чувствуетъ самъ и на все согласенъ». Аннушка глядѣла на старуху ясно и покойно. На ея кругломъ и румяномъ, русскомъ лицѣ, какъ будто было написано: это воля Петра Иваныча, а я какъ есть вся его, и потому теперича мнѣ все равно!

Время шло; Аннушка выкармливала ребенка, обшивала его,

мыла и холила, а Петръ Иванычъ все ходилъ задумчиво, что-т
соображалъ, надъ чѣмъ-то затруднялся. Иногда по часамъ про
сиживалъ наединѣ съ отцемъ Никономъ и все-таки ничего н
предпринималъ.

Наталья Лаврентьевна тяжело и укоризненно вздыхала.—На
конецъ, когда Алёша сталъ уже ходить безъ посторонней помо
щи, въ одно зимнее утро Петръ Иванычъ съ Аннушкой, сопут
ствуемые приставомъ Раскатаевымъ и уѣзднымъ лекаремъ, вн
запно укатили въ широкихъ саняхъ подъ ковромъ въ подгород
ную деревню Барановку.

Наталья Лаврентьевна благословила ихъ на дорогу образом
а сама осталась въ домѣ съ Алёшей. Она перевернула вверх
дномъ всю кладовую и, при помощи кухарки и работницы, цѣ
лый день хозяйничала въ кухнѣ. Къ вечеру компанія воротилас
помолясь на образа, Петръ Иванычъ и Аннушка поклонилис
земно почтенной старушкѣ: «Ну, теперь здравствуй, жена моя!
воскликнулъ Слободинъ и горячо разцѣловалъ свою Аннушку в
обѣ щеки.

Вечеромъ подошелъ отецъ Никонъ и еще кое-кто изъ са
мыхъ близкихъ пріятелей.

Отецъ Никонъ принесъ гусли и съигралъ нѣсколько сти
ховъ, подпѣвая нѣжнымъ теноромъ. Всѣ были настроены так
радостно; ужинъ изготовленъ изобильный, изъ кладовой выта
щены и поставлены на столъ всѣ бутылки, какія были, безъ раз
бору—и шипучка, и цымлянское, и наливка; попалась даже одн
бутылка съ уксусомъ и при общемъ смѣхѣ отнесена обратно;
однакожъ Наталья Лаврентьевна поморщилась; она не сказала
ни слова, но сочла это дурнымъ предзнаменованіемъ.

Алёша въ этотъ день кричалъ и воевалъ неутомимо, объѣ
дался всевозможными гадостями и не хотѣлъ идти спать, пока
не разошлись всѣ гости. Онъ одинъ и не зналъ, что присут
ствуетъ на свадьбѣ отца съ матерью.

II.

Исторія Аннушки мало кому была извѣстна.

Одно лѣто Петръ Иванычъ, бывшій тогда еще молодымъ учи
телемъ, гостилъ у знакомаго священника въ селѣ, принадлежа
щемъ богатой помѣщицѣ Кушинцовой. Тамъ приглянулась ему
крестьянская дѣвушка, дочь садовника Дмитрія. Встрѣчалъ онъ
ее часто то въ барскомъ саду, то въ церкви, то на улицѣ у
колодца, заводилъ съ нею разговоры, и такъ ему эта дѣвушка

любилась, что уѣзжая изъ села, онъ словно съ жизнью развался. Впослѣдствіи, когда ужъ былъ назначенъ штатнымъ отрителемъ, Слободинъ, ѣдучи на мѣсто, не утерпѣлъ—заѣхалъ село госпожи Кушинцовой съ рѣшительными намѣреніями на тъ Аннушки. Дѣло было трудное, да спасибо священникъ югъ, уговорилъ барыню—и Петръ Иванычъ купилъ Аннушку 50 рублей ассигнаціями. Цѣна за дѣвку въ то время неая. Отецъ не посмѣлъ противиться распоряженію барыни; онъ ъ даже очень доволенъ, получивъ въ подарокъ синюю ассигію и разсудивъ, что дѣвка-молъ добрая, смирная, работяа. матери нѣтъ; еще, пожалуй, баловствомъ займется, а тутъ етъ, все ея счастье лежитъ. Поплакала Аннушка и поѣхала бариномъ, который ей показался добрымъ и обходительнымъ.

Въ городѣ Аннушку всѣ считали потомъ женою Слободина, ъ и звали ее смотрительшей; впрочемъ, Анна Дмитріевна повалась въ люди весьма рѣдко, развѣ въ церковь, да на баъ; одѣвалась она хоть не по-деревенски, но просто, на гоѣ всегда большой платокъ, такъ что и лица почти не видно. кома была только съ Натальей Лаврентьевной и любила хоъ къ ней—лѣтомъ полоть грядки въ огородѣ, а зимою прясть жу, въ чемъ была великая мастерица. Старушка полюбила какъ дочь родную и, конечно, знала обстоятельно ея положніе.

Петръ Иванычъ глубоко привязался къ Аннушкѣ; — а ей было, особенно сначала, чудно и дико; ее томило бездѣлье рской жизни, — нѣжности много, а рукъ приложить не къ му. Слободинъ принялся-было передѣлывать ея деревенскую туру; началъ учить грамотѣ, но эта наука не давалась бѣдженщинѣ: непонятлива была. Уроки стоили ей всегда горьхъ слезъ, хоть учитель былъ терпѣливый и ласковый. Но мъ онъ ласковѣй, тѣмъ она больше мучится; чего ужъ не лала—и била себя по головѣ, и молилась по часамъ на конахъ, — ничто не помогаетъ. Разъ она кинулась въ ноги етру Иванычу и взмолилась, заливаясь слезами: — «Голубчикъ й! Дѣлай ты надо мною что хочешь: возьми убей меня, али рогони отъ себя, какъ собаку, только не могу я угодить тебѣ, дается мнѣ эта грамота мудреная. Дурой жила, такъ знать, рой и помереть придется. Прости ты меня, Петръ Иванычъ, е сердись; я мужичка, тебѣ неровня; а коли надоѣла тебѣ, къ пошли меня, рабу твою, хоть свиней пасти, я и то буду удовольствіемъ, только бы знать, что твоихъ свиней пасу. ишь, какая я простуха сиволапая, ничего не стоющая... родой ты, баринъ мой золотой!»

Петръ Иванычъ остолбенѣлъ передъ ея горемъ, съ мин... помолчалъ, весь поблѣднѣлъ, схватился за голову. Но въ с... вахъ Аннушки было не одно горе, въ нихъ била ключомъ ... рячая, привязчивая любовь ея — и эта любовь отозвалась ... груди его — и черезъ минуту Аннушка сидѣла у него на ко... няхъ веселая, ласковая, утѣшенная.... Букварь брошенъ ... печку — и любо было смотрѣть, какъ ретиво, разумно, умѣ... принялась эта женщина за работу по хозяйству, въ этой раб... она видѣла доступный ей смыслъ, а потому въ ней чувство... себя ловкой, полезной.

Петръ Иванычъ былъ любящій и честный человѣкъ, ... мысль повѣнчаться съ Аннушкой ему и въ голову не пр... дила. Причина тому лежала долею въ атмосферѣ общихъ п... тій того времени, долею въ пассивности характера Петра И... ныча. Ему было хорошо, жизнь его съ Аннушкой устро... такъ просто, уютно и покойно, въ нее не врѣзывались ник... разъѣдающіе посторонніе элементы; въ своей взаимной лю... они и конца не видѣли, — стало быть о чемъ тутъ думать, ... загадывать впередъ? — Да наконецъ, если будетъ нужно, то ... можно сдѣлать во всякое время.

Послѣ двухъ лѣтъ такой ровной беззаботной жизни, вдр... приключилась беременность Аннушки и рожденіе Алёши.

Петръ Иванычъ задумался. Въ головѣ его шевельнулся ст... гій вопросъ: честный ли я человѣкъ? — Конечно, оно дѣло ... правимое относительно Аннушки, но мальчикъ?... Что же ... нимъ будетъ? — Какія его права и какое мѣсто въ обществѣ? ... Вѣнчаться теперь — да вѣдь это сейчасъ разнесется по гор... и, узаконивъ положеніе Аннушки, не только не поможетъ, ... еще повредитъ сыну.... Что тутъ дѣлать? — Петръ Иван... какъ человѣкъ книжный, былъ теоретикъ и выдумалъ-б... удивительную штуку: теперь младенца не крестить, а при... тать его, потихоньку перевѣнчаться съ Аннушкой и сп... мѣсяцевъ семь-восемь послѣ вѣнчанія окрестить ребенка, выд... его за новорожденнаго. Но противъ такого чудовищнаго пл... грозно возстала Наталья Лаврентьевна:

— Ты никакъ съума, батюшка, спятилъ! — Ужли-жъ по... такой будетъ дуракъ, что не отличитъ восьмимѣсячнаго ребе... отъ новорожденнаго? — Еще бы ты черезъ восемь лѣтъ вздум... крестить, когда мальчикъ и въ купель-то ужъ не влѣзетъ! — ... неравенъ часъ — помретъ дитя въ это время, пока ты крести... его соберешься, — куда его душа-то угодитъ? — А, ну-ка, ска... куда? — Ты вѣдь ученый, чай и самъ знаешь, къ кому въ ког... идетъ некрещеная душа... Да ты на себя наложишь такой грѣх...

ю и во вѣки вѣковъ не отмолишь... Да, пожалуй еще и подъ головный судъ угодишь за дѣла-то за этакія...

Петръ Иванычъ смутился: онъ былъ набоженъ, вѣрилъ въ рта и боялся уголовной палаты.

— А ты не мудри, поступи по-христіански, да попросту,— одолжала старушка: — не откладывая дѣла, перевѣнчайся съ ю какъ должно по закону, а потомъ ужъ и старайся, чтобы нка-то въ законные приписали; метрику-то можно другимъ домъ выправить, что за бѣда; это дѣло бывалое и никто тебя осудитъ. У насъ въ Наровчатѣ былъ засѣдатель, такъ онъ акимъ манеромъ пятерыхъ дѣтей, рожденныхъ до свадьбы, ѣхъ въ законные приписалъ—и ничего. Да ты оглянись кругъ — гдѣ жъ этого не бываетъ! А консисторія-то у насъ на ю! — Это ужъ ея дѣло; тамъ сидятъ дѣльцы, ужъ они это ютъ, имъ не въ первой. Разумѣется, тебѣ оно станетъ въ ейку, даромъ не сдѣлаютъ; имъ тоже хлѣбъ надо ѣсть. Да ъ у отца Никона въ консисторіи-то рука — шуринъ, вотъ и посовѣтуйся съ нимъ. Онъ тебѣ поможетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, разсужденіе Натальи Лаврентьевны показалось ему до того ясно и просто, что незачѣмъ было и голову ломать.

Успокоившись на этомъ практическомъ рѣшеніи вопроса, вавшагося сначала неразрѣшимымъ и запутаннымъ, Петръ Иванычъ посовѣтовался съ отцомъ Никономъ и — все-таки не рѣшилъ. Его останавливало сознаніе, что подобное дѣло не совсѣмъ чисто; неискушенному въ канцелярскихъ каверзахъ, му представлялись все какіе-то страхи и опасенія; — наконецъ, му просто было стыдно идти къ какимъ-то незнакомымъ чиновникамъ, разсказывать имъ всѣ подробности своей интимной жизни, торговаться съ ними о совершеніи беззаконнаго дѣла. Для стыдливыхъ и честныхъ натуръ публичность семейныхъ дѣлъ нестерпима: она ихъ сламываетъ, или развращаетъ.

Эту внутреннюю, мучительную борьбу Петръ Иванычъ рѣшился покончить внезапно, разомъ — и покончилъ. Оттого-то по возвращеніи отъ вѣнца и вырвалось изъ наболѣвшей груди это нѣсколько аффектированное восклицаніе: «здравствуй, жена моя»!—и оттого же Петръ Иванычъ въ день своей свадьбы напился пьянъ мертвецки, до безпамятства, — напился въ первый разъ въ жизни.

При помощи отца Никона, переговоры съ консисторіей начались и шли довольно успѣшно, хотя требовали безпрерывной высылки денегъ. Петру Иванычу дѣло это обошлось втрое дороже, чѣмъ покупка Анпушки.

Но пока такимъ образомъ устроивалась законность появлені на свѣтъ нашего маленькаго героя, онъ жилъ себѣ преблаго получно и самымъ рѣшительнымъ образомъ игнорировалъ метрики, паспорты и всѣ установленныя классификаціи людско породы: солнце ему свѣтило также какъ и всѣмъ, аппетитъ имѣл отличный;—крѣпчалъ и выросталъ мальчишка на славу, не зна никакихъ болѣзней, какъ рѣдко удается любому ребенку, явившемуся на свѣтъ самымъ наизаконнѣйшимъ образомъ.

Домашнимъ воспитаніемъ нашъ Алёша не могъ похвалиться по той основательной причинѣ, что таковаго онъ совсѣмъ н знавалъ. Воспитаніе предполагаетъ нѣкоторую систему, извѣстные пріемы, дисциплину и опредѣленныя цѣли, — а Алёша выросталъ не зная никакой неволи и принужденія. Дѣтство он провелъ дома, въ это время развивались и упражнялись ег познавательные органы, онъ замѣчалъ окружающіе его предмет сравнивалъ ихъ, выводилъ заключенія; примѣнялся къ людя и обстоятельствамъ, приспособлялся какъ ловче и удобнѣе достигать своихъ цѣлей и приросталъ корнями, какъ молод деревцо, къ той почвѣ, которая его питала; — все это такъ, н во всѣхъ этихъ упражненіяхъ Алёши не было никакой руководящей системы, никакой преднамѣренности и опытной помощ онъ, какъ говорится, измѣщался собственными средствами, сред полнѣйшей анархіи и житейской безпорядочности, дающей что попало и какъ попало.

Попытаемся изобразить этотъ калейдоскопъ дѣтскихъ впечатлѣній во всей его безпорядочности и фантастической, пестрой разорванности.

III.

Въ памяти человѣка событія минувшей жизни ложатся одно на другое, и чѣмъ далѣе отодвигаются къ началу пробужденія сознанія, тѣмъ гуще смѣшиваются краски, перепутываются линіи, факты теряютъ связь и естественные размѣры; остаются какіе-то обрывки впечатлѣній, которыхъ смыслъ забытъ, значеніе потеряно; иногда въ таинственной лабораторіи нашей памяти самопроизвольно, безъ всякихъ внѣшнихъ стимуловъ, возникаетъ образъ, звукъ какъ будто новый, незнакомый, но органически связанный со всѣмъ міросозерцаніемъ человѣка. Откуда онъ?

Какъ ни былъ малъ Алёша, но тотъ день, когда въ домѣ происходила стряпня и суматоха, когда вечеромъ зажгли много свѣчей и откуда-то пріѣхали, будто новые люди, отецъ и мать

толпою гостей; — мать была одѣта не такъ какъ одѣвалась омъ всякій день, а отецъ оказался необыкновенно шумливъ, елъ и подъ конецъ свалился съ дивана на полъ,—этотъ день ко отмѣтился въ его памяти; и тогда едва ли не впервые сознаніи Алёши изъ хаоса безразличныхъ представленій вылись фигуры отца и матери.

Черезъ всю жизнь Алёши прошло впечатлѣніе этого дня, но нный смыслъ его сталъ выясняться уже въ болѣе зрѣлые годы.

Затѣмъ, первыя личности, съ которыми встрѣтился Алёша, ли Наталья Лаврентьевна, которую онъ звалъ бабинькой, и а старыхъ инвалида Орловъ и Артемьевъ, служившіе сторои при училищѣ. Бабинька вѣчно находила для Алёши въ оемъ глубокомъ карманѣ пряникъ, голову сверхъ волосника вязывала чернымъ платкомъ, котораго концы торчали спереди, овно крылья черной бабочки; нюхала табакъ изъ круглой бакерки съ пожаромъ Москвы и зимою постоянно носила ленки, отчего шаги ея были совершенно неслышны. Алёша юбилъ прислушиваться, иногда сквозь сонъ, къ вечернимъ разазамъ бабиньки о томъ, какъ страшный Пугачъ со свитою ихъ есауловъ и толпою казаковъ-разбойниковъ судилъ-рядилъ гулялъ по приволжскимъ городамъ и селамъ, казнилъ и вѣалъ дворянъ да господъ;—и какъ Наталья Лаврентьевна, бывши тогда еще молодою дѣвицей, убѣжала съ матерью и подругами изъ Саранска, какъ онѣ, надѣвши крестьянскіе сарафаны, скитались по темнымъ дремучимъ лѣсамъ, питаясь черствымъ хлѣбомъ да ягодой.

При этихъ разсказахъ мать Алёши всегда допытывалась, а гдѣ-жъ въ то время былъ великій государь Петръ Ѳедоровичъ? и сомнительно качая головой, всегда прибавляла: «никому этого знать не дано... а онъ, гляди, опять вдругъ гдѣ-нибудь объявится... великая это тайна!» Жутко становилось ребенку отъ этихъ разсказовъ подъ мѣрное жужжаніе веретена, которымъ мать его, сидя на рѣзномъ донцѣ, управляла особенно ловко и искусно. И кажется, этотъ страхъ и лихорадочный трепетъ зимнихъ вечеровъ ребенокъ предпочиталъ безмятежному лѣтнему наслажденію въ огородѣ у бабиньки, гдѣ мать его, распѣвая родную пѣсню, полола грядки, вмѣстѣ съ старушкой, а онъ бѣгалъ вокругъ, отыскивая въ зеленой травѣ кузнечиковъ и угощаясь только что выдернутой изъ земли молоденькой морковкой.

Орловъ и Артемьевъ были тоже весьма близкіе люди, дядьки и пестуны маленькаго барченка. Въ свободное время отъ службы въ училищѣ, они всегда находились при квартирѣ смотрителя, исполняя разныя домашнія работы, преимущественно

по уходу за лошадью, такъ какъ Петръ Иванычъ ни куче ни работника не держалъ. Артемьевъ былъ высокій сухой с рикъ, съ гладко выбритымъ, степеннымъ лицомъ и длинны желтовато-серебряными волосами; онъ носилъ высокіе сапоги родѣ ботфортъ и синій казакинъ, украшенный одною продол ватою серебряною медалью. Орловъ—приземистый унтеръ въ ф менномъ сюртукѣ со многими медалями.

Онъ былъ черноволосъ съ легкою просѣдью, гладко ост женъ и всегда плохо выбритъ; носилъ бакенбарды, оловянн серьгу въ ухѣ и прихрамывалъ на лѣвую ногу, въ которой с дѣла французская пуля. Артемьевъ былъ трезвъ и набоже любилъ подпѣвать дьячку на клиросѣ; Орловъ занимался п мышленностью—шилъ башмаки и коты для бабъ, съ которы же вмѣстѣ и прогуливалъ заработанную копѣйку; отъ него вс да пахло, какъ отъ человѣка только-что закусившаго. Арте евъ на него смотрѣлъ, какъ на молокососа и вертопраха, д къ боевымъ его подвигамъ и походамъ относился нѣсколько довѣрчиво и свысока.

Алёша постоянно переходилъ съ рукъ на руки отъ одно дядьки къ другому. Бывало, подъ вечерокъ, во всякое время г да, на завалинкѣ у воротъ смотрителевой квартиры сидятъ э почтенные служивые и у одного изъ нихъ непремѣнно на р кахъ барченокъ, закутанный полою овчиннаго тулупа; сидят посматривая вдоль пустынной улицы и заводя иногда споры п Наполеона, или разсуждая, въ какомъ рангѣ надо полагать со борнаго протопопа,—въ капитанскомъ или майорскомъ.

Эти дядьки были первыми просвѣтителями относительно по литическаго воспитанія Алёши. Отъ нихъ онъ узналъ, что жи ветъ въ русскомъ царствѣ, и что есть другія царства все бу сурманскія, съ которыми нашъ Бѣлый царь завсегда долженъ воевать и въ полонъ ихъ брать, а когда заберетъ всѣхъ въ по лонъ, тогда шабашъ—конецъ свѣту и придетъ Антихристъ.

Особенно памятенъ былъ для Алёши одинъ зимній день: морозъ стоялъ жестокій; въ соборѣ гудѣлъ самый большой колоколъ, хотя день былъ будничный. По улицѣ ѣхали въ санкахъ и пѣш комъ люди большею частью въ трехъугольныхъ шляпахъ; все населеніе стремилось къ собору.

Артемьевъ старательно смазалъ свои ботфорты, Орловъ вы брился, пріодѣлся, нацѣпилъ всѣ регаліи—и оба вслѣдъ за от цомъ, тоже надѣвшимъ мундиръ и трехъуголку, пошли туда же, куда шелъ весь городъ. Часа черезъ два Артемьевъ, воротясь, доложилъ барынѣ, что баринъ обѣдать дома не будетъ, потому что всѣ господа и духовенство приглашены на закуску къ го-

ничему... Алёша кинулся къ дядькѣ съ разспросами и узналъ, что воцарился новый императоръ. — «Присягу принимали, — съ достоинствомъ прибавилъ Артемьевъ; — я вотъ ужъ третьему присягаю, да матушкѣ императрицѣ невступно двадцать лѣтъ прослужилъ вѣрой и правдой, вотъ и смекай сколько годовъ царевъ збъ жую». — Потомъ прибѣжалъ Орловъ, успѣвшій уже побывать на базарѣ и на дворѣ у откупщика, гдѣ инвалидную команду и весь честной народъ даровой водкой угощали, вслѣдствіе чего Орловъ былъ рѣчистъ и разительнѣе обыкновеннаго распространялъ свой спиртный запахъ; онъ разсказывалъ что-то совсѣмъ непонятное для Алёши, что «въ Питерѣ лейбъ-гвардейцы въ атаку ходили стѣна на стѣну, антелерія палила, народу побито видимо-невидимо, потому сначала не могли распознать, а когда явилось на небеси знаменіе царя Константина и митрополитъ вышелъ съ крестомъ и святой водой, тогда народъ палъ ницъ, сейчасъ ударили отбой и повалили всѣ поголовно въ соборъ на присягу Николаю». — Артемьевъ выслушалъ внимательно и промолвилъ таинственно: «Значитъ, смущали; оно всегда это смущеніе бываетъ, — отъ иностранныхъ кабинетовъ такая секретная политика идетъ... вонъ откуда оно! — А ты, слышь, камрадъ, зря тоже не болтай, потому присяжному человѣку это непристойно; — аль у тебя спина-то чужая!» — Но Орловъ все возражалъ и горячился, утверждая, что будетъ другой настоящій манифестъ. «Ай ты, парень, шпицрутеновъ не пробовалъ? то-то тебѣ такъ захотѣлось, чтобы спину почесали!» — обрезонивалъ Артемьевъ.

Вечеромъ къ отцу собрались гости, и тоже говорили о чемъ-то необыкновенномъ, но такъ тихо и загадочно, что Алёша едва могъ уловить изъ многихъ незнакомыхъ ему именъ одного какого-то «Апостола». Къ именамъ этимъ отецъ Никонъ прибавлялъ: «извергъ, злодѣй, безбожники окаянные». — Тутъ ужъ Алёша ровно ничего не понялъ и убѣдился, что Артемьевъ гораздо свѣдущѣе отцовыхъ гостей и разсказы его гораздо понятнѣе и занимательнѣе. А тутъ — апостолъ и вмѣстѣ безбожникъ — ну, какъ понять!

Въ теченіи всего дѣтства Алёши это былъ единственный случай, когда событіе, совершившееся вдалекѣ, отозвалось нѣкоторою минутною тревогой въ захолустномъ городишкѣ.

На почтѣ получался только одинъ экземпляръ «Московскихъ Вѣдомостей», выписываемый генераломъ, предводителемъ, но и тотъ въ городѣ не оставался, а по прочтеніи почтмейстеромъ, считавшимъ себя въ правѣ читать ради любопытства все, что проходитъ черезъ его руки, — былъ отсылаемъ въ генеральскую

деревню;—такъ что въ мірѣ могли совершаться громадныя со- бытія, а богоспасаемый городокъ могъ о нихъ вовсе не знат или знать настолько, насколько знали сторожа уѣзднаго учи лища.

Артемьевъ и Орловъ также просвѣтили Алёшу на счет училища. Этотъ большой, безобразный домъ, окрашенный дико краской, придававшей ему мрачную наружность, привлека дѣтское любопытство. Алёша примѣчалъ, что туда каждое ут приходило множество мальчиковъ, съ холщевыми мѣшочкам порою изъ оконъ разносился на всю улицу нестройный, весе лый крикъ сотни звонкихъ голосовъ, потомъ водворялась мер вая тишина, прерываемая изрѣдка плачемъ и отчаянными взви гиваніями. По субботамъ эти взвизгиванія принимали хара теръ болѣе правильный и постоянный. Когда Алёша въ перві разъ ступилъ за порогъ этого дикаго дома, имъ овладѣлъ хо лодный ужасъ. Это случилось вечеромъ; училище было пусто въ первой комнатѣ на низенькомъ деревянномъ чурбанѣ сидѣл Орловъ въ рубашкѣ и фартукѣ, и прикусивъ на сторону языкъ, усердно наколачивалъ подметку на старый башмакъ. Эта до- машняя фламандская картинка подѣйствовала на ребенка успо- коительно, но едва Алёша заглянулъ въ слѣдующую комнату, снова тоскливо забилось его сердце и не рѣшился онъ войти туда: на него пахнуло мертвящею и грязною суровостью не то госпиталя, не то тюрьмы... Видъ каждому хорошо извѣстный.

— Ты что,—въ науку что ли скорѣй хочешь? насмѣшливо замѣтилъ Орловъ.

— Что они тутъ дѣлаютъ?—боязливо спросилъ мальчикъ.

— Кто?—ребятишки-то?—Извѣстно—буквари зудятъ, ци- фирь. Нѣтъ, ты посмотри-ка, вонъ она стоитъ—наша крестная- то маменька,—и онъ кивнулъ головой въ ту сторону, гдѣ сто- яла деревянная, сильно подержанная скамейка, а подъ нею въ лаханкѣ лежали пучки обхлестанныхъ розогъ.

Алёшу покоробило; онъ дико взглянулъ на сей учебный эшафотъ.

— Давай, я те спрысну легонько, для пробы; подымай ру- башенку, да ложись. Ужъ тогда настоящій молодецъ будешь.... важно спрысну!—Алёша опрометью бросился вонъ, и встрѣтивъ на дворѣ Артемьева, со слезами жаловался ему на Орлова. Ста- рикъ разсмѣялся, выругалъ сослуживца хромымъ лѣшимъ и по- челъ долгомъ дать барченку успокоительныя объясненія.

— За что те сѣчь розгой? Ты у меня умникъ, парнишка знатный.

— А тамъ, дядька, знать все нехорошіе мальчики, коли ихъ ѣкутъ.

— Нѣтъ, и тамъ есть хорошіе, только не сѣчь ихъ тоже ельзя, на то наука. Твой папенька велитъ, мы и сѣчемъ.

— Зачѣмъ же папенька велитъ?—Развѣ онъ злой?

— Онъ не злой, — добрый; а только это его такая служба. Юрядокъ заведенъ и онъ долженъ исполнять, на то онъ отъ ачальства поставленъ. А онъ добрый; вонъ отецъ Никонъ тоже какой добрый и веселый,—шутникъ!—а придетъ въ школуе, такъ больше всѣхъ жаритъ; иной разъ инда рука устанетъ ахамши-то... Особливо живодеръ этотъ Орловъ—у него со втоюго удара кровь брызнетъ. Ужъ онъ и самъ не радъ, да что ѣлать-то—рука тяжелая.

Мальчикъ задумался и потомъ поднявъ на старика серьезные глазенки, проговорилъ протяжно:

— Я туда не хочу, Артемьичъ.

— Какъ не хочу!—Нельзя,—подростешь, отдадутъ.

— Не пойду.

— Дворянину безъ науки быть невозможно.

— Не хочу я быть и дворяниномъ, коли такъ! рѣшительно отрѣзалъ мальчикъ.

— Хе, хе... экой ты шустрый! А небось, какъ самъ науку-о пройдешь, въ офицерскіе чины произведутъ, такъ будешь ашего брата солдата, аль мужика иного, такъ стегать, что юбо!

Мальчикъ задумался еще глубже....

Онъ никакъ не могъ помирить противорѣчія, возникшія въ его сознаніи:—почему, напримѣръ, такіе люди, какъ его отецъ, попъ Никонъ — люди добрые, ласковые, веселые, а въ «дикомъ домѣ» истязаютъ дѣтей до крови? — Почему эти истязанія называются наукой?—и почему, пройдя эту науку, дворянинъ получаетъ такую охоту стегать мужика и солдата.—Вѣдь онъ на себѣ испыталъ, что это больно, зачѣмъ же причинять боль другому?—Ужъ полно, нѣтъ ли въ этомъ какого удовольствія!.. Наконецъ, ужли-жъ на свѣтѣ непремѣнно надо или бить, или терпѣть побои?..

Алёша помышлялъ о «дикомъ домѣ» съ боязнью и отвращеніемъ; онъ рѣшилъ, когда придется круто, убѣжать отъ науки въ лѣсъ, такъ какъ бабинька бѣгала отъ Пугача.

Вообще на счетъ стеганья русскій человѣкъ недавно прошедшаго времени просвѣщался очень скоро и въ видахъ самыхъ разнообразныхъ. Прутья и ремни съ визгомъ рѣзали воздухъ не въ однихъ только храмахъ науки, а вездѣ—въ барскихъ хоромахъ

и конюшняхъ, въ сѣняхъ канцелярій и въ переднихъ начальниковъ, на площадяхъ и базарахъ,—всюду кровавыми рубцами преподавалась русскому человѣку цивилизація.

Однажды Алёша напросился съ матерью идти на базаръ. День былъ торговый; съ окрестныхъ деревень наѣхало множество народа,—кто привезъ овсеца, кто муки и крупъ; бабы толкались съ кузовками яицъ или груздей,—иная несла подъ мышкой гусю хохлатую курочку, иная кусокъ домашняго холста, или тальки пряжи. Тамъ лежалъ на возу волнистый лёнъ, тутъ блестѣли на солнцѣ, словно золотые, новые лапти; въ иномъ мѣстѣ торчали гнутыя ободья и росписныя дуги. Татары навезли меду въ липовыхъ кадочкахъ; привели лошадокъ. Какой-то негоціантъ горожанинъ, въ сибиркѣ и помятой высокой шляпѣ, на разостланной на землѣ цыновкѣ разложилъ кремни, огнива, старые ножи, пуговицы оловянныя, мѣдные крестики, нитки бисера, дробь и подобную галантерею, среди которой самое видное мѣсто занимало кремневое ружье необыкновенно длинное, подернутое ржавчиной, которое онъ называлъ персидскимъ. Картина была пестрая и чрезвычайно оживленная. Мужики галдили, бабы визжали, кто расхваливалъ товаръ, кто торговался до поту изъ-за двухъ копѣекъ, кряхтя доставалъ изъ-за пазухи кожаную мошну и выкладывалъ на ладонь мѣдные пятаки; знакомые, встрѣчаясь, цѣловались троекратно и калякали о домашнихъ дѣлахъ. Покончившіе дѣла торговцы, а съ ними и гуляки, праздно шлявшіеся по базару, шли въ кабакъ, украшенный зеленой елкой. Глаза мальчика разбѣгались,—кругомъ его словно мирный праздникъ совершался.—Вдругъ раздался глухой бой барабана; толпа повернула головы. Показались штыки и высокіе черные кивера; толпа разступилась: среди конвойныхъ солдатъ тихо шла женщина въ сѣромъ армякѣ; низко кланялась она по сторонамъ, неподымая глазъ, глубоко впавшихъ, обведенныхъ темными кругами; на лицѣ ея, нѣкогда красивомъ, не было ни страха, ни отчаянія,—ни одинъ мускулъ не шевелился; и оно подернулось какимъ-то землянымъ цвѣтомъ, какой бываетъ на лицахъ покойниковъ. Точно окоченѣлою рукою держала она передъ собой деревянную чашечку, въ которую добрые люди, крестясь, клали свои копѣечки. Сзади шагалъ коренастый мужикъ въ полушубкѣ, съ лицомъ заплывшимъ отъ сна и отъ водки; онъ несъ подъ мышкой инструментъ, обвязанный ремнями.—«Убійца!—Убійца!—пронеслось по толпѣ.—Свою барыню зарѣзала.—А еще какая молодая!—Говорятъ, дѣвка?—Дѣвка.—Эка горемычная, сердяга?—Что у ней, братцы, теперь на душѣ-то, ахъ!—Пожалуй, еще не вынесетъ...» Толпа сдвинулась плотнѣе къ тому мѣсту, гдѣ остано-

ися конвой. — Алёша задрожалъ, вцѣпился въ платье матери
того крѣпко, что ногти запыли. «Уйдемъ, уйдемъ!» шептала
ть, а у самой слезы въ три ручья, и словно оцепенѣлая,
оитъ, не можетъ глазъ отвести отъ мѣста, гдѣ сперва долго
тали, потомъ привязывали къ «кобылѣ» нагое, бѣлое, худенькое
ло... Алёша, притиснутый толпою, ничего этого не видѣлъ.—
воздухѣ что-то взвизгнуло, раздался нечеловѣческій вопль...
ёша ничего уже не слышалъ и не сознавалъ: онъ стоналъ и
ъчился въ судорогахъ. Окружающіе подняли его на руки и
шесли изъ тѣсноты вмѣстѣ съ матерью. — «Накинь на него
атокъ-то, матушка, накинь! — разѣ не видишь, что съ нимъ
ключилось... Это родимчикъ,—ничего, пройдетъ, Христосъ съ
въ! только платокъ-то накинь на лицо, а то оно такъ-то
оже»—совѣтовала деревенская старуха.

Анна Дмитріевна, ничего не помня, схватила сына въ охабку
бѣгомъ пустилась домой.

Алёша весь день до вечера пролежалъ въ кроваткѣ; онъ не
алъ; ему не хотѣлось ни ѣсть, ни пить, ни на бѣлый свѣтъ
дѣть. Закутавшись съ головой въ одѣяло и свернувшись клу-
чкомъ, онъ лежалъ неподвижно.

Отецъ подошелъ, взглянулъ на него, поцѣловалъ и попрекнулъ
ену за путешествія съ ребенкомъ по базарамъ. Аннушка со
остью отвѣтила: «нѣшто я это знала? базаръ—дѣло житейское,
ничего худого въ немъ нѣтъ; а вольно-жъ было выдумать,
тобъ середь базара творилось такое смертное убоище. Ужъ кому
адо взяться за ножъ, такъ того этимъ не испугаешь и не удер-
ишь,—а вонъ малаго ребенка пожалуй въ гробъ вгонишь...»

Эти слова ясно слышалъ Алёша.

Къ вечеру онъ какъ будто успокоился; въ ушахъ его уже
е стонало и не визжало; онъ могъ уже о чемъ-то думать; о
емъ? — онъ самъ не зналъ, но это были мысли травленаго
олченка... злыя мысли.

Время шло; у Алёши явился маленькій братишка, — Коля,
такой маленькій, что никуда негодился по мнѣнію Алеши,
по мнѣнію Орлова это былъ «*заправскій* барченокъ»; — за
кія слова Артемьевъ обругалъ его «крупой» съ прибавленіемъ
епечатнаго слова. Орловъ сильно обидѣлся.

— Ну какъ же не крупа ты гарнизонная, — продолжалъ
ртемьевъ, — нѣшто можно при барскомъ дитѣ такія слова
оворить!

— Почему-жъ мнѣ и не говорить?—Кто запретъ положилъ,—
ы, что ли? Выростетъ, небось, самъ узнаетъ, насъ съ тобой не
проситъ.

— Прахвость! — плюнулъ старикъ.

— Ты не больно ругайся: ежели я вѣрой и правдой служ Богу и Государю, почетную пулю отъ непріятеля подъ Лещыго получилъ, стало быть не даромъ отличія имѣю... а ты что? Пра-а-хвость!?

— Пуля, пуля! Да шутъ те знаетъ, какая тамъ у тебя пу Нѣтъ, мы съ батюшкой Суворовымъ какъ Измаилъ штурмова такъ вы бы оттоль штановъ не унесли... Вѣдь мужики, артик не знаете, а тоже—пуля! Да тебѣ, можетъ, колѣнко-то крыса чехаузѣ прокусила, а онъ—пуля!

Перебранка продолжалась въ томъ же родѣ. Алёша изъ н понялъ только то, что Орлова въ самомъ дѣлѣ можетъ бы крыса укусила.

IV.

Черезъ годъ опять увеличилось семейство смотрителя: б бушка гдѣ-то подъ лопухомъ нашла для Алёши сестрицу Алён Какъ человѣкъ домовитый, Слободинъ долженъ былъ соразмѣр семьѣ увеличить и хозяйство. Онъ купилъ у судьи семью д ровыхъ людей: кучера Финогена съ женой Катериной и сыно Яшкой.

Алёша видѣлъ, какъ пришли эти купленные люди, худ оборванные, точно нищіе, и первымъ дѣломъ повалились въ но передъ новыми господами.

— Отцы наши, помилуйте!—взмолился Финогенъ;—мы, как Богу, такъ и вамъ все равно... по гробъ живота готовы...

— Надъ нами власть ваша... мы ко всему привычны. Мнѣ бы только вотъ парнишку-то мово... значитъ, чтобы по жалѣть... махонькой, въ работу еще неспособенъ... силенки мало, а изобидѣть его всякій можетъ...—сквозь слезы шептала Катерина, утирая носъ Яшкѣ, глядѣвшему вокругъ съ безсмысленнымъ испугомъ.

Петру Иванычу эта сцена была тяжела. Онъ стоялъ отворотясь къ окну и сконфуженно едва проговорилъ:

— Не бойтесь, у меня будетъ вамъ хорошо, тужить о прежнемъ баринѣ не станете... мы то же люди... по человѣчеству надо...

Но эти слова мало ободрили бѣдныхъ людей; гораздо свободнѣе почувствовали они себя, когда вступилась въ дѣло барыня Анна Дмитріевна; она первымъ дѣломъ принялась осматривать, что у нихъ на себѣ и съ собой. Оказалось, что судья прислалъ эти души чуть не голыми, одежонку всю отобралъ, даже сапоги

иногена были собственные и тѣ задержалъ, — «какіе они, говоритъ, собственные, чай у меня же наворовалъ, когда грошъ, огда два, да и купилъ».—Вмѣсто сапогъ далъ старые опорки. атерина была въ крашенинномъ заплатанномъ сарафанѣ, босимъ; а на мальчишкѣ оказалась одна только посконная рубашка, мѣдный крестикъ. Катерина съ добросердечною покорностью крыла передъ барыней котомочку, плетеную изъ лыка, чтобы рыня видѣла все ихъ имущество, чтобы потомъ поклепу каго не было. Въ котомочкѣ оказался мотокъ пряжи, игольникъ, режки, образокъ и двѣ краюшки хлѣба.

— Ахъ, люди, люди!—вздохнулъ Петръ Ивановичъ.—А вѣдь ды первый тутъ богатѣй промежъ насъ!

Анна Дмитріевна не говорила никакихъ жалкихъ словъ, а имательно разсматривала каждую тряпицу, серьезно качая ловой и соображая все положеніе дѣла.

Тотчасъ же эти люди были отведены на кухню и похлебали рячихъ щецъ съ бужениной. Потомъ Анна Дмитріевна позвала атерину въ кладовую и выдала ей холста, нитокъ, пестряди, два бумажныхъ платка.

Къ вечеру Яшка, разфранченный въ старое платье барченка— ситцевую синенькую рубашенку и нанковые очень короткіе танишки, уже сидѣлъ въ дѣтской на полу вмѣстѣ съ Алёшей. арченокъ показывалъ ему лубочныя картинки и грубо-оболванную деревянную куклу—Езопа съ двумя горбами, на котомъ отъ частаго употребленія остались только признаки яркой леной краски.

Унтерà тоже приласкали новокупленныхъ людей. Орлову уже ла заказана кожаная обувь на всѣхъ. Ихъ разсказы про осподъ и про житье у нихъ сытое, безобидное, харчи какъ адо быть христіанскіе — окончательно успокоили Финогена и ену его.

— Ну, а ты, парнишко,—примолвилъ Артемьевъ,—долженъ стоять при нашемъ барченкѣ; ты будешь при немъ кàмардинъ; къ надо полагать: онъ пойдетъ на службу, и ты съ нимъ,— ъ на войну, и ты за нимъ.

— Личарда, вѣрная слуга!—влѣпилъ Орловъ.

Такъ съ тѣхъ поръ и пошли всѣ въ домѣ звать Яшку ичардой, — и не было ему другого имени — все Личарда да ичарда.

Яша былъ годами тремя старше Алёши; по возрасту и по кладу понятій они отлично подходили другъ къ другу и стали авсегда неразлучны. Алёша ужасно былъ радъ, что пріобрѣлъ оварища и серьезно выпросилъ у отца, чтобы Яша былъ его

собственный на всю жизнь, и чтобы ужъ никто не смѣлъ и распоряжаться; вслѣдствіе этого онъ каждымъ кускомъ, кажд лакомствомъ дѣлился съ своею *собственностью* и ревниво об регалъ ея неприкосновенность.

Личарда не оставался въ долгу и сообщилъ своему мален кому господину много вещей, о которыхъ тотъ до сихъ по не имѣлъ понятія. Во-первыхъ, Яша выучилъ его дѣлать и березовой коры пищикъ; потомъ, бродя по садочку, зарос бурьяномъ, научилъ находить щавель и вообще распознава такіе стебельки растеній, которые можно ѣсть, вкусные и сленькіе; тутъ же, замѣтивъ въ густомъ вишенникѣ множес птицъ, Личарда подалъ блистательную мысль устроить сил а еще лучше — разсчиститъ токъ и лучкомъ ловить пичуже между которыми есть прекрасивыя и поютъ отлично; можно и продавать: на базарѣ за чижика дадутъ по грошу, а за щеглё такъ и еще больше.

Мысль эту Алеша провѣрилъ въ разговорѣ съ Артемьев который вообще ее одобрилъ и помогъ устроить всѣ необходи снаряды. И пріятели занялись птицеловствомъ; въ дѣтской явились клѣтки и конопляное сѣмя.

Алёша отдавался со страстью всѣмъ новымъ впечатлѣні его радовало, что число предметовъ, входящихъ въ кругъ его знаній и занятій ежедневно расширяется. Онъ думалъ, что т и вся жизнь пройдетъ, за такими дѣлами, которыя по серд но ему уже шелъ седьмой годъ и отецъ началъ чаще пого ривать о томъ, что пора бы молодца и за азбуку посадить.

Мать отстаивала свободу Алёши со дня на день, увѣр что ребенокъ малъ и слабъ, еще пожалуй чахнуть начнетъ книжкой-то. Жизнь впереди долга, — успѣетъ всякимъ наук обучиться.

Къ училищу Алёша питалъ неодолимое отвращеніе; сказать объ этомъ не смѣлъ, а передъ матерью высказался от кровенно, что учиться онъ не хочетъ и никогда не будетъ, тому что это совсѣмъ не нужно. На возраженія матери, коне слабыя, пѣтыя съ чужого голоса, мальчикъ категорически объ снялъ, что дворининомъ онъ быть не желаетъ, что можно от лично прожить и безъ дворянской науки, что онъ умѣетъ дѣ лать то что ему нужно,—ужъ теперь можетъ продавать птиц а выростетъ большой, такъ узнаетъ еще много такихъ вещ занимаясь которыми будетъ пріобрѣтать деньги и на нихъ кор мить себя и Личарду.

Личарда порывался заглянуть въ «дикій домъ» и не про

лъ завести знакомство съ ходившими туда мальчуганами, но ёша энергически остановилъ эти покушенія.

— Не ходи туда: не хорошо.

— Ой ли,—отчего?

— Тамъ всѣхъ сѣкутъ розгами, знаешь?

— Знаю. Мово тятьку разъ наказывали.

— На базарѣ?—Почти закричалъ Алёша; глаза его широко крылись, въ нихъ вспыхнулъ огонекъ гнѣва и злости.

— Нѣтъ, въ сараѣ драли,—спокойно отвѣтилъ Личарда.

— Больно?—Кровь текла?

— Ничего, отлежался.

Упорное отвращеніе Алёши отъ ученія, поддерживаемое молчаливымъ потворствомъ матери, приводило Петра Иваныча въ ное негодованіе, онъ рѣшилъ безотлагательно засадить мальа за грамоту; но какъ человѣкъ слабовольный, мягкій,полъ на сдѣлку: мысль объ училищѣ была оставлена, а полою начать уроки на дому, для чего былъ приглашенъ соборй дьячокъ Фортификантовъ, съ платою по одному рублю въ сяцъ, при чемъ укрощенному дикарю объявлено, что въ слуѣ нерадѣнія и плохихъ успѣховъ, онъ будетъ насильно отвеъ въ «дикій домъ» и тамъ немедленно познакомится со ими внутренними распорядками.

Въ назначенный день бабинька Наталья Лаврентьевна сходила къ ранней обѣднѣ, потомъ принесла сдобный хлѣбъ съ бѣ солонкой и поставила на столъ въ гостинной. Явился и ъ отецъ Никонъ съ просфорой и новѣйшею азбукой. Торжественно ввели Алёшу, словно приговореннаго къ смерти паента, всѣ помолились; женщины плакали. Никонъ сѣлъ и обвъ мальчика рукою, тихо и ласково вручилъ азбуку и пронесъ краткое поученіе, пообѣщавъ, что по маломъ времени мъ Господь Богъ пошлетъ ему духъ любомудрія и украситъ о умственный вертоградъ благопотребными познаніями, на ѣху родителямъ. Алёша задумался-было надъ тѣмъ, что знатъ слово «любомудріе», какъ увидѣлъ въ дверяхъ передней чарду, унылаго, запустившаго въ ротъ четыре пальца, — и ругъ забылъ всѣ мудреныя слова, произнесенныя священникомъ. Наконецъ, всѣ ушли въ сосѣднюю комнату, гдѣ стоялъ рофеичъ и закуска; Алёша остался съ глазу на глазъ съ своимъ наставникомъ. Ему показалось, что онъ брошенъ на небитаемый островъ, откуда нѣтъ никакого хода; но скоро его ниманіе обратилось на короткую косицу, въ видѣ хвостика, орчавшую на затылкѣ у учителя.

Фортификантовъ началъ съ того, что какъ-то своротивъ на-

искось физіономію, ожесточенно поковырялъ въ правомъ ухѣ предложилъ ученику взять въ руки деревянную указку.

Дѣти, обучающіяся теперь по звуковой методѣ, едва ли в состояніи вообразить ту премудрость, которая заключаетс напримѣръ, въ такихъ штукахъ, какъ: «буки-живете арцы-аз ра,—бжра»; или «нашъ-земля-добро-арцы-аздра-нздра»; что «к рень ученія горекъ» — это было величайшею истиной, а плод его... Ну, да вѣдь не всякій и доживаетъ до созрѣванія пл довъ!

Ученикъ Фортификантова сначала былъ внимателенъ и по слушенъ, нараспѣвъ повторялъ за нимъ неудобопроизносимы склады и старательно выписывалъ на разграфленой тетрадкѣ п лочки и нули.

Потомъ частое созерцаніе учителевой косички навело его н мысли, что учитель самъ заплетаетъ эту косичку и притомъ в кусно, стало быть занимается и многими другими домашни такъ-сказать, партикулярными дѣлами, а стало быть онъ сове шенно такой же человѣкъ, какъ и другіе, и съ нимъ совершен свободно можно поговорить не объ одной только азбукѣ, а о всякихъ житейскихъ вещахъ. Учитель же оказался человѣко весьма слово-обильнымъ и большимъ охотникомъ на перепелов вотъ и пошли у нихъ любезные разговоры о томъ, какъ пер пелъ идетъ на дудочку, — да такъ и проходитъ три четвер урока. Фортификантовъ однакожъ скоро смекнулъ, что таки образомъ недалеко они уйдутъ въ наукѣ, сталъ уклоняться от заигрываній Алёши; тогда начали пропадать у ученика тетрадк и азбука, которыхъ отыскать было совершенно невозможно, так что учителю поневолѣ приходилось или идти домой, или читат лекцію о правахъ пернатыхъ.

Вдругъ отецъ сдѣлалъ повѣрку успѣховъ сына; сконфуже ный Алёша не могъ строки прочесть безошибочно. Учитель по лучилъ жестокую головомойку за даромъ-получаемые рубли, а ученику объявлено, что если онъ черезъ мѣсяцъ не будетъ уміть бѣгло читать всякую книгу, то немедленно будетъ отведенъ Ор ловымъ въ училище, гдѣ познаетъ всю горечь ученія.

Когда грозный экзаменаторъ вышелъ изъ комнаты, Форти фикантовъ уныло и дрожащимъ отъ слезъ голосомъ сказал слѣдующее:

— Что вы надѣлали? Эхъ, горе мнѣ! Ну, попалась незнако мая страница, вамъ бы взять да потихонечку, незамѣтно дл папеньки, и перевернуть на другую, которую твердо знаете— гладко бы прошло. А то что теперь? И вамъ и мнѣ неудоволь ствія... да если еще папенька скажетъ отцу Никону, такъ бѣда,

это расправа коротка... большія неудовольствія могутъ по-
ровать!

— Развѣ онъ смѣетъ васъ?..

— Вотъ-те разъ, владыко-то да не смѣетъ!!.. Ино мѣсто за
оттаскаетъ, а ино, коли въ служеніи ошибешься, за ухо
етъ... да ты и не пикни, продолжай свое «Блаженъ мужъ
не иде»... Наше дѣло тоже подначальное.

Алёша вспыхнулъ: ему стало больно и стыдно, какъ это та-
большого человѣка, съ такимъ здоровымъ басомъ, дерутъ
ко?..

Онъ внутренно бранилъ себя за то, какъ ему не пришла
ь перекинуть страницу. Онъ призналъ, что этотъ способъ
ь можетъ быть полезенъ въ затруднительныхъ обстоятель-
къ... Хотя это называется обманъ, а обманывать, говорятъ,
орошо, однако почему же вотъ теперь совѣсть положительно
кала его за то, что онъ не обманулъ отца и сдѣлался при-
ю всѣхъ ожидающихъ учителя неудовольствій?.. А какъ-то
станетъ таскать его за ухо, или за косичку? мелькнуло
головѣ Алёши... Но дѣло сдѣлано; надо его поправить.
па всталъ и горделиво выпрямившись во весь ростъ, про-
рилъ: папенька сказалъ — черезъ мѣсяцъ, а я говорю, че-
двѣ недѣли... вотъ увидите, непремѣнно буду умѣть чи-
безъ ошибки всякую книгу какую угодно... Вотъ вамъ —
ьчикъ взглянулъ на образъ и перекрестился) — теперь вѣ-
?

И дѣйствительно, Алёша твердо сдержалъ слово;—изумлен-
Фортификантовъ возлюбилъ его всѣмъ сердцемъ, пообѣ-
ь непремѣнно подарить весною соловья.

Зимою учиться Алёшѣ было несравненно легче, чѣмъ вес-
и лѣтомъ. Когда въ окно глядитъ зелень и льется горячій
ъ солнца, онъ никакъ не могъ пересилить своей вольно-
вой натуры: или засыпалъ надъ книжкою, или выйдя на
тву изъ класса, пропадалъ такъ, что и найти его было не-
ожно. Фортификантовъ спокойно и безбоязненно смотрѣлъ
ти, какъ онъ называлъ—отлыниванья, будучи убѣжденъ не-
имъ опытомъ, что мальчикъ, если захочетъ, въ одинъ мѣ-
самостоятельно выучитъ то, что проходится цѣлый годъ.
упросилъ Петра Иваныча дать сыну мѣсяца два вака-
наго времени.

Алёша и Личарда ликовали и замышляли нѣсколько отваж-
ь предпріятій — напримѣръ, однимъ убѣжать на рѣку ку-
ся, или на всю ночь отправиться съ учителемъ за-городъ
поле на перепелиную охоту.

Бабинька Наталья Лаврентьевна хотя была и не очень в[…] ная птица—вдова-прапорщица, а извѣстная русская посло[…] и самого-то прапорщика приравниваетъ къ курицѣ, стало б[…] о вдовѣ его и разговора большого быть не можетъ, тѣмъ […] менѣе, старушка презирала «хамово отродье».

Такому взгляду на крѣпостныхъ людей, безъ сомнѣнія, […] мало содѣйствовало воспоминаніе о пугачовщинѣ... Особе[…] не нравилась бабинькѣ закадычная дружба Алёши съ Яшкой. […] считала эту дружбу дѣломъ противоестественнымъ и пагубн[…] для барскаго ребенка. Однажды, мальчики,—видавшіе, какъ […] городу водятъ на цѣпи медвѣдей-плясуновъ, затѣяли на огор[…] у бабиньки игру въ медвѣдя. Сперва былъ вожакомъ Ал[…] а медвѣдя изображалъ Личарда, потомъ роли перемѣни[…] Алёша мычалъ и ползалъ на четвереньках, а Личарда ко[…] довалъ и кончилъ спектакль тѣмъ, что сѣлъ на барченка вер[…] и заставилъ возить себя отъ грядокъ до колодца и обра[…] Наталья Лаврентьевна съ крылечка, заслонивъ глаза рукой […] солнца, глядѣла на импровизованныхъ медвѣдей, но при […] слѣдней штукѣ не выдержала, подбѣжала къ нимъ, схва[…] оторопѣвшаго Личарду за вихорь, стащила съ медвѣдя, наги[…] ущемивъ его голову между колѣнокъ, и поднявъ рубашенку, […] сыпала десятка два горячихъ ударовъ ладонью.

— Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ!—пострѣлёнокъ ты этакій!—п[…] говаривала бабинька.. Вотъ тебѣ! чтобъ не смѣлъ ты, чума[…] на свово барина верхомъ садиться!.. Ахъ ты соплякъ!—Д[…] тебя!.. Если въ другой разъ увижу, такъ и не то еще будетъ, […] возьму вотъ зеленой крапивы, да крапивой-то такъ выпарю, […] будешь вѣкъ баню помнить!—Ишь что выдумалъ!—Си[…] пожалуй. Да ты этакъ-то дитяти спинку переломишь, па[…] дёнокъ!

Напрасно Алёша увѣрялъ бабиньку, что это такая игра, […] они поочереди, что ему совсѣмъ не было тяжело—ста[…] и на него прикрикнула: «Стыдно тебѣ, сударь! амбиціи […] въ тебѣ нѣтъ; съ кѣмъ ты связался-то?—Нешто этотъ ще[…] ровня тебѣ, дворянскому сыну?—Погоди, вотъ я ужо отцу скажу[…] И она отвела друзей въ горницу, Алёшу посадила къ стол[…] Яшку поставила въ уголъ и рекомендовала имъ остаться […] этихъ позиціяхъ, пока она одѣнется и отведетъ ихъ до[…] При этомъ, чтобъ смягчить участь Алёши, она дала ему ло[…] папошника, намазанный медомъ, а на Яшку молча погроз[…] кривымъ, костлявымъ пальцемъ.

Личарда, стоя въ углу, потихоньку опустился, присѣлъ […] корточки и закрывъ руками рожицу, плутовато хихикалъ. […]

ю очень смѣшно и кричалъ-то онъ, когда била бабинька, нственно только для приличія.

— Хочешь?—спросилъ его Алёша, протягивая половину своломтя.

— Нѣтъ,—не надо, а то еще тебѣ за это достанется. Не надо! Жуя сладкій кусокъ, Алёша размышлялъ, отчего такая разница ду нимъ и Яшкой?—и сознавалъ, что быть въ его положеніи равненно пріятнѣе.

При другомъ случаѣ разница общественныхъ положеній еще е обозначилась въ пониманіи Алёши.

Дворъ и небольшой садикъ смотрителя отдѣлялся плетнемъ огромнаго, совершенно заглохшаго, запущеннаго и темнаго дняго сада, до того темнаго, что дѣтскому воображенію дставлялись въ немъ разные чудеса и невѣдомые страхи. дей въ немъ почти никогда не было видно. Возможное ли), чтобъ наши молодцы не проникли въ этотъ заманчивый икѣмъ не охраняемый міръ? Прямо черезъ плетень махнуть однако побоялись, а нашли секретную лазейку за конюшней гѣ кучи навоза. Въ первый разъ имъ было очень страшно,— ещитъ ли подъ ногою хрупкій валежникъ, захрустятъ ли шлогодніе листья, птица ли вспорхнетъ изъ гущи,—они иновятся, вздрогнутъ, насторожившь глаза и уши, а въ груди ь сладко замираетъ и ноетъ, словно струна звенитъ. Впослѣдствіи эти экскурсіи стали повторяться чаще, шаги нашихъ ателей приключеній дѣлались смѣлѣе, увѣреннѣе, но этотъ кій ознобъ перваго впечатлѣнія уже ослабѣлъ и скоро соиъ утратился; вмѣсто него сами собою возникли практическія и. Мальчики нашли одну старую яблоню, на которой хоть и нело было яблоковъ, но яблоки чудесные, назывались они бѣлый ивъ. Когда Алёша подсаживалъ Личарду, карабкавшагося по вамъ, чтобы нарвать яблоковъ,—они оба испытывали то же предѣленно-сладкое чувство страха, которое охватило ихъ въ вый день вторженія въ заповѣдной садъ. Они совсѣмъ не совали, что не яблоки прельщаютъ ихъ, а непобѣдимая жажда итать всѣми нервами это необыкновенное, почти сладоастное ощущеніе опасности... Нервы Алёши были впечатлиьнѣе, чѣмъ Яшины;—они уже испытали нѣсколько сильныхъ дражоній, какъ, напримѣръ, при сценѣ на базарѣ, а потому астойчивѣе требовали все новыхъ и новыхъ ощущеній.

На другой день послѣ перваго похищенія яблоковъ, Алёша иязчиво зазывалъ въ садъ Личарду; этотъ сперва не хотѣлъ, въ качествѣ вѣрнаго слуги долженъ былъ отправиться. Едва ёша подсадилъ товарища до перваго сучка, какъ вдругъ будто

изъ земли выросъ высокій, жилистый, рыжій мужикъ и, связа
за руки похитителей, повелъ къ смотрителю.

— Вы ихъ, ваше благородіе, путемъ проучите, потому на
нельзя:—мы вотъ каждый часъ барина ждемъ; это у насъ то-ес
первое дерево. Спроситъ: гдѣ яблоки?—А мы что ему?—Почес
всѣ оборваны;—вѣдь намъ за это спину вчешутъ.

Петръ Иванычъ въ эту минуту только что воротился и
училища, гдѣ изрядно отпоролъ ученика за кражу карандаш
у товарища,—а потому былъ раздраженъ и отнесся къ поймав
нымъ преступникамъ съ строгостью, совсѣмъ несвойственною е
характеру.

— А, такъ вы вотъ какъ — во-ро-вать! Я вамъ задам
Воровство самый гнуснѣйшій порокъ — и мой сынъ ворова
Вотъ я васъ, канальи!—Воришки дрянные!

Безъ всякихъ объясненій и оправданій, судъ и расправа пр
изведены немедленно тутъ же въ сѣняхъ. Первымъ пострада
Личарда, котораго Финогенъ держалъ, а Артемьевъ угоща
березовой кашей. На крикъ мальчика въ комнатахъ отозвал
плачемъ испуганные Коля и Алёнка, изъ двери показалась Ан
Дмитріевна и какъ-то особенно взглянула на мужа... Гнѣвъ е
мгновенно упалъ. «Довольно!» закричалъ онъ. Личарда вскочил
а Алёша, скрежеща зубами, принялся молча и торопливо р
стегивать штанишки.—«Не надо!» еще крикнулъ отецъ и хлопну
дверью, ушелъ въ свою комнату. Преступники были отправлен
въ кухню, гдѣ Финогенъ еще напустился на сына, приговарива
«ахъ ты воръ, воровская ты петля, мошенникъ!»—и хотѣлъ е
еще постегать ремнемъ изъ отцовскихъ рукъ; но Алёша кинул
между ними, вцѣпился Финогену въ бороду и задыхаясь про
шипѣлъ: «не смѣй,—не смѣй его трогать!»

Черезъ полчаса Личарда съ отличнымъ аппетитомъ хлебал
грешневую похлебку, поставленную передъ нимъ матерью,
Алёша, забившись на печку, отказался идти въ горницу обѣдат
и на всѣ лады переворачивалъ событія этого дня...

Послѣ этой исторіи за Яшкой начали примѣчать и стал
онъ частенько попадаться, то съ кускомъ сахару, то лоскутик
какой-нибудь стащитъ;—у Орлова похитилъ шило, а у Натал
Лаврентьевны стибрилъ маленькую стеклянную коробочку съ ды
ными сѣмечками, — предметы все не очень соблазнительные
которые Яшка самъ не зналъ куда и дѣвать; однако его стал
остерегаться, дразнить воришкой, и Финогенъ раза два отеческ
поучилъ первою, попавшеюся на дворѣ, хворостиной. А уж
предсказывали-то ему самую что ни есть скверную будущност
Неизвѣстно, что думалъ мальчуганъ, но повидимому относился

этой травлѣ равнодушно, тѣмъ болѣе, что задушевный варищъ его Алёша ни разу не только не попрекнулъ его, даже спросилъ, зачѣмъ-де ты это дѣлаешь? — Въ немъ самомъ въ о время назрѣвала какая-то внутренняя боль, которой онъ не ѣлъ найти исхода, но чувствовалъ, что того и гляди онъ ѣлаетъ что-нибудь такое необыкновенное, за что его непремѣнйшимъ образомъ высѣкутъ. И въ этой мысли Алёша находилъ кое-то странное, необъяснимое сладострастіе... Онъ былъ увѣренъ, о тогда ему станетъ легче... И все ждалъ — ждалъ...

V.

Нѣсколько дней спустя послѣ неудачной экспедиціи за яблоками, ъ глухомъ сосѣднемъ саду обнаружились признаки жизни: иногда лышался лай собакъ и порсканье по кустарникамъ, иногда сквозь чащу деревьевъ пробѣгали огоньки, перекликались голоса, а однажды явственно раздался ружейный выстрѣлъ. Какъ ни громаденъ былъ садъ, но охотиться въ немъ едва ли представлялась возможность, — не потому что онъ стоялъ среди города — въ тѣ времена это не составляло серьезнаго препятствія, — а потому что не могли же въ немъ водиться волки, лисицы или хоть-бы зайцы.

Петръ Иванычъ въ это время надолго уѣхалъ по дѣламъ въ губернію, то-есть въ губернскій городъ, и въ домѣ главная охрана спокойствія была ввѣрена Артемьеву.

Почтенные служаки сами крѣпко дивились тому, что за притча такая дѣется въ сосѣдскомъ саду и рѣшили, что должно быть самъ потѣшается; — «надысь, слышь, ночью прикатилъ и не замѣтили». Вечеромъ пошли они и оба мальчика съ ними, вдоль улицы посмотрѣть, не замѣтно ли чего въ домѣ сосѣда. Домъ этотъ, обширное и низкое деревянное зданіе, лежалъ, точно гнѣздо огромной птицы, посрединѣ двора, обнесеннаго съ улицы частоколомъ, имѣлъ по фасаду двѣнадцать оконъ, покрытъ соломой, почернѣвшей отъ времени. Окна постоянно были закрыты наружными ставнями, и теперь въ немъ было совершенно темно; изъ одной трубы вилась легкая струйка дыма. Любопытствующіе узнали немного, — ворота были заперты, а вызвать знакомаго рыжаго мужика они не рѣшились.

Однажды часу въ четвертомъ, когда зной началъ уже спадать, Анна Дмитріевна, какъ обыкновенно по домашнему одѣтая — въ ситцевой юбкѣ безъ таліи, кофточекъ она и знать не знала, — станъ бѣлой рубахи спустился у нея съ одного плеча и обна-

женныя руки держали надъ головой легкую косыночку отъ солнца,—такъ она вышла на дворъ и пробралась медленнымъ шагомъ въ садикъ къ плетню, возлѣ котораго на протянутыхъ веревках сушилось дѣтское бѣлье. Посмотрѣла она, хорошо ли выстираны рубашечки и пеленки и скоро ли высохнутъ; вдругъ изъ-за плетня, какъ музыка пріятный и ласковый, мужской голосъ словно пропѣлъ надъ нею:

— Здравствуйте!

Анна Дмитріевна, стоявшая спиной къ плетню, на голосъ повернула голову; за плетнемъ стоялъ краснощекій молодой господинъ съ длинными усами, въ пестренькомъ татарскомъ архалукѣ и военной фуражкѣ. Лицо Анны Дмитріевны нахмурилось, она молча обратилась къ своему занятію, но мысли ея разбѣжались, а руки не знали что дѣлать—лицо ли закрыть косынкой, или опустить ее на плечи, съ которыхъ совсѣмъ скатилась широкая рубашка. Она чувствовала, что и лицо, и шея, и плечи и руки—все словно полымемъ занялось. Даже убѣжать ей было стыдно.

— Я хочу съ вами познакомиться, — продолжалъ тотъ же ласковый голосъ.

Анна Дмитріевна не отвѣчала и дрожащею рукой ощупывала сырое бѣлье.

— Слышите! я познакомиться съ вами хочу.

— Милости просимъ, какъ добрые люди ходятъ, а не через заборъ,—не поворачивая головы отвѣтила смотрительша.

— Я не умѣю, какъ добрые люди: вѣдь я окаянный... Можетъ слышали—помѣщикъ Эрастъ Ильичъ Милоновъ,—это я самый и есть.

— Я васъ не знаю.

— Ну такъ вотъ узнаете. Только я хочу познакомиться съ вами покороче, поближе... Экая красавица-то какая! — проговорилъ Милоновъ уже не къ ней, а будто высказывая вслухъ свои впечатлѣнія.—Вѣдь уродитъ же Господь Богъ такое чудо... Да вы полноте, не закрывайте личика... И шейки, и плечъ тоже не закрывайте, — страстно шепталъ онъ, слѣдя за ее движеніями. Вѣдь эти всѣ прелести Богъ сотворилъ для того, чтобы ими любовались вотъ этакіе окаянные, какъ я...

Анна Дмитріевна улыбнулась, а въ глазахъ туманъ сталъ, слезы задрожали на рѣсницахъ.

— Не хорошо это вы говорите... Я замужняя... опустивъ голову, сказала она, и не торопясь, степенно пошла къ дому.

А вслѣдъ ей слышалось: «красавица!—душенька! богиня!»...

Придя въ горницу, Анна Дмитріевна горько заплакала... Чув-

ствовала она обиду и тревогу... Ну какъ же можно? Замужняя женщина, мать троихъ дѣтей... и по душѣ должна быть аки вѣрная собака для Петра Иваныча, за всю его доброту... А тутъ этакое... и никогда она такихъ словъ не слыхала: никто, ни даже самъ Петръ Иванычъ никогда ей не говорилъ такихъ словъ... Красавица?—ужъ будто и въ самомъ дѣлѣ красавица?... Баба какъ баба,—и сладости-то во мнѣ, поди, чай столько же, какъ въ каждой нашей сестрѣ... А голосъ-то какой у него... праздничный... словно гладитъ тебя по сердцу... Въ-первой слышу я такой голосъ... Что-жъ мнѣ теперь дѣлать-то, Господи! Владычица, помози!...

Такъ волновалась Анна Дмитріевна, не замѣчая, что давно уже подлѣ нея стоитъ Алёнка и каши проситъ...

Помѣщикъ Милоновъ былъ очень извѣстенъ въ губерніи. Единственный наслѣдникъ трехъ тысячъ душъ крестьянъ въ разныхъ деревняхъ, онъ служилъ юнкеромъ въ «безсмертныхъ гусарахъ» (такъ въ то время назывался Александрійскій гусарскій полкъ). Шалуновъ между гусарами было много, но Милоновъ отличался крайнею необузданностью и эксцентричностью своихъ подвиговъ. Подстрѣлить жида, высѣчь станціоннаго смотрителя или чиновника-штафирку, увезти изъ женскаго монастыря крылошанку,—это ему ничего не значило и все какъ-то благополучно сходило съ рукъ, разумѣется, съ придачею большихъ денегъ; — но послѣдняя его штука не удалась: товарищъ похитилъ барышню, дѣло очень обыкновенное; надо было ихъ повѣнчать, попъ согласился, отперъ церковь (дѣло было въ глухой заброшенной бѣлорусской деревнюшкѣ). Только что молодые стали къ аналою, батька и заупрямился—не хочу, да не хочу—и резоновъ никакихъ не слушаетъ, даже денегъ не беретъ—одурѣлъ. Дѣлать нечего — Милоновъ связалъ его по рукамъ и по ногамъ, самъ надѣлъ ризу и обвелъ молодыхъ три раза вокругъ аналоя. Дьячекъ въ это время пѣлъ «Исайя ликуй»,—и дѣло кончено; въ книгу записано, свидѣтели подписались—все въ порядкѣ;—и поѣхали молодые въ эскадронную штабъ-квартиру; попа Милоновъ захватилъ съ собой. Попойка, разумѣется, была невѣроятная. Ушаты вина и двѣ тысячи рублей сдѣлали свое дѣло: попъ клятвенно подтвердилъ и далъ подписку, что вѣнчалъ такихъ-то самолично. Однако слухъ объ этомъ происшествіи дошелъ до корпуснаго командира, — и Милоновъ принужденъ былъ выдти въ отставку. Года три онъ велъ бродячую, цыганскую жизнь, то въ Москвѣ, то по ярмаркамъ, и, обремененный страшными долгами, поселился въ родовомъ имѣніи. Что онъ творилъ въ своемъ помѣстьи, про то знали одни

только подвластные ему безгласные люди... Но скоро нача доходить до начальства жалобы сосѣднихъ дворянъ,—то онъ тр вить кого-нибудь гончими, то подожжетъ скирды сѣна, то мост на дорогѣ велитъ подпилить такъ, чтобы рухнулъ вмѣстѣ с проѣзжимъ помѣщичьимъ рыдваномъ. Пріѣзжалъ къ нему пре водитель, почтенный отставной генералъ, урезонивалъ, усов щивалъ, а онъ и съ нимъ какой-то фокусъ выкинулъ—кажетс угостилъ трубкой табаку, начиненной порохомъ. Наконецъ, Ми лоновъ былъ взятъ въ опеку, съ запрещеніемъ выѣзжать из деревни. Въ деревнѣ вѣдь скука, что ни выдумай, все на др гой же день опротивѣетъ. Даже гаремныя затѣи Милонову опо стылѣли. Въ припадкѣ злой хандры, велѣлъ онъ согнать с деревни всѣхъ бабъ не старѣе тридцати лѣтъ, чтобы полол траву въ цвѣтникѣ подъ окнами его кабинета, а самъ сидит у окна, да попаливаетъ въ нагнувшихся бабъ изъ ружья дробью. Бабамъ это угощеніе показалось не втерпёжъ, — двѣ-три из нихъ побойчѣе побѣжали къ капитанъ-исправнику и объявил И вотъ вышелъ отъ губернатора приказъ, впредь до особаг распоряженія жить Милонову въ уѣздномъ городѣ, гдѣ у нег былъ старый, полуразрушенный домъ, принадлежавшій его тет кѣ, которая окончила дни свои настоятельницей въ женском монастырѣ.

Переселеніе Милонова въ городъ озаботило, кажется, толь одного городничаго, получившаго по этому предмету секретны ордеръ; а обыватели, живя по простотѣ, не особенно имъ инте ресовались. Весьма немногіе, бывавшіе въ уѣздѣ, слыхали-моль, что блажной, да нонѣ мало ли ихъ, блажныхъ-то!..

На другой день послѣ встрѣчи съ Милоновымъ у плетня, Анна Дмитріевна нашла на окнѣ своей спальни запечатанное письмо. Сердце въ ней ёкнуло; сама не зная почему, она была увѣрена, что письмо это отъ него... отъ окаяннаго... Вертѣла она, вертѣла въ рукахъ письмецо, и дивилась, какимъ мане ромъ оно могло попасть на окошко;—въ щель просунуто, или такъ подброшено?... И дорого бы она дала, чтобы умѣть про честь, что въ этой грамоткѣ написано. Она улыбнулась какъ-то и горделиво и насмѣшливо, словно ее, простую женщину, кто-нибудь княжной назвалъ,—и сунула письмо въ карманъ.

Въ этотъ день Анна Дмитріевна не выходила изъ горницы, усиленно занималась хозяйствомъ, сосчитывала и принимала вы мытое бѣлье, чулки штопала. Уже вечеромъ, накормивъ дѣтей и уложивъ ихъ въ постельки, она плотно затворила двери своей спальни и сѣла къ раскрытому окну. На улицѣ было тихо, пу стынно, даже собаки не лаяли; полный мѣсяцъ, поднявшись изъ-

за черныхъ крышъ, катился все выше и выше. Становилось холодно. Завернувшись въ кацавейку, Анна Дмитріевна высунулась по поясъ въ окно, поглядѣла вдоль улицы, и прошептавъ «ахъ, кабы Петръ Иванычъ поскорѣй воротился»—заперла окошко, опустила ситцевую занавѣску, и помолясь передъ образами, легла спать.

Слѣдующій день прошелъ для Анны Дмитріевны точно также; вечеромъ, когда она сѣла къ окошку, послышалась далекая, тихая пѣсня въ перерывахъ голоса ворковали струны гитары и такъ складно сливались съ пѣніемъ... Тягучая, унылая поволжская пѣсня то приближалась, то удалялась и словно замирала въ холодномъ ночномъ воздухѣ... Анна Дмитріевна заслушалась, вся унеслась за этой родимой пѣсней, и ничего вокругъ себя не примѣчала.

— А прочли вы письмо мое? раздался подъ самымъ окномъ знакомый, ласковый голосъ.

Анна Дмитріевна будто проснулась, ахнула и хотѣла затворить окошко; но Милоновъ положилъ локти на подоконникъ, такъ что затворить было невозможно. Онъ глядѣлъ на нее смѣло и весело.

Она плотнѣе завернулась въ кацавейку и отшатнулась отъ окна.

Онъ робкимъ, умоляющимъ голосомъ повторилъ свой вопросъ.

— Прочитала... солгала Анна Дмитріевна и закрыла лицо до самыхъ глазъ въ воротникъ кацавейки. А глаза эти въ упоръ смотрѣли на Милонова съ любопытствомъ и боязнью.

— И что-жъ,—получу я отвѣтъ?

Глаза все смотрѣли неподвижно; она молчала; по плечамъ пробѣжала дрожь.

— Я все знаю.... шепталъ Милоновъ. Онъ купилъ рабу Божью... Заперъ въ клѣтку, заставилъ дѣтей рожать, да пеленки мыть... Развѣ это жизнь.... Хоть минуточку урвать, да волюшкой вздохнуть.... Эхъ, волюшка золотая, ничего-то нѣтъ тебя милѣй! А у меня троечка на готовѣ... Подхватятъ птицы —только насъ съ тобой и видѣли!... Разлапушка ты моя!..

И онъ схватилъ ее за руку; но сильная, не барская рука, привыкшая таскать ведра изъ колодца, шутя вырвалась.

— Оставьте вы меня, идите прочь... Бога бойтесь!...

— Когда я полюблю, такъ ничего не боюсь въ свѣтѣ — знай это! А безъ отвѣта не уйду... Коли сказать робѣешь, напиши...

— Ладно, дожидайся... послѣ дождичка въ четвергъ!.. съ

хохотомъ крикнула она и ударивъ его кулакомъ въ грудь, т
что онъ отшатнулся, быстро заперла окно.

Въ комнатѣ было темно, даже лампадка не теплилась; А
Дмитріевна спряталась за занавѣску, затаивъ дыханіе, и п
слушивалась, что будетъ за окномъ.

Забренчала гитара, лихая беззаботная пѣсня пошла в
по улицѣ, повернула за уголъ и гдѣ-то далеко оборвалась
сокой нотой и мягкимъ длиннымъ посвистомъ.

Анна Дмитріевна не спала до бѣлаго свѣта—и мерещил
ей луга зеленые, лѣса дремучіе, да удалые ребята, добры
лодцы, что гуляютъ по матушкѣ-Волгѣ безданно-безпошлинн

Ясный солнечный день съ его будничною трескотнею и
пѣчными заботами отрезвилъ охмѣлѣвшую голову Анны Д
тріевны. Пришла Наталья Лаврентьевна, оповѣстила что пр
попицѣ Богъ сынка далъ и тарани навезли на базаръ стр
много.

— Оно теперь въ госпожинки-то [1]) какъ разъ надо.
мать, будешь нонѣ говѣть-то?—спросила старушка.

— Нѣтъ, я ужъ великимъ постомъ отговѣю. Приходите ко
ночевать.

— Что такъ? Ай безъ мужа-то скучно?

— Пусто въ домѣ-то...

— Нешто людей у васъ мало?

— Много ихъ, да всѣ въ разбродѣ: Орловъ ночуетъ въ у
лицѣ, Артемьевъ устроился на сѣновалѣ, Финогенъ въ конюш
Я, почитай, одна тутъ съ дѣтьми въ горницахъ-то. Катер
въ сѣняхъ спитъ... Оно ничего, да все какъ-то боязно...

— Чево бояться! У насъ тихо; съ тѣхъ поръ, какъ треты
года откупщикову контору разбили, у насъ никакихъ шалостей
слышно. — А я вотъ что, — мнѣ свово дома бросить тоже нель
а на этой недѣлѣ я говѣю, такъ все равно проживу у тебя,
Матрена моя пусть сидитъ дома. На той недѣлѣ она буде
говѣть, а ужъ я уйду отъ тебя, посижу дома. Тѣмъ временем
можетъ, Петръ Иванычъ воротится.

— Хорошо кабы воротился, — разсѣянно глядя въ пуст
уголъ, сказала Анна Дмитріевна.

Въ теченіи недѣли, пока у смотрительши гостила Ната
Лаврентьевна, Милоновъ изчезъ; только поздними вечерами х
дила далеко по улицѣ его пѣсня.

— Чу, никакъ поютъ? пробормотала старушка, помолившая
уже Богу и улегшаяся на полу въ спальнѣ.

---

[1]) Успенскій постъ въ просторѣчіи называется «госпожинки».

— Да, пѣсня... отозвалась Анна Дмитріевна, безпокойно ючавшаяся на жаркой перинѣ.

— Это должно быть приказные... они любятъ по ночамъ юводиться. — Анну Дмитріевну мучило письмо; она постоянно ла его въ карманѣ. Прочесть не умѣю, а сжечь какъ-то шо... хочется знать, что тамъ написано, соображала она. алуй, бабушку попросить, — а какъ вдругъ тамъ срамное написано?.. Да старуха впрочемъ плохо маракуетъ, — го-итъ, очки плохи, а сама только церковную печать по скла-ъ разбираетъ.

— Бабушка, вы слыхали про помѣщика, господина Милоа?—разъ рѣшилась она спросить.

— Про озорника-то? Какъ не слыхать, слышала... Тьфу! и пнать-то его къ ночи не годится... Я знавала тетку его, гиню; во дѣвичествѣ свой вѣкъ провела и ангельскій чинъ нять сподобилась. Душа была голубиная у ней, совсѣмъ не ская... Пѣшкомъ въ Саровскую пустынь ходила. «Я, го-итъ, должна умолить за Эрастиньку, чтобы Господь его обра-илъ. Этотъ Эрастинька всей фамиліи нашей несчастье... Не-) сказать, отецъ его былъ свирѣпый человѣкъ, много по-шилъ; вѣдь бывало всѣ мелкопомѣстные передъ нимъ, какъ едъ грозой дрожали. Вотъ Богъ и наказалъ дѣтищемъ, чтобы пились на него глядючи». И что̀ она добра вокругъ себя рила! всю казну по святымъ обителямъ роздала; ну, однако иу осталось имѣніе, да вотъ этотъ домъ, что сосѣдній-то. видала его я никогда, да Богъ съ нимъ! — говорятъ, и ви-ь-то его надо съ остережкой, потому опасно...

Такія слова про господина Милонова не могли, конечно, дрить Анну Дмитріевну на откровенность — показать письмо рухѣ, или посовѣтоваться.

VI.

У поздней обѣдни, за которой причащалась благополучно овѣвшая Наталья Лаврентьевна, были съ нею Анна Дми-евна и Алёша. Выходятъ они изъ церкви-то, на паперти итъ Милоновъ въ бархатномъ черномъ чекменѣ, стянутъ въ точку черкескимъ серебрянымъ поясомъ; крестится такъ рдно. Увидя ихъ чинно поклонился и пошелъ провожать, вно давно знакомый. Дорогой рѣчь велъ степенную; хвалилъ эль пѣвчихъ (изъ мѣщанъ - любителей); — говорилъ, что пред-итаетъ кіевскій напѣвъ и что служеніе въ страстную седь-

мицу еще ни разу въ жизни не пропускалъ — оно восторга
и умиляетъ душу. Старушка полюбопытствовала про кіевс
лавру — и онъ обстоятельно разсказалъ о святыхъ мощахъ.
среди этихъ душеспасительныхъ разговоровъ раза два-три
взглянулъ на Анну Дмитріевну такими глазами, что она
зардѣлась, какъ маковъ цвѣтъ. Слѣпая бабушка, умиленная р
сказами о лаврѣ, ничего не видѣла; но это видѣлъ Алёша...
вскипѣла въ немъ какая-то жгучая боль обиды и дѣтской р
ности. Какъ смѣетъ онъ такъ глядѣть на мою мать?! Мальч
конечно, не понималъ всего значенія этихъ взглядовъ, но
должно быть, поразила ихъ наглость и хищническая плото
ность. Онъ вопросительно посмотрѣлъ въ лицо матери — и у
дѣлъ, что это милое, доброе лицо вспыхнуло густымъ ру
цемъ и озарилось почти счастливой улыбкой; — глаза потупл
но нѣтъ въ нихъ ни гнѣва, ни угрозы, ни злости... Что-жъ
она не сердится? Алёшу душили слезы, какъ будто кто его
горло схватилъ. Изъ подлобья взглянулъ онъ на господина
лонова и пошелъ сторонкой, подъ самымъ заборомъ, сбі
палочкой верхушки крапивы...

Въ дѣтяхъ есть это чуткое, будто инстинктивное пониm
опасности, угрожающей ихъ матери. Они часто инстинкт
угадываютъ отношенія къ матери постороннихъ людей и то
различаютъ честную, пускай даже самую нѣжную дружбу,
поползновеній грубой чувственности. Они знаютъ страданія р
ности, — и ревность эта едва ли не сильнѣе ревности мужа
женѣ; по крайней мѣрѣ она, не имѣя силы найти ни исх
ни выраженія, уходитъ внутрь и темной тѣнью ложится на
дѣтское міросозерцаніе. Въ семействахъ животныхъ замѣча
нѣчто подобное этой ревности дѣтей — въ тотъ періодъ, ко
щенки еще сосутъ мать...

Дойдя до калитки своего дома, смотрительша робко пр
гласила Эраста Ильича зайти въ горницу.

— Пожалуйте, не побрезгайте, — у насъ сегодня пирогъ пек
можетъ, откушаете.

— Пирогъ-то у насъ, Митревна, постный, съ рыбой; по
они его и кушать не станутъ, — сухо отговаривала старушк

— Есть и скоромное — ватрушки для дѣтей стряпали.

Милоновъ съ улыбкою отказался зайти на пирогъ.

— Я лучше въ другой разъ. А вотъ позвольте мнѣ ваше
молодца затащить къ себѣ въ гости, — примолвилъ онъ, взяв
за подбородокъ Алёшу.

Прикосновеніе мягкой и бѣлой руки барина передерн

лёшу,—точно жаба по шеѣ проползла. Онъ крѣпко ухватился а руку своей бабиньки и шепталъ: «я не хочу, не хочу».

— Чего ты дичишься? стыдно дичиться. Поди, коли тебя риглашаютъ, честь дѣлаютъ, поди! приказала мать, и оконча-льно срѣзала Алёшу; онъ машинально повиновался.

Ловко приподнявъ заломленную на бекрень гусарскую фу-жку, Милоновъ простился и повлекъ за руку Алёшу, который, пустивъ носъ, разсматривалъ заплатку на своихъ сапожкахъ.

Наталья Лаврентьевна, непринимавшая цѣлую недѣлю горя-й пищи, выпила, благословясь, рюмку ерофеича и накинулась рыбный пирогъ съ тою жадностью акулы, какая замѣчается лько въ очень старыхъ людяхъ. Легла соснуть часика на два потомъ весь день до вечерень бродила заспанная, въ однихъ чкахъ, шлыкъ на боку; она томилась жаждой и оглашала мъ громкой икотой, сопровождавшейся попеременно то кре-ненiемъ рта, то пришептыванiемъ «Господи Iисусе, помилуй асъ!»

Послѣ вечерни, за чаемъ, Анна Дмитрiевна сказала:

— И хорошо, что онъ давеча не пришелъ... я учтивость юблюла, да ну его къ Богу!

На эти слова Наталья Лаврентьевна ничего не отвѣтила, а ъ нѣкоторымъ ожесточенiемъ зарядила носъ изъ «московскаго ожара».

Воротился и Алёша, принесъ цѣлый картузъ сахарныхъ рянимовъ и конфектъ съ билетиками, да съ десятокъ хорошень-ихъ раскрашенныхъ гравюръ. Всѣ эти подарки Милонова онъ одѣлилъ между Колей и Алёнкой, а самъ, неохотно отвѣтивъ акъ провелъ въ гостяхъ время, отправился съ Личардой на-аживать чапки [1]).

— Что ты тамъ дѣлалъ? Занятно было? вопросилъ Личарда.

— Ничего.

— А рыжаго того видѣлъ? что надысь словилъ насъ подъ блоней?

— И, нѣтъ; у него тамъ все азiяты прислуживаютъ. Одинъ акой высокiй-высокiй, съ бородой, весь въ зеленомъ; за кушакъ ожикъ заткнутъ, страшный!

— Э-ва! это знать онъ-то и палитъ изъ ружья.

— Ружьевъ у него много,—по стѣнѣ развѣшаны;—сабли, истолеты, арапникъ здоровенный... Трубки такiя длинныя; онъ се трубку куритъ.

— А угощалъ, поди, важно?

[1]) Клѣтка для ловли птицъ, родъ мышеловки.

— Да, хорошо. И пьетъ онъ изъ такого серебрянаго ковшика. Много пилъ, ужасть, какъ много! и меня подчивалъ. Вкусное вино, совсѣмъ не такое, какъ нашъ ерофеичъ. Ну, а потомъ игралъ на гитарѣ, пѣсни пѣлъ. Послѣ, какъ лежалъ, такъ и заснулъ на полу, на такомъ знатномъ коврѣ растянулся, а мнѣ велѣлъ гулять по горницамъ.

— Покои богатые?

— Только одна горница убрана, гдѣ мы сидѣли, — а то все пустыя, стулья поломанные, паутина виситъ; а мышей страсть! такъ и прыгаютъ. По стѣнкамъ картины навѣшаны, ужъ больно старые, совсѣмъ черные, ничего не разберешь. Я ходилъ-ходилъ, скучно стало. Спасибо, попались книжки.

— Съ картинками?

— Нѣтъ, простыя книжки; одинъ «Пѣсенникъ» съ картинкой....

— А ты бы его въ карманъ да и притащилъ бы...

— Ничего мнѣ отъ него не надо... Вонъ онъ сколько гостинцевъ надавалъ, а я ничего себѣ не взялъ. Не надо. И въ другой разъ ужъ ни за что къ нему не пойду. Не хочу!

— Отчего такъ?

— Ужъ такъ!

VII.

Очистившая грѣховную душу и обременившая грѣшную утробу, Наталья Лаврентьевна отправилась во-свояси. Въ домѣ смотрителя водворился обычный порядокъ; дѣти, какъ галчата, цѣлый день кричатъ, а въ девятомъ часу вечера уже весь домъ спитъ; не спитъ одна Анна Дмитріевна, и думаетъ и вспоминаетъ она все такое печальное. «Вотъ ужъ который годъ я замужемъ, а къ отцу всего одно письмо послала и пять рублей денегъ; совсѣмъ забыла мужицкую родню.... съ тѣхъ поръ, какъ барыней стала», — со злостью попрекнула она себя. Петръ Иванычъ тоже вспоминать не любитъ; все говоритъ, оказіи нѣтъ въ ту сторону, а отецъ-то чай въ нуждѣ бьется, сердечный»... Она всплакнула и жизнь ей показалась куда не красна. Про господина Милонова она старалась не думать, и если бы не его вечернія пѣсни, постоянно разливавшіяся по сонной улицѣ, то и совсѣмъ бы, кажется, его забыла. А то эти пѣсни только злили Анну Дмитріевну.

— Вишь гуляетъ, потѣшается, — шептала она, прислушиваясь къ знакомому голосу. — И что это у господъ ничего заправскаго нѣтъ, а все блажь одна? Имъ бы только забава была. И

все, что ни говорятъ они, — пустяки, не надо вѣрить.... Говорятъ окаянный, — окаянный и есть. Вишь какъ заливается!... У, чтобъ-те!...

Вѣдь какъ прежде любила его пѣсни, а теперь и сама понять не можетъ, отчего ее такая лютая злость разбираетъ....

А окошко всякій вечеръ открыто и сидитъ она въ своей теплой кацавеечкѣ. Вдругъ двѣ сильныя руки оперлись о подоконникъ, и черезъ мгновеніе Милоновъ стоялъ передъ нею въ комнатѣ. Онъ улыбался, а взглядъ сверкалъ угрозой и барской властью, непривыкшею встрѣчать сопротивленіе. Она отступила и, прислонясь къ стѣнѣ, мѣрила его глазами, блѣдная, ошеломленная. Еще мгновеніе — онъ заперъ окно, опустилъ занавѣску....

— Разбойникъ ты, разбойникъ!... вырвалось изъ груди Анны Дмитріевны.

Въ ея голосѣ слышался подавленный вопль смертнаго отчаянія.... Но въ немъ звучала и другая нота—исполать-де тебѣ, добрый молодецъ, за твою удаль-отвагу разбойницкую....

VIII.

Петръ Ивановичъ въ халатѣ пилъ чай въ гостинной. Передъ нимъ на столѣ сидѣла маленькая Алёнушка, окруженная куклами и игрушками, привезенными отцомъ. Колька возилъ по полу деревянную пушку, стрѣляющую горохомъ; Алёша разсматривалъ зоологическій атласъ. Всѣ были счастливы возвращеніемъ отца и подарками, невиданными въ уѣздномъ городкѣ.

— А у тебя, Анюта, порядокъ, какъ видно, былъ строгій: подъѣзжаю къ дому еще не свѣтало, а ужъ Орловъ маршируетъ подъ окнами. Что такъ? спрашиваю. Говоритъ: барыня приказала.

— Они чередовались съ Артемьевымъ и Финогеномъ. Все, думаю, лучше: неравенъ часъ.... Да и собакъ нужно разгонять,— а то лаютъ всю ночь подъ окнами, — дѣтямъ заснуть не дадутъ, объясняла Анна Дмитріевна.

— Ладно, хозяюшка! Пойдемъ-ка въ спальню, я долженъ сообщить тебѣ нѣчто поважнѣе собачьяго лая.... Люди не собаки, а подъ часъ не только лаютъ, — кусаются, да еще какъ больно!—съ печальной улыбкой промолвилъ Петръ Иванычъ, идя въ спальню. Анна Дмитріевна пошла за нимъ, суровая, слегка поблѣднѣвшая.

Въ спальнѣ на ея кровати лежалъ лисій салопъ, крытый

атласомъ, — дорогая обновка, только что привезенная мужемъ. Видъ этого салопа какъ-то болѣзненно ущемилъ ея сердце.... Она хотѣла убрать его, чтобъ мужъ сѣлъ на постель, но Петръ Иванычъ остановилъ ее, взявъ за руку, и печально вымолвилъ:

— Аннушка, намъ здѣсь не житье....

Она подняла на него глаза; ждала чего-то ужаснаго. «А вѣдь померѣть легче, чѣмъ это»,—мелькнуло въ ея головѣ.

— Намъ придется отсюда уѣхать.... Со мною поступили безбожно и безчестно. И деньги взяли, и мѣста лишаюсь....

При этихъ словахъ у Анны Дмитріевны отлегло отъ сердца.

— На меня поступилъ безъименный доносъ: будто я недодаю учителямъ жалованья, вымогаю у родителей подарки и деньги... Эхъ, Господи!.. Ты знаешь, вымогаю ли я! Ну, да это бы еще ничего. Только что я по этимъ предметамъ объяснился съ директоромъ училищъ, и кладу этакъ передъ нимъ на столъ сто рублей, онъ вдругъ встаетъ; положилъ деньги въ карманъ и тонъ совсѣмъ перемѣнилъ: «это, любезнѣйшій, все пустяки,—говоритъ,—дѣла житейскія,—кто Богу не грѣшенъ—царю не виноватъ! За это мы казнить васъ не станемъ,—а вотъ тутъ другое про васъ пишутъ, это поважнѣе». Онъ взялъ со стола бумагу и началъ читать; и батюшки мои, чего только тамъ не было!—и вольнодумецъ-то я, масонскія книги читаю, въ Бога не вѣрую, въ храмѣ Божіемъ рѣдко бываю, постовъ не соблюдаю;—и въ домашней-то жизни я самый развратный человѣкъ, пьяница.... Тутъ и про нашего Алёшу выведена вся подноготная.... У меня волосъ на головѣ дыбомъ сталъ. Неугодно ли, говоритъ директоръ, по этимъ статьямъ объясниться и сказать по совѣсти—могу я васъ терпѣть на службѣ, или нѣтъ?—Какъ объясняться?— У меня языкъ отнялся.... «Вы,—говоритъ,—въ нашемъ вѣдомствѣ служить не можете. Не я гоню васъ, а законъ. Учитель долженъ быть человѣкомъ высокой нравственности. Скрыть не могу, извините, потому что все это легко можетъ дойти до его превосходительства, господина попечителя,—ну, а нашего (Магницкаго) вы сами знаете—онъ и меня и васъ упечетъ куда Макаръ телятъ не гонялъ.... Жаль мнѣ васъ,—но что же дѣлать!—Подавайте въ отставку, иначе черезъ три мѣсяца будете уволены съ дурнымъ аттестатомъ. Не просите, не могу,—я вамъ говорю по зрѣломъ размышленіи....» И вышелъ я отъ него, какъ ошпаренный.... Такъ-то, дорогая моя Аннушка,—мы тутъ живемъ съ тобой по простотѣ души и воображаемъ, что мы честные люди; а высшее начальство другой взглядъ на

вещи имѣетъ. Поди, спорь съ нимъ, доказывай!—Петръ Иванычъ горько засмѣялся.

Анна Дмитріевна выслушала разсказъ мужа, подперши ладонью щеку и глядя на него съ тупою, безсознательною печалью. Казалось, она не поняла и половины этихъ служебныхъ каверзъ и ихъ великой важности для мужа.

— Кто-жъ бы это такой—какой ворогъ могъ про тебя такое написать?—спросила она.

— И это извѣстно. Какой тутъ ворогъ! это самый что ни есть первѣйшій пріятель удружилъ.... Отецъ Никонъ.

Анна Дмитріевна всплеснула руками.

— Да, да, это онъ нашъ медоточивый царь Давидъ, что на гусляхъ Господа славословитъ..., Вотъ увидишь, онъ придетъ сегодня же и какое сладкое лобзаніе мнѣ дастъ! А вся штука въ томъ, что свояку его понадобилось сѣсть на мое мѣсто; и дѣло это уже налажено—половина обѣщанной суммы уже вручена директору. Узнавши это, хотѣлъ-было я придти къ нему да и ляпнуть прямо: Леонтій Никифоровичъ, полно намъ съ вами комедію ломать! Давайте на чистоту—сколько обѣщано?—Я дамъ больше.... ха, ха, ха!—Да ужъ такъ—махнулъ рукой на всю эту мерзость!—Мнѣ обѣщано мѣсто чиновника особыхъ порученій при казенной палатѣ въ С—кой губерніи,—а потомъ, дастъ Богъ, буду и совѣтникомъ. Поѣдемъ-ка въ С.—отсюда всего пятьсотъ верстъ. С. городъ хорошій. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей! Не тужи!

Но послѣднее слово было сказано Петромъ Иванычемъ больше для собственнаго ободренія, потому что Анна Дмитріевна казалась не очень опечаленною. Она была равнодушна сколько по собственной субъективной причинѣ—у нея было свое тяжкое горе, котораго, казалось, не выплакать, да и сравнить ни съ чѣмъ невозможно,—столько же и по строю общихъ понятій русской женщины того, да, пожалуй, и иного времени. Русская женщина не только совершенно чужда гражданской жизни, но ее даже вчужѣ не волнуютъ свѣтлыя и темныя стороны общественныхъ порядковъ;—интересы мужа ей близки только по количеству денегъ, выдаваемыхъ на наряды и хозяйство. Отрадныя исключенія чрезвычайно рѣдки, но за то часты исключенія такого рода, напримѣръ, когда барыня управляетъ губерніей, командуетъ полкомъ, завѣдываетъ судомъ и расправой, принимаетъ съ задняго крыльца просителей,—или, наконецъ, интригуетъ въ дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ;—но да избавитъ насъ Богъ отъ такихъ безшабашныхъ гражданокъ...

Послѣ обѣда, дѣйствительно, явился отецъ Никонъ и далъ

троекратное братское лобзаніе «многоуважаемому» Петру Иванычу. Однако смотритель былъ съ нимъ весьма сдержанъ, холоденъ, неразговорчивъ; это замѣтилъ даже и Алёша. Когда попъ ушелъ, Алёша слышалъ, какъ отецъ сказалъ матери: «Іуда Искаріотскій!» — а та отвѣтила, что про-межъ народа ходитъ старинная поговорка: «доносчику первый кнутъ...»

Не зная въ чемъ суть дѣла, Алёша однако подумалъ, что попъ Никонъ долженъ быть дурной человѣкъ и сдѣлалъ отцу зло. Перебирая въ памяти своей все что относилось къ Никону, Алёша пришелъ наконецъ къ положительному заключенію, что онъ и не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ, потому что дѣтей сѣчетъ розгами немилосердно; апостола называетъ извергомъ и всегда какъ-то подозрительно жмуритъ свои лукавые, масляные глазки, точно къ тебѣ въ душу хочетъ заглянуть...

IX.

Господинъ Милоновъ свирѣпствовалъ. Съ утра до глухой ночи по саду раздавался свистъ, лай, атуканье и ружейная пальба.

Горящіе пыжи залетали въ садъ смотрителя; двѣ-три пули попали въ заборъ на противуположной сторонѣ улицы. Мимо дома проходить стало небезопасно.

Особенно пугала эта пальба Наталью Лаврентьевну; при каждомъ выстрѣлѣ старушка, даже сидя въ комнатѣ, взвизгивала и оборонительно поднимала надъ головою руки, какъ будто ожидая, что вотъ-вотъ упадетъ на нее бомба. Увидя поднятый на дворѣ Алёшею горящій пыжъ, она не своимъ голосомъ завопила:

— Спалитъ онъ, злодѣй, насъ! — безпремѣнно, извергъ, спалитъ! — и не услышимъ, какъ вдругъ всѣ въ полымѣ очутимся.

— Да какъ же спалитъ, бабинька? — Нешто отъ этого можетъ полымя вспыхнуть? — спросилъ Алёша.

— Извѣстно; попади этакая зажженная пакля въ солому, али въ сѣно. Вотъ и вся недолга, — въ моментъ пожарище вспыхнетъ. А еще нонѣ сушь такая стоитъ, бѣда!

Хотѣли жаловаться городничему, но оказалось, что отецъ и благодѣтель города самъ въ страшной переполохѣ. Какъ чиновникомъ гражданскимъ, имѣвшимъ мирныя дѣла больше съ купцами да мѣщанами, имъ овладѣлъ трусъ, и онъ собиралъ даже военный совѣтъ — изъ начальника инвалидной команды, смотрителя острога и уѣзднаго форстмейстера. На совѣтъ былъ при-

глашенъ еще одинъ исключенный изъ службы повытчикъ Запрыгинъ, какъ спеціалистъ по части ружейной охоты, но оказался мало полезнымъ, ибо съ недѣлю тому назадъ запилъ (онъ, по несчастью, страдалъ запоемъ) и на всѣ предлагаемые ему вопросы только мычалъ, а потому немедленно запертъ въ кутузку для отрезвленія,—авось потомъ на что-нибудь пригодится. Военный совѣтъ рѣшилъ вступить съ воителемъ въ мирные переговоры и предложить ему упражнятся въ стрѣльбѣ на городскомъ выгонѣ, чего ради послать парламентеромъ квартальнаго; но квартальный воротился весь мокрый и съ оторваннымъ обшлагомъ, и объявилъ, что разговаривать съ *ними* благороднымъ манеромъ невозможно, потому что находятся въ нетрезвомъ видѣ, «велѣли своимъ гайдукамъ вылить на меня ведро квасу и угрожали пущимъ насиліемъ»....

Что было дѣлать? Инвалидный начальникъ предложилъ собрать свою «негодницу» и учредить вокругъ дома господина Милонова караулъ, но по мнѣнію другихъ членовъ, это могло бы повести къ кровопролитію и недостигало цѣли. Городничій въ особенности стѣснялся губернаторскимъ секретнымъ ордеромъ; онъ перечитывалъ его десятки разъ и не могъ понять, какъ ему надлежало дѣйствовать въ настоящемъ, непредвидѣнномъ случаѣ. «Имѣть бдительный надзоръ и неослабное наблюденіе, памятуя между прочимъ, что дворянинъ сей, въ разсужденіи правъ персональныхъ, пользуется всѣми огражденіями, благородному россійскому дворянству присвоенными. Во всемъ прочемъ имѣете вы поступать на точномъ основаніи закона и по исполненіи неукоснительно доносить мнѣ».

— Вотъ оно это проклятое «памятуя» да «во всемъ прочемъ»,—горячился городничій, тыкая пальцомъ въ бумагу;—и поступай тутъ какъ знаешь!—Вѣрите ли, господа, нѣтъ той бумаги, въ которой бы не было подобной закорючки. Читаешь-читаешь, ничего не поймешь да такъ и предашься на волю Божію!—Это они въ губерніи нарочито такъ темно пишутъ, на пагубу нашего брата. Ей-ей!—Начнешь дѣйствовать по усмотрѣнію—опять бѣда: какъ смѣлъ разсуждать?—порядокъ службы не терпитъ разсужденій.... Я уже давно этакія бумаги постигъ?—складываю ихъ въ одно мѣсто,—да и не подхожу, сторонюсь, какъ отъ нечистой силы.... То ли дѣло взысканіе казенныхъ недоимокъ и иныхъ статей.... Это самое любезное дѣло!—Тутъ ты вѣдаешься съ народомъ простымъ, смирнымъ, и польза есть, и въ случаѣ чего, всегда отписаться можно.... А то пришлютъ въ городъ этакую чортову куклу, носись съ ней—и прикоснуться не смѣешь, и себя бережешь—а отвѣтственность страшная!

Наконецъ, рѣшено было оставить господина Милонова въ покоѣ,—авось самъ угомонится,—поставить двухъ будочниковъ, чтобы не пропускать народъ проходить по улицѣ мимо его дома, а о случившемся послать въ губернію секретный рапортъ.

Милоновъ освирѣпѣлъ съ того вечера, какъ увидѣлъ стражу у окна Анны Дмитріевны. Онъ не то чтобы испугался, или встрѣтилъ неодолимое препятствіе своимъ разбойническимъ подвигамъ — убрать этого инвалида ничего не стоило, но почувствовалъ жестокую обиду. Онъ думалъ властвовать безгранично, думалъ, что его боятся и любятъ, какъ существо выходящее изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ, — а тутъ вдругъ противъ него приняты такія пошлыя, совсѣмъ не романическія мѣры, какъ противъ уличнаго воришки,—сторожъ съ дубинкой... Ему захотѣлось мстить, мстить на всемъ и на всѣхъ. Мертвецки пьяный онъ валялся по-полу, съ пѣною у рта кричалъ «приведите мнѣ Аннушку... Аннушку подайте!» Потомъ плакалъ на взрыдъ и съ сентиментальностью дикаря хотѣлъ умереть, разлученный съ предметомъ своей пламенной страсти, или убить кого-нибудь и пойти въ Сибирь, чтобъ знала жестокая, что черезъ нее погибъ человѣкъ...

Петръ Иванычъ только-что воротился изъ училища, семья собиралась обѣдать; вдругъ съ трескомъ растворилась на отмашь калитка, и показался господинъ Милоновъ.

Онъ шелъ нетвердыми шагами, едва попалъ на ступеньки крыльца, опрокинулъ въ передней вѣшалку и, войдя въ гостиную, тяжело опустился на первый попавшійся стулъ.

Семья смотрителя въ испугѣ попряталась, защелкали въ дверяхъ замки. Петръ Иванычъ немного блѣдный вышелъ къ непрошенному гостю. Алёша въ дѣтской не усидѣлъ, — выскочилъ съ Личардой въ переднюю и сталъ за дверью; ему было любопытно, что случится,—и за отца страшно...

— Имѣю честь ррекомен-доваться,—замычалъ, Милоновъ, невставая. Эрастъ Милоновъ... а ты мнѣ отдай Аннушку... я тебѣ полсостоянія... озолочу... подавишься моимъ золотомъ...

— Извините,—робко заговорилъ Петръ Иванычъ,—вы вѣрно ошиблись... не туда зашли...

— Врешь, рябчикъ!.. я знаю куда зашелъ... подьячій ты, строка!.. Подавай сюда Аннушку... Убью, коли честью не хочешь,—заревѣлъ пьяный гость.

Алёша не вытерпѣлъ, бросился къ отцу.

— Я васъ покорнѣйше прошу выдти изъ моего дома,— твердо и строго сказалъ смотритель.

— Постой... чернильная душа!.. это Аннушкинъ сынишка... ну-да! поди сюда, щенокъ... поди, я те голову сверну...

И, махая руками, Милоновъ поймалъ Алёшу за полу, притянулъ къ себѣ и, положивъ руку ему на голову, глядѣлъ на него какъ-то безсмысленно, качая головой.

Алёша не вскрикнулъ, оцѣпенѣлъ, только чувствовалъ, что рука, будто свинцовая гиря, придавила его темя.

— Оставьте ребенка! что вы, разбойничать пришли?.. Эй, люди!—крикнулъ отчаяннымъ голосомъ Петръ Иванычъ, и кинулся отнимать Алёшу.

Милоновъ приподнялся, размахнулся кулакомъ,—Петръ Иванычъ наклонился, кулакъ пролетѣлъ надъ его головой, а за нимъ и весь корпусъ господина Милонова грузно хлопнулся на полъ. Вбѣжали люди, взяли посѣтителя за ноги и за руки и понесли вонъ изъ комнаты. Онъ даже не барахтался, хрипѣлъ, его душили отвратительные позывы тошноты. Пьяные глаза налились кровью.

Орловъ, Артемьевъ и Финогенъ вынесли тѣло на улицу, прислонили къ частоколу и, воротясь, заперли ворота и калитку на запоры.

Въ домѣ смотрителя словно смерть прошла. Обѣдъ разстроился; отецъ шагалъ по комнатамъ блѣдный, мрачный, все твердилъ: «зачѣмъ? почему? съ какого повода?» мать плакала... Бодрствовала только одна Наталья Лаврентьевна. Всѣ ругательныя слова, какія только знала, старушка высыпала на имя Милонова. Она весьма неискусно и неловко мѣшала Петру Ивановичу остаться наединѣ съ женой, и старалась свести разговоры на капусту, соленья огурцовъ и другіе невинные предметы. Петръ Иванычъ наконецъ замѣтилъ маневры старухи и сказалъ, что ему нужно поговорить съ Аннушкой съ глазу-на-глазъ.

— О чемъ тебѣ съ ней говорить? Разѣ не видишь, бабѣ отъ испуга да отъ стыда на бѣлый свѣтъ глядѣть тошно, а онъ разговаривать хочетъ!.. Ты разговаривай лучше со мной: я тебѣ всѣ резоны представлю... И старушка разсказала ему встрѣчу на улицѣ послѣ обѣдни; оказалось, что Аннушка виновата въ томъ, что вступила въ разговоръ съ незнакомымъ бариномъ и пригласила его зайти на пирогъ.

— По настоящему, конечно, она и взглянуть на него не должна бы,—прибавила Наталья Лаврентьевна. Да что станешь дѣлать!.. нонѣ нравы стали вольные, почали моды заводить,—и все съ тѣхъ поръ повредилось, какъ французъ пришелъ. Въ старину на этотъ предметъ лучше было и благочестія въ народѣ было больше. Бывало дѣвку, али замужнюю такъ держали,

что посторонній глазъ и лица-то ея никогда не видитъ;—а теперь сами виноваты: говорятъ, учтивство надо соблюдать, а черезъ это учтивство-то къ женскому полу и соблазнъ въ міръ входитъ.

— И только... больше ничего не было? нерѣшительно спросилъ Петръ Иванычъ.

— А ты чего еще захотѣлъ? Да что ты это въ голову взялъ? До нешто она у тебя таковская, жена-то твоя? напустилась на него старуха. Никакъ ты, отецъ, съума своротилъ! Я у нее цѣлу недѣлю тутъ гостила. Женщина смирная, богобоязненная, а одно, что какъ она изъ крестьянскаго происхожденія, такъ не можетъ къ господскимъ порядкамъ примѣниться; думаетъ по простотѣ какъ-бы учтивство соблюсти, анъ иной разъ не попадетъ въ настоящій манеръ. Вотъ что!.. а то какъ можно! Да опять же, возьми ты, отъ лихого человѣка развѣ можно уберечься? Ужъ коли злой человѣкъ, такъ отъ него ни крестомъ, ни пестомъ, ни молитвой. Это вонъ все равно, какъ Пугачъ ходилъ (старуха свернула на свою любимую тему); мало онъ злодѣйскихъ дѣлъ натворилъ? Дворянскихъ женъ и дочерей въ полонъ бывало заберетъ, да вся шайка-то его и почнетъ надъ ними потѣшаться... разбойство, насиліе... вымолвить непригоже. А потомъ дня черезъ три отпуститъ, да еще моли Бога, что живую отпустилъ... И что-жъ ты думаешь — чѣмъ эти несчастныя бабы виноваты? Что-жъ мужья-то да отцы по твоему должны были дѣлать? Казнить ихъ, прогнать, али на народное посмѣяніе выдать? Этого и въ законѣ не показано. Жили себѣ, оплакиваючи втихомолку божеское попущеніе, — и никто корить не смѣлъ. Такъ-то. Ну, у тебя, Богъ миловалъ, ничего такого не дѣялось,—и то вонъ она, голубка, плачетъ; и не стыди ты ее, Петръ Иванычъ, сдѣлай милость, плюнь на все это. А этотъ господинъ Милоновъ, говорю тебѣ, тотъ же Пугачъ, да еще хуже Пугача, потому того по крайней мѣрѣ словили, въ клѣтку заперли и лютой казни предали, а этому что сдѣлаешь? Вольный баринъ! Да еще, пожалуй, онъ тебя шпагой проткнетъ, или какъ застрѣлитъ — и такая у нихъ тоже мода есть. Плюнь да отчурайся!

Петръ Иванычъ крѣпко задумался надъ словами старухи. На душѣ его стало теплѣе, онъ успокоился и за чаемъ былъ необыкновенно нѣженъ съ женою; ухаживалъ за нею, какъ ухаживаютъ за другомъ, перенесшимъ тяжкую болѣзнь. Однако воображеніе его было сильно раздражено: ему всю ночь чудился Пугачъ въ образѣ Милонова, или Милоновъ въ образѣ Пугача, и пробѣгала передъ нимъ вереница всѣхъ ужасовъ Пугачев-

скаго разгула; онъ вздрагивалъ и шепталъ. «Господи, помилуй насъ!.. да вѣдь это требуетъ мести, крови...» и какъ всѣ тихіе, смирные люди, онъ съ особеннымъ, болѣзненнымъ наслажденіемъ примѣривалъ на себѣ роль безпощаднаго, жестокаго мстителя...

Но мститель нашелся другой.

X.

На другой день Алёша проснулся на зарѣ, накинулъ сѣренькій ватошный халатикъ и потихоньку пробрался въ кухню. Катерина затопила печь, поставила горшки и пошла на базаръ. Въ кухнѣ остались только Алёша съ Личардой. Пошептались они межъ собой и, подпоровъ подкладку халатика, Алёша надергалъ изрядный комъ ваты.

— Ну, а какъ не подѣйствуетъ? замѣтилъ Личарда.

— Молчи. Бабинька говорила, что отъ одного пыжа и то пойдетъ; надо только въ сѣно да въ солому.

За тѣмъ Алёша выгребъ изъ печки уголекъ, завернулъ въ вату, еще подулъ,—и сообщники бѣгомъ пустились черезъ знакомую лазейку.

Солнце еще не всходило. На травѣ и листьяхъ лежалъ ранній сентябрьскій утренникъ. Мальчики остановились у знакомой яблони.

— Ну, ты стой тутъ, — командовалъ шепотомъ Алёша. И коли что увидишь, закричи, а самъ драло... Пусть ужъ я одинъ... слышь, улепетывай!.. я одинъ...

Личарда сталъ за деревомъ, и не только всматривался и прислушивался, онъ разнюхивалъ воздухъ. Было слышно біеніе его сердца. Алёша, согнувшись, прокрался къ дому съ боковой стороны, мигомъ вскарабкался на лѣстницу, приставленную снаружи къ слуховому окну. На мгновеніе онъ пропалъ изъ глазъ Личарды...

Послѣ ночного пьянства весь домъ спалъ мертвецки: даже собаки, свернувшись калачикомъ, лежали неподвижно у конюшни.

Черезъ нѣсколько минутъ мальчики, не помня себя, бѣжали обратно къ своей лазейкѣ; присѣли за навозъ духъ перевести. Алёша легъ на спину, какъ человѣкъ потрудившійся; онъ глядѣлъ самоувѣренно и гордо на дрожавшаго, посинѣлаго Личарду.

— Подождемъ тутъ,—сказалъ онъ. Вишь я всѣ пальцы пе-

режегъ, проклятая вата прогорѣла... Пузыри будутъ... да ништо... А ну, глянь-ка, есть?

— Нѣту ничего... я говорилъ, что не пойдетъ...

Потянулъ легкій вѣтерокъ, какой всегда бываетъ съ восходомъ солнца. На верхушкахъ деревьевъ заигралъ розовый блескъ.

Вдругъ крыша Милоновскаго гнѣзда будто зѣвнула и изъ зѣва ея вылетѣлъ клубъ чернаго дыма. Въ ту же минуту съ легкимъ трескомъ струйки того же чернаго дыма стали пробиваться во многихъ мѣстахъ сквозь гнилую солому и слились въ одинъ столбъ, высоко и прямо поднявшійся надъ домомъ. Еще мгновеніе—и длинные языки краснаго пламени, торопливо вырываясь изъ густого дыма, побѣжали по крышѣ.

Съ улицы кто-то закричалъ,—послышался тяжелый топотъ бѣгущаго человѣка... тревога зашевелилась кругомъ...

Маленькіе поджигатели сидѣли уже въ кухнѣ и ковыряли изъ горшка остатки вчерашней каши.

Скоро весь городокъ былъ на ногахъ и въ смятеніи толпился передъ пожарищемъ. Нѣкоторые обыватели прибѣжали съ топорами и ведрами; позже всѣхъ явилась полиція и пожарная команда съ однимъ не совсѣмъ исправнымъ брандсбоемъ, но безъ бочекъ, которыя предварительно поѣхали на рѣку за водою. Впрочемъ тушить разгулявшійся огонь было невозможно, да и безполезно.

Милоновъ въ халатѣ стоялъ спокойно на дворѣ и курилъ трубку. Лошадей его изъ конюшни вывели, экипажъ выкатили, ружья и ковры вынесли, а объ остальномъ онъ не только не горевалъ, даже радостно покрикивалъ, когда огонь забиралъ какой-нибудь уцѣлѣвшій уголъ. Усердныхъ гасителей баринъ разгонялъ арапникомъ. Крыша рухнула, поднявъ ураганъ искръ и пыли.

— Вотъ славно!.. лихо!.. вали его!.. Ай-да пожаръ! Умнѣе этого пожара я еще не видывалъ!.. любовался Милоновъ.

Дѣйствительно, пожаръ былъ «умный». Горящій домъ стоялъ совсѣмъ особнякомъ посередь широкаго двора, однимъ только фасомъ, съ котораго начался огонь, примыкалъ къ саду; конюшня и сарай стояли далеко; горѣть кругомъ было нечему, только близкія деревья пострадали, — листья затлѣли, свернувшись въ трубочку, сучья обуглились. При совершенномъ безвѣтріи сосѣдніе дома были въ полной безопасности.

Городничій вѣжливо, по-военному поздоровался съ Милоновымъ и предложилъ поселиться въ его домѣ.

— Благодарю. Не надо—отвѣтилъ онъ тономъ начальника.

У васъ такой поганый городишко, что нѣтъ ни одной гостиницы. Я перейду пока на почтовую станцію.

Отвернувшись къ толпѣ, городничій съ облегчительнымъ вздохомъ примолвилъ:

— Ну, логово сгорѣло, авось и медвѣдя отъ насъ выведутъ!

Изъ сосѣдей только одинъ домъ смотрителя подвергался нѣкоторой опасности; тамъ начали-было укладываться, но Артемьевъ, постоявъ на дворѣ съ поднятой къ верху ладонью, убѣдился, что вѣтра почти нѣтъ и успокоилъ Петра Иваныча. Орловъ едва разогналъ толпу бабъ и ребятишекъ, которые лѣзли въ окна, напрашиваясь помогать выносить пожитки.

Петръ Иванычъ не велѣлъ трогать изъ комнатъ ни одного стула, однако же на всякій случай вынулъ изъ сундука толстенькій сафьянный бумажникъ, обвязанный ленточкой, положилъ его въ боковой карманъ и принялся отбирать на письменномъ столѣ болѣе важныя бумаги. Углубленный въ эти занятія онъ едва замѣтилъ, что сзади его въ комнатѣ кто-то давно уже всхлипываетъ и сморкается.

— Что съ тобой? окликнулъ Петръ Иванычъ.

— Ничего.... отозвался Алёша, прижавшійся лбомъ къ стѣнѣ.

— О чемъ же хнычешь? Пошелъ къ матери, не мѣшай.

— Папинька... это я... я виноватъ... — глотая слезы, прошепталъ мальчикъ.

— Въ чемъ виноватъ?—Опять что-нибудь набѣдокурилъ!— строго поворотился къ нему отецъ.

— Я... я одинъ... накажите меня, какъ угодно... только я одинъ... виноватъ... Яшки не было... я зажегъ крышу...

Отецъ бросилъ бумаги и кинулся на него. Алёша зажмурился, безропотно отдавая себя на жестокую расправу...

Но онъ почувствовалъ, что отецъ крѣпко прижалъ его къ груди, отираетъ ему глаза и носъ, цѣлуетъ въ голову и съ нѣжностью шепчетъ: «молчи, сынокъ,—молчи, милый... Вѣдь ты мой голубчикъ родной... Не дамъ я тебя никому въ обиду... только молчи, умничекъ, молчи...»

XI.

Какъ ни тяжело семьянину разставаться съ насиженнымъ гнѣздомъ, однако Петръ Иванычъ старался ускорить свой выѣздъ. Жизнь въ городкѣ ему стала тяжела, занятія и предметы, лю-

безные сердцу, къ которымъ успѣлъ-таки и привыкнуть, тепе[рь]
опротивѣли. Думалось ему даже, что тутъ онъ напрасно уби[лъ]
свои лучшіе годы, и что впереди — въ губернскомъ городѣ —
ждетъ его болѣе широкая и привлекательная дѣятельность. Н[е]
такъ смотрѣла на дѣло Анна Дмитріевна; ей и вообразить-т[о]
было трудно, какъ все это благоустроенное хозяйство долж[но]
разориться, и возможно ли въ новомъ мѣстѣ такъ же уют[но]
устроиться? Ей казалось, что какъ только они отсюда выѣд[утъ],
то и пойдутъ мыкаться по бѣлу-свѣту безъ надежнаго приста-
нища—и никогда ужъ не согрѣютъ себѣ постояннаго мѣстечка.
Сообщила она мужу свои опасенія и предчувствія, а тотъ ещ[е]
больше напугалъ ея лѣнивую неподвижность: конечно, говоритъ,
и въ губерніи засиживаться нечего; подростутъ дѣти—въ сто-
лицу махнемъ,—тамъ и я найду себѣ настоящее дѣло. Там[ъ]
свѣтъ, а тутъ что?

Крупныя и цѣнныя статьи хозяйства кое-какъ распродал[и],
а мелочь раздарили. Кто станетъ покупать, когда тутъ люд[и]
живутъ, ни въ чемъ не нуждаясь! Домашній скарбъ и обиход[ъ]
у всякаго заведенъ кажется на два вѣка; среди сонной, апатичной
жизни и вещи-то какъ будто спятъ, неизнашиваются.

Алёшѣ было жалко разстаться съ своими «дядьками»—впро-
чемъ, отецъ обѣщалъ и этихъ служакъ со временемъ перетащить
въ С—кую губернію. Замѣчательно выразилась ихъ преданность:
они оба просили уволить ихъ изъ училища,—коли не съ Пет-
ромъ Иванычемъ, такъ мы и служить не хотимъ! Новый-то еще
неизвѣстно каковъ будетъ, а этотъ былъ для насъ—и отца не
надо.—Впрочемъ, не одни сторожа у насъ смотрятъ такимъ об-
разомъ на свою службу.

Бабинька тоже не мало слезъ пролила. Въ семьѣ Слободиныхъ
она была дѣйствительно родная: живя на свѣтѣ лѣтъ семьдесятъ,
прапорщица всю родню свою растеряла. Сказывали проѣзжіе
купцы, что гдѣ-то, въ Наровчатѣ кажется, живетъ ея дво-
родная племянница, замужемъ за лекаремъ,—и хорошо живетъ,—
только Наталья Лаврентьевна и не думала къ ней навѣдаться.
Здѣсь у нея былъ какой ни на есть, а все-таки свой домишко,
получала пенсію, добрые люди и особенно Петръ Иванычъ—
дай Богъ здоровья—помогали; а тамъ что?—И городъ-то такой,—
вонъ говорится же: «Наровчатъ — одни колышки торчатъ»...

— А къ вамъ, мои внучонки милые,—говорила она дѣтямъ,—
безпремѣнно пріѣду. Выростете, будете умниками—и бабиньку
свою не забудете. Хоть помирать, а все-таки къ вамъ пріѣду,—
легче будетъ душѣ съ тѣломъ разставаться.

Лишь только установился первый санный путь, Петръ

Иванычъ купилъ двое окованныхъ розвальней, къ которымъ Финогенъ съ Орловымъ придѣлали кибитки, обили внутри войлокомъ, снарядили какъ слѣдуетъ. Ямщики были договорены знакомые, надежные, и съ условіемъ везти до самаго губернскаго города С., не сдавая другимъ, а то съ этими сдаточными всегда непріятности выходятъ. А везти не меньше 30-ти верстъ въ день. Въ тѣ времена семейные люди все такъ ѣздили — и переѣзды тянулись иногда по мѣсяцу. Спѣшить было некуда, а оно покойно и дешево.

Въ день выѣзда явился отецъ Никонъ, побуждаемый собственнымъ усердіемъ отслужить напутственный молебенъ, при пожеланіи счастія и успѣховъ.—И спокойный Петръ Иванычъ не выдержалъ.—Что-жъ вы, за круглаго дурака что ли меня считаете? вспылилъ онъ. — Лицемѣріе ваше ужъ давно мнѣ извѣстно. Я молчалъ—полагалъ, что въ васъ заговоритъ совѣсть.—Увы!—я ошибся. И можетъ ли быть совѣсть у человѣка, который одной рукой пишетъ доносы, а другой обнимаетъ свою жертву! Мнѣ отвратительны были ваши лобзанія и... не надо вашихъ благословеній!..—Попъ Никонъ не отвѣтилъ ни однимъ словомъ, а, подобравши подрясникъ, улепетнулъ безъ оглядки.

Пришелъ и Фортификантовъ. Онъ нѣсколько скорбѣлъ, что лишается заработка: рубль въ мѣсяцъ все-таки подспорье бѣдному человѣку. За то ему былъ подаренъ старый хомутъ съ шлеей и возжами. Онъ казался весьма тронутъ ласковымъ вниманіемъ, хотя, по неимѣнію лошади, могъ надѣть этотъ подарокъ развѣ только на собственную выю. Наставникъ искренно заплакалъ, цѣлуя Алёшу, — предсказывалъ ему великую будущность и робко, безнадежно просилъ:

— Найдите вы тамъ моего родного братишку, семинариста Сіонскаго... Онъ весьма бѣдствуетъ; а малый смышленный, учится похвально; онъ отслужитъ вамъ при случаѣ... Не забудьте, Сіонскій Андріянъ.

Бабинька разсовала по разнымъ мѣшечкамъ крендельки, булочки и пирожки собственнаго издѣлія. Отъѣзжающіе усѣлись— въ одну кибитку Петръ Иванычъ съ женой и Алёнушкой, Финогенъ на облучкѣ; въ другую Алёша, Коля и Личарда съ матерью,— и двинулись въ путь-дорогу. Порошилъ мелкій снѣжокъ. Провожавшіе стояли у воротъ безъ шапокъ до тѣхъ поръ, пока кибитки поворотили къ спуску на рѣку и пропали изъ вида.

Однообразна и бѣдна впечатлѣніями зимняя дорога. Бѣлыя равнины, обнаженные лѣса, опять равнины, морозъ, фырканье лошадей и визгъ полозьевъ,—все клонитъ ко сну, не возбуждаетъ

работу мысли, заставляетъ уйти ее въ заколдованный міръ старыхъ воспоминаній, пережитыхъ думъ и ощущеній.

На четвертый или на пятый день путешественники заѣхали въ большое селеніе. Вечерѣло; по избамъ зажигались скудные огоньки.—Вези къ священнику!—закричалъ Петръ Иванычъ, высунувшись изъ кибитки. Подъѣхали къ деревянной церкви, облѣпленной стаей крикливыхъ галокъ, усѣвшихся на ночлегъ.—Остановились; отецъ пошелъ въ какой-то домишко и немного погодя воротился, сопровождаемый священникомъ и мужикомъ.—Ступайте дальше, вотъ человѣкъ покажетъ, куда ѣхать,—сказалъ священникъ.

Проѣхали черезъ всю деревню, поднялись на косогоръ и остановились у большой новой, крытой тесомъ избы, стоявшей особнякомъ. Пока отворяли скрыпучія ворота, дѣти высунули свои носы изъ кибитки и подъ крутымъ обрывомъ увидѣли широкую синеватую полосу, на которой тамъ-и-сямъ чернѣли разбросанныя бревна, опрокинутыя на бокъ лодки и извивалась наискосокъ дорожка, протоpенная къ недалекому сосновому бору.

—Это рѣка большая,—пояснилъ ямщикъ.

—Ахъ, лѣтомъ тутъ славно должно быть!—вырвалось у Алеши.

Во дворѣ и въ сѣняхъ слышались радостныя восклицанія. «Батюшка!—Аннушка!—Петръ Иванычъ!—Дмитрій Логинычъ!—Вотъ Господь радость послалъ!... «Тащи ребятишекъ-то въ горницу!—»

Въ жарко натопленную просторную избу, вмѣстѣ съ клубами пара, ввалили всѣ пріѣхавшіе. Хозяинъ суетился: вынесъ вонъ какіе-то канаты; каганецъ съ лучиною замѣнилъ сальною свѣчей въ желѣзномъ шандалѣ,—и побѣжалъ отпустить ямщикамъ сѣна и овса. Финогенъ вносилъ вещи; Катерина ставила самоваръ.

Когда порядокъ установился и вся семья Слободина сидѣла на лавочкахъ вокругъ кипѣвшаго самовара, снова вошелъ хозяинъ. Это былъ мужикъ высокій, худой, но широкоплечій, съ русою рѣденькой бородкой, лѣтъ немного за сорокъ; въ синей рубахѣ и сапогахъ. Анна Дмитріевна встала, подошла къ нему и хотѣла упасть на колѣни; онъ не допустилъ и, поцѣловавъ троекратно, долго смотрѣлъ ей въ лицо, поглаживая по головѣ мозолистой рукою. Въ глазахъ его стояли слезы. Аннушка почтительно поцѣловала его руку,

—Ну, садись, Дмитрій Логинычъ, садись—приглашалъ Петръ Иванычъ.

—Постой, Петръ Иванычъ. Это твои парнишки-то... и дѣвчонка.... только трое?—

—Трое.—

—Чево такъ? По настоящему тебѣ съ этакой бабой, какъ Аннушка, слѣдовало бы цѣлую дюжину припасти.—Ну, познакомимся... у дѣдушки вона какая борода-то, мочалка!—Непріятно то, а все поцѣловаться надо,—нельзя, внучки вѣдь!

Анна Дмитріевна назвала дѣтей по именамъ; всѣхъ охотнѣе пошла къ дѣдушкѣ Алёнка.

Ловко посадивъ дѣвочку на лѣвую руку, Дмитрій Логинычъ сѣлъ къ столу и принялъ отъ дочери чашку чая.

—Душевно радъ, что вижу тебя въ такомъ положеніи. Мы съ женой частенько бывало тужимъ, какъ-то ты тутъ бѣдуешь? А ты слава тебѣ Господи!—Разскажи пожалоста, какимъ это манеромъ случилось, что ты хозяиномъ сталъ, да еще богатѣемъ?—

—Богъ счастья послалъ, Петръ Иванычъ!—мужику вѣдь никто, какъ Богъ... Барыня наша померла и всѣ мы, значитъ, сынку достались. Пріѣхалъ онъ изъ Питера, привезъ управителя изъ нѣмцевъ; завелъ у насъ новые порядки,—только мы и видѣли его. Мое положеніе, самъ знаешь, каково было. Что садовникъ, что дворовый — все одно слово, — бобыль безсемейный. А тутъ Карла Карлычъ взялъ новаго садовника изъ своихъ, тоже нѣмца, а меня въ конюхà опредѣлилъ, за то, что я ему не уважилъ. Что дальше, то хуже. Не могу ему покориться и шабашъ, — душа претитъ. Ну, ужъ и онъ меня выглаживалъ... Сталъ я проситься въ тягло къ брату,—куды!—Ни подъ какимъ видомъ. А самъ все лютѣй. Притѣсняетъ, просто хоть руки на себя накладывай.—Ахъ, въ ротъ-те лыко!—думаю, что тутъ дѣлать?—Только—слушай—какъ бывши еще садовникомъ-то, ѣзжалъ я въ городъ и дѣлалъ тамъ прививки въ саду у купца Гаврилы Федулыча Конникова—можетъ слыхали—богатѣйшій купецъ, не то что по нашимъ мѣстамъ, а и въ Москвѣ почтеніе имѣетъ. Только онъ заприметилъ меня, стало быть, что дѣло свое понимаю... И полюбился я ему сильно, угодилъ.—Вотъ я къ ему; такъ-и-такъ, разсказалъ свою причину. Порѣшилъ онъ выкупить меня на волю. Я въ ноги.—Однако не удалось, потому баринъ отписалъ, что энто баловство, а коли не хочетъ, молъ, служить, такъ сослать на поселеніе. Долго хозяинъ вождался съ нѣмцемъ и денегъ не жалѣлъ: мнѣ што, баитъ, Митрій—наплевать!—а какъ ты можешь меня не уважить, когда я энтого хочу? Вѣдь ты меня позоришь, нехристь поганая!—Ну, однако покончили на томъ, что не то я вольный, не то крѣпостной—и самъ не знаю!

—Какъ же это такъ?

— А такъ. Гаврило Федулычъ купилъ меня, да не на св[...] имя, потому купецъ, а на одного судейскаго секлетаря. А сл[...] жу я ему; и вотъ теперича онъ мнѣ избу поставилъ, обрядилъ,— какъ видишь, все отъ Гаврилы Федулыча. Мы тутъ лѣсъ е[...] сплавляемъ, плоты гонимъ—и я какъ-бы замѣсто прикащи[...] грѣхъ сказать, житье хорошее, всѣмъ доволенъ. Ну, а ка[...] вдругъ энтотъ секлетарь къ себѣ потребуетъ,—ты мой, дескать. Что я тогда?—сказывалъ я Гаврилѣ Федулычу, не равенъ-мо[...] часъ, либо ты помрешь, либо секлетарь, какое мое тогда б[...] детъ званіе?—Такъ онъ даже выругалъ меня;—на волю, гово[...] ритъ, подлецъ, захотѣлъ. А я: да ужъ коли будетъ такая ва[...] великая милость, все одно я вашъ рабъ и повиненъ служить [...] гробъ. Посумнился,—врешь, говоритъ, обманешь. Оно и точн[...] Петръ Иванычъ, коли по совѣсти молвить, я бы обманулъ. Чу[...] вольный, сейчасъ бы ушелъ...—Дмитрій разсмѣялся.

— Зачѣмъ же, вѣдь онъ твой благодѣтель?

— Хоша бы и то, а воля-то, чай, прежде насъ родилась.. хе-хе.—Теперича вотъ лѣсное дѣло я понялъ во всей тонкост[...] да будь вольный человѣкъ—почемъ знать—самъ бы въ хозяе[...] вышелъ! Нетокма что съ полѣсовщиками, объѣздчиками,—съ са[...] мимъ лѣсничимъ умѣю обойтись. У меня бы самовольной по[...] рубки никогда не произошло, небось!—И зналъ бы я, что изба— моя, скотина—моя, все мое. Силу бы получилъ. Да какъ можно[...] вольный человѣкъ самъ себѣ голова, а не то что взяли тебя, д[...] взашей. Мы это тоже смѣкаемъ.

Алёша впился въ разсказы дѣдушки. Въ нихъ ему слыша[...] лось что-то знакомое, вполнѣ созвучное съ тѣмъ строемъ понятій[...] до которыхъ его маленькій умишко успѣлъ уже додуматься. И[...] вспомнилось ему, какъ привели Финогена съ женой и Личардой,— худыхъ, голодныхъ, оборванныхъ;—какъ на базарѣ зарокоталъ глухой барабанъ.... и все это чуднымъ образомъ сливалось въ одну картину съ разсказами дѣдушки...

Слободины прогостили у Дмитрія Логиныча съ недѣлю. Тутъ подоспѣлъ большой праздникъ — зимній Микола; брагу варили, пироги пекли съ севрюжиной; веселье было необыкновенное по всему селу. Алёша съ Личардой бѣгали на рѣку, завели обширное знакомство съ ребятишками и отлично выучились гонять кубарь по льду.—Анна Дмитріевна была вполнѣ счастлива и не разъ говорила: «то ли дѣло этакое-то привольное житье?—вѣкъ бы тутъ осталась, чѣмъ томиться по городамъ, гдѣ все на политикѣ, а народъ живетъ коварный и злой». Добродушный Петръ Иванычъ подсмѣивался надъ словами жены, а сынъ отзывался на нихъ серьезно и сочувственно. Онъ съ любопытствомъ гля-

ѣлъ на дѣдушку, наблюдалъ всю обстановку его крестьянскаго ѣта, разспрашивалъ: какъ лѣсъ рубятъ, плоты вяжутъ, и куда хъ сплавляютъ. Занятія дѣдушки, близкія къ природѣ и нерѣбующія «господской» науки, чрезвычайно нравились мальчику. Какъ бы славно было,—думалъ онъ,—когда выросту большой, ить такъ, какъ дѣдушка, и заниматься такимъ же веселымъ дѣмъ въ лѣсахъ, да на большой рѣкѣ»!—Но тутъ же возникъ въ ю головѣ вопросъ: отчего дѣдушка такъ крѣпко тужитъ по мѣ?—И что такое воля?—И остановился онъ пока на томъ, ю если человѣка не бьютъ и не продаютъ—это и есть воля. такъ какъ людей бьютъ и продаютъ одни только господа, то ѣша еще болѣе утвердился въ давнишнемъ своемъ намѣреніи— е хочу я дворянской науки....

Наконецъ, пора было пуститься въ дальнѣйшій путь. Передъ рощаньемъ, Дмитрій Логинычъ сказалъ зятю, кланяясь въ поясъ, ѣую рѣчь:

— Спасибо тебѣ, Петръ Иванычъ, за ласку. Хоша ты баинъ, а не погнушался нашимъ братомъ—мужикомъ. Господь огъ тебя наградитъ за это; вѣдь ты для меня, кормилецъ, тае сдѣлалъ, что никакъ больше Свѣтла-Христова Воскресенья! еловѣкъ я одинокій, не далъ мнѣ Господь другого счастья кромя васъ. Ужъ не знаю, чѣмъ тебѣ и отслужить за одно то, о ты Аннушку мою такъ выхолилъ.... глянь, какая она гладя стала. А ребятишки твои—ужъ не знаю что и молвить... ѣ еще махонькія, а въ Алёшкѣ я и души не чаю,—такой пареѣкъ, что на удивленье!—И вотъ что тебѣ скажу, не погнѣись, Петръ Иванычъ,—ты баринъ и кормитъ тебя теперича лужба государская, хорошо,—а неровенъ часъ, коли что пойетъ не ладно—оборони Богъ, только оно бываетъ и съ бóльшими господами,—случись тебѣ бѣда, али тѣснота какая, вспоми ты Митрій Логинова—не побрезгуй, родимый... А про твою илость у Митрія найдется завсегда... Не токма сотни,—тыщи отребуются—и тыщи найдемъ!—Ты не смотри, что мы лапотики... И великъ будетъ для меня тотъ день, когда сослужу ебѣ мою вѣрную службу... Не погнѣвись, что я такъ спроста ебѣ баю....

Съ этимъ словомъ Дмитрій повалился въ ноги Петру Иванычу.

Опять та же зимняя дорога, тѣ же трескучіе морозы, та же суровая, однообразная природа... А въ кибиткѣ, подъ медвѣжьимъ

одѣяломъ неустанно кишатъ въ дѣтской головкѣ горячія мысл
Все пережитое встаетъ широкою и пестрою картиной, полно
смысла и пророческаго значенія...

Прощай, бѣдный городокъ!—Прощай дѣтство!—Для Алё
оно уже кончилось, осталось позади. Добромъ или лихомъ с
временемъ помянетъ Алёша свое дѣтство, а всеже оно легло у
тойчивымъ балластомъ въ основу его характера и міровоззрѣні
сдѣлало его сыномъ родной земли, глубоко-способнымъ ра
ваться ея радостями, болѣть ея страданіями и чутко понима
ея кровныя нужды... Но людямъ, прошедшимъ такую школ
рѣдко удается возвратить милой родинѣ хоть зерно изъ то
жатвы, которую она же въ нихъ посѣяла... Бросаютъ зерна в
благодатную всепринимающую русскую почву совсѣмъ друг
люди, выходящіе совсѣмъ изъ другой школы (мы встрѣтимся
съ ними); а эти—голытьба худородная — всегда почти конча
ютъ скверно; большинство ихъ тонетъ, захлебываясь мутны
волнами мелкой, повседневной жизни; порой нѣкоторые из
нихъ этими же волнами выбрасываются на поверхность, но и
тутъ они являются, какъ нарывъ, указывающій только на бол
ное мѣсто общественнаго организма... Въ житейской толчеѣ он
пропадаютъ безполезно, безслѣдно,—а часто—и безславно.... Пра
вда, изъ нихъ же выходятъ подъ-часъ и Ломоносовы, и Спера
скіе...

П. Альминскій.

КЭРИ
и
ЕГО ТЕОРІЯ.

Изъ всей массы экономистовъ, являвшихся въ такомъ изо-
і въ теченіи первой половины текущаго столѣтія, Кэри
ставляется однимъ изъ немногихъ заслуживающихъ упоми-
я. Уступая Рикардо и Тюнену въ строгости научнаго из-
ованія, уступая Смиту въ силѣ дарованія и знанія фак-
, Кэри въ то же время понималъ, что одно повтореніе ста-
ь задовъ на новый ладъ мало принесетъ пользы знанію, и
ился дать въ своей соціальной наукѣ нѣчто самостоя-
ное.

Самъ онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ не достигаетъ матема-
ской простоты и ясности Рикардо и часто является поверх-
нымъ и парадоксальнымъ, но его въ то же время выдви-
ь изъ ряда своеобразность и оригинальность воззрѣнія на
стныя существенныя стороны экономическаго вопроса. Въ
ъ отношеніи Кэри пришелъ все-таки не съ пустыми руками
науку и обратилъ вниманіе на такія существенныя вещи, на
рыя до него не было обращено надлежащаго вниманія.

По характеру своихъ воззрѣній Кэри является противни-
ь Мальтуса и Рикардо и вообще всей школы экономистовъ,
которой пониженіе производительности земледѣльческаго тру-
съ развитіемъ населенія составляло несомнѣнную аксіому.
инѣнію Кэри эта аксіома вытекла изъ совершенно фальши-
) представленія о порядкѣ занятія земель населеніемъ и на-

ходится въ совершенномъ противорѣчіи какъ съ этимъ пор
комъ, такъ и вообще съ естественнымъ развитіемъ другихъ у
вій жизни. Мало того, аксіома эта была бы, по мнѣнію К
противорѣчіемъ общимъ законамъ природы, которые дол
быть одни какъ для физическаго, такъ и нравственнаго м
Какъ американецъ, Кэри требуетъ прежде всего отъ науки,
бы она опиралась на положительные законы. Все, что онъ
воритъ въ этомъ отношеніи о методѣ, котораго слѣдуетъ
бовать отъ общественной науки, совершенно справедливо и
жетъ быть поставлено въ образецъ. Иное—способъ поним
у Кэри этихъ основныхъ законовъ природы и тѣ сближенія,
торыя дѣлаетъ Кэри между этими законами и законами об
житія. Пониманіе Кэри этихъ законовъ поверхностно. Сбли
ніе между ними и законами общежитія произвольны и мало
казательны. Кэри видитъ во внѣшней природѣ гармонію от
шеній и ту же гармонію хочетъ отыскать и въ общественн
мірѣ. Если ея не видятъ здѣсь другіе писатели, то это пото
какъ онъ полагаетъ, что они имѣютъ ложное представлені
ходѣ вещей; если ея нѣтъ здѣсь еще на самомъ дѣлѣ, то къ
во всякомъ случаѣ ведетъ человѣка и общество естественное те
ніе вещей. Средство, при помощи котораго положеніе людей ст
мится къ улучшенію, а интересы ихъ къ гармоніи, для К
есть средство формальное, оно заключается въ самомъ устр
ствѣ внѣшнихъ отношеній. А разрѣшающимъ всѣ противорѣ
началомъ, основаніемъ или формой устройства этихъ отноше
служитъ децентрализація. Чѣмъ болѣе развивается мѣст
жизнь, чѣмъ болѣе въ ней является движенія и самоудовлет
ренія, помимо сношенія съ центральнымъ городомъ, тѣмъ бо
теряется напрасно времени на передвиженіе продукта на да
нія разстоянія и сокращается потребность въ посредникахъ т
кого передвиженія, тѣмъ болѣе подъ рукой у земледѣлія яв
ются разнообразные виды производства, дающіе самому земледѣ
лію возможность пользоваться высшими техническими средств
ми. Вслѣдствіе этого, 1) обработка сырого матеріала вообще
уменьшеніемъ провозовъ обходится дешевле; 2) самое добыван
сырого матеріала—точно также; ибо съ готовыми техническі
средствами земледѣліе переходитъ съ неблагодарной почвы во
вышенностей на болѣе благодарную почву болотъ и низменн
стей. Такимъ образомъ, съ развитіемъ децентрализаціи всѣ ве
должны удешевляться; а такъ какъ общество начинается обы
новенно съ централизаціи и мало-по-малу двигается къ децен
трализаціи, то и общественныя отношенія несомнѣнно стремя
ся историческимъ порядкомъ къ желанной гармоніи. Такимъ об

ѣмъ, децентрализація составляетъ весь секретъ соціальной на- для Кэри. Къ такимъ утѣшительнымъ выводамъ, по мнѣ- Кэри, неизбѣжно приводитъ науку изученіе общественныхъ ;ній въ связи съ законами естественно-историческими.

Я дамъ теперь отчетъ о томъ, какимъ образомъ означенные)ды вяжутся у Кэри съ основными законами природы, и во- е изложу его взгляды въ той послѣдовательности, въ кото- они изложены имъ въ его «Соціальной наукѣ».

I.

Кэри начинаетъ свое сочиненіе съ разсужденія о методѣ, и становлюсь на этомъ предметѣ, потому что ни одинъ эко- истъ не высказывалъ ранѣе его болѣе вѣрныхъ и зрѣлыхъ ıей по этому предмету. Въ этомъ отношеніи Кэри требуетъ отъ всѣхъ наукъ одного и того же общаго точнаго метода ѣдованія, завершающагося опредѣленіемъ количественныхъ)шеній между явленіями путемъ математическаго анализа. и еще въ наше время это требованіе кажется для многихъ зможнымъ, то въ свое время это требованіе со стороны Кэри о смѣлостью.

«Первый человѣкъ, пишетъ Кэри, наблюдавшій день-за-день, і бы въ продолженіи одной только недѣли, за восходомъ и итомъ солнца, легко могъ замѣтить, что восходъ постоянно)овождается свѣтомъ, а за закатомъ неизмѣнно слѣдуетъ къ; этотъ замѣченный имъ фактъ и былъ первымъ грубымъ іентомъ положительнаго знанія или науки. Такимъ образомъ, юе знаніе начиналось съ наблюденія, было опытнымъ по лу началу. Такое знаніе начиналось однако и развивалось въ произвольномъ или случайномъ порядкѣ, а подчинено бы- извѣстному закону послѣдовательности въ своемъ развитіи. начиналось прежде съ болѣе общихъ и отвлеченныхъ по- ій и мало-по-малу переходило къ болѣе частному конкрет- у.»

Первыми понятіями человѣка наблюдавшаго были идеи про- нства, количества, формы. Солнце было очевидно далеко, евья высоки, а кустарники низки. На этомъ основаніи, нау- болѣе отвлеченныя развились и усовершенствовались ранѣе кретныхъ. Механика и астрономія ранѣе химіи и физіо- іи, а соціологія позже всѣхъ. По недостатку наблюденія, іа, склонныя къ спекулятивному мышленію, углубляются въ ерцаніе своего собственнаго ума и изобрѣтаютъ теоріи, ко-

торыя выдаются ими за законы міра. Но здѣсь кстати напомнить, говоритъ Кэри, изреченіе: «что человѣкъ не въ состояніи выдумать въ наукѣ ничего, какъ только одну ложь, и всѣ открытыя имъ истины суть только факты». Средневѣковые схоластики проповѣдывали теоріи, изобрѣтенныя ихъ предшественниками греками, и только Бэкону первому пришлось возвѣстить міру ученіе, ведущее къ отысканію истины путемъ наблюденія. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени постоянно обнаруживается стремленіе замѣнить мечтанія теоретиковъ тщательными наблюденіями и наведеніями. Затѣмъ явилось желаніе сравнивать разстоянія, количества и величины. Одновременно съ такимъ развитіемъ наблюденія должна была появиться и потребность орудія наблюденія; разстоянія и размѣры во многихъ случаяхъ оказались недоступными для непосредственнаго измѣренія, и вслѣдствіе этого явилась необходимость въ искусственномъ способѣ сравненія разстояній. Такимъ образомъ возникла математика или наука по преимуществу, какъ ее называли греки. «Таблица умноженія даетъ возможность опредѣлять число дней, содержащихся въ извѣстномъ количествѣ недѣль. Столяръ съ помощію аршина опредѣляетъ разстояніе между концами доски. Все это суть орудія, облегчающія пріобрѣтеніе знаній. Такое же значеніе имѣютъ и формулы математики, съ помощію которыхъ астрономъ опредѣляетъ величину и вѣсъ тѣлъ, отстоящихъ отъ него на милліоны милліоновъ миль».

Подобныя орудія могутъ быть болѣе или менѣе спеціальными, но общій характеръ ихъ по существу остается тотъ же. Задача такихъ орудій очевидно состоитъ въ томъ, чтобы придать возможную степень точности наблюденію и придти къ количественному опредѣленію отношеній между вещами.

Въ этомъ видѣ развитіе всего человѣческаго знанія для Кэри составляло одно послѣдовательное цѣлое, подчиненное одному и тому же наблюдательному методу и зависящее отъ совершенства орудій и средствъ наблюденія и отъ анализа наблюденій, ведущихъ къ опредѣленію количественной зависимости между явленіями. «Математика съ ея анализомъ составляетъ самое высшее и общее орудіе, служащее для опредѣленія такой зависимости, а потому всякое знаніе, желая быть точнымъ, настолько лишь должно быть совершенно въ своей точности, насколько оно успѣло вступить въ союзъ съ математикой. Соціальная наука ни въ чемъ не должна отличаться отъ прочихъ наукъ, а потому къ ней примѣнимы вполнѣ всѣ общія разсужденія, касающіяся наблюдательнаго метода и слѣдовательно неизбѣжной связи съ математикой».

Несмотря на несомнѣнную простоту, естественность и убѣдительность такого воззрѣнія, оно до сихъ поръ не можетъ считаться однако вполнѣ усвоившимся не только въ средѣ людей, недовѣрчиво расположенныхъ къ точному знанію вообще, но и въ средѣ людей, претендующихъ на титулъ позитивистовъ.

Вообще, какова бы ни была вновь высказываемая идея, она рѣдко можетъ быть понята и усвоена людьми во всемъ ея естественномъ объемѣ и примѣнена съ подобающей широтой. Если ей, послѣ извѣстныхъ усилій, и бываетъ дано право гражданства въ извѣстныхъ предѣлахъ, то все-таки привязанность къ старому заблужденію, потому только что оно старое, порождаетъ со стороны людей непонятное усиліе удержать заблужденіе въ какомъ бы то ни было объемѣ. Такъ было и съ положительнымъ методомъ изслѣдованія Бэкона. Послѣдовательное распространеніе этого метода отъ науки къ наукѣ не обошлось безъ напрасной растраты усилій на сопротивленіе этому методу, безъ задержанія развитія знанія со стороны людей, берущихся за непосильное для нихъ дѣло рѣшенія общихъ вопросовъ.

Такимъ тормазомъ по отношенію къ соціальной наукѣ явился въ первой половинѣ настоящаго столѣтія авторъ «Положительной философіи» Огюстъ Контъ. Не обладая ни достаточной разносторонностью познаній, ни, главное, достаточной силой ума, Контъ въ состояніи былъ понять положительный методъ въ тѣхъ чисто эмпирическихъ предѣлахъ, въ которыхъ онъ былъ примѣненъ къ отдѣльнымъ наукамъ въ его время, и эти эмпирическіе предѣлы принялъ за естественно-философскіе и раціональные предѣлы положительнаго изслѣдованія. «Математическій анализъ въ его время примѣнялся къ физикѣ и астрономіи; слѣдовательно, онъ и на будущее время можетъ къ нимъ примѣняться. Но онъ не примѣнялся ни къ химіи, ни къ физіологіи, ни къ соціологіи, слѣдовательно онъ къ нимъ непримѣнимъ вообще, и нужно только отыскать объясненіе такой непримѣнимости»: такъ разсуждалъ Контъ.

Само собой разумѣется, что дѣйствительные представители знанія учились положительному методу не у Конта. Само собой разумѣется, что и относительно точнаго метода Контъ вообще повторилъ только то, что было высказываемо гораздо ранѣе его и съ бо́льшимъ смысломъ со временъ Бэкона, что книга его по ея содержанію вмѣсто положительной философіи точнѣе должна быть названа книгой «Положительной философіи для однѣхъ наукъ и неположительной для другихъ». Но она все-таки носила заманчивое, хотя и невѣрное заглавіе положительной философіи; далѣе, она была написана языкомъ популярнымъ и пред-

ставляла цѣльное обозрѣніе системы знанія. Все это дѣлало цѣнной для философовъ и популяризаторовъ третьей руки, имѣ щихъ обыкновеніе ограничивать свое философское образова одной какой-либо книгой. Все это еще дѣлало ее цѣнной д свѣтскихъ людей, нашедшихъ въ ней руководство, въ которо философія была низведена на степень гостиннаго чтенія.

Въ наукѣ Контъ не имѣлъ поэтому никогда никакого зн ченія, но имѣлъ и имѣетъ до сихъ поръ вліяніе между по ляризаторами и читателями, до которыхъ доходятъ научн истины и пріобрѣтенія изъ третьихъ рукъ. Въ этихъ вида Кэри не могъ обойти безъ вниманія тѣхъ своеобразностей, к торыя Контъ пытался ввести въ теорію научнаго изслѣдован того раздѣленія наукъ относительно метода изслѣдованія двѣ части, которое между прочимъ составляетъ все оригинальн что есть у Конта, весь экстрактъ контовской философіи. Осн ваніе, вслѣдствіе котораго Контъ не считаетъ возможнымъ д пустить единства науки въ смыслѣ метода, заключается въ сл дующемъ: «Въ органическихъ наукахъ элементы извѣстнѣе д насъ цѣлаго, и потому въ этомъ случаѣ мы должны идти о простого къ болѣе сложному. Но при изученіи человѣка и о щества необходимо слѣдовать обратному методу; человѣкъ общество, какъ цѣлые, намъ лучше извѣстны и болѣе доступн для нашего изученія, чѣмъ части, изъ коихъ они состоятъ. П изученіи вселенной цѣлое для насъ недоступно; между тѣ какъ при изученіи человѣка и общества трудность заключает въ подробностяхъ. Научное изученіе общественныхъ услов немыслимо, если изученіе будетъ производиться по частям Матеріалъ для различныхъ отдѣловъ науки можно заимствова изъ наблюденій, и даже такого рода наблюденія необходим но это ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать наукой. Методи ческое подраздѣленіе изслѣдованія, которое имѣетъ мѣсто в простыхъ неорганическихъ наукахъ, совершенно нераціональн по отношенію къ наукамъ общественнымъ».

Противъ такого основанія Кэри совершенно справедли замѣчаетъ, что со стороны Конта такое раздѣленіе наукъ со ставляетъ шагъ назадъ къ тому, что̀ онъ называетъ метафизи ческой ступенью науки.

Древній философъ точно также сказалъ бы — «эти массы гра нита извѣстны намъ лучше своихъ частей, изъ которыхъ он состоятъ, и слѣдовательно, мы ограничимся въ нашихъ изслѣдо ваніяхъ вопросами: почему онѣ имѣютъ свою теперешнюю форм и отчего занимаютъ свое настоящее положеніе». Но безъ хими ческаго анализа точно также нельзя изучить и узнать этого

ка камня, проникнуть въ подробности данной горы, какъ ьзя узнать природы общества, наблюдая его въ его цѣломъ ерхностномъ видѣ. Условіе это не есть нѣчто особенное, йственное какому-либо отдѣлу бытія, а условіе общее, кореееся въ нашихъ средствахъ познаванія. Мы не имѣемъ возности, вообще, отъ цѣлаго приходить къ познанію подробгей не потому, чтобы такой путь былъ безусловно невозмоъ, но потому что то, что мы въ этомъ случаѣ называемъ ніемъ цѣлаго, не есть вовсе таковое. Если бы мы знали дѣйительно цѣлое, то мы въ то же время неизбѣжно знали бы сѣ подробности, ибо первое немыслимо безъ послѣдняго. Но о въ томъ, что то, что мы обыкновенно принимаемъ за віе цѣлаго, есть только отвлеченное представленіе или итогъ, еденный нами изъ предварительнаго знанія ряда подробноі, но крайне бѣднаго и недостаточнаго ряда подробностей, ого ряда, который могъ быть полученъ путемъ поверхносто и непосредственнаго наблюденія. Знаніемъ цѣлаго въ таформѣ и предѣлахъ обладала метафизика, и ея методъ юялъ именно въ предположеніи, что она отъ такого цѣлаго жетъ переходить къ знанію подробностей. Совершенно ту же собность признаетъ Контъ за науками общественными и поу, самъ того не замѣчая, рекомендуетъ для нихъ методъ афизическій во всей его чистотѣ и неприкосновенности. Для афизиковъ, которые воображали, что такія представленія цѣо не суть итоги предварительнаго наблюденія подробностей, рожденныя истины, было простительно надѣяться изъ врожныхъ идей дойти до открытія подробностей явленій. Но для юсофа, который разъ долженъ былъ знать, что какія бы то было представленія цѣлаго суть только результаты обобщенія дварительно узнанныхъ подробностей, рѣшиться утверждать, какая бы то ни была наука можетъ надѣяться узнать побности явленій, исходя изъ непосредственнаго представленія аго и построить то раздѣленіе наукъ, какое сдѣлалъ Контъ, это было окончательнымъ доказательствомъ философской несоятельности мыслителя.

Въ этомъ отношеніи Контъ былъ дѣйствительно плохимъ юсофомъ, но онъ былъ вѣрнымъ комментаторомъ положенія наго метода въ его время: запасъ точныхъ наблюденій, котоъ располагало то время, въ сферѣ общественнаго знанія ъ столь ничтоженъ въ самыхъ естественныхъ наукахъ; опреѣленіе количественныхъ отношеній и приложеніе математичего метода столь ограниченно, что распространеніе этого ме-

тода на всѣ отдѣлы знанія естественно могло представляться обыденнымъ умамъ мало вѣроятнымъ.

Контъ даже не создалъ поэтому того дѣленія, которое проповѣдывалъ, а взялъ его готовымъ изъ господствовавшихъ въ его время обыденныхъ представленій. Много будетъ сказать, что онъ рѣшился принять такое заблужденіе не-спроста, а увлекшись основаніемъ, которое не имѣло въ сущности серьезнаго значенія.

Основаніе это, какъ мы могли видѣть, — если перевести его на болѣе точный языкъ,—заключалось въ ограниченности нашихъ чувствъ, какъ средствъ наблюденія извѣстными предѣлами. Для этихъ чувствъ недоступно въ ихъ невооруженномъ видѣ ни слишкомъ малое, ни слишкомъ великое, ни слишкомъ отдаленное, ни слишкомъ близкое. Человѣкъ съ его соціальной сферой принадлежитъ къ той именно серединѣ, по мнѣнію Конта, въ которой наши чувства могутъ наблюдать сложныя явленія въ ихъ цѣлости.

Но дѣло все-таки не въ одной возможности обнимать наблюденіемъ явленія въ ихъ цѣлости, а въ томъ, въ какой мѣрѣ наше наблюденіе и тутъ можетъ быть достаточно для количественнаго опредѣленія отношеній между явленіями. Такой точностью не могутъ похвастать наши чувства относительно какихъ бы то ни было явленій, можемъ ли мы ихъ наблюдать по частямъ, сразу, или не иначе какъ въ связи съ другими. Если же наши непосредственныя наблюденія и здѣсь не могутъ быть достаточно точны, то они и не могутъ служить основаніемъ для точныхъ выводовъ въ томъ случаѣ даже, еслибы сумма наблюденныхъ фактовъ была сама по себѣ достаточна для какихъ-либо точныхъ выводовъ.

Дѣйствительно, помимо замѣчанія, сдѣланнаго по поводу такого основанія для раздѣленія наукъ, Кэри не нужно много проницательности, чтобы убѣдиться, что такое основаніе совершенно ложно.

Если рѣчь идетъ о цѣломъ въ строгомъ смыслѣ, то кто же когда наблюдалъ или изучалъ такое цѣлое? Ни міръ вообще, ни міръ физическій, ни міръ нравственный или общественный, то-есть жизнь человѣчества въ его цѣлости одинаково не доступны нашему наблюденію. Утверждать противное значило бы утверждать очевидную ложь. Если же подъ цѣльностью явленія Контъ разумѣетъ цѣльность относительную, то всякая наука, какова бы она ни была, минералогія, ботаника, химія или соціологія начинаютъ съ изученія явленія въ его цѣльномъ видѣ. Будетъ ли это камень, растеніе или общество, знаніе прежде

всего начинаетъ съ разсмотрѣнія его внѣшнихъ свойствъ, наиболѣе доступныхъ наблюденію формы, цвѣта, величины, твердости и упругости. Но ни одно знаніе не ограничиваетъ изученія такимъ внѣшнимъ изслѣдованіемъ, а въ то же время переходитъ къ подробностямъ и становится тѣмъ совершеннѣе и точнѣе, чѣмъ болѣе въ нихъ углубляется. Такимъ образомъ, различіе, придуманное Контомъ, въ сущности вовсе не существуетъ, или оно существуетъ только въ его воображеніи.

«Для насъ было бы невозможно, пишетъ Кэри, проникнуть въ подробности отжившихъ обществъ, если бы мы не жили сами среди обществъ, состоящихъ изъ людей, надѣленныхъ тѣми же свойствами и чувствами, какія существовали у древнихъ. Намъ необходимо сперва изучить подробности окружающей насъ жизни, начиная анализомъ и восходя до синтезиса, какъ это дѣлаетъ химикъ, разлагая кусокъ гранита. Узнавъ, что гранитъ состоитъ изъ кварца, полевого шпата и слюды, и тѣ обстоятельства, при которыхъ минералъ появляется въ данной мѣстности, онъ пріобрѣтаетъ полную увѣренность, что гдѣ бы въ другомъ мѣстѣ ни былъ найденъ гранитъ, его составъ и положеніе въ ряду формацій будетъ то же самое. Желая уразумѣть прошедшую исторію человѣка или исторію отдаленнаго отъ насъ народа, мы должны начать съ изученія настоящаго, и когда мы овладѣемъ его прошлымъ и настоящимъ, то можно уже предсказать будущее. Для этого мы должны поступать съ обществомъ, какъ химикъ поступаетъ съ кускомъ гранита, разлагая его на части и изучая каждую часть особо; мы должны изслѣдовать, каковы были бы дѣйствія человѣка, если бы онъ былъ предоставленъ самому себѣ и сравнить эти независимыя дѣйствія съ тѣми, какія есть на самомъ дѣлѣ въ обществѣ; затѣмъ, съ помощью того самаго закона, которымъ пользуется математика, физика и физіологія, то-есть съ помощью закона сложенія силъ, мы можемъ вывести законъ явленій. Но поступая такимъ образомъ, мы отнюдь не слѣдуемъ уже по пути Конта, который указываетъ на отдаленное неизвѣстное,—древнія общества,—какъ на средство для пониманія дѣйствій окружающихъ насъ людей и для предсказанія того, какими они будутъ въ будущемъ. Вслѣдствіе этого извращеннаго и ложнаго метода, Контъ необходимо приходитъ къ выводамъ прямо противуположнымъ прогрессивному движенію мысли; онъ походитъ на врача, который бы ограничился наружнымъ изслѣдованіемъ паціента, не заботясь о состояніи его печени, желудка и легкихъ. Его система соціологіи не можетъ объяснить прошлаго и, слѣдовательно, не можетъ быть употреблена для руководства въ будущемъ. Это про-

исходитъ оттого, что онъ отказывается для соціологіи отъ метода точныхъ наукъ, по которому слѣдуетъ изучать близкое, съ цѣлью уразумѣть отдаленное, — настоящее, чтобы уразумѣть прошлое и предсказать въ будущемъ тѣ событія, которыя непремѣнно произойдутъ въ немъ отъ подобныхъ же причинъ.

«Если наука одна и нераздѣльна, то и методъ изученія долженъ быть одинъ. Справедливость этого въ отношеніи всѣхъ наукъ, лежащихъ въ основаніи соціальной науки, физики, химіи, физіологіи, не подлежитъ никакому сомнѣнію въ настоящее время, но существованіе такой тѣсной связи сдѣлалось очевиднымъ въ весьма недавнее время. Съ каждымъ новымъ открытіемъ это сближеніе становится тѣснѣе. Пріобрѣтая съ каждымъ часомъ все большій и большій контроль надъ силами природы, человѣку становится возможнымъ жить въ болѣе тѣсной связи съ другимъ человѣкомъ, заготовлять большій запасъ пищи и одежды, совершенствовать свой образъ жизни и дѣйствій и давать лучшее образованіе послѣдующему поколѣнію.

«Знаніе, ведущее къ такимъ результатамъ, должно служить основаніемъ для соціальной науки и орудіе, столь успѣшно служившее для возведенія основанія зданія, не можетъ не оказаться столь же пригоднымъ при постройкѣ самого зданія.

«Къ соціальной наукѣ необходимо прилагать математику, какъ она прилагается теперь ко всякой отрасли изслѣдованія, и чѣмъ болѣе примѣняемъ мы ее, тѣмъ болѣе наука принимаетъ форму реальнаго знанія».

II.

Таковы вступительныя разсужденія Кэри относительно положенія соціальной науки въ ряду остальныхъ и метода ея изслѣдованія. Противъ такихъ разсужденій едва ли что можно возразить. Объяснивъ такимъ образомъ свой образъ воззрѣнія на эту сторону предмета совершенно ясно, Кэри переходитъ къ объясненію настоящаго положенія науки и къ постановкѣ своей задачи,—задачи, рѣшеніе которой должно лечь въ основаніе соціальной науки и составить предметъ его изслѣдованія.

Законъ Мальтуса, говоритъ онъ, былъ первымъ примѣромъ приложенія математическаго пріема къ соціальному изслѣдованію. Если бы онъ оказался справедливымъ, то политическая экономія пріобрѣла бы точность, которой она не имѣла. То же самое можно сказать о знаменитой теоріи ренты Рикардо. Употребленный въ обоихъ случаяхъ методъ былъ правильный, и,

ственно говоря, примѣненіе его и выдвинуло этихъ двухъ ателей въ разрядъ первостепенныхъ экономистовъ. Хотя они пали въ заблужденіе и сдѣлали невѣрный выводъ, но это только не должно уменьшать въ нашихъ глазахъ значеніе ода, говоритъ Кэри.

«Въ противуположность означенной теоріи можетъ быть высано совершенно иное разсужденіе: въ ранній періодъ общеннаго устройства, когда земли много, а людей мало, трудъ роизводителенъ, и изъ небольшого количества произведеній левладѣльцы берутъ весьма значительную часть. Въ итогѣ доходъ ихъ все-таки незначителенъ, такъ что и работникъ апиталистъ бѣдны. Но съ увеличеніемъ народонаселенія саі трудъ становится производительнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ вышается и доля работника; такимъ образомъ обнаруживаетстремленіе къ установленію равенства состояній».

Оба мнѣнія—мнѣніе Мальтуса и только что выраженное стаъ очевидно соціальный вопросъ въ зависимость отъ того отшенія, которое существуетъ между средствами существованія властью человѣка; между почвой и производительностью труда. Каково это отношеніе въ дѣйствительности, этого нельзя рѣть a priori никакимъ образомъ. Для рѣшенія этого вопроса видно нужно предварительное знаніе химіи, физики, физіоіи, механики и пр., словомъ, законовъ природы, которымъ чинена совокупная дѣятельность почвы и человѣка въ отнонія производства пищи. Окончательное рѣшеніе этого вопродолжно выразиться математической формулой, которая опредить количественное измѣненіе производительности труда въ нкціи отъ населенія, а пока такого рѣшенія нѣтъ, до тѣхъ ръ немыслима соціальная наука.

Между тѣмъ химія и физіологія, продолжаетъ Кэри, сами никли весьма недавно, и еще менѣе могла развиться соціальнаука, какъ болѣе другихъ зависящая отъ ранѣе ея возшихъ наукъ, какъ самая трудная по собиранію и анализу актовъ, и слѣдовательно позднѣйшая по времени своего появнія. Притомъ, въ сравненіи съ другими науками она терпѣла це одно весьма существенное неудобство. Занимаясь отношеями человѣка къ человѣку, она всегда встрѣчала противудѣйвіе тѣхъ, которые стремились достигнуть власти и привилей на счетъ своихъ ближнихъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ соіологія не могла возвыситься до сихъ поръ до степени науки, походила болѣе на астрономію халдейскихъ пастуховъ, чѣмъ а дѣйствительное знаніе.

«Наука требуетъ законовъ, говоритъ Кэри, а законы суть

универсальныя истины. Но гдѣ же въ соціальной наукѣ такое положеніе, которое было бы всѣми признано. «Столѣтіе тому назадъ считали, что сила народа возрастаетъ съ населеніемъ; потомъ стали доказывать, что возрастаніе населенія приноситъ съ собою истощеніе. Изъ учениковъ Мальтуса и Рикардо едва ли двое согласны во взглядахъ на теорію своихъ учителей. Усерднѣйшіе сторонники отмѣны стѣсненій въ торговлѣ сукнами принадлежатъ къ числу рьянѣйшихъ противниковъ свободы торговли деньгами; а восторженнѣйшіе друзья конкурренціи въ продажѣ товаровъ суть рьянѣйшіе противники конкурренціи относительно торговли временемъ и искусствомъ работника. Писатели, учащіе о невмѣшательствѣ правительства въ дѣло надзора за распространеніемъ знанія, суть въ то же время самые рѣшительные сторонники вмѣшательства, когда дѣло идетъ о мѣрахъ, ведущихъ къ войнѣ и разоренію. Однимъ словомъ, тутъ все до крайности сбивчиво и ничего нѣтъ установившагося. Міръ смотритъ на это спокойно, ожидая того времени, когда ученые согласятся между собой, чему же наконецъ слѣдуетъ вѣрить».

Между этими предметами споровъ и противорѣчій, наполняющихъ соціальную науку, вопросъ объ отношеніи между возрастаніемъ средствъ и населенія, вопросъ о производительности труда или отношенія почвы къ человѣку, составляетъ основной вопросъ для соціальной науки, отъ разрѣшенія котораго зависитъ все ея направленіе. Поэтому устраненіе перечисленныхъ разнорѣчій въ соціальной наукѣ должно начаться съ этого вопроса, и этому-то вопросу собственно Кэри и посвящаетъ все свое сочиненіе.

Мальтусъ смотрѣлъ на него своимъ образомъ, Кэри принимаетъ другое воззрѣніе, противуположное Мальтусу. Свое воззрѣніе Кэри считаетъ болѣе справедливымъ прежде всего потому, что оно кажется ему болѣе согласнымъ съ общими законами природы, чѣмъ воззрѣніе Мальтуса.

Предметъ соціальной науки составляетъ человѣкъ, какъ частица общества. Наравнѣ со всѣми остальными животными онъ требуетъ пищи, но главную его потребность составляетъ сообщество съ другими людьми. Появляясь на свѣтъ слабѣйшимъ и беззащитнѣйшимъ изъ всѣхъ животныхъ, онъ въ дѣтствѣ нуждается въ наибольшемъ попеченіи, а самую одежду ему должны доставлять другіе, тогда какъ о птицахъ и животныхъ позаботилась сама природа. Будучи въ состояніи достигать высшей степени знанія, онъ появляется на свѣтъ лишеннымъ даже тѣхъ инстинктовъ, которые научаютъ пчелу, паука и пр. строить

[сво]и жилища. Находясь въ зависимости отъ опытности другихъ [от]носительно пріобрѣтенія знанія, онъ нуждается въ языкѣ для [пе]редачи другимъ своихъ наблюденій. Но языкъ немыслимъ [бе]зъ существованія общества; и дѣйствительно, мы нигдѣ не [на]ходимъ человѣка, живущимъ одиноко.

Великій законъ молекулярнаго притяженія является такимъ [об]разомъ, по мнѣнію Кэри, необходимымъ условіемъ для суще[ст]вованія человѣка. Необходимость заставляетъ человѣка тяго[тѣ]ть къ другимъ людямъ. И чѣмъ больше людей находится въ [од]номъ мѣстѣ, тѣмъ сильнѣе обнаруживается притягательная [си]ла такого центра, «какъ это доказываютъ величайшіе города [др]евняго міра: Ниневія, Вавилонъ, Аѳины, Римъ».

Но если это такъ, почему же всѣ люди не стремятся сой[ти]сь въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ земного шара? Это происхо[ди]тъ, говоритъ Кэри, на основаніи того же всеобщаго закона, [ко]торый поддерживаетъ порядокъ въ окружающемъ насъ мірѣ. [Ка]ждая частица вещества, кромѣ общаго центра притяженія, [им]ѣетъ свой мѣстный центръ притяженія. Если бы его не суще[с]твовало, луна упала бы на землю; земля упала бы на солнце, [и] всякая жизнь прекратилась бы въ тѣхъ пространствахъ, въ [к]оторыхъ она теперь происходитъ. Точно также и въ общежи[ті]и. Централизующее стремленіе главнаго города значительно [ней]трализуется существованіемъ противуположныхъ центровъ и [м]аленькихъ городовъ. Уничтожьте эти второстепенные центры,— [и] главный городъ будетъ возрастать въ ущербъ мѣстной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показываетъ повсемѣстный опытъ, будетъ [п]адать сила мѣстной ассоціаціи, уступая мѣсто принудительной центральной ассоціаціи съ завоевательными цѣлями.

Страницы исторіи, по словамъ Кэри, самымъ очевиднымъ образомъ доказываютъ, что склонность къ ассоціаціи всюду возрастала съ увеличеніемъ числа и силы мѣстныхъ центровъ притяженія. Такіе центры существовали въ древней Греціи. Мѣстная ассоціація достигала здѣсь такихъ размѣровъ, какъ нигдѣ прежде; вмѣстѣ съ тѣмъ проявилось стремленіе къ центральной ассоціаціи въ учрежденіи олимпійскихъ игръ и Амфиктіонова союза. Къ сожалѣнію эта послѣдняя проявилась однако недостаточно рѣзко. Притягательная сила солнца этой системы не въ состояніи была поддержать порядокъ въ движеніи планетъ, которыя поэтому часто соскакивали съ своихъ путей и наталкивались другъ на друга; результатомъ такихъ столкновеній было учрежденіе центральнаго управленія. Съ этихъ поръ народонаселеніе городовъ потеряло всякую охоту къ ассоціаціямъ и стало искать правосудія въ Аѳинахъ. Изложенныя условія управ-

ляютъ веществомъ во всѣхъ его формахъ — уголь ли это, лѣзо или люди. Въ справедливости всего этого читатель мож убѣдиться, если подумаетъ о тѣхъ выгодахъ, которыя онъ влекаетъ изъ ассоціаціи съ себѣ подобными. Онъ убѣдится, способность къ прогрессу находится у него въ прямомъ о шеніи съ умѣньемъ соединить свои усилія съ дѣятельнос ближнихъ, что его матеріальная и интеллектуальная произво тельность возрастаютъ съ увеличеніемъ ассоціаціи.

Но, какъ показываютъ тѣ же наблюденія, способность мѣстной и самостоятельной ассоціаціи неразрывна съ одно меннымъ развитіемъ въ человѣкѣ двухъ весьма важныхъ чествъ: развитія индивидуальности, или личной независимос и привычки отвѣчать за свои поступки. Какъ эти качес развиваются съ мѣстной ассоціаціей, такъ же они исчезаютъ в стѣ съ централизаціей. Рабъ столь же мало отвѣтственъ за с поступки, какъ безсловесное животное, и всѣ рабы столь же го похожи другъ на друга, какъ послѣднія. Ассоціація явля поэтому не только началомъ устраивающимъ матеріальный б человѣка, но возвышающимъ и совершенствующимъ его н ственную природу.

Для того, чтобы была возможна ассоціація, необходимы вѣстныя условія и прежде возможность обмѣна услугъ ме людьми, а для этого необходимо разнообразіе занятій.

Двумъ земледѣльцамъ, двумъ сапожникамъ или кузнец почти нечѣмъ обмѣниваться другъ съ другомъ. Поэтому, ес мы заселимъ одну страну земледѣльцами, другую кузнеца то ни внутри первой, ни внутри второй не будетъ происход значительныхъ обмѣновъ, и обмѣнъ будетъ возможенъ тол между жителями первой и второй страны. Но величина так обмѣновъ между лицами, которыя удалены другъ отъ друга значительное разстояніе, будетъ также только ограниченная во всякомъ случаѣ менѣе значительна и болѣе затруднитель чѣмъ если бы эти разнообразныя производства жили рядом Величина обмѣновъ и стремленіе къ ассоціаціи возникаетъ п этому только съ разнообразіемъ занятій. Поэтому въ нача общества, когда разнообразіе занятій мало развито, мало ра вита и сила мѣстной ассоціаціи; вмѣстѣ съ тѣмъ мало разви и индивидуальность, и общество на этой ступени экономическа развитія мало представляетъ сопротивленія, а напротивъ лег подчиняется рабству и централизаціи.

«Аттилѣ было такъ легко собрать свои орды и перевест ихъ въ Европу потому именно, что онъ имѣлъ дѣло съ населе ніемъ, которое ничѣмъ не привязывалось къ мѣсту своего по-

селенія и между которымъ не существовало никакой мѣстной ассоціаціи и разнообразія занятій».

Разнообразіе занятій, обмѣнъ услугъ и развитіе мѣстной жизни такимъ образомъ неразрывны другъ съ другомъ, и это условіе повторяется не только въ мірѣ общественномъ, но во всей природѣ. Мѣстное движеніе вездѣ составляетъ противовѣсъ централизаціи и смерти, а потому чѣмъ сильнѣе такое движеніе, тѣмъ сложнѣе форма жизни, тѣмъ значительнѣе ея сила сопротивленія къ тяготѣнію, тѣмъ больше децентрализація; органическая жизнь выдѣляется изъ неорганической, и чѣмъ больше такое движеніе, тѣмъ болѣе совершенствуются его формы, переходя отъ простѣйшихъ формъ къ человѣку.

Съ каждымъ шагомъ на пути возрастанія обмѣна услугъ и мѣстной жизни, человѣкъ точно также пріобрѣтаетъ возможность пользоваться новыми силами природы и болѣе сберегать свой трудъ и противупоставлять бо̀льшую силу сопротивленія. Сопротивленіе тяготѣнію во всемъ мірѣ находится въ прямомъ отношеніи съ организаціей. Низшія формы растеній состоятъ изъ простѣйшихъ организмовъ, которые ежегодно умираютъ, тогда какъ высшія формы, какъ дубъ, живутъ столѣтія.

То же самое повторяется и съ человѣкомъ: чѣмъ больше усложняется его общественная жизнь, чѣмъ болѣе разнообразятся его занятія, тѣмъ болѣе его общество должно представляться защищеннымъ отъ враждебныхъ ему силъ, и тѣмъ болѣе оно представляетъ задатковъ для дальнѣйшаго существованія. При такихъ условіяхъ и производительность человѣческаго труда не можетъ быть очевидно величиной убывающей, говоритъ Кэри, а должна возрастать съ ассоціаціей и разнообразіемъ занятій.

«Взглядъ этотъ,—продолжаетъ Кэри,—во всемъ однако отличенъ отъ извѣстнаго подъ именемъ Мальтусова закона и утверждающаго, что народонаселеніе стремится къ возрастанію въ геометрической прогрессіи, тогда какъ запасы пищи могутъ увеличиваться лишь въ прогрессіи ариѳметической. Сказать это то же самое, что сказать слѣдующее: «Вещество стремится принимать низшія формы, какъ-то формы рѣпы, моркови, картофеля въ ариѳметической прогрессіи; между тѣмъ относительно высшихъ формъ стремленіе это усиливается, и вещество стремится умножаться въ этихъ формахъ въ геометрической прогрессіи. Безчисленные папоротники подготовляютъ почву для одного дуба, но дойдя до высшей формы, на которую способно вещество, до человѣка, мы узнаемъ о существованіи новаго великаго закона, на основаніи котораго человѣкъ умножается въ геометрической прогрессіи; тогда какъ размноженіе сельдей, кро-

ликовъ, устрицъ и всѣхъ другихъ предметовъ первой необходимости совершается только въ ариѳметической. Таковъ необыкновенный законъ—прибавляетъ Кэри, предлагаемый Мальтусомъ. Какъ онъ ни страненъ, но никакое положеніе, когда-либо высказанное, не пользовалось такимъ авторитетомъ. Этимъ оно отчасти обязано тому, его подтверждающему одновременному предположенію, что человѣкъ всюду начиналъ земледѣліе съ болѣе богатой почвы болотъ и рѣчныхъ прибрежій; но съ умноженіемъ населенія долженъ былъ браться за худшую почву. Поэтому Кэри обращается прежде всего къ опроверженію этого послѣдняго предположенія.

Сколь ни остроумно можетъ показаться нѣкоторымъ приведенное замѣчаніе Кэри, тѣмъ не менѣе справедливость заставляетъ насъ замѣтить тутъ же, что оно совершенно неосновательно.

Каковъ бы ни былъ законъ Мальтуса, справедливъ или нѣтъ, но онъ вовсе не говоритъ того, что приписываетъ ему Кэри.

Мальтусъ, утверждая, что человѣкъ размножается въ геометрической прогрессіи, не утверждаетъ въ то же время вовсе, чтобы картофель и рѣпа размножались въ ариѳметической прогрессіи; напротивъ того, его законъ допускаетъ совершенно размноженіе рѣпы въ прогрессіи еще болѣе быстрой, чѣмъ та, по которой размножается человѣкъ, и тѣмъ не менѣе сохраняетъ свою силу. Дѣло въ томъ, что Мальтусъ въ то же время видитъ, что размноженіе человѣка и рѣпы совершается подъ совершенно различными условіями, между тѣмъ какъ Кэри этого не замѣчаетъ вовсе. Мальтусъ очень хорошо знаетъ, что какъ бы быстро ни размножалась рѣпа, она въ то же время поѣдается человѣкомъ, между тѣмъ какъ человѣкъ не поѣдается никѣмъ.

Кэри же разсуждаетъ такимъ образомъ, какъ если бы рѣпа и картофель не подвергались насильственному уничтоженію человѣкомъ. Если бы это было такъ, тогда конечно не было бы и вопроса о томъ, кто размножается быстрѣе — пища или человѣкъ. И вопросъ этотъ возникаетъ именно вслѣдствіе того, что пища подвергается уничтоженію человѣкомъ по мѣрѣ ея нарожденія; между тѣмъ какъ человѣкъ нарощается, не поступая въ пищу другимъ животнымъ. При такомъ условіи, какъ бы быстро ни наростала пища, если она уничтожается быстрѣе, чѣмъ можетъ наростать, ее можетъ оказаться недостаточно. Такимъ образомъ, взглядъ Мальтуса не требуетъ никакихъ противорѣчій въ законахъ природы; напротивъ, онъ допускаетъ болѣе быстрое размноженіе низшихъ формъ, но онъ въ то же время

указываетъ на различіе, которое существуетъ между естественнымъ размноженіемъ, нестѣсняемымъ никакими побочными условіями, и размноженіемъ пищи, которое можетъ явиться подъ условіемъ уничтоженія этой пищи человѣкомъ и свободнаго размноженія человѣка. Между тѣмъ, Кэри этого различія не замѣчаетъ вовсе. Имѣя въ виду это различіе, Мальтусъ и утверждаетъ, что такое различіе не можетъ существовать въ дѣйствительности иначе, какъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, за которыми размноженіе пищи не въ состояніи поспѣвать за размноженіемъ человѣка, вслѣдствіе чего къ человѣку начнетъ примѣняться то же условіе, въ какое оно ставитъ пищу, то-есть насильственное уничтоженіе человѣка путемъ голода.

Разсужденіе Мальтуса очевидно глубже, логичнѣе разсужденія Кэри, и для того, чтобы опровергнуть его, Кэри мало доказать, что естественное размноженіе рѣпы совершается въ той же прогрессіи или даже болѣе быстрой, чѣмъ размноженіе человѣка; нужно доказать, что это размноженіе можетъ совершаться въ совершенно произвольной прогрессіи или по крайней мѣрѣ безконечно болѣе быстрой, чѣмъ размноженіе человѣка, иначе рано или поздно должно опасаться недостатка въ пищѣ, и положеніе Мальтуса окажется справедливымъ. Для того же, чтобы доказать это, нужно доказать, что производительность человѣческаго труда не уменьшается съ населеніемъ.

Что касается технической обработки сырья, то въ этомъ отношеніи никто не отрицаетъ возрастанія производительности человѣческаго труда, спорятъ только о томъ, чтобы эта производительность могла возрастать и даже оставаться постоянно относительно производства самаго сырья. Пониженіе производительности труда въ этомъ послѣднемъ отношеніи выводятъ изъ нѣсколькихъ естественныхъ причинъ, какъ-то:

1) Изъ ограниченности самаго запаса производительныхъ силъ въ данной единицѣ или пространствѣ почвы, вслѣдствіе чего новая единица работы, приложенная къ тому же участку, не можетъ приносить того же дохода или выработки, какъ предъидущая.

2) Изъ разстоянія участка или мѣста производства отъ мѣста потребленія, вслѣдствіе чего обработка той же суммы продукта на дальнемъ участкѣ обходится дороже, чѣмъ на ближайшемъ.

3) Изъ различнаго качества участковъ, вслѣдствіе чего лучшіе участки приносятъ большій доходъ чѣмъ худшіе, и если они занимаются ранѣе худшихъ, ведутъ къ постепенному пониженію производительности труда.

Сумма всѣхъ подобныхъ условій, являющихся источникомъ

ренты, и была схематически примѣрно выражена у Рикардо въ его теоріи ренты, схемой постепеннаго перехода обработки отъ лучшихъ къ худшимъ участкамъ.

Кэри эту схему принимаетъ въ буквальномъ смыслѣ, какъ единственную дѣйствительную причину возникновенія ренты, и въ этихъ видахъ прежде всего обращается къ доказательству, что такое послѣдовательное занятіе участковъ отъ лучшихъ къ худшимъ не согласно съ дѣйствительностью. Отожествляя такое занятіе участковъ съ теоріей ренты Рикардо, онъ думаетъ достаточнымъ опровергнуть его для уничтоженія теоріи Рикардо.

Но мы будемъ помнить, что онъ имѣетъ дѣло только съ частнымъ примѣромъ, опроверженіе котораго не затронетъ еще вовсе прочихъ и болѣе общихъ основаній теоріи ренты и пониженія производительности земледѣльческаго труда.

Какъ бы то ни было, что касается въ частности опроверженій Кэри въ этомъ отношеніи, то онѣ крайне любопытны и поучительны, и въ нихъ сосредоточена немалая заслуга, принесенная Кэри экономической наукѣ, если не въ смыслѣ разъясненія главнаго вопроса,—вопроса о производительности труда, то въ смыслѣ болѣе скромнаго и частнаго вопроса, историческаго расположенія человѣческихъ поселеній.

Человѣкъ повсюду, пишетъ Кэри, начиналъ свою дѣятельность какъ охотникъ, живя добычею. Позднѣе онъ становится пастухомъ. Въ первомъ случаѣ 800 десятинъ земли даютъ столько же пищи, сколько въ состояніи дать $^1/_2$ десятины воздѣланной земли. Во второмъ—точно также общества людей должны кочевать на значительныхъ пространствахъ для пріобрѣтенія пищи. Переходъ къ земледѣльческому состоянію можно также доказать и фактами; можно точно также доказать, что человѣкъ начиналъ съ заселенія такихъ мѣстъ, которыя давали сравнительно скудныя жатвы.

Первые поселенцы, вышедшіе изъ Англіи, осѣли на скудной почвѣ Масачузета и основали колонію Плимутъ. Передъ ними лежалъ весь континентъ; но они должны были взяться за то, что было доступнѣе ихъ скуднымъ средствамъ. Другія поселенія были основаны въ Нью-Портѣ и Нью-Гавенѣ, и отсюда можно слѣдить, какъ колонисты, направляясь по теченію рѣкъ, стремились всегда занимать возвышенности, оставляя на долю потомковъ осушеніе болотъ и истребленіе лѣсовъ.

Плодородныя мѣстности Новой Англіи, до сихъ поръ еще не воздѣланы, между тѣмъ какъ болѣе производительныя заняты только въ послѣднія 40 лѣтъ. Въ Нью-Іоркѣ повторяется то же: самая скудная почва острова Монатонъ и возвышенные морскіе

берега заселились весьма рано; тогда какъ самая богатая почва низменныхъ мѣстностей еще теперь не воздѣлана. Въ Нью-Джерсеѣ квакеры заняли возвышенныя мѣстности у истоковъ и по теченію Делавара, между тѣмъ какъ болѣе плодородная почва противуположнаго берега Пенсильваніи остается до сихъ поръ невоздѣланной.

Этотъ фактъ Кэри слѣдитъ повсюду въ сѣверо-американскихъ поселеніяхъ. Вездѣ, говоритъ онъ, первые поселенцы избѣгали рѣчныхъ долинъ по причинѣ лихорадокъ и искали сухого мѣста на возвышенностяхъ и горныхъ хребтахъ, дававшихъ мало урожая.

Болѣе плодородная почва находится подъ лѣсомъ или болотами, требуетъ осушки и расчистки, и потому обработка ея недоступна слабымъ средствамъ первобытнаго работника. Та же причина, которая побуждаетъ его, прежде чѣмъ выстроить каменный домъ, сложить наскоро бѣдный шалашъ, заставляетъ его взяться прежде за скудную почву, лишь бы получить съ нея хотя какой бы то ни было сборъ. Поэтому всюду, гдѣ были сдѣланы попытки завсети поселенія на лучшей почвѣ, онѣ развивались весьма медленно. Такъ было съ французскими поселеніями въ Луизіанѣ и Каэннѣ.

«Ни одинъ человѣкъ, ограниченный своими собственными силами, не станетъ подготовлять къ обработкѣ болѣе плодородную почву, потому что, начни онъ осушать болотистую почву, онъ навѣрно умретъ съ голоду ранѣе, нежели сдѣлаетъ почву годной къ воздѣлыванію. На возвышенной же мѣстности поселенецъ по крайней мѣрѣ можетъ добывать для себя хотя скудное пропитаніе».

По ту сторону Ріо-Гранде, въ Мексикѣ, читатель можетъ найти широкое доказательство такого занятія земли. Не далеко отъ ея устья лежитъ городъ, основанный въ новѣйшія времена. Слѣдуя по рѣкѣ мимо роскошныхъ, еще вовсе невоздѣланныхъ пространствъ до устья Сенъ-Жуана и поднимаясь затѣмъ вверхъ, читатель достигаетъ довольно заселенной страны, главнымъ городомъ которой служитъ Монтерей. Сѣвернѣе, на возвышенныхъ пространствахъ Чихуахуа онъ видитъ, что земледѣліе удалено отъ рѣчныхъ береговъ; тогда какъ на западъ отъ Монтерея онъ ѣдетъ по песчанымъ равнинамъ, которыя, несмотря на то, заселены. Достигнувъ Потоси, онъ находитъ страну вовсе лишенную рѣкъ, въ которой продолжительность періодическихъ дождей влечетъ за собой голодъ и смерть, а внизъ по теченію къ морскому берегу тянется прекрасная страна, орошенная многочисленными рѣками, въ которой хлопокъ и индиго ра-

стутъ въ дикомъ состояніи и которая могла бы снабдить все ленную сахаромъ. Однако страна не расчищена, потому что лица, могущія при своихъ настоящихъ средствахъ посвятить себя этому дѣлу, или голодаютъ, или умираютъ отъ лихорадокъ.

Переѣзжая черезъ океанъ въ Англію, видимъ также, что колыбелью земледѣлія здѣсь служили мѣстности и мѣстечки пришедшія нынѣ въ упадокъ или гдѣ живутъ люди, незнающіе грамоты, заработывая неболѣе 7—8-ми шиллинговъ въ недѣлю. Дворецъ норманскихъ королей находится въ Винчестерѣ, а не въ долинѣ Темзы; тогда какъ южный Ланкаширъ съ его волнующимися нивами есть страна, болота которой послужили гробницей норманскому завоевателю.

Мѣста, позднѣе всѣхъ занятые культурой были болота Линкольнъ и Кембриджшира, которые теперь даютъ лучшіе во всей Англіи сборы и которые не имѣли никакой цѣны, пока паръ не былъ примѣненъ къ земледѣлію. Чтобы отыскать мѣста древнѣйшаго земледѣлія въ Шотландіи читатель долженъ забраться въ отдаленнѣйшіе округа, служащіе въ настоящее время пастбищемъ лишь какой-нибудь парѣ коровъ; тогда какъ плодороднѣйшія пастбища онъ находитъ на берегахъ Твида, на которыхъ еще недавно обитали варвары, находившіе высшее удовольствіе въ хищническихъ набѣгахъ на Англію.

Во Франціи во времена Цезаря мы находимъ значительнѣйшія племена осѣвшими на склонахъ Альповъ. Отыскивая мѣста значительныхъ городовъ временъ Филиппа-Августа, каковы Шалонъ, Сенъ-Кантенъ, Соассонъ, Реймсъ, Троа, Нанси, Орлеанъ, Дижонъ, Нимъ, Тулуза, мы находимъ ихъ при верховьяхъ рѣкъ или на возвышенностяхъ. Въ Бельгіи мы находимъ бѣдный Люксембургъ и Лимбургъ воздѣланными еще въ древнѣйшія времена; между тѣмъ какъ плодородная Фландрія до XVII-го в. находилась въ состояніи непроходимой пустыни. Сѣвернѣе мы находимъ народъ, предки котораго пришли съ береговъ Дона въ плодородныя долины Сѣверной Германіи и подъ конецъ избрали своимъ мѣстопребываніемъ горы Скандинавіи. Въ этой странѣ повсемѣстно находятся слѣды древняго земледѣлія на возвышенныхъ мѣстахъ, которыя въ настоящее время давно покинуты. Этотъ фактъ принялъ здѣсь такіе размѣры, что имъ подкрѣпляли мнѣніе, будто бы этотъ полуостровъ былъ тѣмъ сѣвернымъ ульемъ, изъ котораго вышли полчища, запрудившія Южную Европу и т. д.

Подобнымъ пространнымъ рядомъ фактовъ Кэри доказываетъ постепенный переходъ обработки отъ худшихъ земель къ лучшимъ. Фактъ этотъ можетъ кажется считаться, какъ фактъ, имъ

вполнѣ доказаннымъ, по крайней мѣрѣ, что касается низменностей и болотъ. И тѣмъ не менѣе фактъ этотъ, несмотря на его доказанность, мало способствуетъ въ сущности доказательству прогрессивнаго хода производительности земледѣльческаго труда или опроверженію въ корнѣ положенія Мальтуса, которое имѣетъ въ виду Кэри. Доказательствомъ послѣдовательнаго перехода обработки съ худшихъ участковъ на лучшіе дѣйствительно уничтожается повидимому одна изъ причинъ ренты, и именно послѣдняя изъ трехъ причинъ ренты, которыя мы перечислили выше, но и то только подъ извѣстнымъ условіемъ. Трудъ прилагается все къ лучшей и лучшей почвѣ, слѣдовательно на первый взглядъ производительность его должна очевидно возрастать, худшіе участки приходить въ запустѣніе, и выработка на послѣднемъ по качеству обработанномъ участкѣ, а слѣдовательно и рабочая плата возвышаться. Но не трудно видѣть, что подобный выводъ былъ бы пока еще преждевремененъ, что если обработка и переходитъ отъ худшихъ къ лучшимъ участкамъ, то просто при томъ же количествѣ труда, и не иначе какъ вслѣдствіе затраты лишняго труда на расчистку лучшей почвы. Выводъ Кэри былъ бы совершенно справедливъ, если бы на обработку лучшей десятины переносилось просто то же количество труда, которое тратилось прежде на худшую. Но самъ же Кэри говоритъ намъ, что лучшая десятина болотистая не обработывалась прежде потому, что обработка ея требовала больше труда, чѣмъ обработка нагорной десятины. Такимъ образомъ, хотя обработка и переходитъ на лучшую десятину, но не иначе какъ съ увеличеніемъ истрачиваемаго на эту обработку труда, хотя новая десятина и даетъ лучшую жатву, но эта жатва стóитъ бóльшаго труда. Гдѣ же здѣсь доказательство возвышенія производительности труда? Эта производительность, какъ извѣстно, выражается отношеніемъ урожая къ количеству затраченнаго на него труда, а это отношеніе не станетъ больше, если, увеличивъ его числителя или урожай, мы въ то же время должны будемъ увеличить его знаменателя или количество труда, и вопросъ можетъ рѣшиться только точнымъ опредѣленіемъ прогрессій, въ которыхъ измѣняются обѣ величины.

Кэри полагаетъ, что эти прогрессіи дѣйствительно согласуются съ пониженіемъ стоимости производствъ. «Земля,—говоритъ Кэри,—есть великая машина данная человѣку. Но она служитъ для него богатствомъ лишь настолько, насколько онъ умѣетъ ею пользоваться. Чѣмъ больше онъ господствуетъ надъ ней, тѣмъ лучше она его кормитъ, потому что каждый шагъ посто-

явно подготовляетъ новый, болѣе производительный, требующій меньше труда и дающій болѣе богатый сборъ».

Расчистка подъ пашню лѣсныхъ пространствъ требуетъ большого труда, но сборъ съ нихъ незначителенъ, такъ какъ почва покрыта древесными корнями и пнями.

Съ каждымъ годомъ усиливается гніеніе послѣднихъ и почва становится плодороднѣе; тогда какъ трудъ вспахиванія земли значительно облегчается. Дренажъ начинается по близости рѣки, гдѣ трудъ всего тяжеле и притомъ осушается только весьма малое пространство земли.

Нѣсколько дальше отъ берега то же количество труда осушаетъ втрое большее пространство, благодаря уже прежде произведеннымъ работамъ. Удобрить известью пятнадцать моргеновъ глинистой почвы гораздо легче, чѣмъ расчистить изъ-подъ лѣса одинъ моргенъ, и при всемъ томъ этотъ меньшій трудъ удваиваетъ сборъ. Человѣкъ, нуждающійся въ небольшомъ количествѣ топлива, употребляетъ много труда на разработку каменноугольной копи. Расширивъ послѣднюю настолько, чтобы можно было употреблять въ дѣло тачку, онъ прилагаетъ сравнительно меньше труда, но получаетъ значительно бо́льшіе сборы. Первая желѣзная дорога проводится мимо городовъ, между тѣмъ небольшія вѣтви ея, на которыя тратится значительно меньше труда, приводятъ въ сообщеніе съ главной линіей втрое большее число людей. Ферма сто́итъ теперь дорого, потому что владѣлецъ ея ежегодно въ теченіи долгаго времени получалъ съ нея тысячу бушелей, между тѣмъ какъ въ то время, когда она въ теченіи столѣтій лежала безъ всякаго употребленія, накопляла свое плодородіе, она не имѣла почти никакой цѣны.

Такимъ образомъ, Кэри не забываетъ того, что переходъ обработки къ лучшимъ участкамъ сопровождается увеличеніемъ труда, но онъ въ то же время думаетъ, что если лучшіе урожаи достаются народу современемъ не даромъ, а на счетъ капитала вкладываемаго въ почву, то эти капитальныя улучшенія съ избыткомъ вознаграждаются урожаями. Противъ этого нужно только замѣтить, что, къ сожалѣнію, Кэри не провѣряетъ своего предположенія никакими точными разсчетами.

Затѣмъ остаются два другіе источника ренты.

III.

Все дальнѣйшее содержаніе трудовъ Кэри дѣйствительно посвящено опроверженію второго источника ренты, или доказательству послѣдовательнаго уменьшенія части стоимости производства, проистекающей изъ разстоянія мѣста производства отъ мѣста потребленія. То орудіе, которое дѣлаетъ возможнымъ переходъ обработки отъ безплодныхъ нагорныхъ участковъ къ болотамъ, есть увеличеніе населенія, разнообразія занятій, орудій, отношеній и ассоціаціи между людьми. Та же самая ассоціація, разнообразіе занятій и децентрализація или развитіе мѣстной жизни, являющееся на смѣну централизаціи, ведетъ къ послѣдовательному уменьшенію разстояній между мѣстами производства хлѣба и его потребленія, и слѣдовательно удешевляетъ стоимость его производства. А такъ какъ историческая жизнь общества идетъ отъ централизаціи къ децентрализаціи, то отсюда слѣдуетъ и историческое пониженіе стоимости производства.

Въ періодъ юношескаго состоянія общества, когда люди воздѣлываютъ плохую почву, возможна только низшая степень ассоціаціи. Но когда народонаселеніе наростаетъ, тогда начинаютъ пролагаться дороги и воздѣлываться лучшія земли. Лавка и мельница подвигаются къ поселенцу, и у него остается больше времени для улучшенія земли, а потому сборы съ нея возростаютъ. Шерсть превращается на мѣстѣ же въ сукно, и земледѣлецъ прямо обмѣнивается съ фабрикантомъ. Кожевенникъ даетъ ему за шкуры кожи, а бумажный фабрикантъ обмѣниваетъ его тряпье на бумагу и т. д. Чѣмъ болѣе подвигаются мѣста обмѣна и обработка сырья къ мѣстамъ его производства, тѣмъ незначительнѣе потеря въ общемъ процессѣ производства на провозъ, и тѣмъ незначительнѣе растрата питательнаго матеріала почвы. Человѣкъ, которому дана пища съ условіемъ, чтобы онъ годъ ничего не дѣлалъ, сдѣлался черезъ это бѣднѣе, потому что ферма его вмѣсто того, чтобы улучшаться отъ годичной культуры, ухудшилась, пролежавъ въ запустѣніи, между тѣмъ какъ онъ еще даромъ тратилъ бы лошадей и телѣгу на перевозъ даровой пищи себѣ на домъ. Послѣ пищи топливо есть предметъ первой важности. Въ то время, когда человѣкъ отапливаетъ свой домъ, онъ расчищаетъ также землю. Точно также онъ выигрываетъ вдвойнѣ, когда для постройки своего дома собираетъ камни съ своего собственнаго поля, потому что онъ въ одно и то же время строитъ домъ и очищаетъ поле отъ камней. Напротивъ, когда онъ будетъ возить топливо или камень

извнѣ, то онъ будетъ въ явной потерѣ, потому что его со[б]ственная земля не будетъ при этомъ улучшаться.

Всѣми вышеприведенными фактами Кэри повидимому хоче[тъ] сказать, что производство растетъ и удешевляется не толь[ко] на счетъ одного увеличенія размѣра капитала, прилагаемаго [къ] обработкѣ поземельной единицы, а въ то же время еще на сче[тъ] другихъ причинъ, на которыя не было обращено вниманія.

Съ увеличеніемъ капитала, прилагаемаго къ обработкѣ, я[в]ляется возможность не только получать большій доходъ съ тѣ[хъ] же участковъ, но обработывать участки собственно лучшаго к[а]чества, болѣе благодарные въ конечномъ счетѣ, но обработ[ка] которыхъ невозможна при маломъ капиталѣ. Далѣе, съ увел[и]ченіемъ населенія и разнообразіемъ занятій уменьшаются трат[ы] на обмѣнъ услугъ и провозъ предметовъ; уменьшается, словом[ъ], работа безполезныхъ сопротивленій, и потому производство де[]шевѣетъ независимо отъ улучшенія капитала или исполнитель[]ныхъ механизмовъ полезной работы.

Если выразить это послѣднее положеніе болѣе обстоятел[ь]нымъ образомъ, то оно заключается въ слѣдующемъ: всякій продуктъ до своего потребленія проходитъ нѣсколько степеней обработки, и главнымъ образомъ проходитъ черезъ руки двухъ родовъ производителей: черезъ руки производителя сырья и мануфактуриста и наконецъ потребителя; чѣмъ эти три рода лицъ будутъ болѣе сближены между собой, тѣмъ меньше трата на провозъ продукта во время обработки и тѣмъ, слѣдовательно, дешевле продуктъ для потребителя, и наоборотъ. Поэтому сколь бы ни былъ великъ капиталъ и совершенны орудія производства, сколь бы ни была дешева работа самыхъ исполнительныхъ механизмовъ обработки, или дешево самое производство, цѣна, которой будетъ стоить продуктъ, можетъ быть больше или меньше, смотря по тому разстоянію, на которомъ находится мануфактуристъ отъ производителя сырья, и будетъ меньше, чѣмъ меньше это разстояніе. Напротивъ, она будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше это разстояніе, и можетъ быть доведена этимъ путемъ до невозможнаго предѣла. Это экономическое условіе само собой ведетъ къ соціологическому закону, который и ставится у Кэри въ основаніе всей соціальной науки—закону *наибольшаго сближенія отдѣльныхъ производителей*, развитію мѣстныхъ мануфактуръ, мѣстной жизни и цивилизаціи и вообще децентрализаціи, какъ такого соціальнаго порядка, который ведетъ къ наиболѣе дешевому производству.

Въ противуположность этой системѣ существуетъ другая, выражающаяся въ сосредоточеніи всей обработывающей промыш-

енности въ небольшомъ числѣ центровъ, удаленныхъ отъ селъ. ʼта система *централизаціи промышленности* имѣетъ различныя тепени. Дѣло ея или ограничивается предѣлами даннаго госуарства, и въ этомъ случаѣ обработывающая промышленность ʼсредоточивается въ нѣсколькихъ значительныхъ городахъ или ентрахъ, въ которые стекается для обработки сырья со всей граны; или та же система централизаціи распространяется на ѣлую систему государствъ или странъ, изъ которыхъ какаяибо одна страна стремится захватить въ свои руки всю обраотку и низвести остальныя на степень колоній, производящихъ дно сырье. Эта система и есть та, которая существовала до ихъ поръ въ большей или меньшей степени въ дѣйствительости. Какъ система болѣе дорогого производства, эта система редставляется положительно невыгодной для общества. Но она евыгодна не только какъ система болѣе дорогого производства: даляя мануфактуриста отъ производителя сырья, она удаляетъ тъ послѣдняго вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ средства цивилизаціи: науку, школу, орудія болѣе совершенной обработки почвы, уничтожаетъ редства болѣе совершеннаго производства сырья, слѣдовательно держиваетъ земледѣліе на низкой степени развитія, а землеѣльца на низкой ступени цивилизаціи, и въ суммѣ ведетъ страну ъ бѣдности и варварству. Но въ то же время эта система можетъ быть выгодна для отдѣльныхъ лицъ, и этимъ Кэри объясняетъ ея господство въ исторіи.

«Удаленіе отдѣльныхъ производителей, говоритъ Кэри, вызываетъ потребность въ отдѣльномъ классѣ лицъ, который ничего не производитъ самъ, но служитъ посредникомъ обмѣновъ, какъ между отдѣльными производителями, такъ и между послѣдними и потребителями — это классъ торговый.

«Такъ какъ необходимость и существованіе этого класса обусловливается разъединеніемъ производителей, то очевидно, что онъ долженъ заботиться о поддержаніи и развитіи такого разъединенія. Усиліямъ этого-то класса, класса торговцевъ, по мнѣнію Кэри, исторія и обязана преимущественно той системой централизаціи, которая въ ней господствовала.

«Первобытные поселенцы,—пишетъ Кэри,—нигдѣ и никогда не пользовались спокойствіемъ и свободой устроивать свои отношенія къ лучшему. Напротивъ, вездѣ и всегда были причины, нарушающія правильное развитіе сношеній. Между двумя поселенцами, желавшими жить своимъ трудомъ, всегда случался третій, который говорилъ первому поселенцу: «принеси мнѣ твою рыбу, тебѣ это будетъ легче, чѣмъ препровождать ее къ другому поселенцу для обмѣна». Послѣднему онъ говорилъ въ

свою очередь: «принеси мнѣ своихъ птицъ, а я уже сговорюс съ первымъ поселенцемъ на счетъ обмѣна».

На это, конечно, оба поселенца могли отвѣчать, что он сами могутъ сговориться на счетъ мѣны, безъ его содѣйствія, і будь они вмѣстѣ, они могли бы дѣйствительно устранить тако посредничество. Но такъ какъ каждая подобная попытка невы годна для третьяго поселенца, то онъ старается держать их дальше другъ отъ друга, потому что они въ этомъ случаѣ бу дутъ болѣе зависѣть отъ его произвола. Такъ какъ число посе ленцевъ умножается, то очень понятно, что нѣкоторымъ из нихъ можетъ придти на мысль, что они могутъ улучшить сво положеніе, начавъ работать вмѣстѣ. Но это не соотвѣтствует цѣлямъ торговца. Разбогатѣвъ на счетъ труда своихъ сосѣдей, онъ уже въ состояніи заплатить за помощь, нужную ему дл поддержанія своей власти.

Между тѣмъ въ числѣ его сосѣдей есть такіе, которые точно также готовы скорѣе жить трудомъ другихъ, чѣмъ своимъ собственнымъ. Находясь въ бѣдности и ища удовольствій, они готовы продать свои услуги наемщику, который доставитъ имъ возможность ѣсть, пить и весело жить. Вообще при отсутствіи умѣнья располагать силами природы, характеризующемъ первобытное состояніе общества, человѣкъ долженъ почти исключительно ограничиваться своими физическими силами при добываніи жизненныхъ потребностей. Такъ какъ эти силы различны у различныхъ индивидуумовъ, то въ этотъ періодъ господствуетъ громадное неравенство состояній. Дѣти и жена находятся обыкновенно въ рабскомъ состояніи у мужа; а тѣхъ, кто по годамъ или по болѣзни не въ силахъ работать, обыкновенно бросаютъ, предоставляя имъ умирать съ голоду. Въ состояніи охотника, когда человѣкъ ограничивается присвоеніемъ даровыхъ благъ природы, физическая сила составляетъ исключительное богатство. Чтобы добыть столько пищи, сколько получается съ полуморгена воздѣланной земли, для человѣка, живущаго одной охотой, нужно 800 моргеновъ. Между тѣмъ живность истребляется, годъ отъ году попадается рѣже. Это заставляло жителей истощенныхъ странъ вытѣснять и грабить жителей, населяющихъ болѣе богатыя пространства. Недостатокъ пищи принуждалъ такимъ образомъ человѣка грабить всюду своего ближняго. Въ этотъ древнѣйшій періодъ, сильнѣйшіе люди присвоивали себѣ обширныя пространства земли и обращали слабѣйшихъ людей, ихъ женъ и дѣтей въ своихъ рабовъ. Всѣ старанія такого собственника были направлены къ тому, чтобы помѣшать всякой комбинаціи труда между его рабами, и чѣмъ успѣшнѣе онъ до-

стигалъ этой цѣли, тѣмъ больше былъ его доходъ. Торговля поэтому, пишетъ Кэри,—«началась съ барышничества или торговли людьми. Первобытный торговецъ покупалъ свой товаръ на самомъ дешевомъ рынкѣ, такъ какъ онъ просто ночью выжигалъ для этого села, бралъ себѣ часть плѣнниковъ и часть продавалъ другимъ. При такомъ состояніи общества, физическая сила и хитрость, олицетворяемые въ Аяксѣ и мудромъ Улиссѣ, суть единственныя свойства, пользующіяся уваженіемъ. Воинъ чтится, когда ему удается обмануть своего противника; тогда какъ купецъ пользуется уваженіемъ по своему значительному богатству, пріобрѣтенному продажей бѣдному африканцу такого оружія, которое разрывается при первомъ выстрѣлѣ или такихъ матерій, которыя разлетаются на части отъ перваго мытья. Поэтому торговля и война имѣютъ между собою много общаго; они вырастаютъ на одной и той же почвѣ разобщенія людей и варварствѣ, и единственное различіе между завоевательными войнами и войнами торговыми то, что послѣднія ведутся съ гораздо большимъ ожесточеніемъ. Завоеватель все-таки чувствуетъ потребность улучшить положеніе своихъ ближнихъ, но торговецъ не знаетъ другого стремленія, какъ купить на дешевомъ рынкѣ и продать на дорогомъ».

Таковы краски, которыми Кэри изображаетъ первобытную исторію общества, и таковы источники, въ которыхъ онъ видитъ настоящую причину разобщенія людей. Если эти краски, по скольку они относятся къ первобытной исторіи, не преувеличены, то съ другой стороны нельзя сказать, чтобы источникъ разъединенія людей былъ на самомъ дѣлѣ таковъ, какимъ его изображаетъ Кэри. Никто не станетъ оспаривать справедливости извѣстнаго правила: «divide et impera». Но чтобы человѣческая исторія была вообще дѣломъ однихъ интригановъ, устраивавшихъ ее на зло всему человѣчеству, съ этимъ согласиться нельзя. Я не спорю противъ того, что посредствующія лица имѣли интересъ препятствовать весьма часто сближенію людей и дѣйствительно заботились объ этомъ; но я полагаю въ то же время, что самое ихъ существованіе едва ли не настолько же вызывалось и обусловливалось отсутствіемъ сближенія между людьми и неумѣніемъ людей мирно комбинировать свои силы, сколько обусловливало это неумѣнье. Чтобы согласиться съ Кэри, нужно предположить, что человѣкъ отъ природы родился готовымъ гражданиномъ общества, что ему въ этомъ отношеніи было ровно нечему учиться, и онъ обладалъ сначала всѣми качествами ума и характера, всѣмъ тактомъ, которые необходимы для такой ассоціаціи. Ну, а это врядъ ли такъ. Поэтому, если

съ отсутствіемъ ассоціаціи въ первобытномъ обществѣ можно согласиться какъ съ фактомъ, то самому факту слѣдуетъ дать нѣсколько иное объясненіе.

Не ставя централизаціи вовсе соціальнымъ идеаломъ, мы не можемъ однако въ то же время не признать, что первобытный человѣкъ вмѣсто способности къ ассоціаціи принесъ съ собой именно неумѣнье устроивать своихъ отношеній промежъ себя, что начало централизаціи скрывалось не въ частномъ капризѣ отдѣльныхъ личностей, а въ общей природѣ человѣка, который иначе не умѣлъ дисциплинироваться и устраивать своихъ отношеній, какъ на началѣ физической силы.

Какъ бы то ни было, исторія почти всѣхъ государствъ,—продолжаетъ Кэри,—достигшихъ историческаго вліянія, Спарты, Карфагена, Рима, Франціи и т. д. представляютъ намъ картину такой централизаціи и подавленія мѣстной жизни въ пользу жизни отдѣльныхъ центровъ. Народъ вездѣ низведенъ на степень производителя одного сырья и удаленъ по самому мѣсту отъ высшихъ видовъ производства. Вся система построена на томъ, чтобы понизить елико возможно цѣну сырья и повысить цѣну обработаннаго товара, словомъ, разъединить цѣны на эти два рода продуктовъ, тогда какъ настоящая система должна стремиться къ елико возможному сближенію этихъ цѣнъ. Та же система централизаціи, утвержденная внутри государства, переносится отдѣльными государствами естественнымъ образомъ и въ ихъ внѣшнія сношенія. Каждое государство стремится низвести елико возможно большее число другихъ, въ отношеніи себя, на степень простыхъ производителей одного сырья; и эта система прежде всего примѣняется къ колоніямъ.

Эта система централизаціи торговой преслѣдовалась въ новѣйшее время съ особеннымъ усердіемъ и безпощадностью Англіей, и результаты ея яркими красками начерчены въ экономическомъ положеніи странъ, которыя имѣли только несчастье подпасть подъ ея вліяніе. Въ Ирландіи, Вестъ- и Остъ-Индіи, вездѣ, словомъ, гдѣ успѣло утвердиться англійское владычество, оно дало почувствовать свое присутствіе этой же системой политики, сознательно и ясно проводимой, и тѣми же результатами, одинаково печальными и несправедливыми. Кэри особенно долго останавливается надъ этимъ предметомъ.

«Древнія метрополіи,—говоритъ онъ,—ограничивали сношеніе колоній между собой и съ другими странами, но они не вмѣшивались въ ихъ внутреннее сношеніе. Греческія колоніи могли свободно обмѣнивать свои произведенія гдѣ угодно. Карѳагенскія колоніи могли какъ угодно обработывать свои сырыя произве-

денія. Испанія и Португалія точно также не вмѣшивались во внутреннюю торговлю и производство своихъ индѣйскихъ колоній. Франція точно также. Единственныя ограниченія, которыя позволяли себѣ эти страны, касались свободы иностранной торговли колоній. Въ англійской колоніальной системѣ встрѣчается въ первый разъ запрещеніе колоніямъ тѣхъ или другихъ промысловъ, вмѣшательство во внутреннее производство колоній, съ цѣлью воспрепятствовать ихъ развитію и обратить колоніи въ вѣчныхъ производителей одного сырья. Прошло два столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ англійскіе купцы обратились съ просьбой къ правительству: «подавить всѣми возможными средствами развитіе мануфактуръ въ Ирландіи», и эта просьба имѣла своимъ послѣдствіемъ запрещеніе Ирландіи обработывать свою собственную шерсть. Послѣдняя должна была въ сыромъ видѣ высылаться въ Англію и обработываться англійскими мануфактурами. Та же система затѣмъ была примѣнена и къ американскимъ колоніямъ. Въ 1710-мъ году нижняя палата объявила, что учрежденіе фабрикъ въ колоніяхъ имѣетъ цѣлью ослабить ихъ зависимость отъ Великобританіи; въ 1730-мъ году запрещено устраивать фабрики и машины для прокатыванія желѣза. Позднѣе лордъ Чатамъ объявилъ, что онъ не позволитъ колонистамъ выковывать ни одного гвоздя для подковы.

Въ 1765-мъ году запрещено выселеніе ремесленниковъ изъ Англіи въ колоніи подъ страхомъ наказанія. Въ 1781-мъ году запрещенъ вывозъ орудій, служащихъ для обработки шерсти и шелка; въ 1782-мъ г. вывозъ мастеровъ для набивки матеріи; въ 1785-мъ г. вывозъ аппаратовъ и работниковъ для обработки желѣза и стали, а въ 1795-мъ вывозъ горнорабочихъ.

Всѣ эти запрещенія имѣли одну цѣль: сдѣлать невозможнымъ развитіе мѣстныхъ мануфактуръ въ колоніяхъ и заставить весь сырой продуктъ колоній обработываться на англійскихъ фабрикахъ.

То же самое относительно Индіи. Здѣсь точно также было запрещено всякое мануфактурное производство, и ея населеніе не имѣло права даже рафинировать свой собственный сахаръ. Всѣ должны были заниматься производствомъ одного сырья. Мѣстные результаты такой колоніальной политики были повсюду одинаковы. Запрещеніе обработки продукта на мѣстѣ прежде всего оставляло безъ работы всѣ руки, которыя были заняты на мѣстѣ такой обработкой; далѣе, оно увеличивало расходы производства на всю стоимость вынужденнаго и напраснаго провоза сырья для обработки въ метрополію и обратно; а если цѣна обработаннаго продукта возвышалась, то уменьшалось и

его потребленіе въ колоніяхъ. Вслѣдствіе этого должно было уменьшаться самое количество производимаго сырья, а слѣдовательно и число рукъ занятыхъ его производствомъ. Наконецъ, обработка сырья внѣ мѣста его производства увеличивала сумму отброса, пропадавшаго даромъ для производства, и постоянный вывозъ сырья, безъ возврата почвѣ отброса, истощалъ все болѣе и болѣе колоніальную почву. Въ результатѣ, такія условія должны были вести повсемѣстно къ одному и тому же концу: истощенію и запустѣнію колоній.

Подъ вліяніемъ такой системы Ирландія доведена до настоящей нищеты. Развитіе ея мануфактуръ было, какъ мы видѣли, остановлено съ самаго начала по просьбѣ англійскихъ купцовъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ 1783-мъ году, были установлены покровительственныя пошлины, подъ вліяніемъ которыхъ ирландскія мануфактуры стали мало-по-малу исправляться; но въ 1801-мъ году, съ присоединеніемъ острова къ королевству Англіи, были открыты ирландскіе рынки и мѣстныя мануфактуры не могли конкуррировать съ болѣе развитыми англійскими и должны были исчезнуть. Въ 1840-мъ году число рабочихъ на суконныхъ фабрикахъ въ Дублинѣ понизилось съ 5000 до 600. Лишась всякаго занятія кромѣ земледѣлія, ирландскій работникъ долженъ былъ понизить свою заработную плату или бѣжать въ Англію и Америку. Для людей болѣе достаточныхъ удовольствіе жить на родинѣ, лишенной всякаго мѣстнаго развитія, уничтожилось, и эти лица уѣхали въ Англію, Италію и Францію проживать ренты съ своихъ ирландскихъ помѣстій. И такимъ образомъ Ирландія продавала свою почву за ткани, которыя страна могла сама себѣ приготовить; за каменный уголь и желѣзо, которые находились у нея самой въ изобиліи. Защитники системы приписывали нищету Ирландіи избытку населенія; между тѣмъ, какъ третья часть страны, заключавшая плодоноснѣйшія мѣстности, оставалась необработанной. Чтобы сдѣлаться зажиточнымъ, населеніе нуждалось въ одномъ — въ равномѣрномъ развитіи на ряду съ земледѣліемъ прочихъ видовъ производства, а это было невозможно при системѣ, уничтожавшей возможность всякаго производства въ странѣ, кромѣ сырья. Страна, начавшая вывозить сырье, должна будетъ наконецъ вывозить людей — это неизбѣжно.

То же самое происходило и въ азіатской Индіи. До господства англичанъ страна раздѣлялась между мелкими властителями; подати были велики, но всѣ онѣ истрачивались на мѣстѣ и промышленность была развита. На Коромандельскомъ берегу и въ Бенгаліи трудно было найти 60 лѣтъ тому назадъ деревню, въ которой всѣ мужчины и женщины не занимались бы

тканьемъ матерій. Бенгалія славилась своими кисеями, Коромандельскій берегъ ситцемъ и катуномъ. Съ утвержденіемъ господства англичанъ подати стали еще больше, а между тѣмъ сдѣлано было также все что можно для того, чтобы заставить мѣстное населеніе производить одно сырье и посылать его для обработки въ Англію.

При назначеніи налога на ткацкіе станки, ткачъ долженъ былъ показать, сколько у него дѣтей и какую помощь они ему оказываютъ. Маслобойня, печь гончара, инструменты золотыхъ дѣлъ мастера, пила лѣсопильщика, наковальня кузнеца, топоръ плотника, ткацкій станокъ ткача и лодка рыбака — все было обложено податью. Доносчикамъ платили значительныя суммы, чтобы принудить неработающихъ быть шпіонами людей работавшихъ.

Далѣе, въ мѣстныхъ таможняхъ взымалась пошлина со всѣхъ обмѣновъ между отдѣльными частями страны, а въ пользу казны существовали монополіи на соль, опіумъ и табакъ. Въ свое время страна не только производила столько хлопка, сколько было нужно для внутренней потребности, но доставляла еще сотни милліоновъ фунтовъ хлопка для вывоза въ другія страны. Подати и запрещеніе ввоза мастеровъ и орудій, вынудившее посылать весь хлопокъ для обработки въ Англію, привели Индію къ такому обѣдненію, равнаго которому, по словамъ Роберта Пиля, нѣтъ въ лѣтописяхъ. Значительные мануфактурные города совершенно исчезли. Отъ значительнаго города Дока, въ которомъ считалось 90,000 домовъ, осталась только груда развалинъ. Дренажныя работы, начатыя прежде, теперь покинуты. Въ долинѣ Гангеса необработывается и $^1/_3$ части годной земли, и половина плодородной почвы всей Индіи лежитъ въ запустѣніи. Въ Мадрасскомъ президентствѣ обработанная почва занимаетъ $^1/_5$ часть его пространства. Для достиженія этого-то, говоритъ Пиль, дѣти въ Ланкаширѣ работали отъ 15-ти до 17-ти часовъ въ будни и чистили машины по воскресеньямъ отъ 6-ти до 12-ти часовъ. Главной цѣлью было дешевѣйшее сравнительно съ бѣднымъ индусомъ производство тканей.

Въ Британской Вестъ-Индіи тѣми же мѣрами производство было ограничено разведеніемъ одного сахарнаго тростника. На Ямайкѣ пробовали разводить индиго, но оказалось, что на долю провоза, коммиссіи и правительства приходилась такая значительная часть его продажной цѣны, что производство стало невозможно. Пробовали разводить кофе, но и это производство оказалось невозможно. Самое производство сахарнаго тростника оста-

валось возможно только благодаря рабовладѣнію, и при этомъ доходъ производителя былъ крайне ничтоженъ.

Плантаторъ былъ обращенъ въ простого надсмотрщика і рабами, обязаннаго уступать почти весь чистый доходъ тор цамъ и правительству. Самъ онъ былъ почти такимъ же бомъ этихъ лицъ, какъ и его негръ, а между тѣмъ на і смотрѣли всегда какъ на настоящаго тирана и эксплуатат тогда какъ настоящіе эксплуататоры спокойно наслаждалисі зультатами такой колоніальной системы въ Англіи.

Можно было бы по крайней мѣрѣ думать, что такая к ніальная система выгодна для метрополіи; но не трудно вид что Англія, разоряя этой системой Ирландію, разоряла въ же время и себя. Оставаясь безъ работы, ирландскій работн долженъ былъ искать труда въ Англіи. Англія наводнялась лодными ирландцами, понижавшими рабочую плату англійск рабочихъ. Рабочая плата становилась низка, продуктъ деше но въ то же время низокъ и потребитель такъ, что число л нихъ рукъ увеличивалось, и 1/9 часть населенія Англіи впала пауперизмъ за недостаткомъ работы.

На этомъ основаніи настоящую причину англійскаго прс таріата слѣдуетъ искать, по утвержденію Кэри, вовсе не естественномъ законѣ природы, по примѣру Мальтуса, а въ с санной колоніальной системѣ, стремившейся извратить естест ное развитіе всѣхъ странъ міра для того, чтобы доставить А ліи монополію обработки сырья всего міра.

Такъ какъ результатъ системы долженъ быть повсемѣс одинаковъ, то къ такому же разоренію должны были приход государства, которыя добровольно ставили себя въ подобную зависимость отъ иностранной торговли и мануфактуръ, го дарства, которыя, не заботясь о развитіи туземныхъ проми ловъ, довольствовались производствомъ одного сырья. Тако Турція, Португалія и пр.

Всякій разъ, когда тѣ или другія страны ставили себя і положеніе странъ чисто земледѣльческихъ, онѣ бѣднѣли и р зорялись неминуемо, и напротивъ, поправлялись съ развитіе промышленности. Для страны, которая разъ приняла такое і ложеніе простой производительницы сырья, единственный исхо изъ такого положенія, по мнѣнію Кэри, есть покровительстве ная система, которая дала бы возможность возникнуть мѣс нымъ мануфактурамъ и развиться до возможности конкурир вать съ иностранными производителями. Кэри является поэтоі ревностнымъ защитникомъ системы Кольбера и тѣхъ странъ правительствъ, которыя придерживались этой системы въ этоі

тношеніи; онъ, однако, слишкомъ идеализируетъ вліяніе покровительства и рисуетъ въ слишкомъ идеальномъ свѣтѣ положеніе тѣхъ странъ, которыя беретъ въ доказательство своей еоріи.

IV.

Итакъ, централизація или физическая близость производиля сырья и мануфактуриста, его обработывающаго, составетъ неизбѣжно условіе дешевизны производства или сокращея безполезной работы. Чѣмъ ближе между собой эти лица, ѣмъ болѣе непосредственныхъ сношеній между ними и тѣмъ еньше число посредствующихъ лицъ, участвующихъ въ устройвѣ сношеній. Но для возможности сношенія еще недостаточ) одной близости мануфактуриста къ производителю сырья, роизводителя и потребителя. Сношеніе бываетъ устроено наигоднѣйшимъ образомъ въ томъ случаѣ, когда всѣ лица, учавующія въ процессѣ производства, постоянно заняты дѣломъ, перемѣщеніе продуктовъ между отдѣльными производителями вершается непрерывно, при наименьшей тратѣ времени на перемѣщеніе. Время, истрачиваемое на перемѣщеніе, зависитъ отъ зстоянія между отдѣльными производителями и состоянія дорогъ. Но это время можетъ быть различно также, смотря по му, сколько продуктъ будетъ залеживаться въ отдѣльныхъ нктахъ до его перемѣщенія; а это зависитъ отъ тѣхъ осноній, на которыхъ совершается передача продукта изъ однѣхъ къ въ другія, или его распредѣленіе. Въ предѣлахъ одной маерской, одного хозяйства, работа можетъ идти непрерывно, пому что здѣсь продуктъ переходитъ отъ одного работника къ угому непосредственно безъ всякой остановки. Такая переданевозможна между двумя независимыми мастерскими сама бою, и основаніемъ распредѣленія продукта между отдѣльны хозяйствами служитъ обыкновенно обмѣнъ. Если связать тай обмѣнъ условіемъ обмѣна продукта на продуктъ, то путемъ кого обмѣна нельзя достигнуть непрерывнаго распредѣленія юдукта, и товаръ будетъ залеживаться въ отдѣльныхъ ступехъ производства или обмѣна.

Для того, чтобы этого не случилось, нужно, чтобы всякій купщикъ могъ представить такой товаръ въ обмѣнъ, который егда готовъ взять въ обмѣнъ продавецъ. Такой товаръ соавляютъ деньги, и потому-то деньги служатъ орудіемъ обращея или обмѣновъ. При ихъ посредствѣ распредѣленіе или цир-

куляція продукта можетъ совершаться безостановочно, и ск
рость обращенія продукта зависитъ только отъ времени, истр
чиваемаго на перемѣщеніе продукта. Такова настоящая ро
денегъ и основаніе, по которому они цѣнятся. Когда это ор
діе въ избыткѣ или достаточномъ количествѣ, тогда денежн
процентъ не высокъ, и обращеніе совершается съ возможной б
стротой. Недостатокъ денегъ, напротивъ, какъ недостатокъ ор
дія обращенія долженъ вызывать замедленіе обращенія проду
товъ, замедленіе производства и безполезную растрату труда.

Нужно замѣтить, по мнѣнію Кэри, что такой недостато
денегъ весьма часто ложно смѣшиваютъ съ недостаткомъ кап
тала. Капиталы составляютъ всѣ орудія производства, въ то
числѣ, конечно, и деньги, какъ орудіе обращенія, безъ кот
раго немыслимо производство; но можно легко понять, что в
орудія производства, то-есть капиталъ вообще, кромѣ денег
могутъ быть на лицо, а между тѣмъ производство можетъ ост
навливаться именно за недостаткомъ денегъ или одного оруд
обращенія.

Какъ всякое орудіе, деньги стремятся къ тому мѣсту, г
онѣ находятъ для себя болѣе дѣла, то-есть къ тѣмъ мѣстам
гдѣ обращеніе сильнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется и наи
большая потребность въ деньгахъ. На этомъ основаніи, по мнѣ
нію Кэри, можно предсказать заранѣе, что деньги долж
стремиться изъ странъ, гдѣ сношеніе замедляется или замедле
но,—въ страны, гдѣ оно развито или развивается; что деньг
должны стремиться изъ странъ чисто земледѣльческихъ и с
развитой централизаціей—въ страны, гдѣ производитель сыр
и мануфактуристъ болѣе сближены. Выводъ этотъ Кэри про
странно доказываетъ примѣромъ Сѣверо-Американскихъ Шта
товъ, гдѣ ввозъ монеты превышалъ каждый разъ вывозъ ея с
введеніемъ покровительственнаго тарифа и развитіемъ подъ влія-
ніемъ послѣдняго фабрикъ; и напротивъ, вывозъ монеты превы-
шалъ ввозъ каждый разъ, какъ фабрики закрывались и сноше-
нія падали.

Что касается количества денегъ, въ которомъ нуждается
страна, то количество это можетъ быть весьма различно по сум-
мѣ обмѣновъ и скорости обращенія денегъ, то-есть по числу
покупокъ, которыя успѣваетъ совершить та же монета въ дан-
ное время. Чѣмъ обмѣнивающіяся лица болѣе сближены между
собой, чѣмъ незначительнѣе налоги, централизующіе массу де-
негъ въ рукахъ казначейства, изъ котораго они расходуются
только постепенно; чѣмъ меньше прячется денегъ въ сундукахъ,
тѣмъ болѣе оборотовъ совершаетъ тотъ же денежный знакъ въ

данное время и тѣмъ сравнительно меньшимъ количествомъ монеты можетъ довольствоваться страна. Напротивъ, чѣмъ больше въ странѣ лежитъ монеты непроизводительно, тѣмъ сравнительно большаго ея количества и требуется для внутреннихъ обмѣновъ страны. Какъ предметъ общей потребности монета рано обратила на себя вниманіе правительствъ, которыя приняли на себя контроль надъ нею. Контроль этотъ на дѣлѣ приходилъ весьма часто, какъ извѣстно, къ порчѣ монеты. Такая порча монеты еще производилась въ древнихъ государствахъ; но въ позднѣйшей европейской исторіи она была доведена до крайности. Филиппъ Красивый измѣнялъ монету до тридцати разъ въ году; его преемники слѣдовали его же примѣру. Почти то же самое было въ Шотландіи и Англіи. Такое положеніе дѣлъ привело къ учрежденію въ Амстердамѣ, а затѣмъ и въ другихъ городахъ, депозитныхъ банковъ для надежнаго склада денегъ и для облегченія размѣна ихъ. Эти депозитные банки вскорѣ обратились въ учетные въ томъ смыслѣ, что порученные имъ вклады банки стали обращать подъ учетъ векселей; а затѣмъ опытъ привелъ къ тому убѣжденію, что банки имѣютъ возможность расширить свои учеты или кредиты на сумму, превышающую въ нѣсколько разъ денежный фондъ вкладчиковъ, замѣняя выдачу золота выпускомъ билетовъ или обязательствъ банка. Этимъ путемъ монета замѣнилась въ обращеніи кредитными знаками, и выпускъ ихъ далъ возможность сообразовать количество знаковъ съ потребностями рынка.

До сихъ поръ банковое дѣло не представляетъ ничего кромѣ пользы. Вредъ состоялъ въ томъ, что это дѣло скоро обратилось въ монополію. «Конецъ XVII-го столѣтія,—пишетъ Кэри,—былъ свидѣтелемъ возникновенія самаго вліятельнаго изъ денежныхъ учрежденій, когда-либо видѣннаго — это *англійскаго банка.* Едва лишь онъ устроился, какъ владѣльцы банка добились изданія закона, по которому лицамъ, желавшимъ помѣстить свои деньги въ видѣ вкладовъ, предоставлялся ограниченный выборъ между означеннымъ банкомъ и другими частными помѣщеніями. Такимъ образомъ, банкъ присвоилъ себѣ контроль надъ денежнымъ обращеніемъ, которымъ и распоряжался въ личныхъ выгодахъ своихъ немногихъ акціонеровъ. Съ тѣхъ поръ въ отношеніи торговли деньгами установилась та же централизація. Эта-то централизація даетъ банку возможность производить спекуляціи, отражающіяся разорительнымъ образомъ на общественномъ хозяйствѣ.

Производя усиленную покупку частныхъ обязательствъ, банкъ увеличиваетъ сумму денежнаго обращенія, вызываетъ новыя пред-

пріятія и оживленіе предпріимчивости, за которыми слѣдуетъ усиленный ввозъ иностранныхъ продуктовъ. Но этотъ послѣдній ведетъ въ концѣ къ вывозу золота; требованія на послѣднее возрастаютъ. Вслѣдствіе этого банкъ принужденъ продавать въ избыткѣ купленныя имъ бумаги, и послѣднія падаютъ въ цѣнѣ. На половину начатыя предпріятія, вслѣдствіе сокращенія банкомъ кредита, не могутъ быть окончены. Предпріятія эти рушатся. Тысячи людей оказываются разоренными и самъ банкъ едва избѣгаетъ той же участи. Въ такое положеніе англійскій банкъ уже неоднократно ставилъ англійское общество со времени своего учрежденія. Все это происходитъ вслѣдствіе централизаціи торговли деньгами и стремленія ее регулировать. «Но дѣло въ томъ,—говоритъ Кэри,—что торговля деньгами, какъ и торговля башмаками, не нуждается ни въ какомъ регулированіи. Напротивъ, она требуетъ полнѣйшей свободы, при которой единственнымъ регуляторомъ ея является само общество. На этомъ основаніи американская система мѣстныхъ банковъ, какъ болѣе локализирующая кредитъ и стремящаяся къ децентрализаціи, представляетъ болѣе задатковъ устойчивости и пользы для страны.

Вообще банкъ есть не что иное, какъ денежная лавка орудій обращенія, въ которой вкладываются деньги, ищущія обращенія. Чѣмъ ближе эта лавка будетъ къ потребителю, тѣмъ менѣе онъ будетъ удерживать при себѣ денегъ, имѣя возможность всегда достать ихъ изъ банка; поэтому, чѣмъ болѣе локализованы банки, тѣмъ совершеннѣе денежное обращеніе.

Экономическіе писатели, начиная отъ Юма и Адама Смита и кончая Миллемъ, также разсматривали деньги, какъ орудіе обращенія, но въ то же время они старались утвердить то мнѣніе, что измѣненіе количества драгоцѣнныхъ металловъ не производитъ никакого вліянія на экономическое положеніе народа. Чѣмъ меньше драгоцѣннаго металла, тѣмъ большее количество прочихъ продуктовъ, по ихъ мнѣнію, будетъ обмѣниваться на то же количество металла, и только. Несмотря на то, общее мнѣніе и факты постоянно противурѣчили такому воззрѣнію. Фермеръ знаетъ, что когда деньги въ изобиліи, его произведенія быстрѣе сбываются; а когда ихъ мало, ему приходится ждать покупателей. Каждый рабочій понимаетъ, что когда деньги свободно обращаются, онъ легко находитъ работу и самъ становится покупателемъ. Между тѣмъ, когда ихъ мало, то онъ остается безъ работы и его семейство терпитъ нужду. «Люди имѣютъ инстинктъ, и когда ихъ учатъ тому, что противорѣчитъ окружающей дѣйствительности, то они естественно приписыва-

ютъ это тому, что ихъ ученые изучаютъ природу въ своихъ кабинетахъ», — прибавляетъ Кэри.

Дѣйствительно, подобно всякому орудію, всякой вещи, количество денегъ должно сообразоваться съ потребностью въ нихъ. И если потребность въ орудіи обращенія превышаетъ предложеніе, то обращеніе задерживается. Всякій понимаетъ, что если уменьшить число нашихъ кораблей, то черезъ это произойдетъ неминуемое замедленіе въ обращеніи цѣнностей; а между тѣмъ корабли не приводятъ въ обращеніе и незначительной доли той суммы цѣнностей, обращеніе которыхъ зависитъ отъ денегъ. Если же уменьшеніе кораблей и дорогъ замедляетъ обращеніе, то тѣмъ ощутительнѣе долженъ быть для обращенія недостатокъ денегъ, заставляющій людей обращаться къ первобытнымъ орудіямъ мѣны.

Итакъ, чѣмъ въ большемъ достаткѣ орудія обращенія, чѣмъ менѣе централизованы деньги, тѣмъ непрерывнѣе обращеніе цѣнностей, участвующихъ въ производствѣ и потребленіи, тѣмъ быстрѣе и совершеннѣе самое производство. Отсюда слѣдуетъ, что и забота о торговомъ балансѣ не есть вовсе такая пустая забота, какъ это старались доказать.

Страна, изъ которой бѣгутъ деньги, идетъ къ застою, замедленію обращенія и уменьшенію сношеній. Но дѣло въ томъ, что страна не потому бѣднѣетъ обыкновенно, что изъ нея бѣгутъ деньги; напротивъ, послѣднія бѣгутъ потому, что страна бѣднѣетъ, сношенія уменьшаются, производство сырья начинаетъ исключать мануфактуры и оба рода производителей разъединяются все болѣе и болѣе. Удержать въ такой странѣ монету есть напрасный трудъ и невозможная мечта; въ странѣ чисто земледѣльческой торговый балансъ неизбѣжно долженъ быть невыгоденъ для страны и драгоцѣнные металлы дороги.

Такимъ образомъ, правильное и быстрое денежное обращеніе и децентрализація неразрывны другъ съ другомъ. Децентрализація и развитіе мѣстной жизни, мѣстной промышленности увеличиваютъ величину свободнаго труда, остающагося за покрытіемъ первыхъ нуждъ въ странѣ; деньги способствуютъ непрерывному утилизированію труда.

Трудъ уничтожается и погибаетъ безвозвратно скорѣе всѣхъ другихъ вещей. Онъ погибаетъ, если спросъ на него не слѣдуетъ немедленно за его готовностью, то-есть питаніемъ мускула, то-есть, если этотъ спросъ не слѣдуетъ непрерывно. Въ обществахъ первобытныхъ съ малымъ населеніемъ, съ ничтожнымъ разнообразіемъ производства теряется этимъ путемъ масса труда; отсюда ихъ бѣдность.

Напротивъ, чѣмъ непрерывнѣе и постояннѣе общественное движеніе, тѣмъ настоятельнѣе спросъ на трудъ и тѣмъ менѣе онъ пропадаетъ даромъ и сберегается въ производствѣ, которому служитъ. Но для такой непрерывности необходимо разнообразіе занятій и отсутствіе всякаго замедленія въ обращеніи продуктовъ, а потому во всѣхъ чисто земледѣльческихъ странахъ существуетъ и громадная потеря или растрата труда. Вся задача соціологіи по отношенію къ производству состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать потерю труда наименьшею; и такъ какъ эта потеря уменьшается съ населеніемъ, раздѣленіемъ труда и децентрализаціей, съ уменьшеніемъ разстояній между людьми, раздѣленіемъ занятій и увеличеніемъ обмѣна, то съ увеличеніемъ населенія и децентрализаціей величина полезной работы въ обществѣ возрастаетъ не пропорціонально величинѣ валового труда, а быстрѣе ея. На этомъ основаніи исторія общества должна представлять ускоренное возрастаніе производства, и децентрализація должна составлять соціологическій законъ ускореннаго производства. Каждая единица утилизируемаго труда не пропадаетъ безслѣдно, а сберегается въ производствѣ; поэтому чѣмъ болѣе утилизируется трудъ, чѣмъ болѣе работаетъ общество, тѣмъ болѣе накопляется такого сохраненнаго неуничтожающагося труда, тѣмъ больше становится отношеніе недвижимаго капитала общества къ движимому.

Каждая осушка болота, каждое открытіе новой силы, каждое новое приложеніе силы воды къ услугамъ человѣка увеличиваетъ основной капиталъ, сопровождается увеличеніемъ притагательной силы мѣста на человѣка и ведетъ къ децентрализаціи.

Централизація, напротивъ, стремится къ увеличенію движимой собственности, уменьшая недвижимую. Большіе землевладѣльцы держатъ работниковъ какъ простое движимое имущество, которое можно купить и продать на открытомъ рынкѣ.

Земля при такомъ порядкѣ не имѣетъ никакой цѣны, какъ, напримѣръ, въ Индіи и Каролинѣ. Собственность почти вся имѣетъ чисто личный характеръ, какъ это мы видимъ въ хлопчатобумажныхъ штатахъ. Предводитель облагаетъ значительнымъ налогомъ своихъ подданныхъ, употребляя на содержаніе войска то, что народъ въ противномъ случаѣ обратилъ бы въ неподвижный капиталъ, улучшивъ свои маленькія фермы. Капиталъ Англіи во время Плантагенетовъ состоялъ въ значительныхъ стадахъ и табунахъ, земля же была дешева. Въ настоящее же время цѣнность недвижимой собственности втрое превышаетъ оборотный капиталъ, вопреки централизаціонной политикѣ. Обративъ взоръ на Ирландію, Индію, Португалію, Турцію, державшихся

политики, увеличивавшей власть торговца, мы находимъ въ нихъ возрастающую зависимость отъ оборотнаго капитала, сопровождающуюся упадкомъ цѣнности земли и труда; между тѣмъ какъ въ Бельгіи и Германіи пропорція движимаго капитала уменьшается, а цѣнность земли возрастаетъ съ значительною быстротою. Но такого сбереженія труда, выражающагося въ возрастаніи недвижимаго капитала, не слѣдуетъ смѣшивать съ сбереженіемъ движимаго капитала, какое разумѣется подъ словомъ «сбереженіе» въ обыденномъ смыслѣ слова. Это возрастаніе недвижимаго капитала служитъ признакомъ возрастающаго богатства, потому именно, что въ немъ выражается возрастаніе власти человѣка надъ окружающими силами природы, или такое сбереженіе или утилизированіе труда, которое сопровождается возрастаніемъ этой власти. Безъ этого условія никакое сбереженіе не даетъ богатства. Политическая экономія учитъ поэтому совершенно напрасно, что богатства составляются однимъ сбереженіемъ. Если бы это было такъ, то мы должны были найти быстрѣйшее возрастаніе капитала въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ сбереженіе наиболѣе распространено. Ирландскій работникъ извѣстенъ своею бережливостью, а также лапландецъ и индѣецъ. Въ древнія времена въ Англіи и Шотландіи многія семейства сберегали запасы пищи. Въ Индіи государи сберегали запасы золота. Вообще сбереженіе въ наибольшемъ употребленіи тамъ, гдѣ общественное развитіе слабо, гдѣ способности остаются скрыты за отсутствіемъ спроса на ихъ примѣненіе. Уатъ добылъ власть, посредствомъ которой накопились богатства, удвоившія цѣнность земли въ Англіи. Было ли это результатомъ сбереженія? Шапталь, Фукруа и Бертолетъ значительно содѣйствовали увеличенію поземельнаго капитала Франціи. Морзе, устроивъ телеграфъ, пріобрѣлъ богатство. Гдѣ же во всѣхъ этихъ случаяхъ было простое сбереженіе? «Напротивъ того,—говоритъ Кэри,—такъ какъ богатство состоитъ въ увеличеніи власти человѣка надъ природой, то чѣмъ болѣе развивается эта власть, тѣмъ бережливость, въ буквальномъ смыслѣ это рабское чувство, стремится исчезнуть».

Результаты всѣхъ этихъ разсужденій относительно производства Кэри выражаетъ слѣдующими положеніями:

«Полезность есть мѣра власти человѣка надъ природой.

«Цѣнность есть наоборотъ мѣра власти природы надъ человѣкомъ или сопротивленія, оказываемаго природой человѣку.

«По мѣрѣ увеличенія ассоціаціи полезность увеличивается, а цѣнность падаетъ. Уменьшеніе цѣнности сопровождается развитіемъ индивидуальности, увеличеніемъ безопасности личной и имущественной; капиталъ стремится къ неподвижной формѣ, и

только незначительная часть его остается оборотной. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается возрастающее стремленіе къ созданію мѣстныхъ центровъ. По мѣрѣ развитія мѣстныхъ центровъ, уменьшается потребность въ посредствующихъ лицахъ, ускоряется производство и быстрота обращенія».

V.

На этомъ не кончается еще однако апологія Кэри началу децентрализаціи. Показавъ значеніе начала децентрализаціи для производства, Кэри предстояло показать точно также, что это начало столь же благотворно и въ смыслѣ распредѣленія, что съ возрастаніемъ сношенія и увеличеніемъ капитала увеличивается производство. Кэри переходитъ къ объясненію, что тѣ же условія ведутъ неизбѣжно къ равномѣрному распредѣленію.

«Въ началѣ общества,—пишетъ онъ,—цѣнность капитала самая значительная, потому что самое производство перваго капитала самое дорогое. При всей незначительности работъ, которыя могли быть сдѣланы каменнымъ топоромъ, человѣкъ занимавшій его долженъ былъ платить за это весьма дорого, потому что срубалъ при посредствѣ топора въ одинъ день болѣе лѣса, чѣмъ могъ бы сдѣлать это безъ топора въ теченіи мѣсяца. Онъ находилъ выгоднымъ для себя платить за топоръ три четверти выработки, потому что ему оставалось все-таки болѣе, чѣмъ если бы онъ работалъ безъ топора. Когда былъ изобрѣтенъ желѣзный топоръ, то выработка при посредствѣ такого топора была еще значительнѣе, но собственникъ такого топора долженъ былъ согласиться взять за его наемъ не три четверти выработки, а менѣе, потому что самое производство такого топора стоило ему менѣе усилій, чѣмъ перваго каменнаго».

Поэтому съ изобрѣтеніемъ желѣзнаго топора и собственникъ и наниматель были въ выгодѣ, получая абсолютно бо́льшую выработку, но относительная доля капиталиста къ долѣ работника уменьшалась. Кэри допускаетъ, словомъ, что каждая новая единица капитала приноситъ болѣе пользы, чѣмъ предыдущая; но самое производство ея обходится дешевле, и потому доля капиталиста или плата за наемъ капитала понижается, между тѣмъ какъ доля остающагося труда увеличивается. Всякая вещь, говоритъ онъ, цѣнится по стоимости ея воспроизведенія; а такъ какъ стоимость воспроизведенія капитала становится все дешевле, то доля капиталиста понижается, между тѣмъ какъ доля, остающаяся труду, увеличивается, и потому цѣнность рукъ или чело-

вѣка должна увеличиваться. Это положеніе, говоритъ онъ, вѣрно въ отношеніи всякаго рода капитала. Домъ давно построенный стоилъ гораздо бо́льшаго труда, чѣмъ теперь требуется на воспроизведеніе значительно лучшаго.

То же самое съ деньгами. Брутъ бралъ 50%; въ царствованіе Генриха VIII-го законный процентъ былъ 10%; теперь же въ Англіи этотъ процентъ 4%.

Въ земледѣльческихъ странахъ процентъ всегда высокъ, потому что деньги отсюда стремятся уходить за границу. То же самое, по мнѣнію Кэри, примѣнимо наконецъ и къ рентѣ. Послѣдняя увеличивается въ абсолютной величинѣ вмѣстѣ съ величиной вложеннаго капитала, но относительно ея величина понижается, то-есть собственникъ земли получаетъ все меньшую и меньшую долю ея произведеній изъ общей выработки.

По какому раціональному разсчету происходитъ это на самомъ дѣлѣ, Кэри къ сожалѣнію не объясняетъ. Противупоставляя свою теорію, какъ мы знаемъ, теоріи Рикардо и искажая послѣднюю, Кэри не даетъ себѣ однако труда привести основанія, которыя руководятъ его выводомъ съ той категоричностью, какой требуетъ предметъ и съ какой сдѣлалъ это Рикардо относительно своей теоріи. Онъ бросаетъ свою теорію не только безъ доказательствъ, чисто афористично, но безъ подробнаго ея уясненія. Въ результатѣ его объясненій мы не знаемъ, почему рента должна даже увеличиваться абсолютно, хотя и падать относительно. Вмѣсто того онъ еще разъ набрасывается на предположеніе перехода обработки отъ лучшихъ къ худшимъ участкамъ и соглашается, что общепринятая теорія ренты была бы справедлива въ томъ случаѣ, если бы это предположеніе было вѣрно. Но что должно выдти, если это положеніе не вѣрно—этого онъ не изслѣдуетъ въ точности, а отвѣчаетъ на вопросъ общими мѣстами.

«Еслибы человѣкъ на самомъ дѣлѣ,—пишетъ онъ,—начиная, начиналъ съ богатѣйшей почвы, то численное увеличеніе населенія сопровождалось бы постояннымъ пониженіемъ человѣческой силы (слѣдовало бы сказать: производительности человѣческаго труда)». Но такъ какъ обратное этому доказано, то съ переходомъ работника отъ худшихъ къ лучшимъ участкамъ производительность человѣческаго труда должна возрастать.

Если бы производительность земли была даже одинакова, то все-таки приходилось бы платить вознагражденіе за пользованіе фермой съ постройками и другими хозяйственными принадлежностями. Общая теорія называетъ эту плату собственно платой за капиталъ. Общая теорія полагаетъ поэтому, что арендаторъ

долженъ заплатить собственнику эту плату за капиталъ плюсъ разность съ тѣмъ, что даетъ сама по себѣ земля данной фермы въ сравненіи съ землей худшей фермы.

Между тѣмъ, говоритъ Кэри, расчистка перваго худшаго мѣста стòитъ вдвое больше труда, чѣмъ послѣдующаго лучшаго; и несмотря на то, за эту расчистку онъ можетъ требовать теперь не той платы, которой она ему самому стоила, а той, которой стоитъ ея воспроизведеніе теперь. Стоимость же такой расчистки постоянно понижается, слѣдовательно владѣлецъ первой фермы долженъ получить меньшую прибыль, да сверхъ того плюсъ разность между производительностью его земли и земли послѣдующей фермы. Но земля послѣдующей фермы лучше, чѣмъ предъидущей, по теоріи Кэри; слѣдовательно разность эта отрицательная. Итого въ суммѣ владѣлецъ первой фермы долженъ получить неменьшую прибыль—минусъ избытокъ урожая, который давала сама по себѣ земля новой фермы—надъ землей его собственной. Въ силу этого рента должна постоянно понижаться. Однимъ словомъ, по мнѣнію Кэри, вслѣдствіе перехода обработки отъ худшихъ къ лучшимъ землямъ и удешевленія капитала, стоимость воспроизведенія единицы хлѣба должна постоянно уменьшаться, а слѣдовательно уменьшится и плата за пользованіе землей.

Ферма съ ея почвой должна быть разсматриваема, по его словамъ, какъ машина, производящая хлѣбъ, а земля какъ матеріалъ, изъ котораго она строится. Какъ всякая другая машина, она улучшается съ развитіемъ общества и въ то же время постройка ея стòитъ дешевле, а потому плата за пользованіе такой машиной должна становиться дешевле. Иначе и владѣлецъ старой мельницы имѣлъ бы право получить ренту за пользованіе неразрушимыми свойствами желѣза.

Окончательный выводъ, изъ всего этого слѣдующій, долженъ быть тотъ, что богатство и средства къ жизни должны возрастать быстрѣе потребностей. Таковъ дѣйствительно выводъ Кэри. Гдѣ же предѣлъ такому возрастанію богатства? Такого предѣла, повидимому, не должно быть по теоріи Кэри, ибо онъ дѣйствительно говоритъ: «сила природы безпредѣльна и ея готовность оказывать услуги равняется всему дѣлаемому ей спросу».

Самъ понявъ однако, что такое предположеніе было бы уже слишкомъ смѣло, Кэри спѣшитъ выдти изъ затрудненія, которое самъ себѣ создалъ. «Очевидно,—говоритъ онъ,—что при такомъ накопленіи, когда для народонаселенія останется лишь мѣсто достаточное для стоянія, пищи станетъ постоянно недоставать». Спрашивается конечно, почему же, если силы природы безпредѣльны и готовность ея оказывать услуги равна всему спросу,

южетъ недостать мѣста для стоянія, но пищи недостать не южетъ, разъ богатство можетъ возрастать безпредѣльно?

Принявъ однажды, что плодовитость человѣка не уменьшается ь теченіемъ времени, нельзя отрицать, что рабство есть крайій удѣлъ человѣчества. «Но можетъ ли это быть, — говоритъ эри, — могъ ли Творецъ быть столь непредусмотрительнымъ?» ля рѣшенія этого вопроса Кэри остается перейти только на очву физіологическихъ догадокъ и рѣшить за физіологовъ таэй вопросъ, серьезно говорить о которомъ сама физіологія не мѣетъ никакой возможности.

Кэри говоритъ о жидкостяхъ, о непостоянствѣ количества ществъ, приготовляемыхъ различными желѣзами, сравниваетъ исло зародышей у слоновъ съ числомъ ихъ у муравьевъ, и все ю для того, чтобы вывести слѣдующее спасительное положеніе: Степень плодовитости измѣняется обратно пропорціонально съ азвитіемъ нервной системы». Положеніе это, конечно, спасаетъ ловѣчество отъ чрезмѣрнаго размноженія, а богатство отъ бязанности возрастать непрерывно.

Вмѣстѣ съ такими разсужденіями Кэри переходитъ очевидно ь возраженію на третью причину ренты, ограниченность силъ ироды, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, его разсужденія относительно этого редмета лишены уже всякаго научнаго характера, а потому мы моемъ не входить вовсе въ подробности разсужденій Кэри по этому редмету, и переходимъ къ общему заключенію относительно его зсужденій.

VI.

Ошибка Кэри заключалась въ томъ, что онъ захотѣлъ притъ слишкомъ широкій смыслъ дѣйствію избраннаго имъ на ыа сношеній и децентрализаціи и доказать вещи, которыя дозать невозможно. Для науки и истины было бы гораздо лезнѣе и существеннѣе изслѣдовать это дѣйствіе въ его лѣе частныхъ подробностяхъ и опредѣлить этимъ путемъ его аницы, чѣмъ задаваться a priori какими-либо широкими форизмами. Дѣло въ томъ, что Кэри, при всемъ своемъ поальномъ довѣріи къ законамъ природы внѣшней, физической, мѣетъ не совсѣмъ точное представленіе объ этихъ законахъ вслѣдствіе этого склоненъ увлекаться и допускать предположенія немыслимыя для философа-естествоиспытателя. Дѣло въ омъ, что силы природы вовсе не безпредѣльны, какъ думаетъ эри, а именно предѣльны и ограниченны; поэтому произволь-

наго соотвѣтствія предложенія спросу существовать не можетъ, и никакая наука не можетъ доказать его возможности.

Запасъ потенціальной силы, скрытой въ единицѣ обрабатываемаго вещества, есть запасъ ограниченный. Какъ бы ни разнился этотъ запасъ въ отдѣльныхъ десятинахъ земли, во всякомъ случаѣ эта разность не выходитъ изъ извѣстныхъ предѣловъ, и извлечь изъ десятины при какомъ угодно искусствѣ бóльшаго запаса силы, чѣмъ въ ней ее заключается, мы не можемъ. Кусокъ дерева можетъ дать при сжиганіи только извѣстное количество теплоты и никогда болѣе. Это обусловлено постоянствомъ законовъ природы. Наше искусство сводится только къ тому, чтобы воспользоваться большей или меньшей долей этой теплоты, но увеличить абсолютно запасъ этой теплоты мы не можемъ. Точно также и относительно земли, все равно, будутъ ли обрабатываться прежде лучшіе, а потомъ худшіе участки или наоборотъ. Все наше искусство сводится къ тому, чтобы обратить въ полезную работу бóльшую долю силъ, освобождающихся въ дѣятельности почвы; но увеличить безусловно запасъ этой силы мы не въ состояніи. Поэтому крайняя или безусловно наибольшая величина пищи, которую можетъ дать десятина, есть величина столь же опредѣленная и ограниченная, какъ величина тепла, которое можетъ дать фунтъ сосны.

Знаніе и искусство даютъ намъ только возможность приблизить наше пользованіе болѣе или менѣе къ этой безусловной величинѣ освобождающейся силы. Но въ то же время опытъ учитъ, что всякій новый шагъ въ этомъ направленіи обходится дороже предыдущаго, то-есть что каждая новая единица труда, прилагаемая къ такому пользованію, приноситъ меньше пользы, чѣмъ предыдущая. При посредствѣ нашихъ машинъ мы можемъ обработать десять десятинъ тѣмъ же трудомъ, которымъ обрабатывали прежде одну, или можемъ получить съ одной десятины тотъ же доходъ при трудѣ въ десять разъ меньшемъ, чѣмъ прежде, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы удесятеривъ этотъ трудъ мы получили въ 10 разъ больше урожай съ десятины. У насъ остается $^9/_{10}$ свободнаго труда на другія производства, на которыя прежде не доставало времени, но количество пищи отъ этого не увеличивается, а только увеличивается количество другихъ вещей. Употребивъ теперь на ту же десятину не $^1/_{10}$ труда, а двѣ, три и т. д. десятыхъ, мы можемъ получить съ десятины больше пищи, чѣмъ прежде, но не пропорціонально больше, а все въ замедляющейся пропорціи. Усовершенствуя наши печи или топку машины, мы можемъ утилизировать бóльшую долю сжигаемаго угля, но каждый шагъ впередъ стóитъ и здѣсь все боль-

нъ и большихъ усилій, такъ что наконецъ польза не покрыетъ этихъ усилій. Работникъ сжигаетъ болѣе пищи, чѣмъ сохраняетъ дровъ, и величина возможной выработки достигаетъ предела. Законъ этотъ общій.

Приращеніе продукта, извлекаемое изъ обработки какого угодно теріала на единицу труда, при увеличеніи этого труда становится меньше и меньше и наконецъ уничтожается. Ни величина уда, ни величина капитала не можетъ быть увеличиваема на номъ пространствѣ земли до безконечности, а только до извѣстнаго предѣла, не вслѣдствіе невозможности умѣстить этотъ удъ, а вслѣдствіе невозможности извлечь больше силы изъ данаго количества вещества, чѣмъ ея въ немъ заключается.

Усовершенствованныя системы земледѣльческой культуры извлекаютъ изъ десятины больше хлѣба, чѣмъ прежнія, не иначе къ на счетъ большей величины труда и капитала. И производительность земледѣльческаго труда понижается вовсе не потому лько, что обработка переходитъ съ лучшихъ участковъ на шіе, а для каждаго участка, каково бы ни было его качест- потому именно, что съ каждаго участка добывается съ теніемъ времени большее количество пищи. Воображаемая теоі послѣдовательной обработки худшихъ участковъ, о которой къ много распространяется Кэри, принимая ее за теорію ренты кардо, здѣсь ровно не причемъ; и причина пониженія производительности труда заключается въ условіи болѣе существенномъ, мъ это думаетъ Кэри.

Далѣе, различіе въ доходности, какъ показалъ Тюненъ, чно также зависитъ отъ разстоянія участка отъ рынка, къ и отъ качества почвы. Но производительность труда понижается еще независимо отъ этихъ двухъ условій, по мѣрѣ вложенія большаго труда къ обработкѣ того же участка,—понижается, какъ только требованіе заставляетъ добывать съ последней единицы лишнюю единицу продукта. Но производительность послѣдней единицы труда опредѣляетъ рабочую плату ѣхъ единицъ; слѣдовательно, для уплаты за работу удѣляется ньшая доля дохода съ десятины. Участокъ давалъ 10 четвері и требовалъ 1 работника, который получалъ за работу 5 четвертей. Теперь тотъ же участокъ даетъ 13 четвертей при ухъ рабочихъ. Первый рабочій доставлялъ 5 четвертей, вторй прибавляетъ всего 3; поэтому за работу будетъ теперь заачено $2 \times 3 = 6$ четвертей, а рента будетъ 7 четвертей вмѣсто Прежде доля рабочаго равнялась $^1/_2$ сбора, теперь она равется $^3/_{13}$, а доля всей работы $^6/_{13}$.

Порядокъ обработки, равно какъ и разстояніе отъ рынка не

можетъ измѣнить этого основнаго закона паденія производите ности труда. Но, чѣмъ дальше будетъ рынокъ, тѣмъ мень будетъ общая выработка за вычетомъ провоза на дальнихъ зе ляхъ; чѣмъ хуже участокъ, тѣмъ меньше общая выработка послѣднихъ земляхъ; а такъ какъ выработка на послѣднихъ зе ляхъ опредѣляетъ вообще рабочую плату, то съ обрабо худшихъ и дальнихъ земель рабочая плата падаетъ и, напроти должна подыматься съ улучшеніемъ этихъ земель или прибл женіемъ ихъ къ рынку. То и другое дѣйствительно въ состо ніи производить цивилизація, возрастаніе сношеній и капита и децентрализація. И здѣсь-то именно слѣдуетъ искать бла творнаго вліянія начала, проповѣдываемаго вообще Кэри, на р предѣленіе.

Какова бы ни была сама по себѣ выработка послѣдня поставленнаго рабочаго на данномъ участкѣ, само собою п нятно, что выработка его, за вычетомъ провоза, можетъ измѣнять смотря по разстоянію, на которомъ участокъ находится отъ ры ка. Поставимъ одинъ рынокъ или городъ на всю страну. Ве чина мѣстнаго прокормленія плюсъ спросъ города опредѣля число рукъ, занятыхъ производствомъ хлѣба и выработку раб чаго на самомъ дальнемъ участкѣ или рабочую плату для вс страны.

Поставимъ теперь въ той же странѣ вмѣсто одного горо четыре меньшихъ города, распредѣленныхъ равномѣрно. Валов сумма спроса на хлѣбъ остается та же самая, но стоимость пр воза уменьшилась. Самый дальній участокъ, находившійся пре де за *a* верстъ отъ города или рынка, теперь находится на др гомъ разстояніи. Если вся площадь страны равна *n* квадрат нымъ верстамъ, то площадь, соотвѣтствующая каждому рынк теперь будетъ $\frac{n}{4}$ кв. верстъ, и если разстояніе отъ города д дальнѣйшаго участка было прежде *a* верстъ, а новое разстоя ніе a′, то они будутъ относиться между собой какъ корни ква ратные изъ соотвѣтствующихъ площадей, то-есть:

$$a : a' = \sqrt{n} : \frac{\sqrt{n}}{\sqrt{4}} = \sqrt{4} \text{ или } a' = \frac{a}{\sqrt{4}} = \frac{a}{2}$$

или стоимость провоза уменьшится вдвое.

Выработка рабочаго на самомъ дальнемъ участкѣ, если она прежде только прокармливала рабочаго и давала ему возможность продать столько хлѣба, чтобы запастись въ городѣ солью и необходимыми орудіями, теперь даетъ избытокъ вслѣдствіе удешевленія провоза. А такъ какъ выработка этого рабочаго опредѣляетъ рабочую плату вообще, то очевидно, что децен-

трализація и приближеніе рынка должно дѣйствовать возвышающимъ образомъ на рабочую плату и умѣрять дѣйствіе основного закона. Точно также должно дѣйствовать и всякое капитальное улучшеніе почвы, которое обращаетъ прежде худшій участокъ въ болѣе плодородный. Доля капиталиста за это капитальное улучшеніе съ каждымъ годомъ должна уменьшаться, вслѣдствіе удешевленія капитала. Между тѣмъ улучшеніе это остается въ почвѣ, и собственникъ участка не можетъ воспользоваться имъ всегда и сполна. Онъ можетъ воспользоваться только разностью, какая существуетъ вслѣдствіе такихъ улучшеній между качествами его участка и остальныхъ; но если эти капитальныя улучшенія становятся общими, если путемъ ихъ возвышается, такъ сказать, общій уровень обработываемой почвы, а весьма вѣроятно, что путемъ такихъ капитальныхъ улучшеній съ развитіемъ земледѣлія, первоначальныя естественныя различія почвы должны стремиться къ уравненію, то выгода такихъ капитальныхъ улучшеній должна доставаться на долю рабочаго.

Въ подобныхъ условіяхъ, неразсмотрѣнныхъ въ точности Кэри, должно заключаться дѣйствительное серьезное вліяніе децентрализаціи на улучшеніе распредѣленія.

Но эти вліянія могутъ только умѣрить дѣйствіе основного закона паденія производительности труда съ величиной валовой выработки съ участка или, по крайней мѣрѣ, не могутъ предупредить пониженія выработки послѣдняго рабочаго и рабочей платы съ возрастающимъ требованіемъ. Они могутъ дать возможность содержать въ странѣ извѣстное увеличенное населеніе при лучшей рабочей платѣ, но они не могутъ привести теченія вещей къ постоянному возрастанію рабочей платы параллельно съ населеніемъ, о которомъ говоритъ Кэри.

Здѣсь можетъ быть мѣсто указать еще на другое улучшеніе, которое вытекаетъ изъ того же начала децентрализаціи для положенія рабочаго класса. Мы можемъ видѣть изъ исторіи, что крѣпостное или рабское состояніе рабочаго не переживало вообще нигдѣ серьезнаго мануфактурнаго развитія; и по крайней мѣрѣ въ Европѣ, гдѣ въ первый разъ это развитіе достигло широкаго значенія, оно сопровождалось одновременнымъ разрушеніемъ крѣпостныхъ отношеній. Причина этому можетъ быть весьма естественная: при развитіи этого рода труда крѣпостной работникъ на землѣ его собственника не доставитъ того дохода, какой онъ можетъ уплатить ему, ставъ промышленникомъ. Вслѣдствіе этого собственная выгода можетъ заставить собственника, вмѣсто обработки земли рабскимъ трудомъ, довольствоваться

ствоваться полученіемъ съ такого раба оброка. Этимъ путемъ прежній рабъ, если бы онъ не былъ освобожденъ закономъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ, само собой, долженъ былъ вырости въ свободнаго человѣка, и первоначальная зависимость должна была бы обратиться со временемъ въ плату владѣльцу за право промысла. Но сила еще не въ этомъ, а въ томъ, что мануфактурное развитіе оказываетъ серьезное цивилизующее вліяніе. Оно не только измѣняетъ общій уровень понятій рабочаго, но дѣлаетъ въ суммѣ нѣчто большее и существенное, — на что и должно главнымъ образомъ обратить вниманіе, — оно обращаетъ самую работу изъ простого физическаго акта въ работу, требующую извѣстнаго искусства и знанія.

Работникъ, при посредствѣ разнообразія промысловъ, занятій и улучшенныхъ способовъ производства, изъ простого двигателя обращается въ спеціалиста извѣстнаго дѣла, отъ котораго требуется извѣстное знаніе и опытъ; онъ становится обладателемъ извѣстнаго умственнаго капитала. А капиталъ этотъ, смотря по роду занятій, можетъ быть весьма значителенъ. Такой трудъ при достаточномъ на него спросѣ оплачивается уже не заурядъ съ простымъ физическимъ трудомъ, а пропорціонально капиталу, который представляетъ искусство и знаніе рабочаго. Этимъ путемъ разнообразіе занятій и развитіе мануфактуръ, промысловъ и знанія возводитъ значительную долю прежнихъ простыхъ рабочихъ въ разрядъ такихъ рабочихъ, трудъ которыхъ оплачивается по болѣе высокой нормѣ, доходящей до весьма крупной величины.

Трудъ нашихъ ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, техниковъ, докторовъ, мастеровъ и пр., какъ бы онъ ни вознаграждался недостаточно самъ по себѣ иногда, все-таки вознаграждается несравненно лучше работника на скотномъ дворѣ; а между тѣмъ эти лица, въ случаѣ отсутствія разнообразія занятій и общественнаго развитія, какое даютъ промыслы и знаніе, должны были бы вести жизнь не лучшую простыхъ скотоводовъ и пастуховъ. Самый трудъ земледѣльца съ развитіемъ высшихъ системъ земледѣльческой культуры получаетъ другой видъ, такъ какъ самое земледѣліе, съ развитіемъ механическихъ и другихъ техническихъ средствъ, пріобрѣтаетъ болѣе научный характеръ. И въ немъ ощущается все болѣе и болѣе потребности въ такихъ работникахъ, которые бы обладали извѣстными спеціальными свѣдѣніями. Управленіе машиной требуетъ болѣе знанія, чѣмъ управленіе клячею, а поправка машины несравненно больше, чѣмъ починка веревочной сбруи. Этимъ путемъ въ рабочей средѣ образуется все болѣе и болѣе умственнаго капитала,

а вмѣстѣ съ тѣмъ должна увеличиваться и доля въ общей выработкѣ ими производствъ, поступающая на вознагражденіе работы.

Противъ этого обыкновенно возражаютъ, что съ развитіемъ высшихъ техническихъ способовъ производства, положеніе простого рабочаго стало становиться еще хуже, чѣмъ прежде, а нравственный его уровень понижается. Но защитники этого мнѣнія имѣютъ обыкновенно въ виду положеніе послѣдняго рабочаго и затѣмъ обобщаютъ это положеніе на весь рабочій классъ. Такое же обобщеніе совершенно невѣрно. Положеніе послѣдняго рабочаго можетъ оставаться то же или быть даже хуже, но въ то же время техническое развитіе несомнѣнно выдѣляетъ изъ той же рабочей среды рядъ лицъ, положеніе которыхъ становится лучше, увеличиваетъ словомъ сумму среднихъ достатковъ въ обществѣ въ сравненіи съ болѣе первобытными положеніями общества. Всѣмъ этимъ подтверждается только, что благотворное вліяніе децентрализаціи и въ смыслѣ производства, и въ смыслѣ распредѣленія, справедливо только въ извѣстныхъ предѣлахъ, и что этой децентрализаціи нельзя приписывать ни въ какомъ случаѣ той всеустраивающей силы, какую думалъ приписать ей Кэри.

Мы исчерпали теперь все содержаніе труда Кэри и видимъ, что все оно вращается около опроверженія двухъ частныхъ источниковъ пониженія производительности труда: разнообразія почвъ и разстояній. Мы не видимъ дѣйствительно, чтобы Кэри гдѣ-нибудь серьезно коснулся послѣдней и главной причины пониженія производительности труда или причины ренты, а именно — ограниченности силъ природы. Между тѣмъ эта причина, какъ главная причина ренты, была въ его время указана Тюненомъ, и вопросъ ренты, по крайней мѣрѣ относительно вліянія разстояній, приведенъ послѣднимъ къ тому именно положенію, къ которому онъ приводится и у Кэри.

Мы закончимъ поэтому лучше всего разсмотрѣніе Кэри крайне категорическимъ разсужденіемъ, которое встрѣчается относительно вліянія децентрализаціи на ренту у Тюнена.

Въ государствѣ съ однообразной почвой, говоритъ этотъ писатель (Isol. St. 2 Th. 2 Abth. Стр. 115. Rostok, 1863), въ которомъ есть всего одинъ городъ, рента возникаетъ изъ разстояній, на которыхъ лежатъ отдѣльныя хозяйства отъ города. Если въ такомъ государствѣ вмѣсто одного большого города вообразимъ рядъ малыхъ, такъ, чтобы дальнѣйшее разстояніе селъ отъ

городовъ не превышало 2 миль, то можно будетъ пренебречь разстояніемъ, и ренты въ такомъ государствѣ повидимому существовать не должно вовсе. Понятно, что это и есть тотъ идеальный случай, котораго желаетъ Кэри. На дѣлѣ мы видимъ однако, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе гуще и города многочисленнѣе, цѣна хлѣба именно выше, чѣмъ въ мѣстахъ большей централизаціи. Вотъ таблица средней цѣны за шефель ржи 1828—1841 года въ Пруссіи.

	За шеф.
Вост. ч. Пруссіи	32
Познань	34
Бранденбургъ и Помер.	37
Саксонія	41
Вестфалія	47
Рейнская Пруссія	51

Какъ разрѣшить это противорѣчіе?

Причина его, говоритъ Тюненъ, очевидна — болѣе густое населеніе вызываетъ большее требованіе урожая съ участка и высшія системы обработки почвы, а эти системы обходятся много дороже простыхъ и даютъ меньшую выработку на единицу труда, то-есть связаны съ пониженіемъ производительности послѣдняго, и это есть именно та причина ренты, которую не въ состояніи уничтожить децентрализація.

Въ суммѣ Кэри не сдѣлалъ слѣдовательно того, что думалъ сдѣлать, не уничтожилъ закона пониженія производительности труда. Но онъ доказалъ, что ограниченность этой производительности, кромѣ существенныхъ и неустранимыхъ причинъ, можетъ имѣть причины случайныя, заключающіяся въ условіяхъ первобытной жизни, маломъ населеніи, отсутствіи сношеній, разнообразія занятій и мѣстной жизни, устраненіе которыхъ есть прямая задача историческаго развитія общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказалъ, что развитіе сношеній, разнообразіе занятій и децентрализація составляютъ несомнѣнный соціологическій законъ, отъ выполненія котораго зависитъ увеличеніе благосостоянія и средствъ общества въ наибольшихъ предѣлахъ, которые только доступны для общества при текущихъ условіяхъ.

Ю. Жуковскій.

ЧУМАКЪ
ВЪ
НАРОДНЫХЪ ПѢСНЯХЪ

Этнографическій очеркъ.

«Языкъ, законодательство, кодексъ нравственныхъ правилъ—все это отвлеченности; полное же знаніе доставляетъ изученіе человѣка дѣйствующаго, тѣлеснаго, видимаго, который ѣстъ, ходитъ, борется, работаетъ».

Тэнъ: Histoire de la littérature anglaise.

VI *).

Чумаки въ дорогѣ.

ютъ, чумаки и въ дорогѣ. Съ этого только времени, собно говоря, имъ и должно бы принадлежать названіе, ко- они носятъ: тутъ украинецъ только и получаетъ тотъ ческій оттѣнокъ, по которому узнается чумакъ. Тутъ са- условіями жизни вызываются иные обычаи, нравы, мысли, вляющіе отличительную черту чумака. Послѣдуемъ же за цкою валкою.

)ставевши родное село, чумаки, предводительствуемые отамъ, минули знакомыя, сосѣднія села, потонувшія въ рос-

---

) См. выше: авг. 208 стр.

кошныхъ садахъ; мало-по-малу исчезаютъ, рѣдѣютъ и хутора— эти ярко-зеленые сады нашей Украины: чумацкая валка, покинувши «селидьби», выбирается на чистую, голую степь,— степь дѣвственную, по которой еще не проходилъ плугъ «хлібороба» и не оставилъ ни единой борозды... Когда эта безбрежная, необозримая степь приняла длинную валку въ свое сонное, молчаливое лоно,—какая-то воля почувствовалась на душѣ каждаго изъ чумаковъ... Глухому шелесту «тирсы» (ковыль-трава) чумакъ отвѣчаетъ оглушительнымъ крикомъ: «Гей, степи, поля— роскішъ моя»! И вотъ, среди этой степи, палимой знойнымъ южнымъ солнцемъ, «битимъ шляхомъ» (битой тропой) тянется, подымая пыль въ гору, длинная валка чумаковъ:

Та идуть воли дорогою
Та все бедратиі,
А за ними чумаченьки
Та все жонатиі;
Та идуть воли дорогою
Та все круторогі;
А за ними чумаченьки
Та все чорноброві;
Та идуть воли дорогою
Та все полови,
А за ними чумаченьки
Та все молодиі...

Чумакъ никогда въ дорогѣ не гонитъ своихъ любимцевъ «волівъ,» онъ ѣдетъ обыкновенно не спѣша—«по хозяйскій:»

Ой я зроду чумакую (говоритъ онъ),—
Иду на гору — не бичую,
А зъ гори йду — не гальмую,
По рівному — поганяю...

Относительно ѣзды у чумака выработались такія практическія наставленія: «Пошануй худобу разъ,—вона тебе десять разъ пошануе»;—«шануй гори й мости—будуть ціли твои кости». Оттого одна изъ главныхъ заботъ чумака въ дорогѣ—это его волы. Чумакъ знаетъ, что «въ кого вілъ та коса—въ того й грошей киса», а также ему извѣстно, что «за добримъ товаромъ зовуть и паномъ». Но чтобы «товаръ» былъ такой, какъ слѣдуетъ, необходимъ бдительный уходъ за нимъ, присмотръ: «хозяйське око, говоритъ пословица, товаръ тучить». Поэтому, все почти вниманіе чумака въ дорогѣ обращено на воловъ,— чтобы они и наѣлись въ пору, и напоены были въ пору, и чтобы имъ данъ былъ продолжительный отдыхъ.

Пускаясь въ путь обыкновенно съ разсвѣтомъ, чумаки не

пѣютъ отъѣхать 10—15-ти верстъ, какъ уже останавливаются олівъ попасати», а вмѣстѣ съ тѣмъ и себѣ сварить «снідання». юбимымъ мѣстомъ, гдѣ чумаки останавливаются «на пôпасъ», ваетъ долина. Во-первыхъ, потому, что въ долинѣ всегда по- і бываетъ довольно травы — «попасъ добрий», а во-вторыхъ— долиною неразлучна вода: или гдѣ-нибудь «озѐрце» пріюти- ь среди густого камышу, или можетъ быть «криниця» тихо зюрить» изъ-подъ горы... Чумаки любятъ такія мѣста: вода степи составляетъ едва ли не болѣе важное условіе для «пô- су», чѣмъ самая «паша».

Но вотъ чумаки наши, наконецъ, расположились «на пô- съ». Выпрягли воловъ изъ возовъ; отрядили «погоничівъ» сти «худôбу», а сами готовятся варить кашу.

Среди степи, надъ дорогою, заставленною чумацкими «ма- ми», неподалеку отъ заросшаго камышемъ озера, раннимъ ромъ дымится разведенный огонь. Надъ «багаттямъ (костеръ) ятъ «таганы» (родъ треножника), а на нихъ виситъ «ка- нъ» (котелъ) съ кашею. Тутъ же, вокругъ пылающаго «огнища», сположились и чумаки. Сидятъ они — кто какъ попало: одни, высокихъ «бриляхъ» (шляпа) съ широкими «крисами» (поля), отянувши къ огню ноги, мрачно уставили глаза на идущую ь казана «пару»; другіе, сбросивши брили, полулежа грѣютъ ка на огнѣ отъ свѣжей утренней прохлады; третьи лежатъ инами вверхъ... Утренній вѣтеръ «подихàе» изъ озера и про- водитъ въ иныхъ ватажанахъ лихорадочную дрожь, а въ дру- хъ задѣваетъ длинныя «чуприны» и не совсѣмъ пріятно ше- литъ ими. Загорѣлыя чумацкія лица угрюмы; сами чумаки лчаливы: къ тому обыкновенно располагаетъ раннее утро. Ни утокъ, ни пѣсенъ—неразлучныхъ спутниковъ чумацкой жизни... лько слышенъ трескъ горящихъ дровъ; только жаворонокъ онво заливается вверху, а съ озера доносится крикъ утки, ликающей писклывыхъ утенятъ, да слышенъ сапъ воловъ, съ льшимъ аппетитомъ пожирающихъ сочную росистую траву....

Наконецъ, готова пища и для чумаковъ — обыкновенно «каша» и «галушки». Кашоваръ снимаетъ казанъ съ огня, вынимаетъ ъ «тôрби» (сумà) ложки, которыя каждый изъ чумаковъ вру- лъ ему передъ выѣздомъ — и чумаки, выпивши по чаркѣ «го- лки», усѣлилисъ «снідати». Заморивши червяка, чумаки по- селѣли: лица сдѣлались довольнѣе, языки начали развязы- ться — послышались шутки, говоръ... А тѣмъ временемъ и занъ опустѣлъ. Поблагодарили Бога и кашовара «за хлібъ, сіль и за снідання», и — по слову отамана — принялись под- зывать возы, запрягаютъ воловъ... Уже все готово: возлѣ каж-

даго воза чумакъ-хозяинъ, а впереди всѣхъ — отаманъ. Тутъ снова молитва о помощи, — и валка медленно двинулась·.. «Гей, сірі! гей, полові!..»

Йдуть вози изъ-за гори вискрипуючи,
А за ними чумаченьки — вигукуючи!

Но чумаки не всегда находятъ себѣ такой удобный «попасъ»: иногда они ѣдутъ, ѣдутъ, — нѣтъ паши! Уже верстъ 15-ть сдѣлали — негдѣ остановиться, да и только. А волы «ревутъ» и за сердце чумака хватаетъ досада. Ѣдутъ они все дальше и дальше; спускаются въ долину; но и тамъ гȍло: впереди прошедшія валки всю траву выкормили. Что дѣлать? Чумаки обращаются «за порадою» (совѣтомъ) къ отаману:

Отамане, батьку нашъ,
Порадь же ти теперь насъ!
Щȍ будемо робити —
Чимъ волики кормити?

Отаманъ, который уже не разъ бывалъ въ подобной бѣдѣ, не унываетъ: онъ старается ободрить грустныхъ своихъ товарищей:

Ой ще, хлопці, не біда —
Есть у полі лобода (лебеда)
Косіть, хлопці, лободу,
Забувайте всю біду!

Когда же въ полѣ нѣтъ и «лободи», отаманъ «ра́дить» косить даже «пшеницю» или «ячмінь», а если и того нѣтъ, то хоть «спори̂шъ» (мелкая трава) — лишь бы не голодали волы.

Видя своихъ воловъ голодающими, чумакъ самъ не знаетъ, какъ ему и обратиться къ нимъ. Онъ готовъ передъ ними расточать всевозможныя ласки, чтобы хоть немного смягчить свою невольную вину — отсутствіе корму:

Ой воли мої, сірі та рябні,
Ой які жъ бо ви добрі!
Ой стоїте у возахъ та ярмахъ
Ажъ по три дні голодні...

А волы ему въ отвѣтъ:

Ой стоїмо по три дні у возахъ та ярмахъ —
Ажъ изъ очей слёзи...
Ой пусти жъ насъ, пане хазяїне,
Хочъ въ ті густі лози:
Ой нехай, ми трошки попасемся
И водиці напъемся,
Тоді ти насъ запряжешъ,

А самъ спати ляжешъ —
Ми зъ дороги не зібъемся!

Если же волы чумацкіе, отъ утомы или голода, пристануть — тогда бѣда. Чумакъ самъ не свой. Пословица чумацкая говоритъ: «Якъ візъ ламаетця — чумакъ ума набіраетця; а якъ вілъ пристáе, то въ чумака й ума не стáе». Пѣсня поетъ:

Ой котилося сонечко по надъ горою,
По-надъ тіею чумацькою дорогою,
Стало сонечко пригрівати, —
Стали того чумаченька воли приставати,
Стали його товариші покидати...

Чумаку тяжело оставаться одному «въ чужій сторононьці», и онъ проситъ товарищей:

Ой ви чумаченьки, ви братці мої,
Не кидайте мене, брацця, въ чужій стороні:
Ще жъ я въ чужій сторононьці не привикъ,
Бо у чужій сторононьці нема роду-родиночки —
Ні до кого прихилити й головочки...

Товарищи, конечно, никогда не оставятъ чумака одного въ несчастіи: измѣна товарищу въ несчастіи почитается однимъ изъ самыхъ позорныхъ поступковъ. Чумакъ, сдѣлавшій это, вопреки совѣсти и «чумацького звычая», едвали когда-нибудь найдетъ себѣ валку, которая приняла бы его въ товарищи: «Хто одъ товариства одстане, говоритъ пословица, — нехай одъ того шкура одстане, якъ на верби по весні». И ни въ пѣсни, ни въ жизни намъ не встрѣчалось примѣра, чтобы чумаки оставляли товарища одного въ несчастіи. «Товарищъ мовний (разговорчивый), — говоритъ украинецъ, — стоіть за візъ сморовний» (подмазанный). Слѣдовательно, бросить товарища нельзя. И чумаки обыкновенно остаются при несчастіи помогать своему бѣдному товарищу. Иногда день, два и три простоятъ на мѣстѣ, ожидая пока приставшіе волы «вихорують». Но бываютъ и другія бѣдствія, постигавшія чумаковъ въ дорогѣ.

VII.

Нападенія на чумаковъ.

Въ то довольно отдаленное отъ насъ время, къ которому мы отнесли образованіе чумачества, да и много позже — до конца XVIII-го столѣтія, путь, пролегавшій черезъ теперь уже заселенную Новороссію, былъ самый небезопасный. Несмотря на

вооруженные походы чумаковъ, ихъ весьма часто постигали несчастія — не рѣдко стоившіе имъ не только всего «добра чумацкого», но и жизни. Чумацкія валки постоянно подвергались нападеніямъ или камышниковъ, гайдамаковъ, или татаръ, табунами шлявшихся въ пустынной степи, или же крымцевъ. Весь этотъ жадный людъ такъ и сторожилъ на перепутьи, чтобы поживиться на счетъ чумака.

Едва покидали чумаки населенныя мѣста Украины, на пути у самаго входа въ необитаемыя степи, ихъ поджидали хищныя шайки степныхъ «харцизъ» — камышниковъ, здобышниковъ, главный притонъ которыхъ лежалъ по пути чумаковъ, на скалистомъ островѣ р. Буга—Мигеѣ, а также на островахъ р. Днѣпра покрытыхъ въ тѣ времена непроходимыми лѣсами, очеретами и болотами. Здобышники эти были тѣ самые бездомные, безсемейные бурлаки, что въ началѣ XVI-го в. бѣжали отъ польскихъ пановъ; тѣ самые «винники, броварники (пивовары)», которымъ надоѣло цѣлый вѣкъ работать по панскимъ «винницямъ, броварамъ», и которые удирали на *Низъ*. Отъ мѣстъ, на которыхъ они засѣли, происходитъ и самое ихъ названіе *камышниковъ*, *лугарей*. Отбитые отъ семьи, бѣжавшіе отъ давленій и насилій, одичалые подъ вліяніемъ суровой природы лѣсовъ, болотъ, очеретовъ,— эти безпріютные бурлаки часто сами принимались за насиліе: тяжелые промыслы, которыми они занимались — рыбную ловлю и звѣриную охоту — они мѣняли на болѣе легкіе — охоту на чумацкія валки.

Пѣсни весьма подробно изображаютъ нападенія, какимъ подвергались чумаки въ степи.

Ѣдетъ валка дорогою, которая до сихъ поръ обходилась ей благополучно: все «товариство» здорово, волы — тоже, пашни вдоволь, вода есть. Тихо плетутся волы вдоль одиночнаго шляху, дѣлая 20—30 верстъ въ сутки. Останавливаются наши чумаки въ сутки три раза. Первый разъ — рано утромъ, отъѣхавши верстъ 10—15 отъ ночлега; потомъ часовъ въ одиннадцать, какъ только станетъ «сонечко пригрівати», чумацкая валка сворачиваетъ съ дороги «воливъ попасати» и сварить «чумацький обідъ». Шумно и весело проходитъ «чумацький обідъ», приливаемый «медомъ-виномъ» и «солодкою розмовою». Лица чумаковъ беззаботны, свѣтятся подогрѣтою виномъ радостію; всѣ мысли ватажанъ переходятъ «въ веселую бесідочку»: тутъ забываются и горести и печали, если они у кого были... Кругомъ довольныя, смѣющіяся лица; кругомъ неподдѣльное веселье: шутки, говоръ, пѣсни... Но въ степи чумацкихъ пѣсенъ некому слушать: онѣ, какъ дымъ, разносятся вѣтромъ по долинѣ, пугаютъ пріютившихся въ травѣ

тепныхъ птичекъ и теряются гдѣ-то далеко-далеко между видѣющимися горами... Только иногда можно замѣтить присутствіе печали: то — молодой, еще непривыкшій къ нелегкой дорожной жизни, новичекъ-чумакъ, забравшись на самый дальній возъ, съ горемъ въ сердцѣ, съ печалью на лицѣ,—переливаетъ свою «тугу» въ грустную мелодію неразлучной сопілки... Тоска по «отцюненьці», а еще чаще «по молодій дівчині» напоминаетъ, что радости въ жизни перемѣшаны съ печалями... Такъ проходитъ часа три, четыре—пока чумаки пообѣдаютъ и заснутъ. А часу въ четвертомъ, переждавши сильную полуденную жару, валка снова пускается въ дорогу: снова медленнымъ шагомъ плетутся волы «по закуреному шляху», пока не начнетъ «сонечко низенько сидцця». Тогда чумаки поспѣшаютъ на ночлегъ, довольные, что день прошелъ «безъ пригоды». Только сердце одного «чумацького отамана» непокойно: онъ будто предчувствуетъ что-то недоброе:

Ой високо сонце сходить,
  А низенько заходить:
Гей, смутенъ-смутенъ чумацькій отаманъ
  Та по табору ходить.
Ой вінъ ходить, білі руки ломить
  И словесно говорить:
«Гей, ви хлопці, превдалі молодці,
  Та де будемъ ночувати?»

«Хлопці» ему отвѣчаютъ:

— Ой ми будемъ ночувати
Въ темнімъ лузі, край байраку.

Получивши на этотъ отвѣтъ одобреніе отамана, чумаки —

Спускаютця въ глибоку долину,
Стають вони ночувати —
Сірихъ волівъ попасати;

или же:

Привертають къ зеленому гаю (роща),
Становляцця й випрягають;

а то даже и —

Не доходя къ зеленому гаю,
Стали вони ночувати.

Ночлегъ чумацкій бываетъ также и «въ степу, край долини», гдѣ чумаки распускаютъ «сірі воли по зеленій муравині»; или «въ степу, край дороги», чтобы пустить на пашу волы «по зеленій діброві».

Но вотъ, въ то именно время, когда, «не доходя къ зеленому гаю, стали вони ночувати», —

Виходило зъ зеленого гаю
Сорокъ чоловікъ розбою, —
Попереду ватагъ молоденький
На воронімъ коню...

Этотъ «ватагъ», на добромъ конѣ «грае — до тàбору привертае» и привѣтствуетъ чумаковъ насмѣшкою:

А здорови хлопці, превражні сини,
А здорови ночували!
Скажіть мині, хлопці, превражні сини,
Та де жъ вашъ отаманъ?

Чумаки видятъ — бѣда!

Нашъ отаманъ (говорятъ они) та по-за возами —
Умиваецця слезами;
Нашъ отаманъ та по-за новими —
Умиваецця дрібними...

А кто отаманъ — не сказали. Но немедленно сошлись всѣ «купи головами», порáдылись, посчитали сколько ихъ — и тогда только объявили «Гавриленко — нашъ отаманъ!» Но не успѣли они осмотрѣться, а «вражий здобишникъ» какъ ударитъ отамана «срібнимъ списомъ въ груди, — ажъ спись йому изогнувся». Несмотря на то, Гавриленка не легко сбить съ ногъ: чумацкій отаманъ часто бываетъ такой же «характерникъ» (колдунъ) какъ и «ватагъ» разбойниковъ, — убить его можно только «срібною кулею» (пуля), которой онъ «заговорить» не можетъ. Гавриленка не взялъ даже «срібний списъ»: онъ стоитъ, какъ говорится въ пѣснѣ, «не вступився», а только «обернувся — осміхнувся», и обратившись къ «товариству» спрашиваетъ у него совѣта:

Ой щò жъ теперъ, славне товариство,
Щò будемъ робити? —
Ой що багато вражихъ здобишниківъ
Зъ сього світа губити!..

Такъ сильно великодушіе чумацкаго отамана. И это общая черта малороссійскаго характера. Когда врагъ находится въ рукахъ малороссіянина, онъ къ нему относится не только безъ мести, но съ большимъ состраданіемъ. Вопреки увѣреній лицъ, незнающихъ близко малороссіянъ, — они вовсе не мстительны; но малороссіянинъ все-таки никогда причиненнаго ему зла не забудетъ: онъ будетъ помнить его ради осторожности.

Изъ словъ чумацкаго отамана, что «багато вражихъ здобишниківъ зъ сього світа губити», видно нежеланіе его круто расправиться со всѣми грабителями. Поэтому онъ спрашиваетъ

совѣта у «товариства». Какъ оно постановитъ, — такъ тому и быть. Другое дѣло — расправа съ «ватажкомъ» гайдамацкимъ, который всему «голова», отъ котораго вся «біда склалася». Съ нимъ чумацкій отаманъ не церемонится: грозный приговоръ произносится безъ всякаго колебанія:

Ой підійміте, хлопці, війя въ гору,
Таганами підопріте, —
Ой беріть зъ возівъ, беріть шнурования —
Та ватажку й починіте!

А такъ какъ, кромѣ пакостей, не разъ уже причиняемыхъ чумакамъ по инициативѣ «ватажки», онъ еще и подсмѣивался надъ ними (а насмѣшка для малороссіянина обиднѣе всего); то чумаки платятъ и ему тою же монетою:

Ой ото жъ тобі, превражий ватажку,
Та й на світі не жити:
Ой ото жъ тобі, превражий ватажку,
Насъ десяти не побити!

Впрочемъ, при оборонѣ отъ «здобишниківъ» дѣло иногда не ограничивается казнію одного «ватажки», а стóитъ жизни всѣмъ грабителямъ. Такъ, когда на чумацкую валку напало гайдамаковъ «сорокъ и чотирі», отаманъ энергически скомандовалъ:

Ой ви хлопці, превдалі молодці,
Та беріте дрюки (дубина) въ руки, —
Ой бийте-бийте, бийте-вибивайте
Та превражихъ гайдамаківъ!
Ой бийте-бийте, бийте-вибивайте,
На нові вози складайте;
Ой та пойідемъ у городъ Полтаву,
Та наробимо славу!
Ой славенъ городъ, славная Полтава,
Що не гине наша слава:
Ой що сорокъ, сорокъ и чотирі,
Насъ десяти не побили!

Несмотря на жесткія расправы съ гайдамаками, — рѣдкая чумацкая валка въ давнія времена не подвергалась ихъ нападеніямъ. Этому, конечно, способствовали густые камыши на болотахъ, куда грабители, при видѣ бѣды, прятались. Чумаки такъ были недовольны этими «нéтрами», что иногда поджигали ихъ, дабы лишить спокойнаго убѣжища этихъ бродягъ:

Ой ишли чумаки зъ Украіни,
Стали попасати край долини,
Викресали огонь зъ оружжини —
Та пустили пожаръ по долині...

Но и, поминувши «нетри Днiпровi», вступая въ открытую степь, — чумаки были едва ли еще не въ большей опасности. Тутъ, далѣе къ югу, въ глухой степи, чумацкія валки натыкались на бродящія шайки ногайскихъ татаръ, жаждущихъ поживы «чумацькимъ добромъ».

Вотъ расположились чумаки «на пóпасъ», повидимому, въ довольно безопасномъ мѣстѣ, неподалеку одиноко торчащей среди степи вербы; размѣстились подъ ея тѣнью: одинъ сидитъ «у скрипочку» или въ «сопiлочку грае»; другіе поютъ пѣсни, а нѣкоторые вблизи —

...сидять мiжъ возами
Медъ-вино кружають...

Тутъ же помѣстился и старый чумакъ — Цымбалъ, «горiлку кружае». — Вдругъ, среди общаго веселья, какъ камень на голову, падаетъ вѣсть о несчастіи. Пришедшій товарищъ обращается къ Цымбалу:

А годi, годi, старий Цымбалъ, горилки кружати!
Превражнi бусурмане негараздъ зробили:
Усi воли позаймали, кривого лишили —
Одного кривого, другого старого...

Посмотрѣлъ Цымбалъ «кругомъ себе», а воловъ дѣйствительно нѣтъ:

Та нема Сокола, та нема Соловъя,
Що попереду ходять...

Что тутъ дѣлать? Къ кому обратиться при такой бѣдѣ?..

Ой ударився старий Цымбалъ
Объ поли руками:
«Теперь же ми, миле браття,
На вiки пропали!»

Однако подобное отчаяніе непродолжительно: Цымбалъ скоро оправляется, дѣлаетъ необходимыя распоряженія объ отысканіи воловъ:

Ой якъ крикнулъ старый Цымбалъ
На хлопця малого:
«Сiдлай, хлопче, сiдлай коня,
Сiдлай вороного, —
Давай знати въ третю роту
Ажъ до кошового!
Давай панамъ знати,
Давай панамъ знати:
Нехай дають порадоньку —
Волiвъ одшукати!»

Или же, чтобы паны, т.-е. войсковая запорожская старшина

....дозволили, та й повеліли
Всю громаду зібрати—
Волівъ одшукати!

А въ другомъ варіантѣ этой пѣсни чумакъ посылаетъ хлопця «до батька рідного»:

Та нехай батько, та нехай рідний
Та листи засилае
Про чумацьки воли, про чумацьки вози,
Про його погоничі!..

Хлопець, немедленно осѣдлавши коня, поскакалъ дать знать кому слѣдовало о чумацкой бѣдѣ—и, къ счастію, напалъ какъ разъ на слѣдъ:

Біжить хлопець, біжить малий
Густими тернами:
Похилились густи трави,
Де воли прогнали...

Конечно, волы вскорѣ были догнаны и отняты у грабителей:

За річкою та за бистрою
Въ усі дзвони дзвонять:
Не журитись, миле браття—
Назадъ воли гонять!
Та сопуть воли, та сопуть воли,
Травицю толочать,
А за ними чумаченьки
Батіжки волочать...

Иногда при преслѣдованіи случается захватить и «превражого бусурмана» въ плѣнъ. Тогда уже ему нѣтъ пощады. Торжественно ведутъ его чумаки къ табору, взводятъ «на круту могилу» и заставляютъ послѣдній разъ, какъ бы на прощанье, посмотрѣть «на свою країну». Басурману, конечно, въ такихъ случаяхъ бываетъ не до того:

Да теперъ мині, миле браття,
Країна не мила!

Онъ знаетъ, какая его участь постигнетъ черезъ нѣсколько минутъ. Онъ даже не проситъ пощады—и апатично отдаетъ свою судьбу въ руки неумолимыхъ враговъ: онъ только дожидаетъ, какъ бы скорѣе наступила минута кары. Наконецъ, она настала:

И підняли бусурмана
На три списи (пики) въ гору!..

При этомъ послышалась злая, полная отплаты за всѣ несчастія, насмѣшка надъ окровавленнымъ трупомъ басурмана:

Дивись, дивись, бусурмане,
На нашу свободу!
Ой що наша свободонька,
Якъ макъ, процвітае;
Бусурманська жъ головонька
Кровъю окипае!

Но и нападеніемъ дикихъ татаръ на валки не ограничивались бѣды чумаковъ. Подвигаясь къ Крыму, они встрѣчали еще одного лютаго врага — орду крымскую. Несмотря на мирные трактаты съ Польшею и Россіею, крымцы нерѣдко подымались — и первою ихъ жертвою бывали чумаки. Такъ, когда чумацкая валка благополучно достигла уже Крыма, — тутъ, «надъ річкою надъ Салгирью» на нее напала орда:

Ой у неділоньку, рано-пораненьку,
Якъ стало світати, —
Стала орда все чорная
С-підъ моря вставати...

Чумаки и не догадываются, какое ихъ ожидаетъ несчастіе: «навантажують (наваливаютъ) мажі соли» какъ можно больше, довольные, что достигли, наконецъ, цѣли такого длиннаго и опаснаго путешествія. Но ихъ предостерегаютъ «німці-компанійці»:

Годі, годі, чумаченьки,
Въ Криму солі брати:
Запрягайте воли въ вози—
До баштн (башни) втікати!

Кто изъ чумаковъ заслышалъ это предостереженіе, — тотъ, набравши соли, поскорѣе утёкъ къ перекопской башнѣ:

А которі чумаченьки
Того не чували, —
Вони жь въ тому превражому
Криму пропадали...

Набѣжавшая орда однихъ «порубала, посікла», другихъ — «уполонъ заняла»... Запорожцы, прибывшіе «чумаченьківъ ратувати», застали уже кровавую картину смерти:

Лежать наші чумаченьки,
Де — два, де — чотирі...
Лежать наші чумаченьки,
Якъ въялая риба:
На нихъ плаття и одежа
Кровъю окипіла...

VIII.

Чумацкія печали и разгулъ.

Пѣсни, изображая матеріальныя бѣдствія, сопровождающія мака въ дорогѣ, отсутствіе корма и водопоя, разныя «пригоди» волами, а также нападенія на чумацкія валки грабителей, суютъ намъ также картину душевныхъ невзгодъ чумака. Съ рваго взгляда кажется, будто на этихъ закаленныхъ сыновъ епей едва ли можетъ найти мрачное облако печали. И дѣйвительно, обыденное настроеніе валки въ пути, — самое безботное, веселое. На попасѣ—неумолкаемый говоръ, постоянныя утки, пѣсни. Вся, повидимому, валка принимаетъ участіе въ щемъ весельи. Но выпадаютъ минуты, когда тоска грызетъ, еди толпы шумныхъ товарищей, какую-нибудь одиновую душу... оставленный между домашними привязанностями и бездомнымъ, прерывнымъ скитаніемъ по «широкихъ степàхъ», — чумакъ ученикъ собственной воли. Шумная, исполненная и радостей «пригодъ», жизнь не въ силахъ заглушить то грустное чувтво, какое часто охватываетъ душу его при воспоминаніи о машнихъ. А память о домашнихъ никогда не оставляетъ чуака. Для него дороги отецъ, «рідна ненька»; ему жаль «любу інку»; скучно «за малими дітками»; тяжела разлука съ «милоюолубонькою сивою»... Чаще всего воспоминаніе о близкихъ ревожитъ чумака вечеромъ, когда онъ, усталый отъ дневного утешествія, остается, въ ожиданіи «вечері»—самотою, съ своею думою думною».

Вдали отъ огня, на вііі (дышло) послѣдняго изъ возовъ, ловно спрятавшись отъ товарищей, свѣсилъ чумакъ на грудь яжелую голову. Лицо его мрачно: видно — какъ пробудилась тоска въ душѣ и охватила сердце... Тихо, чуть слышно заирала сопілка — эта неразлучная подруга чумацкой печали, — подруга, которой онъ повѣряетъ свое горе... Посмотрѣлъ бѣдяга-чумакъ на своихъ воловъ, а «вони чому-сь не пасуцця», словно и они раздѣляютъ печаль своего хозяина... Ему еще тяжеле стало! Глядитъ онъ на дорогу: степь и степь кругомъ, безбрежная степь, по которой—едва примѣтно—взвилась змѣей «чумацька дорога», теряясь изъ глазъ во мглѣ вечера... Куда идти «за порадою»? Наступаетъ ночь — тихая, лѣтняя, звѣздная ночь, какія бываютъ на югѣ. Ея чарующій полумракъ окутываетъ непроницаемымъ покровомъ и степь, и дорогу, и дальные возы, и волы... Только видны, при свѣтѣ огня, на темномъ

фонѣ, оживленныя лица товарищей. Кто люльку курить; кто разлегся противъ полымя; тутъ же въ кружку, передъ огнемъ сидитъ цѣлая «юрба». Говоръ смѣняется смѣхомъ; смѣхъ — говоромъ: то беззаботная голова тѣшитъ досужую компанію чудовищными вымыслами фантазіи или замѣчательными случаями дѣйствительности. Наконецъ, все затихло... Спустя немного послышался изъ толпы голосъ; за нимъ—другой, третій... Дружная пѣсня разбудила мертвую тишину степной ночи. Мало-помалу грустная перешла въ веселую, веселая—въ плясовую; засвистѣла сопілка—доносятся танцы... Одиночество среди этой дикой картины еще сильнѣе даетъ себя чувствовать. Воображеніе рисуетъ чумаку его родную «хату», съ ея тихими радостями. И кажется ему—семья вечеряетъ... Тутъ же и его «жінка люба», въ кругу полусонныхъ дѣтей, дѣлитъ «вечерю». Она спрашиваетъ у дѣтей: «Де-то теперъ нашъ батько?» И, не получая отвѣта, добавляетъ: «Хай йому легенько згадаецця!»—Вотъ и вечеря окончена. Укладываетъ дѣтей заботливая мати «на нічъ»; каганець потушила и сама легла на «постіль біленьку». Но ей не спится: дума о своемъ миломъ какъ огнемъ жжетъ ея голову... А «милий» въ это время всю свою душу отдалъ ей—и «сопілка» тянетъ еще болѣе грустную ноту:

Хазяінъ дома та хазяінуе—
На білому спати лягае,
А безщасний чумакъ у дорозі
Всяку муку прииімае:
Ой стеле хазяінъ та у себе дома
Пуховую пуховицю,
А безщасний чумакъ у дорозі—
Та нещасну важницю!..

Или же фантазія рисуетъ чумаку «милу» при другой обстановкѣ: грустная, безутѣшная жена его «отсунула кватирку», смотритъ на улицу—не ѣдетъ ли ея чумакъ? Тутъ же, возлѣ нее, обступили «малі діти»—спрашиваютъ «батька»... Что̀ имъ отвѣтить? Она уже, бѣдная, «закаляла білі ручки, віконечко відсуваючи—на битий шляхъ виглядаючи», —только «важенько вздихае» о томъ, что ея милаго, «голубонька сивого зъ дороги немае»... И чумакъ, волнуемый такими тягостными впечатлѣніями, восклицаетъ:

Лучче бъ було хазяінувати,
Ніжъ по дорогахъ ходити!

Но тоска по домѣ—участь не однихъ семейныхъ: неженатый чумакъ, оставившій «кохану дівчину», едва ли еще небольше тоскуетъ по ней. Мысль о ней преслѣдуетъ его во всю дорогу.

Чтó дѣлается съ нею? Любитъ ли она его, какъ обѣщала, или же промѣняла на другого?.. Страхъ и надежда отъ этихъ вопросовъ чередуются въ душѣ чумака. Передъ его глазами—одна степная ширь, закутанная во мракъ ночи; тутъ же безгласные волы, да разгульные товарищи, позабывшіе на время свои собственныя печали... И чумакъ затягиваетъ:

Викопаю криниченьку въ степу, въ кремені, —
Чи не прийде дівчинонька по воду къ мині?

Напрасны однако его ожиданія:

Та вже съ тиі криниченьки орли воду пъють,
Та вже мою дівчиноньку икъ шлюбу (вѣнецъ) ведуть:
Одинъ веде за рученьку, другий—за рукавъ,
А я иду—серце въяне: любивъ, та не взявъ!

Въ памяти чумака еще живѣе воскресаетъ кроткій, невинный, исполненный душевной силы и вѣры въ клятву, образъ дівчины, которая хотя и подчинилась волѣ старшихъ — «стала на рушничку» съ нѐлюбомъ, но сердца ему своего не отдала. Но вотъ началось вѣнчанье. Предъ алтаремъ, въ печали и горѣ стоитъ дівчина съ своимъ врагомъ — нѐлюбомъ; вотъ уже ея «білі руки» связали платкомъ съ руками нѐлюба — двѣ слезы горючія заискрились въ ея глазахъ карихъ и повисли на лицѣ, поблѣднѣвшемъ отъ борьбы, отъ испуга... Нѐлюбъ «невважае» на нихъ: онъ самодовольно обращается къ ней: «Теперъ ти моя?!» Чтó отвѣтить дівчині? Видитъ она, что все уже кончено; она заплакала: «Неволя моя!..» только и могла сказать... Все это дѣлается дома, или сдѣлалось уже — еще до выѣзда чумака въ дорогу... И онъ, видя все свое безсиліе воротить прошлое, старается примириться съ настоящимъ:

Въ кого жінка, въ кого діти
Тому дома добре жити....
А я собі бурлакую—
Оттимъ-же я й чумакую!

Иногда тоска чумака по родинѣ доводитъ его до отчаянія, но чаще онъ старается утопить свое горе въ разгульныхъ попойкахъ. Вино заливаетъ «журбу вприямую», но въ немъ иногда тонетъ и «чумацьке добро».

Самые большіе охотники «до гульні» между чумаками тѣ, кому особенно терять нечего. Это—«наймити», посылаемые въ дорогу. Въ пѣснѣ одинъ изъ такихъ бѣдняковъ, цѣлый свой вѣкъ промучившись, «чужі вози мажучи, чужі воли пасучи»,

наконецъ, не выдерживаетъ. Подъѣзжая къ шинку, весь продрогшій отъ дождя, непогоды, «на волики гукае»:

Гей, гей!
Ой чужі воли, не дужі,
Та вивизить мажу зъ калюжі (лужа),
Та поставьте мажу на суші—
Та биля шинкарки Настусі!

Волы послушно. вытащили изъ грязи тяжело наложенный возъ и подъѣхали къ шинку. Чумакъ тутъ какъ дома:

Вь шинокъ прийде, прямо стане,
На шинкарку любо гляне,
Ой шинкарочко Настусю,
Та дай меду-вина напьюся!

Ѣдучи въ Крымъ, чумаки заходятъ въ шинокъ и берутъ водку часто «на-боръ», т.-е. въ кредитъ; а потомъ, возвращаясь съ товаромъ, отдаютъ шинкаркѣ за набранное вино солью или рыбою:

Ой шинкарочко молода,
Усипъ меду, ще й вина;
Та усипъ кварту на віру—
Пиши гроші на стіну; [1])
Да якъ стіну розбирешъ,
Тодій гроші заберешъ!

Шинкарка увѣрена, что чумакъ только шутитъ: она ему отпускаетъ и медъ и вино въ кредитъ, потому что она ему—

На сто рублівъ навіряе,
А на двісті прищитае;

и въ случаѣ у чумака нечѣмъ будетъ разсчитаться, она «сірі воли залигае»....

Вотъ уже «разбирае хміль» чумацкую голову, а чумакъ все не унимается. Онъ то-и-дѣло покрикиваетъ на шинкарку:

Шинкарочка молода,
Підлій меду, ще й вина!

Шинкарка смотритъ на него: изодранный «жупанъ» покрываетъ чумацкія плечи,—и, наконецъ, рѣшается отказать чумаку:

Не підлію, не подамъ,
Бо у тебѣ жупанъ дранъ!...

---

[1]) Въ Малороссіи до сихъ поръ сохраняется обычай «писать гроші на стіну». Если кто беретъ въ шинкѣ въ кредитъ, то шинкарка, для памяти, записываетъ на дверяхъ мѣломъ, или же на стѣнѣ углемъ, столько палочекъ, сколько квартъ взято. По этимъ палочкамъ производится потомъ разсчетъ.

Чумака это задѣло за живое, онъ прикрикнулъ:

Хочъ у мене жупанъ дранъ,
Есть у мене грошей джбанъ!

На помощь чумацкому кутежу являются и помощники, и помощницы; приходитъ въ шинокъ и «троіста музика». Начинаются танцы, пѣсни; настаетъ шумъ, гамъ.... Чумакъ все ставитъ ребромъ:

Грай, музико, шпарко, хутко—
Чумакови дуже жутко!
Нехай же вінъ погуляе,
Бо въ кешені (карманѣ) дідька (домовой) мае....

Чумакъ разгулялся наконецъ до того, что «въ корчмі и ночуе», и всякаго, кто бы ни зашелъ въ шинокъ, угощаетъ:

Рано встае, вино бере—
Всіхъ людей частуе....
Що одну кварту випивае,—
Другу наливае;
Ой хто прийде у жупані,
Братомъ називае....

А застольныхъ бражниковъ въ шинкѣ всегда немало; тутъ и братья и «сестриці»—всѣ готовы погулять на чужой счетъ. Чумакъ не унимается; все до нитки спустилъ:

Пропивъ чумакъ штани,
Частуючи Гапку:
Пропивъ чумакъ люльку,
Частуючи Любьку....

Когда не хватило уже ни денегъ, ни вещей, онъ принимается спускать «худобу».... И она скоро уплываетъ:

Пропивъ чумакъ воли,
Пропивъ чумакъ вози,—
Пропивъ воли, пропивъ вози,
Пропивъ ярма и занози—
Все свое добро!...

«Хміль» такъ разобралъ голову, что чумакъ свалился подъ лавку—и заснулъ, какъ убитый. Просыпается—

Устану я въ ранці,
Поглянy въ гаманці (сумка):
Було грошей, було много,
А теперь нема нічого—
Ни за що гулять!

Выходитъ онъ на дворъ, чтобы посмотрѣть на свою «худобу», но и ее уже давно нѣтъ: шинкарочка—

Сірі воли забрала
И въ паньский двіръ загнала....

Чумакъ не выдержалъ: заплакалъ за худобою. Что съ нимъ теперь будетъ? какъ ему быть?... А тутъ за сердце сосетъ, голова трещитъ.... Хоть бы опохмѣлиться! Но на что? Досада тяжелымъ камнемъ сдавила его сердце.... А опохмѣлиться все-таки хочется. Чумакъ въ раздумьи:

Піду до жидівки—
Віріти горілки!...

Идетъ онъ къ жидовкѣ и начинаетъ ее упрашивать отпустить ему «хоть кухличокъ» (кружечка); плакать по «худобі»,—все напрасно: шинкарка даже стала надъ нимъ смѣяться, называетъ его «пъяницею»:

Ти пъяниця, ти ледащо,
Пропивъ воли не знать за що,—
Пропивъ воли, пропивъ возі,
Пропивъ ярма и занози,
А самъ ходишъ по дорозі—
Проливаешь гіркі слези!...

Укоры эти несносны чумаку — и онъ ставитъ послѣднее имущество:

Скину кожушину—
Въ жидівки покину:
Буде впиццям, похмелиццям,
Чумакові не журиццям
За своімъ добромъ!

Чумакъ проспался. Гдѣ его волы, возы, куда дѣвались трудовые «грôші», заработанные цѣною всѣхъ неудобствъ дорожной жизни? Ничего не помнитъ. Въ горѣ, отчаяніи, чумакъ отправляется къ ворожкѣ.

Заворожи, бабусенько,
Де чумацькі гроші?

—проситъ онъ. Ворожка разложила карты, посмотрѣла ему на ладонь,—снова переложила карты—и отгадала: «У шинкарки та у Гапульки—тамъ чумацькі гроші!» Чумакъ и самъ хорошо знаетъ откуда пришелъ: припомнилъ, какъ онъ «частувавъ Гапку»... Но что же ему теперь дѣлать? Какъ выбраться изъ бѣды? Не можетъ ли сказать ворожка?... Онъ вторично обращается къ

кей: «Заворожи баба-бабусенько, чи чумакові женицця?» Во-южка опять погадала на карты: «Ой оженись, мій синочку,—оворитъ она,—хочъ нічого й не бери»: хотя у тебя «нічого й е буде», за то «жінка буде», которая тебѣ поможетъ разбога-ѣть.... Чумакъ чрезвычайно доволенъ отвѣтомъ. Но видно судь-а преслѣдуетъ его, ему и тутъ неудача. Дівчина, которую онъ юбилъ, съ которою условился, по возвращеніи, «на рушнич-| стати»—

И любила и кохала
Покіль Одеса спріяла (благопріятствовала)...
Теперь любитъ багатого —
Мене кида нещасного!

Жаль чумаку стало своей прежней жизни, когда его всѣ лю-или, «поважали», — вездѣ онъ былъ принятъ съ почетомъ.... угіе люди и до сихъ поръ такъ живутъ.... Тоска по минув-емъ, сожалѣніе о потерянномъ «добрі», стыдъ передъ людьми, авшими его за порядочнаго хозяина, — все вдругъ нахлынуло у въ душу.... Чтобы хоть немного облегчить себя, чумакъ етъ «на гору крутую»—посмотрѣть «якъ люди живуть». Смо-итъ—

А люди живуть,
Якъ маки цвітуть....

Если возвратится этотъ чумакъ домой, такъ навѣрное отецъ просить, гдѣ подѣлись волы и возы.... Что ему отвѣтить? Од-—своротить на несчастную долю или на чары. Сказать, что у такъ «поробила шинкарочка Настя», что она дала ему от-авы «у хлібові ззісти», или «въ горільці спити», или просто объ-снить тѣмъ, что онъ «безъ долі вродився».... На вопросъ отца, ѣ его доля:—«а чи въ Сулі, чи въ Самарі, чи у тихому Ду-і»,—чумакъ отвѣчаетъ: «безъ долі вродився!» Семейнаго же умака, оставившаго у шинкарки «все свое добро», преслѣ-етъ вопросъ жены, которая объявляетъ ему, что «нема соли дрібочка, муки ні пилочка».... И огорченный чумакъ въ от-яніи восклицаетъ:

Або піду утоплюся,
Або въ камінь розібъюся:
Нехай добрі люди знають,
Якъ чумаки уміраютъ!...

Дѣйствительно, чумакъ готовъ исполнить свое рѣшеніе:

Пішовъ чумакъ топитися,
Чумачиха дивитися:

Стой, чумаче, не топися—
Хочъ на діти подивися!

Но подобные счастливые для чумака случаи весьма рѣдки.

Чаще всего чумакъ, пріученный ко всякимъ невзгодамъ, выносливый при всякой бѣдѣ, не теряетъ надежды со временем снова нажить пропитое добро.

А такъ какъ чумакомъ нельзя сдѣлаться «безъ грошей», то чумакъ старается прежде всего ихъ добыть:

Ой піду я на Дінъ—
Не по рибу, то по сіль:
Буду грошей заробляти,
Буду воли куповати,
Щобъ чумакомъ стать!

И онъ отправляется на Донъ, нанимается тамъ «въ забрôдъ»—становится *бурлакомъ*. Потомъ, «заробивши грошей», принимается снова за чумачество. Онъ такъ сжился съ этимъ промысломъ, что если не поступаетъ на время въ бурлаки, то рѣшается наняться къ чумакамъ въ «погоничі»:

Буду чужі волі гнати,
Бо хочу чумакувати!

IX.

Смерть чумака въ дорогѣ.

Смерть угрожаетъ чумаку на каждомъ шагу его длиннаго пути въ Крымъ. Нападенія гайдамаковъ и татаръ, — какъ мы видѣли,—кончаются иногда истребленіемъ цѣлой валки... Злополучный Крымъ, кромѣ того, не рѣдко поражалъ чумаковъ чумою, отъ которой въ то время спасенія не было. Журба «по худобі», пропитой въ шинкѣ, или же погибшей отъ долгаго путешествія—также бывала причиною смерти. А то—постигнетъ чумака «пригода»: или чумаку «сіль головку розбила», или его «вбито, затягнено въ жито», или же — неизвѣстно отчего — вдругъ чумакъ «занедужавъ» и отошелъ къ предкамъ....

Первыми вѣщателями какъ несчастія чумацкаго, такъ и самой смерти бываютъ волы. Они — эти вѣрные, неразлучные друзья его въ дорогѣ—чуютъ бѣду и всегда предупреждаютъ о ней своего хозяина. Такъ: задумался чумакъ о домѣ, взгрустнулось ему по отцѣ, матери или другихъ, близкихъ его сердцу,—поглядѣлъ на воловъ—а они «не пасуцця, та не будуть

води пити...» И дѣйствительно, когда онъ остановился возлѣ риниченьки», чтобы напоить воловъ—«воли ревуть, води не ють»... Огорченный чумакъ знаетъ, что тутъ что-то недоброе ется,—обращается къ воламъ:

Воли жъ мои, сірі, полові, чому непъете?
Тільки мині, молодому, журби-жалю задаете!...

смотрѣлъ на дорогу, а она—

Широкая, та прибитая,
Слізоньками перелитая...

снова къ своимъ любимцамъ:

Ой воли жъ мої, сірі, полові,
Идіть въ возі тихо,
Бо вже жъ мене, молодого,
Нападае лихо!
Ой воли жъ мої, сірі, полові,
Идіть тихою ходою:
Е у мене батько та ненька—
Гірко журяцця за мною!

Но самый вѣрный вѣщунъ чумацкой бѣды и смерти—зловѣщій пугачъ. Если онъ «запугавъ»—быть бѣдѣ! Чумакъ, неуспѣвшій на зиму «у великой лугъ», а оставшійся зимовать въ степи,—когда не отыскалъ для своихъ воловъ ни клочка сѣна, ни «въязочки соломи»,—возвращается въ тоскѣ къ своему возу. А тутъ—гдѣ ни взялся—пугачъ:

Ой сидить пугачъ та на могилі,
Та на вітеръ надувся:
Ой сидить чумакъ на переднімъ возі—
Та вже лиха здобувся!...
Ой сидить чумакъ на переднімъ возі,
На важницю схилився—
Ой правою рученькою
Та за серце вхопився,
Кариньками оченьками
Та на волики подивився....

Грустно разставаться съ тѣмъ, что такъ долго служило.... А болѣзнь между тѣмъ беретъ свое: чумакъ уже и сидѣть не въ силахъ—и на «драбину похилився».

Занедужавъ чумаченько—
Задумавъ умерти,
Та нікому чумакові
Доглянути смерти!

Тяжело умирать вообще, какъ бы ни была жизнь горька; но

смерть особенно тяжела въ одиночествѣ, вдали отъ родны которые въ ту минуту быть можетъ и не думаютъ и не гадаю про тебя... А родные нашего чумака далеко; вокругъ него чужина:

Чужа, чужа сторононька,
Та чужиі люде...
Хто чумака поховае,
Якъ смерть ему буде?

Единственная надежда и опора чумака — его товарищи. Ухо ихъ въ это время — единственная отрада страдающему больно

И дѣйствительно, товарищи въ такія печальныя минуты з мѣняютъ родныхъ. Забота ихъ о заболѣвшемъ чумакѣ прост рается до того, что они ѣдутъ медленнѣе обыкновеннаго, н смотря на то, что имъ поспѣшать необходимо:

Ой ради бъ ми поспішати, — говорятъ они, —
Такъ чумакъ занедужавъ....

А если товарищу очень дурно, — они даже и совсѣмъ остана ливаются. — Вотъ, тихо плывущая валка, спустившись «въ д лину», остановилась. Волы выпрягли; пустили на пашу, отр дивши сторожить «молодиківъ», а сами чумаки направились к тому возу, на которомъ больной «на драбину похилився». Груст ныя лица у этихъ и безъ того суровыхъ ватажанъ: смерть то варища тяжело отозвалась въ сердцѣ каждаго изъ нихъ. С нѣсколькихъ возовъ сняты рогожи, разостланы подъ возомъ, на нихъ лежитъ «чумакъ молоденький» въ предсмертной агоні Вѣтеръ треплетъ во всѣ стороны его длинную «чуприну» освѣжаетъ воспаленное лицо умирающаго... Кругомъ сидятъ товарищи, мрачно поглядывая на него: поджидаютъ, когда поблѣднѣетъ разгорѣвшееся лицо, когда прекратится дыханіе... Гдѣ ихъ веселыя рѣчи, гдѣ ихъ смѣющіяся лица? Ни шуму, ни гаму, ни даже говора... Передъ ними лежитъ недвижный товарищъ — быть можетъ черезъ нѣсколько минутъ не жилецъ этого свѣта, а надъ ними свѣтитъ яркое солнце — вѣчно юное, животворящее, вѣчно не умирающее... Тишина, молчаніе.... Только волы — кажется — тяжеле дышутъ, да вѣтеръ шелеститъ между травою... Но вотъ полумертвый товарищъ очнулся. Товарищи тотчасъ же обратили вниманіе, онъ — пристально посмотрѣлъ на нихъ. Онъ проситъ, чтобы ему привели посмотрѣть «худібоньку». Товарищи немедленно исполнили и эту просьбу. Посмотрѣлъ чумакъ на своихъ дорогихъ воловъ и спрашиваетъ:

Ой воли жъ мої, сірі, половні,
Хто вамъ паномъ буде, —

Ой якъ мене та чумаченька
На сімъ світі не буде?..

А волы ему въ отвѣтъ:

Той надъ нами буде панувати,
Хто насъ буде поганяти...

Отвѣтъ этотъ — все рѣшилъ для чумака: если уже волы такъ говорятъ, — значитъ смерть неминуема! Поэтому онъ обращается къ своимъ заботливымъ товарищамъ съ послѣднею волею о погребеніи:

Ой ви чумаченьки, ой ви молоденькі,
Ой ви люде на все гожі!
Ой побудуйте (постройте) мині молодому
Домовину (гробъ) зъ рогожі.
Ой ви чумаченьки, ой ви бурлаченьки,
Зробіть же ви мині славу:
Ой викопайте мині молодому
Хочъ притиками яму!

При этомъ чумакъ не забываетъ сдѣлать распоряженіе и на счетъ своихъ воловъ. Онъ проситъ, чтобы товарищи «сімъ паръ волівъ» отогнали домой и отдали бы въ распоряженіе жены: — «хай жінка заплаче надъ моею головою». — Даже для холостого забота о домашнихъ составляетъ въ минуту смерти послѣдній долгъ. Онъ проситъ товарищей:

Якъ будуть зъ Перекопу рушати, —
Воли заняти;
Якъ на Подолі становиться, —
Отцю-неньці поклониться!

А вспомнивши дівчину, умирающій проситъ передать и ей поклонъ отъ него:

Якъ буде зъ васъ, котрий браться,
Въ своїй сторононьці, —
Поклоніцця отцю-неньці,
Й моїй дівчиноньці...

Если чумакъ умираетъ вдали отъ родныхъ, гдѣ-нибудь въ степи, далеко отъ села, то чумаки положатъ тѣло умершаго на его возъ и везутъ «на долину», гдѣ, остановившись «на попасъ», предаютъ землѣ тѣло товарища.

Вийшли чумаки (говоритъ пѣсня), вийшли на долину —
Викопалиділъ глибокий та на домовину...

А то хоронять и «въ степу, край дороги», или же — умершаго «въ неділоньку въ ранці» — «въ зеленімъ байраці». А того

чумака, что «сіль головку разбила,» товарищи похоронили на перекресткѣ, между «трьома шляхами»:

Ой тамъ яму копали —
Тамъ чумака сховали!..
Насипали надъ чумакомъ
Височу могилу,
Посадили въ головонькахъ
Червону калину...

Проѣзжавшему вдоль Украины и вообще на югѣ Россіи, конечно, не могли не броситься въ глаза могилы надъ дорогами — чаще всего именно на перекресткахъ. На этихъ могилахъ иногда стоитъ простой деревянный крестъ, если могила неподалеку села или лѣса; иногда могилу эту затѣняетъ густыми вѣтвями тутъ же растущее дерево, а чаще всего — просто одинокая могила высится среди поля, надъ дорогою. То «поховані» чумаки. Могилы эти всегда почти покрыты посохшими растеніями, обрубками дровъ, или прутьями. Сдѣлано это прохожими и проѣзжими мимо скромнаго надгробнаго памятника, свидѣтельствующаго о случайномъ несчастіи въ дорогѣ. У малороссіянъ существуетъ повѣрье, что если на подобную могилу бросить что-либо, то «дорога буде щаслива». И потому всякій, проходя или проѣзжая мимо могилы въ полѣ, не преминетъ оставить и свою долю на памятникъ несчастія.

Иногда чумакъ, умирающій вдали отъ родныхъ, проситъ товарища похоронить себя не среди поля, гдѣ будетъ «виднесенько на всю Украйну», а «въ зеленімъ саду, підъ клинъ-древиною», дабы она «спустила гілля зверха до коріння, листъ до долочку» и прикрыла «тіло, чумацькее біле, ще й головочку» —

Та щобъ тее тіло,
Чумацькее біле,
Та й не чорніло —
Одъ буйного вітру,
Одъ ясного сонця,
Щобъ не марніло!

Похоронивши товарища и оплакавши его, чумацкая валка снова пускается въ дальнѣйшій «путь-доріженьку»; а когда остановится «на нічъ», справляютъ походныя поминки: сварятъ въ казанѣ кашу, —

Та укинуть чабака (родъ рыбы),
Та й помъянуть чумака!

X.

Ожиданіе домашнихъ и возвращеніе чумаковъ.

Много печали стоила разлука съ чумаками «дівчині», женѣ, матери; но самымъ, конечно, большимъ нетерпѣніемъ увидѣться снова съ «милымъ» горитъ «дівчина». Отвергнутая чумакомъ во время погони за нимъ, — когда онъ посовѣтовалъ ей вернуться «пшениченьки жати»,—она, хорошенько выплакавшись, отчасти-было уже примирилась съ своею «гіркою долею». Надежда на скорое свиданіе съ чумакомъ, по возвращеніи его съ дороги, стала ея единственною мыслію; приготовленіе къ встрѣчѣ — единственною заботою. Настало лѣто; поспѣваетъ пшеница; — выходитъ «дівчина» въ поле «на жнивá». Нѣсколько часовъ сряду, не разгибая тонкаго «ста̀ну», работаетъ она надъ пшеницею, какъ бы стараясь заглушить усталостью мучительное ожиданіе; но все напрасно: мысль о чумакѣ не выходитъ изъ головы ея. Уже она и устала, бѣдная; но не утомилось ожиданіе:

Та болять ручки, та болять ніжки,
Та пшеничеьнку жнучи, —
Та вже жъ мині надокучило,
Та миленького ждучи!

Вечеромъ возвращается она домой въ надеждѣ на радостную встрѣчу; но надежда ея не оправдывается:

Та нема жъ мого миленького,
Та нема жъ мого пана, —
Та уже жъ моя постіль біла
Пилочкомъ припала...

Измученная дневнымъ тяжелымъ трудомъ, дівчина, несмотря на уто̀му, и въ постель не ложится:

Та нема жъ мого миленького,
Та нема жъ мого сонця...
Ой уже жъ мині надокучило,
Сидячи въ віконця!..

Вотъ ей показалось, что кто-то прошелъ мимо окна ея.... Не чумакъ ли? Вдали послышалось бичеванье воловъ, скрипъ колесъ.... Не *онъ* ли ѣдетъ?... Въ жаръ бросило «бідну дівчину»... Но скоро все затихло: ни скрипу, ни стуку, — только вѣтеръ зашумѣлъ вербами...

Такія же мучительныя часы ожиданія переживаетъ и чумачиха. Она уже —

Потоптала черевички,
На дорогу вибігаючи,
Виплакала карі очі,
Чумаченька виглядаючи...

А онъ не ѣдетъ и не ѣдетъ! Не случилось ли съ нимъ какое несчастіе? Сердце чумачихи предчувствуетъ, что должно быть что-нибудь недоброе съ ея «милымъ»: «туга» о немъ не даромъ не даетъ ей покою:

До Хорола все дорога,
А до Криму стежечка:
Прийшла туга одъ милого
Та до мого сердечка...

Но «журба», какъ извѣстно, «впрямая»: она разъ вопьется въ сердце, — ее никакими способами не выживешь оттуда. Чумачиха обращается къ «буйному вітру»:

Повій, повій, буйний вітре,
Звідкіль тебе прôшу:
Возьми жъ мою тяжку тугу,
Що на серці нôшу!
Повій, повій, буйний, вітре,
Зъ глибокого яру:
Прибудь, прибудь, мій миленький,
Зъ далекого краю!

Но вѣтеръ не внемлетъ словамъ несчастной «молодиці»:

И вітеръ не віе,
И сонце не гріе, —
Тільки въ степу, край дороги,
Трава зеленіе...

По этой травѣ распустилъ чумакъ воловъ своихъ, а самъ варитъ «снідання» или «вечерю» — и не думаетъ поспѣшать домой. Скучающая чумачиха сама не знаетъ что ей дѣлать, къ кому обратиться за помощью при своей бѣдѣ, такъ какъ у нея... «муки ні пилочка, ні соли дрібочка».... А уже и лѣто минуло, — вотъ-вотъ нагрянетъ осень, съ своими длинными, скучными вечерами.... Съ кѣмъ коротать ихъ чумачихѣ?.. Милаго не видно: онъ не ѣдетъ, да и только!

Нелітувавъ чумаченько,
Не йде й зімувати:
Прийде нічка осінняя, —
Ні съ кимъ розмовляти!..

Долгія ожиданія чумаковъ съ дороги переполняютъ грустью и старческое сердце матери. Ее ужасно безпокоитъ необъяснимо-продолжительное отсутствіе сына. Безпокойство это еще больше усиливается, когда являются недобрые предвѣстники:

Злетівъ півень на повіту,
Крикнувъ: кукуріку!
Не дожидай, мати, сина
До себе до-віку!

Бѣдную старуху начали сны безпокойные тревожить, предвѣщая недоброе... Разъ ей снится, что ея сынъ «чумаченько у дорозі оженився».... Перепуганная мать спѣшитъ къ сосѣдямъ, передаетъ имъ странный сонъ и проситъ разгадки... Сосѣди, какъ ни грустно было печалить «стару матірь», не могли скрыть ужасной разгадки этого сна:

Та уже жъ тобі, стара мати,
Й малі діти сказали,
Ой що твого сина-чумаченька
У Перекопі сховали....

Наконецъ, ожиданія селянъ начинаютъ сбываться: чумацкая валка медленно приближается къ родному селу. «Закуренымъ шляхомъ» медленно подвигаются впередъ съ полными возами усталыя «паровиці». Онѣ даже какъ будто ускорили шагъ, приближаясь къ дому. Вотъ уже показалась маковка бѣдной деревенской церкви—и скрылась изъ глазъ за горою... Перекрестился каждый изъ чумаковъ, увидя родную святыню; сердце сильнѣе забилось... Оживились суровыя лица; заиграла улыбка довольства—и, спустя немного, смѣнилась задумчивостью... Видно вопросъ: все ли благополучно дома? вспугнулъ проснувшуюся радость... Впрочемъ эта задумчивость не надолго: по мѣрѣ приближенія къ родному селу, чумаки еще веселѣе стали. А село у нихъ передъ глазами, стòитъ только спуститься съ горы... Оживленіе охватило всю валку: послышался говоръ, раздался дружный хоръ пѣсни... Чумацкая валка спускается съ горы...

Ой зза гори, та зза кручі,
Риплять (скрипятъ) вози йдучи,—
Попереду чумаченьки,
Йдуть вигукуючи...
Вози рипдять, ярма брязчать,
Воли ремедають,—
По-переду чумаченьки
У скрипочку грають...

Шумно и весело возвращается домой чумацкая валка: неумолкаемая пѣсня даетъ знать о ея приближеніи...

Недоѣзжая села, «на майдані», на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были проводы, чумацкая валка остановилась.. Вышедшіе на встрѣчу «ро́дичі» кинулись къ толпѣ чумаковъ... Начались объятія, поцѣлуи, слезы — неразлучные съ радостью... Посыпались разспросы; слышны утѣшенія и успокоенія... Но — увы! общая радость не бываетъ безъ чьего-нибудь горя..

Чумакъ, котораго такъ долго и мучительно ждала «дівчина», не возвращается съ дороги. Дивчина въ отчаяніи:

Ой Боже жъ мій, Боже,
Де мій милий дівся?
Ой чи його звіри ззіли,
Чи вінъ утопився?...

Но не можетъ быть, чтобы подобное несчастіе поразило ея милаго:

Якъ би звіри ззіли,
То бъ ліси шуміли;
Якъ би утопився,
То бъ Дунай розлився...

Товарищи, наконецъ, объясняютъ «дівчині» причину смерти: ея милаго убило «підъ білою березою»:

Ой убито, вбито,
Затягнено въ жито;
Червоною китайкою
Личенько прикрито...

Вотъ она пошла искать, гдѣ ея милый, чтобы хоть посмотрѣть на него въ послѣдній разъ,—чтобы проститься на вѣки...

Приходить дівчина
Зъ карими очима,
Та підняла китаечку—
Та й заголосила...

Но случается, что чумакъ находитъ дома несчастье: или онъ не застаетъ въ живыхъ кого-нибудь изъ родныхъ, или не находитъ хаты на мѣстѣ—истреблена пожаромъ, или же въ хозяйствѣ случилась какая бѣда. А холостой, котораго всю дорогу безпокоила мысль о «дівчині», узнаетъ вдругъ, что она уже принадлежитъ другому... Ни въ чемъ невинная бѣдная женщина, которой «світъ завязали» съ «нелюбомъ», со слезами отвѣчаетъ ему:

Чи я жъ тобі не казала,
Та стоючи підъ кислицею:
Не йди, не йди у Кримъ по сіль,
Бо застанешь молодицею!

Чи я жъ тобі не казала,
Та стоючи підъ повіткою:
Не йди, не йди у Кримъ по сіль,
Бо застанешъ підъ намиткою!

...макъ видитъ, что ей дѣйствительно и самой тяжела новая ...знь, что совсѣмъ не за что укорять ее, и, чтобы хоть сколько-будь загладить свои несправедливыя нападки, утѣшаетъ ее:

Любивъ тебе дівчиною,
Любитему й молодицею:
Сімъ рікъ буду тебе ждати—
Поки станешъ удовицею...

А въ ожиданіи конца такого срока, чумакъ снова предается ...оей полукочевой чумацкой жизни, исполненной тревогъ, ли...ній, несчастій...

И все же украинецъ до самаго послѣдняго времени любилъ ...у жизнь. Онъ продолжалъ по прежнему дружиться съ сво...и медленными волами; ему все-таки привольнѣй дышалось ...еди широкой степи, по которой «одвічніми шляхами», съ ...нней весны до глубокой осени, одна за другою, тянулись ...инныя чумацкія валки... Но это время прошло; пустынная ...епь превратилась въ населенную сторону, среди которой не ...скаютъ болѣе шайки гайдамаковъ или дикой татарской орды: ...новали опасности, улеглись невзгоды... А между тѣмъ и чу...чество начало вырождаться... Прежній типъ чумака, закален...го въ несчастіяхъ условіями полукочевой жизни, замѣтно ...алъ уступать типу извозчика, лишенному всякаго поэтическаго ...еола. И быть можетъ не за горами то время, когда Малорос...і совсѣмъ должна будетъ проститься съ промысломъ, въ те...ніи нѣсколькихъ столѣтій составлявшемъ любимѣйшее ея за...тіе. Промыселъ этотъ какъ возникъ подъ вліяніемъ экономи...скихъ причинъ,—такъ, сослуживши службу своему краю, подъ ...іяніемъ тѣхъ же причинъ долженъ и исчезнуть. Мы пережи...емъ теперь эпоху постепеннаго вымиранія одного изъ симпа...ческихъ типовъ Малороссіи... Отъ чумака и его исполненной ...иключеній жизни останется рядъ поэтическихъ пѣсенъ, въ ...торыхъ запечатлѣлся духъ чумачества—унылыхъ, напоминаю...ихъ пустынность безбрежной степи, наводящихъ на душу ка...ю-то меланхолическую мечтательность о добромъ прошломъ, ...огда вызывающихъ изъ сердца какое-то «тихо-сумне» горе... ...къ послѣ бурной, полной тревогъ и отваги, воинственной жиз...і казака осталась также одна эпопея казацкихъ пѣсенъ, ко...рая, подобно казацкой славѣ, «не вмре, не поляже». Пѣсни

эти, какъ говоритъ Гоголь, «для Малороссіи все: и поэзія, история, и отцовская могила!» Оттого малороссы такъ и любят свои пѣсни.

Лѣтомъ 1868 года я ѣхалъ изъ Малороссіи. Впереди мен остановилась длинная валка. Въ виду «битого шляху», по ко торому двигались чумацкія «паровиці», строилась желѣзная до рога. Я тоже остановился и подошелъ къ чумакамъ. Долго съ большимъ любопытствомъ разспрашивали они меня о чугу кѣ, долго смотрѣли на нее и разсуждали объ ея удобствахъ неудобствахъ, выгодахъ и невыгодахъ. Всѣ разсужденія своди лись къ одному: желѣзная дорога — смерть для чумачества! себѣ поѣхалъ дальше, а чумаки все еще пристально продолжал смотрѣть въ глаза своей смерти... Наконецъ, и они тронулись. Раздалась грустная, заунывная пѣсня:

Та не буде знати
Ні отець, ні мати,
Ні братъ, ні сестра...
Тільки буде знати
Того чумаченька—
Чужа сторона!...

Ив. Рудченко.

АНГЛІЯ

въ

КНИГѢ ТЭНА.

Notes sur l'Angleterre, par H. Taine.

III*).

Отъ характеристики писателя обратимся къ его произведенію и познакомимся съ тѣмъ эскизомъ англійской жизни, англійскихъ нравовъ, который мастерскою рукою набросанъ Тэномъ въ его книгѣ объ Англіи. Книга Тэна—складная картина. Передъ нами десятки, сотни разрозненныхъ, раскрашенныхъ деревянныхъ кусочковъ; немножко труда, терпѣнія, и изъ нихъ слагается цѣльный, красивый узоръ. Все тутъ есть для полнаго воспроизведенія англійской жизни, но все сброшено въ одну общую груду, части не приведены въ систему, одно не подобрано къ другому, все отзывается какимъ-то безпорядкомъ, хаосомъ, точно автору не было времени докончить своего труда, точно онъ торопился подѣлиться съ обществомъ своими наблюденіями, впечатлѣніями, выводами. Онъ отдаетъ публикѣ сырой матеріалъ, какъ бы говоря: «посмотрите, вотъ что̀ набралъ я, вотъ что̀ почерпнулъ я изъ англійской жизни, сто̀итъ надъ этимъ поработать, сто̀итъ изъ этихъ нитокъ соткать полотно, или бросить работу

*) См. выше, сент. 124 стр.

недоконченною, предоставляя другимъ мои отрывочныя наблюденія и замѣтки привести въ стройную систему, въ гармонію?»

Читая его книгу, вы досадуете, что авторъ не потрудился сшить все это болѣе прочными нитками; но сердиться на него вы все-таки не въ правѣ, не въ правѣ уже потому, что самъ онъ предупредилъ о такомъ разрозненномъ характерѣ своего произведенія, давая ему скромное, но вѣрное названіе: «Notes sur l'Angleterre». Восхваляя англичанъ за ихъ привычку путешествовать по чужимъ странамъ и заносить въ тетрадь свои наблюденія, Тэнъ между прочимъ говоритъ: «стóитъ только каждый вечеръ описывать проведенный день, на этотъ небольшой трудъ способенъ всякій; единственно что при этомъ необходимо, это вниманіе и отсутствіе предубѣжденія». Такимъ образомъ дѣлалъ Тэнъ каждый разъ, что путешествовалъ по Англіи, первый разъ въ 1861-мъ году, второй въ 1862-мъ г. и наконецъ третій въ 1871-мъ году. Результатомъ этихъ путешествій и явилась его книга объ Англіи. Это предисловіе прямо указываетъ на отсутствіе претензіи дать систематическое сочиненіе объ этой странѣ; такъ что помня его слова, вы не только примиритесь съ разбросанностью, съ отрывочностью книги, но въ концѣ концовъ, прочитавъ ее отъ первой до послѣдней страницы, начинаете удивляться, что въ вашей головѣ сложилась цѣлая картина англійской жизни, такъ точно какъ изъ мелкихъ разнокалиберныхъ деревяшекъ у ребенка является большая складная картина.

Но если нельзя сѣтовать на автора за то, что онъ даетъ намъ свои замѣтки, а не стройное систематическое сочиненіе объ извѣстной странѣ, то тѣмъ не менѣе, чтобы говорить объ этой книгѣ, необходимо сдѣлать самому то, чего не пожелалъ сдѣлать самъ авторъ, т.-е. необходимо его отрывочныя замѣтки привести хотя въ какую-нибудь систему. Иначе пришлось бы не писать о книгѣ, а переписать книгу. Но быть можетъ, читатель возразитъ намъ: да стóитъ ли такой книжкѣ, которая есть не что иное какъ собраніе мимолетныхъ замѣтокъ, набросанныхъ авторомъ спустя рукава, стóитъ ли посвящать двѣ-три статьи, стóитъ ли трудиться приводить эти замѣтки въ систему? Замѣтки, можно отвѣтить, замѣткамъ рознь!

Замѣтки Тэна поражаютъ насъ своею мѣткостью, въ нихъ онъ затрогиваетъ всѣ выдающіяся стороны жизни, въ нихъ онъ является такимъ тонкимъ наблюдателемъ, отъ вниманія котораго не ускользаютъ самыя мелкія, но типичныя черты нравовъ англійскаго народа. Какъ часто на первый взглядъ Тэнъ останавливается въ своей книгѣ на какой-нибудь частной, незначущей чертѣ

рактера того или другого лица, извѣстной привычки, воззрѣя. Онъ разбираетъ эту черту съ необыкновенною тщательною, подробностью, и вы невольно задаетесь вопросомъ: да чему такъ настаивать на такой мелочи, на такой ничжной чертѣ характера или воззрѣнія! Читая далѣе, вы вите, что изъ этой мелкой черты, изъ незначущаго штриха нъ вдругъ дѣлаетъ крупное обобщеніе и говоритъ: вотъ вамъ пическая сторона жизни, вотъ бьющая въ глаза особенность глійскихъ нравовъ. И вы должны принять это обобщеніе, лжны согласиться, что оно сдѣлано правильно, что общій выдъ его изъ частнаго примѣра какъ нельзя болѣе вѣренъ и гиченъ. Отчего же этотъ общій выводъ поражаетъ васъ свои правильностью? Оттого, что Тэнъ передъ тѣмъ приготовилъ съ цѣлыми страницами, цѣлымъ рядомъ мелкихъ, но мѣткихъ мѣчаній къ принятію этого вывода. Примѣръ, который онъ ходитъ въ частномъ фактѣ, въ мелкой чертѣ является такъ азать какъ coup de grâce, который онъ наноситъ вамъ, и вы имѣете возможности возразить: это частный примѣръ, вы не правѣ обобщать его, дѣлать конечные выводы! Онъ спойно отвѣчаетъ вамъ: изъ частныхъ чертъ образуется общій рактеръ; это не частная, не случайная черта, это черта тическая англійской жизни, англійскихъ нравовъ. Вся книга, жется, состоитъ изъ частныхъ примѣровъ, случайныхъ затовъ, занесенныхъ въ его дневникъ какъ бы случайно, и смотря на это, когда вы закрываете книгу, вы не можете сказать, что всѣ главныя, типичныя стороны англійской зни прошли передъ вашими глазами. Такова внѣшняя мара послѣдняго сочиненія Тэна, о которой нужно было скать нѣсколько словъ, прежде чѣмъ перейти къ ея внутреннему держанію.

Когда мы желаемъ познакомиться съ жизнію извѣстнаго нада, съ его нравами, когда мы обращаемся къ изученію стра, то намъ тотчасъ представляется цѣлый рядъ вопросовъ, ебующихъ себѣ того или другого отвѣта. Мы должны спросить се, каковъ общій характеръ этого народа, каковы его свойства, авственныя качества, какія преобладающія стороны въ оргазмѣ людей, населяющихъ государство, какова семейная жизнь ого народа, въ какомъ состояніи находится образованіе, какое правленіе общаго народнаго воспитанія; мы должны узнать, что вѣритъ этотъ народъ, какова, другими словами, его рельгія; затѣмъ, идя далѣе въ общественную жизнь, мы спрашиемъ себя, какова политическая жизнь страны, какая господвуетъ въ ней форма правленія и какъ она дѣйствуетъ, каковы

политическіе нравы и законы, управляющіе жизнію народа, и наконецъ, мы должны поставить себѣ еще одинъ вопросъ, выдвинутый на сцену XIX-мъ вѣкомъ, каковы соціальныя отношенія между большинствомъ и меньшинствомъ, каково, однимъ словомъ, распредѣленіе богатства въ странѣ. Вотъ вопросы, требующіе себѣ отвѣта каждый разъ, что мы задаемся задачею познакомиться съ внутреннею жизнію народа, и на эти-то вопросы мы попросимъ отвѣта у Тэна. Нечего и говорить, что отвѣтъ на всѣ эти вопросы не можетъ быть полонъ, требовать такого полнаго многосторонняго отвѣта отъ книги въ четыреста страницъ было бы по крайней мѣрѣ несправедливо. Отъ Тэна тѣмъ не менѣе мы имѣемъ право требовать больше чѣмъ отъ кого-либо другого, потому что кому много дано, отъ того много и требуется. Ошиблись бы разумѣется тѣ, которые ожидали бы найти въ книгѣ Тэна новое слово объ Англіи; давно вѣдь уже рѣшено, что ничто не ново подъ луною, и Тэнъ своею книгою нисколько не опровергаетъ этого мудраго изреченія. Все, чего можно желать, это, чтобы писатель рѣшающійся писать о странѣ, о которой написано тысячи томовъ, былъ оригиналенъ въ своихъ описаніяхъ стараго, и съ этой стороны нужно было бы быть слишкомъ взыскательнымъ, чтобы остаться недовольнымъ авторомъ «Notes sur l'Angleterre». Тэнъ пріѣзжаетъ въ Англію безъ заранѣе составленнаго о ней мнѣнія, онъ не предубѣжденъ ни въ пользу Англіи, ни противъ нея, онъ рѣшился составить собственное мнѣніе и говорить только о томъ, что лично видѣлъ и слышалъ. Онъ ни съ кѣмъ не полемизируетъ, онъ забываетъ о своихъ соотечественникахъ, и знаменитыхъ соотечественникахъ, писавшихъ объ Англіи, онъ дѣлаетъ видъ, что не читалъ ихъ, и потому во всей его книгѣ вы не найдете ни одной ссылки на другихъ писателей; ни однимъ словомъ онъ не упоминаетъ о томъ, что объ Англіи было писано такими французскими писателями, какъ Монтескьё, Вольтеръ, Монталамберъ, Луи-Бланъ, Ледрю-Ролленъ, Эскиросъ и т. д. Онъ не становится на сторону тѣхъ, которые, какъ Монталамберъ, до извѣстной степени Эскиросъ и пожалуй Луи-Бланъ, все восхваляютъ, все стараются оправдывать, точно также какъ чуждается и тѣхъ, которые подобно Ледрю-Роллену систематически нападаютъ на Англію, доказывая, не особенно впрочемъ убѣдительно, что это—страна, быстрыми шагами стремящаяся къ рѣшительному упадку. Онъ игнорируетъ всѣхъ писавшихъ до него, претендуя, далеко не безъ основанія, дать своеобразное, оригинальное описаніе этой избитой въ литературѣ странѣ. Чѣмъ своеобразнѣе Тэнъ, тѣмъ интереснѣе разумѣется

сравненіе его съ другими писателями, тѣмъ любопытнѣе узнать, въ чемъ онъ сходится съ однимъ и въ чемъ расходится съ другимъ.

Методъ, съ которымъ Тэнъ приступаетъ къ изученію Англіи, обрисовывается съ самыхъ первыхъ страницъ, съ первой минуты его прикосновенія къ Англіи и къ англичанамъ. Изученіе нравовъ начинается съ того момента, когда онъ садится на пароходъ, который долженъ перенести его на «гордый» островъ. Тэнъ присматривается къ лицамъ, къ сложенію, къ физической сторонѣ; онъ не упускаетъ случая заговорить съ англичанами, толпящимися на палубѣ, и тутъ на первыхъ шагахъ подводитъ уже ихъ разговоры, ихъ лица, ихъ манеры въ систему, классифицируетъ ихъ извѣстнымъ образомъ, начинаетъ, однимъ словомъ, собирать типы, изъ которыхъ слагается у него замѣчательная коллекція.

Прежде чѣмъ проникнуть во внутреннюю жизнь англичанъ, Тэнъ останавливается на ихъ внѣшней сторонѣ, и первый вопросъ, который онъ задаетъ себѣ, это вопросъ: какова физическая природа англичанъ? «Въ концѣ концовъ,—говоритъ онъ,—самое существенное въ странѣ, это человѣкъ; со времени моего пріѣзда я собираю коллекціи типовъ и присоединяю ихъ къ тѣмъ, которые я собралъ прежде. По сдѣланному опыту, лучшая метода въ моихъ глазахъ это метода художниковъ и естествоиспытателей: замѣчать гордую, рѣзко выдающуюся физіономію или выраженіе, слѣдить за ея оттѣнками, измѣненіями и примѣсью, провѣрять, встрѣчается ли она у многихъ людей; выдѣлить такимъ образомъ главныя характеристическія черты, сравнить ихъ, истолковать и классифицировать». Этотъ позитивный методъ въ приложеніи къ описанію какой-нибудь страны не составляетъ впрочемъ новости и права собственности Тэна. Уже Монтескьё въ нѣсколькихъ страницахъ, посвященныхъ описанію Англіи, которое, говоря мимоходомъ, носитъ то же названіе, какъ и книга Тэна,—уже онъ въ своихъ «Notes sur l'Angleterre» прежде всего обращается къ физической природѣ человѣка и начинаетъ свое описаніе со словъ: «народъ въ Лондонѣ ѣстъ много говядины; это дѣлаетъ его чрезвычайно сильнымъ; но въ сорокъ или сорокъ пять лѣтъ онъ дохнетъ».

Каковы же, слѣдуетъ спросить, типы, которые преимущественно встрѣчаются въ Англіи, какова физическая природа людей, умѣвшихъ создать у себя такой общественный порядокъ, что онъ поневолѣ служитъ образцомъ или во всякомъ случаѣ поученіемъ для всѣхъ почти другихъ народовъ?

Тэнъ даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ во второй главѣ своей

книги, которая носитъ названіе: «Типы». Эта глава служитъ какъ бы основой его книги, на которой строятся всѣ дальнѣйшіе выводы. Тэнъ реалистъ и потому довольно понятно, что онъ приписываетъ большое значеніе физическимъ свойствамъ народа. Какъ отдѣльный человѣкъ, одаренный крѣпкимъ здоровьемъ, хорошо развитыми мускулами, сильный, съ меньшимъ трудомъ достигаетъ разъ намѣченной имъ цѣли, точно также и цѣлый народъ, который по праву гордится физическою силою, въ которомъ нѣтъ изнѣженности, дряблости, можетъ смѣлѣе идти по начерченному пути прогресса. Безъ сомнѣнія, физическія свойства, какъ сила, здоровье, далеко еще не обезпечиваютъ за народомъ общаго благоденствія, требующаго кромѣ того и, главнымъ образомъ, великой нравственной силы. Тэнъ говоритъ только одно, что физическія свойства народа составляютъ одинъ изъ основныхъ элементовъ народнаго благополучія, хотя и ему, не хуже чѣмъ другимъ, знакомы народы, обладающіе прекрасными физическими свойствами, но тѣмъ не менѣе влачащіе самую жалкую жизнь. Англія, со стороны физическихъ свойствъ ея народа, представляется Тэну въ самомъ заманчивомъ свѣтѣ. Наблюдая внѣшнюю жизнь, вглядываясь въ прохожихъ, останавливаясь передъ женщинами, дѣтьми, всматриваясь въ мужчинъ, Тэнъ приходитъ къ заключенію, что въ Англіи существуютъ главнымъ образомъ три типа людей. Первый типъ, это типъ здороваго, сильнаго, мускулистаго, красиваго человѣка; затѣмъ типъ человѣка флегматика; и наконецъ, третій типъ, это сухой, жилистый человѣкъ, выработанный усиленнымъ трудомъ, пропитанный энергіею, человѣкъ закаленный въ работѣ. Встрѣчаются, конечно, уклоненія отъ этихъ типовъ, но въ большинствѣ случаевъ самыя уклоненія суть не что иное какъ оттѣнки, видоизмѣненія ихъ, происходящія отъ различія воспитанія, лѣтъ, пола, положенія, занятія человѣка.

Первый типъ, т.-е. типъ человѣка сильнаго, богатырски-сложеннаго, огромнаго роста, съ свѣжимъ румянымъ лицомъ, большею частію съ отличнымъ расположеніемъ духа, Тэнъ слѣдитъ во всѣхъ слояхъ общества: онъ находитъ его среди солдатъ, среди прислуги аристократическихъ домовъ, онъ встрѣчаетъ его у фэшіонебельной части населенія и среди простого народа. Цѣльный законченный типъ перваго разряда встрѣчается конечно не часто; большею частію попадается онъ нѣсколько въ неизмѣнномъ видѣ, это типъ «работящаго животнаго» съ большимъ костлявымъ тѣломъ, типъ человѣка съ сильною конструкціею, схожаго нѣсколько съ автоматомъ, неловкаго, неграціознаго, но способнаго на большое упорство, на большія усилія въ работѣ. «Къ этому крѣпкому сложенію костей и мускуловъ при-

оедините,—говоритъ Тэнъ,—ясный, спокойный, дѣятельный умъ, азвитый спеціальнымъ или полнымъ образованіемъ, и вы получите ревкрасный оттѣнокъ того же типа, человѣка серьезнаго, способаго, достойнаго приказывать, и къ которому, въ случаѣ надобости, и можно, и должно относиться съ довѣріемъ; типъ челоѣка, который осилитъ самыя трудныя дѣла. Въ новомъ платьѣ слишкомъ изящномъ, въ одеждѣ слишкомъ свѣтлой, несообазность содержимаго съ содержащимъ недалека отъ того, чтобы оказаться смѣшною. Но представьте вы его себѣ на палубѣ, время сраженія, или просто въ конторѣ во главѣ двадцати рикащиковъ, представьте его себѣ въ судѣ, произносящимъ ѣшенія въ вопросахъ жизни и состояній, онъ вамъ покажется ревкраснымъ, одареннымъ нравственною красотою. Такое тѣло ожетъ носить въ себѣ душу безъ боязни быть подавленнымъ». ообразно съ этимъ сильнымъ и здоровымъ тѣломъ слагаются и сѣ привычки и всѣ вкусы людей. Такое тѣло должно потреблять ного пищи, и пища эта должна быть питательная, тяжелая, икантная. «Огромныя порціи жирной говядины и овощи безъ оуса: тутъ питаешься обильно и здорово, но удовольствія ѣсть утъ не знаютъ». Экономисты, передаетъ Тэнъ, вычислили, что ъ то время когда французъ въ продолженіи года съѣдаетъ полтора барана, англичанинъ съѣдаетъ ихъ четыре. Какъ въ кушаньи, акъ и въ напиткахъ, они не терпятъ ничего сладкаго, прѣснаго, этотъ крѣпкій организмъ не станетъ довольствоваться французкими винами, ему нужна водка, пиво, эль, портеръ.

Другому типу Тэнъ даетъ названіе флегматика; такіе люди, воспринимая извѣстныя впечатлѣнія, никогда не обнаруживаютъ ихъ внѣшнимъ образомъ, на нихъ повидимому ничто не дѣйствуетъ, ничто не волнуетъ и не потрясаетъ ихъ. У этого типа постоянно холодный внѣшній видъ, неподвижное выраженіе, необыкновенная скупость на слова, точно такіе люди застыли, точно они превратились въ автомата. Тэнъ нѣсколькими примѣрами, весьма мѣткими, рельефно обрисовываетъ этотъ типъ. «В..., получивъ рекомендацію въ одинъ домъ, дѣлаетъ визитъ; онъ разговариваетъ съ хозяйкой дома; является мужъ, который увидѣлъ гостя еще въ дверяхъ, проходитъ черезъ залу ни слова не говоря и съ глазами, обращенными въ другую сторону, садится, и черезъ минуту, безъ того, чтобы хотя одинъ мускулъ колыхнулся на его лицѣ, произноситъ: «радъ васъ видѣть». Ни слова больше: черезъ пять минутъ онъ беретъ журналъ и читаетъ. Это не есть признакъ недовольства; напротивъ, онъ радушенъ и внимателенъ».

Для характеристики этого типа Тэнъ приводитъ нѣсколько

подобныхъ примѣровъ; взяты они изъ области дѣйствительной жизни, или придуманы самимъ авторомъ, во всякомъ случаѣ они живо даютъ чувствовать этотъ типъ. Безъ сомнѣнія, подобные примѣры рѣдки; быть можетъ, въ дѣйствительной жизни эта черта и не выражается такъ ярко, такъ рельефно, но она говоритъ объ общемъ характерѣ этого типа. Сбавьте половину съ этой внѣшней суровости, холодности, заставьте сказать хозяина дома вмѣсто одной фразы: «радъ васъ видѣть»—еще нѣсколько фразъ, но характеръ остается тотъ же, передъ вами живо рисуется образъ спокойнаго, ровнаго, никогда не выходящаго изъ себя, несловоохотливаго флегматика. Чтобы сдѣлать этотъ типъ еще болѣе нагляднымъ, чтобы заставить читателя почувствовать его сильнѣе, Тэнъ прибавляетъ свой личный опытъ: «Среди тѣхъ, кого я посѣщалъ, есть два или три человѣка, очень образованныхъ, очень уважаемыхъ, которые думаютъ, которые писали и умѣютъ хорошо говорить. Но говорить имъ непріятно. Они съ удовольствіемъ принимаютъ у себя и присутствуютъ при самыхъ интересныхъ разговорахъ, почти не произнося слова: не потому, чтобы они были невнимательны, разсѣянны, чтобы эти разговоры имъ надоѣли,—они слушаютъ и этого имъ довольно. Если къ нимъ прямо обращаются съ вопросомъ, они выскажутся въ одной фразѣ; заплативъ этотъ долгъ, они снова становятся молчаливы, и это никого не удивляетъ; чтобы объяснить только ихъ манеру, говорятъ: «этотъ человѣкъ не любитъ тратить словъ». Далѣе идутъ уже, если можно такъ выразиться, развѣтвленія этого кореннаго англійскаго типа, и смотря потому къ какому слою общества принадлежитъ флегматикъ, онъ носитъ на себѣ тотъ или другой характеръ. Флегматикъ попадается и нужно сказать попадается весьма часто среди всѣхъ классовъ англійскаго народа; встрѣчая эту натуру среди рабочаго люда, вы непремѣнно увидите, что она носитъ на себѣ отпечатокъ какой-то тяжеловѣсности; во всѣхъ движеніяхъ, разговорахъ вы замѣчаете какую-то неуклюжесть, вы чувствуете, что люди эти едва ли способны къ утонченному развитію». Тэнъ указываетъ на этотъ оттѣнокъ новаго типа флегматика, подкрѣпляетъ свое личное наблюденіе примѣрами изъ англійской литературы, которая давно уже внесла его въ свою богатую коллекцію типовъ. Вы хотите видѣть этотъ типъ, какъ бы говоритъ современный намъ авторъ «Notes sur l'Angleterre», взгляните на Джонъ Виллета въ романѣ Диккенса «Barnaby Rudge», и вы встрѣтите не то человѣка, не то быка, сквозь толстую массу тѣла котораго не можетъ проникнуть никакая новая идея; всѣ мысли, рѣдкія и узкія, кажутся какъ бы застывшими.

Но за то когда этотъ флегматическій темпераментъ попа-

дается у человѣка образованнаго, развитого, однимъ словомъ, у gentleman'а, тогда флегма придаетъ ему характеръ необыкновеннаго благородства. «Они возводятъ въ добродѣтель это качество ихъ темперамента,—говоритъ Тэнъ;—для нихъ самое главное достоинство въ человѣкѣ заключается въ томъ, чтобы у него всегда была спокойная и холодная голова. Они правы, прибавляетъ онъ: ничто такъ не полезно въ несчастіи и въ опасности, и это качество составляетъ одну изъ національныхъ чертъ, качество заставляющее ихъ всегда успѣвать. Французскій офицеръ, участвовавшій въ крымской кампаніи, передавалъ мнѣ, какъ при Инкерманѣ одинъ англійскій батальонъ стрѣлковъ уничтожилъ два русскихъ полка. Русскіе не переставали стрѣлять и не отступали ни на одну пядь; но они были возбуждены и дурно цѣлились; напротивъ, англійскіе стрѣлки избѣгали торопливости, прицѣливались и не теряли даромъ почти ни одного выстрѣла. Человѣкъ—въ десять разъ сильнѣе, замѣчаетъ Тэнъ, когда его пульсъ остается холоднымъ, и когда онъ вполнѣ владѣетъ своимъ разсудкомъ».

Флегматическій темпераментъ выражается весьма различно въ разныхъ классахъ и въ большинствѣ случаевъ онъ влечетъ за собою медленное нравственное развитіе, онъ является какъ бы задерживающимъ элементомъ въ умственной жизни.

Третій типъ, многочисленные элементы котораго по сознанію самого Тэна еще не хорошо выяснились для него, это типъ человѣка, работника по преимуществу, типъ существа необыкновенно дѣятельнаго, не останавливающагося ни передъ чѣмъ, способнаго на необыкновенныя усилія, который любитъ эти усилія ради усилій, который напрягаетъ всѣ свои способности, чтобы выкарабкаться изъ бурнаго потока жизни; который не остановится для достиженія своей цѣли ни передъ какимъ предпріятіемъ, готоваго на все, безстрашнаго, идущаго смѣло и непреклонно впередъ къ намѣченной цѣли. Обиліе энергіи таково, что его ничто не пугаетъ, ничто не въ состояніи преградить ему путь. Это люди большею частію сухіе, жилистые, тонкіе, сильные и здоровые. Природа надѣлила ихъ такимъ организмомъ, что они спокойно могутъ переносить всяческія невзгоды. Тэнъ слѣдующимъ образомъ рисуетъ жизнь этого типа людей: «быть рано предоставленнымъ на свое собственное попеченіе, жениться на дѣвушкѣ безъ состоянія, имѣть много дѣтей, проживать все что наживаешь, ничего не экономизировать, работать страшно, поставить своихъ дѣтей одинаково въ необходимость работать постоянно, обогащаться фактами и положительными свѣдѣніями, искать развлеченія отъ одной работы въ другой работѣ, отдыхать въ

путешествіяхъ, постоянно производить и постоянно пріобрѣта[ть]; они не желаютъ ничего другого, ни для себя, ни для свои[хъ] дѣтей».

Какимъ же образомъ слагается этотъ характеръ англичан[ъ], откуда проистекаетъ эта наклонность къ постоянной работѣ, [къ] труду, составляющая рѣзкую національную черту англійскаго н[а]рода? Тэнъ менѣе, чѣмъ кто-либо другой, способенъ этотъ в[о]просъ оставить безъ отвѣта; его реалистическій, позитивн[ый] умъ любитъ глубоко рыться въ человѣческой природѣ и д[о]искиваться до корня, до происхожденія той или другой накло[н]ности, той или другой характерной черты.

Одною изъ первыхъ причинъ онъ называетъ право старши[н]ства и большое количество дѣтей. Вслѣдствіе этого невол[ь]но каждый долженъ заботиться о самомъ себѣ, каждый долженъ напр[я]гать всѣ свои силы, чтобы добиться извѣстнаго довольства. И[зъ] того, что у англичанъ въ большей части случаевъ бываетъ мно[го] дѣтей, Тэнъ дѣлаетъ такой выводъ: у англичанъ больше см[ѣ]лости и меньше чувствительности, чѣмъ у французовъ. Боль[ше] смѣлости потому, что они не боятся обременять себя семьями, о[ни] не боятся быть вынужденными работать до глубокой старост[и]; меньше чувствительности, чѣмъ у французовъ, потому, что по[-]слѣдніе съ ужасомъ думаютъ о томъ, чтобы ихъ дѣти проходи[-]ли черезъ такую же трудную школу жизни, какъ они сами, [и] потому заботятся обезпечить ихъ существованіе и освободить п[о] возможности отъ работы, въ то время, какъ англичане разсуж[-]даютъ такъ: если мы работали всю жизнь, то отчего же не рабо[-]тать нашимъ дѣтямъ! Другою причиною этой необыкновенной, ка[-]кой-то лихорадочной дѣятельности и изумительной энергіи, яв[-]ляется, по мнѣнію Тэна, климатъ, который играетъ замѣт[-]ную роль во всемъ, что только выходитъ изъ-подъ пера этого замѣчательнаго индифферента. Едва ли есть у него хотя одинъ критическій этюдъ, хоть одинъ анализъ какого-нибудь поэта, историка, романиста, гдѣ бы климатъ не выступалъ впередъ, какъ одинъ изъ элементовъ, объясняющихъ того или другого автора, то или другое произведеніе. Такъ точно и въ его сужденіяхъ о характерѣ англійскаго народа онъ такъ просто и вмѣстѣ такъ убѣдительно выясняетъ вліяніе климата на образованіе народнаго характера, что нужно было бы особенное упрямство, чтобы не согласиться съ его доводами. Прочтите эти строки: «Вторая причина, пишетъ Тэнъ, это климатъ. Я постоянно возвращаюсь къ нему, потому что по моему нѣтъ вліянія болѣе могущественнаго. Представьте себѣ, что эта сырость и этотъ туманъ, и еще въ сильнѣйшей степени, существовали еще при

ксонскихъ короляхъ, и что эта раса жила съ тѣхъ поръ, что жно слѣдить за нею, начиная съ ея первой родины на берехъ Эльбы и Ютландіи.... Мрачная и суровая природа подрѣваетъ въ корнѣ всякое сладострастное представленіе жизни. деалъ, подъ этимъ небеснымъ сводомъ, это сухая, чистая, хошо вытопленная, хорошо законопаченная квартира, одинокая изнь съ вѣрною женою, хорошею хозяйкою, чисто одѣтою, ровыя щеки чисто вымытыхъ и чисто одѣтыхъ дѣтей, видъ рашнаго огонька, обиліе мебели, полезныхъ и пріятныхъ бездѣцъ, разставленныхъ въ порядкѣ и хорошо отполированныхъ, исутствіе которыхъ напоминаетъ человѣку, что онъ защищенъ ъ непогоды и скуки, что онъ хорошо снабженъ всѣмъ, что жно для всевозможныхъ потребностей ума и тѣла. Напротивъ, Провансѣ, въ Италіи, въ южныхъ странахъ, идеалъ—это безльная прогулка въ тѣни, на террасѣ, на свѣжемъ воздухѣ, любовницей, передъ дивнымъ пейзажемъ, среди благоуханія въ, среди статуй и звуковъ музыки. Чтобы съ тонкимъ чувкомъ упиваться красотою лѣта, мягкимъ воздухомъ, дивными руктами и архитектурою пейзажей, нужно только, чтобы раскылись всѣ чувства; здѣсь климатъ ихъ замыкаетъ, и держа ъ вѣчно въ заперти, кончаетъ тѣмъ, что притупляетъ ихъ».

Послѣ такого общаго положенія Тэнъ тотчасъ беретъ примѣръ инъ, другой, третій, и эти примѣры еще болѣе заставляютъ ѣдиться въ справедливости всего, что онъ говоритъ о вліяніи имата. «Бѣдный, въ Марсели или Миланѣ, покупаетъ на одну пѣйку фунтъ винограда, достойнаго быть поданнымъ къ столу боговъ, и такимъ образомъ получаетъ идею самаго утонченаго ощущенія; какимъ же образомъ подобная идея можетъ родиться въ головѣ человѣка, нёбо котораго не знаетъ ничего другого, кромѣ вкуса куска говядины и стакана джина или эля? Исключенный изъ этого праздника природы, человѣкъ не можетъ омышлять о тонкомъ и чувственномъ наслажденіи; онъ не можетъ болѣе его испытать, онъ очерствѣлъ, сдѣлался жестокъ, въ приспособилъ себя къ требованіямъ и суровости своей среи. Невольно его мысль обращается въ другую сторону, иначе быть не можетъ, такъ какъ онъ не имѣлъ бы времени, чтобы преваться лѣни и наслаждаться, если бы даже и желалъ того. олодъ, дождь, грязь, дурная погода, неблагодарная почва, отъ враги, съ которыми онъ долженъ постоянно бороться. Кромѣ того, его внутренняя машина поглощаетъ больше и требуетъ олѣе серьезныхъ исправленій, она не могла бы дѣйствовать безъ пиртныхъ напитковъ и жирной говядины». Оттого, конечно, и аходились въ Англіи писатели, которые возставали противъ об-

ществъ трезвости; они, какъ и Тэнъ, конечно, полагали, что ср ди этого суроваго климата, когда природа требуетъ отъ люд такой усиленной дѣятельности, спиртные напитки если и пр чиняютъ большое зло, тѣмъ не менѣе являются печальною не обходимостью для поддержанія силы и энергіи въ людяхъ. Ес Тэнъ, сравнивая положеніе англійскаго простолюдина, положе ніе, создающее этотъ настойчивый характеръ и закаленную на туру, съ положеніемъ человѣка южныхъ странъ, нѣсколько иде лизируетъ послѣднее, за то относительно перваго онъ бе условно правъ. «Бѣдный не несчастенъ на Югѣ, онъ пользует даромъ самыми лучшими вещами, почти за ничто онъ пріобр таетъ все необходимое; между тѣмъ есть столько вещей, кот рыя необходимы на Сѣверѣ и въ которыхъ онъ вовсе не ну дается: обильная пища, искусственный свѣтъ, топливо, хоро защищенное отъ непогоды жилище, теплая одежда, часто возо новляемое бѣлье и все прочее! Здѣсь жалко смотрѣть на нег Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ одѣяніе, жилье, рубаха, вся фи ра англійскаго нищаго; въ Hyde Park'ѣ, въ воскресенье, ког на травѣ садится семья нищихъ, какъ пятно поражаетъ о глазъ. Имѣйте здѣсь двадцать тысячъ фунтовъ годового дохо или перерѣзывайте себѣ горло: вотъ мысль, говоритъ Тэнъ, к торая преслѣдуетъ меня, и объявленія въ омнибусахъ во м еще болѣе подстрекаютъ ее, когда я узнаю, что знамениты бритвы Mappin'а стоятъ всего одинъ шиллингъ». Чтобы не п рерѣзать себѣ горла бритвою въ одинъ шиллингъ, чтобы опуститься слишкомъ низко и не потерять уваженія окружа щихъ, нужно усиленно работать, и при помощи необыкновенно энергіи и изумительнаго труда пріобрѣсти себѣ то, что являет ся необходимымъ условіемъ образованія, уваженія, всѣхъ тѣх качествъ, изъ которыхъ слагается понятіе о gentleman'ѣ. Не обходимость энергической дѣятельности превращается въ привыч ку, въ національную черту характера, въ необходимость что-нибудь дѣлать, чѣмъ-нибудь быть занятымъ. Флегматическій темпераментъ и отсутствіе чувствительности, тонкихъ нервовъ, дѣлаютъ то, что трудъ и, какъ говоритъ Тэнъ, современный трудъ теряетъ свое преимущественное свойство: скуку, или, если и не теряетъ ее, то становится для нихъ нечувствительнымъ.

Такимъ образомъ, физическія свойства человѣка порождаютъ въ немъ нравственныя качества: энергію, упорство въ трудѣ, необходимость его для каждаго человѣка, желающаго пользоваться уваженіемъ окружающихъ. «Работай и содѣйствуй полезному дѣлу; иначе ты не человѣкъ, и не имѣешь права уважать себя!» вотъ девизъ, который выработанъ въ Англіи и образо-

нію котораго, безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ содѣйство-[illegible] физическія свойства страны и народа.

Отъ мужского типа мы можемъ перейти теперь къ типу ан-[illegible]ской женщины и хоть въ самыхъ общихъ чертахъ указать тѣ особенности, которыя входятъ въ ея характеръ.

Сила, здоровье, крѣпкое сложеніе составляютъ точно также, [illegible] и у мужчинъ, отличительное свойство большинства англій-[illegible]хъ женщинъ. Качества эти дѣлаютъ то, что несмотря на ча-[illegible] попадающуюся, какъ выражается Тэнъ, вульгарность въ фор-[illegible]хъ, общее впечатлѣніе все-таки бываетъ удовлетворительно, [illegible] какъ самое существенное для живого существа — это здо-[illegible]ое, сильное тѣло. Тэнъ пораженъ тѣмъ рѣзкимъ различіемъ, [illegible]орое существуетъ между француженкою и англичанкою. Пер-[illegible] большею частью существо слабое, нѣжное, неспособное, [illegible]димому, ни на какой физическій трудъ; грація, искусствен-[illegible] изящность натуры, вотъ ея отличительныя качества. Когда [illegible]нцуженка садится на лошадь, за нее становится страшно, [illegible]ольно опасаешься, что ея бѣдныя силы не справятся съ [illegible]вотнымъ; когда она выходитъ на улицу, въ суровую погоду, [illegible]детъ на встрѣчу громко завывающему вѣтру, можно опа-[illegible]ься, что вѣтеръ повалитъ ее и унесетъ. Француженка — [illegible] тепличное растеніе, въ то время, какъ англичанка — это де-[illegible]во, выросшее на открытомъ воздухѣ, испытавшее вѣтры, бурю, [illegible]погоду. Англичанка ничего не боится и не внушаетъ за себя [illegible]раха и другимъ. Когда она на лошади, можно думать, что [illegible]ю жизнь она не сходила съ нея; англичанка — это самою при-[illegible]одою созданная амазонка. Она лучше мужчины будетъ лазить [illegible]о горамъ, безъ отдыха взбираться на страшную высоту, она не [illegible]аетъ усталости, незнакома съ опасностью, ей все трынъ-тра-[illegible]а. По мнѣнію Тэна, эта сила, здоровье англійской женщины [illegible]бъясняется двоякаго рода причинами. Первая — это природная [illegible]собенность — наслѣдственная организація всей расы, другая за-[illegible]лючается въ привычкѣ жить на открытомъ воздухѣ и постоян-[illegible]о предаваться физическимъ упражненіямъ. Эти достоинства, на [illegible]оторыя указываетъ авторъ «Notes sur l'Angleterre», не стоятъ [illegible]диноко, рядомъ съ ними онъ указываетъ и на недостатки въ [illegible]изической природѣ англійскихъ женщинъ: цвѣтъ лица быстро [illegible]змѣняется у множества молодыхъ англичанокъ, носъ весьма [illegible]ано краснѣетъ; у нихъ обыкновенно бываетъ много дѣтей и [illegible]слѣдствіе этого сложеніе ихъ обезображивается. Часто также [illegible]ервоначальный типъ, отличительное свойство котораго заклю-[illegible]ается въ крѣпкомъ и красивомъ тѣлосложеніи, значительно ви-[illegible]оизмѣняется, и вы видите предъ собою длинную, высохшую

«спаржу» съ огромными ногами, обутыми въ неуклюжіе сапо[ги] и съ безконечно длинными зубами, выдающимися впередъ, кот[о]рые отталкиваютъ васъ и къ которымъ вы не можете привы[к]нуть. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ типѣ, главную о[т]личительную черту составляетъ все-таки физическая сила, зд[о]ровье, и какъ результатъ этой силы, большая смѣлость, неустр[а]шимость, рѣшительность, готовность всегда и во всякое вре[мя] дѣлать надъ собой «усиліе» для достиженія предположенно[й] цѣли.

«Сдѣлать усиліе» это важная вещь у англичанъ, это в[е]ликая способность, они гордятся ею и съ сожалѣніемъ отн[о]сятся къ людямъ неспособнымъ на такое усиліе. Рисуя ти[пъ] англійской женщины, Тэнъ имѣлъ бы полное право указать [на] эту способность къ «усилію» и на это требованіе «усилія», и д[ля] подтвержденія этой черты онъ могъ бы сослаться на Диккенс[а], который такъ безподобно изобразилъ эту національную черту [въ] одномъ изъ своихъ лучшихъ романовъ «Домби и сынъ», имен[но] въ той сценѣ, въ которой онъ описываетъ послѣднія минут[ы] умирающей матери маленькаго наслѣдника знаменитой фирм[ы] «Домби и сынъ». Г-жа Домби страдаетъ, а ей говорятъ: «[н]полно, сдѣлайте надъ собою усиліе!» Г-жа Домби находится [въ] предсмертной агоніи, а родные, окружающіе ее, даже самъ муж[ъ] обращается къ ней со словами: «сдѣлайте надъ собою усиліе!» Наконецъ, г-жа Домби умерла, и первое слово, которое выры[в]ается у родныхъ, это не слово сожалѣнія, не слово грусти, [а] скорѣе слово упрека: «бѣдная женщина, говорятъ они, как[ъ] жаль ее, она не была способна сдѣлать надъ собою усиліе». Усиліе, усиліе, усиліе—вотъ слово, которымъ опредѣляется глав-ная, характерная черта англійской женщины.

Если сила, здоровье, физическая крѣпость составляютъ глав-ное свойство мужчины и женщины въ Англіи, и сплошь и рядомъ, чтобы не сказать какъ общее правило, являются въ ущербъ умственному развитію, то естественно, что и дѣти отличаются тѣми же качествами. Тэна поражаютъ красныя щеки, точно кровь съ молокомъ, англійскаго ребенка, онъ съ удивленіемъ останавливается передъ крѣпостью тѣла, толщиною дѣтей, обѣщающихъ сдѣлаться такими же коренастыми людьми, какими являются ихъ отцы и матери. Около семи лѣтъ и позже у нихъ преобладаетъ далеко не умственное развитіе, нѣтъ, въ нихъ поражаетъ физическая и нравственная энергія. У этихъ дѣтей мало нѣжности, къ нимъ не чувствуешь какой-то жалости, которую возбуждаетъ къ себѣ беззащитность и какое-то безпомощное состояніе ребенка; они не привлекаютъ своимъ ласковымъ

видомъ, надъ ними нечего дрожать, у большинства дѣтей какой-то сердитый, неподпускающій къ себѣ видъ; глядя на нихъ, думаешь, по выраженію Тэна, «о молодыхъ щенкахъ». Всѣ животные инстинкты чрезвычайно сильно развиты въ немъ, «у него слишкомъ много здоровья, книги ему противны, онъ не хочетъ и не можетъ учиться. Онъ предпочитаетъ ѣсть, боксировать, играть въ крикетъ, ѣздить верхомъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, и конечно въ силу своихъ физическихъ качествъ, англійскій ребенокъ обладаетъ тою же неустрашимостью, упорствомъ въ своихъ желаніяхъ, смѣлостью, способностью переносить всякое физическое утомленіе и другою чисто англійскою способностью «дѣлать усиліе». Онъ жаждетъ борьбы и никогда и ни въ чемъ не хочетъ уступать. «Въ концѣ концовъ,—говоритъ Тэнъ, дѣлая общій выводъ,—для меня не подлежитъ сомнѣнію, что животное съ физической стороны, что примитивный человѣкъ, такой какимъ природа отдаетъ его въ руки цивилизаціи, здѣсь несравненно болѣе сильной и крѣпкой породы».

Оканчивая обзоръ всѣхъ типовъ, попадающихся въ Англіи, Тэнъ дѣлаетъ въ нѣсколькихъ строкахъ какъ бы резюме всего имъ сказаннаго, и въ резюме такъ рельефно отлился внѣшній видъ, внѣшній характеръ огромнаго большинства англійскаго народа, что на немъ можно остановиться и призадуматься. «Когда въ восемь часовъ утра,—пишетъ Тэнъ,—на дебаркадерѣ желѣзной дороги останавливаешься передъ толпою людей, возвращающихся изъ деревни для своихъ ежедневныхъ занятій, или когда гуляешь по одной изъ дѣловыхъ улицъ, то невольно поражаешься количествомъ лицъ, которыя обнаруживаютъ этотъ типъ холодной и упорной воли. Они идутъ прямо, двигаясь прямолинейно, не глядя по сторонамъ, не развлекаясь, всецѣло отданные своему дѣлу, точно автоматы, толкаемые пружиною. Большая костлявая фигура, съ блѣднымъ цвѣтомъ лица, часто пожелтѣлымъ или свинцовымъ, съ строгимъ взглядомъ, все, до ихъ перпендикулярной шляпы широкой и толстой обуви, до ихъ зонтика всаженнаго въ чехолъ и который они носятъ какъ-то особо, все указываетъ на человѣка нечувствительнаго къ идеямъ роскоши или удовольствія и занятаго исключительно мыслію какъ можно скорѣе и какъ можно лучше сдѣлать много дѣла. Иногда встрѣчаешь физіономію Питта, повелительную и неподвижную тонкую фигуру, съ блѣдными и горящими глазами, взоръ, который скрываетъ въ себѣ блескъ неподвижнаго блеска шпаги; человѣкъ этотъ болѣе тонкаго закала, но его воля вслѣдствіе этого является болѣе рѣзкою и суровою; это желѣзо, превратившееся въ сталь. Впечатлѣніе достигаетъ самой высшей степени, когда

это выраженіе попадается на лицѣ молодой дѣвушки; я видѣлъ его много разъ, и тонъ, слово, мысль были въ гармоніи; не проходитъ и двухъ минутъ, что вы чувствуете точно лезвіе ножа... четыре раза изъ пяти, говоритъ онъ далѣе, англійскій типъ представляется слѣдующимъ: у женщинъ бросается въ глаза способность переносить много, и часто выраженіе, лицо, которое говоритъ, что многое перенесено въ жизни; отсюда все отзывается въ ней какой-то покорностью, или чѣмъ-то погасшимъ, или упорствомъ, которое заставляетъ сказать: She has made up her mind; у мужчинъ выступаетъ наружу способность много работать, долго напрягать свои силы, печать продолжительнаго и упорнаго вниманія, вытянутыя черты лица, нисколько неизнѣженныя и не мечтательныя, челюсть сжатая, лицо неподвижное, «steadfastness». Избытокъ этой способности и этого рода жизни обнаруживается вездѣ, и главнымъ образомъ въ рабочемъ классѣ. Среди работниковъ и деревенскихъ day labourers у большаго числа лица впалыя, блѣдныя, изнуренныя усталостью, заставляющія думать объ извощичьихъ клячахъ, которыя стоятъ разставивъ свои четыре ноги терпѣливо и неподвижно, въ то время когда дождь падаетъ ручьями по ихъ исхудалымъ бокамъ. Волосы посѣдѣли и падаютъ рѣдкими клочьями, ротъ остается полуоткрытымъ, точно отъ непроизвольнаго ослабленія мускуловъ; глазъ точно лишился взгляда. Человѣкъ еще движется; но кажется, что онъ движется только вслѣдствіе пріобрѣтенной привычки; онъ превратился въ машину. Когда лицо такого человѣка получаетъ на минуту выраженіе, кажется, что онъ пробудился отъ тяжкаго сна. Изношенность, wear and tear of life, истощеніе существа, обремененнаго слишкомъ тяжелою ношею, надорваннаго и оцѣпенѣлаго еще болѣе поражаетъ въ женщинѣ. Подчасъ, когда заходишь къ нимъ, когда обращаешься къ нимъ съ вопросомъ, ихъ уста стараются найти улыбку. Когда видишь эту попытку улыбнуться, тогда невольно и съ тяжкимъ сердцемъ отворачиваешь въ сторону глаза!»

Вотъ во что въ концѣ концовъ превращаются эти крѣпкія здоровыя натуры, вотъ что ожидаетъ эти геркулесовскія сложенія, вотъ что значитъ «дѣлать усиліе», чтобы протиснуться въ жизнь и занять мѣсто среди своихъ ближнихъ. Кто не согласится, что тутъ есть почему задуматься и поразмыслить надъ этимъ картиннымъ, но тяжелымъ описаніемъ внѣшняго вида человѣка, котораго природа богато надѣлила физическими качествами. Англія по праву гордится страшною массою производимаго ею труда; но не слишкомъ ли дорогою цѣною для бу-

дущаго страны оплачивается этотъ трудъ? Нѣтъ организма, какъ ни крѣпокъ, какъ ни силенъ бы онъ былъ, который въ концѣ концовъ не надламывался бы отъ излишняго изнуренія и непосильной ноши.

IV.

Отъ этой внѣшней стороны, отъ этого внѣшняго вида англичанъ обратимся теперь къ главной, самой важной сторонѣ народной жизни, къ внутреннему быту, и посмотримъ прежде всего, какими представляются эти сильныя, упорныя, настойчивыя, дѣятельныя натуры въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ ихъ семейной обстановкѣ, среди того, чѣмъ они такъ гордятся и что такъ мѣтко характеризуется однимъ словомъ «home».

«Націи, которая, подобно англійской націи, постоянно погружена въ бурю безостановочныхъ дѣлъ,—говоритъ одинъ изъ писателей, наиболѣе близко знакомыхъ съ англійскою жизнію, именно Эскиросъ, авторъ многотомныхъ этюдовъ подъ названіемъ: «l'Angleterre et la vie anglaise»,—необходимъ былъ якорь, и такимъ якоремъ является семья. Семья занимаетъ крупное мѣсто въ англійской жизни... Англичанинъ у себя дома то же, что и на своемъ островѣ: недоступенъ, или мало доступенъ, сдержанъ, холоденъ: онъ не позволяетъ навязывать себѣ отношенія съ тѣми или другими людьми, онъ выбираетъ себѣ знакомыхъ; но когда ледъ проломанъ, нельзя не видѣть тогда, что у него доброе, великодушное сердце. Точно то же происходитъ и въ взаимныхъ отношеніяхъ членовъ семьи; отсутствіе слова «ты», изгнаннаго изъ языка (съ нимъ только обращаются къ Богу), бросаетъ какой-то отпечатокъ холодности и индифферентизма на семейное отношеніе, но приглядываясь, скоро замѣчаешь подъ суровыми формами большую внутреннюю теплоту...» Вотъ этому-то «home», этому «якорю», этимъ взаимнымъ отношеніямъ членовъ семьи Тэнъ посвящаетъ третью главу своей книги, и если онъ сходится съ Эскиросомъ въ мнѣніи, что «когда ледъ проломанъ», то отношенія съ англичанами становятся весьма пріятны; за то замѣтки, которыя онъ разбрасываетъ по поводу чисто семейныхъ отношеній, дѣтей къ родителямъ, родителей къ дѣтямъ, вовсе не говорятъ объ особенной теплотѣ въ этихъ отношеніяхъ.

Хотя претенціозную фразу: «лицо есть зеркало души», обыкновенно, и не безъ основанія, произносятъ не иначе какъ съ усмѣшкой, и хотя въ жизни она сплошь и рядомъ получаетъ

блистательныя опроверженія, но тѣмъ не менѣе она не лишена смысла, и подчасъ нельзя не признать ея справедливости. Каждому человѣку приходилось судить о нравственной сторонѣ человѣка по его внѣшнему виду, и каждому конечно приходилось убѣждаться, что внѣшняя сторона человѣка стоитъ иногда въ весьма тѣсной связи съ его внутреннею стороною. Живая внѣшность француза отвѣчаетъ его внутренней живости, легкости; сонная, нѣсколько заспанная фигура русскаго говоритъ о его исторической лѣни и апатіи; педантическое и самодовольное выраженіе нѣмца какъ нельзя болѣе вяжется съ его внутренними свойствами. То же и можетъ быть еще въ большей степени должно быть сказано и про англичанина. Его внѣшность ярко отражаетъ въ себѣ внутренняго человѣка; энергическій, настойчивый, упорный, холодный на видъ, онъ и въ жизни является со всѣми этими аттрибутами; въ немъ нѣтъ мягкости, онъ не знаетъ чувствительности, вмѣсто искренней нѣжности у него подчасъ является какая-то сладковатость, дѣланная сантиментальность, чему подтвержденіемъ можетъ служить чуть не вся англійская литература. Когда романистъ, и изъ самыхъ крупныхъ, хочетъ представить типъ человѣка нѣжнаго, чувствительнаго, ему почти никогда это не удается, у него является приторно-сладкая фигура, и отчего? оттого, что самой природѣ англичанина чужды эти стороны, сама жизнь исключаетъ эти свойства. Хорошо это или дурно, это опять другой вопросъ; вѣрнѣе, что хорошо, если судить по другимъ народамъ. Тѣ народы, у которыхъ въ характерѣ много мягкости, чувствительности, тѣ продолжаютъ биться какъ рыба объ ледъ, устраивая свою жизнь; холодный же и суровый, нѣсколько безсердечный англійскій народъ давно устроилъ свою государственную жизнь такъ, какъ дай Богъ всякому народу. Съ цѣлымъ народомъ то же что и съ отдѣльными людьми. Холодный, безсердечный, эгоистическій человѣкъ въ большинствѣ случаевъ несравненно счастливѣе мягкаго, нѣжнаго, чувствительнаго человѣка, который мѣшается во всякое горе, во всякое несчастіе, который страдаетъ чужимъ страданіемъ. Идеалисты и реалисты—вотъ двѣ большія группы, на которыя раздѣляются всѣ люди, всѣ народы земного шара. Французы, взятые вмѣстѣ, какъ цѣлый народъ, безспорно принадлежатъ къ группѣ идеалистовъ, Англія и англичане въ группѣ реалистовъ. Идеалистовъ больше любишь, больше сочувствуешь, съ ними теплѣе живется, но самому лучше принадлежать въ группѣ реалистовъ, потому что послѣднимъ лучше и спокойнѣе живется, нежели первымъ.

Посторонняго человѣка, вступающаго въ англійское обще-

ство, въ англійскую семью, непріятно поражаетъ холодность, сдержанность, отсутствіе мягкости, какая-то даже суровость; но вѣдь люди живутъ для себя, а не для другихъ, а потому англичанъ нужно спросить, довольны они или нѣтъ своею внутреннею, семейною жизнію. Оказывается на дѣлѣ, что они какъ нельзя болѣе довольны, и еслибы можно было путемъ статистическихъ данныхъ рѣшить вопросъ: болѣе или менѣе счастлива внутренняя семейная жизнь въ Англіи, чѣмъ въ другихъ странахъ, то по всей вѣроятности, вопросъ былъ бы рѣшенъ не противъ Англіи.

Тэнъ прежде всего обращается къ нравамъ и характеру англійской женщины, быть можетъ основательно полагая, что женщина—жена и мать—является такъ сказать краеугольнымъ камнемъ зданія семьи. Счастье семейной жизни гораздо болѣе обезпечивается женщиной, нежели мужчиной. На женщинѣ въ современной семьѣ лежитъ гораздо больше обязанностей, нежели на мужчинѣ. Мужъ, отецъ, главнымъ образомъ поглощенъ матеріальными заботами; на женѣ, на матери лежатъ нравственныя заботы. Узелъ семьи заключается въ дѣтяхъ, дѣти же до десятилѣтняго возраста, т.-е. весь тотъ періодъ, въ теченіи котораго изъ нихъ какъ изъ воска можно лѣпить ту или другую фигуру, всецѣло находятся на попеченіи матери, всецѣло испытываютъ вліяніе женщины. И какое вліяніе! самое прочное, самое глубокое, которое не изглаживается въ теченіи цѣлой жизни. Женщина бросаетъ въ ребенка сѣмена, изъ которыхъ должно вырости и широко раскинуться то или другое дерево; вотъ почему важно, чтобы женщина какъ можно скорѣе перестала быть куклою, а сдѣлалась «человѣкомъ»; вотъ почему такъ-называемый «женскій вопросъ», который еще такъ недавно казался «солиднымъ» людямъ какимъ-то сумасбродствомъ, какою-то бреднею шальныхъ людей, такъ шибко подвинулся впередъ въ общественномъ сознаніи цивилизованной Европы.

Англійская женщина въ большинствѣ случаевъ не кукла. Тэнъ, который вездѣ почти ведетъ параллель между Франціей и Англіей, отдаетъ безусловное предпочтеніе англійской женщинѣ. Дѣвушка, —конечно, тутъ можетъ идти рѣчь только о болѣе или менѣе достаточныхъ классахъ, среди которыхъ ребенокъ двѣнадцати лѣтъ или даже и раньше не долженъ уже становиться работницею,—получаетъ несравненно лучшее воспитаніе и образованіе чѣмъ во Франціи. Онѣ учатся языкамъ и учатся настолько, что въ состояніи читать въ оригиналѣ Данте, Шиллера, Гете, французскихъ классиковъ; ихъ обучаютъ немного и латинскому языку, настолько, чтобы онѣ могли впослѣдствіи оказывать помощь своимъ

дѣтямъ. Онѣ много занимаются естественною исторіею, ботаникою, минералогіею, геологіей; во время путешествій, прогулокъ, въ деревнѣ, на берегу моря онѣ собираютъ травы, минералы, дѣлаютъ коллекціи, онѣ постоянно заняты, постоянно пріобрѣтаютъ новыя свѣдѣнія. Въ жизни, однимъ словомъ, и съ самыхъ первыхъ шаговъ, серьезный элементъ играетъ большую роль, онѣ привыкаютъ серьезно смотрѣть на жизнь, онѣ всѣ приготовляются занять извѣстное положеніе въ обществѣ, положеніе, налагающее весьма серьезныя обязанности. Онѣ знаютъ очень хорошо, что выходя замужъ онѣ не выполнили еще своего назначенія, что это только начало, но что далѣе, когда онѣ станутъ матерями, отъ нихъ потребуется выполненіе иной задачи, тяжелой задачи сдѣлаться разумною матерью, разумною воспитательницею свихъ дѣтей. Вотъ отчего здѣсь рѣдко бываетъ, чтобы семнадцатилѣтняя дѣвушка, умная, способная не зная что дѣлать съ собою и бросаясь изъ одного угла въ другой повторяла: «мнѣ скучно, что мнѣ дѣлать», какъ часто бываетъ и съ французскою, да и съ русскою дѣвушкою.

Рядомъ съ этимъ англійская дѣвушка пользуется гораздо большею свободою, нежели въ любой другой странѣ Европы. Тутъ дѣвушка преспокойно одна выходитъ на улицу, одна гуляетъ себѣ среди многолюднаго Лондона, и никого это не шокируетъ, никто не приставляетъ къ ней нянекъ. Но свобода тутъ и не останавливается. Точно также онѣ пользуются несравненно большею свободою въ обращеніи съ мужчинами; никто не захочетъ оскорбить ихъ тамъ, оскорбляя вмѣстѣ съ тѣмъ и мужчину, не отпуская ихъ сдѣлать два шага вмѣстѣ. «Въ деревнѣ,—разсказываетъ Тэнъ,—послѣ двухдневнаго пребыванія, меня просятъ дать руку молодой дѣвушкѣ, дочери хозяина дома, и просятъ проводить ее за милю». Въ другой странѣ такое простое человѣческое обращеніе подняло бы гвалтъ на двадцать верстъ въ окружности, здѣсь же никому не проходитъ въ голову, чтобы могло быть иначе. Эта простота въ обращеніи съ мужчинами дѣлаетъ то, что въ англійской дѣвушкѣ нѣтъ вовсе кокетства, она какъ нельзя болѣе естественна, и всѣ ея помыслы не сосредоточены на томъ, какъ бы «плѣнить своими прелестями» человѣка. Въ ихъ простотѣ кроется большая любезность, общительность. «Когда разговариваешь здѣсь съ женщиною,—замѣчаетъ Тэнъ,—то два раза изъ трехъ чувствуешь себя успокоеннымъ, тронутымъ, чуть не счастливымъ; онѣ относятся къ вамъ дружески, съ милымъ вниманіемъ, и какая добрая и спокойная улыбка! Никакой задней мысли; намѣреніе, выраженіе—все открыто, естественно, добродушно. Тутъ чувствуешь себя гораздо лучше нежели около

нцуженки; нѣтъ тутъ смутнаго опасенія быть судимымъ, ос-
ннымъ; вы не приходите здѣсь въ столкновеніе съ отточен-
ъ, пронзительнымъ, острымъ умомъ, который однимъ ударомъ
ѣжетъ васъ на четыре части; вы не встрѣчаетесь здѣсь съ
кимъ, требовательнымъ, съ соскучившимся воображеніемъ,
рое требуетъ отъ васъ анекдотовъ, пикантности, блеска, за-
і, лести, всевозможныхъ пряностей, и тотчасъ бросаетъ
, какъ только у васъ нѣтъ сластей, которыя вы могли бы
ложить. Разговоръ здѣсь не походитъ ни на дуэль, ни на
алище; вы можете излагать ваши мысли безъ всякихъ при-
ъ, а такъ просто, какъ онѣ есть; тутъ имѣешь право быть
ь, чѣмъ человѣкъ бываетъ въ дѣйствительности—обыкновен-
ъ человѣкомъ. Можно даже, нисколько не наскучая и не имѣя
педанта, толковать объ очень серьезныхъ вопросахъ, полу-
отъ женщины весьма положительныя свѣдѣнія, разсуждать съ
точно также какъ съ мужчиною». Правда, рядомъ съ этимъ,
ичанка одѣвается сама безъ вкуса, она нацѣпитъ на себя
ное, зеленое и голубое платье за-разъ, дурно пригнанное,
о сшитое; она явится передъ вами въ уродливыхъ сапогахъ,
мъ словомъ, лишенная вкуса; она постарается себя изуро-
ть насколько возможно, вы не найдете въ ней французской
ціи, польской удали, русской распущенности и нѣмецкой ку-
ной сантиментальности; но согласитесь, что съ этимъ можно
ириться и что отсутствіе вкуса не есть уже такое большое
частье.

Серьезная подготовка къ жизни дѣлаетъ то, что дѣвушка
становится несчастною; не выходя замужъ и оставаясь ста-
дѣвою, не усвоиваетъ себѣ того глубоко-отвратительнаго
актера, который составляетъ принадлежность большей части
рыхъ дѣвъ, переставшихъ жить прежде, чѣмъ онѣ умерли. Во
нціи, въ Россіи старая дѣва это нѣчто особенное, непри-
лежащее почти ни къ какому полу, это существо, которое
имѣетъ никакой цѣли, кромѣ развѣ злословія, которое не
итъ никакого смысла въ жизни. Оно и понятно. Когда съ
ыхъ малыхъ лѣтъ дѣвушкѣ не переставали твердить: ты вый-
ь замужъ, ты должна выдти замужъ! когда ее приготовляли
ько къ тому, чтобы изъ mademoiselle X сдѣлаться madame Y,
и къ чему другому, то естественно, что, не выходя замужъ,
сбивается съ колеи и превращается въ сухую, злую и пре-
ціозную «старую дѣву». Въ Англіи вовсе не то. Нельзя ска-
ъ, чтобы и въ Англіи дѣвушки не стремились выдти замужъ,
совершенно понятно; но не выходя замужъ, оставаясь ста-
ми дѣвами, онѣ не теряются въ жизни и не превращаются

въ живыхъ мумій. Оставаясь въ семьѣ, онѣ не обременяютъ ее, не обременяютъ потому—что онѣ становятся немедленно полезны: онѣ могутъ учить дѣтей, онѣ заняты, одна тѣмъ, другая другимъ; онѣ дѣлаются членами различныхъ ассоціацій, различныхъ комитетовъ, существующихъ не потому только, чтобы на нихъ была мода, а потому, что они являются дѣйствительною потребностью, и потому, что женщины желаютъ приносить истинную пользу, не помышляя вовсе о томъ, что это даетъ имъ извѣстное положеніе въ свѣтѣ, которымъ онѣ могутъ гордиться и рисоваться. Ни въ какой странѣ нѣтъ столько женщинъ писательницъ, какъ въ Англіи, и это разумѣется должно быть объяснено не тѣмъ, что талантъ, талантъ прирожденный, чаще попадается здѣсь среди женщинъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, а просто лучшею подготовкою, болѣе серьезнымъ образованіемъ. Не все что пишутъ женщины въ Англіи талантливо, но почти все полезно. Тэнъ приводитъ цѣлый списокъ женскихъ именъ, которыя довольно извѣстны въ литературѣ, и извѣстны не романами, а серьезными, научными трудами. «Всѣ эти статьи,—говоритъ Тэнъ,—полезны и поучительны; привычка слѣдить за уроками, посѣщать бѣдныхъ, разсуждать съ серьезными людьми, изученіе, личное наблюденіе надъ фактами принесли свои плоды; онѣ умѣютъ наблюдать и разсуждать; онѣ проникаютъ въ самую сущность вещей и понимаютъ истинныя основы всякаго улучшенія... Нельзя быть исправленнымъ, улучшеннымъ иначе какъ черезъ самого себя; иниціатива, личное усиліе, self-governement необходимы; нравственное правило не должно быть налагаемо извнѣ, оно должно исходить изъ самого человѣка. «Тотъ, кто читалъ англійскіе романы, замѣчаетъ Тэнъ, знаетъ съ какою точностью и вѣрностью эти писательницы описываютъ характеры; часто женщина, которая жила въ деревнѣ, въ маленькомъ кружкѣ, занятая семейными заботами, вынуждена писать повѣсти, чтобы заработать себѣ кусокъ хлѣба, и тогда обнаруживается, что она лучше постигла человѣческое сердце, чѣмъ иной психологъ по профессіи. Быть образованною, ученою, полезною, выработать себѣ убѣжденія, передавать ихъ другимъ, съ пользою употреблять свои силы,—это чего-нибудь да стоитъ. Можно смѣяться, если угодно, можно говорить, что нравы эти создаютъ гувернантокъ, педантокъ, «синіе чулки», а не женщинъ. Сколько хотите! но сопоставьте рядомъ съ этимъ пустую провинціальную праздность, скуку нашихъ дамъ, жизнь старой дѣвушки, которая выводитъ канареекъ, разноситъ сплетни, вяжетъ и не пропускаетъ ни одного богослуженія». Во всякомъ случаѣ, своимъ достоинствомъ она исключительно обязана серьезной подготовкѣ къ жизни, надъ которою никто не смѣется,

и противъ которой никто тупоумно не возстаетъ. По природнымъ способностямъ англійская женщина нисколько не выше другихъ европейскихъ женщинъ; во многихъ отношеніяхъ по природѣ французская да и русская женщина стоятъ выше англичанки; но во Франціи, къ несчастію, слишкомъ часто думаютъ, употребляя мѣткое выраженіе Тэна, что женщина, переставая быть куклою, перестаетъ быть и женщиною, въ Россіи же стремленіе женщинъ стать на одну ногу съ мужчинами охотно клеймятъ какою-нибудь глупою кличкою, и въ каждой работающей женщинѣ не прочь заподозрить какую-нибудь Кукшину.

Такимъ образомъ, серьсзно подготовленная къ жизни и не мертвѣя при одной мысли остаться «старою дѣвою», англичанка не дѣлаетъ изъ брака единственнаго помысла своей жизни и вступаетъ въ него не потому только, что иначе она не будетъ знать что съ собою дѣлать. Свободная въ обращеніи съ мужчинами, она, встрѣчая человѣка, который ей нравится, сходится съ нимъ, сближается, много говоритъ, они узнаютъ другъ друга, и когда идутъ подъ вѣнецъ, то идутъ не чужими. Если въ Англіи случается сплошь и рядомъ, что мужчина и дѣвушка остаются женихомъ и невѣстою въ продолженіи многихъ лѣтъ, за то весьма рѣдки случаи, обыденные въ континентальной Европѣ, что человѣкъ является въ домъ, побывалъ нѣсколько разъ, перебросился нѣсколькими фразами о погодѣ, театрѣ и т. п. съ дѣвушкою, и затѣмъ прямо въ церковь. Но если хороша жизнь дѣвушки, пользующейся въ дѣвичествѣ полною свободою, если жизнь дѣвушки стоитъ неизмѣримо выше жизни дѣвушки въ континентальной Европѣ, то нельзя сказать того же о жизни замужней женщины. Счастливая пора тутъ оканчивается и начинается жизнь зависимая, подчиненная, женщина теряетъ свою самостоятельность и попадаетъ въ положеніе худшее, нежели положеніе европейской женщины. Въ имущественномъ отношеніи онѣ совершенно подчинены своимъ мужьямъ, состояніе жены совершенно переходитъ въ руки мужа, а имущественная зависимость заключаетъ въ себѣ такую силу, что она влечетъ общую нравственную зависимость и подчиненность. Мужъ является въ полномъ смыслѣ главою дома, часто деспотическимъ главою; мужъ требуетъ себѣ полнаго подчиненія и третируетъ свою жену какъ главную экономку своего дома и главную гувернантку своихъ дѣтей. Тутъ именно проявляется та внутренняя холодность англичанъ, которая отражаетъ и ихъ внѣшнюю физіономію. «Мужъ,—говоритъ Тэнъ,—господинъ (lord), и очень часто онъ принимаетъ этотъ титулъ весьма серьезно; такъ какъ жена не приноситъ большею частью своего состоянія, то онъ

считаетъ себя въ правѣ ничего не говорить ей о своихъ дѣлахъ. Очень часто жена не знаетъ, какъ и чѣмъ занимается ея мужъ, какъ онъ наживаетъ деньги, онъ даетъ столько-то въ мѣсяцъ на расходы, и объ остальномъ не говоритъ. Онъ спекулируетъ, строитъ, покупаетъ, продаетъ, это все до нея не касается, и часто наступаетъ разореніе безъ того, чтобы жена могла даже предчувствовать его. Она не болѣе какъ экономка, она должна заниматься своимъ хозяйствомъ и своими дѣтьми. Въ большинствѣ случаевъ женщина подчиняется этой роли; вслѣдствіе воспитанія и внутренняго сознанія своихъ обязанностей, она тиха и покорна». Нельзя не сказать, что если женщина, выходя замужъ, что должно быть и что въ дѣйствительности представляется общимъ правиломъ, превращается въ не что иное какъ экономку и гувернантку своихъ дѣтей, то серьезная подготовка къ жизни, на которую Тэнъ выдаетъ дипломъ англійской женщинѣ, едва ли достигаетъ своей цѣли, такъ какъ стряпая кухню, обмывая дѣтей и обучая ихъ чтенію, первымъ правиламъ ариѳметики и даже латинскому языку, едва ли женщина выполняетъ этимъ все свое назначеніе въ обществѣ.

Если таково отношеніе мужа къ женѣ, то не лучше отношеніе мужа, отца, однимъ словомъ, главы семейства ко всѣмъ остальнымъ домашнимъ. Отношенія эти представляются крайне несимпатичными, хотя быть можетъ онѣ обезпечиваютъ бо́льшую сумму счастья, чѣмъ въ другихъ странахъ. Обращаясь съ женою какъ съ подчиненнымъ, зависимымъ существомъ, а не съ равнымъ себѣ человѣкомъ, англичанинъ является по отношенію къ своимъ дѣтямъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, тѣмъ же холоднымъ lord'омъ, или какъ дѣти называютъ отца: governor'омъ. Какъ образчикъ холодныхъ отношеній между родителями и дѣтьми, Тэнъ приводитъ такой случай: у одного богатаго человѣка, принадлежащаго къ старой фамиліи, нѣсколько человѣкъ дѣтей; одинъ изъ нихъ страдаетъ чахоткой. Возвращаясь изъ Ниццы, юноша останавливается въ Булони; ему хотѣлось бы возвратиться домой, чтобы умереть тамъ, гдѣ онъ родился, но онъ не рѣшается. Онъ не смѣетъ пріѣхать къ своему отцу, не получивъ приглашенія, не испросивъ себѣ разрѣшенія. Мать его, тоже больная, которой страстно хочется поскорѣе увидѣть и поцѣловать своего сына, не смѣетъ безъ позволенія поѣхать на встрѣчу сына.... Лучше этого конечно ничего не придумаешь. Можно сказать, что это частный случай, что подобное уродство исключеніе; нѣтъ, это въ нравахъ англійской семьи; быть можетъ, этотъ случай, такое возмутительно-уродливое отношеніе отца къ сыну принадлежитъ къ осо-

бенно рельефнымъ, особенно обрисовывающимъ эти нравы случаямъ, но сбавьте съ него на половину и все-таки довольно. Такія холодныя отношенія между отцомъ и дѣтьми распространяются и на другихъ членовъ семьи; холодъ, сдержанность, эгоизмъ являются и въ отношеніяхъ братьевъ между собою, точно также какъ скрытность, хотя и съ большимъ почтеніемъ, въ отношеніяхъ между матерью и дѣтьми. Какая въ самомъ дѣлѣ можетъ быть близость между братьями, когда съ самыхъ раннихъ лѣтъ между двумя братьями проводится рѣзкое различіе: одинъ получаетъ состояніе, титулъ, если онъ есть, одинъ пользуется всѣми преимуществами; другой самъ долженъ прокладывать себѣ дорогу и считать справедливымъ, что брату его все достанется безъ труда, въ то время, когда онъ, работая цѣлую жизнь, быть можетъ ни до чего не добьется. Близкія отношенія въ семьѣ невольно исчезаютъ. Являются если не зависть, то ропотъ. Это слишкомъ человѣчно, чтобы требовало объясненія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и конечно въ силу такой оффиціальности въ отношеніяхъ англійской семьи, дѣти рано получаютъ независимость, самостоятельность. Всѣ младшіе, обязанные сами зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, разбѣгаются по разнымъ частямъ свѣта: одинъ въ Австралію, другой въ Америку, третій въ Индію, и разбѣгаются для того, чтобы можетъ быть никогда болѣе не увидѣться, а если и увидятся, встрѣтятся на своей родной землѣ черезъ двадцать, тридцать лѣтъ, то для того только, чтобы встрѣтиться какъ бы чужими. Отсутствіе теплоты, сердечности, необыкновенная сдержанность, замкнутость—вотъ отличительная черта англійскихъ семей, и намъ, привыкшимъ жить на распашку, намъ, обладающимъ «горячимъ сердцемъ», намъ, любящимъ залѣзать въ душу не только родного, но просто знакомаго, весьма естественно, что подобныя оффиціальныя отношенія должны быть не по-нутру. Но чтобы быть справедливымъ, нельзя не сказать, что если мы грѣшимъ въ одну сторону, то англичане грѣшатъ въ другую, и ихъ семейныя отношенія не вызываютъ сочувствія. Привычка сдерживать себя въ Англіи развита до необыкновенныхъ размѣровъ; сынъ никогда не рѣшится откровенно разсказать своей матери то, что у него лежитъ на сердцѣ, въ этомъ отношеніи разница между Англіей и, напр., Франціей или Россіею огромна. Въ послѣднихъ странахъ сынъ все разскажетъ матери, мать все знаетъ, сынъ не стѣснится передъ матерью говорить даже о своихъ сердечныхъ, любовныхъ дѣлахъ. Въ Англіи, замѣчаетъ Тэнъ, это немыслимо: «имъ чужды эти безконечные разговоры, эти полныя изліянія, гдѣ различіе лѣтъ возмѣщаетъ различіе пола, гдѣ сынъ, вступающій въ свѣтъ, на-

ходитъ въ матери самаго драгоцѣннаго совѣтника и дорогого друга». Между родителями и дѣтьми нѣтъ, однимъ словомъ, той близости, которая существуетъ между ними въ другихъ странахъ, и отсутствіе ея ведетъ къ тому, что дѣти весьма рано стремятся стать на свои ноги и пріобрѣтаютъ въ шестнадцать-семнадцать лѣтъ полную независимость. Въ тѣ года, когда у другихъ европейскихъ народовъ мальчикъ находится еще на полномъ попеченіи родителей, въ Англіи онъ уже человѣкъ, сплошь и рядомъ покидаетъ родительскій домъ и отправляется по свѣту искать себѣ счастья.

Если сдержанность и холодность такъ рѣзко бросаются въ глаза въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, то что же сказать объ отношеніи англичанъ къ тѣмъ «чужимъ», которые все-таки такъ или иначе примыкаютъ къ домашнимъ, т.-е. къ учителямъ, гувернанткамъ и наконецъ къ прислугѣ. Кому сколько-нибудь знакомы англійскіе романы, тотъ хорошо знаетъ какъ чванливо, презрительно-холодно, какъ негуманно относятся англичане къ людямъ, которые являются помогать имъ въ воспитаніи и образованіи ихъ дѣтей. Сколько ни предавали осмѣянію, позору, сколько ни клеймили эту печальную сторону ихъ домашней, внутренней жизни — обращеніе съ домашними не родными, ничто не помогаетъ, и англичане до сихъ поръ не могутъ отрѣшиться отъ того, чтобы не смотрѣть на людей, вступающихъ въ ихъ дома за плату, какъ на людей отверженныхъ, недостойныхъ не только уваженія, но простого человѣческаго обращенія. Тэнъ, упоминая объ этихъ отношеніяхъ, не прибавляетъ къ тому, что такъ хорошо извѣстно, ничего новаго; и какъ ни хладнокровно относится онъ ко всему, что проходитъ передъ его глазами, но и онъ не можетъ удержаться, чтобы не высказать, какъ «тяжело видѣть подобное отношеніе одного человѣка къ другому человѣку».

Говоря объ англійской семьѣ, о внутренней, домашней жизни англичанъ, слѣдуетъ коснуться еще тѣхъ отношеній, которыя зовутся незаконными, но которыя имѣютъ на законныя отношенія такое огромное вліяніе. Оно и понятно. Законныя и незаконныя отношенія такъ часто между собою переплетаются. Эти незаконныя, внѣ-брачныя отношенія играютъ во всей современной Европѣ, да впрочемъ, и всегда играли такую роль, что пройти ихъ молчаніемъ было бы рѣшительно невозможно. Нужно, впрочемъ, сказать, что незаконныя отношенія въ Англіи играютъ меньшую роль, чѣмъ въ какой-нибудь изъ другихъ странъ Европы, и въ этомъ не трудно убѣдиться. Литература отражаетъ въ себѣ нравы общества, и потому литература можетъ служить доказательствомъ.

Возьмите же для разрѣшенія этого вопроса англійскую литературу и сравните ее съ какою хотите, ну хоть съ французскою, или даже русскою. Возьмите на выдержку десять французскихъ романовъ, десять французскихъ комедій или драмъ, и вы можете быть увѣрены, что въ девяти изъ нихъ, если не во всѣхъ десяти, вы найдете описаніе такъ-называемой «преступной связи». Она вездѣ играетъ главную роль, и смѣло можно назвать исключеніемъ тотъ романъ или то сценическое произведеніе, которое обходится безъ любовницы или любовника, безъ обманутаго мужа или обманутой жены. Вся эта «преступная» литература, доведенная въ послѣднее время до геркулесовыхъ столбовъ, весь этотъ ливень романовъ, драмъ, книгъ, въ видѣ «L'homme-femme», «L'homme», «Femme» и т. п., въ которыхъ умными и честными писателями предлагаются глупыя и безчестныя средства для того, чтобы внести во французскую семью, въ семейныя отношенія болѣе сильное нравственное начало, вся эта литература вовсе не представляется измышленіемъ развращенныхъ людей; далеко нѣтъ, она обнаруживаетъ, что во французскомъ обществѣ послѣдняго времени строгое семейное начало потерпѣло извѣстное потрясеніе. Не одна литература указываетъ на этотъ фактъ; его подтверждаютъ и судебные процессы — эти драмы безъ прикрасъ, вырванныя изъ дѣйствительной жизни Русская литература въ этомъ отношеніи старается не отстать отъ французской, и подражаніе тутъ не произвольное. Одинаковыя причины даютъ одинаковыя послѣдствія.

Англійская литература представляетъ собою совсѣмъ иное. Тутъ описаніе «преступной связи» незаконныхъ, внѣ-брачныхъ отношеній представляется исключеніемъ, составляющимъ «скандалъ», отъ котораго англичане отворачиваются съ негодованіемъ, или, если они и не негодуютъ, то по крайней мѣрѣ дѣлаютъ видъ, что негодуютъ. Конечно, отсутствіе литературы, посвященной незаконной связи, не можетъ служить доказательствомъ того, чтобы англійское общество было свободно отъ подобныхъ отношеній; въ значительной степени отсутствіе указаній въ литературѣ на эту черту нравовъ должно быть объяснено англійской «pruderie» или даже лицемѣріемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что англійскіе нравы въ этомъ отношеніи болѣе чисты, нежели нравы французскіе или русскіе, и какъ на одну изъ главныхъ причинъ относительной чистоты англійскихъ нравовъ, нужно прежде всего указать на свободу расторженія брака, т.-е. на разводъ, который съ такимъ трудомъ допускается во Франціи и Россіи. Во Франціи онъ обставленъ такими условіями, которыя дѣлаютъ его просто невозможнымъ, въ Россіи же, если

онъ и возможенъ, то стоитъ такихъ огромныхъ денегъ, что добиться его могутъ только люди весьма состоятельные.

«Бракъ,—говоритъ Тэнъ,—окруженъ глубокимъ уваженіемъ, и въ этомъ отношеніи общественное мнѣніе безусловно строго; стоитъ только почитать книги, газеты, и въ особенности тѣ произведенія, въ которыхъ у насъ писатели наиболѣе свободны, напр., романы, легкіе журналы; прелюбодѣяніе никогда не извиняется, даже при свободѣ интимныхъ разговоровъ между мужчиною и женщиною, прелюбодѣяніе всегда представляется какъ преступленіе». Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что если французъ, напр., любитъ щеголять своимъ порокомъ и смѣло выставляетъ его напоказъ, то въ натурѣ англичанъ лежитъ черта прямо противоположная. Онъ будетъ казаться и притворяться святошей, не будучи вовсе святымъ, и два англичанина, разсуждающіе между собою и клеймящіе прелюбодѣяніе именемъ преступленія, нѣсколько походятъ на римскихъ авгуровъ. Нравственное начало, безъ сомнѣнія, крѣпче въ англійской семьѣ, нежели русской или французской, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы въ этомъ громко заявляемомъ отвращеніи къ незаконнымъ отношеніямъ не играло значительную роль лицемѣріе.

Помимо развода, который устраняетъ часто возникновеніе незаконныхъ отношеній, есть разумѣется на то и другія причины. Тэнъ, говоря объ относительной чистотѣ семейныхъ отношеній въ Англіи, указываетъ, что англійскія женщины ведутъ себя болѣе строго, во-первыхъ, потому, что съ дѣтства онѣ были болѣе свободны въ обращеніи съ мужчинами и потому умѣютъ себя вести; во-вторыхъ, потому, что онѣ менѣе склонны къ иллюзіямъ и мечтаніямъ, зная болѣе близко молодыхъ людей; въ-третьихъ, потому, что онѣ болѣе привыкли мыслить, получивъ болѣе серьезное воспитаніе; затѣмъ у нихъ обыкновенно бываетъ много дѣтей и кромѣ того онѣ никогда не остаются праздными,—а кто не знаетъ, что праздность это мать всѣхъ пороковъ. У англійскихъ женщинъ умъ постоянно занятъ, время наполнено, имъ некогда предаваться празднымъ мечтаніямъ. Кромѣ того, Тэнъ отдаетъ предпочтеніе и самому нравственному принципу въ Англіи. «Во Франціи,—говоритъ онъ,—онъ основанъ на чувствѣ чести, въ Англіи на идеѣ долга. Первый нѣсколько произволенъ; его сила различна, смотря по воззрѣніямъ людей. Одинъ строгъ въ одномъ отношеніи и считаетъ себя свободнымъ во всѣхъ другихъ; въ области дурныхъ поступковъ онъ отдѣляетъ такіе, которые себѣ строго воспрещаетъ; но опредѣленіе дурныхъ подчиняется личнымъ вкусамъ человѣка, такъ,

напр., онъ будетъ правдивъ, когда говоритъ, но не тогда, когда пишетъ и наоборотъ. Моя честь заключается въ томъ, въ чемъ я вижу мою славу, а я могу поставить ее какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ. Напротивъ, идея долга строга и не терпитъ никакихъ компромиссовъ. Англичанка знаетъ, что выходя замужъ она клялась въ вѣрности мужу, и воспоминаніе объ этомъ обѣщаніи приковано къ ея совѣсти... Помимо того, у нея нѣтъ той гибкости ума, той ловкости, которыя необходимы, чтобы совмѣстить отношенія къ мужу и вмѣстѣ къ любовнику; двойственность противна ея прямому характеру; дѣлежъ ее возмущаетъ; необходимость лгать и лгать безпрерывно ей невыносима».

Если англійская женщина относится къ своимъ супружескимъ обязанностямъ несравненно болѣе строго, чѣмъ женщина континентальной Европы, то и мужчины точно также представляются болѣе сдержанными во всемъ, что касается незаконныхъ любовныхъ отношеній. Тэнъ замѣчаетъ, что вызвать англичанина на такой разговоръ дѣло вовсе не легкое: онъ увертывается и какъ бы совѣстится его. Отчасти это проистекаетъ изъ желанія показать себя съ лучшей, съ болѣе строго-нравственной стороны, отчасти, и можетъ быть главнымъ образомъ, это объясняется тѣмъ, что натура англичанъ дѣйствительно болѣе холодная. Къ этой главной причинѣ присоединяется еще много другихъ, которыя объясняются общимъ складомъ англійской жизни. Вотъ какъ объясняетъ Тэнъ относительную чистоту англійскихъ нравовъ: «Англичане работаютъ много и конкурренція постоянно толкаетъ ихъ впередъ и впередъ; нужно составить себѣ карьеру; комфортъ стóитъ дорого, поэтому, чтобы добыть его, требуется много денегъ; умъ постоянно напряженъ; для воображенія мало времени. Физическія удовольствія отвлекаютъ ихъ точно также, чтобы отдохнуть отъ работы: они гребутъ, катаются на конькахъ, играютъ въ крикетъ, ѣздятъ верхомъ, путешествуютъ, охотятся въ Highlands или за-границей, подымаются на горы, устраиваютъ прогулки; молодой человѣкъ, богатый и праздный, проводитъ въ Лондонѣ всего три мѣсяца въ году, и соблазнъ Лондона несравненно менѣе привлекателенъ, нежели соблазнъ Парижа. Общественное мнѣніе менѣе терпимо, чѣмъ у насъ, и его очень боятся. Большинство долго сохраняетъ свои религіозныя вѣрованія, которыя хотя представляютъ собою и слабую узду, но все-таки узду. Очень рано англичанинъ думаетъ уже о бракѣ и строитъ въ своемъ воображеніи маленькій сердечный романъ и семейное счастье. Вся современная литература, стихи

и проза, поддерживаютъ въ такомъ образѣ мыслей, который, пустивъ корни, исключаетъ всякія противоположные помыслы»...

Вотъ отчего, если у кого и заводится любовница, то онъ тщательно скрываетъ ее, скрываетъ даже отъ друзей, опасаясь молвы, нареканій, нападокъ. Если англичанинъ и будетъ бросать тысячи на свою любовницу, то онъ будетъ бросать тайно отъ всѣхъ, а не такъ, какъ то дѣлается въ другихъ странахъ, гдѣ одно изъ удовольствій имѣть любовницу заключается именно въ хвастовствѣ ею. Ей даютъ великолѣпныхъ лошадей, дивные экипажи, ее покрываютъ брилліантами и кружевами, все для чего? для того, чтобы когда спросятъ на улицѣ или въ театрѣ, кто эта женщина, всякій могъ сказать: это любовница такого-то. Вотъ этой презрѣнной черты не существуетъ въ англійскомъ обществѣ. Изъ того, что сказано, не слѣдуетъ однако выводить заключенія, что англійская семейная жизнь представляетъ собою идеалъ нравственной чистоты, и что порокъ, безнравственность, развратъ бѣжитъ отъ англійскихъ береговъ. Конечно, нѣтъ. Въ Англіи, и въ особенности въ Лондонѣ развратъ существуетъ и часто проявляется въ несравненно болѣе грубыхъ формахъ, чѣмъ на материкѣ. у него нѣтъ той утонченности, которую онъ себѣ выработалъ въ остальной Европѣ; развратъ въ Лондонѣ болѣе отталкиваетъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, онъ тутъ болѣе гадокъ, болѣе циниченъ, его никогда здѣсь не встрѣтишь подъ тою привлекательною личиною, подъ которою онъ является, напр., въ Парижѣ; но болѣе грубый, болѣе отталкивающій, онъ остается въ Англіи болѣе изолированнымъ и несравненно менѣе проникаетъ во внутреннюю, семейную жизнь Англіи. Въ этомъ заключается великое преимущество англійскихъ нравовъ. Развратъ здѣсь долженъ скрываться, онъ бѣжитъ дневного свѣта, въ то время, когда въ другихъ странахъ онъ первенствуетъ, и семейная жизнь робко сторонится отъ него, уступая ему почетное мѣсто. Семейная жизнь пріучаетъ въ Англіи къ труду, къ исполненію своихъ обязанностей, своего долга, къ заботѣ о самомъ себѣ, тому self-governement'у, который лежитъ въ основѣ общественной жизни Англіи.

V.

Познакомившись съ англійскими типами, насколько они проявляются въ ихъ физической природѣ, затѣмъ съ ихъ внутреннею, семейною жизнію, мы должны теперь обратиться къ системѣ воспитанія и образованія въ Англіи, которая стоитъ на рубежѣ между семейною и общественною жизнію въ странѣ. Воспитаніе

начинается дома, и продолжается или должно бы продолжаться въ школѣ, университетѣ. Школа, университетъ формируютъ человѣка, который въ свою очередь долженъ сдѣлаться главою семьи и дѣятельнымъ членомъ общества. Когда мальчикъ находится дома, о чемъ заботятся главнымъ образомъ его родители? О томъ, чтобы онъ былъ силенъ физически, чтобы въ немъ развилось сознаніе долга, строгое пониманіе своихъ обязанностей, чтобы онъ поскорѣе могъ стать на собственныя ноги. Умственное развитіе стоитъ на второмъ планѣ. Таковъ же и общій характеръ воспитанія въ школѣ и университетѣ Англіи.

Англійская система образованія представляетъ собой одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ англійской жизни. Образованіе является въ Англіи достояніемъ исключительно привилегированныхъ классовъ; нужно принадлежать къ аристократіи по рожденію или къ аристократіи по богатству, чтобы пользоваться его рѣдкими и слишкомъ дорогими плодами. Система образованія менѣе какой-либо другой отрасли общественной жизни подвинулась впередъ; и въ то время, когда, по сознанію самыхъ горячихъ приверженцевъ аристократическаго начала, Англія демократизируется не по днямъ, а по часамъ, образовательная система стоитъ чуть не на точкѣ замерзанія. Она мало чѣмъ разнится отъ той, которая процвѣтала два-три вѣка назадъ.

«Образованіе—роскошь», вотъ то дикое начало, съ которымъ до сихъ поръ еще не можетъ раздѣлаться англійская жизнь, начало, представляющее собою темное пятно на относительно свѣтломъ фонѣ англійской общественной жизни. Начало это тѣмъ болѣе вредно, тѣмъ болѣе пагубно, что оно служитъ какъ бы аргументомъ для тѣхъ, которые употребляютъ всѣ свои силы, все свое вліяніе, чтобы затушить просвѣщеніе среди народныхъ массъ и искусственно создать аристократическій слой, въ надеждѣ доставить ему господство надъ чернымъ и невѣжественнымъ народомъ. Какъ ни дико это начало, оно находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ цѣломъ историческомъ развитіи Англіи, такъ рѣзко отличающемся отъ историческаго развитія другихъ народовъ; въ Англіи, наконецъ, оно не можетъ имѣть такого бѣдственнаго вліянія, такъ какъ оно до извѣстной степени ослабляется господствующими въ странѣ нравами, благодаря которымъ люди развиваются, получаютъ здравыя понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ, помимо умѣнія читать и писать. Эти нравы составляютъ достояніе одной только Англіи, добиться ихъ другіе народы могутъ только при помощи щедро распространяемаго образованія среди всѣхъ классовъ, всѣхъ сословій народа. Тѣмъ не менѣе Англія, которая почти во всемъ другомъ можетъ служить

образцомъ для народовъ континентальной Европы, въ отношеніи системы образованія не можетъ и не должна служить имъ примѣромъ.

И несмотря на то, что жалкое состояніе системы образованія въ Англіи до такой степени очевидно, несмотря на то, что противорѣчіе между этою системою и современными стремленіями англійскаго народа, стремленіями по существу демократическими, такъ явно, среди писателей, говорившихъ объ Англіи и англійскихъ общественныхъ учрежденіяхъ, далеко нѣтъ того единства въ нападеніи на эту печальную систему образованія, на которое можно бы надѣяться. Впрочемъ, нельзя и особенно удивляться такому явленію. Писатели, принадлежащіе къ аристократическому лагерю, хотя и считаютъ своею обязанностью говорить о необходимости образованія для всего народа, а не одной какой-нибудь касты, въ глубинѣ души все-таки не могутъ чувствовать особаго расположенія къ просвѣщенію народныхъ массъ, такъ какъ каждый шагъ, который дѣлается впередъ народнымъ образованіемъ, заставляетъ аристократическое начало пятиться шагомъ назадъ. Вотъ почему такіе писатели восхищаются системой образованія, перенесенной изъ среднихъ вѣковъ, или вѣрнѣе застывшей на среднихъ вѣкахъ. Среди французскихъ писателей, восторгающихся англійской системой образованія, выдается талантливый писатель аристократическаго лагеря Монталамберъ, который не находитъ достаточно хвалебныхъ словъ, говоря объ англійскихъ школахъ и университетахъ. Но за то съ другой стороны, на противоположномъ концѣ стоитъ Ледрю-Ролленъ, который въ свою очередь не находитъ словъ, чтобы заклеймить позоромъ эту систему.

Описывая въ своемъ сочиненіи «De la décadence de l'Angleterre» порядки въ англійскихъ школахъ и университетахъ, описывая это аристократическое, стоющее тысячи фунтовъ стерлинговъ образованіе дѣтей герцоговъ и богачей, Ледрю-Ролленъ задаетъ вопросъ: «а народъ? народъ, отвѣчаетъ онъ съ ироніей, развѣ онъ нуждается въ образованіи, чтобы научиться созерцать дѣла Всевышняго? Развѣ онъ не находитъ въ своихъ вѣчныхъ страданіяхъ достаточнаго сознанія своего ничтожества? До 1839-го года, этому съ трудомъ можно вѣрить, одна только благотворительность распространяла нѣкоторое просвѣщеніе среди народа. Въ этомъ году правительство въ первый разъ вмѣшалось въ важный вопросъ народнаго обученія. Предложеніе, сдѣланное парламенту, прошло въ Нижней Палатѣ большинствомъ всего двухъ голосовъ. Тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ были вотированы, и то только послѣ трехдневныхъ дебатовъ. Палата

рдовъ отнеслась одинаково враждебно къ этой мѣрѣ. Въ этой нгліи, столь щедрой когда дѣло идетъ объ ея аристократіи, мьсотъ пятьдесятъ тысячъ франковъ жертвуются правительвомъ для образованія цѣлаго народа. Удивительная щедрость! го логично, съ озлобленіемъ прибавляетъ этотъ враждебный, такъ часто несправедливо враждебный къ Англіи писатель: игархія, которая ведетъ фатальнымъ образомъ къ нищетѣ, жетъ властвовать только надъ невѣжествомъ». Я нарочно прилъ эти слова, чтобы прямо указать на больное мѣсто въ сиемѣ англійскаго образованія—народъ остается безъ обученія, я него ничего не дѣлаютъ и ничего или почти ничего не итятъ дѣлать. Правда, съ тѣхъ поръ, что была написана книга едрю-Роллена, т.-е. съ 1850-го г., утекло много воды, и Англія, оторая непрерывно идетъ впередъ и непрерывно развиваетъ, онечно улучшая ихъ, свои общественныя учрежденія и свои равы, сдѣлала и въ отношеніи народнаго образованія шагъ передъ, хотя шагъ этотъ и могъ бы быть несравненно больше. мѣсто тридцати тысячъ фунт. стерл., о которыхъ говоритъ Ледрю-Олленъ, государство даетъ теперь на народное образованіе милліонъ фунтовъ или около того; но что значитъ милліонъ фунт. ля такой страны какъ Англія и для такого народа какъ нгличане!

Нѣтъ сомнѣнія, что Англія, разъ сдѣлавъ шагъ въ дѣлѣ народнаго образованія, послѣ того, что въ продолженіи вѣковъ ничего для него не дѣлала, пойдетъ шибко впередъ и построитъ образованіе народа на болѣе прочныхъ началахъ, чѣмъ скудныя подаянія, къ которымъ прибѣгаетъ правительство въ настоящее время; но тѣмъ не менѣе въ данную минуту народное образованіе въ Англіи находится относительно, напр., Германіи, Швейцаріи, даже Франціи, въ жалкомъ состояніи. Можно смѣло указать на двѣ главныя причины застоя въ дѣлѣ народнаго образованія Англіи: причины эти: во-первыхъ, нежеланіе государства взять въ свои руки дѣло народнаго обученія, и во-вторыхъ, вредное вліяніе англійскаго духовенства.

Что касается до первой причины, нежеланія или опасенія государства взять въ свои руки вопросъ народнаго образованія, то въ этомъ отношеніи Англія до сихъ поръ еще не вступила на тотъ путь, который одинъ можетъ привести къ уничтоженію невѣжества среди народныхъ массъ. До сихъ поръ вопросъ о народномъ образованіи былъ вопросомъ не государственнымъ, вопросомъ частнымъ, до котораго правительству не было дѣла. Образованъ народъ или не образованъ, разсуждало правительство, это не мое дѣло, лишь бы народъ платилъ подати, лишь бы

отправлялъ онъ свои обязанности, а до остального мнѣ нѣтъ дѣла. Образованіе было дѣломъ частныхъ людей, дѣломъ самого общества, а такъ какъ народъ не понималъ, да и не имѣлъ времени, чтобы понять пользу обученія, то онъ и продолжалъ коснѣть въ невѣжествѣ. То, что дѣлалось для народнаго образованія дѣлалось сильною англійскою благотворительностью; народъ, и притомъ самая ничтожная его доля, получалъ образованіе какъ милостыню, а не какъ право. Очевидно при этомъ, что правительство, не бравшее на себя обязанности заботиться о народномъ образованіи, въ силу этого и не имѣло права вмѣшиваться какъ и чему учатъ народъ. Не давая на образованіе денегъ, оно не имѣло права имъ распоряжаться. Такъ продолжалось весьма долго, и только двадцать-тридцать лѣтъ тому назадъ, когда оффиціальныя данныя, обнародованныя правительствомъ, показали какъ велико невѣжество среди массъ и какой ничтожный процентъ населенія обученъ грамотѣ, тогда среди либеральной части общества поднялся вопль, который принудилъ правительство назначить для споспѣшествованія народному обученію ту ничтожную субсидію, надъ которой зло смѣется Ледрю Ролленъ, существовавшимъ уже школамъ. Но какъ ни ничтожна была эта правительственная субсидія, она подняла цѣлую бурю среди тѣхъ, которымъ невмѣшательство государства въ дѣло народнаго образованія было съ руки. Англійское духовенство, въ союзѣ съ большинствомъ привилегированныхъ сословій завопило противъ правительства. «Долой вмѣшательство государства! кричали они; если допустить его въ сферѣ народнаго образованія, то вы должны будете допустить его во всѣ остальныя сферы, и тогда прощай самоуправленіе, прощай наши коренныя права!» Въ одномъ изъ своихъ «Писемъ объ Англіи», относящемся къ 1862-му году, т.-е. къ тому времени, когда правительство предложило парламенту нѣкоторыя реформы въ дѣлѣ народнаго образованія, желая укрѣпить за собою право болѣе серьезнаго за нимъ контроля, Луи-Бланъ передаетъ разсужденія противниковъ вмѣшательства государства въ дѣло образованія. Разсужденія эти были такого рода: Какъ! вы хотите допустить государство вмѣшиваться въ народное образованіе! Опомнитесь! развѣ вы не понимаете, что допустивъ его разъ, вы должны будете допускать его всегда—и всюду. Сегодня правительство простираетъ свою лапу на народное образованіе, завтра оно захочетъ наложить ее и на другія отрасли общественной жизни. Логика, неумолимая логика вещей принудитъ предоставить все, абсолютно все во власть правительству: литературу, журналы, священныя каѳедры, пропитаніе бѣдныхъ, ихъ жилища, наконецъ, даже ихъ лохмотья!»

Напрасно этимъ противникамъ вмѣшательства государства возражали и доказывали, что вмѣшательство государства въ то, во что слѣдуетъ ему вмѣшиваться, не значитъ еще, чтобы оно вмѣшивалось тамъ, гдѣ его вмѣшательство было бы вредно; напрасно указывали на примѣры, напрасно приводили въ доказательство управленіе, напр., почтовою частію, которое не повело за собою вмѣшательства въ прессу, въ литературу и т. п. Ихъ ничто не убѣждало. Эти противники вмѣшательства правительства въ дѣло народнаго образованія хотѣли оправдать собою поговорку: горбатаго могила исправитъ. Оппозиція ихъ тогда была такъ сильна, что къ отчаянію всѣхъ истинно либеральныхъ умовъ правительство должно было уступить. Враги народнаго образованія взяли верхъ.

«Между тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ Луи-Бланъ, если есть какой-нибудь вопросъ на свѣтѣ, который требуетъ вмѣшательства государства, то это народное образованіе. Нѣтъ возможности примѣнить разумно къ этому вопросу принципъ «предложенія и спроса» вслѣдствіе той простой причины, что со стороны бѣднаго, слишкомъ невѣжественнаго, чтобы оцѣнить выгоды образованія, «спросъ» почти не существуетъ и еще по той главной причинѣ, что у бѣднаго нѣтъ рѣшительно средствъ пріобрѣсти образованіе. Общество же заинтересовано въ томъ, чтобы огромное число его членовъ не коснѣло въ невѣжествѣ, въ которомъ коренится порокъ и которое такъ часто порождаетъ преступленіе. Что это означаетъ? Вотъ законы, которымъ мы должны повиноваться подъ страхомъ наказанія, которое иногда ужасно, и въ то же самое время мы не имѣемъ права научиться соблюдать ихъ. Право образованія необходимымъ образомъ заключается въ обязанности подчиняться!» Но какъ бы то ни было, какую бы вражду ни встрѣтило въ Англіи вмѣшательство государства въ дѣло народнаго образованія, шагъ сдѣланъ, воротиться назадъ нельзя, лицемѣрный принципъ, прикрывающійся такъ часто псевдо-либерализмомъ — laissez faire долженъ былъ уступить передъ натискомъ общественнаго мнѣнія, съ ужасомъ взглянувшаго въ ту бездну невѣжества, въ которую погруженъ былъ самый свободный народъ, или вѣрнѣе, единственный свободный народъ въ Европѣ. Только первый шагъ труденъ, говоритъ французская поговорка: первый шагъ сдѣланъ, и Англія волей-неволей должна будетъ придти къ обязательному и даровому обученію, этому принципу sine qua non для общества, замѣняющаго аристократическія основы демократическими началами. Англія двигается иногда медленно впередъ, она не дѣлаетъ прыжковъ и скачковъ, она не кричитъ о быстромъ пересозданіи всего обще-

ственнаго строя, но за то она никогда не пятится назадъ и не уродуетъ разъ совершенной реформы такъ-называемыми «усовершенствованіями», этими плодами неразумнаго страха à la Донъ-Кихотъ передъ созданіемъ собственной фантазіи. Она не разрушаетъ созданнаго, она не побиваетъ дѣтей своихъ; въ этомъ ея сила, ея могущество, въ этомъ кроется то уваженіе, которое питаешь къ каждому шагу, который она дѣлаетъ впередъ. Въ каждой реформѣ ея лежитъ уже задатокъ къ дальнѣйшей реформѣ; реформа не гнется, смотря по вѣтру, то въ ту, то въ другую сторону. Реформа въ дѣлѣ народнаго образованія также пойдетъ неуклонно по прямому пути, и никакіе іезуиты не заставятъ свернуть ее съ дороги.

Вліяніе англійскаго духовенства — вотъ та вторая причина, которая такъ долго задерживала реформу народнаго обученія и которая виновна въ томъ, что и по-сю-пору образованіе въ Англіи находится на такой поразительно низкой степени. «Элементъ религіозный, истолкованный въ духѣ секты, вотъ тотъ врагъ, говоритъ Луи-Бланъ, съ которымъ въ продолженіи сорока лѣтъ долженъ былъ бороться принципъ народнаго образованія, и который до сихъ поръ еще не побѣжденъ въ Англіи. Лозунгъ всѣхъ религіозныхъ сектъ, начиная отъ католиковъ ультрамонтановъ и кончая конгрегаціонистами самыми свободными, всегда заключается въ слѣдующемъ: если не будутъ обучать нашимъ собственнымъ догматамъ, то пусть лучше ничему не обучаютъ. По поводу этого стремленія духовенства держать въ своихъ рукахъ народное образованіе авторъ «Писемъ объ Англіи» вспоминаетъ очень кстати объ императорѣ Карлѣ V-мъ, который имѣлъ обыкновеніе, разсуждая о Миланѣ, говорить: «Мой братъ Францискъ I-й и я, мы удивительно сходимся по отношенію къ Милану: онъ хочетъ его имѣть и я тоже». Каждый изъ нихъ, любя Миланъ, скорѣе согласился бы истребить его, нежели уступить одинъ другому. Такъ точно разсуждаетъ и духовенство: лучше пусть не будетъ вовсе народнаго образованія, но лишь бы оно не было вырвано изъ нашихъ рукъ, лишь бы образованіе не получило свѣтскаго характера. И они такъ искусно устроили свои дѣла, что до сихъ поръ еще держатъ народное образованіе въ своихъ ежовыхъ рукавицахъ.

Всѣ, кто только внимательно присматривался къ вопросу о народномъ образованіи, всѣ приходятъ къ такому выводу: «Въ Англіи образованіе не представляется вопросомъ свѣтскимъ, это вопросъ попа. Глядя на одѣяніе и духъ тѣхъ, кто управляетъ школою, систему, которою она управляется, заботливость, съ которою приносятъ въ жертву религіозному образованію — образо-

ваніе свѣтское, можно придти къ выводу, что тутъ воспитываютъ дѣтей не для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ членовъ общества, но для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ членовъ той или другой конгрегаціи. Школа вмѣсто того, чтобы быть разсадникомъ гражданъ, является гнѣздомъ прозелитовъ. Не думайте говорить здѣсь объ «отдѣленіи церкви и государства», не только церковь не отдѣлена здѣсь отъ государства, но въ томъ, что касается образованія, церковь господствуетъ, поглощаетъ, заставляетъ его служить себѣ». И какъ только государство пожелало, путемъ финансовыхъ мѣръ и нѣкотораго контроля надъ школами, вмѣшаться въ дѣло народнаго образованія и подчинить его своей власти, со всѣхъ сторонъ Англіи раздались крики негодованія, исходившіе отъ духовенства. Государство желало, чтобы школа по крайней мѣрѣ доставляла народу возможность научиться читать, писать, первымъ правиламъ ариѳметики—желаніе повидимому самое скромное и самое законное, но его закидали укорами, что оно хочетъ изъ людей сдѣлать нехристей, атеистовъ и т. п. Люди, стоявшіе во главѣ школъ для народа, объявили, что если государство думаетъ обусловливать свою помощь недостойными свѣтскими требованіями, то пусть лучше государство не дастъ пособій, но пусть не вмѣшивается въ образованіе, раздаваемое народу благочестивыми руками. Духъ мрака и тьмы силенъ, и много времени еще должно будетъ пройти, прежде чѣмъ духъ свѣта вытѣснитъ его въ конецъ.

Какой же, можно спросить теперь, выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ всего, сказаннаго до сихъ поръ по поводу системы образованія въ Англіи? Въ отношеніи образованія Англія принадлежитъ къ числу самыхъ отсталыхъ странъ западной Европы; только нравы этой свободной страны и глубоко вкоренившаяся привычка къ обсужденію всѣхъ серьезныхъ вопросовъ общественной жизни дѣлаютъ недостатокъ образованія менѣе чувствительнымъ, чѣмъ среди другихъ народовъ. Высшее образованіе принаровлено исключительно для привилегированныхъ классовъ общества, оно является удѣломъ аристократіи по рожденію или по богатству и безусловно недоступно для людей бѣдныхъ и незнатныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ высшее образованіе покоится до настоящей поры на дряхлыхъ и негодныхъ началахъ, позабытыхъ и не унесенныхъ въ могилу средними вѣками. Образованіе, приспособленное къ среднимъ классамъ и массѣ народа, крайне ничтожно по своимъ размѣрамъ и еще болѣе ничтожно по духу, господствующему въ школахъ. Народное образованіе находится главнымъ образомъ въ рукахъ духовенства, или во всякомъ случаѣ подъ его непосредственнымъ вліяніемъ,

и потому не отвѣчаетъ требованіямъ времени и духу тѣхъ новыхъ демократическихъ началъ, которыя вытѣсняютъ вѣковую аристократію. Недостаточность и негодность существующей въ Англіи системы образованія сознаны въ настоящее время всею передовою частью англійскаго народа, и это сознаніе выражается въ неотступныхъ требованіяхъ возможно быстрой реформы въ дѣлѣ образованія. Реформѣ этой положено начало, и при томъ постепенномъ, но неуклонномъ шествіи впередъ англійскаго народа во всѣхъ вопросахъ общественной жизни, можно, безъ боязни ошибиться, выразить увѣренность, что и въ вопросѣ образованія англичане сбросятъ наконецъ средневѣковые и религіозные путы и придадутъ ему тотъ характеръ, который одинъ можетъ удовлетворить современному развитію Англіи.

Теперь мы можемъ обратиться къ книгѣ Тэна, и спросить, какъ относится къ системѣ образованія въ Англіи писатель, воспитанный на началахъ прямо противоположныхъ тѣмъ, которыя онъ встрѣтилъ въ Англіи, писатель, принадлежащій къ народу, среди котораго начало равенства лежитъ въ основѣ всей государственной жизни? Тэнъ посвящаетъ вопросу образованія отдѣльную главу въ своей книгѣ, но ошиблись бы тѣ, которые думали бы найти тутъ подробную картину состоянія образованія въ Англіи. Нѣтъ. Тэнъ преважно ставитъ въ заголовкѣ: «образованіе», и почти ни слова не говоритъ о народномъ образованіи. Вся глава посвящена высшимъ аристократическимъ школамъ и университетамъ Англіи; какъ будто бы о другомъ образованіи не можетъ быть и рѣчи. Впрочемъ, быть можетъ и безъ намѣренія, Тэнъ, умалчивая о народномъ образованіи, отнесся къ этому вопросу съ злою ироніею. Молчаніемъ своимъ о народномъ образованіи онъ какъ бы говоритъ: «народное образованіе въ Англіи! да помилуйте, развѣ оно существуетъ. Образованіе это предметъ роскоши, годной въ этой странѣ только для избранныхъ!» Съ умысломъ или безъ умысла, Тэнъ умалчиваетъ о главной сторонѣ вопроса объ образованіи, но во всякомъ случаѣ онъ оригиналенъ. Всѣ, которые писали объ Англіи до него, всѣ рѣзко становились на ту или другую сторону, одни съ умиленіемъ говорили о томъ, что только въ Англіи средніе вѣка въ дѣлѣ образованія сохранили весь свой букетъ, другіе съ горечью и укоромъ указывали на печальное положеніе этого вопроса. Тэнъ же не пристаетъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ; онъ передаетъ то, что видитъ, видѣлъ же и интересовался онъ однимъ высшимъ образованіемъ, и потому дѣлаетъ его характеристику безъ предвзятой мысли, выставляетъ на видъ хорошія и дурныя его стороны, ничего не хваля, ничего не порицая, предоставляя

проницательности читателя дѣлать какіе угодно выводы. Я говорю, онъ выставляетъ на видъ и хорошія и дурныя стороны, потому, что высшее образованіе на средневѣковой подкладкѣ не лишено и хорошихъ сторонъ. Въ этомъ убѣждаютъ и замѣтки Тэна.

Прежде всего онъ останавливается на англійскихъ школахъ, школахъ аристократическихъ, какъ Eton, Harrow, и приравниваетъ ихъ къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ Франціи, къ такъ-называемымъ лицеямъ. Въ какомъ же отношеніи Тэнъ отдаетъ предпочтеніе англійскимъ школамъ? Англійскія большія школы помѣщаются не въ большихъ городахъ, а за городомъ, въ нѣсколькихъ часахъ отъ города. Не говоря уже о томъ, что воздухъ, которымъ дышутъ дѣти, чище и здоровѣе, жизнь ихъ въ школѣ вслѣдствіе этого получаетъ болѣе привольный характеръ. Дѣти не должны быть заперты въ четырехъ стѣнахъ, они не должны совершать чинныхъ прогулокъ подъ надзоромъ гувернеровъ, нѣтъ, въ свободные часы они могутъ разбѣгаться во всѣ стороны, бродить по деревнямъ, гулять гдѣ имъ вздумается. Зданіе школъ не огорожено заборомъ, иди куда хочешь, только будь въ назначенный часъ дома и съ тебя никто не взыщетъ. «Это великое дѣло,—говоритъ Тэнъ,—предоставить возможность тѣлу, воображенію, уму и характеру развиваться въ средѣ здоровой, спокойной и отвѣчающей нѣмымъ требованіямъ ихъ инстинктовъ». По его мнѣнію, и съ этимъ нельзя не согласиться, природа человѣческая окружена въ Англіи большимъ уваженіемъ; на нее обращаютъ большое вниманіе. Въ школахъ другихъ странъ дѣтей заставляютъ работать по десяти и иногда по одиннадцати часовъ, въ Англіи же не болѣе восьми, и часто даже семь и шесть часовъ сутки. Остальное время занято у дѣтей играми, всевозможными физическими упражненіями, которыя развиваютъ въ нихъ силу и крѣпость. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отчасти въ силу этого, дѣти здѣсь несравненно болѣе свободны во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ своихъ поступкахъ, они привыкаютъ здѣсь къ независимости, самостоятельности, освоиваются съ нею, такъ что когда юноша вступаетъ въ жизнь, онъ не бываетъ ослѣпленъ тою свободою, которую онъ впервые вкушаетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мальчикъ, юноша—уже въ школѣ привыкаетъ къ обсужденію различныхъ политическихъ и нравственныхъ вопросовъ, и въ Англіи никто не опасается сходбищъ юношей, весьма важно трактующихъ о политикѣ, никто не стѣсняетъ ихъ, никто не опасается, что юноши, учащаяся молодежь, перевернетъ своими толками, рѣчами, весь государственный строй. Собирай-

тесь, толкуйте, спорьте о политикѣ, критикуйте правительственныя дѣйствія даже, какъ бы говорятъ имъ, вамъ никто не будетъ мѣшать, вы свободны. Юноши въ школахъ образуютъ общества, «debating societies», и въ собраніяхъ этихъ обществъ обсуждаются всевозможные вопросы. «Послѣ того,—говоритъ Тэнъ,—что молодые ораторы произнесли свои рѣчи, присутствующіе вотируютъ, составляется протоколъ, въ который вносятся высказанные по извѣстному вопросу аргументы; это парламентъ въ миніатюрѣ». Рядомъ съ этимъ воспитанники школъ издаютъ журналы, и издаютъ они ихъ не тайкомъ, опасаясь преслѣдованій какъ заговорщики, нѣтъ, издаютъ по праву имъ принадлежащему, и въ ихъ журналахъ обсуждаются не ихъ школьные интересы, а вопросы политическіе, волнующіе въ данную минуту все общество. Они толкуютъ о выборахъ, о политическихъ союзахъ, о различныхъ правительственныхъ дѣйствіяхъ. Познакомившись съ жизнью дѣтей въ школахъ, Тэнъ приходитъ къ такому заключенію: «Съ какой бы стороны я ни смотрѣлъ, говоритъ авторъ «Notes sur l'Angleterre», я прихожу къ одному заключенію: въ Англіи не существуетъ глубокаго раздѣленія между жизнію ребенка и жизнію зрѣлаго человѣка; школа и общество стоятъ рядомъ другъ съ другомъ, между ними нѣтъ стѣны или пропасти; одна ведетъ и приготовляетъ къ другой. Юноша не выходитъ здѣсь точно изъ темницы, изъ какого-то исключительнаго порядка, изъ особой атмосферы. Перемѣна воздуха не заставляетъ его теряться и испытывать потрясеніе. Онъ не только обработывалъ свой умъ, но онъ уже пріучался къ жизни. У него не только есть извѣстныя идеи, но его идеи отвѣчаютъ тому обществу, въ которое онъ вступаетъ. Въ политикѣ, въ религіи, въ двадцать лѣтъ онъ находитъ уже совсѣмъ готовыя рамки, къ которымъ уже заранѣе приноровлены его вкусы и способности. Такимъ образомъ, ему легче избѣгнуть скептицизма; жизнь его скорѣе опредѣляется, онъ менѣе блуждаетъ, чтобы отыскать употребленіе для своихъ силъ.—Всѣ тѣ, которыхъ я видѣлъ въ классахъ, на улицахъ и на поляхъ, всѣ имѣли видъ healthy and active, рѣшительный, энергичный. Очевидно, по крайней мѣрѣ для меня,—продолжаетъ Тэнъ,—что здѣсь они болѣе дѣти и вмѣстѣ болѣе люди; болѣе дѣти, т.-е. они болѣе любятъ забавы и менѣе склонны переходить границы ихъ лѣтъ; болѣе люди, т.-е. болѣе свободны, болѣе способны управлять собою и дѣйствовать». Того же самаго взгляда на пріучающее къ свободѣ и самостоятельности англійское воспитаніе держится и Монталамберъ, который говоритъ почти тѣми же словами: «Безъ надзирателей и безъ другихъ стѣсненій, кромѣ тѣхъ, которыя нала-

гаются извѣстными обычаями и уваженіемъ къ самому себѣ, которымъ проникнутъ каждый англичанинъ, съ отвагою и молодою силою они приступаютъ къ изученію общественной жизни, self-governement'a, точно также какъ дѣлали то ихъ отцы и наши, прибавляетъ Монталамберъ, въ средневѣковыхъ школахъ». Если французскіе писатели, принадлежащіе къ различнымъ поколѣніямъ, различнымъ партіямъ, писатели, которые менѣе всего могутъ быть заподозрѣны въ радикализмѣ, указывая на эти выгодныя стороны англійскаго воспитанія, попрекаютъ французское въ недостаткѣ свободы, предоставленной юношеству, то что же сказали бы они про всякую другую систему воспитанія, которая была бы вся направлена къ тому, чтобы оградить юношество отъ соприкосновенія съ вопросами, занимающими общество, и которая заставляетъ юношество жить съ мертвецами и среди всего мертваго?

Тэнъ, говоря объ англійскомъ воспитаніи, не ограничивается указаніемъ только на однѣ хорошія стороны, онъ точно также говоритъ и о дурныхъ; и если бросить тѣ и другія на вѣсы, то конечно чаша дурного перевѣситъ чашу хорошаго. Если забота о физическомъ развитіи достигаетъ дѣйствительно того, что дѣти становятся чрезвычайно крѣпки и сильны, то вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ сказать, что физическое развитіе идетъ въ ущербъ нравственному. Игры, забавы, физическія упражненія стоятъ на первомъ планѣ, ученье же, книги, умственное развитіе отодвигаются на второй. Маленькій англичанинъ стремится не къ тому, чтобы отличиться въ ученіи, въ познаніяхъ, объ этомъ онъ заботится мало, нѣтъ, свою славу онъ полагаетъ въ томъ, чтобы быть первымъ въ крикетѣ, чтобы быть первымъ наѣздникомъ, чтобы лучше всѣхъ грести, чтобы стяжать себѣ славу гимнаста. Вслѣдствіе этого является извѣстная грубость, которая всячески поддерживается школьными порядками, школьными учрежденіями. На первомъ планѣ тутъ фигурируютъ розги, и розги не только не возмущаютъ, но напротивъ пользуются нѣкоторою популярностью. Тэнъ приводитъ примѣръ одной школы, воспитанники которой, узнавъ о намѣреніи начальства изгнать розги и замѣнить ихъ штрафомъ, чуть не взбунтовались и громко кричали: да здравствуютъ розги! долой штрафъ!

Другая грубая черта въ англійскихъ школахъ—это обычай, что маленькіе должны быть лакеями большихъ. Такъ какъ лакействовать можно заставить только силой, принужденіемъ, то потому ни въ какой другой странѣ дѣти не подвергаются такимъ побоямъ какъ здѣсь. Пощечины, пинки, палочные удары тутъ ни по чемъ. Мальчика заставляютъ стоять смирно и въ это

время ему безъ отдыха даютъ десять-двѣнадцать полновѣсныхъ пощечинъ. Обо всемъ этомъ говорится потому, что здѣсь такое обращенiе не случайное злоупотребленiе силой, нѣтъ, оно составляетъ систему, является необходимостью, оно составляетъ существенную черту школьныхъ нравовъ. Такое направленiе крайне вредно отзывается на умственномъ развитiи юноши; «школа, говоритъ авторъ» «Notes sur l'Angleterre, представляетъ собою родъ первобытнаго общества, въ которомъ сила господствуетъ безконтрольно, и тѣмъ болѣе, что благодаря извѣстному point d'honneur угнетенные никогда не жалуются на своихъ гонителей... Не слѣдуетъ, продолжаетъ онъ, давать полную свободу развиваться инстинктамъ господства и грубости. Обычай всегда ведетъ къ злоупотребленiямъ; одно требованiе возбуждаетъ другое, одни укоры вызываютъ желанiе другихъ; человѣку не слѣдуетъ никогда доставлять возможность становиться деспотомъ или палачомъ. Въ концѣ концовъ, образованiе, понимаемое такимъ образомъ, не лишено сходства съ спартанскимъ; оно укрѣпляетъ тѣло и закаляетъ характеръ; но насколько я могу заключить, оно часто приводитъ къ тому, что дѣлаетъ изъ людей спортсменовъ и дуралеевъ».

Проводя параллель между англiйскимъ и французскимъ юношами, Тэнъ отдаетъ рѣшительное предпочтенiе послѣднему во всемъ, что касается умственнаго развитiя. Молодой англичанинъ, который хорошо учился, въ состоянiи будетъ писать греческiе и латинскiе стихи, будетъ знать много фактовъ, но смыслъ ихъ, историческое значенiе для него не ясно. Онъ мало читалъ самостоятельно, еще меньше думалъ, у него чрезвычайно мало идей, которыя глубоко бы проникли въ него, его не волнуетъ и не мучитъ никакой нравственный вопросъ, скептицизмъ чуждъ ему. Французъ же въ восемнадцать-девятнадцать лѣтъ быть можетъ обладаетъ меньшимъ количествомъ фактовъ, но за то общее образованiе его несравненно выше; въ него заброшено множество идей, онъ самъ размышляетъ, роется въ самомъ себѣ, у него свои вкусы, онъ предпочитаетъ того или другого писателя, у него составились уже общiе взгляды на искусство, на исторiю, на философiю, во всѣхъ серьезныхъ вопросахъ онъ составляетъ свое собственное мнѣнiе, до котораго доходитъ самъ путемъ думы и размышленiя. У француза нѣтъ того, что Тэнъ называетъ «готовымъ якоремъ», за который каждый англичанинъ можетъ уцѣпиться: рано потерявъ религiозныя вѣрованiя и окруженный цѣлымъ океаномъ скептицизма; онъ волей-неволей долженъ самъ добыть себѣ свой якорь, безъ котораго жизнь его разобьется, онъ самъ долженъ отыскать себѣ свое приста-

ище, которое зовется міросозерцаніемъ. Французъ добирается него самъ, и часто оно стóитъ ему много страданій, много ѣкъ; англичанинъ же о немъ не думаетъ, оно дается ему готовое, и онъ довольствуется тѣмъ, которое ему преподносятъ.

Какова школа, таковъ и университетъ. Тутъ мы снова находимъ всѣ достоинства, но за то и всѣ почти недостатки, съ которыми пришлось встрѣтиться въ англійскихъ школахъ. Главное достоинство, самая характерная сторона заключается въ ой связи, которая существуетъ между общественною жизнію университетомъ. Въ этомъ сходятся всѣ писатели, говорившіе объ Англіи. Что касается до другихъ достоинствъ, то тутъ слѣдовало бы условиться, чтó считать достоинствомъ и чтó недостаткомъ. Для Монталамбера главное достоинство заключается въ томъ, что «нигдѣ въ свѣтѣ средніе вѣка не сохранились акъ живо и цѣльно, какъ въ Оксфордѣ и Кембриджѣ»; онъ восторгается тѣмъ, что «ничего не было измѣнено въ тѣхъ статутахъ», которые были даны въ 1505-мъ году, высказывая мысль, что «англійскіе университеты, какъ конституція и все общество, суть не что иное какъ великолѣпный образецъ стараго общества среднихъ вѣковъ, такъ, какъ оно существовало во всей Западной Европѣ». Во взглядѣ на такія достоинства точно также нельзя согласиться, какъ нельзя согласиться съ Монталамберомъ, когда онъ, выставивъ на видъ всѣ особенности аристократическаго образованія, то рѣзкое различіе, которое существуетъ въ англійскихъ университетахъ между болѣе и менѣе знатными, различіе, доходящее до того, что болѣе знатные носятъ особые знаки, садятся за отдѣльный столъ и т. п., кончаетъ тѣмъ, что говоритъ: «нельзя не согласиться, что нигдѣ и никогда не поддерживалась организація болѣе благопріятная нравственности, свободѣ, достоинству и образованію». Все это разумѣется не достоинства, все это весьма крупные недостатки, которые въ Англіи менѣе вредны чѣмъ гдѣ-нибудь только потому, что они ослабляются цѣлымъ строемъ англійскаго общества, его вѣковою независимостью и свободою.

Тэнъ рисуетъ весьма полную картину жизни англійскихъ университетовъ, картину вѣрную, безспорно, какъ вѣрны всѣ тѣ картины, которыя даетъ авторъ «Notes sur l'Angleterre». Тэнъ не слѣдуетъ примѣру Монталамбера, онъ далеко не признаетъ англійскихъ университетовъ идеальными университетами, онъ весьма мѣтко опредѣляетъ ихъ значеніе, когда говоритъ: «англійскій университетъ во многихъ отношеніяхъ представляетъ собою не что иное, какъ клубъ молодыхъ людей знатныхъ или по крайней мѣрѣ богатыхъ». Тэнъ, какъ французъ, въ которомъ

равенство въѣлось, не могъ отнестись съ симпатіею къ тому отсутствію равенства, которое онъ здѣсь встрѣтилъ. Не восхваляя Франціи, Тэнъ тѣмъ не менѣе гордо замѣчаетъ: «у насъ, въ политехнической школѣ, воспитанники не знаютъ даже именъ стипендіатовъ; имена эти извѣстны только комитету, обязанному честью сохранять тайну; это деликатность присущая уму, пропитанному равенствомъ. Здѣсь напротивъ, богатство и званіе весьма цѣнятся». Такъ какъ въ англійскіе университеты стекается по преимуществу богатая и знатная молодежь, то среди ея постоянно происходятъ кутежи, пиры, обѣды, ужины; вино здѣсь льется рѣками, курятся самыя тонкія сигары, однимъ словомъ, молодежь ведетъ здѣсь безпечную и привольную жизнь, окруженную всѣми удобствами, всяческою роскошью, полною барства нравственнаго и матеріальнаго, такую жизнь, при которой занятія должны отходить далеко на задній планъ. Въ силу этого люди занимающіеся, работающіе, являются какъ исключеніе, большинство же проводитъ время праздно или въ чисто формальныхъ занятіяхъ.

Тѣ же физическія упражненія, тѣ же забавы, которымъ предаются дѣти въ школахъ, существуютъ, и еще въ усиленномъ размѣрѣ, и здѣсь. Цѣлые дни проходятъ въ игрѣ въ крикетъ, въ боксированіи, въ бѣгахъ, въ охотѣ, въ гонкахъ на лодкахъ, на конькахъ, въ скачкахъ, въ фехтованіи, однимъ словомъ, во всевозможныхъ физическихъ забавахъ, что конечно ведетъ только къ тому, что подтверждаетъ, какъ выражается Тэнъ, слова Платона о несовмѣстимости жизни атлета и жизни мыслителя. Среди англійской университетской молодежи поэтому и встрѣчаются гораздо чаще атлеты, нежели мыслители. Но гимнастическія упражненія имѣютъ и свои выгодныя стороны. Онѣ не даютъ развиваться воображенію, онѣ закаляютъ нервы, вліяютъ на спокойствіе человѣка, и въ концѣ концовъ способствуютъ выработкѣ нравственной жизни.

Но какъ бы то ни было, англійскимъ университетамъ нечего особенно хвалиться, и только такіе пристрастные писатели, какъ Монталамберъ, въ состояніи, указывая на англійскіе университеты, говорить, что «они могутъ съ торжествующимъ видомъ отвѣчать всѣмъ своимъ хулителямъ, показывая на свои плоды, т.-е. англійскую націю, представленную своими руководителями и правящими классами». Между тѣмъ, не университеты доставили англійской націи величіе, принадлежащее ей по праву. Можно даже смѣло сказать, что Англія велика, — не благодаря своимъ университетамъ, — а несмотря на университеты. Впрочемъ, реформа образованія стоитъ въ Англіи на очереди, и нѣтъ

ннѣнія, что и въ этомъ вопросѣ она не отклонится отъ того ы, по которому слѣдуетъ во всѣхъ другихъ вопросахъ, т.-е., и и не быстраго, за то неуклоннаго движенія впередъ.
Настанетъ время, и время это конечно не далеко, когда глія во всемъ, что касается образованія народа, достигнетъ і же степени, какой достигли въ этомъ отношеніи нѣкоторые юды западной Европы. Это обязанность такой страны, какъ глія, и разумѣется, она не отступится передъ ней. Но уже и перь нельзя не сказать, что Англія своимъ примѣромъ доказаетъ одно: политическое развитіе націи не находится въ зависимости отъ грамотности націи. Никто не станетъ спорить, полуграмотная Англія стоитъ въ отношеніи общественной зни, политическихъ правъ, выше и гораздо выше грамотной рманіи. Повидимому, тутъ кроется противорѣчіе. Кáкъ, можно зразить, развѣ не справедливо, что невѣжество и отсутствіе итической свободы тѣсно связаны между собою! но противорѣчіе тутъ только кажущееся. Образованіе заключается не толь въ умѣніи читать и писать, оно гораздо болѣе выражается умѣніи понимать свои обязанности и пользоваться своими авами. Этимъ-то послѣднимъ образованіемъ и сильна Англія; тъ кроется ея мощь и значеніе. Въ отношеніи такого образонія англійскому народу принадлежитъ пальма первенства въ зропѣ.

Евг. Утинъ.

ОТЪ АТЛАНТИЧЕСКАГО

до

ТИХАГО ОКЕАНА

Американскій путевой указатель новой желѣзной дороги, проведенной отъ береговъ Миссури въ Тихому Океану, называетъ ее *международнымъ путемъ*, открытымъ какъ для перевозки пассажировъ, такъ и для размѣна товаровъ между Европой, Америкой и Азіей. Такимъ образомъ, попытка знаменитыхъ европейскихъ мореплавателей,—въ теченіи трехъ вѣковъ стремившихся, по слѣдамъ Христофора Колумба, открыть удобнѣйшій путь изъ Европы въ Азію, въ наши дни увѣнчалась, въ предѣлахъ возможности по крайней мѣрѣ, полнымъ успѣхомъ. Проложеніемъ рельсовъ поперекъ всего американскаго материка эта трехвѣковая задача мореплавателей разрѣшена теперь, хотя для нихъ и неожиданнымъ, но вообще для цивилизованнаго міра все-таки наиболѣе удовлетворительнымъ образомъ. И въ самомъ дѣлѣ, совершавшееся въ былое время опасное и многотрудное плаваніе по морямъ, длившееся по нѣскольку томительныхъ мѣсяцевъ, замѣняется теперь весьма удобнымъ и въ своемъ родѣ пріятнымъ путешествіемъ, доступнымъ даже для самыхъ изнѣженныхъ организмовъ и продолжающимся всего мѣсяцъ или немногимъ болѣе того. Роскошные пароходы, снабжаемые всѣми принадлежностями избалованной прихоти нашего вѣка, въ какой-нибудь десятокъ дней переносятъ европейскихъ пассажировъ черезъ Атлантическій Океанъ въ Нью-Йоркъ, а отсюда еще скорѣе и еще удобнѣе совершается переѣздъ по

льсамъ черезъ материкъ до Санъ-Франциско, гдѣ, въ свою чередь, другіе столь же роскошные пароходы принимаютъ уже ссажировъ съ тѣмъ, чтобы по спокойнымъ водамъ Тихаго кеана перевезти ихъ въ одну изъ гаваней Азіи.

Во время моей поѣздки въ Калифорнію по новой желѣзной роге на самомъ дѣлѣ немало приходилось встрѣчать пассажировъ, направлявшихся изъ Европы въ Японію и Китай, и наоботъ, также такихъ, которые, напримѣръ, изъ нашего же Амурзаго края ѣхали въ европейскую Россію. Пролагая рельсы къ ихому Океану, американцы вполнѣ сознавали, что постройка овой дороги не есть только ихъ частное, національное предріятіе, но что оно должно расшириться до мірового значенія. ѣйствительно, въ этомъ дѣлѣ заинтересованы всѣ цивилизованыя страны, флаги которыхъ развѣваются по дальнимъ морямъ. мериканскій указатель упоминаетъ также, что пассажирскіе биеты для поѣздки *вокругъ свѣта* по новому пути могутъ быть олучаемы «во всѣхъ главныхъ конторахъ, Европы, Азіи и Амеики». Цѣны билетамъ для поѣздки въ Китай, напр., слѣдуюія: изъ Нью-Йорка въ Шангай или Нангазаки въ первомъ лассѣ 440 долларовъ, а во второмъ 180.

Новая желѣзная дорога заслуживаетъ названія международюй и потому уже, что по ней встрѣчаются племена изъ разыхъ концовъ земного шара, не только отдѣльными личностями, ю и цѣлыми группами: эмигрантскіе поѣзды изъ Нью-Йорка еревозятъ толпы европейскихъ переселенцевъ въ дѣвственныя лины цвѣтущей Калифорніи; а такіе же поѣзды, направляясь а встрѣчу къ первымъ, доставляютъ изъ Санъ-Франциско больое число китайскихъ работниковъ на фабрики восточныхъ приатлантическихъ штатовъ. Итакъ, мы видимъ здѣсь, что потокъ переселенцевъ изъ древняго материка, устремлявшійся до последнихъ временъ неуклонно на западъ, встрѣчается нынѣ съ противоположнымъ потокомъ, направленнымъ на востокъ, и благодаря рельсовому пути поперекъ американскаго материка, на нашихъ глазахъ совершается знаменательная для будущихъ народныхъ развитій встрѣча древнѣйшей китайской цивилизаціи съ юной американской.

Съ другой стороны, разсматривая новый рельсовый путь въ отношеніи ко внѣшней его обстановкѣ, мы увидимъ, что никакая другая желѣзная дорога не являетъ столько въ высшей степени интересныхъ подробностей, какъ относительно желѣзно-дорожнаго дѣла вообще, такъ и относительно своеобразныхъ, можно сказать, единственныхъ въ своемъ родѣ свойствъ мѣстностей, по которымъ пролегаютъ рельсы, протянутые отъ одного

океана до другого. Стóитъ только представить себѣ огромное протяженіе этого рельсоваго пути. И въ самомъ дѣлѣ, по прямому направленію отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско будетъ столько же, сколько, напримѣръ, отъ Нижняго-Новгорода через всю Россію, Германію и Францію—до Бреста, лежащаго на сѣверо-западной приатлантической окраинѣ Европы. Другими словами: разстояніе, проѣзжаемое нынѣ отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско по желѣзной дорогѣ равно 3306 англійскимъ милямъ, т.-е. 5019 нашимъ верстамъ, и стало быть оно почти впятеро длиннѣе пути отъ Петербурга до Нижняго.

Удивляясь столь огромному протяженію американской дороги и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣхамъ техническаго искусства, вслѣдствіе которыхъ преодолѣны значительныя препятствія при ея постройкѣ, признавая за нею несомнѣнное вліяніе на судьбы цивилизованныхъ народовъ земного шара, мы должны сознаться, что подобное громадное предпріятіе могъ привести въ исполненіе только народъ, въ постановленіяхъ котораго коренятся самыя твердыя основы дѣйствительнаго величія и силы страны. И тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ должна поражать насъ энергія американцевъ, что новая дорога была заложена въ одинъ изъ труднѣйшихъ моментовъ ихъ исторіи,—когда республика раздиралась ужасами междуособія,—и сооружена въ относительно-короткій срокъ самаго тягостнаго для народа времени, только-что послѣдовавшаго за окончаніемъ войны, стоившей странѣ громадныхъ жертвъ и людьми и капиталами.

Правда, къ берегамъ Миссури уже за нѣсколько лѣтъ тому назадъ подходили локомотивы изъ восточныхъ приатлантическихъ штатовъ; но далѣе, къ берегамъ Тихаго Океана рельсовая дорога открыта всего года два тому назадъ. Такимъ образомъ, весь путь отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско самъ собой разбивается на двѣ большія половины: а именно отъ Нью-Йорка до города Омахà на Миссури, слишкомъ въ 2000 верстъ разстоянія, и отъ Омахá до Санъ-Франциско почти 2500 верстъ. Говоря о дорогѣ Тихаго Океана (Pacific Rail-Road), разумѣютъ собственно только вторую часть ея; но для болѣе полной связи начнемъ на этотъ разъ наше путешествіе поперекъ американскаго материка съ самаго Нью-Йорка.

I.

Отъ Нью-Iорка до Омаха.

Во время путешествія по Соединеннымъ Штатамъ насъ всегда ивляло отсутствіе той лихорадочной суеты на станціяхъ жезныхъ дорогъ, какою отличаются наши, и вообще всѣ европейскія станціи съ ихъ сонмомъ смотрителей, кондукторовъ, лдатъ и даже жандармовъ. Вопреки недостатку такого сбориı обмундированныхъ личностей, на американской желѣзной рогѣ все совершается въ порядкѣ, просто, какъ бы само сой, и несмотря на крайнюю малочисленность прислуги, каждй поѣздъ не суетливо отправляется въ назначенное впередъ емя. Такому спокойствію и порядку, здѣсь соблюдаемому, нело способствуютъ между прочимъ тѣ пріемы, какіе приспособны американцами для удобства пассажировъ. Прежде всего ждый пассажиръ, если хочетъ, можетъ избавиться отъ неіятности тѣсниться у кассы для покупки билета и хлопотать доставкѣ и взвѣшиваніи своего багажа: для этого, какъ сейсъ увидимъ, существуютъ другіе менѣе хлопотливые пути.

Проходя по главной улицѣ Нью-Йорка, по широкому, но ь толпящагося на немъ люда тѣмъ не менѣе тѣсному Бродю, вы между множествомъ вывѣсокъ и надписей на домахъ премѣнно обратите ваше вниманіе на объявленія, золотыми квами начертанныя на стеклянныхъ дверяхъ и окнахъ и соящія изъ названій разныхъ городовъ: это—конторы желѣзхъ дорогъ, а также и пароходствъ разныхъ компаній. И тъ, собираясь въ дальній путь, вы заранѣе заходите въ одну ъ такихъ конторъ, преспокойно покупаете тамъ билетъ до изстнаго мѣста, хоть бы до Санъ-Франциско; при чемъ на полмъ досугѣ можете навести тутъ же какія вамъ нужно справки сательно предпринимаемаго путешествія. Билетъ 1-го класса ь Нью-Йорка до Санъ-Франциско стóитъ 140 долларовъ; а го класса или мѣсто на такъ-называемомъ эмигрантскомъ подѣ 80 долларовъ. Если взять въ разсчетъ остальныя путевыя держки,—за спальные вагоны, за пищу и питье,—то весь пеѣздъ отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско обойдется въ 1-мъ ассѣ въ 180 долларовъ или около 235-ти рубл. серебромъ.

Взявъ такимъ спокойнымъ порядкомъ свой билетъ или поериканскн—*тикетъ*, въ конторѣ, вы затѣмъ оставляете тамъ свой адресъ съ тѣмъ, чтобы оттуда прислали телѣгу или спрессъ за вашимъ чемоданомъ, за доставку котораго отъ дома

до желѣзной дороги вы приплачиваете около четверти доллара. Хотя въ указателѣ и объявляется, что каждый пассажиръ имѣетъ право брать съ собой безплатно до 100 фунтовъ багажа, но если у васъ одно или даже два мѣста клади, то ее принимаютъ вовсе не вѣшая. При сдачѣ чемодана экспрессу, присланному отъ конторы, или даже на самой станціи, пассажиру необходимо заботиться лишь объ одномъ, а именно, ему слѣдуетъ взять *чекъ*, т.-е. мѣдный ярлыкъ. У багажнаго смотрителя на ремняхъ всегда по парѣ такихъ чековъ съ однимъ и тѣмъ же нумеромъ и обозначеніемъ мѣста. Выдернувъ изъ ремешка одинъ чекъ, багажный вручаетъ его вамъ, а другой прицѣпляетъ къ вашему чемодану. Прибывъ на мѣсто, вы по чеку получаете ваши вещи.

Операція, какъ оказывается, весьма простая, и не разъ удивляясь быстротѣ, съ какою одинъ человѣкъ на станціи принимаетъ здѣсь большое количество клади,—не разъ мы думали, отчего бы нашимъ компаніямъ не позаимствовать этотъ экономическій способъ, сберегающій не только клейстеръ и бумагу, щедро расточаемые у насъ въ подобныхъ случаяхъ, но и значительное число прислуги. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда багажному покажется, что у васъ уже черезъ чуръ много клади, онъ вѣшаетъ ее; и тогда за излишекъ вѣса приходится, конечно, приплатить нѣсколько долларовъ.

Отправивши съ экспрессомъ свой багажъ на станцію, вы съ тикетомъ и чекомъ въ карманѣ вольны теперь располагать днемъ отъѣзда по своему собственному желанію: билетъ выдается здѣсь не на опредѣленный какой-нибудь одинъ поѣздъ, какъ у насъ; а напротивъ, американскій тикетъ не теряетъ своей силы до тѣхъ поръ, пока пассажиръ не доѣдетъ съ нимъ до мѣста назначенія, хотя бы онъ отправился въ путь недѣлю или двѣ спустя послѣ покупки своего билета.

Рѣшившись наконецъ выѣхать изъ Нью-Йорка, вы, не заботясь болѣе о своемъ багажѣ, переѣзжаете на спокойномъ пароходѣ на другую сторону Гудсона. Станція желѣзной дороги или *дипо* (Depot), какъ называютъ ее американцы, находится тамъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста гдѣ причаливаетъ пароходъ. На ней вы по надписямъ на вагонахъ можете отыскать свой поѣздъ и безпрепятственно занимаете свое мѣсто, когда вамъ угодно. Васъ никто не остановитъ, еслибъ даже,—какъ это сплошь да рядомъ дѣлаютъ американцы,—вамъ вздумалось вскочить на платформу вагона въ то самое время, когда поѣздъ двинулся уже съ мѣста: здѣсь всякій самъ за себя отвѣчаетъ и самъ себя бережетъ. Правда, на двери при входѣ въ вагонъ,

похожій по внутреннему расположенію на вагоны нашей Николаевской желѣзной дороги, прибита дощечка съ надписью, предостерегающею пассажировъ, чтобы они, въ то время когда движется поѣздъ, не переходили на платформу—«иначе компанія ни за что не ручается». Предупредивъ такимъ образомъ публику, компанія сдѣлала свое дѣло, и затѣмъ всякій воленъ на свой страхъ выходить на платформу и даже переходить во время ѣзды изъ одного вагона въ другой: ни кондукторъ, ни помощникъ его не мѣшаются въ это дѣло.

Вы даже долгое время совсѣмъ не видите кондуктора, несмотря на то, что поѣздъ уже выѣхалъ и несется между красивыми фермами, разсыпанными по слегка всхолмленной мѣстности штата Нью-Йорка. Въ это самое время входитъ въ вагонъ прилично одѣтый джентльменъ въ поярковой шляпѣ, къ которой прикрѣплена маленькая бланка съ надписью: Conductor. Она только и отличаетъ послѣдняго отъ остальныхъ пассажировъ. Осмотрѣвъ билеты у пассажировъ, кондукторъ спѣшитъ уже къ другому своему дѣлу. А дѣла у него не мало: вотъ раздается—свистъ не свистъ, а какой-то зычный гулъ съ локомотива, которымъ машинистъ даетъ знать, что слѣдуетъ умѣрить быстрый ходъ поѣзда; и кондукторъ съ помощникомъ, одинъ на одной, а тотъ на другой платформѣ, принимаются тормозить вагоны. Поѣздъ движется медленнѣе; онъ проходитъ по мосту, а потомъ вновь пускается съ прежней быстротой... Но вотъ раздается опять зловѣщій свистъ локомотива, и громче и громче повторяется разъ за разомъ. Затормозивъ вагоны, кондукторъ старается усмотрѣть, что случилось? Оказывается, что стадо коровъ, пользуясь отсутствіемъ оградъ по сторонамъ рельсовъ, появилось на самой дорогѣ. Испуганныя гуломъ локомотива, онѣ безсмысленно озираются, не зная куда бѣжать отъ угрожающей имъ опасности. Наконецъ, онѣ со всѣхъ ногъ бросаются въ сторону, и перескакивая черезъ пни и кочки, скрываются въ чащѣ лѣса. Если же машинисту не удастся согнать скотину съ рельсовъ и поѣздъ наѣзжаетъ на нее, то она подхватывается извѣстнымъ коукетчеромъ и тотчасъ сбрасывается имъ въ сторону отъ дороги. Несмотря на отсутствіе заставъ и сторожей въ мѣстахъ, гдѣ рельсы пересѣкаются проселкомъ, не слыхать, чтобы вслѣдствіе этого случались особенныя несчастія.

Дѣлая такимъ образомъ большія сбереженія по части внѣшняго устройства своихъ желѣзныхъ дорогъ, американскія компаніи тѣмъ болѣе заботятся объ удобствѣ внутренняго расположенія вагоновъ. Въ этомъ отношеніи въ особенности отли-

чаются спальные вагоны извѣстнаго предпринимателя Пельмана. Днемъ такой вагонъ представляется въ видѣ роскошно-убранной залы съ мягкими коврами на полу, съ двойными окнами, жалюзи и бархатными диванами по сторонамъ. По обоимъ концамъ залы находятся уборныя, одна для леди, другая для джентльменовъ. На ночь зала преобразуется въ спальню: диваны сдвигаются и превращаются въ широкія постели; а надъ ними стелется другой рядъ такихъ же постелей, образуемыхъ изъ откосовъ потолка, спускаемыхъ внизъ на шальнерахъ. Походя на койки на пароходахъ, эти постели однако гораздо просторнѣе и комфортабельнѣе. Благодаря этимъ удобствамъ, нынѣ даже непривычныя къ путешествіямъ леди съ маленькими дѣтьми легко совершаютъ шестидневную поѣздку отъ океана до океана.

Но американцы не довольствуются и этимъ комфортомъ: по одному разу въ недѣлю въ Санъ-Франциско отходитъ поѣздъ съ гостинницей (Hôtel Express Train), устроенной въ великолѣпно отдѣланномъ вагонѣ съ кухнею при немъ. Средина такого вагона занята длиннымъ столомъ, накрываемымъ по три раза въ день. Пассажиры за особую плату, конечно, завтракаютъ, обѣдаютъ и ужинаютъ въ то самое время, когда поѣздъ мчится на всѣхъ парахъ. Отлично содержимый буфетъ всегда готовъ къ услугамъ пассажировъ. Кромѣ того, при поѣздѣ всегда находится букинистъ; онъ по всѣмъ вагонамъ разноситъ только-что вышедшія газеты, новыя книги и журналы. Такимъ образомъ можно совершить многодневную поѣздку до Санъ-Франциско, рѣшительно не выходя изъ вагона.

Выѣхавъ изъ Нью-Йорка съ восьми-часовымъ вечернимъ поѣздомъ, мы прибудемъ около слѣдующаго затѣмъ полудня къ висящему на проволочныхъ канатахъ мосту, перекинутому черезъ рѣку Ніагару. Поѣздъ медленно подвигается по верхнему ярусу двухъэтажнаго моста; изъ оконъ вагоновъ лѣвой стороны, верстахъ въ трехъ разстоянія, видѣнъ водопадъ съ высоко поднимающимися облаками брызгъ. Перебравшись осторожно по мосту на другую, канадскую сторону, поѣздъ быстрѣе мчится по сѣверному берегу озера Ири и, проѣхавъ цѣлыя сутки отъ Нью-Йорка, вечеромъ останавливается на станціи города Детрой.

Что касается до быстроты ѣзды по американскимъ желѣзнымъ дорогамъ, то объ ней можно судить по сравненію: отъ Нью-Йорка до Детрой, 678½ англійскихъ миль, поѣздъ проходитъ въ 25 часовъ. По разсчету выходитъ, что онъ дѣлаетъ въ среднемъ выводѣ около 38-ми верстъ въ часъ; тогда какъ сред-

няя скорость по нашей Николаевской желѣзной дорогѣ составляетъ почти 30 верстъ.

Проѣхавъ затѣмъ въ ночь часовъ десять отъ Детрой, поѣздъ съ наступившимъ раннимъ утромъ катитъ уже по южной окраинѣ озера Мичигена, свѣтлозеленыя воды котораго видны намъ изъ оконъ вагона съ правой стороны; тогда какъ съ лѣвой—тянется рядъ красивыхъ домовъ, служащихъ убѣжищемъ для богатыхъ семействъ шумнаго и довольно дымнаго Чикаго. Этотъ быстро развивающійся городъ составляетъ одинъ изъ главныхъ узловъ рельсовыхъ сообщеній въ сѣверныхъ штатахъ; а потому Чикаго—одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ по желѣзнымъ дорогамъ, направляющимся къ Тихому океану, и на просторной станціи его стеченіе народа гораздо значительнѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ по этому тракту. Притомъ отсюда, по пути далѣе къ западу, замѣчается рѣзкій переходъ въ характерѣ мѣстности: оставшаяся за нами холмистая и лѣсная страна замѣняется теперь ровными луговыми пространствами. Узкой полосой стелятся рельсы по однообразной степи. Мѣстами только и видно, что небо да степь. Мѣстами показываются цвѣтущія фермы и новые города, недавно возникшіе благодаря желѣзной дорогѣ, проложенной по дѣвственному краю.

Проѣхавъ по весьма длинному мосту черезъ Миссисипи, поѣздъ быстро продолжаетъ свой путь поперекъ степей къ берегамъ другой большой рѣки, Миссури. Здѣсь, у города Консильблуфа, подъѣхавъ почти къ самой водѣ, локомотивъ наконецъ останавливается съ тѣмъ, чтобы сдать пассажировъ и кладь на поджидающій ихъ пароходъ. Мостъ черезъ Миссури, уже проектированный, пока еще не готовъ, а потому здѣсь прерывается рельсовое сообщеніе между восточными и западными странами материка. Перебравшись на противоположный берегъ, гдѣ расположился городокъ Омаха̀, мы можемъ сказать, наконецъ, что находимся на самой дорогѣ Тихаго океана: Омаха̀—настоящій исходный пунктъ ея.

Совершивъ, такимъ образомъ, въ двое съ половиной сутокъ переѣздъ отъ Нью-Йорка до береговъ Миссури, мы переходимъ теперь на совершенно новую часть длиннаго рельсоваго пути, по которому и станемъ проникать въ пустынныя, еще мало населенныя мѣста дальняго Запада.

II.

Отъ Омаха до Огдена.

Условія, сопровождающія проложеніе желѣзной дороги въ Америкѣ, во многихъ отношеніяхъ представляютъ рѣзкую противуположность тѣмъ, какія существуютъ въ Европѣ. Въ послѣдней дорога пролагается обыкновенно по мѣстамъ болѣе или менѣе заселеннымъ, а въ Америкѣ — зачастую по пустынямъ. Тамъ стараются рельсами связать между собою торговые и промышленные центры, а здѣсь прокладываются рельсы для того, чтобы по сторонамъ ихъ возникали новые города. Притомъ, эти города въ Америкѣ нерѣдко появляются даже прежде сельско-хозяйственныхъ фермъ; локомотивъ предшествуетъ даже всякимъ другимъ перевозочнымъ средствамъ. Вообще, въ Европѣ рельсовый путь есть продуктъ высшаго развитія цивилизаціи; тогда какъ въ Америкѣ, напротивъ, именно этотъ путь вноситъ ее прямо въ дѣвственныя страны.

Понятно, что всему этому должны отвѣчать также и экономическія и финансовыя условія желѣзно-дорожнаго дѣла. Въ Европѣ пріобрѣтаются земли подъ желѣзную дорогу путемъ экспропріаціи, что составляетъ одну изъ самыхъ дорогихъ расходныхъ статей предпріятія. Американскія же компаніи въ пустынныхъ краяхъ не только избавлены отъ подобнаго рода значительныхъ расходовъ, но, сверхъ того, незанятыя земли, принадлежащія правительству, сами еще даютъ средства для постройки желѣзной дороги: безъ нихъ американскія компаніи едва ли могли бы привести въ исполненіе свои громадныя постройки. Дѣло въ томъ, что правительство, выдавая концессію на постройку желѣзной дороги, уступаетъ значительное количество земель по обѣ стороны ея въ пользу компаніи; и такая уступка служитъ къ обоюдной выгодѣ. Привлекая поселенцевъ, доставляемыхъ туда локомотивомъ, компаніи выручаютъ значительный процентъ не только за перевозку, но также и за уступленныя ей земли. Правительство съ своей стороны, продавая оставшіяся свои земли наѣзжающимъ колонистамъ по дешевой цѣнѣ, по $1\frac{1}{4}$ доллара за акръ, тоже получаетъ значительный доходъ, служащій главною опорой финансовъ республики.

Важныя обстоятельства политическаго свойства, въ свою очередь, ускорили возникновеніе желѣзной дороги Тихаго океана. А именно: во время войны между сѣверными и южными штатами партія плантаторовъ-сепаратистовъ старалась отторгнуть отъ

союза Калифорнію и другія прилежащія къ ней территоріи. Вашингтонское правительство по причинѣ громаднаго разстоянія и разобщенія не могло, конечно, имѣть сильнаго вліянія на эти земли, и если онѣ остались вѣрными союзу, то этимъ единственно одолжены энергическому противодѣйствію благонамѣренныхъ жителей всѣмъ проискамъ южной демократической партіи. Для того, чтобы на будущее время еще тѣснѣе связать интересы оставленныхъ странъ на западѣ съ Союзомъ, Вашингтонскій конгрессъ, въ 1862-мъ г., въ самый разгаръ войны утвердилъ актъ, одобренный президентомъ Линкольномъ, имѣвшій цѣлью способствовать скорѣйшему проведенію рельсовъ и телеграфа отъ Миссури къ берегамъ Тихаго океана.

Вслѣдствіе этого акта образовались двѣ главныя компаніи: одна изъ нихъ состояла изъ капиталистовъ восточныхъ штатовъ, другая—изъ калифорнскихъ золотопромышленниковъ. Первая—назвавшаяся «Компаніей союзной желѣзной дороги Тихаго океана» (Union Pacific Rail-Road, или въ сокращеніи U. P. R. R.), получила концессію на постройку отъ Омаха̀ на западъ до Большого Соленаго озера (Great Salt Lake). Эта, самая большая изъ всѣхъ существующихъ нынѣ желѣзно-дорожныхъ компаній на свѣтѣ, взяла на себя протяженіе дороги въ слишкомъ 1000 миль. Концессія на другую, калифорнскую часть дороги, была выдана компаніи такъ-называемой «Центральной желѣзной дороги Тихаго океана» (Central Pacific Rail-Road или въ сокращеніи C. P. R. R.). Она взялась за постройку слишкомъ 700 миль, начиная отъ города Сакраменто на востокъ, т.-е. на встрѣчу къ первой союзной компаніи. Что касается до пути отъ Санъ-Франциско до Сакраменто, всего 138 англ. миль, то за эту часть взялась третья компанія, такъ-называемой «Западной желѣзной дороги Тихаго океана» (Western Pacific Rail-Road или W. P. R. R.), образовавшаяся, впрочемъ, независимо отъ концессій, выданныхъ вашингтонскимъ правительствомъ.

Земли, дарованныя по разрѣшенію конгресса какъ союзной, такъ и центральной компаніямъ, состоятъ изъ перемежающихся площадей называемыхъ секціями, каждая въ одну кв. милю величиной и растянутыхъ вдоль по рельсовому пути на разстояніи 20-ти миль по каждую его сторону сообразно постановленію. Секціи, обозначенныя нечетными числами, поступаютъ во владѣніе компаніи, а лежащія въ промежуткахъ секціи съ четными числами правительство оставляетъ за собой. Обѣ компаніи вмѣстѣ получили такимъ порядкомъ 22.707,200 акровъ, что составляетъ пространство земель величиною слишкомъ въ 35,000 кв. миль. Если эти земли собрать въ одно мѣсто, то

совокупная ихъ поверхность будетъ даже болѣе того, какое въ Европѣ занимаетъ цѣлое королевство въ родѣ Португаліи. Сверхъ земельныхъ уступокъ обѣ компаніи выговорили себѣ отъ вашингтонскаго правительства денежныя субсидіи въ качествѣ займа и облигацій, всего на сумму до 55-ти милл. долларовъ. Съ своей стороны онѣ обязались выстроить дорогу не позже какъ къ 1-му іюлю 1876-го года.

Получивъ концессіи, та и другая компаніи принялись за дѣло въ 1863-мъ г. Постройки съ обоихъ концовъ дороги шли съ небывалою дотолѣ быстротою: кладка рельсовъ производилась по временамъ со скоростью, доходившею до 10-ти миль въ одинъ день. Компанія центральной дороги въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ къ ряду нанимала на работу по 10,000 китайцевъ. Почти столько же бѣлыхъ работниковъ были заняты на союзной дорогѣ. Сами американцы, привыкшіе у себя къ быстротѣ подобныхъ построекъ, считали въ свое время химерическими заявленія компаній, обѣщавшихъ открыть дорогу уже въ 1869-мъ году ко дню объявленія независимости республики, 4-го іюля, т.-е. всего шесть лѣтъ спустя послѣ того какъ начались постройки. За то и велико же было народное торжество во всѣхъ городахъ Союза, когда еще въ маѣ мѣсяцѣ того же 1869-го г. первый почтовый поѣздъ, выѣхавшій изъ Нью-Йорка, повстрѣчался съ такимъ же поѣздомъ изъ Санъ-Франциско. Итакъ, дорога была готова семью годами ранѣе обязательнаго срока; и это достойно удивленія тѣмъ болѣе, что огромный рельсовый путь пролегаетъ черезъ пустыни, взбирается на горныя высоты. Притомъ весь строевой матеріалъ приходилось доставлять издалека: по мѣрѣ того какъ рельсы подвигались впередъ, по мѣрѣ того локомотивъ подвозилъ къ новымъ пустыннымъ мѣстамъ инженеровъ и работниковъ, шпалы и рельсы, всякаго рода лѣса и желѣза, съѣстные припасы, словомъ, все необходимое для людей и для работъ. Такая безпримѣрная быстрота постройки поневолѣ заставила многихъ усомниться на счетъ прочности самой дороги. И дѣйствительно, въ началѣ многія мѣста на ней внушали немалыя опасенія пассажирамъ; однако вопреки всему до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, на дорогѣ не случалось никакихъ несчастій отъ ея непрочности или неисправности вообще.

Замѣтимъ еще, что вся дорога обѣимъ компаніямъ по приблизительному разсчету стоила слишкомъ 180,000,000 долл. Подвижной составъ ея въ 1870-мъ г. состоялъ изъ 320-ти локомотивовъ, 163-хъ пассажирскихъ вагоновъ—и 88-ми эмигрантскихъ. Этому соотвѣтствуютъ и остальныя части подвижного состава. Съ дальнѣйшими подробностями желѣзно-дорожнаго дѣла ознакомимся во время самаго переѣзда.

Прибывъ на «дѝпо» въ Омахá, при видѣ небольшого одноэтажнаго деревяннаго дома и простого досчатаго дебаркадера, расположеннаго въ лощинѣ на краю города, вы сначала никакъ не подумаете, что находитесь на станціи, служащей мѣстомъ отправленія большой международной желѣзной дороги. Эта неприглядная станція, поставленная лишь на первое время, пока еще не готово строющееся большое зданіе дѝпо, также можетъ служить характеристической чертой американскихъ пріемовъ относительно желѣзно-дорожныхъ построекъ. И въ самомъ дѣлѣ, здѣшнія компаніи не ждутъ, пока будутъ совершенно готовы всѣ принадлежности дороги: онѣ открываютъ ее для публики тотчасъ же, какъ только представляется возможность ѣздить по рельсамъ, хотя бы станціонные дома или мосты, замѣняемые временно пароходами, или другія части дороги не были еще совершенно готовы. Все это достраивается во время самаго переѣзда пассажировъ и товаровъ.

Несмотря на тѣсноту на станціи, все скоро приходитъ въ надлежащій порядокъ, и цѣлыя горы подвезенныхъ на экспрессахъ чемодановъ ловко и быстро размѣщаются по багажнымъ вагонамъ. Около полудня поѣздъ, обогнувъ сперва холмы, окружающіе городъ, выѣзжаетъ на просторъ степей и мчится по ровному пространству между фермами, недавно лишь заложенными по обѣимъ сторонамъ дороги. Послѣдняя пролегаетъ сначала по лѣвому берегу рѣки Небраски или Платтъ-Ривера, быстрыя, но мелкія воды котораго по временамъ сквозь рѣдкій береговой лѣсъ виднѣются изъ окна вагоновъ. Поѣздъ останавливается здѣсь и тамъ возлѣ маленькихъ городовъ лишь для того, чтобы высадить однихъ пассажировъ и принять другихъ. Лѣтъ десятокъ тому назадъ на мѣстѣ этихъ городовъ стояло лишь по нѣскольку бревенчатыхъ блокгаузовъ, а далѣе на западъ простирались однѣ безпріютныя степи. Въ то время на всемъ огромномъ протяженіи по пути черезъ Скалистыя горы до самаго Соленаго озера не было ни одного города, и только два-три форта должны были охранять смѣлыхъ странниковъ, пускавшихся въ неоглядныя пустыни, отъ нападеній враждебныхъ индѣйцевъ. Но локомотивъ сталъ проникать въ степи и повлекъ за собой толпы поселенцевъ разнаго рода. Они болѣе всего стекались къ тѣмъ крайнимъ пунктамъ строющейся желѣзной дороги, до которыхъ открывалось по ней сообщеніе. На этихъ крайнихъ пунктахъ возникали скороспѣлые города, состоявшіе частью изъ досчатыхъ бараковъ, частью изъ простыхъ палатокъ. Тутъ собирался весь людъ, участвовавшій въ постройкѣ дороги; сюда же наѣзжали торговцы съ товарами, содержатели гостинницъ и пи-

тейныхъ домовъ или баррумовъ; а вслѣдъ за ними и аферисты разнаго рода, открывавшіе игорные дома и другія увеселительныя заведенія, служившія притонами ночныхъ оргій. Шумная, безпорядочная жизнь кипѣла въ каждомъ изъ этихъ временныхъ городовъ до той поры, пока сообщеніе по дорогѣ не открывалось далѣе, до другого крайняго пункта. Тогда обитатели перваго мѣста зачастую цѣлымъ городомъ со всѣми его бараками, палатками, товарами, игорными и питейными домами переселялись на новую станцію, и здѣсь въ свою очередь возникалъ новый городъ въ томъ же родѣ какъ и прежній. Иные города существовали такимъ образомъ лишь по нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ совершенно пустѣли. Другіе же напротивъ, продолжая свое существованіе, успѣли впослѣдствіи обстроиться порядочными домами, и теперь среди пустынь они служатъ главными средоточіями для края, только-что начинающаго заселяться.

Образцомъ городовъ перваго рода можетъ служить *Джюлесбургъ* (Julesburg), находящійся въ территоріи Колорадо, въ 377-ми миляхъ отъ Омахá, куда, проѣхавъ ночь по степямъ, мы прибудемъ на разсвѣтѣ слѣдующаго утра. Когда желѣзная дорога дошла до этого мѣста, то въ возникшемъ городѣ набралось до 6000 жителей. Въ это бойкое время Джюлесбургъ представлялъ одно изъ самыхъ опасныхъ мѣстъ для мирнаго честнаго обитателя. Развратъ, мошенничество и убійства открыли здѣсь свои притоны, завлекая въ свои увеселительныя и игорные дома работниковъ, прожигавшихъ въ нихъ свои тяжкимъ трудомъ добытыя деньги. Даже именемъ своимъ городъ одолженъ убійству, жертвой которой палъ нѣкто *Джюлесъ*. Однако уже къ слѣдующему 1868 г. Джюлесбургъ обезлюдѣлъ, и печальнымъ слѣдомъ его нѣкогда столь необузданнаго существованія осталось кладбище, подобное которому едва ли найдется гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Въ могилахъ этого страннаго кладбища, числомъ до 80-ти, покоятся лишь три-четыре человѣка, окончившихъ жизнь свою на смертномъ одрѣ. Всѣ же остальные покойники погибли вслѣдствіе происходившихъ ссоръ и побоищъ, или доведенные до отчаянія лишали сами себя жизни, или же пали жертвой самоуправнаго суда, составленнаго изъ жителей озлобленныхъ, противъ нарушителей ихъ правъ и спокойствія, и извѣстнаго подъ именемъ суда линча. Эти покойники умерли,—какъ для краткости и большей выразительности говорится на дальнемъ Западѣ,—*въ собственныхъ сапогахъ*. Оставшіеся въ живыхъ большею частію разобрали свои дома, нагрузили ихъ на платформы, и гоняясь за сомнительнымъ прибыткомъ, перебирались далѣе по желѣзной дорогѣ, въ другой открывшійся

живую руку городъ. А въ Джюлесбургѣ въ настоящее время галось лишь пять-шесть домишковъ, одиноко стоящихъ среди устѣлой мѣстности.

Послѣ такихъ безотрадныхъ картинъ отжившихъ короткою знію поселеній, тѣмъ поразительнѣе по своему контрасту ваетъ впечатлѣніе, производимое на путника появленіемъ еди раздольныхъ степей другого рода молодыхъ городовъ, наруживающихъ явные задатки своего прочнаго будущаго развія. Таковъ между прочимъ *Чайеннъ*, лежащій далѣе къ западу, чти въ полутораста миляхъ отъ Джюлесбурга. Выѣхавъ изъ слѣдняго мѣста, мы сперва очутимся среди обширныхъ луговыхъ остранствъ, представляющихъ богатыя пастбищныя мѣста, особныя прокормить милліоны рогатаго скота. Верстъ на 1000 сѣверу и югу отъ дороги тянутся эти степные луга, обильные тательными травами, представляющіе возможность содержать углый годъ стада на подножномъ корму: зимой, когда снѣгъ короткое лишь время покрываетъ степи на нѣсколько дюймовъ, отъ, разгребая его копытами, безъ труда добирается до зелеющей подъ снѣгомъ травы. Несмѣтныя стада буйволовъ, такъзываемыхъ американскихъ буффало, бродили по этимъ лугамъ появленія здѣсь локомотива. Во время постройки желѣзной роги, когда вдоль по ней поставлены были телеграфные столбы, сматые буффало причиняли не мало хлопотъ строителямъ. юдя по степямъ, они воспользовались случаемъ почесать свою стую шкуру о телеграфные столбы и нерѣдко опрокидывали ъ совсѣмъ. Для того чтобы удалить животныхъ, работники идумали-было обивать столбы большими гвоздями, обращенными тріемъ къ наружи. Однако буйволы, повидимому, еще болѣе обдовались возможности хорошенько расчесаться, и валили столбы ще прежняго. Лишь тогда, когда чаще сталъ раздаваться гудяй свистъ локомотива по степямъ, избавились совершенно отъ кучливыхъ животныхъ, удалившихся навсегда въ другія болѣе ивольныя мѣста. Надо полагать, что на этихъ кормовыхъ луxъ въ недальнемъ будущемъ разовьется скотоводство въ самыхъ ширныхъ размѣрахъ. А будущимъ средоточіемъ этого скотодства безъ всякаго сомнѣнія предназначено быть Чайенну, корый и теперь уже носитъ названіе будущаго *Чикаго степей*.

Недоѣзжая до города, мы замѣчаемъ однако, что мѣстность редъ нами мѣняетъ свой общій характеръ; правда, передъ нами е еще степи, но онѣ представляются уже въ видѣ широко всхолненной поверхности; въ пустынной дали здѣсь и тамъ выступаъ уже отдѣльныя вершины такъ-называемыхъ пиковъ (это перевыя гряды Скалистыхъ горъ). Мы подъѣзжаемъ къ ихъ подножію.

Однако, если хотимъ быть вѣрными въ изображеніяхъ своихъ очерковъ, то должны остановить здѣсь порывы фантазіи, невольно возбужденной названіями въ родѣ пиковъ, Скалистыхъ горъ и т. п. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь не видать ни скалъ нагроможденныхъ другъ на друга, ни вершинъ съ причудливыми формами, скученныхъ на тѣсномъ пространствѣ какъ въ швейцарскихъ альпахъ. Напротивъ, здѣсь, въ Скалистыхъ горахъ широко раскидываются нагорныя площади, и только мѣстами, въ разбросъ, торчатъ на нихъ вершины такъ-называемыхъ пиковъ съ не очень крутыми боками и незатѣйливыми очерками, такъ что здѣсь нѣтъ ничего подобнаго тому, что швейцарскіе туристы привыкли называть «горной картиной». А между тѣмъ мы, вовсе того не замѣчая, поднялись уже на довольно значительную высоту почти шести тысячъ футовъ надъ моремъ: съ такой незамѣтной для путника постепенностью подымается все выше и выше поверхность равнинъ, начиная отъ самаго города Омаха̀, лежащаго на высотѣ почти 1000 футовъ надъ моремъ. Далѣе—Колумбусъ находится футовъ на 400 выше, а Джюлесбургъ стоитъ еще выше на цѣлыхъ 2000 футовъ. Въ той же мѣрѣ подъемъ продолжается до Чайенна, такъ что въ среднемъ выводѣ до этого мѣста, т.-е. на разстояніи слишкомъ 500 миль отъ Омаха̀ поверхность повышалась около 10 футовъ на каждую милю. Такая постепенность подъема степныхъ площадей, конечно, много облегчала въ этихъ мѣстахъ проложеніе рельсовъ на самыя высоты Скалистыхъ горъ.

Около полудня поѣздъ подкатываетъ къ станціи Чайеннъ, самому значительному изъ всѣхъ городовъ по дорогѣ между Омаха̀ и Соленымъ озеромъ. Въ настоящее время въ немъ до 3000 жителей. Небольшая рѣка, описывая дугу, орошаетъ съ двухъ сторонъ этотъ степной городъ, состоящій изъ восьми сотенъ деревянныхъ домовъ, между которыми съ дебаркадера виденъ театръ, вмѣщающій въ себѣ до 300 зрителей и узнаваемый по вывѣскѣ съ громкимъ названіемъ Opera-House. Въ этомъ же городѣ, недавно возникшемъ среди пустынь, находятся школы— одна общественная и двѣ частныхъ; въ немъ же издаются двѣ газеты, представляющія два органа нынѣ состязающихся между собою политическихъ партій въ штатахъ, а именно—республиканской и демократической. Городъ одолженъ своимъ развитіемъ отчасти той безопасности отъ нападеній индѣйцевъ, какой онъ пользуется благодаря близости форта Росселя, расположеннаго въ трехъ миляхъ отъ него. Этотъ фортъ, точно также какъ и другіе далеко другъ отъ друга раскинутые по степямъ форты, не представляетъ впрочемъ ничего, что напоминало бы какую-

ибудь крѣпость: четырехъугольная площадь съ деревянными стро-ніями, въ которыхъ помѣщается отрядъ изъ 1000 человѣкъ хоты и 200 кавалеристовъ, огорожена досчатымъ заборомъ— тъ и весь фортъ, служащій для защиты города и всего окре-наго края отъ нечаянныхъ набѣговъ красноважихъ. Напом-имъ еще, что компанія желѣзной дороги поставила въ Чайеннѣ но изъ своихъ машинныхъ заведеній для разныхъ починокъ и кже круглое зданіе изъ дикаго камня для помѣщенія 20-ти ло-мотивовъ.

Покидая Чайеннъ продолжаемъ нашъ путь къ западу. Тамъ, редъ нами, поперегъ дороги темнѣютъ очерки такъ-называе-ихъ Черныхъ горъ (Black hills). Въ этихъ мѣстахъ горные маны зачастую застилаютъ окрестную мѣстность; тутъ начи-ютъ появляться мрачные хвойные лѣса по ущеліямъ, черезъ торыя перекинуты мосты. Все тише и тише подвигаемся мы о крутому подъему. Не доѣзжая Шермана припрягается на по-мощь еще одинъ локомотивъ позади поѣзда, и при всемъ томъ нъ медленно взбирается на высоту, дѣлая не болѣе 10-ти миль ь часъ. Здѣсь дорога на каждую милю повышается футовъ на 0. Наконецъ-то мы достигаемъ высшей точки, на какую под-имается дорога въ Скалистыхъ горахъ и до какой до сихъ оръ не доходила еще ни одна желѣзная дорога на свѣтѣ. На-одящаяся здѣсь станція Шерманъ лежитъ на 8200 фут. надъ юремъ, т.-е. выше самаго высокаго обитаемаго мѣста въ Ев-опѣ, и именно альпійскаго монастыря С-тъ Бернара (8100 фут.). Такое какъ бы случайное, но не разъ встрѣчающееся сопостав-леніе во всякомъ случаѣ знаменательно въ отношеніи характе-ристики Стараго и Новаго Свѣта: тамъ высшія обитаемыя мѣста аняты монастырями, а здѣсь станціями желѣзныхъ дорогъ.

Съ дебаркадера видны 2 гостинницы, 2 пивныхъ салона и двѣ дюжины деревянными досками обшитыхъ домовъ, изъ кото-рыхъ состоитъ Шерманъ. Лишь на три или четыре лѣтнихъ мѣсяца освобождается онъ совершенно отъ снѣгу, который вы-падаетъ даже въ маѣ; а холодъ, вѣющій съ торчащихъ на югѣ снѣжныхъ вершинъ Лонгъ-пика и Пепкъ-пика, увеличиваетъ су-ровость нагорнаго климата тѣмъ болѣе, что Шерманъ окруженъ голою безлѣсною мѣстностью, и только бурыя каменныя глыбы лежатъ по сторонамъ. Вдали, по отлогости Черныхъ горъ на сѣверѣ темнѣютъ хвойныя породы. Оттуда нерѣдко выходятъ медвѣди, олени, антилопы, привлекающіе въ Шерманъ любите-лей охоты за подобною дичью.

Выѣхавъ изъ Шермана, мы перевалимъ на другую сторону хребта. Быстро спускается по западному склону поѣздъ, увлека-

емый собственною тяжестью: въ парахъ нѣтъ уже надобности; то-и-дѣло раздается свистъ локомотива, дающій знать кондукторамъ, чтобы они тормозили сильнѣе, иначе насъ понесло бы внизъ съ сокрушительной быстротой. Мѣстами, тамъ, гдѣ дорога прорѣзана сквозь скалы, по сторонамъ являются обнаженныя горныя породы буро-краснаго цвѣта, съ продольными жилами блѣдно-розоваго и зеленоватаго оттѣнковъ.

Не долго, однако, приходится любоваться этими слабыми намеками на горныя картины; вскорѣ мѣстность становится опять ровнѣе, и локомотивъ, работая уже всѣми парами, несетъ насъ по возвышенному плоскогорію. Мы въѣзжаемъ въ равнину Лереми, ограниченную съ сѣвера и юга рядами горъ и простирающуюся миль на 25 въ ширину и 60 въ длину. Эта слегка наклонная возвышенная площадь лежитъ отъ 6 до 7-ми тысячъ футовъ надъ моремъ и представляетъ собою видъ довольно тощихъ луговыхъ пространствъ, пригодныхъ развѣ только для разведенія здѣсь обширнаго овцеводства. Подобныя мѣста въ Скалистыхъ горахъ получили мало свойственное имъ прозваніе «парковъ».

На этой со всѣхъ сторонъ открытой мѣстности, находящейся большую часть года подъ снѣгомъ, чаще прежняго встрѣчаются по сторонамъ дороги особаго рода валы, грубо сложенные изъ голыхъ камней и досчатые заборы или палисады, служащіе для охраненія дороги отъ снѣжныхъ наносовъ. И валы и палисады, до 7-ми футовъ вышины, бываютъ различной длины, смотря по свойству мѣстности, и тянутся не въ дальнемъ разстояніи отъ дороги то параллельно съ ея полотномъ, то изгибаясь широкими дугами. Высокіе сугробы накопившагося около нихъ снѣга, который иначе завалилъ бы собой полотно, достаточно свидѣтельствуютъ о цѣлесообразности этихъ весьма простыхъ преградъ. Въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ они оказывались недостаточными для защиты дороги отъ снѣжныхъ заваловъ, сооружены болѣе или менѣе длинныя крытыя галереи.

Часа три спустя по отъѣздѣ изъ Чайенна поѣздъ приближается уже къ другому городу, *Лереми*, и громкій, раздающійся съ дебаркадера *звонъ колокола* возвѣщаетъ намъ, что въ станціонной гостинницѣ готовъ обѣдъ. Пассажиры гурьбой высыпаютъ изъ вагоновъ и направляются въ обширный обѣденный залъ, уставленный столами, изобилующими разнообразными отборными блюдами. Компанія желѣзной дороги позаботилась о доставленіи всякихъ удобствъ пассажирамъ, пускающимся въ дальній пустынный путь. Съ этою цѣлью какъ въ Чайеннѣ, такъ и здѣсь на станціи Лереми ею воздвигнуты даже особыя пространныя гостинницы съ нумерами, снабженными всѣми принадлежностя-

ми утонченнаго комфорта, для желающихъ прожить на мѣстѣ нѣсколько дней. Эта покойная, даже роскошная мебель, эти ковры, зеркала и бронза въ комнатахъ поражаютъ насъ здѣсь тѣмъ пріятнѣе, что, отправляясь въ необитаемые края дальняго Запада, мы никакъ не ожидаемъ такого комфорта и, напротивъ, приготовляемся къ разнаго рода лишеніямъ суровой странническоіі жизни.

По выѣздѣ изъ долины Лереми, мы слишкомъ на сутки ѣзды оставляемъ за собой всѣ признаки цивилизованнаго быта. Куда ни посмотришь, вездѣ одна и таже безводная степь, скудно покрытая пучками шалфея зеленовато-пепельнаго цвѣта, голая почва посыпана мѣстами мелкимъ камнемъ, а мѣстами на большихъ пространствахъ какъ снѣгъ бѣлѣютъ солонцы. Безпріютный, тоску наводящій видъ представляютъ эти равнины, такъ удачно прозванныя переселенцами *великой американской пустыней* (Great American Desert). Въ кое-какихъ рѣчкахъ, лѣниво пробирающихся по степямъ, вода насыщена горькими солями и вовсе негодна для питья. Малыя, непригдядныя станціи, къ которымъ изрѣдка пристаетъ поѣздъ, увеличиваютъ лишь общее впечатлѣніе безпріютной пустынности: вокругъ нихъ валяются остатки въ родѣ развалившихся кирпичныхъ трубъ, разбросанныхъ досокъ, ящиковъ, бутылокъ и мусора, свидѣтельствующіе о бывшихъ здѣсь нѣкогда зачаткахъ нынѣ покинутаго города. Хорошо еще, что большую часть безжизненнаго пути приходится быстро проѣзжать въ теченіи ночи, пользуясь притомъ удобными спальными вагонами Пѣльмана.

Съ наступившимъ затѣмъ утромъ мы въѣзжаемъ въ территорію Юта, занятую мормонами. Кое-гдѣ по сторонамъ дороги начинаютъ выступать чудные, фантастическіе облики горъ; настроенному пустыннымъ однообразіемъ воображенію чудятся въ нихъ то развалины громаднаго храма, то неприступные зàмки, то столбы и пирамиды, что далѣе, то разнообразнѣе становится мѣстность. Поднявшись около полудня,—т.-е. какъ разъ по истеченіи двухъ сутокъ, считая отъ Омахà, — на вторую, высшую точку этого плоскогорія, слишкомъ на 7500 футовъ надъ моремъ, поѣздъ быстрѣй и быстрѣй спускается внизъ и мчится по ущельямъ, называемымъ по-американски каніонъ (canon). Пара рельсовъ вьется, изгибаясь, по самому краю такъ, что съ одной стороны отъ вагоновъ висятъ отвѣсныя красно-бурыя скалы, а съ другой—зіяетъ пропасть, на днѣ которой по камнямъ плещетъ горный потокъ. По мосту на высокихъ сваяхъ поѣздъ перебирается на другой берегъ русла. Скалы мѣстами сходятся такъ близко, что удивляешься смѣлости инженеровъ, незадумавшихся

прорѣзать рельсами это ущеліе. Въ одномъ изъ такихъ мѣстъ возлѣ самой дороги стоитъ одинокая сосна; къ сучьямъ ея привѣшена доска съ надписью «1000 Mile Tree», т.-е. дерево 1000 миль. Инженеры воспользовались сосной для обозначенія разстоянія, совершеннаго локомотивомъ отъ города Омахà.

Вслѣдъ затѣмъ поѣздъ въѣзжаетъ въ тѣснины, прозванныя *чертовыми вратами* (Devils gate). Проѣхавъ сквозь два недлинныхъ тоннеля поѣздъ выбирается на просторъ; горы раздвигаются по обѣ стороны дороги, и передъ нами, среди весело зеленѣющихъ пажитей являются первыя поселенія мормоновъ съ ихъ домиками изъ высушенныхъ на солнцѣ кирпичей, съ ихъ фруктовыми садиками и полями, искусственно орошенными стараніемъ этихъ земледѣльцевъ, не знающихъ ни цѣны, ни мѣры своему труду. Подъ вечеръ поѣздъ подкатываетъ къ Огдену, небольшому мѣстечку, откуда проведена побочная вѣтвь желѣзной дороги на югъ, прямо къ ихъ главному городу Соленаго озера (Salt Lake City).

Употребивъ на проѣздъ отъ Омахà до Огдена, т.-е. 1032 миль разстоянія, двое съ четвертью сутокъ, мы въ этомъ мѣстѣ мѣняемъ вагоны, переходя съ *Союзной* на *Центральную* желѣзную дорогу Тихаго океана, до котораго намъ осталось еще 882 мили. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняется также отчасти и характеръ мѣстностей, по которымъ пролегаютъ рельсы: отсюда мы въѣзжаемъ въ новый край, на встрѣчу къ новымъ для насъ предметамъ и впечатлѣніямъ.

III.

Отъ Огдена до Санъ-Франциско.

Вскорѣ по выѣздѣ изъ мормонскаго города Огдена, поѣздъ начинаетъ приближаться къ сѣвернымъ берегамъ обширнаго Соленаго озера, держась при этомъ на высотѣ отъ 4000 до 5000 фут. надъ моремъ. Изъ оконъ вагона по временамъ виднѣется неоглядная поверхность синихъ водъ, изъ лона которыхъ выступаютъ мѣстами горныя вершины высокихъ островов. По пути обратимъ наше вниманіе на станцію, нынѣ почти забытую, но игравшую важную роль при открытіи новой желѣзной дороги. *Промонтори-пойнтъ* (Promontory Point),—имя опустѣвшей теперь станціи,—служилъ съ самаго начала тѣмъ соединительнымъ пунктомъ для обѣихъ желѣзныхъ дорогъ къ Тихому океану, т.-е. для союзной и центральной, какимъ въ настоящее время слу-

житъ городъ Огденъ. Здѣсь, въ Промонтори-пойнтѣ, въ 1869-мъ г. мая 10-го, происходило великое празднество по случаю соединенія рельсовъ той и другой компаніи, въ которомъ принимали участіе всѣ главные города молодой республики. Телеграфное сообщеніе было устроено—съ одной стороны съ Сакраменто, Санъ-Франциско, а съ другой съ Нью-Йоркомъ, Бостономъ, Чикаго и пр. Поѣзды съ прибывшими на нихъ участниками торжества подъѣхали сюда—одинъ съ востока, другой съ запада—и остановились на оконечностяхъ еще не вполнѣ связанныхъ между собою рельсовъ. Посѣтители вышли изъ вагоновъ и послѣдній, вылагаемый серебромъ, соединительный рельсъ былъ положенъ на свое мѣсто. Президентъ центральной желѣзной дороги серебрянымъ молоткомъ, рукоять котораго состояла въ связи съ телеграфной проволокой, вбилъ золотой гвоздь, служащій окончательной скрѣпою,—и вѣсть о совершившемся такимъ порядкомъ соединеніи востока и запада съ быстротой электричества разнеслась по всѣмъ концамъ Соединенныхъ Штатовъ. А локомотивы между тѣмъ по ново-наложеннымъ рельсамъ съ обѣихъ сторонъ осторожно подкатили другъ къ другу, и инженеры, стоявшіе на нихъ, подали другъ другу руки при восторженныхъ кликахъ собравшихся гостей. Подобныя событія — истинное торжество для американскаго народа, готоваго на всякія жертвы и подвиги, если дѣло касается по истинѣ производительнаго, благотворнаго предпріятія....

Миновавъ Промонтори, мы замѣчаемъ, что мѣстность, которая было-оживилась сначала вблизи Соленаго озера, опять становится пустынною: опять на цѣлыя сутки по обѣ стороны дороги потянулись безжизненныя степныя пространства, то поросшія все тѣмъ же пучкообразнымъ шалфеемъ, то покрытыя солонцами. На другой день мы проѣзжаемъ по долинѣ рѣки Гумбольдта, и слѣдуя береговымъ изгибамъ, рельсы извиваются змѣей. По долинѣ встрѣчаются луговыя мѣста, годныя для земледѣлія. Кое-гдѣ по нагорной степи показываются крытыя бѣлой парусиной длинныя телѣги муверовъ, этихъ передовыхъ переселенцевъ, направляющихся далѣе на западъ съ тѣмъ, чтобы отыскать тамъ на привольѣ удобный, еще никѣмъ незанятый участокъ для заведенія фермы. Городокъ Илько, въ территоріи Невада, къ которому поѣздъ подходитъ еще утромъ, есть мало замѣчательная станція въ долинѣ Гумбольдта. Находясь близко къ мѣстамъ, изобилующимъ серебряною рудою, Илько служитъ сборнымъ мѣстомъ для рудокоповъ и для всѣхъ заинтересованныхъ въ серебряномъ промыслѣ, которымъ территорія Невада прославилась въ послѣднее время также, какъ Калифорнія своимъ золотомъ.

Въ этихъ мѣстахъ мы встрѣчаемся также съ новыми національностями: на станціяхъ появляются индѣйцы изъ мирнаго племени Шашоновъ, одѣтые въ какія-то старыя платья и лохмотья, добытыя, какъ видно, отъ переселенцевъ. Они по старой привычкѣ вымазываютъ свои лица красно-бурою краскою; жены съ корзинами на плечахъ, изъ которыхъ выглядываютъ головы папусовъ, т.-е. дѣтей ихъ, расхаживаютъ по дебаркадеру, выжидая какой-нибудь подачки отъ пассажировъ. Своею наружностью и своими пріемами эти дикіе напоминаютъ собою отчасти нашихъ цыганъ.

Впечатлѣніе совершенно противоположнаго свойства производятъ на насъ китайцы, попадающіеся теперь въ значительномъ числѣ, частью въ качествѣ работниковъ, занятыхъ починкою полотна, частью въ качествѣ прислуги на обѣденныхъ станціяхъ. Обвивъ вокругъ головы длинныя поддѣльныя косы свои, въ широкихъ бѣлыхъ рубахахъ, эти сыны Небесной имперіи стараются по возможности удовлетворить всякимъ требованіямъ наѣзжающихъ гостей. Бо́льшая часть работниковъ по центральной желѣзной дорогѣ состояла и состоитъ до сихъ поръ изъ китайцевъ. Пользуясь крайне дешевою заработною платою, которою они довольствуются, компанія только и могла съ выгодою производить свои громадныя постройки; такъ что еслибъ не явились китайцы съ ихъ дешевымъ трудомъ, то центральная дорога едва ли была бы готова къ настоящему времени.

Въ теченіи цѣлаго дня поѣздъ несется то по одному, то по другому берегу мало оживляющей окрестныя мѣста рѣки Гумбольдта, которая наконецъ пропадаетъ въ лежащемъ близъ дороги степномъ озерѣ того же имени. По такимъ же мѣстамъ и по долинѣ подобной же степной рѣчки поѣздъ катитъ въ теченіе цѣлой ночи, приближаясь къ подножію гористаго хребта Сьерра-Невады.

Послѣ томительнаго однообразія мѣстностей, по которымъ приходилось проѣзжать въ послѣднія сутки, передъ нами открывается теперь цѣлый рядъ быстро смѣняющихся горныхъ видовъ. Въ Европѣ подобные виды можно встрѣтить развѣ только когда проникнешь въ самые дикіе, мало-доступные притоны швейцарскихъ Альповъ, гдѣ люди и не помышляли еще о проложеніи желѣзной дороги, куда лишь на собственной подошвѣ забираются самые отъявленные туристы, и то не иначе какъ подъ руководствомъ хорошо-знакомыхъ съ горами альпійскихъ охотниковъ. Крутые скаты и глубокія ущелья Сьерра-Невады, видные изъ окна вагона, покрыты мрачными, сосновыми лѣсами. Нерѣдко отвѣсныя скалы обнаруживаютъ каменныя породы красно-

бураго цвѣта. Тамъ виднѣются бѣлоснѣжныя вершины; здѣсь, на днѣ ущелья, по краямъ котораго лѣпятся рельсы, хлещетъ по валунамъ бурный потокъ, образуя шумные каскады. Впереди все круче вздымаются скалы, преграждая узкій горный проходъ, и уже не видать никакой возможности пробраться далѣе поѣзду. Но онъ осторожно въѣзжаетъ на высокій деревянный мостъ. Выстроенный на нагроможденныхъ другъ на друга сваяхъ и лѣсахъ, надъ самыми быстринами горнаго потока, онъ описываетъ надъ нимъ широкую дугу; и только по этой дугѣ поѣзду открылась возможность перебраться съ одной стороны потока на другую и продолжать свой путь по краю ущелья. Потомъ то-и-дѣло приходится проѣзжать подъ тоннелями, изъ которыхъ самый большой тянется на полверсты въ длину. На постройку этихъ тоннелей одного пороху пошло на 1 мил. долларовъ.

Проѣхавъ то мѣсто, гдѣ въ лощинѣ, окруженной горами, синѣетъ поверхность небольшого озера Доннера, поѣздъ при помощи двухъ локомотивовъ начинаетъ взбираться по весьма крутому подъему,—доходящему до 115 футовъ на каждую милю,—на вершины, покрытыя бо́льшую часть года снѣгами, сходящими отсюда лишь на короткое время самыхъ жаркихъ лѣтнихъ дней.

Въ этихъ-то мѣстахъ чаще всего появляются тѣ длинныя деревянныя галлереи или навѣсы, которые здѣсь впервые были примѣнены въ дѣло съ цѣлію предохранять полотно дороги отъ снѣжныхъ наносовъ и обваловъ. На постройку этихъ снѣжныхъ навѣсовъ (snow-sheds) воспользовались тѣми могучими соснами и пихтами, которыми изобилуютъ горы Невады. Бревна, укрѣпленныя въ почву на значительную глубину, связаны на верху такими же толстыми бревнами, образующими собою крутыя крыши навѣсовъ. Кромѣ того, все сверху до низу обшито здоровыми досками, такъ что по галереѣ ѣдешь словно въ тоннелѣ, и только благодаря щелямъ между досками проникаетъ во внутрь скудный полусвѣтъ дня.

Мѣстами среди дикой го́рной природы въ самыхъ галлереяхъ находятся обѣденныя станціи. Всѣ снѣжные навѣсы въ горахъ Невады въ совокупности составляютъ протяженіе, равное почти пятидесяти верстамъ. Постройка всѣхъ вмѣстѣ стоила компаніи 1.731,000 долларовъ. Такъ какъ самая большая часть ихъ распредѣлена на короткомъ разстояніи семидесяти верстъ дороги, то они и слѣдуютъ быстро другъ за другомъ, а нѣкоторые изъ навѣсовъ тянутся непрерывно на протяженіи десяти и болѣе верстъ; такъ что, проѣзжая подъ ними, изъ окна вагона только урывками открываются виды на мелькающія кругомъ снѣжныя вершины и на покрытыя хвойнымъ лѣсомъ ущелья.

При такой-то своебразной, чудной обстановкѣ поѣздъ взбирается на высшую точку, до которой доходятъ рельсы въ горахъ Невады, тамъ, гдѣ на высотѣ слишкомъ 7,000 фут. надъ моремъ, подъ снѣжными навѣсами стоитъ станція *Соммитъ* (Summit), или въ переводѣ — *Вершина*. Отсюда поѣздъ уже самъ собой, безъ помощи локомотива, спускается по крутому западному склону Сьерры. Свѣжій горный воздухъ крѣпитъ мышцы; краснобурые отвѣсные скаты, уходящія въ высь снѣжныя вершины, покрытые дѣвственнымъ лѣсомъ склоны, пропадающіе въ пропасти, въ которую такъ и кажется стремглавъ несется поѣздъ,—все настраиваетъ насъ къ чему-то сверхъестественному. Дивишься только тому, какъ отважился человѣкъ врѣзать въ каменныя нѣдра горъ страшный желѣзный путь—въ эти мѣста, куда до сихъ поръ проникали только звѣрь да птица! Какими путями могъ забраться инженеръ въ эти полныя опасности ущелья? какъ устанавливалъ онъ здѣсь свой теодолитъ для того, чтобы проектировать дорогу? И теперь даже, когда проѣзжаешь по проложеннымъ уже подъ отвѣсными скалами рельсамъ, невольно спирается дыханіе. Всѣ фибры нашего организма напряжены въ ожиданіи чего-то необычайнаго впереди; и что бы тамъ ни встрѣтилось еще, но тутъ уже нѣтъ болѣе мѣста страху. Вотъ, обогнувъ за уголъ выдавшейся скалы, локомотивъ издаетъ сигнальный свистъ; вотъ — поѣздъ подкатываетъ къ станціи Кольфаксъ; мы выходимъ на платформу и—невольный радостный восторгъ охватываетъ насъ при видѣ чудно-зеленой лощины, разостланной между широко-раздвинувшимися горами. И опомниться некогда: какъ бы волшебствомъ перенесены мы изъ холодной снѣжной среды грозно нагроможденныхъ мертвыхъ скалъ на вершинѣ въ этотъ живительно-чистый воздухъ, на этотъ ласкающій взоры ярко зеленый лугъ, осыпанный множествомъ блестящихъ золотистыхъ и разноцвѣтныхъ вѣнчиковъ.

— «Вотъ она, наша Калифорнія!» — восклицаютъ увлеченные такимъ рѣзкимъ переходомъ, пассажиры-американцы.

Спустившись съ высоты 7,000 фут. на 3,000, поѣздъ продолжаетъ отсюда быстро скатываться по наклоннымъ площадямъ цвѣтущихъ пажитей и луговъ, съ раскинутыми по нимъ широко-вѣтвистыми дубами, не образующими здѣсь группъ или рощей, а стоящими въ разбросъ, поодиночкѣ. Весело смотрятъ быстро слѣдующія другъ за другомъ фермы съ ихъ густо-поросшими фруктовыми садами и нивами.

Поѣздъ нѣсколько разъ останавливается въ городкахъ, недавно лишь заложенныхъ, но заручившихся уже тѣмъ широкимъ размахомъ цивилизаціи, къ какому способны одни лишь молодые города Калифорніи.

Спустившись вскорѣ послѣ полудня до какихъ-нибудь 50-ти футовъ надъ моремъ, локомотивъ сдерживаетъ свою скорость и поѣздъ медленно переѣзжаетъ по длинному мосту, перекинутому надъ красноватыми водами Американъ-ривера. Выѣхавъ на другой берегъ, локомотивъ вскорѣ затѣмъ подкатываетъ къ станціи столичнаго города Калифорніи, *Сакраменто*, лежащаго при сліяніи рѣки того же имени съ Американъ-риверомъ. При видѣ большихъ складочныхъ магазиновъ по лѣвую нашу сторону, и кипящихъ торговою дѣятельностью верфей по правую руку, при видѣ правильныхъ прямыхъ улицъ, обстроенныхъ многоэтажными домами, и осѣненнаго куполомъ высокаго капитолія, и прекрасныхъ садовъ съ ихъ густою зеленью,—при видѣ всѣхъ этихъ принадлежностей хорошо обстроеннаго города, трудно вѣрится какъ-то, чтобы Сакраменто основанъ лишь двадцать лѣтъ тому назадъ. Подобно другимъ городамъ молодой Калифорніи, и эта столица ея, какъ видно, не знала переходнаго состоянія, не переживала того юношескаго возраста, какой необходимо переживаютъ всѣ, даже быстро развивающіеся города Америки на востокѣ отъ Скалистыхъ горъ. Сакраменто, напротивъ того, какъ будто вышелъ изъ роскошной калифорнской почвы во всеоружіи новѣйшей цивилизаціи, подобно миѳологической Минервѣ, вышедшей изъ головы Юпитера.

Послѣ четырехъ-суточнаго переѣзда отъ города Омахà мы прибыли здѣсь къ концу той части желѣзной дороги Тихаго океана, которая носитъ названіе *Центральной*. Для отъѣзжающихъ изъ Калифорніи въ восточные штаты, Сакраменто служитъ такимъ же исходнымъ пунктомъ международнаго пути, какъ Омахà для мѣстъ на востокъ отъ Миссури. До береговъ Тихаго океана намъ остается еще совершить короткій переѣздъ въ 138 миль по такъ-называемой *Западной желѣзной дорогѣ*.

Но и этой короткой поѣздки достаточно для того, чтобы увлечься ясною прелестью благодатной калифорнской природы. Какой теплый и вмѣстѣ съ тѣмъ освѣжающій воздухъ! Какая густая и въ то же время яркая зелень луговъ, усыпанныхъ цвѣтами, словно блестками! При ясныхъ, но не знойныхъ лучахъ солнца даже простыя, незатѣйливыя фермы или ранчи, какъ называютъ ихъ калифорнцы, съ окружающими ихъ садами, виноградниками и пшеничными полями кажутся роскошными дачами. Особенной типичной чертой всякаго калифорнскаго пейзажа служатъ непремѣнно многокрылыя мельницы, въ большомъ числѣ окружающія фермы, а также и города. Этими не очень большими, безпрестанно вертящимися мельницами жители пользуются для накачиванія воды изъ колодцевъ. Даже на

станціяхъ вода для паровика накачивается обыкновенно такою же мельницей. А городъ *Стоктонъ*, къ которому подъѣзжаемъ мы часа два спустя послѣ Сакраменто, прозванъ даже «городомъ мельницъ» именно вслѣдствіе обилія ихъ въ окрестностяхъ.

До Стоктона, такого же молодого, но также уже вполнѣ развитаго города какъ и Сакраменто, наша дорога шла прямо на югъ. Отсюда же она вновь загибаетъ къ западу, подымаясь вмѣстѣ съ тѣмъ футовъ на 500 надъ моремъ, на холмы, составляющіе такъ-называемую *береговую цѣпь* (Coast range). Перебравшись черезъ нее въ Ливерморскомъ проходѣ, поѣздъ, постепенно спускаясь, въѣзжаетъ между садами въ прибрежный Окландъ, служащій для Санъ-Франциско чѣмъ-то въ родѣ предмѣстья; и тутъ уже, по рельсамъ, настланнымъ по мостовникамъ надъ мелкою заводью, локомотивъ врѣзывается въ самую бухту. Трехъ-этажный пароходъ поджидаетъ уже пассажировъ у высокихъ подмостковъ и немедля несетъ ихъ по обширному заливу въ Санъ-Франциско, къ конечной цѣли нашего шестисуточнаго переѣзда по желѣзной дорогѣ. Тамъ, впереди, за Золотыми воротами, какъ называется узкій проливъ, солнце погружается уже въ воды Тихаго океана. Сквозь золотистую дымку пара, какимъ обыкновенно бываетъ пропитанъ воздухъ надъ далеко раскинувшимся заливомъ, видѣнъ уже самый городъ, причудливо расположенный по высокимъ песчанымъ холмамъ.

Такимъ образомъ, начавъ свою поѣздку съ поверхности Атлантическаго океана въ Нью-Йоркѣ, взобравшись на высоту горъ, Скалистыхъ и Невады, до 8,000 фут. надъ моремъ, мы вновь спустились къ поверхности океана, переѣхавъ поперегъ материкъ въ шесть съ половиной сутокъ. А изъ Санъ-Франциско пароходныя сообщенія открыты къ Амуру, въ Японію и Китай, къ Сандвичевымъ островамъ и въ Австралію. Не даромъ же городъ и прозванъ американцами «Царицей Тихаго Океана».

Эд. Циммерманъ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
СТАТИСТИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ
ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Восьмая сессія.

II *).

Восьмнадцатаго августа закрыта сессія международнаго статистическаго конгресса въ Петербургѣ. Пройдетъ конечно не мало времени, пока появится полный оффиціальный отчетъ объ этомъ конгрессѣ, съ стенографированными преніями и рѣчами и съ полными докладами по всѣмъ вопросамъ программы, которые были разсмотрѣны. Но потребность хотя въ сжатомъ отчетѣ, съ оцѣнкою, чтó сдѣлано конгрессомъ по каждому пункту его программы и какихъ результатовъ можно ожидать отъ петербургской сессіи, какъ для международной, такъ и для отечественной статистики, особенно ощутительна именно теперь, пока въ обществѣ еще не исчезъ интересъ, возбужденный въ немъ кратковременнымъ присутствіемъ въ русской столицѣ лучшихъ представителей оффиціальной статистики и научной ея разработки.

Чтобы хотя отчасти удовлетворить этой потребности, мы постараемся представить, насколько это возможно въ настоящее время, вѣрную картину трудовъ конгресса въ его исторической связи съ предшествовавшими конгрессами и сдѣлать оцѣнку этихъ трудовъ.

Мысль объ избраніи Петербурга мѣстомъ для одной изъ сессій международнаго статистическаго конгресса, впервые была высказана въ Берлинѣ въ 1863-мъ году, и встрѣченная самымъ радушнымъ обра-

---

*) См. выше: августъ, стр. 759.

зомъ, не переставала повторяться и на двухъ послѣдующихъ сессіяхъ, флорентинской и гагской, въ 1867 и 1869 годахъ. Извѣстно, что Россія не принимала участія въ двухъ первыхъ конгрессахъ, брюссельскомъ и парижскомъ въ 1853 и 1855 годахъ, въ первомъ повидимому по недовѣрію тогдашней русской администраціи къ пользѣ подобныхъ международныхъ съѣздовъ, во второмъ, по причинѣ войны Россія съ Франціею. На вѣнскомъ конгрессѣ въ 1857-мъ году было уже 3 представителя изъ Россіи, въ томъ числѣ одинъ оффиціальный (И. В. Вернадскій), одинъ отъ русскаго географическаго общества (Е. И. Ламанскій); на лондонскомъ и берлинскомъ конгрессахъ русскихъ было уже до 13-ти человѣкъ. Дѣятельная роль, принятая русскими съ перваго появленія ихъ на конгрессахъ, скоро расположила къ нимъ лучшихъ дѣятелей иностранной статистики, и потому неудивительно, что при открытіи преній въ Берлинѣ объ избраніи мѣста для будущаго конгресса, представитель Великобританіи, д-ръ Фарръ, по поводу предложенія г. Корренти о перенесеніи слѣдующаго конгресса въ столицу итальянскаго королевства, заявилъ, что онъ готовъ согласиться на этотъ выборъ, но при этомъ напомнилъ, что конгрессъ не посѣщалъ еще изъ сѣверныхъ странъ Россію. Слова эти были встрѣчены обычнымъ: Hear! Hear! (Слушайте). „Въ Лондонѣ, какъ и здѣсь (т.-е. въ Берлинѣ), — продолжалъ онъ, — представители Россіи были многочисленны и оказали намъ существенную помощь. Мы были съ ними въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и я думаю, что выражу столько же чувства цѣлаго конгресса, сколько и свои собственныя, сказавъ, что мы чрезвычайно имъ обязаны и что конгрессъ долженъ когда-нибудь посѣтить С.-Петербургъ (слушайте!)“ [1]).

Но не всѣ были столь же дружелюбно расположены къ Россіи, какъ тотъ представитель Великобританіи; не слѣдуетъ забывать, что то былъ 1863-й годъ и что въ Европѣ было тогда не мало людей относившихся враждебно къ Россіи. Поэтому нѣкоторыми членами конгресса дѣлались попытки отклонить конгрессъ отъ мысли о Россіи, подъ благовиднымъ предлогомъ, что для успѣха международнаго конгресса, мѣсто для него избранное должно обладать двумя условіями: быть вполнѣ нейтральнымъ, и имѣть выгодное географическое положеніе, для бóльшаго доступа статистикамъ всѣхъ сторонъ. Такимъ мѣстомъ представлялась Швейцарія [2]).

Поддерживая доктора Фарра въ его предложеніи имѣть въ виду для будущихъ конгрессовъ Петербургъ и отвѣчая недоброжелате-

[1]) Rechenschafts-Bericht über die fünfte Sitzungsperiode des internationalen Statistischen Congresses in Berlin. II Band. Berlin. 1865 стр. 522—523.

[2]) Ibid. стр. 522.

мъ Россіи, организаторъ и душа берлинскаго конгресса, докторъ игель между прочимъ сказалъ слѣдующее: „При выборѣ мѣста для нгресса, кромѣ географическаго положенія, кромѣ политическихъ ловій страны необходимо принимать еще третье условіе во внима-е: именно возможность подготовки конгресса съ такимъ направле-емъ, чтобы работы слѣдующаго конгресса находились въ гармониче-ой связи съ работами предшествующаго. И если я смѣю высказать и искреннія чувства въ отношеніи этого третьяго пункта, то я елалъ бы подать голосъ въ пользу Россіи, т.-е. Петербурга. Отъ съ не могло ускользнуть, что русскіе со времени появленія своего статистическихъ конгрессахъ, не взирая на дальность разстояній, инадлежали къ числу вѣрнѣйшихъ, многочисленнѣйшихъ и при-жнѣйшихъ его посѣтителей. И нынѣшній разъ представители этой обширной имперіи такъ дружно и усердно поддерживали насъ — до-статочно напомнить, что почти всѣ они явились предъ вами докладчи-ками и я чувствую себя обязаннымъ выразить имъ за то спеціально мою лагодарность и увѣренъ, что благодарность эта найдетъ отголосокъ въ собраніи“.

Обращаясь къ географическому дѣленію Европы въ отношеніи кон-ресса, сдѣланному Фарромъ, на сѣверную и южиую, и къ правамъ ой и другой; видѣть у себя конгрессъ, д-ръ Энгель заключилъ свою рѣчь предложеніемъ: имѣть слѣдующій конгрессъ въ одной изъ странъ южной Европы, и слѣдующій за нимъ въ одной изъ странъ сѣверной Европы, и если Россія пожелаетъ принять его у себя, то въ Петер-бургѣ [1]).

Предложеніе д-ра Фарра и д-ра Энгеля было поддержано также и представителемъ Америки г. Регглесомъ [2]). При такой постановкѣ во-проса, и по недостатку положительныхъ полномочій на приглашеніе конгресса, подобно итальянскому и швейцарскому уполномоченнымъ, въ столицу своего отечества, главному представителю Россіи, г. Се-менову, оставалось сказать, „что деликатный вопросъ о выборѣ мѣ-ста для конгресса не можетъ подлежать длиннымъ дебатамъ, а дол-женъ бы рѣшиться довольно единодушно, и что для достиженія этого единодушія, онъ готовъ подать голосъ безразлично въ пользу Турина или Берна, сохраняя за собою право пригласить конгрессъ отъ имени своего правительства въ Россію, какъ только конгрессъ выразитъ свое желаніе довольно единодушно“ [3]). По обычаю прежнихъ конгрессовъ, окончательный выборъ мѣста для слѣдующей его сессіи былъ предо-

---

[1]) Rechenschaftsbericht über die V Sitzungsperiode des Congresses in Berlin. II, стр. 523.

[2]) Ibid. стр. 525.

[3]) Ibid. стр. 525.

ставленъ берлинской организаціонной коммиссіи подъ условіемъ, что о
приметъ въ соображеніе желанія и заявленія, высказанныя въ с
браніи [1]).

Рѣшеніе, какъ извѣстно, оказалось въ пользу новой столицы ита
янскаго королевства — Флоренціи.

Въ послѣднемъ засѣданіи флорентинскаго конгресса, когда отк
лись обычныя пренія о выборѣ мѣста для слѣдующаго конгресса,
Фарръ [2]) снова выдвинулъ на первый планъ Россію и высказалъ, что
если Россія пригласитъ конгрессъ къ себѣ, то это приглашеніе сл
дуетъ принять по двумъ главнымъ причинамъ: „во-первыхъ—говорил
онъ—Россія обладаетъ многочисленнымъ народонаселеніемъ, ея про
изводительность громадна, и статистическій матеріалъ въ ней изоби
луетъ; затѣмъ Россія переживаетъ великую соціальную реформу, ко
торая дѣлаетъ изученіе ея въ статистическомъ отношеніи весьма инте
ресным: я хочу сказать объ уничтоженіи крѣпостного состоянія. Гла
этой великой имперіи, принявъ эту мѣру, сдѣлалъ огромный шагъ на
пути цивилизаціи, и я весьма желалъ бы, чтобы конгрессъ посѣтил
эту страну, дабы ознакомиться съ счастливыми результатами одной изъ
величайшихъ мирныхъ революцій, когда-либо совершившихся въ мірѣ.

„Я думаю, никто не сомнѣвается здѣсь, что Россія въ состояніи
принять у себя конгрессъ. По опыту прежнихъ конгрессовъ, мы знаемъ,
что представители Россіи особенно отличаются своимъ знаніемъ почти
всѣхъ языковъ, и въ этомъ отношеніи они оказали положительныя
услуги на лондонскомъ конгрессѣ. Что я говорю о лондонскомъ кон-
грессѣ, то безъ сомнѣнія г. Энгель засвидѣтельствуетъ о берлин-
скомъ".

Поэтому г. Фарръ предлагалъ, чтобы слѣдующій конгрессъ со-
брался въ Россіи, а въ случаѣ отсутствія приглашенія съ ея стороны,
въ Швеціи, Даніи или Голландіи, или наконецъ въ Швейцаріи. Дѣй-
ствительно приглашенія со стороны Россіи на флорентинскомъ кон-
грессѣ не послѣдовало, и даже гг. Энгель и Піоза прямо заявили [3]),
что въ частномъ совѣщаніи оффиціальныхъ делегатовъ нѣкоторыхъ
странъ, по поводу вопроса о мѣстѣ будущаго конгресса, главный пред-
ставитель Россіи, директоръ центральнаго статистическаго комитета,
заявилъ не отъ имени своего правительства, а лично отъ своего име-
ни, что русское правительство желало бы, чтобы *на сей разъ* конгрессъ
не сдѣлалъ ему чести засѣдать въ Петербургѣ. Изъ всѣхъ назван-
ныхъ г. Фарромъ странъ, одна Голландія явилась съ категорическимъ

---

[1]) Ibid. стр. 526.

[2]) Compte rendu des travaux de la VI Session du Congrès international de Statistique réuni à Florence. 1868. стр. 458.

[3]) Ibid. стр. 461—462.

и самымъ жаркимъ приглашеніемъ конгресса къ себѣ и результатомъ этого было, что седьмой международный статистическій конгрессъ засѣдалъ въ Гагѣ.

Въ заключительномъ засѣданіи гагскаго конгресса, первое предложеніе объ избраніи Петербурга для восьмой сессіи исходило отъ представителя Австріи, г. Фиккера [1]). Напомнивъ о готовности Россіи съ 1863-го года видѣть у себя конгрессъ, на безпримѣрное развитіе Россіи въ послѣднія полтораста лѣтъ, на новую эру открывшуюся съ уничтоженіемъ крѣпостного права и на быстрые успѣхи статистики въ послѣднее время г. Фиккеръ высказалъ съ своей стороны, что въ настоящее время самымъ раціональнымъ представляется выборъ Петербурга, хотя къ числу соискателей чести видѣть у себя конгрессъ присоединилась еще и Венгрія.

Представитель оффиціальной статистики въ Голландіи, г. Баумгауеръ, напомнивъ о духовной связи существующей со временъ Петра Великаго между этою страною и Россіею, выразилъ, что „это въ нѣкоторомъ родѣ обязанность конгресса принять приглашеніе слѣдующей его сессіи въ столицу этой великой имперіи" [2]).

Г. Фарръ повторилъ почти то же, что было имъ сказано въ Берлинѣ и во Флоренціи, отозвавшись при этомъ съ большимъ одобреніемъ объ участіи русскихъ въ пяти послѣднихъ конгрессахъ и о докладахъ, читанныхъ ими въ Гагѣ, и заключилъ словами: „Для насъ важно изучить на мѣстѣ этотъ замѣчательный народъ. Я думаю, что конгрессъ могъ бы дать значительный толчокъ изученію статистической науки и ея приложенію въ Россіи. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, и еслибы я обладалъ краснорѣчіемъ гг. Баскале, Дюпре, то я прибавилъ бы, *при современномъ положеніи Европы* я приглашаю васъ, мм. гг., согласиться на предложеніе моихъ почтенныхъ товарищей, мнѣ предшествовавшихъ, и рѣшить, что слѣдующій конгрессъ соберется въ Петербургѣ [3])".

Придерживаясь прежнихъ традицій, конгрессъ не сдѣлалъ окончательнаго постановленія по этому вопросу и предоставилъ рѣшеніе его организаціонной коммиссіи, которая, принявъ въ соображеніе заявленія, сдѣланныя нѣкоторыми членами, и взвѣсивъ права тѣхъ странъ, которыя предлагали себя для засѣданій конгресса, единогласно избрала въ засѣданіи своемъ 11-го марта 1870-го года, — Петербургъ мѣстомъ для восьмой сессіи конгресса. Рѣшеніе это было принято и утверждено русскимъ правительствомъ [4]).

---

[1]) Compte rendu des travaux de la septième session 2-e partie. стр 509—510.

[2]) Ibid. стр. 510.

[3]) Ibid. стр. 511.

[4]) Compte rendu des travaux des la septième session. 2-e partie. Introduction. стр. XVI.

Если мы остановились довольно долго на вопросѣ о томъ, какъ совершилось избраніе Петербурга для международнаго статистическаго конгресса, то единственно потому, что въ нашей публикѣ изложенное нами было мало извѣстно, и даже въ печати высказывались мысли, что конгрессъ попалъ къ намъ чуть не нечаянно. Изъ приведенныхъ нами отрывковъ рѣчей наиболѣе уважаемыхъ представителей европейской статистики, легко убѣдиться, что уже съ 1863-го года конгрессъ стремился въ Россію и лишь по недостатку оффиціальнаго и дружественнаго приглашенія съ ея стороны, долженъ былъ сдерживать это стремленіе. Лишь въ Гагѣ главный представитель Россіи, г. Семеновъ заявилъ наконецъ торжественно къ общему удовольствію всего собранія, „что достоинство великой націи, какова Россія, не позволяло ему вызывать рѣшенія конгресса въ пользу выбора Петербурга; но что въ виду единодушнаго и почти свободно выразившагося желанія собранія перенести туда слѣдующій съѣздъ, онъ считаетъ за особенную честь пригласить конгрессъ въ Россію отъ имени своего правительства, уполномочившаго его на то" [1]).

Заявленіе это было принято самымъ сочувственнымъ образомъ, потому что въ Гагѣ желаніе иностранцевъ ѣхать въ Петербургъ было высказываемо ими непритворно; постоянно русскимъ членамъ предлагался вопросъ: будетъ ли конгрессъ приглашенъ русскимъ правительствомъ?

Приготовленія къ конгрессу въ Петербургѣ начались лишь по изданіи нидерландскою организаціонною коммиссіею въ декабрѣ 1870 года отчета о гагской сессіи конгресса, и по окончаніи обычныхъ дипломатическихъ сношеній между голландскимъ и русскимъ правительствами, о готовности послѣдняго принять конгрессъ у себя. Политическія обстоятельства Европы вынудили русское правительство отсрочить VIII-ю сессію конгресса на одинъ годъ противъ установленнаго обычаемъ двухлѣтняго срока и назначить ее не въ 1871-мъ, а въ 1872-мъ г. Еще до учрежденія организаціонной коммиссіи, директоръ центральнаго статистическаго комитета г. Семеновъ былъ командированъ лѣтомъ 1871-го года за границу, чтобы войти въ личныя сношенія съ представителями административной статистики въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы по различнымъ предметамъ, относящимся до предстоящаго собранія конгресса.

Окончательная организація подготовительныхъ работъ была установлена по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, высочайше утвержденному 12-го ноября 1871-го г. Для составленія проекта программы (avant-projet) предстоящаго конгресса, учреждена была подготовительная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ г. Семе-

[1]) Ibid. стр. 512.

нова, изъ лицъ принимавшихъ наиболѣе дѣятельное участіе въ прежнихъ собраніяхъ конгресса, гг. Бушена, Вернадскаго, Вешнякова, Вильсона, Куломзина и Тернера, и сверхъ того гг. Артемьева, академика Веселовскаго и профессора Вредена. По исполненіи этою коммиссіею возложеннаго на нее порученія, была учреждена подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ организаціонная коммиссія, въ составъ которой, кромѣ членовъ подготовительной коммиссіи, вошли члены изъ всѣхъ вѣдомствъ, близко заинтересованныхъ въ статистическихъ работахъ, предстоявшихъ VIII-ой сессіи конгресса, а именно отъ министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, государственныхъ имуществъ, народнаго просвѣщенія, путей сообщенія, военнаго, морского и иностранныхъ дѣлъ, отъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, отъ нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ, русскаго географическаго, вольно-экономическаго, техническаго, содѣйствія промышленности и торговли и с.-петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ, с.-петербургскій губернскій предводитель дворянства, городскіе головы С.-Петербурга и Москвы, предсѣдатели с.-петербургской губернской земской управы и с.-петербургскаго биржевого комитета. Кромѣ того къ участію въ коммиссіи были приглашены нѣкоторыя лица, извѣстныя своими учеными трудами или принявшія на себя спеціальныя работы по нѣкоторымъ предметамъ программы. Въ полномъ составѣ своемъ организаціонная коммиссія заключала до 80-ти членовъ.

Общее руководство всѣми работами организаціонной коммиссіи, а равно и предсѣдательство какъ въ этой коммиссіи, такъ и на самой сессіи конгресса, возложено была на министра внутреннихъ дѣлъ, съ назначеніемъ въ помощь ему трехъ вице-предсѣдателей, товарища его статсъ-секретаря князя Лобанова-Ростовскаго, товарища министра финансовъ генералъ-адъютанта Грейга и директора центральнаго статистическаго комитета г. Семенова.

Почетное предсѣдательство на конгрессѣ поручено было Е. И. В. великому князю Константину Николаевичу. Занятія подготовительной коммиссіи заключались главнымъ образомъ въ составленіи краткой предварительной программы конгресса, въ которой намѣчены вопросы, предлагаемые обсужденію конгресса. Программа эта была напечатана на русскомъ и французскомъ языкахъ и разослана въ большомъ числѣ экземпляровъ въ Россіи и за-границею. Сверхъ того, подъ ближайшимъ руководствомъ предсѣдателя коммиссіи напечатанъ общій сводъ постановленій предшествовавшихъ семи сессій конгресса, по плану, начертанному и исполненному г. Энгелемъ въ 1863-мъ году, и покойнымъ Маэстри въ 1867-мъ году, съ значительнымъ улучшеніемъ въ дѣленіи главъ на рубрики и съ болѣе ясной и систематической группировкой всѣхъ статей свода. Изданіе это заключаетъ болѣе 33-хъ печатныхъ листовъ и носитъ заглавіе: Compte rendu général des travaux du

Congrès international de Statistique aux sessions de Bruxelles (1853), Paris (1855), Vienne (1857), Londres (1860), Berlin (1863), Florence (1867), et la Haye (1869), publié par ordre du Ministre de l'Intérieur, sous la direction de P. de Séménow, Directeur du Comité Central de Statistique en Russie. St.-Pétersbourg, 1872. Этотъ сводъ представляется весьма полезнымъ для справокъ и замѣнитъ въ значительной мѣрѣ пользованіе отчетами предшествующихъ конгрессовъ, изъ коихъ многіе сдѣлались библіографическою рѣдкостью и существуютъ въ Петербургѣ въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Подготовительная коммиссія установила также списокъ учрежденій и лицъ, которыя должны быть приглашены къ участію въ конгрессѣ и опредѣлила время наиболѣе удобное для собранія VIII-го съѣзда. Хотя іюнь представлялся болѣе благопріятнымъ не только въ климатическомъ отношеніи, но и потому еще, что въ это время многія лица, участіе которыхъ въ занятіяхъ конгресса особенно желательно, не успѣли покинуть столицы; но неудобство этого срока для многихъ иностранныхъ членовъ конгресса, и невозможность окончить къ этому сроку всѣ подготовительныя работы, заставили предпочесть августъ іюню. Оказалось, что августъ какъ нельзя болѣе оправдалъ выборъ и заставилъ забыть всѣхъ членовъ конгресса, что они находятся подъ 60° сѣверной широты.

Организаціонная коммиссія приступила къ своимъ работамъ, подъ предсѣдательствомъ князя Лобанова-Ростовскаго, въ апрѣлѣ нынѣшняго года. Она утвердила выборъ вопросовъ, сдѣланныхъ подготовительною коммиссіею о распредѣленіи занятій, но вмѣсто предложенныхъ ею четырехъ отдѣленій учредила пять, въ видахъ болѣе удобнаго и равномѣрнаго распредѣленія занятій между отдѣленіями.

Изъ 14-ти вопросовъ, поставленныхъ предшествовавшею гагскою сессіею и перечисленныхъ г. Баумгауеромъ въ предисловіи къ отчету объ этой сессіи, петербургская организаціонная коммиссія приняла въ свою программу только четыре: 1) о графическихъ методахъ, употребляемыхъ въ статистикѣ; 2) о планѣ сравнительнаго международнаго статистическаго изданія; 3) о лучшихъ способахъ опредѣленія цѣнности ввозныхъ и вывозныхъ товаровъ, и 4) о недостаткахъ статистическихъ таблицъ, публикуемыхъ желѣзно-дорожными правленіями, относительно движенія товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Сверхъ того коммиссія включила также въ програму вопросъ, оставшійся неразрѣшеннымъ въ Гагѣ о лучшей организаціи международнаго статистическаго конгресса. Австро-Венгерскимъ правительствомъ предложенъ былъ также вопросъ о военной статистикѣ, но такъ какъ вопросъ этотъ былъ уже достаточно исчерпанъ въ Лондонѣ и Берлинѣ, то организаціонная коммиссія не нашла удобнымъ включать его въ свою программу. Для изготовленія докладовъ по каждому изъ

внесенныхъ въ програму вопросовъ, коммиссія распалась на отдѣленія, изъ коихъ, первое избрало себѣ предсѣдателемъ г. Семенова, а вице-предсѣдателями гг. Форша и Макшеева и занялась вопросами объ организаціи будущихъ конгрессовъ: о методологіи статистики, о переписяхъ населенія и о медицинской статистикѣ.

Второе, посвященное постояннымъ спискамъ населенія и движенія народонаселенія, избрало предсѣдателемъ г. Гагемейстера, и вице-предсѣдателями гг. Бушена и Янсона.

Третье отдѣленіе статистики горной и мануфактурной промышленности состояло подъ предсѣдательствомъ г. Вешнякова и вице-предсѣдательствомъ гг. Іоссы и Ходнева.

Четвертое, статистики торговой и почтовой, имѣло предсѣдателемъ г. Ламанскаго, а вице-предсѣдателями гг. Журавскаго и Тернера.

Пятое, статистики уголовной—работало подъ предсѣдательствомъ г. Стояновскаго и вице-предсѣдательствомъ г. Таганцева.

Плодомъ четырехмѣсячныхъ трудовъ организаціонной коммиссіи былъ объемистый и полновѣсный томъ in-quarto въ 38-мъ печатныхъ листовъ *програмы* (Programme), заключающей въ себѣ 21 докладъ, въ составленіи которыхъ принимало участіе столько же лицъ [1]); потому что хотя четыре доклада подписаны каждый двумя подписями, за то подъ четырьмя также докладами подписано одно и то же имя—директора центральнаго статистическаго комитета. Болѣе половины тома заняты приложеніями и поясненіями къ докладамъ, или замѣчаніями, доставленными отъ русскихъ и иностранныхъ членовъ конгресса. Въ числѣ этихъ работъ есть не мало весьма капитальныхъ и замѣчательныхъ, и мы будемъ еще имѣть случай подробнѣе указать на нихъ при обзорѣ работъ самого конгресса.

Печатаніе програмы окончилось лишь передъ открытіемъ конгресса, а потому большинство членовъ конгресса могли ознакомиться съ нею лишь во время самой сессіи.

Приглашеніе иностранныхъ правительствъ прислать своихъ представителей на конгрессъ было встрѣчено самымъ радушнымъ образомъ въ 25-ти странахъ, которыя прислали 44 оффиціальныхъ делегата. Сверхъ того 78 частныхъ лицъ, ученыхъ или интересующихся успѣхами статистики, отозвались на именныя приглашенія организаціонной коммиссіи или заявили сами о желаніи своемъ принять участіе въ конгрессѣ, такъ что общее число иностранныхъ членовъ, пріѣхавшихъ въ С.-Петербургъ простиралось до 123. Изъ всѣхъ предшествующихъ конгрессовъ, одинъ берлинскій собралъ нѣсколько большее число ино-

[1]) Гг. Андреевъ, Бекъ, Бушенъ, Вешняковъ, Вреденъ, Звѣринскій, Іосса, Кулюмзинъ, Майковъ, Майръ, Макшеевъ, кн. Мещерскій, Пеликанъ, Поггенполь, Раевскій, Семеновъ, Таганцевъ, Тернеръ, Утинъ, Шперкъ и Янсонъ.

странцевъ, именно: 127. Но безъ сомнѣнія такому приливу иностранцев на петербургскій конгрессъ не мало содѣйствовали доставленіе им дарового проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ отъ самой границы д Петербурга, облегченіе, обѣщанное торжественно еще на гагском конгрессѣ отъ имени Главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ однимъ изъ неоффиціальныхъ представителей Россіи. Затѣмъ иностран цевъ ожидали въ Петербургѣ новыя удобства. Городское управленіе желая выразить свое сочувствіе иностраннымъ членамъ конгресса, пред ложило имъ свое гостепріимство и предоставило въ ихъ распоряжені готовыя помѣщенія въ пяти лучшихъ гостинницахъ, по сосѣдству с мѣстомъ засѣданій конгресса. Сверхъ того въ распоряженіе иностран ныхъ членовъ конгресса отдано было извѣстное число экипажей.

По государствамъ иностранные члены распредѣлились слѣдующим образомъ:

	Обще число членовъ.	Оффиціальныхъ представителей.	Представителей университетов и частн. общ.
Австрія	15	2	2
Бельгія	6	2	—
Бразилія	1	1	—
Великобританія	17	3	—
Венгрія	7	2	—
Германская Имперія	1	1	—
Баварія	1	1	—
Виртембергъ	1	—	—
Гамбургъ	3	1	—
Пруссія	9	1	—
Саксонія	3	3	—
Тюрингенскія государства	2	—	—
Греція	1	1	—
Данія	1	1	—
Египетъ	2	2	—
Испанія	3	1	—
Италія	10	3	1
Нидерланды	4	2	—
Норвегія	1	1	—
Португалія	1	1	—
Румынія	3	2	—
Сербія	1	1	—
Соединенные Штаты	10	3	1
Франція	5	5	—
Швейцарія	3	3	—
Швеція	3	1	—
Японія	9	—	—
Всего	123	44 [1])	4

[1]) Д-ръ Энгель, оффиціальный делегатъ Пруссіи, былъ также представителем Дессау и Коста-Рики.

Число русскихъ членовъ, приглашенныхъ и записавшихся на конрессъ, простиралось до 520, но изъ нихъ болѣе половины или отсутгвовали изъ Петербурга въ это время, или не принимали участія въ онгрессѣ.

Торжественному открытію конгресса предшествовало съ 7-го по 10-е згуста, по примѣру нѣкоторыхъ прежнихъ конгрессовъ, совѣщаніе редставителей оффиціальной статистики и почетнѣйшихъ дѣятелей онгресса, или какъ принято называть эти совѣщанія со времени гагкой сессіи — avant-congrès. Совѣщанія оффиціальныхъ статистиковъ родолжались и во время самаго конгресса, и по окончаніи главныхъ аботъ его, до оффиціальнаго закрытія конгресса. Предметами этихъ овѣщаній были главнымъ образомъ: вопросы объ организаціи конгресса а будущее время и о способахъ исполненія предпринятаго конгресомъ международнаго статистическаго изданія. Къ результатамъ этихъ овѣщаній мы возвратимся по обозрѣнію трудовъ конгресса съ его тдѣленіями.

Торжественное открытіе конгресса послѣдовало 10-го августа, въ залѣ ворянскаго собранія. Засѣданіе открыто было въ четверть 12-го часа ривѣтственною рѣчью, на французскомъ языкѣ, которую прочелъ почетый предсѣдатель конгресса, великій князь Константинъ Николаевичъ. Такъ какъ эта рѣчь очерчиваетъ задачу и значеніе статистики, акъ соціальной науки и важность успѣховъ ея для Россіи, и можетъ лужить выраженіемъ того взгляда, который русское правительство мѣетъ на эту отрасль государственныхъ знаній, то мы приводимъ ее дѣсь вполнѣ, безъ всякихъ сокращеній.

„Наше время было свидѣтелемъ возникновенія многихъ наукъ. Различные элементы общаго знанія, путемъ преемственности научнаго труда, подъ вліяніемъ оживляющаго духа анализа и приложенія научныхъ методовъ, группируются около нѣсколькихъ центровъ, образуя отдѣльныя научныя отрасли съ болѣе или менѣе точно опредѣленными границами.

„Къ этимъ еще юнымъ по возрасту наукамъ и принадлежитъ статистика.

„Изученіе человѣка въ его общественно-государственной жизни стало центромъ, къ которому примкнули различныя отрасли изслѣдованій изъ сферы общественной и государственной. Благодаря послѣдовательному расширенію этой сферы, благодаря положительному методу, прилагаемому къ изученію соціальныхъ фактовъ, благодаря, наконецъ, генію, обширнымъ знаніямъ и неутомимымъ трудамъ знаменитаго ученаго, котораго мы имѣемъ честь видѣть сегодня въ средѣ нашей и имя котораго каждый изъ васъ теперь уже вѣроятно произнесъ, статистика заняла свое мѣсто между науками. Труды многихъ изъ васъ, мм. гг., обезпечили ей самое широкое развитіе и доставили ей право гражданства между самостоятельными группами человѣческаго знанія. Правда, еще не оконченъ споръ о предѣлахъ этой науки, составляющіе ее элементы, тѣсно связанные съ другими отраслями знанія, по необхо-

димости находятся въ соприкосновеніи съ элементами другихъ наукъ; правда, что существуетъ множество опредѣленій статистики; правда, наконецъ, что существуетъ даже мнѣніе, что статистика не наука, а искусство, даже не болѣе, какъ особый методъ изслѣдованія.

„Не стану, мм. гг., обсуждать предъ вами эти различныя мнѣнія и предлагать вамъ свое мнѣніе въ смыслѣ рѣшенія, но позволю себѣ призвать вниманіе ваше на факты, не подлежащіе никакому спору. Наблюденія, относящіяся до состоянія и движенія народонаселенія, законовъ рожденій, смертности и средней жизни, разсматриваемыя со стороны вліянія, оказываемаго на нихъ различными условіями общественно-государственной жизни, приливъ и отливъ экономическаго благосостоянія, подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ условій, изученіе различныхъ явленій изъ нравственнаго міра въ средѣ человѣческаго общества—всѣ эти и многіе другіе вопросы не должны ли составлять сферы спеціальнаго изслѣдованія, совершенно независимой отъ области физіолога, экономиста, психолога и историка?

„Если статистика не привела еще до сихъ поръ къ открытію какого-нибудь великаго мірового закона, какъ астрономія или физика, то нельзя ставить ей этого въ упрекъ—многія науки находятся въ тѣхъ же условіяхъ. Ея изслѣдованія еще слишкомъ новы, средства, которыми она располагаетъ, еще далеки отъ желательной степени совершенства, наконецъ самое поле ея изслѣдованій слишкомъ еще ограниченно, распространяясь лишь на незначительную часть обитаемаго міра. Быть можетъ, въ будущемъ статистика распространитъ свои изслѣдованія на новыя явленія общественно-государственной жизни, оставшіяся до сихъ поръ внѣ научнаго анализа; быть можетъ—и едва ли позволительно въ томъ сомнѣваться—статистика оживится съ приливомъ новыхъ фактовъ и съ приложеніемъ новыхъ законовъ, заимствованныхъ изъ другихъ областей знанія, и, благодаря этому приливу, преобразуется въ науку, которой границы и важность нынѣ невозможно предвидѣть; но это рѣшитъ будущее, въ своемъ же настоящемъ статистика имѣетъ предъ собою еще обширную почву для воздѣлыванія.

„Но, признавая за статистикой значеніе науки, призванной установить законы соціальной физики, невозможно, однакожъ, отрицать, что самое слово „статистика“ заключаетъ въ себѣ понятіе объ извѣстной отрасли административной техники: отсюда—смѣшеніе понятій о статистикѣ какъ о наукѣ и искусствѣ. Техника, т.-е. систематическая группировка собранныхъ статистикою данныхъ, имѣетъ громадную важность, и отъ способа, по какому производится эта операція, зависятъ бо́льшею частью и результаты, которыхъ достигаетъ наука. Чѣмъ совершеннѣе способы и операціи, которыми пользуется статистика—записи постоянныя и періодическія и т. п.—тѣмъ вѣрнѣе и прочнѣе прогрессивный ходъ науки. Что же касается до значенія статистики, какъ метода, нужно сдѣлать одно замѣчаніе: наиболѣе свойственный статистикѣ методъ изслѣдованія—т.-е. исчисленіе, математическіе выводы—съ успѣхомъ прилагается и въ другихъ наукахъ; но не слѣдуетъ заключать отсюда, чтобы изучаемыя тѣми науками явленія могли относиться къ области статистики, равно какъ нельзя не признать самостоятельности статистической науки.

„Но называется ли статистика наукою, искусствомъ или методомъ—неоспоримо, что она существуетъ для блага человѣчества. Какая ея

цѣль? Къ чему стремятся усилія посвящающихъ ей свои труды? Къ изслѣдованію подъ вліяніемъ какихъ законовъ и учрежденій, при какихъ физическихъ и экономическихъ условіяхъ благосостояніе человѣческое совершеннѣе и къ раскрытію источника зла, задерживающаго прогрессъ человѣчества. Наставленіе, обращенное къ человѣку учителемъ древности: „познай самого себя", можетъ относиться и ко всему обществу. Но такъ какъ человѣкъ можетъ достигнуть своего полнаго развитія только въ организованномъ обществѣ, то статистика является неизбѣжною помощницею всякаго органа общественно-государственной жизни. Слова эти, мм. гг., исходятъ не изъ теоретическаго убѣжденія, а изъ личнаго опыта, пріобрѣтеннаго мною въ качествѣ предсѣдателя государственнаго совѣта. Какъ морякъ, я позволю себѣ здѣсь одно сравненіе, именно: я сравниваю статистику съ маяками. Какимъ образомъ могъ бы кормчій избѣжать мелей, подводныхъ камней, крушенія, если бы не эти спасительные огни, бросающіе съ берега свой предохранительный свѣтъ? Правда, что долгое время эти научные маяки тускло свѣтили человѣчеству. Однакожъ, здѣсь, какъ и вездѣ, нельзя не замѣтить нѣкотораго прогресса. Въ настоящее время всѣ правительства признали значеніе статистики и не отступаютъ уже предъ улучшеніемъ статистическихъ учрежденій или предъ расширеніемъ области изслѣдованій этой науки. Учрежденіе конгресса обратило на эту науку особенное вниманіе правительствъ. Стремясь къ плодотворной цѣли объединенія статистическихъ изслѣдованій и уже достигнувъ его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, труды конгресса всегда вызывали развитіе статистическихъ операцій и изслѣдованій въ тѣхъ странахъ, которыя имѣли честь принимать у себя конгрессъ. Русское правительство внимательно слѣдило за трудами конгресса, въ особенности съ третьей вѣнской сессіи его, и съ живымъ удовольствіемъ приняло рѣшеніе гаагской сессіи устроить слѣдующій съѣздъ въ Петербургѣ. Русское правительство, считая для себя честью принимать столько славныхъ представителей научной и практической статистики отъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ міра, видитъ въ настоящемъ собраніи залогъ будущаго прогресса статистической науки въ нашей странѣ. Живой обмѣнъ идей и наблюденій, пріобрѣтенныхъ опытомъ, связи, которыя не замедлятъ соединить иностранныя статистическія учрежденія съ русскими, нравственная обязанность привести въ исполненіе постановленія конгресса—все это послужитъ дѣлу статистики и будетъ способствовать развитію ея въ странѣ.

„Позвольте мнѣ, мм. гг., выразить мысль, что успѣхъ статистики въ Россіи послужитъ къ успѣху и статистической науки вообще. Географическое положеніе Россіи, обширное пространство ея территоріи въ двухъ частяхъ свѣта, цифра ея народонаселенія, придаютъ статистическимъ изслѣдованіямъ въ нашей странѣ глубокій интересъ.

„Условія общественно-государственной жизни въ Россіи, при сравненіи ихъ съ такими же условіями въ другихъ европейскихъ государствахъ, во многомъ различны: эти различія зависятъ отчасти отъ географическихъ условій Россіи, отчасти отъ меньшей продолжительности ея политической жизни, отчасти, наконецъ, отъ особенностей національнаго характера.

„Съ одной стороны, ни въ какомъ другомъ европейскомъ государствѣ изслѣдуемыя статистикою явленія не представляются менѣе

сложными, чѣмъ въ Россіи. Обширная часть имперіи населена однимъ и тѣмъ же племенемъ, исповѣдующимъ одну религію; цѣлыя территоріи почти не имѣютъ городовъ и заняты однимъ сельскимъ населеніемъ; области одной и той же промышленности распространяются на нѣсколько десятковъ градусовъ широты и долготы. Однѣ и тѣ же бытовыя особенности встрѣчаются на обширныхъ пространствахъ, отъ лѣсовъ сѣвера до степей юга. Очевидно, что статистическія данныя, полученныя при подобныхъ условіяхъ и на такомъ обширномъ пространствѣ, легче поддаются анализу, и что становится притомъ нетруднымъ открыть постоянныя и перемѣнныя причины, обусловливающія изслѣдуемые факты. Съ другой стороны, явленія общественной и частной жизни въ Россіи не лишены и разнообразія, иногда даже и весьма значительнаго. Заключая въ своихъ предѣлахъ всѣ климаты и всѣ почвы, равнины и горы, степи и лѣса, множество различныхъ племенъ различной вѣры, отличающихся между собою степенью умственнаго и нравственнаго развитія, Россія представляетъ поле изслѣдованій, полное интереса какъ для статистика-демографа, такъ и для статистика-экономиста. Первый найдетъ глубокій интересъ въ изученія вліянія, оказываемаго физическими условіями расъ на законы движенія и возрастаніе народонаселенія, въ изученіи вліянія, оказываемаго различными степенями умственнаго развитія на проявленіе природы человѣка. Не меньшій интересъ представитъ статистику-экономисту какъ разнообразіе отношеній народонаселенія къ пространству, проявляющееся въ различіи плотности населенія, равной въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи той, какая замѣчается въ центральныхъ частяхъ Европы, а въ другихъ спускающаяся до крайняго minimum'а, такъ и разнообразные виды человѣческой дѣятельности,—отъ скотоводства юго-восточныхъ кочевниковъ, птицеловства и звѣроловства обитателей крайняго сѣвера до самаго высокаго проявленія умственной и технической дѣятельности.

„Правильность, систематическій порядокъ и однообразіе статистическихъ наблюденій, собранныхъ на обширномъ пространствѣ Россіи и надъ 80-милліоннымъ народонаселеніемъ, доставятъ наукѣ драгоцѣнные матеріалы и послужатъ къ расширенію статистическихъ выводовъ, а равно и къ выясненію многихъ спорныхъ вопросовъ.

„Съ этими мыслями и въ твердомъ убѣжденіи, что ваши труды послужатъ на пользу науки и моего отечества, привѣтствую васъ отъ имени моего Августѣйшаго брата и объявляю сессію конгресса открытою".

За рѣчью почетнаго предсѣдателя послѣдовало окончательное образованіе бюро конгресса. По предложенію г. Фарра, согласному съ обычаями конгресса, временное бюро его, составленное изъ предсѣдателей и вице-предсѣдателей организаціонной коммиссіи, опредѣлено обратить въ постоянное и окончательное бюро; но затѣмъ, по предложенію г. Семенова, собраніе рѣшило призвать въ бюро, въ качествѣ почетныхъ вице-предсѣдателей, оффиціальныхъ представителей 24-хъ странъ: гг. Кетле—отъ Бельгіи, Фарра—отъ Великобританіи, Энгеля—отъ Пруссіи, Мейцена—отъ Германіи, Фиккера—отъ Австріи, Левассера—отъ Франціи, Берга—отъ Швеціи, Корренти—отъ Италіи, Макса Вирта—отъ Швейцаріи, Баумгауера и Виссеринга—отъ Голландіи, Кіерра—отъ Норвегіи, Келети—

отъ Венгріи, Юнга—отъ Соединенныхъ Штатовъ, Шарлинга—отъ Даніи, Майера—отъ Баваріи, Паскуаля де-Виллемара—отъ Испаніи, виконта де-Фиганьера—отъ Португаліи, де-Форнгагена—отъ Бразиліи, Манзоласи—отъ Греціи, Лаговари—отъ Румыніи, Якшича—отъ Сербіи, де-Реплп—отъ Египта, Феремана—отъ Гамбурга и Фаулля—отъ Мекленбургъ-Шверина.

Секретарями собранія кромѣ русскихъ: гг. Вильсона, Майкова, Раевскаго и Бока, сохранившихъ это званіе, признаны изъ иностранныхъ членовъ конгресса: гг. д-ръ Майеръ (Баварія), Бодіо (Италія), Ворисъ (Франція), Эрбенъ (изъ Праги), Гаммикъ (Англія), Пенкавитцъ (Румынія) и графъ Пусловскій.

По окончательномъ образованіи бюро конгресса, представители Англіи, Франціи и Пруссіи каждый на своемъ языкѣ выразили чувства признательности собранію и выраженіе удовольствія, что конгрессъ собрался въ Петербургѣ, что̀ свидѣтельствуетъ о постоянномъ расширеніи статистикою ея предѣловъ, и наконецъ надежду на плодотворные результаты этого конгресса не только для Россіи, но и для другихъ странъ, приславшихъ своихъ представителей. Затѣмъ гг. Семеновъ, Кетле, Корренти, Фиккеръ, Баумгауеръ, Бушенъ, Фарръ и Левассеръ напомнили собранію о потеряхъ, которыя понесла статистика со времени послѣдней сессіи, въ лицѣ Маэстри, Тройницкаго, Шпрингера, Фридриха Штейна, Валентина Стрефлера, Судемана, Шницлера, Чарльза Беббеджа и Жюля Дюваля; къ этимъ именамъ мы присоединимъ еще и тѣ, которыя были названы въ предпослѣднемъ общемъ собраніи 17-го августа, а именно: Швигамме, Моро де-Жоннеса, Амброзоли и Фибана.

Сверхъ того собраніе по предложенію гг. Баумгауера и Фарра почтило дружными рукоплесканіями воспоминаніе объ отсутствующемъ, маститомъ представителѣ датской статистики г. Давидѣ.

Изъ залы Дворянскаго Собранія члены конгресса перешли въ зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ въ верхнемъ этажѣ устроены были помѣщенія для засѣданія отдѣленій. Три обширныя залы были предназначены исключительно для этихъ засѣданій, сверхъ того была устроена читальная комната, снабженная газетами на всѣхъ языкахъ, одна комната была отведена для помѣщенія секретаріата конгресса и наконецъ въ одной комнатѣ были выставлены изданія, привезенныя представителями разныхъ странъ въ даръ конгрессу, а также и изданія русскаго статистическаго комитета и другихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій въ Россіи. Подобныя выставки на всѣхъ конгрессахъ занимали весьма важное мѣсто и давали возможность наглядно ознакомиться съ тѣмъ богатствомъ матеріаловъ, которое оффиціальная ста-

тистика, или—какъ г. Энгель ввелъ еще съ берлинскаго конгресса въ обычай выражаться, *производители* статистическихъ цифръ доставляютъ ихъ *потребителямъ*, т.-е. образованной публикѣ, ими интересующейся и въ особенности ученымъ, занимающимся изслѣдованіемъ разныхъ соціальныхъ вопросовъ при пособіи этихъ цифръ, какъ симптомовъ состоянія общества въ ту или другую минуту.

Не имѣя возможности останавливаться даже на самыхъ интересныхъ иностранныхъ изданіяхъ, принесенныхъ въ даръ конгрессу, мы отмѣтимъ здѣсь, что подобныя приношенія сдѣланы почти всѣми странами, имѣвшими своихъ представителей на конгрессѣ и затѣмъ укажемъ на изданія, приготовленныя къ нынѣшней сессіи и ей представленныя здѣшнимъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Они состоятъ изъ шести выпусковъ: 1-й, вышедшій еще весною, посвященъ пространству и населенію Россіи; 2-й заключаетъ матеріалы для статистики рѣчного судоходства въ европейской Россіи, составляющіе подготовку къ работѣ, выпавшей на долю Россіи по этому именно вопросу въ международномъ статистическомъ изданіи, предпринятомъ на основаніи рѣшенія, состоявшагося въ Гагѣ; 3-й представляетъ въ высшей степени интересный сводъ матеріаловъ для изученія кустарной промышленности и ручного труда въ Россіи, собранныхъ статистическими комитетами по 17-ти губерніямъ и обработанныхъ редакторомъ центральнаго комитета Майковымъ, преимущественно въ виду особаго отдѣла, бывшаго на московской политехнической выставкѣ; 4-й заключаетъ свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ Россіи и о русскомъ торговомъ флотѣ съ 1865-го по 1869-й г.; 5-й—статистику почтъ, телеграфовъ, ярмарокъ и пожаровъ въ Россіи, и 6-й содержитъ матеріалы для статистики заводско-фабричной промышленности въ европейской Россіи, за 1868-й г., обработанные г. Бокомъ. Сверхъ того комитетъ издалъ карту важнѣйшихъ отраслей производительности европейской Россіи, которая по отчетливости исполненія своего обратила вниманіе иностранцевъ и въ особенности докладчика по географическому методу г. Левассера.

10-го числа отдѣленія собрались только для выбора предсѣдателя, вице-предсѣдателей и секретарей, самыя же работы начались лишь на слѣдующій день и продолжались всего три или четыре дня, 11-го, 12-го, 14-го и отчасти 16-го августа, въ такомъ притомъ порядкѣ, что 1-е, 4-е и 5-е отдѣленія засѣдали по утрамъ съ 10-ти до 1 часу, а 2-е и 3-е съ 2-хъ до 5-ти пополудни. Этимъ распредѣленіемъ, въ которомъ г. Фарръ видѣлъ нѣкоторое улучшеніе (improvement) въ сравненіи съ прежними конгрессами, была достигнута возможность для разныхъ членовъ, и въ особенности для оффиціальныхъ представителей, посѣщать по крайней мѣрѣ два отдѣленія, не теряя нити засѣданій въ обоихъ, что было особенно важно при однородности пред-

метовъ нѣкоторыхъ отдѣленій и при необходимости соглашенія между ихъ работами. Но нельзя не сознаться, что трехдневный срокъ, назначенный для работъ въ отдѣленіяхъ, былъ слишкомъ коротокъ, и самое ограниченіе времени занятій утренними или послѣполуденными часами еще болѣе сокращало и этотъ короткій срокъ. Если всѣ отдѣленія успѣли въ нынѣшнюю сессію исчерпать свою програму, то это единственно потому, что многіе вопросы для большаго успѣха были выдѣлены въ спеціальныя подъ-коммиссіи, которыя работали независимо отъ отдѣленій и представляли имъ лишь результаты своихъ трудовъ.

Общее число лицъ, приписавшихся къ отдѣленіямъ, простиралось до 325 человѣкъ, въ томъ числѣ 202 русскихъ и 123 иностранцевъ; но такъ какъ нѣкоторые приписывались къ двумъ и даже болѣе отдѣленіямъ, то составъ каждаго отдѣленія представлялся въ слѣдующемъ видѣ:

	Число лицъ принадлежащихъ къ бюро.		Число русскихъ членовъ.	Число иностранн. членовъ.	Всего.
	русск.	иностр.			
Въ 1-мъ отдѣленіи	4	7	97	41	149
„ 2-мъ „	5	5	36	23	69
„ 3-мъ „	8	7	49	29	93
„ 4-мъ „	7	10	54	22	93
„ 5-мъ „	1	6	30	22	59
Итого	25	35	266	137	463

Такимъ образомъ, число русскихъ членовъ конгресса, принявшихъ участіе въ его работахъ, составляло 62%, а иностранныхъ—38%.

Переходя къ обозрѣнію самыхъ работъ конгресса по отдѣленіямъ, мы изложимъ ихъ въ связи съ трудами прежнихъ сессій и съ предварительными работами организаціонной коммиссіи, а также и въ связи съ рѣшеніями общаго собранія по каждому вопросу.

Первое отдѣленіе, имѣя во главѣ своей почетнымъ президентомъ г. Кетле, дѣйствительнымъ—г. Семенова, вице-президентами—иностранцевъ гг. Фиккера, Берга, Кіерра и Боденгеймера, изъ русскихъ — г. Форша, и секретарями изъ иностранцевъ А. Фиккера, Г. Фиккера, Принциллъди, Самуила Броуна, Кастильони, а изъ русскихъ г. Майкова, Струве и графа Пусловскаго, сосредоточилось главнымъ образомъ на вопросѣ о переписяхъ, выдѣливъ изъ остальныхъ частей своей программы номенклатуру занятій (profession) въ 3-е отдѣленіе, вопросы о графическомъ и географическомъ методахъ статистики въ особую коммиссію, подъ предсѣдательствомъ гг. Фиккера и Форша, и

вопросы по регистраціи данныхъ, относительно физическаго развитія человѣка и вопросы по санитарной статистикѣ, а именно о холерѣ и сифилисѣ, въ другую коммисію подъ предсѣдательствомъ академика Миддендорфа.

Вопросъ о переписяхъ населенія обращалъ на себя постоянное вниманіе конгресса почти во всѣхъ его сессіяхъ и былъ, можно сказать, главнымъ центромъ, около котораго вращались занятія конгресса. Основанія для этой важнѣйшей статистической операціи были начертаны въ брюссельскую сессію 1853-го года, затѣмъ онѣ были подвергнуты пересмотру въ парижскую сессію 1855-го и въ лондонскую 1860-го г., и наконецъ пополнены новыми рѣшеніями берлинской и флорентинской сессіи 1863-го и 1867-го годовъ. Рѣшеніями своими конгрессъ имѣлъ положительное вліяніе на внесеніе въ народныя переписи вмѣсто прежняго чисто административнаго и фискальнаго характера, строгихъ требованій науки, и почти во всѣхъ странахъ Европы послѣднія переписи по способу ихъ организаціи и исполненія удовлетворяютъ уже въ значительной мѣрѣ требованіямъ конгресса и обнаруживаютъ замѣтное улучшеніе. Даже въ Россіи, несмотря на громадность ея территоріи и разбросанность населенія, представлявшія повидимому неодолимое препятствіе для однодневныхъ переписей населенія, съ соблюденіемъ важнѣйшихъ требованій конгресса, подобныя переписи были произведены въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, во многихъ городахъ и даже въ цѣлыхъ губерніяхъ, и въ недальнемъ будущемъ предполагается распространить подобныя переписи на всю имперію. Но долголѣтній и разносторонній опытъ производства переписей въ разныхъ странахъ, съ строгимъ по возможности соблюденіемъ требованій науки, доставилъ множество полезныхъ указаній, на основаніи которыхъ остается еще выяснить нѣкоторые вопросы, оставшіеся, если и не совершенно темными, то неопредѣленными, устранить то, что оказывается безполезнымъ, дополнить требованіями вѣка и успѣховъ науки, въ особенности же методологіи статистики, сдѣлать нѣкоторыя опредѣленія болѣе точными и строго отдѣлить то, что необходимо для международной статистики отъ того, что можетъ быть представлено частной статистикѣ каждой страны. Съ этою цѣлью организаціонною коммиссіею нынѣшняго конгресса представленъ былъ особый докладъ, составленный г. Семеновымъ, который обнималъ вопросъ о перемѣнахъ населенія съ пяти точекъ зрѣнія: 1) со стороны распространенія переписей на наличное и приписное населеніе; 2) со стороны времени и продолжительности производства переписей; 3) со стороны квартирныхъ листковъ, какъ основанія переписи и 4) со стороны способовъ производства и контроля переписей, и 5) со стороны свѣдѣній, подлежащихъ собиранію о каждомъ лицѣ.

Принципъ переписей именныхъ, провозглашенный брюссельскимъ

конгрессомъ и подтвержденный лондонскимъ, въ настоящее время господствуетъ во всей Европѣ главнымъ образомъ и принципъ, по которому переписи подвергается одно только наличное населеніе (population de fait), на основаніи рѣшеній брюссельскаго, лондонскаго и флорентинскаго конгрессовъ былъ примѣнимъ также во всѣхъ послѣднихъ переписяхъ; но уже во времена брюссельской сессіи конгрессъ признавалъ желательнымъ распространеніе исчисленій и на приписное населеніе (population de droit), не предписывая его, однако, безусловно; флорентинскій конгрессъ пошелъ еще дальше, требуя кромѣ исчисленія наличнаго и приписного населенія, еще исчисленія того, что нѣмцы называютъ Wohnbevölkerung, т.-е. лицъ, случайно находящихся въ отсутствіи изъ мѣста, гдѣ производится перепись, хотя оно и принадлежитъ неразрывно къ семействамъ, подвергнутымъ переписи. Сюда особенно относятся лица, временно отсутствующія, и въ минуту переписи находящіяся внѣ всякаго жилища, напр. въ дорогѣ, на охотѣ, на промыслахъ и т. п. Такія лица ускользаютъ нынѣ совершенно отъ переписи, несмотря на всѣ принимаемыя мѣры.

Изложивъ способы, употребляемые въ разныхъ странахъ при производствѣ переписей, для опредѣленія пребываетъ ли лицо въ данной мѣстности постоянно, или временно, и на какомъ основаніи, докладчикъ приходилъ къ убѣжденію въ пользѣ констатированія для каждой мѣстности, кромѣ наличнаго населенія, еще населенія дѣйствительнаго (population effective или Wohnbevölkerung) и приписного, и предлагалъ рядъ мѣръ для осуществленія этого. Опредѣленіе дѣйствительнаго населенія казалось ему необходимымъ для знанія состава семействъ и для записи лицъ, которыхъ перепись застаетъ отсутствующими; приведеніе въ извѣстность населенія приписного казалось ему полезнымъ не только какъ средство для повѣрки постоянныхъ списковъ населенія, но и потому еще, что періодическое сравненіе дѣйствительнаго населенія съ приписнымъ одно даетъ возможность опредѣленія для каждой мѣстности числа жителей, которые несмотря на свое отсутствіе сохраняютъ съ нею свои связи, а также возможность оцѣнки вліянія, нерѣдко весьма значительнаго, оказываемаго лицами этой категоріи на производительность страны, и вообще на экономическія отношенія различныхъ мѣстностей между собою.

Вопросъ этотъ возбудилъ самыя оживленныя пренія въ 1-мъ отдѣленіи конгресса, въ которыхъ главное участіе приняли гг. Бергъ, Боденгеймеръ, Фарръ, Энгель, Фиккеръ, Левассеръ, Виртъ, Совѣръ, Керези и Кастильони. Изъ этихъ преній выяснилось, что прежде всего необходимо знать точно наличное населеніе, т.-е. населеніе, находящееся въ день переписи. Это единственный способъ узнать сумму населенія, избѣгнуть двойныхъ показаній и пропусковъ. Если въ день, назначенный для переписи будутъ записаны всѣ лица, находившіяся

въ каждой мѣстности той страны, то получится цифра наиболѣе близкая къ истинной цифрѣ цѣлаго населенія. Нѣкоторыя страны, какъ, напр., Англія могутъ удовольствоваться этою цифрою; другія, напротивъ, имѣютъ надобность по разнымъ случаямъ отдѣлять въ своихъ статистикахъ постоянную часть населенія отъ подвижной и желаютъ знать населеніе въ обычномъ его мѣстопребываніи. Въ прежнихъ трудахъ конгресса это населеніе по мѣсту его жительства (population à demeure, Wohnbevölkerung) называлось дѣйствительнымъ; но такъ какъ этотъ терминъ былъ только повтореніемъ, въ формѣ прилагательнаго, термина, употребляемаго для цѣлаго населенія, признано было необходимымъ избрать другое выраженіе. Думали одно время взять слово *мѣстопребываніе* (domicile), но должны были также отказаться отъ него, потому что это слово на юридическомъ языкѣ имѣетъ особенное значеніе, непримѣнимое здѣсь, потому что имъ хотѣли означить не то населеніе, которое имѣетъ право пребывать въ мѣстностяхъ, гдѣ производится перепись, а то, которое имѣетъ тамъ свое жилище и дѣйствительное мѣстопребываніе. Поэтому отдѣленіе остановилось на выраженіи *обычное* жительство (séjour habituel) или *обычное пребываніе* (résidence habituelle). Г. Боденгеймеръ предлагалъ еще выраженіе *настоящее населеніе* (population présente) для означенія населенія, подвергаемаго переписи, и населеніе дѣйствительное (population effective) для означенія того населенія, которое имѣетъ обычное пребываніе въ мѣстности, подвергнутой переписи.

Есть еще третій родъ населенія, который нѣкоторыя страны желаютъ знать, именно приписное. Французы, бельгійцы, подданные германской имперіи или всякой другой страны, признающей національный индигенатъ, безъ всякаго ограниченія, и допускающей наиболѣе возможную свободу въ дѣлѣ водворенія и мѣстопребыванія, не дѣлаютъ различія между населеніемъ имѣющимъ обычное пребываніе и населеніемъ приписнымъ; но не то бываетъ вездѣ, и въ нѣкоторыхъ странахъ совершенно необходимо констатировать населеніе, имѣющее право пребывать въ различныхъ мѣстностяхъ. Поэтому отдѣленіе опредѣлило, что для избѣжанія недоразумѣній и предупрежденія двойныхъ записей надо различать: а) наличное или настоящее населеніе; б) населеніе по мѣсту его жительства, въ обыкновенномъ смыслѣ слова мѣстожительства (domicile), и в) населеніе приписное или законное.

Подъ наличнымъ или настоящимъ населеніемъ (population de fait ou présente, ortsanwesende Bevölkerung) разумѣется общее число лицъ присутствующихъ въ мѣстѣ производства переписи, во время самой переписи.

Подъ населеніемъ имѣющимъ обыкновенно мѣстопребываніе (population de séjour habituel, domiciliée, въ обыкновенномъ значеніи слова

domicile, effective, de résidence habituelle, Wohnbevölkerung) разумѣются, независимо отъ ихъ присутствія или отсутствія, всѣ лица, обыкновенно живущія въ мѣстѣ производства переписи, т.-е. наличное населеніе, съ присоединеніемъ къ нему лицъ временно отсутствующихъ, но за исключеніемъ лицъ находившихся въ той мѣстности только временно при переписи.

Подъ населеніемъ приписнымъ или законнымъ (Wohnsitz-, oder Heimathberechtigte Bevölkerung) разумѣется населеніе, имѣющее свое законное мѣстопребываніе въ мѣстѣ переписи и имматрикулированное или приписанное, насколько законная приписка существуетъ. Отдѣленіе пришло къ заключенію, что общія переписи населенія должны быть именныя и распространяться только на наличное населеніе. Установленіе же однообразныхъ международныхъ правилъ для опредѣленія населенія, обыкновенно пребывающаго и населенія приписного, признано пока невозможнымъ, по разнообразію въ этомъ отношеніи законодательства въ разныхъ странахъ и въ разное время.

Въ отношеніи времени производства переписей конгрессы брюссельскій и лондонскій уже рѣшили, что онѣ должны возобновляться каждыя десять лѣтъ, а лондонскій при этомъ высказался и въ пользу сохраненія пятилѣтняго срока для тѣхъ странъ, гдѣ онъ уже существуетъ. Десятилѣтній срокъ переписей существуетъ нынѣ въ большей части государствъ Европы; въ Англіи, Бельгіи, Голландіи, Даніи, Норвегіи, Австро-Венгріи, Швейцаріи, Италіи, Испаніи и Португаліи; пятилѣтній срокъ, установленный во Франціи и въ Швеціи, совпадаетъ съ временемъ производствъ большей части 10-ти-лѣтнихъ переписей. Лишь въ одной Германіи съ 1834-го года принятъ трехлѣтній срокъ, но статистическая коммиссія депутатовъ таможеннаго союза уже высказалась въ февралѣ 1869-го г. въ пользу принятія и для Германіи пятилѣтнихъ сроковъ для народныхъ переписей.

Брюссельскій и лондонскій конгрессы указали на декабрь мѣсяцъ, какъ на время года, наиболѣе удобное для производства народныхъ переписей, потому что населеніе тогда наиболѣе находится въ движеніи. Въ настоящее время переписи производятся во всей Европѣ въ декабрѣ, исключая Англіи, гдѣ послѣдняя перепись 1871-го года была 2-го апрѣля 1871-го года и Даніи, гдѣ она была 1-го февраля 1871-го года.

Лондонскій конгрессъ въ особенности настаивалъ на необходимости, чтобы перепись была производима въ одинъ день, или по крайней мѣрѣ, если по какимъ-либо обстоятельствамъ это невозможно, чтобы былъ назначаемъ наикратчайшій срокъ, и чтобы исчисленіе всего населенія было относимо къ одному опредѣленному дню во всей странѣ. Требованіе это исполняется нынѣ во многихъ странахъ. Въ Бельгіи, во Франціи, въ Португаліи, Швейцаріи, Италіи, Австро-Вен

гріи, Швеціи и Норвегіи переписи если и не производятся въ одинъ день, то сводятся къ одному дню и даже къ одному и тому же — 31-му декабря; въ государствахъ таможеннаго союза и въ Голландіи — 1-го декабря, въ Испаніи — 25-го декабря.

Въ этомъ отношеніи нынѣшній конгрессъ ограничился лишь подтвержденіемъ рѣшеній прежнихъ конгрессовъ, выразивъ желаніе, чтобы при производствѣ одной переписи въ 10-ть лѣтъ, былъ избираемъ для этого годъ кончающійся нулемъ.

Въ отношеніи организаціи и контроля переписей конгрессъ также подтвердилъ лишь то, что уже было постановлено въ Брюсселѣ и въ Берлинѣ, т.-е. что это предоставляется усмотрѣнію правительства каждой страны, сообразно мѣстнымъ условіямъ, но что желательно назначеніе для этого особыхъ агентовъ, при участіи и содѣйствіи самого населенія.

Рѣшеніемъ брюссельскаго и лондонскаго конгрессовъ опредѣлено было собирать свѣдѣнія при переписяхъ посредствомъ отдѣльныхъ листковъ по-семейно или по-квартирно, и система эта, принятая во всѣхъ странахъ, дала наилучшіе результаты; но при разработкѣ этихъ семейныхъ листковъ оказалось, что они представляютъ нѣкоторыя неудобства при извлеченіи изъ нихъ данныхъ для общихъ таблицъ, особенно при сложныхъ комбинаціяхъ и разнообразной редакціи отвѣтовъ. Для устраненія этихъ неудобствъ, при переписи Берлина въ 1867-мъ г. и при послѣдней общей переписи въ Германіи въ 1871-мъ году и при переписи города Ревеля, семейные листки были замѣнены отдѣльными листками для каждаго лица, при чемъ въ двухъ послѣднихъ переписяхъ присоединялся еще общій семейный списокъ, для указанія состава семейства и отношенія лицъ къ нему принадлежащихъ. Облегчая значительно трудъ выборки и свода данныхъ, система личныхъ листковъ представляетъ то неудобство, что увеличиваетъ трудъ населенія и контролирующихъ агентовъ, вслѣдствіе многократнаго повторенія однихъ и тѣхъ же данныхъ (напр. о мѣстѣ жительства), и доступна лишь при извѣстной степени развитія населенія. Поэтому первое отдѣленіе конгресса полагало, что наличное населеніе можетъ быть подвергаемо переписи посредствомъ личныхъ (индивидуальныхъ) бюллетеней, когда степень образованія народа и особенныя условія страны это допускаютъ; въ противномъ случаѣ нужно употреблять систему семейныхъ листковъ. Когда перепись производится при помощи личныхъ листковъ, послѣдніе дополняются листами, которые, замѣняя семейные листки, указываютъ для каждаго лица степень его родства или отношеніе къ главѣ семейства или хозяину квартиры. Въ личныхъ листкахъ формѣ вопросовъ, обращенныхъ къ переписываемому лицу, должно быть отдано предпочтеніе предъ всякою другою.

Кругъ свѣдѣній требуемыхъ переписями о каждомъ лицѣ, былъ очерченъ весьма удачно брюссельскимъ конгрессомъ, но въ послѣдующихъ сессіяхъ онъ постоянно былъ то съуживаемъ, то расширяемъ, подъ вліяніемъ обычаевъ принятыхъ въ той странѣ, гдѣ конгрессъ происходилъ. Эта шаткость и неопредѣленность требованій отразилась и на самыхъ результатахъ переписей; ни своими программами, ни постановкой вопросовъ они не достигли единства, котораго конгрессъ добивается въ видахъ международной статистики. Первое отдѣленіе петербургскаго конгресса раздѣлило всѣ свѣдѣнія, которыя желательно получать при переписяхъ, на существенныя (essentiels) и условныя. Къ первымъ относятся слѣдующія свѣдѣнія, безъ которыхъ невозможна хорошая международная статистика: a) имя и фамилія; b) полъ; c) возрастъ; d) отношеніе къ главѣ семейства; e) семейное состояніе; f) занятіе; g) вѣроисповѣданіе; h) употребляемый языкъ; i) умѣнье читать и писать; j) происхожденіе, мѣсто рожденія и національность; k) обычное мѣсто жительства и характеръ пребыванія въ мѣстѣ производства переписи; l) слѣпота, глухонѣмота, идіотизмъ, кретинизмъ и умопомѣшательство.

Всѣ прочія свѣдѣнія, которыя могутъ имѣть интересъ для страны, въ которой перепись производится, признаны условными. Характеръ отвѣтовъ, требуемыхъ вышеуказанными 12-ю рубриками о каждомъ лицѣ, еще ближе опредѣлены въ докладѣ перваго отдѣленія. Вообще всѣ предложенія этого отдѣленія, по вопросу о переписяхъ, формулированныя г. Боденгеймеромъ и утвержденныя безъ всякихъ измѣненій общимъ собраніемъ конгресса, не измѣняя общей системы принятой прежними конгрессами, вносятъ въ нее лишь нѣкоторыя улучшенія и измѣненія.

Самый интересный вопросъ, подлежавшій разсмотрѣнію субъ-коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ академика Миддендорфа, касался регистраціи данныхъ относительно физическаго развитія человѣка; весьма интересный и обстоятельный докладъ по этому предмету былъ представленъ отъ организаціонной коммиссіи г. Вреденомъ.

„Явленія физической жизни человѣка имѣютъ,—какъ справедливо замѣчаетъ г. Вреденъ,—неоспоримое значеніе для нравственныхъ и политическихъ наукъ; болѣе или менѣе счастливое физическое развитіе человѣка является въ одно и то же время и признакомъ и послѣдствіемъ извѣстной степени культуры и цивилизаціи и самымъ дѣятельнымъ факторомъ улучшенія или ухудшенія этого положенія вещей. Статистика, дѣлая физическаго человѣка предметомъ своихъ изслѣдованій, разсматриваетъ съ несравненно болѣе широкой точки зрѣнія, нежели физіологія и медицина, и потому этой главѣ въ наукѣ слѣдуетъ присвоить названіе, которое обозначало бы всю совокупность разсматриваемыхъ вопросовъ: съ одной стороны разсмотрѣніе фактовъ,

означающихъ степень физическаго благосостоянія человѣка, съ другой назначеніе мѣръ, принимаемыхъ обществомъ для обезпеченія, поддержанія и увеличенія этого благосостоянія. Наименованіе *статистики біологической* лучше всего соотвѣтствуетъ этому предмету".

Біологическая статистика человѣка, при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи относящихся къ ней вопросовъ въ коммиссіи, подраздѣлена была: а) на статистику соматологическую, которая состоитъ въ собраніи данныхъ о физической силѣ и общемъ состояніи здоровья населенія; б) на статистику нозологическую, которая занимается изученіемъ вліянія, оказываемаго на населеніе какъ спорадическими, такъ и эпидемическими болѣзнями; в) на статистику гигіеническую, которая разсматриваетъ зависимость санитарнаго состоянія населенія отъ естественныхъ, экономическихъ и другихъ условій, среди которыхъ оно живетъ, съ цѣлію опредѣленія мѣръ, съ помощью которыхъ могутъ быть предупреждены гибельныя послѣдствія этихъ условій, и наконецъ г) на статистику медицинскую, которая имѣетъ цѣлью изученіе дѣйствій лицъ и учрежденій, которымъ ввѣрено поданіе медицинской помощи.

Изъ четырехъ отдѣловъ біологической статистики, послѣдніе три занимали уже до извѣстной степени вниманіе предшествующихъ конгрессовъ; такъ брюссельская сессія занималась физическимъ состояніемъ человѣка съ точки зрѣнія медицинской статистики и ограничилась составленіемъ однообразной номенклатуры причинъ смертности. Восточная война, совпавшая съ парижскою сессіею, и итальянская, происходившая въ промежутокъ между вѣнскою и лондонскою, обратили вниманіе этихъ сессій на военно-медицинскую статистику. Но уже въ Лондонѣ гг. Фарръ и Сутерландъ представили доклады по статистикѣ санитарной, причемъ г. Фарръ требовалъ, чтобы при изысканіяхъ санитарнаго состоянія населенія не ограничивались данными, собираемыми въ госпиталяхъ, но по возможности распространяли эти изысканія и на другіе классы населенія, въ особенности на членовъ всѣхъ обществъ взаимнаго вспоможенія (Friendly Societies). Г. Фарръ считалъ необходимымъ собирать между прочимъ данныя о ростѣ, вѣсѣ, силѣ, напряженіи труда и способностей народа, насколько возможно по группамъ и возрастамъ населенія; о причинахъ, имѣющихъ наибольшее вліяніе на народное здравіе, какъ-то о почвѣ и климатѣ, о воздухѣ, которымъ онъ дышитъ, о пищѣ и питьѣ, о напряженіи умственнаго и мускульнаго труда. „Занятія,—говорилъ г. Фарръ,—имѣютъ замѣтное вліяніе на народное здравіе, и извѣстно, что легкихъ измѣненій достаточно, чтобы сдѣлать самыя вредныя для здоровья занятія сравнительно безвредными". Г. Фарръ просилъ даже конгрессъ, чтобы онъ предложилъ произвести спеціальное изслѣдованіе во всѣхъ странахъ о вліяніи, производимомъ занятіями народа на его

здравіе, на основаніяхъ, принятыхъ въ Англіи при изслѣдованіи о трудѣ въ рудникахъ.

Программа г. Сутерланда была еще обширнѣе и подробнѣе; но конгрессъ не утвердилъ ни того, ни другого доклада и высказалъ нѣсколько желаній относительно санитарной статистики армій и относительно статистики жизни въ сухопутныхъ и морскихъ войскахъ.

Приготовительная коммиссія берлинской сессіи расширила слишкомъ военную точку зрѣнія предшествующихъ сессій въ обширной работѣ о сравнительной статистикѣ здравія и смертности гражданскаго и военнаго населенія. Флорентинскій конгрессъ также занимался исключительно вопросомъ о санитарномъ состояніи войска. Наука извлекла впрочемъ извѣстную долю пользы изъ этого слишкомъ исключительнаго направленія, которое приняли до сихъ поръ статистическія изслѣдованія о физическихъ свойствахъ человѣка. Отрицательный и косвенный методъ изслѣдованія человѣка заставилъ науку сосредоточиться преимущественно на статистикѣ смерти и болѣзней. Но статистика не можетъ остановиться на этомъ, она не можетъ ограничиваться собираніемъ только косвенныхъ свѣдѣній о жизненности, силѣ и физическихъ свойствахъ человѣка; свѣдѣнія эти должны быть изучаемы, какъ замѣтила приготовительная коммиссія берлинскаго конгресса, непосредственно. Патріархъ конгрессовъ и отецъ современной статистики, знаменитый Кетле, уже 40 лѣтъ тому назадъ настаивалъ въ своей Physique sociale на необходимости собиранія возможно большаго числа наблюденій надъ физическимъ развитіемъ человѣка; но въ послѣднемъ изданіи этого сочиненія онъ съ горестью засвидѣтельствовалъ о недостаточности собранныхъ наблюденій и отсутствіи въ нихъ единства, что дѣлаетъ невозможнымъ сравненіе ихъ между собою.

Петербургская сессія конгресса сознавая, что соматологическая статистика не достигла желаемаго развитія не только со стороны практической, но и со стороны теоретической, высказала, что для пополненія этого пробѣла необходимо учредить во всѣхъ странахъ регистрированіе данныхъ, при помощи которыхъ возможно было бы опредѣлять прямо степень здоровья и физической силы населенія.

Конгрессъ, согласно заключенію перваго отдѣленія, докладчикомъ котораго былъ докторъ Бредовъ, опредѣлилъ: 1) что регистрація соматологическихъ данныхъ должна производиться на особенныхъ карточкахъ, редактированныхъ въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ остается у региструемаго лица, а другой представляется въ центральное статистическое бюро. Регистрація поручается лицамъ медицинскаго вѣдомства или вообще имѣющимъ нужныя для того свѣдѣнія, для женскаго же населенія она производится преимущественно лицами женскаго пола.

Спеціальныя соматологическія наблюденія должны быть производимы какъ при вскрытіи мертвыхъ тѣлъ, такъ и надъ живыми людьми, а также по возможности и надъ новорожденными младенцами, тотчасъ послѣ рожденія. Они должны заключаться въ измѣреніи роста, окружности головы, груди, ширины плечъ, ляшекъ, конечностей, въ взвѣшиваніи тѣла у живыхъ, и мозга у мертвыхъ, и т. п. Для каждаго вида производства подобныхъ наблюденій начертана особая программа. Всѣ измѣренія должны быть производимы по метрической системѣ, однообразно во всѣхъ странахъ, и притомъ безъ одежды и обуви, въ опредѣленные промежутки между ѣдою, съ указаніемъ въ представляемыхъ карточкахъ способовъ и снарядовъ, употребляемыхъ при производствѣ наблюденій. Признаки состоянія здоровья и силы должны быть различаемы на прямые и непрямые, причемъ послѣдніе должны быть подраздѣляемы на врожденные и пріобрѣтенные, съ указаніемъ пріобрѣтены ли они вслѣдствіе болѣзни, случая или предумышленнаго дѣянія, и притомъ отъ фанатизма, или для избѣжанія исполненія какихъ-либо общественныхъ обязанностей.

Средствомъ для полученія возможно большаго количества соматологическихъ данныхъ указано вмѣненіе въ обязанность собиранія ихъ дѣтскимъ пріютамъ, воспитательнымъ домамъ, разнаго рода учебнымъ и воспитательнымъ заведеніямъ, общественнымъ и частнымъ госпиталямъ, гимнастическимъ и стрѣлковымъ обществамъ, яхтъ-клубамъ и т. п., рекрутскимъ коммиссіямъ, военнымъ и морскимъ вѣдомствамъ, тюремнымъ, пенитенціарнымъ и исправительнымъ заведеніямъ, обществамъ взаимнаго вспоможенія, застрахованія жизни и другимъ имъ подобнымъ. Соотвѣтственно этому желанію программы, утвержденныя прежними конгрессами для статистики нѣкоторыхъ изъ означенныхъ учрежденій, должны быть дополнены.

Всѣ произведенныя въ теченіе года наблюденія должны быть представляемы въ центральное статистическое бюро, которое съ своей стороны обязано заботиться о снабженіи лицъ, производящихъ наблюденія, нужными инструкціями и формами.

Но если соматологической статистикѣ посчастливилось на нынѣшнемъ конгрессѣ, и она принята имъ единодушно благодаря живому участію въ разрѣшеніи этого вопроса такихъ свѣтилъ науки, какъ Кетле, Фарръ, Бергъ, за то статистика двухъ другихъ санитарныхъ вопросовъ, холеры и сифилиса, потерпѣла неудачу.

Вопросъ о статистикѣ эпидемій занималъ конгрессъ еще въ Парижѣ и въ Вѣнѣ. Въ виду особенностей, представляемыхъ холерною эпидеміею въ ея распространеніи и развитіи, организаціонная коммиссія предложила нынѣшнему конгрессу, чтобы при появленіи холеры въ извѣстной мѣстности была учреждена одна или нѣсколько коммиссій, которая бы, независимо отъ мѣръ санитарныхъ, взяла на себя

направленіе и наблюденіе за собираніемъ статистическихъ свѣдѣній объ эпидеміи. При этомъ гг. Семеновъ и Архангельскій выработали подробную программу этихъ свѣдѣній, какъ въ отношеніи къ личности и образу жизни больного, такъ и въ отношеніи къ самой мѣстности, гдѣ открылась эпидемія.

Равнымъ образомъ и въ отношеніи распространенія сифилиса и вліянія его на физическое и нравственное настроеніе населенія, организаціонная коммиссія нашла возможнымъ предложить дополненіе прежнихъ рѣшеній конгресса по этому предмету нѣкоторыми новыми, и выработала программу вопросовъ для собиранія свѣдѣній о раздѣленіи этой болѣзни по ея формамъ, о способахъ ея передачи, о вліяніи ея на смертность населенія, на нервную систему, на безобразіе, на способность къ военной службѣ. Коммиссія, докладчиками которой были доктора Пеликанъ и Шперкъ, считала необходимымъ, чтобы данныя о сифилисѣ были собираемы обязательно, въ госпиталяхъ, больницахъ, родильныхъ домахъ, пріютахъ для дѣтей и кормилицъ, въ войскахъ, въ комитетахъ для инспекціи проститутокъ, а также при всякомъ случаѣ освидѣтельствованія врачами фабрикъ и другихъ мѣстъ большого скопленія населенія. Но коммиссія не могла не засвидѣтельствовать при этомъ, что все это возможно лишь при извѣстномъ пропорціональномъ отношеніи числа врачей къ населенію, и что даже въ странахъ, находящихся въ наилучшихъ условіяхъ, это отношеніе еще не опредѣлено, и вслѣдствіе того всѣ собираемыя свѣдѣнія о распространеніи сифилиса совершенно неудовлетворительны и ограничиваются преимущественно весьма поверхностнымъ изслѣдованіемъ сифилиса, распространяемаго проституціею.

Спеціальная коммиссія, обсудивъ, по порученію перваго отдѣленія конгресса, медицинскіе и санитарные вопросы въ 4-хъ засѣданіяхъ, найдя программы представленныя ей организаціонною коммиссіею по статистикѣ холеры и сифилиса вполнѣ отвѣчающими требованіямъ науки внесла ихъ, съ незначительными поправками, чрезъ секретаря своего доктора Бенезе на утвержденіе конгресса, причемъ докладъ о статистикѣ сифилиса не былъ читанъ, изъ уваженія къ присутствію дамъ въ собраніи.

Въ докладѣ коммиссіи выражено было желаніе, 1) чтобы статистика біологическая и медицинская вошла въ программу и будущихъ конгрессовъ и обсуждалась въ особомъ отдѣленіи, и 2) чтобъ въ виду громадной важности, представляемой для науки и для международной статистики холеры, предпринята была повѣрка теоріи профессора Петтенкофера объ отношеніяхъ, существующихъ между подземною водою и появленіемъ холерной и тифозной эпидеміи въ городахъ, представляющихъ гидрологическія отношенія подобныя тѣмъ гдѣ холера свирѣпствуетъ по преимуществу и гдѣ нивеллировка подземной воды еще не

произведена, по методу вполнѣ научному, чтобы доказать въ какихъ частяхъ этихъ городовъ подземная вода исключительно метеорическаго происхожденія, и въ какихъ рѣчная вода пробѣгаетъ аллувіальные слои.

Ни одинъ вопросъ не возбуждалъ въ общихъ собраніяхъ нынѣшняго конгресса такихъ оживленныхъ преній, какъ докладъ г. Бенезе о статистикѣ холеры. При прочтеніи его въ засѣданіи 16-го августа, г. Энгель заявилъ, что невозможно удержать въ памяти бѣгло прочитанныхъ резолюцій и формъ собиранія свѣдѣній и утвердить ихъ сознательно, а г. баронъ Фредериксъ нашелъ предлагаемую программу слишкомъ обширною и невыполнимою. По предложенію г. Семенова, вопросъ былъ отложенъ до слѣдующаго дня, съ тѣмъ, чтобы предварительно докладъ г. Бенезе былъ напечатанъ и розданъ всѣмъ членамъ. Въ засѣданіи 17-го августа снова возбудился сильный споръ: гг. Бетакки и Фредериксъ возставали противъ заключеній доклада, доктора Муатъ и Здекауеръ его защищали; затѣмъ сдѣлано было два предложенія: одно докторомъ Кастильони и поддержано г. Фарромъ, другое г. Ціономъ и поддержано г. Энгелемъ и Семеновымъ. Г. Кастильони предлагалъ утвердить основныя положенія доклада и передать приложенныя къ нему вопросные пункты въ постоянную коммиссію, для пересмотра ихъ въ отношеніи статистической техники, но съ сохраненіемъ духа, въ которомъ они составлены. Докторъ Ціонъ предлагалъ, чтобы по ограниченному числу иностранныхъ врачей въ настоящемъ конгрессѣ, онъ, не входя въ подробное обсужденіе программъ, выразилъ желаніе о принятіи ея по возможности въ руководство врачами и статистиками, при регистраціи холеры и сифилиса, въ особенности же русскими врачами, при частомъ повтореніи холерной эпидеміи въ Россіи, для представленія будущему конгрессу заключенія о степени удобопримѣнимости этой программы.

Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ баллотировкой. Большинство голосовъ высказалось въ пользу предложенія г. Ціона.

Вторая коммиссія учреждена была при первомъ отдѣленіи конгресса, для разсмотрѣнія вопроса о примѣненіи графическаго и географическаго методовъ къ статистикѣ. Вопросъ о графическомъ методѣ, т.-е. о наглядномъ изображеніи предметовъ съ помощію діаграммъ или картъ, въ первый разъ былъ поднятъ на вѣнскомъ конгрессѣ; но тамъ не было принято никакого рѣшенія, и вопросъ былъ отложенъ до лондонской сессіи, гдѣ однако не хватило для него времени. Спустя 12 лѣтъ вопросъ былъ снова поднятъ въ Гагѣ; былъ составленъ большой докладъ по этому предмету и сдѣлана большая выставка картъ и діаграммъ, но и гагскій конгрессъ ограничился совѣтомъ, чтобы къ оффиціальнымъ изданіямъ были присоединяемы карты и діаграммы, и выразилъ желаніе, чтобы организаціонная коммиссія слѣдующаго конгресса приготовила мемуаръ о различныхъ графическихъ методахъ,

потребляемыхъ въ статистикѣ и о лучшихъ способахъ сдѣлать эти таблицы однообразными и сравнимыми. Желаніе это было исполнено. Три мемуара были представлены нынѣшнему конгрессу по настоящему вопросу: одинъ директоромъ статистическаго бюро въ Австріи, г. Фиккеромъ, другой директоромъ статистическаго бюро въ Баваріи, г. Майромъ, третій директоромъ городского статистическаго бюро въ Берлинѣ, г. Швабе. Кромѣ того особый докладъ отъ имени организаціонной коммиссіи былъ представленъ еще г. Семеновымъ и Форшемъ.

Впрочемъ и петербургскій конгрессъ не нашелъ возможнымъ разрѣшить настоящій вопросъ въ какомъ-нибудь положительномъ смыслѣ.

Два доклада были представлены общему собранію по этому предмету отъ коммиссіи 1-го отдѣленія: одинъ собственно о графическомъ методѣ или о діаграммахъ—д-ромъ Швабе, другой о географическомъ методѣ—членомъ французскаго института г. Левассеромъ, и оба были приняты.

Заключеніе перваго доклада, съ поправкой предложенной въ собраніи гг. Семеновымъ, Форшемъ, Майромъ и Энгелемъ, заключалось: 1) въ выраженіи желанія, чтобы международное статистическое изданіе, предпринятое въ силу рѣшеній гагскаго конгресса, было снабжено графическими изображеніями, насколько то допускается свойствомъ предмета и средствами каждаго сотрудника; 2) въ признаніи, что не настало еще время для предложенія какихъ-либо однообразныхъ правилъ для составленія однообразныхъ діаграммъ; 3) въ приглашеніи начальниковъ статистическихъ учрежденій и разныхъ спеціалистовъ къ представленію постоянной коммиссіи конгресса діаграммъ и картограммъ съ объясненіемъ способовъ ихъ выполненія, дабы эта коммиссія могла учреждать при каждомъ конгрессѣ выставку подобныхъ діаграммъ и картограммъ и могла рекомендовать методы, которыя она найдетъ наилучшими.

Г. Левассеръ въ обстоятельномъ докладѣ обозрѣлъ работы предшествующихъ конгресовъ по статистической картографіи, указалъ на предлагаемую Фиккеромъ систему искусственныхъ графическихъ группировокъ, на систему естественной географической группировки однородныхъ данныхъ по небольшимъ территоріальнымъ округамъ, систему одновременно предложенную и испытанную г. Майромъ въ его картѣ смертности дѣтей въ южной Германіи, г. Семеновымъ въ его распредѣленіи населенія Россіи по уѣздамъ; объяснивъ значеніе и важность графическо-географическаго метода изображенія данныхъ, и указавъ на лучшія въ этомъ отношеніи изъ работъ представленныхъ нынѣшнему конгрессу, предложилъ утвержденію конгресса слѣдующую резолюцію: желательно, чтобы при оффиціальной разработкѣ статистическихъ матеріаловъ были устанавливаемы, на основаніи изученія всѣхъ спеціальныхъ данныхъ, соотвѣтствующія географическія группы

и чтобы образованіе этихъ группъ было основываемо на дѣленіи с[д]ланныхъ вычисленій по малымъ округамъ наблюденія. Рекомендуе[тся] также изображеніе съ помощію картографіи результатовъ, добыт[ы]хъ примѣненіемъ географическаго метода къ статистикѣ.

Оба доклада были приняты единогласно собраніемъ.

Второе отдѣленіе конгресса, избравъ своимъ предсѣдателемъ г. фон[ъ] Бушена, который направлялъ всѣми работами этого отдѣленія и въ орг[а]низаціонной коммиссіи, вице-предсѣдателями гг. Левассера, Берга, Бау[м]гауера и Янсона, а секретарями: гг. Керези, Гендрикса, Шванебах[а], Кауфмана и Сталь фонъ-Гольстейна, занималось двумя вопросами: 1) в[о]просомъ о регистраціи и изданіи фактовъ, относящихся до движен[ія] населенія, и 2) вопросомъ о постоянныхъ спискахъ населенія (regist[res] de la population).

Первый вопросъ обратилъ на себя вниманіе самаго перваго ко[н]гресса, который и указалъ основанія для подобной регистраціи. Из[ъ] послѣдующихъ конгрессовъ, парижскій останавливался только на при[-]чинахъ смертности, а гагскій на статистикѣ мертворожденныхъ: и несмотря на всѣ успѣхи статистики населенія въ послѣднее время данныя, публикуемыя по этому предмету, оставляютъ весьма мног[о] желать какъ относительно способовъ и порядка производства записей так[ъ] и относительно самаго существа дѣла, особенно въ виду новых[ъ] задачъ, возникшихъ въ статистикѣ съ расширеніемъ поприща ея на[-]блюденій. Въ этихъ видахъ, второе отдѣленіе, обсудивъ въ 2-хъ засѣ[-]даніяхъ докладъ профессора Янсона, поручило ему же представит[ь] общему собранію слѣдующія заключенія и предложенія: „Правительства приглашаются установить для фактовъ, касающихся движенія народо[-]населенія, *гражданскія записи* безъ различія вѣроисповѣданія. В[ъ] странахъ же, гдѣ записи ведутся духовенствомъ, послѣднее обязано придерживаться при этомъ общихъ правилъ, установленныхъ конгрес[-]сомъ для гражданскихъ записей. Необходимо также, чтобы округи за[-]писей совпадали съ административнымъ дѣленіемъ. Относительно су[-]щества фактовъ, подлежащихъ регистраціи, признается полезнымъ при *сложныхъ рожденіяхъ* показывать полъ и число дѣтей, различать живо[-]рожденныхъ отъ мертворожденныхъ, законнорожденныхъ и незаконно[-]рожденныхъ, и сверхъ того обозначать возрастъ матери во время ро[-]довъ. Въ записяхъ рожденій слѣдуетъ показывать, съ какого времени мать состоитъ въ бракѣ и сколько имѣла дѣтей, включая мертворож[-]денныхъ и отличая сложныя рожденія, а равно и національность ма[-]тери въ тѣхъ странахъ, гдѣ находится смѣшанное народонаселеніе. Въ записяхъ умершихъ слѣдуетъ показывать родъ ихъ занятій по однообразной классификаціи, принятой для переписей. Возрастъ умер[-]шихъ долженъ обозначаться подробно: помѣсячно до 12-го мѣсяца включительно, затѣмъ трехмѣсячно до 2-хъ лѣтъ; съ трехъ лѣтъ

одно и помѣсячно, причемъ предлагается возрастныя показанія замѣ-
ть показаніями года рожденія умершаго, съ различіемъ до 5-ти лѣтъ
онно и незаконнорожденныхъ. Въ записяхъ браковъ слѣдуетъ от-
чать степень родства между брачащимися, если такое родство су-
ствуетъ, сообразно чему и въ таблицахъ браковъ принимаются 4
вныя рубрики, равнымъ образомъ предлагается обозначать религію
національность, если брачащіеся разныхъ вѣръ или національно-
й. Относительно изданія фактовъ, касающихся движенія населенія,
знано полезнымъ отличать города съ 20,000 жителей и болѣе отъ
го остального населенія. Главные факты группируются по мѣся-
мъ и временамъ года; всѣ подробности объ умершихъ воспроизво-
тся въ соотвѣтственныхъ формахъ таблицъ. Для классификаціи же
аковъ по возрастамъ установляются однообразныя формы, до 25-ти
тъ погодно, а затѣмъ по пятилѣтіямъ".

Заключенія доклада приняты были общимъ собраніемъ.

Вопросъ о постоянныхъ спискахъ населенія былъ лишь затронутъ
первомъ конгрессѣ и не былъ возбуждаемъ въ слѣдующихъ сес-
хъ. Возможность веденія подобныхъ списковъ, доказанная опытомъ
руссіи, Швеціи и Бельгіи, и выгоды представляемыя ими въ отно-
еніи сосредоточенія всѣхъ элементовъ по статистикѣ населенія, въ
тношеніи точнаго констатированія приписного населенія, въ отноше-
іи возможности въ каждый моментъ получать свѣдѣнія о состояніи
аселенія по возрастамъ и занятіямъ, а также о всѣхъ перемѣнахъ
роисшедшихъ въ положеніи населенія съ извѣстнаго времени, при-
ели второе отдѣленіе къ убѣжденію въ возможности предложить кон-
рессу слѣдующія заключенія, вызванныя докладомъ г. Бушена и пред-
тавленныя собранію венгерскимъ профессоромъ Гунфальви, отъ имени
тдѣленія: „Конгрессъ представляетъ правительствамъ различныхъ го-
ударствъ о введеніи общихъ записей народонаселенія взамѣнъ мно-
гихъ спеціальныхъ записей, ведущихся въ настоящее время по раз-
нообразнымъ системамъ, смотря по потребностямъ различныхъ адми-
нистративныхъ отраслей. Въ странахъ, гдѣ существуетъ однообраз-
ная и точно опредѣленная общинная организація, веденіе записей
должно быть довѣрено общиннымъ властямъ. Въ странахъ же, въ ко-
торыхъ города образуютъ отдѣльныя отъ прочей территоріи единицы,
веденіе записей можетъ быть поручено или городскимъ властямъ, или
полиціи. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы для регистраціи были
установлены однообразныя формы и чтобы границы районовъ реги-
страціи совпадали съ административными дѣленіями. Въ записи на-
родонаселенія всякое хозяйство (ménage) имѣетъ для себя особую
страницу. Лица обоихъ половъ, живущія отдѣльно, считаются за от-
дѣльное хозяйство. Работники и прислуга могутъ быть вписываемы
въ качествѣ членовъ хозяйства, въ мѣстностяхъ же, гдѣ личность ра-

ботника и слуги различается, въ особенности въ большихъ городахъ удобнѣе имѣть особыя записи для летучаго населенія и всякому лиц назначать особую страницу. Запись должна заключать всѣ данны доставляемыя переписью, и сверхъ того нѣсколько спеціальныхъ граф для обозначенія позднѣйшихъ перемѣнъ, равно какъ и для перемѣщеній народонаселенія. Для первоначальной записи должны находиться слѣдующія графы: 1) имя и фамилія; 2) полъ; 3) мѣсто рожденія; 4) возрастъ; 5) семейное состояніе; 6) физическіе недостатки; 7) вѣроисповѣданіе; 8) обыкновеннное занятіе. Происшедшія послѣ записи перемѣны могутъ быть отмѣчаемы въ соотвѣтственныхъ графахъ; но для облегченія обработки записей, желательно, чтобы для перемѣнъ были особыя графы. Сверхъ того необходимы двѣ спеціальныя графы для отмѣтокъ умершихъ и причинъ ихъ смерти, причемъ должно придерживаться принятой конгрессомъ классификаціи. Для перемѣщеній населенія требуются слѣдующія графы: 1) графа для отмѣтки мѣста жительства временнаго пребыванія по существующимъ правиламъ и законамъ страны; 2) число записи и число прибытія въ общины; 3) показаніе мѣста жительства; 4) число выхода изъ общины и обозначеніе будущаго мѣста жительства; 5) свѣдѣнія о временно-отсутствующихъ свыше 14-ти дней. Къ записи прибавляются еще особыя графы для дополнительныхъ свѣдѣній, необходимыхъ администраціи, и во всякомъ случаѣ спеціальная графа для ссылокъ на спеціальныя записи и другіе списки, ведущіеся съ какою-нибудь спеціальною цѣлью. Что же касается практическихъ подробностей веденія записей, равно какъ и административныхъ мѣръ, долженствующихъ гарантировать ихъ точность, то конгрессъ, не имѣя права обсуждать ихъ, считаетъ однако нужнымъ обратить вниманіе правительствъ на способы, существующіе въ Голландіи и Бельгіи, и рекомендуетъ ихъ какъ самые простые и вмѣстѣ дѣйствительные".

Заключенія доклада г. Гунфальви были приняты Собраніемъ.

Сверхъ того отъ второго отдѣленія, по предложенію г. Керези, былъ представленъ докладъ относительно *смѣртности большихъ городовъ*, въ которомъ выражается, чтобы въ большихъ городахъ, гдѣ введено медицинское освидѣтельствованіе умершихъ, собирались данныя относительно положенія жилища умершаго, плотности населенія въ той мѣстности, гдѣ онъ жилъ, и степени его благосостоянія.

Третье отдѣленіе конгресса, состоя подъ предсѣдательствомъ г. Вешнякова, имѣло 5 иностранныхъ президентовъ гг. Энгеля, М. Вирта, Фиккера, Келети и Іоанаке, и 4-хъ русскихъ: гг. Іоссу, Ходнева, Вернадскаго и Андреева, а секретарями: гг. Веселовскаго, Тимирязева, Чеха и гр. Пусловскаго.

Задачею этого отдѣленія было разсмотрѣніе двухъ важныхъ вопросовъ: статистики промышленности обработывающей и статистики гор-

юй. Первый вопросъ былъ возбужденъ г. Энгелемъ, который, будучи редакторомъ главы о промышленности мануфактурной въ общемъ международномъ изданіи, не нашелъ возможнымъ исполнить своей задачи, по неудовлетворительности существующаго матеріала и желалъ предложить конгрессу свой планъ по этому предмету, изложенный въ мемуарѣ: Die Reform der Gewerbestatistik im Deutschen Reiche und in den übrigen Staaten von Europa und Nord-Amerika. Berlin 1872.

Вопросъ о горной статистикѣ былъ поднятъ директоромъ нашего центральнаго статистическаго комитета г. Семеновымъ, на основаніи тѣхъ же побужденій, какъ и предшествующій г. Энгелемъ.

Оба эти вопроса уже не въ первый разъ являются въ программахъ конгресса. Уже брюссельскій конгрессъ, раздѣливъ статистику труда на 5 главныхъ классовъ, на статистику земледѣльческую, горную, мануфактурную, торговую и рыболовную, очертилъ кругъ свѣдѣній, которыхъ должно требовать отъ мануфактурной промышленности. Парижскій конгрессъ примѣнилъ эту програму къ статистикѣ большихъ городовъ. Наконецъ въ Вѣнѣ вопросъ былъ повидимому исчерпанъ, потому что цѣлое отдѣленіе было посвящено имъ и въ основѣ его работъ лежалъ превосходный докладъ барона Чернига, тогдашняго директора оффиціальной статистики въ Австріи, который представилъ подробную классификацію всѣхъ отраслей промышленности, состоящую изъ 8-ми группъ, заключающихъ въ себѣ 34 класса съ 185-ю подраздѣленіями. Отъ каждаго производства требовалось 23 рода общихъ свѣдѣній, и сверхъ того по каждому производству были составлены спеціальные вопросы о двигателяхъ, машинахъ и снарядахъ ими употребляемыхъ. Не разсчитывая получить всегда точныхъ и искреннихъ отвѣтовъ отъ самихъ производителей о размѣрахъ и цѣнности ихъ производства, баронъ Черингъ предлагалъ, для успокоенія промышленниковъ, не обнародывать свѣдѣній съ именами производителей, а ограничиться территоріальною группировкою ихъ, гдѣ бы въ общихъ итогахъ исчезали частныя цифры того или другого фабриканта, и въ сомнительныхъ случаяхъ прибѣгать къ повѣркамъ и дополненію собранныхъ данныхъ путемъ приблизительныхъ оцѣнокъ и вычисленій. Послѣдній пунктъ встрѣтилъ довольно сильныя возраженія и былъ принятъ лишь съ значительными оговорками. Г. Энгель вмѣстѣ съ представителемъ Бельгіи, г. Витерсомъ, былъ докладчикомъ на конгрессѣ. Несмотря на работы трехъ конгрессовъ по промышленной статистикѣ, ни одна страна еще не имѣетъ удовлетворительной статистики этого рода. Наименѣе полною представляется подобная статистика въ самой промышленной странѣ міра — въ Англіи. Лишь о такъ-называемыхъ ткацкихъ производствахъ собираются тамъ ежегодно чрезъ фабричныхъ инспекторовъ свѣдѣнія о числѣ заведеній, числѣ и силѣ двигателей, числѣ шпинделей и механическихъ

ткацкихъ станкахъ, о числѣ рабочихъ съ раздѣленіемъ по полу и возрасту, ниже 13-ти, отъ 13-ти до 18-ти, и свыше 18-ти лѣтъ. Сверхъ того, въ изданіи Board of trade'a—Miscellaneous statistics можно найти много свѣдѣній, собранныхъ во время разныхъ парламентскихъ изслѣдованій о нѣкоторыхъ производствахъ, и между прочимъ о размѣрахъ заработной платы, о цѣнахъ на разные предметы жизненныхъ потребностей, на горючіе матеріалы, сырыя и обработанныя произведенія; но всѣ эти данныя совершенно разрозненны и требуютъ переработки по одному общему плану съ собраніемъ новыхъ первоначальныхъ матеріаловъ; планъ подобнаго статистическаго изученія промышленности былъ составленъ г. Фарромъ и представленъ сперва лондонскому конгрессу, а въ 1863-мъ г. и начальнику главной регистраціи въ Англіи, но не получилъ практическаго осуществленія.

Единственное существующее изданіе промышленной статистики Франціи сдѣлано въ 1847—52-мъ годахъ и основано на данныхъ, собранныхъ въ 1839-мъ году; перечень промышленности, сдѣланная въ 1850-мъ году, осталась необнародованною; перепись же, произведенная въ 1860-мъ году, находится до настоящаго времени въ печати; но по отзыву г. Энгеля, имѣвшаго случай лично ознакомиться съ этой работой въ минувшемъ году, она заслуживаетъ мало довѣрія, потому что многія данныя не были собраны въ дѣйствительности, а основаны на приблизительныхъ оцѣнкахъ, производившихся въ теченіи 5-ти-лѣтняго промежутка времени.

Промышленная статистика Бельгіи, основанная на данныхъ, собранныхъ во время генеральной переписи 1846-го года, до сихъ поръ еще служитъ источникомъ свѣдѣній по этому предмету, благодаря тщательности этой операціи и искусной разработкѣ. Но за то перепись 1866-го года была столь малоуспѣшна, что администрація отказалась отъ мысли публиковать собранныя этимъ путемъ свѣдѣнія.

Въ Россіи установлено до начала нынѣшняго столѣтія ежегодное собираніе свѣдѣній о всѣхъ фабрикахъ и заводахъ по довольно обширной программѣ, но къ сожалѣнію результаты этой долговременной практики крайне неудовлетворительны, о чемъ лучше всего свидѣтельствуетъ 6-й выпускъ статистическаго Временника, изданнаго центральнымъ комитетомъ подъ редакціей г. Бока, который откровенно указываетъ на всѣ недостатки полученныхъ у насъ до настоящаго времени данныхъ по промышленности обработывающей, и даетъ образчикъ свѣдѣній, собранныхъ инымъ, болѣе раціональнымъ способомъ, въ двухъ губерніяхъ, Московской и Владимірской.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки каждыя 10 лѣтъ, начиная съ 1810-го г., производится, при общей переписи населенія, регистрація всѣхъ производствъ, цѣнностью свыше 500 долларовъ, и сводъ такихъ данныхъ за 1860-й годъ изданъ особою книгою, но при

дой переписи заявляется множество желаній объ измѣненіи по-ка ея производства, и многія компетентныя лица въ самой Аме-ѣ, въ томъ числѣ г. Сно, находившійся оффиціальнымъ предста-лемъ конгресса, выражаютъ весьма мало довѣрія къ этимъ свѣ-іямъ.

Въ самой Австріи, равно какъ и въ Венгріи до сихъ поръ не при-лено еще къ выполненію во всемъ объемѣ програмы барона нига, утвержденной вѣнскимъ конгрессомъ, хотя и издаются по-жащими статистическими учрежденіями инструкціи и руководства говымъ и промышленнымъ палатамъ. О неудовлетворительности мышленной статистики, обнародованной по Таможенному Союзу 846-й и 1861-й годъ, и по Пруссіи за 1846, 1849, 1852, 1855 и 1858-й а свидѣтельствуетъ самъ д-ръ Энгель. Эта неудовлетворитель-ть и была впрочемъ поводомъ къ составленію новаго обширнаго ана промышленной переписи въ Германіи. Душою учрежденной ъ поэтому поводу, такъ и вообще по объединенію и усовершенство-ію статистическихъ записей въ германской Имперіи, коммиссіи былъ ъ Энгель. Его работа, Die Reform der Gewerbestatistik, легла въ осно-віе доклада, представленнаго коммиссіею Союзному Совѣту и всего ана промышленной переписи; Союзный Совѣтъ однако до сихъ ръ, за другими болѣе важными и неотлагательными дѣлами, не гъ заняться этимъ вопросомъ, а потому предположеніе о производ-вѣ подобной переписи въ Германіи 1-го мая 1872-го года не могло уществиться. Такимъ образомъ, въ виду организаціонной коммиссіи етербургскаго конгресса было и нѣсколько рѣшеній прежнихъ кон-рессовъ, неисполненныхъ ни однимъ государствомъ, и цѣлый про-ктъ реформы по этому предмету одного изъ наиболѣе компетентныхъ ѣятелей современной статистики.

Коммиссія, докладчиками которой были по общей части вопроса . Вешняковъ, а по классификаціи производствъ профессоръ Анд-еевъ, принимая въ соображеніе, что по отзыву самого г. Энгеля не-спѣхъ въ этой отрасли статистики происходитъ главнымъ образомъ тъ неудовлетворительности пріемовъ, старалась согласовать рѣшенія прежнихъ конгрессовъ, въ особенности вѣнскаго, съ указаніями прак-тики и съ тѣми улучшеніями, которыя введены въ проектѣ герман-скихъ переписей, при чемъ признано было нужнымъ расширить вѣн-скую программу вопросами о положеніи фабричнаго населенія и сред-ствахъ принимаемыхъ къ его улучшенію. Что касается классификаціи производствъ, то г. Андреевъ, разсмотрѣвъ всѣ извѣстныя до настоя-щаго времени, и въ томъ числѣ классификацію барона Чернига и г. Энгеля, предложилъ новую, основанную на принципѣ удовлетворенія той или другой потребности отдѣльнаго человѣка и цѣлаго общества. При этомъ дѣленіи промышленность, взятая въ обширномъ смыслѣ

этого слова, распадается на 4 категоріи: 1) промышленность извлекающую, 2) производство орудій труда и перевозки, 3) производства удовлетворяющія потребности человѣка въ жилищѣ, одеждѣ и пищѣ вещественной и умственной, и 4) торговли. Эти четыре главныхъ отдѣла распадаются еще на 11 группъ, 73 класса и 491 отдѣленіе.

Разсмотрѣніе этой классификаціи въ связи съ классификаціею занятій, основанія которой изложены въ докладѣ г. Майкова, переданномъ на обсужденіе 3-го отдѣленія конгресса, было поручено отдѣленіемъ особой коммиссіи. Предсѣдателемъ ея былъ избранъ г. Фарръ. Коммиссія не успѣла однако подвергнуть подробному обсужденію вопросъ о номенклатурѣ профессіи, выработанной г. Майковымъ и ограничилась разсмотрѣніемъ одной классификаціи производствъ. Хотя предложенная г. Андреевымъ классификація и была принята, съ небольшими поправками, но при внесеніи ея на разсмотрѣніе отдѣленія со стороны г. Энгеля сдѣланы были возраженія противъ главныхъ дѣленій, а потому отдѣленіе и приняло предложеніе г. Андреева, просить организаціонную коммисію о передачѣ этой классификаціи на окончательное разсмотрѣніе коммисіи экспертовъ на будущей всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ въ 1873-мъ г., куда соберутся безъ сомнѣнія всѣ необходимые для этого вопроса авторитеты и компетентныя лица.

Пренія объ общихъ условіяхъ промышленныхъ переписей шли въ отдѣленіи весьма оживленно, благодаря присутствію г. Энгеля, принявшаго на себя роль докладчика отдѣленія передъ конгрессомъ, и на этомъ основаніи отказавшагося съ самаго начала отъ предложеннаго ему президентства, гг. М. Вирта, М. Блока, Келети, профессора Андреева, Ласпейреса, Симоненко и многихъ другихъ лицъ, интересовавшихся вопросомъ. Главными предметами преній были вопросы о томъ, должно ли отдѣленіе установить общія нормы свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ промышленности, или по одной мануфактурной? какъ часто должны быть производимы переписи? что удобнѣе требовать отъ хозяевъ—размѣръ заработной платы или общую цифру расхода по этой статьѣ? Въ результатѣ впрочемъ программа организаціонной коммиссіи, съ небольшими измѣненіями, была принята отдѣленіемъ, и г. Энгель въ докладѣ, представленномъ общему собранію, формулировалъ слѣдующія предложенія, которыя и были приняты собраніемъ.

1) Большія переписи или изслѣдованія (enquête) о состояніи промышленности въ техническомъ, экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ должны быть производимы по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ 10 лѣтъ, одновременно во всѣхъ странахъ.

2) Сверхъ того желательно собирать ежегодно нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи промышленности, а потому конгрессъ проситъ прави-

ельства тѣхъ странъ, въ которыхъ существуетъ ежегодное собираніе свѣдѣній о промышленности, сохранять эти переписи и на будущее время. При этомъ достаточно было бы ограничиваться лишь свѣдѣніями о числѣ и родѣ промышленныхъ заведеній, о числѣ рабочихъ, занятыхъ въ промышленности съ раздѣленіемъ ихъ по полу и возрасту (дѣти моложе 14-ти лѣтъ и взрослые свыше 14-ти лѣтъ).

3) Свѣдѣнія, собираемыя при десятилѣтнихъ переписяхъ, должны быть собираемы по каждому заведенію отдѣльно, на основаніи составленныхъ организаціонною коммисіею и исправленныхъ отдѣленіемъ формуляровъ.

4) Переписи промышленности должны быть производимы на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и переписи населенія, т.-е. посредствомъ листковъ, раздаваемыхъ всѣмъ лицамъ производящимъ какую-либо промышленность.

5) Эти листки выполняются или самими промышленниками, или властями, или же членами повѣрочныхъ коммиссій, но во всякомъ случаѣ на основаніи словесныхъ показаній самихъ промышленниковъ.

6) Мѣстный контроль переписей промышленности производится посредствомъ коммиссій, составленныхъ изъ лицъ компетентныхъ и заинтересованныхъ въ успѣхахъ и процвѣтаніи промышленности, будутъ ли они принадлежать къ мѣстнымъ властямъ или къ самому промышленному классу.

7) Разработка листковъ и сводъ ихъ въ систематическія таблицы поручаются мѣстнымъ статистическимъ учрежденіямъ, которыя въ своихъ работахъ должны по возможности сообразоваться съ рѣшеніями и желаніями международнаго статистическаго конгресса.

8) Результаты переписей, собранные вышеозначеннымъ образомъ, должны быть регулярно предаваемы гласности по предварительномъ разсмотрѣніи ихъ лицами вполнѣ знакомыми съ техническими науками.

9) Въ отношеніи классификаціи промышленностей, отдѣленіе, принявъ классы предложенные въ классификаціи выработанной профессоромъ Андреевымъ, опредѣлило просить организаціонную коммиссію с.-петербургскаго конгресса предложить разсмотрѣніе этой классификаціи комитету экспертовъ международной промышленной выставки, имѣющей быть въ будущемъ 1873-мъ году въ Вѣнѣ, дабы этотъ ареопагъ промышленниковъ, техниковъ и ученыхъ, наиболѣе знакомыхъ съ промышленностію, высказалъ свое мнѣніе о томъ, какая классификація промышленностей должна быть принята всѣми народами для той цѣли, которую мы здѣсь имѣемъ въ виду.

10) Въ отношеніи классификаціи двигателей, машинъ и снарядовъ отдѣленіе приняло ту, которая предложена германской коммиссіи для германскихъ переписей промышленности и изложенной въ сочиненіи г. Энгеля: Die Reform der Gewerbestatistik.

11) Наконецъ послѣднее заключительное предложеніе состояло въ томъ, что такъ какъ статистика промышленности была включена въ программу нынѣшняго конгресса въ тѣхъ видахъ, чтобы дать полный и могущественный толчокъ работамъ по этой отрасли статистики и подвинуть трудъ международной сравнительной статистики, то отдѣленіе не желаетъ, чтобы работа эта останавливалась до собранія и обнародованія данныхъ, требуемыхъ настоящимъ рѣшеніемъ, а пола-

гаетъ напротивъ, что эта работа должна быть начата и продолжаема даже при помощи тѣхъ болѣе или менѣе совершенныхъ матеріаловъ, которые имѣются теперь и убѣждена въ томъ, что она можетъ быть постоянно улучшаема въ силу самаго факта своего существованія.

Вопросы горной статистики, которая уже занимала собою конгрессы брюссельскій и лондонскій, и отчасти парижскій и вѣнскій, были выдѣлены отдѣленіемъ въ особую субъ-коммиссію, избравшую своимъ предсѣдателемъ генерала Озерскаго. Состоя почти исключительно изъ однихъ русскихъ горныхъ инженеровъ, субъ-коммиссія полагала, что окончательная обработка програмы для собиранія свѣдѣній по заводской промышленности должна быть предоставлена постоянной коммиссіи съ содѣйствіемъ спеціалистовъ. Въ основаніе програмы субъ-коммиссія предлагала принять слѣдующія замѣчанія: свѣдѣнія о минералахъ должны составлять часть горной статистики въ тѣхъ странахъ, гдѣ производство минераловъ имѣетъ значеніе. Свѣдѣнія о фабрикаціи монеты должны быть исключены изъ горной статистики. Програма періодическихъ вѣдомостей должна быть дополнена свѣдѣніями о солеварняхъ. Въ отчетахъ должно быть строго различаемо желѣзо, переработываемое изъ старыхъ матеріаловъ, напримѣръ рельсовъ, отъ новаго. Програма ежегодныхъ вѣдомостей должна быть дополнена въ свѣдѣніяхъ о матеріальной части завода. Напротивъ, свѣдѣнія о возрастѣ рабочихъ, о числѣ рабочихъ дней, заработной платѣ и т. п. могутъ быть собираемы разъ въ пять или въ десять лѣтъ. Отчеты должны быть сопровождаемы краткимъ пояснительнымъ текстомъ о горномъ законодательствѣ, пошлинахъ на горные продукты и таможенныхъ пошлинахъ. Субъ-коммиссія выразила также желаніе, чтобы правительственныя учрежденія, издающія ежегодныя свѣдѣнія по горной статистикѣ, принимали во вниманіе постановленія предыдущихъ сессій конгресса.

Четвертое отдѣленіе, сохранивъ русское бюро въ полномъ его составѣ, избрало изъ иностранцевъ: г. Виссеринга предсѣдателемъ, гг. Мейцена, Блока, Ферсмана, Гендрикса и Барнса—вице-предсѣдателями, и гг. Кенвана, Леона Леви, Бодіо, Нессмана, Горна, де-Роберти и Куманина—секретарями.

Предметъ занятій четвертаго отдѣленія составляли вопросы статистики почтовой и торговой и номенклатуры товаровъ, перевозимыхъ по водянымъ и желѣзнымъ путямъ. По всѣмъ этимъ предметамъ организаціонною коммисіею представлены были весьма интересные и обстоятельные доклады, съ обширными приложеніями, обработанные гг. Поггенполемъ, Тернеромъ, Звѣринскимъ и Куломзинымъ.

Вопросъ о почтовой статистикѣ былъ выдѣленъ отдѣленіемъ для разсмотрѣнія въ особую коммиссію подъ предсѣдательствомъ г. Мейцена. До сихъ поръ вопросъ этотъ былъ разсматриваемъ конгрессомъ лишь

акъ предметъ государственныхъ доходовъ и расходовъ; между тѣмъ нъ заслуживаетъ вполнѣ особаго вниманія, какъ самостоятельное оруіе развитія торговли и промышленности, распространенія цивилизаціи поддержанія семейныхъ связей. Поэтому вопросъ о доходности или едоходности является, какъ справедливо доказывалъ г. Поггенполь, овершенно случайнымъ и второстепеннымъ. Въ подтвержденіе этого мъ приведены и весьма краснорѣчивыя цифры. Въ Германіи, гдѣ устройство почтъ можно считать образцовымъ, всѣ доходы почтоваго правленія предоставляются въ его безусловное распоряженіе, и лишь а удовлетвореніемъ всѣхъ его потребностей избытокъ поступаетъ ъ государственное казначейство. Въ 1871-мъ г. при 26-ти милліонахъ талеровъ дохода, 22½ милліона были употреблены на потребности почтоваго правленія, а 3½ мил. чистаго дохода поступили въ казначейство. Въ Англіи почтовые доходы, простиравшіеся въ 1839-мъ г. до 1½ мил. ф. ст. вслѣдствіе почтовой реформы 1840-го г. упали до полумилльона ф. ст., и несмотря на постоянное возвышеніе ихъ въ теченіе 30-ти лѣтъ, до сихъ поръ не достигли прежней цифры. Несмотря на такой неудовлетворительный въ фискальномъ отношеніи результатъ, въ глазахъ англійской публики почтовая реформа остается одною изъ самыхъ либеральныхъ мѣръ правительства. Въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1852-го г. и по настоящее время, за исключеніемъ одного 1865-го года, когда были прекращены почтовыя сношенія съ Югомъ, счеты почтовой администраціи ежегодно заключаются дефицитомъ, достигающимъ нынѣ до 4-хъ мил. долларовъ, несмотря на то, что на каждаго жителя тамъ приходится ежегодно вдвое болѣе писемъ, чѣмъ въ сѣверной Германіи. При разнообразіи въ различныхъ странахъ круга дѣятельности почтовыхъ учрежденій и при отсутствіи или упрощеніи многихъ записей въ показанныхъ странахъ, по случаю быстроты почтовыхъ сношеній, оказывается необходимость въ ограниченіи программы международной почтовой статистики данными возможными для регистраціи. Вслѣдствіе того въ докладѣ г. Поггенполя предложено собирать статистическія свѣдѣнія: 1) о самыхъ почтовыхъ учрежденіяхъ, начиная съ центральнаго управленія и кончая сельскими почтами, 2) о самыхъ результатахъ эксплуатаціи, т.-е. о числѣ писемъ, посылокъ и пр. съ разными подраздѣленіями ихъ на категоріи и о числѣ пройденныхъ ими путей; о числѣ перевезенныхъ почтами путешественниковъ и о числѣ почтовыхъ лошадей; о финансовыхъ результатахъ почтовой эксплуатаціи; по возможности о вѣсѣ корреспонденціи. Программа эта принята съ самыми незначительными поправками, и по докладу ея автора въ общемъ собраніи утверждена конгрессомъ.

Вопросъ о введеніи однообразія въ товарной классификаціи былъ поднятъ на гагскомъ конгрессѣ, по инціативѣ покойнаго Маэстри, причемъ выражено было желаніе объ учрежденіи спеціальной междуна-

родной коммиссіи для соглашенія по этому предмету, на подобіе коммиссій, учреждавшихся по вопросамъ монетному, почтовому и телеграфному. Но желаніе это, какъ предсказывали гг. Давидъ, Ферсманъ, и самъ Мэстри, не получило осуществленія, главнымъ образомъ по отсутствію достаточно предварительной работы. Вслѣдствіе того организаціонная коммиссія нынѣшняго конгресса нашла нужнымъ пополнить этотъ пробѣлъ и представила сличительный сводъ 9-ти тарифовъ: русскаго, германскаго, австрійскаго, французскаго, бельгійскаго, итальянскаго, англійскаго и американскаго, составленныя по новой классификаціи г. Тереховымъ, сводъ системъ употребляемыхъ въ разныхъ странахъ при составленіи таможенныхъ отчетовъ и при опредѣленіи цѣнности товаровъ, г. Тернера, проектъ классификаціи товаровъ перевозимыхъ водою—г. Звѣринскаго, и—по желѣзнымъ дорогамъ г. Куломзина.

Отдѣленіе, послѣ оживленныхъ дебатовъ въ засѣданіяхъ, пришло къ слѣдующимъ рѣшеніямъ:

1) Алфавитная система не можетъ быть предложена для классификаціи товаровъ въ статистическихъ изданіяхъ о внѣшней торговлѣ.

Составленная отдѣленіемъ классификація товаровъ представляется предварительному утвержденію конгреса и подлежитъ передачѣ разнымъ статистическимъ бюро для предварительнаго развитія и внесенія затѣмъ на окончательное утвержденіе будущаго конгреса. Для соизмѣримости данныхъ, заключающихся въ отчетахъ различныхъ странъ о движеніи товаровъ, желательно, чтобы разсчетъ и оцѣнка количествъ товаровъ привозныхъ и вывозныхъ, производилась всюду на основаніи однородной системы оцѣнки (вѣсъ, мѣра, цѣнность) и примѣняясь къ таблицѣ утвержденной съ этою цѣлью конгрессомъ.—Чистый вѣсъ долженъ быть принятъ при разсчетахъ всѣхъ товаровъ, которые показываются не по-штучно и не мѣрою. Въ случаѣ уклоненія отъ этого правила таможнями, тара должна быть вычисляема статистическими бюро на основаніи среднихъ, выведенныхъ изъ опыта. Въ таможенныхъ вѣдомостяхъ показывается страна откуда отправляются товары, проходящіе транзитомъ одну или нѣсколько странъ, прежде чѣмъ они дойдутъ до мѣста своего назначенія,—во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ транзитъ происходитъ по желѣзной дорогѣ, на судахъ или какимъ бы то ни было другимъ способомъ, безъ таможеннаго контроля. Въ таможенныхъ вѣдомостяхъ о прибывшихъ моремъ товарахъ, товары нагруженные на корабль въ мѣстѣ его отправленія показываются отдѣльно отъ тѣхъ, которые были нагружены въ промежуточныхъ портахъ, принадлежащихъ иной странѣ. Статистика должна искать въ таможенныхъ отчетахъ лишь тѣхъ свѣдѣній, которыя требуются интересами казны, обращаясь за дополнительными свѣдѣніями къ другимъ источникамъ. Исключеніе можетъ быть дѣлаемо лишь для безпошлинныхъ товаровъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда товары не облагаются

пошлиною ad valorem, всякая страна опредѣляетъ дѣйствительную цѣнность такихъ товаровъ по системѣ среднихъ цѣнъ за вычетомъ вывозныхъ и ввозныхъ пошлинъ. Желательно, чтобы для товаровъ, вывозная и ввозная цѣнности которыхъ значительно между собою различаются, были приняты различныя среднія цѣны, руководствуясь притомъ указаніемъ торговыхъ центровъ, ближайшихъ къ главнымъ таможнямъ, предназначеннымъ для ввоза и вывоза. Статистическія учрежденія разныхъ странъ приглашаются заняться на мѣстѣ изысканіемъ способовъ для усовершенствованія правильности рыночныхъ цѣнъ.

Общій докладъ отъ 4-го отдѣленія по торговой статистикѣ представленъ былъ конгрессу г. Тернеромъ, а по классификаціи товаровъ г. Кеньономъ, начальникомъ отдѣленія во французскомъ министерствѣ финансовъ, и оба были утверждены собраніемъ.

Пятое отдѣленіе избрало себѣ предсѣдателемъ г. фонъ-Баумгауера, вице-предсѣдателями: гг. Ивернеса, Майра и Таганцева, и секретарями: гг. Лаговари, Гаммика, Гюнне и Кауфмана.

Пятое отдѣленіе конгресса занималось нѣкоторыми вопросами уголовной статистики, въ предварительной разработкѣ которыхъ приняли участіе докторъ Майръ изъ Баваріи, профессоръ Таганцевъ и гг. Утинъ и Раевскій.

Прежнее рѣшеніе конгрессовъ, какъ видно изъ записки д-ра Майра, равно какъ и изъ Avant-projet конгресса, вовсе мало подвинуло впередъ уголовную статистику разныхъ странъ. Обсужденіе началось съ вопроса о регистраціи уголовно-статистическихъ данныхъ, при чемъ иностранцы не могли не отдать полной справедливости прекрасной системѣ регистраціи, которая введена у насъ по судебному вѣдомству съ 1-го января 1872-го года, съ которою представители нашего министерства юстиціи наглядно ознакомили ихъ въ самомъ министерствѣ. Отдѣленіе пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Необходимо ввести вездѣ правильную и однообразную регистрацію уголовно-статистическихъ данныхъ.

2. Лучшій для того способъ есть именная запись.

3. Приложеніе этого способа заключается во введеніи: а) особыхъ листковъ *для каждаго дѣла*, и в) *именныхъ листковъ* для всѣхъ подсудимыхъ. Листокъ, предназначенный для дѣла, содержитъ въ себѣ всѣ фазы уголовнаго процесса; именной листокъ подсудимыхъ заключаетъ характеристическіе признаки обвиняемыхъ.

4. Перваго рода листокъ долженъ быть введенъ для всѣхъ правонарушеній, послѣдній только для наиболѣе важныхъ.

Заключенія эти по докладу д-ра Майра приняты общимъ собраніемъ.

Второй вопросъ касался списковъ судимости (cahiers judiciaires) или періодической регистраціи для изслѣдованія и константированія

рецидивовъ преступленій. Пренія по этому вопросу выяснили, что всякая изъ существующихъ нынѣ системъ имѣетъ столь важные недостатки, что этого вопроса нельзя еще считать теперь созрѣвшимъ для окончательнаго рѣшенія, и потому отдѣленіе, признавъ необходимость введенія списковъ судимости и обязанность оффиціальной статистики доставлять обстоятельныя свѣдѣнія о рецидивахъ, предложило подробное развитіе этого вопроса оставить до будущей сессіи. Заключеніе это, доложенное г. Ивернесомъ, принято было и общимъ собраніемъ.

Подобнымъ же образомъ и вопросъ о номенклатурѣ преступленій, по которому представлена замѣчательная работа профессоромъ Таганцевымъ, признано необходимымъ передать спеціальной коммиссіи изъ представителей всѣхъ странъ, съ тѣмъ, чтобы она изготовила свой докадъ къ слѣдующему конгрессу. Предложеніе это было утверждено общимъ собраніемъ.

Какъ до открытія занятій по отдѣленіямъ, такъ и въ это время происходили еще спеціальныя работы оффиціальныхъ иностранныхъ делегатовъ и чиновъ бюро организаціонной коммиссіи. Засѣданія эти до открытія конгресса носили названіе Avant-congrès, по открытіи же конгресса—собранія оффиціальныхъ делегатовъ. Кромѣ предварительнаго обсужденія программы конгресса и его регламента, два главныхъ предмета сосредоточивали на себѣ вниманіе этихъ собраній: 1) вопросъ о способахъ исполненія международнаго статистическаго изданія, предпринятаго согласно рѣшенію принятому конгрессомъ въ Гагѣ, и 2) вопросъ о преобразованіи конгресса.

Хотя по первоначальному предположенію къ нынѣшнему конгрессу должна была быть изготовлена по крайней мѣрѣ часть изданій этого рода разными статистическими бюро, однако это предположеніе не оправдалось; сообщенія, сдѣланныя разными сотрудниками въ этомъ дѣлѣ по разнымъ предметамъ, показали, что ни одна глава этой работы не приведена еще къ концу, хотя всюду приступлено уже къ собиранію нужнаго матеріала. При этомъ случаѣ обнаружились тѣ трудности, съ которыми пришлось бороться и то разнообразіе въ пріемахъ и въ пониманіи первоначальнаго постановленія. Одни, какъ, напр., г. Энгель, считали возможнымъ основывать свои работы только на печатныхъ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ, считая манускриптныя, архивныя свѣдѣнія не заслуживающими довѣрія; другіе, какъ г. Бергъ, считали совершенно неисполнимымъ, при современномъ положеніи статистики, осуществленіе предначертаннаго плана, особенно по программамъ конгресса: одни считали себя въ правѣ составлять и разсылать въ другія бюро собственныя программы для собиранія матеріаловъ къ этому изданію, другіе напротивъ допускали это право въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда встрѣчаются пробѣлы въ программахъ

конгресса, т.-е. когда по извѣстнымъ предметамъ совсѣмъ не было составлено программъ. Всѣ эти разногласія подали поводъ къ весьма оживленнымъ преніямъ и привели къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Рѣшеніе объ изданіи международной статистики совокупными силами статистическихъ бюро остается въ силѣ. 2) Сотрудники обязаны придерживаться по возможности формъ, предложенныхъ конгрессомъ, и могутъ измѣнять ихъ лишь въ случаѣ если самые матеріалы этого требуютъ. 3) Прежде всего сотрудники обращаются къ существующимъ изданіямъ. 4) Они сообщаютъ статистическимъ бюро другихъ странъ планъ своей работы и списокъ печатныхъ матеріаловъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, съ отмѣткою недостающихъ имъ матеріаловъ. 5) Въ каждомъ изданіи должны быть тщательно указаны источники и матеріалы, съ раздѣленіемъ ихъ на оффиціальные и неоффиціальные, и притомъ печатные или писанные.

Сверхъ того по предложенію норвежца г. Кіерро принятъ однообразный географическій порядокъ, въ которомъ должны быть располагаемы всѣ страны въ будущемъ международномъ изданіи. Наконецъ въ самой программѣ этой работы сдѣлано добавленіе: статистика большихъ городовъ, которая была пропущена; она поручена гг. Швабе и Керези. Сверхъ того пріобрѣтено нѣсколько новыхъ сотрудниковъ и сдѣланы незначительныя измѣненія въ распредѣленіи предметовъ.

Несравненно бо́льшій интересъ представляли пренія оффиціальныхъ делегатовъ по вопросу о преобразованіи конгресса. Вопросъ этотъ уже съ 1863-го г. занималъ послѣдовательно четыре сессіи, и лишь нынѣшней петербургской сессіи выпала на долю честь привести къ соглашенію въ этомъ трудномъ и деликатномъ вопросѣ. Потребность въ измѣненіи устройства и направленія конгресса высказалась еще ранѣе берлинской сессіи. Конгрессъ скоро понялъ, что ему недостаточно установлять только однообразныя формы для собиранія свѣдѣній по разнымъ предметамъ, но и необходимо знать, какъ предложенныя имъ формы выполняются, какія представляются при этомъ затрудненія, какія вслѣдствіе того требуются измѣненія. Результатомъ этого явилась потребность международныхъ изслѣдованій по тому или другому пункту общей программы. Въ силу этого убѣжденія уже на вѣнскомъ конгресѣ было постановлено, что при всякой сессіи его оффиціальные представители правительства собираются въ специальное засѣданіе и возлагаютъ на особую коммиссію представленіе доклада о томъ, какъ исполняются рѣшенія конгресса въ разныхъ странахъ. Постановленіе это получило исполненіе лишь въ томъ отношеніи, что каждому конгрессу съ тѣхъ поръ предшествовали засѣданія оффиціальныхъ делегатовъ, или Avant-Congrès. Но кратковременность этихъ собраній, неопредѣленность ихъ роли и незнакомство

членовъ съ занятіями всѣхъ отдѣленій конгресса, значительно уменьшали пользу, которую можно было ожидать отъ этихъ совѣщаній; притомъ оффиціальные делегаты въ устныхъ и даже письменныхъ сообщеніяхъ болѣе представляли панегерики работъ своей національной статистики, нежели отчеты объ исполненіи въ ихъ отечествѣ рѣшеній конгресса.

Первый полный планъ реорганизаціи конгресса исходилъ отъ организатора берлинскаго конгресса г. Энгеля, и основывался главнымъ образомъ на необходимости измѣнить личный составъ конгресса разграниченіемъ правъ его членовъ, смотря по характеру ихъ положенія и отношенія къ статистикѣ, и на необходимости учрежденія особаго органа, который бы сохранялъ преемственность конгрессовъ въ промежуткѣ между ихъ засѣданіями и направлялъ ихъ работы. Проектъ выработанный г. Энгелемъ обращалъ конгрессъ въ постоянное общество, съ членами почетными неплатящими, и членами дѣйствительными, корпоративными и годовыми платящими, съ постоянной коммиссіей изъ 9-ти членовъ, по выбору конгресса, съ центральнымъ бюро, архивомъ, библіотекой, періодическимъ листкомъ. Но проектъ этотъ былъ забракованъ конгрессомъ и вопросъ о преобразованіи былъ переданъ обсужденію особой международной коммиссіи и отложенъ до слѣдующей сессіи.

Ни во Флоренціи, ни въ Гагѣ, несмотря на сдѣланныя представленія и заявленія, и на продолжительные дебаты, вопросъ этотъ не получилъ удовлетворительнаго разрѣшенія, и переданъ былъ петербургскому конгрессу въ томъ же сыромъ видѣ.

Исходя изъ тѣхъ соображеній, что общія собранія конгресса, имѣющія право окончательнаго рѣшенія всѣхъ вопросовъ, состоятъ, кромѣ лицъ вполнѣ компетентныхъ въ статистикѣ, оффиціальныхъ делегатовъ и ученыхъ, т.-е. главныхъ производителей и потребителей статистическихъ данныхъ, еще изъ массы лицъ только интересующихся статистикою, и притомъ что на 100 членовъ конгресса приходится отъ 70 до 90 мѣстныхъ, туземныхъ членовъ; что этимъ значительно ослабляется международный характеръ конгресса; что тотъ же исключительно національный характеръ имѣютъ и организаціонныя коммиссіи, мало знакомыя съ характеромъ и положеніемъ изучаемыхъ предметовъ въ другихъ странахъ; что въ работахъ конгрессовъ нѣтъ единства, и что конгрессъ не имѣетъ средствъ слѣдить за исполненіемъ своихъ рѣшеній, г. Семеновъ въ представленномъ имъ докладѣ, въ видахъ раздѣленія работъ между общимъ собраніемъ, отдѣленіями и организаціонною коммисіею съ одной стороны, или потребителями по преимуществу статистическихъ цифръ и начальниками статистическихъ бюро, или производителями этихъ цифръ, предлагалъ учрежденіе постоянной коммиссіи, которая бы дѣйствовала между двумя сессіями

гресса и сохраняла его традиціи. Послѣ продолжительныхъ и ожив-
ныхъ преній, тянувшихся два засѣданія, собраніе оффиціальныхъ
легатовъ остановилось на слѣдующей организаціи, которая вырабо-
а была въ коммиссіи, составленной подъ предсѣдательствомъ Кет-
а Семенова, изъ Баумгауера, Берга, Энгеля, Фиккера, Вирта и
рнеса:

1. Учреждается постоянная коммиссія международнаго статистиче-
го конгресса изъ членовъ, на которыхъ возложена обязанность
готовить планъ международной статистики. Страны, не участвую-
въ распредѣленіи работъ по международной статистикѣ, имѣютъ
во назначать своихъ делегатовъ въ постоянную коммиссію.

2. Предсѣдателемъ коммиссіи долженъ состоять, отъ одного кон-
сса до другого, организаторъ послѣдней сессіи.

3. Предсѣдатель назначаетъ секретаря.

4. Постоянная коммиссія собирается по крайней мѣрѣ одинъ разъ
жду двумя сессіями. Она имѣетъ предметомъ:

а) Собирать свѣдѣнія о приведеніи въ исполненіе постановленій
нгресса въ различныхъ странахъ и о представляющихся при томъ
трудненіяхъ; изслѣдовать, не требуютъ ли эти затрудненія пере-
отра принятыхъ рѣшеній.

б) Стремиться къ объединенію статистическихъ изданій въ раз-
чныхъ странахъ, насколько то будетъ необходимо для образованія
ждународной статистики.

в) Обращать вниманіе организаціонной коммиссіи на подлежащіе
сужденію въ слѣдующей сессіи вопросы и помогать ей въ состав-
ніи программы.

д) Производить международныя изслѣдованія для того, чтобы
едставлять организаціонной коммиссіи слѣдующей сессіи доклады
положеніи во всѣхъ странахъ тѣхъ отраслей статистики, къ ко-
рымъ относятся предлагаемые вопросы. Представленіе всякаго до-
лада общему собранію конгресса о какомъ бы то ни было вопросѣ
лжно быть сопровождаемо международнымъ изслѣдованіемъ.

е) Коллективныя международныя работы вести такимъ образомъ,
къ это было предпринято въ Гаагѣ; разрѣшать вопросы, относя-
щіеся къ выполненію этихъ работъ и составлять для нихъ про-
аммы.

ж) Представлять конгрессу окончательную редакцію принятыхъ
мъ рѣшеній.

Заключенія эти были приняты весьма сочувственно собраніемъ и
стрѣтили живое одобреніе со стороны многихъ значительныхъ чле-
овъ конгресса.

Слушаніе и обсужденіе 19-ти докладовъ пяти отдѣленій и семи
хъ субъ-коммиссій заняли два полныхъ засѣданія общаго собранія,

16-го и 17-го августа и часть 18-го; какъ мы видѣли, за исключеніе
весьма немногихъ всѣ эти доклады были утверждены почти безъ вс
кихъ измѣненій и поправокъ. Кромѣ того общее собраніе приняло е
нѣсколько предложеній, сдѣланныхъ ему преимущественно относите
но будущихъ работъ конгресса и статистическихъ бюро. Такъ
мысли коммодора Мори и г. Кетле, объ установленіи для изслѣдован
отношеній между жатвою и погодою обширной сѣти метеорологич
скихъ наблюденій на землѣ по тѣмъ способамъ которые приняты
морѣ, и по обсужденіи этого предложенія въ коммиссіи изъ гг. Кетл
Семенова, барона Остенъ-Сакена и адмирала Горковенко, конгресс
выразивъ свое сочувствіе къ мысли г. Мори, пригласилъ оффиціал
ныхъ делегатовъ обратить вниманіе различныхъ правительственны
учрежденій и ученыхъ обществъ на важность осуществленія проек
г. Мори и на необходимость опредѣлить во всякой странѣ способ
такого осуществленія. Подобное же предложеніе о союзѣ между м
теорологами и статистиками было сдѣлано и г. Левассеромъ и пр
нято сочувственно конгрессомъ, несмотря на возраженіе г. Вирта.

Другое предложеніе, исходившее отъ г. Керези и подписанное мн
гими членами второго отдѣленія конгресса о томъ, чтобы статист
ческія учрежденія различныхъ странъ установили между собою п
стоянныя сношенія для сообщенія способовъ, употребляемыхъ и
при собираніи первоначальныхъ данныхъ, также было принято съ в
димымъ одобреніемъ конгрессомъ и занесено въ его протоколы.

Наконецъ г. Виссерингъ предложилъ поручить особенному внима
нію организаціонной коммиссіи будущей 9-й сессіи конгресса вопрос
о статистикѣ желѣзныхъ дорогъ, и г. Энгель о преподаваніи стати
стики.

Вопросъ объ избраніи мѣста для будущаго конгресса занялъ по
слѣднее общее собраніе 18-го августа. Самое энергическое, радушно
и настойчивое приглашеніе исходило отъ представителей Венгріи, гг
Келети и Гунфальви, которые явились съ уполномочіемъ отъ своего
правительства на приглашеніе конгресса въ столицу Венгріи Буда-
Пестъ, и ручались за радушный и гостепріимный пріемъ со стороны
венгерскаго народа.

Главный представитель Америки Іонгъ, поддержанный также гг.
Дерби и Горалечемъ, приглашалъ конгрессъ отъ имени американскаго
народа въ Америку—на 1876 г.—годъ столѣтняго юбилея независи-
мости Соединенныхъ Штатовъ. Несмотря на сочувствіе, выраженное
собраніемъ этому приглашенію, г. Кетле выразилъ мысль, что при всей
симпатіи его къ союзу Европы и Америки въ дѣлѣ статистическаго
изученія, онъ считалъ бы весьма опаснымъ для конгресса, прежде не-
жели твердо установилось единство статистическихъ работъ въ Евро-
пѣ, переноситься въ другую часть свѣта, гдѣ работа производится н

ованіи данныхъ совершенно иного рода, чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ; . Блокъ выразилъ мнѣніе о неудобствѣ особенно для конгресса за;ать во время торжественныхъ празднествъ въ память независи:ти Америки.

Третье приглашеніе исходило отъ представителей Швейцаріи, гг. рта и Боденгеймера, которые возобновили приглашеніе, сдѣланное е въ 1863 г., но повидимому не особенно настаивали на своемъ пришеніи. Наконецъ нельзя не упомянуть, что г. Корренти, представиь Италіи, предложилъ конгрессу собраться въ новой ея столицѣ, Римѣ.

Согласно обычаямъ конгресса и по предложенію гг. Энгеля и Фар, вопросъ о выборѣ мѣста для будущаго конгресса переданъ усмоѣнію организаціонной коммиссіи. Князь Лобановъ-Ростовскій, выравъ представителямъ странъ, отъ которыхъ исходили приглашенія, изнательность собранія, заявилъ, что организаціонная коммиссія вѣситъ серьезно всѣ сдѣланныя предложенія, также и высказанныя мѣчанія.—Въ томъ же собраніи, гдѣ шла рѣчь о мѣстѣ будущаго нгресса, высказано было сочувствіе къ появленію въ первой разъ на нгрессѣ представителей такихъ отдаленныхъ странъ, какъ Аргенпская республика и Японія, и желаніе, чтобъ южно-американскія эспублики приняли участіе въ будущихъ конгрессахъ. Бразилія также ервые имѣла на конгрессѣ своего представителя.

Занятія конгресса заключились торжественнымъ засѣданіемъ обаго собранія, въ которомъ предсѣдательствовалъ в. князь Константинъ Николаевичъ. Оно занято было рѣчами представителей пяти ервоклассныхъ державъ: Франціи, Пруссіи, Англіи, Германской импеіи и Италіи. Въ этихъ рѣчахъ, сказанныхъ каждымъ на родномъ языѣ, гг. Левассеръ, Энгель, Фарръ, Мейценъ и Корренти высказали въ красноречивыхъ выраженіяхъ признательность конгресса Россіи и ея правительству—за оказанное ему гостепріимство; — почетному президенту конгресса — за высокую честь оказанную имъ конгрессу и за постоянное, болѣе усидчивое нежели со стороны кого-либо изъ членовъ конгресса, вниманіе и интересъ къ его занятіямъ; наконецъ всей организаціонной коммиссіи и тремъ главнымъ ея руководителямъ, вице-предсѣдателямъ: князю Лобанову-Ростовскому, генералу Грейгу и П. П. Семенову, за вполнѣ удачное устройство конгресса; при чемъ многими было выражено, что они нашли въ Россіи гораздо болѣе интереснаго и достойнаго изученія нежели предполагали.—Засѣданіе было закрыто рѣчью почетнаго предсѣдателя, великаго князя Константина Николаевича, который съ величайшимъ интересомъ и вниманіемъ слѣдилъ за всѣми работами конгресса и не пропустилъ ни одного засѣданія, присутствуя обыкновенно въ императорской ложѣ. Поблагодаривъ ораторовъ за ихъ краснорѣчивыя слова сочувствія,

высказанныя отъ имени конгресса, заявилъ о своемъ личномъ уважені и о вниманіи Государя Императора и Россіи къ наукѣ и доблестнымъ ея представителямъ, и заключилъ слѣдующею вѣрною мысль:

„Съѣзды, подобные тому, который сегодня оканчивается, представляютъ одну изъ характеристическихъ и, безъ сомнѣнія, одну изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ нашего времени. Сходясь на нейтральной почвѣ науки съ отдаленныхъ краевъ всего образованнаго міра, люди знанія и опыта, люди различныхъ убѣжденій въ сферѣ практической дѣятельности, укрѣпляются во взаимномъ уваженіи и, перенося это уваженіе отъ личностей къ цѣлымъ странамъ, представителями которыхъ они служатъ, тѣмъ самымъ способствуютъ къ укрѣпленію связей между народами. Почерпая въ этомъ сознаніи новыя силы для служенія на томъ поприщѣ, которому они себя посвятили, и какъ бы отдыхая отъ ежедневныхъ трудовъ и заботъ, люди науки своими съѣздами способствуютъ распространенію въ массахъ положительныхъ знаній и тѣмъ самымъ еще болѣе достигаютъ цѣли служенія истинѣ и прогрессу человѣчества“.

Дѣйствительно, первымъ и ближайшимъ для насъ результатомъ окончившагося конгресса должно бы быть знакомство съ нами и болѣе трезвый взглядъ на Россію сотни образованныхъ представителей всѣхъ странъ міра, которые, несмотря на короткое пребываніе у насъ, могли однако убѣдиться, на какихъ ложныхъ понятіяхъ о Россіи многіе изъ нихъ были воспитаны съ юности, и безъ сомнѣнія будутъ распространять свои новыя впечатлѣнія и убѣжденія въ своемъ отечествѣ. Русское гостепріимство было оцѣнено ими вполнѣ по достоинству и было принято съ самой непритворной признательностью. Можно надѣяться, что мы пріобрѣли сотню новыхъ вѣрныхъ друзей во всѣхъ странахъ свѣта.

Съ другой стороны и большинству русской образованной публики, принявшей участіе въ конгрессѣ въ качествѣ праздныхъ зрителей, или слѣдившей за ходомъ занятій конгресса по газетамъ, и привыкшей смотрѣть на статистику какъ на могилу мертвыхъ и большей частію безполезныхъ цифръ, она явилась источникомъ знаній, необходимыхъ каждому государственному и общественному дѣятелю. Присутствіе конгресса безспорно также возбуждаетъ въ странѣ дѣятельность лицъ знакомыхъ съ статистикою и ея требованіями, и популяризуетъ въ массѣ образованной, но не спеціальной публики, понятія о статистикѣ и ея данныхъ.

Если разсматривать конгрессъ независимо отъ этого мѣстнаго значенія его для Россіи, какъ преемника семи предшествующихъ конгрессовъ, то безъ преувеличенія можно сказать, что онъ не уступалъ своимъ предшественникамъ, ни въ отношеніи подготовительныхъ работъ, ни въ отношеніи работъ по отдѣленіямъ. Ненадо забывать, что съ

ждымъ конгрессомъ дѣлается все труднѣе и труднѣе составлять рограммы его занятій, потому что кругъ вопросовъ все болѣе и бо- ѣе исчерпывается, а между тѣмъ каждая организаціонная коммиссія елаетъ представить програму, составленную изъ интересныхъ, по зможности нетронутыхъ вопросовъ. Къ старымъ разсматривавшимся ъ прежнихъ сессіяхъ обращаются лишь тогда, когда они получили режде совершенно неудачное разрѣшеніе, и обѣщаютъ достаточно нтересный матеріалъ для программы и обсужденія. Поэтому нельзя е признать програму вопросовъ бывшаго конгресса составленною сьма удачно; что касается самого выполненія программы, то нельзя е отдать справедливости, что она выполнена добросовѣстно и отли- ается отъ прежнихъ не однимъ объемомъ. Если не считать прило- еній, то она собственно даже не превышаетъ объемомъ программы ругихъ конгрессовъ, но именно въ приложеніяхъ и заключается много есьма интереснаго, потому что они являются какъ бы результатомъ тдѣльныхъ изслѣдованій или enquêtes по разнымъ вопросамъ, и при- омъ по свѣдѣніямъ о многихъ странахъ. Таковы обширныя работы рофессора Таганцева о номенклатурѣ преступленій, гг. Семенова и нучина — о переписяхъ, гг. Майкова и Щепкина — о номенклатурѣ анятій, г. Терехова — по товарной классификаціи. Сверхъ того, въ приложеніяхъ же заключается интересная статья о статистикѣ денеж- наго обращенія въ Россіи, г. Кауфмана, нѣсколько замѣтокъ русскихъ врачей по медицинской статистикѣ, и весьма интересныя работы ино- странцевъ: гг. Майра, Фиккера, Швабе и Вирта. Все это даетъ ны- нѣшней программѣ интересъ болѣе чѣмъ временный. Что касается самыхъ работъ конгресса, т.-е. его отдѣленій,—потому что общее со- браніе не вышло изъ своей обычной роли, утверждать почти безпре- кословно предложенія отдѣленій,—то и здѣсь едва ли работы конгрес- са уступали работамъ прежнихъ сессій. Мы думаемъ, что дѣло шло не лучше, но и не хуже нежели на другихъ конгрессахъ.

Изъ 19-ти докладовъ, рѣшеніе семи вопросовъ привело къ передачѣ ихъ вполнѣ или отчасти на разсмотрѣніе слѣдующаго конгресса или по- стоянной коммиссіи. Изъ остальныхъ 12-ти вопросовъ многіе. какъ, напр., о переписяхъ, о движеніи и спискахъ населенія, о соматологическихъ наблюденіяхъ, о промышленной статистикѣ, о товарной классификаціи, были подвергнуты тщательному и всестороннему обсужденію и при- вели къ довольно удачному развитію и разрѣшенію предложеній, сдѣлан- ныхъ по каждому изъ нихъ организаціонною коммиссіею.

Самымъ существеннымъ результатомъ нынѣшняго конгресса слѣ- дуетъ считать довольно удачное разрѣшеніе вопроса о преобразованіи конгресса. Не измѣняя состава и характера конгресса, какъ предлагалъ г. Энгель въ 1863-мъ г., не увеличивая промежутковъ времени между сессіями, какъ предлагалъ г. Семеновъ, учрежденіе постоянной коммис-

сіи даетъ возможность конгрессу продолжать свою дѣятельность и п закрытіи его оффиціально, и повидимому можетъ облегчить труды ор ганизаціонныхъ киммиссій послѣдующаго времени. Постоянная комми сія должна служить живою, непрерывною органическою связью межд сессіями конгресса и между представителями оффиціальной статисти ки. На ней отнынѣ должна лежать обязанность блюсти за ис полненіемъ и осуществленіемъ рѣшеній конгресса или за измѣне ніемъ ихъ въ случаѣ неудобоисполнимости. Она можетъ быть опасно лишь въ томъ отношеніи, что можетъ забрать въ свои руки дѣл самого конгресса и привести къ его незамѣтному упраздненію, есл конгрессъ самъ вó-время не постарается предотвратить этой опасно сти, будучи главнымъ двигателемъ дѣла. Надо однако надѣяться, чт этого никогда не случится, потому что это было бы посягательством на уничтоженіе могущественнаго средства сближенія между собо лицъ, занимающихся одновременно на разныхъ концахъ вселенной раз работкою матеріаловъ для изученія общественныхъ условій жизни чело вѣка, и распространеніемъ въ массахъ поучительныхъ знаній на польз истины и прогресса человѣчества; скорѣе нужно надѣяться, что съ рас шреніемъ статистикою предѣловъ ея дѣятельности, и конгрессъ бу детъ развиваться, можетъ быть, на новыхъ началахъ, и что современемъ, объѣхавъ всѣ страны Европы и достигнувъ того объединенія стати стическихъ работъ, къ которому направилъ его знаменитый винов никъ конгресса—Кетле, и къ которому онъ такъ неуклонно стремится въ теченіе 20-ти лѣтъ, а со времени гагской и петербургской сессіи уже почти видитъ если не берегъ, то возможность достигнуть берега—въ осуществленіи совокупными силами международнаго статистическаго из данія,—нужно надѣяться, говоримъ мы, что конгрессъ со временемъ рас пространитъ свой районъ дѣйствія—за предѣлы океановъ и будетъ переноситься въ другія части свѣта, такъ какъ онъ до сихъ поръ пе реносился въ Европѣ съ сѣвера на югъ, и съ запада на востокъ.

W.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го октября, 1872.

олѣтній юбилей воспитательнаго дома въ Петербургѣ. — Взглядъ на исторію ого учрежденія. — Новѣйшія преобразованія въ немъ. — Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества. — Докладъ кн. А. Васильчикова. — Отчеты товариществъ. — Нынѣшнее положеніе этого дѣла.

Населеніе города Петербурга по отношенію къ воспитанію дѣтей, езъ сомнѣнія, поставлено въ условія болѣе благопріятныя, чѣмъ аселеніе другихъ русскихъ городовъ. Съ одной стороны сравнительая высота заработковъ даетъ болѣе средствъ къ содержанію дѣтей, ъ другой стороны относительно большое число школъ всякаго рода, тъ низшихъ до высшихъ, даетъ возможность обезпечить ихъ воспианіе. Процентъ учителей въ Петербургѣ внѣ всякаго сравненія съ ѣмъ, какимъ располагаютъ города провинціальные; педагогія всякаго рода, гражданская, военная и духовная, казенная и частная, классическая и *даже* реальная въ Петербургѣ процвѣтаетъ, насколько она вообще можетъ процвѣтать въ извѣстныхъ рамкахъ. Несмотря однако на соединеніе столь благопріятныхъ условій, неподкупныя статистическія цифры обнаруживаютъ фактъ, что населеніе Петербурга относительно воспитанія дѣтей въ значительной мѣрѣ придерживается мысли Жанъ-Жака Руссо́, и гораздо болѣе одной трети всего числа рождающихся въ столицѣ дѣтей отдаются на воспитаніе—въ воспитательный домъ. Съ 1810-го по 1864-й годъ въ Петербургѣ родилось 632 т. дѣтей и изъ этого числа около 220½ тысячъ были отданы въ названное учрежденіе. Итакъ, болѣе трети петербуржцевъ слѣдовали примѣру Жанъ-Жака и на призваніе отца семейства смотрѣли согласно съ Лафонтеномъ: je n'ai jamais envié cet honneur. Замѣчательно еще, что такія убѣжденія прошлаго столѣтія въ средѣ петербургскаго населенія еще не успѣли привиться въ свой вѣкъ, такъ какъ въ 1771-мъ году процентъ дѣтей поступившихъ въ воспитательный домъ составлялъ только 10, 7; развивались же помянутыя убѣжденія въ Петер-

бургѣ преимущественно въ текущемъ столѣтіи, и притомъ разви лись постоянно и до такой степени, что въ 1836-мъ году, изъ все числа дѣтей рожденныхъ въ столицѣ, меньшая половина оставал у родителей, а бо́льшая половина (почти 54%) поступали въ восп тательный домъ.

Оказались нужными разныя ограничительныя мѣры противъ пр носа дѣтей и тогда число приносимыхъ стало уменьшаться, такъ чт въ 1864-мъ году въ воспитательный домъ поступило уже толь 28,4% всего числа рожденныхъ въ столицѣ дѣтей. Ограничительны правила дѣйствовали до половины 1871-го года, а потому мы н имѣемъ возможности судить, въ какой мѣрѣ петербургское населен положилось бы нынѣ для воспитанія своихъ дѣтей на „спеціально предназначенное къ тому учрежденіе. Въ теченіи 1870-го года въ Пе тербургѣ родилось 19,572 души, а въ воспитательный домъ принесен было незаконныхъ и законныхъ дѣтей 6,814 (отчетъ за 1870-й годъ) стало быть все-таки гораздо болѣе трети всего числа рожденныхъ. Н эти данныя соотвѣтствуютъ 1870-му году, въ которомъ ограничитель ныя правила еще дѣйствовали. Каковъ же будетъ результатъ ихъ от мѣны, послѣдовавшей въ 1871-мъ году, мы узнаемъ не ранѣе, как изъ отчета за 1872-й годъ. Во всякомъ случаѣ надо полагать, что процентъ принесенныхъ дѣтей будетъ приближаться скорѣе къ поло винѣ всего числа рожденныхъ въ Петербургѣ, чѣмъ къ трети. Считая съ основанія петербургскаго воспитательнаго дома, въ немъ было при зрѣно (грамота по случаю юбилея) до 370-ти тысячъ дѣтей.

Изъ приведенныхъ цифръ явствуетъ, какое громадное значеніе при надлежитъ воспитательному дому въ той реальной, такъ-называемой „повседневной“ жизни собственно Петербурга, мимо которой скользятъ помыслы общества, занятые или личными или болѣе „эстетическими“ интересами. Но приведенными цифрами еще далеко не обрисовывается все значеніе такого учрежденія, какъ это. Въ экономіи петербургской жизни воспитательный домъ представляется собственно какъ учрежде ніе подбирающее и уносящее куда-то дѣтей, оставленныхъ родителями по бѣдности или равнодушію или подъ давленіемъ другихъ соціаль ныхъ условій, однимъ словомъ — скажемъ горькую правду — какъ нѣ кая благодѣтельная сила, освобождающая городъ отъ цѣлой трети или половины дѣтей. Но вѣдь эти подобранныя дѣти не всѣ же умрутъ; многіе выживутъ несмотря на всю неблагопріятность условій, вы ростутъ, станутъ дѣятелями. Благодаря школамъ воспитательнаго дома, они составятъ въ окрестныхъ мѣстностяхъ значительный про центъ всего числа грамотныхъ, дадутъ большой контингентъ для про фессіи учителей народныхъ школъ, примутся и за другія отрасли труда и представятъ собою то немаловажное значеніе, какое имѣетъ учрежденіе, ихъ усыновившее, и внѣ города Петербурга. Распростране-

ніе оспопрививанія также составляетъ большую заслугу воспитательнаго дома. Наконецъ, и одинъ тотъ фактъ, что воспитательнымъ домомъ сохранено большое число человѣческихъ жизней, самый этотъ фактъ, филантропическій и не имѣющій ничего общаго съ потребностью Петербурга освободиться отъ массы дѣтей во что бы то ни стало — даетъ воспитательному дому право на горячее сочувствіе и глубокое уваженіе всѣхъ развитыхъ людей, даетъ намъ право сказать, что его дѣятельность, скромная какъ все, чтó не удовлетворяетъ и не задѣваетъ страстей, въ сущности стоитъ выше иной дѣятельности. Если не отчаяваться въ будущности человѣчества, если не считать, что взгляды и убѣжденія, въ немъ преобладающіе, никогда существенно не измѣнятся, не направятся къ общему благу, къ реальному дѣлу улучшенія условій человѣческой жизни, то можно думать, что нынѣшніе воспитательные дома и другія мѣстá призрѣнія представляютъ еще не болѣе какъ фундаментъ величественнаго зданія будущности, когда первымъ, главнымъ въ государствѣ дѣломъ будетъ именно дѣло общественнаго призрѣнія, просвѣщенія и врачеванія.

Вотъ въ этомъ смыслѣ особенно велико и дорого значеніе воспитательныхъ домовъ, каковы бы ни были его недостатки за прошлое, а можетъ быть и въ настоящее время. Наши воспитательные дома существуютъ уже цѣлое столѣтіе. Въ 1863-мъ году праздновалъ свой вѣковой юбилей московскій воспитательный домъ; въ истекшемъ мѣсяцѣ праздновалъ свое столѣтіе воспитательный домъ въ Петербургѣ. По поводу юбилея 6-го сентября мы и хотимъ бросить взглядъ на дѣятельность этого учрежденія въ Петербургѣ, какъ она представляется тѣми, къ сожалѣнію весьма неполными свѣдѣніями, какія были доселѣ опубликованы въ матеріалахъ къ истсріи московскаго дома, въ извлеченіяхъ изъ отчстовъ петербургскаго дома, помѣщенныхъ въ „Прав. Вѣстникѣ“ [1]), въ высочайшей грамотѣ по поводу юбилея и нѣсколькихъ газетныхъ статьяхъ.

Въ основаніе учрежденія воспитательныхъ домовъ положены были цѣли хотя взаимно не противорѣчащія, но тѣмъ не менѣе существенно различныя, и любопытно видѣть, какъ духъ времени отражался и въ измѣнявшемся взглядѣ правительства на направленіе столь чуждаго повидимому всякаго отношенія къ политическимъ принципамъ, учрежденія. Первоначальная мысль, инціатива въ учрежденіи воспитательныхъ домовъ въ Россіи безспорно принадлежала одному изъ лучшихъ людей въ нашей исторіи—И. И. Бецкому. Онъ лично побужденъ былъ къ этому дѣлу просто гуманностью, желаніемъ устранить вопіющую

---

[1]) Къ сожалѣнію, мы не могли воспользоваться извлеченіемъ изъ отчета за 1871-й годъ, которое стало печататься въ «Прав. Вѣстникѣ» въ двадцатыхъ числахъ когда наше обозрѣніе уже было набрано.

жестокость, рвеніемъ къ тому, чтобы сдѣлать великое доброе дѣло. Бецкій посвятилъ потомъ этому дѣлу всю свою жизнь и принесъ ему въ жертву значительную часть своихъ доходовъ. Онъ продалъ подаренныя ему государемъ помѣстья и вырученную сумму 400 тысячъ рублей положилъ въ учрежденную при петербургскомъ воспитательномъ домѣ, для увеличенія его средствъ, сохранную казну, для того чтобы внушить довѣріе къ этой казнѣ. По завѣщанію, Бецкій оставилъ воспитательному дому до 163 т. р., да еще около 93 т. р. разнымъ училищамъ. Уже этихъ фактовъ достаточно, чтобы уяснить въ Бецкомъ направленіе чисто-филантропическое, чуждое государственныхъ видовъ на привитіе къ народу какихъ-либо особенныхъ, искусственныхъ системъ. Аракчеевъ энергически прививалъ къ народу подобную систему, но вѣдь Аракчеевъ не отказывался отъ части своихъ доходовъ въ пользу военныхъ поселеній. Со стороны же Бецкаго самое безкорыстіе его доказываетъ чистую филантропичность его намѣреній.

Впрочемъ основная мысль, служившая ему побужденіемъ въ этомъ дѣлѣ, и была имъ высказана во всей своей простотѣ и безхитростности своей гуманности въ первоначальномъ докладѣ, представленномъ имъ императрицѣ Екатеринѣ II, 10-го іюня 1763-го года, которымъ онъ просилъ дозволенія подъ покровительствомъ государыни „завести домъ для найденныхъ и оставленныхъ родителями дѣтей“, для того собственно, какъ выразился онъ тогда, чтобы спасать „тѣхъ несчастныхъ дѣтей, которыхъ злосчастныя, а иногда безчеловѣчныя матери покидаютъ и умерщвляютъ“, и чтобы, „по надлежащемъ воспитаніи, сдѣлать ихъ полезными членами общества“. Та же чисто гуманная цѣль, высказывается и въ написанномъ Бецкимъ „предувѣдомленіи къ генеральному плану воспитательнаго дома для приносимыхъ дѣтей“. „Первое, что дало бытіе сему дому, — говоритъ онъ, — есть милосердіемъ изреченное слово къ отверженнымъ отъ родителей, безъ пристанища, на погибель осужденнымъ, невиннымъ, кромѣ слезъ своихъ къ изъясненію себя никакого способа не имѣющимъ младенцамъ: и вы живи будете! Благотворящій разумъ онаго не только тотъ, чтобы они существовали, но чтобы жили какъ люди, по своему состоянію полезные себѣ и обществу, безъ чего всякій человѣкъ есть тщетное бремя земли. Итакъ“,—совершенно точно опредѣляетъ Бецкій двѣ личныя свои, вполнѣ совпадающія цѣли—„главнѣйшій предметъ есть *спасать* жизнь, укрѣплять здоровье и *образовать* душу благоправную“.

Что личныя цѣли Бецкаго, когда онъ вызывалъ къ жизни это учрежденіе, были свойства исключительно-гуманнаго, безъ всякихъ „заднихъ мыслей“ о какихъ-либо государственныхъ экспериментахъ надъ народомъ, это, повторяемъ, и достаточно было высказано имъ, и доказывается тѣмъ безкорыстіемъ и самопожертвованіемъ, съ какими онъ велъ это дѣло. Только чистый филантропъ могъ пожертвовать

дѣлу и всю свою жизнь, и значительную часть своихъ средствъ, и даже нерѣдко свое самолюбіе, какъ то видно изъ смиреннаго перенесенія Бецкимъ всякихъ неприличныхъ шутокъ со стороны богача Демидова, потому только, что Демидовъ дѣлалъ большія приношенія на то же дѣло. Дѣятели, преслѣдующіе какія-либо особыя государственныя цѣли, смотрящіе на народъ не какъ на совокупность человѣческихъ личностей, имѣющихъ право на „жизнь, здоровье и образованіе благонравной души", но какъ на матеріалъ для государственныхъ экспериментовъ и политическихъ подвиговъ, поступаютъ обыкновенно иначе, чѣмъ поступалъ Бецкій: они служатъ дѣлу для того, чтобы дѣло служило имъ самимъ. Даже большинство самихъ благотворителей благотвореніями стараются пріобрѣсть себѣ если не чины и кресты, то спасеніе души или хотя бы удовольствіе. Филантропическій подвигъ труднѣе всякаго иного именно потому, что чистая филантропія не увлекаетъ никого. На великое дѣло нужна большая двигательная сила, а такою силою всегда бываетъ или разсчетъ, или страсть. Къ чистой филантропіи люди равнодушны во всѣхъ сферахъ.

Вотъ почему Бецкому вскорѣ пришлось не только присоединить къ „общему подаянію", на которое онъ разсчитывалъ для содержанія воспитательныхъ домовъ, разныя привилегіи, какъ-то продажу картъ, сборъ съ „публичныхъ позорищъ", и кредитную операцію ссудъ и вкладовъ, но и къ самому „общему подаянію" возбуждать общество разными побочными средствами, какъ-то раздачею жертвователямъ чиновъ, освобожденіемъ ихъ отъ тѣлесныхъ наказаній, и т. п. Но если оказалось необходимымъ обратиться къ подобнымъ, постороннимъ филантропіи мѣрамъ для пріобрѣтенія отъ общества тѣхъ милліоновъ, которые были нужны на продолженіе существованія воспитательныхъ домовъ, то позволительно думать, что и тѣ первые милліоны, которые требовались для самаго основанія этихъ домовъ, не могли бы быть получены во имя одной чистой филантропіи, для осуществленія въ государствѣ единственно того „слова милосердія", которое изрекалъ отъ его имени Бецкій покинутымъ дѣтямъ — „и вы живы будете!" Екатерина II не была похожа на императрицу Марію Θеодоровну, и заинтересовать ее къ дѣлу, требовавшему большихъ денежныхъ пожертвованій, надо было чѣмъ-нибудь еще кромѣ одной чистой филантропіи. Направленіе блестящаго царствованія Екатерины заключалось въ совершеніи подвиговъ славы. Одни изъ подвиговъ, представлялись въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова — военными побѣдами, расширеніемъ территоріи государства и необыкновеннымъ блескомъ двора. Другіе подсказывались современною философіею, сношенія съ которою также вполнѣ соотвѣтствовали заботливости о славѣ, пока эта заботливость не уступила мѣста иной, еще болѣе настоятельной. Современ-

ная же философія была проникнута убѣжденіемъ въ возможности полнаго пересозданія народовъ руками мудрыхъ законодателей.

Такое пересозданіе имѣлось отчасти въ виду и для русскаго народа. Идеалы, по которымъ въ то время считалось полезнымъ пересоздать русскій народъ, весьма легко отыскать и нынѣ во всей ихъ чистотѣ. Стóитъ только справиться о нихъ у любого полуобразованнаго нѣмца, или вообще иностранца; онъ прямо назоветъ ихъ тѣми самыми именами, подъ какими они ходили въ правительственныхъ сферахъ во времена Екатерины: „улучшеніе нравовъ", „отмѣна грубости и пьянства" и — „учрежденіе средняго сословія". Нѣтъ нужды говорить о томъ, въ какой мѣрѣ эти идеалы съ самомъ дѣлѣ представляютъ идеалы наиболѣе желательные для русскаго народа. Дѣло не въ этомъ вопросѣ, а въ томъ фактѣ, что однѣми законодательными мѣрами народа пересоздать невозможно. Это сознается и въ наше время еще не вполнѣ; а во времена Екатерины господствовало именно убѣжденіе противоположное. И вотъ эти идеалы „улучшенія нравовъ русскаго народа" и внезапнаго созданія въ Россіи „третьяго сословія", какъ средствъ необходимыхъ для того, чтобы она во всемъ сравнялась съ Европою — и представили тѣ виды, которыми филантропъ Бецкій могъ заинтересовать Екатерину къ дѣлу чисто филантропическому, а между тѣмъ требовавшему большихъ жертвъ. Благодаря такой обстановкѣ оно являлось въ привлекательномъ видѣ „подвига" и притомъ подвига съ цѣлью пересозданія народа. Если уже въ своемъ генеральномъ учрежденіи о воспитаніи обоего пола юношества онъ приводитъ тѣ же мотивы въ уясненіе необходимости школъ вообще, то тѣмъ болѣе могли они казаться ему нужными для поддержанія мысли объ основаніи пріюта для покинутыхъ дѣтей.

Вотъ почему въ предувѣдомленіи къ генеральному плану воспитательнаго дома Бецкій какъ будто защищаетъ важность своей гуманной мысли и для государственныхъ цѣлей, какъ будто даже полемизируетъ съ кѣмъ-то, повидимому, сомнѣвавшимся въ пользѣ одного только „слова милосердія" и приводитъ въ помощь своей цѣли именно идеалы „улучшенія нравовъ русскаго народа" и „созданія въ немъ третьяго сословія". „Безъ сомнѣнія, справедливо оное всего свѣта общее мнѣніе,—пишетъ онъ, — что доброе или худое состояніе нравовъ каждаго зависитъ, во всю его жизнь, отъ перваго его добраго или худого воспитанія. Посему, я ласкаю себя, что и учрежденіе сего дома *не почтется за ненужное*, тѣмъ наипаче, что весьма бы худо употреблено было попеченіе и иждивеніе на воспитаніе сихъ дѣтей, когда бы оные не приводимы были къ прилежанію и трудолюбію, но возрастали бы въ праздности и невѣжествѣ и наконецъ, не имѣя полезнаго обществу, выпускаемы были. Надѣяться можно, вышедшіе изъ онаго дома обоего пола люди не только за обычайную уже имъ

трезвость и трудолюбивую жизнь свою не оставятъ, но еще и дѣтей своихъ равнымъ образомъ воспитывать станутъ и въ другихъ примѣромъ своимъ къ подражанію тому же охоту возбудятъ; а по умноженіи и по разсѣяніи таковыхъ въ обществѣ можетъ со временемъ послѣдовать счастливая *перемѣна въ нравахъ* и склонностяхъ всей той части народа, къ которой они принадлежать будутъ".

Но этого еще было мало. „Довольно извѣстно", говорится еще въ генеральномъ регламентѣ, какъ бы въ оправданіе пользы самаго учрежденія Воспитательнаго Дома, — „сколь надобно (т.-е. государству) воспитаніе сходственное съ намѣреніемъ, съ которымъ сей домъ учрежденъ: для того пространныя о семъ доказательства для просвѣщенныхъ читателей не нужны. Здѣсь упоминается только нижеслѣдующее: *въ чужихъ государствахъ* третій чинъ народа, заведенный уже за нѣсколько вѣковъ, продолжается изъ рода въ родъ. Но какъ здѣсь третій чинъ еще не находится, то мнится въ ономъ и нужда состоитъ. Слѣдовательно, пріуготовить основаніе сего чина заведеніемъ сперва учителей и учительницъ, имѣющихъ потребныя качества для воспитанія и обученія обоего пола дѣтей, какъ сего требуетъ намѣреніе" (то-есть намѣреніе создать „третій чинъ").

Первый воспитательный домъ учрежденъ былъ въ Москвѣ, въ 1763-мъ году; но уже и въ то время Бецкій думалъ учредить такой же домъ въ Петербургѣ. Пріемъ дѣтей въ петербургскій домъ начался съ 1770-го года, а самый указъ объ учрежденіи его состоялся 6-го сентября 1772 года—день, котораго столѣтняя годовщина нынѣ и праздновалась. Въ томъ же 1772-мъ году была учреждена и сохранная и ссудная казна, дававшая со временемъ главный источникъ дохода на содержаніе воспитательнаго дома. Что учрежденіе „третьяго чина" было подставлено Бецкимъ для большей заманчивости задуманнаго предпріятія, а не составляло въ самомъ дѣлѣ его собственной цѣли, очевидно; не сталъ бы человѣкъ жертвовать состояніемъ и самолюбіемъ изъ любви къ какому-то „третьему чину"; другое дѣло — изъ горячаго чувства чистой гуманности. Дѣлать какіе угодно эксперименты всего легче было надъ дѣтьми безъ рода и племени, которыхъ можно было пожалуй предназначить и въ несуществующее сословіе. Но мы видимъ, что Бецкій съ самаго начала открылъ доступъ въ воспитательные дома дѣтямъ не только незаконнорожденнымъ, но и законнымъ, а эти послѣдніе уже не годились для образованія третьяго чина, такъ какъ наслѣдовали права и обязанности опредѣленныхъ сословій.

Слѣдуетъ вообще отдать справедливость гуманному даже не по времени, и въ то же время практически - вѣрному взгляду Бецкаго на задачу, предлежавшую его учрежденію. Общія черты, какими онъ опредѣлилъ дѣятельность воспитательныхъ домовъ, были безусловно-

вѣрны, и если впослѣдствіи учрежденіе это отклонялось отъ нихъ, то дѣлало это подъ вліяніемъ обстоятельствъ постороннихъ самому своему назначенію, и во всякомъ случаѣ лучшая будущность для воспитательнаго дома въ томъ и состоитъ, чтобы возвратиться къ общимъ чертамъ, какъ онѣ установлены были Бецкимъ; его учрежденіе можетъ быть во многомъ развито, и уже теперь ему дано большее развитіе, но основныя черты все-таки должны быть сохранены или же возстановлены именно по мысли Бецкаго. Отчасти такое возвращеніе или возстановленіе уже началось нынѣ, а именно въ назначеніи денежной преміи за приносимыхъ дѣтей, притомъ для дѣтей отъ 6-ти недѣль до 2-хъ мѣсяцевъ, въ томъ самомъ размѣрѣ—10 рублей, какой былъ установленъ Бецкимъ для дѣтей 2-хъ-лѣтняго возраста. Впрочемъ, и по мысли самого основателя, Воспитательный Домъ долженъ былъ со временемъ получить большее развитіе, сдѣлаться не только пріютомъ вскормленія покинутыхъ младенцевъ, но огромной школою, которая чѣмъ больше „отвоевала" бы дѣтей у бѣдной, невѣжественной или равнодушной *семьи*, тѣмъ вѣрнѣе исполнила бы свое великое назначеніе. Бецкому не могли поэтому придти и въ мысль какія-либо ограничительныя или стѣснительныя правила относительно приноса дѣтей. Напротивъ, онъ положилъ выдавать за всякаго принесеннаго младенца 2 рубля, выхлопотавъ повелѣніе, чтобы всѣ приходскіе священники, монастыри и богадѣльни принимали „несчастно-рожденныхъ" и пересылали ихъ въ Дома, и чтобы по всей имперіи частныя лица принимали и воспитывали покинутыхъ родителями дѣтей, а потомъ привозили ихъ въ Дома, за что Дома платили имъ преміи: за ребенка 2-хъ лѣтъ—10 р., 3-хъ лѣтъ—18 р., 4-хъ лѣтъ—24 р., 5-ти лѣтъ—30 р. за каждаго.

Уже изъ одного этого факта ясно, что Бецкій вовсе не имѣлъ въ виду разсылать дѣтей по деревнямъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Воспитательные Дома были, во-первыхъ, пріютами для вскормленія младенцевъ и вскормленіе это первоначально производилось искусственными средствами, а сверхъ того и школами для подроставшихъ дѣтей, такъ чтобы дѣти оставались въ нихъ до 11-ти лѣтъ, учились грамотѣ, счету, закону Божію и мастерствамъ, а потомъ отдавались—притомъ на короткіе сроки, а не въ кабалу — на выучку къ частнымъ мастерамъ, и не закрывалъ имъ Дома и послѣ, дозволяя имъ работать въ самыхъ Домахъ, если они женились на воспитанницахъ. Но этого мало. Въ уставѣ оговорено было, что если изъ воспитанниковъ „найдутся нѣкоторые такого понятія и остроты, что государству больше принести пользы могутъ изученіемъ наукъ и художествъ, нежели какимъ-нибудь грубымъ мастерствомъ, то дарованія такого не должно пренебрегать, но по довольномъ испытаніи особливой къ тому способности, отсылать для наукъ ихъ въ императорскій московскій уни-

нтетъ, а для художествъ — въ академію художествъ". Сообразно ымъ видамъ Бецкаго, въ самомъ Воспитательномъ Домѣ были уч- (ены разныя фабрики и мастерскія и преподавался избраннымъ]мцамъ весь средній курсъ для поступленія въ высшія учебныя денія, въ томъ числѣ и латинскій, и живые иностранные языки. въ 1778 году, на празднествѣ въ московскомъ Воспитательномъ ѣ воспитанники произносили рѣчи на русскомъ, французскомъ, ецкомъ и итальянскомъ языкахъ. Для руководства при воспитаніи Домахъ, Бецкій далъ наставленіе въ отношеніяхъ какъ гигиени- комъ, такъ и педагогическомъ, и надо замѣтить, что наставленіе —столѣтіе тому назадъ — воспрещало употребленіе тѣлесныхъ на- аній. Самимъ уставомъ воспитанники объявлялись навсегда сво- ными отъ закрѣпощенія.

При подобныхъ ретроспективныхъ обращеніяхъ къ нѣкоторымъ тлымъ явленіямъ нашего прошлаго, невольно приходитъ на умъ, хотя Россія вообще далеко ушла впередъ, но насколько быст- : и прочнѣе были бы ея успѣхи, если бы нѣкоторыя позднѣйшія тоятельства не заглушили, а частью и не истребили совсѣмъ нѣ- орыхъ добрыхъ сѣмянъ, давно посѣянныхъ у насъ! Сравните съ ымъ величественнымъ высоко-гуманнымъ Воспитательнымъ Домомъ, кимъ онъ безъ сомнѣнія представлялся въ будущности Бецкому, ъ позднѣйшій — хотя и не нынѣшній — Воспитательный Домъ, ко- рый понимался и самъ себя понималъ въ смыслѣ передаточной нціи, временного пріемнаго покоя, для очищенія столицъ отъ ни- му ненужныхъ, лишнихъ дѣтей, отъ которыхъ онъ и самъ ограж- ъ себя, стараясь принимать ихъ какъ можно меньше и торопясь свою очередь освободиться отъ нихъ во чтобы то ни стало, разо- ать ихъ по деревнямъ, платя деньги не за то, чтобы ему приноси- дѣтей, но за то, чтобы его отъ нихъ освобождали, хотя это и дѣ- лось предметомъ гнуснѣйшей торговли дѣтьми по деревнямъ, а по- мъ, сообразно требованію разныхъ начальствъ, сдавалъ произвольное сло этихъ людей, пріобрѣтенныхъ имъ одной уплатою какихъ-ни- дь 200 рублей за содержаніе въ деревнѣ до 17-ти-лѣтняго возраста — ; солдаты, въ матросы, фельдшера и т. д.

Но уже при самомъ Бецкомъ нѣкоторыя изъ первоначальныхъ ыслей его найдены были неисполнимыми по недостатку средствъ. ачать съ того, что искусственное вскормленіе массы дѣтей оказалось евозможнымъ. Смертность дѣтей была по истинѣ ужасна: въ теченіи 2-ти лѣтъ, съ 1772—1784 г., изъ 7709-ти дѣтей, поступившихъ въ здѣш- ій Воспитательный Домъ, умерло 6,606, то-есть 89%. Жаль, что поч- енный г. Кетле не дождался обнародованія у насъ цифръ смертности ъ воспитательныхъ Домахъ за первое время ихъ существованія: онъ пеціально занимался этимъ предметомъ, но и въ собранныхъ въ его

сочинении свѣдѣніяхъ встрѣчается немного такихъ цифръ смертност въ воспитательныхъ домахъ всѣхъ странъ. Съ 1785 по 1797 год смертность въ здѣшнемъ Домѣ была 76%. „Императрица Марія Ѳео доровна,—говоритъ г. А. Громачевскій въ своей статьѣ,— по всту леніи своемъ въ управленіе Воспитательными Домами, съ ужасом узнавъ, что изъ 65,000 дѣтей, поступившихъ въ Домъ въ течені 30-ти лѣтъ, уцѣлѣло только 7000, во все время своего управлені изыскивала разныя мѣры, результатомъ которыхъ было уменьшені смертности *въ нѣкоторые годы* до 50-ти и даже до 46%. Въ настояще время, смертность питомцевъ Воспитательнаго Дома, говорятъ, со ставляетъ не болѣе 20%.

Огромная смертность и трудность отвратить ее, по недостатк кормилицъ, заставила Бецкаго еще съ 1768 года начать разсылку д тей по деревнямъ, что̀ было противно его первоначальной мысл Тѣмъ не менѣе, эта первоначальная мысль была вѣрна, и приведен ныя цифры показываютъ, что разсылка дѣтей по деревнямъ не уст ранила огромнаго процента смертности. Впрочемъ, хотя дѣти разсы лались по деревнямъ, но по шестому году они возвращались въ Вос питательный Домъ для обученія, такъ что самое назначеніе Дом этимъ еще не измѣнилось. Новое отступленіе было сдѣлано въ 1796-м году, когда за умноженіемъ питомцевъ, при тѣснотѣ помѣщенія, рѣ шено было опредѣлить норму питомцевъ, которые могли оставатьс для обученія ремесламъ въ самомъ Домѣ, а прочихъ не возвращат въ Домъ, но прямо поселять въ деревняхъ. Тогда же установлен было, питомцевъ Дома для дальнѣйшаго обученія мастерствамъ отда вать къ мастерамъ и гораздо раньше чѣмъ полагалось прежде, а именно вмѣсто 11-ти уже съ 8-ми-лѣтняго возраста на гораздо бо лѣе долгіе сроки; вмѣсто 4—5 лѣтъ, на 12-ть (дѣвочекъ) и 16-ть (маль чиковъ), что уже составило тяжкую кабалу. Это введено уже послѣ Бецкаго.

Однако надо признать, что Бецкому принадлежитъ огромная за слуга собственно по самой мысли объ учрежденіи Воспитательныхъ Домовъ и по энергическому проведенію этой мысли въ жизнь. Самые же результаты его управленія, какъ показываютъ приведенные факты, были не блестящи. Но первоначальныя его мысли все-таки представ ляютъ тотъ раціональной первообразъ, къ которому чѣмъ ближе бу детъ подходить Воспитательный Домъ, тѣмъ болѣе принесетъ поль зы народу. Съ 1797-го года, Воспитательные Дома перешли въ завѣды ваніе императрицы Маріи Ѳеодоровны и положеніе ихъ въ санитар номъ отношеніи улучшилось. Вообще, можно сказать, что управленіе императрицы Маріи, которая также близко принимала къ сердцу это дѣло, въ практическомъ отношеніи привело къ болѣе удовлетвори тельнымъ результатамъ, чѣмъ управленіе Бецкаго, а между тѣмъ и

въ самомъ направленіи своемъ не отступало отъ мысли Бецкаго, насколько то позволяли средства. Такъ, въ каждомъ Домѣ воспитывалось по 500 дѣтей, а прочіе разсылались по деревнямъ не по убѣжденію, что такъ и слѣдовало бы, но просто по невозможности содержать большее число. При Маріи Ѳедоровнѣ устроено было въ Домахъ кормиличное отдѣленіе; она пожертвовала на это 100 т. р. и давала ежегодно по 50-ти т. р. Отсылаемыя въ деревни дѣти оставались тамъ до 3-хъ лѣтъ, потомъ привозились въ дома для привитія оспы и снова размѣщались по деревнямъ, гдѣ и воспитывались, подъ наблюденіемъ экспедиціи государственнаго хозяйства. Дѣтямъ же, которыя воспитывались въ Домахъ даваемо было и общее и ремесленное образованіе, по мысли Бецкаго, для чего въ Домахъ вновь были устроены разныя мастерскія и куплена была александровская прядильная мануфактура; продолжалось и приготовленіе способнѣйшихъ питомцевъ къ инымъ, въ томъ числѣ и къ высшимъ профессіямъ, для чего при Домахъ существовали писарскіе и латинскіе классы, и женскіе классы для образованія повивальныхъ бабокъ и гувернантокъ. Воспитывавшихся въ деревняхъ зачисляли послѣ 17-ти лѣтъ въ казенные крестьяне, давая имъ деньги на обзаведеніе, а дѣвушкамъ на приданое.

Совершенная перемѣна въ направленіи здѣшняго Воспитательнаго Дома произведена была указомъ 25-го іюня 1837-го года. Указъ этотъ характеризуетъ перемѣну, происшедшую къ тому времени въ общемъ направленіи администраціи. Указомъ этимъ положено было учебные классы въ здѣшнемъ Домѣ закрыть для питомцевъ, обративъ эти классы впредь въ институтъ для оберъ-офицерскихъ дѣтей. Только питомцевъ, уже состоявшихъ до того времени въ классахъ, дозволено было оставить въ нихъ, и опредѣлить затѣмъ въ медицинскую академію, университетъ, на службу, въ гувернантки, однимъ словомъ такъ, какъ было прежде. Но затѣмъ, въ учебные классы принимать уже только оберъ-офицерскихъ сиротъ, а незаконнорожденныхъ дѣтей и законныхъ питомцевъ — круглыхъ сиротъ, предписано было отдавать безъ всякаго изъятія въ деревни и затѣмъ обращать ихъ всѣхъ въ сельское состояніе. Такая разсылка по деревнямъ уже истекала не изъ внѣшней необходимости, а изъ принципа; вслѣдствіе ея Воспитательный Домъ и превращался просто въ пріемный покой для вывоза изъ Петербурга лишнихъ дѣтей, то-есть цѣлой трети всего числа его дѣтей. Наступало вновь такое время, когда на воспитаніе людей смотрѣли уже съ точки зрѣнія не педагогической и гуманной, а съ точки зрѣнія такъ-называемыхъ „высшихъ государственныхъ“, а въ сущности произвольныхъ, искусственныхъ соображеній. Екатерина II могла руководствоваться соображеніемъ подобнаго же рода, когда хотѣла создать въ государствѣ „новую породу людей“, „третій чинъ“. Но къ

счастію такіе виды совпадали и съ простыми видами гуманности — дать покинутымъ дѣтямъ возможно большее человѣческое развитіе. Въ 1837-мъ же году, мысль о созданіи „третьяго въ государствѣ чина“ никакъ не внушала къ себѣ сочувствія въ высшихъ административныхъ сферахъ. Совсѣмъ напротивъ, тогдашнимъ идеаломъ было, чтобы всякій человѣкъ непремѣнно былъ къ чему-нибудь прикрѣпленъ: или къ сельскому тяглу, или къ службѣ. И вотъ почему питомцевъ Воспитательнаго Дома положено было всѣхъ обращать въ сельское состояніе, и они въ дѣйствительности съ тѣхъ поръ до позднѣйшаго времени оставались почти безъ всякихъ средствъ воспитанія. „Московскія Вѣдомости“ и въ настоящее время высказываютъ свое сочувствіе къ указу 1837-го года. „Нѣтъ сомнѣнія, — говорятъ они,—что при установленіи этой мѣры дѣйствовало то же мудрое государственное правило, которое проходитъ почти чрезъ всю нашу исторію и которое (?) всегда стремилось къ тому, чтобы создать какъ можно болѣе собственниковъ и какъ можно менѣе бездомныхъ людей, составляющихъ ядро пролетаріата“. Упомянувъ затѣмъ, что будто бы германскіе ученые, на основаніи примѣра Франціи, признаютъ воспитательные дома „не безопасными въ политическомъ отношеніи“, газета полемизируетъ противъ основной мысли Бецкаго еще тѣмъ аргументомъ, что особенно-талантливыхъ людей бываетъ немного, „большинство же образованныхъ питомцевъ поступало въ то бѣдное чиновничье сословіе, которое составляетъ истинный русскій пролетаріатъ“. Московская газета и не могла отнестись иначе къ указу 1837-го года, такъ какъ сама она стоитъ именно на той точкѣ, съ которой въ дѣлѣ воспитанія представляется наиболѣе важною не прямая цѣль воспитанія, то-есть человѣческое развитіе, но мнимо-государственныя, а скорѣе полицейскія преоккупаціи. Но что касается до вѣрности высказываемаго ею историческаго взгляда, то эта вѣрность весьма сомнительна. Если и допустить, что проходящее чрезъ почти всю нашу исторію „правило стремилось“ къ созданію наибольшаго числа собственниковъ, даже и тогда, когда оно установляло крѣпостное право, эту прямую противуположность собственности, даже и тогда, когда вслѣдствіе такого „стремленія“ образовались у насъ великорусское казачество, многочисленное разбойничество, то ужъ никакъ нельзя допустить, что мысль Бецкаго давать образованіе питомцамъ болѣе содѣйствовала размноженію бѣднаго чиновничества, чѣмъ именно всѣ мѣры той самой системы, которая представляется 1837-мъ годомъ. Замѣтимъ, что закрывъ учебные классы Воспитательнаго Дома для питомцевъ, указъ 1837-го года предназначилъ ихъ именно для оберъ-офицерскихъ дѣтей, то-есть имѣлъ въ виду дать сиротамъ чиновниковъ возможность самимъ обращаться въ чиновниковъ же, избав-

ляя ихъ отъ необходимости поступать въ мастеровые, приказчики и т. п.

Указъ 1837-го года запрещалъ и возвратъ питомцевъ изъ деревень въ воспитательные Дома, допуская, и то только въ видѣ исключеній, опредѣленіе ихъ туда въ качествѣ служителей, нянекъ, кучеровъ и т. д., а также назначеніе ихъ на александровскую мануфактуру и другія фабрики. За то, нѣкоторое число питомцевъ передавалось въ морское вѣдомство для службы во флотѣ и рабочихъ экипажахъ и въ министерство государственныхъ имуществъ, для обращенія тамъ въ писаря, фельдшеры и т. д. Все образованіе для питомцевъ послѣ указа 1837-го года ограничено было обученіемъ ихъ одной грамотѣ деревенскими учителями.

Существенное измѣненіе въ этой системѣ и измѣненіе именно въ смыслѣ возвращенія къ мысли Бецкаго о распространеніи, посредствомъ воспитательныхъ домовъ, образованія въ массѣ народа, о приготовленіи изъ питомцевъ учителей и учительницъ, началось въ Петербургѣ уже только при нынѣшней администраціи, то-есть всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ эти года учреждено было въ деревняхъ для питомцевъ 73 школы, въ которыхъ учится до 2000 дѣтей. Изъ такого числа учениковъ, Воспитательный Домъ имѣетъ возможность выбирать вполнѣ способныхъ кандидатовъ въ учителя для народныхъ школъ. Ежегодно лучшихъ 25 учениковъ своихъ сельскихъ школъ онъ опредѣляетъ въ учрежденную въ немъ учительскую семинарію. Эта семинарія успѣла уже приготовить много дѣльныхъ учителей, поступившихъ какъ въ школы самаго Дома, такъ и въ школы удѣльныя и земскія, въ Ильинскомъ, Бородинскомъ императорскихъ имѣніяхъ, въ Ливадіи, въ Одессѣ, Рязани и проч. Для окончательнаго подготовленія учениковъ сельскихъ школъ къ слушанію курса учительской семинаріи, учрежденъ въ одномъ изъ округовъ Ямбургскаго уѣзда приготовительный классъ, гдѣ въ теченіи одного лѣта кандидаты въ семинарію повторяютъ курсъ, пройденный ими въ разныхъ школахъ, такъ, чтобы по возможности приблизиться къ одному уровню знаній. А размѣръ курса таковъ, что въ него входитъ исторія и географія. Учреждено также женское училище на 60 воспитанницъ, для приготовленія учительницъ. Въ видѣ опыта, основанъ въ селѣ Грызовѣ, въ Царскосельскомъ уѣздѣ дневной пріютъ для 50-ти дѣтей, которыми завѣдываютъ двѣ учительницы и въ которомъ примѣнена фребелевская метода игръ и упражненій; въ этомъ пріютѣ помѣщаются не только питомцы Дома, но и дѣти сосѣднихъ крестьянъ; воспитательницы ежедневно утромъ обходятъ избы и собираютъ дѣтей въ пріютъ. Крестьяне, какъ удостовѣряетъ „Голосъ", стали уже сознавать приносимую пріютомъ пользу и выражая признательность за его учрежденіе, просятъ объ открытіи другихъ подобныхъ заведеній. И такихъ пріютовъ

предполагается, по словамъ той же газеты, открыть цѣлый рядъ, въ различныхъ мѣстностяхъ, такъ что эти пріюты, вмѣстѣ съ сельскими школами Дома, разсѣянными по Петербургской и Новгородской губерніямъ, съ учительскою семинаріей и женскимъ училищемъ представятъ безъ сомнѣнія значительный рычагъ для распространенія образованія въ сельской массѣ, а это тѣмъ нужнѣе, что для этой именно массы повидимому не предполагается новыхъ средствъ въ этомъ отношеніи со стороны государства, которое пока ограничиваетъ свои усилія преобразованіемъ городскихъ училищъ.

Итакъ, повторяемъ, нынѣшняя администрація здѣшняго Воспитательнаго Дома осуществила большія улучшенія противъ того періода, который начался съ 1837-го года и отчасти возвратилась къ мысли Бецкаго; но только отчасти. Дѣти призрѣваются въ самомъ Воспитательномъ Домѣ только весьма короткое время (если не ошибаемся—всего 6 недѣль), а потомъ раздаются крестьянкамъ, которыя пріѣзжаютъ за ними изъ деревень и берутъ ихъ на вскормленіе за ежемѣсячную плату по 2 р. 40 коп. въ мѣсяцъ. Хотя намъ и говоритъ статья г. Громачевскаго въ „С.-Петербург. Вѣдомостяхъ“, что процентъ смертности питомцевъ въ настоящее время не болѣе 20%, но мы не знаемъ, какъ согласовать этотъ фактъ съ тѣмъ извѣстнымъ фактомъ, что у самихъ нашихъ крестьянъ процентъ смертности дѣтей гораздо больше, такъ какъ на 1000 рождающихся въ Россіи дѣтей 5-ти-лѣтняго возраста достигаютъ только 603, стало быть умираетъ до этого возраста немногимъ менѣе 40 процентовъ. Неужели же чужихъ дѣтей крестьяне могутъ содержать лучше, чѣмъ своихъ? Притомъ извѣстно, что система денежной выдачи за вскормленіе ведетъ непремѣнно къ спекуляціи, къ перекупкѣ дѣтей, при чемъ ужъ конечно не обращается вниманія на то, какому возрасту какое соотвѣтствуетъ молоко. Относительно кормленія питомцевъ и ухода за ними и нынѣшнею администраціею здѣшняго Воспитательнаго Дома сдѣлано не много, а именно только учреждены въ разныхъ деревняхъ такъ-называемыя „колыбельни“ (crêches), для охраненія дѣтей отъ недостатка присмотра во время ухода кормилицъ на работы; такимъ образомъ большое число дѣтей остается все-таки подъ присмотромъ, хотя одной няньки. Но дѣло не въ одномъ этомъ. Самая перевозка младенцевъ въ деревни и отсутствіе всякаго надзора за тѣмъ, кто и какимъ образомъ будетъ въ дѣйствительности кормить ихъ — вотъ гдѣ должна быть главная причина значительной смертности питомцевъ. Что женщины, принявшія ихъ въ Домѣ, должны достаточно заботиться о нихъ уже потому, что получаютъ за нихъ ежемѣсячную плату, это—гарантія крайне недостаточная. Для полученія платы достаточно, чтобы ребенокъ былъ едва живъ, да если онъ и умретъ, то можно взять или перекупить другого. Въ этомъ отношеніи открыты были

страшныя злоупотребленія въ Германіи и въ особенности въ Англіи, гдѣ такъ-называемое baby-farming въ послѣдніе года обратилось въ преступленіе, сильно встревожившее и общество, и печать.

При настоящей организаціи въ дѣлѣ воспитанія покинутыхъ дѣтей наиболѣе существенную пользу приноситъ собственно высшее управленіе учрежденіями Воспитательнаго Дома, а не самый этотъ домъ, потому что такъ распредѣлена между ними дѣятельность. На попеченіи высшаго управленія находится теперь до 25-ти тысячъ питомцевъ, изъ которыхъ самая незначительная часть находятся въ самомъ Домѣ, остальные распредѣлены по 15-ти округамъ, внѣ Петербурга; въ 10-ти изъ этихъ округовъ устроены лазареты, а въ остальныхъ 5-ти предполагается ихъ устроить. Все это прекрасно; но самъ Воспитательный Домъ въ Петербургѣ все-таки остается передаточной станціею для освобожденія Петербурга отъ трети его дѣтей, да еще оспопрививательнымъ заведеніемъ для всего населенія столицы, и больше ничѣмъ. Относительно пріема дѣтей нынѣшней администраціи также принадлежитъ большая заслуга; ею отмѣнены всякія ограниченія въ пріемѣ дѣтей; по правиламъ 24-го іюня 1871-го года, которыя были наклеены на стѣнахъ петербургскихъ домовъ, незаконнорожденные младенцы не старѣе года принимаются въ домъ во всякое время дня и ночи, съ метриками или безъ метрикъ, и будучи сданы безъ метрикъ могутъ быть взяты и обратно въ теченіи шести недѣль. За приносъ же незаконнаго ребенка въ возрастѣ отъ 6-ти недѣль до 2-хъ мѣсяцевъ, съ метрической выпиской, выдается 10 рублей, а если представляется еще и удостовѣреніе о привитіи ему оспы, то еще 3 рубля. Цѣль этой преміи за вскормленіе до 6-ти недѣль та, чтобы уменьшить смертность, которая бываетъ всего сильнѣе въ первое же время жизни младенца. Выдача денегъ родителямъ также вполнѣ соотвѣтствуетъ мысли Бецкаго и нѣтъ сомнѣнія, что въ очень многихъ случаяхъ уплата родителямъ десяти рублей вѣрнѣе заставитъ ихъ продержать ребенка нѣкоторое время дома, чѣмъ самое основательное опасеніе смерти ребенка, отданнаго тотчасъ по рожденіи. Вообще въ соціологическихъ предположеніяхъ слѣдуетъ менѣе всего разсчитывать на чувствительность, а болѣе всего на личный, хотя бы и незначительный интересъ.

Но коренного улучшенія въ системѣ вскормленія и самаго первоначальнаго воспитанія дѣтей и уходѣ за ними можно бы достигнуть неиначе, какъ полнымъ возвращеніемъ къ мысли Бецкаго: чѣмъ больше дѣтей будетъ на непосредственномъ попеченіи государственнаго призрѣнія, тѣмъ будетъ лучше для нихъ и для самого государства. Уменьшенія смертности, раціональнаго ухода возможно достигнуть не иначе, какъ совсѣмъ оставивъ разсылку питомцевъ по деревнямъ, на произволъ судьбы, и не обращаясь конечно къ искусственному

вскормленію, все-таки сохранять всѣхъ питомцовъ въ самомъ Воспитательномъ Домѣ и его отдѣлахъ, которые можно бы устроить внѣ города. Предположеніе, что дѣтямъ въ деревняхъ лучше, чѣмъ могли бы быть въ большомъ городскомъ заведеніи, гдѣ возможенъ раціональный уходъ — есть предразсудокъ. Мы не можемъ допустить, что процентъ смертности питомцевъ по деревнямъ меньше, чѣмъ общій процентъ смертности крестьянскихъ дѣтей. Мы полагаемъ, что первый несомнѣнно выше послѣдняго, и что вообще говоря, судьба дѣтей разсылаемыхъ по деревнямъ не внушаетъ и бѣднякамъ довѣрія, какъ то видно изъ факта, что несмотря на существованіе Воспитательнаго Дома, и на облегченный въ немъ пріемъ, значительное число дѣтей въ Петербургѣ по прежнему подкидываются къ частнымъ лицамъ въ надеждѣ избавить ихъ отъ будущности, которая ихъ ожидаетъ. Но примемъ на минуту, что этотъ процентъ и не превышаетъ 20-ти. Все-таки въ самомъ Воспитательномъ Домѣ, то-есть въ его грудныхъ отдѣленіяхъ онъ ниже: въ 1867-мъ году онъ былъ всего съ небольшимъ 16% всего числа принесенныхъ дѣтей, и хотя въ слѣдующіе года онъ (не знаемъ отъ какой причины) и возвысился, но и въ 1870-мъ году составлялъ менѣе $18^1/_2$%. И это—надо замѣтить—относится къ дѣтямъ новорожденнымъ, среди которыхъ, само собою разумѣется, смертность бываетъ сильнѣе.

Невозможно, скажутъ намъ, оставлять всѣхъ питомцевъ въ Домѣ уже по недостатку помѣщенія. Дѣйствительно, зданія, первоначально предназначенныя для Воспитательнаго Дома и составляющія громадный кварталъ, разобраны въ разныя времена для помѣщенія разныхъ заведеній, изъ которыхъ многія и ничего общаго не имѣютъ съ Воспитательнымъ Домомъ: такъ въ зданіяхъ по Мѣщанской помѣщался бывшій Ломбардъ, Опекунскій Совѣтъ, а на самихъ внутреннихъ дворахъ два женскихъ института, на Гороховой училище глухонѣмыхъ, и всѣ эти заведенія снабжаютъ тутъ же казенными квартирами всѣ свои управленія; такъ что собственно Воспитательному Дому, то-есть помѣщенію покинутыхъ дѣтей принадлежитъ какая-нибудь двадцатая часть этой громадной площади и этой массы построекъ. Пожертвованія Бецкаго, Екатерины II, Демидова, и множества благотворителей, а также операціи учрежденной собственно въ интересахъ Воспитательнаго Дома ссудной и сохранной казны обратились такимъ образомъ въ значительной мѣрѣ на цѣли вполнѣ почтенныя, но не на тѣ, для которыхъ они предназначались. Но если разобраны эти помѣщенія, то слѣдуетъ пріобрѣсть иныя, достаточныя для того, чтобы содержать въ нихъ тысячи три-четыре малолѣтныхъ дѣтей изъ всего числа 25 тысячъ наличныхъ питомцевъ, такъ какъ въ этомъ числѣ заключаются и взрослые юноши и дѣвушки. Но еще лучше было бы, быть можетъ, разбить Воспитательный Домъ на нѣсколько отдѣловъ,

устроенныхъ внѣ города, но не слишкомъ далеко, въ видѣ дачъ или cottages, съ тѣмъ, чтобы во главѣ каждаго отдѣла стоялъ спеціалистъ, то-есть врачъ дѣтскихъ болѣзней. Къ деревнямъ было бы ближе, кормилицъ доставать было бы легче, тѣмъ болѣе, что при просторѣ загородныхъ помѣщеній можно бы дозволять кормилицамъ поступать въ отдѣлы Дома со своими грудными дѣтьми, которыхъ и выкармливать вмѣстѣ съ питомцами. Затѣмъ, нѣкоторыя изъ такихъ загородныхъ помѣщеній уже служили бы собственно школами, и во главѣ ихъ должны бы быть тоже спеціалисты — опытные учителя. Такимъ образомъ, въ городѣ оставался бы Воспитательный Домъ въ нынѣшнемъ его видѣ, то-есть какъ пріемный покой для новорожденныхъ, а администраціи было бы оставлено общее управленіе всѣмъ дѣломъ. Какое развитіе дано бы было школамъ, это уже зависѣло бы отъ средствъ и отъ просвѣщеннаго усердія руководителей всего дѣла.

При самомъ празднованіи юбилея здѣшняго Дома, объявлено было о послѣдовавшемъ утвержденіи новыхъ уставовъ и штатовъ для учебныхъ заведеній Воспитательнаго Дома, и объ учрежденіи особаго капитала въ 200 т. рублей для оказыванія пособій и наградъ тѣмъ изъ питомцевъ, которые, посвятивъ себя педагогической дѣятельности, будутъ продолжать ее въ деревенскихъ школахъ и по окончаніи срока своей обязательной службы. Общество, безъ сомнѣнія, съ глубокимъ сочувствіемъ узнало о дарованіи такого средства для обезпеченія сельской массѣ нѣкотораго числа хорошихъ народныхъ учителей, и вѣдомство IV отдѣленія канцеляріи его величества своимъ ходатайствомъ по этому предмету безспорно оказало услугу наиболѣе настоятельной изъ прямыхъ потребностей народнаго просвѣщенія, въ чемъ съ нами на этотъ разъ навѣрно согласится и само министерство народнаго просвѣщенія.

Отъ благотворительности перейдемъ къ самопомощи. Недавно мы получили вышедшую вторымъ изданіемъ книжку, содержащую образцовый уставъ для сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, составленный г. Яковлевымъ. Въ концѣ книжки, въ новомъ изданіи помѣщены между прочимъ отчетная вѣдомость тѣхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, которыя доставили особому комитету, состоящему при московскомъ обществѣ сельскихъ хозяевъ, свои отчеты къ 1-му января текущаго года, и сравнительная таблица уставовъ различныхъ товариществъ. Общій обзоръ основаній и дѣятельности тѣхъ товариществъ, которыя доставили отчеты, былъ сдѣланъ и въ докладѣ кн. А. Васильчикова Вольному Экономическому Обществу въ мартѣ нынѣшняго года (онъ напечатанъ въ сборникѣ газеты „Недѣля"). Кн. Васильчиковъ заключалъ свой докладъ словами: „отказывать народнымъ массамъ въ кредитѣ составляетъ такое же общественное преступленіе, какъ отказывать народу въ правосудіи", и съ этими сло-

вами нельзя не согласиться въ томъ смыслѣ, что при отсутствіи сколько-нибудь умѣреннаго въ своемъ ростѣ кредита, наше крестьянское земледѣліе положительно не будетъ имѣть средствъ поправить свои дѣла, находящіяся, какъ извѣстно, въ положеніи столь незавидномъ, что ему со временемъ можетъ угрожать серьёзный кризисъ.

Несомнѣнно, что будь даже вся Россія покрыта товариществами крестьянскаго взаимнаго кредита, одинъ этотъ кредитъ не въ состояніи безусловно отвратить кризисъ. Но наши псевдо-консерваторы, которые охотно доказываютъ это, упускаютъ притомъ вѣроятно изъ виду, что чѣмъ очевиднѣе сталъ бы такой фактъ, тѣмъ въ то же время яснѣе была бы доказана необходимость оказать крестьянамъ государственную помощь въ облегченіи, съ одной стороны, выкупныхъ платежей, а съ другой и податной тягости, перенесеніемъ части ея на другія сословія. Въ дѣлѣ поправленія крестьянскаго хозяйства замѣшанъ еще и законодательный вопросъ о круговой порукѣ въ платежѣ податей. Но изъ того, что такое огромное по своему значенію и размѣрамъ дѣло вмѣщаетъ въ себѣ различные элементы и даетъ поводъ къ вопросамъ разнообразнымъ, все-таки не слѣдуетъ, что доступность крестьянамъ дешеваго кредита не будетъ для нихъ весьма значительнымъ подспорьемъ. Это, кажется, несомнѣнно, и тутъ весь вопросъ сводится къ тому: возможно ли достигнуть этой цѣли путемъ учрежденія товариществъ крестьянскаго взаимнаго кредита? Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ именно только опытомъ и никакими теоретическими соображеніями впередъ предрѣшаемъ быть не долженъ уже и потому, что самая теорія кредита основалась на существующемъ, на опытѣ, и вовсе не имѣетъ значенія окончательной научной безусловности. Вотъ почему тѣ дѣятели, какъ кн. Васильчиковъ и г. Яковлевъ, которые, несмотря на теоретическія возраженія, принялись за это дѣло, какъ бы вѣруя, что результатъ опыта подтвердитъ ихъ ожиданія, а не сомнѣнія теоретиковъ, поступили совершенно раціонально, и были бы правы даже тогда, если бы считали въ такомъ дѣлѣ „практику выше науки". Въ дѣлѣ, которое въ случаѣ успѣха обѣщаетъ пользу огромную, а началось въ малыхъ размѣрахъ, стало быть съ небольшимъ рискомъ, было вполнѣ благоразумно не стѣсняться соображеніемъ, что чего не было, того и не можетъ быть. Самое развитіе науки идетъ не иначе, какъ путемъ опыта, и почти всѣ открытія представляютъ результатъ предположенія.

Данныя, какія представилъ до сихъ поръ опытъ дѣятельности уже открытыхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, всего за два года, еще далеко недостаточны, конечно, чтобы по нимъ можно было считать вопросъ рѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ окончательно. Однакоже наличныхъ данныхъ вполнѣ достаточно, чтобы поддержать энергію начинателей и чтобы пріобрѣсть опыту вниманіе и поддержку

о стороны всего общества. Первое ссудо-сберегательное товарищество въ Россіи было учреждено С. Ф. Лугининымъ, въ селѣ Рождественскомъ, Ветлужскаго уѣзда, Костромской губерніи. Затѣмъ значительный толчокъ этому дѣлу былъ данъ въ 1870-мъ году новгородскимъ земствомъ, которое назначило ссуды отъ 1000 до 3000 рублей для образованія основного капитала ссудныхъ товариществъ въ губерніи. Въ концѣ 1870-го года, вслѣдствіе доклада, представленнаго г. Яковлевымъ на сельско-хозяйственномъ съѣздѣ въ Москвѣ, и была учреждена при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства коммиссія, которой поручено было выработать нормальный уставъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Коммиссія эта впослѣдствіи обратилась въ комитетъ при томъ же обществѣ, утвержденный правительствомъ. Предсѣдателемъ коммиссіи былъ и нынѣ состоитъ предсѣдателемъ комитета князь А. Васильчиковъ. Комитетъ имѣетъ отдѣленіе въ Петербургѣ. Въ первоначальной коммиссіи составленъ былъ образцовый уставъ для товариществъ, и уставъ этотъ одобренъ министерствомъ финансовъ, такъ что товарищества, которыя соглашаются принять этотъ уставъ, подлежатъ немедленному утвержденію. Этотъ уставъ, выработанный коммиссіею и затѣмъ одобренный министерствами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, нѣсколько разнится отъ образцоваго устава, который былъ составленъ непосредственно самимъ министерствомъ финансовъ. Но министерство поступило весьма благоразумно не настаивая на предпочтеніи своего устава, такъ что оба эти образцовыхъ устава пользуются совершенно равными правами и выборъ между ними зависитъ отъ самихъ учредителей товариществъ. Оффиціальное же утвержденіе товариществъ, принимающихъ одинъ изъ образцовыхъ уставовъ, дается безъ промедленія, а именно въ теченіи недѣли или двухъ недѣль. Затѣмъ коммиссія, и потомъ комитетъ продолжали свою дѣятельность изданіемъ правилъ и образцовъ счетоводства, устава, разосланнаго безплатно во всѣ земскія управы, и обращалось во всѣ управы о доставленіи свѣдѣній относительно принимаемыхъ и предполагаемыхъ мѣръ къ развитію сельскаго кредита. Коммиссія получила около 150-ти отзывовъ, въ которыхъ частью сообщались мѣры и предположенія, частью просилось о доставленіи свѣдѣній. Изъ 153-хъ отзывовъ упомянутыхъ въ книжкѣ, изданной коммиссіею, 118 выражали сочувствіе къ ея цѣлямъ.

Дѣло учрежденія ссудо-сберегательныхъ товариществъ при помощи земскихъ управъ пошло очень быстро. Къ іюлю 1871 года ихъ было 27, къ октябрю 36, къ ноябрю 50, къ январю 1872 состояло уже такихъ обществъ, утвержденныхъ и открытыхъ 66, и къ 1 мая 72. Первоначальное основаніе капиталу товариществъ почти повсемѣстно дано было земствами. Такъ новгородское губернское собраніе первоначально ассигновало на ссуды такимъ товариществамъ 14.500 р., по-

томъ еще 15.000 р., назначивъ въ каждое товарищество попечите
для наблюденія за цѣлостью этихъ ссудъ. Тамбовское губернское со
раніе открыло для пособія товариществамъ кредитъ въ 10.000 р. Твер
ское губернское собраніе образовало земскую ссудную кассу съ капи
таломъ въ 46,700 р., состоящимъ главнымъ образомъ изъ продовол
ственнаго капитала, спеціально для выдачи ссудъ артелямъ и ссудо
сберегательнымъ товариществамъ. При помощи этой кассы и образо
вались тѣ 27 кузнечныхъ и 2 сапожныхъ артели, о которыхъ мы уж
однажды говорили, а теперь начинаютъ возникать и ссудныя товари
щества. Ярославское губернское собраніе назначило 25 т. р. для вы
дачи товариществамъ по 6%, съ тѣмъ, что если дивидендъ товари
ществъ будетъ выше 10%, то возвысить процентъ земской ссуды д
7-ми. Иныя земства первоначальную ссуду давали безъ процентовъ, так
напр., бѣлозерское земство дало съ этой цѣлью своей ссудной кассѣ
учрежденной также въ видѣ товарищества, 1000 р. безъ процентовъ
безсрочно. Костромское земство ассигновало съ той же цѣлью по 3000 р
на уѣздъ, съ тѣмъ, чтобы каждому товариществу выдавалось по 1000 р.
московское губернское собраніе въ декабрѣ 1871 года предположило на
значить на устройство ссудо-сберегательныхъ товариществъ 200.000 р
Однимъ словомъ, дѣло устройства товариществъ въ весьма коротко
время успѣло уже принять почтенные размѣры, и если только первы
опытъ дастъ результатъ благопріятный, то можно навѣрное разсчи
тывать, что дѣло мелкаго земледѣльческаго кредита будетъ поставлено
у насъ серьёзнымъ образомъ. Отъ этихъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ
книжки, изданной комитетомъ, возвратимся къ докладу князя Василь-
чикова, въ которомъ подробнѣе анализируются какъ значеніе ссудо-
сберегательныхъ товариществъ у насъ, такъ и результаты перваго опы-
та ихъ дѣятельности. Указывая на распространенность и успѣхъ шуль-
цевскихъ кредитныхъ ассоціацій въ Германіи, кн. Васильчиковъ осно-
вательно доказываетъ, что въ Россіи подобныя ассоціаціи еще гораздо
нужнѣе, чѣмъ въ Германіи. Если общедоступный кредитъ, разсуждаетъ
онъ, признается полезнымъ тамъ, гдѣ большинство населенія состоитъ
изъ фабричныхъ, бездомныхъ и безземельныхъ рабочихъ, то онъ являет-
ся необходимымъ въ Россіи, гдѣ огромное большинство населенія со-
стоитъ изъ крестьянъ - земледѣльцевъ, эксплуатирующихъ свои соб-
ственныя земли. Никакой промыселъ не нуждается столько въ затра-
тахъ, какъ именно сельское хозяйство. Дешевый кредитъ въ Россіи,
по мнѣнію автора, не только необходимѣе для рабочей массы, чѣмъ въ
Германіи, но и возможнѣе именно для нея, чѣмъ тамъ. Приведя воз-
раженіе Лассалая противъ ассоціацій Шульце, что онѣ служатъ бо-
лѣе мелкимъ торговцамъ и мастерамъ-хозяевамъ, чѣмъ массѣ насе-
ленія, которая состоитъ изъ такихъ рабочихъ, которые не имѣютъ

мущества, а потому и не могутъ ни къ чему примѣнить предлагаемыя имъ ссуды, авторъ указываетъ, что у насъ наоборотъ, масса населенія состоитъ изъ самостоятельныхъ мелкихъ земледѣльцевъ, которые имѣютъ полную возможность примѣнять ссуды къ улучшенію собственнаго хозяйства, крайне нуждаются именно въ такихъ авансахъ, и въ то же время будучи прикрѣплены къ землѣ, представляютъ уже одной добровольной круговой порукою своей по ссудамъ болѣе гарантіи для ввѣряемаго имъ капитала, чѣмъ рабочіе за границею, переходящіе съ мѣста на мѣсто. Возможность воспользоваться, въ случаѣ нужды, дешевой ссудою рублей въ 50, на покупку лошади или сѣмянъ, представляетъ для крестьянина такое огромное подспорье и обезпеченіе, что оно само служитъ лучшимъ залогомъ въ томъ, что онъ постарается непремѣнно возвратить полученную ссуду исправно, для того, чтобы остаться и на будущее время членомъ товарищества, между тѣмъ какъ заграницей рабочій, и не возвративъ ссуды въ одномъ мѣстѣ, можетъ уйти въ другое мѣсто, и тамъ снова воспользоваться ссудой, если только ссуды даются бездомнымъ рабочимъ. Авторъ не скрываетъ отъ себя факта, что и у насъ бѣднѣйшіе, то-есть совершенно уже разорившіеся крестьяне не будутъ въ состояніи воспользоваться кредитомъ. Тому, кто уже продалъ послѣднюю корову и лошадь, не дадутъ ссуды, потому что не повѣрятъ его состоятельности къ уплатѣ; не дадутъ и тому, кто по образу жизни представляется неблагонадежнымъ. Но большинство населенія не принадлежитъ къ этой категоріи. По мнѣнію автора, въ волости дешевымъ кредитомъ не воспользуется примѣрно одна треть хозяевъ: наиболѣе зажиточные и совершенно неисправные. Но остальныя двѣ трети, которыя находятся въ положеніи среднемъ, то-есть хотя и стѣсненномъ, но все-таки дающемъ имъ возможность сводить концы съ концами или перебиваться, воспользуются дешевымъ кредитомъ и онъ будетъ для нихъ истиннымъ благодѣяніемъ, избавляя ихъ отъ такихъ случайностей, которыя заставляютъ ихъ продавать хлѣбъ на корню за безцѣнокъ или брать хлѣбъ за ростъ въ 100%, то-есть съ обязательствомъ возвратить двѣ мѣры за одну, однимъ словомъ отъ тѣхъ именно случайностей, въ силу которыхъ средній хозяинъ обращается въ бѣднаго, а бѣдный въ окончательно несостоятельнаго и неисправнаго. А вѣдь $^2/_3$ составляютъ все-таки огромное большинство населенія.

Мы сказали выше, что свѣдѣнія, какія имѣются доселѣ о дѣятельности открытыхъ товариществъ, хотя и недостаточны для того, чтобы по нимъ можно было судить о томъ, какъ идетъ дѣло въ нынѣшнихъ его размѣрахъ, но все-таки достаточны для того, чтобы поощрить дѣятелей, и для того, чтобы все общество могло имѣть надежду на успѣхъ дѣла. Князь Васильчиковъ въ своемъ докладѣ приводитъ свѣ-

дѣнія только о дѣйствіяхъ 10-ти такихъ товариществъ, которыя доста вили къ 1-му января текущаго года отчеты, составленные удовлетво рительно. Что такіе отчеты были получены комитетомъ въ 1871-мъ году всего отъ 10 товариществъ изъ 66, нисколько не удивительно, так какъ большинство товариществъ открыли свои дѣйствія въ теченіи года сверхъ того при крайней умѣренности ихъ расходовъ на счетоводство и переписку, не мудрено, что нѣкоторое число отчетовъ на первый разъ были составлены слишкомъ неполно и неясно, а многіе и просто не были доставлены въ комитетъ. Приведемъ главные выводы изъ доставленныхъ 10-ти отчетовъ, какъ они показаны въ докладѣ кн. Васильчикова. Въ теченіи перваго года въ 10-ти товариществахъ, при первоначальномъ капиталѣ 13.900 р., обороты достигли 76,062 р., число членовъ возрасло до 2474 и сумма частныхъ займовъ до 14.855 р. паевые взносы составляли сумму 8.590 р. Ссуды, выданныя товариществами своимъ членамъ, простирались до 66.879 р., изъ которыхъ по наступившимъ уже срокамъ уплачено 25.978 р. и считается отсроченными, но не просроченными 32 ссуды, на сумму 1008 р. Во всѣхъ 10-ти отчетахъ убытковъ никакихъ не показано, и пени за просрочки составляютъ незначительныя суммы (28 р.). Средній размѣръ ссуды представляется цифрою 39 р. 70 коп., чтó и подтверждаетъ мысль князя Васильчикова, что дешевый кредитъ будетъ служить именно для среднихъ хозяевъ, такъ какъ на подобныя ссуды почти невозможенъ торговый оборотъ (хотя въ книжкѣ коммиссіи указано на примѣръ пріобрѣтенія крестьянами 20% прибыли на ссудахъ, пущенныхъ ими въ оборотъ), но весьма возможно очень существенное улучшеніе въ хозяйствѣ, напр., покупка лошади. Вкладовъ поступило относительно говоря мало: отъ 2474 членовъ всего 375 р., и отъ постороннихъ лицъ 1006 р. Но это никакъ не означаетъ недовѣрія къ товариществамъ, такъ какъ въ то же время ими занято у частныхъ лицъ, по большей части у крестьянъ же, 14.885 р., безъ всякаго другого обезпеченія кромѣ круговой поруки членовъ. Прибыль товариществъ на ихъ оборотахъ, въ сравненіи съ паевымъ капиталомъ весьма значительна: 24%, 39%, 48%, 79% и въ одномъ даже 82%; въ средней же сложности всѣхъ товариществъ, отношеніе чистой прибыли къ собственному, паевому капиталу составляетъ 31—32%. Само собою разумѣется, что прибыль въ краткосрочномъ кредитѣ можетъ быть велика и при маломъ процентѣ, такъ какъ капиталъ можетъ оборачиваться болѣе одного раза въ годъ, или что то же: въ краткосрочныхъ ссудахъ нестѣснителенъ высокій годовой процентъ. Но сверхъ того надо замѣтить, что паевой капиталъ 8.590 р. составлялъ только небольшую часть оборотовъ, такъ что главная часть прибыли пріобрѣтена разумѣется на ссуду, данную земствомъ, и на займы, сдѣланные у частныхъ лицъ, по проценту низ-

ому того, какой получали съ членовъ товарищества бравшихъ ссуду. отъ почему прибыль сравнительно съ паевымъ капиталомъ и представляется такъ высокою.

Повторяемъ, приведенные факты весьма утѣшительны, такъ какъ и несомнѣнно доказываютъ, что дѣло *можетъ* идти успѣшно, а болѣе ичего пока и не требуется доказать. А то, что дѣло идти можетъ, и цифры доказываютъ, и мы считаемъ обязанностію печати защищать кой утѣшительный результатъ, подающій надежду въ успѣхѣ важго народнаго дѣла отъ тѣхъ неосновательныхъ сомнѣній, какими доброжелатели желали бы подорвать его. Вотъ единственный поводъ, ставляющій насъ обратиться къ нѣсколькимъ статьямъ, помѣщеннымъ ь минувшемъ мѣсяцѣ въ одной изъ петербургскихъ газетъ. Цѣль зеты доказать, что „ссудо-сберегательныя товарищества, въ томъ видѣ, ь какомъ стараются привить ихъ къ нашей народной почвѣ, не только е спасутъ народъ отъ дальнѣйшаго обѣднѣнія, но послужатъ новымъ ь тому средствомъ, ставъ новыми сѣтями, въ которыхъ довѣрчивые безпечные люди, т.-е. огромное большинство крестьянъ, должны апутаться самымъ пагубнымъ образомъ". Замѣчательно, что такое убѣжденіе" (sic) газета выводитъ не изъ какихъ-либо собственныхъ звѣстій о товариществахъ, которыя противорѣчили бы фактамъ и ифрамъ, сообщеннымъ кн. Васильчиковымъ, но именно и исключиельно изъ самыхъ этихъ фактовъ и цифръ. Между тѣмъ фактами и ифрами, сообщенными въ докладѣ кн. Васильчикова, нельзя доказывать ичего, кромѣ того, что̀ доказываетъ онъ, какъ мы это сейчасъ и видимъ. Мы не дадимъ себѣ труда указывать на всѣ старанія газеты айти въ словахъ кн. Васильчикова и самопротиворѣчіе и утопію. Достаточно сказать для примѣра, что самая умѣренность автора доклада, когда онъ говоритъ, что „потребности народа укажутъ пригодны ли ему эти учрежденія", вмѣняется ему въ вину, изъясняется какъ сомнѣніе его самого въ дѣлѣ, а мнѣніе кн. Васильчикова, что дѣлу этому должны помогать своимъ содѣйствіемъ всѣ образованные люди и правительство своею гарантіей, опровергается возраженіями въ такомъ родѣ: „у образованныхъ людей и безъ того дѣла по горло"... „Какое количество милліоновъ потребовалось бы на все это?". Между тѣмъ у кн. Васильчикова сказано только, что правительство должно помочь дѣлу устраненіемъ затрудненій и предоставленіемъ гарантіи для кредита, и что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи правительство уже оказало помощь дѣлу народнаго кредита: уставы товариществъ утверждаются теперь въ двѣ недѣли, и высочайшимъ повелѣніемъ 25-го февраля открытъ въ государственномъ банкѣ, во всѣхъ его конторахъ и отдѣленіяхъ, кредитъ подъ прямые векселя всѣмъ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ, по истеченіи года со

дня ихъ открытія. Вообще изъ словъ кн. Васильчикова не видно, чтобы онъ еще чего-нибудь ожидалъ отъ правительства. Напротивъ, упомянувъ о помощи уже оказанной правительствомъ, онъ говоритъ: „теперь остается пожелать, чтобы со стороны частныхъ лицъ и современнаго общества было оказано такое же вниманіе къ этому дѣлу и позволю себѣ выразиться, снисхожденіе“. О какомъ же количествѣ милліоновъ идетъ тутъ рѣчь? Но и самое слово „снисхожденіе“, употребленное авторомъ доклада, указывается газетой въ выносныхъ знакахъ, какъ будто удивительно, что просятъ снисхожденія для только что начавшагося, труднаго дѣла.

Экономическіе выводы газеты изъ цифръ кн. Васильчикова представляютъ попытку сокрушить всякую надежду на успѣхъ товариществъ. Изъ того, что авторъ доклада говоритъ только на основаніи 10-ти обстоятельныхъ отчетовъ, газета выводитъ заключеніе, что „для какихъ бы то ни было выводовъ необходимы данныя по всѣмъ 66-ти товариществамъ и эти данныя должны быть добыты во что бы то ни стало—чтобы предупредить быть можетъ гибель многихъ милліоновъ въ предпріятіяхъ, которыя могутъ оказаться пустою химерой“. Да кто же сказалъ газетѣ, что всѣ товарищества кромѣ 10-ти, о которыхъ упомянулъ кн. Васильчиковъ, такъ никогда и не составятъ своихъ отчетовъ? Вѣдь говорятъ только слѣдующее: тѣ 10 обществъ, которые прислали намъ отчеты ясные, пригодные для выводовъ, удались на первый разъ, стало быть такія товарищества *могутъ* дѣйствовать успѣшно. Вотъ и все. Въ числѣ обществъ, которыми присланы въ комитетъ отчеты толково составленные, находится, напр., печерское, которое открыло свои дѣйствія 3-го декабря 1871-го г. Но не могли же прислать отчеты къ 1-му января 1872-го г. всѣ общества, которыя открылись почти наканунѣ этого дня, а вѣдь всѣ они заключаются въ числѣ 66-ти. Да, наконецъ, изъ того, что другія общества не прислали въ комитетъ отчетовъ или прислали отчеты въ видѣ прихода и расхода, безъ подраздѣленій, однимъ словомъ безтолковые, ничего ровно не слѣдуетъ, кромѣ того, что о нихъ нельзя говорить. А газету они-то именно и интересуютъ. Что излагаются дѣйствія 10-ти обществъ, это газета называетъ „дурачить публику, доказывая ей полезность того, что въ 5-ти случаяхъ изъ 6-ти можетъ быть никуда не годится“. Но утѣшимъ газету: положимъ, со временемъ комитетъ будетъ дѣлать свои выводы на основаніи 100 отчетовъ; но впослѣдствіи ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ Россіи можетъ образоваться 600. Позволительно ли будетъ на основаніи 100 отчетовъ утверждать, что дѣло это можетъ имѣть успѣхъ, или и тогда газета возразитъ, что „для какихъ бы то ни было выводовъ“, необходимо имѣть всѣ до единаго отчеты, что дѣло въ 5-ти случаяхъ изъ 6-ти все-таки можетъ оказаться

одным? Но вѣдь, въ такомъ случаѣ, сужденіе возможно будетъ ько тогда, когда уже Россія получитъ все нужное ей число товари:твъ, когда уже ни одного изъ нихъ не будетъ открываться вновь. Экономическія и кредитныя соображенія, которыми газета опрогаетъ кн. Васильчикова на основаніи его же цифръ, отличаются вностью самого первобытнаго свойства. „При громадной сравнительно мѣ ссудъ на 67 т. р., вкладовъ отъ всѣхъ членовъ поступило только р. Паевые взносы, конечно—глубокомысленно прибавляетъ газета, ельзя относить къ сбереженіямъ, такъ какъ они дѣлаются для того, бы получить право на ссуду (для чего они дѣлаются, это—другой просъ, но наличныя деньги, которыя крестьянинъ вноситъ въ видѣ или части пая, все-таки представляютъ его сбереженіе, замѣтимъ). и они (паи) составили лишь $^1/_3$ оборотнаго капитала, а $^2/_3$ пришлось нимать на сторонѣ. Такимъ образомъ, заключаетъ экономистъ еты, отличительная черта подобныхъ учрежденій, начало самоощи, опирающейся на средства самихъ нуждающихся лицъ—оста: съ самаго начала совершенно чуждою товариществамъ" и т. д. къ же *совершенно* чуждою, когда вы сами говорите, что паи составили еть оборотнаго капитала? Но это не все. Финансисты газеты, поимому, разумѣютъ самопомощь въ такомъ смыслѣ, что каждый энъ кладетъ свои сбереженія въ кассу, и затѣмъ, когда ему понабятся деньги, беретъ часть своихъ сбереженій, однимъ словомъ нимаетъ за проценты самъ у себя, при чемъ за ссуду платитъ огласно образцовому уставу) 3-мя процентами больше, чѣмъ полуетъ на свой вкладъ. Но смѣемъ увѣрить этихъ финансистовъ, что самопомощь, ни кредитное дѣло не разумѣются прочими европейими финансистами въ столь тѣсномъ смыслѣ, въ видѣ опусканія копилку своихъ грошей и выниманія ихъ оттуда. Возьмите балансъ обого банка и посмотрите на отношеніе паеваго капитала къ обороъ, тогда вы и увидите въ чемъ дѣло. Особенность же сельскихъ удо-сберегательныхъ товариществъ въ томъ и заключается, что вмѣсто езпеченія долга портфелемъ и имуществомъ, они обезпечиваютъ его ной круговой порукою осѣдлыхъ крестьянъ. Вотъ эта-то круговая рука и представляетъ главнымъ образомъ самопомощь, потому что на даетъ средство занимать значительныя суммы по низкому проценту, пускать ихъ въ оборотъ по годовому проценту болѣе высокому, или то все равно, отдавать ихъ за невысокій процентъ на краткіе сроки, акъ что капиталъ оборачивается $1^1/_2$ или 2 раза въ годъ, а можетъ ыть и больше. При этомъ собственный капиталъ товарищества предтавляютъ все-таки только паи, и разсчетъ прибыли съ годового оборота совершенно правильно дѣлать именно по отношенію къ паевому, о-есть собственному капиталу товарищества. Вотъ этого-то и не по-

нимаютъ финансисты газеты, когда сомнѣваются въ возможности утверждаемаго кн. Васильчиковымъ факта, что въ средней сложности товариществъ отношеніе чистой прибыли къ собственному, паевому капиталу составляетъ 31—32%. „Мы никакъ не могли понять—говорятъ они,—какимъ образомъ онъ высчиталъ такую прибыль", и затѣмъ пускаются въ соображенія ни къ чему не ведущія и вовсе ненужныя, потому что дѣло совершенно ясно. Паевой капиталъ составлялъ 8,590 рублей; 31% его составляетъ 2,662 р. 90 коп. Ссудъ выдано на 66,879 рублей; если по нимъ получено въ годъ только 10 процентовъ, то это уже составляетъ 6,687 р. 90 коп., то-есть такую сумму, изъ которой 4,025 рублей могли идти на уплату процентовъ по займамъ товарищества и по вкладамъ, а 2,662 р. 90 коп. оставаться въ прибыли, то-есть именно 31% въ сравненіи съ собственнымъ паевымъ капиталомъ.

Разсчетъ этотъ легко сдѣлать самимъ и мы могли бы имъ удовольствоваться. Но финансистамъ, о которыхъ идетъ рѣчь, если они хотѣли „понять" то, что̀ имъ было непонятно въ выводахъ кн. Васильчикова, слѣдовало не ставить своего непониманія въ вину ему, а разъяснить себѣ собственное непониманіе, обратившись не къ гаданіямъ, а къ положительнымъ даннымъ. Данныя эти имъ легко было найти въ таблицахъ, приложенныхъ ко 2-му изданію книжки комитета. Тутъ увидѣли бы они, что выводы составляются теперь уже на основаніи отчетовъ не 10-ти, но 27-ми товариществъ, и нашли бы точный счетъ прихода и расхода. Тутъ они усмотрѣли бы, что годовой процентъ по ссудамъ въ товариществахъ составляетъ 12, а не 17, какъ газета неизвѣстно откуда вывела; за 12 % въ годъ по краткосрочнымъ ссудамъ денегъ нельзя достать безъ залога *нигдѣ*, кромѣ какъ въ товариществахъ. Имѣть возможность получать за рубль въ мѣсяцъ 100 рублей безъ залога—это ли называютъ финансисты газеты „самымъ дѣйствительнымъ и скорымъ средствомъ къ конечному разоренію крестьянъ-заемщиковъ?" Изъ тѣхъ же, не гадательныхъ предположеній, а положительныхъ цифръ, которыя, прибавимъ, „добыть непремѣнно слѣдовало", прежде чѣмъ возводить свое непониманіе въ аргументъ, финансисты узнали бы, что по 27-ми товариществамъ выдано было въ ссуды до 135-ти тысячъ рублей, изъ которыхъ уже возвращено до 68-ми т. р.; что прибыли въ процентахъ на ссуды, за отсрочки, въ пеняхъ и проч. было 8,968 р. 82 коп.; что на уплату процентовъ по вкладамъ, займамъ, на управленіе и проч. израсходовано было 2,890 р. 59 коп., что чистая прибыль такимъ образомъ составляла 6,078 р. 23 коп., а это въ сравненіи съ паевымъ капиталомъ въ 25,565 рублей и выходитъ нѣсколько менѣе 24% чистой прибыли. Этотъ размѣръ прибыли менѣе того, который былъ высчитанъ кн. Васильчиковымъ на основаніи дан-

іхъ 10-ти товариществъ, но все-таки весьма удовлетворителенъ, и нечно болѣе того, какой реализовали бы товарищества, если бы актиковали самопомощь такъ, какъ ее повицимому разумѣютъ цитиемые нами финансисты, то-есть если бы каждый бралъ ссуду только размѣрѣ своего пая или своего вклада, однимъ словомъ самъ у себя. юбщимъ еще почтенной газетѣ, что и сѣтованія ея на незначительють вкладовъ неосновательны. Вкладовъ по отчетамъ 27-ми товариествъ состояло къ 1-му января 1872-го года почти на 11-ть тысячъ 'блей. Но вкладовъ со стороны крестьянъ едва ли и будетъ много: по :таву, если % по ссудамъ 12, то % по вкладамъ долженъ быть 9. ченъ многіе хозяева вмѣсто того, чтобы отдавать какіе-нибудь лишніе) рублей въ ростъ по 9%, предпочтутъ купить на нихъ штуку скота іи лошадь, на которой пріобрѣтутъ въ годъ 75%. Да вклады здѣсь важны только для развитія операцій, а не для обезпеченія: обезпееніе—круговая порука.

Приведенныя цифры достаточно свидѣтельствуютъ, что опытъ чрежденія сельскаго кредита у насъ сдѣланъ уже въ серьёзныхъ размѣрахъ, и что есть основанія надѣяться на успѣхъ его. Затѣмъ, намъ остается только выразить сочувствіе къ начинателямъ, ревнителямъ того дѣла, которое вполнѣ заслуживаетъ того содѣйствія со стороны сѣхъ образованныхъ людей, какого ожидаетъ кн. Васильчиковъ, несмотря на то, что по свидѣтельству цитируемой газеты у нихъ своіхъ дѣлъ „по горло“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го октября. 1872 г.

Свиданіе трехъ императоровъ. — Оффиціальные отзывы и слухи. — Заявленіе гр. Андраши. — Панславистскія стремленія. — Новый великій визирь. — Болгарскій вопросъ. — Совершеннолѣтіе кн. Милана. — Сербскія дѣла. — Маріенбургскій праздникъ. — Баварское министерство. — Третейскій судъ въ Женевѣ. — Французскіе монархисты. — Письмо К. Перье. — Адресы. — Коммиссія собранія. — Тьеръ у Гизо и Тьеръ въ Гаврѣ.

Главный интересъ мѣсяца, подлежащаго настоящему обозрѣнію, представляло свиданіе въ Берлинѣ трехъ императоровъ. Объ этомъ фактѣ высказано было въ печати столько предположеній, сообщеній и заключительныхъ взглядовъ самаго разнообразнаго свойства, что намъ не достало бы мѣста, если бы мы хотѣли систематически изложить отношеніе европейской прессы къ берлинскому свиданію. Между тѣмъ прямыхъ сообщеній о сущности происходившихъ переговоровъ было мало, да и тѣ, какія были, заключали въ себѣ собственно только увѣренія о взаимномъ расположеніи, объ отсутствіи въ намѣреніяхъ всѣхъ трехъ державъ чего-либо несогласнаго съ видами другихъ. Особенно популярно стало изреченіе, приписываемое князю Горчакову, именно, что одно изъ главныхъ достоинствъ переговоровъ представляется тѣмъ, что „ничего написано не было". Прусскія газеты сообщали значеніе политическаго заявленія тосту за германскую армію, провозглашенному нашимъ Государемъ. По этому поводу среди прусскихъ газетъ возникло даже небольшое недоумѣніе: нѣкоторыя газеты, заботливо взвѣшивая каждое отдѣльное слово, останавливались надъ выраженіемъ „храброй *прусской* арміи," и спрашивали себя: слѣдуетъ ли придавать особое значеніе выраженію „прусской", вмѣсто котораго могло быть и „германской". Недоумѣніе это продолжалось до тѣхъ поръ, пока „Кёльнская Газета" не сообщила изъ достовѣрнаго источника, что въ подлинныхъ словахъ не было ни „прусской", ни „германской", а просто „храброй вашей арміи". Приводимъ это собственно

въ доказательство, какъ скудны, лучше даже сказать ничтожны были тѣ свѣдѣнія о берлинскихъ переговорахъ, которыя доселѣ проникли въ печать, если ей приходилось угадывать намѣренія даже въ какихъ-нибудь пяти словахъ тоста, произнесеннаго августѣйшимъ гостемъ императора Вильгельма. Заявленіе въ рѣчи князя Бисмарка депутаціи берлинскаго магистрата, поднесшей ему дипломъ на званіе почетнаго гражданина города Берлина, что самый фактъ свиданія трехъ императоровъ представляетъ важное политическое событіе и обезпеченіе всеобщаго мира, безъ сомнѣнія вполнѣ соотвѣтствуетъ истинѣ, но истина эта и безъ того очевидна, и все-таки не даетъ ключа къ „дешифрированію" переговоровъ, при которыхъ „ничего написано не было". Сообщенія графа Андраши австро-венгерскимъ делегаціямъ были уже нѣсколько болѣе опредѣлительны, но слишкомъ односторонни и притомъ отрицательно-односторонни. Австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что его государь предпринялъ поѣздку въ Берлинъ собственно за тѣмъ, чтобы выразить полное сочувствіе къ германской имперіи; относительно же Россіи, графъ Андраши сказалъ, что „панславистскія стремленія" не находятъ поддержки въ русскихъ правительственныхъ сферахъ, такъ что и съ этой стороны ничто не мѣшаетъ общему согласію. Къ этому заявленію австрійскаго перваго министра мы сейчасъ возвратимся, а теперь только констатируемъ фактъ, что и изъ этого заявленія нельзя вывесть заключенія о результатахъ тѣхъ переговоровъ, которые происходили въ Берлинѣ.

Затѣмъ всѣ собственно-газетные слухи и предположенія о вопросахъ, подлежавшихъ будто бы обсужденію въ Берлинѣ, къ числу которыхъ относились и обезпеченіе территоріальныхъ пріобрѣтеній Германіи на счетъ Франціи, и соглашенія для общихъ дѣйствій или лучше сказать общаго бездѣйствія на случай новой войны между этими двумя странами, о принятіи общаго положенія противъ католическаго клерикализма, польскихъ стремленій, распространенія республиканскихъ, а тѣмъ болѣе соціалистическихъ идей, о возвращеніи сѣвернаго Шлезвига Даніи и т. д. — мы можемъ просто оставить въ сторонѣ, не имѣя причины ни предпочесть одинъ слухъ другому, ни вообще допускать котораго-либо изъ нихъ. Конечно, если понимать берлинскіе переговоры въ томъ смыслѣ, что государи въ своихъ бесѣдахъ, а ихъ министры въ разговорахъ между собою, обмѣнивались взглядами на общее положеніе дѣлъ въ Европѣ, то такимъ образомъ можно допустить, что не только исчисленные вопросы, но еще и „всѣ другіе", даже, напр., и рѣшенія женевскаго третейскаго суда по дѣлу „Элебемы", могли быть предметами переговоровъ. Но предположивъ для переговоровъ такую рамку, мы тѣмъ самымъ отрицали бы имъ характеръ положительныхъ соглашеній по такому или такому дѣлу. Ничто, впрочемъ, и не доказываетъ, чтобы подобныя соглашенія и по-

слѣдовали, такъ какъ доселѣ послѣ берлинскаго свиданія не было обнародовано рѣшительно никакихъ международныхъ мѣръ, кромѣ новой конвенціи между Пруссіею и Россіею о взаимной высылкѣ и выдачѣ безпаспортныхъ изъ пограничныхъ мѣстностей.

Доказывать à priori, что толки о чемъ-либо въ родѣ возстановленія въ Берлинѣ „священнаго союза" неосновательны, мы не станемъ потому, что перемѣна обстоятельствъ съ того времени очевидна. Стремленія всѣхъ членовъ священнаго союза могли быть одинаковы и въ основаніе ихъ дѣйствій могла лечь одна общая программа потому, что въ то время были почти одинаковы учрежденія тѣхъ странъ, которыя въ этомъ союзѣ участвовали. Нынѣ этого нѣтъ, а потому и священный союзъ не могъ бы имѣть программы. Допустимъ на минуту, что въ наше время священный союзъ установился бы просто для повсемѣстнаго поддержанія консервативныхъ началъ. Но то, что̀ консервативно для Австріи, совсѣмъ не консервативно для Пруссіи, а то, что̀ консервативно для Пруссіи, вовсе не консервативно для Россіи. Не говоримъ уже о поддержаніи „консервативныхъ началъ" въ остальной Европѣ. Что̀ можетъ быть признано „консервативнымъ" для Италіи, для Франціи, для Швейцаріи? Во времена священнаго союза Швейцарія одна на континентѣ и составляла исключеніе; въ остальныхъ государствахъ господствовали въ сущности одни начала, для поддержанія которыхъ и былъ возможенъ *союзъ*.

Къ сожалѣнію, нѣмецкая печать сдѣлала все что̀ могла, чтобы приписать берлинскому свиданію цѣли очевидно преувеличенныя, даже прямо невозможныя, потому что нѣкоторыя изъ нихъ взаимно исключаютъ себя. Нѣмецкая печать — за исключеніемъ нѣкоторыхъ органовъ, какъ берлинская „Volkszeitung" — съ самаго начала предприняла „Kapital zu schlagen" изъ этого факта, для всѣхъ преувеличеній германскаго національнаго чувства. Даже такія газеты, какъ „Кёльнская", зашли въ этомъ случаѣ такъ далеко, что въ ихъ сужденіяхъ не оказывалось уже и слѣда хваленой нѣмецкой „трезвости воззрѣнія". „Кёльнская Газета", напр., утверждала, что главный смыслъ свиданія представляется въ разочарованіи для разсчетовъ Франціи и въ то же время, что свиданіе это Франціи не угрожаетъ; что Пруссія въ 1866-мъ году по собственному желанію, изъ дружбы, не потребовала отъ Австріи ни пяди земли; что берлинское свиданіе необходимо для укрѣпленія монархическихъ учрежденій въ Европѣ; что „республики вообще страдаютъ внутренними потрясеніями и монархамъ необходимо, отбросивъ споры, стать дружно на защиту порядка, такъ какъ республиканизмъ постоянно стремится изъ Америки проникнуть въ Европу, а потому было бы крайне неблагоразумно вести теперь династическія войны"; что монархи воспользуются нынѣшнимъ случаемъ „для соглашенія противъ внутреннихъ враговъ", какими

редставляются теперь особенно католическое духовенство и соціализмъ. Замѣтимъ еще, что по толкованію „Кёльнской Газеты" подъ менемъ соціализма слѣдуетъ разумѣть всякія „стремленія (Bestrebungen), ведущія къ тому, чтобы пробудить въ рабочемъ недовольство го судьбой" и т. д. Хотя при этомъ „Кёльнская Газета" и оговаривается, что цѣлью берлинскаго свиданія не могло быть возстановленіе священнаго союза, но и тѣхъ цѣлей, какія она приписываетъ свиданію, слишкомъ много, чтобы могло быть сдѣлано какое-либо соглашеніе для достиженія всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Утвержденіе единства германской имперіи и ея пріобрѣтеній, охраненіе неприкосновенности имперіи оттоманской, соглашеніе на всякій случай противъ мщенія Франціи, союзъ противъ республиканизма, клерикализма, соціализма, одновременное наблюденіе пожалуй и за всѣми сочиненіями, въ которыхъ можно усмотрѣть указаніе на неудовлетворительное положеніе тѣхъ или другихъ рабочихъ, и за переходомъ республиканизма въ Европу изъ Америки — все это ужъ слишкомъ сложно и разнообразно. Притомъ же все это слишкомъ очевидно-выгодно одной только сторонѣ. Для Россіи, напр., не предстоитъ со стороны Франціи никакой опасности, со стороны проникновенія республиканизма изъ Америки — тоже никакой, со стороны католическаго клерикализма весьма малая. Не участвуя въ выгодахъ въ такихъ отношеніяхъ, какую же цѣль имѣла бы Россія, обязываясь вмѣстѣ и поддерживать хотя бы сочувствіемъ, цѣлость германской имперіи, и не поддерживать своимъ сочувствіемъ турецкихъ славянъ, что̀ и называется охраненіемъ неприкосновенности турецкой имперіи? Такъ какъ Австрія — in diesem Bunde der Dritte, то въ соглашеніи подразумѣвается конечно охраненіе и ея неприкосновенности. Спрашивается, могла ли Россія безъ всякой выгоды для себя обязаться поддерживать неприкосновенность и германской имперіи, и оттоманско́й имперіи, и австрійской имперіи?

Попытки нѣмецкой печати „дѣлать капиталъ" изъ берлинскаго свиданія, то-есть возлагать на него ожиданія всевозможныхъ результатовъ для торжества нѣмецкой національности какъ на Шпре́е и Эльбѣ, такъ и на Рейнѣ, и на Дунаѣ, были нѣсколько разсѣяны, когда изъ корреспонденцій англійскихъ газетъ оказалось, что бесѣды въ Берлинѣ бывали не общія, а отдѣльно между представителями двухъ державъ; такъ графъ Андраши видѣлся съ княземъ Бисмаркомъ, и князь Бисмаркъ видѣлся съ княземъ Горчаковымъ; но вмѣстѣ они не засѣдали ни разу. Къ концу свиданія получило извѣстность и выраженіе, что „ничего написано не было" и что „тѣмъ лучше". Въ какой мѣрѣ такихъ сообщеній было достаточно, чтобы умѣрить преувеличенныя ожиданія нѣмецкихъ газетъ, судить не беремся, но несомнѣнно, что къ концу свиданія и по окончаніи его, нѣмецкія газеты

выказали нѣкоторое „пониженіе тона", причемъ стали увѣрять, что никакихъ положительныхъ соглашеній и не предвидѣлось съ самаго начала.

Для правильнаго пониманія свиданія, бывшаго въ Берлинѣ, едва ли не вѣрнѣе всего будетъ остановиться на словахъ князя Бисмарка, объявившаго берлинской городской депутаціи, что *„самый фактъ* свиданія трехъ императоровъ представляется какъ обезпечивающее миръ заключеніе послѣднихъ великихъ событій". Графъ Мольтке, которому былъ также поднесенъ дипломъ отъ города, прибавилъ съ своей стороны, что „главное значеніе свиданія заключается въ укрѣпленіи довѣрія къ миру". Правда, все это очевидно по себѣ, и все-таки не даетъ ключа къ раскрытію предполагаемыхъ тайнъ, но быть можетъ важнѣе всего и есть именно только то, что̀ очевидно; быть можетъ, никакихъ особыхъ „тайнъ" собственно и не было. И все-таки „самый фактъ", что государи Россіи и Австріи встрѣтились, и встрѣтились въ Берлинѣ, несомнѣнно имѣетъ значеніе весьма крупнаго историческаго событія. Одно простое, но столь наглядное удостовѣреніе добраго согласія трехъ имперій само по себѣ уже весьма важно. Въ этомъ смыслѣ берлинское свиданіе уже оказало вліяніе на общественное мнѣніе: теперь въ заграничной печати уже возникли слухи о предстоящемъ будто бы пріѣздѣ императора Франца-Іосифа въ Петербургъ, а нашего государя въ Вѣну, ко времени выставки. Вѣрны эти слухи или нѣтъ, но не далѣе какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ они не могли бы и возникнуть. Только вслѣдствіе этого свиданія и у насъ могъ распространиться слухъ, что предположенныя къ постройкѣ на нашей западной границѣ пять новыхъ укрѣпленій строиться не будутъ. Свиданіе же дало „Силезской газетѣ" поводъ выступить недавно съ весьма замѣчательной и весьма замѣченной въ высшихъ берлинскихъ сферахъ статьей противъ предпринятыхъ мѣръ къ удвоенію состава прусской артиллеріи. „Силезская газета" доказываетъ, что именно въ виду берлинскаго свиданія потребность немедленнаго осуществленія этихъ мѣръ вовсе не настоятельна, а между тѣмъ правительство, предпринимая подобныя преобразованія въ арміи безъ согласія сейма на увеличеніе издержекъ, создаетъ вновь то положеніе, въ какое оно поставило и себя и сеймъ послѣ итальянской войны 1859-го года, то-есть исходитъ изъ предположенія, что „все равно", сеймъ „послѣ" утвердитъ расходъ произведенный, но не разрѣшенный, посредствомъ ассигнованія особаго валового кредита (Pauschquantum). Этотъ путь, какъ утверждаетъ „Силезская газета", или ведетъ къ новому столкновенію съ сеймомъ (Verfassungs-Conflikt), или если даже сеймъ оправдаетъ ожиданіе — обращаетъ въ ничто парламентское право опредѣлять бюджетъ.

Теперь возвратимся къ заявленію графа Андраши, относящемуся

къ Россіи. Чтó слѣдуетъ разумѣть подъ названіемъ „панславистскихъ стремленій, которыя не находятъ поддержки въ русскихъ правительственныхъ сферахъ“? Нѣмецкая печать избрала себѣ для обозначенія „панславистскихъ стремленій“ два русскихъ имени: генерала Фадѣева, который только писатель, и генерала Игнатьева, который — посолъ русской имперіи въ Константинополѣ. Поочередно говорится то о панславистскихъ „идеяхъ“, которыхъ главнымъ выразителемъ для нѣмцевъ какъ-то сдѣлался г. Фадѣевъ, то о панславистскихъ „проискахъ“, въ которыхъ каждая нѣмецкая корреспонденція изъ Константинополя обвиняетъ генерала Игнатьева. О какихъ же „панславистскихъ стремленіяхъ“ говорилъ графъ Андраши—вотъ что спрашивается. Что высказанныя г. Фадѣевымъ мысли о пользѣ соединить всѣ славянскія народности въ одинъ союзъ, подъ предводительствомъ русскаго императора, съ членами царствующаго въ Россіи дома въ качествѣ славянскихъ владѣтелей, не встрѣчаютъ поддержки въ русскихъ правительственныхъ сферахъ, это для насъ несомнѣнно, и если сообщеніе графа Андраши означаетъ, что это стало теперь несомнѣнно и для австрійскихъ государственныхъ людей, то намъ остается только порадоваться такому послѣдствію свиданія.

Совершенно иное дѣло — политика, представляемая генераломъ Игнатьевымъ. Мы не имѣемъ права толковать заявленія графа Андраши и должны принимать его буквально, стало быть въ томъ смыслѣ, что правительственныя сферы отвергли такія стремленія, которыхъ онѣ и не имѣли. Но нѣмецкому обществу и политика генерала Игнатьева извѣстна именно подъ именемъ панславистскихъ стремленій. А вѣдь изъ заявленія графа Андраши никакъ не должно выводить заключенія, что Россія нынѣ отреклась отъ политики, какой до сихъ поръ слѣдовала. Нашъ посолъ въ Константинополѣ самъ безспорно принадлежитъ къ русскимъ правительственнымъ сферамъ, стало быть тѣ панславистскія стремленія, о которыхъ говорилъ графъ Андраши, не означаютъ политику генерала Игнатьева, то-есть просто — традиціонную политику Россіи на юго-востокѣ.

Болѣе ничего и не требуется для Россіи, но это, очевидно, — требуется. Отречься отъ своей традиціонной политики сочувствія и поддержки по отношенію къ турецкимъ славянамъ Россія не можетъ, да ни у Австріи, ни у самой Германіи нѣтъ въ распоряженіи и той цѣны, которою онѣ могли бы вознаградить Россію за отреченіе отъ естественной ея политики въ Европѣ. Если мѣняться услугами, то чтó, собственно говоря, могутъ намъ дать Германія и Австрія?—обезпечить намъ обладаніе царствомъ польскимъ во всякомъ случаѣ и какой бы системы мы тамъ ни держались. Затѣмъ, чѣмъ суровѣе будетъ эта система, тѣмъ скорѣе царство польское онѣмечится совершенно, и тогда со временемъ можетъ возникнуть вопросъ о присоеди-

неніи его къ германскому отечеству. Больше рѣшительно никакого содѣйствія Пруссія и Австрія оказать намъ не могутъ, а это содѣйствіе само по себѣ представляетъ нѣчто совершенно безплодное.

И за это содѣйствіе Россія отказалась бы отъ покровительства турецкимъ славянамъ, которые искони смотрятъ на нее какъ на свою защиту, отреклась бы отъ нихъ? Это невозможно. Укажемъ въ самомъ бѣгломъ очеркѣ на положеніе, представляющееся русской дипломатіи относительно турецко-славянскихъ дѣлъ. Начнемъ съ отношеній къ самой Портѣ и допустимъ на минуту, что эти отношенія менѣе благопріятны при Мидхатѣ-пашѣ, чѣмъ были при Аали и при Махмудѣ-пашахъ. Нисколько не сравнивая турецкихъ государственныхъ людей между собою и признавая, что бразды правленія принадлежатъ достойнѣйшему, напомнимъ, что если Аали первый сблизился съ Россіею, а Махмудъ послѣдовалъ его примѣру, то вѣдь проистекло это изъ того, что Портѣ нелегко было иго, тяготѣвшее на ней при Фуадѣ, иго правленія трехъ западныхъ посланниковъ, которые вдобавокъ не всегда были согласны между собою. Если отношенія русской дипломатіи къ новому великому визирю еще не успѣли установиться съ достаточной удовлетворительностью, то это неудивительно, потому что Мидхатъ, благодаря вмѣшательству египетскаго вице-короля, свергнулъ министра, дружественно расположеннаго къ Россіи, а кромѣ того, еще будучи генералъ-губернаторомъ въ дунайскомъ вилаетѣ, выказалъ себя приверженцемъ крутыхъ мѣръ противъ болгаръ, заподозрѣнныхъ въ сочувствіи къ Россіи. Русскій посолъ въ Берлинѣ, конечно, не можетъ выказывать своего предпочтенія тому или другому управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ: г. фон-Тиле, или г. фон-Балану. Но положеніе всѣхъ европейскихъ пословъ въ Константинополѣ совсѣмъ иное: оно таково, что они не могутъ не относиться опредѣленнымъ образомъ къ такому или иному составу администраціи. И если правда, что́ сообщаютъ нѣмецкія же газеты о замѣчаніи, какое слышалъ покойный Джемиль-паша всего нѣсколько недѣль тому назадъ, при проѣздѣ своемъ чрезъ Вѣну, то обвинять одну русскую дипломатію во „вмѣшательствѣ въ турецкія дѣла" слишкомъ несправедливо: „еслибы Махмудъ продержался еще малое время" — будто бы сказалъ Францъ-Іосифъ Джемилю — „то вся Европа принуждена бы была интервенировать". За что же? за то только, что вліяніе русскаго посла на Махмуда, какъ и на Аали прежде, было сильнѣе, чѣмъ вліяніе иныхъ посланниковъ; но вѣдь это дѣло перемѣнное, и чье-нибудь вліяніе должно быть сильнѣе. Правда, теперь Махмуда судили въ диванѣ и осудили его къ уплатѣ въ казну 100 тыс. фунтовъ, которые онъ будто бы „подарилъ" какому-то Зубини, агенту въ Лондонѣ, за успѣхъ послѣдняго займа. Но вѣдь судятъ только тѣхъ, кто въ немилости. Положеніе Мидхата, говорятъ, непрочно и

очень можетъ случиться, что онъ будетъ замѣненъ Эссадомъ-пашой, который, какъ и Махмудъ, не убѣжденъ въ огромномъ превосходствѣ западной опеки надъ сѣверной. Но сношенія Россіи и съ нынѣшнимъ правительствомъ Турціи удовлетворительны, какъ то было доказано тѣмъ фактомъ, что бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Джемиль-паша представлялся государю въ Бендерахъ.

Поддержка, оказываемая со стороны русской дипломатіи независимости болгарской церкви—вотъ еще одна капитальная статья пресловутыхъ „панславистскихъ происковъ". Но и по этому пункту русская политика не можетъ отречься ни отъ чего, что́ только ею было сдѣлано, ни даже отъ того, что́ она старалась сдѣлать, потому что все это было раціонально, естественно и вполнѣ соотвѣтствовало какъ ожиданіямъ болгаръ, такъ и нравственной обязанности Россіи, нисколько не нарушая верховныхъ правъ султана. Нѣмецкія и англійскія газеты утверждають, что въ церковномъ вопросѣ въ Болгаріи заключается вопросъ политическій. Это совершенно вѣрно. Византійскіе греки искони захватили въ свои руки іерархію въ Болгаріи, эксплуатировали эту страну самымъ возмутительнымъ образомъ, и притомъ шли сознательно къ уничтоженію болгарской народности; въ греческихъ книгахъ она даже отрицается. Освобожденіе отъ греческой іерархіи, независимость церкви для Болгаріи есть конечно болѣе чѣмъ церковный вопросъ: это означаетъ избавленіе отъ матеріальной эксплуатаціи и отъ такого гнета нравственнаго, который выражался отрицаніемъ самой народности. Не слѣдуетъ ли, оцѣнивая безпристрасно тѣ обязанности, какія сама исторія уже возложила на Россію въ отношеніи славянскаго юго-востока, не слѣдуетъ ли, говоримъ, вмѣнять въ заслугу генерала Игнатьева, если его старанія способствовали тому, что болгары получили наконецъ фирманъ на независимость своей церкви, что Порта признала главу ея—самостоятельнаго болгарскаго экзарха? И въ настоящее время, когда константинопольскій патріархъ созвалъ синодъ изъ всѣхъ восточныхъ патріарховъ, изъ бывшихъ патріарховъ константинопольскихъ, 25-ти епископовъ и нѣсколькихъ ученыхъ богослововъ для провозглашенія, что отдѣленіе болгарской церкви *есть ересь*, слѣдуетъ ли удивляться стараніямъ русскаго посла, чтобы такое нелѣпое провозглашеніе не состоялось? Генералъ Игнатьевъ при этомъ, говорятъ, разсчитываетъ болѣе всего на просвѣщенное содѣйствіе патріарха іерусалимскаго. Но чтобы дать понятіе, до какой степени мелочны тѣ средства, къ которымъ прибѣгаютъ въ Константинополѣ для борьбы съ противниками, приведемъ со словъ одной иностранной корреспонденціи, что патріарху іерусалимскому, который, какъ извѣстно, по случаю георгіевскаго праздника присылалъ сюда воззваніе къ георгіевскимъ кавалерамъ о помощи Храму Гроба Господня, противники Россіи вмѣняютъ это въ вину, толкуя его воззваніе въ такомъ

смыслѣ, что онъ будто бы просилъ георгіевскихъ кавалеровъ освободить Гробъ Господень отъ „турецкаго варварства". На этомъ основаніи въ собственномъ патріархатѣ этого архипастыря поднята была агитація, и разные архіепископы и епископы, подчиненные іерусалимскому патріарху, прислали въ Константинополь протестъ противъ обращенія къ георгіевскимъ кавалерамъ, причемъ цѣлью ихъ конечно было снискать себѣ благорасположеніе заявленіемъ такого заботливаго вѣрноподданничества оттоманской Портѣ.

Не панславистскія ли стремленія усматриваются и въ сочувствіи русскаго правительства къ молодому сербскому князю?

Совершеннолѣтіе сербскаго князя Милана IV было привѣтствовано Россіею чрезъ посредство особаго уполномоченнаго. Но чѣмъ сочувственнѣе и искреннѣе будутъ отношенія наши къ Сербіи, тѣмъ здравѣе, то-есть и реальнѣе и осмысленнѣе будетъ положеніе Россіи въ восточномъ вопросѣ. Что такое восточный вопросъ въ смыслѣ дипломатическомъ?—предположеніе объ открытіи оттоманскаго наслѣдства. Но такой опекунъ, который искренно и дѣятельно поддерживаетъ главнаго наслѣдника, тѣмъ самымъ доказываетъ, что не имѣетъ въ виду завладѣть наслѣдствомъ самъ. А Сербія есть именно главный естественный наслѣдникъ „больного человѣка". Это обусловливается какъ фактомъ численности славянскаго населенія, которое далеко превосходитъ въ европейской Турціи всякое иное, такъ и историческими преданіями, и наконецъ—реальной силою сербскаго княжества, этого небольшого, но плотнаго ядра, вокругъ котораго можетъ группироваться большая часть турецкаго сѣвера. По числу населенія, правда, изъ небольшихъ государствъ, прилежащихъ къ Балканскому полуострову, важнѣе всѣхъ Румынія (около 4$^{1}/_{2}$ милл. жит.), за нею слѣдуетъ королевство греческое (1$^{1}/_{2}$ милл.) и уже только третьею является Сербія (1 м. 216 т. жит. въ 1866-мъ г.). Но будущность Румыніи находится не въ предѣлахъ турецкой имперіи, и Румыніи нечего наслѣдовать отъ Турціи. Крѣпостью же своей организаціи Сербія превосходитъ и Грецію, и Румынію. Достаточно взглянуть на цифры, представляющія военную и финансовую силу. Румынія гораздо богаче Сербіи; бюджетъ первой вчетверо больше, чѣмъ второй; но у Румыніи есть ежегодный дефицитъ, и долгъ для нея значительный—172 милл. фр. Войско у Румыніи (1866) 53 т. чел. Греческій бюджетъ занимаетъ среднее положеніе между двумя первыми; но состояніе греческихъ финансовъ издавна приводится въ примѣръ неисправности; хуже греческихъ финансовъ въ Европѣ нѣтъ: если считать весь греческій долгъ, то онъ составляетъ сумму около 220-ти милл. фр., то-есть до 150-ти франковъ на душу населенія. Долгъ Греціи почти вдесятеро превышаетъ ея годовой доходъ. При этомъ надо еще замѣтить, что мы не считаемъ накопившихся процентовъ, которые по старымъ долгамъ вовсе и не пла-

тятся; иначе сумма греческаго долга выразится цифрою 330 милл. фр. Войска у Греціи считается 31 т. чел., въ томъ числѣ подъ знаменами (1868) только 8½ тысячъ. У сербскаго же княжества долговъ *вовсе нѣтъ*, а въ бюджетѣ его оказывается превышеніе расходовъ доходами на около 200 т. фр. (бюджетъ 1871—72).

Изъ отчета, представленнаго регентствомъ князю по случаю его совершеннолѣтія, за 1868—1872 года, оказывается замѣчательное развитіе страны за это время. Установленіе полной парламентской конституціи, съ отвѣтственностью министерства передъ скупштиной, свободой печати, введеніемъ института присяжныхъ—вотъ главное изъ дѣлъ регентства. Конституція 11 іюля 1869 года — не октроированная, а добровольно выработанная и утвержденная обоюднымъ согласіемъ правительства и народа. Учрежденіе учительскаго института, множества среднихъ училищъ и народныхъ школъ, а также множества народныхъ библіотекъ показываетъ, какъ въ Сербіи понимаютъ народное просвѣщеніе. Образовались нѣсколько кредитныхъ установленій, проведено много дорогъ, устроены телеграфы и т. д. Замѣчательно, что съ возвышеніемъ благосостоянія и поднятіемъ образованности въ Сербіи рѣшительно уменьшается число обвиненныхъ въ преступленіяхъ: въ 1871-мъ г. число арестованныхъ за преступленія было 1218, между тѣмъ какъ въ предшествовавшемъ году оно было на 437 болѣе. Сербское постоянное войско состоитъ всего изъ 6½ т. челов.; но первый призывъ ополченія (ландвера) даетъ 60 т. чел., а сербское ополченіе лучше, чѣмъ греческое или румынское регулярное войско. Все это число людей снабжено ружьями Пибоди,—одной изъ самыхъ совершенныхъ новѣйшихъ системъ.

Упомянувъ о совершеннолѣтіи князя Милана, мы должны напомнить главные предшествовавшіе факты: освободитель Сербіи Милошъ Обреновичъ былъ изгнанъ за чрезмѣрное самовластіе. Вмѣсто него на престолъ былъ призванъ сынъ другого героя войны за независимость, Георгія Чернаго, Александръ Карагеоргіевичъ. Онъ также былъ свергнутъ и по той же причинѣ. Милошъ возвратился, но вскорѣ умеръ; послѣ него воцарился сынъ его Михаилъ, который 11-го іюня 1868-го года палъ отъ руки убійцъ. Полковникъ Блазнавацъ объявилъ, что ему извѣстно личное желаніе Михаила Обреновича, чтобы ему наслѣдовалъ его племянникъ — 16-ти-лѣтній Миланъ Обреновичъ. Миланъ былъ избранъ, полковникъ Блазнавацъ сталъ регентомъ. Онъ сопровождалъ князя Милана и въ поѣздкѣ его въ Россію для свиданія съ Государемъ. Нынѣ, когда князю Милану исполнилось 20 лѣтъ, онъ по сербскимъ законамъ объявленъ совершеннолѣтнимъ и регентство прекратилось.

Не откроютъ ли панславистское стремленіе въ пріѣздѣ въ Бѣлградъ по этому случаю князя Долгорукаго, съ поздравленіемъ, одно-

временно съ пріѣздомъ туда черногорскаго воеводы Вукотича? Но было бы положительно странно, если бы со стороны Россіи не было прислано никого по этому случаю. Уже гораздо болѣе похожи на „стремленіе“ и даже прямо на „демонстрацію“ были мѣры, принятыя по этому случаю правительствомъ австро-венгерскимъ: австрійскимъ сербамъ запрещено было участвовать въ бѣлградскихъ празднествахъ, а тѣ, которые не послушались запрещенія, привлечены были къ суду; пражской городской думѣ, которая хотѣла отправить въ Бѣлградъ депутацію, запрещено было это, въ томъ смыслѣ, что губернаторъ кассировалъ относившееся сюда постановленіе думы; затѣмъ запрещеніе это было распространено на всѣ городскія управленія въ имперіи и королевствѣ Венгріи.

Повторяемъ, несправедливо обвинять Россію въ томъ, что дѣлають *всѣ* въ Константинополѣ; но этого мало. Напрасно, невозможно ожидать, чтобы Россія отреклась отъ тѣхъ „панславистскихъ стремленій“, которыя заключаются въ традиціонной политикѣ Россіи: выражать сочувствіе славянскимъ народамъ Турціи и оказывать имъ покровительство. Эта политика неизмѣнна, какъ все что вытекаетъ просто изъ природы вещей; эта политика—единственная русская политика, имѣющая будущность въ Европѣ, и она несравненно цѣннѣе для Россіи и важнѣе для будущаго, даже чѣмъ всякія соглашенія съ Пруссіею и Австріею относительно поддержанія какихъ-либо строгостей въ польскихъ провинціяхъ, соглашеній, которыя доселѣ только тормозили естественное призваніе Россіи на юго-востокѣ.

Празднованіе столѣтней годовщины присоединенія восточной Пруссіи къ прусскому королевству, происходившее въ Маріенбургѣ 13-го и 14-го сентября, было не что иное какъ празднованіе перваго раздѣла Польши. Нельзя не замѣтить, что ни въ Россіи, ни въ Австріи не возникло такой мысли. Впрочемъ и самая мысль о раздѣлѣ Польши принадлежала Фридриху Великому. Вотъ новый прецедентъ для раздуванія національныхъ страстей празднествами. Ни Франція не праздновала годовщинъ своего владѣнія Эльзасомъ, ни Австрія своихъ прежнихъ завоеваній въ Италіи. Удивительно не то собственно, что такое празднество могло состояться, а скорѣе то, какъ можетъ нѣмецкое общество дружно восхищаться имъ, оставляя совершенно въ сторонѣ не только пресловутое свое „уваженіе ко всѣмъ національностямъ“, но хотя бы и тѣ общечеловѣческія чувства, для выраженія которыхъ на нѣмецкомъ же языкѣ есть два такія хорошія слова: Rücksicht и Zartgefühl. Но большинство нѣмецкаго общества (если судить о немъ по печати) очевидно „вышло изъ равновѣсія“. Такъ, напр., временный арестъ Абу, котораго единственной виной были враждебныя Германіи статьи въ французской газетѣ „Soir“, защищается нѣмецкими либеральными газетами *по принципу*, хотя сама военно-

судебная власть отказалась отъ преслѣдованія его судебнымъ порядкомъ. Дѣло въ томъ, что § 131 германскаго уголовнаго уложенія, гласящій „о преднамѣренныхъ искаженіяхъ и вымыслахъ для возбужденія презрѣнія къ государственнымъ учрежденіямъ и распоряженіямъ нѣмецкаго начальства"—былъ примѣненъ къ Абу тотчасъ по пріѣздѣ его въ районъ нѣмецкой военной юстиціи, за статьи помѣщенныя имъ *въ французской газетѣ.* Напр., въ Россію пріѣхалъ бы одинъ изъ нѣмецкихъ писателей о нашихъ прибалтійскихъ дѣлахъ; еслибы онъ былъ арестованъ — то это и было бы равносильно тому, что̀ случилось съ Абу.

Обстоятельство, что германскіе короли, то-есть баварскій, виртембергскій и саксонскій, не пріѣхали въ Берлинъ, такъ что германскій императоръ не могъ явиться при свиданіяхъ съ государями Россіи и Австріи во всемъ блескѣ своего могущества, окруженный всѣми своими „вассалами", было весьма замѣчено и подало національно-либеральной печати въ Пруссіи поводъ къ довольно рѣзкимъ разсужденіямъ. Но давать этому обстоятельству слишкомъ большого значенія не слѣдуетъ, въ особенности же было бы совершенно напрасно видѣть въ немъ демонстрацію противъ единства Германіи. Для чего было королямъ пріѣзжать въ Берлинъ? Всѣмъ очевидно, что они не могли участвовать въ тѣхъ соглашеніяхъ, какія предполагались между главами трехъ могущественныхъ державъ. Стало быть, если бы короли явились въ Берлинъ, то явились бы именно только для приданія бо́льшаго блеска церемоніалу и положеніе ихъ въ Берлинѣ было бы именно таково, какъ мы опредѣлили его выше: пріѣхавшіе въ прусскую столицу императоры нашли бы тамъ германскаго императора, „окруженнаго его вассалами". Но естественно, что короли, даже и не имѣя никакого желанія оспаривать свою нынѣшнюю зависимость отъ главы единой Германіи, все-таки могли не желать безъ всякой нужды играть такую роль.

Единичныя свиданія короля баварскаго съ императоромъ Вильгельмомъ, бывающія обыкновенно лѣтомъ, достаточно удостовѣряютъ отсутствіе взаимнаго нерасположенія; родственныя связи короля виртембергскаго съ однимъ изъ высокихъ гостей германскаго императора не позволяютъ сомнѣваться, что король охотно пріѣхалъ бы на свиданіе при другой обстановкѣ; саксонскій же король прислалъ въ Берлинъ своего наслѣдника, слѣдовательно о демонстраціи съ его стороны не могло быть и рѣчи.

По отношенію къ королю баварскому прусская печать выказала, правда, нѣкоторое раздраженіе уже потому, что одновременно со свиданіемъ въ Берлинѣ въ Мюнхенѣ происходилъ министерскій кризисъ, которому придавали значеніе прямо враждебное единству Германіи. То, что̀ называется „единствомъ Германіи", можетъ быть названо

также подчиненностью всѣхъ германскихъ правителей правительству императорскому, то-есть въ дѣйствительности прусскому. Это неоспоримо, и какъ ни обставлено единство оговорками относительно сохраненія неприкосновенныхъ монаршихъ правъ за прочими владѣтелями Германіи, тѣмъ не менѣе дѣйствительная зависимость не только вытекаетъ изъ положенія вещей, но и записана въ самыхъ учрежденіяхъ имперіи, которыя опредѣляютъ единство командованія надъ арміями въ случаѣ войны, и компетентность и имперскаго сейма и имперскаго правительства въ самой законодательной и высшей административной сферѣ. Зависимость въ отношеніяхъ торговомъ, военномъ, дипломатическомъ, а съ нынѣшняго года отчасти и въ духовномъ (въ смыслѣ общеобязательности закона противъ іезуитовъ), повторяемъ, несомнѣнна. Но по самому свойству дѣла зависимость эта, которой въ будущемъ предстоитъ постоянно возрастать, въ настоящее время не безусловна и не можетъ быть опредѣлена съ совершенной точностью. Такимъ образомъ, остается просторъ для обвиненій того или другого королевства со стороны централистской печати въ томъ, что внутреннее управленіе въ немъ ведется „въ духѣ", враждебномъ единству. Въ современномъ политическомъ языкѣ Германіи образовались уже выраженія: reichsfeindlich, reichsfreundlich, separatistisch и т. п. Но такимъ выраженіямъ слѣдуетъ придавать только весьма условное значеніе. Въ Баваріи, напр., могло бы образоваться такое министерство, которое прусская печать провозгласила бы „entschieden reichsfeindlich", но изъ этого все-таки не надо бы заключать, что это министерство намѣрено что-либо дѣлать для возстановленія прежней независимости Баваріи, не говоря уже о какихъ-либо помыслахъ о посторонней помощи для осуществленія чего-либо подобнаго. Это значило бы просто, что такое министерство желало бы поступать немного самостоятельнѣе, чѣмъ хотѣлось бы берлинскимъ централистамъ.

Въ Баваріи существуютъ двѣ партіи: католическая и прогрессивная. Первая называетъ себя „баварскою", и „церковною", и „умѣренною". Вторую называютъ централистскою, не потому чтобы она въ самомъ дѣлѣ стремилась къ полной отмѣнѣ самостоятельности Баваріи, къ осуществленію того, что́ называется теперь въ Германіи Einheitsstaat, но потому главнымъ образомъ, что партія, съ которою она борется, партія консервативная, будучи католическою, поставлена нынѣ въ отношенія неблагопріятныя къ имперскому правительству. Врагъ нашихъ враговъ приходится намъ другомъ, и вотъ такимъ образомъ прогрессивная партія въ Баваріи приходится другомъ князю Бисмарку, и наоборотъ. Положеніе баварскаго правительства между этими двумя крайними партіями довольно затруднительно. Опереться окончательно на вторую значитъ, во-первыхъ, сознательно идти по пути большаго и

большаго развитія собственной подчиненности, и во-вторыхъ, компрометтировать себя передъ значительной частью народа.

Выходъ изъ этого затрудненія, разумѣется,—одинъ: держаться пути *средняго*, опереться на какую-либо среднюю партію. Но въ томъ-то и дѣло, что средней партіи въ Баваріи теперь нѣтъ. Душою прежняго министерства былъ графъ Гегненбергъ, который съумѣлъ изыскать средину и старался образовать соотвѣтственую среднюю партію. Онъ умеръ, а съ нимъ исчезъ и его секретъ. Да едва ли образованіе искомой средней партіи въ смыслѣ парламентской партіи и возможно. Что правительство можетъ найти желанную средину, это ясно; для этого не нужно принциповъ, нуженъ просто тактъ. Но парламентская партія можетъ держаться только принципами; едва ли возможна вліятельная партія, которая единственнымъ своимъ девизомъ имѣла бы „тактъ." А между тѣмъ, безъ достаточной поддержки въ парламентѣ никакое министерство долго держаться не можетъ: оно не можетъ долго пробавляться поочередными уступками то направо, то налѣво. Прогрессивная партія въ палатѣ недостаточно сильна, а партія консервативная, „баварская," католическая, хотя и сильна въ баварской палатѣ, но за то слаба въ германской имперіи, стало быть опираться на нее можетъ быть опасно баварскому королю. Вообще, положеніе незавидное.

Изъ предшествующаго ясно, что когда король поручилъ составленіе министерства барону фонъ-Гассеру, члену партіи церковной, то это вовсе не имѣло смысла открытія какихъ-либо враждебныхъ дѣйствій противъ имперіи; король просто пробовалъ назначить министерство, опирающееся на большинство палаты, но составленное изъ людей наиболѣе умѣренныхъ въ партіи католическо-баварской. Министерство это не могло составиться потому именно, что существующія партіи представляютъ крайности и никто изъ значительныхъ людей правой стороны не хотѣлъ обязаться отыскивать „середину." Когда не удалась комбинація съ одной партіею, король поступилъ совершенно согласно съ парламентарнымъ духомъ, обратясь къ другой партіи. Одинъ изъ представителей этой reichsfreundliche Partei, бывшій министръ финансовъ фонъ-Пфрецшнеръ успѣлъ составить кабинетъ, во главѣ котораго и сталъ онъ самъ, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ и президента совѣта. Прусская печать неоднократно жаловалась, что новый имперскій законъ, направленный противъ іезуитовъ и всѣхъ духовныхъ конгрегацій, имѣющихъ съ ними сходство, доселѣ не приводили въ исполненіе въ Баваріи. Теперь примѣненіе этого закона началось и тамъ.

Утѣшительное явленіе среди нынѣшняго положенія „дважды-вооруженнаго мира" представило счастливое окончаніе знаменитаго „Элебемскаго" дѣла третейскимъ судомъ въ Женевѣ. Извѣстно, что въ уашингтонскомъ трактатѣ 8 мая 1871 года, Англія согласилась не только на третейское разбирательство этого вопроса, но и на форму-

лированіе нѣсколькихъ нормальныхъ правилъ объ обязанностяхъ нейтральнаго государства, объявивъ въ то же время, что хотя правила эти не входили въ составъ международнаго права доселѣ, но что изъ дружелюбія къ Соединеннымъ Штатамъ Англія, по собственному побужденію, соглашается на обратное дѣйствіе этихъ правилъ, то-есть на примѣненіе ихъ къ настоящему случаю. Третейскій судъ, состоявшій подъ предсѣдательствомъ итальянскаго сенатора графа Склописа, изъ уполномоченныхъ Америки и Англіи и изъ посредниковъ, назначенныхъ императоромъ бразильскимъ и республикою швейцарскою — виконта д'Итахуба и г. Стэмпфли, рѣшеніемъ 14 сентября, призналъ: въ дѣлѣ „Элебемы" англійское правительство не предупредило нарушенія того нормальнаго правила, которое признаетъ обязательность надзора за невооруженіемъ въ предѣлахъ нейтральной страны крейсеровъ, назначенныхъ для одной изъ сторонъ воюющихъ, и еще того нормальнаго правила, которымъ признано, что нейтральные порты и воды должны быть недоступны для заготовленія оружія или военныхъ запасовъ вообще и вербовки солдатъ; въ дѣлѣ „Флориды" англійское правительство не соблюло какъ этихъ двухъ правилъ, такъ и третьяго, гласящаго особо, что надзоръ за исполненіемъ первыхъ двухъ статей и отвращеніе всякаго ихъ нарушенія подданными воюющихъ державъ долженъ быть дѣйствителенъ; въ дѣлѣ „Шенандоа", англійское правительство отвѣтственно по тѣмъ же пунктамъ, какъ и въ дѣлѣ „Элебемы"; относительно вспомогательныхъ судовъ, снаряженныхъ каждымъ изъ крейсеровъ, примѣняется основаніе, признанное въ отношеніи каждаго изъ послѣднихъ; относительно крейсеровъ Retribution, Sumter, Nashville, Tallahussee, Chicamauga, Georgia, Jefferson Davis, Boston, B. H. Joy, Sallie, или были соблюдены всѣ правила, нынѣ признанныя нормальными, или нѣтъ достаточно доказательствъ ихъ нарушенія; требованіе о косвенныхъ убыткахъ представляло или просто часть общихъ военныхъ издержекъ Соединенныхъ Штатовъ, или гадательную оцѣнку выгодъ, которыя могли быть, но не существовали, отклоняется. Установивъ эти основанія и произведя затѣмъ на нихъ, сообразно представленныхъ доказательствъ, валовую оцѣнку въ общей суммѣ, судъ призналъ, что Англія обязана уплатить Соединеннымъ Штатамъ 15 милліоновъ 500 тыс. долларовъ золотомъ, и что затѣмъ судъ объявляетъ „вполнѣ, совершенно и окончательно удовлетворенными и прекращенными всякія требованія, предъявленныя или непредъявленныя, признавая такія требованія впредь и навсегда ничтожными." Рѣшеніе подписали всѣ члены суда, кромѣ англійскаго уполномоченнаго Кокбэрна; но его уклоненіе имѣетъ только формальное значеніе и нѣтъ сомнѣнія, что англійское правительство подчинится рѣшенію.

Перерывъ въ сессіи законодательнаго собранія во Франціи обозна-

шлся нѣкоторымъ усиленіемъ шансовъ въ пользу прочности нынѣшняго порядка, т.-е. республики. Какъ ни странно, что отсутствіе представительства страны и нестѣсненное преніями его, правленіе одного изъ бывшихъ вождей монархической партіи, Тьера, оказалось благопріятнымъ для республики, но это фактъ, болѣе или менѣе признанный всѣми, въ томъ числѣ и добросовѣстными монархистами. Благопріятное ей настроеніе обнаружилось въ генеральныхъ совѣтахъ и — надо полагать—въ бесѣдахъ самихъ членовъ національнаго собранія съ ихъ избирателями, такъ какъ въ настоящее время въ печати оказывается преобладающею мысль, что нынѣшнее, монархическое большинство палаты не долго уже будетъ имѣть возможность задерживать окончательное утвержденіе республиканскаго порядка. Безтенденціозная, фактическая „Indépendance Belge“ рѣшается уже теперь относиться къ собранію такъ: „гдѣ бы собраніе ни засѣдало, въ Версали или въ Парижѣ, вопросомъ этимъ заниматься не стóитъ, такъ какъ вообще засѣдать оно будетъ недолго“. Бельгійская газета прибавляетъ, что пусть ужъ лучше нынѣшнее собраніе и не переходитъ въ Парижъ, но оканчиваетъ свое существованіе въ Версалѣ.

Отношенія президента республики къ собранію, какъ извѣстно, таковы, что со стороны Тьера необходимо было соблюдать величайшую осторожность въ заявленіяхъ, касающихся собранія и продолжительности его полномочій. Доселѣ Тьеръ и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы устранять мысль о какомъ-либо своемъ собственномъ мнѣніи на этотъ счетъ: вы хозяева, вы повелители, отъ васъ зависитъ и т. д.—твердилъ онъ большинству. Теперь же, секретарь и другъ президента республики, Бартелеми Сент-Илеръ, въ письмѣ къ г. Боассé, президенту генеральнаго совѣта Соны-и-Лоары, напечатанномъ въ газетахъ, открыто, занимается вопросами о распущеніи собранія. Правда, секретарь Тьера выдаетъ высказываемыя имъ при этомъ воззрѣнія за свои личныя. Но Сент-Илеръ, конечно, зналъ, что имъ будетъ придано не такое значеніе, да и не могло быть придано, такъ какъ письмо, въ которомъ они высказываются, написано вѣдь въ отвѣтъ на сочувственный адресъ, присланный генеральнымъ совѣтомъ для свѣдѣнія президента республики, а не для свѣдѣнія г. Сент-Илера. Стóитъ привесть подлинныя слова заявленія секретаря президента республики: „въ законномъ смыслѣ (légalement) распущеніе національнаго собранія зависитъ исключительно отъ него самого и исполнительная власть была бы не права, вмѣшиваясь въ это дѣло. Напомню, что самъ г. Тьеръ торжественно обѣщалъ съ трибуны, что не будетъ участвовать въ походѣ за распущеніе, если бы такой походъ былъ предпринятъ. Предупредить палату, что настало время призвать ей преемниковъ, должно само общественное мнѣніе. Я убѣжденъ, что само собраніе, по собственному побужденію, сознаетъ эту необходимость, когда осво-

божденіе территоріи настолько приблизится, что его можно будетъ почитать свершившимся, и когда страна, ставъ въ положеніе совершенно не похожее на то, въ которомъ она произвела въ 1871-мъ г. выборы, почувствуетъ потребность заявить непосредственно свой голосъ, возобновленіемъ своихъ представителей. Обстоятельства въ то время будутъ уже столь отличны отъ прежнихъ, что очевидность этого различія поразитъ всѣхъ и вызоветъ всеобщее въ этомъ смыслѣ согласіе".

Газета „Siècle", напечатавъ письмо Бартелеми Сент-Илера, оцѣниваетъ его слѣдующимъ образомъ: „распущеніе версальскаго собранія ускоряется, стремительно приближается; быстрота его приближенія такова, что сегодня она уже превосходитъ тѣ ожиданія, какія мы имѣли вчера, а завтра превзойдетъ, быть можетъ, и сегодняшніе наши разсчеты." Письмо Бартелеми Сент-Илера служило, какъ уже сказано, отвѣтомъ на сочувственный адресъ, присланный большинствомъ генеральнаго совѣта Соны-и-Лоары; въ этомъ адресѣ высказано было желаніе какъ относительно распущенія нынѣшняго національнаго собранія, такъ и относительно дарованія амнистіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, секретарь президента отклоняетъ желаніе адреса, но выражаетъ мысль, что казней болѣе не будетъ, „развѣ въ видѣ исключеній". Исключеній, какъ извѣстно, недавно состоялось три: въ Сатори казнены еще трое коммуналистовъ, обвиненныхъ въ участіи въ казняхъ, совершенныхъ во время коммуны.

Орлеанскіе принцы пребываютъ въ полномъ бездѣйствіи, и этотъ фактъ самъ по себѣ уже показываетъ, что они не считаютъ благопріятнымъ, по крайней мѣрѣ настоящее время для того, чтобы выступать впередъ со своими надеждами и программой „либеральной монархіи", въ противоположность „консервативной республикѣ" Тьера. Графъ Парижскій даже уѣхалъ въ Италію. Другой легитимный кандидатъ, герцогъ Бордоскій молчитъ, какъ молчатъ пока и Бонапарты. Правда, нѣкоторые сторонники разныхъ монархій дѣлали и въ послѣднее время заявленія своихъ сочувствій, какъ-то, напр., маркизъ де-Карайонъ-Латуръ, маркизъ д'Анделарръ и герцогъ де-Брольи. Но двое первыхъ не имѣютъ значенія, а заявленіе герцога Брольи, бывшаго посла въ Лондонѣ, было такъ неясно, что его можно разсматривать, какъ выраженіе нерѣшительности, безсилія скорѣе, чѣмъ видѣть въ немъ монархическій манифестъ. Заявленіе это было сдѣлано герцогомъ въ рѣчи на одномъ земледѣльческомъ обѣдѣ, бывшемъ 22-го сентября, то-есть въ день провозглашенія *первой* республики. Надо замѣтить, что „консервативная республика" Тьера, какъ пугливая лошадь, боится собственной своей тѣни: она весьма старательно и строго запрещаетъ праздновать собственный свой день рожденія, то-есть 4-е сентября, а также и день рожденія своей прабабушки, первой революціи, именно

22-го сентября (1792 г.), когда національный конвентъ провозгласилъ республику une et indivisible. По обоимъ случаямъ были разосланы министромъ внутреннихъ дѣлъ циркуляры префектамъ. Такимъ образомъ, никакихъ республиканскихъ демонстрацій состояться не могло, и такіе республиканцы, которые не понимаютъ республики безъ шумныхъ уличныхъ заявленій, крайне обижаются не только тѣмъ, что подобныя заявленія запрещаются,—что́ конечно нераціонально,—но еще и тѣмъ, что въ то же время демонстраціямъ клерикальнымъ, какъ они называютъ религіозныя процессіи, предоставляется полнѣйшая свобода, что́ безспорно раціонально. Большая религіозная процессія въ Ліонѣ и множество процессій въ Лурдѣ, гдѣ праздновалось новое какое-то чудо, происходили безпрепятственно, къ крайней досадѣ тѣхъ республиканцевъ, которые изъ всѣхъ аттрибутовъ республики дорожатъ наиболѣе ея фригійскимъ колпакомъ. Надо однако замѣтить, что и консерваторы не совсѣмъ чужды такого несерьёзнаго взгляда на вещи, такъ какъ мѣстами они нарочно избрали день 22-го сентября для устройства анти-республиканскихъ демонстрацій подъ видомъ „земледѣльческихъ" и другихъ частныхъ обѣдовъ, которые запрещены не были. Вотъ на одномъ изъ такихъ обѣдовъ, въ Эрскомъ департаментѣ, герцогъ де-Брольи и произнесъ рѣчь, проникнутую глубокой ненавистью къ радикализму. Но выражая такую ненависть, герцогъ не рѣшился упомянуть о какой-либо монархической реставраціи. Онъ ограничился доказательствомъ необходимости союза всѣхъ консерваторовъ въ національномъ собраніи для отпора „разрушительныхъ идей"; но разумѣетъ ли онъ въ числѣ такихъ идей и самую идею республики— не сказалъ, увѣряя даже, что главное состоитъ не въ самыхъ формахъ правленія, что́ и справедливо, такъ какъ несомнѣнно, что и республика, если она еще долгое время будетъ сохранять осадное положеніе въ Парижѣ, продолжать казни, искажать всеобщую воинскую повинность, не допускать обязательности обученія и устранять налогъ на доходы—можетъ представить нѣчто нисколько не либеральное. Но уже самая сдержанность герцога Брольи въ этомъ случаѣ представляетъ признакъ, что имя республики перестаетъ быть пугаломъ, съ которымъ доселѣ носились монархисты для достиженія своихъ цѣлей.

Самый же значительный, дѣйствительно важный признакъ въ смыслѣ сближенія консервативныхъ классовъ съ идеею республики представляетъ письмо, присланное въ редакцію „Journal des Débats" бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Казиміромъ Перье́. Казиміръ Перье—личный другъ орлеанскихъ принцевъ, и фамилія Перье связана съ орлеанскою монархіею почти также, какъ историческія имена Ларошфуко́, Дампьерра и т. д. связаны съ монархіею легитимною. И вотъ что пишетъ Казиміръ Перье: „Я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые *оставались* вѣрны конституціонной монархіи до тѣхъ поръ,

пока имъ казалась возможною конституціонная монархія на томъ единственномъ основаніи, которое могло сдѣлать ее пригодною и прочною (acceptable et durable): на основаніи соглашенія между монархическими партіями и обѣими отраслями бурбонскаго дома, соглашенія, которое было бы освящено одобреніемъ (assentiment) страны. Не желаю и считаю не нужнымъ распространяться о всемъ томъ, что въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ явилось для уничтоженія (mettre à néant) вѣроятности такого монархическаго рѣшенія вопроса, которое было бы согласимо съ правами народа и съ честью прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ. Это объясняетъ, какимъ образомъ я приведенъ нынѣ къ тому, чтобы высказаться ясно и безъ задней мысли въ пользу правленія *республиканскаго*, единственнаго, какое, по мнѣнію моему, предназначено отнынѣ къ отвращенію отъ Франціи кризиса безначалія, за которымъ непремѣнно послѣдовалъ бы какой-нибудь деспотизмъ, не говоря уже объ опасностяхъ внѣшнихъ. Я твердо убѣжденъ, что не далекъ тотъ день, когда парламентское большинство, согласное съ знаменитымъ человѣкомъ, которому Франція должна быть столько благодарна послѣ ужасныхъ перенесенныхъ ею испытаній, съумѣетъ установить правленіе, опирающееся уже на окончательныя учрежденія. До тѣхъ поръ, пока правленіе это будетъ поддерживать уваженіе къ законамъ, народнымъ правамъ, правамъ личности и свободѣ совѣсти, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова,—я буду его защитникомъ. Если же республика, на свое и наше несчастіе, уклонилась бы отъ этихъ путей, то она бы неминуемо погибла. Въ продолженіи почти полнаго столѣтія послѣдовательныхъ переворотовъ были испробованы поочередно всѣ формы правленія, за исключеніемъ одной, а именно — республики правильной, искренно признаваемой большинствомъ націи, и свободной съ одной стороны отъ предубѣжденія, а съ другой — отъ слабостей. Намъ предстоитъ испытать ее; приступимъ же къ тому мужественно и добросовѣстно. Что касается меня, я къ этому обязываюсь, и если кому-нибудь такая рѣшимость будетъ стоить пожертвованій, тѣ пусть посмотрятъ на все ихъ окружающее и тогда они найдутъ достаточно поводовъ для укрѣпленія ихъ въ такой рѣшимости."

Заявленіе это имѣетъ большое значеніе какъ признакъ. Казиміръ Перьé, провозглашающій республику, это—признакъ, что та богатая, образованная часть французской буржуазіи, которая доселѣ видѣла въ умѣренной, орлеанской монархіи свой исключительный идеалъ, а республику считала невозможною, значительно пошатнулась въ такомъ убѣжденіи и начинаетъ думать, что республика можетъ имѣть болѣе шансовъ прочности, чѣмъ монархія. И нѣтъ сомнѣнія, что настолько, насколько прочность извѣстнаго правленія зависитъ собственно отъ политическихъ партій, а не отъ умственнаго состоянія массы на-

рода, республика во Франціи въ самомъ дѣлѣ имѣетъ болѣе приверженцевъ, чѣмъ какая-либо изъ монархій. Дѣло въ томъ, что монархія по существу своему есть понятіе гораздо болѣе конкретное, чѣмъ республика. Монархисты разныхъ партій не могутъ дѣйствовать вмѣстѣ на пользу „монархіи вообще". Монархія есть опредѣленная династія, то-есть одна изъ трехъ династій, претендующихъ на царствованіе. Многочисленные признаки заставляютъ думать, что легитимисты предпочтутъ республику воцаренію орлеановъ или бонапартовъ, а бонапартисты точно также предпочтутъ республику возстановленію одной изъ отраслей бурбонскаго дома. Итакъ, если даже и предположить, что всѣ монархическія партіи взятыя вмѣстѣ числомъ своихъ приверженцевъ превосходятъ совокупность всѣхъ подраздѣленій партіи республиканской — что́ еще далеко не доказано — то все-таки каждая изъ монархическихъ партій, взятая отдѣльно, безконечно слабѣе противъ остальныхъ двухъ и республиканской партіи. А каждая изъ монархическихъ партій можетъ разсчитывать именно только на самое себя, отдѣльно отъ прочихъ; общей *монархической* партіи во Франціи нѣтъ, есть только три династическія партіи, между тѣмъ какъ партія республиканская имѣетъ единство, несмотря на свои подраздѣленія.

Значеніе письма Казиміра Перье́ было еще усилено распространившимся слухомъ, что заявленіе это одобрено княземъ Жуанвилльскимъ и герцогомъ Омальскимъ, хотя самимъ претендентомъ орлеанистовъ—графомъ Парижскимъ—оно безъ сомнѣнія одобрено не было. И самъ непосредственный о́рганъ орлеанскихъ принцевъ, Journal de Paris, отнесся къ этому письму такимъ образомъ, что никакъ не умалилъ его значенія. Выражая сожалѣніе, что человѣкъ съ такимъ вѣсомъ, какъ Казиміръ Перье́, рѣшительно отдѣлился отъ приверженцевъ монархіи, Journal de Paris даетъ однако понять, „что въ настоящее по крайней мѣрѣ время, а можетъ быть и надолго, возстановленіе монархіи во Франціи не имѣетъ за собой вѣроятности" въ томъ смыслѣ, что, по убѣжденію Journal de Paris, нынѣшній порядокъ просуществуетъ до смерти Тьера. „Потомъ", прибавляетъ орлеанистская газета, „можно будетъ испробовать и правильное республиканское правленіе. Мы отнеслись бы къ такому опыту безъ энтузіазма, безъ большого довѣрія, но съ полной добросовѣстностью, готовые преклониться передъ фактомъ, если бы фактъ доказалъ намъ, что правильная республика въ самомъ дѣлѣ можетъ прожить во Франціи — и главное — что Франція можетъ жить при республикѣ". Въ добросовѣстности орлеанскихъ принцевъ нѣтъ повода сомнѣваться, но во всякомъ случаѣ нынѣшнее отношеніе ихъ къ политическому положенію таково, что его можно опредѣлить выраженіемъ bonne mine à mauvais jeu.

Итакъ, въ совокупности можно сказать, что послѣдніе два мѣсяца укрѣпили во Франціи республику и во всякомъ случаѣ упрочили положеніе Тьера до такой степени, что національное собраніе, по возобновленіи сессіи, будетъ уже рѣшительно не въ силахъ его свергнуть. Тѣмъ не менѣе, изъ различныхъ мелкихъ фактовъ можно вывесть предположеніе, что большинство, по возобновленіи сессіи, соберетъ остатокъ своихъ силъ, чтобы напугать Тьера и опираясь на безвыходность нынѣшняго временного порядка, вырвать у него согласіе на нѣкоторыя учредительныя мѣры въ консервативномъ духѣ. Наиболѣе рьяные изъ консерваторовъ - легитимистовъ прямо заявляютъ, что Тьера слѣдуетъ смѣстить во что-бы то ни стало, такъ какъ нельзя „предоставить" ему производства выборовъ въ новое собраніе. Въ этомъ смыслѣ высказался депутатъ департамента Ландовъ—г. де-Дампіерръ; въ томъ же смыслѣ высказался и главный органъ легитимистовъ Gazette de France. Но слишкомъ очевидно, что этого сдѣлать теперь нельзя и все, на что́ реакціонеры могутъ разсчитывать, это—нѣсколько испугать Тьера и заставить его согласиться на нѣкоторыя учредительныя мѣры, которыя вели бы къ дальнѣйшему преобладанію консервативныхъ элементовъ вообще. Каковы эти предполагаемыя мѣры, еще неизвѣстно, но образчикъ ихъ представляетъ предложеніе клерикальной газеты Monde, которая желаетъ, чтобы всенародное голосованіе было ограничено и чтобы избирательное право было предоставлено только „главамъ семействъ, платящимъ подати и не подвергавшимся судебной карѣ". Само собою разумѣется, что отъ этой мѣры или другихъ, подобныхъ ей, нельзя бы ожидать упроченія порядка, хотя онѣ повидимому и имѣли бы спеціально эту цѣль. Намъ могутъ возразить, что предоставленіе избирательнаго права однимъ главамъ семействъ въ Англіи доселѣ представляетъ крайнюю уступку, сдѣланную требованіямъ о расширеніи участія массы въ политической жизни, а между тѣмъ въ Англіи существуютъ и свобода, и порядокъ. Это несомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что въ Англіи свобода и порядокъ существовали и прежде, чѣмъ избирательное право распространено было на всѣхъ хозяевъ квартиръ, то-есть на главы семействъ. Но изъ этого ничего не слѣдуетъ въ примѣненіи къ Франціи, потому собственно, что въ странѣ, которая уже почти вѣкъ идетъ путемъ насильственныхъ переворотовъ, напрасно было бы ожидать прочности отъ такого порядка, который лишалъ бы права мирно проводить свои желанія въ законъ массу людей, имѣющихъ возможность осуществлять свои желанія насиліемъ. Ограниченіе избирательнаго права, созданіе тѣснаго кружка участвующихъ въ политической жизни во Франціи противорѣчило бы жизни; тамъ теперь уже неизбѣжно предоставлять всякому, кто только хочетъ участвовать въ политической дѣятельности, право дѣлать

это мирнымъ, законнымъ образомъ. Искусственное сословіе привилегированныхъ избирателей не можетъ создать ничего прочнаго въ странѣ, которая свыклась съ проявленіемъ въ политикѣ простой естественной силы. И въ самомъ дѣлѣ, какъ только избирательное право было бы ограничено, то порядокъ, установленный на такомъ ограниченіи, вызвалъ бы противъ себя и бонапартистовъ и огромное большинство республиканцевъ, всѣхъ республиканцевъ, кромѣ такихъ какъ самъ Тьеръ или, напримѣръ, Казиміръ Перье, республиканцевъ „послѣдняго призыва".

Но каковы бы ни были предположенія крайнихъ консерваторовъ относительно нынѣшнихъ учрежденій, несомнѣнно одно, что при возобновленіи парламентской сессіи они, съ такою или иною цѣлью, предпримутъ новый походъ на Тьера. Начало уже сдѣлано. Въ засѣданіи постоянной коммиссіи національнаго собранія 26-го сентября, (н.-с.) положеніе, принятое правительствомъ къ заявленіямъ нѣкоторыхъ генеральныхъ совѣтовъ въ смыслѣ распущенія собранія, подверглось рѣзкому осужденію. Герцогъ Ларошфуко́ и другіе члены коммиссіи утверждали, что подобныя заявленія членовъ генеральныхъ совѣтовъ составляли прямое нарушеніе закона, такъ какъ совѣтамъ этимъ не принадлежитъ никакой политической власти. Но въ томъ-то и дѣло, что авторы этихъ заявленій, наученные бывшими примѣрами, прибѣгли на этотъ разъ къ уловкѣ: они подписывали адресы не во время сессіи генеральныхъ совѣтовъ, но тотчасъ по окончаніи ея, и подавали эти адресы не отъ имени генеральныхъ совѣтовъ, а просто отъ имени частныхъ лицъ, ихъ подписавшихъ. Такъ какъ подписывались подъ ними президенты совѣтовъ и большинство ихъ членовъ—какъ, напр., на адресѣ Соны-и-Лоары—то значеніе этихъ адресовъ было совершенно такое же, какъ если бы ихъ составили отъ имени совѣта и подписали во время его засѣданія; но въ точномъ, юридическомъ смыслѣ авторы такихъ адресовъ закона не нарушали, потому что законъ предоставляетъ право петиціи или адреса къ правительству или собранію всякому французскому гражданину, нисколько не лишая такого права и гражданъ, состоящихъ членами генеральныхъ совѣтовъ. Вотъ на это-то и указывали министры въ оправданіе правительства.

Одинъ изъ подобныхъ адресовъ былъ присланъ Тьеру генераломъ Шанзи отъ имени совѣта арденнскаго департамента, въ которомъ бывшій главнокомандующій луарской арміи состоитъ президентомъ. Генералъ Шанзи въ то же время, какъ извѣстно, состоитъ президентомъ лѣваго центра національнаго собранія. Въ адресѣ, о которомъ идетъ рѣчь, было выражаемо довѣріе къ преданности Тьера установленію и упроченію консервативной республики во Франціи. Тьеръ, на этотъ разъ, отвѣчалъ собственнымъ письмомъ. Такъ какъ объ этомъ

письмѣ можетъ быть будетъ рѣчь и въ національномъ собраніи, то мы приведемъ его. „Любезный генералъ, получивъ адресъ арденнскаго генеральнаго совѣта (такъ какъ въ этомъ адресѣ выражалась только преданность „существующимъ“ учрежденіямъ, то онъ и былъ составленъ прямо отъ имени совѣта), обязательно вами присланномъ, спѣшу благодарить васъ. Прошу передать мою благодарность всѣмъ тѣмъ членамъ совѣта, которые пожелали присоединиться къ вамъ и сказать имъ, что переданное мнѣ удостовѣреніе въ ихъ уваженіи (estime) и довѣріи ко мнѣ служитъ лучшей наградой, какой я могу ожидать за мои старанія. Уваженіе людей просвѣщенныхъ, соединяющихъ въ себѣ патріотизмъ со свѣтлымъ взглядомъ, есть для меня самое сильное ободреніе; оно заставляетъ меня забывать тягость заботъ, утомленіе, бремя моихъ лѣтъ, и даетъ мнѣ, однимъ словомъ, ту силу, въ которой я нуждаюсь для того, чтобы продолжать мое трудное дѣло въ *томъ самомъ духѣ*, который они одобряютъ и въ которомъ я намѣренъ неуклонно дѣйствовать и *впредь*“. Собственно говоря тутъ ничего нѣтъ, кромѣ учтивостей. Но объявляя о своемъ намѣреніи дѣйствовать и впредь неуклонно (persévérer) въ духѣ одобряемомъ тѣми, кто прислалъ адресъ, желающій окончательнаго упроченія республики во Франціи, Тьеръ, конечно, зналъ *что* писалъ. Это заявленіе со стороны Тьера опять было признакомъ, что онъ сознаетъ усиленіе и своего авторитета и самого принципа республики въ обществѣ.

Замѣчательно, что въ постоянной коммиссіи, когда она собралась въ первый разъ послѣ обнародованія письма Тьера къ Шанзи, не было сдѣлано никакихъ по этому предмету запросовъ. Консерваторы повидимому отложили ихъ, чтобы „подогрѣть“ этотъ случай впослѣдствіи, такъ чтобы онъ былъ свѣжъ еще и ко дню возобновленія сессіи собранія. И вотъ, въ слѣдующемъ засѣданіи постоянной коммиссіи, то-есть черезъ двѣ недѣли, герцогъ Ларошфуко по поводу этого письма прямо обвинилъ Тьера въ нарушеніи „бордоскаго уговора“.

Итакъ, въ самомъ началѣ сессіи можно ожидать открытія враждебныхъ дѣйствій противъ Тьера со стороны крайнихъ консерваторовъ. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо несомнѣнно, что Тьеръ останется на мѣстѣ, но спрашивается, не слукавитъ ли онъ самъ при этомъ по отношенію къ лѣвой сторонѣ, такъ безусловно его поддерживающей, не сошлется ли на вымогательства реакціонеровъ для того, чтобы согласиться въ самомъ дѣлѣ на какія-либо мѣры въ родѣ ограниченія права избирательства, однимъ словомъ на такія консервативныя мѣры, которыя, судя по прошлому Тьера, ему самому не должны быть противны и въ настоящемъ. Нѣчто подобное легко можетъ случиться потому, что всякое новое учредительное постановленіе, будь то хотя бы изданіе новаго избирательнаго закона или учрежденіе второй палаты, имѣло бы все-таки смыслъ новаго признанія нынѣшняго по-

рядка, т.-е. республики, законодательнымъ актомъ. Вотъ на эту-то удочку и можно поймать многихъ членовъ лѣвой стороны, такъ какъ французскія партіи вообще болѣе всего дорожатъ провозглашеніемъ извѣстной формы правленія, болѣе даже чѣмъ осуществленіемъ его сущности. О проектѣ самого Тьера относительно учрежденія второй палаты въ послѣднее время что-то не было слышно. За то, говорятъ, онъ положительно намѣренъ испросить учрежденія должности вице-президента, какимъ быть можетъ и будетъ Казиміръ Перье.

Изъ своей лѣтней резиденціи, Трувилля, Тьеръ однажды въ сопровожденіи военнаго министра генерала Сиссе́, посѣтилъ Гизо́, въ его за́мкѣ. Любопытна была эта встрѣча двухъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей іюльской монархіи, нѣкогда непримиримыхъ противниковъ, своими парламентскими интригами много способствовавшихъ къ неудачѣ парламентарной монархіи во Франціи. Почти тридцать лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ Гизо́ „проглядѣлъ“ четверной союзъ, заключенный противъ Франціи по египетскому дѣлу и окончательно прибралъ къ рукамъ парламентское кормило правленія, съ которымъ и палъ впослѣдствіи. Тьеръ, возглашавшій въ то время воинственныя намѣренія противъ Англіи, являлся теперь къ Гизо́ самъ безсмѣннымъ, пожизненнымъ правителемъ, въ то время какъ въ Берлинѣ только что произошло тройное соглашеніе опять безъ участія Франціи; но за то на этотъ разъ Тьеръ только-что откланялся на салюты англійскихъ фрегатовъ, пришедшихъ въ Гавръ для отдачи ему почести. Въ Гавръ Тьеръ ѣздилъ для того, чтобы заявить тамошнему торговому міру, что онъ не намѣренъ слѣдовать системѣ, прямо враждебной принципу свободной торговли. Гавръ, какъ портъ, заинтересованъ въ томъ, чтобы внѣшняя торговля не падала, чтобы какъ вывозъ, такъ и ввозъ не уменьшались. Настоящіе экономическіе одномышленники Тьера находятся, правда, именно въ сѣверныхъ городахъ Франціи, но не въ приморскихъ: въ Руанѣ, но не въ Гаврѣ. По случаю пріѣзда президента французской республики въ Гавръ, туда пришли два англійскихъ фрегата и сѣверо-американскій корветъ, которые и произвели при этомъ обычную салютацію, а затѣмъ офицеры ихъ были приняты Тьеромъ. Ему воздаютъ королевскія почести!— провозгласили во Франціи повседневные политики, и правду сказать, такое заявленіе великихъ морскихъ державъ не останется безъ пользы въ самой Франціи. Но печать пошла еще нѣсколько далѣе. Даже такой хладнокровный органъ какъ „Temps“ счелъ нужнымъ выставить на видъ, что эта манифестація произошла вслѣдъ за берлинскимъ свиданіемъ. Каково бы ни было намѣреніе, внушившее эту „манифестацію“, она была все-таки весьма скромнаго свойства. Но тѣмъ не менѣе ея нельзя объяснять иначе какъ желаніемъ правительствъ англійскаго и американскаго выразить Франціи сочувствіе, и въ этомъ

смыслѣ Тьеръ былъ правъ, придавая въ своей рѣчи къ синдикамъ гаврскаго порта большую цѣну дружественному заявленію Англіи и Америки. Въ той же рѣчи онъ объявилъ, что имъ получены были отъ императоровъ русскаго и австрійскаго самыя успокоительныя завѣренія относительно берлинскаго свиданія.

ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА НА РИГИ-КУЛЬМЪ.

Изъ воспоминаній туриста.

Съ именемъ Риги-Кульмъ связано, на Западѣ, понятіе Мекки туристовъ. Изъ всѣхъ швейцарскихъ горъ, на которыя поднимаются въ потѣ лица, Риги пользуется искони заманчивою славою самой доступной; на нее можно взобраться съ самыми меньшими усиліями, и тѣмъ не менѣе имѣть возможность насладиться прелестями альпійской природы. Расположенная въ кантонѣ Швицѣ на берегу озера „Четырехъ-Кантоновъ", подымаясь надъ уровнемъ моря на 5,541 футовъ (а 4,200 надъ озеромъ), Риги, на небольшомъ пространствѣ 10-ти часовъ ходьбы вокругъ подошвы, представляетъ рѣзкіе контрасты, какъ въ климатѣ, такъ и въ флорѣ.

Склонъ ея, обращенный къ Цугскому озеру, обрывистъ и суровъ; противуположный же ему южный, болѣе покатый, покрытъ у подошвы миндальными, каштановыми и фиговыми деревьями. Чуткое къ восторгамъ путешественниковъ ухо содержателей гостинницъ давно уже успѣло подслушать ихъ, а предпріимчивый духъ спекуляціи предложилъ имъ пріюты на разныхъ высотахъ, съ бо́льшимъ или меньшимъ комфортомъ, соображаясь иногда съ средствами туристовъ, а еще чаще—отвлекаясь отъ нихъ, руководствуясь только моралью возможно большей и скорой наживы. Риги не избѣжала общаго закона. На вершинѣ ея, на разныхъ разстояніяхъ, красуются отели. Надъ филологическимъ происхожденіемъ общаго имени этихъ пріютовъ странствующаго человѣчества нерѣдко приходится задумываться путешественнику, въ особенности при созерцаніи предъявляемыхъ въ нихъ счетовъ. Туристъ, въ виду ихъ, даже получившій самое солидное классическое образованіе, въ нерѣшимости отъ какого корня производить это слово „отель"; что̀ оно римскаго происхожденія, это, конечно, очевидно, но происходитъ ли оно отъ hospes (гость), или отъ hostis (врагъ)? Мои личныя наблюденія, основанныя на изученіи многочисленныхъ отельныхъ актовъ, предъявляемыхъ услужливыми оберъ-кельнерами, заставляютъ склоняться къ принятію послѣдняго корня, хотя классики и будутъ, можетъ быть, утверждать противное.

Десятки тысячъ туристовъ, ежегодно снующихъ по всѣмъ направленіямъ Швейцаріи, желая удовлетворить своему самолюбію цѣною легкихъ, съ напряженіемъ всѣхъ своихъ мышцъ, взбираются на Риги, чтобы имѣть все-таки право сказать, что поднимались на 5,000 футовъ надъ поверхностью моря и наслаждались горною природою. Но все же, несмотря на неособенную затруднительность этого путешествія, многими часто заявлялись желанія облегчить путь еще болѣе, чѣмъ это было возможно при посредствѣ четвероногихъ, терпѣливо подымавшихъ на вершину фэшёнебельной горы. Задумывались разные проекты, чтобы помочь этой невзгодѣ туристовъ-сибаритовъ, находившихъ верховую ѣзду тряскою, но проекты оставались проектами. Предположеніе, о которомъ въ исходѣ 50-хъ годовъ было болѣе всего рѣчи, состояло въ томъ, чтобы облегчить восхожденіе на Риги при посредствѣ воздушнаго шара, двигавшагося по проволочному канату отъ подошвы горы до ея вершины, съ гондолою, предназначенною для принятія путешественниковъ. Но и этотъ проектъ не осуществился. Вскорѣ затѣмъ механикъ швейцарской центральной желѣзной дороги, Риггенбахъ въ Ольтенѣ, задумалъ устроить желѣзвую дорогу на Риги. Онъ составилъ подробный, детальный планъ ея, приготовилъ модели подвижного состава, но проектъ его не былъ выполненъ по причинѣ совершеннаго равнодушія къ нему на родинѣ, хотя во Франціи его система горной дороги и получила привилегію. Планы геніальнаго инженера лежали около 10-ти лѣтъ въ портфелѣ безъ всякаго практическаго примѣненія, какъ вдругъ, въ исходѣ 60-хъ годовъ, швейцарское правительство получило отъ своего консула, аккредитованнаго въ Вашингтонѣ, извѣщеніе, что тамъ устроена и уже болѣе 2-хъ лѣтъ эксплуатируется горная желѣзная дорога на Mount Washington, одинаковой высоты съ Риги, близъ Бостона, построенная по системѣ, очень близкой къ системѣ Риггенбаха. Послѣдній, видя практическое осуществленіе своей завѣтной мысли, хотя и по ту сторону океана, рѣшился еще разъ, при содѣйствіи полковника Адольфа Неефа (Naeff) изъ Сентъ-Галлена, и Цшокке, изъ Аарау, попытаться провести дорогу на Риги. Отправленный въ Америку швейцарскій инженеръ Грюнингеръ, изучившій американскую дорогу на мѣстѣ, убѣдился въ совершенной возможности ея осуществленія и въ Швейцаріи. Это еще болѣе укрѣпило названныхъ выше инженеровъ въ ихъ намѣреніи. Мѣстная буржуазія, 10-ть лѣтъ тому назадъ смотрѣвшая на проектъ Ольтенскаго техника какъ на плодъ досужаго воображенія, въ виду положительнаго успѣха сходнаго американскаго предпріятія, рѣшилась, ничего не рискуя, съиграть роль Мецената и предложила для горной желѣзной дороги на Риги свои капиталы. Въ очень короткое время 1.250,000 франковъ, исчисленныхъ на постройку, подписаны были различными плутократами,—кто въ грече-

скомъ, а кто и въ русскомъ значеніи этого слова,—по преимуществу же содержателями отелей въ Люцернѣ, чуявшими добычу, вытекавшую отъ этой великодушной затраты капитала. Въ октябрѣ 1869 года приступлено было къ работамъ; 600 человѣкъ каменотесовъ и землекоповъ принялись за свое дѣло подъ руководствомъ людей, которымъ было дорого осуществленіе ихъ завѣтной идеи, чуть было не погибшей.

Западно-европейская печать, болѣе солидарная въ международныхъ вопросахъ даже второстепенной важности, касающихся, какъ здѣсь, комфорта и небывалой технической попытки, постоянно держала au courant своихъ читателей насчетъ хода предпріятія швейцарскихъ инженеровъ, но со второй половины 1870 года пресса отвлечена была отъ этого другими событіями. По крайней мѣрѣ мы не встрѣчаемъ, во все это время, свѣдѣній о дорогѣ на Риги.

Посѣтивъ, въ маѣ прошлаго года, Швейцарію, мы изъ частныхъ разговоровъ узнали, что постройка ея потерпѣла замедленіе по причинѣ франко-германской войны, такъ какъ рельсы, заказанные въ Mars-la-Tours, вблизи Меца, не могли быть изготовлены къ назначенному сроку, вслѣдствіе чего дорога не могла быть окончена, какъ предполагалось, къ осени 1870. Но, прибывъ 8/20 мая изъ Интерлакена въ Люцернъ, мы узнали, что на-дняхъ дорога будетъ открыта, и что рабочіе поѣзды давно уже ходятъ на вершину, развозя по пути строительные матеріалы. Изъ разсказовъ мѣстныхъ жителей можно было заключить, что инженеры не отказываютъ иностранцамъ, желающимъ взобраться на рабочемъ поѣздѣ съ матеріалами, если есть мѣсто на платформѣ, прокатить ихъ на парахъ на Риги. Мы были не прочь воспользоваться этою любезностью швейцарскихъ инженеровъ и на другой же день рѣшились отправиться въ Фицнау (Vitznau), деревушку, лежащую на берегу озера „Четырехъ кантоновъ", гдѣ находится пароходная пристань и станція новой желѣзной дороги.

9/21 мая, въ чудное весеннее утро, отправились мы съ первымъ, отходившимъ изъ Люцерна пароходомъ къ мѣсту, недавно еще совершенно неизвѣстному, но которому теперь предстоитъ пріобрѣсти громкое имя въ мірѣ туристовъ. Пароходъ былъ биткомъ набитъ народомъ, по преимуществу туземцами, такъ какъ по времени года иностранцы были еще rarae aves. Только пруссаки изъ арміи Вердера, дѣйствовавшей противу Бурбаки, разсѣянные по сосѣдней Швейцаріи цѣлыми вереницами, имѣли и на нашей палубѣ своихъ представителей. Ихъ мундиры, которыхъ вообще ни одинъ приличный военный не надѣваетъ на иностранной территоріи, сабли и палаши, прыгавшіе безцеремонно по ногамъ пассажировъ, составляли рѣзкій контрастъ съ мирнымъ швейцарскимъ населеніемъ, созерцающимъ

ке свои родные мундиры только въ теченіи нѣсколькихъ недѣль году.

Наблюденія мои надъ спутниками были прерваны остановившимъ у моего складного стула господиномъ, начавшимъ рѣчь о погодѣ. Вскорѣ онъ завелъ рѣчь о путешествіи, при чемъ я, отвѣчая на вопросъ, замѣтилъ ему, что ѣду въ Фицнау, а оттуда попытаюсь няться, хотя бы на платформѣ, на Риги.

— О, это вамъ не удастся,—замѣтилъ съ участіемъ мой собесѣдкъ.

— Почему же?

— Вотъ уже недѣли полторы или двѣ какъ строители наотзъ отказываютъ всѣмъ и каждому въ любезности, на которую вы зсчитываете. Теперь у нихъ такая спѣшная работа, что путешественники только мѣшаютъ имъ.

Не скрою, въ первую минуту извѣстіе это, похожее на правду, задачило меня, но я тутъ же вспомнилъ, что не далѣе какъ дня етыре тому назадъ я встрѣтилъ на Бріенцскомъ озерѣ путешественника, который разсказывалъ мнѣ, что наканунѣ онъ взбирался на латформѣ со щебенкой на Риги.

Не желая прекословить, я замолчалъ, хотя мною все-таки овлаѣло безпокойство, что, пожалуй, собесѣдникъ говоритъ правду.

— Вы имѣете, однако, возможность побывать сегодня на Риги, есмотря на эту неудачу,—продолжалъ, съ видомъ участія, мой собеѣдникъ, личность котораго начала меня теперь интересовать, такъ акъ я не могъ дать себѣ яснаго отчета, съ кѣмъ имѣю дѣло.

Я молчалъ.

— Я могу дать вамъ благой совѣтъ,—продолжалъ онъ,—чтобы воспользоваться сегодняшней прекрасной погодой; сходите съ парохода въ Веггисъ (станція, не доѣзжая Фицнау); возьмите тамъ лошадь для себя и осла для вашей жены и часа черезъ полтора будете на Риги.

Я поблагодарилъ его за наставленіе.

— Вотъ и Веггисъ въ виду,—продолжалъ онъ. Рѣшайтесь скорѣе. На платформу никакъ не попадете. Погода чудная. Я берусь вамъ доставить въ Веггисѣ лошадей, или муловъ.

— Что будетъ стоить пара,—спросилъ я, какъ будто соглашаясь на его предложенія, сообразивъ теперь, какого это поля ягода.

— Только 30 франковъ за пару; очень дешево!

— Дѣйствительно дешево, если бы вычесть изъ этой суммы франковъ 15; но я все-таки попытаюсь взобраться на Риги при посредствѣ пара; обратитесь лучше вотъ къ тѣмъ иностранцамъ,—сказалъ я, указывая на выкидывавшихъ разные кунст-штюки пруссаковъ. Они, можетъ быть, будутъ сговорчивѣе.

Потративъ напрасно свою любезность, мой собесѣдникъ,—оказавшійся Fremdenfänger'омъ, ловцомъ иностранцевъ, однимъ изъ тѣхъ которые снуютъ въ разнообразнѣйшихъ видахъ, на пароходахъ, пристаняхъ, дебаркадерахъ, вагонахъ, гдѣ они подхватываютъ довѣрчивыхъ пассажировъ —послѣдовалъ моему совѣту и остановившись возлѣ одного изъ героевъ, вступилъ вскорѣ съ нимъ въ разговоръ.

Вѣроятно онъ былъ краснорѣчивъ и убѣдителенъ, потому что когда пароходъ остановился у пристани деревушки Веггиса, пруссаки вывалили гурьбой на сушу. Побѣдители Бурбаки, въ своей голубиной невинности, попались на удочку Fremdenfänger'а, успѣвшаго увѣрить ихъ въ томъ, что по желѣзной дорогѣ изъ Фицнау нельзя подняться на Риги.

Избавившись отъ бряцанія сабель и бесѣды докучливаго путеводителя, мы могли привольнѣе остановиться на прелестяхъ окружающей природы и на предметѣ болѣе достойномъ вниманія. На палубѣ ѣхали съ нами изъ одной окрестной деревни двѣ школы, мальчиковъ и дѣвочекъ. Одѣтые необыкновенно просто, дѣти около 10 — 12 лѣтъ, глазѣли по всѣмъ сторонамъ „розы вѣтровъ", бросая притомъ взоры свои на небольшія бумажки, которыя каждый изъ нихъ держалъ въ своихъ рукахъ. Учитель и учительница, окруженные группами дѣтей, ежеминутно указывали своимъ питомцамъ то на бумагу, то на окрестныя горы и деревни. Прислушавшись къ объясненіямъ, я замѣтилъ, что это былъ живой урокъ отечествовѣдѣнія съ историческими комментаріями изъ швейцарской исторіи. Бумажки, замѣченныя мною въ рукахъ дѣтей, были карты, рисованныя ими самими въ школѣ, и теперь, во-очію, наглядно, объясняемыя учителемъ посреди свободнаго божьяго міра, на палубѣ парохода, который значительно сбавляетъ провозныя цѣны для школъ, дѣлающихъ такія экскурсіи.

Прибывъ въ Фицнау, я къ большому удовольствію убѣдился, что весь разсказъ Fremdenfänger'а былъ не болѣе какъ миѳъ, при посредствѣ котораго онъ разсчитывалъ заставить меня прогуляться изъ Веггиса подъ его руководствомъ. На пристани, узнавъ, что тутъ находится одинъ изъ строителей, полковникъ Адольфъ Неефъ, я обратился къ нему съ вопросомъ, не представится ли намъ возможность подняться сегодня, на рабочемъ поѣздѣ, на Риги.

— На рабочемъ, ни въ какомъ случаѣ,—былъ отвѣтъ Неефа;—такъ какъ,—прибавилъ онъ,—сегодня работы пріостановлены по случаю техническаго осмотра дороги коммиссіей изъ Берна. Но если вы желаете взобраться на Риги на *первомъ, пробномъ пассажирскомъ* поѣздѣ вмѣстѣ съ коммиссіей, то я доставлю вамъ къ этому возможность. Предупреждаю васъ, однако, что поѣздъ будетъ дѣлать всѣ необходимые при испытаніи дороги маневры, не совсѣмъ пріятные для путешественника непривычнаго, или не особенно довѣряющаго прочно-

сти нашей постройки. Если вы согласны при этихъ условіяхъ сѣсть въ первый пассажирскій поѣздъ на Риги, то вамъ придется только подождать нѣсколько времени слѣдующаго парохода, на которомъ прибудутъ члены коммиссіи.

Мы переглянулись съ женой; на лицѣ ея выразилась борьба боязни съ любопытствомъ, но послѣднее одержало верхъ, вѣроятно вслѣдствіе соображенія, что она будетъ имѣть возможность подняться на Риги *съ первымъ* пассажирскимъ поѣздомъ.

Въ ожиданіи прибытія парохода мы стали осматривать работы невиданной нами до того горной дороги. Дебаркадеръ, простой, уютный чистенькій, въ извѣстномъ швейцарскомъ стилѣ, устроенный въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пароходной пристани, не представлялъ ничего особеннаго; но въ небольшомъ сараѣ близъ него замѣтили мы совершенную невидаль. Только по клубившемуся изъ нея дыму мы догадались, что это горный локомотивъ. Представьте себѣ, читатель, всѣмъ вамъ знакомый локомотивъ опрокинутымъ, поставленнымъ почти вертикально, и вы согласитесь, что это курьезное зрѣлище произведетъ на васъ впечатлѣніе страха; вы естественно вообразите себѣ, что вы находитесь на мѣстѣ „крушенія поѣзда"; оно напомнило бы нѣкоторымъ изъ соотечественниковъ тѣ ужасы, которые имъ приходилось переживать, благодаря своеобразному примѣненію одного изъ величайшихъ современныхъ открытій на родной почвѣ. Успокойтесь, однако! Не на мѣстѣ „крушенія" находитесь вы, а на исходной точкѣ одного изъ величайшихъ наслажденій природою; котелъ поднятъ почти вертикально для того, чтобы слой воды въ немъ находился во всѣхъ его частяхъ постоянно на одинаковой высотѣ, что было бы невозможно, если бы паровикъ лежалъ въ горизонтальномъ направленіи. При подъемѣ въ гору вода принимала бы въ послѣднемъ случаѣ такое положеніе, что въ одномъ концѣ котла слой ея былъ бы выше, въ другомъ—гораздо ниже. Тутъ же, составляя одно цѣлое съ локомотивомъ, устроенъ тендеръ и платформа для багажа путешественниковъ, если таковые имѣютъ удовольствіе ѣхать на Риги въ сопровожденіи прекраснаго пола, который, какъ каждому мужу, отцу или брату хорошо извѣстно, связываетъ съ понятіемъ о путешествіи, хотя бы это было за облака, необходимость возможно большаго количества увѣсистыхъ сундуковъ, переноска и перевозка которыхъ обходится зачастую дороже содержимаго ими.

Здѣсь же мы увидѣли впервые полотно горной желѣзной дороги. Все отличіе ея отъ обыкновенной состоитъ въ томъ, что посрединѣ ея, между двухъ рельсовъ, тянется третій съ зубцами, направленными вверхъ. Кромѣ того концы перекладинъ, къ которымъ прикрѣплены рельсы, не лежатъ свободно, какъ на обыкновенной дорогѣ, а соединены между собою по обѣимъ сторонамъ бревнами, образую-

щими наружную рамку всей дороги, которая тянется во всю длину ея, параллельно рельсамъ. Цѣль этой рамки — придать дорогѣ и въ особенности лежащимъ на полотнѣ ея тремъ рельсамъ больше солидности, крѣпости, сдѣлать невозможнымъ передвиженіе частей ея, что, при значительномъ склонѣ пути, безъ этой предосторожности было бы возможно, тѣмъ болѣе, что онъ проложенъ по очень рыхлой почвѣ (Nagelfluh).

Подъ локомотивомъ видимъ не четыре, а шесть колесъ, изъ которыхъ два средніе—зубчатыя, прикрѣплены по серединѣ осей, въ положеніи, соотвѣтствующемъ зубчатому среднему рельсу. Этотъ простой механизмъ рѣшилъ вопросъ осуществленія горной желѣзной дороги. Зубцы колесъ локомотива, захватывая зубцы средняго рельса, приводятъ поѣздъ въ движеніе.

Нижняя часть вагона не представляетъ ничего особеннаго; верхняя же приспособлена для горной дороги нѣсколько своеобразно. Стекла находятся только съ передней и задней стороны вагона, и эта особенность доставляетъ туристу возможность безпрепятственно наслаждаться видами вдоль всего пути; по сторонамъ взглядъ его тоже не встрѣчаетъ препятствій, такъ какъ крышка вагона покоится на нѣсколькихъ желѣзныхъ подпоркахъ, ничуть не мѣшающихъ обозрѣвать окрестность. Вмѣсто оконъ сдѣланы jalousies, которыя остаются въ большей части случаевъ безъ употребленія, такъ какъ трудно предполагать, чтобы путешественники, собравшіеся сюда со всѣхъ концовъ Европы и Америки ради альпійской природы, добровольно лишились этого наслажденія. Употреблять ихъ будутъ развѣ только въ случаѣ грозы; тогда они спускаются съ внутренней стороны крышки вагона, на которой они прикрѣплены, при посредствѣ очень простого, удобнаго механизма и только въ такомъ видѣ этотъ желѣзнодорожный char-à-banc приближается нѣсколько, по наружности, къ вагону въ общепринятомъ смыслѣ. Не менѣе практично устройство самыхъ сѣдалищъ. Онѣ состоятъ изъ скамеекъ въ родѣ садовыхъ, но спинки ихъ больше опрокинуты назадъ, а часть ихъ, предназначенная для сидѣнія, сзади углублена, спереди же приподнята. При этомъ устройствѣ путешественникъ—если бы скамейка такая была поставлена на ровной землѣ — сидѣлъ бы на ней провалившись назадъ спиной съ приподнятыми кверху колѣнями; но такъ какъ поѣздъ, по причинѣ сильнаго подъема дороги (на 25°), находится постоянно на наклонной плоскости, то путешественникъ, благодаря этому углубленію скамеекъ и выгибу спинокъ, можетъ сохранить вполнѣ горизонтальное положеніе. Кромѣ того, наклонная плоскость полотна дороги обусловливаетъ амфитеатральное расположеніе скамеекъ въ вагонѣ (ихъ въ вагонѣ 9, и на каждой 6 мѣстъ; слѣдовательно полный поѣздъ, состоящій только изъ одного вагона, везетъ 54 пассажира),

такъ какъ верхняя (обращенная къ вершинѣ горы) часть послѣдняго на всемъ протяженіи дороги приподнята значительно надъ нижнимъ концомъ его (обращеннымъ къ озеру). Вслѣдствіе этого обстоятельства, какъ бы ни былъ наполненъ вагонъ, спереди сидящіе пассажиры нисколько не мѣшаютъ помѣщающимся сзади ихъ обозрѣвать нижнюю часть пути, и обратно.

Едва мы успѣли осмотрѣть описанное выше, какъ на озерѣ раздался звонъ колокольчика, оповѣщавшій приближеніе къ Фицнау парохода. Полковникъ Неефъ, сообщивъ намъ, что на немъ находятся члены правительственной технической коммиссіи, назначенной для осмотра дороги, пригласилъ насъ занять мѣста въ вагонѣ, гдѣ чрезъ нѣсколько минутъ помѣстился и самъ съ бернскими инженерами. Благодаря счастливой случайности я занялъ мѣсто въ купе, рядомъ съ строителемъ дороги, обязательно посвящавшимъ меня, профана въ инженерномъ дѣлѣ, въ разныя подробности ея устройства и постройки.

Первое, обратившее на себя наше вниманіе, обстоятельство было то, что локомотивъ съ тендеромъ оказались не передъ вагономъ, а сзади его. Неефъ объяснилъ намъ это тѣмъ, что на горной его дорогѣ локомотивъ не тащитъ вверхъ вагонъ, а толкаетъ его въ этомъ направленіи сзади; при слѣдованіи же поѣзда съ горы къ озеру—онъ очутится впереди, но тутъ роль его ограничивается тѣмъ, что онъ поддерживаетъ поѣздъ, какъ бы регулируя только его спусканіе по наклонной плоскости. Этотъ характеръ тяги сказывается во время самаго движенія; оно не такъ ровно, какъ по обыкновенной желѣзной дорогѣ, а заявляетъ себя толчками.

Другая особенность состоитъ въ томъ, что локомотивъ не сцѣпленъ съ вагономъ. Эти обѣ составныя части каждаго поѣзда имѣютъ, каждая для себя, особенные тормозы, представляющіе возможность, въ случаѣ надобности, немедленно остановить поѣздъ. При принятыхъ предосторожностяхъ едва ли будетъ часто представляться надобность въ этомъ. На всемъ до сихъ поръ открытомъ пути ($1^3/_4$ нѣмецкихъ мили) находится семь сторожей, на обязанности которыхъ лежитъ между прочимъ, при слѣдованіи поѣзда, идти передъ нимъ, осматривая путь, не случилось ли какихъ-либо внезапныхъ поврежденій, возможныхъ въ горной мѣстности, обвала, загроможденія камнями и т. п. случайностей. Такъ какъ поѣздъ взбирается и спускается съ незначительною скоростью ($1^3/_4$ мили въ часъ, иногда въ 5 четвертей часа), то подобная обязанность сторожей не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго. Предусмотрительная администрація дороги, зная напередъ, что окрестное населеніе проводниковъ и погонщиковъ, жившее до проведенія дороги своимъ прибыльнымъ ремесломъ, отнесется къ ней враждебно и будетъ дѣлать разныя попытки портить дорогу, вызвать даже на ней несчастія, чтобы подорвать у путешественниковъ

довѣріе къ ней, устранило эти возможныя поползновенія своихъ враговъ наилучшимъ образомъ. Она не искала помощи у полиціи отъ всевозможныхъ золъ, а заключила союзъ съ силами болѣе надежными. Администрація обратилась къ интересу самихъ окрестныхъ жителей. Отдавъ всѣ мѣста по этой новой дорогѣ преимущественно имъ, *она* тѣмъ самымъ связала интересъ дороги съ ихъ собственнымъ и нашла такимъ образомъ не только дорожащихъ мѣстами служителей, но и лучшихъ, надежнѣйшихъ охранителей дороги отъ враждебныхъ силъ, имъ, какъ мѣстнымъ жителямъ, лучше извѣстныхъ, чѣмъ самымъ прозорливымъ жандармамъ, незнакомымъ съ окружающимъ людомъ.

Для удобства живущихъ на Риги и для потребностей дороги тянется вдоль ея телеграфная проволока, прикрѣпленная мѣстами къ скаламъ.

Путь идетъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ кривыхъ изгибовъ, почти безъ всякихъ уклоненій, прямо въ гору, и путешественникъ имѣетъ возможность обозрѣвать полотно на значительное протяженіе вверхъ и внизъ. Такъ какъ путь проходитъ мѣстами, съ правой стороны, у основанія громадныхъ скалъ, возвышающихся отвѣсно и скрывающихъ окрестность, то путешественникъ, желающій насладиться вполнѣ прелестями альпійской природы, долженъ, занимая мѣсто въ вагонѣ, въ Фицнау, стараться сѣсть на одно изъ крайнихъ, а лучше всего на самое крайнее съ правой стороны (когда онъ сидитъ въ вагонѣ, обращенный лицомъ къ локомотиву).

По мѣрѣ удаленія отъ станціи виды, прелестные уже на самомъ берегу озера „Четырехъ—Кантоновъ", становятся все болѣе и болѣе очаровательны; панорама расширяется, дѣлается грандіознѣе и упоенный прелестями природы путешественникъ забываетъ о желѣзной дорогѣ, благодаря которой онъ, безъ малѣйшаго расхода своихъ силъ, можетъ ими наслаждаться. Не подлежитъ сомнѣнію, что десятки тысячъ туристовъ, взбирающихся теперь безъ утомленія на Риги, едва будутъ знать, если только не справятся предварительно у Бедекера или Берлепша, даже имена лицъ, которымъ они обязаны этимъ дешевымъ восторгомъ; и человѣчество, такъ слабопамятное къ крупнымъ и мелкимъ благодѣтелямъ своимъ, вскорѣ и забудетъ имена трехъ швейцарскихъ инженеровъ, предпріимчивости, энергіи и искусству которыхъ оно обязано этимъ мирнымъ произведеніемъ. На этотъ разъ, какъ мы подымались на Риги, подобная забывчивость была невозможна; строители были на лицо, ихъ произведенія подвергались, во время многочисленныхъ остановокъ поѣзда, весьма подробному и тщательному осмотру компетентныхъ судей. Какого упорнаго труда стоило сдѣлать столько выемокъ, насыпей, укрѣпить откосы, защитить дорогу отъ опаснаго сосѣдства скалъ!

Возить землю для насыпи на обыкновенныхъ подводахъ, при столь

значительномъ подъемѣ дороги (на 4 фута протяженія 1 футъ подъема!) было немыслимо. Поэтому строители придумали небольшія сани, вмѣщавшіе отъ 6 до 8-ти кубическихъ футовъ земли, и на нихъ привозили самую значительную часть матеріала, причемъ особенный отрядъ рабочихъ постоянно лилъ воду на землю, стараясь поддержать ее настолько влажною, чтобы путь былъ постоянно скользкимъ и представлялъ возможно меньше тренія для полозьевъ. На обратномъ пути, при возвращеніи наверхъ, сани разбирались такимъ образомъ, что полозья несъ одинъ человѣкъ, верхнюю же часть — другой. Только при этомъ устройствѣ перевозочныхъ средствъ оказалось возможнымъ, безъ опасности для рабочихъ, доставлять необходимую землю сверху внизъ. О попыткахъ же доставлять матеріалъ снизу вверхъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ даже перенесеніе въ этомъ направленіи упомянутыхъ салазокъ и пустыхъ ящиковъ, въ которыхъ помѣщалась земля, сопряжено было съ значительными затрудненіями и требовало большихъ усилій.

Минутахъ въ десяти отъ Фицнау поѣздъ входитъ въ туннель 75-ти метровъ длины, 6-ти метровъ высоты, $5^1/_2$ метровъ ширины, и непосредственно затѣмъ, на высотѣ 115 футовъ, желѣзный перекинутый мостъ, 76-ти метровъ длины, который описываетъ на всемъ этомъ пространствѣ огромную дугу въ 180 метровъ радіуса, при подъемѣ на 95-ть процентовъ.

Поѣздъ нашъ, доѣхавъ до противоположнаго туннелю конца моста, вдругъ сталъ спускаться вновь къ туннелю. Пассажиры пришли отъ этого чуть не въ ужасъ; воцарилось безмолвное молчаніе, и, какъ оказалось послѣ изъ обмѣна впечатлѣній, всѣ думали, что вслѣдствіе какой-нибудь неисправности поѣздъ пошелъ назадъ по наклонной плоскости, конечно — съ неудержимой силой! Этотъ паническій страхъ продолжался, къ счастію, недолго. На срединѣ моста поѣздъ остановился. Всѣ высунулись на край вагона, и, о ужасъ, убѣдились, что мы висимъ надъ пѣнистымъ горнымъ потокомъ, изливающимся здѣсь въ видѣ водопада (въ весеннее время), надъ Шнуртобелемъ! Изъ огня да въ полымя! Оглушительный ревъ воды, висѣніе на высотѣ, доводящей до головокруженія, при совершенной неожиданности впечатлѣнія, смѣнили въ большей части присутствующихъ прежнюю радость освобожденія отъ опасности чувствомъ новаго, еще пущаго страха. Онъ продолжался недолго. Весь маневръ дѣлался съ цѣлью изслѣдовать — насколько висячій надъ пропастью мостъ осѣдаетъ подъ тяжестью поѣзда. Инженеры, выйдя изъ вагона, при посредствѣ установленныхъ на берегу инструментовъ, опредѣлили, что осадка не достигаетъ даже допущенной закономъ, и простирается, если я не ошибаюсь, всего на 10 линій. Во время этихъ изслѣдованій, вися надъ Шнуртобелемъ, я понялъ, о какихъ „маневрахъ поѣзда“ упоминалъ пол-

ковникъ Неефъ. Какъ ни напугали они, на первыхъ порахъ, нѣкоторыхъ изъ первыхъ пассажировъ горной дороги, большинство ихъ осталось впослѣдствіи очень довольно этимъ intermezzo, такъ какъ въ продолженіи его мы вдоволь насладились восхитительною мѣстностью, которая, при будущихъ поѣздахъ нашихъ преемниковъ, только бѣгло промелькнетъ передъ ихъ глазами.

Прибывъ на высоту Риги-Кальтбадъ, поѣздъ остановился, такъ какъ мы достигли крайняго предѣла открытой дороги. Въ Риги-Кальтбадъ мы видѣли довольно работниковъ, занятыхъ продолженіемъ желѣзной дороги до Staffelhöhe, границы Швицкаго кантона. Этимъ пунктомъ она и должна была кончиться вслѣдствіе того, что Цугскій кантонъ не разрѣшалъ провести ее по своей территоріи.... Но сила паровъ взяла свое: не прошло и полугода съ тѣхъ поръ, какъ открыта была желѣзная дорога изъ Фицнау на Риги-Кальтбадъ, какъ застучали кирки и лопаты на сѣверномъ склонѣ Риги, по направленію къ Арту на берегу Цугскаго озера.... Мѣстныя власти Цуга убѣдились, что для того, чтобы спасти промыселъ своихъ проводниковъ, составляющій значительную статью доходовъ жителей этого кантона, недостаточно одного запрета, который не защититъ ихъ отъ конкурренціи желѣзной дороги на южномъ склонѣ Риги. Теперь постройка дороги по территоріи Цуга въ полномъ ходу, и вѣроятно не далѣе какъ въ слѣдующемъ году можно будетъ не только подняться на Риги изъ Фицнау, но и спуститься съ нея въ противоположномъ направленіи въ Артѣ. Такимъ образомъ отъ этого выиграютъ не только Швицкій кантонъ, но и Цугскій, а вмѣстѣ и европейскіе путешественники. Совершивъ, въ числѣ первыхъ, это интересное путешествіе при посредствѣ паровъ на Риги, благодаря любезности полковника Неефа, мы конечно пользовались привилегіей безплатности, но теперь за часъ съ четвертью ѣзды до Staffelhöhe каждый пассажиръ платитъ 5 франковъ, обратный же путь стóитъ только $2^1/_2$ франка. Въ теченіе настоящаго лѣта отправляются 8 поѣздовъ ежедневно, 4 изъ Фицнау на Риги, и 4 обратно, корреспондирующіе съ пароходами озера „Четырехъ-Кантоновъ“. Если желающихъ подняться соберется не менѣе 20 человѣкъ, то управленіе дороги отправляетъ экстренный поѣздъ. Хотя дорога имѣла только одинъ путь, но устроенные мѣстами разъѣзды дѣлаютъ возможнымъ отправленіе таковыхъ поѣздовъ почти во всякое время. На ночь движеніе останавливается.

Сблизившись во время четырехъ-часовой прогулки и непосредственнаго сосѣдства съ полковникомъ Неефомъ, любезности котораго я обязанъ сообщенными подробностями, я просилъ его дополнить ихъ нѣкоторыми числовыми данными, на что онъ изъявилъ свое согласіе, приглашая меня въ свое бюро въ Фицнау. Возвратившись туда, мы отправились къ нему вмѣстѣ. Я ожидалъ встрѣтить здѣсь цѣлый

мъ чертежниковъ, кондукторовъ, писарей и т. п. служебныхъ ду-
ъ, извѣстныхъ у насъ каждому, кому приходилось заглянуть къ
нимъ дистанціоннымъ инженерамъ. Ничуть не бывало! Бюро пол-
ника Несфа—не болѣе какъ свѣтлая комната въ гостинницѣ сред-
рукп, занятая кругомъ длинными столами, съ планами его соб-
еннаго произведенія, и въ одномъ углу ея пріютилась скромная
тель строителя, подарившаго Швейцаріи одно изъ интереснѣйшихъ
руженій страны. За бутылкой простого туземнаго вина онъ, пере-
тывая свои бумаги, сообщалъ мнѣ всѣ интересовавшія меня по-
обности, которыя, можетъ быть, вовсе и несущественны въ глазахъ
нника. Тѣмъ болѣе обязанъ я его благосклонному вниманію и тер-
нію, съ которымъ онъ относился къ вопросамъ человѣка, котораго
ени онъ даже не зналъ. Съ своей стороны я, кромѣ личной любо-
ательности и желанія подѣлиться видѣннымъ съ отечественной пу-
икой, искалъ нѣкотораго оправданія своей назойливости въ томъ
стоятельствѣ, что, можетъ быть, строки эти будутъ полезны для
имѣненія системы горной дороги на Риги при проложеніи желѣз-
го пути на Кавказѣ и черезъ Уралъ. Конечно, русскій техникъ,
олагающій пути цивилизаціи на азіатскихъ окраинахъ нашего оте-
ства, не удовлетворится настоящимъ бѣглымъ очеркомъ, но науч-
ыя указанія, со всѣми необходимыми техническими подробностями,
ъ найдетъ въ монографіи Кронауера подъ заглавіемъ: „Rigibahn“,
ь чертежами.

А. С—ій.

Луцернъ. — 15 (27) іюня, 1872.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

Берлинскіе праздники и внутренняя политика.

Берлинъ 24 (12) сентября.

По окончаніи сессій рейхстага, 19/7 іюня, наступило то прекрасное время, которое князь Бисмаркъ называетъ „періодомъ кажущейся остановки въ исторіи міра“, а берлинцы временемъ кислыхъ огурцовъ. Какъ ни различны эти выраженія, но въ понятіяхъ разницы нѣтъ. Повсюду наступили каникулы: для ученика сельской школы, для профессора, для юриста, для чиновника.

Необходимость парламентскихъ каникулъ не требуетъ доказательствъ, по крайней мѣрѣ для того, кто долгое время вращался въ

парламентскомъ мірѣ, потому что врядъ ли какая-нибудь дѣятельность способна такъ утомлять человѣка, какъ парламентская. Англійская нижняя палата насчитываетъ 658 членовъ, верхняя немного болѣе 750-ти, настоящее французское національное собраніе свыше 700, прусская палата депутатовъ 432 члена, германскій рейхстагъ 382 и т. д. Общее число народныхъ представителей всякаго рода въ Европѣ превосходитъ 10,000 и когда всѣ собранія, или по крайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ находятся въ разгарѣ дѣятельности, безчисленные потоки рѣчей наполняютъ воздухъ. Все это прекрасно, но наконецъ публика утомлена, большинство членовъ парламентовъ не менѣе. Есть правда между ними такіе, которые никогда не устаютъ слушать самихъ себя, но эти принадлежатъ всегда къ менѣе значительнымъ членамъ парламента. Хорошій работникъ имѣетъ право разсчитывать на порядочный отдыхъ, и англійская аристократія умѣетъ пользоваться имъ. Любовь къ домашнему очагу и сельской жизни въ Англіи между аристократіей была всегда сильнѣе, чѣмъ въ Германіи; это обусловливается въ значительной степени богатствомъ англійской аристократіи, богатствомъ, допускающимъ не только роскошные замки и парки, но и картинныя галлереи и библіотеки, соперничествующія по стоимости съ общественными. Нѣмецкій дворянинъ, если не обработываетъ самъ, какъ простой крестьянинъ, своего маленькаго клочка земли, то ищетъ пріятнаго отдохновенія въ городѣ, въ главномъ городѣ страны или провинціи, или же въ ближайшемъ городѣ отъ своего имѣнія. Это дѣлается частью въ силу привычки, главнымъ же образомъ вслѣдствіе недостатка денегъ: комфортъ, которымъ пользуются всѣ, дешевле комфорта, составляющаго привилегію немногихъ; наконецъ это объясняется также недостаткомъ культуры, по сравненію съ Англіей, гдѣ вся страна участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ въ Германіи, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ существуютъ большія помѣстья (на Рейнѣ и въ южной Германіи земля такъ раздроблена и цѣны на нее такъ высоки, что большія имѣнія рѣдкость), культура едва коснулась населенія. Такъ въ Верхней Силезіи, напримѣръ, въ большихъ имѣніяхъ, расположенныхъ вдали отъ желѣзныхъ дорогъ, наталкиваемся часто на совсѣмъ первобытное положеніе дѣлъ. Аристократъ и членъ парламента, посвятивъ часть каникулярнаго времени приведенію въ порядокъ своихъ дѣлъ, совершаютъ для отдыха путешествія и увеличиваютъ возрастающій съ каждымъ годомъ потокъ посѣтителей водъ и лѣтнихъ туристовъ.

Въ это время консерваторъ наравнѣ съ агитаторомъ ищутъ покоя, а газеты влачатъ жалкое существованіе. Несмотря на то, все движется, человѣчество продолжаетъ работать, частью сознательно, частью инстинктивно, и политикъ, умѣющій узнавать пульсъ общественнаго

мнѣнія, находитъ, что именно въ этотъ періодъ кажущагося затишья и возникаютъ новыя идеи, новыя направленія.

Впрочемъ въ настоящій моментъ можетъ быть и несправедливо говорить о всеобщемъ покоѣ; элементомъ броженія является снова Франція, гдѣ со дня на день республиканскія идеи все болѣе и болѣе сливаются съ мыслью о возмездіи, поглощающей всю часть французскаго народа, способную дѣйствовать. Есть не мало людей, которые не признаютъ за французами республиканскихъ талантовъ; они ссылаются, въ доказательство своего мнѣнія, на тотъ фактъ, что республика во Франціи дважды погибала, послѣ короткаго существованія, но этотъ доводъ ослабляется чрезвычайнымъ упадкомъ монархическаго настроенія во Франціи. Кромѣ того, республиканскія идеи съ начала этого столѣтія дѣлали постоянные успѣхи между романскими народами, и французскіе политики въ нѣкоторой степени инстинктивно ищутъ тамъ себѣ союзниковъ. На сѣверѣ и востокѣ Европы напротивъ, монархическій принципъ непоколебимо твердъ; въ Германіи, за послѣднія 26 лѣтъ, онъ сдѣлалъ даже несомнѣнные успѣхи. Хотя такимъ образомъ между Франціей и сѣверными державами и существуетъ коренное различіе, тѣмъ не менѣе прошли времена, когда подобное различіе въ принципахъ могло бы вызвать образованіе коалиціи, признающей за собой право вмѣшательства и угрожающей независимости мелкихъ государствъ.

Въ какой степени эти соображенія способствовали осуществленію великаго событія, нарушившаго тишину нынѣшняго лѣта, *свиданію трехъ императоровъ*, рѣшить невозможно, но что подобныя общія соображенія послужили поводомъ къ нему, въ этомъ трудно ошибиться. Послѣ того, какъ газеты всего міра уже произнесли свое сужденіе объ этомъ свиданіи, можетъ показаться дерзкимъ еще говорить о немъ, тѣмъ не менѣе *невозможно* пройти подобное событіе молчаніемъ.

Прежде чѣмъ императоры встрѣтились, газеты уже выставляли программы ихъ переговоровъ, программы, которыя отличались болѣе обиліемъ содержанія, нежели выборомъ его: нѣтъ темы, обсуждавшейся какой-нибудь газетой въ теченіи послѣдняго года, о которой не предстояло бы разсуждать монархамъ и сопровождавшимъ ихъ государственнымъ людямъ.

Принимая во вниманіе краткость времени, которое сверхъ того все почти пошло на придворныя и военныя празднества, а также на взаимныя посѣщенія,—можно кажется было бы придти къ заключенію, что некогда было обстоятельно обсуждать важныхъ вопросовъ. Во всякомъ случаѣ, можетъ быть, мимоходомъ и упоминалось о томъ или другомъ вопросѣ, но вѣроятнѣе всего тѣ данныя, которыя сообщены оффиціозными органами и подтверждены княземъ Бисмаркомъ,

а именно, что важнѣйшимъ результатомъ свиданія было дружеское согласіе между монархами и ихъ личное сближеніе. Оффиціальныя заявленія о свиданіи весьма скудны. Во главѣ ихъ стоитъ рѣчь, обращенная императоромъ Александромъ къ представителямъ донского казачества 25/13 августа, въ которой его величество сказалъ, что для большаго обезпеченія мира онъ предпринимаетъ путешествіе за-границу, которое, какъ надѣется, не будетъ безъ пользы для Россіи. Другое оффиціальное извѣстіе сообщаетъ о трехъ тостахъ, произнесенныхъ монархами на торжественномъ обѣдѣ 7-го сентября (26-го августа); третье—о словахъ Бисмарка къ берлинскимъ городскимъ чинамъ, поднесшимъ ему 9-го сентября (28-го августа) дипломъ на почетнаго гражданина; четвертое — о заявленіи императора австрійскаго на счетъ дружественныхъ отношеній къ сосѣднимъ государствамъ. Наконецъ, какъ пятое, можно считать заявленіе Тьера о дружескомъ настроеніи, высказанномъ французскому посланнику въ Берлинѣ императорами россійскимъ и австрійскимъ. Историкамъ, дипломатамъ даже, не говоря уже о журналистахъ, приходилось не разъ удовлетворяться еще болѣе скуднымъ матеріаломъ, но къ несчастію достовѣрность большей части и этихъ-то извѣстій подлежитъ сомнѣнію. Такъ слова Бисмарка къ городскимъ депутатамъ существуютъ въ трехъ редакціяхъ, значительно разнящихся между собой; относительно заявленій, сдѣланныхъ Гонто-Бирону, весьма существенная разница, заявляютъ ли монархи свою симпатію просто Франціи, или *„мирной* Франціи". Даже тосты на торжественномъ обѣдѣ не установлены съ достовѣрностью: такъ въ началѣ стояло во всѣхъ газетахъ и передано во всѣ концы міра вполнѣ оффиціознымъ телеграфнымъ бюро, что императоръ Александръ пилъ за здоровье *храброй прусской* арміи; восемь дней спустя вдругъ въ корреспонденціи, исходящей отъ двора, сообщаемой лицомъ присутствовавшимъ при *обѣдѣ*, находимъ, что его величество императоръ Александръ не произносилъ слова „прусской", но, обращаясь къ императору Вильгельму, сказалъ: „пью за здоровье вашей храброй арміи".

Одно несомнѣнно, что во время свиданія императоровъ не было и рѣчи о коалиціи. Защита новыхъ владѣній, если такая будетъ необходима, есть дѣло, касающееся чести Германіи.

Тѣмъ не менѣе миръ пріобрѣлъ новую гарантію; французы, основываясь на бывшемъ свиданіи, должны наконецъ убѣждаться, что имъ не слѣдуетъ разсчитывать на союзъ обѣихъ сосѣднихъ Германіи державъ, на который они, къ своей невыгодѣ, такъ долго надѣялись во время послѣдней войны.

Оффиціальный органъ *„Provinzial-Correspondenz"*, въ одной изъ своихъ статей возбудилъ особенное вниманіе слѣдующими словами: „поводомъ къ опредѣленнымъ дипломатическимъ переговорамъ могло

бы послужить только то обстоятельство, если бы одна изъ сторонъ дѣйствительно угрожала миру, чего, къ счастью, не было".

Эти слова вполнѣ согласны съ тѣмъ, что̀ было публиковано со стороны австрійской дипломатіи, уже во время свиданія, а именно, что три монарха согласились не дѣлать никакого политическаго шага, не попытавшись разъяснить дѣло мирнымъ путемъ. Одинъ господинъ, горячо защищавшій эту идею, на вопросъ мой: что же должно послѣдовать, если разъясненія ни къ чему не приведутъ?—отвѣчалъ съ жаромъ: тогда двое пойдутъ противъ третьяго войной!

На ряду съ французскимъ вопросомъ, если можно такъ выразиться, во время свиданія, по всей вѣроятности, были затронуты восточный вопросъ, выборъ папы, интернаціональ и датскій (вѣрнѣе сѣверо-шлезвигскій) вопросъ. Которому изъ этихъ трехъ вопросовъ было придано бо̀льшее значеніе, а также какихъ результатовъ достигли по каждому изъ нихъ,—не могу сказать, но существуютъ несомнѣнныя свидѣтельства, что всѣ эти вопросы были затронуты. Повидимому ихъ затрогивали безъ системы, скачками. Такъ было относительно *интернаціонали*, который впрочемъ, вслѣдствіе переселенія генеральнаго совѣта изъ Лондона въ Нью-Йоркъ, избавилъ своего главу (многіе полагаютъ, что кромѣ главы никакого тѣла и нѣтъ) отъ вліянія континентальныхъ державъ. Въ Даніи, а также въ нѣкоторыхъ лондонскихъ кружкахъ, разсчитывали съ увѣренностью на то, что въ вопросѣ о Шлезвигѣ будетъ сдѣланъ рѣшительный шагъ. Этого не случилось, и полагаютъ, что нѣкоторое неудовольствіе, выразившееся въ Англіи по окончаніи свиданія, объясняется главнымъ образомъ разочарованіемъ въ этомъ отношеніи.

Остается еще сказать о томъ, какъ отнеслись къ свиданію державы, не принимавшія въ немъ участія. Большинство изъ нихъ отнеслось къ этому событію довольно равнодушно. Замѣчательнѣе всего было спокойствіе Италіи. Казалось бы, тамъ могли явиться опасенія относительно того, что Австрія, заручившись союзомъ на сѣверѣ и востокѣ, снова почувствуетъ сожалѣніе о провинціяхъ, потерянныхъ въ 1859-мъ и 1866-мъ годахъ; но подобнаго безпокойства не выказалось и, я полагаю, совершенно справедливо, потому что австрійскому правительству столько заботъ и работы внутри государства, что оно навѣрно не желаетъ никакихъ усложненій въ своей внѣшней политикѣ. Кромѣ того, отношенія между Франціей и Италіей въ послѣднее время столь мало удовлетворительны, что Италія склоняется болѣе къ Пруссіи, гдѣ дружеское расположеніе къ ней обезпечено, а пока Италія будетъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Пруссіей, она гарантирована со стороны Австріи.

Въ Англіи руководящій органъ, совершенно неожиданно, началъ хмуриться. Я уже упоминалъ о причинѣ. Худое расположеніе духа

англійской публики вполнѣ понятно, но ей слѣдуетъ упрекать въ этомъ самое себя, а не другихъ. *Tu l'as voulu Georges Dandin!* Догматъ, что континентальныя дѣла не касаются Англіи, съ такою же легкостью привился между англичанами, съ какою догматъ непогрѣшимости папы между католиками, и оба догмата имѣютъ между собою то общее, что оба очень удобны и что ихъ оборотныя стороны сказываются съ теченіемъ времени. Настроеніе англичанъ не могло улучшиться отъ исхода элэбемскаго вопроса (рѣшеніе еще не было произнесено во время свиданія, но въ немъ никто не сомнѣвался), который долженъ быть весьма чувствителенъ для каждаго англичанина, потому что правительство, за нерадѣніе котораго англійскій народъ долженъ заплатить 3 милліона фунтовъ, дѣйствовало вполнѣ согласно съ общественнымъ мнѣніемъ, стоявшимъ на сторонѣ южныхъ штатовъ. Если англичане не интересуются нисколько континентомъ, то это ихъ дѣло, и мы не станемъ просить ихъ заботиться о насъ. Такъ говорятъ здѣсь, совершенно справедливо, и въ оффиціальныхъ кружкахъ прибавляютъ, что королева Викторія встрѣтила бы здѣсь безъ сомнѣнія самый дружескій пріемъ, если бы выразила желаніе присутствовать при свиданіи.

Что касается Франціи, то она, какъ хамелеонъ, принимала всѣ цвѣта и переживала всѣ настроенія отъ надутого равнодушія до яростнаго гнѣва, но въ концѣ концовъ утѣшилась по необходимости, какъ приходится утѣшаться во всемъ, чего не передѣлаешь, и веселый нравъ французовъ помогъ имъ въ этомъ. Въ словахъ русскаго и австрійскаго монарховъ, обращенныхъ къ маркизу Гонто-Бирону, она усмотрѣла признаніе могущества и величія Франціи, а въ посѣщеніи нѣсколькихъ англійскихъ кораблей — доказательство, что Франція имѣетъ союзниковъ. Во всякомъ случаѣ надо быть оптимистомъ, чтобы вѣрить въ англійскую дружбу, по крайней мѣрѣ въ безкорыстную.

Государи Баваріи, Виртемберга и Саксоніи не присутствовали при свиданіи; представителемъ саксонскаго престола былъ наслѣдный принцъ, прибывшій сюда съ императоромъ австрійскимъ и съ нимъ же вмѣстѣ и уѣхавшій. Со стороны баварской королевской фамиліи присутствовалъ одинъ отдаленный родственникъ, герцогъ Максъ, который, по газетнымъ извѣстіямъ, былъ чрезвычайно любезно принятъ императоромъ. Объ отсутствіи Баваріи много говорилось, и французская пресса, сопоставляя это обстоятельство съ продолжающимся нѣсколько мѣсяцевъ министерскимъ кризисомъ, сочла его за симптомъ распаденія германской имперіи. Послѣднее мнѣніе по крайней мѣрѣ слишкомъ поспѣшно. Извилистый путь баварской политики обусловливается личными отношеніями и прослѣдить его до конца невозможно, не обладая талантомъ и нахальствомъ господъ *Фесье* или

Фартагена. Для всякаго понятно, что колебанія ультрамонтановъ и партикуляристовъ, неудавшіяся сегодня, могутъ снова возникнуть каждую минуту, тѣмъ не менѣе ясно, что въ Баваріи партикуляристо-ультрамонтанская и либерало-національная партія почти уравновѣшиваютъ другъ друга и хотя германская имперія, какъ таковая, весьма мало вмѣшивается во внутреннія дѣла Баваріи, національное стремленіе пересиливаетъ и дѣйствуетъ рѣшающимъ образомъ на отдѣльныя стремленія баварскихъ партій. Всякій, кто не желаетъ предаваться иллюзіямъ, долженъ признать, что идея единства сдѣлала громадные успѣхи въ Германіи съ 1870 года (собственно даже съ 1866) и что противустоятъ ей, кромѣ ультрамонтановъ и небольшого числа лично заинтересованныхъ индивидуумовъ, только тѣ, которые подходятъ подъ французское выраженіе *têtes carres allemandes*, прототипомъ которыхъ можетъ служить профессоръ Эвальдъ въ Гёттингенѣ, одинъ изъ „семи Гёттингенцевъ", протестовавшихъ противъ нарушенія конституціи короля Эрнста-Августа и въ настоящее время яростныхъ защитниковъ положенія дѣлъ до 1866-го года. Стремленіе къ національному объединенію не только принадлежитъ духу настоящаго времени: покоренныя въ 1866-мъ году провинціи благоденствуютъ со времени ихъ покоренія, какъ никогда. Даже самые упорные люди должны признать этотъ фактъ, который впрочемъ слѣдовало предвидѣть, такъ какъ уничтоженіе тѣсныхъ рамокъ всегда оказывается полезнымъ для развитія матеріальныхъ интересовъ.

Сдѣлавъ краткій обзоръ сужденій иностранныхъ правительствъ и народовъ, а также нѣмецкихъ дворовъ о свиданіи императоровъ, остановимся на вопросѣ: что̀ говоритъ о немъ нѣмецкій, особенно прусскій народъ, чего ожидаетъ и чего опасается? Судя по тому, какъ масса себя держала во время празднествъ, судя по отзывамъ печати и сужденіямъ отдѣльныхъ лицъ, свиданіе не произвело сильнаго впечатлѣнія. Понятно само собой, что иностранные государи были встрѣчены населеніемъ съ энтузіазмомъ, но изъ этого не слѣдуетъ дѣлать дальнѣйшихъ выводовъ. Масса публики, относящаяся ко всему скептически, стала можетъ быть даже недовѣрчива къ *слишкомъ часто* повторяемымъ увѣреніямъ, что свиданіе не имѣло никакой другой цѣли, кромѣ закрѣпленія мира, который и безъ того былъ проченъ, и на биржѣ сейчасъ же по окончаніи свиданія произошло пониженіе курсовъ, продолжающееся по настоящее время. Конечно, это можетъ быть объяснено мѣстными причинами, избыткомъ предложенія, тѣмъ не менѣе упомянутое совпаденіе обстоятельствъ было. Я не хочу утверждать, что эти симптомы заключаютъ въ себѣ что-нибудь опасное, я отмѣчаю только фактъ. Одно несчастное происшествіе омрачило праздникъ 7-го сентября во время большой зари: на *Schlossfreiheit*—это рядъ домовъ, расположенныхъ на западъ отъ

дворца — было раздавлено нѣсколько человѣкъ. Подобныя несчастія почти неизбѣжны при обстоятельствахъ, при которыхъ они произошли, но въ данномъ случаѣ ихъ приписываютъ единогласно худымъ распоряженіямъ полиціи, которая допустила скопленіе большихъ массъ народа на весьма узкомъ пространствѣ и затѣмъ, когда заря должна была начаться, стала совершенно неожиданно очищать мѣсто, сдавила массу, причемъ конная полиція произвела настоящую аттаку. Одинъ репортеръ написалъ, по внушенію полиціи, въ нѣсколькихъ газетахъ похвалу этой аттакѣ, называя ее дѣломъ *присутствія духа*, выраженіе, возбудившее чуть ли не большее негодованіе, чѣмъ трупы несчастныхъ, поплатившихся жизнью за свое любопытство. Въ подобныхъ случаяхъ говорятъ обыкновенно, что люди сдѣлали бы лучше, если бы оставались дома; но что-жъ бы это было за празднество безъ народныхъ массъ? Возбужденіе противъ случившагося было тѣмъ сильнѣе, что это происшествіе было первымъ дебютомъ новаго президента полиціи Мадайя, и здѣшній юмористическій листокъ (*Ulk*), выставленный во всѣхъ окнахъ, изобразилъ президента полиціи въ формѣ—не знаю, похожъ ли портретъ—скачущаго на конѣ по трупамъ, съ подписью: „Неужели это единственный путь къ нашимъ господамъ“?

Все это происшествіе раскрываетъ больное мѣсто берлинской жизни. Прежній президентъ полиціи Вурмбъ, разбитной, веселый малый, посѣщавшій клубы и театры, охотникъ до вина и женщинъ, былъ снисходителенъ какъ къ себѣ, такъ и къ другимъ. Даже близкіе друзья его соглашаются съ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ему слѣдовало бы поступать энергичнѣе, что уличный развратъ дошелъ въ Берлинѣ до крайности, что поведеніе посѣтителей *Cafés-chantants* и винныхъ погребовъ возмутительно и что такъ-называемые Луи совершенно безнаказанно занимаются своимъ ремесломъ. Полиція была слаба; но забываютъ, что въ прежнія времена грѣшили слишкомъ большой строгостью, которая была тягостна даже для приличныхъ бюргеровъ; забываютъ, что быстрое возрастаніе города, громадный наплывъ иностранцевъ, новые законы, почти не ограничивающіе свободу промышленности, и полная свобода переселенія—создало совершенно новыя условія и наконецъ, что, по единогласному мнѣнію всѣхъ практическихъ людей, невозможно съ успѣхомъ дѣйствовать противъ общественнаго зла, не предоставивъ ему, хоть весьма ограниченнаго, но законнаго права существованія, чего рѣшительно не желаютъ тамъ, гдѣ это должно быть окончательно порѣшено.

Другое обстоятельство, ослабляющее значеніе полиціи, это то, что настоящій составъ ея былъ образованъ во времена сильнѣйшей реакціи и прежде всего употреблялся для политическихъ цѣлей; въ то же время президентъ полиціи Гинкельдей имѣлъ въ виду только одну цѣль—усилить въ этой корпораціи сознаніе своего авторитета. И вы-

ло, что городовые считаютъ себя чиновниками, которымъ прежде сего слѣдуетъ оберегать свой авторитетъ передъ публикой, что они охотнѣе всего исполняютъ свою обязанность въ тѣхъ случаяхъ, когда то не сопряжено для нихъ съ непріятностями и опасностью, и что они не выказываютъ никакого рвенія дѣйствовать па пользу общественнаго порядка и спокойствія, если имъ не будетъ на то спеціальныхъ приказаній или предписаній. Корпораціи сохраняютъ духъ, въ которомъ они возникли, весьма долго и въ данномъ случаѣ было бы чудо, если бы люди, привыкшіе считать себя повелителями публики, помирились съ мыслью, что они слуги ея. Оттого и происходитъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда городовые дѣйствительно нужны, ихъ нѣтъ; жалобы и насмѣшки юмористическихъ листковъ въ этомъ отношеніи совершенно основательны и не преувеличены. Недостаетъ самостоятельности, инціативы, свободнаго чувства долга, и бюргеры, не обладающіе также самостоятельностью и встрѣчающіе при своихъ сношеніяхъ съ полиціей гораздо чаще притѣсненія, чѣмъ пользу для себя, относятся къ ней весьма враждебно. Я не знаю изъ личнаго опыта столь прославленной англійской полиціи, но видѣлъ, напримѣръ, въ Швейцаріи, что полиція, сознающая свою обязанность относительно публики, пользуется симпатіей и, гдѣ нужно, находитъ поддержку въ публикѣ, чего здѣсь никогда не бываетъ, или чрезвычайно рѣдко. Положимъ, что нельзя измѣнить порядковъ, положимъ, что въ обычаѣ, если хотите, въ крови народа, воспитаннаго преимущественно въ военномъ духѣ, не ощущать неудобствъ подобнаго положенія дѣлъ, но правительству тѣмъ не менѣе слѣдуетъ сознать, что оно опасно. Слово, обращенное президентомъ полиціи къ народу, послѣ сраженія при Іенѣ: спокойствіе есть первый долгъ бюргера! выражаетъ собой жалкій результатъ того полицейскаго государства, того духа несамостоятельности, который сдѣлалъ катастрофу 1806-го года столь страшной; но тотъ же духъ царитъ и теперь, въ гораздо сильнѣйшей степени, чѣмъ можно бы было полагать послѣ четверти столѣтія конституціонной жизни и циникъ могъ бы сказать, что пруссаки лучше всего себя чувствуютъ подъ ружьемъ.

Вслѣдствіе ли равнодушія или чувства увѣренности—во всякомъ случаѣ во время свиданія не было заявлено никакихъ опасеній на счетъ того, что встрѣча трехъ могущественнѣйшихъ представителей монархическаго порядка положитъ границы стремленію народовъ къ свободѣ, какъ то было сдѣлано послѣ войны за освобожденіе, *священнымъ союзомъ*. Только одинъ ультра-демократическій или ультрамонтанскій органъ высказалъ подобныя опасенія, противъ которыхъ слѣдуетъ привести слова Бисмарка, произнесенныя имъ въ отвѣтъ на адресъ знатныхъ англичанъ, выразившихъ ему свои пожеланія успѣха въ борьбѣ противъ ультрамонтановъ: Англія есть стра-

на, „которую Европа въ теченіи послѣднихъ столѣтій научилась цѣнить какъ краеугольный камень политической и религіозной свободы". Я убѣжденъ, что канцлеръ адресовалъ эти слова къ нѣмецкой публикѣ и имѣлъ при этомъ, можетъ быть, еще особую цѣль: высказаться вполнѣ ясно противъ всякихъ реакціонныхъ направленій.

Перехожу къ другому предмету, обращающему на себя вниманіе политиковъ, къ продолжающейся борьбѣ правительства съ ультрамонтанствомъ, которая идетъ до сихъ поръ съ прежнимъ жаромъ. Эта борьба занимала рейхстагъ, равно какъ прусскій ландтагъ и съ помощью этихъ парламентовъ были проведены законы противъ злоупотребленія каѳедры, противъ іезуитовъ и о надзорѣ за училищами (два первые для всей имперіи, послѣдній только для Пруссіи). Законъ противъ злоупотребленія каѳедры еще не приведенъ въ дѣйствіе и это можетъ служить доказательствомъ его излишества, хотя столь же основательно можно утверждать, что одного существованія его на бумагѣ достаточно, чтобы предупредить зло; законъ о надзорѣ за училищами, имѣющій особенно важное практическое значеніе для восточныхъ провинцій, приводится въ дѣйствіе и повидимому достигаетъ своей цѣли; оффиціальные іезуиты изгоняются мало-по-малу изъ Германской имперіи и переносятъ это изгнаніе съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ, будучи по всей вѣроятности убѣждены, что достаточно останется неоффиціальныхъ іезуитовъ. Вообще этотъ законъ сдѣлалъ гораздо больше шуму, чѣмъ принесъ пользы; важнѣйшимъ результатомъ этихъ законовъ было возвращеніе государству главнаго надзора надъ школами и наблюденія за преподаваніемъ. Съ теоретической точки зрѣнія свобода обученія есть право каждаго, но такъ какъ на дѣлѣ эта свобода, гдѣ она существуетъ, во множествѣ случаевъ употребляется на то, чтобы *ничему не учиться*, то нельзя не одобрить нѣкотораго принужденія. Я не желаю входить въ разсужденіе о томъ, кому слѣдуетъ вести школьное дѣло: государству или духовенству; этотъ вопросъ разрѣшается весьма различно, при различныхъ условіяхъ. Но несомнѣнно, что Пруссіи какъ государству, въ которомъ два христіанскія вѣроисповѣданія почти одинаково многочисленны, слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы не увеличивать вражды между ними, а это было бы неизбѣжно, если бы протестантское духовенство продолжало преподаваніе въ элементарныхъ школахъ. Какъ бы этотъ законъ ни примѣнялся въ дѣйствительности, онъ существуетъ однако на дѣлѣ и тѣ, противъ которыхъ онъ направленъ, подчинились ему. Однимъ словомъ, въ этой области наступило полное спокойствіе и правительство не встрѣчаетъ нигдѣ сопротивленія. Борьба кипитъ въ другой сферѣ, а именно между епископской и государственной властью. Кто изучалъ исторію, или слѣдилъ просто за совершающимися событіями, тотъ не можетъ не изумляться поразительной организаціи

толической церкви, организаціи, которая помогла ей устоять несмотря на страшные, грозившие ея существованію кризисы и которая сдѣлала ее равносильной государству, располагающему милліонами штыковъ, доходами и имуществомъ своихъ подданныхъ. Кто желаетъ изучать дипломатію, тотъ не можетъ найти лучшихъ образцовъ, чѣмъ акты римской государственной канцеляріи, и кто внимательно разсмотритъ переписку епископа Эрмландскаго съ правительствомъ, опубликованную недавно одной газетой, съ ясною цѣлью аппелировать къ общественному мнѣнію, — тотъ хотя и найдетъ, что князь Бисмаркъ владѣетъ блестящимъ перомъ, но что въ дипломатіи „маленькій Эрмландецъ“ его превзошелъ. Содержаніе этого спора, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что епископъ Эрмландскій отлучилъ отъ церкви въ прошломъ году нѣкоего доктора Вольманна, учителя священной исторіи въ лицеѣ въ Браунсбергѣ, за то, что тотъ не подчинялся последнимъ ватиканскимъ декретамъ. Правительство нашло, что поступокъ епископа не согласенъ съ законами страны и что епископъ долженъ былъ предварительно получить на то согласіе правительства; епископъ же возражалъ, что отлученіе отъ церкви не распространяется на гражданскую честь отлученнаго. Еще въ первыхъ числахъ іюля правительство порѣшило принять энергическія мѣры противъ непокорнаго епископа. Оффиціозные органы сообщили, что министерство, въ засѣданіи 4-го іюля, рѣшило лишить епископа его доходовъ и запретить ему отправленіе мірскихъ обязанностей. Эти мѣры должны были получить законную силу посредствомъ королевскаго указа, а впослѣдствіи представлены на утвержденіе представителей народа для того, чтобы законнымъ путемъ отстранить договоры съ папскимъ престоломъ относительно компетентности епископовъ, установленные въ двадцатыхъ годахъ. Этотъ вопросъ чрезвычайно сложенъ, потому что весьма трудно провести рѣзкую границу между властью епископа и государственными правами.

Императоръ не одобрилъ министерскаго рѣшенія отъ 4-го іюля и оно до сихъ поръ не приведено въ исполненіе. При нормальномъ ходѣ дѣлъ, въ строго конституціонномъ государствѣ, министры должны бы были подать въ отставку; но въ Пруссіи объ этомъ и не помышляютъ и, дѣйствительно, нѣтъ положительнаго критерія, который бы въ Англіи въ подобномъ случаѣ побудилъ министерство удалиться, а именно нѣтъ положительно заявленнаго, посредствомъ *veto*, несогласія монарха со своимъ министерствомъ. Напротивъ, императоръ вполнѣ раздѣляетъ церковную политику министерства, только серьёзно опасается, что католическое населеніе (особенно изъ низшихъ классовъ и въ деревняхъ), питающее безграничное уваженіе къ *церковнымъ князьямъ*, будетъ глубоко оскорблено поступкомъ съ епископомъ. Во всякомъ случаѣ затрудненіе это не устранится и на будущее время,

несмотря на существованіе имперскаго закона, потому что когда-нибудь да придется на основаніи этого закона дѣйствовать противъ непокорныхъ епископовъ. Зло состоитъ въ томъ, что слишкомъ долго снисходительно относились къ возрастающей самостоятельности католической церкви, не подвергая ея бдительному контролю; притомъ католичество находится въ особенномъ возбужденіи. Сила ея ученій высказалась на догматѣ непогрѣшимости, отвергнутомъ большинствомъ высшаго и низшаго духовенства, но которому они тѣмъ не менѣе подчинились; общество и пресса изумительно организованы и многія ультрамонтанскія газеты, называемыя врагами ихъ „іезуитскими газетами", какъ, напримѣръ, здѣшняя „Germania", занимающая первое мѣсто между ними, превосходно редактируется, остроумна, готова всегда дать отпоръ и превосходно знакома съ церковнымъ правомъ, чего недостаетъ большинству ея либеральныхъ противниковъ.

Споръ между епископомъ и правительствомъ такъ бы и затихъ, по крайней мѣрѣ на время, но въ настоящемъ мѣсяцѣ предстоялъ юбилей присоединенія восточной Пруссіи къ прусскому государству, который долженъ былъ праздноваться въ Маріенбургѣ закладкою памятника Фридриху Великому, при которой пожелалъ присутствовать императоръ. Епископъ обратился вслѣдствіе этого къ нему съ вопросомъ, въ письмѣ отъ (22) 10-го августа, не имѣется ли препятствій къ его участію въ празднествѣ. Императоръ отвѣчалъ, что онъ охотно приметъ епископа, если тотъ искренно заявитъ, что готовъ подчиняться государственнымъ законамъ въ полномъ ихъ объемѣ. На это послѣдовалъ 24-го августа (5-го сентября) отвѣтъ епископа, въ которомъ онъ заявляетъ слѣдующее:

„.....заявляю охотно и искренно: 1) что я признаю вполнѣ господство мірской власти въ дѣлахъ *государственныхъ*; 2) что въ этихъ дѣлахъ я не признаю никакого *другого* господства; 3) что, на основаніи этого, я буду вѣрно исполнять возложенную на меня Богомъ обязанность, подчиняясь государственнымъ законамъ въ полномъ ихъ объемѣ. Я произношу это съ тою же искренностью и добросовѣстностью, съ которой признаю, что въ дѣлахъ вѣры и пути къ вѣчному блаженству единственною и неопровержимою нормою для меня служатъ Божіе откровеніе и законъ, и что въ этомъ я одинаково безусловно подчиняюсь откровенію нашего Господа и Спасителя Іисуса Христа и авторитету основанной Имъ и руководимой Его Святымъ Духомъ церкви".

Одна демократическая газета, которая изъ ненависти къ Пруссіи заигрываетъ иногда съ ультрамонтанами, утверждаетъ, что отвѣтъ епископа вполнѣ удовлетворяетъ тому, чего отъ него требовали. Это очень разсердило прусскія оффиціальныя газеты, а либеральная и независимая пресса почти не коснулась этого важнаго вопроса. Я

также не раздѣляю мнѣнія, что отвѣтъ епископа удовлетворялъ требованіямъ правительства, но, къ несчастью это требованіе было такъ формулировано, что епископъ могъ удовлетворить ему, не связавъ себя нисколько на будущее время. Само собою разумѣется, что епископъ признаетъ господство государства въ государственныхъ дѣлахъ, и другого признанія правительство и не требуетъ, такъ какъ конституція гарантируетъ свободу религіи. Но слѣдовало направить дѣло на другой путь, и бисмарковской дипломатіи принадлежитъ честь развязки этого затрудненія. Прямая корреспонденція императора съ епископомъ заканчивается вышеупомянутымъ письмомъ, и отвѣтъ на письмо отъ 5-го сентября порученъ канцлеру. Въ этомъ отвѣтѣ Бисмаркъ пишетъ, что онъ совѣтовалъ императору только въ томъ случаѣ принять епископа, если этотъ послѣдній признаетъ, что произведеннымъ имъ отлученіемъ отъ церкви онъ нарушилъ законы страны. На это епископъ не соглашается, объясняя въ письмѣ къ императору, что предложеніе канцлера не согласно съ письмомъ его величества, а въ посланіи къ Бисмарку проситъ у него объясненія. Бисмаркъ объясняетъ, не безъ ироніи, что въ виду того, какъ трудно будетъ епископу дать обѣщаніе, которое свяжетъ на будущее время его положеніе относительно правительства, онъ хотѣлъ облегчить ему это тѣмъ, что потребовалъ отъ него признаніе относительно фактовъ прошедшихъ. Конечно, канцлеръ очень хорошо зналъ, что именно *этого* признанія нельзя ожидать отъ епископа, потому что это было настоящимъ подчиненіемъ государству, отреченіемъ отъ правъ, т.-е. высшей власти церкви надъ всякой земной силой, а этого не желаютъ ни въ Римѣ, не на епископскихъ мѣстахъ въ Германіи. Епископъ Кременцъ не присутствовалъ при празднествѣ; эрмландское духовенство поднесло императору адресъ, который былъ милостиво принятъ, и при этомъ высказалъ желаніе (какъ сообщаетъ „*Germania*“), чтобы „печальное столкновеніе“ поскорѣй окончилось. Это всеобщее желаніе, которое впрочемъ только тогда было бы удовлетворено, если бы дѣло окончилось не вслѣдствіе уступокъ со стороны правительства, а признаніемъ авторитета государства въ спорномъ вопросѣ.

Князь Бисмаркъ дѣятельно употребилъ время, проведенное имъ въ Берлинѣ. Кромѣ дипломатическихъ занятій по поводу свиданія, которыя, относительно Пруссіи, лежали цѣликомъ на немъ, онъ предпринялъ весьма значительныя преобразованія въ дипломатическомъ департаментѣ, а также ознакомился съ положеніемъ дѣлъ, подготовляемыхъ для слѣдующихъ сессій парламента.

Судя по слухамъ, имперскій законодательный локомотивъ, быстрый ходъ котораго горько оплакивается приверженцами старины и партикуляристами всѣхъ партій, станетъ работать на всѣхъ парахъ. Изъ числа законопроектовъ, которые подготовляются, находится законъ

объ имперскомъ промысловомъ налогѣ, законъ объ имперской печати, законъ объ имперскомъ правѣ сходокъ. Каждый изъ этихъ законовъ является шагомъ впередъ на пути къ болѣе тѣсному объединенію Германіи. Касательно закона о печати носятся особенно благопріятные слухи: говорятъ, что налоги будутъ отмѣнены (ежедневная газета вносила до сихъ поръ 5000 талеровъ залога, а газета, выходящая три раза въ недѣлю—2500 талеровъ), и что правительство отказывается отъ правъ предварительной конфискаціи, за которое до сихъ поръ крѣпко держалось. Отмѣна залоговъ вызоветъ значительное развитіе маленькой прессы, хотя и теперь въ ней нѣтъ недостатка и ежедневно появляются новыя газетки. Но, вообще, даже консерваторы желаютъ отмѣны залоговъ, потому что это будетъ выгодно также и для ихъ изданій. Консервативная же партія мало-по-малу приходитъ къ тому мнѣнію, что ей не слѣдуетъ полагаться только на симпатію и поддержку правительства, но надо приложить руки къ дѣлу и бороться умственнымъ оружіемъ. Но самымъ важнымъ прогрессомъ будетъ отмѣна права предварительной конфискаціи, которое являлось ужасающимъ средствомъ въ рукахъ правительства или полиціи, при существованіи котораго конституціонная свобода печати становилась призракомъ. (Передъ выпускомъ каждаго нумера газеты слѣдуетъ посылать въ полицію такъ-называемый обязательный экземпляръ. Если полицейская власть находила, что въ газетѣ заключается что-либо противузаконное, то она имѣла право конфисковать газету, прежде чѣмъ она вышла въ свѣтъ. Конечно, судьѣ принадлежитъ рѣшить затѣмъ, заслуживала газета конфискаціи или нѣтъ. Но до тѣхъ поръ пройдетъ нѣсколько дней, газета, если ее оправдаютъ, потеряетъ всякую цѣну и частое повтореніе подобныхъ случаевъ можетъ совершенно разорить издателя).

Я полагаю, что не только въ настоящее, мирное время въ Германіи не можетъ представлять никакой опасности самая широкая свобода печати, но и вообще нѣкоторая привычка общества къ печати совершенно устраняетъ всякую опасность въ этомъ отношеніи.

Будетъ ли и въ какомъ смыслѣ правительство заниматься соціальнымъ вопросомъ—еще неизвѣстно; но соблазнъ долженъ быть великъ, если взять во вниманіе многочисленныя бѣдствія, которыя произошли въ послѣдніе годы отъ слишкомъ либеральнаго экономическаго законодательства. Сами либералы, можно даже сказать, что они первые (я говорю не про всѣхъ, но про такъ-называемыхъ буржуазныхъ либераловъ, которые добились своего и теперь желаютъ мирно насладиться добытыми результатами) желаютъ ограниченія права стачекъ рабочихъ и свободы переселенія. Я не спорю, что свобода стачекъ представляетъ многія непріятныя стороны, но правительство дало ее не разомъ, но постепенно, шагъ за шагомъ. Разъ система полицейскаго

государства, то-есть опеки государства надъ трудомъ, оставлена, то приходится неизбѣжно идти все впередъ по пути свободы. Если же начать ограничивать свободу, то придется переходить отъ одного стѣсненія къ другому. Сто и тысячу разъ при обсужденіи экономическихъ законовъ самые жаркіе ихъ защитники признавали, что они могутъ вызвать также и разнообразное зло, которое придется терпѣливо вынести, и вотъ теперь, когда зло проявилось, этого терпѣнія и не хватаетъ.

По вопросу о квартирахъ сдѣланъ одинъ рѣшительный шагъ. Нѣсколько дней тому назадъ разрушены знаменитые бараки. Только тѣмъ, кто могъ доказать, что припасъ квартиру къ 1-му октября, разрѣшено было остаться въ нихъ до этого срока. Тѣ же, у кого нѣтъ другого убѣжища, должны переселиться въ рабочій домъ, изъ котораго съ этой цѣлью переведены его прежніе обитатели: нищіе, бродяги и публичныя женщины. Для меня эта ярость противъ бараковъ не вполнѣ понятна. Само собой разумѣется, что тамъ, гдѣ владѣлецъ не давалъ согласія на занятіе его почвы, онъ можетъ требовать насильственной очистки ея; но если земля арендована, какъ это въ большинствѣ случаевъ и бываетъ, то могли бы оставить въ покоѣ эти поселенія, которыя могли бы постепенно расширяться и украшаться, пока не образовали бы новыхъ городскихъ частей. Многочисленныя строительныя общества, которыя образовались въ нынѣшнемъ году, до сихъ поръ еще ничего не строятъ, а только спекулируютъ, что́, конечно, не можетъ облегчить зла, проистекающаго отъ недостатка въ квартирахъ, а напротивъ, усиливаетъ его. Практическій путь указалъ Шульце-Деличъ, который перенесъ принципъ ассоціаціи и въ эту сферу. Нѣкоторые финансовые тузы условились въ послѣднее время доставить капиталы въ распоряженіе истиннымъ и практическимъ друзьямъ народа. Они рѣшились основать общество на акціяхъ, которое бы согласилось удовольствоваться умѣреннымъ процентомъ на затраченный капиталъ. На этотъ капиталъ будутъ покупаться участки земли, и общество будетъ или само застроивать ихъ, или же продавать тѣмъ, кто пожелаетъ построить домъ, и станетъ ссужать деньгами и т. д. Въ одномъ изъ окружныхъ собраній (во многихъ городскихъ округахъ существуютъ подобныя собранія, которыя происходятъ въ опредѣленные сроки и служатъ центрами политическихъ преній) недавно предлагалось, при общемъ одобреніи всѣхъ присутствующихъ, перенести фабрики изъ городовъ, вмѣнить владѣльцамъ участковъ, на которыхъ онѣ стояли, выстроить жилища для рабочихъ и установить пошлину за право въѣзда въ городъ. Другіе видятъ единственное спасеніе въ развитіи путей сообщенія, и разумѣется, что вліяніе этихъ послѣднихъ могло бы быть весьма полезно, если бы только вообще

все дѣло не ограничивалось одними разговорами, какъ это было до сихъ поръ.

Наконецъ, нельзя не сообщить теперь чего-нибудь о *биржѣ*, которая съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все больше и больше значенія. Биржа разсчитывала въ сентябрѣ мѣсяцѣ на значительное повышеніе, а между тѣмъ, какъ я уже упоминалъ, переноситъ пониженіе, которое наступило непосредственно послѣ свиданія трехъ императоровъ, чуть-было не разразилось катастрофой и до сихъ поръ еще не устранено. Величайшіе финансовые знатоки поражены этимъ явленіемъ, равно какъ и многими другими явленіями денежнаго рынка, и не знаютъ, чѣмъ ихъ объяснить. Но однимъ изъ главныхъ факторовъ пониженія является конечно чрезмѣрное развитіе спекуляціи: когда всякій покупаетъ лишь затѣмъ, чтобы немедленно продать съ возможно бо́льшимъ барышомъ, то понятно, что курсы должны подвергаться сильнымъ колебаніямъ. Если же положеніе денежнаго рынка вообще натянуто, курсы уже ненормальны, то пониженіе легко принимаетъ опасные размѣры. Но несомнѣнно, что таково положеніе многихъ бумагъ, и именно банковыхъ билетовъ, изъ которыхъ, напр., бумаги учетнаго банка еще 10-го сентября стояли 319, 18-го ч. упали до 296, а теперь снова поднялись до 308. Этотъ банкъ далъ въ прошедшемъ году 24 процента дивиденда, и по всей вѣроятности дастъ еще больше въ текущемъ. Но во всякомъ случаѣ такіе доходы ненормальны, потому что въ противномъ случаѣ произошла бы соціальная революція, необходимымъ слѣдствіемъ которой явилась бы денежная олигархія съ пауперизмомъ въ видѣ оборотной стороны. Рошеръ начерталъ классическую картину подобнаго положенія въ своемъ сочиненіи „Основанія политической экономіи" (3-е изданіе, стр. 444): „Только разбогатѣй,—кричатъ голодающему бѣдняку,—никакого юридическаго препятствія нѣтъ у тебя на пути, и ты немедленно примешь участіе въ нашемъ положеніи. Здѣсь доводится до крайности однообразіе и централизація государства, которая для настоящей аристократіи отвратительна. Вмѣсто людей выдвигаются капиталы; вся жизнь зависитъ отъ государства, чтобы господа его, большіе капиталисты, могли вполнѣ владычествовать надъ ней. Устраненіе всякихъ ограниченій въ обращеніи, всякихъ некоммерческихъ соображеній о лицахъ и отношеніяхъ расчищаютъ свободный путь для капитала, и наживаются громадныя состоянія, но почти всегда на счетъ другихъ, будетъ ли то при помощи государственной власти или же помощью спекуляцій на колебанія цѣнностей. Зависимость пролетаріата здѣсь тѣмъ значительнѣе, что благодаря полнѣйшему недостатку въ капиталахъ или земельной собственности, онъ принужденъ постоянно предлагать свои рабочія силы на денежномъ рынкѣ. А кромѣ того еще и потому, что предложеніе идетъ отъ многочисленныхъ массъ, между тѣмъ какъ спросъ

находится въ рукахъ немногихъ лицъ и легко можетъ быть сосредоточенъ по извѣстному плану. При такихъ обстоятельствахъ зараза коммунизма бываетъ велика и грозитъ опасностью для порядка и свободы". Рошеръ конечно имѣлъ въ виду римскую исторію, и въ Германіи дѣла приняли бы иное и не столь ужасающее направленіе, но перевѣсъ легко наживаемаго и въ колоссальныхъ размѣрахъ увеличивающагося богатства, надъ трудной и медленной наживой производительныхъ классовъ населенія (образованнаго класса, государственныхъ чиновниковъ, ремесленниковъ и чернорабочихъ) всегда опасенъ, и дурное нравственное вліяніе его уже замѣтно. Но возвратимся къ биржѣ. Нельзя отрицать, что все зданіе ея, все ея богатство, состоящее изъ бумагъ, опирается на слабомъ фундаментѣ, но уроки прошлаго не прошли для нея совершенно безслѣдно и въ сравненіи съ прежними сумасбродными періодами (въ эпоху нидерландской тюльпано-маніи, тюльпанная луковица продавалась за 3000 гульденовъ и дѣло велось почти со всѣми подвохами современной биржи; а во времена Лоу акціи индѣйской компаніи поднялись съ 500 до 8000 франковъ) настоящая биржа является образцомъ разсудительности; но постоянно возвращающійся „процессъ расчистки", какъ любятъ выражаться биржевые отчеты, при которомъ, удерживая терминологію биржи, бумаги переходятъ изъ „легкихъ рукъ" въ тяжелыя, есть не что иное въ сущности, какъ принесеніе въ жертву мелкихъ капиталистовъ, съ тѣмъ, чтобы крупные стали еще крупнѣе. Мелкіе капиталисты и стоящія за ними частныя лица нужны для того, чтобы помочь вызвать повышеніе, но когда дѣло зайдетъ о продажѣ, то крупные капиталисты всегда въ состояніи купить и выждать слѣдующаго періода повышенія и вся экономическая система такъ основана, чтобы обезпечить интересы крупныхъ капиталистовъ. Если наступаетъ настоящая катастрофа, то хотя она отзывается на всѣхъ, но на бѣдныхъ сильнѣе чѣмъ на богатыхъ.

Послѣ такихъ нерадостныхъ разсужденій съ удовольствіемъ переносишься въ другую область, болѣе свѣтлую, а именно въ область искусства. Столица германской имперіи представляетъ въ настоящій моментъ довольно обильный матеріалъ для всякаго любителя искусства, благодаря художественной выставкѣ въ академіи искусствъ. Но здѣшняя публика и здѣшняя печать во всякомъ случаѣ слишкомъ сангвинически относятся къ выставкѣ, какъ будто бы она представляла нѣчто выходящее изъ ряду вонъ. На самомъ же дѣлѣ на ней не видать ничего выдающагося, ничего такого, что́ бы имѣло значеніе для развитія искусства или бы являлось отголоскомъ идей, волнующихъ публику въ настоящую минуту. Чѣмъ настоящая выставка поражаетъ особенно, такъ это обиліемъ матеріала и чрезвычайнымъ совершенствомъ техники. Жертвами критики являются обыкновенно

на художественныхъ выставкахъ такія картины, въ которыхъ замѣтенъ разладъ между желаніемъ и исполненіемъ. На настоящей выставкѣ можно увидѣть лишь два-три подобныхъ неудачныхъ твореній. Всего богаче, по обыкновенію, отдѣлъ портретовъ и ландшафтовъ. По части портретовъ Густавъ Рихтеръ снова превзошелъ всѣхъ экспонентовъ своей блистательной техникой. Бархатъ, шелкъ и кружева сдѣланы на его портретахъ съ такой поразительной правдой, что каждый приказчикъ сразу оцѣнитъ ихъ достоинство и опредѣлитъ имъ цѣну. Я также конечно удивляюсь этому искусству, но желалъ бы встрѣтить на выставкѣ что-нибудь болѣе безсмертное. Но и другіе портретисты ничего не дали въ этомъ смыслѣ, и если потомство станетъ судить о великихъ людяхъ современной эпохи по ихъ портретамъ и бюстамъ, то не получитъ къ нимъ особеннаго уваженія. Въ отдѣлѣ ландшафтовъ блещутъ все тѣ же знаменитости, идущія все по той же проторенной дорожкѣ. Одинъ рисуетъ итальянскіе ландшафты съ избыткомъ освѣщенія, другой сѣверные виды съ недостаточнымъ освѣщеніемъ (я обвиняю въ этомъ не художника, но природу, которая, по крайней мѣрѣ для живописцевъ, поступаетъ въ своихъ твореніяхъ не телеологически). Иной изображаетъ морскіе виды съ водой, которая больше напоминаетъ о морской болѣзни, чѣмъ объ освѣжающемъ дѣйствіи морскихъ волнъ, другой—глетчеры и альпійское освѣщеніе, т.-н. *Alpenglühen*, которые также недосягаемы для искусства, какъ и море, потому что красота заключается въ чувствѣ безконечности, охватывающемъ человѣка. Жанръ тоже богато представленъ на выставкѣ. Пальма превосходства отдается большею частію картинѣ Кнауса „Погребеніе", съ которой уже фотографія успѣла снять многочисленные снимки и которая съ истинно возвышенной простотой изображаетъ страшные для человѣка житейскіе контрасты.. Сцена происходитъ на дворѣ и въ сѣняхъ крестьянскаго дома. Направо отъ центра картины спускается во дворъ лѣстница крестьянскаго дома. Налѣво задній планъ замыкается боковымъ строеніемъ, съ покрытой снѣгомъ крышей. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ лѣстница примыкаетъ къ нижнему этажу, довольно высоко лежащему надъ землей, она образуетъ небольшія четырехугольныя, крытыя сѣни, изъ которыхъ ведетъ дверь направо. Два носильщика только-что вынесли узкій гробъ и находятся очевидно въ затрудненіи, какъ пронести его черезъ узкія сѣни и по крутой лѣстницѣ. Впереди гроба спускается съ лѣстницы крестьянинъ, очевидно отецъ покойнаго или покойницы. Такіе крестьяне всегда широко ступаютъ въ жизни, потому что любятъ крѣпко и плотно держаться на ногахъ. Старикъ на картинѣ еще шире обыкновеннаго разставилъ ноги, но, несмотря на его коренастость, колѣни немного дрожатъ у него на томъ тяжеломъ пути, который теперь предстоитъ ему совершить. Внизу посреди двора стоятъ про-

стыя носилки съ чернымъ сукномъ, которыя должны принять гробъ. Направо виднѣется дѣвочка, которая няньчитъ меньшую дѣвочку, налѣво молодежь, которая съ пѣніемъ должна отнести гробъ на кладбище, а кистеръ или школьный учитель, который ими дирижируетъ, повернулся спиной къ зрителямъ и лицомъ къ лѣстницѣ, чтобы поддержать пошатнувшагося старика. Въ этой картинѣ есть настоящая поэзія и чѣмъ больше на нее смотришь, тѣмъ сильнѣе охватываетъ она своей правдой. Въ ней преобладаютъ двѣ противуположныя черты: чувство и юморъ; но я слишкомъ долго застоялся передъ этой картиной. Нельзя пропустить безъ вниманія картины Рифенштали, который снова изобразилъ процессію монаховъ съ такимъ мастерствомъ, что она можетъ привести въ восторгъ самаго свободномыслящаго человѣка, и маленькую картинку, имя творца которой я позабылъ и не могу найти въ настоящую минуту въ каталогѣ: маленькая горница, въ которой двое молодыхъ людей сидятъ за столомъ, при свѣтѣ обыкновенной лампы. Одинъ изъ молодыхъ людей куритъ сигару, которая уже такъ докурилась, что едва виднѣется изо рта. Эффектъ этой картины заключается въ двойномъ свѣтѣ. Лампа и сигара горятъ такъ ярко, что эффектъ выходитъ чисто волшебный. Гильдебрандъ, рисовавшій ярко свѣтящее солнце, умеръ.

Сравнительно мало батальныхъ картинъ. Самую большую изъ нихъ, изображавшую сраженіе при Кёниггрецѣ, постигла та судьба, что она была припрятана на время австрійскаго визита, чтобы не будить непріятныхъ воспоминаній. Вотъ единственное, что́ въ ней интересно. Кампгаузенъ весьма характерно изобразилъ принцевъ Фридриха-Вильгельма и Фридриха-Карла, одного во время рекогносцировки, другого скачущаго въ галопъ, оба въ сопровожденіи начальниковъ штаба, которымъ такимъ образомъ отдана подобающая честь. Блейбтрэ и графъ Гаррахъ увѣковѣчили тотъ моментъ, когда генералъ Рилле, въ вечеръ сраженія подъ Седаномъ, передалъ императору Вильгельму письмо Наполеона. Кромѣ того, война 1870-го года представлена на выставкѣ большой картиной Гюнтена, гдѣ изображена гессенская дивизія на полѣ битвы при Гравелоттѣ, чрезвычайно реальная, технически прекрасно выполненная картина. Подъ конецъ перехожу къ главнымъ произведеніямъ выставки: картинѣ Бендерманна, изображающей какъ уводятъ іудеевъ въ вавилонское плѣненіе, замѣчательной по богатству мыслей и чистотѣ отдѣлки, но получившей лишь *succès d'estime*, благодаря тому, что композиція не достаточно ярко освѣщена, и картинѣ вышеупомянутаго Густава Рихтера: „Постройка египетскихъ пирамидъ", которая собственно является магнитомъ выставки. Рихтеръ былъ въ Египтѣ и заимствовалъ богатство красокъ этой страны, и какъ художникъ, извлекъ также изъ созерцанія природы и изученія исторіи представленіе о своебразномъ величіи стараго Египта, царства Фараоновъ.

Но онъ не историческій живописецъ. Кто желаетъ выбрать сюжетъ для картины изъ старинной египетской исторіи, тотъ долженъ былъ бы остановиться на моментѣ возмущенія, въ которыхъ не было недостатка, или на моментѣ національнаго возбужденія. Но Рихтеръ изображаетъ повседневную жизнь; это можетъ быть весьма интересно для исторіи культуры, для жанра, но это не есть собственно историческая живопись, которая охватываетъ душу зрителя. Глядя на его картину, я готовъ простить королю Жерому, который велѣлъ вырѣзать изъ дорогихъ картинъ Кассельской галереи красивыя женскія головки. Я не такъ безчеловѣченъ и не такой варваръ, но желалъ бы вырѣзать изъ картины каждую отдѣльную фигуру, каждый отдѣльный сосудъ, убѣжденный, что въ такомъ случаѣ онѣ доставили бы мнѣ гораздо больше наслажденія, чѣмъ теперь, когда онѣ скучены на одной картинѣ, которая вслѣдствіе этого поражаетъ своими частностями, но въ общемъ и въ цѣломъ оставляетъ зрителя холоднымъ.

Заканчивая это письмо, я вынужденъ еще разъ вернуться къ политикѣ, благодаря послѣднимъ событіямъ, касающимся отношеній Франціи съ Германіей: арестъ Эдмонда Абу и мнимая отставка графа Арнима. Что касается перваго, то здѣшнія власти этому не причастны. Эльзасскія власти просто поступили здѣсь согласно международному праву, по которому подданный данной страны (а г. Абу былъ нѣмецкимъ подданнымъ, потому что еще не высказался за французскую національность), можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за свои дѣйствія. Поступокъ этотъ пожалуй не былъ ни практичнымъ, ни политически-мудрымъ, потому что конечно не Абу будетъ тѣмъ камнемъ, который пошатнетъ теперешнее господство Германіи въ Эльзасъ-Лотарингіи; но надо принять также во вниманіе и то, что французы считаютъ для себя *все* позволительнымъ и что маленькій урокъ не безполезенъ. Извѣстіе, пущенное одной бельгійской газетой о томъ, будто бы графъ Арнимъ подалъ въ отставку, объявлено оффиціальнымъ путемъ за совершенно неосновательное и самъ графъ уже сегодня вернулся къ своему посту. Все дѣло похоже на то, что князь Бисмаркъ, какъ это было уже два раза послѣ заключенія мира, желалъ показать французамъ, что онъ готовъ щадить ихъ національную щекотливость лишь до извѣстныхъ предѣловъ, а затѣмъ готовъ поступить весьма рѣшительно. Такой образъ дѣйствій можетъ, конечно, быть полезенъ въ теченіи нѣкотораго времени, но постоянное обращеніе къ нему, по всей вѣроятности, только усилитъ раздраженіе французовъ и вовсе не обѣщаетъ хорошихъ результатовъ въ смыслѣ прочности мира. Это печально, но все же лучше признать это, чѣмъ убаюкивать себя иллюзіями.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

Италія и ея внѣшнія отношенія.

17-го сентября, 1872 г.

Я хотѣлъ остановиться на нашихъ отношеніяхъ къ Франціи со времени франко-прусской войны, но необходимо, на ряду съ враждебнымъ отношеніемъ французскаго правительства къ нашей странѣ, помянуть также и о дружелюбныхъ сношеніяхъ, установившихся въ послѣднее время между Италіей и другими европейскими государствами.

Школьный учитель, временно управляющій французской республикой, въ своихъ многочисленныхъ рѣчахъ, которыми онъ желаетъ насадить добрые принципы въ умахъ своихъ подданныхъ, удостоиваетъ по временамъ бросить намъ слово одобренія или по крайней мѣрѣ снисхожденія къ нашимъ поступкамъ и нашему поведенію. Насъ весьма трогаютъ подобныя заявленія, но такъ какъ почтенный президентъ не отрицаетъ въ насъ нѣкоторой дозы проницательности, то скептицизмъ внушаетъ намъ не очень-то довѣрять сладкимъ похваламъ, потому что послѣднія бываютъ зачастую опаснѣе и вреднѣе откровенной брани. Но если рѣчи г. Тьера могутъ порою ввести въ заблужденіе, то поступки его весьма ясно доказываютъ его настоящія чувства. Исторія съ закладкой минъ у прохода Фрежюсъ со стороны Франціи, свидѣтельствуетъ о томъ, что господинъ Тьеръ и Франція считаютъ насъ своими врагами. Правда, они говорятъ: въ общей системѣ обороны французскихъ границъ эти мины необходимы. Берега обороняются со стороны Англіи, обороняется линія Эльзасская и Лотарингская со стороны Германіи, Пиренеи—со стороны Испаніи; необходимо также преградить путь черезъ Альпы. Какіе благонамѣренные люди! и что за простодушные планы! Первымъ дѣломъ бросились закладывать мины въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ всегда бы можно было успѣть заложить ихъ въ случаѣ необходимости и гдѣ бы никогда не слѣдовало закладывать ихъ, изъ уваженія къ дѣлу цивилизаціи, которое они намѣрены разрушить. Ничего не значило бы объявить, посредствомъ спеціальнаго договора, этотъ проходъ нейтральнымъ и воспретить въ случаѣ войны сообщеніе этимъ путемъ. Но приходится поневолѣ вывести заключеніе, что главѣ французскаго правительства особенно желательно уничтожить *chef-d'oeuvre* итальянскаго генія и снова изолировать Италію отъ Франціи. Но единственный политическій результатъ, котораго достигъ Тьеръ, это то, что онъ возбудилъ въ Италіи новое неудовольствіе противъ Франціи, которая уже и безъ того подавала достаточно поводовъ быть ею недовольной. Закладка

минъ со стороны Франціи остановилась, потому что итальянская печать подняла громкій и единодушный крикъ и потому, что итальянское правительство, доказавъ Тьеру безполезность и неосторожность подобной мѣры, пригрозило заложить мины также и со стороны Италіи. Но предположимъ, что мины дѣйствительно были бы заложены со стороны Франціи, и какъ естественная предосторожность—также и со стороны Италіи, къ чему бы это привело? Къ тому, что торговля между Франціей и Италіей, благодаря опасеніямъ, внушаемымъ этими страшными минами, почти прекратилась бы или по меньшей мѣрѣ стала бы обѣгать прохода Фрежюсъ. Вотъ каковы мирныя дѣла Тьера! Вотъ какова его филантропія! А большинство французовъ не только не возмущается подобнымъ образомъ дѣйствій, недостойнымъ и неполитичнымь, но еще восторгается имъ. Ничто такъ не соблазняетъ французовъ, какъ желаніе дать щелчокъ этой Италіи, которая, какъ они говорятъ, видитъ свою независимость только въ *indépendance du coeur*, то-есть въ неблагодарности. Бранить Италію—вотъ удовольствіе, которымъ охотно занимаются французы. Газеты ихъ поддерживаютъ въ нихъ этотъ священный огонь и отрекаясь отъ славы быть потомками Вольтера, гоняются за славой Ламорисьеровъ и Шарреттовъ. Лишь немногія газеты относятся къ намъ прилично; раціональный *Débats* и философичный *Temps* быть можетъ единственныя, которыя мягко относятся къ намъ и порою даже защищаютъ насъ. Но въ самой защитѣ ихъ чувствуется неловкость людей, защищающихъ непопулярное дѣло, а вслѣдствіе этой самой неловкости, названныя газеты для умилостивленія своихъ французскихъ читателей нѣтъ-нѣтъ, да и отпустятъ какую-нибудь изящную колкость на нашъ счетъ.

Во время послѣдняго французскаго займа, мы окончательно разсердили нашихъ великодушныхъ сосѣдей. Мы не откликнулись на ихъ призывъ и не поторопились снести своихъ милліоновъ въ ихъ казначейство. Мы не захотѣли доставить имъ деньги, необходимыя для фабрикаціи новыхъ *Chassepots*, силу которыхъ они станутъ испытывать, какъ *in anima vili*, надъ итальянцами. И вотъ журналы ихъ разукрасились каррикатурами, въ которыхъ всѣ другія націи несутъ золото Франціи, а одна Италія, представленная въ одеждѣ разбойника, готовится унести прочь мѣшки съ золотомъ, добытымъ французской промышленностью. Но французы забываютъ, что французское золото никогда еще не достигало Италіи, между тѣмъ какъ итальянское золото постоянно наводняло Францію. Не считая вторженій французскихъ, со временъ Бренна и по наши дни, французы всегда приходили грабить насъ; справедливо также и то, что французы до сихъ поръ ничего не понимаютъ въ дѣлахъ Италіи, тогда какъ итальянцы довольно хорошо знакомы съ французскими дѣлами и знакомились бы съ ними еще охотнѣе, еслибы французская наглость не удаляла насъ

отъ французскихъ рынковъ. Это можно видѣть, напримѣръ, на книжной торговлѣ. На тысячу книгъ французскихъ, которыя продаются въ Италіи, во Франціи едва ли приходится одна итальянская книга. Правда, что французы не даютъ себѣ труда изучать нашъ языкъ, слишкомъ легкій и слишкомъ безполезный, чтобы заслуживать изученія. Но фактъ въ томъ, что они его не знаютъ и поэтому не могутъ находить никакого удовольствія въ чтеніи книгъ и газетъ, написанныхъ на языкѣ, котораго они не понимаютъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ выраженій, которыя они любятъ повторять и которыя только и можно услышать въ устахъ француза. Такъ, напр.: *il dolce far niente*, *se non e vero, e ben trovato*, *lingua toscana in bocca romana* и другія подобныя пошлости.

Нѣтъ ничего мудренаго послѣ этого, что всякая симпатія между Италіей и Франціей заглохла въ настоящую минуту и что ихъ патріотическіе призывы не особенно насъ трогаютъ. Доказательствомъ тому служитъ полнѣйшее равнодушіе, съ какимъ принято было ихъ приглашеніе содѣйствовать къ возстановленію муниципальной библіотеки въ Страсбургѣ. Вашимъ читателямъ по всей вѣроятности извѣстно это дѣло, но для тѣхъ, кто о немъ не знаетъ, я вкратцѣ изложу его, и напомню о призывѣ, который былъ сдѣланъ Италіи объ основаніи университетской библіотеки и къ которому здѣсь отнеслись съ большой симпатіей. Лишь только въ Германіи распространился печальный слухъ о томъ, что Страсбургская библіотека почти вся погибла отъ пламени, то первою мыслію ученыхъ нѣмцевъ было постараться поправить, хотя частію, эту великую бѣду и надѣлить главный городъ Эльзаса новой библіотекой. Но такъ какъ въ то же самое время правительству пришла похвальная мысль основать въ Страсбургѣ большой нѣмецкій университетъ, то естественно, что родилась идея присоединить библіотеку къ университету, дабы книги не оставались, какъ въ былое время въ Страсбургѣ, мертвымъ капиталомъ. Въ то же самое время прусское правительство назначило сумму въ 600,000 ливровъ муниципальному совѣту, въ видѣ вознагражденія за утрату библіотеки, съ предложеніемъ, что если такая сумма будетъ истрачена съ образовательными цѣлями, отпустить такую же сумму на новую университетскую библіотеку. Тогда нѣкоторые эльзаскіе патріоты, въ томъ числѣ Рудольфъ Рейссъ, сынъ извѣстнаго богослова Эдуарда Рейсса, попытались подорвать дѣло любителей науки, указывая на безполезность ихъ усилій, въ виду невозможности замѣнить новѣйшими книгами утрату старинныхъ и единственныхъ экземпляровъ. Но убѣдясь въ нераціональности своей оппозиціи и въ симпатіи, съ какой была встрѣчена со стороны ученыхъ мысль о возстановленіи въ Страсбургѣ большой библіотеки, измѣнили тактику и стали обвинять первыхъ зачинщиковъ этого дѣла въ узурпаціи за то,

что они вздумали присоединить къ университету новую библіотеку, тогда какъ погибшая старая библіотека принадлежала только одному городу.

Вслѣдствіе этого они пригласили всѣхъ сочувствующихъ Франціи и Эльзасу, какъ французской провинціи, содѣйствовать возстановленію старинной, свободной, муниципальной библіотеки въ Страсбургѣ, пытаясь, такимъ образомъ, уронить и задержать дѣло первыхъ начинателей, быстро подвигавшееся впередъ. Но тѣмъ не менѣе остается фактомъ, что первая мысль наградить Страсбургъ новой библіотекой родилась не у эльзасцевъ, а у нѣмцевъ; и въ Англіи, говорятъ, успѣли въ нѣсколько мѣсяцевъ собрать болѣе восьми тысячъ томовъ для университетской библіотеки Страсбурга. Въ Италіи подписка началась всего только съ мѣсяцъ, но собрано уже болѣе тысячи томовъ и есть надежда, что эта цифра удесятерится, изъ чего легко заключить, какъ мало симпатіи встрѣтилъ у насъ призывъ французовъ къ возстановленію муниципальной библіотеки. Библіотека, которую желаетъ воссоздать страсбургскій муниципалитетъ, будетъ удовлетворять французскій патріотизмъ; для научныхъ же цѣлей, которыя всего важнѣе для ученыхъ, будетъ служить главнымъ образомъ университетская.

Такимъ образомъ, Германія начинаетъ пожинать отчасти плоды той симпатіи, которую она намъ выказываетъ. Конечно, мы не такъ наивны, чтобы принимать серьезно всю эту симпатію и считать ее слѣдствіемъ платонической любви, которая возникла между Италіей и Германіей. Мы еще не позабыли своей исторіи и той роли, какую въ ней играли нѣмцы до послѣднихъ лѣтъ; но мы знаемъ также, что если нѣмецъ много притѣснялъ насъ, чѣмъ и возбуждалъ противъ себя ненависть, за то никогда насъ не презиралъ. Какъ скоро причины ненависти между Италіей и Германіей устранены, обѣ націи могутъ любить другъ друга, потому что уважаютъ другъ друга. Иныя совсѣмъ чувства питали къ намъ всегда французы. Они конечно усердно выхваляли *la beauté du sol*, *le ciel azuré*, *l'air embaumé*, этой Италіи *enchanteresse*, но итальянцевъ постоянно оскорбляли. Не имѣя возможности отказать въ титулѣ *braves* пьемонтцамъ, которые слишкомъ хорошо доказали свою храбрость при Сен-Квентенѣ, при *Colle dell' Assietta*, въ сраженіи при Туринѣ въ 1706-мъ г., гдѣ французы были жестоко побиты обитателями *petit pays au pied des Alpes* (какъ окрестилъ Наполеонъ III Пьемонтъ въ одинъ прекрасный день, когда въ немъ разыгрался сильный аппетитъ и ему пришла охота проглотить его), въ сраженіяхъ съ Наполеономъ I и въ войнѣ 1859-го г., когда пьемонтскій солдатъ, руководимый хорошими начальниками, дѣлалъ чудеса храбрости. Но если они умалчиваютъ о пьемонтцахъ, то ко всѣмъ другимъ итальянцамъ выказываютъ презрѣніе, которое объясняется только ихъ собственнымъ высокомѣріемъ и незнакомствомъ съ

нашими дѣлами или же жалкой завистью. Они не могутъ примириться съ тѣмъ, что молодая Италія, твореніе ихъ собственныхъ рукъ, какъ они это утверждаютъ, начинаетъ распоряжаться собой и своими дѣлами безъ согласія, и несмотря на запрещеніе Франціи. Опекаемый вышелъ изъ-подъ опеки, и это нестерпимо для Франціи. Не будучи въ состояніи помѣшать намъ, она старается унизить насъ, а мы тѣмъ временемъ спокойно идемъ своимъ путемъ. Финансы наши улучшаются, школы размножаются, промышленность процвѣтаетъ, города украшаются и расширяются. Конечно, еще много золъ тяготѣетъ надъ нами, и я менѣе, чѣмъ кто другой, закрываю на это глаза, но нельзя не признать, что въ суммѣ Италія, несмотря на многія препятствія и громадныя жертвы, совершенствуется сравнительно быстрѣе, чѣмъ другія страны; что наши занятія принимаютъ хорошее направленіе, а кредитъ нашъ увеличивается. Французы могутъ пожимать плечами отъ нетерпѣнія, глядя на наши дѣйствія, дерзкія, потому что они не разрѣшены въ Парижѣ или въ Версалѣ. Но тѣмъ хуже для нихъ, если они не понимаютъ, что мы выросли изъ пеленокъ, одарены громадными жизненными силами и надѣемся на великую будущность. Мы не путаемся въ чужія дѣла, и если присматриваемся къ тому, что дѣлается за границей, то лишь затѣмъ, чтобы лучше устраивать свои собственныя дѣла. Роль нарушителей спокойствія намъ не по сердцу. Мы охотнѣе бываемъ умиротворителями, когда насъ къ этому приглашаютъ. Та роль, которую игралъ недавно въ Женевѣ нашъ графъ Федериго Склописъ, избранный президентомъ третейскаго суда, отъ рѣшенія котораго зависѣло быть миру или войнѣ между Америкой и Англіей изъ-за Элебемскаго вопроса, есть живой примѣръ довѣрія, которое питаютъ за границей и въ особенности въ Англіи къ практическому здравому смыслу итальянскихъ законовѣдовъ. Склописъ одна изъ самыхъ именитыхъ личностей среди пьемонтскихъ патриціевъ. Онъ одинаково успѣшно занимался исторіей и законовѣдѣніемъ, и о познаніяхъ его, какъ по той, такъ и по другой части, свидѣтельствуетъ его *Исторія итальянскаго законодательства* и другія спеціальныя сочиненія, касающіяся итальянской исторіи и юриспруденціи. Онъ былъ министромъ сардинскаго короля, былъ президентомъ итальянскаго сената и принадлежитъ къ числу кавалеровъ высшаго ордена *dell'Annunziata*. По смерти Массимо д'Азеліо нѣтъ другой личности въ Пьемонтѣ, которая бы заслуживала болѣе, чѣмъ графъ Федериго Склописъ, тѣхъ чествованій, какія выпали ему на долю въ Италіи и за границей за счастливый исходъ третейскаго суда въ Женевѣ.

Другія чествованія выпали на долю Италіи въ ученыхъ и университетскихъ собраніяхъ за границей. Таковы: званіе президента и вице-президента, поднесенное на археологическомъ конгрессѣ нашему

археологу, графу Джіованни Гоццадини, и нашему геологу профессору Капеллини; степень почетнаго доктора юридическихъ наукъ, предложенная Гейдельбергскимъ университетомъ нашему юристу Паскуале Сан-Манчини, и въ недавнее время званіе члена-корреспондента Вѣнской академіи наукъ нашему лингвисту профессору Асколи, предпочтительно передъ другими кандидатами въ это почетное званіе. Подобныя заявленія, которыя довольно часты, доказываютъ сами по себѣ, что въ Италіи очень серьезно занимаются наукой и что за границей умѣютъ цѣнить это. Синьоръ Корренти, который, немедленно по выходѣ изъ министерства народнаго просвѣщенія, отправленъ въ качествѣ представителя итальянскаго правительства на петербургскій статистическій конгрессъ, нашелъ нужнымъ прислать телеграмму, въ которой высказываетъ свое удовольствіе отъ торжественнаго пріема, оказаннымъ въ его лицѣ всей Италіи, и отъ великолѣпнаго русскаго гостепріимства. Всему этому, легко повѣрить, и что касается меня, то я нисколько этому не удивляюсь. Но я однако убѣжденъ, что въ Петербургѣ получили бы еще лучшее понятіе объ Италіи, если бы вмѣсто Корренти, человѣка чрезвычайно талантливаго, но не отличающагося особенно глубокой эрудиціей, былъ посланъ человѣкъ истинной учености, который не только бы умѣлъ красно говорить, но и могъ бы высказать глубокія и полезныя вещи, и который былъ бы лучше подготовленъ къ этому конгрессу, чѣмъ Корренти. Вообще Италія пребываетъ въ совершенномъ невѣдѣніи касательно того, что дѣлается въ Россіи, касательно ея правительства и ея народа, ея языка, литературы и обычаевъ. И уже разумѣется Корренти въ этомъ отношеніи знаетъ не больше перваго попавшагося итальянца; поэтому меня не удивляетъ его нѣсколько наивное удивленіе тому, что онъ нашелъ русскихъ далеко не такими, какими они рисуются итальянскому воображенію. Всего болѣе вредятъ русскимъ во мнѣніи иностранцевъ безтактное поведеніе нѣкоторыхъ русскихъ за границей, да еще французскіе публицисты, своими иногда легкомысленными разсужденіями о русской политикѣ относительно Польши.

Что касается меня, то я позволю себѣ высказать одно желаніе и отъ души хотѣлъ бы, чтобы кто-нибудь изъ русскихъ откликнулся на него; я желалъ бы, чтобы вмѣсто безчисленныхъ *Voyages en Russie*, мы могли бы прочитать сочиненіе о Россіи, написанное по-французски русскимъ, и изъ котораго мы могли бы узнать, каковы на самомъ дѣлѣ русскіе и чего можно отъ нихъ ожидать. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ знакомствомъ могла бы явиться и симпатія къ Россіи, и въ будущемъ никакому министру иностранныхъ дѣлъ не показалось бы чудовищной мысль о союзѣ съ Россіей, результатомъ котораго могло бы быть рѣшеніе Италіей и Россіей, сообща съ Греціей, восточнаго

вопроса, который въ сущности касается исключительно этихъ трехъ державъ.

Пока радуюсь возможности возвѣщать каждые три мѣсяца читателямъ „Вѣстника Европы", что Италія здравствуетъ. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ она кажется особенно оживленной, благодаря различнымъ національнымъ и иностраннымъ конгрессамъ, въ которыхъ она принимаетъ участіе. Конгрессъ типографовъ и книгопродавцевъ въ Венеціи и дидактическая выставка, происходящая въ томъ же городѣ; конгрессъ артистовъ и архитекторовъ въ Миланѣ и большая выставка художественная и античная, которая привлекаетъ въ настоящую минуту столько посѣтителей въ этотъ городъ, о которомъ Викторъ-Эммануилъ, посѣтивъ его нѣсколько дней тому назадъ, предсказалъ, что онъ станетъ въ непродолжительномъ времени прекраснѣйшимъ городомъ Италіи; юридическій конгрессъ, который приготовляется въ Римѣ, и другіе конгрессы провинціальные, земледѣльческіе и промышленные,—всѣ посѣщаемые многочисленной публикой и оживленные,—доказываютъ довольно хорошо лихорадочную дѣятельность, царствующую въ Италіи. Если послѣдняя и покрыта славными гробницами, то современные итальянцы доказываютъ, что они годятся на что-нибудь получше, чѣмъ роль безполезныхъ хранителей гробницъ. Всѣ мы стоимъ на часахъ; моряки кричатъ правительству: обратите вниманіе на наши беззащитные берега и займитесь ихъ обороной. Полки молодыхъ волонтеровъ, которымъ впервые на этихъ дняхъ дѣлалъ смотръ генералъ Рикотти, военный министръ, заслужили похвалы всѣхъ своихъ начальниковъ. Наши инженеры предупреждаютъ правительство объ опасностяхъ, которыя грозятъ въ случаѣ войны, если наши желѣзныя дороги будутъ продолжать управляться французскими компаніями; въ университетскихъ занятіяхъ употребляются всѣ усилія, чтобы устранить старые методы преподаванія и ввести научные. *Fervet opus!* Итальянцу, послѣ того, какъ онъ въ теченіи долгихъ столѣтій выносилъ иго, нѣсколькихъ лѣтъ будетъ достаточно, чтобы догнать всѣ остальныя націи. Рвеніе, съ какимъ нашъ министръ земледѣлія и промышленности старается подготовить Италію съ честью конкуррировать на всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ, которая откроется въ будущемъ году,—является однимъ изъ лучшихъ свидѣтельствъ нашей настоящей, относительной дѣятельности. 27-го мая этого года назначены королевскимъ декретомъ члены, составляющіе королевскую итальянскую коммиссію, которой поручено распоряжаться этой выставкой. А въ настоящее время у меня передъ глазами два тома оффиціальныхъ документовъ, изданныхъ этой коммиссіей, за исключеніемъ циркуляровъ, изданныхъ непосредственно министромъ земледѣлія и его главнымъ секретаремъ, которыми промышленники приглашаются представлять свои произведенія, а провинціальные совѣты и

торговыя палаты назначить наибо́льшую сумму, какую только возможно, чтобы помочь промышленникамъ принять участіе въ выставкѣ. Можно сказать, что между Италіей и Германіей возникъ родъ миролюбиваго соперничества въ томъ, кто изъ двухъ будетъ играть наилучшую роль на выставкѣ, и надо думать, что наше правительство употребитъ всѣ усилія, чтобы новая Италія была достойно представлена на этомъ торжествѣ. Вотъ какъ выражаетъ свои принципы и цѣли министръ земледѣлія и торговли въ своемъ первомъ циркулярѣ, обращаясь къ префектамъ, президентамъ торговыхъ палатъ, земледѣльческихъ коммиссій и земледѣльческихъ и промышленныхъ обществъ королевства: „Въ первый день мая мѣсяца, 1873 г., будетъ открыта всемірная выставка въ Вѣнѣ. Италія, приглашенная въ ней участвовать, обязана показать, что годы, протекшіе со времени установленія политическаго единства, не прошли безплодно для ея экономическаго устройства и что зародыши естественныхъ богатствъ разумно оплодотворяются промышленностью ея обитателей. Наше королевство, основанное только лишь въ 1862-мъ г., еще незнакомое вполнѣ съ своими собственными силами, въ 1867-мъ г., взволнованное недавней войной и внутренними потрясеніями, не могло быть достойно представлено на выставкахъ Лондона и Парижа. Но, въ настоящее время, когда прекратились политическія волненія и возстановленныя искусства мирнаго времени даютъ обильные плоды, необходимо, чтобы на всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ экономическія силы страны проявились во всей ихъ полнотѣ. Эта выставка заслуживаетъ нашего особеннаго сочувствія. Она открывается въ странѣ, связанной съ нами важнѣйшими коммерческими соображеніями и общими интересами; въ странѣ, болѣе всякой другой способной усилить нашу дѣятельность на Востокѣ, гдѣ еще живы и славны воспоминанія о древнемъ величіи итальянскомъ. Кромѣ того, выставка въ Вѣнѣ представляетъ случай для изученія и улучшенія различныхъ производствъ. Не будучи далеко безплоднымъ собраніемъ предметовъ, она представитъ собою производительную силу всего міра, предлагая способы ученымъ и просвѣщеннымъ правительствамъ для рѣшенія, посредствомъ наблюденія фактовъ, многихъ трудныхъ вопросовъ. Правительство, убѣжденное въ важномъ значеніи этого великаго промышленнаго состязанія, не пренебрегало заниматься необходимыми изученіями для того, чтобы страна могла достойно подготовить себя; а въ настоящее время, — когда парламентъ освятилъ законъ, которымъ назначается необходимая сумма,—полагаетъ, что наступилъ моментъ взяться за дѣло. Италія, привыкшая къ различнымъ другимъ выставкамъ, является не новичкомъ на состязаніе, но достоинство ея требуетъ, чтобы она была представлена теперь въ лицѣ лучшихъ своихъ экономическихъ силъ. Необходимо, чтобы изъ безчисленныхъ произведеній на-

браны были самыя полезныя, самыя прекрасныя, чтобы, покинувъ великую вѣнскую выставку съ сокровищами пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, мы могли утѣшать себя мыслью, что оставили послѣ себя нѣкоторые полезные уроки и что такимъ образомъ содѣйствовали взаимному промышленному усовершенствованію и вмѣстѣ съ тѣмъ поддержали собственное достоинство". Слова эти просты и могли послужить къ чести главному секретарю Луиджи Луццатти, который ихъ написалъ, но когда на нихъ откликнется, какъ этого слѣдуетъ надѣяться, вся страна, то эти слова станутъ замѣчательнымъ документомъ. Когда рѣчь правительства исполнена достоинства, то по всей вѣроятности будутъ достойными и дѣла націи. Тѣмъ временемъ завѣдывающіе различными отдѣлами уже приготовили программы, которыя распредѣляютъ отдѣльныя группы итальянской выставки. Программы довольно обширны, и если будутъ выполнены на половину, то итальянская часть вѣнской выставки можетъ получить большое значеніе. Но главная бѣда заключается въ томъ, что оффиціальные документы обращаются въ рукахъ немногихъ, между тѣмъ какъ выставки устраиваются содѣйствіемъ массы. Центральный комитетъ выбивается изъ силъ, но онъ не въ состояніи будетъ совершить многого, если въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селѣ Италіи не будетъ людей, которые бы принимали близко къ сердцу интересы итальянской выставки въ Вѣнѣ. Значительную долю неуспѣха многихъ предпріятій слѣдуетъ приписать не злонамѣренности, а инерціи. Многіе промышленники, которые не выставляютъ своихъ произведеній охотно, отпустили бы ихъ изъ своихъ лавокъ, если бы кто-нибудь взялся въ цѣлости и сохранности доставить ихъ на выставку и обратно. Этой инерціи въ настоящее время сильно поубавилось въ Италіи, но все еще не настолько, чтобы обезпечить полный успѣхъ намѣреніямъ королевской итальянской коммиссіи. Тѣмъ не менѣе, довольствуясь и относительнымъ прогрессомъ, я не сомнѣваюсь, что Италія въ Вѣнѣ предстанетъ въ блестящемъ свѣтѣ и не только со стороны искусствъ, въ которыхъ едва ли кто можетъ ее превзойти, но и по части промышленности, въ которой она сильно отстала отъ Франціи, Германіи, Бельгіи и Англіи, послѣ того, какъ въ былое время сильно опережала ихъ. Желательно, чтобы настоящій миръ подольше продлился, чтобы Италія могла продолжать преуспѣвать во всѣхъ отношеніяхъ. Въ настоящую минуту она быстрыми шагами идетъ впередъ и вовсе не желаетъ, чтобы ее остановили на ея пути. Любезности, оказываемыя итальянцамъ иностранными государствами (за исключеніемъ Франціи), поощряютъ не гордость, но дѣятельность и промышленность ихъ. Желательно, чтобы Италія сблизилась съ славянскимъ міромъ, подобно тому какъ въ послѣдніе годы она сблизилась съ міромъ германскимъ. Надо также надѣяться, что со временемъ и французы об-

разумятся и дадутъ намъ свободно дышать. Наши иностранные сосѣди до сихъ поръ всегда дрались на нашей почвѣ изъ-за того, чтобы подѣлить между собой награбленную у насъ добычу. Отнынѣ Италіи слѣдуетъ сдѣлаться нейтральной почвой, куда бы враги приходили мириться и распивать наше вино въ честномъ весельѣ.

D. G.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Двѣ Варшавскія диссертаціи.

Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Изслѣдованіе *Петра Вейнберга*. Варшава 1872 г. 134 стр.

Историческій очеркъ древне-скандинавской поэзіи скальдовъ. Сочиненіе *Г. М. Левестама*. Варшава 1872 г. 137 стр.

Историческій очеркъ древне-скандинавской поэзіи скальдовъ. Сочиненіе. *Г. М. Левестама*. Кіевъ 1872 г. 86 стр.

Хотя предъ нами *три* книги, но какъ увидитъ читатель,—на дѣлѣ ихъ только *двѣ*, и замѣчательны онѣ, главнымъ образомъ, своею рѣдкостью, или, лучше сказать, ненаходимостью—обстоятельство мало-объяснимое, по крайней мѣрѣ относительно послѣдней изъ нихъ. *Изслѣдованіе* г. Вейнберга, хотя и предназначено быть диссертаціей, какъ видно изъ того, что оно напечатано по опредѣленію совѣта императорскаго варшавскаго университета, но таковая диссертація, сколько намъ извѣстно, еще не защищалась ни въ одномъ изъ русскихъ университетовъ. Понятно, что авторъ могъ попридержать ее и не пускать въ продажу до поры до времени; и я самъ познакомился съ ней совершенно случайно, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ. Но другое дѣло — *сочиненіе* г. Левестама, лежащее передъ нами въ двухъ изданіяхъ, изъ которыхъ на одномъ значится: *Дозволено цензурою. Варшава, 28-го марта 1872 г.*; на другомъ такъ: *По опредѣленію историко-филологическаго факультета университета Св. Владиміра, 30-го марта 1872 г., печатать дозволяется.* Что преподаватель варшавскаго университета, какимъ состоитъ г. Левестамъ, защищалъ свою диссертацію въ Кіевѣ — въ этомъ нѣтъ еще ничего особеннаго; но къ чему понадобились въ теченіи двухъ дней (28—30 марта) два изданія книжки, которая, несмотря на свой незначительный объемъ, найдетъ весьма мало читателей—это намъ рѣшительно не въ домёкъ. Добро-бы эти изданія отличались чѣмъ-нибудь существеннымъ, такъ чтобы одно представлялось улучшеніемъ другого. Но этого

нѣтъ, да и тѣ немногія отличія, какія оказываются между ними, могутъ быть объяснены развѣ вмѣшательствомъ чуда—если не предположить въ одномъ изъ нихъ опечатку, или въ другомъ помѣтку заднимъ числомъ. Вѣдь въ двухъ-дневный срокъ отъ 28-го до 30-го марта не только исправить книгу, но и перепечатать ее трудно. Какъ-бы то ни было, кіевская редакція отличается отъ варшавской лишь тѣмъ, что нѣсколько сократила варшавскую: такъ, ею выпущено по страницѣ изъ начала IV и X главы, причемъ редакторомъ руководили. кажется, болѣе соображенія стилистическія, чѣмъ вопросъ о содержаніи. Сличите, напр., слѣдующія строки, зачеркнутыя имъ въ X-ой главѣ (стр. 88—9 варш. изд.): „Прежде всего необходимо распредѣлить эти матеріалы на два періода: доисторическій и историческій. Въ первомъ изъ нихъ, *основную точку* повидимому составляетъ Данія, съ принадлежащими ей поэтами (Старкоддеръ, Браге Старый и проч.) и *поэтическими предметами (совсѣмъ миѳическій* Фроде, *полу-миѳическій* Рольфъ Краке, *миѳическо-историческій* Рогнаръ Ліодброкъ и друг.). Вгорой періодъ, историческій, главнымъ образомъ *опирается* на исторію Норвегіи и т. д., и въ немъ еще замѣчается *демаркаціонная линія*, дѣлящая его на двѣ части, *одну прежнюю, болѣе поэтическую, и позднѣйшую, менѣе поэтическую*". Вообще кіевскій редакторъ болѣе пуристъ, чѣмъ варшавскій, хотя онъ и не вездѣ вѣренъ себѣ: такъ, онъ пишетъ *скандинавы* вмѣсто *скандинавцы* (стр. 29 варш. изд.); *вѣроятно* вм. *правдоподобно* (стр. 36); *естественныя* вм. *натуральныя* (стр. 46); *крылья* вм. *крыла* (стр. 65); *вѣжливость* вм. *галантерейность* (стр. 93); *самыхъ древнихъ* вм. *самыхъ древнѣйшихъ* (стр. 21); *однихъ дворянъ* вм. *самыхъ дворянъ* (23); *несомнѣнный* вм. *не отрицательный* (83); *скандинавская миѳологія представляется въ картинахъ* вм. скандинавскую миѳологію составляютъ *самыя* картины (стр. 123). Онъ ставитъ вездѣ *Саксона* Грамматика вм. *Саксо* Грамматика, но оставляетъ Іорнандеса (стр. 71), Окцитанію (10) и Ринго, латинизированную форму вм. *Ринъ*, *Ринга*, какъ на стр. 24: *Инъ*, *Инга*. Это впрочемъ относится къ вопросу о транскрипціи древне-сѣверныхъ именъ, употребляемой авторомъ — но объ этомъ ниже. Удивительно, какъ при такой наклонности къ выправкѣ слога, кіевскій редакторъ не удалилъ такія выраженія, какъ *самое важнѣйшее* на первой стран. предисловія; „они (т.-е. герои) считались *Ираклесами*" (18); *головные черепа* (65); Бэдвильда улетаетъ *воздушнымъ путемъ* (ib. какимъ же еще?); *живая королевская дѣвица* (124), какъ будто дѣло идетъ о рыбѣ — кіевская редакція исправила только: *царственная*. *Драпка* (112) тоже едва-ли можетъ быть употреблено какъ уменьшительное отъ *драпа*—родъ пѣсни. Все это тѣмъ болѣе удивительно, что слабость къ красивому слогу могла его понудить оставить слѣдующую нелѣпость, написанную въ духѣ

самой завзятой романтической школы. Дѣло идетъ о поэзіи среднихъ вѣковъ, которая такъ характеризуется: „Въ романтической поэзіи среднихъ вѣковъ преобладаютъ въ міросозерцаніи не природа и не ясныя картины жизни, а фантазіи, пренебрегающія дѣйствительностію и поднимающія человѣка въ надземныя сферы, гдѣ въ облакахъ носятся феи, въ небѣ представляется Богородица съ сонмомъ ангеловъ и святыхъ. Вѣра тамъ соединяется съ любовію, любовь съ тоскою, наслажденіе переходитъ въ раскаяніе, мысль и чувство наполняются мрачными мечтаніями мистицизма, тщательно пріобрѣтеннымъ спокойствіемъ преданія себя волѣ Божіей и муками раскаянія". (Стр. 120—1).

Г. Вейнбергъ назвалъ свою книгу изслѣдованіемъ; г. Левестамъ *сочиненіемъ*. Впрочемъ въ данномъ случаѣ одно названіе могло-бы стоять за другое, безъ особаго ущерба дѣлу. Г. Вейнбергъ *изслѣдуетъ* по источникамъ, которыхъ впрочемъ немного, такъ какъ сборники русскихъ пѣсенъ на перечетъ—и изъ всего этого выходитъ *сочиненіе*. Г. Левестамъ прямо сочиняетъ, съ любовью предаваясь творчеству: для него матеріалъ безразличенъ, какъ для поэта; онъ цитуетъ въ одну строку (стр. 26) Саксона Грамматика, Понтана и Меурсія — въ родѣ того, напр., какъ еслибы кто-нибудь, ссылаясь на фактъ, приводимый Несторомъ, вслѣдъ за тѣмъ написалъ-бы такъ: а вотъ что мы находимъ у Соловьева или Костомарова. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ воображаетъ себя изслѣдователемъ, предупреждая своихъ критиковъ, что онъ занимался въ берлинской и копенгагенской библіотекахъ (стр. III предисл.), и требуетъ, чтобы на его трудъ смотрѣли именно съ указанной имъ точки зрѣнія. Я такъ именно понимаю его цитату изъ Питрэ, которая такъ только и получаетъ значеніе. Я привожу ее въ переводѣ, за точность котораго отвѣчаетъ авторъ. Питрэ обращается къ критикамъ: „Думаете ли вы, или можетъ ли подумать какой-либо человѣкъ, что будто-бы тѣ, которыхъ вы такъ порицаете, были убѣждены въ томъ, что произвели что-то очень дурное, а не напротивъ, что ихъ произведенія заключаютъ въ себѣ не мало полезнаго и великаго, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ своему времени? *А если у нихъ было такое убѣжденіе, то отчего же вы смотрите на ихъ сочиненія съ другой точки зрѣнія, нежели съ какой они сами смотрѣли на нихъ?* Что-нибудь произведено въ свѣтѣ, теперь или прежде, и вы восклицаете, что тамъ большое количество недостатковъ; конечно и мы въ томъ никогда не сомнѣвались. Но есть ли за этимъ произведеніемъ какая-либо заслуга? Есть ли въ немъ какая-нибудь истина? Толкуется ли тамъ новымъ и живымъ образомъ какая-либо, хотя и старая мысль? Высказывается ли какое-либо новое наблюденіе надъ человѣческимъ сердцемъ? Находится ли тамъ какое-либо прекрасное поэтическое выраженіе? Или, наоборотъ, нѣтъ ли тамъ че-

го-либо вовсе неудачнаго, до такой степени, что оно уже должно считаться образцемъ вообще всякой неудачи въ поэтическомъ отношеніи? Вотъ, что преимущественно насъ занимаетъ, ибо критикъ и историкъ литературы долженъ смотрѣть на вещи такъ, какъ онѣ представляются въ дѣйствительности, и судить о нихъ по ихъ особому роду и степени, на которой онѣ находятся". (стр. 135—6) (?).— Попытаюсь посмотрѣть „на вещи такъ, какъ онѣ находятся въ дѣйствительности". Какъ бы строгъ ни вышелъ нашъ приговоръ, авторъ напередъ приготовилъ себѣ утѣшеніе: „По нашему убѣжденію, говоритъ онъ въ заключеніи своей книги, одна только *посредственность* вовсе лишена внутренняго достоинства, хотя, къ сожалѣнію, *она всегда имѣла и имѣетъ многочисленныхъ приверженцевъ и поклонниковъ*" (стр. 137).

Мы не хотѣли бы, впрочемъ, чтобы нашъ приговоръ надъ г. Левестамомъ падалъ всецѣло и на г. Вейнберга, его собрата по каѳедрѣ. Книжка послѣдняго не приноситъ ничего новаго, въ ней даже не толкуется новымъ и живымъ образомъ ни одна *старая* мысль — мы припоминаемъ только что приведенную цитату г. Левестама. Тѣмъ не менѣе она не безполезна, какъ первый опытъ монографіи о нашихъ народныхъ историческихъ пѣсняхъ. Другое дѣло—диссертація г. Левестама, которому мы желаемъ многочисленныхъ приверженцевъ и поклонниковъ. И г. Вейнбергъ, и г. Левестамъ, очевидно недавно познакомились съ той областью знанія, представителями которой они состоятъ при варшавскомъ университетѣ; понятно, что они еще не успѣли ни овладѣть методомъ изслѣдованія, ни познакомиться порядкомъ съ литературой предмета. Юные научнымъ опытомъ, они поминутно сражаются съ вѣтряными мельницами, воображая себѣ небывалаго противника, несущаго чепуху: противъ него они открываютъ компанію, которая обыкновенно кончается счастливо для нихъ, потому что ничего нѣтъ легче, какъ создать себѣ противника по плечу. Иногда имъ случается дѣлать открытія, давно уже сдѣланныя, высказывать съ глубокомысленнымъ видомъ истины, ставшія аксіомами, и вмѣстѣ съ тѣмъ не знать вещей, достаточно извѣстныхъ любому студенту-филологу. Разница въ томъ, что г. Вейнбергъ открываетъ во второй разъ Америку съ очень наивнымъ и отчасти скромнымъ видомъ; между тѣмъ какъ г. Левестамъ далекъ отъ наивности и идетъ смѣло впередъ, ссылаясь на обслѣдованныя имъ сокровища берлинской и копенгагенской библіотекъ. Говоря объ эпическихъ поэмахъ скальдовъ (собственно о старшей Эддѣ) онъ съ видомъ знатока дѣлитъ ихъ на миѳическія, героическія и историческія (47—8); если припомнить его „*совсѣмъ миѳическаго*" Фроде, „*полумиѳическаго*" Рольфа Краке и „*миѳическо-историческаго*" Рогнара Ліодброка (sic стр. 89), то это дѣленіе можно бы усложнить до невиданной тонко-

сти отличій. Г. Вейнбергъ также пытается отличить въ нашихъ пѣсняхъ миѳическія отъ историческихъ (стр. 1 и далѣе), иначе, историческую пѣснь отъ чисто-эпической (стр. 75), богатырскій эпосъ отъ эпоса историческаго (стр. 79). Но это отличіе либо онъ самъ себѣ представляетъ неясно, либо оно у него неясно выражено. Онъ только что высказалъ его, какъ беретъ свое слово назадъ: „Русская былина, говоритъ онъ, несмотря на свою *чисто-миѳическую основу* и не менѣе миѳическія подробности, не можетъ быть рѣзко отдѣлена отъ *исторической* пѣсни, не можетъ быть признаваема за нѣчто, не имѣющее родства съ этою послѣдней,—потому что почти въ каждой изъ этихъ былинъ ясно видно пріуроченье къ извѣстнымъ *историческимъ* мѣстностямъ и событіямъ. Многіе изъ богатырей, дѣйствующихъ въ нашихъ былинахъ, дѣйствительно существовали; многія событія дѣйствительно совершались, если не въ такомъ видѣ, какое придаетъ имъ фантазія автора-народа, то все-таки съ нѣкоторымъ сходствомъ въ извѣстныхъ подробностяхъ. Но исторія стоитъ тутъ на второмъ мѣстѣ; историческій фактъ служитъ какъ бы дополненіемъ или, вѣрнѣе сказать, едва замѣтною рамкою, въ которую вставляются образы, не имѣющіе ни малѣйшаго отношенія къ дѣйствительности. Пѣсня историческая построена уже на чисто-исторической основѣ“ и т. д. (стр. 1 и сл). Только что передъ этимъ авторъ началъ свой трудъ словами: „Пѣснями объ Иванѣ Грозномъ начинается въ руской народной словесности рядъ тѣхъ пѣсенъ, которыя могутъ быть названы *историческими* въ строгомъ значеніи этого слова“ (стр. 1); а еще выше (стр. IV предисл.) онъ повторилъ то же въ еще болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ. Но и это положеніе авторъ спѣшитъ ограничить слѣдующимъ образомъ: „Говоря, что пѣснями объ Иванѣ Грозномъ *начинается* въ русской народной словесности отдѣлъ чисто-исторической поэзіи, мы имѣемъ въ виду не то, что́ дѣйствительно было, а то, что́ дошло до насъ изъ этой поэзіи; что́ касается до дѣйствительности бывшаго, создававшагося въ этой области, то мы считаемъ невозможнымъ предположить, чтобы творчество историческое было чуждо народу до временъ Ивана, чтобы только съ этихъ поръ оно создалось какимъ-то крутымъ поворотомъ отъ эпоса былиннаго“ (стр. 2).

И въ самомъ дѣлѣ: „если напр. такое отдаленное время, какъ княженіе Олега, не осталось чуждымъ для народнаго творчества, занесшаго, хотя въ сильно затемненномъ видѣ, нѣкоторыя подробности этого княженія въ былину о Вольгѣ,—то не могло это творчество съ равнодушіемъ пройти мимо другихъ, позднѣйшихъ событій, когда историческая жизнь народа развилась уже гораздо полнѣе и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ событіяхъ и лицахъ, игравшихъ въ нихъ болѣе или менѣе важную роль, было много такого, что давало обильную пищу поэтическому творчеству. Не могли остаться чуждыми для

этого послѣдняго удѣльныя междоусобія, полный истиннаго, чисто-народнаго трагизма, татарское нашествіе, собираніе русской земли Иваномъ Калитою, княженіе Ивана III съ такими событіями, какъ паденіе Великаго Новгорода, уничтоженіе татарскаго владычества, и т. п.“ (стр.2—3). Авторъ напрасно не припомнилъ при этомъ случаѣ историческое пріуроченіе нашихъ былинъ къ именамъ, напр., Владиміра и Добрыни. Историческая струя протягивается такимъ образомъ далеко назадъ въ самую глубь миѳическаго эпоса; если въ послѣднемъ она менѣе ощутительна *для насъ*, то это объясняется просто тѣмъ, что эти былины дольше жили въ народѣ и болѣе исказились отъ пересказовъ, отчего иное историческое указаніе стало общимъ мѣстомъ и могло безразлично переходить изъ одной былины, гдѣ оно имѣло фактическій смыслъ, въ другую, гдѣ ему и быть не слѣдовало. Наконецъ, время Владиміра и до-Владимірское отъ насъ такъ далеко, памятники его настолько бѣдны, что иной, можетъ быть, очень реальный историческій намекъ, заключающійся въ той или другой былинѣ этого цикла, поневолѣ ускользаетъ отъ насъ, мы не въ состояніи его провѣрить, и выносимъ изъ чтенія какое-то смутное впечатлѣніе, которое отличаемъ названіемъ *миѳическаго* въ противоположность съ *кажущеюся* историческою ясностью послѣдующихъ пѣсенъ. Но дѣло въ томъ, что если бы, напр., пѣсни о Грозномъ, болѣе близкія къ намъ, прожили въ народѣ еще лѣтъ 200—300 при тѣхъ условіяхъ, при какихъ существовали владиміровскія былины, т.-е. при отсутствіи грамотности, быстрыхъ сообщеній и фабричнаго вліянія; еслибы притомъ наша развивающаяся историческая наука при богатствѣ памятниковъ, относящихся до XVI-го в., не давала намъ съ каждымъ днемъ больше возможности раскрыть историческую суть этихъ пѣсенъ—онѣ поразили бы насъ лѣтъ черезъ 200 такою же загадочностью своего содержанія, какою поражаютъ теперь былины о Владимірѣ и его богатыряхъ. Тутъ, стало быть, разница во времени, а не въ существенномъ отличіи былины отъ исторической пѣсни.

Я только что назвалъ историческую опредѣленность пѣсенъ объ Иванѣ Грозномъ *кажущеюся*. Доказательство тому представитъ самъ авторъ. На стр. 12—48 онъ собралъ „всѣ отдѣльные эпизоды и событія, воспѣваемыя этими пѣснями“, излагая ихъ общими сводами всѣхъ варіантовъ и т. п. (стр. 11). Оказывается, что только въ третьемъ и четвертомъ эпизодахъ, о взятіи Казани и покореніи Сибири (35 — 44), есть историческія черты. Что до перваго (стр. 12 — 21: женитьба Ивана Грознаго и единоборство Кастрюка), то въ немъ ничего нѣтъ историческаго: въ Кастрюкѣ „весьма ясно сквозитъ миѳическая основа, близко роднящая этотъ эпизодъ съ героическимъ эпосомъ. Кастрюкъ—богатырь, со всѣми аттрибутами и признаками эпическаго богатырства“ (15); его единоборство служитъ „видоизмѣ-

неніемъ борьбы русскихъ силъ съ татарскими" (110); „вся пѣсня объ единоборствѣ Кастрюка есть нечто иное, какъ позднѣйшій отголосокъ пѣсенъ о татарщинѣ" (132). Тоже самое можно сказать и о второмъ эпизодѣ (21—34: покушеніе на жизнь сына): самъ авторъ вынужденъ былъ позднѣе признать (51), что онъ „находится съ дѣйствительнымъ историческимъ фактомъ только въ отдаленной связи, какъ-бы вызванъ воспоминаніемъ о немъ". „Никита Романовичъ, одинъ изъ любимыхъ героевъ народнаго эпоса" (стр. 27) спасающій царевича въ указанномъ эпизодѣ,—„человѣкъ обладающій богатырскими, сверхъестественными свойствами" (78); его трудно уложить въ историческую мѣрку, такъ что самъ авторъ колеблется. Трудно рѣшить, говоритъ онъ, историческій ли это Никита зашелъ въ былину о Добрынѣ, гдѣ онъ является его отцемъ, или существуетъ онъ въ ней самъ по себѣ? (ib.). „Въ лѣтописяхъ имя его почти не упоминается; по крайней мѣрѣ, онъ не играетъ въ событіяхъ никакой, особо выдающейся, роли. Въ пѣсняхъ, какъ мы видѣли, онъ любимый народный герой. Такимъ образомъ, пѣсня дополняетъ лѣтопись(?), сообщая ея указаніе на характеръ Никиты (!) и на *популярность*, которою онъ пользовался" (121 — 122). Изъ всего этого заключенія можно выбрать развѣ одно положеніе: *о популярности* Никиты Романовича—но эта именно популярность и была причиной, что на него были перенесены „богатырскія, сверхъестественныя свойства" какого-нибудь старшаго богатыря, и въ этомъ смыслѣ едва ли можно сказать, что здѣсь пѣсня восполняетъ лѣтопись.—Наконецъ въ пятомъ эпизодѣ (44—48: осада Пскова, походъ къ Серпухову и проклятіе Вологдѣ) „пѣсня о походѣ къ Серпухову не имѣетъ значенія ни въ историческомъ, ни въ литературномъ отношеніи и представляется какимъ-то, довольно непонятнымъ, отрывкомъ" (45). Если, тѣмъ не менѣе, по мнѣнію автора, всѣ эти пѣсни могутъ быть отнесены въ разрядъ историческихъ, то почему бы не отнести туда же и пѣсню „съ совершенно сказочнымъ характеромъ, помѣщенную въ III-мъ томѣ Рыбниковскаго сборника: о царствѣ подсолнечномъ, царѣ Иванѣ Васильевичѣ и царевичѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ (стр. 75 — 6), или „прозаическій и чисто легендарнаго свойства разсказъ „отчего на Руси завелась измѣна", въ которомъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ является Иванъ Грозный" (стр. 9)—хотя содержаніе его заимствовано изъ Палеи.

Въ концѣ своего изслѣдованія г. Вейнбергъ пытается выяснить по пѣснямъ, „какъ отнесся народъ къ самой личности царя, какъ отпечатлѣлась въ народномъ творчествѣ эта, во всякомъ случаѣ, необыкновенная фигура" (стр. 127). Какъ ни бѣдны историческими фактами относящіяся сюда пѣсни, попытка автора весьма понятна: вѣдь отъ пѣсни нельзя и ожидать, чтобы она съ точностью сохранила именно факты; она передаетъ обыкновенно лишь впечатлѣніе, про-

изведенное ими на современниковъ, тотъ идеальный образъ, которымъ извѣстное происшествіе или героическая личность отразились въ народномъ сознаніи. Вотъ это-то впечатлѣніе и хочетъ схватить г. Вейнбергъ, самъ не сознавая того, что онъ едва-ли вправѣ сдѣлать это, оставаясь при своемъ исключительномъ взглядѣ на значеніе эпическаго творчества. Это внутреннее противорѣчіе между основной точкой зрѣнія и послѣдними выводами раскроется изъ слѣдующаго. Мы видѣли, что историческія указанія можно услѣдить въ былинахъ богатырскаго цикла задолго до того времени, когда съ пѣснями объ Иванѣ вышла на свѣтъ пѣснь историческая. Наоборотъ, миѳическій эпосъ проникаетъ въ эту послѣднюю, пріемами и выраженіями, обусловливая ея складъ, вводя въ нее свои любимые образы, къ которымъ историческія имена пріурочиваются чисто внѣшнимъ образомъ. Пиры Владиміра съ неизмѣнной похвальбой богатырей повторяются въ пирахъ Грознаго, „самый процессъ единоборства Кастрюка весьма сходенъ въ главныхъ подробностяхъ съ единоборствомъ богатырскаго эпоса“ (68). Дальнѣйшихъ примѣровъ подобнаго согласія или совпаденія я приводить не буду: это—черта слишкомъ хорошо извѣстная всякому, кто только заглядывалъ въ какой-нибудь сборникъ народныхъ эпическихъ пѣсенъ—и я, признаюсь, не понимаю, почему г. Вейнбергъ счелъ нужнымъ посвятить этому предмету стр. 60—74 своего изслѣдованія. Для насъ важнѣе результаты, къ которымъ привело его такое изученіе: „*Вопреки восторженнымъ поклонникамъ народнаго творчества* (какимъ?), мы не можемъ не видѣть въ вышеуказанномъ близкомъ сродствѣ (былиннаго эпоса съ историческимъ) извѣстной слабости этого творчества, или, по крайней мѣрѣ, значительнаго ослабленія его по мѣрѣ того, какъ жизнь народа все болѣе и болѣе подвигается впередъ. Мы видѣли, какъ событія, совершенно другъ отъ друга особыя, отдѣленныя одно отъ другого нѣсколькими столѣтіями, передаются *въ совершенно одинаковыхъ выраженіяхъ, рисуются совершенно одинаковыми образами, красками, изображаются съ совершенно одинаковыми подробностями.* Мы понимаемъ что можно... усматривать внутреннюю связь, или вѣрнѣе, внутреннее сродство между этими событіями... но творчество состоитъ не только въ угадываніи этого внутренняго смысла предмета, дающаго ему пищу; форма, въ которую облекается мысль, чувство, составляетъ важный, существенный элементъ творчества—и чѣмъ слабѣе это послѣднее, тѣмъ слабѣе первая. *Если бы писатель, усматривая внутреннее средство между двумя совершенно разнородными событіями, изобразилъ ихъ совершенно одинаковымъ образомъ, повторилъ-бы во второй разъ все то, что дали ему въ первый разъ его фантазія, его поэтическое чутье—всякій считалъ-бы себя въ правѣ упрекнуть этого писателя въ недостаткѣ творчества или въ ослабленіи его. Народъ, творящій пѣсни—тотъ же писатель,—съ тою*

только разницей, что его нельзя подводить во всѣхъ отношеніяхъ подъ одинаковыя условія съ единоличнымъ авторомъ-художникомъ; если его творчество, въ смыслѣ соединенія внутренняго смысла съ внѣшнимъ выраженіемъ, останавливается на извѣстномъ пунктѣ и только пользуется готовымъ матеріаломъ, — мы имѣемъ положительное право сказать, что пора этого творчества миновала или близится къ концу... Чѣмъ далѣе подвигаемся мы, тѣмъ чаще заимствованія и повторенія, и, слѣдовательно, тѣмъ слабѣе *творческое* начало. Безъ большой натяжки, безъ упорно-предвзятой мысли невозможно усмотрѣть въ этихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ присутствіе многихъ *новыхъ* существенныхъ чертъ, такъ что, *прочтя, напримѣръ, описаніе одной какой-нибудь битвы, одного какого-нибудь лица, вы почти увѣрены, что встрѣтите то же самое въ описаніи другой битвы и другого лица, хотя бы совершенно различныхъ отъ первыхъ*. Есть пѣсня о поѣздкѣ Петра въ Стокгольмъ, ... въ ней царь ѣдетъ на тридцати корабляхъ, изъ которыхъ первый летитъ какъ соколъ, и изукрашенъ особеннымъ образомъ, — ѣдетъ и приказываетъ матросамъ посмотрѣть „во трубочки подзорныя", чтобы узнать „далеко-ли до Стекольнова" (Стокгольма)? И тутъ же напечатана совершенно такая же пѣсня, почти буквально такая же, только вмѣсто тридцати кораблей— тридцать три, а вмѣсто Петра на первомъ кораблѣ сидитъ императоръ Александръ Павловичъ. Спрашиваемъ, въ какой мѣрѣ такіе пріемы—а ихъ не мало — свидѣтельствуютъ о силѣ народнаго творчества?—Или, напримѣръ, безусловно - восторженные поклонники народной поэзіи восхищаются тѣмъ, что въ пѣсни о Петрѣ перешли во всей неприкосновенности нѣкоторыя мѣста слова о полку Игоревѣ; *въ чемъ-же тутъ творчество?* Всѣ эти заимствованія, сближенія и т. п. любопытны и, во многихъ случаяхъ, важны какъ *характеристика взгляда народа на то или другое событіе, тотъ или другой предметъ,—но они не только не могутъ свидѣтельствовать въ пользу силы народнаго творчества, а еще напротивъ того, говорятъ противъ него*" (113—115).

Изъ всего этого мы заключаемъ слѣдующее:

Пѣсни объ Иванѣ Грозномъ—и историческія и не историческія. Выше мы видѣли, что ихъ фактическая достовѣрность совсѣмъ слаба, теперь мы узнаемъ, что и поэтическая недостовѣрна, потому что кто-же поручится, что всѣ эти единоборства и похвальбы и описаніе казни не перенесены изъ какой-нибудь древней пѣсни по памяти или забывчивости? А отъ этого могло выходить то, что краски накладывались иногда слабѣе, иногда рѣзче, чѣмъ было надо для выраженія дѣйствительности, потому что эпическое описаніе было разъ навсегда готово. Съ такими матеріалами едва ли возможно выяснить себѣ

изъ пѣсни даже „характеристику взгляда народа на то или другое событіе, тотъ или другой предметъ“.

Что до взгляда автора на народное творчество, то оно обличаетъ весьма слабое знакомство съ положеніемъ этого вопроса въ наукѣ. Я сошлюсь только на его сопоставленіе народнаго творчества съ единоличнымъ; онъ повидимому неясно представляетъ себѣ, какая существенная разница между тѣмъ и другимъ. Однажды онъ попытался указать на эту разницу: народъ,—говоритъ онъ,—нельзя подводить во всѣхъ отношеніяхъ подъ одинаковыя условія съ единоличнымъ авторомъ — и только; какія это отношенія — это и требуется опредѣлить. То, что говорится о бѣдности русскаго эпическаго творчества, можно бы повторить о всякомъ эпосѣ вообще; это не бѣдность, а его существенная черта: авторъ и здѣсь не могъ отказаться отъ точки зрѣнія личнаго поэта, къ которому приложимы совсѣмъ иныя требованія. Необходимо помнить, что когда у народа сложилась впервые эпическая поэзія, это доказываетъ, что *извѣстныя* событія, *извѣстныя* формы дѣйствительности произвели на него особенно глубокое впечатлѣніе, оставили въ его сознаніи *извѣстные* идеалы—„если это слово, можетъ быть здѣсь у мѣста“, спрашиваетъ себя авторъ (112),—въ его фантазіи извѣстные образы, которые отражаются въ его поэзіи столь же опредѣленными выраженіями, какъ первичныя впечатлѣнія въ постоянной формѣ слова. Его міросозерцаніе сложилось въ своихъ основныхъ чертахъ: всякій дальнѣйшій опытъ на историческомъ пути, всякое впечатлѣніе, какое народъ воспринимаетъ позже, будетъ считаться съ основными типами этого міросозерцанія. Оттого народъ и не поетъ о многомъ, что представляется намъ наиболѣе замѣчательнымъ въ его исторіи — и нечего было г. Вейнбергу приходить въ смущеніе (50—58) и объяснять себѣ различными неправдами, почему это народъ не воспѣлъ ни правленіе Елены Глинской съ страшными боярскими смутами и казнями, ни дикія забавы юнаго царя и т. п., и наоборотъ, воспѣлъ многое такое, что кажется намъ лишеннымъ всякаго значенія. На этотъ разъ народъ нашелъ именно то, что приходилось ему именно по сердцу: богатырей подъ стать тѣмъ, которыхъ онъ воспѣвалъ въ былые дни, приключенія и происшествія, напоминавшія ему другія, уже опоэтизированныя былиной. Онъ на нихъ и останавливался: новыя лица и событія укладывались сами собою въ готовую рамку, приравниваясь къ своимъ двойникамъ. Это въ цѣломъ; но то же происходитъ и въ частностяхъ: оттого и Иванъ Грозный пируетъ по старинному и какъ Владиміръ, расхаживая „черныя кудри разчесываетъ частымъ гребешкомъ“. Вмѣстѣ съ образами прировнялись другъ къ другу и выраженія и цѣлые эпическіе обороты. Такимъ образомъ, между миѳическимъ эпосомъ и историческимъ не представляется никакой существенной

грани: разница не существуетъ ни объективно, ни для народнаго сознанія, а только субъективно для насъ, которымъ время Ивана Грознаго и ближе и понятнѣе эпохи, которую мы продолжаемъ называть миѳической.

Мысли, подобныя высказаннымъ, можно найти и у г. Вейнберга, но онъ едва ли достаточно выяснилъ ихъ себѣ, какъ не выяснилъ отношеній миѳическаго эпоса къ историческому. Онъ понимаетъ ихъ какъ-то механически. Появленіе въ богатырскомъ эпосѣ самого Грознаго и Никиты Романовича, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 79—80), „*не смотря на нѣкоторыя, такъ сказать внутреннія причины*.... все-таки въ большей степени *случайное*, — послѣдствіе случайнаго совпаденія именъ". Еще характернѣе выраженъ этотъ механическій взглядъ въ слѣдующихъ строкахъ. Онѣ касаются отношеній исторической пѣсни къ ея легендарнымъ искаженіямъ. „На близкихъ современниковъ даннаго событія, это послѣднее дѣйствуетъ не такъ обаятельно-поэтически, какъ на поколѣнія послѣдующія; чѣмъ далѣе событіе, имѣющее героическій характеръ, отодвигается въ область прошедшаго, тѣмъ легендарнѣе становится оно въ глазахъ народа. Историческая пѣсня слагается по горячимъ слѣдамъ событія; поэтому въ нее прежде всего заносится самый *фактъ; чѣмъ далѣе отодвигается событіе, чѣмъ болѣе разносится пѣсня, тѣмъ обильнѣе украшаетъ она первый текстъ цвѣтами фантазіи*" (84). Въ примѣръ приводится пѣсня, записанная раньше 1688 г., гдѣ исторія воцаренія Гришки Отрепьева разсказана безъ всякихъ фантастическихъ подробностей и, напротивъ, совершенно вѣрно въ историческомъ отношеніи—и рядомъ другая пѣсня, гдѣ то же самое событіе обставлено уже нѣсколько иначе: Марина обертывается сорокою и вылетаетъ вонъ изъ дворца (84—5). Такимъ образомъ, собственно поэтическая, легендарная часть пѣсни является продуктомъ забвенія или искаженія. Это, можетъ быть, и вѣрно въ извѣстныхъ случаяхъ; но неужели автора не остановила и другая часть вопроса, имъ поднятаго: если народная фантазія дѣйствуетъ такимъ образомъ на фактъ, который авторъ предполагаетъ уже воспринятымъ, то, вѣдь, та же фантазія, богатая образами и поэтическимъ прошлымъ, и восприняла его впервые сквозь свою призму, приравнивавшую новыя воспріятія къ старымъ. Такимъ образомъ, легендарное искаженіе факта должно было совершаться на первыхъ же порахъ, если удержать фразеологію автора. Но на наши глаза цѣнность исторической пѣсни и не измѣряется ея вѣрностью лѣтописной дѣйствительности, а именно ея искаженіемъ въ смыслѣ тѣхъ вѣковыхъ идеаловъ, которые задолго передъ тѣмъ овладѣли сознаніемъ народа. Они—мѣрка для всего новаго, прибывающаго въ жизни; новое содержаніе примыкаетъ къ нимъ по естественному подбору. Это одна изъ существенныхъ сторонъ эпоса, объ-

ясняющая намъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отличія народныхъ эпическихъ стилей, русскаго отъ нѣмецкаго, испанскаго и т. д.

Если г. Вейнбергъ не думаетъ остановиться на своемъ трудѣ и будетъ продолжать свои изслѣдованія о русскихъ историческихъ пѣсняхъ, мы пожелаемъ ему предварительно ближайшаго знакомства съ состояніемъ этого вопроса въ наукѣ: съ разработкой средневѣковаго эпоса на Западѣ, съ задачами народной психологіи. Г-ну Левестаму мы не желаемъ ничего подобнаго, хотя самъ онъ обѣщаетъ намъ въ будущемъ новое сочиненіе о слогѣ и внутреннихъ качествахъ, характеризующихъ произведенія поэзіи скальдовъ (стр. 27). И на настоящей его книжкѣ я остановлюсь единственно настолько, насколько надо будетъ, чтобы предупредить русскаго читателя, который, при бѣдности русской литературы именно по этому вопросу, легко можетъ обратиться за справкою къ диссертаціи г. Левестама. Въ самомъ дѣлѣ: нашъ русскій эпосъ настоятельно сравнивали съ Эддой, русскую миѳологію съ древне-сѣверною; у насъ есть даже цѣлая партія норманнистовъ, готовыхъ въ огонь и воду за варяжское происхожденіе Руси — между тѣмъ въ литературѣ у насъ не явилось ни одного сколько-нибудь виднаго труда ни по исторіи, ни по языку скандинавскаго Сѣвера; иные изъ нашихъ норманнистовъ его вовсе и не знаютъ, что̀ ихъ, кажется, ничуть не безпокоитъ. Хорошее изслѣдованіе о древне-сѣверной поэзіи было бы въ такихъ обстоятельствахъ какъ нельзя болѣе кстати. Къ сожалѣнію, диссертація варшавскаго профессора не только не можетъ восполнить этого пробѣла, ее нельзя отнести даже къ числу сносныхъ компиляцій. Нечего было посѣщать библіотеки берлинскую и копенгагенскую, чтобы написать нѣчто такое, послѣ чего статья любого нѣмецкаго Conversationslexicon'а, и даже залежавшаяся, должна показаться зерцаломъ мудрости. Мы указываемъ для начала на перечень сочиненій, представившихъ матеріалъ для изслѣдованія. Такой перечень можно было составить развѣ изъ охоты самообличенія. Авторъ положительно незнакомъ съ современнымъ состояніемъ своей науки, и если въ его роспись забѣжала иная книжка поновѣе, то это надо приписать чисто случайности. Съ трудами Dietrich'а, Möbius'а и Maurer'а онъ незнакомъ; Müller'а, автора извѣстной Sagabibliothek, онъ называетъ Paulus Erasmus вмѣсто Petrus E.; онъ цитуетъ Möbius, Catalogus librorum islandicorum (не islandorum) et norvegicorum (не norvegiensium) aetatis mediae—и не знаетъ ни его изданія Эдды, ни послѣдняго изданія Sophus Bugge (Christiania 1867 г.); указываетъ на Lexicon poëticum linguae septentrionalis Jon'а Sigurdsson'а, изданный въ прошломъ столѣтіи (Stockholm, 1716)—какъ будто изученіе языка на немъ и остановилось. А словари Эгильсона, Йонсона, Fritzner'а, Möbius'а, Cleasby и Vigfusson'а? Но я подозрѣваю вѣрность самой цитаты: Ion Sigurds-

son еще живъ, какъ сообщаетъ мнѣ письменно проф. Либрехтъ, и 1716 г. едва ли не опечатка, исправно повторенная и въ кіевскомъ изданіи. Не идетъ ли дѣло о какомъ-нибудь другомъ Сигурдсонѣ? Или авторъ не имѣлъ ли въ виду извѣстнаго словаря Björn'a Haldorsson'a, явившагося впрочемъ не въ 1816, а въ 1814 г.? Какъ нецеремонно онъ вообще обходится съ цитатами доказываетъ между прочимъ его наивный промахъ на стр. 50, прим. 70. Въ какой-нибудь книжкѣ ему довелось прочесть ссылку на *Rafn, Ant. Am.* т.-е. Antiquitates Americanae. Но этого изданія онъ никогда не видѣлъ, потому что развиваетъ сокращенный титулъ такимъ образомъ: *Anthologia Armoricana!* Такой книги никогда не существовало. Въ числѣ его источниковъ помѣщенъ: Mone, Geschichte des Heidentshums im nördlichen Europa — и нѣтъ миѳологіи Петерсена. Немудрено послѣ этого, что авторъ даже не задавалъ себѣ вопроса, который интересуетъ всѣхъ, занимающихся этимъ дѣломъ на Западѣ: какой собственно области принадлежитъ языкъ, которымъ написаны поэтическія произведенія древне-германскаго Сѣвера? Назвать ли его древне-сѣвернымъ или древне-норвежскимъ, или же исландскимъ? Какой области принадлежитъ по преимуществу создавшаяся на немъ литература? Maurer задалъ себѣ этотъ вопросъ въ разсужденіи: Ueber die Ausdrücke altnordische, altnorwegische und isländische Sprache, и еще недавно вернулся къ нему съ литературной стороны въ статьѣ, помѣщенной въ Zeitschrift für deutsche Philologie, 1869 (I, 22—28) по поводу собранныхъ сочиненій Кейзера. Г-ну Левестаму это затрудненіе показалось, вѣроятно, несущественнымъ; онъ обходится съ нимъ также нецеремонно, какъ съ заглавіемъ своего труда. Намъ обѣщаютъ историческій очеркъ древне-скандинавской поэзіи *скальдовъ*, — а почти половина сочиненія занята разборомъ старшей и младшей Эдды. Подъ поэзіей скальдовъ мы привыкли разумѣть нѣчто болѣе опредѣленное. Но это куда ни шло; съ чѣмъ мы не можемъ помириться, такъ это съ тѣмъ, что разборъ пѣсенъ Эдды вышелъ такъ безцвѣтенъ, такъ дѣтски-простъ— что не мѣшаетъ автору, утомившему васъ своей постной прозой, утверждать всякій разъ, что онъ извлекъ для васъ самые дивные цвѣты поэзіи. Вотъ, напр., какъ передается содержаніе пѣсни о Гельги Гундингсбани: „Сигмундъ, сынъ Вэльсунга, женится на Борггильдѣ, съ которою онъ имѣетъ двухъ сыновей, Гельга и Гамунда. При рожденіи Гельга присутствуютъ Норны. Гельгъ отправляется на войну, убиваетъ Гундинга и встрѣчается съ его невѣстою, валькиріею Сигруною. Она насильственно обручена съ Годброддомъ, но отыскиваетъ Гельга, который убиваетъ Годбродда и женится на ней. Однакожъ во время сраженія Гельгъ убилъ также братьевъ и друзей Сигруны, изъ которыхъ остался въ живыхъ одинъ Дагъ; богъ Одинъ даетъ ему свое копье, которымъ Дагъ и убиваетъ Гельга. Умершій Гельгъ воз-

вращается къ холму, гдѣ опять встрѣчается съ Сигруною. *Это одно изъ самыхъ превосходнѣйшихъ изображеній* (!) стр. 66—7.

Чтобы убѣдить насъ въ этомъ, автору слѣдовало бы не столько извлекать содержаніе Эдды, сколько постараться перевести изъ нея возможно болѣе характерныхъ отрывковъ. Вѣдь говорить же онъ о себѣ, что изучилъ древне-скандинавскій языкъ (III предисл.). Близкое знакомство съ его книжкой убѣдило меня, впрочемъ, что онъ даже не усвоилъ себѣ содержаніе Эдды, хотя бы въ переводѣ, а языка и вовсе не знаетъ. На стр. 83—4 онъ передаетъ въ нѣсколькихъ строкахъ сюжетъ Ригсмаля; но онъ остался для него настолько неясенъ, что названіе людей—дѣтьми Геймдалля, вполнѣ объяснимое изъ этой саги, прошло для него незамѣченнымъ. Замѣть онъ его, онъ избѣжалъ бы какъ-нибудь, въ переводѣ первой строфы Вёлюспы (стр. 51), оплошности, которая такъ блистательно доказываетъ незнаніе имъ грамматики того языка, литературу котораго онъ изучаетъ. Онъ переводитъ:

> Молчите (восклицаетъ пророчица); слушайте всѣ,
> Дѣти святаго рода,
> Большія и малыя!
> *Я дочь Геймдалля.*

Пророчица Вола стала такимъ образомъ дочерью Геймдалля и съ этимъ родствомъ перешла даже въ текстъ (50). Но *mögu Heimdallar* значитъ только: *дѣти Геймдалля*, т.-е. люди, къ которымъ и обращено прорицаніе Волы. *Mögu*—вин. пад. мн. числа отъ *mögr*—filius, им. множ. числ. *megir*. Что Вола считалась дочерью Геймдалля — этотъ фактъ долженъ быть всецѣло отнесенъ на счетъ фантазіи г. Левестама. Ученый мужъ, который вздумалъ бы такъ именно перевести приведенный стихъ Вёлюспы, самъ себѣ сломаетъ шею, пишетъ мнѣ проф. Симрокъ, къ которому я обратился съ вопросомъ по поводу этого неожиданнаго открытія—такъ какъ въ настоящее время у меня нѣтъ подъ руками ни текста Эдды, ни словаря. Вотъ между прочимъ переводъ Симрока:

> Allen Edeln
> Gebiet ich Andacht,
> Hohen und Niedern
> *Von Heimdalls Geschlecht.*

Стóитъ впрочемъ присмотрѣться къ транскрипціи сѣверныхъ именъ въ книжкѣ г. Левестама, чтобы убѣдиться въ незнаніи имъ языка, о которомъ онъ трактуетъ. Онъ постоянно связанъ своими источниками латинскими или датскими, какіе случатся. Такъ, онъ пишетъ: Ринго вм. Рингъ, Льоке вм. Локи; Нарфе, Скаде, Браге, Гране, Гельге вм. Нарфи и т. д. Эгеръ, Скирнеръ вм. Эгиръ, Скирниръ—Старкоддеръ и т.д. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ позволяетъ себѣ краснорѣчиво распространяться

объ особенностяхъ древне-сѣвернаго языка и его поэтической выразительности. Приведу одинъ примѣръ изъ нѣсколькихъ. „Древне-скандинавское нарѣчіе, пишетъ онъ на стр. 121—2, само весьма способствовало поэзіи, такъ какъ оно изобиловало естественными (?) звуками, и твердость его удачно смягчалась благозвучною смѣсью тоновъ. Сильно звучащія гласныя буквы смѣняются въ немъ такъ, что ни одна не заглушаетъ другой, при чемъ соединяются въ перемежающійся рядъ двугласныхъ, или же связываются съ полугласными, отчего происходитъ извѣстное переломленіе звуковъ (ia-e). Такимъ образомъ, поэтъ можетъ пользоваться полною свободою въ выборѣ нѣсколькихъ однозначащихъ словъ. Правда, что система согласныхъ буквъ сама по себѣ тверда, но если поэтъ захочетъ, то можетъ её смягчить съ помощію плавныхъ буквъ. Почти для каждаго понятія имѣется по нѣсколько словъ съ твердыми, мягкими или плавными согласными буквами. Сверхъ того поэтъ можетъ прибавлять нѣкоторыя согласныя буквы или пропускать, или же наконецъ замѣнять ихъ подходящими. Древне-скандинавскій языкъ легко допускаетъ подобныя измѣненія. При томъ грамматическія формы его совершенно полныя и у нѣкоторыхъ изъ нихъ есть даже двоякое выраженіе. При огромномъ богатствѣ словъ, синтаксисъ свободенъ и, можетъ быть, болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, древнемъ нарѣчіи. Такъ какъ это языкъ первоначальный (!), то въ немъ находятся самыя древнія, краткія и сильныя слова, составляющія ядро или основу вообще языка" (?!).

Опираясь на такую филологическую мудрость, не предполагающую впрочемъ особаго знанія грамматики, г. Левестамъ не прочь и отъ этимологій. Такъ мы узнаемъ отъ него по поводу разбора Вêлюндарквиды, что *Völundr*, *Veland*, *Wieland* будетъ по-французски *galant*, отъ чего происходитъ слово *galanterie*. Едва ли. Galant Völundr само по себѣ, а прилагательное *galant* относится къ старо-франц. *gale*—роскошь, украшеніе, увеселеніе, довольство, грація и т. п. Ср. Brachet, Dictionnaire étymologique de la langue a francaise: „*Galant*, participe du verbe *galer*, qui dans notre ancienne langue a le sens de se rejouir; *galer* est d'origine germanique et dérive de l'anglo-saxon *gál* (gai, réjoui).

Впрочемъ, въ Россіи каѳедра общей литературы, которой въ нѣмецкихъ университетахъ ближе всего отвѣчаетъ каѳедра романской и германской филологіи, пока лишена строго-филологическаго характетера, какъ мнѣ кажется, въ ущербъ дѣлу. На нее пріучились смотрѣть какъ на общеобразовательную, да и студенты и профессора слишкомъ мало приготовлены, чтобы отдаться съ пользой спеціально-филологическому изученію предмета. Съ этой точки зрѣнія можно пожалуй оправдать прорухи г. Левестама и даже посмотрѣть сквозь пальцы на его наивную цитату изъ Мезрé (стр. 9). Но за тѣмъ еще

стаются многіе вопросы и подробности, въ которыхъ г. Левестама, акъ *историка литературы*, извинить невозможно. Я уже не говорю о томъ, что распространяясь о піитикѣ скальдовъ, объ ихъ искусствѣ пользоваться риѳмами, о поэтической фразеологіи и метафорахъ кстати: *gungnir* на стр. 130 — не имя слюны бога Одина, а его копья) — онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о такъ-называемой аллитраціи—а вѣдь разбору Эдды, мы видѣли, удѣлена значительная часть его книги. — Въ замѣнъ того мы узнаемъ, что „французскихъ *риѳмованныхъ* (?) эпическихъ поэмъ, относящихся ко времени ранѣе половины XII-го вѣка, вовсе нѣтъ" (стр. 16). А легенда о Св. Алексѣѣ, Chanson de Roland? Развѣ принципъ ассонанса, господствующій въ древнѣйшихъ chansons de geste, не тождественъ съ принципомъ риѳмы, развившимся изъ нихъ позднѣе? Но авторъ уже остановилъ насъ цитатой изъ Герена, гдѣ говорится, что „самая древняя извѣстная поэма этого рода (кромѣ такъ-названныхъ канцонъ), авторомъ которой считается Карлъ ди-Беша (di Rechad) (!) изъ Тура, есть пѣснь о завоеваніи Іерусалима, написанная между 1112 и 1130 г." (ib.). Это также наивно, какъ и свѣдѣніе, что „*менестрели, минестрели* во Франціи, пѣвцы и играющіе на цитрахъ, сами считали себя прямыми наслѣдниками бардовъ со скандинавскаго Сѣвера" (стр. 11)!. Степень незнакомства автора не только съ народной поэзіей,—что было бы необходимо для всякаго занимающагося Эддой — но съ самыми главными фактами литературной исторіи — трудно себѣ представить. Этимъ незнаніемъ я объясняю себѣ, что въ примѣръ стиля précieux, осмѣяннаго Мольеромъ, авторъ не зналъ, откуда лучше подобрать образчикъ, какъ—изъ Ронсара (стр. 133). Но самый краснорѣчивый фактъ я оставилъ для дессерта. Г. Левестамъ открылъ на скандинавскомъ Сѣверѣ—*друидовъ*: „Скальды или скальдры принадлежали къ сословію жрецовъ, которыхъ вообще въ языческой Скандинавіи были три рода. Первый классъ составляли *друиды*, какъ называли ихъ иностранцы, или по-скандинавски *діеры* (Diar) и *дроттенеры;* обязанностью ихъ было исполненіе религіозныхъ обрядовъ и отправленіе суда. Оффиціально они были первыми послѣ королей" (стр. 1 — 2). „Скальды вообще ставились выше вѣщуновъ и по нѣкоторымъ сказаніямъ выше даже самыхъ *друидовъ*" (стр. 5). Итакъ, друиды, которыхъ мы до сихъ поръ искали только у кельтовъ, были извѣстны и на скандинавскомъ Сѣверѣ—и наоборотъ скандинавскіе скальды существовали у кельтовъ. „Если бы достовѣрность пѣсней Оссіана не была слишкомъ сомнительна...., мы могли бы утверждать, что воспѣваемый въ пѣснѣ Фингала знаменитый Сниванъ— скальдъ и Старнъ, король Лохлина (что, по географическимъ указаніямъ въ самой пѣснѣ, должно означать Скандинавію или по крайней мѣрѣ Ютландію), также принадлежалъ къ числу скальдовъ" (стр. 8), что сѣверный

языкъ распространился въ предѣлы съ кельтскимъ населеніемъ — это несомнѣнно. Прежде чѣмъ перейти въ Исландію, норвежскіе выходцы коснулись побережьевъ Ирландіи и Шотландіи, Гебридовъ, Шотландскихъ, Оркнейскихъ и Ферейскихъ острововъ. Иныя скандинавскія имена обличаютъ кельтское происхожденіе, напр. Njall, Konall, Maelkófr (Malcolm). Но все это это еще ничуть не даетъ повода къ отождествленію, къ которому пришелъ авторъ, отыскивая друидовъ на почвѣ Скандинавіи. Его трубные звуки о походахъ въ берлинскую и копенгагенскую библіотеки привели его только къ ломанію стульевъ.

Читателямъ, знающимъ только русскій языкъ и желающимъ познакомиться сколько-нибудь съ содержаніемъ древне-сѣверной поэзіи, мы серьезно совѣтуемъ избѣгать книжки г. Левестама, и ограничиться тѣмъ немногимъ, что они найдутъ у гг. Буслаева, Грановскаго, Полеваго. Изслѣдованіе г. Левестама не только не могло бы быть принято, какъ диссертація на степень доктора, но не было бы одобрено ни въ одномъ университетѣ, какъ кандидатское сочиненіе.

Александръ Веселовскій.

Статистическій Временникъ Россійской Имперіи. Изданіе Центральнаго Статистическаго Комитета мин. внутреннихъ дѣлъ. Серія II-я, выпуски: II, III, IV, V, VI и VII. 7 томовъ. Спб. 1872.

Центральный Статистическій Комитетъ, долго молчавшій, съ прошлаго года сталъ заявлять о своей жизни, начавъ вторую серію своего „Статист. Временника“ выпускомъ первымъ, наполненнымъ таблицами населенія Россіи за 1870-й г. и свѣдѣніями объ экономическомъ состояніи городовъ. Въ этотъ выпускъ вошла статья г. Семенова: „Населенность Европейской Россіи въ зависимости отъ причинъ, обусловливающихъ распредѣленіе населенія Имперіи“, весьма хорошая статья по выводамъ, сдѣланнымъ авторомъ изъ массы таблицъ этого выпуска и по тѣмъ научнымъ даннымъ, которыя онъ положилъ въ основу дѣленія Россіи не по административнымъ единицамъ, а по естественнымъ условіямъ. За изданіемъ этого выпуска насталъ новый промежутокъ, въ теченіе котораго печаталась масса новыхъ изданій, которые и вышли въ послѣдніе два-три мѣсяца, Вдругъ появилось шесть выпусковъ „Статистическаго Временника“. Между трудами этими первое мѣсто безспорно принадлежитъ работѣ г. Безобразова: „Государственные доходы Россіи, ихъ классификація, нынѣшнее состояніе и движеніе (1806—1872)“. Трудъ этотъ явился случайно, или по крайней мѣрѣ ему г. Безобразовъ не придавалъ самостоятельнаго значенія; таблица государственныхъ доходовъ должна была служить только ему самому какъ необходимый матеріалъ для предпринятаго имъ из-

слѣдованія финансовъ Россіи. Выписываемъ изъ его предисловія слѣдующія строки, которыми онъ характеризуетъ трудность своей работы: „Чтобъ сдѣлать систематическое обозрѣніе всѣхъ нынѣшнихъ способовъ покрытія государственныхъ расходовъ Россіи, опредѣлить качество и количество разнородныхъ финансовыхъ силъ, заключающихся въ этихъ способахъ, и узнать наконецъ главныя характеристическія черты нашихъ финансовыхъ источниковъ, въ сравненіи съ другими государствами, нужно было раздѣлить всѣ получаемые государствомъ доходы на такія группы, въ какихъ они никогда не представляются въ оффиціальныхъ документахъ (не только русскихъ, но и иностранныхъ). Поэтому, чтобы получить суммы доходовъ по всѣмъ этимъ группамъ, разложить и соединить для составленія ихъ оффиціальныя цифры, а также чтобы имѣть данныя о многихъ государственныхъ доходахъ, вовсе не показываемыхъ ни въ государственныхъ росписяхъ, ни въ отчетахъ государственнаго контроля (таковы между прочимъ всѣ спеціальные рессурсы разныхъ вѣдомствъ), невозможно было ограничиться этими послѣдними документами, а необходимо было обратиться къ первоначальнымъ ихъ источникамъ, къ смѣтамъ всѣхъ вѣдомствъ и учрежденій, къ разнымъ правительственнымъ работамъ, сюда относящимся, и сверхъ всего этого къ самымъ первымъ рукамъ, т.-е. къ должностнымъ лицамъ, въ распоряженіи которыхъ находятся первоначальные матеріалы публикуемыхъ правительствомъ свѣдѣній; только путемъ такихъ личныхъ (частныхъ) словесныхъ и письменныхъ сношеній съ этими лицами могли мы собрать всѣ нужныя для нашей цѣли и неопубликованныя въ правительственныхъ изданіяхъ данныя, уяснить разныя стороны уже опубликованныхъ матеріаловъ и выполнить нашу задачу, хотя бы въ той недостаточной мѣрѣ, въ какой мы это сдѣлали. Такимъ образомъ, вопреки первоначальной нашей мысли настоящій трудъ получилъ такое обширное развитіе, что мы рѣшились отпечатать прилагаемую таблицу, не ожидая изданія въ свѣтъ упомянутаго выше сочиненія, для котораго она была предназначена, и въ которомъ будутъ сдѣланы изъ нея общіе выводы относительно нынѣшняго положенія финансовыхъ силъ Россіи. Составленіе одной этой таблицы взяло у насъ около двухъ лѣтъ работы". Два года работы надъ одною группировкою государственныхъ доходовъ — это много, это даже черезъ-чуръ много, тѣмъ болѣе, что г. Безобразова не преслѣдовала даже масса цифръ, ибо онъ всѣ выводы свои представилъ въ тысячахъ рублей. Между тѣмъ, къ препятствіямъ и трудностямъ, сопровождавшимъ эту работу, г. Безабразовъ возвращается не однажды, какъ бы стараясь убѣдить читателя, что подобный трудъ требуетъ значительныхъ усилій. Онъ говоритъ: „Оффиціальные финансовые документы и изданія всюду подчинены своимъ правиламъ и преслѣдуютъ свои цѣли, весьма далекія отъ

требованій науки, которая однакоже съ своей стороны стремится нынѣ къ разрѣшенію задачъ, не чуждыхъ къ потребностямъ здравой практики. Большинству читателей, незнакомыхъ съ характеромъ матеріаловъ, которые мы должны были разработать, поставленная нами задача можетъ показаться весьма простою; между тѣмъ она окружена такими препятствіями, что до сихъ поръ не было еще вполнѣ разрѣшена не только у насъ, но даже ни въ одной иностранной литературѣ". Все это справедливо, но лишь въ извѣстной степени. Живописуя трудности, преслѣдовавшія его на каждомъ шагу, г. Безобразовъ упустилъ изъ виду однако матеріалъ, или, лучше сказать, безъ должнаго уваженія отнесся къ одному матеріалу, который въ значительной степени могъ облегчить и, конечно, облегчилъ ему задачу группировки доходовъ не по министерствамъ, а по научнымъ рубрикамъ. Съ одною „Росписью" въ рукахъ и даже съ „Приложеніемъ" къ ней трудности явятся на всякомъ шагу; но „Отчеты государственнаго контроля", эти поистинѣ прекрасные труды, ужъ должны были значительно облегчить работу нашему академику; затѣмъ работа эта могла свестись чисто на механическую съ подробными приходо-расходными „Смѣтами" по разнымъ министерствамъ и департаментамъ. Извѣстно, что государственная роспись слагается изъ смѣтъ разныхъ министерствъ; каждое министерство къ опредѣленному сроку должно представить въ министерство финансовъ и государственный контроль подробную смѣту своихъ расходовъ, мотивируя каждую статью своихъ доходовъ и расходовъ извѣстными законами и высочайшими повелѣніями. Смѣты эти, по необходимости, составляются чрезвычайно подробно и представляютъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для нашихъ финансовъ. И эти смѣты были въ рукахъ у г. Безобразова, ибо безъ нихъ невозможно обойтись въ такой работѣ, какъ классификація доходовъ и расходовъ,

особенности въ классификаціи расходовъ: эта послѣдняя работа, даже съ названными смѣтами передъ глазами, гораздо сложнѣе и затруднительнѣе, чѣмъ работа надъ доходами. Послѣдніе обыкновенно не особенно дробны и при тѣхъ подробныхъ смѣтныхъ мотивахъ, которыми сопровождаются они въ работахъ министерскихъ чиновниковъ, ихъ легко группировать, какъ скоро писатель сдѣлалъ для себя классификацію доходовъ. Ему остается затѣмъ трудъ почти механическій и практикованіе ариѳметическихъ дѣйствій. Подведя итоги, г. Безобразовъ вывелъ процентныя отношенія средняго за пять лѣтъ дохода по каждой рубрикѣ къ итогу государственныхъ доходовъ общихъ и спеціальныхъ за 1871-й г. и процентное же возрастаніе доходовъ или убыли ихъ за пять лѣтъ. Послѣдняя работа если и не особенно трудна, то во всякомъ случаѣ не труднѣе работы, муки которой изобразилъ г. Безобразовъ въ выписанныхъ нами выше строкахъ. Дѣло въ томъ, что спеціальныя смѣты, о которыхъ г. Безобразовъ говоритъ, что они

„весьма далеки отъ требованій науки“, на самомъ дѣлѣ вовсе не такъ далеки отъ нея ужъ потому, что онѣ составляются весьма толково и вразумительно; а это качество чрезвычайно важно для научныхъ цѣлей, потому что оно указываетъ на извѣстную степень обработки матеріала и даетъ возможность брать этотъ матеріалъ цѣликомъ и довѣрчиво. Если онъ далекъ отъ научныхъ цѣлей, то лишь настолько, насколько далеко отъ нихъ иногда случайное распредѣленіе народнаго хозяйства между многоразличными вѣдомствами; но во всякомъ случаѣ онъ гораздо ближе къ нимъ, къ этимъ научнымъ цѣлямъ, чѣмъ любой матеріалъ, которымъ пользуется, напр., историкъ. Послѣднему приходится опредѣлить качество и происхожденіе каждаго матеріала, его исторію, тѣ условія, подъ которыми онъ сложился, и затѣмъ, помирить множество противорѣчій и угадать истину. Ничего подобнаго на долю г. Безобразову не выпадало: сдѣлавъ себѣ нѣсколько ящиковъ, онъ спокойно могъ раскладывать по нимъ готовый и обработанный матеріалъ. Чтобъ слова наши не могли показаться голословными, возьмемъ, напр., учебные доходы. Въ подробной смѣтѣ по министерству народнаго просвѣщенія, г. Безобразовъ легко находилъ все, чтó ему было нужно въ эту рубрику доходовъ: суммы, получаемыя съ частныхъ воспитанниковъ въ пансіонахъ при гимназіяхъ, суммы сбора съ учащихся за слушаніе лекцій въ учебныхъ заведеніяхъ и проч. и проч.; но такъ какъ учебныя заведенія разсѣяны по разнымъ вѣдомствамъ и такъ какъ вѣдомства эти и департаменты этихъ вѣдомствъ очень хорошо извѣстны, то составитель могъ брать смѣту, напр., горнаго департамента и находилъ тамъ доходы по горному институту; по смѣтѣ мин. внутр. дѣлъ онъ легко отыскивалъ строительное училище, по смѣтѣ военнаго мин. военно-учебныя заведенія, и т. д. Налоги, т.-е. самыя крупныя цифры доходовъ г. Безобразовъ могъ цѣликомъ брать изъ отчетовъ госуд. контролера, гдѣ ясно указано ихъ качество. Затрудненія могли представиться только относительно мелочныхъ доходовъ, но и эти затрудненія настолько неважны, что объ нихъ слѣдовало не распространяться.

Если мы обращаемъ вниманіе на эту сторону работы г. Безобразова, то единственно потому, что мы вообще не можемъ смотрѣть дружелюбно на ту живопись, которая не жалѣетъ красокъ для того, чтобъ выставить какъ можно ярче свои заслуги. Г. Безобразовъ долженъ былъ отнестись съ уваженіемъ къ матеріалу, которымъ онъ пользовался, и не столько живописать мнимыя трудности своей работы, сколько благодарить тѣ условія, которыя дали ему возможность на свободѣ располагать такимъ богатымъ матеріаломъ. Кромѣ того, мы не можемъ дружелюбно смотрѣть на нѣкоторыя другія страницы предисловія г. Безобразова, на которыхъ онъ старается изобразить какую-то необычайность своей работы даже въ европейской литературѣ. Къ че-

му эти страницы? Къ чему эта постоянная забота о томъ, чтобъ читатели не подумали, что его работа очень проста и не головоломна?.. Каждая работа сама за себя говоритъ, и писатель долженъ ставить свое достоинство выше ненужнаго объясненія съ читателями о трудахъ, имъ понесенныхъ. Затѣмъ, помимо этой дозы ученаго самохвальства, трудъ г. Безобразова имѣетъ несомнѣнныя достоинства, какъ довольно удачная попытка группировать государственные доходы наши по научнымъ рубрикамъ.

Естественно, что и въ самой этой классификаціи дѣло не обходится безъ неполноты и натяжекъ, безъ положеній, которыя недостаточно мотивированы. Такъ, напр., г. Безобразовъ относитъ изданія II отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи къ предпріятіямъ промышленнымъ, а всѣ другія, періодическія и не-періодическія оффиціальныя изданія, къ предпріятіямъ, имѣющимъ государственныя цѣли. Это выдѣленіе изданій II отдѣленія не имѣетъ за собою твердыхъ основаній. Въ перечисленіи мелкихъ доходовъ есть неполнота. Говоря, напр., что „весьма крупный сборъ“ по „Правит. Вѣстнику“ не показанъ въ смѣтахъ за 1870-й г., но будетъ показываемъ впредь, согласно постановленію государственнаго совѣта, онъ называетъ сборы по губернскимъ вѣдомостямъ „мелкими“; но эти послѣднія весьма мало разнствуютъ отъ первыхъ: такъ, доходы „Правит. Вѣстника“ за 1869-й г. равнялись 170,089 р., за 1870-й г.—135,954 р. и за 1871-й годъ—150,592 р.; доходы губернскихъ вѣдомостей за 1868-й г.—равнялись 147,954 р., за 1869-й г. — 157,869 р., за 1870-й г. — 154,737 рублямъ; они составляли довольно значительную часть въ доходахъ губернскихъ типографій, съ которыхъ получено въ 1868-мъ году—569,998 р., въ 1869-мъ г. — 592,478 р. и въ 1870-мъ г.—673,431 р. Вообще доходы по ученымъ, литературнымъ и художественнымъ учрежденіямъ, заведеніямъ и изданіямъ выработаны у г. Безобразова весьма неполно, какъ и доходы по учебнымъ заведеніямъ. Театры и другія заведенія, подвѣдомственныя министерству двора, совсѣмъ не вошли въ роспись, составленную г. Безобразовымъ; не вошли въ нее также и учебныя заведенія вѣдомства императрицы Маріи, весьма многочисленныя; г. Безобразовъ говоритъ, что по спеціальнымъ средствамъ вѣдомства имп. Маріи никакихъ свѣдѣній не имѣется; но нашли же ихъ составители IV тома „Военно-Статистическаго Сборника“.

Всѣхъ доходовъ насчиталъ г. Безобразовъ 521,719,000 р., въ томъ числѣ общихъ 450,949,000 р. и спеціальныхъ 70,770,000 р. Главнымъ образомъ авторъ принимаетъ три рубрики доходовъ: 1) налоги, 2) государственно-промышленные доходы и 3) посторонніе источники государственнаго бюджета. Затѣмъ налоги онъ подраздѣляетъ на прямыя подати съ лицъ и имуществъ, косвенныя подати съ предметовъ по-

ребленія и пошлины и вознагражденія за особыя услуги государственныхъ учрежденій. Подраздѣленія эти весьма обыкновенны и настолько выработаны финансовою наукою, что думать надъ ними много не приходилось; то же относится и къ другимъ рубрикамъ, но у г. Безобразова можно найти длинное разсужденіе и объ этой трудности по обыкновенію лишенное ясности и опредѣленности, какъ почти все выходящее изъ-подъ пера его. Въ процентныхъ отношеніяхъ всѣ исчисленные г. Безобразовымъ сборы распредѣляются такъ:

Косвенныя подати съ предметовъ потребленія . .	$40,_5$%
Прямыя подати съ лицъ	$13,_9$ „
Имущественныя подати	6 „
Пошлинъ за особыя услуги государственныхъ учрежденій	4 „
Государственно-промышленные и въ тѣсномъ-смыслѣ (?) промышленные доходы	29 „
Посторонніе источники	$1,_7$ „

Но все это валовые доходы; г. Безобразовъ не сдѣлалъ главнаго въ исчисленіи доходовъ, то-есть не отдѣлилъ чистый доходъ отъ валового; такимъ образомъ у него почтовый доходъ значится въ 8,773,000 руб., тогда какъ на самомъ дѣлѣ почтоваго дохода не существуетъ. Въ заключеніи своей брошюры, г. Безобразовъ привелъ бюджеты земскихъ учрежденій, не потрудившись подвести подъ ними общіе итоги и не представивъ никакихъ процентныхъ или другихъ выводовъ. Есть основаніе думать, что въ этой послѣдней таблицѣ г. Безобразовъ такъ торопился, что не вѣрно дѣлалъ сложеніе. Такъ, сборы земскіе у него показаны въ пяти графахъ: 1) съ земель, 2) съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, 3) итого съ земель и съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, 4) съ торговыхъ свидѣтельствъ и питейныхъ патентовъ и 5) всего. Естественно думать, что послѣдняя графа „всего" заключаетъ въ себѣ сумму третьей и четвертой графы, а третья графа, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ нѣтъ прибавленія въ первыхъ двухъ графахъ „безъ губерн. сбора", итогъ двухъ суммъ, заключающихся въ первыхъ двухъ графахъ. Если это дѣйствительно такъ (а если не такъ, то г. Безобразовъ долженъ былъ оговориться), то наше, вышевысказанное предположеніе должно быть справедливо: такъ по Калужской губерніи сборъ съ земель 237,000 р., съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ 62,000 р. итого 299,000 р., у г. Безобразова— 292,000 р.; затѣмъ съ торговыхъ свидѣтельствъ по той же губерніи сбора 53,000 р., а въ графѣ „всего" стоитъ 644,000 р., тогда какъ 299,000 + 53,000 = 352,000 р.; подобная же ошибка по Новгородской губ. въ таблицѣ доходовъ, и по Пензенской и Саратовской—въ таблицѣ земскихъ расходовъ. Если читатель можетъ подумать, что мы упоминаемъ о мелочахъ, то г. Безобразовъ этого не можетъ подумать,

ибо онъ очень хорошо знаетъ, что цифра должна быть точна и не должна возбуждать никакихъ недоразумѣній, иначе ею нельзя пользоваться; а такъ какъ она находится въ строю другихъ цифръ, то и эти послѣднія возбуждаютъ недовѣріе.

„Матеріалы для статистики заводско-фабричной промышленности въ Европейской Россіи за 1868-й г.“ обработаны г. Бокомъ. Это большой томъ почти исключительно сырого матеріала, въ которомъ трудно осмотрѣться; г. Бокъ „обработалъ“ эти матеріалы поверхностно и расположилъ ихъ по системѣ не строго-обдуманной. Только карта, приложенная къ этому выпуску, даетъ нѣкоторую возможность получить наглядное понятіе о промышленности обработывающей; говоримъ „нѣкоторую возможность“, ибо карты „Военно-Статистическаго Сборника“ лучше и обстоятельнѣе, а карты г. Тимирязева („Статистическій Атласъ главнѣйшихъ отраслей фабрично-завод. промышленности“, 1 и 2 вып. 1870-го г.) далеко оставляютъ за собою и карты „Военно-Стат. Сборника“ и бѣдную карту, приложенную къ „Временнику“. Извѣстно, что статистика фабричнаго дѣла не только у насъ, но и въ Европѣ только въ зачатіи и самое утѣшительное, что̀ находимъ въ „обработкѣ“ г. Бока—это слѣдующія слова его: „въ неслишкомъ отдаленномъ будущемъ предстоитъ полная реформа въ Россіи какъ записей по обработывающей промышленности, такъ и способовъ собиранія о ней свѣдѣній“. Г. Бокъ, представляя итоги заводско-фабричной промышленности по губерніямъ, не представилъ общихъ итоговъ, находя вѣроятно эту работу слишкомъ утомительной: въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько часовъ пришлось бы посидѣть довольно прилежно. Мы серьезно посовѣтовали бы нѣкоторымъ гг. редакторамъ центральнаго статистическаго комитета поучиться добросовѣстности и умѣнью распоряжаться статистическимъ матеріаломъ у гг. офицеровъ главнаго штаба. Въ самомъ дѣлѣ, сравните, напр., статью „Мануфактурная промышленность“ (стр. 316—436), помѣщенную въ „Военно-Статист. Сборникѣ“, т. IV, съ этой массой сырья, будто бы „обработаннаго“ въ центральномъ статистическомъ комитетѣ г. Бокомъ. Тамъ, при недостаткѣ матеріала, собраннаго съ величайшимъ тщаніемъ и кропотливостью отовсюду, вы видите нѣчто стройное, вы присутствуете дѣйствительно при научной „обработкѣ“ матеріала, по системѣ строго обдуманной и наглядно расположенной; тамъ, при всей недостаточности матеріала, читатель получаетъ понятіе о заводско-фабричной промышленности Россіи по всѣмъ отраслямъ; здѣсь, въ этой яко бы „обработкѣ“ спеціальнаго статистика, вы не видите почти ничего, кромѣ первичной работы надъ цифрами и труда наборщика. Все свалено кое-какъ, на всемъ печать той статистики, которая является по щучьему велѣнью и, облекая въ званіе статистика человѣка не приготовленнаго къ тру-

дамъ подобнаго рода, даетъ ему право ставить слово: „обработано такимъ-то“...

„Обработано“—слово, въ приложеніи къ научнымъ трудамъ, переведенное съ нѣмецкаго. „Bearbeiten“—„обработать“; но bearbeiten гораздо вѣрнѣе переводится словомъ „переработать“, ибо bearbeiten — значитъ приготовить что-нибудь посредствомъ работы, привести что-нибудь въ надлежащій, потребный видъ; слѣдовательно, дѣйствіе похвальное. Напр., трудъ г. Безобразова о государственныхъ доходахъ — „обработка“ сырого матеріала и обработка въ нѣмецкомъ значеніи этого слова. У насъ же слово „обработать“ означаетъ дѣйствіе не совсѣмъ похвальное, напр. „обработать дѣльцо“, „обработать человѣка“ — вовсе не значитъ устроить какое-нибудь похвальное дѣло или въ какомъ-нибудь отношеніи усовершенствовать человѣка. Почти напротивъ, — обработать что-нибудь и кого-нибудь — значитъ ловко поступить, провести человѣка, сбыть не совсѣмъ красивую вещь за красивую. Въ этомъ смыслѣ, пожалуй, слово „обработано такимъ-то“ вполнѣ цѣлесообразно и въ приложеніи къ научнымъ трудамъ, и въ особенности къ труду г. Майкова: „Матеріалы для изученія кустарной промышленности и ручнаго труда въ Россіи“. На трудѣ этомъ, составляющемъ выпускъ 2-й, 2-й серіи „Статистическаго Временника“ напечатано: „Собраны (т.-е. матеріалы) губернскими статистическими комитетами и *обработаны* редакторомъ центральнаго статистическаго комитета Л. Майковымъ“. Въ чемъ же заключалась эта обработка? Что касается перваго тома (будетъ еще второй о той же промышленности), то она почти ни въ чемъ не заключалась, или лучше сказать она заключалась только въ томъ, что „матеріалы“, полученные центральнымъ статист. комитетомъ изъ губернскихъ статист. комитетовъ, посылались въ типографію, придерживаясь алфавитнаго порядка губерній, такъ послѣ Архангельской губ., Вологодская, потомъ Вятская и т. д. Согласитесь, что такая „обработка“ не особенно трудна, и ее въ состояніи совершить всякій мало-мальски грамотный человѣкъ. Г. Майковъ, въ предисловіи къ „Матеріаламъ“, не составляющемъ и 4-хъ страницъ, говоритъ, что въ первый томъ вошли труды губернскихъ статистиковъ „*почти* въ томъ видѣ, въ какомъ были доставлены, т.-е., безъ *значительной* переработки“; очевидно, тутъ слово „значительной“ поставлено для красоты слога, ибо немного выше тотъ же г. Майковъ, во-первыхъ, свидѣтельствуетъ, что „изъ числа доставленныхъ матеріаловъ нѣкоторые были присланы въ обработанной формѣ“, и эти нѣкоторые именно тѣ самые, которые между прочимъ вошли въ первый томъ сборника; во-вторыхъ, что „центральный статистическій комитетъ вполнѣ сознаетъ, что печатаемыя имъ обозрѣнія *не могутъ считаться удовлетворительными*, ни въ статистико-экономическомъ, ни въ техническомъ отношеніяхъ“, что они „не отдѣляютъ

производствъ, выработывающихъ на продажу, отъ производствъ, издѣлія которыхъ не распространяются далѣе круга мѣстнаго потребленія", что, наконецъ, „они смѣшиваютъ кустарное производство съ производствомъ, имѣющимъ характеръ фабричный". Но вѣдь всѣ эти недостатки печатаемыхъ матеріаловъ именно и представляютъ тѣ элементы, которыхъ должно было коснуться „обработкѣ"; но она ихъ не коснулась „по недостатку времени", какъ объясняетъ тотъ же г. Майковъ, вставившій для успокоенія читателей, немного ниже, „безъ значительной переработки". Въ этомъ предисловіи есть вещи еще болѣе курьезныя, еще болѣе недостойные того, что̀ носитъ на себѣ печать изданія ученаго. Говоря о томъ, что изъ нѣкоторыхъ губерній „Матеріалы" получены совершенно въ сыромъ видѣ, что они, поэтому, требовали пересмотра и дополненія, г. Майковъ продолжаетъ такъ: „Пособіями и матеріалами для дополненій служили главнымъ образомъ изданія губернскихъ же статистическихъ комитетовъ, также статьи, разбросанныя въ губернскихъ вѣдомостяхъ и *другихъ мѣстныхъ* періодическихъ изданіяхъ, и, наконецъ, *нѣкоторыя* новѣйшія описанія отдѣльныхъ мѣстностей или цѣлыхъ губерній". Признакъ всякаго порядочнаго научнаго труда заключается прежде всего въ указаніяхъ на литературу предмета, въ указаніяхъ не въ такихъ общихъ выраженіяхъ, какъ „другія" и „нѣкоторыя", а въ спискѣ названій сочиненій, въ оцѣнкѣ ихъ. Г. Майковъ нашелъ возможнымъ упомянуть только, что литература кустарной промышленности бѣдна и что, конечно, есть „нѣкоторыя новѣйшія" (почему же только „новѣйшія"?) описанія губерній, изъ которыхъ можно кое-что извлечь, но какія это описанія—составляетъ тайну г. Майкова. Г. Майковъ не подозрѣваетъ, что, умалчивая о матеріалахъ, онъ тѣмъ самымъ подрываетъ значеніе изданія своего и является „сочинителемъ", а не статистикомъ; быть только „редакторомъ Ц. Стат. Комитета" — еще не значитъ имѣть право на довѣріе; г. Майковъ ровно ничѣмъ такимъ не заявилъ себя въ литературѣ, что̀ давало бы ему право на особенное, безконтрольное довѣріе.

Начиная изданіе „Матеріаловъ для изученія кустарной промышленности", необходимо было пересмотрѣть всю литературу этого предмета и привести списокъ всѣхъ сочиненій; гдѣ же искать такого перечня частному человѣку, который рѣшился бы заняться этимъ предметомъ, какъ не въ спеціальномъ изданіи учрежденія, располагающаго массою печатнаго матеріала въ своей библіотекѣ и рукописнаго въ своемъ архивѣ. Или г. Майковъ воображаетъ, что всякое слово „Центр. Стат. Комитета"—законъ, а всякая компиляція „редактора" этого комитета — совершенство, не требующее повѣрки и пересмотра по источникамъ? У этихъ статистиковъ ex officio есть забавная манера не признавать ничего такого, что̀ не ихъ вѣдомства: есть

почтенный трудъ г. Корсака о кустарной промышленности, едва ли не первая попытка соединить въ одно цѣлое все то, что писано было объ этой промышленности въ разныхъ повременныхъ и неповременныхъ изданіяхъ; ему же принадлежитъ удачная научная постановка вопроса объ этой промышленности въ нашей экономической литературѣ; есть описанія губерній, сдѣланныя по порученію военнаго министерства, описанія, гдѣ на кустарное производство, въ видахъ потребностей военнаго министерства, обращено вниманіе; но все это не ихъ вѣдомства, а потому зачѣмъ объ этомъ упоминать? Гораздо спокойнѣе сказать „нѣкоторыя описанія“ и „бѣдная литература“...

Осуждая эту манеру, не совсѣмъ приличную въ научномъ изданіи, мы, однако, совершенно согласны съ Ц. Стат. Комитетомъ, который „полагалъ не безполезнымъ и своевременнымъ обнародовать собранныя по его инпціативѣ данныя“ о кустарной промышленности. Мы отдаемъ также справедливость г. Пудовикову, сотруднику г. Майкова, который, т.-е. г. Пудовиковъ, компилируя о кустарной промышленности въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, указалъ на нѣсколько источниковъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

„Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ Россіи и о русскомъ торговомъ флотѣ съ 1865-го по 1869-й годъ“ обработаны тѣмъ же г. Майковымъ. Нѣкоторая степень „обработки“ дѣйствительно есть въ свѣдѣніяхъ о частномъ русскомъ торговомъ флотѣ; но лишь нѣкоторая, не простирающаяся даже до общихъ итоговъ, которыхъ, очевидно, не любятъ дѣлать нѣкоторые редакторы Ц. Статистическаго Комитета. Состояніе нашего торговаго флота выражается въ слѣдующихъ цифрахъ за 1869-й г.: на Бѣломъ морѣ было 497 судовъ въ 13,174 ласта, на Балтійскомъ 312 судовъ въ 27,196 ластовъ, на Черномъ и Азовскомъ 1,776 судовъ въ 81,439 ластовъ и на Каспійскомъ 609 судовъ въ 21,176 ластовъ, всего 3,197 судовъ въ 142,985 ластовъ; да изъ этого бѣднаго количества надо еще исключить выбывшія изъ наличности: на Бѣломъ морѣ 6, на Каспійскомъ 3, на Черномъ и Азовскомъ 28, и на Каспійскомъ 11, итого 48. Что касается внѣшней торговли, то это не обработка, а первичная работа, простая выписка изъ „Видовъ Торговли“ и „Ежегодниковъ“ министерства финансовъ, сдѣланная по той же самой системѣ, которая принята этими изданіями.

Пятый выпускъ „Статистическаго Временника“ содержитъ въ себѣ общій обзоръ почтовой дѣятельности въ имперіи за десять лѣтъ, съ 1857-го по 1866-й годъ по пятилѣтіямъ, общій очеркъ телеграфной дѣятельности съ 1860-го по 1866-й г., свѣдѣнія о ярмаркахъ въ Россійской Имперіи и статистику пожаровъ. Интересъ представляютъ только пожары; все остальное крайне старо, въ особенности относительно телеграфовъ; тутъ мы сдѣлали въ нѣсколько лѣтъ громадные шаги, и свѣдѣнія за 1866-й г. могутъ служить только историческимъ

матеріаломъ. Впрочемъ, все это представлено тщательно и весьма выразительно.

Весьма почтенный трудъ составляютъ „Матеріалы для статистики рѣчнаго судоходства въ Европ. Россіи", собранные и обработанные г. Звѣринскимъ. Автору предстоялъ трудъ огромный, и онъ выполнилъ его необыкновенно старательно и разумно. Работа его распадается на двѣ части; въ одной общіе выводы изъ матеріала, въ другой — самый матеріалъ. Общіе выводы построены съ тѣмъ умѣньемъ и знаніемъ дѣла, которыя ясно говорятъ вамъ, что авторъ дѣйствительно работалъ надъ своею задачею, а не загребалъ жаръ чужими руками. Самые матеріалы, кромѣ статистики судоходства, представляютъ очень важный географическій матеріалъ о рѣкахъ европейской Россіи; одинъ перечень рубрикъ дастъ понятіе о богатствѣ этого матеріала: названіе рѣки; мѣсто и начало лѣсного сплава; мѣсто начало и окончаніе рѣчного судоходства; длина рѣки; ширина ея; глубина; высота уровня водъ надъ моремъ; среднее паденіе на версту; направленіе судоходства; періодъ судоходства; связь съ другими морскими бассейнами; пороги, мели, перекаты и другія естественныя препятствія; шлюзы, плотины, обводные каналы и различныя гидротехническія сооруженія. Затѣмъ слѣдуетъ: „Вскрытіе и замерзаніе рѣкъ Евр. Россіи въ 1859 — 1869 годахъ"; потомъ подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о судахъ и судоходствѣ. Трудъ г. Звѣринскаго не только имѣетъ большое значеніе въ географической и статистической литературѣ, но онъ отвѣчаетъ и чисто практическимъ, насущнымъ цѣлямъ для всѣхъ тѣхъ, кто занимается рѣчнымъ судоходствомъ, конечно при томъ условіи, если свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, вѣрны.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 31-го іюля 1872 года.

1. Выдано писателю, находящемуся въ бѣдности, 30 р.
2. Выдано 40 р. писателю, оставшемуся за прекращеніемъ одного журнала безъ работы.
3. Отклонены ходатайства: а) трехъ лицъ о пособіи, такъ какъ просители не удовлетворяютъ условіямъ, при существованіи которыхъ выдаются пособія отъ Общества, и б) одного лица о ссудѣ, такъ какъ никто изъ членовъ Комитета не принялъ на себя ручательства въ вѣрности возвращенія ссуды.

Отчетъ по казначейской части за май.

Къ 1-му маю значилось на приходѣ 63,140 р. 60 к., въ расходѣ 5,262 р. 10 коп.; итого на лицо 58,148 р. 50 коп.

Въ теченіи мая вновь поступило 668 руб., израсходовано 1,392 р., въ остаткѣ на лицо къ 1 іюня 57,424 руб. 50 коп. Статьи прихода: годовыхъ взносовъ отъ 21 члена Общества—250 р., единовременныхъ (пожизненныхъ) взносовъ отъ 4 членовъ общества—400 р., пожертвовано: г. Андреяновымъ—8 руб., неизвѣстнымъ 10 руб. Статьи расхода: на пенсіи 8 лицамъ или семействамъ — 552 р., единовременно выдано 12-ти лицамъ 685 руб., на воспитаніе издержано 155 руб.

Въ кассѣ на лицо: процентными бумагами 53,140 р., на текущемъ счету 4,199 р. 50 к.; наличными деньгами въ казначействѣ 85 руб. Всего 57,424 р. 50 к.

Списокъ членовъ Общества, внесшихъ платежи въ кассу въ теченіи мая 1872 г.

За 1872 годъ: Барчъ, И. М.—10 руб.; Жемчужниковъ, В. М. 10 р.; Кондратьевъ, Г. П.—10 р.; Креницынъ, А. В.—10 р.; Сущовъ, Н. Н. —10 р.; Зыковъ, С. П.—10 р.; Половцовъ, В. А.—10 р.; Пещуровъ, М. А.—10 р.; Сальковъ, А. Н. — 10 р.; Розенблюмъ, М. К.—20 р.; Пущинъ, Н. И.—25 р.; Скальковскій, К. А.—10 р.; Посьетъ К. Н.—10.; Неклюдовъ, Н. А. — 10 р.; Коршъ, Е. Ѳ. — 10 р.; Колбасинъ, Е. Я. —10.; Лугининъ, Ѳ. Н.—10 р.; Третьяковъ, П. М. 25 р.; Басистовъ, П. Е. 10 р.; Гарткевичъ, К. М.—10 р.; Львова, княжна Е. В.—10 р. **Пожизненно**: Потѣхинъ П. А., Золотаревъ А. Г., Урусовъ князь А. И., и Жадимеровскій М. И.—каждый по 100 руб.

Засѣданіе комитета 14-го августа 1872 года.

1. Отклонены ходатайства: двухъ лицъ о пособіи, такъ какъ просители не удовлетворяютъ условіямъ, при которыхъ выдаются посо-

бія, и одного лица о ссудѣ, потому что никто изъ членовъ комитета не принялъ на себя ручательства за возвращеніе ссуды.

2. Выдано 50 рублей вдовѣ писателя, находящейся въ бѣдности.

3. Выдано 40 рублей писателю въ пособіе на изданіе его сочиненія.

4. Выдано 25 рублей писателю на уплату сдѣланнаго имъ долга.

5. Выслано въ канцелярію совѣта с.-петербургскаго женскаго Патріотическаго Общества 49 руб. 69 коп. за содержаніе въ школѣ воспитанницы общества.

II. Подписка на памятникъ Пушкина.

(Отъ высочайше утвержденнаго комитета *).

А. За время съ открытія, въ апрѣлѣ 1871 г., дѣйствій комитета по 1-е апрѣля текущаго года поступило		31,414 р. 91 к.
Затѣмъ въ теченіи апрѣля доставлено:		
а) наличными деньгами	626 р. 81 к.	
б) квитанціями главнаго, губернскихъ и уѣздныхъ казначействъ	1,358 р. 66½ к.	
		1.985 р. 47½ к.
	Итого . .	33.400 р. 38½ к.
По подпискѣ 1860 года, прежде собрано и находится въ государственномъ банкѣ съ процентами		18,254 р. —
	Всего по 1-е мая 1872 года . . .	51,654 р. 38½ к.

По сборнымъ книжкамъ въ апрѣлѣ поступило:

Отъ ярославскаго губернскаго воинскаго начальника 25 р. 36 к., отъ управляющаго люблинскою контрольною палатою 15 р., отъ директора училищъ Олонецкой губерніи 43 р. 35 к., отъ управляющаго тверскою контрольною палатою 3 р., отъ управляющаго казенною палатою и акцизными сборами Нижегородской губерніи 520 р. 77 коп., въ томъ числѣ: отъ Семена Ипатова 10 руб., отъ З. Любимова 10 р. и отъ А. М. Богословскаго 10 р.; отъ управляющаго ростовскою конторою государственнаго банка 266 руб., въ томъ числѣ: отъ Яновича 10 р.; отъ ректора харьковскаго университета 44 р. 14 к., въ томъ числѣ отъ В. Кочетова 10 р. Отъ М. Л. Королева 100 р., въ томъ числѣ: отъ М. Королева 50 р., отъ А. В. Андреева 10 р., отъ И. Л. Королева 10 р. Отъ управляющаго сѣдлецкою казенною палатою 42 р. 39½ к., отъ управляющаго владимірскою контрольною палатою 3 р., отъ олонецкаго губернатора 68 р. 96½ к. Отъ начальника Псковской губерніи 110 р., въ томъ числѣ: отъ М. Коханова 10 р. Отъ управляющаго сарапульскою удѣльною конторою 14 р., отъ управляющаго таврическою казенною палатою 149 р. 97 к., отъ начальника калишскаго таможеннаго округа 132 р. 40½ к., отъ Х. Х. Мейена 198 р. 27 к. (въ числѣ этихъ денегъ, а также въ числѣ 1,000 р., доставленныхъ г. Мейеномъ до 1-го апрѣля 1872 г. и показанныхъ въ прежнихъ отчетахъ, заключаются пожертвованія: отъ Пахомова 20 р., отъ Ваг-

*) См. выше: іюнь, 907 стр.

терчика 30 р., отъ К. Конверъ 20 р., отъ Патрикѣева 10 р., отъ Д. Мартынова 25 р., отъ Елисѣева 25 руб., отъ М. Ратькова-Рожнова 25 р., отъ г. Марка 100 р., отъ Ангель 25 р., отъ М. Өедосѣева 10 р., отъ В. Линда 10 р., отъ Я. С. Полякова 100 р., отъ Б. Лившицъ 13 р., отъ Вольчанинова 10 р., отъ Рыбинскаго 10 р., отъ Мерсинесъ 10 р., отъ Горнова 10 р., отъ Шостакъ 10 р., отъ Таскина 10 р., отъ Знаменскаго 10 р., отъ Шикъ 10 р., отъ Е. Ф. Келлеръ 26 р. 55 коп., отъ Д. Ф. Кобеко 147 р. 85 к., въ томъ числѣ: отъ Г. К. Рѣпинскаго 10 р., отъ Д. Ф. К. 25 р., отъ костромскаго губернатора 45 р. 95 коп., въ томъ числѣ отъ В. Доргобужинова 25 р., отъ директора училищъ нижегородской губерніи 23 р. 55 к.

Кромѣ сего, помимо сборныхъ книжекъ, при особомъ объявленіи доставлено отъ командира 114 пѣхотнаго Новоторжскаго полка 4 р. 95 к. Итого 1,985 р. 47$^1/_2$ к.; всего по 1-ое мая 1872-го года собрано 51,654 р. 38$^1/_2$ к.

За время съ открытія въ апрѣлѣ 1871-го года дѣйствій комитета по 1-е мая текущаго года поступило: . . . . 33,400 р. 38$^1/_2$ к.

Затѣмъ въ теченіи мая и іюня доставлено:

	Руб.	К.	Руб.	К.
а) наличными деньгами	1,520	64		
б) квитанціями главнаго, губернскихъ и уѣздныхъ казначействъ	2,443	61$^1/_4$		
			3,964	25$^1/_4$
Итого			37,364	63$^3/_4$
По подпискѣ 1860-го года, прежде собрано и находятся въ государственномъ банкѣ съ процентами .			18,254	—
Всего по 1 іюля 1872 г.			55,618	63$^3/_4$

А. По сборнымъ книжкамъ въ маѣ и іюнѣ поступило:

Отъ управляющаго олонецкою казенною палатою 18 р. 19 к., отъ саратовскаго губернскаго предводителя дворянства 35 р. 60 к., въ томъ числѣ: отъ неизвѣстнаго 10 р. и отъ М. М. Рославлева 15 р.; отъ управляющаго казанскою казенною палатою 74 р., въ томъ числѣ: отъ П. Платова 10 р., отъ Н. Шайкина 10 р., отъ неизвѣстнаго 10 р., отъ директора училищъ Калужской губерніи 73 р. 12 к., отъ управляющаго калужскою казенною палатою 144 р. 58 к., въ томъ числѣ: отъ Евг. Кудрявцева 10 р., отъ А. П. Заблоцкаго 62 р., въ томъ числѣ: отъ Заблоцкаго-Десятовскаго 10 р., и отъ Н. И. Погребова 25 р.; отъ директора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства 15 р., отъ управляющаго акцизными сборами Вятской губерніи 18 р., отъ управляющаго сарапульскою удѣльною конторою 10 р., отъ пермскаго губернатора 18 р. 49 к., отъ М. Н. Островскаго 25 р., въ томъ числѣ: отъ М. Островскаго 10 р.; отъ М. Н. Любощинскаго 115 р., въ томъ числѣ: отъ Безакъ 10 р., отъ Шидловскаго 10 р., отъ Катера 10 р., отъ Абазы 25 р. отъ Н. Бенардаки 25 р., отъ К. Домантовича 10 р.; отъ Любощинскаго 10 р., отъ Серебрянаго 15 р., отъ А. Ф. Ромберга 13 р., отъ Е. Ф. Гана 50 р., въ томъ числѣ: отъ сенатора Н. А. Гернгросса 25 р., отъ А. Крузенштерна 34 р., въ томъ числѣ отъ Крузен-

штерна 10 р., отъ управляющаго акцизными сборами Костромской губерніи 164 р. 60 к., въ томъ числѣ: отъ К. Шидловскаго 10 р., отъ М. Доливо-Добровольскаго 10 р., отъ кн. Л. Вяземскаго 10 руб.; отъ инспектора классовъ с.-петербургскаго екатерининскаго училища 36 р. 30 к., отъ управляющаго государственными имуществами Смоленской губерніи 18 р. 50 к., отъ Н. И. Лаубе 28 р. 65 к. *), отъ В. Е. Энгельгардта 75 руб., въ томъ числѣ: отъ В. В. Жуковскаго 10 руб. и отъ Малкіеля 25 руб., отъ управляющаго государственными имуществами С.-Петербургской губерніи 26 р., отъ управляющаго вельскою удѣльною конторою 31 р. 50 к., въ томъ числѣ: отъ Н. Осипова 10 р.; отъ А. Д. Шумахера 140 р., въ томъ числѣ: отъ А. Шумахера 25 р.; отъ директора горнаго департамента 7 р. 20 к., отъ тамбовскаго губернскаго предводителя дворянства 50 р., отъ К. Д. Бенардаки 228 р., въ томъ числѣ: отъ барона А. Врангеля 25 р., отъ Н. Каралли 10 р., отъ И. Иконникова 10 р., отъ Шликина 10 р., отъ Н. Бенардаки 15 р., отъ К. Бенардаки 25 р.; отъ Салтыкова 10 р., отъ Кугинскаго 15 руб., отъ неизвѣстнаго 15 р., отъ Сафонова 15 р., отъ Н. П. Худякова 10 р., отъ Е. А. Строганова 15 р., отъ неизвѣстнаго 10 р., отъ А. Миронова 10 р., отъ А. Ѳ. Нумерса 125 р., въ томъ числѣ: отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михайловны 100 р., отъ А. Ѳ. Нумерса 15 р.; отъ дѣвицъ В. и Н. О. 10 р., отъ инспектора рязанской прогимназіи 14 р. 60 к., отъ директора молодечненской учительской семинаріи 33 р., отъ директора училищъ Смоленской губерніи 124 руб. 46 коп., въ томъ числѣ: отъ П. Якимова 10 р.; отъ управляющаго акцизными сборами Восточной Сибири 107 р. 34¼ к., отъ управляющаго лифляндскою казенною палатою 34 р. 70 к., въ томъ числѣ: отъ В. Грейга 10 р.; отъ управляющаго государственными имуществами Тамбовской губерніи 31 р. 85 к., отъ калязинскаго уѣзднаго предводителя дворянства 20 р. 55 к., отъ псковскаго городского головы 15 р., въ томъ числѣ отъ П. Калашникова 10 р.; отъ управляющаго акцизными сборами Варшавской и Сѣдлецкой губерній 25 р., въ томъ числѣ: отъ Семенова 20 р., отъ барона А. А. Гревеница 50 р.; отъ директора виленскаго раввинскаго училища 11 р. 48 к., отъ саратовскаго губернатора 52 р., въ томъ числѣ: отъ Х. Готовицкаго 10 р. и отъ Д. Лукашевича 10 р.; отъ вице-директора горнаго департамента 8 р., отъ управляющаго акцизными сборами Курской губерніи 404 р. 50 к., отъ костромскаго губернскаго воинскаго начальника 16 р. 87 к., отъ тульскаго губернатора 54 р., въ томъ числѣ: отъ Ю. К. Арсеньева 25 р. и отъ неизвѣстнаго 10 р.; отъ попечителя кіевскаго учебнаго округа 348 р. 95 к., отъ управляющаго вологодскою казенною палатою 130 р. 33 к., отъ главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири 36 р. 36 к., отъ правителя канцеляріи виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора 59 р. 20 к., въ томъ числѣ: отъ Бибикова 10 р.; отъ инспектора донскаго маріинскаго института 200 р., въ томъ числѣ: отъ О. Уважновой 25 р., отъ неизвѣстнаго 25 р.; отъ кн. Имеретинскаго 10 р., отъ неизвѣстнаго 10 р., отъ Рафальскаго 10 р., отъ могилевскаго губернскаго воинскаго начальника 1 р. 36 к., отъ управляющаго государственными имуществами Подольской губерніи 25 р. 41 к., въ томъ числѣ: отъ В. Костовскаго 10 р.; отъ директора

*) Сверхъ того, имъ собрано 21 р. 35 к., которые вошли въ прежніе отчеты.

горнаго департамента 30 р., отъ управляющаго тульскою контрольною палатою 25 р. 20 к., отъ тамбовскаго губернатора 10 р., отъ В. М. Безобразова 139 р., въ томъ числѣ отъ В. Безобразова 10 рублей.

В. При особыхъ объявленіяхъ въ маѣ и іюнѣ доставлено:

Отъ могилевскаго губернскаго воинскаго начальника 20 р. 12 к., отъ директора сибирской военной гимназіи 11 р., отъ козелецкаго уѣзднаго исправника 5 р. 69 к., отъ начальника 28-й пѣхотной дивизіи 7 руб. 68 к., отъ В. Я. Буняковскаго 5 р., отъ Н. В. Назарова 25 р. 35 к., отъ Н. И. Любимова 50 р., отъ управляющаго акцизными сборами Варшавской и Сѣдлецкой губерніи 156 р. 10 к., отъ начальника штаба виленскаго военнаго округа 13 р., отъ Н. Полетики 5 р. 35 коп., отъ новозыбковскаго уѣзднаго исправника 6 руб. 30 к., отъ могилевскаго губернскаго воинскаго начальника 2 р. 78 к., отъ директора училищъ Рязанской губерніи 10 р. Всего по 1-ое іюля 1872 г. собрано 55,618 руб. 66¾ коп.

III. Конкурсъ на проектъ памятника Пушкину.

Высочайше учрежденный комитетъ для сооруженія памятника Пушкину объявляетъ слѣдующее:

Съ высочайшаго разрѣшенія избрано для возведенія памятника Пушкину мѣсто въ Москвѣ, на оконечности Тверского бульвара, примыкающей къ Тверской площади, противъ Страстного монастыря.

Вслѣдствіе того комитетъ открываетъ конкурсъ на составленіе проекта памятника, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Проектъ памятника, имѣющій состоять изъ двухъ частей: 1) фигуры поэта во весь ростъ, и 2) пьедестала—долженъ быть представленъ не въ видѣ рисунка, а въ формѣ модели изъ гипса, глины или воска, причемъ размѣръ статуи въ модели полагается въ 8—9 вершковъ вышины, а соотвѣтственная величина пьедестала предоставляется усмотрѣнію художника. Размѣры памятника въ натурѣ будутъ опредѣлены впослѣдствіи.

2) Для руководства конкуррентовъ составленъ планъ мѣстности для сооруженія памятника. Оттискъ этого плана можно безденежно получить въ С.-Петербургѣ, въ IV отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, и въ Москвѣ—въ канцеляріи тамошняго опекунскаго совѣта.

3) Въ вознагражденіе художниковъ за модели, которыя будутъ признаны лучшими, назначается изъ жертвуемыхъ на памятникъ суммъ 5 тыс. руб., съ учрежденіемъ шести премій: 1) въ *тысячу пятьсотъ руб.*, 2) въ *тысячу руб.*, 3) въ *семьсотъ руб.* 4), 5) и 6) по *шестисотъ руб.* каждая, съ тѣмъ, однакоже, что 1-я премія выдается только въ томъ случаѣ, если составителю принятой модели не будетъ поручено самое исполненіе въ натурѣ.

4) Для разсмотрѣнія имѣющихъ быть представленными моделей, для опредѣленія ихъ относительнаго достоинства и цѣлесообразности, назначается, въ помощь комитету, особая коммиссія присяжныхъ, въ которую предположено пригласить гг. А. И. Резанова, Д. И. Гримма, М. П. Клодта, Чистякова, И. Н. Крамскаго и нѣсколькихъ скульпторовъ изъ тѣхъ, которые не будутъ участвовать въ открываемомъ конкурсѣ, чтó можетъ выясниться лишь впослѣдствіи. Этой коммиссіи

предоставляется, совокупно съ членами комитета, окончательно избрать къ исполненію проектъ статуи и пьедестала, хотя бы порознь изъ двухъ внесенныхъ на конкурсъ моделей.

5) Всякая получившая премію модель считается исключительною собственностью комитета.

6) *Пятнадцатое марта будущаго тысяча восемьсотъ семьдесятъ третьяго года* назначается крайнимъ срокомъ, къ которому модели должны быть представлены въ IV отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, причемъ художники могутъ сопровождать ихъ девизами, съ присоединеніемъ именъ своихъ въ запечатанныхъ конвертахъ, изъ которыхъ соотвѣтствующіе неодобреннымъ моделямъ будутъ сожжены въ присутствіи коммиссіи.

7) Исполненіе пьедестала въ натурѣ можетъ быть поручено художникомъ, избраннымъ для сооруженія памятника, подъ его отвѣтственностью, другому приглашенному имъ лицу.

Стоимость памятника, вмѣстѣ съ пьедесталомъ, не должна превышать *шестидесяти тысячъ рублей*.

ОПЕЧАТКА.

Въ іюльской книгѣ, на 233 стр., 1 строка сн. напечатано: Вегшейдера, вмѣсто Вашейдера.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — XXXVII-й ТОМЪ.

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ, 1872.

Книга девятая. — Сентябрь. стр.

Книга десятая. — Октябрь.

BULLETIN

de la librairie de CARL RICKER (Münx).

Perspective de Nevsky, № 14.

AMBROS, Die Grenzen der Musik und Poesie. II Aufl. — 1 r. 50 c.

BARLINS, Sittliche und sociale Zustände. — 25 c.

BERNHARDY, Grundriss der römischen Litteratur. V Aufl. 3 Bände.—6 r. 75.

BOHMERT, Der Socialismus und die Arbeiter in Frage. — 1 r. 50 c.

BRACHVOGEL, Der Fels von Erz. Roman. 4 Bände. — 9 r.

BRAUN, Ueber die Bedeutung der Entwickelung in der Naturgeschichte.—60 c.

BRUNNER, Der Humor in der Diplomatie und Regierungskunde des 18 Jahrhunderts. 2 Bände. — 7 r. 50 c.

EXNER, Die Austeller und die Austellungen. — 2 r. 10 c.

GRUNEST, Forstlehre. 2 Bände. — 3 r. 50 c.

HAECKEL, Schöpfungsgeschichte. III Aufl. — 5 r.

HERMANN, Das Frauenstudium und die Interessen der Hochschule Zürich.—20 c.

HORN, Bei Friedrich Karl. Bilder und Skizzen aus dem Feldzug der 2-ten Armee. 2 Bände. — 4 r. 50 c.

KLEIN, Geschichte des Dramas. IX Band. — 6 r.

KÖPKE, Kleine Schriften zur Geschichte, Politik und Literatur. — 5 r. 50 c.

LACKOWITZ, Berühmte Menschen. Musikalische Skizzen. — 2 r.

MASIUS, Luftreisen. — 4 r. 50 c.

MOHL, Encyclopedie der Staatswissenschaft. — 6 r. 50 c.

MÜLLER, Der Fall von Constanz. Roman. 3 Bände. — 6 r.

OTTO, Privatgeschichten der Weltgeschichte. VI Band. — 1 r. 50 c.

PAYEN, Handbuch der technischen Chemie. I Band. 3 Lfrg. — 2 r.

PETTENKOFER, Beziehungen der Luft zu Kleidung, Wohnung und Boden.— 1 r. 20 c.

ROLLET, Ueber die Erscheinungsformen des Lebens. — 20 c.

SCAMONI, Handbuch der Heliographie.— 4 r. 50 c.

SCHUCKING, Herrn Didiers Landhaus. Roman. 3 Bände. — 6 r. 75 c.

SMILES, Der Character, deutsch von Steger. — 3 r.

TESTE, l'Espagne contemporaine.—1 r. 40 c.

ULRICI, Compendium der Logik. II Aufl. — 2 r. 25 c.

VAMBERY, Geschichte Bochara's oder Transoxoniens. 2 Bande.—10 r. 50 c.

WINTERFELD, Narren der Liebe. Komischer Roman. 3 Bände. — 7 r. 50 c.

„РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ"

НА 1878 ГОДЪ

А. СУВОРИНА.

„РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ" на 1873 годъ—второй годъ изданія—значительно исправленъ и дополненъ; нѣкоторыя свѣдѣнія явятся въ немъ въ первый разъ. Такъ, между прочимъ, будутъ помѣщены: „**Практическія замѣтки о духовныхъ завѣщаніяхъ, о вводѣ во владѣніе и объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства**", статья одного изъ нашихъ юристовъ; „**Современники**" (біографическіе очерки современныхъ ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, музыкантовъ и проч.); „**Обычаи Петербургской Биржи**"; **Населеніе Россіи за 1870 годъ и движеніе населенія** (браки, рожденія и смертность) **за 1868—1870 гг.**; **Планы всѣхъ петербургскихъ и московскихъ театровъ**, и проч.

Объявленія принимаются въ конторѣ „Спб. Вѣд." (при книжн. магазинѣ Черкесова). Цѣна за стран. 20 р., 1/2 стран. 10 р., 1/4 стран. 5 р. Желающіе помѣстить объявленія впереди Календаря, передъ заглавнымъ листомъ, платятъ за стран. 30 руб., 1/2 стран. 16 руб. и 1/4 стран. 8 руб.

Цѣна „Русскаго Календаря": 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.; въ папкѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60 к.; въ переплетѣ 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. Съ требованіями обращаются къ Алексѣю Сергѣевичу Суворину, въ Спб., Вас. Ост., 15-я лин., д. № 8.

Выйдетъ въ первой половинѣ ноября текущаго года.

Прилагается особо: отъ кн. магазина Э. Мелье, для иногородныхъ, Каталогъ журналовъ и періодическихъ изданій на 1873-й годъ.

досугъ. Популярныя бесѣды съ политипажами въ текстѣ. *Э. А. Россмесслера.* Перев. съ нѣм. П. Андреевскаго. Спб. 1872. Стр. 560. Ц. 3 р. 50 к.

Нѣмецкое изданіе дѣйствительно популярно, именно потому его слѣдовало не переводить, только принять за образецъ и передѣлать, что-на русскомъ языкѣ книга пріобрѣла свою по-ярность и въ томъ обществѣ, для котораго начается переводъ. Конечно, передѣлка менѣе сивна, чѣмъ переводъ, но за то и услуга ея пнѣе. Нѣмецкій авторъ соединилъ въ одну ту отдѣльныя статьи изъ своего популярнаго тка: «Изъ отчизны». Потому тутъ нѣтъ ни-ой строгой системы: область естественныхъ къ преобладаетъ и переплетается наблюденія-надъ жизнью человѣка и его промышленною мственною дѣятельностью. Таковъ, напр., цѣ-отдѣлъ «Путь къ просвѣщенію», гдѣ въ формѣ ѣды изложены весьма интересно всѣ метаморф-ы, которыя испытываетъ тряпка, поднятая мусорѣ, до обращенія ея въ изящно напеча-ный листъ бумаги. Но польза этой прево-дной книги значительно уменьшается вслѣд-іе того, что въ ней, весьма естественно, всѣ дметы описываются подъ условіями герман-й жизни, знакомой и у насъ, но только ли-ъ, имѣющимъ болѣе, чѣмъ популярное обра-аніе. Вотъ потому по-русски книга уже не лько популярна, какъ въ оригиналѣ.

олѣтіе Родовспомогательнаго заведенія Императорскаго С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома. Спб. 1872. Стр. 163. Съ 12-ю приложеніями чертежей, таблицъ и проч.

Историческій очеркъ Родовспомогательнаго еденія составленъ ко дню столѣтняго его юби-, подъ редакціею директора заведенія, акаде-ка Крассовскаго. Родильный госпиталь и по-альный институтъ, соединенные теперь подъ щимъ названіемъ Родовспомогательнаго Заве-ія, существовали прежде отдѣльно. Этотъ пе-дъ ихъ исторіи, какъ объясняетъ предисловіе, могъ быть составленъ съ надлежащей полно-о, потому что трудно было добыть нужный ма-іалъ, и нѣкоторые документы такъ и не могли ть отысканы. Изложеніе позднѣйшаго періода нынѣшняго устройства Заведенія достаточно но. Книга издана роскошно, съ фасадами и анами зданія и т. п. Къ сожалѣнію, она пред-авляетъ не что иное, какъ оффиціальный «до-адъ» съ приложеніями, со всей безжизнен-стію доклада. Спеціалистамъ онъ не сообщитъ чего, не имѣя никакого отношенія къ наукѣ, для чтенія неспеціалистовъ онъ неудобенъ. аль, что почтенный г. Крассовскій не предпо-лъ ко дню юбилея самъ написать статистиче-о-врачебный обзоръ заведенія въ его нынѣш-мъ устройствѣ, предпославъ ему очеркъ исто-ческій, страницъ въ 10, на которыхъ удобно еглись бы всѣ тѣ изъ изложенныхъ въ книгѣ ктовъ, которые имѣютъ значеніе.

елеграфы и примѣненіе ихъ къ военному дѣлу Профессора Академ. ген.-шт. *С. С. Рехневскаго.* Спб. 1872 г. стр. 332, съ 270-ю рисунками въ текстѣ. Ц. 3 р.

Послѣ краткаго описанія телеграфовъ оптическихъ, и акустическихъ, г. Рехневскій даетъ полное руководство для ознакомленія съ устройствомъ и дѣйствіемъ телеграфовъ электрическихъ, излагаетъ теорію ихъ и объясняетъ всѣ наиболѣе употребительные аппараты. Какъ теоретическая, такъ и практическая стороны дѣла изложены съ полнотою и точностью, которыя не оставляютъ желать ничего лучшаго. Самостоятельный, дѣльный трудъ автора былъ бы замѣтенъ и въ иной литературѣ, чѣмъ наша, которая по этой части, какъ извѣстно, крайне бѣдна. Замѣчательно, что подобный трудъ не былъ предпринятъ кѣмъ-либо изъ чиновъ телеграфнаго вѣдомства; предполагаемъ, что въ немъ есть ученые спеціалисты, умѣющіе писать по-русски. Описаніе примѣненія телеграфовъ въ военномъ дѣлѣ составляетъ не болѣе трети книги, и само весьма интересно, излагая примѣненіе телеграфа отдѣльно въ каждой изъ войнъ, въ которыхъ онъ употреблялся, въ томъ числѣ и въ войнѣ 1870—1871 г.

Полный французско-русскій словарь, составленный *Н. Макаровымъ.* Ч. II. Н.—Z. Спб. 1872 г. стр. 550. Ц.

Это—окончаніе извѣстнаго труда, отличающагося главнымъ достоинствомъ словарей—полнотою. Полнота притомъ соблюдена составителемъ не только въ числѣ словъ, но и въ подборѣ большаго числа акцепцій. Въ приложеніи—перечень употребительныхъ во французскомъ письмѣ сокращеній и французско-русская метрологія. Очень полезенъ былъ бы составленный въ такомъ же размѣрѣ и порядкѣ словарь русско-французскій.

Труды Высочайше учрежденной коммиссіи для пересмотра правилъ о служебныхъ преимуществахъ и пенсіоннаго устава, т. I. Спб. 1872 г.

Книга эта — сброшюрованные вмѣстѣ печатные журналы коммиссіи съ печатными же записками по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ, которые подлежали разработкѣ. Главный предметъ здѣсь—вопросъ о пенсіяхъ. Коммиссія для пересмотра пенсіоннаго устава было учреждена въ концѣ 1866 г. Она разработала предметъ весьма обстоятельно при помощи такихъ ученыхъ, какъ В. Я. Буняковскій, К. С. Веселовскій и др.; многія изъ собранныхъ ею данныхъ и сдѣланныхъ ею выводовъ весьма любопытны. Главными цѣлями, къ которымъ она стремилась, были: возвышеніе пенсіонныхъ окладовъ и вмѣстѣ уменьшеніе государственнаго расхода по этому предмету. Расходъ этотъ собственно по гражданскому вѣдомству составлялъ въ 1869 году до $5^1/_2$ милл. р. Не знаемъ, въ какомъ положеніи находятся работы коммиссіи теперь. Послѣднее свѣдѣніе о нихъ въ настоящей книгѣ относится къ началу марта прошлаго года. Въ то время, предсѣдатель коммиссіи въ виду совершенно равнаго раздѣленія въ ней голосовъ по самому существенному вопросу, именно объ учрежденіи особой пенсіонной кассы на началахъ взаимнаго пожизненнаго страхованія, просилъ дальнѣйшихъ инструкцій министра финансовъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ
„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ"
ВЪ 1873-мъ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ТЬ КНИГЪ:

I. — **Въ С.-Петербургѣ:** 1) *Безъ доставки* на домъ—**15** руб. **50** коп. — 2) *С-ставкою* по городской почтѣ—**16** р.

II. — **Въ Москвѣ:** 1) Съ пересылкою *чрезъ книжный магазинъ И. Г. Соловьева*—**16** р. 2) Съ пересылкою *чрезъ Газетную Экспедицію*—**17** р.

III. — **Въ губерніи:** Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію **17** р.

IV. — **Заграницею:** За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію къ вышеупом-нутой цѣнѣ (17 р.) прилагается: a) **2** руб. — въ *Германію* и *Австрію*; b) **3** р. — въ *Бельгію, Нидерланды* и *Придунайскія Княжества*; c) **4** р. — во *Францію* и *Да-* d) **5** р. — въ *Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію* и *Грецію*; e) **6** р. — въ *Швейцарію;* f) **7** р. въ *Италію*.

1.—*ПОДПИСКА* принимается: a) отъ городскихъ подписчиковъ въ Глав-Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, въ С.-Петербургѣ, Невск. Пр., 30; b) Иногородные и иностранные высылаютъ по *почтѣ* исключи-тельно въ Редакцію (Галерная, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отче-ства, фамиліи и того *почтоваго мѣста*, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача га-зетъ и журналовъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ.

2.—*ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ Редакцію такъ, чтобы извѣщені могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстит Редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новы адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а Редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресс для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто преж-няго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногород-ные, прилагаютъ 1 р. 50 к.. а иногородные—въ городскіе 50 коп.

3.—*ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается пря-мо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Га-зетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно снестись съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе.—Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго ну-мера журнала; въ противномъ случаѣ, Редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.

Экземпляры 1872-го года разошлись всѣ по подпискѣ.